

ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ
ОТ
ТУРЕЦКОГО ИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
ИНСТИТУТ ЗА ИСТОРИЯ ПРИ БЪЛГАРСКАТА
АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
НАРОДНА БИБЛИОТЕКА
«ВАСИЛ КОЛАРОВ»

ПЪРВА СЕРИЯ
№ 100

**ОСВОБОЖДЕНИЕТО
НА БЪЛГАРИЯ
ОТ
ТУРСКО ИГО**

**ДОКУМЕНТИ
В ТРИ ТОМА**

ИЗДАТЕЛСТВО НА АКАДЕМИЯТА НА НАУКИТЕ НА СССР
МОСКВА 1961

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ
ОТ
ТУРЕЦКОГО ИГА**

**ДОКУМЕНТЫ
В ТРЕХ ТОМАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

ТОМ ПЪРВИ

ОСВОБОДИТЕЛНАТА БОРБА
НА ЮЖНИТЕ СЛАВЯНИ
И РУСИЯ

1875—1877

ПОД РЕДАКЦИЯТА НА:

доктора на истор. науки проф. С. А. Никитин
кандидата на истор. науки В. Д. Конобеев
член-кореспондента на БАН проф. Ал. К. Бурмов
кандидата на истор. науки Н. Т. Тодоров

ИЗДАТЕЛСТВО НА АКАДЕМИЯТА НА НАУКИТЕ НА СССР

МОСКВА 1961

ТОМ ПЕРВЫЙ

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
ЮЖНЫХ СЛАВЯН
И РОССИЯ**

1875—1877

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

*доктора истор. наук проф. С. А. Пикитина
кандидата истор. наук В. Д. Конобеева
члена-корреспондента БАН проф. Ал. К. Бурмова
кандидата истор. наук И. Т. Тодорова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК-СССР
МОСКВА 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восточный кризис второй половины 70-х годов XIX в. — явление огромного исторического значения. Широкое развитие национально-освободительной борьбы южнославянских народов, толчок которому дало восстание в Герцеговине близ с. Невесинье, со всей остротой поставило не только перед феодальной султанской Турцией, но и перед великими державами Европы вопрос о будущем народов Балканского полуострова. Борьба европейских дипломатов в целях разрешения кризиса, т. е. достижения некоторых изменений в положении угнетенных Турецкой империей народов, не привела к положительным результатам. У этих народов, хотя и находившихся на разных стадиях развития капитализма, шел процесс складывания наций. Поднимавшиеся нации выдвигали требования, содержание которых существенно отличалось от проектов «административной автономии», какую сулила им европейская дипломатия. К тому же среди великих держав существовали серьезные противоречия. Английская дипломатия ценой подавления народных движений южных славян стремилась к «умиротворению» на Балканском полуострове и укреплению позиции Турции. Австро-Венгрия, всего больше опасаясь создания крупного славянского государства, в котором она видела не только русский плацдарм на полуострове, но и преграду своим экспансионистским устремлениям, направленным на расширение своей территории за счет южнославянских областей, также не поддерживала Россию. Царские дипломаты понимали, что новый удар (после Крымской войны) по престижу России положит конец возможностям для нее влиять на народы Балканского полуострова и добиваться осуществления своих стремлений взять в свои руки «ключи от дома», т. е. черноморские проливы. Вот почему династический союз трех императоров не мог быть, с точки зрения интересов русских господствующих классов, пригодной дипломатической комбинацией для совместного разрешения вопросов, выдвинутых кризисом. Поэтому царская Россия не могла ограничиться бессодержательной дипломатической игрой и оказалась вынужденной выступить в поддержку освободительных стремлений южных славян. Нельзя не отметить, что и позиция третьего участника союза — Германии, заинтересованной в ослаблении мощи союзников, не укрепляла его.

Естественным исходом кризиса была русско-турецкая война 1877—1878 гг., в которой русская армия совместно с продолжавшими национально-освободительную борьбу народами Балканского полуострова разбила пятивековые оковы национального угнетения болгарского народа. Победа русского оружия, несмотря на противодействие «просвещенных» и «передовых» европейских государств, привела к воссозданию болгар-

ского государства, независимости ряда других балканских стран и освобождению от иноземного гнета территорий, ранее подвластных Турции.

В таком исходе войны огромную роль сыграл русский народ не только своим непосредственным боевым участием, но и большой материальной помощью, которую он оказывал национально-освободительной борьбе народов Балканского полуострова. Русскому народу, в отличие от господствующих классов, были чужды своекорыстные цели и расчеты.

Восточному кризису 1875—1876 гг., русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и ее последствиям посвящено немало крупных и незначительных изданий документов. Однако в силу различных причин они не освещают всех сторон событий 1875—1879 гг.

Самая крупная из существующих публикаций была издана в начале XX в. Военно-исторической комиссией Генерального штаба царской России. Это грандиозное по своим размерам издание («Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», т. 1—97, 1898—1911) широко использовало документы Главного штаба, штабов армий, отдельных воинских частей. В него входили журналы военных действий, отчеты отдельных воинских соединений, описание военных действий на отдельных фронтах, рапорты главнокомандующего действующей армией царю, телеграфная переписка между ними, материалы стратегического и тактического, интендантского и военно-инженерного и, в малой степени, внешнеполитического характера. Главная задача, которую поставили перед собой составители, заключалась в том, чтобы предоставить военному историку материал для изучения русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и облегчить использование ее опыта в целях совершенствования русской армии. Этим определялся подбор документов. Хотя попутно в публикации затрагивались отдельные стороны дипломатических отношений того времени, упоминалось об участии в событиях русского общества и некоторых частных моментах освободительной борьбы южных славян против турецкого ига, но все эти вопросы были отражены недостаточно. Поэтому при отборе документов для названной публикации многочисленные материалы некоторых военных фондов были оставлены в стороне, а привлечены лишь такие, которые освещали собственно военную сторону событий.

Одновременно Военно-историческая комиссия выпускала «Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» (т. I—IX. СПб., 1901—1913), публикуя в приложениях к нему отдельные документы военного характера. Кроме того, к «Описанию» было издано в секретном порядке и малым тиражом «Особое прибавление», состоявшее из шести томов (СПб., 1899—1911). Оно содержало основные дипломатические документы кануна войны (Берлинский меморандум, Лондонский протокол и др.), переписку, связанную с заключением Сан-Стефанского мирного договора (т. II), переписку Александра II с главнокомандующими вел. князем Николаем Николаевичем и генералом Тотлебенем (т. III), материалы, касающиеся плана войны (т. IV), донесения военных агентов (т. V), секретные бумаги Милютина (т. VI).

В то время как история войны широко отражена в публикации русского Генерального штаба, дипломатическая подготовка ее представлена значительно слабее, хотя в изданиях по истории войны были напечатаны отдельные международно-политические документы. Некоторые из них были обнародованы в период самих событий — в официальной русской газете «Правительственный вестник», в ежегодниках русского министерства иностранных дел¹ (где печатались не только важнейшие русские

¹ «Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1876, 1877, 1878», Saint-Petersbourg, 1876, 1877, 1878.

дипломатические акты, но и другие материалы, например отчеты о заседаниях Константинопольской конференции, протоколы Берлинского конгресса и др.), в английских «Синих книгах»², в аналогичных публикациях французского и австро-венгерского министерств иностранных дел³. Хотя в последующее время появились издания, дополнившие эти современные публикации, — мы имеем в виду широко известные серии, появившиеся после первой мировой войны⁴, и некоторые другие издания⁵, — дипломатическая история насыщенных событиями 1875—1879 гг. освещена все еще недостаточно, а русская внешняя политика — слабее политики других стран. Однако редколлегия настоящего издания не ставит перед собой задачу восполнения имеющегося пробела: это особая и самостоятельная задача. Материалы Архива внешней политики России вводились в сборник лишь для отображения отдельных моментов собственно балканских событий. Вопросы «большой политики» держав настоящее издание не освещает.

Существуют публикации документов, отображающие некоторые моменты освободительной борьбы южных славян 1875—1876 гг. Наиболее полно освещен кульминационный пункт борьбы болгарского народа — Апрельское восстание 1876 г. — в трехтомнике «Априлско въстание 1876» под редакцией проф. А. Бурмова (София, 1954—1956). Оно не исчерпывает всех источников по данному вопросу, а включает материалы, хранящиеся в настоящее время в государственных архивах Болгарии. В то же время эта публикация не содержит в себе тех документов, оригиналы которых были утрачены и известны теперь только в напечатанном виде.

Кроме того, имеются издания, относящиеся ко времени после Апрельского восстания, в которых затрагиваются отношения Болгарского центрального благотворительного общества (БЦБО) в Бухаресте с Россией, и славянскими комитетами в частности⁶. Однако даже при использовании материала самого БЦБО данные публикации не смогли вполне обрисовать болгаро-русские связи той поры.

Слабее документированы другие моменты борьбы балканских славян за свободу: септасьбрьское восстание 1875 г. в Болгарии, восстание в Боснии и Герцеговине, сербско-турецкая и черногоро-турецкая войны. Единичные документы о восстании в Боснии и Герцеговине вошли в состав обзора «Устанак у Босни од 1875 до 1878 год» (Нови Сад, 1884), выпущенного вслед за событиями. Их дополняют документы о Невесинском восстании⁷ и мемуарная литература по истории сербско-турецкой войны.

² «Accounts and papers. State papers» [«Blue books»], vol. 81—83, 84, 90—92. London, 1876—1878.

³ «Documents diplomatiques. Affaires d'Orient 1875—1877», Paris, 1877; «Archives diplomatiques», Paris; «Aktenstücke aus den Korrespondenzen des K. u. K. Ministeriums des Äussern über orientalische Angelegenheiten («Rotbücher»)», Wien, 1878.

Мы не останавливаемся на современных событиях дипломатических фальшивках, как «Les responsabilités». Janvier 1877. 2-me édition corrigée et augmentée, Constantinople.

⁴ «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette», Bd. 2. Der Berliner Kongress und seine Vorgeschichte, Berlin, 1922; «Documents diplomatiques français», 1 série, t. II, 1. VII 1875—31. XII 1879. Paris, 1930.

⁵ «П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878». Предисловие В. М. Хвостова. «Красный архив», 1933, т. 4 (59); «Русско-германские отношения. Секретные документы», М., 1922; A. P r i b r a u r. The secret treaties of Austria-Hungary. Harvard, 1921, vol. I—II; «Сборник договоров России с другими государствами». Составила И. В. Козьменко, М., 1952; «Unprinted documents Russo-British relations during the Eastern crisis. Ed. by R. W. Seton—Watson—Slavonic review 1924—1926», vol. 3—4.

⁶ «Документи по българското възраждане. Съобщава Н. Чехларов». «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXII—XXIII, София, 1906—1907; Д. У с т а - Г е н ч е в. Документи за историята на последния Български централен революционен комитет в Букурещ. «Известия на историческото дружество в София», кн. VII—VIII, София, 1928.

⁷ «Споменица о Херцеговачком устанку 1875 године», Београд, 1928.

При значительном количестве воспоминаний участников событий и работ полуисторического-полумемуарного характера документальных публикаций о сербско-турецкой войне крайне мало⁸. Мы не останавливаемся здесь на мелких материалах, помещавшихся в периодической печати.

Из других событий времен русско-турецкой войны получило известное освещение в опубликованных материалах создание и формирование болгарского ополчения. Еще в 1904 г. генерал Н. Р. Овсяный в приложениях к своей книге «Болгарское ополчение и земское войско» (СПб., 1904) напечатал несколько документов о начале формирования ополчения.

В недавнее время Исторический отдел болгарского Генерального штаба предпринял издание публикации, специально посвященной истории болгарского ополчения и земского войска⁹. Вышедшие два тома содержат разнообразные документы, касающиеся как формирования, снабжения, обучения ополчения, так и его боевой деятельности в начальный период войны. Существенным недостатком томов является то, что в них включены лишь материалы той части архива, которая находится в Болгарии, где сохранились преимущественно копии, черновики, частично не имеющие дат или попорченные. Документы по этому вопросу, хранящиеся в советских архивах, публикаторами при их работе не учитывались. Редколлегия не ставила своей задачей публикацию всех материалов об ополчении. В то же время она не обходит и этот вопрос.

Важное место в истории периода, отображаемого в настоящей работе, занимает деятельность Русского гражданского управления в Болгарии. Ее освещают напечатанный Н. Р. Овсяным «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—1879 гг.» (вып. 1—6, СПб., 1903—1907). В нем опубликованы различные положения, определявшие деятельность тех или других отраслей администрации в Болгарии (городских и окружных советов, казначейств, судебных советов, земского войска, полиции, лечебных учреждений), штаты и отчеты органов управления, переписка русского комиссара А. М. Дондукова-Корсакова с военным министром Д. А. Милютиным, послом в Константинополе А. Б. Лобановым-Ростовским, руководителями министерства иностранных дел, переписка, связанная с подготовкой Тырновской конституции, некоторые другие материалы.

Как видно из сказанного, этот сборник содержит законодательные акты и переписку по общеполитическим вопросам и почти не характеризуют деятельность Гражданского управления.

Изданные Муратовым «Документи за дейността на русите по уредбата на гражданското управление в България от 1877—1879 год.» (София, 1905) частично дублируют публикацию Овсяного. Но они содержат инструкции русскому комиссару в Болгарии А. М. Дондукову-Корсакову, его отчеты, переписку с русским военным министром, послом в Константинополе, государственным канцлером и другими официальными лицами по общим вопросам деятельности Гражданского управления, относительно борьбы болгарского народа против решений Берлинского конгресса, организации управления Восточной Румелии и др.

Русскому гражданскому управлению в настоящем томе уделяется немного места. В основном оно будет освещено в последующих томах.

⁸ Библиографическую сводку работ, изданных до 1940 г., см.: И. С. Павлов и Н. Дучич. Из доба 1875—1878. Београд, 1940. Собственно военным событиям посвящена кн.: Н. Дучич. Борба добровољачког кора Ибарске војске и усташких чега Јаворског кора 1876, 77 и 78 год.». Београд, 1881. «Гласник српског ученог друштва», II од., књ. XIII. Немногие вопросы международно-политического характера отражены в переписке Ф. Христича и И. Ристича («Писма Филипа Филипа Христића Јовану Ристичу», Београд, 1953).

⁹ «Българското опълчение», т. I, II, София, 1956—1959.

Знакомство с состоянием опубликованных документов показывает, что при наличии значительной массы вошедших в научный оборот материалов ряд существенных для понимания происхождения и хода войны вопросов не получил достаточного освещения.

Предпринимая настоящее издание, Институт славяноведения АН СССР и Институт истории Болгарской АН не ставили целью ни заменить им предшествующие издания, ни повторить уже существующие. Задача сводилась к тому, чтобы восполнить некоторые важные пробелы в существующих публикациях документов. Центральным вопросом всего издания является освобождение Болгарии от турецкого ига. Оно теснейшим образом связано как с предшествовавшей войне освободительной борьбой болгарского народа и народов Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории, так и с помощью русского народа. Однако невозможно и нецелесообразно было бы пытаться отображать на страницах данного тома всю историю освободительной борьбы южных славян. Документальный состав архивов СССР и НРБ не представляет достаточной для такой публикации базы. Материалы советских архивов характеризуют позицию русского правительства, активность разных групп русского общества, но не содержат достаточных данных для освещения внутренних отношений в Боснии и Герцеговине, подготовки там восстания и т. п. Участие Сербии и Черногории в событиях 1875—1878 гг. освещается в материалах, исходивших от официальных представителей царского правительства в тех странах, при которых они были аккредитованы. Само положение этих лиц не могло не привести к известной ограниченности их информации. Вот почему, несмотря на то, что составителям сборника удалось отобразить некоторые моменты вооруженной борьбы повстанцев Боснии и Герцеговины, участие сербских и черногорских войск в войне с Турцией (редколлегия не предполагает дать полный показ вооруженной борьбы на Балканском полуострове), не получили удовлетворительного освещения многие стороны внутренних событий в этих странах. И все же настоящее издание отчетливо показало тесную связь между событиями в Боснии и Герцеговине, с одной стороны, и Болгарии, Сербии, Черногории — с другой, отразив сотрудничество южнославянских народов в освободительной борьбе периода Восточного кризиса 70-х годов. Подробнее других освещены отношения и связи между Россией и Болгарией, что вытекало из основной задачи издания, а также связи России с Боснией и Герцеговиной, Сербией, Черногорией.

Главной темой настоящего тома является раскрытие не столько правительственной политики России по отношению к южным славянам, сколько общественных между ними связей. Составители тома исходили при этом из того соображения, что вопрос об отношении разных классов, разных общественных групп русского общества к событиям, русско-болгарские, русско-сербские и тому подобные связи в период, непосредственно предшествовавший русско-турецкой войне, в существовавших до сих пор изданиях не отражены.

Между тем для истории событий того времени, для предыстории войны указанные отношения представляют, как свидетельствует материал тома, чрезвычайно большое значение, в частности вопрос о русских добровольцах в Сербии, их роли в событиях (эти события до сих пор в документальных изданиях не освещены). Шире и разностороннее, чем во всех предшествующих публикациях, показаны общественные связи России и Болгарии, болгарское добровольческое движение в Сербию и участие болгарских добровольцев в сербско-турецкой войне. Именно эта группа вопросов и составила основную тему первого тома и определила название данного тома: «Освободительная борьба южных славян в 1875—1877 гг. и Россия».

Подбирая материал по истории связей русского общества с южными славянами, составители сборника, конечно, не могли в то же время обойти

допрос о позиции русского правительства, его отношении к общественному движению. Поэтому в сборник введен ряд документов, отображающих и эти вопросы.

Ставя себе целью осветить отношение различных слоев русского общества к событиям 1875—1877 гг., редколлегия хотела выяснить позицию не только буржуазно-дворянской общечности, но и революционных кругов. Действовавшие в условиях нелегальности революционные организации оставили мало документов по тематике сборника. Об их славянских связях мало данных содержится и в донесениях полиции, которая интересовалась главным образом антиправительственной деятельностью и пропагандой народников. Материалы полицейских архивов бедны сведениями о связях отдельных народников юга России с болгарской революционной эмиграцией. Поэтому редколлегия сочла необходимым для более полного раскрытия позиции революционных групп включить в издание некоторые статьи из революционной печати, издававшейся за границей, ставшие в настоящее время библиографической редкостью.

Показывая отношение русского общества к современным событиям на Балканском полуострове и связи России с южными славянами, материал тома отображает как события в Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, так и деятельность болгарских, сербских и других общественных организаций. В связи с этим в сборник помещены основные документы, характеризующие деятельность и позицию русских славянских комитетов, Болгарского центрального благотворительного общества, Болгарского человеколюбивого настоятельства, благотворительных комитетов в Белграде, Цетинье и т. п.

Составляя данный том, редколлегия стремилась не помещать уже изданные материалы. Она включила в него неопубликованные документы и лишь в отдельных случаях вводила необходимые для понимания тех или иных вопросов опубликованные ранее источники. Их насчитывается лишь 26, тогда как в томе печатается 460 документов.

Хронологические рамки первого тома приняты следующие: от начала событий в Боснии и Герцеговине летом 1875 г. до 12 апреля 1877 г., дня объявления войны между Россией и Турцией. Последующие тома посвящены периоду войны 1877—1878 гг. и организации Болгарского государства после Берлинского конгресса.

Настоящая публикация освещает многие вопросы, которые не отображены во всех предшествующих изданиях. Новым является показ широкого сочувствия русских крестьян, рабочих, служащих, интеллигенции освободительной борьбе южных славян. Об этом ярко говорят материалы полицейских донесений. Они убедительно показывают несостоятельность взгляда, будто все движение сочувствия южным славянам затрагивало только верхушечные слои русского общества. Они же свидетельствуют о том, что отношение русского народа к событиям на Балканском полуострове, поддержавшего эту борьбу материально, было проявлением искренних симпатий к освободительной борьбе братских народов.

Впервые документально раскрывается позиция славянских комитетов, органов, руководимых дворянскими славянофильско-панславистскими кругами, их отношение к восстанию в Боснии и Герцеговине, освободительной борьбе болгарского народа, сербско-турецкой войне. Эти документы показывают как своекорыстные расчеты, которыми руководствовались комитеты в своей деятельности, так и помощь, какую они предоставляли южным славянам (денежная поддержка беженцам из Боснии и Герцеговины, медико-санитарным организациям в Сербии, Черногории, а также восстанию в Боснии и Герцеговине, вооруженной борьбе болгарского народа и т. д.). Достаточно полно дается и картина отношений болгарских организаций, в частности Болгарского центрального благотвори-

рительного общества, и славянских комитетов. Следует особо отметить, что включенные в издание болгарские документы обогащают его, позволяя ознакомиться с работой местных болгарских комитетов по вербовке добровольцев, с планами руководителей комитетов и понять, как создавалось сближение и сотрудничество болгарских либерально-буржуазных деятелей БЦБО с русскими дворянско-панславистскими руководителями славянских комитетов.

На страницах данного тома впервые в истории нашло освещение русское добровольческое движение в Сербию. Документы характеризуют социальную среду, дававшую добровольцев, мотивы, ведшие их в Сербию, показывают совместные действия русских и болгарских добровольцев. Исследователь в то же время получает возможность установить отличие мотивов действия в Сербии дворянского командования добровольческими отрядами от стремлений рядовых добровольцев.

Отношение русских революционных групп к событиям на Балканском полуострове до сих пор характеризовалось почти исключительно на основе материалов периодической печати. В данном издании помещены интересные письма С. Степняка-Кравчинского, раскрывающие мотивы поездки революционеров в Боснию и Герцеговину, их отношение к происходящим событиям и т. д.

Ценным материалом являются донесения русских консулов в южно-славянских областях Балканского полуострова и посла в Константинополе, дающие немало конкретных сведений о развитии событий.

* * *

Для подготовки первого тома публикации были обследованы материалы 72 архивных фондов в архивах СССР и свыше 60 фондов в Болгарской Народной Республике. В работе по выявлению документов участвовали две группы историков — советская и болгарская, обследовавшие каждая архивы своей страны.

Советская группа работала в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ), Государственном историческом архиве Ленинградской области (ГИАЛО), Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБС-Щ); были использованы также материалы Архива внешней политики России (АВПР). Кроме того, при помощи Главного архивного управления были получены выявленные работниками государственных архивов документы из фондов исторических архивов Украинской и Грузинской ССР, архивов Краснодарского и Ставропольского краев, Одесской, Ростовской, Оренбургской, Крымской, Куйбышевской и Николаевской областей.

Болгарская группа обследовала материалы Архивного отдела БАН (А БАН), Центрального государственного исторического архива Архивного отдела МВД (ЦДИА) и Болгарского исторического архива при Народной библиотеке им. В. Коларова (НБВК — БИА). Основные документы почерпнуты из последнего хранилища.

Обследованы материалы учреждений и лиц, связанных в той или иной степени с проблематикой тома. Наиболее важными для данного издания явились: коллекция Военно-ученого архива (ф. ВУА), Центрального государственного военно-исторического архива, фонды III отделения

собственной е. и. в. канцелярии, а также фонды Московского и Петербургского славянских обществ (комитетов). Коллекция Военно-ученого архива, а также его отдельные коллекции широко использованы при составлении тома. Из них извлечены подлинные документы переписки главнокомандующего действующей армией с царем и военным министром. Они отражают политику России на Балканском полуострове и отношение правительства к судьбам Болгарии. В коллекции ВУА сохранились документы Русского гражданского управления в Болгарии и материалы о русско-болгарских связях. Из фондов III отделения, хранящих материалы политического сыска, в издание включены донесения губернских жандармских управлений, характеризующие отношение разных классовых и национальных групп России к событиям на Балканском полуострове, и некоторые следственные материалы.

Широко использованы документы Московского и Петербургского славянских комитетов, принимавших непосредственное участие в организации денежных и вещевых сборов, в вербовочной кампании по посылке добровольцев в Сербию, в связях с болгарскими комитетами, а также с благотворительными организациями в Сербии, Черногории, Боснии и с Международным комитетом помощи боснякам и герцеговинцам. Эти документы являются ценным материалом для освещения тематики данного сборника. Следует, однако, иметь в виду, что критическое чутье историка должно различать массовое движение сочувствия южным славянам, организуемое славянскими комитетами, и самую деятельность последних, окрашенную панславистскими стремлениями. О деятельности славянских комитетов находим много ценных фактов в личных архивах деятелей комитетов: И. С. Аксакова, А. И. Васильчикова, М. Г. Черныяева и др.

Важные материалы извлечены из Архива внешней политики России, преимущественно из следующих фондов: Канцелярия МИД и Главный архив. Донесения русских консулов из разных пунктов Балканского полуострова и посла в Константинополе содержат ряд важных сведений о положении в Болгарии, о деятельности болгарских революционных комитетов, равно как и о дипломатической истории того времени и о переговорах, ведшихся русскими представителями в Турции и в европейских странах.

Публикуемые документы прежде всего отражают отношение русского общества к освободительной борьбе южных славян, русско-болгарские связи, а также связи России, прежде всего общественные, с другими южными славянами, позицию русского правительства, санитарную помощь России Сербии и Черногории (отчеты и переписка уполномоченных Общества попечения о раненых и больных воинах в Белграде и Цетинье), деятельность русских госпиталей и их работу в период сербско-турецкой войны.

Большое число документов в обследованных фондах отражает широкое движение по сбору пожертвований в пользу народов Балканского полуострова среди различных слоев русского населения — крестьян, рабочих, интеллигенции, купечества, — а также отправку добровольцев на средства славянских комитетов и частных лиц.

Из фондов III отделения взяты политические обзоры и сведения губернских жандармских управлений об отношении населения к событиям на Балканах, перлюстрированные письма различных лиц, касающиеся событий на Балканском полуострове и ожидаемой войны России с Турцией. Документы собственно военной истории, относящиеся к сербско-турецкой войне, к военным приготовлениям Турции, военной подготовке России, в сборник введены в минимальной степени. Из материалов министерства иностранных дел в сборник включены преимущественно те, которые характеризуют положение в южнославянских областях и позицию русского

правительства по вопросам, связанным с освободительной борьбой южных славян.

Сборник содержит документы разного происхождения — официального и частного, — исходящие от представителей различных социальных и политических групп. Такое разнообразие материалов позволит исследователю критически сопоставить сведения разных источников. Для облегчения критической работы явные неточности документов отмечены.

Из архивов Болгарии извлечены личные письма, документы болгарских революционных комитетов — БЦБО и местных комитетов, — их протоколы, письма и др. Материалы Болгарского центрального революционного комитета, Болгарского центрального благотворительного общества, название которого должно было замаскировать его политическое существо, местных комитетов или их членов, т. е. организаций нелегальных или полуполигальных, отличаются некоторыми внешними особенностями. Часть из них написана симпатическими чернилами и была расшифрована, часть дошла в черновом виде, ряд писем подписан псевдонимами. Многие источники оказались поврежденными. Данная группа документов потребовала значительной предварительной работы по изучению материалов.

Большинство публикуемых документов является подлинниками (писарский текст, подпись — автограф), часть — автографами (полностью написаны автором документа), некоторые — копиями (как правило, современными подлинникам), черновиками, канцелярскими отпусками.

* * *

Все документы публикуются на языке подлинников. Текст русских источников печатается с соблюдением правил современной орфографии и с сохранением особенностей языка документа. Болгарские и румынские документы публикуются по современной орфографии. Сербские источники издаются в орфографии подлинника. Явные ошибки и описки исправлены без оговорок. К документам на французском языке даны переводы на русский язык.

Отдельные документы, написанные болгарами или сербами по-русски, но содержащие ряд сербизмов и болгаризмов, печатаются с сохранением своеобразного стиля и языка.

Транскрипция географических названий и имен передается в основном согласно тексту документов; разночтения отмечены в указателе.

Восстановленные слова или части слов, утраченные или пропущенные в документе, заключены в прямые скобки. Утраченные и не восстановленные части текста обозначены тремя тире. Текст, подчеркнутый автором документа, выделяется курсивом. Отточия в тексте документов не оговариваются. Деление текста на абзацы в необходимых случаях дано составителями.

Документы в сборнике расположены в хронологическом порядке.

Заголовки для них даны составителями, в отдельных случаях сохранены заголовки документов, что оговорено в подстрочных примечаниях. Даты указаны по старому стилю. В источниках, датированных новым стилем или имеющих двойную датировку, даты указаны по старому и новому стилям. В недатированных документах предположительная дата определена составителями и обоснование датировки указано в подстрочных примечаниях.

Наименование чинов и титулов корреспондентов и адресатов в заголовках, как правило, опущено, а должностное положение указано лишь при их первом упоминании в заголовке.

Если документ публикуется неполностью, заголовок начинается словом «Из»; опущенный текст обозначается многоточием в квадратных скобках. Текст документов, не имеющий отношения к теме сборника, опускается без оговорок в подстрочных примечаниях. При публикации перлюстрированных писем, хранящихся в делах Департамента полиции, в виде выписок, отточия не указываются.

В легенде документа (ссылке на источники) указано место его хранения и отмечена подлинность. Здесь же дается ссылка на предшествующие публикации документа. Наиболее существенные разночтения с ранее опубликованными текстами отмечаются в подстрочных примечаниях. Примечания редакции обозначаются курсивом.

К сборнику приложены: указатель турецких терминов и слов, указатели имен и географических наименований, а также список использованных фондов. В именованном и географическом указателях в скобках даны разночтения имен и географических наименований, встречающиеся в тексте.

В именованном указателе биографические сведения приводятся главным образом для периода, отражаемого публикацией. В основу географического указателя положена русская транскрипция названий, принятая в 70-х годах XIX в. Для уточнения местонахождения населенных пунктов в России указываются уезд и губерния, а также современное административное их местонахождение; для Турецкой империи указываются санджак и вилайет. Для остальных населенных пунктов указана только страна. Общеизвестные географические названия даются без пояснений.

Определение состава тома и редактирование вошедшего в него материала произведено редколлегией в составе: с советской стороны — доктора исторических наук проф. С. А. Никитина, кандидата исторических наук доцента В. Д. Конобеева, с болгарской стороны — члена-корреспондента БАН проф. А. К. Бурмова, кандидата исторических наук Н. Т. Тодорова. Общее руководство по выявлению документов осуществлял В. Д. Конобеев в СССР, Н. Т. Тодоров — в Болгарии.

В выявлении документов с советской стороны участвовали: от Института славяноведения АН СССР — Н. В. Зуева, Е. П. Наумов, кандидат исторических наук К. Л. Струкова, А. А. Улуян, кандидат исторических наук Н. И. Хитрова, Е. М. Шатохина; от ЦГВИА — Н. С. Богдановская, В. А. Ефремов; от ГАУ — Д. Д. Райкова. В областных архивах (исключая ГИАЛЮ) работа производилась работниками государственных архивов. С болгарской стороны в выявлении документов участвовали от НБВК—БИА К. Н. Каратеодорова, Б. Т. Петкова.

В обработке документов участвовали: Н. В. Зуева, Е. П. Наумов, К. Л. Струкова, Д. Ф. Поплыко, А. А. Улуян, Н. И. Хитрова, Е. М. Шатохина, Р. Е. Альтшуллер, В. М. Хевролина, К. Н. Каратеодорова, Б. Т. Петкова.

Археографическая обработка документов осуществлена под руководством Р. Е. Альтшуллер.

В составлении комментариев участвовали: с советской стороны — Н. П. Данилова, М. М. Залышкин, В. Г. Карасев, И. В. Козьменко, В. Д. Конобеев, Е. П. Наумов, С. А. Никитин, К. Л. Струкова, Н. И. Хитрова, И. В. Чуркина; с болгарской стороны — А. К. Бурмов, К. Н. Каратеодорова, Н. Т. Тодоров.

Переводы с французского языка выполнены [Н. Г. Федотовой] и отредактированы И. В. Козьменко.

Общее руководство по подготовке тома осуществлялось доктором исторических наук С. А. Никитиным.

ДОКУМЕНТЫ
1875 год

№№ 1—77

№ 1

1875 г. марта 4(16). — Донесение русского консула в Рагузе
А. С. Ионина директору Азиатского департамента МИД
П. Н. Стремоухову о растущем недовольстве населения
Герцеговины колонизаторской политикой Турции

№ 40

Raguse

Monsieur le directeur!

En transmettant aujourd'hui à votre excellence les rapports de notre vice-consul à Mostar* je crois devoir les accompagner de quelques mots d'explication de ma part.

Bien que l'Herzégovine ne soit pas dans le cercle officiel de mes observations, l'agitation sourde qui y règne en ce moment me fait le devoir de suivre avec un intérêt particulier les événements qui s'y produisent. Malheureusement il nous est très difficile, sous le feu croisé des informations contradictoires, de dégager une appréciation exacte des faits et de la situation et votre excellence daignera appercevoir qu'à Mostar on n'est presque mieux renseigné.

Je pourrais cependant, sans risque d'être trop inexact, dire ici en traits généraux, que, abstraction faite des idées et des tendances dont l'influence ne peut pas être niée, les causes palpables et immédiates des troubles en Herzégovine doivent être attribuées aux abus criants des percepteurs des impôts dans les districts de Né vessinje et de Stolac.

Cette affaire date depuis déjà plusieurs mois¹. N'ayant pu rien obtenir par leurs plaintes aux autorités de Mostar et de Sérajewo, les habitants de Né vessinje refusèrent tout bonnement de payer les impôts et plusieurs d'entre eux se réfugièrent au Monténégro². L'on croyait d'abord généralement que l'administration emploierait la force contre ces récalcitrants, mais elle tardait à le faire et le mouvement commencé dans quelques villages de Né vessinje n'a pas tardé à se propager. C'est ainsi que dernièrement les habitants de plusieurs villages près de Stolac se sont enfuis aussi dans les montagnes à l'approche des percepteurs de la dîme.

Enfin, en dernier lieu, les agents de l'administration ont résolu de faire une incursion dans ces villages. Ils ont pu saisir une vingtaine d'individus qu'ils ont amenés dans les prisons de Stolac, mais la masse des habitants n'a pas été atteinte, vu qu'elle se cachait dans les montagnes couvertes

* Не обнаружены.

de neiges presque infranchissables. D'autres disent que ces gens se cachent sur la frontière du Monténégro. A Stolac, entre les individus arrêtés et les zaptiés se produisit une rixe, dans laquelle un chrétien fut tué et quelques uns, paraît-il, blessés.

C'est ici qu'il est important d'examiner la manière d'agir du gouvernement. Notre agent rapporte que c'étaient des zaptiés qui avaient effectué l'arrestation des individus en question, mais tous les renseignements que j'ai eus, et entre autres provenant même du consulat de Turquie à Raguse concordent à dire que l'administration est restée spectatrice impassible de ce qui se faisait et que c'étaient des bandes de musulmans indigènes qui se rendirent spontanément dans ces villages pour mettre à la raison leurs rayas. Mr Slavolubow me le dit aussi dans sa lettre particulière.

Or, si cette dernière version était vraie, la situation n'en deviendrait que plus alarmante. Un fait pareil ferait voir que le gouvernement, loin de vouloir comprimer l'agitation dans son début, favoriserait au contraire son développement par son inaction d'abord et puis en excitant la haine aiguë entre les musulmans et les chrétiens dans le but peut-être d'avoir un prétexte plausible pour employer des forces et des mesures extraordinaires contre ces derniers.

Une manière d'agir pareille s'accorderait bien avec tout ce qui se fait actuellement en Turquie. En prévision d'une lutte probable avec chrétiens l'administration tâche de se faire des musulmans des alliés non seulement sûrs mais encore implacables contre les chrétiens. Les fanatiser, les encourager à des actes arbitraires, mettre un abîme entre eux et la société chrétienne — paraît une tendance qui se fait sentir partout. En outre, une manière d'agir pareille rentre dans les habitudes administratives et le caractère de Derviche-pacha³, gouverneur actuel de la Bosnie, homme le plus retors, le plus immoral peut-être de toute la Turquie officielle.

Quand il n'était pas encore en Bosnie il cherchait par tous les moyens illicites de fomenter des troubles sur la frontière du Monténégro, et tout le monde connaît déjà que son but-nique est de créer ici une révolution, une guerre, pour obtenir le commandement supérieur des forces turques et tout ce qui s'en suit.

Evidemment il atteindra ce but très facilement en restant en apparence impassible et même tolérant envers les chrétiens et en excitant contre eux la société musulmane elle-même. Le gouvernement lui-même se ménagerait ainsi une raison politique très présentable pour sévir contre les chrétiens mécontents sans trêve ni merci le jour où les choses se compliqueront définitivement. Il défendrait alors les intérêts légitimes et l'existence de la société musulmane menacée par l'esprit révolutionnaire des rayas.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect de votre excellence le très humble serviteur

A. Ionine

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 747, лл. 43—45. Подлинник.

Перевод

Рагуза

Господин директор!

Посылая вашему превосходительству донесения нашего вице-консула в Мостаре, я счел своим долгом присоединить к ним некоторые объяснения со своей стороны.

Хотя Герцеговина и не находится официально в сфере моей деятельности, тайное движение, которое царит в настоящее время там, заставляет меня с особым интересом следить за происходящими там событиями. К сожалению, нам очень трудно под перекрестным огнем противоречивых сведений дать верную оценку событий и фактов, и

ваше превосходительство соблаговолит заметить, что в Мостаре осведомлены не лучше, чем мы.

Однако я мог бы сказать в общих чертах, не рискуя быть слишком неточным и отвлекаясь от идей и тенденций, влияние которых нельзя отрицать, что очевидными и непосредственными причинами волнений в Герцеговине являются возмутительные злоупотребления сборщиков налогов в районах Невесиња и Столаца.

Это дело тянется вот уже несколько месяцев¹. Не добившись ничего от властей Мостара и Сараева своими прошениями, жители Невесиња попросту отказались платить налоги, и некоторые из них скрылись в Черногории². Сначала вообще думали, что администрация прибегнет к силе в отношении этих упрямцев, но она опоздала сделать это, и движение, начавшееся в нескольких неवेशинских деревнях, не замедлило распространиться. Так, недавно жители многих деревень в районе Столаца также бежали в горы при приближении сборщиков десятины.

Наконец, представители администрации решились совершить налет на эти деревни. Они смогли захватить человек двадцать и привезли их в тюрьму Столаца, но основная масса населения оказалась недосягаемой: она скрывается в горах, покрытых снегом и почти непроходимых. Другие говорят, что эти люди скрываются на границе Черногории.

В Столаце между арестованными и заптиями произошла драка, в результате которой один христианин убит, а несколько, кажется, ранено.

В связи с этим важно рассмотреть действия правительства. Наш агент сообщает, что арест вышеупомянутых людей произведен заптиями, но все сведения, которыми я располагаю, и даже те, которые исходят от турецкого консульства в Рагузе, единодушно говорят о том, что администрация оставалась безучастным наблюдателем происходящего и что местные мусульманские банды внезапно напали на деревни, чтобы образумить райю. Г-н Славолубов сообщил мне об этом же в своем частном письме.

Итак, если эта последняя версия верна, то положение станет еще более тревожным. Подобный факт делает очевидным то, что правительство, далекое от мысли подавить волнение в самом начале, сначала, наоборот, содействовало его развитию своим бездействием, а затем разжигало жгучую ненависть между христианами и мусульманами, с тем, может быть, чтобы иметь потом благовидный предлог для применения силы и чрезвычайных мер против последних.

Подобные действия согласуются со всем тем, что сейчас происходит в Турции. В предвидении возможной борьбы с христианами власти стремятся превратить мусульман не только в верных союзников, но и в непримиримых врагов христиан. Превратить их в фанатиков, толкнуть на произвольные действия, создать пропасть между христианами и мусульманами — таково, по-видимому, стремление турецких властей, которое чувствуется повсюду. Кроме того, подобный образ действий присущ административным методам и характеру Дервиш-паши³, нынешнего губернатора Боснии, человека самого хитрого и, может быть, самого беспринципного во всей официальной Турции.

Когда Дервиш-паша еще не был в Боснии, он старался всеми недозволенными средствами возбудить волнения на границе с Черногорией, и все знают, что его единственной целью было вызвать здесь восстание, войну, чтобы стать верховным главнокомандующим турецких вооруженных сил и добиться всего, что отсюда вытекает.

Вероятно, он легко достигнет этой цели, оставаясь внешне безучастным и даже терпимым по отношению к христианам и подстрекая мусульман к выступлениям против них. Само же правительство сохранит за собой, таким образом, весьма солидный политический предлог для наказания недовольных христиан без пощады и милости, если дела окончательно осложнятся. Оно будет тогда защищать законные интересы и существование мусульманской части населения, которой угрожает революционное настроение райи.

С глубочайшим почтением имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

1. Первые крестьянские выступления в Герцеговине начались осенью 1874 г. в срезях Невесинье, Столац, Билеч и Требинье. Они заметно усилились в связи с событиями в Подгорице в октябре 1874 г. (см. прим. 2 к док. 2).

2. В Черногории находилось значительное число герцеговинских эмигрантов, бежавших от преследований турецкой администрации в конце 1874 г. В мае 1875 г. под давлением европейских держав Порты вынуждена была даровать им амнистию и право возвращения на родину. Вернувшись в Герцеговину, они приняли непосредственное участие в подготовке вооруженного выступления герцеговинского народа (102 *, стр. 41—44, 49—51).

3. Стремление А. С. Ионина искать причину волнений в Герцеговине в неудовлетворительной деятельности отдельных представителей турецкой администрации и, в частности, боснийского вали Дервиш-паши представляло своеобразную форму оправдания повстанцев перед русским правительством и обвинения Турции в дурном управлении, что было общепризнанным. Однако и здесь и в других своих донесениях Ионин давал более подробные изложения причин и характера восстания в Герцеговине и отмечал наличие там тяжелого налогового и религиозно-национального гнета (см. док. 5; ср. док. 2; прим. 5 к док. 5).

№ 2

1875 г. марта 14. — Донесение русского вице-консула в Мостаре Я. П. Славомолова русскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву о репрессиях турецких властей в Герцеговине и о подготовке населения Невесинья к восстанию

№ 28

Зима, не совсем спокойно прошедшая в Герцеговине, приносит в наследие весне смуты. По крайней мере местное народонаселение, как мусульманское, так и христианское, ждет с появлением, по местному выражению, *зеленых гор*¹ больших замешательств в Невесинском, Столацком и других кадилуках, прилегающих к черногорской границе.

Дабы показать, насколько основательны таковые опасения, поставляя себе долгом воспроизвести отчасти данные, известные уже в[ашему] пр[е]восходительств[у], отчасти же пополнить их новыми сведениями.

Тягости налогов и других бесчисленных поборов, вероятно, не довели бы еще народ, обыкновенно привыкший к пассивному несению своей несчастной доли, до открытого неповиновения власти в Невесинье, если бы не истожили его терпения бесправие суда и произвол сборщиков податей и других мироедов, обиравших народ, несмотря на прошлогоднюю неурожайность. Турецкое правительство, застигнутое движением врасплох, а равно озабоченное событиями в Подгорице², вынуждено было сделать некоторые уступки для умиротворения невесинцев. Так, оно сменило каймакама, удалило кыр-сердаря форта, запретило отнятие скота и сельских орудий в уплату податей и долгов. Но оно изменило своему обещанию оставить в покое зачинщиков движения, которые, заметив вероломство, бежали. Тем не менее народ, по-видимому, успокоился.

Но случилось вблизи селений Аргута, Дабара и Подкома, лежащих между Трусиною (возмутившимся невесинским селением) и Столацем, убийство мусульманина Муй-аги Бегмена — убийство, остающееся до сих пор загадкой и вызвавшее мусульманский фанатизм³.

Подобно требинским мусульманам, обложившим в 1872 г. Дужский монастырь, вследствие убийства кметом Бубалою требинского муфтия Цветича, сделан был, при первом известии об убийстве Бегмена, и столацкими мусульманами вооруженный набег на эти селения. К счастью, кровопролития не случилось, так как жители этих селений, предупредоленные о том, успели разбежаться.

* Здесь и далее, в примечаниях к документам, цифра соответствует порядковому номеру в списке литературы, помещенному в конце тома.

На зов столацкогo меджлиса жители селений отказались явиться в Столац для допросов. Вследствие того 1 февраля было совершено второе нашествие бин-башою со взводом заптий и с подкреплением до 300 мусульман, съехавшихся в Столац из Билеча, Требинья и Любинья. Они подошли в сумерки и сделали облаву. Но стерегшие стада заприметили осаждавших и дали тревогу выстрелами из ружей. Жители в темноте почной ударились в горы, где попрятались в сугробах снега, под которым некоторые едва не были похоронены вследствие обвалов. В этом набеге осаждавшим удалось захватить в Аргуте четыре человека.

Через несколько дней подобный же набег был повторен, и захвачено еще шесть христиан.

Наконец, сделан был четвертый и последний набег жандармами, без участия уже местных мусульман. На этот раз был ими схвачен в Аргуте один человек, по имени Дмитрий Муратович, но он не был доставлен в Столац, а убит ими на месте. Различно толкуют об этом убийстве. Если верить рассказам мусульман, то будто бы Муратович при арестовании извлек кинжал с ножнами, ударил одного заптия по голове и сделал шрам. Христиане же, напротив, уверяют, что он был безоружный, но что, вероятно, он выхватил кинжал у одного заптия и думал защищаться, другие же совершенно отрицают и этот факт, говоря, что он бросился бежать, его схватили и долго волокли по земле, потому что он упирался и не хотел идти. Тогда порешили его убить, тем более, что он был считаем мусульманами за самого опасного человека. Сказание христиан имеет более вероятия, ибо ни у одного заптия не оказывается какого-либо шрама на голове. На другой день бин-баша вывел из тюрьмы дядю убитого, по имени Илью Муратовича, сказав ему, что племянник его с кем-то подрался и чтобы он поспешил узнать, чем кончилась драка. Жена же убитого явилась с окровавленным платьем своего мужа в Столац и требовала возмездия за убийство.

Удовлетворив своей кровожадности, как заптии, так и местные мусульмане оставили в покое несчастливых райев. Взвод заптий вернулся в Мостар; мусульмане же хотя и навещают селения, но делают это больше с целью наблюдения за своим скотом и для взимания долгов и пр.

Таким образом, из-за несчастного убийства Муй-аги Бегмена совершено было четыре набега, в которые было захвачено десять человек и один убит. После второго набега дабарский ага, Мустай-бег Ризванбегович, увлек с собою в Столац двенадцать своих кметов, уверив их в совершенной безопасности, но, прибывши туда, выдал их местной власти, которая и заключила их в тюрьму. Мне доставлен поименный список всем 22 заключенным, из коих 6 из Аргута и 16 из Дабара и Подкома. Одному из них по имени Вуло Куличу удалось освободиться из тюрьмы посредством подкупа. Он вместе с 37 стол[а]чанами бежал в Черногорию.

Бин-баша, возвратившийся из экспедиции, был подвергнут допросу, на котором он объявил, что один из заптий убил Муратовича самовольно из пистолета; заптий же показал, что он сделал выстрел по приказанию бин-баша. Видно дело не совсем чисто, если справедливо то, что будто бы бин-баша подговаривал двух из своих подчиненных сделать легкий шрам на голове.

Для наблюдения за дальнейшим ходом событий в Невесинье и Столаце мною командировано доверенное лицо.

В Невесинье продолжает царствовать *наружное* спокойствие. Но гатацкие мусульмане — тановичи, муляны и звездичи — решились нарушить это спокойствие. Они заказали 200 черногорских костюмов и кап с целью подсылать к невесинцам переодетых своих агентов, которые бы, выдавая себя за черногорцев и тем снискав к себе их доверие, выведали

от них сокровенные мысли. Здешние друзья невесинцев, проведав о таком замысле, предостерегли их от расставляемой ловушки.

Таково положение дел в Невесинском и Столацком кадилуках. Что же касается до протеста коницких христиан, то каймакам, на злоупотреблении коего они жаловались, сменен и замещен Мустай-бегом Лакишичем, бывшим каймаком в Билече. От этой перемены христиане не только ничего не выиграли, но попали из огня в полымя, так как Лакишич, мостарский мусульманин, отличается большой нетерпимостью в отношении христиан.

Здесь у места будет сказать о том, как относятся к совершающимся событиям в Герцеговине мостарские мусульмане и христиане. Сулейман-бег Башагич, главный виновник невесинского движения, и брат его Аджи Дауд-бег Башагич, опасаясь ярости народной, бежали из Невесинья и живут в Мостаре. Мостарские мусульмане деятельно заняты исправлением ружей и пистолетов, острием кинжалов и ножей и литьем пуль. Этих приготовлений они не скрывают и как бы тем похваляются. Христиане же относятся пассивнее к событиям. Они не прерывают сношений с невесинцами, то принимая их у себя, то посылая к ним доверенных лиц, прислушиваются к их рассказам о надеждах на черногорскую помощь, направляют их и ждут не без тревоги появления весны.

Невесинцы, повторяю, по наружности спокойны, но и они делают приготовления, справляя оружие и закупая порох то в Мостаре, то в Далмации. Они говорят, что зулум (притеснения) до[в]ел их до того, что ничего им не остается, как поднять оружие. Если же не вспыхнет восстание, то они намерены бежать — кто в Черногорию, кто в Австрию. К тому же беглецы невесинские и столацкие, постоянно перебегая из Грахова, где они пребывают, поддерживают в своих соотчичах надежду на деятельную помощь со стороны Черногории.

Недовольство местной администрацией растет и в среде католических патеров. Недавно получено из Константинополя предписание о том, чтобы десятина взимаема была не только с новоприобретенной ими поземельной собственности, но и с земель, изъятых от десятины фирманом Магомета II. Предписание было объявлено патерам, которые изъявили готовность преклониться только пред султанским фирманом, которым бы уничтожался древнедарованный фирман.

Было бы, впрочем, преувеличением уверять, что с весною вспыхнет поголовное восстание в Герцеговине. У заговорщиков нет такого авторитетного лица, которое бы руководило ими. Сами же они едва ли способны на единоедушное восстание. Все, чего можно опасаться, это образование в герцеговинских горах чет.

Есть некоторое основание опасаться за нарушение спокойствия в Пиве. Выгнанный отсюда учитель Филиппович, родом пивянин, вместо того, чтобы ехать во Францию, как он всех и каждого здесь уверил, пробрался в Черногорию и проживает ныне в жупе близ Никшича. Мне донесли, что он был в Цетинье, где ему будто бы обещано место учителя в новоучреждаемой в Черногории школе. Не имея теперь определенного занятия, Филиппович, по своему легкомыслию и по ненависти к турецкой администрации, вынесенной им из Мостара, способен пробраться в Пиву и возбудить там народ, тем более, что в бытность свою здесь он весьма сочувственно относился к невесинскому движению. Его уже видели в Никшиче.

С глубочайшим почтением и пр.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 633, лл. 29—34. Копия.

1. «Зеленые горы» — местное выражение («чим се почела гора зеленити. . .»), обозначающее усиление деятельности гайдуков с наступлением весны.

2. 7 (19) октября 1874 г. в Подгорице христианин Перо Иванов убил главу местных мусульман Юсуфа-агу Крничя. В ответ на это турки устроили избиение христиан, во время которого было убито 27 черногорцев, прибывших в Герцеговину по торговым делам. Конфликт был разрешен благодаря вмешательству великих держав. Турция согласилась на проведение расследования смешанной черногоро-турецкой комиссией, которая вынесла обвинительный приговор туркам, принимавшим участие в подгорицкой резне (21, стр. 50—52, 80).

3. Муй-ага Бехмен, торговец и ростовщик из Столаца, был убит в первой половине января 1875 г. в селе Ргуд, Столацкого среза, куда он прибыл для сбора долгов. Турецкие власти в связи с этим арестовали нескольких ни в чем не повинных людей. Это послужило поводом для эмиграции населения Ргуда в Черногорию (102, стр. 43; 79, стр. 10).

№ 3

1875 г. апреля 26. — Донесение русского консула в Битоли В. А. Максимова Н. П. Игнатьеву о тяжелом экономическом положении крестьян в Битолийском вилайете

№ 55

Приниженность, беззащитность и положение, близкое к состоянию рабочего скота, сельского населения Турции — не новость. Все же я считаю долгом время от времени повергать на благоусмотрение вашего пре-в[осходитель]ства те частности, которыми в данный момент особенно ярко выражается это бедственное состояние христианских поселян района вверенного мне консульства.

Прошлая зима была для поселян особенно тягостна: сильные холода, продолжавшиеся до апреля месяца вплоть, истребили на весь Монастырский вилайет¹ не менее 20% мелкого скота прошлогоднего приплода и до половины приплода нынешнего года. Мне нет нужды вдаваться в подробности тех раздирающих сцен, которые происходили на битолийском базаре в январе и феврале месяцах, когда крестьяне-болгары, не имея средств кормить свой отошальный скот, с плачем отдавали его за бесценок местным кулакам. Однакож, чтобы выставить осязательнее количество потери, считаю не лишним помянуть, что стоимость в минувшем марте козьих и ягнячьих шкур на базаре в Битолии была 1 и 2 пиастра, тогда как их обыкновенная цена 4 и 6 пиастров.

Государство, не принявшее никаких санитарных мер для устранения этого бедствия, понесет убытку в нынешнем году от пошлин с прошлогоднего приплода в одном Битолийском санджаке не менее 700 тыс. пиастр[ов]; но особенно сильный недочет в его кассе окажется в будущем году, когда должен бы быть оплачен приплод нынешнего года.

Между тем с наступлением весны жители деревень должны были вновь выйти на работы на дорогах, которыми предполагается соединить центры страны с железною дорогою. Хотя по дестуру (турецким законам) можно требовать от жителей в год только четыре дня дарового труда, но уже в прошлом году они работали на правительство около месяца, оставаясь все время на своих харчах. Вдобавок их прошлогодний труд не пошел впрок вследствие непрактичности распоряжений генерал-губернатора Али-Саиб-паши, который, ради экономии, вверил главный надзор за работами своим адъютантам, неумелым в этом деле. Поэтому не удивительно, что, например, *soi-disant** шоссе, соединяющее Битолию с городом При-

* Так называемое (фр.).

лепом и считавшееся к осени окончешным, зимою оказалось непроездным от грязи и воды, затопившей на нем, как бы нарочно, мосты. Нынешний год на этой дороге опять работают даром те же люди, которые работали и в прошлом году.

В Ускюбском (Скопийском) санджаке, и именно в уездах: Скопийском, Кумановском, Кратовском, Штипском и Кочанском, к вышепомянутым бедствиям (то есть к усиленному в этих местах падежу скота и даровой принудительной работе) присоединился недостаток зерна для посева; хотя турецкое правительство, из опасения вполне потерять десятинный сбор, роздало в октябре и ноябре месяцах до 55 тыс. константинопольских кило, составляющих каждое, как известно, 20 ок (до 60 фунтов). Этой помощи для некоторых местностей оказалось так мало, что, например, голодающие жители шести деревень Штипского уезда скопом явились в половине марта месяца в Ускюб, требуя от мютесерифа хлеба и грозясь, в случае отказа, добывать его силою, где им случится найти.

В дополнение к этим данным, характеризующим бедственное состояние в экономическом отношении края, я должен прибавить, что с наступлением весны проявились затихшие зимою разбои. Так, 3 апреля в Флоринском уезде близ села Писодера в монастырь св. Троицы явилась шайка разбойников в 55 человек. Захватив с собою настоятеля помянутой обители и монастырскую прислугу, разбойники отправились на Касторийскую дорогу выжидать караван с путешественниками, возвращавшимися к св. Пасхе с заработков из Валахии, Константинополя и других мест. Ожидавший караван прошел на этот раз по другому пути, и вместо него поплатились своими кошельками и вещами 23 человека случайных путников, от которых одних денег разбойники отобрали до 500 лир. Генерал-губернатор, узнавший об этом 4 апреля, послал для преследования злодеев до 25 человек кавалерии; но войско вернулось в Битолию, никого не видевши. Замечательно, что, по известиям, полученным консульством, эта шайка отличалась некоторою организацией и имела при себе сигнальные рожки.

Около 15 апреля другими разбойниками была разграблена церковь в деревне Костенско Анасилицкого каймакамлыка; при этом несколько из поселян, хотевших защитить свой храм, поплатились жизнью.

Приведенные факты, убедительно говоря против турецкой администрации, не умеющей ни предупредить зло, ни во-время остановить его, а часто и не желающей этого сделать, делают излишними мои дальнейшие посильные из них выводы.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 142, лл. 25—28. Копия.

1. Согласно административному делению, введенному в Турции в 1864—1868 гг., вся империя делилась на большие территориально-административные единицы — вилайеты, которые в свою очередь подразделялись на санджаки, санджаки — на казы, а последние — на нахии. Монастырский, или Битольский, вилайет охватывал всю западную Македонию и часть Албании.

№ 4

1875 г. апреля 26, Письмо болгарских эмигрантов в Румынии Х. Иванова, Г. Петрова, М. Ништели и других члену Болгарского центрального революционного комитета воеводе П. Хитову в Белград о намерении переправить в Болгарию вооруженный отряд и с просьбой назначить командира отряда

Букурещ — Гюргево

С настоящего си кратко поздравяваме те всинца, господ [ин] П., господин Панайоте, български войвода.

Сега ние шестдесет души на оръжие и шестдесет без оръжие¹. И молиме те като баща, като майка да ни кажеш що правиме². Пратили сме Георги Лилов да те пита, какво ще ти да кажеш. Ние сега не знаеме що да правиме, има ли някой войвода да ни покажеш от твоите човещи³. Затова сме пратили, да се научиме. Ти си стар войвода [и] от тебе друг няма... * Искаме да тръгнем

Аз Стефан С - - **, Христа Иванов, Петър, Георги Петър, Миле Нищели***.

Помета П, Хитова: Прието год. 1875 мая 7.

НБВК — БИА, ф, II А 8320. Подлинник.

1. Собравшиеся в Бухаресте и Джурджеве 120 человек были болгарскими эмигрантами в Румынии. Под влиянием революционного подъема на Балканском полуострове, в том числе и в Болгарии в 1875 г., они организовались для того, чтобы перейти Дунай и вести партизанскую войну с турками (14, стр. 74—91).

2. После 1873 г., когда был казнен руководитель Болгарского революционного центрального комитета Васил Левский, центральной фигурой в болгарском национально-освободительном движении стал на известное время благодаря своим прежним заслугам воевода Панайот Хитов. Поэтому и авторы письма обращаются к нему за советом и готовятся исполнять его распоряжения.

3. Хитова просят, чтобы он указал, кого из близких к нему людей назначить воеводой для собранных 120 человек.

№ 5

1875 г. июня 25 (июля 7). — Донесение А. С. Ионина управляющему Министерством иностранных дел А. Г. Жомини о начале восстания в Герцеговине и об отношении к нему черногорского князя Николая

Cettigné

Monsieur le baron!

Quand le prince écrivait sa lettre au grand visir ¹ les complications brillantes n'étaient pas à prévoir dans un avenir immédiat. Au contraire le calme relatif paraissait vouloir donner un temps de répit que son altesse voulut utiliser pour renouer avec la Porte des relations moins tendues. Cependant l'Orient reste toujours la terre classique des surprises. Vouloir y faire

* Следует понимать, что нет другого воеводы, более старого и более опытного, чем Хитов.

** В подлиннике «Стева».

*** Фамилия написана нечетко; чтение допускает варианты.

quelque chose de stable, c'est s'assujettir à un travail de Sisyphe et je crois que cette fois encore la démarche du prince auprès de grand visir est destinée à se noyer dans les événements de l'Herzégovine.

Le prince fut très surpris en recevant la première nouvelle d'un mouvement aussi subit et général et s'en est trouvé dans une grande perplexité ². Moralement sa position est des plus difficiles vis-à-vis de son peuple, de ses coréligionnaires des environs, mais surtout aussi devant la diplomatie. La plupart des chefs qui commandent aujourd'hui les bandes armées des chrétiens en Herzégovine se trouvaient naguère à Monténégro parmi les émigrés et de l'autre côté — il y a un mois à peine que le prince présentait à Vienne son mémoire ³ où somme toute, il prévoyait ce qui arrive actuellement, — de là il n'y a pas loin à la déduction que tout ceci était arrangé par lui, qui pour mieux cacher son jeu jouait la victime.

Cependant le prince fut si peu dans le secret des chrétiens en Herzégovine que nous étions ici presque les derniers à savoir ce qui s'est passé dans cette province. Les chefs de ce mouvement paraissent même nourrir une certaine méfiance à l'endroit du Monténégro ils le boudent un peu.

L'on ne croyait pas ici qu'un mouvement pût éclater d'un moment à l'autre. On le savait toujours dans l'air, mais on comptait sur l'abaissement des chrétiens qui paralysait leur exaspération du joug devenant tous les jours moins supportables. Beaucoup de causes ont dû être accumulées pour rendre ces chrétiens aussi entreprenants.

La cause principale est sans doute dans l'état de choses intolérable en Turquie, dans l'avidité du fisc unie au chaos administratif, dans le fanatisme musulman flatté et encouragé par le gouvernement, mais peut-être le mécontentement aurait pu encore languir sans des causes subsidiaires.

Parmi ces dernières la principale est la conduite astucieuse de Dervich-pacha * qui voulait visiblement arriver à un conflit, ainsi que j'ai l'honneur de le signaler plusieurs fois dans mes rapports. Tout en paraissant ne vouloir pas agir, il encourageait les musulmans indigènes, il sanctionnait toutes les déprédations qu'ils faisaient, il permettait que toute l'administration, tous les tribunaux tombassent en leur pouvoir au point de rendre absolument nul le rôle des fonctionnaires nommés par le gouvernement, enfin il lassait les chrétiens s'agiter et s'en aller au Monténégro.

On ne peut pas nier non plus que les encouragements venant du dehors n'aient pas eu leur part d'influence dans ce mouvement. Le séjour des chrétiens à Monténégro et la manière dont ils sont retournés n'étaient faits pour abattre leur courage, mais c'est surtout l'agitation qui règne en Serbie et dans les provinces slaves de l'Autriche-Hongrie qui devait à la longue avoir une influence sur la conduite du peuple en Turquie.

J'ose dire aussi avec tout le respect qu'un pareil sujet doit inspirer que même le voyage de sa majesté l'empereur d'Autriche-Hongrie en Dalmatie avait involontairement pour résultat de relever l'esprit des chrétiens en Herzégovine ⁴. C'est ici qu'on voit cette terrible impasse où notre position se trouve placée en Orient. D'un côté notre désir de la paix rassure les turcs et donne libre cours à leurs penchants naturels devant lesquels les chrétiens auraient dû s'abaisser et s'anéantir complètement pour ne pas secouer l'édifice artificiel de l'empire Ottoman et de l'autre côté nous ne pouvons pas avoir la force morale de renier nos sentiments envers ces chrétiens, sentiments qui maintiennent leurs espérances, qui les empêchent de s'avouer battus, qui leur donnent la force de s'offenser quand on les offense, sentiments, par conséquent qui sapent la base même sur laquelle la paix en Orient peut être assurée tant que la Turquie en sera l'expression. Sa majesté François-Joseph ne pouvait ne pas être ému à la vue de la misère intolérable

* См. прим. 3 к док. 1.

des chrétiens d'une province voisine de ses états et rien que cette émotion, venant surtout d'un empereur d'Autriche, suffisait certainement de donner aux chrétiens un espoir décevant et à coup sûr funeste pour eux.

Quant au caractère du mouvement nous sommes ici encore privés de renseignements pour pouvoir en juger⁵.

On sait ici à peu près certainement que les districts de Névéssiné, Stolac, Gatzko, Trébigné, quelques uns disent, celui de Mostar et de Konitza, près de Sarayévo sont en état d'insurrection. Un accord et un commandement se fait apercevoir chez les insurgés. Ils n'ont nul part attaqué les musulmans et se bornent à occuper les montagnes par les bandes armées en demandant un commissaire auquel ils auraient pu adresser leurs plaintes et leurs demandes, ainsi que mr Nélidoff me l'a fait savoir par dépêche d'hier. Les districts voisins du Monténégro, où les musulmans ne se trouvent point ou bien se trouvent en très petit nombre, sont tranquilles⁶ ce qui prouve que le mouvement est surtout provoqué par des abus du fanatisme musulman, puisque si sa source était dans une tendance politique, les districts voisins du Monténégro en auraient certainement pris l'initiative, étant plus aguerris et plus libres dans leurs mouvements.

Suivant les renseignements certains, la dernière goutte qui fait déborder le verre fut l'assassinat par les turcs à Névéssinje et dans les environs de quatre chrétiens dont un est de ceux qui étaient au Monténégro et l'autre un homme marquant, membre chrétien du medjlis de Névéssiné⁷. Ensuite on raconte avec assurance que l'autorité de Stolac avait permis aux musulmans du pays de sacager la poudrière de cette ville. Devant ces assassinats et devant cet armement des musulmans, encouragés par les autorités, les chrétiens se seraient décidés de ne plus tarder de s'armer et de gagner les montagnes.

Les catholiques du district de Trébigné prennent part à l'insurrection.

Il est aussi difficile de prévoir ce qui peut résulter de ce mouvement. Isolés et voyant l'attitude presque impassible non seulement du Monténégro, mais aussi des districts sans la coopération desquels l'insurrection ne peut exister en Herzégovine, les chrétiens peuvent encore se soumettre, surtout si le commissaire, que sur les ordres de la Porte Dervich-pacha doit envoyer chez eux, tâchait de ne pas les exaspérer ce qui est difficile de prévoir puisque c'est Dervich-pacha qui doit donner des instructions à ce commissaire. Dans le cas contraire, s'ils sont attaqués, ou si d'une autre manière l'effusion du sang commence, ils doivent être battu ou fuir de nouveau à Monténégro et en Autriche.

Mais il est à craindre, s'ils résistent ou si le succès accompagne leurs premières rencontres avec les turcs, que les districts encore tranquilles, ne prennent part à la lutte, en entraînant alors les monténégrins eux-mêmes.

Le prince est plus qu'édifié sur sa situation politique et comprend que le seul moyen pour lui d'échapper à des malheurs c'est d'assujettir ses actes aux désirs des ses protecteurs. Les intentions de résister aux débordements des passions vont peut être même au-delà de ce que pratiquement il lui serait possible de faire. Mais d'un autre côté il est pénétré de la conviction que perdre le prestige du Monténégro serait le livrer à la première occasion pieds et poings liés à la merci des turcs. La politique pacifique lui réussissait jusqu'à présent et gagnait les suffrages de ses sujets sensibles aux marques de bienveillance dont leur prince était honoré de la part des plus puissants monarques de l'Europe, mais il ne faut pas oublier que jusqu'à présent il n'y avait question que du Monténégro lui-même. Le prestige de ce genre ne suffira peut être pas devant une insurrection des chrétiens des provinces voisines qui fait revivre la grande question.

Ces sentiments sont partagés ici par tout le monde, mais la discipline est profonde au Monténégro, je crois pour le moment qu'il puisse être

инопинемет entrainé. D'ailleurs on ne se rend pas encore exactement de ce qui se passe.

Le prince a pris des mesures pour redoubler la surveillance sur les frontières et pour faire parvenir aux insurgés des conseils qui s'ils étaient suivis auraient pu peut-être limiter le mouvement. Il leur a fait conseiller d'attendre l'arrivée du commissaires, d'éviter l'effusion du sang, de ne pas attaquer les musulmans et de se montrer devant le commissaire aussi peu exigeant que possible, ne pas protester contre l'énormité des impôts dûs au gouvernement—en cas contraire le prince les menace de ne pas s'occuper de leur sort.

Ces conseils peuvent être utilisés si je me trompais dans mes observations que le prestige du prince en Herzégovine semble vouloir péricliter.

Les événements en Herzégovine ne sont pas les seuls qui préoccupent le prince — les nouvelles récentes hier et aujourd'hui annoncent un mouvement chez les wassoévitchi ⁸, tribu habitant au delà de la frontière sud-est du Monténégro et même chez les mirdites ⁹. A Podgoritzia aussi trois musulmans viennent d'être tués dans une rixe par les habitants de Koutchi ¹⁰.

A wassoévitchi, un ingénieur turc, construisant le blockhaus ayant été blessé, les turcs ont fait une razzia dans les cinq villages des environs dans le but de s'emparer des chefs — ces derniers ont échappé et se sont présentés sur la frontière en demandant asile aux monténégrins. L'ordre a été envoyé d'ici de ne pas les admettre — ces 26 hommes auraient pu donner l'exemple d'une nouvelle émigration vers Monténégro et la caisse de ce pays avant tout ne peut suffire à ses charges extraordinaires. Mais votre excellence comprendra bien ce que ce refus de donner un asile doit coûter aux sentiments des monténégrins.

Les chefs des mirdites annoncent aussi leur arrivée à Monténégro — le prince les a fait prier de ne pas venir si faire se peut.

Avec le plus profond respect j'ai l'honneur d'être de votre excellence le très humble serviteur

A. Ionine

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 747, лл. 155—161. Подлинник.

Перевод

Цетинье

Господин барон!

Когда князь писал свое письмо великому визирю ¹, нельзя было предвидеть в ближайшем будущем таких резких осложнений. Напротив, относительное спокойствие, казалось, представляло передышку, которую его высочество хотел использовать для возобновления более нормальных отношений с Портой. Однако Восток всегда остается классической почвой для неожиданностей. Желать установить здесь что-либо стабильное, — это значит обречь себя на сизифов труд, и я думаю, что и на этот раз демаршу князя перед великим визирем суждено будет потонуть среди событий в Герцеговине.

Князь был очень удивлен, получив первое сообщение о столь внезапном и всеобщем восстании, и был приведен этим в большое замешательство ². Морально его положение весьма затруднительно по отношению к своему народу, к его единоверцам из соседних областей, но особенно перед дипломатией. Большинство военачальников, возглавляющих сейчас вооруженные отряды христиан в Герцеговине, было некогда в Черногории в числе эмигрантов; с другой стороны, прошел лишь месяц, как князь послал в Вену свою памятную записку ³, где в общем и целом предвидел то, что происходит в настоящее время, — отсюда недалеко до вывода, что все это было построено им, и чтобы лучше скрыть свою игру, он представился жертвой.

Однако князь так мало был посвящен в дела христиан в Герцеговине, что мы здесь почти последними узнали о том, что произошло в этой провинции. Руководители этого

движения, кажется, даже высказывают некоторое недоверие к Черногории, они немало раздражены в отношении ее.

Здесь не верили, что восстание могло вспыхнуть с минуты на минуту. Оно всегда носилось в воздухе, но рассчитывали на покорность христиан, которая парализует их ожесточение против гнета турок, становящегося со дня на день все невыносимее. Необходимо было стечение многих обстоятельств, чтобы сделать христиан столь предпримчивыми.

Главная причина, без сомнения, заключается в невыносимом положении дел в Турции — в алчности чиновников фиска и в административном хаосе, в мусульманском фанатизме, поощряемом и вдохновляемом правительством, но, может быть, недовольство могло бы погаснуть, если бы не было дополнительных причин.

Среди последних — главной является коварное поведение Дервиш-паши, желающего, очевидно, вызвать конфликт, о чем я уже имел честь сообщать несколько раз в своих донесениях. Делая вид, что он не хочет действовать, он вдохновлял местных мусульман, одобряя все грабежи, совершаемые ими, допускал, чтобы вся администрация и все трибуналы подпали под их власть с тем, чтобы свести до минимума роль чиновников, назначенных правительством, наконец, он поощрял волнения христиан и их уход в Черногорию.

Нельзя отрицать также, что поощрения, получаемые извне, оказали свое влияние на движение. Пребывание христиан в Черногории и способ, которым они вернулись, не ослабил их волю; но волнение, царящее в Сербии и славянских провинциях Австро-Венгрии, должно особенно и на долгое время оказать влияние на поведение населения в Турции.

Я осмеливаюсь заявить также со всем почтением, что подобное направление могла внушить и поездка его величества императора Австро-Венгрии в Далмацию, даже если она невольно возбудила умы в Герцеговине ⁴. И здесь видится тот ужасный тупик, в котором мы находимся на Востоке. С одной стороны, наше желание мира укрепляет турок и дает волю их естественным поступкам, перед которыми христиане должны были бы склониться и смириться, чтобы не распатать искусственного здания Оттоманской империи; с другой стороны, мы не можем иметь моральной силы отрицать наши чувства к христианам, чувства, которые поддерживают их надежды, мешают им признать себя побежденными, дают силу им оскорбляться, когда их оскорбляют, чувства, подрывающие, следовательно, ту основу, которая может обеспечить мир на Востоке, пока Турция будет его воплощением. Его величество Франц-Иосиф не мог не поражиться при виде невыносимой нищеты христиан в провинции, соседней с его владениями, и только этого волнения, высказанного императором Австрии, было достаточно, конечно, чтобы дать христианам обманчивую, наверное, гибельную для них надежду.

Мы еще лишены здесь сведений, чтобы иметь возможность судить о характере восстания ⁵.

Здесь приблизительно известно, что районы Невесиње, Столаца, Гацко, Требиње и, как говорят некоторые, Мостара и Коницы, около Сараева, восстали. Среди повстанцев наблюдается согласованность действий и четкость командования. Они нигде не нападают на мусульман и ограничиваются занятием гор вооруженными отрядами, требуя высылки к ним комиссара, которому они могли бы сообщить свои жалобы и требования, как мне сообщил Нелидов в своей вчерашней телеграмме. Районы, пограничные с Черногорией, где мусульман нет совсем или имеется очень небольшое количество, спокойны ⁶, и это свидетельствует о том, что движение вызвано главным образом злоупотреблениями мусульманского фанатизма, потому что если источником его были бы политические тенденции, то соседние черногорские районы, без сомнения, приняли бы участие в восстании, будучи более привычными к военным делам и более независимыми в своих действиях.

Судя по некоторым сведениям, последней каплей, переплывшей чашу терпения, было убийство турками в Невесиње и его пригородах четырех христиан, причем один был из тех, кто побывал в Черногории, а другой — известный человек, христианский плен меджлиса в Невесиње ⁷. После этого, как уже уверенно говорят, власти

Столаца разрешили местным мусульманам разграбить пороховой погреб. Перед фактом этих убийств и вооружения мусульман, поощряемого властями, христиане в свою очередь решили поторопиться с вооружением и уйти в горы.

Католики района Требинье принимают участие в восстании.

Трудно предвидеть, что получится из этого движения. Будучи изолированными и видя почти безучастное отношение не только Черногории, но и районов, без помощи которых восстание не может продолжаться в Герцеговине, христиане могут еще сдаться, особенно в том случае, если комиссар, которого должен послать к ним Дервиш-паша по приказу Порты, попытается не возбуждать их, чего трудно ожидать, так как Дервиш-паша сам должен дать инструкции этому комиссару, в противном случае, если их атакуют или кровь прольется каким-либо другим образом, они должны будут потерпеть поражение или вынуждены опять бежать в Черногорию и Австрию.

Но надо опасаться, что если они окажут сопротивление или успех будет сопутствовать их первым столкновениям с турками, то и районы, еще пока спокойные, примут участие в борьбе, вовлекая в нее тогда и самих черногорцев.

Князь более чем осведомлен о политическом положении и понимает, что для него единственным средством избежать несчастья является подчинение своих действий желаниям своих покровителей. Его намерения противостоят наплыву страстей ограничиваются тем, что он практически может сделать. Но, с другой стороны, он проникнут убеждением, что если бы Черногория утратила свой престиж, то для нее это означало бы полную сдачу на милость туркам. До сих пор ему удавалась мирная политика, и она завоевывала одобрение его подданных, чувствительных к знакам благосклонности, которыми их князь был удостоен со стороны самых могущественных монархов Европы, но не надо забывать, что до сих пор вопрос шел лишь о самой Черногории, — престиж же такого рода может быть недостаточен перед фактом восстания христиан соседних провинций, что вновь вызовет к жизни более важную проблему.

Это мнение здесь разделяется всеми, но повиновение в Черногории глубокое; и я не думаю, что в настоящий момент она может быть внезапно втянута в восстание. К тому же здесь не отдают еще полного отчета в том, что происходит.

Князь принял меры, чтобы удвоить наблюдение на границах и довести до сведения повстанцев советы, которые, если бы повстанцы последовали им, смогли бы, вероятно, ограничить движение. Он посоветовал им дожидаться прибытия комиссара, избегать кровопролития, не нападать на мусульман и показать себя как можно менее требовательными перед комиссаром, не протестовать против чрезмерности налогов в пользу правительства, в противном случае князь угрожает им не заботиться об их судьбе.

Эти советы могут быть полезными, если я заблуждаюсь в своих заключениях, что престиж князя в Герцеговине, как мне кажется, падает.

Князя занимают не только события в Герцеговине, вчерашние и сегодняшние новости говорят о восстании среди васоевичей⁸, племени, живущем по ту сторону юго-восточной границы Черногории, и даже среди мирдитов⁹. В Подгорице трое мусульман тоже были убиты в драке с жителями Кучи¹⁰.

У васоевичей был ранен турецкий инженер, соорудивший блокгауз; турки совершили набег на пять окрестных деревень с целью захватить предводителей, но последние ускользнули и появились на границе, прося убежища у черногорцев. Сюда отправлен приказ не принимать их, так как эти 26 человек могли бы дать пример новой эмиграции в Черногорию, а финансы страны недостаточны для такого непредвиденного бремени. Но ваше превосходительство прекрасно поймет, чего стоит черногорцам отказать в убежище.

Предводители мирдитов сообщают также о своем прибытии в Черногорию, — князь просил их не приезжать, если это возможно.

С глубочайшим почтением
имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

1. В июне 1875 г. черногорское правительство начало переговоры с Турцией относительно урегулирования черногоро-турецкой границы. С этой целью в Цетинье прибыл турецкий эксперт Констант-эфенди. Князь Николай 21 июня (3 июля) направил письмо великому визирю Хусейн-Авни-паше, в котором изложил свои предложения, сформулированные в четырех пунктах, а именно: соглашение по уголовным делам для урегулирования пограничных конфликтов, назначение черногорских агентов в Скадре, Константинополе и Сараеве, разработка правил корреспонденции и свобода плавания по р. Бояне (21, стр. 83—84).

2. В конце июня — начале июля 1875 г. повстанческое движение в южной и северной частях Герцеговины усилилось. На юге Герцеговины восстал ряд католических сел, расположенных вдоль границы с Австро-Венгрией; на севере 23 июня (5 июля) произошло знаменитое нападение гайдуцких отрядов на турецкий караван у г. Бишины на шоссе Мостар—Невесинье, послужившее сигналом к началу вооруженной борьбы герцеговинского народа.

Что касается Черногории, то князь Николай через своих агентов был оповещен о волнениях в Герцеговине. Первоначально правящие круги Черногории считали восстание преждевременным и заняли по отношению к нему выжидательную позицию. Подобная позиция в значительной степени объяснялась тем, что Черногория, не надеясь на развитие восстания, опасалась одна, без внешней поддержки, при крайней скудости своих денежных средств, вступить в конфликт с Турцией (см. док. 1). Кроме того, в момент начала восстания князь Николай вел переговоры с Турцией (см. прим. 1 к данному документу). Вследствие этого он не только остался равнодушным к просьбам о помощи из Герцеговины, но и запретил черногорцам принимать участие в восстании. Несмотря на запрещение, черногорцы отправлялись на свой риск в Герцеговину. На второй месяц восстания участие в нем черногорцев приняло массовый характер, но что официальные круги Черногории вынуждены были смотреть снисходительно. По мере расширения восстания и изменения международного положения князь Николай меняет свое отношение к восстанию (см. док. 21). После скупщины в Ловчене, созванной 8 (20) августа 1875 г., на которой присутствовали герцеговинские вожди, Черногория стала открыто оказывать помощь повстанцам.

3. Имеется в виду меморандум, с которым был направлен 20 мая 1875 г. Божидар Петрович сначала в Вену, а затем в Берлин и Петербург с целью урегулирования отношений с Портой (21, стр. 82—83; 101, стр. 364—365).

4. Франц-Иосиф посетил Далмацию в апреле 1875 г. В течение двух месяцев он путешествовал вдоль всей границы Далмации с Боснией и Герцеговиной. Наместник Далмации генерал Родич разослал многочисленных агентов по Герцеговине с целью подготовки адресов императору от имени христианского населения Герцеговины. Император имел многочисленные встречи с представителями католической церкви и с делегациями из Герцеговины, принимал от них жалобы на турецкие насилия и беспорядки. В Имотском он принял делегацию францисканцев из Герцеговины под предводительством Буцонича. Она жаловалась на зверства турок и заявляла о желании присоединиться к Австро-Венгрии. В Дубровнике 4 (16) апреля вместе с католическим священником Иваном Мусичем преподнесли императору свою петицию и некоторые православные вожди из южной Герцеговины. Путешествие императора Франца-Иосифа по Далмации представляло политическую демонстрацию с целью распространения среди католического и известной части мусульманского населения мысли о скором конце турецкого господства в Боснии и Герцеговине и о возможной их оккупации Австро-Венгрией (102, стр. 45—49; 79, стр. XII—XIII; 91, стр. 46—48; 11, стр. 74).

5. Неразрешенность аграрного вопроса, гнет местных феодалов, политический и экономический гнет турецкого государства — все это вызвало в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. резкое усиление социальных, национальных и религиозных противоречий, приведших к восстанию.

Восстание носило массовый, ярко выраженный антифеодалный характер. Основными требованиями восставших были: ликвидация помещичьего землевладения и передача земли крестьянам, уничтожение турецкого господства и создание свободного государства на территории восставших областей.

Основной движущей силой восстания являлось крестьянство. Руководящую роль в движении играла нарождающаяся боснийско-герцеговинская буржуазия.

6. Население шести пограничных с Черногорией герцеговинских областей (сохранивших старое название «племена») — Езера, Шаранци, Пива, Рудина, Баняны и Зубцы, — насчитывавшее 36 тыс. человек, пользовалось самоуправлением в области администрации и суда. Зависимость от турецкой власти выражалась в уплате десятины и таможенной пошлины. Население обязано было содержать военные отряды для охраны черногорской границы, но за счет Турции. Шаранци и Езера пользовались самоуправлением издавна, остальные области приобрели его после восстания под руководством Л. Вукаловича в 1862 г. И это на известное время примирило их. В августе 1875 г., когда восстание в Герцеговине и Боснии разрасталось, к нему примкнули по совету черногорского князя и указанные пограничные области (11, стр. 48, 67—68; 102, стр. 56—57; 67, стр. 69—73).

7. Первоначально турки напали на Тришко Грубачича — одного из бежавших в Черногорию вождей герцеговинцев. За него вступился член невинского меджлиса Джуро Симович. На другой день турки убили Симовича. Вслед за этим был убит трактирщик Иола Гурделя, обвиненный турками в снабжении пищей возвратившихся из Черногории герцеговинцев («Русский мир», 14 (26) июля 1875 г.).

8. Васоевичи — племя в горном районе Брда (северо-восточная Черногория) присоединилось к Черногории в 1853 г. и составило Васоевическую нахию. Но в результате побед турок над черногорцами в 1862 г. большая часть васоевичей (Беранская нахия) перешла к Турции. После войны 1876—1878 гг. часть территории васоевичей, освобожденная из-под турецкого владычества, вновь вошла в состав Черногории.

9. Мирдиты — одно из самых влиятельных племен в северной Албании (см. док. 418 и 434).

10. Кучи — одно из самых крупных племен Брды. С 1457 г. находилось под властью Турции. В дальнейшем это племя неоднократно объединялось с черногорцами для борьбы против турок. В освободительной войне 1876—1878 гг. кучи под руководством своего воеводы Марка Милянова одержали несколько больших побед над турками и соединились с Черногорией.

№ 6

1875 г. июля 12. — Письмо А. Г. Жомини русскому поверенному в делах в Константинополе А. И. Нелидову о стремлении русского правительства объединить усилия России, Австро-Венгрии и Пруссии в целях мирного урегулирования герцеговинского вопроса

Constantinople

Votre intéressante expédition du 3^{/15} juillet¹ est encore chez l'empereur. Je ne suis pas en mesure de vous transmettre les impressions de sa majesté.

Pour moi je partage entièrement vos points de vue. Vous prêchez un converti. Je puis ajouter que notre auguste maître est bien éloigné de vouloir provoquer une crise en Orient. Au contraire sa majesté dirige toute sa politique vers l'apaisement général, en Turquie aussi bien qu'en Europe et en Asie².

Mais le moyen d'obtenir ce résultat n'est point de laisser les choses aller à la dérive. L'action de la diplomatie réside dans les nuances. Les turcs doivent être ménagés et contenus. Les chrétiens de même. C'est un compte en partie double. Prévenir les conflits par des transactions de détail, les apaiser ou les circoncrire quand ils éclatent, les empêcher de dégénérer en conflagration générale, c'est là je crois, tout ce qu'on peut espérer.

Ce travail de Sisyphe, ces efforts continuels pour boucher les flessures d'un édifice vermoulu pour retarder ou amortir sa chute, ne constituent pas une tâche séduisante mais elle est indispensable.

C'est sur ce terrain qu'il est désirable de réunir un accord de grandes puissances. L'action isolée d'une seule serait insuffisante. Il est permis de croire que ce résultat pourra être atteint avec les ménagements requis. Il s'agit surtout d'écarter tout ce qui peut éveiller les défiances de l'Autriche, dont la situation est doublement difficile, comme voisine immédiate, comme puissance à demi-slave, hésitant encore entre les courants divers qui l'entraînent et qui tous ont leurs périls. La loyauté et la modération de nos vues et la droiture du comte Andrassy permettent d'espérer une entente. Le cabinet de Vienne doit comprendre lui-même que trop de raideur envers les chrétiens de Turquie aurait autant d'inconvénients pour le maintien de la paix que trop de complaisance. Il faut trouver un juste milieu³. La négociation proposée par le prince Nicolas semble offrir un terrain pratique*. L'essentiel est de montrer en tout cas les trois cours d'accord dans leur rôle

* См. док. 5.

de pacificatrices ⁴. Si le cabinet de Vienne se joint à nous, celui de Berlin emboîtera sans doute le pas.

Il me semble que les turcs eux-mêmes sont intéressés à nous seconder. On ne peut leur supposer des vues agressives que comme un acte de désespoir, alors qu'ils seraient acculés dans une de ces situations où il faut vaincre ou mourir. Le cerf lui-même fait tête en pareil cas. Ils n'en sont pas encore là et l'important est précisément de conjurer ces situations extrêmes. Pour le moment ils doivent être désireux d'éviter les crises ne fut-ce qu'au point de vue de leurs finances, car ces crises là coutent gros même au vainqueur.

La présence au pouvoir d'hommes modérés comme Essad et Savfet sont* un élément favorable. Si en même temps les trois cours se montrent unies dans leur sollicitude conciliante et pacifique envers les deux parties, il est permis de croire que la paix pourra être maintenue.

C'est dans ces limites que doit se renfermer votre activité.

J'ignore si l'absence des chefs de mission ne paralysera pas vos efforts. En tout cas faites le possible sans vous décourager et dans la mesure que vous tracent les volontés de notre auguste maître.

Nous avons vu avec plaisir que la lettre du prince Nicolas a fait sur le grand vizir la même bonne impression que sur nous. Vous verrez par notre dépêche à mr Ionine que nous exhortons les monténégrins à la modération. Faites de même envers les turcs. Le fait seul d'une négociation amicale peut contribuer à retenir le Monténégro et s'il reste tranquille, l'agitation en Herzégovine peut être circonscrite et apaisée.

Mais il faut aller plus loin. La force seule ne suffit pas. Il y a de justes griefs à satisfaire: le détestable système des dîmiers à réformer, peut-être de hauts fonctionnaires à charger, car les institutions bonnes ou mauvaises dépendent beaucoup des hommes chargés de les exécuter.

Voilà les points sur lesquels il faut insister amicalement.

Entendez-vous avec vos collègues sur ce qu'il y a à faire et à dire, afin de réaliser pour le mieux la pensée pacifique des trois empereurs sur ce terrain brûlant où elle est le plus nécessaire peut-être plus efficace que partout ailleurs.

Recevez etc.

Помета: Lu à sa majesté l'empereur à Péterhof, le 12 juillet 1875.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 30, лл. 445—450. Отпуск.

Перевод

Константинополь

Votre intéressant message du 3(15) juillet ¹ se trouve encore chez l'empereur. Je ne suis en mesure de vous transmettre l'impression de sa grandeur.

Quant à moi, j'entièrement partage votre point de vue. Vous [convainquez] l'homme, depuis longtemps d'accord avec vous. Je puis ajouter, que notre empereur est loin de vouloir provoquer une crise en Orient, au contraire, sa grandeur dirige toute sa politique vers un universel apaisement, en Turquie ainsi que, comme en Europe et en Asie ².

Parvenir à un tel résultat — ne signifie pas laisser les événements se développer à l'arbitraire. Les actions diplomatiques consistent en nuances. Avec les Turcs il faut agir avec précaution et les maintenir; avec les chrétiens également. C'est un double calcul. Par de justes concessions prévenir les conflits, les atténuer ou les limiter, quand ils surviennent, empêcher qu'ils ne dégénèrent en une générale perturbation — voilà ce, je pense, que l'on peut espérer.

* В тексте, вероятно, ошибка; нужно «ест»

Этот сизифов труд, эти постоянные стремления заделать трещины уже подточенного здания для отсрочки или смягчения его падения — задача не заманчивая, но необходимая.

На основе этого желательно добиться соглашения великих держав. Изолированные действия одной стороны будут недостаточны. Можно полагать, что результат может быть достигнут с надлежащей осторожностью. Речь идет о том, чтобы устранить прежде всего все то, что может возбудить подозрения Австрии, положение которой вдвойне тяжело: как ближайшего соседа и как полуславянской державы, колеблющейся еще между различными течениями, увлекающими ее, каждое из которых представляет опасность. Лояльность и умеренность наших точек зрения и прямота графа Андраши позволяют надеяться на соглашение. Венгерский кабинет сам должен понять, что излишняя непреклонность в отношении турецких христиан является такой же помехой для поддержания мира, как и излишняя снисходительность. Нужно найти справедливое решение³. Переговоры, предложенные князем Николаем, представляются реальными. Главное — во что бы то ни стало продемонстрировать единство трех держав в роли умиротворителей⁴. Если венский кабинет присоединится к нам, берлинский, без сомнения, последует за ним.

Мне кажется, что турки сами заинтересованы в том, чтобы помочь нам. Если их и можно заподозрить в агрессивных намерениях, то последние должно рассматривать лишь как акт отчаяния, поскольку турки по-видимому, поставлены в одно из тех положений, когда нужно либо победить, либо умереть. Даже раб в подобных случаях поднимает голову. Они еще не дошли до такого состояния, и важно предотвратить крайности.

В настоящий момент для них желательно избежать кризисов только с точки зрения их финансового положения, так как подобные кризисы обходятся слишком дорого даже победителю.

Пребывание у власти сторонников умеренных взглядов, таких, как Эссад и Савфет, уже является благоприятным фактом. Если в это же время все три двора продемонстрируют единство в своих мирных стремлениях по отношению к обоим сторонам, можно верить, что мир будет сохранен.

В этих рамках и должна развиваться ваша деятельность. Я не знаю, парализует ли ваши усилия отсутствие руководителей миссий. Во всяком случае сделайте все возможное, не приходя в уныние, и в той мере, в какой вам предначертано повелениями нашего августейшего государя.

Мы с удовольствием отметили, что письмо князя Николая произвело на великого визиря такое же хорошее впечатление, как и на нас. Вы увидите по нашей депеше Ионину, что мы призываем черногорцев к умеренности. Сделайте то же самое в отношении турок. Только дружеские переговоры могут помочь удержать Черногорию, и если она останется спокойной, то волнения в Герцеговине могут быть ограничены и успокоены.

Но надо идти дальше. Одной силы недостаточно. Можно удовлетворить справедливые претензии: преобразовать ненавистную систему десятины, поручив это, может быть, высшим чиновникам, так как хорошие или плохие порядки во многом зависят от людей, которым поручено их осуществление.

Вот те пункты, на которых надо по-дружески настаивать.

Договоритесь с вашими коллегами о том, что надо говорить и делать, чтобы лучше выполнить миролюбивую идею трех императоров на этой охваченной огнем земле, где она, может, наиболее необходима и наиболее эффективна, чем где-либо в другом месте.

Примите и пр.

Помета: Прочитано е. и. в. в Петергофе, 12 июля 1875 г.

1. В упомянутом донесении А. И. Нелидов сообщает о признании турками необходимости уступок христианскому населению и возможном в противном случае углублении кризиса (АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 30, лл. 445—450).

2. Публикуемый документ является одним из первых документов сборника, раскрывающих позицию русского правительства в связи с кризисом, вызванным событиями в Боснии и Герцеговине.

Со времени поражения в Крымской войне, утратив ведущую роль в международных отношениях, русский царизм стал придерживаться осторожной политики воздержания от единоличных и тем более вооруженных выступлений, от многообязывающих соглашений. В связи с этим и в балканских делах русское правительство настойчиво старалось добиться так называемого «концерта держав», т. е. единства действий, не обостряя отношений ни с одной из них, несмотря на существовавшие разногласия с Англией и Австро-Венгрией. В отношении Турции оно предпочитало действовать путем переговоров, побуждая турецкое правительство к уступкам в пользу балканских народов, к реформам в его европейских владениях. Примером может служить обширный меморандум русского правительства в 1866 г. о неотложных реформах на Балканах (92, стр. 60).

В связи с восстанием в Боснии и Герцеговине русское правительство первым проявило инициативу в деле побуждения Австро-Венгрии и Германии, его партнеров по Союзу трех императоров, к воздействию на Турцию, на повстанцев, на правительства Сербии и Черногории, чтобы предупредить углубление кризиса и всеобщее восстание всех народов Балканского полуострова против Турции. Позиция, занятая русским правительством в отношении повстанцев, нашла отражение в сообщении, опубликованном в «Правительственном вестнике» 17 октября 1875 г. Там указывалось, что, участвуя в Союзе трех императоров, «Россия не принесла в жертву ему того сочувствия, которое питала постоянно к угнетенному населению Турции и которое разделяла с нею, и без сомнения разделяет, и теперь вся христианская Европа».

Жертвы, принесенные русским народом для христиан Турции, так велики, что дают России право заявить об этом сочувствии и ныне перед лицом всей Европы, . . . императорский кабинет ныне, как и прежде при таких же обстоятельствах, не мог оставаться равнодушным и безучастным зрителем событий, совершающихся в Герцеговине. . . » (92, стр. 274).

Это заявление министерства иностранных дел, как видно из публикуемых в сборнике документов, не расходится с действительной позицией русской дипломатии. Исходя из интересов упрочения русского влияния на Балканах, русский царизм, выступая в защиту балканских народов, объективно помогал балканским христианам в их стремлении освободиться от турецкого господства или по крайней мере добиться улучшения своего положения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в правящих кругах России в то время не существовало каких-либо завоевательных планов в отношении балканских территорий. Страх перед новой антирусской коалицией держав во главе с Англией, незавершенность преобразований в армии, серьезные финансовые затруднения были основной причиной отказа царизма от захвата на Балканах. Правительственные круги в этом отношении резко расходились во взглядах с такими деятелями, как генералы Р. А. Фадеев, М. Г. Черняев, или с панславистскими публицистами типа М. Н. Каткова, Ивана Аксакова и др., которые всячески побуждали правящие круги к активной захватнической политике на Балканах. В придворных кругах и в царской семье примирительная политика Александра II — Горчакова встречала сопротивление со стороны императрицы Марии и цесаревича Александра (51, т. II, стр. 46, 52—54, 57—58). При чтении документов сборника это расхождение между правящими кругами и панславистскими идеологами все время следует иметь в виду.

3. Следует отметить, что в документах 6, 16 и других, исходящих от управляющего министерством иностранных дел А. Г. Жюмини, замещавшего находившегося летом 1875 г. в отпуске А. М. Горчакова, неоднократно проскальзывает несомненная идеализация личности австро-венгерского канцлера Андраши. Военный министр Д. А. Милютин с раздражением писал, что в 1875 г. «вся русская дипломатия сосредоточивалась в лице одного бар. Жюмини, никогда не занимавшегося серьезно делами» (51, т. I, стр. 225). Что же касается Александра II, как главного руководителя внешней политики России, то до середины 1876 г., когда уже явно обнаружилось агрессивные намерения Австро-Венгрии в отношении Боснии и Герцеговины, он, по-видимому, верил в эффективность Союза трех императоров и заявления Андраши о готовности к совместным действиям воспринимал как совершенно искренние.

Андраши первые годы руководства внешней политикой Австро-Венгрии (1871—1874) представлял интересны партии венгерских помещиков, не желавших усиления славянского элемента за счет присоединения к Австро-Венгрии каких-либо славянских областей Османской империи. Однако мадьярской партии противостояла более сильная партия, представленная часто австрийскими военными, помещичьи и клерикальными кругами во главе с имп. Францем-Иосифом. Она выдвигала идею захватов западных областей Балкан, особенно Боснии и Герцеговины, расширения своего влияния в Сербии. В 1875 г. эта партия стала одерживать явный перевес над мадьярской, и Андраши подчинился ее влиянию. С другой стороны, перемене его взглядов способствовало и то обстоятельство, что обе партии одинаково опасались влияния России на Балканах.

Предложение Горчакова о совместных действиях по Восточному вопросу было использовано Андраши, чтобы не дать морального перевеса России в глазах общественного мнения и для подготовки аннексии Боснии и Герцеговины. Наряду с этим Австро-Венгрия тайно поощряла Турцию к войне с Россией, к карательным экспедициям против восставших, чтобы открытыми выступлениями в их защиту создать впечатление, что Австро-Венгрия не менее России печется о благе славян. Эта позиция Австро-Венгрии оставалась неясной русскому правительству до середины 1876 г.

4. Союз трех императоров — русского, австрийского и германского, оформленный русско-германской военной конвенцией от 24 апреля (6 мая) 1873 г. и австро-русским соглашением от 25 мая (6 июня) 1873 г., к которому присоединился Вильгельм I 11 (23 октября) 1873 г. (76, стр. 124—128).

№ 7

1875 г. июля 15. — Письмо П. Хитова члену революционного комитета в Болграде Н. Минкову о созыве общего собрания БЦРК в связи с восстанием в Герцеговине и Боснии

Белград

Господин Николая у Болград!

Не съм ти писал отколе. Затова не съм, защото не е имало важна работа. Но днес вече не е за седене. Трябва да се съберем и да видиме, що се е работило досега и що трябва да работим сега ¹. Времето е важно. Днес на Балканския полуостров вече гори огънят. Херцеговците се бият. На това и австрийските войски преминаха у Босна. Затова ви моля да съберете членове на вашия комитет и да изберете представител, който ще изпратите у Букурещ.

Аз на 5 или 8 августа ще бъда у Букурещ. И из отечеството ни ще дойдат около 10 или повече хора, тъй също и из Влашко. Именно на кой ден ще стане събранието, ще ви се пише из Букурещ и ще се определи денят. Само гледайте да бъде тайно. И човекът, който изпратите, да бъде практичен, да умее да си даде мнението на работите.

Ваш приятел Панайот Хитов

На обороте текста адрес: Господин Николая у Болград—бакалин и примарин *
Ниже адреса приписка другим почерком: Г-не, не е нужда да ви бележиме и ние, че днес е най-сгодният случай, когато трябва да покажем на света, че и ние сме народ способен за свобода. Затова вземете във внимание думите на г-на Панайота и бъдете готови да дойдете на събранието, щом ви повторително пишем и явим деня. Нужно е засега да ни явите час по-скоро положително ще дойдете ли, или ви не е възможно.

Адрес: Redacția «Zname» Calea «Șerban voda» N 17 Bukurești ².

С почитание Комисията ³

НБВК—БИА, ф. 5, д. 5, лл. 68—69. Автограф.

1. Казнь Василя Левского (6 февраля 1873 г.) нанесла тяжелый удар болгарскому национально-освободительному движению, начался кризис революционной организации. Неоднократно предпринимавшиеся шаги для ее обновления окончились неудачно. В 1874 г. по инициативе деятелей комитета была начата кампания за созыв в Румынии собрания всех революционных комитетов. В национально-освободительном движении взяло верх революционно-демократическое крыло, возглавленное Ботевым. Герцеговинское восстание активизировало деятельность Ботева, к которому присоединились соратник Левского Иван Драсов и заслуживший уже известность Стефан Стамболов. На их призыв отозвался воевода Панайот Хитов. Он снабдил Ивана Драсова письмами к болгарским революционерам в Румынии и к некоторым другим деятелям болгарской эмиграции. В письмах Панайот Хитов призывал их послать представителей на проектируемое общее собрание БЦРК в Бухарест в августе 1875 г. (12, стр. 113—152).

* Примарин — кмет, староста (рум.).

2. В действительности это адрес Христо Ботева, редактора газеты «Знаме».
3. В комиссию по созыву общего собрания БЦРК в Бухаресте входили Х. Ботев, И. Драсов и С. Стамболов.

№ 8

1875 г. июля 30 (августа 11). — Донесение А. И. Нелидова
А. Г. Жоміни о расширении восстания в Герцеговине и о воз-
можности вмешательства европейских держав в герцеговинский
вопрос

Buyucdéré

Monsieur le baron!

Votre excellence aura bien voulu relever du télégramme que j'ai l'honneur de lui adresser ce matin que les nouvelles de l'Herzégovine deviennent de plus en plus graves.

Une inquiétude sérieuse s'est emparée des ministres turcs. Le sultan lui-même, les membres de sa famille, tout le monde a été subitement effrayé par les proportions que prend le mouvement.

Il est difficile de se reconnaître au milieu des différents renseignements qui nous parviennent de sources diverses. Mais ce qui paraît être le trait caractéristique de la phase actuelle de l'insurrection, — c'est qu'elle s'organise et prend des positions sans entrer encore en lutte ouverte. Cependant, d'après les nouvelles anglaises, le détachement turc fort de 1000 hommes qui tenait le village de Néвessиніé contre une bande de 3000 insurgés — aurait été obligé de se retirer. Sur quelques autres points aussi il paraîtrait que les postes turcs ont été refoulés, de telle façon que toute la partie de l'Herzégovine située au sud-est de la Narenta, depuis Gabella et Mostar jusqu'à Gatzko (Metochia) et la frontière monténégrine, se trouverait presque entier entre les mains des insurgés. Les forces de ces derniers montraient selon l'estimation approximative de Savfet-pacha lui-même à 5 ou 6 mille hommes. Mais on ne possède pas de données précises sur ce sujet. Les télégrammes parlent de bandes isolées de 3000, 1500, 600 et 250 hommes. La plus forte d'entre elles serait commandée par un dalmate-autrichien du nom Stepan Boropck. Un autre slave d'Autriche Milan Radovitz se trouverait à la tête d'une bande de 250 hommes. Des monténégrins viendraient aussi par masses s'enrôler parmi les insurgés. Savfet-pacha m'a demandé de signaler ce fait à l'attention du cabinet impérial pour prier de peser sur le prince Nicolas afin qu'il empêche ses sujets d'aller grossir les rangs des ennemis du gouvernement ottoman. J'ai cru devoir réitérer au ministre la réponse que je me suis déjà trouvé dans le cas de lui donner précédemment, à savoir que malgré sa bonne volonté le prince serait impuissant à retenir son peuple si la lutte se prolongeait et s'étendait et que, quant à l'influence que nous exerçons sur son altesse et à laquelle Savfet-pacha faisait appel, — elle était purement morale, car nous n'avions aucun moyen de contraindre le Monténégro à suivre nos conseils et cela d'autant moins que pour jouer le rôle d'arbitres des relations de ce pays avec la Turquie, rôle que le ministre paraissait vouloir nous assigner, il nous faudrait être obéis des deux parts également.

Le fait est, monsieur le baron, que s'il s'agissait pour la Porte de combattre ses sujets seuls, elle ne croirait pas en grand danger. Mais telles que se présentent les choses en ce moment la participation possible du Monténégro et de la Serbie complique de beaucoup la situation. Sans que des actes positifs d'hostilité aient pu être cités jusqu'à présent de la part de ces principautés, la présence des monténégrins dans les bandes des insurgés semble

être un fait avéré; et pour la Serbie — à part les comités de secours ¹ qui y sont autorisés par le gouvernement, Savfet-pacha m'a signalé l'encouragement indirect que donne aux révoltés la concentration près de la frontière turque d'un corps d'armée serbe de 9000 hommes, qui est censé manœuvrer en face de Wyshgrad — «sous les yeux mêmes des insurgés», — dit le ministre. Aussi deux des cinq bataillons de rédifs que Dervich-pacha a pris sur lui d'appeler sous les armes ont-ils été dirigés sur la frontière serbe.

Pour parer aux dangers d'une conflagration générale dans ces contrées, la Turquie veut tenter un effort suprême afin d'écraser promptement le mouvement. Le sultan a conféré avant hier toute la journée avec le grand vizir qui a passé ensuite plusieurs heures au télégraphe à correspondre avec Dervisch-pacha. Le résultat de ces consultations a été l'embarquement immédiat de 3 bataillons d'ici pour Klek ². Sept autres bataillons doivent prendre incessamment la même voie. On cherchera à diriger sur le théâtre de la lutte tout ce qu'on aura de troupes disponibles afin de pouvoir y réunir dans 10 à 15 jours 28 bataillons (14 à 16 milles hommes). Le commandement supérieur de cette armée d'opération sera probablement laissé à Dervisch-pacha. Le développement qu'a pris l'insurrection semble avoir justifié aux yeux de la Porte les prévisions de ce général qui demandait dès le début des troubles d'en finir par une action énergique contre les 160 promoteurs des désordres.

Lorsque Savfet-pacha m'a développé cette thèse avec une teinte de reproche pour les conseils de prudence et de clémence que le gouvernement impérial lui avait fait entendre et que la Porte avait suivis contrairement à l'avis du gouverneur général de la Bosnie, — j'ai maintenu l'opportunité de la modération que nous avions recommandée. Si le mouvement a été préparé de longue main, lui ai-je dit, une attaque contre les 160 réfugiés n'aurait pas empêché son explosion; celle-ci n'aurait pu être retardée quelque peu par la dispersion du premier rassemblement. Mais comme, selon toute probabilité, les habitants de l'Herzégovine ont été poussés à la désobéissance et à la résistance par la situation intolérable que leur font les vices de l'administration, si des actes de violences s'étaient ajoutés aux vexations administratives le mouvement aurait éclaté encore plus tôt, avec plus de violence et serait propagé beaucoup plus promptement parmi les populations environnantes qui n'étaient que trop disposées à chercher dans une protestation armée un remède contre le mal qu'elles subissaient.

Ce qui semble inquiéter le plus la Porte dans ces conditions difficiles — c'est l'éventualité d'une intervention des puissances en faveur des insurgés ou du moins leur interposition pour arrêter l'armée turque au moment où ses succès sembleraient devoir lui assurer un triomphe définitif. C'est surtout en vue d'une participation des serbes et des monténégrins à la lutte, qui justifierait doublement une médiation européenne, que la Porte voudrait en finir avec les herzégoviniens avant que leur cause ne prenne le caractère d'une question européenne. L'accord des trois cours ³ est, dans cet ordre d'idées, redouté, non seulement par les turcs, mais aussi par leurs amis et protecteurs les plus dévoués. Je sais que l'ambassadeur d'Angleterre s'est enquis avec inquiétude auprès de quelques autres représentants étrangers sur la tenue que les trois empires observaient à l'égard du mouvement. Il m'a fait part à moi-même des espérances que les insurgés entretiendraient de voir une intervention russo-austro-allemande s'emparer de leur cause s'ils parvenaient à la défendre pendant quelque temps contre les turcs ⁴.

Je n'ai pas hésité à répondre à sir Henry Elliot et aux autres personnes qui me tenait un langage analogue que le programme de pacification généré-

rale tracé par les trois empereurs * semblait ne pouvoir trouver de meilleure application que là où coulait le sang et où il y avait danger d'allumer un incendie dont les proportions pourraient devenir incalculables.

Toutefois, monsieur le baron, ce qui semble donner à l'accord des trois puissances un caractère particulièrement menaçant aux yeux des turcs, — c'est le voisinage d'une d'elles du théâtre de la lutte et la possibilité qu'elle possède de se voir autorisée à appuyer par des actes les conseils qu'on ferait entendre. Sans oser suspecter l'Autriche de connivence, ni même de sympathie pour les insurgés, la Porte voit avec inquiétude le fonctionnement des comités de secours et la protection accordée en Dalmatie aux familles des révoltés⁵. Elle est de plus instruite par Dervisch-pacha de la participation d'une masse de slaves autrichiens au mouvement et, tout en reconnaissant la difficulté pour le gouvernement Austro-Hongrois de garder une frontière ouverte et formée de montagnes désertes, elle croit découvrir dans ces faits des symptômes d'un changement d'attitude du cabinet de Vienne à son égard. Un reveil du sentiment slave ne semblerait plus l'effrayer au point où cela était le cas dans le temps et il ne ferait plus du maintien à tout prix du joug ottoman dans ces parages une maxime fondamentale de sa politique orientale.

Aussi attend-on avec inquiétude les premières manifestations des intentions austro-hongroises. Le retour très prochain du compte Zichy précédant d'un mois le terme qu'il y avait assigné fait supposer que son arrivée est motivée par les affaires politiques et que l'ambassadeur reviendra porteur des décisions de son gouvernement. En attendant la Porte a cru devoir demander à ce dernier de faire garnir de troupes sa frontière afin d'empêcher le passage des volontaires de la Dalmatie en Herzégovine.

Lorsque se rendant à cette demande, l'Autriche-Hongrie disposera de forces suffisantes à proximité du théâtre de la lutte elle aura acquis à l'égard des deux parties une position exceptionnelle qui en fera naturellement l'arbitre des destinées futures de ce pays.

L'accord des trois cours dont Vienne forme le centre pourra aisément tirer parti de cette situation avantageuse pour la diriger en faveur de la pacification qui forme le but de l'entente des trois empires.

J'ai l'honneur d'être avec une très haute considération, monsieur le baron, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

Nélidow

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 27, лл. 266—273. Подлинник.

*Перевод
Буюкдере*

Господин барон!

Ваше превосходительство соизволил узнать из телеграммы, которую я имел честь послать вам утром, о том, что новости из Герцеговины становятся все более и более серьезными.

Турецких министров охватило сильное беспокойство. Сам султан, члены его семьи, все были внезапно напуганы размерами, которые принимает восстание.

Трудно разобраться в различных сведениях, поступающих к нам из разных источников. Но, что, кажется, является характерной чертой настоящей фазы восстания, — это то, что оно организуется и закрепляет позиции, не переходя в открытую борьбу. Тем временем, судя по английским сообщениям, турецкий отряд в 1000 человек, который отставал деревню Невесинье против трехтысячного отряда повстанцев, должен был отступить. В некоторых других пунктах турецкие посты, по-видимому, были отброшены настолько, что вся часть Герцеговины, расположенная на юго-восток от Наренты, от Габелы и Мостара до Гацко (Метохия) и черногорской границы, почти

* См. прим. 3 к данному документу.

полностью находится в руках повстанцев. Силы последних достигают по приблизительным подсчетам самого Савфет-паши 5—6 тыс. человек. Но точных сведений на этот счет нет. В телеграммах говорится об отдельных отрядах в 3000, 1500, 600 и 250 человек. Наиболее сильный из них находится под командованием австрийского далматинца Степана Боропка. Другой — австрийский славянин Милан Радовиц — стоит во главе отряда в 250 человек. Черногорцы массами примыкают к повстанцам. Савфет-паша просил меня обратить внимание императорского кабинета на этот факт и оказать влияние на князя Николая, чтобы он воспрепятствовал своим подданным пополнять отряды врагов оттоманского правительства. Я счел своим долгом повторить министру ответ, который я уже имел случай дать раньше, т. е. что, несмотря на свое желание, князь будет бессилён удержать свой народ, если борьба продлится и распространится; что же касается нашего влияния, которое мы имеем на его высочество и к которому взывает Савфет-паша, то оно — чисто морального свойства. У нас нет никакого средства заставить Черногорию следовать нашим советам и еще меньше возможности играть роль арбитра в отношениях этой страны с Турцией (роль, которую, казалось, министр желает нам предоставить), так как для этого нужно было бы повиновение обеих сторон.

Дело в том, господин барон, что если бы речь шла о борьбе Турции только с ее подданными, она не считала бы себя в большой опасности. Но обстоятельства, сложившиеся в настоящий момент, возможное участие Черногории и Сербии — все это сильно усложняет положение. Несмотря на то, что до сих пор не было замечено никаких враждебных действий со стороны этих княжеств, присутствие черногорцев в повстанческих отрядах, по-видимому, является достоверным фактом; в отношении же Сербии, помимо комитетов помощи¹, разрешенных правительством, Савфет-паша указал мне на ту косвенную поддержку, которую оказывает повстанцам концентрация вблизи турецкой границы сербского корпуса в 9 тыс. человек, который, возможно, будет проводить свои маневры напротив Вышеграда, «прямо перед глазами повстанцев», как говорит министр. Вследствие этого два из пяти батальонов редифов, призванных Дервиш-пашой по собственной инициативе, были отправлены на сербскую границу.

Стремясь избежать опасности всеобщего взрыва в этих областях, Турция намеревается прибегнуть к крайнему средству, чтобы скорее подавить восстание. Позавчера султан совещался целый день с великим визирем, который затем несколько часов провел на телеграфе, чтобы иметь связь с Дервиш-пашой. Результатом этих консультаций явилась немедленная отправка морским путем отсюда трех батальонов в Клек². Семь других батальонов должны незамедлительно отправиться тем же путем. Здесь постараются отправить на театр военных действий все имеющиеся войска, чтобы иметь возможность собрать там в течение 10—15 дней 28 батальонов (14—16 тыс. человек). Верховное командование этой действующей армией будет, вероятно, сохранено за Дервиш-пашой. Развитие восстания, кажется, подтвердило в глазах Порты предсказание этого генерала, требовавшего с начала волнений принять самые энергичные меры против 160 зачинщиков беспорядков.

Когда Савфет-паша изложил мне это положение с оттенком упрека за советы благоразумия и великодушия, данные ему императорским правительством, которым Порта следовала в противовес советам генерал-губернатора Боснии, я подтвердил своевременность сдержанности, рекомендованной нами. Если восстание готовилось в течение долгого времени, сказал я ему, — атака против 160 беженцев не помешала бы его взрыву; последнее лишь могло немного замедлиться из-за распыления первого скопления. По всей вероятности, жители Герцеговины были вынуждены к неповиновению и сопротивлению невыносимым положением, порожденным пороками администрации; и если бы акты насилия соединились с административным гнетом, то восстание разразилось бы еще раньше, с большей силой и распространилось намного скорее среди соседнего населения, которое было более чем склонно искать в вооруженном протесте средство против испытываемых им бед.

В этих трудных условиях больше всего Порту, кажется, волнует возможность вмешательства держав в пользу восставших или по крайней мере их посредничество

с целью остановить турецкую армию в тот момент, когда ее успехи, казалось, должны принести ей решительную победу. Именно предвидя участие сербов и черногорцев в этой борьбе, что вдвойне оправдывает европейское посредничество, Порта хотела бы покончить с герцеговинцами прежде, чем восстание примет характер европейского вопроса. В связи с этим соглашение трех дворов³ опасно не только для турок, но и для их самых преданных друзей и покровителей. Я знаю, что английский посол с беспокойством осведомлялся у нескольких иностранных представителей о позиции, которую все три империи займут по отношению к восстанию. Он мне самому сообщил о надеждах, которые питают повстанцы относительно русско-австро-германского заступничества в их деле, если им доведется отстаивать его в борьбе против турок⁴.

Я без колебаний ответил сэру Генри Эллиоту и другим лицам, задававшим мне подобные вопросы, что программа всеобщего умиротворения, намеченная тремя императорами, может найти себе наилучшее применение, пожалуй, там, где льется кровь и есть опасность, что вспыхнет пожар, размеры которого могут стать огромными.

Что при этом, господин барон, в глазах турок, кажется, придает особенно угрожающий характер единству трех держав, так это соседство одной из них с театром борьбы и возможность, при которой она сочтет себя вправе поддержать действиями советы, которые были даны. Не осмеливаясь подозревать Австрию ни в соучастии ни в симпатиях к повстанцам, Порта с беспокойством следит за деятельностью комитетов помощи и покровительством, оказанным в Далмации семьям восставших⁵. Кроме того, она поставлена в известность Дервиш-пашой о массовом участии австрийских славян в восстании и, признавая трудности австро-венгерского правительства в охране открытой границы, проходящей в пустынных горах, видит в этих фактах признаки изменения отношения к ней венского кабинета. Пробуждение славянского сознания больше, кажется, не пугает ее в той мере, как это было раньше, и она не стремится во что бы то ни стало поддерживать оттоманское иго в этих краях — основу своей восточной политики. Здесь также с беспокойством ожидают первых проявлений австро-венгерских намерений. Предстоящее возвращение графа Зичи на месяц раньше срока, указанного им, заставляет предполагать, что его приезд мотивирован политическими делами и что посол вернется с инструкциями своего правительства. В ожидании Порта сочла своим долгом потребовать у последнего послать войска на границу, чтобы воспрепятствовать переходу добровольцев из Далмации в Герцеговину.

Когда, уступая этому требованию, Австро-Венгрия будет располагать достаточными силами вблизи театра борьбы, она приобретет по отношению к обеим сторонам исключительное положение, которое сделает ее естественным арбитром в решении судеб этой страны.

Соглашение трех держав (центром которого служит Вена) могло бы быть полезным при этом выгодном положении, чтобы направить его на умиротворение, являющееся целью трех императоров

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин барон, вашего превосходительства низжайшим и покорнейшим слугой

Нелидов

1. Комитеты помощи стали возникать сразу же после начала восстания в Герцеговине — сначала в Белграде, а затем и в других городах Сербии. Создаваемые частным образом, они пользовались негласной поддержкой правительства. Одновременно стали формироваться четы для помощи повстанцам.

2. 4 (16) августа 1875 г. здесь был высажен отряд турецких войск численностью до 1030 человек для подавления восстания в Герцеговине, и в дальнейшем через эту гавань происходило снабжение турецкой армии («Русский мир», 9 (21) августа 1875 г.; 21, стр. 120).

3. В связи с восстанием в Боснии и Герцеговине министр иностранных дел России А. М. Горчаков предложил создать в Вене «центр соглашения» русского, венского и германского дворов для изыскания средств к умиротворению на Балканском полуострове. Австро-Венгрия и Германия присоединились к предложению. Три державы пригласили и остальные государства присоединиться к ним, чтобы «действовать на обе

стороны, чтобы побудить восставших к покорности, сербов и черногорцев к нейтралитету, Турцию к милосердию и справедливым преобразованиям» (92, стр. 271). К трем державам присоединились Англия, Франция и Италия. В Герцеговину была отправлена консульская комиссия (о действиях комиссии см. прим. 3 к док. 17).

4. Речь идет о позиции Англии, которая являлась самой ревностной защитницей целостности Османской империи. Ярким выразителем этой политики являлся посол в Турции Генри Эллиот. Установление в Вене «центра соглашения» вызвало первоначально у Генри Эллиота опасения, однако весьма умеренная программа реформ, разработанная Андраши и ставшая позднее известной под названием «ноты Андраши» от 18 (30) декабря 1875 г. (92, стр. 277), успокоила его и лондонский кабинет.

Публикуемый документ ярко показывает, что русская сторона придавала Союзу трех императоров слишком большое значение, не понимая еще истинных целей Австро-Венгрии и поддержавшей ее Германии.

5. Когда вспыхнуло восстание в Герцеговине, в Хорватии и Далмации, были организованы комитеты по оказанию помощи повстанцам: главный комитет — в Загребе и местные — в Ясеновце, Костайнице, Сисаке и других городах; в Далмации — в Задре, Книне, Врлице, Сплите и др. (102, стр. 391).

№ 9

1875 г. июля 31 (августа 12). — Из рапорта русского военного агента в Константинополе полковника А. С. Зеленого военному министру Д. А. Милютину об экономическом положении Турции и о восстании в Герцеговине

№ 15

Константинополь

Уже более месяца как началось сильное волнение в Герцеговине, перешедшее потом в открытое восстание всей этой области.

Волнения населений турецких областей и нередко восстания их суть явления хронические и обыкновенные [в] государственной жизни Турции.

С Крымской войны трудно указать, за исключением Константинополя и собственно Малой Азии (без Армении и Курдистана), хотя бы на одну часть Османской империи, которая с тех пор не восстала бы по крайней мере один раз. Некоторые же области в этом исчислении могут быть упомянуты неоднократно. Очевидно, что вся почва Турецкой империи подкопана и постепенно готовится для общего взрыва, особенно в последнее время, притеснениями и незаконными поборами турецкой администрации, которая потом находит свое оправдание в существующей исторически на Востоке племенной и религиозной вражде населений. Одним словом, большинство движений на Востоке начинается с невыносимого материального положения населений, одинаково гнетущего и христиан и мусульман. Начинается волнение, в котором принимают безразлично участие и те и другие, но правительство для своего спасения во время возбуждения страстей пользуется религиозной враждой и направляет мусульман против христиан, и в конце концов вопрос чисто материальный изменяет свой характер и превращается в борьбу ислама с крестом.

Вот почему при малейшем явном проявлении неудовольствия какого-нибудь клочка Османской империи европейские кабинеты опасаются каждый раз возрождения из пепла Восточного вопроса и вместе с тем затруднений, опасных для общего мира, дорогого всем державам.

Принимая во внимание знание Европой этого опасного положения Турции, требуется от европейских агентов на Востоке особенная осторожность в доведении сведений о начале какого-нибудь замешательства в Турции, чтобы не приписать всякому движению преувеличенного и опасного значения, всегда естественного, ввиду общего хода дел Османской империи.

Настоящее движение Герцеговины длится уже более месяца, и какой бы ни был исход его, достаточно серьезно, чтобы, соблюдая всю необходимую осторожность, позволить себе обратить внимание на могущие быть последствия его, особенно в связи с общим положением дел в Турции в настоящее время.

Последнее крайне печально: финансовый кризис грозит в близком будущем, вследствие полного расстройтва финансов и громадного дефицита, простирающегося на текущий 1875/76 год до 5 миллионов 46 тыс. турецких золотых лир. Кредит Турции в Европе пал, и общественное мнение последней изменилось не в пользу турок. Административный хаос достиг высшей степени. Подати и налоги сделались невыносимыми по своей силе и произволу взимания. Голод в Малой Азии и полное нищенство большинства населений империи являются последствиями незаконных притеснений долгих лет. Постройка железных дорог, на проведение которых столько рассчитывали для развития естественных богатств страны, остановлена за неимением денег, и в этом неоконченном виде дороги эти только падают тяжело на без того уже расстроенные финансы империи. Румелийская сеть, отвратительно исполненная, не соединена с Европой и Сербией, и правительству грозит процесс с концессионером, где Турции придется пожертвовать еще многие десятки, если не сотни миллионов франков. Азиатской — не существует, если не считать смехотворную линию из Константинополя в Исмид.

Общие доходы империи уменьшаются. Военная отрасль (развитие организации армии и флота и вооружение страны), на которую *исключительно* обращено внимание правительства, среди всеобщего запущения остальных частей государственного управления, требует расходов не по силам в бедственном положении Турции, а полное перевооружение полевой и крепостной артиллерии и громадный заказ ручного скорострельного оружия, а также новых броненосцев потребовали за последние годы сильных экстраординарных расходов.

В счет этих заказов Турции придется еще уплатить Германии (за полевые и крепостные орудия Круппа), Америке (за ружья Henry-Martini), Англии (за новые броненосцы и патроны к скорострельным ружьям) 2 647 469 турецких золотых ливров, не вошедших еще в бюджетный дефицит, из которых 1 327 469 должны быть уплачены в течение настоящего года.

Правительство делает слабые попытки выйти из этого безнадежного положения приготовлением к новым займам, для чего, чтобы восстановить кредит свой, или сокращает жалование великого визиря и всех служащих (кроме военных), что породило новое неудовольствие и дает новый повод к взяткам, или, с другой стороны, объявляет о намерении султана провести на собственный его счет железную дорогу в Багдад, — чему тут никто не верит. Взамен сокращения жалования великий визирь обещает платить исправно жалование, чему также никто не верит, ибо даже войска в столице остаются теперь без жалования уже более 6 месяцев. Великий визирь сам свидетельствует об отсутствии чувства чести и патриотизма в высших чинах империи, угрожая генерал-губернаторам (валиям) публично в циркуляре гневом и законными карами в случае воровства и взяток по случаю уменьшения жалования. Мусульмане оскорблены продажей Зейлы¹ вице-королю и говорят, что султан вскоре продаст хедиву и Йемен и священные города Мекку и Медину.

Вопрос об изменении престолонаследия в пользу сына султана Юсуфа Изеддина, одно время замолкнувший, снова всплывает и беспокоит всех мусульман, суля волнения в будущем².

Между турками столицы и в правительственных сферах господствует уныние и предвидение чего-то смутного, опасного для их владычества.

Турки знают перемену общественного мнения Европы на их счет и приготавливаются как бы к своему падению, одни, возлагая свои последние надежды возрождения на реорганизованную и отлично вооруженную армию, другие, окончательно упавшие духом, предоставляют все на волю судьбы. «Мы могли бы, — говорил один из них, — еще несколько лет тому назад извлечь какую-нибудь пользу из банкротства, теперь и это будет бесполезно». Ни те, ни другие не имеют в виду даровать христианам не только равноправность, но самые естественные законные права. Правительство придерживается решительно того же исключительно мусульманского воззрения, ибо как объяснить спешные, чрезмерные затраты на военную часть, как не тем, что, жертвуя благосостоянием всей страны ее вооружению, правительство не намерено дать никакого истинного улучшения и действительных прав христианам, а, напротив, готовится поддерживать в близком будущем силою в Европейской Турции, во всей его неприкосновенности, безответное господство мусульманского меньшинства над христианским большинством. Таким образом, политические ошибки следуют рядом с полным внутренним расстройством.

Ежели бы Тацит жил в настоящее время, знаменитый историк представил бы теперь картину последней фазы падения империи Османа, не уступающую красками той, которой он обессмертил последние дни погибающего Рима. Понятно при таком положении дел чрезмерное опасение турок всякого движения христиан, неизбежная суровость подавления его для собственного спасения и вместе с тем искушение при этом случае покончить счеты с Черногорией и Сербией, пока еще не наступила минута банкротства. Если бы не боязнь вмешательства Европы, Турция давно бы разделалась с Черногорией и Сербией, в которых она видит главный источник волнения своих славянских подданных и которых она обвиняет наравне с австрийскими славянами в весьма естественных симпатиях к их турецким братьям. Если брать в соображение только одно настоящее состояние турецкой и сербской армий, большинство шансов успеха, по всей вероятности, на стороне первой, если только общее восстание всех турецких славян и содействие Черногории не даст возможности перевеса сербам. Подробные сведения о сербской армии я буду иметь честь представить вашему высокопревосходительству.

В Константинополе всячески уменьшают значение герцеговинского движения, газеты сначала получили приказ молчать и только в последнее время известили об успехах турок и близком будто бы подавлении восстания. Отвергая преувеличенные отзывы сербских и далматинских газет, нельзя, однако, не заметить, что почти вся Герцеговина приняла участие в движении. От австрийской границы у Метковича и Любушки, через Столац, Невесинье, Гацко к Билечу до Пивы, вся внутренность страны покрыта бандами, которые пресекли сообщения этих пунктов между собою, с Мостаром и турецкими гарнизонами на черногорско-герцеговинской границе. Причина восстания заключается, как сами турки сознаются, в чрезмерных поборах аг и правительства, и в первый раз в рядах инсургентов вместе с православными стоят католики, что показывает, что не политическая причина, а невозможность существования и гнет довели несчастных христиан Герцеговины до отчаяния и решимости лучше погибнуть с оружием в руках, чем томиться и умирать медленною смертью.

Значение восстания Герцеговины усиливается еще тем, что ему предшествовали волнения между албанцами Дибры, до сих пор не успокоенные. Передвижения, следовавшие вследствие некоторого сосредоточения войск в Дибрах, уменьшили численность турецких сил в Герцеговине на четыре батальона (вместо 11 батальонов осталось 7). В последней из 7 оставшихся батальонов 6 были размещены на границе с Черногорией (по одному батальону в Требинье, Никшиче, Дуге и Пиве и 2 кор-

донных батальона вдоль всей границы), а внутри страны было всего 1 батал[ьон], 3 горн[ых] батареи и 1 эскадрон, расположенный в Мостаре. Таким образом внутренность области, кроме одного Мостара, была обнажена от войск, и в ней-то, а не на черногорской границе, вспыхнуло восстание. Турецкие гарнизоны, разбросанные в укреплениях на черногорской границе и в Мостаре, не решаются выступать далеко внутрь страны против банд из опасения потерять эти пункты и обнажить границу. Поэтому внутренность страны в области, горы, леса и сообщения во власти инсургентов.

Таким образом, небольшое сосредоточение войск для подавления волнений в одном пункте вызывает собой открытое восстание в другом [...]

Благодаря влиянию трех великих держав на Сербию и Черногорию и также благоразумию князя черногорского, восстание ограничивается пока одной Герцеговиной. Тем не менее, несмотря на нейтралитет Сербии и Черногории, дело идет нерешительно, стычки многочисленны и кровопролитны и турки не положили конец восстанию. Если последнее продолжится, весьма вероятны волнения в Боснии, а равно и в Албании, и никто не может поручиться, что, несмотря на все усилия свои, князь Николай мог бы удержать тогда, как он успел до сих пор, своих подданных от подаяния помощи герцеговинцам при виде опустошений, совершаемых турками в христианских селах. Даже в Сербии, где все смотрят на Австрию, новые выборы в Скупшину могут заставить принять более решительную политику, хотя ни Сербия, ни Черногория не считают выгодным для себя вмешиваться в эту минуту во внутренние дела Турции, но это самое показывает, что восстание Герцеговины вынуждено невыносимыми притеснениями, не допускавшими даже удобного выбора минуты.

Другая опасность общему миру заключается в характере турецкого главнокомандующего в Боснии и Герцеговине — Дервиш-паши.

Дервиш-паша считается одним из лучших генералов Турции для горной войны. Босния, Герцеговина и Черногория ему известны по прежним походам³. Войска имеют к нему доверие, он решителен, деятелен, бодр, несмотря на то, что ему свыше 60 лет, но крайне корыстолюбив. Любит большие сборы войск, дающие ему доходы. Неоднократно старался он возбудить Порту против Черногории и увлечь ее к открытию военных действий против княжества этого еще в то время, когда был несколько лет тому назад валием Албании.

При теперешнем положении Турции, успев вовлечь ее в действия против Черногории, Дервиш-паша в случае успеха может надеяться быть великим визирем и найти в этом назначении новый случай к обогащению. Христиане считают его непримиримым и кровожаднейшим врагом своим. Селения Герцеговины зажжены им, и войска под его начальством беспощадно действуют против христианского населения, не щадя ни пола, ни возраста. При таких обстоятельствах и взаимном ожесточении действия против Черногории могут быть открыты Дервиш-пашою даже вопреки воле Порты, которая принуждена будет для собственных интересов поддержать потом своего главнокомандующего. Достаточным к тому предлогом может служить взятие нескольких черногорцев в рядах инсургентов, что всегда возможно.

Стоит обратить внимание на теперешнюю дислокацию турецких войск на границах Черногории, чтобы понять, что турки уже приняли меры для вступления в княжество при благоприятных обстоятельствах [...]

Военный агент Генерального штаба полковник Зеленой

1 Переход г. Зейлы в руки египетского хедива состоялся в 1874 г.

2. Согласно престолонаследию в Турции престол переходил обычно к старшему в династии, поэтому стремление султана Абдула Азиза сделать своим наследником старшего сына Юсуфа Изеддина вызвало недовольство других членов династии и их сторонников.

3. Дервиш-паша принимал участие в походах на Черногорию в 1853 г. (во время которого войска под его командованием овладели Граховым, где учинили зверскую расправу с жителями) и в 1862 г. (см. док. 17).

№ 10

1875 г. июль ¹. — Письмо С. М. Степняка-Кравчинского
А. Л. Линеву о необходимости выяснить характер восстания
в Герцеговине и о желательности участия в восстании русских
революционеров

Пишу вам, любезный Александр Логинов, как говорится, на ходу, потому не взыщите за краткость и отрывочность письма.

Во-первых, насчет Герцеговины. Попросите Смирнова присылать нам вырезки, коли можно, или краткие извлечения, коли нельзя, из славянских газет и уведомлений частных корреспондентов относительно хода событий в этой местности. Что дело разгорается и обещает быть серьезным — это несомненно из официальных газет. Сомнени[е] зарожда[ется] только относительно принципа, за который они поднялись. Если дело идет хотя бы за одну политическую независимость (как оно только и может быть), тогда думать нечего, ехать можно. Но до нас дошли частные слухи, что инсург[енты] подняли *австрийское знамя**. Есть опасность, что дело идет о расширении австрийских владений — ну, тогда уже нам соваться не рука. Так пусть же он обратит все свое внимание на *смысл* восстания. О размерах же его и из французских газет узнать можно.

Я смотрю на это предприятие как нельзя более серьезно. Это вовсе не будет искание приключений. Есть надежды, что из эмигрантов будет человек 10, но главное, что из России должны приехать массы, когда кликнут клич! Человек 50 наверное наберется. Ну, а ведь это очень хорошим пахнет. Коли перебьют и половину, то другая, вернувшись в Россию, будет внятеро полезнее обеих прежних половин вместе. Они уж не останятся с растопыренными руками и вытаращенными глазами перед теми ежедневными восстаниями, которые все чаще и чаще повторяют[ся] на всем пространстве нашей земли. Они будут знать, что тогда не за перья для писания, а за ножи нужно хвататься! Ну, а из этого может выйти нечто очень благоприличное. А то стыдно сказать! *На Урал, например, не пошел ни один из наших!*² А какую там кашу могла бы заварить организованная кучка человек в 10, не больше.

Впрочем, я забыл, что мы, кажется, расходимся в этом вопросе. Говорю «кажется» потому, что к этому я пришел из разговоров с Клеменцом. А из того, что вы ничего не имели против Мудрицы**, я пришел было к другому. Ну, да об этом предмете мы поговорим подробнее, когда нам будут известны ваши «ответы» на вопросы, привезенные Гносбу***. Пожалуйста, сообщите их (т. е. ответы) нам. Это очень важно.

Теперь же перейду к другому, к Мудрице. Премного благодарен вам за экземпляры. Только я бы советовал отнюдь не распространять Муд-

* См. прим. 2 к док. 17.

** «Мудрица Наумовна» — произведение Кравчинского.

*** Слово написано нечетко и читается предположительно.

р[ицу] за границей под одним из ее псевдонимов. Коли нет экз[емпляров] с настоящим назв[анием], то лучше вырвать совсем заглавн[ый] листик, (что я и сделал во всех моих экз[емплярах]). Но это не важно. Важно, что теперь у нас в Париже один из наших товарищей, который заведует перевозкой. Коли хотите, чтоб перевозка ускорилась, напишите, по какому пути вы послали ее. А если чего не послали еще, то напишите и об этом.

А Волю я кончу непременно в найскор[ейшем] врем[ени], хоть как-нибудь, чтоб во всяк[ом] случ[ае] перед экспед[ицией] она уж была готова.

До свидания. Кланяйтесь всем, а наипаче моему будущему отцу командиру. Я с своей стороны от души подаю за него голос и обещаю ему чинить всякий респект и послушание.

Ваш Сергей

ЦГИАМ, ф. 1762, оп. 4, д. 425, лл. 19—20 об. Автограф.

1. Датируется на основании содержания документа. Известно, что С. Кравчинский решил отправиться в Герцеговину после событий в Невесиње 23 июня (5 июля) 1875 г. (9, стр. 287; 75, стр. 99). В августе он был уже там. Кроме того, в письме говорится о том, что «инсургенты подняли австрийское знамя». Проставри́йская агитация в Герцеговине приняла широкие размеры в июне—июле 1875 г. Все это говорит в пользу того, что письмо написано в июле 1875 г. Более точно датировать документ не удалось.

2. Имеется в виду то, что «хождение в народ» распространилось главным образом по европейской части России, исключая Кавказ и самые северные губернии; Урал и Сибирь также остались вне поля зрения пародической пропаганды (9, стр. 186).

№ 11

1875 г. июль*. — Письмо С. М. Степняка-Кравчинского
П. Л. Лаврову о цели своей поездки в Герцеговину и Сербию

Получил я, любезный друг, ваше письмо.

Вы не одобряете нашего намерения, я этого и ожидал. Но все-таки я остаюсь при своем. Ехать стоит, если дело идет хотя бы за одну политическую свободу. Вы ошибаетесь только, если думаете, что нас она сама очень уж интересует. Коли и есть от нее какой-нибудь прок, то всего более отрицательный: пока народ томится под властью чужеземцев и иноверцев, соц[иальный] вопрос всегда отступ[ает] у него на задний план, даже скорей совсем удаляется со сцены. Но хотя с этой точки зрения политич[еская] своб[ода] славян и полезна, но не об этом дело. Она нужна нам только как знамя, за которое все-таки можно драться, не навлекая на себя ни пятна, ни порицания даже. Это все-таки дело служения *народу*, хотя и очень маленькое. По-моему, эта экспедиция им[еет] для нас гл[авн]ым образом воспитательн[ое] зн[аче]ние. Мы вернемся из нее совсем иными людьми, а это чего-нибудь да стоит. Конечно, не все мы вернемся, ну да уж что делать — даром ничего не достается.

Что же касается до служения социальной рев[олюции], то я глубоко убежден, что мы послужим ей несравненно больше, чем всякими своими пропагандами. Там мы столкнемся с массой сербской и всякой славянской молодежи, с которой можно будет завязать самые тесные, самые прочные, искренние и глубокие связи, потому что печего и говорить, что участие русских социалистов в таком деле, рядом со всеми нашими брат[ь]ями и единомышленниками, установит сразу такие хорошие, теплые и задушевные связи, которые невозможны ни при каких других условиях.

* Написано, по-видимому, след за письмом А. Л. Линеву (см. док. 10 и прим. 1 к нему).

Только ведя одно общее дело, в котором обнаруживаются качества людей, в котором общая радость, общая опасность сближает людей, можно сойтись с людьми так близко, как необходимо для дальнейшего серьезного дела. Иначе же это будет только обмен оперных* поклонов и поздравлений. Серьезной же связи не будет, как не было до сих пор. Вот почему я и Кл[еменц], мы остаемся при прежнем намерении. Но из газет ничего невозможно узнать сколько-нибудь определенного. Поэтому мы пришли к заключению, что нужно ехать одному из нас на место и оттуда телеграфировать или написать, что и как. Поеду я и поеду в пятницу, т. е. через 4 дня. Думаю ехать в Белград, потому что там, как слышно, много наших единомышленников. Так снабдите меня, пожалуйста, рекомендательными письмами ко всем им, даже к тем, кто в других местах. Можно списаться и повидаться даже, быть может. Напишите также, кто на каком языке говорит, чтобы знать, как писать, коли придется писать.

Итак жду ваших писем. Без них я, конечно, не поеду. Но, пожалуйста, поторопитесь, чтоб не задерживать. Если же у вас там нет больше никого, то уведоьте. До пятницы можно обменяться письмами.

Кланяйтесь всем.

А ответы пришлите. Коли до моего отъезда, то на мое имя, а коли не успеете, то Кл[еменцу]— адрес тот же, но только A. M. David, вм. Maximilien. А коли очень затянется, так что и Кл[еменц] будет близок к отъезду, то уж присылать, конечно, нечего.

Ваш Сергей Кравчинский

ЦГИАМ, ф. 1762, оп. 4, д. 425, лл. 17—18. Автограф.

№ 12

1875 г. августа 1. — Донесение секретаря русского генерального консульства в Руссучке И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву об отношении болгар к восстанию в Герцеговине и деятельности болгарской революционной эмиграции в Румынии во главе с Христо Ботевым

№ 253

В здешней задавленной стороне герцеговинское движение не произвело доселе почти никакого определенного впечатления¹. Простой народ слишком забит и неграмотен, чорбаджии заботятся исключительно о своих личных интересах, особенно теперь, в пору сбора хлебов и сдачи правительством на откуп десятины², а молодежь донельзя запугана направленными на нее с 1867 года систематическими преследованиями за всякое поползновение к свободной мысли³.

«Дунав»⁴ в одном из предшествовавших номеров заявил, что восстание подавлено, а теперь в последнем 1986 №, заимствуя сведения из царградских газет о победах, одержанных султанскими войсками над «разбойниками, злодеями и развратниками», надеется, что «под сенью е. и. в. султана, при мудрых мерах его высоч[ест]ва главного виляетского управителя, восстание будет скоро затоптано» и прибавляет, что «жители Герцеговины начали уже вторично теплые молитвы за долгоденствие е. в. султана».

Однако же в Руссучке плохо этому верят, особенно после последней почты из Константинополя, на основании обнародованной в «Comptier d'Orient»⁵ прокламации Дервиш-паши, из которой видно, что в восстании участвует не только христианское, но и магометанское население

* Слово написано нечетко и читается предположительно.

Герцеговины, так как вали приглашает «священников и имамов уговорить народ». Из этого же заключают, что если восстание не возбуждено и не поддерживается Австрией, то рассчитывает на ее поддержку, так как мусульмане не могут быть расположены к соединению с Черногорией или Сербией. За скорое же умиротворение Герцеговины мало говорит посылка на сербскую границу турецких войск. Так, например, вчера отправлен отсюда с большой церемонией и музыкой на пароходе с шлепом батальон (около 800 чел. и 20 лошадей), пришедший накануне из Шумлы, по направлению через Лом в Ниш. В то же время всем добруджиским каймакамам предписано озаботиться покупкой лошадей (около 200, ценою не выше 12 лир за голову) для отправки в Видин (Г. Пампулов уверяет, что такого количества лошадей не найдется в этой местности).

Но если жители Дунайского вилаета ⁶, болгаре, все это слышат и видят пассивно, то на левой стороне Дуная болгарская эмиграция горячится не в меру. По ее органу «Знамя» ⁷ от 27 июля, № 23, восстание в Герцеговине в полном разгаре, так что турки должны были направить в Герцеговину, Боснию и Северную Болгарию 50 тыс. войска с 90 пушками и 2 тыс. вьюков оружия и боевых снарядов для раздачи мухаммеданскому народонаселению этих местностей. Все герцеговинские ускоки, проживавшие в Сербии с агитатором Любibrатичем во главе, отправились на родину. В Загребе составлен комитет для помощи восставшим. Даже афинские греки производят демонстрации в их пользу. Турки неистовствуют. Они выжгли с народом селения Горици и Габели, за что герцеговинцы в отместку вырезали всех мусульман в с. Добра. Князь Милан уехал в Вену; князь Николай, князь Карл и король Георгий спешат за ним туда же, «где генерал Игнатьев, первый политик и дипломат на Востоке, ожидает представителей от законных наследников умирающего деспота и где решается судьба порабощенного Балканского полуострова» ⁸. Поэтому «Знамя» призывает болгар к немедленному восстанию, чтобы при спокойствии не быть обделенными в разделе Европейской Турции.

Все это очень горячо и хотя патриотично, но очень молодо и выходит из-под пера г. Ботева (воспитанника Одесской семинарии) ⁹, заменившего Каравелова окончательно, кажется, сознавшего, что кривая линия в данном случае ведет от одной точки до другой скорее, чем прямая, т. е. что народ болгарский можно и нужно приготовить к восстанию после неудачных опытов прошедшего лишь просвещением. Он неутомимо издает хорошо идущий журнал «Знание», разные учебники и популярные книги. Поэтому между Ботевым и Каравеловым отношения холодны и натянуты ¹⁰. Ботев обещает обнародовать вскоре прокламацию. Но пока нет оснований предполагать, что патриотические стремления эмиграции перейдут в дело. Элементов для него в Дунайском вилаете, как мы уже сказали, нет. Четам же с той стороны, если они найдут возможность образоваться, перейти в Болгарию трудно, а удержаться здесь надолго еще труднее. Денежных средств у эмиграции мало, хотя и есть, например, капитал «Букарестской добродетельной дружины» ¹¹, значащийся по отчету в 163 590 пиастров. Итак, можно думать, что небезопытная уже болгарская эмиграция во всяком случае подождет того, чтобы Герцеговинское восстание приняло действительно серьезные и тем самым благоприятные для болгарского вопроса размеры и, вероятно, поэтому-то ничего серьезного пока из-за Дуная не слышно.

С глубоким почтением и т. д.

Р. S. 2 августа. По слухам сегодня должны отправиться из Варны в Герцеговину 2 батальона (по 800 в каждом), а на завтра ожидают чрез Русчук из Шумлы 3 батальона.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 769, лл. 54—56. Копия.

1. Крылов ошибается. В действительности герцеговинское восстание имело довольно сильный отзвук в Болгарии, где в 1875—1876 гг. назревал революционный кризис (ср. 47, стр. 147—154; 14, стр. 74—91, см. также док. 18 и примечания).

2. Турецкое правительство отдавало на откуп за определенную сумму мусульманам или христианам сбор йощур (десятины). Откупщик организовывал сбор налога, используя содействие местных властей. Эта система чрезвычайно ухудшала экономическое положение сельского населения.

3. Крылов с основанием отмечает, что после перехода болгарских чет из Румынии в Болгарию в 1867 и 1868 гг. турецкие власти жестоко преследовали всякое проявление революционного движения. Были убиты, повешены и посажены в тюрьмы сотни болгарских революционеров. Однако утверждение Крылова, что молодежь «донельзя» запугана этими преследованиями, не отвечает действительности. Именно после 1868 г. в Болгарии была создана сильная внутренняя революционная организация, которая продолжала работать до 1877 г. Из-за ее строго конспиративного характера русский дипломат не мог много о ней знать. Так, в Рушуке существовал революционный комитет с 1871 г., в который входили и некоторые болгары, работавшие в русском консульстве. В 1874 г. Рушукский комитет играл руководящую роль в Болгарии. С 1871 по 1877 г. он осуществлял связь между БЦРК в Бухаресте и комитетами в Болгарии (ср. 62, стр. 142—160, 191—195; 12, стр. 100, 106, 113—120).

4. Газета «Дунав» (1865—1877) издавалась в Рушуке на турецком и болгарском языках в качестве официального органа вилайетского управления.

5. «Cougrier d'Orient» — газета, выходившая в Константинополе на французском языке.

6. Дунайский вилайет включал всю северную и часть западной Болгарии с Софией. Первым его губернатором был Мидхат-паша.

7. «Знаме» — орган БЦРК, редактировавшийся Христо Ботевым. Вышло 27 номеров с 8 декабря 1874 г. по 14 сентября 1875 г.

8. Из статьи «Революция народна, незабавна, отчаяна», Букурещ, 26 юли («Знаме», 27 июля 1875 г; 10, т. 2, стр. 97).

9. Ботев учился не в семинарии, а во 2-й Одесской реальной гимназии.

10. 12 октября 1874 г. Л. Каравелов, который был председателем БЦРК и редактором его печатных органов, приостановил издание революционной газеты «Независимость» и в январе 1875 г. начал редактировать журнал «Знание». Это было истолковано, как отказ Каравелова от политической деятельности и переход его на просветительские позиции. В действительности Каравелов оставался сторонником восстания, но главным залогом его успеха считал согласованность болгарского национально-освободительного движения с действиями сербского правительства. Чтобы провести свою точку зрения, он стремился к полновластию в революционной организации. Позиция Каравелова была встречена в среде БЦРК неодобрительно, и в августе 1875 г. общее собрание революционной организации вывело его из комитета. Во главе БЦРК стал Ботев, который в декабре 1874 г. начал издание газеты «Знаме».

11. В среде болгарской эмиграции существовали две группировки, называвшиеся «старые» и «молодые». Первая — была группировкой крупной консервативной буржуазии, в которой видную роль играли братья Х. и Е. Георгиевы, митрополит Панарет Рашев и др. Она ориентировалась на Россию и от нее ожидала освобождения Болгарии. «Молодые» группировались вокруг БЦРК. Хотя в их среде не было единства взглядов и существовала, наряду с революционно-демократической группировкой, либерально-буржуазная, «молодые» стремились в общем к завоеванию свободы путем восстания. После поражения Апрельского восстания либеральная группа становится господствующей в организациях «молодых». «Добродетельная дружина» была организацией «старых». Она обладала значительными средствами, полученными по завещаниям богатых болгар (27, стр. 737—779).

№ 13

*1875 г. августа 2. — Письмо В. Живановича¹ члену БЦРК
Л. Каравелову² с призывом начать борьбу за освобождение
болгарского народа*

Неготип

Драги мој Љубене!

«Сад ил'никад» треба показати свету, да смо створени да живимо као слободни народ, а не као сини робови! Видиш, брате, како се на полуострву Балканском бѹди свест славенска. Видиш, Љубене, како Херцеговци, па већ и Бошњаци, кржаве и јуначке мејдане деле са својим веков-

ним душманима. Чујеш ли, како су браћа наша устала противу Турчина, да се с њим на живот и смрт боре? Знаш ли, мој Љубене, да је већ сва Босна и Ерцеговина у пламену, из кога ће Србин изаћи с мачем у вис као победитељ? Па кад све то видиш, знаш и чујеш, докле ћеш с браћом Бугарима оклевати и са скрштеним рукама гледати ову лепу и дивну прилику, која нам се неће брзо и лако појавити. Не оклевај већ делај, па шта бог да и срећна јуначка. Сад би требало да одма одеш у Београд ради споразумљења.

А како је наша мама и наша Ната?* Једу ли лубенице и сећају ли се и нас? Поздрави их најљубазније од нас обоје и буди и ти исто тако поздрављен с тим додатком, да те увек грли и љуби твој

Васа [Живанович]**

Ово ће ти писмо предати командант балканске артиљерије Арса, Арсица наш.

НБВК—БИА, ф. 2, д. 7, лл. 1—2. Автограф.

1. Автором писма јављается, по-видимому, Васа Живанович, «начелник крајински» (в Неготине), который был послан для изучения положения болгарских добровольцев, участников сербско-турецкой войны в поябре 1876 г. (НБВК—БИА, ф. 8, д. 2, лл. 55—56). Он, по всей вероятности, является тем самым Живановичем, который был сербским представителем при переговорах между болгарами и сербами о совместных действиях в 1876 г. (см. док. 89; 2, т. I, стр. 151—155).

2. К Каравелову, известному в качестве активного сторонника совместных действий сербов и болгар против Османской империи, часто обращались сербские деятели для заключения соглашений в этом направлении (26, стр. 285; 2, т. I, стр. 151—155).

№ 14

1875 г. августа 7. — Донесение русского генерального консула в Белграде А. Н. Карцова А. Г. Жомини о солидарности сербского народа с повстанцами Боснии и Герцеговины

№ 30

Belgrade

Monsieur le baron!

Dans la crise que traverse en ce moment la Serbie¹ les événements se succèdent avec tant de rapidité qu'il m'a fallu me borner à en référer au ministère impérial par les télégrammes adressés soit directement au nom de votre excellence, soit par l'entremise de notre ambassade à Vienne.

Le cadre restreint imposé aux communications télégraphiques m'ayant ainsi condamné à la plus stricte sobriété, je crois aujourd'hui de mon devoir de réparer ces lacunes en jetant un coup d'oeil retrospectif sur les diverses phases de la situation depuis le départ du prince Milan à Vienne².

Quelques heures avant de se rendre à bord, son altesse me fit inviter au palais par son ministre des affaires étrangères et me parla longuement des nouveaux embarras que lui suscitait l'insurrection en Herzégovine. Les sympathies de son peuple pour cette insurrection et l'éventualité d'un danger commun allaient sans doute amener un trêve aux dissensions intérieures des partis***; mais d'autre part elles allaient peut-être le pousser lui-même dans une politique qui pourrait lui aliéner la bienveillance de l'Europe entière. Dans cette alternative il allait, me dit-il, parler à coeur ouvert à mr Novicow et faire un appel à son expérience diplomatique dans la

* Жена Каравелова — Наталия (Ната).

** Фамилия написана неясно и указана предположительно.

*** См. прим. 1 к данному документу.

persuasion que l'ambassadeur de Russie était le seul capable de lui donner des conseils inspirés par le désir sincère de bien être futur de la Serbie.

Le temps que le prince Milan passait à Vienne, — se partageant entre le cercle de ses parents et amis attirés par ses fiançailles et des conférences avec les diplomates réunis dans cette capitale, — fut employé par son peuple à la formation de comités de secours * qui s'organisèrent en peu de jours presque dans toutes les villes de la principauté. A l'installation du «Comité de la slave» à Belgrade ³ une interpellation d'un de ses membres mit en relief les appréhensions qui couvaient déjà depuis quelque temps dans l'esprit public au sujet de l'attitude équivoque de l'Autriche en face de l'insurrection en Herzégovine ⁴. Dans un discours prononcé à cette occasion l'orateur, récapitulant le voyage de l'empereur François-Joseph en Dalmatie et les députations qu'il y reçut de l'Herzégovine et de la Bosnie, les voyages à travers ces mêmes pays de mr Strossmayer et du baron Hubner qui y distribua, dit-on, une somme de 20 m. ducats et y fut accompagné par un officier de l'état-major autrichien, enfin en ces derniers temps la grande tolérance des autorités magyares et croates à l'égard de comités semblables dans les villes de leur juridiction, — toutes ces circonstances faisaient forcément naître des hésitations quant aux véritables vues de la politique austro-hongroise. Or, pour eux il serait doublement pénible, ajouta l'orateur, de faire dès à présent des sacrifices qui tourneraient uniquement au profit de l'Autriche s'il était vrai que cette puissance eût déjà préparé le terrain pour s'annexer la province insurgée, ainsi que la Bosnie, au détriment des aspirations traditionnelles des serbes.

Pendant ce temps, le ministre des affaires étrangères venait me voir tous les jours. Je l'instruisis sans retard de la teneur du télégramme par lequel votre excellence avait bien voulu m'informer de l'entente entre les trois grandes puissances au sujet de l'insurrection en Herzégovine. Je lui transmis également les considérations que mr Nélidow me fit parvenir par voie télégraphique à la date du 23 juillet et qui m'invitaient à représenter sérieusement au gouvernement de son altesse qu'en favorisant l'insurrection il risquait de s'aliéner les sympathies et la protection de l'Europe. En réponse à ces représentations, mr Boghitchévitch se contenta de me confirmer ce que j'avais déjà recueilli de l'opinion publique, voir que le prince Milan ne serait plus en état de maîtriser l'entraînement général et qu'à moins d'abdiquer il n'aurait d'autre alternative que de se mettre à la tête du mouvement.

Indépendamment des secours pécuniaires adressés aux insurgés par les comités, plusieurs riches négociants du pays se chargèrent de fournir des armes et des vêtements aux bosniaques et aux herzégoviniens exerçant en Serbie diverses industries et qui dès le 18 juillet avaient déjà commencé à s'acheminer par petits détachements vers le théâtre de l'insurrection à travers la Croatie par les bateaux de la compagnie Danubienne. Mais à la date du 2 août le consulat général d'Autriche-Hongrie ayant notifié au gouvernement princier que le passage par cette voie serait désormais interdit aux gens armés, les nouveaux détachements ont commencé depuis hier à suivre la voie de terre à travers la principauté, par Loznitza vers la vallée de la Drina où à une heure de la frontière serbe vient d'éclater en Bosnie près de Bélina, une nouvelle insurrection.

Quoiqu'il en advienne, le gouvernement princier s'est borné jusqu'à présent à n'autoriser le recrutement de ces bandes que parmi les sujets ottomans en repoussant péremptoirement les nombreuses demandes de ce genre dont il se voit tous les jours obsédé de la part de ses propres sujets.

---

* См. прим. 1 к док. 8.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le baron, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Kartzow

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 266, лл. 5—8. Подлинник.

Перевод

Белград

Господин барон!

При кризисе, охватившем сейчас Сербию ¹, события развиваются с такой быстротой, что мне пришлось сообщать о них императорскому министерству лишь телеграммами, адресованными или непосредственно вашему превосходительству, или при посредничестве нашего посла в Вене.

Ограниченные возможности телеграфных сообщений принуждали меня также к большой сдержанности, и сейчас я считаю своим долгом восстановить пробелы. Сделаю ретроспективный обзор различных фаз политического положения после отъезда князя Милана в Вену ².

За несколько часов до отъезда его высочество пригласил меня через своего министра иностранных дел во дворец и пространно рассказывал мне о новых затруднениях, возникших у него в связи с восстанием в Герцеговине. Симпатии его народа к этому восстанию и ожидание всеобщих осложнений приведут, без сомнения, к передышке в междоусобной борьбе партий, но, с другой стороны, они принудят его самого, может быть, к такой политике, которая может лишить его благосклонности всей Европы. Об этой возможности, сказал он мне, он будет говорить откровенно с г-ном Новиковым, обращаясь к его дипломатическому опыту, убежденный, что только посол России один способен дать ему советы, подсказанные искренним желанием будущего благосостояния Сербии.

Пока князь Милан был в Вене, деля время между своими родственниками и друзьями, привлеченными его помолвкой, и беседами с дипломатами, аккредитованными в столице, народ создавал комитеты помощи, которые были организованы в течение нескольких дней почти во всех городах княжества. После организации Славянского комитета в Белграде ³, в запросе одного из его членов было подчеркнуто опасение общенациональности, вынашиваемое уже в течение нескольких дней, в связи с двусмысленным отношением Австрии к восстанию в Герцеговине ⁴. В одной из речей, произнесенных по этому поводу, оратор, говоря о поездке императора Франца-Иосифа по Далмации и депутациях, принятых им от Боснии и Герцеговины, о поездках по этим же самым краям г-на Штросмайера и барона Гюбнера, который роздал здесь, как говорят, 20 тысяч дукатов и был сопровождал офицером австрийского генерального штаба, наконец, о больших льготах, предоставленных в последнее время венгерскими и хорватскими властями подобным комитетам в подчиненных им городах, — подчеркнул, что все эти обстоятельства неизбежно порождают сомнения относительно истинных целей австро-венгерской политики. Кроме того, добавил оратор, это будет вдвойне тяжело для них самих приписать уже сейчас жертвы, которые пойдут на пользу Австрии, если верно то, что эта держава уже подготовила почву для аннексии восставшей провинции, равно как и Боснии, в ущерб традиционным стремлениям сербов.

В течение этого времени министр иностранных дел ежедневно посещал меня. Я без замедления сообщал ему содержание телеграмм, которыми ваше превосходительство благосклонно информировало меня о соглашении между тремя великими державами по поводу восстания в Герцеговине. Я передал ему также соображения, присланные мне по телеграфу г-ном Нелидовым от 23 июля, который предлагал мне самым серьезным образом дать понять правительству его высочества, что, содействуя восстанию, оно рискует лишиться покровительства и сочувствия Европы. В ответ на эти сообщения г-н Богичевич удовольствовался подтверждением того, что я смог узнать, учитывая общественное мнение, т. е., что князь Милан не будет в состоянии подавить всеобщее воодушевление и что если он не пойдет на отречение от престола, то у него не будет другого выбора, как возглавить движение.

Независимо от денежной помощи, направленной повстанцам комитетами, многие богатые купцы обязались снабдить оружием и одеждой босняков и герцеговинцев, занимающихся в Сербии различными ремеслами. Последние, начиная с 18 июля, отправляются небольшими отрядами к месту восстания через Хорватию на пароходах Дунайской компании. Поскольку австро-венгерское генеральное консульство официально уведомило княжеское правительство, что отныне этот путь будет закрыт для вооруженных людей, то со вчерашнего дня новые отряды проходят через княжество в районе Лозницы по направлению к долине Дрины, где на расстоянии одного часа от сербской границы вспыхнуло новое восстание в Боснии около Белины.

Как бы то ни было, княжеское правительство ограничилось до сих пор тем, что разрешило создавать отряды из оттоманских подданных, решительно отвергая многочисленные требования подобного рода, которыми его осаждают ежедневно свои подданные.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин барон,
вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Карцов

1. Карцов имеет в виду острую политическую борьбу в сербской народной скупщине между консерваторами и либералами, заставившую князя Милана 13 марта 1875 г. распустить скупщину и на 3 августа 1875 г. назначить новые выборы. Несмотря на усилия консервативного министерства Данилы Стефановича, либералы одержали победу на выборах. 4 августа 1875 г. правительство консерваторов подало в отставку. Министерский кризис продолжался до 19 августа 1875 г., когда был сформирован либеральный кабинет во главе со Стевчей Михайловичем, получивший название первого «министерства действия».

2. Поездка князя Милана в Вену была связана с его помолвкой.

3. Главный комитет помощи восстанию был основан в Белграде в начале августа 1875 г. под председательством сербского митрополита Мухавла. Он был распущен в июне 1876 г. с началом войны Сербии с Турцией; в сентябре 1876 г. его деятельность была вновь возобновлена (док. 270, 314, 366). Главный комитет в Белграде оказывал денежную и материальную помощь, а также политическую поддержку восстанию в Боснии. Через него сербское правительство осуществляло свое влияние на восстание (102, стр. 389—391; 11, стр. 125).

4. В Сербии ошибочно полагали, что восстание в Герцеговине было инспирировано австрийскими властями. Австро-венгерское правительство, с одной стороны, оказывало материальную помощь беженцам, не препятствовало деятельности комитетов помощи восстанию в Боснии и Герцеговине, поддерживало в населении областей желание присоединения Боснии и Герцеговины к австрийским владениям. С другой стороны, проекты реформ графа Андраши имели целью умиротворение восставших провинций. Опасение известной части общества Сербского княжества, вызванное таким двусмысленным отношением Австро-Венгрии к восстанию, выражало боязнь ухода Боснии из сферы сербского политического влияния в сферу влияния Австро-Венгрии.

№ 15

1875 г. августа 7. — Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини о намерении Сербии объявить войну Турции и о просьбе князя Милана определить позицию России в случае оккупации Австро-Венгрией территории Сербии

№ 33

Belgrade

Très secret

Monsieur le baron!

Le prince Milan est revenu de son voyage à Vienne le 31 juillet.

Dès le lendemain je fus trouver son ministre des affaires étrangères pour obtenir par son entremise une audience au palais dans le but de féliciter son altesse à l'occasion de ses fiançailles. Dans le cours de notre entretien mr Boghitchevitch me dit un mot qui me parut si exactement définir la situation

du moment que je prends la liberté de le citer tel quel à votre excellence. «Son altesse, me dit-il, apporte la paix et trouve ici la guerre».

En effet, le jeune prince, endoctriné à Vienne par de nombreuses conférences avec les diplomates étrangers et les hommes d'état autrichiens et s'étant peut-être avancé jusqu'à un engagement formel vis-à-vis de l'empereur François-Joseph lui-même à maintenir une stricte neutralité, — fut dès son débarquement emporté par le courant belliqueux qu'il trouva dans sa capitale. Quelques heures de contact avec sa nation lui suffirent pour se convaincre à quel point ses engagements éventuels étaient contradictoires aux aspirations ambitieuses du pays.

Pour ma part je fus à même de constater ce revirement dans l'esprit de son altesse dès le début de l'audience que j'eus au palais le 3 courant.

Ne me laissant pas le temps d'exprimer mes félicitations le prince m'interrompit. «Vous savez que je prépare à faire la guerre à la Turquie», — me dit-il; et apercevant aussitôt du mouvement de surprise qui m'échappa à cette déclaration inattendue, son altesse sourit amèrement et ajouta: «veuillez donc pour un instant vous départir de votre raideur officielle et écoutez-moi en simple particulier».

«Vous connaissez trop bien la situation du moment pour ne pas apprécier la terrible position où je me trouve depuis mon retour de Vienne. D'une part — impossibilité absolue de maîtriser le mouvement national en faveur de l'insurrection en Herzégovine; de l'autre — l'abdication, qu'en d'autres temps je ne considérais guère comme un malheur pour moi, mais qu'en ce moment de crise j'envisagerais comme une lâcheté à laquelle je préférerais même une mort violente. Le seul parti qu'il me reste donc à prendre c'est de céder à l'entraînement général et de me mettre à la tête de mon peuple».

«Cet entraînement, en toute sincérité, je n'oserais le reprouver; car si jamais la Serbie voulait accepter le rôle de Piémont¹ slave, rôle qui semble lui avoir été désigné par la providence, elle ne saurait choisir un moment plus favorable. En le laissant échapper cette fois encore, elle serait en dernier ressort jugée indigne de son existence nationale par cette même Europe, si unanime aujourd'hui à exiger de ce pays une neutralité qui serait pour lui un suicide politique».

En me parlant ainsi le prince était profondément ému. Après quelques instants de recueillement il ajouta «Et maintenant permettez-moi de m'adresser à l'agent de sa majesté, qui toujours a daigné couvrir la Serbie de sa magnanime protection».

«Il me vient presque certain que je me verrai entraîner à faire la guerre à la Turquie, et je prévois qu'en ce cas nous ne saurions être traités autrement qu'en insurgés; mais j'accepte cette position à mes risques et périls, et je n'ose solliciter de la bienveillance de sa majesté qu'une seule grâce ce serait m'informer positivement: la Russie admettrait-elle l'éventualité d'une occupation autrichienne en Serbie dans le cas où cette principauté entrerait en campagne contre la Turquie?»

Le prince termina en me priant de transmettre son humble requête à S-t Pétersbourg par voie télégraphique vu qu'une prochaine insurrection en Bosnie allait sûrement compliquer plus encore les difficultés de sa situation.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le baron, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Kartzow

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 266, лл. 15—17. Подлинник.

Господин барон!

Князь Милан вернулся из своей поездки в Вену 31 июля.

На следующий день я встретился с министром иностранных дел, чтобы получить при его посредничестве аудиенцию во дворце, с намерением поздравить его высочество по случаю помолвки. Во время нашей беседы г-н Богичевич сказал мне нечто, что, мне кажется, очень точно определяет настоящее положение и что я беру на себя смелость процитировать в том же виде вашему превосходительству. «Его высочество, — сказал он мне, — принес мир и нашел здесь войну».

В самом деле, поучаемый в Вене на многочисленных совещаниях с иностранными дипломатами и австрийскими государственными деятелями и, может быть, даже давший формальное обязательство по отношению к самому императору Францу-Иосифу поддерживать строгий нейтралитет, молодой князь по возвращении был увлечен воинственным потоком, с которым он столкнулся в своей столице. Несколько часов, проведенных среди своего народа, ему было достаточно, чтобы убедиться, насколько его случайные обязательства противоречат устремлениям народа его страны.

Со своей стороны я должен был отметить эту перемену в мыслях его высочества с самого начала аудиенции, которую я имел во дворце 3-го числа текущего месяца.

Не дав мне времени прийти поздравления, князь прервал меня: «Вы знаете, что я готовлюсь объявить войну Турции», — сказал он мне и, заметив тотчас возглас удивления, вырвавшийся у меня при этом неожиданном заявлении, его высочество с горечью улыбнулся и добавил: «Будьте, пожалуйста, добры хоть на мгновение оставить вашу официальную сдержанность, послушайте меня запросто».

«Вы слишком хорошо знаете события настоящего момента, чтобы не оценить того ужасного положения, в котором я нахожусь со времени моего возвращения из Вены. С одной стороны, абсолютная невозможность подавить национальное движение в поддержку восстания в Герцеговине; с другой — отречение от престола, которое в иные времена я не считал бы несчастьем для себя, но в момент кризиса я оцениваю как трудность, чему бы я предпочел даже паспльственную смерть. Единственное решение, оставшееся для меня, — уступить всеобщему воодушевлению и стать во главе моего народа».

«Это воодушевление совершенно искренне, и я не осмеливаюсь этого отрицать ибо, если Сербия желала бы когда-либо принять на себя роль славянского Пьемонта¹, роль, какая, как кажется, предназначается ей провидением, она не смогла бы найти более благоприятного момента. Если она не воспользуется им на этот раз, то она будет окончательно осуждена, как недостойная своего национального существования, той же самой Европой, которая так единодушно требует сегодня от этой страны нейтралитета, являющегося для нее политическим самоубийством».

Говоря это мне, князь был глубоко взволнован. После нескольких минут раздумья он добавил: «А теперь разрешите мне обратиться к представителю его величества императора, который всегда удостаивал Сербию своим великодушным покровительством».

«Почти очевидно, что я буду вынужден объявить войну Турции, и я предвижу, что нас будут считать в этом случае не иначе, как мятежниками, но я принимаю это на свой страх и риск и осмеливаюсь просить его величество благосклонно оказать мне лишь одну милость: сообщить мне положительно: допустит ли Россия возможность австрийской оккупации Сербии в том случае, если княжество начнет кампанию против Турции».

Князь закончил, прося меня передать его покорную просьбу в С.-Петербург телеграфом, так как ожидающееся восстание в Боснии безусловно еще больше затруднит его положение.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин барон,
вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугой
Карцов

1. Взгляд на Сербию, как на южнославянский Пьемонт, составлял основу великосербской внешнеполитической концепции господствующих кругов Сербии в XIX в. Эта идея впервые была сформулирована Илией Гарашаниным в 1844 г. Ею руководствовался князь Михаил Обренович в 60-х годах XIX в. в своей внешней политике. Позже она была воспринята и его преемником Милошем. Согласно этой концепции, южнославянские народы Балканского полуострова должны быть *присоединены* к Сербии, образовав обширную славянскую империю во главе с сербской династией, напоминая средневековой империи сербского царя Стефана Душана. Против такой реакционной великосербской программы решительно выступали лишь революционные демократы и социалисты во главе со Светозаром Марковичем, которые отстаивали революционный путь решения Восточного вопроса, подчеркивая при этом, что внешнее освобождение сербского народа является составной частью его внутреннего освобождения.

Незадолго до смерти С. Маркович в своей газете «Освобождение» (от 13 января 1875 г.) писал: «Сравните на самом деле Сербию и Пьемонт: Италию с 22 миллионами населения, составляющую единое географическое целое, исповедующую общую веру и принадлежащую к одной национальности, и Сербию с 5—6 миллионами, рассеянными в разных областях, с различной верой и окруженную разными славянскими племенами. Что общего здесь может быть в деятельности за освобождение? Пьемонт, с одной стороны, оказался в союзе с Францией, с другой — с итальянской *революционной* [курсив автора] партией, которая давно трудилась над пародным объединением в своей Италии. Союзом с Францией он изгнал австрийцев из Италии, союзом с революцией уничтожил все правительства других государств, и «единая Италия» создана. Таким ли является положение Сербии? Может ли Сербия что-либо подобное сделать? Ну конечно, ничего» (48, стр. 242—243).

№ 16

1875 г. августа 9. — Письмо А. Г. Жомини русскому послу в Вене Е. П. Новикову о необходимости согласования позиции России и Австро-Венгрии в Восточном вопросе

№ 89

Les questions que votre excellence est invitée à aborder vis-à-vis de mr le comte Andrassy sont aussi importantes que délicates. Sa majesté l'empereur s'en remet à votre tact quant au mode d'y procéder.

Il ne faut pas effaroucher prématurément le cabinet de Vienne. A en juger par le départ du comte Andrassy pour la campagne, il semble ne pas avoir d'appréhensions trop sérieuses quant à présent. Nous souhaitons qu'il ait raison.

Mais les événements peuvent d'un moment à l'autre l'obliger à sortir de cette quiétude. Nous aurions désiré ne pas attendre cette extrémité pour compléter notre entente avec lui. Mais en ce cas elle sera plus nécessaire que jamais et la volonté de l'empereur est que dans cette prévision vous soyez instruit de toute sa pensée.

Nous entamons ces explications dans les meilleures intentions. L'Autriche et nous, nous sommes fait jadis beaucoup de mal. Aujourd'hui nous pouvons nous considérer comme quittes; l'Autriche—Hongrie n'est pas plus l'ancienne Autriche. La personne du comte Andrassy écarte la méfiance et le soupçon qui étaient la source principale de notre antagonisme. Nous ne pouvons donc que gagner l'un et l'autre à nous expliquer nettement sur nos vues et nos intérêts réciproques afin d'éviter des divergences nuisibles aux deux pays.

Je crois nécessaire de rappeler ici les antécédents de nos relations actuelles. C'est le point de départ de leur développement ultérieur.

A la fin du ministère du comte de Beust¹ nous avons proposé le principe de non intervention en Orient². Les deux pays se défiaient l'un de l'autre. Ils désiraient se rapprocher. C'était un terrain neutre où ils pouvaient se placer tous les deux.

Le comte Beust n'y objecta pas, mais il refusa de le proclamer de peur que les chrétiens n'y vissent un encouragement à l'insurrection.

Le comte Andrassy adopta ce point de vue à son arrivée au pouvoir³. En 1872 à Berlin⁴ il exposa au prince Gortchacow la situation de l'Autriche avec une franchise et une netteté parfaite. Il dit qu'aussi longtemps que durerait le dualisme qui est la base de la monarchie, l'Autriche était rivée au status quo, parce que ni l'une ni l'autre des deux moitiés ne permettrait que l'autre acquit plus de poids dans la balance par des agrandissements. Par conséquent nous pouvions être parfaitement sûrs qu'aucune arrière pensée d'ambition n'existait dans la politique du cabinet de Vienne en Orient.

Si de notre côté nous étions animés des mêmes dispositions et ne voulions que le status quo et la paix nous pouvions nous donner la main.

En 1873 à Vienne cet accord de vues s'est précisé⁵. Le prince chancelier déclara au comte Andrassy que la Russie pratiquerait la non intervention en Orient, mais que le seul cas qui l'obligerait d'en sortir serait si l'Autriche prenait fait et cause pour les turcs contre les chrétiens. Le comte Andrassy déclara de son côté que cela était bien loin de sa pensée, et qu'il était prêt à se lier vis-à-vis de nous à la non intervention, mais sans le proclamer. Il fut convenu qu'on ferait tout ce qui est possible pour prévenir une crise et que si elle éclatait les deux gouvernements s'abstiendraient et abandonneraient les choses à leur cours naturel.

Or nous voici en présence de cette crise possible si non probable. Après avoir fait tous les efforts pour l'apaiser, il s'agit de se placer en face des éventualités qu'elle fait prévoir.

Je dois constater qu'en proposant la non intervention, le prince chancelier l'envisageait comme devant être favorable aux chrétiens et non à leur désavantage.

Il était permis d'espérer que, sous l'influence de nos conseils, ils s'abstiendraient d'entreprises inconsidérées, intempestives, isolées qui ne pouvaient que leur être funestes. Mais il était impossible de leur interdire la faculté de chercher leur salut dans un événement, en choisissant un moment favorable, en agissant avec ensemble et d'après un plan, bien conçu. Pour mettre en ce cas le plus de chances de leur côté, il suffisait de les rassurer contre une intervention de l'Autriche contre eux s'ils avaient le dessus. Ce but était atteint par le principe de non intervention. J'ajouterais que tel était alors l'unique voeu qui nous était transmis de la part des serbes.

Mais dans le cas où les chrétiens seraient vaincus et livrés aux représailles des turcs, le prince Gortchacow, n'admettait pas la possibilité d'appliquer la non intervention. A son avis l'impression que produiraient dans toute l'Europe chrétienne les massacres commis par les turcs serait telle qu'elle obligerait les gouvernements à s'interposer pour arrêter l'effusion de sang, mettre des limites aux répressions des turcs et soustraire les chrétiens à une complète extermination. Certes en pareil cas la Russie ne devait pas être la dernière à s'acquitter de ce devoir d'humanité.

Telles sont encore aujourd'hui les vues et les intentions de sa majesté l'empereur.

En prenant ces antécédents pour points de départ dans la situation actuelle l'essentiel est d'aller au plus pressé. Si la médiation diplomatique est rejetée, ou n'amène point les résultats désirés il importe de convenir des mesures à prendre pour contenir les turcs dans de justes bornes lorsqu'ils auront triomphé de l'insurrection, et pour les obliger à réformer leur administration de manière à assurer à ces populations des conditions d'existence tolérables, qui puissent prévenir le retour de ces sanglants désordres.

Je le répète, les cabinets en ont acquis le droit vis-à-vis de la Porte et contractés l'obligation morale vis-à-vis de l'Herzégovine, de la Serbie et du

Monténégro. Le cabinet de Vienne est seul en position d'apprécier qu'elles seraient les mesures qu'il lui serait possible d'adopter.

Le comte Andrassy a fait allusion dans ce but au refus éventuel d'autoriser le débarquement des troupes turques à Klek *. C'est quelque chose mais c'est trop peu. Le mal est d'ailleurs fait puisque trois bataillons ont déjà été débarqués. Il faut des mesures plus sérieuses. Quelles qu'elles soient le cabinet de Vienne peut compter sur notre concours le plus énergique.

En outre, il faut prévoir le cas où la crise s'étendrait et embrasserait tout l'Orient. Si elle devait aboutir en définitive à la victoire des turcs, le devoir des cabinets d'arrêter leur excès, et de rétablir un ordre de choses normal serait encore plus impérieux, car plus la lutte sera violente, plus l'exaspération sera grande de part et d'autre, et plus la Porte sera tentée d'abuser de la victoire pour établir sa domination absolue sur les ruines des privilèges des chrétiens. L'Europe qui les a garantis aurait assurément voix au chapitre, il est donc naturel, qu'elle s'y prépare, et nous croyons que c'est un intérêt particulièrement urgent pour l'Autriche et pour la Russie.

Quant à l'éventualité d'un échec des turcs, elle poserait évidemment le problème oriental dans ses termes les plus absolus.

Ici, le champ des conjectures est si vaste qu'il serait prématuré de l'aborder.

Toutefois, peut être ne serait-il pas hors de propos de fixer d'avance quelques points de repère où la politique des deux cabinets puisse s'attacher, afin d'éviter un antagonisme que, pour notre part, nous regretterions profondément.

Le premier de ces points, celui qui, probablement s'imposerait tout d'abord à l'attention des cabinets, serait l'organisation à donner aux populations comprises dans le triangle entre le haut Danube et la Dalmatie. Ce sont les moins avancées, les plus éprouvées, celles qui ont donné le signal de l'agitation présente, et qui seraient sans doute les premières à se séparer de l'empire Ottoman, si la diplomatie ne réussit pas à le préserver de cet ébranlement et s'il est impuissant à en triompher.

Il nous importerait de connaître en temps opportun les vues éventuelles et les intérêts de l'Autriche afin de les concilier autant que possible avec les nôtres.

Pour notre part nous pouvons poser dès à présent les points suivant:

Sa majesté l'empereur n'a en vue aucun agrandissement territorial ni aucun avantage exclusif en Orient.

Sa majesté impériale devrait tenir à ce que ce désintéressement fut imité par les autres puissances. Elle ne pourrait pas permettre que les autres états y acquièrent des avantages qui altérerait l'équilibre des forces au détriment de la Russie.

Elle adhérerait à toute organisation de ces contrées qui assurerait aux diverses populations le libre et complet développement de leur nationalité respective, dans les conditions d'ordre nécessaires à leur prospérité et aux intérêts généraux, en les préservant autant que possible de l'anarchie révolutionnaire.

Je le répète à votre excellence que ces considérations sont principalement destinées à sa propre information. Nous ne voulons pas forcer la confiance de comte Andrassy, ni ses épanchements.

Mais en présence de l'aspect des choses et de leurs conséquences possibles nous nous féliciterions de pouvoir écarter d'avance entre nous toute cause de divergence ou de malentendu, afin de pouvoir travailler en commun à débrouiller le chaos que présenterait l'Orient, au mieux de nos intérêts mutuels, de notre bonne entente et de la sécurité générale.

* См. прим. 2 к док. 8.

Notre auguste maître vous réserve absolument d'utiliser les présentes instructions dans tel moment et dans telle mesure dont la marche des événements vous indiquera l'opportunité.

Recevez etc.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 114, лл. 96—106. Отпуск.

Перевод

Вопросы, которые предложено рассмотреть вашему превосходительству вместе с графом Андраши, столь же важны, как и щекотливы.

Его императорское величество полагается на ваш такт при выполнении данной задачи.

Не стоит преждевременно тревожить венский кабинет. Судя по отъезду графа Андраши за город, он, кажется, не имеет серьезных опасений в отношении сегодняшней обстановки. Мы желаем, чтобы он оказался прав.

Но события в любой момент могут заставить его выйти из этого спокойствия. Мы не желали бы дожидаться крайности, чтобы дополнить наше с ним соглашение. Но если дойдет до этого, то оно, кажется, станет более необходимым, чем когда бы то ни было, и воля императора такова, чтобы вы были инструктированы о всех его соображениях.

Мы приступаем к этим разъяснениям с самыми лучшими намерениями. Австрия и мы, — мы причинили друг другу некогда много зла. Сегодня мы можем считать, что мы квиты; Австро-Венгрия уже не прежняя Австрия. Личность графа Андраши не допускает недоверия и подозрения, которые были основными источниками нашего антагонизма.

Мы только выиграем, если откровенно объяснимся по поводу наших точек зрения и взаимных интересов, с тем чтобы избежать расхождений, вредных для обеих стран.

Я считаю необходимым напомнить здесь предысторию наших нынешних отношений. Это начало их дальнейшего развития.

В конце министерства графа Бейста ¹ мы предложили принцип невмешательства на Востоке ². Обе страны не доверяли друг другу. Но одновременно они желали и сблизиться. Это была нейтральная почва, где они могли ужиться вместе.

Граф Бейст не возражал против этого, но отказался провозгласить этот принцип, опасаясь, что христиане увидят в нем поощрение к восстанию.

С приходом к власти ³ граф Андраши принял эту точку зрения. В 1872 г. в Берлине ⁴ он изложил князю Горчакову положение Австрии с полной чистосердечностью и ясностью. Он сказал также, что пока существует дуализм, являющийся основой монархии, Австрия будет связана со статус-кво, потому что ни одна из двух частей империи не допустит, чтобы другая приобрела больший вес путем приращений. Следовательно, мы можем быть уверены совершенно, что никакой честолюбивой подоплеку в политике венского кабинета не существует.

Если с нашей стороны мы воодушевлены такими же намерениями и хотим лишь status quo и мира, то мы можем подать друг другу руки.

В 1873 г. в Вене ⁵ это совпадение точек зрения было уточнено. Канцлер заявил графу Андраши, что Россия осуществит принцип невмешательства на Востоке и что единственной причиной, которая могла бы заставить Россию нарушить этот принцип, явится то, что Австрия примет сторону турок против христиан. Граф Андраши заявил, со своей стороны, что это было далеко от его мыслей, что он готов присоединиться вслед за нами к принципу невмешательства, но не декларируя его. Было условлено, что будет сделано все возможное для предотвращения кризиса, а если он разразится, оба правительства воздержатся от вмешательства и предоставят события их естественному течению.

Ну, а теперь мы сами перед лицом вероятного кризиса. Исчерпав все усилия для его устранения, следует быть готовым ко всем случайностям, которые он может породить.

Я должен констатировать, что канцлер, предлагая принцип невмешательства, считал, что последний должен благоприятствовать христианам, а не быть им в ущерб.

Можно надеяться, что под влиянием наших советов они воздержатся от необдуманных, несвоевременных, изолированных мероприятий, которые могли бы стать губительными для них. Но было невозможно запретить им искать спасения в восстании, выбрав для этого благоприятный момент, действуя совместно и по хорошо задуманному плану. Чтобы обеспечить им успех, достаточно было разуверить их относительно возможности интервенции Австрии против них в том случае, если они одержат верх. Эта цель была достигнута провозглашением принципа невмешательства. Я добавлю, что таково было тогда единственное желание, высказанное нам сербами.

Но в том случае, если христиане будут побеждены или подвергнутся репрессиям турок, князь Горчаков не считал бы возможным придерживаться принципа невмешательства. По его мнению, впечатление, которое произведут во всей христианской Европе убийства, совершаемые турками, будет таким, что заставит правительства вмешаться для прекращения кровопролития, ограничения турецких репрессий и избавления христиан от полного истребления. Без сомнения, в подобном случае Россия не может быть последней в исполнении этого долга гуманности.

Такова настоящая точка зрения и намерения его императорского величества.

Принимая все предшествующее за отправную точку, при настоящей ситуации важно поторопиться.

Если дипломатическое посредничество будет отвергнуто или не принесет желаемых результатов, важно усилиться о принятии мер, чтобы сдержать турок в надлежащих границах, в случае если они подавят восстание, чтобы заставить их провести такую административную реформу, которая дала бы населению терпимые условия существования и могла бы предупредить повторение этих кровавых беспорядков.

Я повторяю, кабинеты приобрели этим право по отношению к Порте и связаны моральным обязательством с Герцеговиной, Сербией и Черногорией. Только венский кабинет в состоянии оценить, каковы будут меры, которые он сможет применить. Граф Андраши намекнул на возможность отказа в разрешении турецким войскам сделать высадку в Клеке. Это уже кое-что, но слишком мало. Зло, впрочем, свершилось, так как три батальона уже высадились там. Необходимы более серьезные меры. Каковы бы они ни были, венский кабинет может рассчитывать на нашу самую энергичную поддержку.

Кроме того, надо предвидеть тот случай, когда кризис распространится и охватит весь Восток. Если он в конце концов приведет к победе турок, то долг кабинетов — прекратить злоупотребления последних и восстановить нормальное состояние — будет еще настоятельнее, так как чем сильнее разгорится борьба, тем больше будет ожесточения с обеих сторон, тем больше Порта будет пытаться злоупотреблять победой, чтобы установить свое абсолютное господство на руинах привилегий христиан. Европа, которая гарантировала эти привилегии, имела бы, конечно, право высказаться; естественно, что она готовится к этому, и мы верим, что это является самой безотлагательной задачей для Австро-Венгрии и России.

В случае же провала турок восточная проблема, очевидно, примет самые острые формы.

Здесь поле для предположений настолько широко, что было бы преждевременно их затрагивать.

Однако во избежание антагонизма, о чем мы со своей стороны глубоко сожалеем, может быть было бы кстати составить заранее пункты, которые стали бы опорой для единства политики обоих государств.

Первый из этих пунктов тот, который, вероятно, сначала привлечет внимание кабинетов, — организация населения, находящегося в треугольнике между верхним Дунаем и Далмацией. Это наиболее отсталое население, больше всего пострадавшее, оно подало сигнал к настоящему волнению и оно, без сомнения, выступит первым за отделение от Османской империи, если дипломатии не удастся предостеречь его от подлого потрясения и если оно не сможет победить в восстании.

Нам важно вовремя узнать возможные намерения и интересы Австрии, чтобы согласовать их, насколько это возможно, с нашими.

Со своей стороны, мы можем выставить в настоящее время следующие пункты.

Его императорское величество не имеет в виду никакого территориального приращения, никаких исключительных выгод на Востоке.

Его императорское величество придерживается того, что этому бескорыстно последуют и другие державы. Он не сможет допустить, чтобы другие государства приобрили выгоды, которые нарушили бы равновесие в ущерб России.

Император присоединился бы к любой организации этих стран, которая обеспечила бы свободное и полное развитие каждой нации в условиях, необходимых для процветания и общих интересов, предохраняя их в меру возможности от революционной анархии.

Я повторяю вашему превосходительству, что эти соображения предназначены исключительно для вашей личной информации. Мы не хотим добиваться силой ни доверия графа Андраши, ни его откровенности.

Но при наличии подобных обстоятельств и их предполагаемых последствий мы приветствовали бы возможность устранить заранее все поводы для разногласий между нами с тем, чтобы иметь возможность работать вместе и разобраться в хаосе, который представляет Восток, что будет лучше для наших взаимных интересов, нашего доброго согласия и общей безопасности.

Наш августейший государь предоставляет вам полное право использовать настоящие инструкции в тот момент и в той мере, в какой течение событий представит вам удобный случай.

Примите и пр.

1. Ф. Бейст ушел в отставку в октябре 1871 г.

2. Вместе с тем следует отметить, что для русского правительства принцип невмешательства был действителен только для мирного времени и не означал бездействия держав в случае жестоких в отношении славян репрессий со стороны турок.

3. Андраши занял пост министра иностранных дел Австро-Венгрии вместо Бейста 14 октября 1871 г.

4. В сентябре 1872 г. в Берлине состоялось свидание трех императоров — Франца-Иосифа, Вильгельма I и Александра II. Их сопровождали министры иностранных дел. В переговорах между Андраши и Горчаковым была достигнута устная договоренность о сохранении статус-кво на Балканах. Одновременно между Бисмарком и Андраши состоялся тайный сговор о компенсации Австро-Венгрии на Балканах за потери в Германии и Италии.

5. В мае 1873 г. Александр II и Горчаков посетили Вену (См. прим. 4 к док. 6). Там велись и переговоры по Восточному вопросу.

№ 17

1875 г. августа 12 (24). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жюмини об успешных военных действиях повстанцев Герцеговины и о положении в Черногории

№ 161

Raguse

J'ai eu déjà l'honneur d'informer son excellence l'ambassadeur impérial des derniers progrès de l'insurrection en Herzégovine qui tout en gagnant du terrain, prend aussi le caractère d'une lutte sociale et politique. Non seulement toute l'Herzégovine, excepté quelques places fortifiées est au pouvoir des insurgés, mais la communication entre la Bosnie et le reste de la Turquie par Novi-Bazar est sérieusement menacé en même temps, que la situation de l'Albanie devient très précaire. Les wassoewici se battent déjà, les bandes chrétiennes avancent dans la direction de Pristrène, pendant que, de l'autre

côté, l'insurrection en Bosnie met les forces turques, pour ainsi dire, entre les deux feux.

Pour le moment les turcs sont impuissants non seulement d'obtenir des succès mais même de résister aux chrétiens, et tout porte à croire que pour regagner la position perdue il leur faudra des corps d'armées entiers, puisque entre temps les chrétiens s'organisent, se fortifient et augmentent considérablement le nombre de leurs combattants. Jeter sur le théâtre de la guerre tantôt un, tantôt 2 bataillons nouveaux, ainsi qu'ils le font aujourd'hui, ne leur servira pas beaucoup. Les chrétiens de ce pays ont l'instinct de la guerre et sont devenus, depuis deux mois qu'ils sont sous les armes, très mobiles et relativement bien commandés — étant attaqués d'un côté, ils réunissent tout de suite sur le point menacé leurs forces des districts les plus éloignés et mettent les turcs en déroute s'ils se présentent en détachements isolés et peu sérieux.

Il n'y a pas eu cependant de faits très saillants dans ce dernier temps. On se bat partout et tous les jours, mais de grandes rencontres n'ont pas eu lieu — vu que les forces turques, d'ailleurs peu nombreuses, sont disséminées par petits détachements sur toute la surface de la province. Ces détachements font des sorties de leurs places fortifiées, attaquent ou sont attaqués par les insurgés, mais sont presque toujours battus. De l'autre côté, les musulmans du pays se hazardent parfois à former des corps-francs pour la défense de leurs villages, mais ces corps sans direction et mal organisés, succombent toujours et les villages musulmans sont alors impitoyablement saccagés et brûlés, ce qui oblige leurs habitants de se retirer sous la protection des forteresses, autour desquelles ils se sont aujourd'hui ramassés pêle-mêle avec leur bétail dans la plus grande détresse.

Quelques villages des musulmans déposent les armes devant les chrétiens et alors ces derniers les laissent absolument tranquilles et leur fournissent même des vivres. En ce moment cependant cette guerre contre les musulmans indigènes est presque terminée — ils ont déjà presque disparu du pays, réunis sous les murs des forteresses ou dans de grandes villes comme Stolac et Mostar.

On commence à observer chez les musulmans un découragement notable; dans ces derniers jours ils se rendent plus souvent aux chrétiens et même ceux qui sont dans les villes ne dédaignent pas d'entrer en pourparlers avec leurs anciens rayas. Il y a même une ville considérable où l'harmonie assez satisfaisante règne entre les deux religions: c'est la ville de Nikchic, dont les musulmans ne permettent pas aux troupes de la garnison de faire des sorties et disent hautement que la perspective de devenir sujets du prince Nicolas n'a rien de terrible pour eux.

Le fait le plus important de derniers jours fut la prise de la forteresse de Krstac entre Nikchic et Gatzko, dans le célèbre défilé de Douga qui est la clef stratégique du Monténégro. Douga est l'endroit où en 1862¹ tout un corps d'armée, commandé par Dervich-pacha a été battu quatre fois par les monténégrins, commandés par Pétar Voukotic. Dervich-pacha avait enfin réussi à tromper les monténégrins et de contourner leurs positions, ce qui a décidé pour les turcs le succès de cette guerre. Depuis le gouvernement fit construire dans ce défilé une fortification assez sérieuse, munie de canons. Cette fortification vient de se rendre au chef des chrétiens de Gatzko — prêtre Bogdan Zimonic — avec armes et bagages.

Outre ce fort sept autres coulés (fortins) dans le district de Gatzko se sont rendu le même jours aux chrétiens. Je suppose que ces coulés doivent être ceux que le gouvernement turc fit construire après 1862 le long de la frontière des Banyanis comme ligne de défense contre le Monténégro.

C'est un succès qui assure aux chrétiens la retraite vers le Monténégro et en ce sens doit être considéré comme un fait très important, devant relever encore le courage et résolution des insurgés. Ce qu'il y a aussi d'important dans ce

fait c'est que les troupes turques commencent à se rendre avec armes et bagages et ceci, à ce qu'il paraît, presque sans coup férir.

Un autre fait d'armes assez remarquable a eu lieu le 8/20 de ce mois près de Trébigné. La garnison turque avec la milice des musulmans indigènes avait tenté une sortie pour débayer le chemin de Raguse. Les forces turques montaient jusqu'à un millier d'hommes; les insurgés portés pour la défense du chemin n'avaient pas plus de 150 hommes. Cependant le combat, après avoir duré tout le jour, finit par la retraite précipitée des turcs, qui furent poursuivis par les insurgés jusqu'aux faubourgs même de Trébigné. Les chrétiens n'ont perdu ici que 3 morts, mais la perte des turcs est beaucoup plus considérable malgré la défectuosité de l'armement des chrétiens.

Il faut dire que dans ce combat les chrétiens indigènes n'ont pris qu'une part très secondaire - ce sont des volontaires venant de la Serbie avec une bande, venue des bouches de Cattaro, qui ont soutenu le choc avec une bravoure remarquable. Un jeune homme de 20 ans, du district turc de Piva, ayant étudié au siminaire de Cettigné, commandait la moitié de ces combattants.

La population catholique se montre partout dans les combats au dessous de toute critique. Cela provient de ce que ces gens stylés par le joug moral de leurs prêtres, formaient toujours la population la plus énevrée de ce pays, mais je crois aussi que la déception doit être pour quelque chose dans la mollesse de leurs actions. Ce sont eux qui ont dès l'origine de l'insurrection, arboré les drapeaux autrichiens ² et ils doivent être aujourd'hui déconcertés de voir qu'à mesure que la lutte se développe le mot d'ordre de l'insurrection devient: la liberté sous le prince Nicolas.

Leurs prêtres qui étaient au commencement les plus hardis des promoteurs de l'insurrection, qui ont surtout empêché les pourparles des insurgés avec les commissaires ottomans à Névéssigné ³ d'aboutir à un compromis pacifique, se sont aujourd'hui tous réfugiés à Raguse en abandonnant leurs ouailles ⁴.

Je n'ai pas besoin de dire quelle influence doivent avoir ces événements, unis surtout à des nouvelles de la Bosnie et de la Serbie, sur le peuple monténégrin. Dès le début de l'insurrection les monténégrins, n'y étant pour rien, étaient assez disposés de ne voir dans toute cette affaire de l'Herzégovine qu'une échauffourée, qu'un «putch» comme disaient les journaux de Vienne. En suite les rivalités, les méfiances, que j'ai eu l'honneur de signaler à votre excellence retenaient les monténégrins dans la réserve; mais aujourd'hui que l'entousiasme général, les succès de l'insurrection, la faiblesse patente des turcs, donnent au mouvement la couleur d'une guerre de délivrance et semblent devoir effacer tous ces sentiments du second ordre l'effervescence du Monténégro devient presque dangereuse. Les mesures ⁵ que le prince Nicolas jugea à propos de rendre à la suite de la démarche faite auprès de lui par les trois cabinets exaspèrent le peuple, et je crains de prévoir les éventualités possibles de cet état de choses.

Quant au prince, d'après toutes les informations, il tient à rester fidèle à ses promesses ⁶, il craint de se lancer dans une lutte terrible avec peu de moyens, sans protection, sans argent, mais il sent le sol s'enfuir sous ses pieds. Selon ce que je sais il est dans la plus grande perplexité, il perd presque la tête. A tout ceci s'ajoutent encore les charges que le Monténégro doit assumer pour abriter les familles fugitives des insurgés, qui arrivent déjà au Monténégro. Un comité ⁷ s'est formé à Cettigné sous la présidence du métropolitain Illarion pour ramasser tant au Monténégro qu'à l'étranger les dons volontaires au profit de ces malheureux. Mais que peuvent réunir les pauvres monténégrins, même à l'aide des slaves étrangers qui sont aussi ou pauvres, ou peu habitués à délier les cordons de leurs bourses pour une cause publique.

Je n'ose pas apprécier les conséquences d'un pareil état de choses et pour le Monténégro et pour l'avenir de la lutte. J'ose dire seulement que le jour où bon gré mal gré les monténégrins devront entrer en lice, ils peuvent se trouver sans discipline, sans cohésion, sans confiance dans leurs chefs et au lieu d'être une armée capable, j'en suis sûr, de porter des coups très rudes, d'empêcher même l'effusion inutile du sang et les inutiles massacres, de s'arrêter ou de marcher en avant au gré de commandement, ils risquent de devenir un ramassis de bandes, qui feront seulement languir la guerre à l'infini.

Quant aux moyens de prévenir tous ces malheurs devant bouleverser profondément les populations en Orient et peut être même en Autriche, je prends la liberté de penser qu'il sera difficile d'en trouver un, en même temps efficace et ne sortant pas des domaines de la diplomatie.

L'influence pacificatrice des trois plus grandes puissances, la neutralité énergique de la Serbie, et ce qui est plus encore extraordinaire, — du Monténégro, enfin tout ce que l'Europe désirant la paix a pu faire, n'ont pas empêché les choses à une tension pareille à celle dont nous sommes ici les témoins. J'ose penser même que toutes ces forces morales réunies n'ont réussi qu'à augmenter le désordre sans rien arrêter. C'est que l'orage s'amoncelait depuis longtemps dans l'air, la Turquie est devenue trop insupportable, trop audacieuse en même temps que trop dégénérée, cruelle sans posséder la force nécessaire pouvant offrir une justification relative de cette cruauté devant l'opinion publique. Il lui manque aujourd'hui la raison d'être, au moins dans ses provinces où la population revient décidément à la vie, où elle est trop unie à l'Europe civilisée et chrétienne.

J'ai l'honneur etc.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 747, лл. 231—237. Копия.

Перевод

Рагуза

Я уже имел честь сообщить его превосходительству императорскому послу о последних успехах восстания в Герцеговине, которое, распространяясь территориально, принимает характер социальной и политической борьбы. Не только вся Герцеговина (за исключением нескольких крепостей), находится в руках повстанцев, но и коммуникации между Боснией и остальной Турцией через Нови-Базар подвергаются серьезной опасности; в то же время положение в Албании становится очень ненадежным. Васоевичи уже сражаются, отряды христиан продвигаются по направлению к Призрену, в то время как, с другой стороны, восстание в Боснии ставит турецкие силы, так сказать, между двух огней.

В настоящий момент турки неспособны не только достичь какого-либо успеха, но даже оказать сопротивление христианам; все наводит на мысль, что туркам потребуется целый армейский корпус, чтобы восстановить утраченные позиции, тогда как христиане между тем организуются, укрепляются и значительно увеличивают ряды своих сторонников. Переброска на театр войны то одного, то двух батальонов, как это делается сейчас, не очень поможет туркам. Христиане из этих районов воинственны по натуре, за два месяца войны стали очень подвижными и имеют довольно хорошее руководство; будучи атакованными с одной стороны, повстанцы немедленно собирают в угрожаемом пункте свои силы с наиболее отдаленных участков и обращают в бегство турок, если те выступают разрозненными отрядами и действуют вяло.

Однако значительных событий за последнее время не произошло. Повсюду сражаются каждый день, но больших стычек не было, так как силы турок немногочисленны и рассеяны небольшими отрядами по всей провинции. Эти отряды совершают вылазки со своих укрепленных позиций, атакуют или подвергаются нападению со стороны повстанцев и почти всегда терпят поражение. С другой стороны, мусульманское насе-

ление этих районов отваживается иногда формировать отряды волонтеров для защиты своих деревень, но, плохо организованные и не имея предводителей, они всегда терпят неудачу, а мусульманские деревни опустошаются и сжигаются, что заставляет их население уходить под защиту крепостей. Оно вместе со своим скотом собирается вокруг них и испытывает большую нужду.

Несколько мусульманских деревень сдалось христианам, и тогда последние совершенно оставили их в покое и даже снабдили продовольствием. Вообще сейчас война против местных мусульман почти прекратилась: они почти исчезли из края, собравшись под стенами крепостей или в больших городах, как Столац и Мостар.

Среди мусульманского населения наблюдается заметный упадок духа, последние дни они часто сдаются христианам, и даже те, что находятся в городах, не пренебрегают вступать в переговоры со своей бывшей райей. Есть даже один значительный город, где достаточно утешительное согласие царит между представителями двух религий, это город Никшич, в котором мусульмане не разрешают гарнизонным войскам производить вылазки и открыто заявляют, что перспектива стать подданными князя Николая не представляет для них ничего ужасного.

Наиболее важным событием последних дней является взятие крепости Крстац между Никшичем и Гацко, в знаменитом ущелье Дуга, которое является стратегическим ключом к Черногории. Дуга — это местечко, где в 1862 г. ¹ целый армейский корпус под командованием Дервиш-паши четырежды потерпел поражение от черногорцев под предводительством Петра Вукотича. В конце концов Дервиш-паше удалось обмануть черногорцев и окружить их позиции, что и решило исход этой войны в пользу турок. После этого правительство построило в ущелье довольно сильную крепость оснащенную орудиями. Эта крепость сдалась с оружием и имуществом предводителю христиан из Гацко — священнику Богдану Зимоницу.

Кроме этой крепости, еще семь других кул (фортов) сдались в тот же день христианам. Я думаю, что это те кулы, которые турецкое правительство построило после 1862 г. вдоль границы с баньянами, как линию защиты против Черногории.

Эти победы обеспечивают христианам отступление к Черногории, в этом смысле они должны быть приняты во внимание, как важный фактор, который может еще больше поднять храбрость и решимость повстанцев. В связи с этим также важно и то, что турецкие войска начинают сдаваться с оружием и обозами и все это происходит, кажется, почти без единого выстрела.

Другое вооруженное и достаточно примечательное столкновение произошло 8 (20) этого месяца около Требинья. Турецкий гарнизон вместе с местной мусульманской милицией пытался совершить вылазку, чтобы очистить дорогу на Рагузу. Турок было около тысячи человек; повстанцы, охранявшие дорогу, насчитывали не более 150 человек. Однако бой, продолжавшийся целый день, закончился стремительным отступлением турок, преследуемых повстанцами до самого предместья Требинья. Несмотря на недостаток оружия у христиан, последние потеряли только троих убитыми, потери же турок гораздо значительнее.

Надо отметить, что именно сербские волонтеры вместе с отрядом из Боки Которской выдержали натиск с необыкновенной храбростью, а роль местных христиан в этом столкновении была второстепенной. Юноша лед двадцати, из турецкого района Пивы, обучавшийся в цетинской семинарии, командовал половиною этих бойцов.

Католическое население во всех сражениях ведет себя ниже всякой критики. Это происходит оттого, что эти люди, будучи под моральным игом своих священников, являлись всегда наиболее забитой частью населения района, и я думаю также, что заблуждение, в котором они находились, было причиной вялости их действий. Это они с самого начала восстания водрузили австрийские знамена ², а теперь они, должно быть, в замешательстве, видя, что по мере того как развертывается борьба, лозунгом восстания становится: свобода под эгидой князя Николая.

Их священники, которые были сначала самыми горячими зачинщиками восстания и больше всего препятствовали переговорам повстанцев с оттоманскими комиссарами в Невесинье ³, в целях достижения компромисса мирным путем теперь укрылись в Рагузе, покинув свою паству ⁴.

Мне нет необходимости говорить о том, какое влияние должны оказать эти события, особенно, вместе с новостями из Боснии и Сербии, на черногорцев. С самого начала восстания черногорцы, не участвуя в нем, склонны были видеть во всех герцеговинских делах лишь выходку, «путч», как говорилось в венских газетах. Затем черногорцев удерживало соперничество и недоверие, о которых я имел честь сообщать вашему превосходительству. Но теперь, когда всеобщий энтузиазм, успехи восстания, очевидная слабость турок придают движению характер освободительной войны и, кажется, должны оттеснить все второстепенные соображения, возбуждение Черногории становится почти опасным. Меры ⁵, которые князь Николай решил предпринять вследствие запросов, сделанных ему тремя кабинетами, приводят народ в отчаяние, и я боюсь предсказать возможный исход такого положения.

Что же касается князя, то, судя по всем сведениям, он стремится остаться верным своим обещаниям ⁶, он боится начать жестокую борьбу с небольшими средствами, без покровительства, без денег, но он чувствует, как почва ускользает из-под его ног. Исходя из того, что мне известно, князь находится в величайшем замешательстве, он почти теряет голову. Ко всему этому присоединяются заботы, которые Черногория должна взять на себя, чтобы дать приют бежавшим семьям повстанцев, которые прибывают в Черногорию. В Цетинье под председательством митрополита Иллариона образован комитет ⁷ для сбора как в Черногории, так и за границей добровольных пожертвований в помощь этим несчастным. Но что могут собрать бедные черногорцы даже с помощью заграничных славян, которые тоже или бедны, или не привыкли открывать свои кошельки для общественных нужд.

Я не осмеливаюсь оценивать последствия подобного положения для Черногории и будущей борьбы. Я могу лишь сказать, что в тот день, когда черногорцы волей или неволей должны будут вступить в борьбу, у них не будет дисциплины, сплоченности, веры в своих вождей, и вместо того, чтобы стать армией способной, я в этом уверен, нанести жестокие удары, помешать ненужным кровопролитиям и уничтожению, остановиться или идти вперед по приказу командования, они рискуют превратиться в сборище банд, которые лишь бесконечно затянут войну.

Что же касается средства предупредить все эти несчастия, перед лицом глубокого потрясения народов Востока, а даже, может быть, и Австрии, то я беру на себя смелость полагать, что будет трудно найти такое средство, которое в одно и то же время было бы и эффективно и не выходило бы за рамки дипломатии.

Ни умиротворяющее влияние трех самых великих держав, ни строгий нейтралитет Сербии и, что еще более удивительно, Черногории, ни все то, что сделала Европа, желающая мира, не смогло помешать событиям дойти до той напряженности, свидетелями которой мы являемся теперь. Я осмеливаюсь полагать, что все эти моральные факторы, даже вместе взятые, лишь бы усилили беспорядок и ничего бы не приостановили. Как гроза, в течение очень долгого времени висевшая в воздухе, Турция стала слишком невыносимой, слишком наглой. Вырождаясь, она вместе с тем стала слишком жестокой, хотя и у нее нет сил, необходимых для оправдания этой жестокости перед общественным мнением. Сегодня ей не хватает права на существование, по крайней мере, в тех провинциях, где население решительно пробуждается к жизни, которая так связана с христианской и цивилизованной Европой.

Имею честь и пр.

1. В 1862 г. Порта начала войну против Черногории, чтобы воспрепятствовать оказанию помощи антитурецкому восстанию, охватившему Герцеговину в 1861 г. Военные действия, неудачные для Черногории, были прекращены турками под давлением России и Франции (100, стр. 123—127).

2. В самом начале восстания под значительным влиянием проавстрийской агитации на границах Боснии и Герцеговины неоднократно появлялись отряды под австрийскими знаменами; католическим населением на имя Франца-Иосифа подавались петиции с просьбой покровительства. Однако по мере дальнейшего развертывания событий лозунгом восстания становилось объединение Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией. Это способствовало усилению розни между хорватами и сербами, нашедшей яркое выражение на страницах славянских газет в Сербии и Австро-Венгрии (79, стр. XIV; 31, стр. 442).

3. В августе—октябре 1875 г. европейские державы на основе решений Парижского договора 1856 г. выступили инициаторами отправки в Герцеговину консульской комиссии с целью умиротворения восставших провинций. Во время переговоров, происходивших в Невесинье и Требинье между специальным комиссаром Порты Сервер-пашой и консулами, с одной стороны, и повстанцами — с другой, консульской комиссии от имени повстанцев северной и южной Герцеговины были вручены меморандумы с изложением требований. Переговоры оказались безуспешными, ибо консулам не было дано право гарантировать выполнение требований повстанцев (20, стр. 112—115).

4. Мостарский архиепископ Кральевич, обещавший боснийскому вали Дервиш-паше усмирить свою паству, призывал католических священников, вставших во главе хорватских крестьян, прекратить борьбу. Однако архиепископу Кральевичу подчинились не все католические священники. Дон Иван Мусич с самого начала и до конца восстания был одним из выдающихся руководителей восставших в Поповом Поле в Герцеговине. Он командовал отрядом в 400—500 хорватов. В Боснии в окрестностях г. Ливно сражался отряд в 300 человек под руководством фра Боно Дрежняка (11, стр. 76—77; 102, стр. 409).

5. Имеются в виду меры для сохранения Черногорией нейтралитета.

6. В начале июля 1875 г. Государственный совет Черногории в связи с происходившими в Герцеговине событиями принял решение о сохранении строжайшего нейтралитета и об охране границы, чтобы воспрепятствовать черногорцам оказывать помощь герцеговинским повстанцам («Русский мир», 11 (23) июля 1875 г.).

7. Цетинский благотворительный комитет основан 3 (15) августа 1875 г. Вскоре после возникновения он превратился в одну из наиболее значительных благотворительных организаций на Балканах. Под его попечением находилась большая часть семей герцеговинских повстанцев и раненых. Средства получались главным образом из России и Австрии. 3 сентября 1875 г. русское Общество попечения о раненых и больных воинах приняло решение о ежемесячном ассигновании 10 тыс. рублей на содержание герцеговинских беженцев в Черногории. 15 сентября 1875 г. в ответ на обращение черногорского князя Николая о помощи русское правительство ассигновало около 30 тыс. рублей серебром на покупку в Одессе хлеба и отправку его в Черногорию (ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 2, д. 1482, л. 2; ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 69, л. 13 и об.).

№ 18

*1875 г. августа 12. — Протокол Народного собрания, созванного
БЦРК, о провозглашении восстания в Болгарии*

Букурещ

Събрани днес на 12 август 1875 в къщата на Д. Ценович, след дълги разисквания върху народните ни работи, решихме следующето:

Неизбежимо нужно е при днешното сгодно време ¹ да прогласим всеобщо въстание в Българско. Това наше решение се потвърдява и от Българско с особени писма ².

Въстанието ще се почне така: г-н Панайот Хитйов щом стигне в Белград и се увери положително, че не ще му препятствуват сърбите³, ще организира една голяма чета от 500—1000—2000 и повече юнаци българи и ще се упъти за в Българско през сръбските граници, но преди това той се задължава да ни телеграфира, щото в това също време да изпратиме 4—5 лица ⁴, които да дадат знак за всеобщо въстание. Също и ние от Влашко да организираме 1—2—3 или повече чети ⁵ от неопределено число юнаци и изпратиме в Българско. Ако ли в противен случай сърбите откажат и поискат да му препятствуват, то той (Панайот) се задължава да се върне по-скоро тук, за да можем गरेказаните чети да организираме още по-добре, с които ще мине той. Г-н Панайот ще телеграфира до редакцията [на] «Знаме» (до Хр. Ботйова или И. Т. Драсова).

Изра се комитет от пет члена, именно: Д. Ценович, Драгоя Шопов, д-р Хр. Чобанов, Хр. Ботйов и И. Т. Драсов, който ще се денонощно стареае за събиране пари от Влашко и другаде, изключително Българско; да се споразумява с влашките и други българи за организуването на

четите и въобще за добрия успех на въстанието. Тоя комитет ще има особен сега направен нов печат с друга форма и ще има и леточислението *. Стариат изгубва своето значение по причина, че Каравелов се отказва да работи и не дава печата ⁶. За касиер се избра г-н Драгоя Шопов. Писар, председател и пр. са петмината. Определиха се няколко лица апостоли, които ще минат тайно или явно в Българско, за да приготвят бунта. За тия лица се определиха 150#, сто и петдесет австр[ийски] жълтици**. Реши се да се повика с особен човек г-н Филип Тотю от Одеса. За тая цел се определиха 100, сто австр[ийски] жълтици. За канцелария на комитета засега се определиха 50#, петдесет ав[стрийски] жълтици. Тия пари се определи да се съберат от следующите във Влашко градове, за което се писаха особени писма и се определи до 17 т[ози] м[есец] да се внесат тук на касиера Др. Шопова. Ето градовете:

	От	Галац — Рафаил Атанасов	50#
	»	Букурещ — Драгоя Шопов	100
	»	Александрия — Илия Широков	20
	»	Зимнич — Венко Наботков	10
Не внесоха на назначения ден, затова им се теле- графира	» {	Бекет — Пантелей Вълнев	15
		Плоещ — х. Параскева Маринов	20
	» {	Браила { Тодор Пейов	50
		Стефан Берон	100
	»	Т. Магурели { Данаил Попов	50
		П. Мишайков	
	»	Слатина { Кулев	20
		х. Йоно х. Стоянов	
		Андрейолу Атанас	
	»	Гюргево { Димитър И. Горов	50
	»	Олтеница — Димитър Петров	20
	» {	Крайова { Бр. х. Данаилови	50
		Зеновски	
Не внесли, те- леграфира се	» {	Болград — Петър Фитов	30
		Исмаил ⁷ — Дъбо[в]ски	20
		Всичко	605#

Назначените по тия градове лица са упълномощени да съберат тия пари.

И така, свършва се заседанието със сърдечно желание: Да живее българският народ! Смърт на неприятелите!

Панайот Хитйов
Д. Шопов
Хр. Ботйов
Д. Ценов[ич]
И. Т. Драсов
Чобанов
Р. Танасов
Т. Пейов

Представители { П. Волон
крумовски⁸ { П. Енчев
С. Н. Стамболов
Д. И. Горов
Б. Н. Райкович
Т. Пантелеев
Р[айчо] П[опов]

НБВК—БИА, ф. 78, II Д 996. Подлинник; С. В е л и к о в. Протокол на БРЦК от 12 август 1875 година. «Читалище», XXVII, София, 1948/1949, кн. 3, стр. 8—12.

1. Имеется в виду восстание в Боснии и Герцеговине, которое было встречено болгарскими революционерами с огромным восторгом и надеждою («Знаме», от 13, 27 июля и 3 августа 1875 г.).

* На печати будет вырезан 1875 г.

** Австрийские дукаты.

2. Речь идет о письмах, которыми обменялись эмиграция в Румынии и деятели внутренних комитетов еще перед созывом собрания (62, стр. 198—206).

3. Имеется в виду отношение сербского правительства в 1862 и 1867 гг., когда оно распустило организованные в Белграде болгарские отряды (легии). Болгарские деятели стремились теперь устранить препятствия (док. 127).

4. Такими лицами или «апостолами» были определены: Н. Обретенов для Рушук, Шумлы (ныне Коларовград), Варны, Разграда; Ст. Стамболов — Ст. Загоры; Т. Стоянов — Сливена; С. Танасов — Сливенского округа; М. К. Сарафов — Тырновского; П. Волов — Тырновского; Ст. Драгнев — Ловеча (12, стр. 140).

5. Это решение осталось только на бумаге, так как во время восстания в Болгарии (в ночь на 17 сентября 1875 г.) туда не пришли отряды ни из Румынии, ни из Сербии, в чем особенно обвиняли П. Хитова. Он не предпринял никаких действий из-за того, что Сербия, с которой он был связан, не была готова к войне с Турцией (2, т. I, стр. 27—31; см. также док. 38).

6. О позиции Каравелова см. док. 12, прим. 10.

7. Комитеты существовали и в некоторых других городах: Тырговиште, Турну-Северине, Роне (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 101, лл. 36—37).

8. Крум — псевдоним революционного комитета в Шумле, поэтому его представители зовутся «крумовские» (12, стр. 92).

№ 19

1875 г. августа 15 (27). — Из передовой статьи газеты
«Вперед!»¹ «Исторический фатализм»

Фатально тяготеет прошедшая история человечества над современными его вопросами. Фатально вмешиваются в живые задачи, в живую борьбу старые предания, старые страсти, и неудержимо идут люди биться под старыми знаменами за старые идеалы, которые уже столько раз разочаровывали человечество. Дорогие силы тратятся в героических подвигах, которые не могут принести блага человечеству. Дорогая кровь льется в самоотверженной битве за блага, которыми фатально должны воспользоваться враги прогресса [. . .]

Еще недавно, развертывая пред читателями картину «хаоса буржуазной цивилизации» («Вперед», т. III), мы видели, как в наше время окаменелые религиозные вопросы были выдвинуты на один из первых планов европейской политики, и с тех пор эти живые мертвецы не переставали занимать видное место в жизни Европы [. . .]

Социалисты могли всюду сторониться с холодным презрением и от бисмарковских «борцов за цивилизацию» и от слепых игрушек клерикалов; [. . .] Этот временный прилив религиозной волны в истории новой Европы не изменил ни на одну иоту рост и развитие социально-революционного движения рабочего класса.

Но в настоящую минуту пред нами другое проявление того же исторического фатализма; оно, правда, ограничено более тесным пространством, отодвинуто в один угол карты Европы, но зато оно вызвано идеями, далеко не столь отсталыми, как чисто религиозные вопросы; оно опирается на традицию, несравненно более живую в массах и несравненно сильнее сросшуюся со всеми их страстями и верованиями; оно является значительным препятствием социалистической агитации, сословной борьбе, рабочему движению против эксплуататоров труда в стране, где социалистическое движение только что обещало принести богатую жатву; оно охватывает население, говорящее языком, близким к тому, на котором мы ведем нашу пропаганду, население, с которым мы могли говорить без переводчика и среди которого мы нашли немало сочувствующих друзей и товарищей . . .

Мы говорим о кровавой борьбе, которая вспыхнула вчера в одном углу Герцеговины, сегодня охватила уже значительную часть Боснии, завтра фатально разольется по Сербии и Черногорью, откуда толпы за толпами уже идут неудержимо в ряды инсургентов; может быть, послезавтра поднимет уже волнующиеся населения Албании, Фессалии, Македонии, а затем дойдет до Черного моря и Босфора . . .

Первый повод к волнению был, по-видимому, повод экономический, отказ в уплате тяжелых податей. Но едва этот повод вызвал столкновение, едва грянули выстрелы в ущельях Балканов, едва брызнула кровь на эти поля, в продолжение веков политые кровью, как экономический вопрос отступил на задний план. Во имя старой национальной борьбы славян против турок, во имя старой расовой борьбы европейцев против азиатов, во имя старой религиозной борьбы христианства против ислама, — в одну массу, одушевленную одною страстью, смешались земледельцы и землевладельцы, полуголодные рабочие и богачи-эксплуататоры, радикалы разных оттенков и приверженцы Карагеоргиевичей, Обреновичей, верноподданные Франца-Иосифа австрийского, Николая черногорского и, вероятно, Александра русского, православные и католики, скептики и попы. Хищники, нажившие миллионы эксплуатацией народа, посылают тысячи червонцев туда же, куда посылает свой грош пролетарий-хорват. Сословные враги бьются, умирают и торжествуют рядом. Все вопросы великой экономической борьбы нашего времени отодвинуты на второй план и забыты. Одна страсть, одна идея одушевляет всех: бей турка! бей поганого! бей нехрестя! Кто первый поведет в битву на него, — тот наш герой. Если Николай черногорский, то да здравствует югославянский король Николай! Если Александр Карагеоргиевич, то пусть над Балканом властвует он, вчера осужденный за участие в убийстве! Если они не смогут или не сумеют, то хотя бы пришлось стать под скипетр Габсбурга, хотя бы под скипетр Романова, только бей турка! бей поганого! бей нехрестя!

Фатализм истории поставил на первое место в югославянщине в настоящую минуту национальную ненависть, расовую ненависть, религиозную ненависть. Фатализм истории поставил в одни ряды, плечом к плечу, сословных врагов и заглушил проповедь социальной революции криками ненависти, общей эксплуататору и эксплуатируемому. Фатализм истории дал новый панс хищникам экономическим и политическим, князьям и императорам выступить героями в глазах ослепленных масс и установить новый хищнический порядок, новый трон вампиров на костях жертв, которые бьются за национальную независимость, за политическую самостоятельность, за христианство . . . Пред этим фатализмом в данную минуту бессильна проповедь братства всех рас и народов, проповедь создания рабочего общества, где не будет ни праздных хищников, ни вампиров-правительств. Социалистическая проповедь среди южных славян должна выждать своего времени . . .

Мы писали тому два года назад, что «мы сочувствуем глубоко борьбе всех наших братьев славян против господства обветшалой культуры Турции . . ., но мы сочувствуем этой борьбе настолько, насколько в ней проявляется стремление к лучшему общечеловеческому будущему». Мы готовы повторить это и теперь. Да, мы глубоко сочувствуем всякой борьбе безвинно подавленного и притесненного против его притеснителя, борьбе всякой группы людей за их свободу и независимость. Для нас и спартанские цари, умиравшие за свободу Греции в борьбе против Ксерксов, и полусумасшедшая Жанна д'Арк под Орлеаном, — светлые типы *старого* мира, наполненного мрачными типами прямых хищников, беззастенчивых эгоистов и злобных фанатиков-палачей. Мы не можем отнестись иначе, как с уважением, и к польским

повстанцам, и к ирландским фениям², умиравшим еще вчера в бою против сильного врага, томившихся и томящихся в тюрьмах, в казематах, в рудниках. Мы признаем их героизм и сочувствуем ему, но и это — борцы *старого* мира, борцы за идеалы, которые оказались бессильными для блага человечества, для блага масс. Пред нами целая жизнь героической деятельности Маццини и Гарибальди; они дожили до того, что могли видеть плоды этой деятельности; и эти плоды оказались — нынешняя Италия Виктора Эммануила . . .

Для нас есть одна святая война: это — война труда против капитала, война рабочего против праздного хищника, война свободных братских масс пролетариата против системы государств, давящих на массы и разделяющих между собою землю на политические территории, людей на враждебные национальности, чтобы удобнее высасывать кровь и пот народа. С тех пор как благоветие рабочего социализма раздалось в мире, всякая сила, истраченная на иную борьбу, есть сила, *потерянная* для прогресса человечества; всякая капля крови, пролитая на алтаре старых идеалов религиозных, государственных и национальных, есть жертва, принесенная *ложным* богам³. Борьба за ту или другую религию бессмысленна, когда все религии оказываются болезненными призраками человечества, выработывающегося* из животного и полусознательного состояния до мирозозерцания здорового реализма и рациональной справедливости. Борьба за самостоятельность той или другой государственной территории есть бесцельная трата сил для масс, которые будут подавлены и эксплуатированы всякою государственною властью при настоящем порядке. Борьба за национальность есть иллюзия, когда социальный переворот разрушит одним ударом всякую национальную противоположность и раздельность и провозгласит братство всего человечества. Единственная независимость, за которую стоит и следует бороться, есть независимость труда от всех стесняющих его хищнических элементов. Единственная свобода, за которую стоит и следует проливать кровь, есть свобода развития всех рабочих групп для установления гармонического порядка нового равноправного социалистического общества. Единственная вера, которая может и должна одушевлять человека к энергичной борьбе, есть вера в возможность осуществления реальной справедливости в социалистическом строе.

Поэтому, при всем сочувствии к страстным и героическим борцам за старые религиозные, государственные и национальные идеалы, когда дело идет о борьбе слабого против сильного, притесненного против притеснителя, мы все-таки не можем иначе смотреть на эту борьбу, как с глубокою грустью.

Нам жаль каждой силы, напрасно истраченной, нам жаль каждой капли крови, пролитой на жертвенник ложных богов, потому что мы знаем: на этом пути нет и не может быть спасения для человечества; все эти силы понадобились бы для *отложенной* теперь борьбы за единственное святое дело народов; все эти жертвы гораздо более понадобятся на алтаре истинного бога — социалистической справедливости. Нам тяжело смотреть на героев, идущих в бой под влиянием исторического фатализма.

И, к сожалению, мы не можем уже верить, что приобретение национальной независимости должно быть первым шагом для *возможности* начала борьбы за социальную революцию. Мы знаем, что *общая* борьба за национальность и за государственную самостоятельность слишком часто устанавливала между естественно-враждебными сословиями симпатии, которые мешали успеху социалистической проповеди против эксплуататоров. Мы знаем, что героизм политической борьбы слишком часто

---

* Так в тексте.

облекал хищников ореолом в глазах масс. И потому мы не можем считать общую страсть, сближающую экономических врагов, хорошо почвою для проповеди социальной революции. Мы не можем считать движение, разжигающее национальную ненависть, хорошо почвою для проповеди братства всех рабочих в борьбе против их хищников. Мы не можем считать войну под хоругвью церкви хорошо почвою для развития критики мысли, отрицающей всякий традиционный авторитет.

Мы знаем, напротив, что пропаганда социализма разлилась в городах Венгрии до преобразования империи Габсбургов в двуглавую державу Цислетании и Транслетании⁴. Мы знаем, что в Чехии и Хорватии, несмотря на национальную борьбу славян против господствующих национальностей, рабочие славянские группы сформировались под общим знаменем рабочей международной борьбы. Мы убеждены поэтому, что социальная проповедь при удобных условиях может найти столь же восприимчивую почву среди рабочих подчиненных и подавленных национальностей, как и среди рабочих национальностей, политически самостоятельных. Мы верим: Эльзас и Лотарингия поймут скоро, что для своей независимости им должно более рассчитывать на социал-демократов Берлина и Дрездена, чем на саблю Мак-Магона и Дюкро; ирландские рабочие догадаются, что их дело не в парламентской агитации рэпилеров⁵ или даже не в политико-революционной агитации фениев, а в пробуждении английских рабочих обществ от их легалистического сна к сознанию необходимости социальной революции; польские пролетарии, наконец, сознают, что пропагандисты социальной революции на Волге и на Днепре им более братья, чем Чарторижские в Париже или Платеры в Рапершвиле. Все подавленные, все угнетенные победят *прочно* своих врагов лишь одним общим взрывом без различия национальностей, взрывом, который поднимет на воздух *весь* капиталистический строй и *все* государства . . .

Итак, мы не можем не смотреть с грустью на волнение, поднявшееся среди южных славян во имя старых идолов национальной независимости, государственной автономии и христианской церкви и заглушающее проповедь социализма между нашими братьями⁶. Мы знаем, как бы ни выпал результат борьбы, эта проповедь одинаково пострадает. Найдет ли нужным грязная дипломатия православных и католических князей и императоров подавить восстание в крови масс и поддержать целостность Оттоманской империи, или мы накануне возникновения новой славянской державы над Балканами, поражение и победа героических борцов за старые идеалы одинаково враждебны успехам социального дела.

В обоих случаях национальная ненависть станет поперек международного братства рабочих; в обоих случаях массы народных борцов внесут в число своих героев новых представителей хищнического порядка, хищнических сословий; в обоих случаях национальная, государственная и религиозная иллюзия затмит для страждущих масс их истинные интересы. Конечно, социально-революционные начала, как все живое, как все исторически-реальное, в свое время восторжествуют, мы в этом уверены, но их торжество между южными славянами отодвинется и много энергических сил истратится даром, много дорогой крови прольется на алтаре ложных богов . . .

Потратится даром и сила, самая важная для нас; прольется на алтарях ложных богов и кровь, самая дорогая для нас, — сила и кровь наших братьев, южнославянских социалистов. Мы знаем: нет вероятности, — может быть, нет возможности — для них противостоять фатализму истории, который поднял кругом их целое население. Проповедники общечеловеческого союза рабочих против всех эксплуататоров будут биться с пролетариями другого племени во имя национальности, которая должна завтра утонуть в общечеловеческом братстве, во имя государства, которое эксплуатирует

рабочих, во имя веры, которая всегда служила орудием отупения и порабощения народов. Они будут биться рядом с теми, которые были и должны были быть вчера, которые будут и должны будут быть завтра их врагами . . . Мы не имеем слова укора для этих жертв исторического фатализма . . . Нам больно видеть эту нравственную эпидемию, охватывающую и самых разумных, и самых крепких; нам больно за них, нам страшно за них; но мы знаем, что против этих исторических бичей личная мысль, личная энергия бессильна . . .

Мы скажем нашим братьям одно. Постарайтесь помнить, что те экономические и политические хищники, рядом с которыми вы сегодня бьетесь как братья, будут завтра вашими злейшими врагами и что сегодняшнее товарищество в исторической буре не уничтожило и не уничтожит ни одного из тех существенных экономических противоположений, которые делают современное человечество на два непримиримые лагеря, эксплуатируемых и эксплуататоров, жертв и хищников.

Постарайтесь помнить, что те, которых вы убиваете как врагов, те, которые убивают около вас ваших братьев, суть в огромном числе пролетарии иного племени, которые были и должны были быть вчера, которые будут и должны быть завтра вашими братьями, и что сегодняшняя битва на смерть за идолы старого мира не уничтожает ни одной из тех существенных экономических и нравственных связей, которые создают из рабочих пролетариев всего человечества одно великое братство, солидарное в страдании, солидарное в исторической задаче, солидарное в неумолимой борьбе с эксплуататорами. Никто и ничто не в силах удержать вас, жертв исторического фатализма, от пути, по которому слепо увлекаются народы под влиянием старой страсти, старой традиции . . . Но среди братоубийственной борьбы, среди фанатического служения идеалам прошлого, вы можете и должны сохранить сознание, что страстный порыв ваших соплеменников, увлекающий и вас, есть не путь к спасению, к благу человечества, а буря исторического фатализма; что буря пройдет, оставив за собою не спасение, не общее благо, а новые обломки, новые жертвы и новые страдания масс в пользу старых или новых их эксплуататоров; буря пройдет, и тогда вам нужно будет начать снова, начать с самого начала вашу проповедь единственной святой войны, войны против мира хищников.

«Вперед!», 1 сентября (20 августа) 1875 г., Лондон, стр. 481—488.

1. «Вперед!» — двухнедельное обозрение, издававшееся в 1875—1876 гг. в Лондоне одним из идеологов революционного народничества 70-х годов XIX в. П. Л. Лавровым (9, стр. 108—115 и др.).

2. Фени — ирландские мелкобуржуазные революционеры 50—60-х годов XIX в. Добивались полного отделения от Англии, провозглашения Ирландской демократической республики, превращения кабальных арендаторов в собственников земли. Заговорщическая тактика фениев, присущая им мелкобуржуазная ограниченность в конечном счете привели к вырождению их в секту террористов.

3. Для группы «Вперед» характерна недооценка значения политической борьбы, национального вопроса и преувеличение близости социальной революции, что вытекало из свойственной народникам веры в крестьянскую общину и коммунистические склонности крестьян.

4. Австро-венгерское соглашение о преобразовании Австрии в дуалистическую двуединую Австро-Венгерскую монархию было окончательно принято весной 1867 г. Результатом соглашения явилась конституция 1867 г. Отныне империя Габсбургов состояла из двух равноправных политических единиц — Австрии (Цислейтании) и Венгрии (Транслейтании). Своим острием дуализм был направлен против славянских народов. Осуществление его означало укрепление господствующего положения венгерской и австро-немецкой национальностей.

5. «Ассоциация рипилеров», созданная в Ирландии в 1840 г., ограничивалась легальной борьбой за автономию Ирландии при сохранении власти английской короны.

6. Здесь сказалось как недостаточное знакомство газеты «Вперед!» со степенью социального развития Боснии и Герцеговины, так и желание показать, что позиция царского правительства определяется стремлением подавить революционное движение в России.

№ 20

1875 г. августа 16 (28). — Письмо П. Икономова Л. Каравелову о сборе болгарами в Браилове пожертвований для герцеговинских повстанцев

Браила

Бай Либене!

Приятелят Т: П[еев] от града ни, който беше завчера по вашето село*, върна се с едно отворено писмо от П. Х[итов], за да събира волни помощи за херцеговските ранени¹. Той и аз ходихме вчера, та посъбрахме нещичко, което днес ще ви се изпрати. Тъй ли е? Вярвам, че веднъж обстоятелствата като се обявят², и по нас ще се може събира повече и по-лесно.

Не забравяй твоя Павел Икономов

[P. S.] Отговори ми две думи!

НБВК — БИА, ф. 2, д. 7, лл. 5—6. Автограф.

1. Среди болгарской эмиграции была проведена широкая кампания по сбору денег и другой помощи для повстанцев в Боснии и Герцеговине. Она привела к основанию 21 августа 1875 г. в Бухаресте организации под названием «Болгарское человеколюбивое настоятельство», во главе с К. Цанковым. Организация объединяла правое крыло БЦРК и некоторых сторонников «старых».

2. Это касается, вероятно, объявления предстоящего восстания.

№ 21

1875 г. августа 19 (31). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жюмини о положении Черногории в связи с усилением восстания в Боснии и Герцеговине и о возможности выступления Черногории против Турции

№ 165

Raguse

Monsieur le baron!

Avant hier mr Bojidar Petrovic, président du Senat monténégrin, arriva ici accompagnant les jeunes princesses qui se rendent à St. Péterbourg au couvent de Smolny en vertu de la décision de sa majesté l'impératrice. Il repart aujourd'hui pour Cettigné.

Mais en réalité, en donnant la permission à mr Bojidar d'accompagner les princesses, qui sont ses nièces, jusqu'à Raguse, son altesse le prince Nicolas l'a chargé d'une mission auprès de moi, de baron Lichtenberg et de général Iovanovic.

Son altesse a chargé son cousin, non seulement de nous mettre au courant de la situation du Monténégro** vis-à-vis des événements se compliquant toujours d'avantage en Herzégovine, en Bosnie et en Serbie, mais de nous autoriser aussi d'avertir nos gouvernements respectifs que son altesse craint de ne pas pouvoir conserver son attitude neutre, et ceci dans un temps qui lui semble peu éloigné, si rien de pratique ne se faisait pour calmer les esprits ou arrêter le développement de la lutte ayant pris un caractère franchement politique.

Je n'aurais fait que récapituler les renseignements contenus dans mes rapports de ces derniers jours en rendent fidèlement compte des explica-

* Имеется в виду Бухарест.

** См. прим. 1 к док. 5.

tions que mr Bojidar m'a données à ce sujet. En résumé il m'a dit, ainsi que je le suppose, au général Iovanovic et à mon collègue d'Allemagne, que les progrès récents de l'insurrection compliqués par la levée d'armes en Bosnie et l'agitation toujours croissante en Serbie et même chez les peuples sud-slaves de l'Autriche-Hongrie, ont fait de l'affaire en Herzégovine jusqu'ici plus ou moins localisée, une affaire nationale, où la domination turque dans ces provinces est franchement mise en question.

Depuis près de trois mois que dure l'agitation des idées et les passions ont eu le temps de prendre une forme plus nette et décisive, les différents partis, pris au commencement, au départ ont eu le temps de se concerter et presque de s'entendre, les insurgés eux-mêmes, hésitant tout d'abord, se sont depuis un tant soit peu organisés et se sont formulés des buts qu'au commencement de la lutte ils n'avaient pas. La pacification, le retour à l'ancien état de choses devient ainsi tous les jours plus problématique.

L'Herzégovine surtout est dévastée. Les musulmans et les troupes turques, ne tenant pas assez compte de leur faiblesse qui leur recommandait la réserve et la circonspection, ayant inauguré au commencement de l'insurrection l'incendie et le pillage, les chrétiens les ont tout d'abord imitée par esprit de vengeance, et ensuite, les passions s'exaltant, ils ont fini par brûler leurs propres villages et pour dévaster le pays devant les troupes turques et pour se couper la retraite. Quant à leurs familles et à leurs bestiaux, ils les expédient à la hâte au Monténégro et en Autriche pour acquérir la liberté d'action en prévision d'une guerre longue et acharnée, de façon que la ruine du pays est presque complète.

Ce caractère de la lutte, ces passions agitent les monténégrins à un degré très dangereux. Obéissant au prince tant qu'ils pouvaient supposer que l'affaire de l'Herzégovine n'était qu'un coup de tête des rays exaspérés, tant que les autres peuples serbo-croates ne prenaient pas une part active à l'insurrection, ils rongent aujourd'hui le frein.

Le prince s'appuyant sur le désir et la recommandation des trois grands cabinets retenait ses sujets de la tentation de soutenir efficacement l'insurrection ou de prendre l'initiative de la guerre avec la Turquie, le monténégrin sait déjà ce que c'est que de rester seul dans une pareille lutte. Mais aujourd'hui que cette lutte devient générale, que la Serbie, d'un côté excessivement réservée et même muette envers le gouvernement de Cettigné semble de l'autre côté vouloir inaugurer la guerre pour la liberté des slaves, prendre fait et cause pour l'Herzégovine, les monténégrins ne supportent plus leur neutralité que n'est déjà maintenue pour des mesures très sévères du gouvernement. Fidèles à leurs traditions ils ne supportent pas l'idée d'être dévancés par d'autres sur ce champ de bataille qui fut leur rêve pendant des siècles, la seule raison de leur existence, la seule perspective pour laquelle ils supportaient stoïquement non seulement la misère, mais aussi l'autorité absolue et sans contrôle des derniers gouvernements.

Ils accusent leurs prince des sentiments les moins avouables, et pour peu qu'un pareil état de choses dure, l'union entre le prince et le peuple deviendrait en Monténégro aussi un souvenir amer. Il faut ajouter aussi, que tout ceci arrive dans un moment quand les monténégrins eux-mêmes étaient déjà mécontents pour leur propre compte et trop excités par une année entière de tiraillements incessants avec la Turquie, après l'affaire de Podgoritza et les froissements sans fin par lesquels la Sublime Porte semblait vouloir comme à plaisir entraîner le Monténégro à une rupture avec elle ¹.

Le prince prévoit ainsi le moment où son honneur, l'intérêt de son peuple même, devront le forcer à s'unir au mouvement général, malgré tout le risque qu'il y a à le faire contre le gré de l'Europe et sans une assistance

d'une des grandes puissances *. Il pourra encore user de l'influence que lui donne l'approbation de ses actes par les grandes puissances, mais il craint que le moment n'est pas éloigné où les arguments puisés à cette source ne suffiront plus pour le justifier aux yeux de son peuple. On lui demande déjà, mais on lui demandera bientôt avec plus d'insistance de risquer tout, comme risquent les autres, pour se débarrasser du chaos actuel où sont arrivées les affaires dans cette partie de la péninsule des Balkans. Placé entre ce dilemme — la nécessité de la paix pour l'Europe et l'impossibilité de la vie en Turquie et avec la Turquie dans des conditions actuelles, le Monténégro n'hésitera pas — cette impossibilité est trop démontrée pour qu'il ne risque pas son existence même pour s'en débarrasser. L'existence ultérieure, sans un changement radical dans la situation de toute cette partie de la Turquie, se présente sous des couleurs les plus sombres à l'imagination de ce peuple déjà trop fatigué. Et quant à ces changements, l'expérience le lui a aussi démontré, ils ne peuvent être acquis sans une lutte.

Le prince hésite de préciser d'avantage sa communication. Il ne sait pas ce qui peut précisément le faire sortir de sa neutralité, mais il est presque certain d'une chose — si la Serbie déclarait la guerre ou si son attitude équivalait à cette déclaration, si sa participation dans la lutte en Bosnie devenait trop prépondérante et résolue, le prince croit que son honneur, l'instinct même de sa conservation l'obligeront d'entrer franchement en campagne. Le prince pense, que s'il ne le faisait pas, il courrait encore de plus grands risques, et pour lui et pour son peuple, sans pour cela contribuer au rétablissement de la paix, sans même abrégier la lutte — son peuple s'éparpillerait tout de même en Herzégovine.

En effet les chances de la guerre ou de neutralité seront alors également dangereuses pour le Monténégro. La guerre peut ruiner le pays, le rejeter encore une fois de plusieurs années en arrière, mais la neutralité doit avoir dans les circonstances si dessus exposés, des résultats si c'est possible, encore plus déplorable. Les monténégrins, empêchés de prendre part à la lutte officiellement, n'en iraient pas moins en grand nombre aider l'insurrection ce qui désorganiserait le Monténégro, anéantirait sa cohésion et sa discipline, l'affaiblirait même pour le cas d'une attaque du dehors. Ensuite, la guerre terminée, tous ces monténégrins pêle-mêle avec les insurgés se rebateraient sur la principauté, pleins de dépit, de la haine contre cette partie de leurs frères qui ne voulait pas les secourir. Ils mettraient le pays dans un tel état qu'il deviendrait à la première occasion possible la proie de la Turquie, qui, certes, après avoir dompté l'insurrection ferait son possible pour abolir, si non l'existence de la principauté au moins sa position morale et politique, qui tenait jusqu'à présent les turcs en respect plus que ses forces militaires.

Dans un pareil état, ayant perdu la conscience de sa force, le Monténégro ne pourra pas exister longtemps, n'ayant pas des moyens matériels, des richesses du pays qui auraient pu occuper le peuple pour le travail, lui donner un intérêt à la vie, qui auraient pu le faire oublier à la longue la perte de sa position à l'extérieur et rendre le désordre à l'intérieur moins supportable et plus reparable. Si la Serbie succombe à l'intérieur sous l'anomalie de sa position politique en face de la Turquie actuelle que deviendrait le Monténégro dans de mêmes circonstances?

Mr Bojidar m'a dit aussi (j'espère qu'il n'a pas fait la même communication au général Iovanovic) qu'une des appréhensions qui rendent le prince et les monténégrins soucieux de l'avenir est celle-ci si l'insurrection est domptée et sa non-réussite attribuée à l'inaction de la Serbie et du Monténégro, les slaves de tous ces pays tomberont sous l'influence absolue de

* Имеется в виду Россия.

l'Autriche-Hongrie, ce qui rendra la situation de la principauté encore plus précaire, ce qui privera de la raison d'être. Cette perspective paraît être indubitable au prince et il est porté à faire cette conclusion, que le but d'arriver à ces fins peut seul expliquer les actes bien souvent peu compréhensibles de la société et des autorités en Dalmatie et en Croatie.

Outre ces causes morales qui forcent le prince de prévenir de sa situation, les cabinets dont la sollicitude envers lui il apprécie avec une gratitude sans réserve — il y a encore des causes matérielles qui rendent la situation du Monténégro peu tenable, qui excitent le peuple et le poussent à risquer son existence telle qu'elle eut devenue aujourd'hui.

L'insurrection a jeté dans le Monténégro plus de 70 000 têtes du bétail appartenant aux insurgés et déjà un grand nombre de familles de ces derniers. Pour peu qu'elle dure encore cette émigration des bouches inutiles de l'Herzégovine deviendra presque générale, et si l'insurrection est domptée — le Monténégro sera inondé par ces étrangers.

Ces femmes et ces enfants mangent le dernier pain du Monténégro, ces troupes dévastent le peu du paturage que ce pauvre pays peut contenir. Excités par le sentiment de la fraternité qui existe entre les deux peuples, les monténégrins partagent avec les herzégoviniens le peu qu'ils possèdent mais ils n'en sont pas moins mécontents d'être mis dans une telle position. Ils ne comprennent pas qu'ils doivent s'appauvrir pour une cause turque, que les méfaits de la Turquie puissent réagir ainsi sur le Monténégro, sans qu'il lui soit aussi permis de se venger sur le bien des turcs.

Aujourd'hui déjà ces plaintes deviennent générales et menaçantes, mais que deviendra cette situation quand, par l'anéantissement des ressources qui existent encore, les herzégoviniens ainsi que les monténégrins arriveront à souffrir de la famine sur le sol du Monténégro. Cette perspective cependant menace de devenir une réalité dans un bref délai, parce que d'abord, les ressources du Monténégro en elles-mêmes sont trop restreintes et qu'ensuite l'insurrection ne semble pas vouloir être terminée dans quelques jours.

La situation du Monténégro vis-à-vis les événements actuels est infiniment plus difficile vu le concours de toutes ces causes, que celle de la Serbie, et cependant cette dernière est déjà amenée à tenir une conduite beaucoup moins correcte que celle du Monténégro.

Votre excellence pourra apprécier ainsi la difficulté du prince Nicolas et daignera ne pas me condamner, si à la communication de mr Bojidar je n'ai pas trouvé d'autre réponse à faire que la promesse de rapporter fidèlement au gouvernement impérial les appréhensions et les déclarations du prince.

Je lui ai dit qu'il y a encore un espoir que la lutte soit interrompue par les efforts pacificateurs des commissaires des grandes puissances qui sont en route pour se rendre sur les lieux de l'insurrection, et qu'en tout cas cette commission donne un temps de répit et un nouvel argument au prince pour motiver et justifier son attitude devant l'opinion publique du Monténégro. Mr Bojidar m'a répondu qu'on usera de cet argument et que le prince ne pense pas encore devoir déclarer la guerre à la Turquie, mais que cette perspective devient très probable et que selon toutes les apparences la mission des délégués internationaux n'aura pas de succès ou devra durer trop longtemps, vu l'extension de l'insurrection, son éparpillement et les influences politiques qui ont définitivement gagné le terrain.

En prenant connaissance du récit qui m'a été fait par mr Bojidar au nom du prince, votre excellence sera peut-être portée à croire que les sombres couleurs de ce récit devaient emprunter leurs teintes lugubres à la position même du prince et de mr Bojidar, placés tous les deux à la tête du gouvernement, engagés eux-mêmes dans l'affaire, excités par les

difficultés de leur position et par les passions qui les entourent, et portés par ceci même à exagérer la situation. Mais je dois dire ici, que des sources non seulement monténégrins je possède les mêmes données. Le Monténégro est effectivement en effervescence. Il s'émiette, pour ainsi dire, peu à peu. Les monténégrins, appartenants au palais même du prince commencent à fuir en Herzégovine, en traversant le pays pendant la nuit pour éviter d'être arrêtés. Cette circonstance alarme beaucoup le prince, il craint de rester sans son armée le jour où il en aura besoin.

Je dois dire aussi, que quand Bojidar parlait de Cettigné avec sa mission, le prince ne connaissait pas encore la formation du nouveau ministère serbe ², composé d'individualités qui doivent se décider à jeter le manche après la cognée; il ne connaissait pas non plus l'invasion du pays autour de Sénitza (entre le Monténégro et la Serbie) par les bandes nombreuses formées en Serbie sous le commandement du fameux pop-Jarko ³. Ces deux faits devront indubitablement précipiter les événements.

Je crois devoir ajouter ici que les plaintes des slaves en Dalmatie, en Croatie et en Serbie même, contre le prince Nicolas deviennent de plus en plus amères. Un fait surtout contribue à envénimer le langage des détracteurs du prince j'ai eu déjà l'honneur de rapporter qu'après la prise par les insurgés du défilé du Douga, la ville de Nikschić, s'est trouvé bloquée et aurait dû se rendre, sans la neutralité du Monténégro. Le seul chemin ouvert pour le ravitaillement de la garnison de Nikschić est celui de la pleine monténégrine de Bélopavlici — aussi cette garnison profitant de cette faculté et se fiant à la discipline des monténégrins, envoya à plusieurs reprises des caravannes, pour faire des achats du blé à Bélopavlici. Ayant été connu ici et chez les insurgés ce fait produisit une notable irritation contre la politique du prince Nicolas.

J'ai l'honneur, monsieur le baron, d'être avec le plus profond respect de votre excellence le très humble serviteur

A. Jonine

АВПР, ф. СШб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 746, лл. 51—58. Подлинник.

Перевод

Рагуза

Господин барон!

Позавчера сюда, сопровождая молодых княжен, направляющихся по решению е. в. императрицы в С.-Петербург, в Смольный монастырь, прибыл г-н Божидар Петрович, председатель черногорского Сената.

Но в действительности, дав согласие г-ну Божидару сопровождать до Рагузы княжен, своих племянниц, его высочество князь Николай дал ему поручение ко мне, барону Лихтенбергу и генералу Йовановичу.

Его высочество поручил своему кузену не только поставить нас в известность о положении в Черногории в связи с постоянно осложняющимися событиями в Герцеговине, Боснии и Сербии, но и уполномочить нас предупредить соответственно свои правительства, что если не будет принято никаких практических мер для успокоения умов или не будет приостановлено развитие борьбы, которая приняла открыто политический характер, то он, кажется, скоро уже не сможет придерживаться нейтралитета.

Я могу повторить лишь вкратце сведения, содержащиеся в моих донесениях, и изложить совершенно точно те объяснения, которые были даны мне по этому поводу г-ном Божидаром. В заключение он сказал мне (предполагаю, что то же было сказано генералу Йовановичу и моему немецкому коллеге), что недавние успехи восстания, поддержанного вооруженным выступлением в Боснии и все нарастающим волнением в Сербии и даже среди южнославянских народов Австро-Венгрии, придали

герцеговинским событиям, имевшим до тех пор местное значение, характер национального дела и что турецкое господство в этих провинциях стоит явно под вопросом.

Уже почти три месяца, как длится волнение, идеи и страсти могли за это время принять более определенные и четкие формы; различные партии, застигнутые сначала врасплох, имели возможность объединиться и почти договориться; сами повстанцы, вначале колебавшиеся, с тех пор немного организовались, сформулировали свои цели, которые отсутствовали в начале восстания. Умиротворение, возвращение к старым порядкам становится с каждым днем все проблематичнее.

Герцеговина особенно разорена. Мусульмане и турецкие войска невзирая на свою слабость — им бы лучше было быть более сдержанными и осмотрительными — ознаменовали восстание поджогами и грабежами; христиане подражали им в своей мести, а затем страсти разгорелись, они начали сжигать свои собственные деревни, чтобы опустошить страну перед подходом турецких войск, чтобы отрезать себе путь к отступлению. Что же касается их семей и скота, то они поспешно отправляют их в Черногорию и Австрию, чтобы быть свободными в своих действиях в предвидении долгой и ожесточенной борьбы; так что страна почти полностью разгромлена.

Этот характер борьбы, эти страсти волнуют черногорцев уже до такой степени, что становится опасно. Они были послушны князю до тех пор, пока предполагали, что герцеговинские дела — лишь безрассудный поступок отчаявшейся райи, и пока другие сербо-хорваты не принимали активного участия в восстании. Теперь они проявляют нетерпение.

Князь, опираясь на пожелание и советы трех великих держав, удерживал своих подданных от искушения оказать реальную помощь восстанию или проявить инициативу в объявлении войны Турции. Черногорцы уже знают, что значит остаться одним в подобной борьбе. Но сегодня, когда она становится всеобщей, когда Сербия, с одной стороны, крайне сдержанна и даже нема в отношении правительства Цетинье, а с другой, кажется, хочет начать войну за освобождение славян, встать на сторону Герцеговины, черногорцы не потерпят более своего нейтралитета, поддерживаемого только лишь строгими мерами правительства. Верные своим традициям, они не выносят мысли быть опереженными на поле битвы, о которой они мечтали веками, что было единственным смыслом их существования, единственной перспективой, ради чего они стойчески терпели не только нужду, но и абсолютную, бесконтрольную власть последних правителей.

Они обвиняют своего князя в самых неблагоприятных стремлениях, и если подобное положение дел продлится еще, то союз между князем и его народом в Черногории превратится в горькое воспоминание. Надо также добавить, что все это происходит в момент, когда сами черногорцы недовольны своим собственным положением и уже в течение целого года слишком возбуждены беспрестанными разногласиями с Турцией после подгорицкого дела, бесконечными столкновениями, чем Блистательная Порта хотела, кажется, ради забавы вовлечь Черногорию в ссору с собой¹.

Итак, князь предвидит момент, когда его честь, интересы самого народа заставят его присоединиться к всеобщему движению, несмотря на риск сделать это против желания Европы и без помощи какой-либо великой державы. Он мог бы использовать еще влияние, которое вытекает из одобрения его действий великими державами, но он опасается, что недалек тот момент, когда доводы, черпаемые из этого источника, будут недостаточными, чтобы оправдать его в глазах народа. От него уже требуют и вскоре потребуют еще с большей настойчивостью рисковать всем, как рискуют другие, чтобы избавиться от нынешнего хаоса, в котором находится эта часть Балканского полуострова. Поставленная перед этой дилеммой — необходимостью мира для Европы и невозможностью жить в Турции и с Турцией при настоящих условиях — Черногория не станет колебаться: эта невозможность стала слишком очевидной, чтобы рискнуть даже собственной жизнью, лишь бы избавиться от нее. Дальнейшее существование без каких-либо радикальных перемен в положении всей этой части Турции рисуется в очень темных красках в воображении народа, уже слишком уставшего. Что же касается изменений, опыт уже показал, что они не могут быть достигнуты без борьбы.

Князь колеблется заранее определить свое отношение. Он не знает, что именно может вывести его из нейтралитета, но он более чем уверен в одном — если Сербия объявит войну или ее позиция будет близка к подобному объявлению, если ее участие в борьбе в Боснии станет слишком очевидным и решительным, то его честь и даже инстинкт самосохранения заставят его открыто начать кампанию. Князь думает, что если он не сделает этого, то подвергнет еще большему риску себя и свой народ, не способствуя этим ни установлению мира, ни окончанию борьбы, а народ все равно разойдется по Герцеговине.

Действительно, перспективы войны или нейтралитета тогда будут одинаково опасны для Черногории. Война может разорить страну, отбросить еще раз на несколько лет назад, а нейтралитет при выше изложенных обстоятельствах может привести, возможно, к более плачевным результатам. Черногорцы, которым помогают принять участие в борьбе официально, все равно отправятся на помощь восставшим, а это дезорганизовало бы Черногорию, подорвало бы ее сплоченность и дисциплину, ослабило бы ее перед возможностью нападения извне. Затем, по окончании войны, все эти черногорцы попеременно с повстанцами, вернулись бы в княжество, полные досады, ненависти к той части своих собратьев, которые не пожелали помочь им. Они поставили бы страну в такое положение, что при первом возможном случае она стала бы добычей Турции, которая, подавив восстание, сделала бы, конечно, все возможное, чтобы уничтожить если не само княжество, то по крайней мере его моральное и политическое влияние, которое до сих пор более, чем вооруженные силы княжества, заставляло турок держаться на расстоянии.

В подобном положении, утратив сознание своей силы, Черногория не сможет долго существовать, не имея материальных средств и богатств страны, которые могли бы обеспечить народ работой, пробудить интерес к жизни, что могло бы дать ему возможность надолго забыть потерю своих позиций во вне, сделать беспорядок внутри страны менее терпимым и более поправимым. Если уже Сербия изнемогает от ненормальности своей политической позиции по отношению к нынешней Турции, то что же станет с Черногорией при подобных обстоятельствах?

Г-н Божидар сказал мне также (я надеюсь, что он не сделал такого же заявления генералу Йовановичу), что одним из опасений, которые заставляют князя и черногорцев беспокоиться о будущем, является следующее: если восстание будет подавлено и его неудачи припишут бездействию Сербии и Черногории, то славяне всех этих стран подпадут под абсолютное влияние Австро-Венгрии, что сделает положение княжества еще более ненадежным и его существование бессмысленным. Эта перспектива кажется князю несомненной, и он вынужден сделать вывод, что лишь стремления Австро-Венгрии к достижению этих результатов могут объяснить странные действия общества и властей Далмации и Хорватии.

Кроме этих моральных причин, заставляющих князя предупредить о своем положении кабинеты, которым он бесконечно благодарен за их заботы, есть еще материальные причины, осложняющие положение Черногории, возбуждающие народ и заставляющие его рисковать своим существованием, даже таким, каким оно является в настоящее время.

Из-за восстания в Черногорию было перегнано более 70 тыс. голов скота, принадлежащего повстанцам, а также прибыло большое количество их семей. Если восстание еще продлится, эмиграция лишних ртов из Герцеговины станет почти всеобщей, а если оно будет подавлено, Черногорию наводнят эти иностранцы.¹

Эти женщины и дети съедают последний хлеб Черногории, стада опустошают те небольшие пастбища, которыми эта бедная страна еще располагает. Воодушевленные братскими чувствами, которые существуют между двумя народами, черногорцы делят с герцеговинцами то немногое, что они имеют; но от этого они не стали довольны своим положением. Они не понимают, почему они должны разоряться за турецкое дело, почему преступления Турции должны так отражаться на Черногории, так, что она даже не может вознаградить себя имуществом турок.

Эти жалобы уже сегодня становятся всеобщими и угрожающими, а что же станет тогда, когда вследствие истощения существующих еще пока ресурсов герцеговинцы,

так же как и черногорцы, будут страдать от голода на черногорской земле. Эта перспектива угрожает стать реальной в недалеком будущем, так как, во-первых, запасы самой Черногории очень ограничены и, во-вторых, восстание не кажется делом, которое закончится через несколько дней.

Вследствие всех этих обстоятельств положение Черногории бесконечно тяжелее, чем положение Сербии. Однако Сербия стала вести себя гораздо менее корректно, чем Черногория.

Ваше превосходительство сможет оценить, таким образом, затруднения князя Николая и соблаговолит не упрекать меня за то, что я не нашел иного ответа на сообщение г-на Божидара, как обещание точно сообщить императорскому правительству об опасениях и заявлениях князя.

Я ему сказал, что есть еще надежда прекратить борьбу умиротворяющими усилиями комиссаров великих держав, которые находятся на пути к месту восстания, и что во всяком случае эта комиссия даст время для передышки и новый аргумент князю для мотивировки и оправдания своего поведения перед общественным мнением Черногории. Г-н Божидар ответил мне, что использует этот довод и что князь не считает себя еще обязанным объявлять войну Турции. Однако перспектива эта вскоре станет весьма вероятной, и, по всей видимости, миссия иностранных представителей не будет иметь успеха и продлится слишком долго из-за распространенности восстания, его распыленности и окончательной победы политических влияний.

Знакомясь с тем, что рассказано мне г-ном Божидаром от имени князя, ваше превосходительство, может быть, подумает, что сгущенные краски этого рассказа приобрели свои мрачные тона вследствие состояния самого князя и г-на Божидара, возглавляющих правительство, связанных с этими событиями, возбужденных трудностями своего состояния и страстями, бушующими вокруг них, а отсюда склонность преувеличивать затруднения.

Но тут я должен сказать, что из источников не черногорских я располагаю теми же сведениями. Черногория действительно волнуется. Она, так сказать, распыляется постепенно. Даже черногорцы, принадлежащие к княжескому двору, убегают в Герцеговину, пересекая страну ночью, чтобы избежать ареста. Это обстоятельство сильно волнует князя: он боится остаться без армии в тот день, когда она будет ему нужна.

Я должен сказать также, что когда г-н Божидар уезжал из Цетинье со своей миссией, князь не знал еще о создании нового сербского правительства², состоящего из лиц, которые должны решиться на отчаянный шаг; он не знал также о вторжении в страну около Сеницы (между Черногорией и Сербией) многочисленных отрядов, сформированных в Сербии под командованием знаменитого Поп-Жарко³. Эти два обстоятельства несомненно должны ускорить события.

Я считаю своим долгом добавить здесь, что жалобы славян Далмации, Хорватии и даже Сербии на князя Николая становятся все более горькими. Одно событие особенно способствует возбуждению хулителей князя: я уже имел честь сообщать, что после взятия повстанцами ущелья Дуга город Никшич был осажден и должен был сдать, несмотря на черногорский нейтралитет. Единственный путь, открытый для снабжения гарнизона Никшича, — это черногорская равнина Белопавличи, и турецкий гарнизон, используя эту возможность и полагаясь на покорность черногорцев, несколько раз отправлял караваны для закупки пшеницы в Белопавличах. Когда этот факт стал известным здесь и среди повстанцев, то он вызвал большое возмущение политикой князя Николая.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин барон, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

А. Ионин

1. После событий в Подгорице (см. прим. 2 к док. 2) обострились черногоро-турецкие отношения. В ноябре 1874 г. Порта начала концентрировать войска на черногорской границе. Хотя она и согласилась на образование черногоро-турецкой комиссии для наказания виновных в устройстве подгорицкой резни, однако в течение длитель-

ного времени медлила с вынесением приговора. Только в связи с новой угрозой развязывания черногорско-турецкой войны и в результате давления великих держав Порты отказалась от предъявленных Черногории требований и 5 (17) мая 1875 г. частично привела в исполнение приговор, вынесенный комиссией в Скадре в отношении турецких подданных (21, стр. 68—77, 80).

2. Имеется в виду пришедшее к власти 19 августа 1875 г. «министерство действия». Возглавлял его Стевча Михайлович, Иован Рисич занимал в нем пост министра иностранных дел, Еврем Груич — министра внутренних дел, полковник Тихомил Николич — военного министра.

3. Из Сербии при содействии Белградского комитета направлялись добровольцы для участия в восстании, в одиночку или отдельными группами. В конце 1875 г. было переправлено два отряда: один — под командованием Жарко Лешевича в санджак, другой — Иована Панича в восточную Боснию.

№ 22

1875 г. августа 20. — Прошение Одесского славянского благотворительного общества одесскому градоначальнику Н. И. Бухарину о разрешении сбора средств для герцеговинских беженцев

№ 218

Печальные события в Герцеговине заставили множество старцев, женщин и детей нам единоплеменных христиан искать приюта в Далмации, на австрийской территории, чтобы спасти свою жизнь. Эти несчастные пришельцы не имеют никаких средств к существованию и страдают ужасно. В Австрии и в других местах открыли публичные подписки, чтобы не допустить до голодной смерти людей, избежавших неприятельского меча. Одесское славянское благотворительное общество¹ полагает, что оно служит той же святой цели христианско-братской взаимопомощи, а потому оно позволяет себе покорнейше просить ходатайства вашего превосходительства пред установленными властями о разрешении открыть подписку и в России между желающими подать руку помощи несчастным герцеговинским высленцам².

За отсутствием председателя,
товарищ председателя Петр Суппичич

Член правления Степан М. Вучетич

Секретарь Л. Сухомлинов

ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 1, д. 950, л. 9. Подлинник.

1. Одесское славянское благотворительное общество им. Кирилла и Мефодия было создано в мае 1870 г.; в августе того же года был утвержден устав общества. На первый план выдвигались следующие задачи: «доставление пособий нуждающимся славянам и поощрение полезного труда в области славянской науки, искусства и искусства». Помимо пособий, помощи в издании книг и т. п. общество приискивало службу нуждавшимся славянам, хлопотало о наделении землей славян-переселенцев. Общество состояло из русских помещиков, купечества, интеллигенции, чиновников и славянских, главным образом сербских и болгарских, кушцов (60, стр. 52—56).

2. 6 сентября 1875 г. А. Б. Лобанов-Ростовский сообщил одесскому градоначальнику, что общество им. Кирилла и Мефодия может открыть подписку на общих основаниях, имея в виду данное по просьбе Петербургского славянского комитета разрешение Александра II славянским комитетам (от 23 августа 1875 г.) производить по всей России сбор пожертвований для пострадавшего населения Боснии и Герцеговины (ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 1, д. 950, л. 3).

1875 г. август 23*. — Обращение БЦРК ко всем болгарским патриотам с призывом принять активное участие в организации восстания в Болгарии

№ 38

Букурещ

Господа родолюбци!

Обещахме ви се в първото си да ви съобщим някои подробности върху народните ни дела. Ето днес изпълняваме обещанието си. Извънредното ни народно събрание, свикано от важните за всеки южен славянин обстоятелства, което свърши заседанията си на 12 т[ози] м[есец] под председателството на почитаемия ни войвода П. Хитова съгласно с Цент[ралния] бълг[арски] револ[юционен] комитет в Българско реши едногласно: революция! ** Вашият благоприятен отзив с бързите ви доброволни пожертвувания доказва, че и вие оценявате сгодната минута и съгласявате за едно всеобщо въстание в Българско. За тая цел се избра петочленен комитет, който заседава всеки ден. Каква е задачата му — вам е известно. Неговите действия са засега ограничени да приготви тая революция. И понеже тя трябва да избухне отвътре, първата ни грижа беше да свържем народните сили и улесниме началото, а това стана като изпратихме няколко решителни и влиятелни пред народа ни апостоли ***. Всичко това, г-да, с вашата помощ се нареди и сполуката, която се очаква от това народно движение, ще ви даде точен отчет за всичко. Но това, г-да, не е достатъчно. Вие, вярваме, сте съгласни, че е неизбежно нужно да се изпратят и оттука няколко чети добре организирани, от които, ако и да се не очаква много, но пак шат да подкрепят силите на отсрещните ни братя и шат ги не малко насърчи. Следователно за тяхната организация се изискват огромни суми, а тия суми, разумява се, ще се съберат пак измежду ни, та затова вие трябва да имате винаги на разположенieto си една сума, та щом стане нужда да се употребят заедо трябва.

Ние вярваме, че във всеки град и околността му се намират доста юнаци, които би радостно отишли да пролеят кръвта си за своята собствена свобода. Като е тъ[й], ваша длъжност е да се постараете още отсега и ни явите доколко юнаци би се намерили при вас и са готови да отидат, щом стане нужда. Освен това ще ни явите, [щ]е могат ли тия юнаци сами себе си или частно вие да ги въоръжите, [по]неже трябва да знаем колко и ка[кви] юнаци имаме на разположението си и готови ли са във всеки случай да тръгнат. За тия и подобни работи трябва да ни пишете с осигурени на пощата писма или с особен човек, инак е опасно да не падне нещо в ръце и се открие делото ни. Също, ако познавате някое лице, достойно за войвода, пратете го тук при нас с особена препоръка за споразумение, понеже се нуждаем от предводители.

Длъжни сме да ви явиме и това, че емигрантският ни вестник «Знаме», на когото по-после мислиме и името да се промени, стана чисто комитетски лист, който ще се занимава изключително с народните ни интереси. Никакви лични нападения няма да се срещат в него. Комитетът ще се труди дано се може издава 2 пъти в неделята. Маловажните неспоразумения между някои тук лица като [н]апр. Ботйова, Цанкова и др. ¹, престават завинаги и тия лица днес [р]аботят съгласно в полза на [н]ародното ни предприятие.

* В книге З. Стоянова «Христо Ботйов. Опыт за биография» датируется ошибочно 21 августа.

** См. док. 18.

*** См. прим. 4 к док. 18.

Пращаме ви също и печатни разписки срещу приетите пари, а ония, ръкописните, ще ни върнете назад.

НБВК—БИА, ф. 99, II A 9177. Подлинник. Печатъ БЦРК.

Опубликуван с некоторыми неточностями в кн.: З. Стоянов. Христо Ботйов. Опит за биография. София, 1946, стр. 261—262.

1. Из-за отказа крупной болгарской эмигрантской буржуазии помочь денежными средствами подготовке восстания, БЦРК был вынужден пойти на компромисс, включив в свой состав одного из представителей правого крыла освободительного движения — К. Цанкова. Это, в числе прочих причин, сыграло роковую роль в подготовке восстания, так как Цанков саботировал ее (13, стр. 49—51).

№ 24

1875 г. августа 23. — Письмо члена революционного комитета в Турну-Магурели П. Мишайкова бывшим членам БЦРК К. Цанкову и Л. Каравелову о готовности Ф. Тотю принять участие в восстании во главе вооруженного отряда

Т[урну] Магурели

Г-да К. Цанков и Л. Каравелов!

Като пристигнах в Турну¹ заварих едно писмо от Филипа, в което поред другите известява, че е готов да премине с 5000 въоръжени и пита дали е възможно да премине оттука². Досега нищо не сме му отговорили, защото не знаеме доколко ще да бъдат основни неговите известия, но както и да е, трябва да се съобразява с вашите решения.

Като нямам за какво да ви продължавам, моля ви се в името на народната ни свобода, да оставите на страна личните омрази³ и да работите изедно, за да можем да дадем по-сериозен потик на народното ни движение.

Известяват ни от Битол[я], че Дервиш-паша е уловен от въстаниците и откато са му извадили очите и отрязали ръцете, са го проводили армаган на турците⁴.

Известете ни как отиват работите и гледайте един час по-скоро да се захване работата, защото се хоратува за спогоднение измежду бунтовниците и правителството.

Поздравлявам ви
Ваш П. Мишайков

НБВК—БИА, ф. 5, д. 6, лл. 1—2. Автограф.

1. П. Мишайков, член комитета в Турну-Магурели, был назначен БЦРК для сбора в своем городе денег на восстание. Возможно, что в связи с этим он был в Бухаресте. Будучи близким Л. Каравелову и К. Цанкову, Мишайков пытался воздействовать на них и привлечь их к подготовке восстания. Как известно, П. Хитов играл большую роль в этой подготовке. В числе ближайших помощников его был и П. Мишайков.

■ 2. Воевода Ф. Тотю, который в то время был в Одессе, обещал перейти с отрядом из Румынии в Болгарию, когда начнется восстание. Свое обещание Ф. Тотю не выполнил (2, т. I, стр. 21 и 27).

3. Здесь П. Мишайков намекает на недоразумения между Ботевым, с одной стороны, и Каравеловым и Цанковым — с другой.

4. Этот слух не отвечал истине.

1875 г. августа 25. — Письмо вице-директора Азиатского департамента МИД А. А. Мельникова председателю Петербургского отдела славянского комитета И. П. Корнилову о разрешении проводить сбор средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине

№ 2469

Милостивый государь Иван Петрович!

Вследствие словесного заявления секретаря С.-Петербургского отдела славянского благотворительного комитета ¹ Ивана Константиновича Янкулио о желаниии отдела открыть подписку в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине, я докладывал о сем господину управляющему Министерством иностранных дел. Действительный тайный советник Жомини поспешил довести о таком намерении Петербургского отдела славянского благотворительного комитета до высочайшего сведения, и его императорскому величеству благоугодно было в 23 день сего августа всемилостивейше соизволить на открытие предполагаемой подписки с тем, однако, непрременным условием, чтобы собранные деньги были предоставлены исключительно в пользу жертв восстания и никак не в пользу самих инсургентов.

Сообщая вашему превосходительству по приказанию г. управляющего Министерством иностранных дел о таковой монаршей воле для сведения и зависящих распоряжений, долгом считаю присовокупить, что Министерство иностранных дел готово с своей стороны оказать полнейшее содействие к передаче по назначению собранных денег, а потому, если ваше превосходительство изволит признать это удобным, благоволите сделать распоряжение о доставлении этих сумм в Азиатский департамент, который будет пересылать их консулу нашему в Рагузе для раздачи чрез посредство благонадежных лиц наиболее пострадавшим во время восстания. Отчет в той форме, как это окажется возможным, о раздаче денег будет доставлен вашему превосходительству по окончательном распределении всех денег, присланных С.-Петербургским отделом славянского благотворительного комитета.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности

Мельников

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 144 и об. Копия.

1. Московский славянский благотворительный комитет был образован в 1858 г. по инициативе представителей болгарской буржуазии и русских славянофилов. Комитет возник как благотворительная организация, однако деятельность его со временем принимала все более и более политическую окраску. В 1868 г. был создан Петербургский отдел комитета. С конца 1875 г. за ним упрочилось название Петербургского славянского комитета, хотя официально это название ему не присваивалось.

Социальный состав этих двух комитетов был в основном одинаков. В числе их членов была значительная группа чиновников, интеллигенции, военных, входили представители купечества. В отличие от Московского комитета Петербургский до 1875 г. уклонялся от явно политических выступлений и занимался главным образом благотворительной и издательско-пропагандистской деятельностью. По новому уставу, утвержденному 12 апреля 1877 г., славянские комитеты были преобразованы в благотворительные общества и подчинены министерству внутренних дел (до этого они находились в ведении МИД). Московское славянское благотворительное общество было закрыто в июле 1878 г. Поводом к этому послужила речь И. С. Аксакова, направленная против Берлинского трактата (54, 33).

№ 26

1875 г. августа 27. — Записка III отделения собственной е. и. в. канцелярии * об открытии подписки в пользу населения Герцеговины в редакциях петербургских газет

№ 649

Герцеговинское восстание начинает становиться в Петербурге предметом литературных демонстраций. В редакции «Русского мира»¹ открыта гласная подписка в пользу пострадавших в Герцеговине во время восстания славянских семейств. До сих пор пять лиц явились жертвователями; а именно: редактор газеты генерал Черняев пожертвовал 100 руб., поручик Крестовский 10 руб., сотрудник газеты Федор Берг и два неизвестных. Рассчитывают, что эта подписка пойдет быстро, и деньги, собранные в России, будут посылаться в Рагузу некоему Вацлику, пропагандисту панславизма.

В некоторых других газетах также предполагается открытая подписка.

Говорят, что приверженцы панславистских идей, кроме того, в пользу восстания производят негласные сборы.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 434, л. 2 и об. Подлинник.

1. Газета «Русский мир» издавалась в Петербурге с 1871 по 1880 г. Она выражала интересы панславистских и националистически настроенных кругов русского общества.

№ 27

1875 г. августа 28. — Воззвание БЦРК к мусульманам Болгарии с призывом присоединиться к борьбе болгар против султанского правительства

До мюсюманите в Европейска Турция¹.

Братя съотечественици!

Известно е, че всеки народ за своето благоденствие и спокойствие плаща данъци на държавата си. Също така и ний, населението на Отоманската империя, макар и да дадохме за тази цел и последното си акче, виждаме, че няма друг по-беден и изпаднал народ от нашия.

Причина за това е само досегашното правителство. Ясно е като бял ден, че ако и занаят останем пак под управлението на споменатото правителство, положението ни ще стане още по-лошо. За пресичане на това непоносимо зло, ний взехме оръжие и се надигнахме да отхвърлим казаното правителство и вместо него съставим друго, което ще ни доведе до благоденствие. Щом като е така, вий виждате, че действуваме във ваша полза. Тези наши намерения са възприети от мнозина мюсюлмани, които заедно с нас се намират в общото ни движение. Също и ваш дълг е да прецените добре това дело и да се приобщите към нас. Всеки от вас, който се отзове на тази борба, няма да бъде засегнат от никакви грижи и загуби. Така честта, живота и имотът им ще бъдат запазени от нас. Онези мюсюлмани обаче, които не биха пожелали да разберат тази истина и биха се противопоставили на нашето общо движение,

* В дальнейшем — III отделение.

или пък окажат и най-малко доверие и помощ на досегашното правителство, те няма да бъдат считани за наши братя съотечественици, както и няма да бъдат господари на своя живот и имот.

Настоящото възвание се написа и ви се изпраща, за да ви станат известни тези обстоятелства и за да не се разкайвате отпосле, като кажете, че не сте знаели за това нещо.

28 август [12]91 [28 август 1875 година]².

НБВК—БИА, ф. 122, II В 164. Перевод с турецкого, современный подлиннику. Подлинник хранится в этом же деле.

Опубликован с некоторыми неточностями в кн.: З. Стоянов. Христо Ботйов. Опыт за биография. София, 1946, стр. 266—267.

1. БЦРК отпечата прокламации (600 экз. на болгарском языке и 600 экз. на турецком) для рассылки по комитетам в Болгарии. 1000 экз. было оставлено для распространения в болгарских отрядах, которые предполагали перейти Дунай (86, стр. 236—238, № 44).

2. Единство действий турецких и болгарских трудящихся не было достигнуто. Турецкие крестьяне и ремесленники, эксплуатируемые не меньше, чем болгары, были полностью в плену религиозного фанатизма и искусственно насаждаемого турецким господствующим классом среди мусульман чувства превосходства по отношению к рае, которое притупляло классовую борьбу в турецком обществе.

№ 28

1875 г. августа 29. — Письмо руководителя восстания в Старой Загоре С. Стамболова в БЦРК о ходе подготовки восстания в Болгарии

Загора

Братя!

Пристигнах в града без да срещна никакви пречки. Сега съм вече в безопасно място, одето скоро, щом приемем потребните известия от разни места, ще захванеме бунта. Ето какво аз направих в Цариград:

Я[чо] * Цанков беше ми дал една записка от Коунджича до черногорския капитан ** в Цариград. Аз отидох в Ц[ари]град при него и се разговорихме. Той ми каза, че има на разположението си до 2000 хиляди черногорци, които, щом им заповяда, ще скочат на крак и ще обърнат Ц[ари]град на прах. Той е съгласен да запази Ц[ари]град, но само за това потребни му са 1500 т[урски] л[ири], за да има с какво да купи оръжие на своите хора. Тия пари той иска от нашия комитет в Букурещ, комуто се обещава да слугува верно и да направи всичко, което е възможно, за да направи най-голема вреда на турците в Ц[ари]град¹.

В Ц[ари]град се маях само два дни. Ходих да намера Славейкова, но не го сварих в къщата му и като го чаках до ¹/_[2] час, отидох си, като му оставих писмо, в което му бележах да замине за Букурещ, дето ще го приемат като баща българите . . . одиле . . . м . . . и ми . . . ви . . . каза положителни — — — знам, че той — — —

Известете ни по-скоро хора пратихте ли за Ц[ари]град, защото ние с тях искаме да сме в споразумение. Аз съм оставил в Ц[ари]град човек до който да се обръщат за сведения от България.

* Кираак.

** Фамилию капитана установить не удалось.

Картите, пусулите, динамита — — —, ако са дошли, без друго да изпратите.

Тотю дойде ли?² Пари събират ли се? Панайот скоро ще излезе ли?³ Приеха ли участие и «старите»?^{*}

Всичка Тракия е във военно настроение. Всеки си купува оръжие и джепане. По градовете, дето има да се продават револвери, пушки, куршум — нищо не е останало. Цената на оръжията е много горна. Гледайте още отсега да хванете да купувате оръжие, защото ще бъде много потребно — — — Пари искайте от братята **.

Всеки ден заминава войска за сръбската граница. Почти нийде из Тракия няма войска; има тука, в Загора, 20—30 келяв[и] зантии.

Кажете на Ботева, че тука се научих, че брат му *** бил запрян във Филибе, отдето сполучил да побегне и сега не се знае де е. Така се научавам.

Поздравете от мене в Браила Пеева и Икономова ****, които много улесниха заминаването ми от Влашко.

В Цариград нау[ч]их се от Христа ***** , който е на руското посолство гаваз, че искали от Екзархията поручение, че няма да стане ***** българския народ. Екзархията не дала такъв подпис.

Ваш Стамболов

НБВК—БИА, ф. 122, II В 155. Автограф. Текст повреден.

Ив. А н д о н о в. Из спомените ми от турско време. Пловдив, 1927, стр. 71—72; А. Б у р м о в. Христо Ботев през погледа на съвременниците си. София, 1945, стр. 68—69.

1. По решению БЦРК Константинополь должен был быть подожен несколькими революционерами, и среди них Стояном Заимовым и Георгием Бенковским. Это имело своей целью посеять смуту в правящих кругах и отвлечь их внимание от предстоящих событий в Болгарии (84, стр. 267—268; 87, стр. 183—187; 10, стр. 255).

2. Воевода Филипп Тотю, которого Х. Ботев должен был привезти из Одессы.

3. П. Хитов должен был прийти с четой из Сербии в Болгарию.

№ 29

1875 г. августа 31 (сентября 12). — Донесение А. С. Ионина канцлеру А. М. Горчакову о переговорах представителей Сербии и Черногории о совместном выступлении против Турции

№ 174

Рагуза

Князь Николай поручает мне сообщить конфиденциально только для нашего правительства о переговорах его с новым сербским министерством. Ристич 2 сентября нового стиля объявил, что князь Милан пошлет доверенное лицо на Цетинье спросить, угодно ли будет князю Николаю, ввиду быстроты событий, согласиться с ним по телеграфу в главных пунктах на случай необходимости действия и заодно как политического, так

* О «старых» см. прим. 11 к док. 12.

** По-видимому, речь идет о членах болгарских революционных комитетов в Румынии.

*** Стефан Ботев.

**** Павел.

***** Карагьозов.

***** Т. е. восстать.

и военного. Князь ответил, что готов на размен этих мыслей, но думает, что политические переговоры бесполезны *, а что до военного вопроса * — кажется лучшим удержать обоим княжествам свободу действий, подчинив их только в случае войны общему плану. Соглашаясь с этим, Ристич отвечал, что князь Милан подчиняет вопрос о войне и мире решению Скупщины и желает знать, насколько может рассчитывать на князя Николая. Князь отвечал, что в случае войны он с Сербиею будет заодно.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г. д. 747, лл. 388—389. Копия.

№ 30

1875 г. августа 31. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву о подготовке болгарской эмиграцией восстания в Болгарии

№ 296

Доселе в моих почтительнейших донесениях я точно сообщал вашему пр[евосходительст]ву слухи, занимавшие вверенный наблюдению генерального консульства в Рушук край, в том убеждении, что они показывают, с одной стороны, настроение страны, ее чаяния и стремления, а с другой, потому, что всякая молва, если добаться до ее ядра, заключает истину, которую весьма трудно уловить и еще труднее, проверив критически, выдать за таковую с характером несомненности. Особенно трудно это сделать во времена общественного брожения, когда новый порядок идей напирает на старый и старается его вытеснить. Очень легко в это время отличить назревающую идею, подкрепляемую вначале тем, что называется «*pia desideria*» **, но нет никакой возможности при дальнейшем развитии ее в пространстве, которое она обхватывает, указывать, где она переходит в область факта, где подкрепляют ее наивным заблуждением, выходящим из желания ей верить, и где сознательною ложью вожаков, преднамеренно рассчитанною на принятие идеи теми, кои в этом колеблются или же совсем ее не разделяют. Во всяком случае слухи при таких обстоятельствах показывают возрастающую меру напряжения общественного пульса и потому заслуживают внимания. Поэтому-то я и на этот раз позволю себе почтительнейше довести до сведения вашего пр[евосходительст]ва несколько слухов, исходящих от людей, весьма близко знакомых с делами задунайской эмиграции.

Трое эмиссаров прошли страну в направлении от Рушука до Варны, Тернова, Балкан и Адрианополя до Константинополя. (Имена их генеральному консульству известны ***, и в этом факте я не сомневаюсь.) Настроение страны найдено ими благоприятным для восстания. В каждом городе и селении они нашли по несколько десятков единомышленников, — общим числом до 30 тыс. (?). Эмиграция решилась произвести вооруженную попытку в Болгарии. Хитов назначен главным воеводой. Предположено сформировать три отряда, которые перейдут одновременно Дунай в разных местах — приблизительно около Видина и Силистрии. Решено начать дело с 3 тыс. повстанцев. Но пока средств хватило лишь

* Вследствие ошибки в шифровании предполагается, что именно эти слова пропущены.

** *Благочестивые пожелания* (лат.).

*** Н. Обретенков, С. Стамболов и П. Волов.

на покупку 500 ружей, и Панайот Хитов уехал снова в Сербию просить материальной помощи для повстанья. Каравелов, протестовав против такого решения, не предвидя никакого успеха и вызвав тем общее неудовольствие молодежи, решившей восстание, дал, однакож, на патриотическое дело 500 червонцев. Румынские болгаре-чорбаджии не дали ничего. Временем начатия действий назначено 4 сентября, к которому, кажется, кончатся главные заседания сербской Скупщины. Сербия и Румыния обещали не препятствовать переходу чет в Болгарию. Решено выжечь главнейшие турецкие крепости для отвлечения внимания и для облегчения дела восстания. В Герцеговину посланы эмиссары для ободрения гаснущего восстания.

Несмотря, однакож, на компетентность источника, из которого я почерпнул эти сведения¹, я не могу поручиться вашему пр[евосходител]ству за их несомненность. Время покажет, созревшее ли это решение или патриотическое слепое самообольщение.

Во всяком случае можно предполагать, что все зависит от исхода сербской Скупщины. Будущность южного славянства теперь в ее руках, и эгоистическая Австрия вызвала, кажется, для своих, по-видимому, в сущности же для целей «Alliance israëlite» духов, заклясть и остановить которых она едва ли будет в силах*.

Болгарская эмиграция надеется на сочувствие и покровительство России, единственной и дознанной защитницы поникшего и задавленного в Турции славянства.

С глубочайшим почтением и т. д.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 769, лл. 83—84. Копия.

1. Осведомитель Крылова (возможно, Н. Обретенов, участвовавший в заседании БЦРК в Бухаресте 20 и 21 августа см. 62, стр. 206) в общем правильно передает состояние подготовки к восстанию в Болгарии, хотя в деталях и ошибается (например, неверно, что Каравелов дал 500 червонцев или что начало восстания было назначено на 4 сентября).

№ 31

1875 г. конец августа—начало сентября¹.—Из письма С. М. Степняка-Кравчинского П. Л. Лаврову об участии в герцеговинском восстании и о характере восстания

Я обещал вам, любезный Петр Лаврович, написать подробно о положении дел с самого места действий. Исполняю теперь свое обещание, хотя наполовину, пишу-то я с места действия, но подробно писать некогда.

Я был в центре Герцеговины, но, побыв там несколько дней, вернулся назад. Причин, которые обуславливали мой Rückkehr**, несколько. Я пошел без денег и без оружия, п[отому] ч[то] уверили меня, что там все найду. На деле же я ничего не нашел [. . .] Я напишу обо всем подробно только по окончании дела для журнала, потому что теперь печатать всю правду невыгодно. Нужно раздувать это для политики.

Поговорю лучше об элементах.

Социализма тут нет и тени. (Хотя социалистов я встречал очень много, в особенности между сельскими учителями.) Борьба чисто политическая — освобождение от турок. Чего добьемся — неизвес[тно]. Нельзя опреде-

* См. прим. 2 к док. 17.

** Возвращение (нем.).

ленно сказать, чего хочет народ — автономии, присоединения] к Черногор[ии] или к Сербии. Народ хочет только одного — освободиться от турок. Но я ни на минуту не раскаиваюсь, что поехал (хотя звать всех, как хотел прежде, не хочу б[олее]). Знакомств завести удалось много и удастся еще больше. Одним словом, зерно будет отличное.

Молодежь здесь совершенно напояин[ает] российскую по склонности к крайностям. Или сырое мясо или социалист, хотя, конечно, социалист социалисту рознь.

Значит, мое пребывание (так как я после войны останусь здесь) даст много полезных результатов для будущей деятельности. Кроме того, что еще важнее, самую борьбу за политич[ескую] своб[оду] никак нельзя считать бесполезной. (Это было бы одно чистейшее доктринерство). *Никакой социализм немьслим в слав[янских] землях до освобождения от турок.* В этом я убедился здесь, как только возможно в чем-нибудь убедиться. Власть турок такова, что невозможно ни о чем думать, кроме уничтожения ее. Они делают такие вещи, что просто невероятно. Как можно думать о капитале, об экономич[еской] эксплуатации, когда паша врывается в дом и на глазах мужа насиует с своей прислугой его жену, дочь! Нет между славянами экономической розни, не может быть и не должно быть. Я застрелил бы своей рукой всякого социалиста, кто вздумал бы теперь вести бедных против богатых и мешать успеху войны! Все мы соединены и должны быть соединены. Рядом со мной дерутся попы, монахи, торговщи и чиновники, и так теперь и нужно.

Но вы спросите, отчего же я не хочу в таком случае звать всех своих товарищей принять участие в этой войне. Это, во-первых, потому, что войны за независимость здесь в сущности очень мало; чтобы не сказать более. До сих пор это больше грабежи, ночные нападения на незащитные деревни и т. п. Одним словом, одна мерзость. Почему и как это вышло, объяснять мне некогда. Скажу только, что простой народ в этом не виноват. Вина вожжаков. Очень вероятно, что потом это изменится (когда придут турки). Пока же войны в сущности нет, по крайней мере там, где я был (говорят, впроч[ем], что в других местах лучше. Попытаю, но стану звать людей не раньше, как убедившись лично. Теперь я очень скептически стал).

А народ здесь прелестный. Невозможно не привязаться к нему. Социальная пропаганда будет иметь огромный успех. Между прочим, выгода здесь та, что народ нисколько не косится на свою интеллигенцию, как у нас. А вы понимаете, конечно, какое это громадное преимущество. По окончании войны непременно в Сербию или куда-нибудь к славянам. Будем вместе [издавать] журнал общеславянский народный на двух языках. Я уж говорил с несколькими. Приняли с восторгом.

Однако прощайте. Завтра чуть свет я к Любобратичу в главную армию в качестве главного начальника над его единственной пушкой. Недавно он был разбит и теперь готовится смыть позор своего поражения. Значит будет что-нибудь хорошее. Однако кончать пора.

Жму вашу руку и кланяюсь всем.

Ваш С. Кравчинский

Ах, да, кстати, вот что: я посылаю вам поправки на Мудрицу. Если, паче чаяния, второе изд[ание] будет до моего возвращ[ения], то напечатать так, как там. Только в той сцене, которой я заменил Медведя, я, кажется, какой-то ерунды нагородил. Мне тогда не до того было, да и те-

перь не до того. Поправьте, христа ради, сами. Выкиньте Медведя, и только пусть как-нибудь с одной пещерой обойдется либо что.

До свидания однако. Еще раз жму руку

ваш Кравчинский

Приписка С. М. Степняка-Кравчинского, адресованная Л. Гольденбергу: Посылаю это письмо вам, потому что это избавляет меня от необх[одимости] писать и вам таковое же. Прочтите и пошлите в Лондон: 3. Wershot road Tollington para Holloway.

Ниже подписи С. М. Степняка-Кравчинского рукой Л. Гольденберга написано: Письмо я получил и просили переслать по прочтении вам, Петр Лаврич, что я и делаю. Прилагаю также напечатанное мною письмо.

Остаюсь с полным уважением

Л. Гольденберг

P. S. Просьбу Линева относительно шрифта я передал Судзиловскому, и он обещал все узнать отн[осительно] «Работника». «Вперед», № 17, получил.

ЦГИАМ, ф. 1762, оп. 4, д. 425, лл. 21—22 об. Автограф.

1. Датируется на основании приписки Л. Гольденберга, жившего в то время в Женеве, о получении № 17 «Вперед!», который был издан в Лондоне 3 (15) сентября 1875 г. и, вероятно, получен в Женеве 5 (17)—6 (18) сентября. Если письмо С. Кравчинского прибыло в Женеву в это же время, то, следовательно, оно было написано в конце августа—начале сентября 1875 г. (24, стр. 109—111; 9, стр. 227).

№ 32

1875 г. сентября 8. — Письмо члена Руцукского революционного комитета Н. Обретеннова секретарю БЦРК И. Драсову о необходимости средств для организации восстания в Болгарии

Брате Драсов!

в Букурещ

Последното ви от 7 т[ого] приех и прочетох с внимание тъй също го прочетоха и другарите ни. Давате ни големи насърчавания със Сърбия, Черна гора и Влахия, но това най-малко искаме да вярваме, когато Херцеговският бунт става толкова време как се продължава, а сърби и черногорци все си стоят мирни. Та как може да вярва човек, че те ще обявят бой на Турция, щом пукне първата пушка в Балкана? Това е, брате Драсов, една гола фантазия и друго нищо! По какво може ни уверите, че тези три княжества ще ни помогнат, когато ний сега виждаме, че те стоят съвсем хладнокръвни и към българите? Ний си го знаеме него като две и две четири, че ще бъдем най-добре иззамени от нашите братя черногорци и сърби, но пак надежда на бога, нищо друго освен, че ще ни избият като кучета. Досега не сте ни доказали никак фактически, че Сърбия, Черна гора и Влахия ще ни помогнат, затова и ний никак не искаме да вярваме, че тези «излъжи комат» ще ни дойдат на помощ¹. Както и да е, нека оставим тези маймунски въображения, а да гледаме нас си.

Вий казвахте в по-първото си писмо, че сте пратили на Панайотово място за в сръбската скупщина друг човек, но веч не повторихте да ни явите какъв отговор е взел този човек и кой беше той. Май че това не бива да го знаеме, но при всичко това, брате Драсов, и[ма] друго по-важно и

по-интересно за нас, а то е парите. Вий ни честите 8-и 7-ври *, но не мислите в какво сме положение. Асеновският главен работник ** щял да се убие завчера с револвер; причината е, че от нийде отговор няма, а пак от всяка една страна до него тичат, и от всякъде връх него викат. Той се е смяял и не знае какво да прави като гледа, че няма парична помощ. А вий сте седнали да организирате там[ка]шните чети, когато те трябваше да останат за по-сетне ². Само знаете да пишете, че трябвало да се извадят други хора, да се наредели жени за пощаджийки и други такива, а да помислите, че за тези хора ще трябва разноски, то го няма у вас. Това ви го казвам искрено, че вий ще бъдете отговорни на всичко ³, ако даже и да се спре бунтът, което не е възможно никак. Асеновската поща *** чака тука и ще чака най-малко до 10[-ти], та ако не пристигне отговор от вас до тоз час за всичко, което ви бележим, то да знаете, че бунтът до 12[-ти] или ще се захване или пък ще се разпие навсякъде да си заляга всеки парцалите. Ама че ще станат бъркотии, то господ да е на помощ. Там казах ви, че вий отговаряте. Я ми кажи и аз да взема ли да продам на майка си къщата, та да посрещам всичките разноски с тези пари? Помислете си малко. Тъй също и асеновският човек да продаде всичката си бащина стока и мюлкове, та да въоръжава чети! Блашките готовановци да чакат да се захване бунтът, че тогава щели да си продадат всичко, за да помогнат⁴. Това е *пилда* — както казал молдованина; бунтът като се усили да дойдат тука, че все пари да гълтат. . .

Аз ви казах и пак ще ви кажа, че щом свърша парите, които са останали в мене, ще се свърша и аз от този свят. Нямам време да червя лице пред толкова хора, а и да дигам рамене като дойде някой пощаджия. Това да го знаете най-добре. Предводител нещем, намерихме ⁵; чунким на вас каквото се предложи все не било възможно.

За прокламациите не сте направили добре, дето сте прибързали; можехте да попитате, а сега вече е късно за спирането им ⁶.

Чакаме за отговор най-късно до 10-ти того.

Кубрат ****

НБВК—БИА, ф. 122, II В 161. Автограф *****.

1. Высказывается недоверие, главным образом, к правительствам Сербии и Румынии за их в известных случаях недоброжелательное отношение к болгарским отрядам и формированию их на территории этих стран (см. док. 127 и прим. 2 к нему).

2. Отряды должны были перейти в Болгарию после объявления восстания.

3. Тырновский комитет переписывался с БЦРК (Бухарест) через Русшукский комитет.

4. Речь идет об имущих слоях болгарской эмиграции в Валахии. Сбор средств для восстания шел с большим трудом, так как средства сторонников революционного дела были очень ограничены, а имущая верхушка в эмиграции или же относилась отрицательно к революционной организации или изъявляла готовность помочь восстанию только при гарантии его успеха.

5. Воеводой отряда, который должны были создать в Русшукке и его окрестностях, назначался Вырбан Йорданов из Шумлы.

6. По всей вероятности, речь идет о напечатанных в Бухаресте прокламациях, распространение которых могло бы расстроить подготовку к восстанию.

* Т. е. 8 сентября.

** Имеется в виду председатель Тырновского революционного комитета Иван Хаджидимитров.

*** Асеновская почта, т. е. курьер из Тырнова.

**** Псевдоним Русшукского революционного комитета и Н. Обретенова.

***** Текст письма был, по-видимому, восстановлен Н. Обретеновым по подлиннику, написанному сымпатическими чернилами.

№ 33

1875 г. сентября 10. — Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини о принятии Скупщиной решения поддержать восстание в Герцеговине и развернуть подготовку войны с Турцией

№ 42

Belgrade

Secret

Monsieur le baron!

Après que le prince eût ouvert la Scoupstchina ¹ la première séance de cette assemblée fut consacrée à la formation d'un comité de rédaction pour l'adresse. Vu la gravité des circonstances, on y fit participer tous les 27 membres désignés préalablement pour les trois sections de la Scoupstchina, savoir: la section législative, celle des finances et celle des requêtes. Ce personnel fut en outre complété par le bureau général, ce qui porta à 32 le nombre des députés ² compris dans la commission de l'adresse.

Les débats furent menés à huit clos, circonstance qui empêcha le public d'en connaître les détails jusqu'à ce jour. Ils durèrent une semaine entière et provoquèrent des scènes orageuses entre le parti relativement modéré et celui de l'action immédiate, qui en définitive fut vaincu par une majorité de cinq voix et dut se contenter d'un projet d'adresse n'offrant qu'une paraphrase générale du discours princier.

Le 6 septembre ce projet fut soumis au plenum de l'assemblée en séance secrète. Quelques députés se recrièrent aussitôt contre la tiédeur des paragraphes ayant trait à la situation de la Serbie en face de l'attitude menaçante de la Porte. Mr Ristitch ne réussit à les calmer qu'en leur donnant l'assurance que cette rédaction avait principalement pour le but de dissiper les appréhensions des cours protectrices; mais qu'en aucune façon elle n'était destinée à influencer les dispositions ultérieures du pays.

Ainsi que votre excellence aura pu le voir par mon très humble rapport en date du 25 août, Nr. 38 ³, il s'était opéré, dès l'avènement du cabinet omladiniste ⁴, une fusion entre l'ancien groupe conservateur, dirigé par le député Garachanine, et celui des radicaux ⁵. Cela avait constitué une opposition forte de 42 représentants répondants désormais au nom de «progressistes» par antithèse aux libéraux qui venaient de s'emparer des rênes gouvernementales.

Ce fut donc au nom de l'opposition qu'à cette même séance du 6, Garachanine ayant demandé la parole, déclara solennellement qu'il adhérerait volontiers au projet soumis à la sanction de la Scoupstchina, mais que, pour l'honneur du pays, il ne suffisait point d'apaiser les craintes de la diplomatie et qu'avant tout il fallait songer aux souffrances de leurs frères opprimés qui déjà depuis trois mois avaient leurs bras tendus vers la Serbie et imploraient son secours. L'orateur parla avec feu, et conclut par signaler au gouvernement, l'urgence des mesures suivantes

- 1) déclaration de la Scoupstchina en permanence,
- 2) négociation d'un emprunt d'un million de ducats, et
- 3) emploi immédiat de cette somme pour l'équipement de volontaires et pour des secours en armes et en argent aux insurgés.

Les paroles de Garachanine trouvèrent un écho enthousiaste dans toute l'assemblée et furent suivies de celles d'un autre député, déclarant que la somme d'un million de ducats lui parassait trop insuffisante pour faire face à toutes les éventualités de la situation et pour une cause aussi sainte le pays ne devrait pas peser ses sacrifices, en conséquence il proposait de tripler la somme.

Ces deux motions réunies furent aussitôt adoptées par une majorité de 73 contre 30 avec cette cause additionnelle, que dans le cas où les négociations de l'emprunt traineraient en longueur, le gouvernement serait autorisé à émettre provisoirement une somme équivalente en papier monnaie à cours forcé⁶.

Interpellé au sujet de ces projets de lois, le ministère y donna son adhésion à l'exception toutefois de celui déclarant l'assemblée en permanence, qu'il trouvait embarrassant pour la marche régulière des affaires de l'état.

Ce refus provoqua de la part de Garachanine la proposition de déléguer du sein de la Scoupstchina dix-sept députés, un pour chaque district de la Serbie, qui formeraient un comité permanent ayant par mission de suivre le gouvernement partout où il se transporterait afin de contrôler ses actes, ainsi que l'usage qu'il ferait des fonds votés pour la cause nationale.

Le ministère, ayant observé qu'il lui serait difficile de rendre ses comptes à une délégation aussi nombreuse, consentit cependant, après de nouveaux débats, à la constitution d'un comité permanent de Neuf. Ce compromis fut adopté par une majorité de 62 sur 41, et l'assemblée décida de soumettre les projets de ces nouvelles lois à la sanction du prince en même temps qu'elle lui présenterait l'adresse.

Informé de ce qui précède, son altesse hésita longtemps sur le parti qu'il aurait à prendre vis-à-vis de l'attitude révolutionnaire de la Scoupstchina, attitude dont son cabinet s'était rendu complice. Un moment le prince fut sur le point de décréter la dissolution de l'assemblée et de congédier ses ministres; mais cédant comme d'autres fois, à la faiblesse qui est le fond de son caractère, il préféra remettre toute décision à une prochaine entrevue avec Ristitch, auquel il a déjà adressé par télégraphe les invitations les plus pressantes à venir lui rendre compte des scènes inqualifiables qui venaient de se passer à Kragouévatz.

Sur ces entrefaites la députation chargée de présenter l'adresse arriva à Belgrade, et son altesse mit deux jours pour se décider à la recevoir.

On ignore quelle sera la réponse que le prince lui ménage, ainsi que la résolution qu'il va prendre, mais, pour ma part, j'ai eu hier encore l'occasion de recueillir de la bouche même de son altesse des assurances presque positives que rien ne saurait l'amener à se départir de l'attitude pacifique qu'il croit actuellement la seule compatible avec les vrais intérêts de la Serbie et les recommandations bien accentuées des grandes puissances.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le baron, de votre excellence le très humble serviteur

A. Kartzow

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 266, лл. 45—49. Подлинник.

Перевод

Белград

Секретно

Господин барон!

После открытия князем Скупщины¹ первое заседание этого собрания было посвящено образованию комитета для редактирования адреса. Ввиду серьезности обстановки в нем участвуют все 27 членов, назначенных предварительно для трех секций Скупщины, а именно: законодательной, финансовой и апелляционной. Кроме того, состав комитета был пополнен членами общей палаты; таким образом, в комиссию по составлению адреса вошло 32 депутата².

Причиной, помешавшей обществу до сегодняшнего дня узнать подробности заседания, было то, что дебаты происходили при закрытых дверях. Они продолжались

целую неделю и вызвали бурные столкновения между партией относительно умеренных и сторонниками немедленных действий, которые в конце концов были побеждены большинством в пять голосов и должны были удовлетвориться проектом адреса, представляющего лишь общее изложение княжеской речи.

6 сентября проект был представлен на закрытом заседании всего состава Скупщины. Несколько депутатов сразу же высказалось против невыразительности пунктов, говорящих о положении Сербии перед лицом угрожающих действий Порты. Г-ну Ристичу не удалось успокоить их заверением в том, что эта редакция имеет своей целью рассеять опасения держав-покровительниц, что она никоим образом не повлияет на дальнейшие мероприятия страны.

Как ваше превосходительство могли видеть из моего всепокорнейшего донесения от 25 августа за № 38³, с приходом к власти правительства Омладины⁴ произошло соединение группы бывших консерваторов под руководством депутата Гарашанина с группой радикалов⁵. Таким образом, образовалась оппозиция, насчитывающая 42 представителя, отныне получившая название «прогрессистов», в противовес «либералам», которые завладели браздами правления.

На этом же самом заседании 6 сентября Гарашанин попросил слова от имени оппозиции и торжественно заявил, что он охотно принял бы проект, представленный на утверждение Скупщины, но что для чести страны совсем недостаточно успокоить опасения дипломатии, прежде всего нужно подумать о страданиях угнетенных братьев, которые вот уже три месяца протягивают руки к Сербии и умоляют о помощи. Оратор говорил с жаром и закончил свою речь указанием правительству на необходимость следующих мер:

1. Не распускать Скупщину, пока не будет принято окончательное решение.
2. Начать переговоры о займе в 1 млн. дукатов.
3. Немедленно употребить эту сумму для снаряжения волонтеров, а также для оказания помощи повстанцам оружием и деньгами.

Речь Гарашанина нашла восторженный отклик у всего собрания и была подхвачена другим депутатом, заявившим, что сумма в 1 млн. дукатов ему кажется слишком недостаточной, чтобы быть готовым ко всем возможным событиям, и что для столь священного дела страна не должна останавливаться перед жертвами; в заключение он предложил утроить сумму.

Эти два предложения были объединены и приняты также большинством в 73 голоса против 30 с дополнительной статьей, что в случае, если переговоры о займе затянутся, правительство разрешит пустить временно в обращение равную сумму бумажных денег по принудительному курсу⁶.

Запрошенное по поводу этих законопроектов правительство дало свое согласие, за исключением пункта о постоянно действующей Скупщине, поскольку нашло это затруднительным для обычного хода дел государства.

Этот отказ вызвал предложение Гарашанина выделить из состава Скупщины 17 депутатов, по одному от каждого района Сербии, которые бы составили постоянно действующий комитет. Целью этого комитета является следовать повсюду за правительством, куда бы оно ни направилось, чтобы контролировать его действия, а также использовать фонды, предназначенные для национального дела.

Правительство, ответив, что ему будет неудобно давать отчет такой многочисленной комиссии, согласилось, однако, после новых дебатов на образование постоянного комитета «девяти».

Это компромиссное решение было принято большинством в 62 голоса против 41, и собрание решило представить проекты новых законов на утверждение князю одновременно с подачей адреса.

Информированный о происходящем, его высочество долго колебался в выборе позиции, которую он должен занять в отношении бурного поведения Скупщины и к которому его кабинет проявил себя причастным. Был момент, когда князь уже хотел отдать приказ о роспуске собрания и отставке всех своих министров, но уступив, как и в ряде других случаев, слабости, являющейся основной чертой его характера, предпочел отложить решение до ближайшей встречи с Ристичем, которому он послал уже

телеграфом самые настойчивые приглашения приехать и дать отчет о неслыханных событиях, имевших место в Крагуеваце.

Между тем делегация, которой было поручено представить адрес, уже прибыла в Белград, и его высочество решился ее принять только через два дня.

Неизвестно, какой ответ готовит князь, а также какое решение он примет, но я со своей стороны имел честь получить из уст его высочества еще вчера заверения, почти положительные, что ничто не сможет его заставить отказаться от миролюбивой позиции, которую он считает единственно совместимой с настоящими интересами Сербии и советами, настойчиво внушаемыми великими державами.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Карцов

1. Открытие Скупщины состоялось 28 августа 1875 г. в г. Крагуеваце, с 22 сентября ее заседания были перенесены в Белград.

2. В документе — неточность. В комитет вошло 35 депутатов, а в голосовании приняло участие 33, так как один отсутствовал, а второй воздержался от голосования.

3. Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини, в котором дается характеристика партийных группировок в сербской Скупщине. Карцов отмечает наличие трех основных партий: либералов, консерваторов и радикалов. Причем в первой из них он выделяет отдельно либералов, оmlадинцев и так называемую «партию действия». Говоря об отношении князя Милана к новому кабинету («министерство действия»), Карцов сообщает, что при первой возможности князь собирается дать ему отставку (АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 266, лл. 31—32 об.).

4. Так называли «министерство действия», возглавлявшееся Стевчей Михайловичем, поскольку большинство его членов являлось активными участниками Оmlадины — общественно-политического движения в сербских землях во второй половине 60-х—начале 70-х годов XIX в., возглавлявшегося и руководимого либералами.

5. Группа радикалов — так называли себя сторонники и последователи Светозара Марковича. В их рядах не было единства взглядов и при жизни Марковича, а после его смерти (февраль 1875 г.) разногласия еще больше усилились. Это и привело в данный период к временному объединению части радикалов с консерваторами.

6. Речь идет о так называемых «тайных постановлениях» Скупщины, принятых 8 сентября 1875 г. касательно финансовой подготовки к войне с Турцией.

№ 34

1875 г. сентября 11. — Письмо А. Н. Карцова Н. П. Игнатьеву
о положении в Сербии

Белград

Доверительное

Милостивый государь Николай Павлович!

Независимо от словесно испрошенного мною от вашего превосходительства в июне разрешения при первой надобности отправить экспедицию в Константинополь с секретарем генерального консульства, я счел, по важности нынешних обстоятельств, для самой службы полезным предпочесть эту меру обычному вызову посольского курьера, так как даровитый и отменно ревностный сотрудник мой Лодыженский, пробывший здесь уже около двух лет, основательно изучил сербскую почву и может в точности удовлетворять всяким относящимся до нее вопросам.

Что выйдет из здешнего политического хаоса¹, — предсказывать решительно не берусь, но, кажется, что сбудется уже предвиденное мною в одном из моих донесений, а именно, что Ристич² надует всех и останется полным хозяином. Не удивлюсь даже, если и сам князь опять с ним сой-

дется: его светлости лишь бы хорошенько кушать и охотиться, а там хоть трава не расти.

Вам не безызвестно, скольких трудов стоило мне с Мариновичем³ отклонить его от постыдного отречения. С тех пор, как в Скупщине обнаружилось воинственное брожение, я на все тоны пою ему, что после самых категорических наших советов оставаться в мире с турками и после его собственной мирной речи, если бы он теперь увлекся происками либералов, стремящихся вовлечь Сербию в несвоевременную и гибельную для нее войну, он тем навсегда утратил бы всякое к себе сочувствие нашего правительства. Князь обещал мне положительно, что предпочтет быть изгнанным революцией, чем податься на утверждение последних тайных постановлений Скупщины.

Общее здесь положение дел показалось бы всякому правителю крайне затруднительным, князю же Милану, при его бабьем характере и постоянной нерешительности, оно кажется безвыходным. Он сам неоднократно сознавался мне в своих недостатках, прибавляя, что для управления Сербиею нужен бы человек с энергиею и иным воспитанием. Хотя он много рассчитывает на нравственную поддержку будущей княгини и старается по возможности ускорить свадьбу, которая, по мнению самих его приближенных, значительно упрочит его здесь положение, будущее все-таки кажется ему закрытым безнадежною неизвестностью.

Понятно, что при шаткости настоящей политики княжества, грозящей вследствие постановлений Скупщины от 6 сентября, сделаться весьма задорливою по отношению к Турции, его светлость надолго не посмеет более помышлять о возможности отлучиться из страны и должен будет решиться совершить бракосочетание свое в Белграде.

Говоря со мною об этом вчера вечером, князь выразил мне особенное свое прискорбие, что стечение столь непредвиденных событий лишило его счастья представиться в нынешнем году их императорским величествам. Он спросил меня, не связан ли он относительно этого дела некоторыми обязательствами, вследствие неоднократно повторенной им той же просьбы. Поставленный этим вопросом в несколько затруднительное положение, я ответил князю, что вашему превосходительству еще едва ли могло быть время повергнуть его ходатайство на всемилостивейшее воззрение, тем более, что его величество ожидали в Ливадию не раньше девятого числа; что, с другой стороны, самому князю было бы трудно продолжать надеяться на это, не будучи более в состоянии представлять государю с положительными ручательствами за мир, соответствующими преподанным ему от высочайшего имени советам. Князь вполне согласился со мною и просил обстоятельно извинить его пред вами за его докучливость и благодарить ваше превосходительство за столь милостиво выраженную вами готовность быть его посредником.

Что же касается до моего личного в этом деле участия, то едва ли осмелюсь думать извиняться, так как я служил здесь самую второстепенную передаточную инстанцию. Действительно, возможно ли было мне отказать князю в передаче его ходатайства, поддерживаемого Мариновичем, который пользуется у нас всеобщим расположением и справедливо смотрел на эту поездку юного владетеля Сербии в Ливадию как на событие, самое благоприятное для упрочения династии Обреновичей.

Княжеская невеста проедет через Белград в субботу на пути в Бессарабию и возвратится сюда в конце этого месяца, после чего немедленно последует бракосочетание без всякого торжества.

Адрес был принят князем⁴, и депутация возвращается в Крагуевац. Ристич отказывается приехать, несмотря на неоднократные его светлости вызывы, и извиняется многосложностью своих занятий при Скупщине.

Скрейшовский уехал сегодня обратно в Прагу, ругая сербов напропалую. Случай был с ним довольно забавный. В бытность его в Крагуеваце Скупщина отрядила к нему министра финансов Йовановича для переговоров об узаконенном ею займе в три миллиона червонцев. Когда же Скрейшовский объявил неопытному по финансовой части княжескому министру, что *al rāgi* занять будет невозможно и следовало бы прежде всего начать операцию внутри страны, то Йованович объявил, что ни на какой учет он согласиться не может, так как Народное собрание рассчитывало получить из чешского банка всю сумму сполна. Еще менее мог он понять, что заем открыто на военные расходы слабо располагает к кредиту и что удобнее прикрывать подобные сделки благовидными предложениями проведения железных дорог. Одним словом дело разошлось, и вдобавок у Скрейшовского, там же в Крагуеваце, украли пальто и сапоги. Сколько мне известно, теперь рассчитывают прибегнуть к займу внутреннему, а кроме того на недостающую сумму выпустить кредитных билетов с обязательным обращением.

Сегодня здесь сильно волнуются известием о занятии турецкими солдатами двух сербских островков на Дрине. Говорят, что два батальона регулярного войска с шестью батареями отправлены были из Белграда для укрепления позиций при входе в долину Моравы.

В заключение я должен еще доложить вашему превосходительству об усилении личного состава австрийского генерального консульства прибытием в Белград какого-то резервного капитана, которого мой австро-венгерский товарищ представил в сербском Министерстве иностранных дел в качестве второго вице-консула; в том же Министерстве мне доверительно сообщили, что вновь приезжий в сущности военный агент. Но особенно замечательно то, что князь Вреде, ежедневно выдаясь со своими товарищами, не упомянул ни одному из них о назначении сюда этого нового его сотрудника.

С глубоким уважением и сердечною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим и почтительнейшим слугою

А. Карцов

ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. 3094, лл. 47—48 об. Автограф.

1. Карцов здесь характеризует положение в Сербии, возникшее в связи с приходом к власти «министерства действия». Конфликт между правительством и Скупщиной, с одной стороны, и князем, с другой, завершился победой сербского монарха. «Министерство действия» вынуждено было подать в отставку.

2. Деятельность Ристица в этот период, направленная на подготовку войны Сербии против Турции, вызывала острое недовольство князя, а также недоверие к нему со стороны русской дипломатии.

3. Маринович в этот период выступал против войны и во всем поддерживал князя Милана, являясь советником последнего.

4. Адрес Скупщины был вручен князю 10 сентября 1875 г.

№ 35

1875 г. сентября 11 (23). — Донесение управляющего русским консульством в Сараеве М. Бакунина Н. П. Игнатьеву о ходе восстания в Боснии и Герцеговине

№ 110

Mostar

Avant que mm les consuls délégués * par les puissances signataires du traité de Paris ¹ aient présenté à leurs gouvernements respectifs de rapports

* См. прим. 3 к док. 8 и прим. 3 к док. 17.

détaillés sur les résultats de la mission * médiatrice concordante qui leur a été confiée, qu'il me soit permis de faire à votre excellence un résumé rapide de la situation générale actuelle dans les provinces insurgées **.

Je me flatte de l'espoir que cette exposition, que je m'efforcerai de rendre aussi succincte que possible malgré l'abondance des matières à relater, pourra former comme une introduction préparatoire au travail, que pour sa part, mr Yastrebow ne manquera sans doute de soumettre à son retour, à l'appréciation éclairée de votre excellence.

Dans le sandjak de Novi-Bazar l'énergique Mehmet-Ali-pacha a réussi ou à peu près de se rendre maître du mouvement insurrectionnel et à rétablir les communications postales et télégraphiques avec Constantinople. Il y dispose, paraît-il, de troupes régulières venues en nombre suffisant de la Roumélie. Les autorités politiques et militaires actuellement résidant à Mostar ont l'espoir de voir sous peu étouffée cette insurrection que déjà elles considèrent comme agonisante.

Une immixtion active de la Serbie et du Monténégro dont les armes se donneraient sans doute rendez-vous dans l'importante province stratégique de Novi-Bazar pourrait à la dernière heure infliger un démenti aux appréciations optimistes ci-dessus.

La guerre civile qui sévit dans la Kraina, la Possavina, autour de Banjalouka semble grandir en intensité. Les chrétiens y livrent aux begs et au spahis des combats féroces, le sang coule abondamment, les repréailles sanglantes de part et d'autre y sont à l'ordre du jour. L'émigration des familles chrétiennes vers la Croatie et la Slavonie continue sur une vaste échelle ².

Et cependant, c'est en Bosnie avant tout qu'on eut été en droit d'attendre de prompts résultats, l'action répressive s'y exerçant dans des conditions ethniques et économiques exceptionnellement favorables au gouvernement, en effet, la majorité de la population est musulmane dans presque toute l'étendue de vilayet. Elle est armée. Les chrétiens qui ont en Herzégovine conservé leurs armes en sont absolument privés en Bosnie. Les seigneurs musulmans détenteurs du sol, aussi intéressés que le gouvernement lui-même à l'apaisement des rays soulevés, y prêtent aux troupes un concours d'autant plus efficace, qu'ils peuvent grâce à leur organisation féodale, disposer de contingents armés choisis parmi les gens attachés à leur service ³.

En Herzégovine, dès le début de l'insurrection et jusqu'à ce jour les conditions politiques et topographiques du théâtre d'action sont toutes au désavantage du gouvernement.

De plus, les opérations militaires dans cette province ont été et sont encore conduites avec une mollesse peu apte à assurer des succès aux troupes ottomanes. On s'est appliqué à réunir dans cette province un effectif suffisant pour prendre à un moment donné l'offensive sur toute la ligne. Il paraîtrait que le nombre des bataillons jusqu'à ce jour réunis n'a pas encore atteint les proportions voulues puisqu'on recule indéfiniment ce moment d'action.

L'unité de direction militaire faisait également défaut jusqu'au moment où Dervich-pacha est venu prendre le commandement suprême. Rappelé presque aussitôt, il n'a eu le temps de rien entreprendre. Son successeur, le nouveau vali de Bosnie, nommé en même temps commandant militaire en Herzégovine, devait précisément faire ses preuves lorsque survint la médiation des consuls.

L'inaction des troupes déterminée par un concours malheureux de circonstances morales et matérielles, épuisait les forces et les ressources du gouvernement. La révolution lui causait des dépenses improductives.

* См. прим. 3 к док. 17.

** Боснии и Герцеговины.

La Sublime Porte était incapable de la réprimer par cette armée que néanmoins elle se voyait dans l'impérieuse nécessité de maintenir et de grossir sans cesse.

Si, malgré ces avantages de leur situation, les succès matériels jusqu'à ce jour obtenus par les insurgés ont été relativement minimes, ils ont néanmoins puisé au cours de leurs opérations presque toujours heureuses la conviction de leur supériorité sur un ennemi démoralisé. Enhardis par les échecs réitérés qu'ils firent subir à de petits détachements turcs isolément attaqués, les insurgés ont dans ces dernières semaines vaincu le sentiment de respect involontaire que des corps-francs professent toujours pour la troupe organisée militairement. C'est ainsi qu'ils ont attaqué et défait successivement les troupes à Névešinje, Dabra, Bilech et récemment mis en déroute Selim-pacha et ses deux bataillons entre Gatzko et Piva.

Si donc jusqu'à ce jour les troupes ottomanes n'ont eu à enregistrer aucun fait d'armes marquant, capable de décider du sort de la campagne engagée, — l'espoir d'arriver à un apaisement aujourd'hui semble être illusoire, le soulèvement, devenu révolution, étant à la veille, selon toutes les apparences, d'entraîner le Monténégro et la Serbie dans l'action générale.

Telle est l'impression que j'ai rapportée de mes entretiens avec Server-pacha, Constant-effendi et encore d'autres personnages. L'incertitude quant aux décisions finales des principautés domine exclusivement les esprits de ces fonctionnaires. Je suis persuadé que la déclaration de guerre, attendue de toutes parts avec une si poignante appréhension, produirait une détente dans l'opinion publique en même temps qu'elle apporterait un peu de lumière dans la situation réciproque des belligérants.

De nombreuses bandes armées continuent de se former sur territoire dalmate et passent en Herzégovine. Server-pacha a officiellement réclamé auprès du consul d'Autriche, mr Strautz, le priant de signaler au gouverneur général à Zara le fait que 2 bandes fortes de 80 individus chacune sont entrées en Herzégovine du côté de Glamosch. Le pacha demandait en même temps que les mesures «plus efficaces soient adoptées pour l'avenir».

Un tribunal extraordinaire formé à Mostar par ordre de Server-pacha sous la présidence de Constant-effendi siège 4 fois par semaine et comprend les membres suivantes: le métropolitain, l'évêque catholique monseigneur Kraljevic, un riche négociant orthodoxe Vuco Schola (Шола), un autre catholique Stepo Grabowatz, tous deux passant pour des créatures turques et très humbles serviteurs des pachas, — enfin 3 musulmans — Mehmed-Beg-Lioubouschak dont les chrétiens mêmes s'accorde à dire beaucoup de bien, Mui-Aga-Hadji-Selimovic, personnage incolore, Nour-Beg-Velagic de Blagai.

Ce tribunal est appelé à redresser les torts de l'administration à constater et à éloigner les abus, à juger et démettre de leurs fonctions tels employés qui seraient convaincus de concussion et d'abus de pouvoir; les chrétiens sont invités à venir y formuler leurs griefs et leurs plaintes qui seront examinés. Jusqu'à ce jour cependant (il y a deux semaines que fonctionne ce tribunal) les plus hardis parmi les chrétiens ne se sont présentés qu'avec des réclamations futiles ne pouvant les compromettre. La grande majorité qui se défie, s'abstient d'y faire appel.

Ce même tribunal a pour tâche d'élaborer un aperçu général de la situation aussi que de dresser une liste des remaniements à introduire dans le système administratif. Ces travaux préliminaires sont destinés à éclairer Server-pacha si par la suite, ce haut fonctionnaire devait être appelé à statuer sur le sort des insurgés venant faire leur soumission et s'il devait se prononcer sur l'urgence de telle ou telle autre réforme que réclameraient les populations chrétiennes de cette province.

La condition économique actuelle de l'Herzégovine est des plus désastreuses. Pauvre et improductive par la nature même de son sol, cette province déjà si éprouvée par les exactions administratives, achève de se transformer en un désert inhabitable. Guerre et révolution, troupes et bandes insurgés y ont à l'envie amoncelé ruines sur ruines. Partout les décombres des villages fumants, les familles chrétiennes fuyant à l'étranger témoignent des horreurs de la guerre. Les cadavres d'hommes et d'animaux abandonnés sur la voie publique peuvent produire des épidémies. Le prix de vivres a haussé sensiblement. A Gatzko et Piva, par ex., le pain est arrivé à 15 fois son prix ordinaire. Les troupes ne peuvent désormais tirer leur ravitaillement que du dehors, le pays dévasté n'offrant plus aucune ressource. Les récoltes de l'année sont perdues, les champs n'ont pu être ensemencés pour l'année à venir. Ce qui aujourd'hui n'est encore que manque de vivres deviendra famine par la suite et atteindra les proportions d'une calamité publique irrémédiable.

Les chrétiens n'ont actuellement plus rien à perdre que leur vie. Mais, sous le régime de l'arbitraire turc, ces malheureux ont appris à envisager avec résignation l'éventualité toujours possible de périr par la brutalité de leurs oppresseurs. Aussi vont-ils sans doute faire bon marché de leurs existences précaires et la perspective de venger leurs outrages les armes à la main ou de périr à la tâche n'a rien qui puisse effrayer ces populations affollées de désespoir.

Je suis etc

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 632, лл. 5—7. Копия.

*Перевод
Мостар*

Прежде чем господа консулы, уполномоченные великими державами, подписавшими Парижский трактат ¹, представят соответственно своим правительствам подробные отчеты о результатах посреднической миссии, какой они были облечены, да будет мне позволено представить вашему превосходительству краткое сообщение об общем положении восставших провинций в настоящее время.

Я льщу себя надеждой, что изложение, которое я постараюсь, насколько возможно при таком обилии материала, сделать лаконичным, сможет служить как бы подготовительным введением к работе, которую г-н Ястребов со своей стороны, без сомнения, не преминет представить по своем возвращении благосклонному вниманию вашего превосходительства.

В Нови-Базарском санджаке энергичному Мехмет-Али-паше удалось, или почти удалось, подавить повстанческое движение и восстановить почтовую и телеграфную связь с Константинополем. Он там располагает, кажется, в достаточном количестве регулярными войсками, пришедшими из Румелии. Политические и военные власти, находящиеся сейчас в Мостаре, надеются, что в скором времени восстание будет подавлено, и уже сейчас считают его на исходе.

Активное вмешательство Сербии и Черногории, армии которых встретятся в важной стратегической провинции Нови-Базар, может в последнюю минуту повредить оптимистическим планам турецких властей.

Гражданская война в Крайне, Посавине вокруг Баньялуки, кажется, расширяется и становится все более и более напряженной. Христиане ведут здесь жестокие бои с бегами и спахиями, кровь льется ручьями, кровавые репрессии с одной и с другой стороны здесь обычное дело. Эмиграция христианских семей в Хорватию и Славонию продолжается в больших размерах ².

И, однако, более быстрых результатов можно было бы ожидать прежде всего в Боснии, поскольку репрессии проводятся здесь в исключительно благоприятных для правительства экономических и этнических условиях: в самом деле, почти во всем вилайете большинство населения — мусульмане. Они вооружены. Христиане, хранившие свое вооружение в Герцеговине, в Боснии его совершенно лишены. Мусуль-

манские феодалы, владельцы земли, так же как и правительство, заинтересованы в усмирении восставших райя и оказывают здесь войскам действительную помощь, поскольку располагают в своей феодальной организации вооруженными контингентами из числа людей, находящихся у них на службе³.

В Герцеговине с самого начала восстания и до сегодняшнего дня политические и топографические условия театра военных действий невыгодны для правительства.

Кроме того, в этой провинции военные действия велись и ведутся сейчас еще с вялостью, мало способствующей успехам оттоманских войск. В этой провинции постарались собрать достаточное количество войск, чтобы предпринять в назначенный момент наступление по всему фронту. Кажется, что количество батальонов, находящихся здесь до сих пор, не достигло желаемого числа, потому что наступление откладывают на неопределенный срок.

Объединенное военное руководство также совершало ошибки до тех пор, пока Дервиш-паша не принял на себя верховное командование. Почти тотчас же отозванный, он не имел времени что-либо предпринять. Его преемник, назначенный в то же время главнокомандующим в Герцеговине, должен был проявить себя как раз в то время, когда появились консулы-посредники.

Бездействие войск, вызванное злополучным стечением моральных и материальных обстоятельств, исчерпало силы и ресурсы правительства. Восстание вызвало у него непредвиденные расходы. Блистательная Порта была неспособна подавить его той армией, в содержании и беспрестанном увеличении которой она, однако, видит крайнюю необходимость.

Если материальные успехи, достигнутые повстанцами, несмотря на выгоды их положения, сравнительно невелики, то они тем не менее черпают в своих всегда удачных операциях убеждение в своем превосходстве над деморализованным противником. Окрыленные поражениями, нанесенными небольшим турецким отрядам, атакованным в отдельности, повстанцы за последние недели победили чувство того невольного уважения, которое партизаны всегда питают к регулярным войскам. Они напали и успешно разбили войска в Невесинье, Дабре, Билече и недавно обратили в бегство Селим-пашу и его два батальона между Гацко и Пивой.

Однако до сих пор оттоманские войска не имели на своем счету ни одного значительного сражения, способного решить судьбу начатой кампании; надежда достичь сегодня успокоения становится иллюзорной; мы накануне того, что восстание, переросшее в революцию, по всей видимости, вовлечет Черногорию и Сербию во всеобщее движение.

Таково впечатление, которое я вынес из моих бесед с Сервер-пашой, Констант-эфенди и другими лицами. Эти чиновники находятся в состоянии полной неосведомленности относительно окончательных решений княжеств. Я уверен, что объявление войны, ожидаемое с обеих сторон с таким страхом, произведет разрядку в общественном мнении и в то же время прольет немного света на взаимное положение воюющих сторон.

Многочисленные вооруженные отряды продолжают формироваться на территории Далмации и переходят в Герцеговину. Сервер-паша официально потребовал от австрийского консула г-на Штрауса указать генерал-губернатору Зары на тот факт, что два отряда, численностью в 80 человек каждый, перешли в Герцеговину со стороны Гламоша. Паша требовал также, чтобы меры «более эффективные были приняты на будущее».

Чрезвычайный трибунал, созданный в Мостаре по приказу Сервер-паши, под председательством Констант-эфенди заседает 4 раза в неделю и состоит из следующих членов: митрополита, католического епископа монсеньера Кральевича, богатого православного негодянта Вуко Шола, другого католика — Степо Грабоваца; оба известны как турецкие ставленники и покорные слуги пашей, наконец, трех мусульман — Мехмеда-бег Любушака, о котором даже христиане говорят много хорошего, Муи-ага Хаджиселимовича, человека бескорыстного, и Нур-бег Велагича из Благая.

Этот трибунал призван исправлять ошибки администрации, устанавливать и ликвидировать правонарушения, судить и смещать с должности тех служащих, которые уличены во взяточничестве и злоупотреблении властью. Христианам предложено явиться туда и изложить свои претензии и жалобы, которые будут рассмотрены.

Однако трибунал действует вот уже две недели, но до сих пор самые храбрые из христиан подали лишь ничтожные заявления, которые не могут скомпрометировать турок. Большинство населения не доверяет и воздерживается обращаться туда.

Перед этим же трибуналом стоит задача подготовить общий обзор положения и составить перечень необходимых изменений в административной системе. Эти предварительные работы предназначены помочь Сервер-паше впоследствии, если этот сановник будет уполномочен решать судьбу покорившихся повстанцев, и ему придется высказываться о необходимости той или иной реформы, требуемой населением христианской провинции.

Современное экономическое положение Герцеговины является чрезвычайно катастрофическим. Бедная и малопродуктивная вследствие природных условий, эта провинция, столь пострадавшая от административных поборов, превращается в необитаемую пустыню. Война и революция, войска и повстанческие отряды нагромодили руины на руины. Повсюду дымящиеся развалины деревень, христианские семьи бегущие за границу, свидетельствуют об ужасах войны. Трупы людей и животных, брошенные на проезжих дорогах, могут вызвать эпидемии. Цены на продукты значительно поднялись. В Гацко и Пиве, например, цены на хлеб возросли в 15 раз против обычного. Войска могут получать снабжение лишь извне; разоренная страна не имеет никаких запасов. Урожай года потерян, поля не могут быть засеяны для следующего года. То, что сегодня считается недостатком продуктов, превратится впоследствии в голод и достигнет размеров непоправимого общественного бедствия.

Христианам нечего терять, кроме своей жизни. А в условиях произвола турецких властей эти несчастные привыкли с покорностью относиться к возможности в любой момент погибнуть от жестокости своих угнетателей. Поэтому они легко жертвуют своей жизнью, почти не имеющей цены в их глазах; что же касается перспективы отомстить с оружием в руках за полученные оскорбления или погибнуть в борьбе за свое дело — это несколько не пугает население, доведенное до отчаяния.

Имею честь быть и пр.

1. Парижский мирный договор был подписан 18 (30) марта 1856 г. между Россией и воевавшими против нее Англией, Францией, Турцией, Сардинией, а также участвовавшими в переговорах Австрией и Пруссией.

2. Спасаясь от преследований, свыше 10 тыс. боснийцев перебежало в Хорватию и Славонию (102, стр. 73—76; 11, стр. 118—119).

3. Хозяйство боснийского феодала-мусульманина было основано на труде зависимых крестьян-кметов. В силу своего экономического господства феодалы принуждали своих крестьян к участию в вооруженных отрядах, действовавших против восставших (78, стр. 9).

№ 36

1875 г. сентября 11. — Письмо Тырновского революционного комитета Н. Обретенову о подготовке и сроке восстания в Болгарии и обеспечении его поддержкой со стороны России и других дружественных государств

Брате!

Известие от Панайота * нямаме досе[га]. [Не знае]ме коя е причината. Много лошаво ст[ана, дето] не ни пратиха нари от о[т]среща **. При[ключваме] ви писмо за тях. Също и вий им [пишете] да захванат работата си по мъж[ки]. [Дра]сов да не мисли, че сам може да свър[ши нещо] ¹. На всеки начин да гледа повече хор[а да се] наредят за тази работа. С пи[сма] да повикат отвред дето им[а способ]ни хора за работа да се намерят [в Бу]курещ. При това да се наредят [хора] както за Русия, тъй и за дру-

* Хитов.

** От ВЦРК.

ги[те] държави да имаме [по един] човек, който да пише във вес[тниците] им и да им разп[ра]ви, че бъл[гарският народ] е обран от [оръжие и че е ста]нал против варварското [насилие на] турското правителство. От [вас] трябва да отиде един, който да се [види с] Яча Цанкова и да го накара да пише [той на онези, кои]то познава за способни, да се намерят [в Бу]курещ за въстанието и да почнат [вся]чески да работят ². С една реч в [сегашно]то движение не успееме [ли], убиваме ц[вета на] българския народ и после 200 год. [не можем] до * в това си положение. Затова [трябва мъ]жки да се работи от Влашко за навр[ед].

Керамихалев ти казал, че [Русия не ще] да вземе участие в [дв]ижениет[о ни]. [Вие му разправе]те да пише на приятелите си в Русия, [че бълг]арският народ е решен вече без оръжие в [ръка д]а постоянствува дотогаз, докогато [и]згубят съвсем силите си.

С една реч [и бе]з оръжие ще се бие с турчина. Като [му ка]жете това, каквото ви отговори, беле[жете] ми с пощата в събота. Ний сме [реш]или за въстанието в сряда или в [че]твъртък, но пак ще ви телеграфи[ра]ме, понеже чакаме известие и от П[анайот]а. Но на всеки начин един от ва[шите] некопрометирани да отиде отср[еща] ** [и да] стресне работите. Много ще постра[дам]е тук без пари, но господ е добър.

[С т]елеграфа ще явим пак на — — за кибрит *** и то значи вече въста[ние]. Но на всеки начин вярвам, че най-[много до в сряда ще се] п[ро]стре.

Поздра[вляват ви]
до смърт [ва]шите бр[атя Асеновци]³

[При]ключеното
прате[те] в Букурещ!

НБК—БИА, ф. 122, II В 166. Подлинник написан симпатическими чернилами (текст поврежден). Печать БЦРК.

1. Для выполнения принятых решений члены БЦРК отправились в Россию, Сербию и в разные города Румынии, а в Бухаресте остались только Ив. Драсов и Др. Шопов, чтобы поддерживать связь с местными революционными комитетами.

2. К. Цанков был уже включен в члены БЦРК (см. прим. к док. 23).

3. Асеновцы — псевдоним Тырновского революционного комитета, происходит от имени болгарских царей Асений (I и II), столицей которых в XII—XIII вв. был г. Тырново.

№ 37

1875 г. септември 11. — Письмо Тырновского революционного комитета в БЦРК с требованием активизировать подготовку восстания, подбор кадров повстанцев и доставку оружия

Търново

Братя!

Препоръчвате нам енергичност, но според нас тя вам липсва. Че каквосте изработили в разстояние на толкоз време? Вий се лените даже да ни турите в течението на работите, а не тъ[й] да отговаряте с *може* и уверявате ни. Нашата работа изисква сигурност, а не таквиз отговори. Ето, н[ям]а да се мине неделя и ний ще вдигнем народът. Това е най-важното. Ний мрем, но не ни [е] жал за нас, а за народа. Мислете, че сега може и да из-

* *Вместо «дойдем».*

** *В Бухарест.*

*** *Паролъ для провозглашения восстания.*

бият цвета на народа, ако и вий с всичките българи, дето и да били, не направите длъжността си. С това ще отидат и толкоз средства на вятъра, а и народът ще ритн[е] 50 години назад от освобождението му.

При[готве]те всички българи, представете им работ[ата] и действайте, а не спете. Позовете даже Кара[ве]лова и Яча *, били какви били **. Разпратете навред по Европа хора, които да направят шум пре[д] вестниците, щом букне въстанието. Нека пре[дста]вят нашите теглила, които като не можем вече да търпим, ставаме *** голи и без оръжие и припаси. Вий пък от ваша страна гледайте да съберете момци, а особено оръжие и припас[и], че да можете във всеки крайдунавски град да ги пратите. Това е необходимо потребно. Работете както трябва, иначе народно проклетство да [бъде] на главите ви. Телеграфът ще ви яви деня на въстанието.

Вашите Асеновци

НБВК—БИА, ф. 122, II В 167. Подлинник, написан симпатическими чернилами. Печать ВЦРК.

№ 38

1875 г. септември 11. — Письмо П. Хитова И. Сапунову в Белград о подготовке оружия для повстанцев

Кладово

Иване!

Аз ти телеграфирах днес, но ето [че] ти пиша: очисти всичките пушки, излей за всичките куршуми, вземи най от добрия барут и направи фишеци, помети у дома шуната и пак гледай да те не вижда никой като работиш, или пък иди и работи у винограда по за сигурно, да те не гледа никой.

Поръчай нека се направят и ключе [та] за големите пушки за отвъртане сисите. Ето как ще направим: вземи 3 оки куршум[и], кюлче и калъшните и иди у винограда и ги излей за всяка пушка по 200-те куршума, от коя и да бъде сорта. Тъй също виж де има добър барут и вземи по половин ока за всяка пушка; за големите пушки ще туриш малко по-виеше от един драм, за другите аз мисля, че ще трябва и два драма да се тури, защото тия повече носят барут.

Иване, аз мисля, че подир 2 или 3 дни ще чуеме, че е станало нещо у нас, затова ти поръчам да приготвиш всичко. Ако у противен случай не стане нищо у България засега, то тогава пак ще вземем пушките, колкото имаме и ще ги пренесем тука у Кладово, па сетне дето дойде на сгода; ако се сега захване нещо, пак ще правим същото ¹.

Чух, че е допгъл Калчо ****. Каж и нему що ти пиша. Аз днес чух пак от един градинар, който идеше отдолу, че видели някои си пътници 300 души, които отивали къде Балкана от Търново ², за което се и аз надеях да бъде и то ме накара да ти кажа да правиш фишеци.

От влашка страна нищо се не може, няма барут, не може да са набави, затова трябва всичко да се купи у Белград. Аз щях да мина, че не можех да намеря барут, нито пък добри пушки. Затова се върнах, но тука се отбих да видя що е, мога ли да купя стока, че тогава, ако е възможно, ще дойда и у Белград; ако ли пък не мога, ще ти телеграфирам да туриш всичко у сандъци и да го донесеш тука, у Кладово. Аз знам, че ти нямаш пари, но все ще намериш 3—4 дуката, дорде дойда сам или ти пратя пари за горечените неща.

* Кириак Цанков

** См. док. 24.

*** Т. е. «въставаме» (восстаем).

**** Пасков.

Аз писах и на Катерина * да ти даде пушките и калъпите. Да прибереш всичко, че ще трябва, всичко, както знаеш: и паласки, и каиши, и торби, и всичко.

Аз, ако мога, ще дойда до дома.

Панайот Хитѝов

НБВК—БИА, ф. 87, II А 8327. Автограф.

1. Из документа видно, что Хитов, придерживаясь решений, принятых на собрании 12 августа 1875 г. (док. 18), делал известные приготовления для перехода в Болгарию. Как видно из донесения сербскому князю Милану, сербское правительство задержало собранное в Кладове оружие и не позволило отряду перейти из Сербии в Болгарию, избегая несвоевременных осложнений с Турцией. Но, кажется, и сам Хитов, который всегда согласовывал свои действия с политикой сербского правительства, не был склонен обострять свои отношения с последним (2, т. I, стр. 61—64; 62, стр. 240).

2. Действительно, в эмигрантской периодической печати были опубликованы сообщения о появлении отрядов в Болгарии еще до начала восстания, но это не соответствует действительности.

№ 39

*1875 г. сентября 12. — Решение Болгарского человеколюбивого
настоятельства в Бухаресте об отправке денег в Белград
для оказания помощи повстанцам Боснии и Герцеговины*

Букурещ

Дневник

Долуподписаните, като се намираме във вишегласие, решихме в днешното събрание следующите:

1. Взехме във внимание оставката на г-на д-р Г. Странски ¹, приехме я и упълномощихме г-на К. Цанкова да му проводи нуждния отговор.

2. Решихме да се внесат, щом се съберат, 400 франка на Сръбската агенция в Букурещ с назначение да ги изпроводи на главния комитет за даване помощ на ранените в Белград ².

Членовете на Бълг[арското] {человекол[юбиво]} настоятелство:

С. И. Черен, Ив. Кавалджиев, Димитров, К. Цанков, А. Апостолов

НБВК—БИА, ф. 5, д. 6, лл. 13—14. Подлинник.

1. Д-р Странский сочувствовал революционно-демократическому крылу БЦРК и поэтому ушел из «Настоятельства».

2. «Болгарское человеколюбивое настоятельство», созданное 21 августа 1875 г., периодически передавало собранные для помощи восставшим в Боснии и Герцеговине средства сербскому дипломатическому агентству в Бухаресте.

№ 40

*1875 г. сентября 12. — Письмо Тырновского революционного
комитета Н. Обретенову с просьбой известить П. Хитова о дне
восстания и о необходимости отправить руководителей повстан-
цев в Габрово и Старую Загору*

Брате Тихо!

Писмата ви приехме и всичко разумехме, но щом приемете писмото ми, незабавно да изпратите човек да отиде до Тур[ну] Магурел[и] до Панайота

* Катерина — жена Хитова.

или пък да му се телеграфира да гледа един крак по-напред да прати Калча, понеже ча[ка]ме го и назначи се денят за вѣст[ание]то на 17[и] 7-врия *. И това да му и [зве]сти[те] в същото време, като [му] се бележи с писмо, щом мин[е] четата, да отпрати 3—4 вожда за Габрово и 3—4 вожда за Захренск[ите] [точ]к[и]. В същото време [да пише на Букурещкия комитет сигурно да] си гледа работа[та] — — — да повикат достойни хор[а], [които да се] разпратят по ев[ропейските] държави ¹. [Вий четите] ли ще чакате да се съединит[е или ще по]теглите направо за Габрово? Б[ележете] ми да знаеме.

Вчера с пощата ** ви пратих писмо, надявам да ст[е го] прие[ли]. Прокламации *** гледайте да из[пра]тите, както и по-горе ви казах бе[з] друго. Един да мине отсреща ****, да[се] споразуме[е] с Панайота и ни т[елегра]фирайте, [но] най-добре [е] да прати [Кал]ча да си дойде един крак [напред].

Ви поздравяме вашите

Бр[атя] А[сеновци]

[P. S.] Букурещките работи не трябва само на Драсова и Шопова да се остава[т] ². Какво стана с Ботьова, да го не туриха в драголника в Русия, т. е. да го не очисти Сибир, и какво стана с пушките! С една реч Ботьов какво е свършил и защо се бави толкова време! Ний нищо не знаеме, ако знаете нещо за него, пишете ни с първо ³.

Същите

НБВК—БИА, ф. 122, II В 168. Подлинник, написан симпатическими чернилами (текст поврежден). Печать БЦРК.

1. Нужно было информировать общественное мнение о развитии событий в Болгарии.

2. Дела БЦРК, которыми действительно руководили Др. Шолов и Ив. Драсов после отъезда Х. Ботева (12, стр. 153; НБВК—БИА, ф. 99, II А 9177—9177а).

3. Речь идет об отъезде Х. Ботева в Россию, откуда, как ожидалось, он должен был прислать ружья и средства.

№ 41

1875 г. септември 13. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву о революционном подъеме в Болгарии

№ 311

Уверяют, что Балканы полны небольшими вооруженными шайками с отдельными начальниками, подчиненными Панайоту. Но они ничего не предпринимают и ждут ¹.

Турки, кажется, этого не подозревают, судя по тому, что ничего не предпринимают против шаек, иначе пришлось бы предположить в турецких властях для объяснения настоящего случая мало свойственную им дозу благоразумия, чтобы тоже выжидать событий и не втягивать насильно в борьбу готовые болгарские четы. В подтверждение неведения турок о положении дел в Балканах свидетельствует и недавно принятая ими мера: близ Силистрии поставлены, по слухам, два военных парохода, чтобы не допускать «комитаджиев» перейти в Болгарию. Между тем Пана-

* 17 септември 1875 г.

** Курьер комитета.

*** З. Стоянов. Христо Ботйов. Опыт за биография, стр. 263—265.

**** В Румынию.

йот с своей четой давно уже перешел именно в этом месте, где провезены также оружие и военные снаряды ².

Преосвященный Григорий с конца августа (с 29-го) все еще совершает обычный объезд своей епархии, уговаривая болгар, как слышно, соблюдать мир и верность правительству. Едва ли он успеет, если Черногория и Сербия двинутся, тем больше, что его поспешный приезд из Константинополя и особенно пожалование ему 2-й степени Меджидие комментируются молодежью очень невыгодно для владыки: он обязался будто бы быть, по их словам, главным турецким шпионом в Болгарии ³. Еще меньше доверия внушают молодежи сообщения хаджием Иванчо цареградских новостей из высших правительственных кругов. Махмуд-Недим-паша, как уверяет будто бы хаджи Иванчо в письмах, решил якобы предоставить Болгарии за ее спокойствие в настоящих трудных для Турции обстоятельствах большие политические права. Некоторые здешние чорбаджи равнодушно и вяло повторяют эти розовые измышления, но народ давно уже перестал верить в турецкие посулы, а молодежь, особенно эмиграция, не называют хаджи Иванчо хаджи Пенчо-оглу иначе как «известный претель, турецкий шпион и прочутьять злодеец».

Из Сербии явным путем ничего не слышно, так как турецкие власти стакнулись, должно быть, с здешним австрийским почтовым начальством ⁴ не выдавать в пору * беспокойных газет тем, кто может их получать. Так, я получаю белградский «Видовдан» ⁵ через 7 дней, а возобновившееся «Знамя» ** из Букареста через 5. Это, конечно, может раздражать до известной степени нетерпение следящих с любопытством за ходом событий и прямого отношения к ним не имеющих, но к успокоению умов вести не может, ибо, помимо официальных лиц, заведующих путями сообщения и почтами, существуют уже другие почты — словесные, которые передают, может быть, иногда нарочно сфабрикованные известия, не развлекающие читателя, как газета, обилием материала, а устремляющие его внимание на один лишь предмет. Вот, например, текст телеграммы, пересланной на днях через Балканы в Болгарию: *une grande bataille a été livrée à Piva la nuit du dimanche à lundi par 4.8000 insurgés, tous bien armés, bien équipés et trainant avec eux deux ou trois pièces d'artillerie, bien montées, d'un nouveau calibre. La bataille a été sanglante de part et d'autre; les insurgés sont, dit-on maîtres du terrain et les renforts leurs arrivent de tous côtés. Une nouvelle et grande bataille est imminente dans le district de Gradiska. On dit qu'un corps de 12 à 18 mille hommes insurgés nouvellement formé et composé des serbes, croites et monténégrins se tient dans les montagnes pour barrer le passage à l'armée turque et lui couper ses communications avec le quartier général. Ce corps d'insurgés qui grossit chaque jour est commandé d'un ex-officier russe. Belgrade, le 8/20 septembre ***.*

Рано во вторник телеграмму эту знали в Руцке кому знать следовало.

Ввиду того, что замышляемое болгарское движение не известно вла-

* *Т. е. во-время.*

** *См. прим. 7 к док. 12.*

*** Повстанцами в числе 4800 человек в Пиве в ночь с воскресения на понедельник было дано большое сражение. Все они хорошо вооружены, хорошо снабжены и имеют две или три пушки нового калибра на конной тяге. Битва была кровопролитной с той и другой стороны; говорят, что повстанцы были хозяевами положения и подкрепление к ним прибывало со всех сторон. Новое большое сражение неизбежно в районе Градишка. Говорят, что отряд числом 12—18 тыс. человек, вновь сформированный и состоящий из сербов, хорватов и черногорцев, стоит в горах, чтобы преградить проход турецкой армии и прервать ее связь с главной квартирой. Этот отряд повстанцев, растуший изо дня в день, находится под командованием русского отставного офицера. Белград. 8 (20) сентября (*фр.*).

стям, можно думать, что оно организовано весьма благоразумно и разрослось действительно широко. Власти, как слышно, подсылали в Прибалканский край своих шпионов-provocateurs *, переодетых мадьярами и приглашавших народ к повстанью именем Австрии. Но народ, оповещенный и знающий своих, выказал пламенную приверженность к султанскому правительству и многих шпионов поволотил ⁶. Это, вероятно, и послужило вспомоществуемому пашою Napoléon'y Delonguy ** основанием к дикой выходке в его корреспонденции, помещенной в одном из №№ «Stamboul» ⁷, где он, неприлично горячась, вызывает задунайских эмигрантов явиться лично в Болгарию, чтобы народ, по его заверению, выдал их связанными властям. Эмиграция, конечно, ничего не ответила на это, так как ее ответ таким господам был помещен еще прошлой зимою в «Независимости» ⁸ по поводу шумлинской драки ⁹. «Французы в Болгарии», сказано было там, «это не те французы, которые стоят в голове прогресса, отличаются гуманностью и учтивостью. Нет, наши французы-голяки кончили свое образование под Сенскими мостами и, выгнанные из Франции, хотят им пустить нам пыль в глаза».

Итак, несмотря на видимое спокойствие Болгарии, несмотря на небывалую доселе сдержанность органа эмигрантов «Знамя», или, лучше сказать, обращая внимание на эти необыкновенные факты, надобно сказать, что это затишье перед сильною бурей. Не подлежит более сомнению, что в Балканах скопилась грозная туча и стоит неподвижно на их вершине.

Турции не приходится с ней шутить. Может быть, Панайот ждет даже не вмешательства Сербии и Черногории, а просто ослабления турецкой казны, войска и боевых снарядов. Чем больше их истратится на Герцеговину и Боснию, тем меньше останется против Болгарии. Легко может стать, что он подождет в таком случае даже решения герцеговинского вопроса, чтобы убедиться, насколько эта страна будет удовлетворена, и почерпнуть новые силы для восстания в том, если Болгария будет забыта и если ясно делается, что всякий из поработанных народов должен покупать облегчение лишь своей и турецкой кровью и не верить никаким обещаниям правительства, если Герцеговина будет обманута. В таком случае Панайот перезимует, может быть, в Балканах. Это ему не в первый раз, ибо он отличается от других гайдуков и клефтов, обыкновенно «воющих» от летнего Егорья до Димитрева дня*** и затем расходящихся на зиму в селения, именно тем, что находит возможность скрываться с целыми четами и жить в холодную зиму в заносимых снегом балканских ущельях и пещерах, чтобы начинать весной дело раньше. И едва ли весна 1876 года не будет самой тяжелой весной для Турции, если балканская туча не разразится раньше . . .

Турция должна сделать, если может, многое для Болгарии. Народные тяготы невыносимы: непомерные подати, кривда в судах, грабеж администрации, бедность и голод, — все задатки для восстания. А с другой стороны, турецкие победы, (даже допустив достоверность правительственных сообщений о победах над герцеговинцами), которым и здешние турки перестали верить, давно уже похожи на победы одного древнего знаменитого эпитота. Крымская война, усмирение Черногории ¹⁰, Критское восстание ¹¹, болгарский бунт ¹², йеменские замешательства ¹³ и подавляемое теперь Герцеговинское восстание, — все это победы Пирра над римлянами. Еще несколько таких побед, по мнению Пирра, — и у Турции останется лишь султан без денег и без войска. Поэтому Турции не приходится, если она хочет жить, увлекаться военными подвигами своими

* Провокаторов (фр.).

** Наполеон Делонги (фр.).

*** От 23 апреля до 26 октября.

и блеском побед, а напротив, самое настоящее время предотвращать их. Так думают здесь люди самые умеренные.

Весьма приятное впечатление произвел высочайший указ о вооружении скорострелками наших местных войск. Здесь думают, что Россия готовится на всякий случай защищать славян не по-австрийски.

С глубочайшим почтением . . .

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 769, лл. 92—96. Копия.

1. В настоящее время в документальных источниках нет данных, подтверждающих сообщение Крылова о нахождении до момента отправки донесения болгарских отрядов в Балканских горах. Он, вероятно, черпал данные из болгарской эмигрантской прессы и главным образом из органа революционного направления газеты «Знамя», которая с начала августа 1875 г. начала печатать подобные сообщения (см. номер от 3 августа 1875 г.), сообщала о четах в окрестностях городов Сливена и Трояна, достоверность которых все же сомнительна. В настоящий момент точно так же нельзя доказать справедливость утверждения, что эти четы были подчинены Па айоту Хитову.

2. Это утверждение неверно: П. Хитов вплоть до того времени находился в Сербии и вообще не перешел в Болгарию (13, стр. 51—53).

3. Митрополит Григорий Доростоло-Червенский, епархия которого с центром в г. Руссуче охватывала большую часть северо-восточной Болгарии, был одним из самых ревностных туркофилов в Болгарии. Он решительно выступал за сохранение турецкой власти в Болгарии, за что был награжден турецким орденом Меджидие 2-й степени. Через три дня после объявления русско-турецкой войны он издал воззвание к болгарам, в котором призывал их поддерживать турецкое правительство и молить бога о победе турецких войск (воззвание напечатано в газете «Напредък», Царьград, № 133, 1877 г.). О его шпионской деятельности см. док. 48.

4. В Турции действовала, помимо правительственной почтовой службы, и австрийская. Ее корреспонденция не подлежала цензуре турецких властей, поэтому через нее посылались запрещенные газеты, книги и другие материалы. В 1875 г. турецкое правительство начало чинить препятствия деятельности австрийской почты.

5. «Видовдан» — сербская газета, орган консерваторов. Выходила в Белграде с 1861 до весны 1876 г.

6. О таких шпионах-provokаторах сообщала и газета «Знамя» (от 7 сентября 1875 г.). Вероятно, в данном случае И. П. Крылов взял свои сведения оттуда.

7. «Stamboul» — ежедневная французская газета издававшаяся в Константинополе с 1875 г. Редактор Пьер ле Гофф.

8. «Независимост» — печатный орган болгарской революционной эмиграции. Издавался в Бухаресте в 1873—1874 гг. после прекращения издания «Свободы». Редактор — Л. Каравелов. В «Независимости» сотрудничал Х. Ботев.

9. «Шумлинская драка» — выступление молодежи в Шумле против французских специалистов, работавших по проектированию железнодорожной линии Шумла—Ямбол, в связи с предполагавшимся браком французского инженера и болгарской девушки. Духовенство было против женитьбы, так как француз был католик. Народ не одобрял этого брака, так как хорошо знал разгульный образ жизни француза. В связи с этим произошла драка, закончившаяся арестами. Вся болгарская пресса широко откликнулась на это событие. Цитата И. П. Крылова не из газеты «Независимост», которая в то время уже не выходила, а из газеты «Знамя» (от 2 февраля 1875 г.).

10. Имеются в виду карательные походы, организованные Турцией в 1858 и 1862 гг., чтобы принудить Черногорию к покорности. В 1858 г. в битве у Грахова черногорцы разбили турецкое войско. Однако Турции удалось нанести поражение черногорцам в 1862 г. (прим. 1 к док. 17).

11. Восстание на Крите против турецкого владычества, вспыхнувшее в 1866 г., послужило началом обострения политического положения на Балканском полуострове. Повстанцы создали Временное правительство и объявили о присоединении острова к Греции.

12. Болгарский бунт — несколько попыток организации вооруженной борьбы против турецкого господства в Болгарии в 60-х годах XIX в. Наиболее крупной из них было выступление отряда воевод Хаджи Димитра и Стефана Караджи, которые в ночь с 5 на 6 июля 1868 г. переправились через Дунай и высадились между Свиштовым и Руссучом. Отражая турецкие нападения, они продвигались вперед. Последнее сражение произошло в местности Бузлуджа около Шипкинского перевала. Хаджи Димитр и почти все четники были перебиты, а Стефан Караджа еще ранее захвачен в плен.

13. В 1872 г. Турция подчинила Йемен, однако йеменские племена не признавали власть турок, и сбор налогов осуществлялся лишь в порядке карательных экспедиций.

1875 г. септември 15. — Писъмо председателя революционного комитета в с. Червена вода Т. Кырджиева Н. Обретену об използването червенородското вооружено отряда

[Бра]те Кубрате!

Приех писмото ти и разбрах писаните ти. Сърцето ми е, брате, изпълнено от радост и благи надежди. Всякакво убеждение за мене е излишно. И аз не знам за какво друго сме се родили на света, ако не да умрем за свободата на милото си отечество. Едно ме [само] навява, че непредвидливостта ви [ще] ме накара да умра без [да сторя] заслуги, достойни за българското име.

[Вижда] се, че вий не щете ни да ч[уете] моит[е] думи, що съм хабил устата си да говоря на проведения ви в събота, и планът ви [да потегли] оттука чета за в Балкана си [остава] ненарушим. И сега аз разказах устно на приносящия мнението, което [е] длъжен да ви го съобщи. И пак ви пиша, [че] според мене невъзможно е тази чета да пристигне до Балкана, когато там ще [бъде] вече избухнало въстанието [с]утре вечер. [И] тъй ний без да можем да се съедин[им с другит]е [че]ти, щом преминем де[сет крачки] от мястото си, ще бъдем удар[ени от вой]ските [или] от някои [потери и като леки от] оръжие и припаси, ще бъдем разпръснати или ра[не]ни, а може би и живи уловени. Тогаз?!... Вместо това аз мисля като започне горе бунтът, не да тръгне четата оттука, за да се смеси с онези, когато невъзможността при тези обстоятелства се предвижда, н[о] най-доброто е четата ни тъй организирана до 50 души, [как]то ми бележиш, да бъде готова, за да произведе едно местно въстание по селата на нашата околност*. Онези, [що е] приготвил Лазар**, като ги поведе [една] определена вечер в наше село с моит[е] хора заедно [ний] можем да възбунтуваме — — — селото [и ка]то приберем напреде си [способ]ните [и] въоръжените, за един час ще можем да стигнем и до други някои близки села, които също трябва да възбунтуваме и тъй на напред. Тогаз ваша длъжност е да известите всреща***, щото една тамошна чета от стотина души да удари през [Д]у[нава], през Рахово към Сарна-бей-къой и ний да [се] присъединим с нея. Тогази сила[та ни ще бъде] добра. Това и по този начин [действ]у[ване] аз разбирам, че значи революция, а не [само] да се тикаме в Балкана, дето хората са приготвени и всички ще да въстанат. А [тъ]дез българите не приготвени, [както] що са, да тичат и гонят влашките чети, без да имат те никаква подпорка от [ме]стата, през дето ще да минат. Аз не съм на това мнение. Заради това кажи на Лазара, че ако желае, може със събраните си хора да потегли, а аз с тукашните ще намеря сгодно време и да повдигна с нас околните села. Ако ли е и той съгласен с горните ми думи, тогаз размислете добре и ми [яве]те как трябва да се тури [в] действ[ие моя п]лан. Да остана тука, [аз не] ща, брате, [страда]нието е по-страшно [за мене] от юв[ашка]та смърт, но и няма що — — — плачеме — — —, ако другарите, с които съм работил и работя, са хора искрени и патриоти, а не шпиони и продажни души. И тъй или местна революция с мене или потръг[ване] към [Ба]лкана без мене. Това е моето решение. На това причините ще ви разкаже по-добре приносителят.

* В окрестностях г. Руцука.

** Лазаръ Свиштовелията.

*** В Бухаресте.

Ра[зб]ира се, че и това мое мнение прието, пак трябва да имаме тука един добър и опитен войвода ¹, а местата тъд[ез] всичките ни хора ги познават. За м[ене] р[ево]лвер [и др.] трябва [да] прово[д]ите].

Сбогом: К[аран] *

НБВК—БИА, ф. 122, II В 169. Автограф, написан симпатическими чернилами (текст поврежден).

1. Воеводой в Червеноводский отряд был позднее послан Вырбан Йорданов из Шумлы (62, стр. 221).

№ 43

1875 г. не позднее сентября 17. — Письмо председателя Тырновского революционного комитета И. Хаджидимитрова Русскому революционному комитету о назначении даты восстания **

[Търново]

Брате!

Денят ни се назначи в сряда, на 17 того ***, и то е вече свършена работа. Изпратихме навред да се извести и се готви без друго. Затова и вий побързайте чрез телеграфа да явите навред, дето има наши хора, да прецапат **** Дунава ¹, но и да се не бавят по-дълго от четвъртък. Която чета ще дойде в Габрово, нека прибърза, ако е възм[ож]но и повече оръжия да вземе.

Работете, братя, защото цвет на хората отива! Или свободни сега или за 200 год[ини] роби още! На всеки начин ще гледате за прекарване[то] на оръжие. Бахчованджиите всичките въоръжете. Сберете се отпомежду си и работете мъжки и енергически.

Повикай Яча***** и му кажи писмото ми. Което ми [е] казвал, да гледа да го изгълни.

Т[урците] са оплетени. Днес или сутре ще тръгват да обират оръжията по къщата на българите. Нашите хора почти нап[ол]овина нямат пушки и колкото имат и те никакви.

А[з] днес тръгвам към надвечер и всичко е вече готово за бой. Прокламациите ***** зацо не с[ти]гнаха, направете и втора прокламация, [поне]же първата няма живос[т], по-голямо — — — да дава прокламацията и по-вразу[ми]телен стилът да бъде. Войводи и офиц[ери] нека бързат по-скоро да пристигнат, [за]щото без глава не я бива работата. И [офи]церите да гледат да стигнат в Г[аброво].

Без повече ви поздравяме и желя[ем] добър успех в надеждите — — —

Ваши до [гроб братя Асеновци] ²

НБВК—БИА, ф. 122, II В 173. Подлинник (текст поврежден). Печатъ БЦРК.

* Каран — псевдоним революционного комитета в с. Червена вода и его председателя учителя Томи Кырджиева.

** Время и место написания определены на основании содержания документа.

*** См. док. 40.

**** Переплъть (болг.).

***** Кириак Цанков.

***** См. док. 27 и З. С т о я н о в. Христо Ботйов, стр. 263—265.

1. Связь внутренних комитетов с БЦРК поддерживалась через Рушукский комитет.
2. В данном документе псевдоним «Асеновцы» обозначает председателя Тырновского революционного комитета Ивана Хаджидимитрова, который является автором письма, как установлено по почерку и содержанию документа.

№ 44

1875 г. сентября 19. — Письмо БЦРК Рушукскому революционному комитету о готовности послать из Румынии вооруженные отряды для помощи болгарскому восстанию

Букурещ

Брате Кубрате!

Не можем да ви изразим радостта, която ни причини писмото ви с днешна дата ¹. Ний вече оценяваме вашата деятелности и най-късно след 5—6 дни ще ви дойдем с достатъчните и добре въоръжените отсамни чети на помощ. Вий непрестанно трябва всичко да ни съобщавате верно по бърз начин.

Тоз час като ви пиша, телеграфите гръмнаха по цяла Европа ².

Панайот войвода с две хиляди пушки и юнаци са гот[ов]и. А Филип Тотю войвода е тука, който най-малко с 500 души след 5—6 дни най-късно ще бъде преминал в Българско.

Руският военен капитан ³, който преплавал бе Дунава по муха-рабето от Русчук утре [ще пристигне ту]к. А депеша известиха таз вечер офицерите-българи в Русия, които с клетва се обещаха, да дойдат, щом избухне бунтът.

Ботйов пристигна тук и известията са добри из Русия.

Денят на преминуването на четите от тука ще ви се извести с особен човек 2 дни напред, за да бъдете готови да ги посрещнете. Вий трябва [да наредите] всичките си хора да тръгват, защото Филип войвода казва, че няма нужда да го посрещнат от[срещни] чети, н[о] всеки случай ний ще ви известим, за [да] дадете кураж на войниците.

Казваме ви, че Филип няма нужда за посрещане, защото ако имате чета цяла, тя не трябва да стои да чака, но нека ходи. Ако ли има няколко хора, те нека бъдат готови, за да се съединят с тукашните чети, преминуването на които ще ви известим, както ви казахме по-горе.

Ний втори прокламации ще направим и ще ги пратим с четите. Сутре ще ви купим телескоп, защото сега всред нощ не можем да купим, но сутре ще купим и у други ден ще го приемете рано.

Като се надеем за новости, здравейте:

БРК в Букурещ[щ]

НБВК—БИА, ф. 122, II В 171. Подлинник, написан симпатическими чернилами (текст поврежден).

1. Из Рушука сообщили в БЦРК (Бухарест), что восстание в Болгарии началось.
2. БЦРК сообщил по телеграфу европейским газетам о восстании.
3. Во время Крымской войны тринадцатилетний мальчик Райчо Николов переплыл Дунай, чтобы сообщить русским войскам в Румынии о намерениях турецкой армии. После этого Николов учился в русском военном училище. В 1875 г. он был уже капитаном.

1875 г. сентября 23. — Донесение русского консула в Адрианополе И. А. Иванова Н. П. Игнатьеву о конфискации турецкими властями оружия у болгарского населения г. Сливно

№ 37

В донесении своем от 19 сентября, № 83, доводя до сведения в[ашего] п[ревосходитель]ства о событиях в городе Сливно, вызвавших посылку туда отряда казаков¹ и редифов, я, не ручаясь за достоверность известия, хотя полученного мною из конака паши, сообщал, что будто бы в Сливно было произведено нападение на дом тамошнего мутесарифа и тюрьму. Из дальнейших сведений видно, что намерение в этом случае было признано за факт. Таким образом, оказывается теперь, что турецкое правительство получило донос, что будто бы христиане в г. Сливно и окрестностях вооружаются с целью произвести нападение на город и освободить находящихся в тамошней тюрьме. В то же самое время весьма точно указано было мутесарифу, в каких домах имеется оружие и порох. Получив это донесение, мутесариф сделал повальный обыск и действительно нашел немало оружия в домах многих христиан. Вследствие этого принята была общая мера отобрать у христиан оружие везде в тех краях.

Откуда вышел этот донос — неизвестно, но многие полагают, что известие дано было Сен-Клером, англо-польским авантюристом, проживающим в чифтликке между Сливно и Бургасом. Подтверждением этого может служить и то обстоятельство, что здешний английский вице-консул не раз уведомлял пашу, что будто бы на жителей Сливно особенно полагаться нельзя. В таком же духе были посланы корреспонденции и в газету «Levant — Herald»².

Как бы то ни было, турки вообще были донельзя встревожены, и тем более, что в то же самое время появилась, как говорят, значительная банда в Балканах около Казана (Котел)³. Немедленно же, кроме казаков, направлены были к Сливно и несколько редифов, проходивших первоначально в Ниш.

События эти вызвали значительное беспокойство в городах, близких к Балканам, и некоторые из здешних негоциантов, закупавших хлеб в Эски-Загре, Ени-Загре и Сливно, были у паши с просьбою объяснить им, нет ли опасности для них продолжать их торговые операции в тех странах. Хуршид-паша успокоил их, говоря, что собственно болгары спокойны, но что около Балкан появилось только несколько неблагонадежных людей, которые скоро, вероятно, будут схвачены.

Как бы то ни было, но, сколько я слышал, негоцианты отправили своим агентам приказание приостановить закупки на будущее время и отправить как можно скорее оттуда уже закупленное количество хлеба.

Турецкое правительство, основательно или нет, но особенно боится, чтобы не сделано было каких-либо повреждений в железной дороге* и дало строгие предписания в смысле охранения железного пути окружающим турецким влястям.

В заключение не могу не прибавить, что получение сведений делается несколько затруднительным. Тревожные слухи сильно распространяются здесь, но достоверные сведения можно иметь разве только от паши, что, конечно, далеко не всегда удобно.

С отличным почтением и т. д.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 24, лл. 14—15. Копия.

* Имеется в виду железнодорожная линия Адрианополь—Белово.

1. В начале 1854 г. польский эмигрант Михаил Чайка Чайковский (Садык-паша) сформировал с позволения султана конный казачий полк (казак-алай), в который вступили преимущественно поляки и болгары. Офицерский состав был в основном из польских офицеров, часть которых приняла ислам. В 1870 г. турецкое правительство посягнуло на славянский характер казак-алай, вследствие чего Чайковский отстранился от него. В 1872 г. Чайковский уехал в Россию. Совершенно отуреченный, казак-алай продолжал и далее свое существование. Он участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. После уничтожения главных сил казак-алай его остатки были расформированы по различным другим конным частям.

2. «The Levant Herald» — газета проанглийского направления, издававшаяся в Константинополе в 1873—1877 гг.

3. О такой чете, появившейся около с. Градец, Котленской околии, говорится в газете «Знаме» от 7 сентября 1875 г., стр. 103.

№ 46

1875 г. сентября 23 *. — Прошение группы одесских жителей Н. И. Бухарину о разрешении организовать комитет для сбора средств в пользу герцеговинцев, пострадавших от турецких репрессий

Повсеместно в России проявилось сочувствие несчастным жертвам печальных герцеговинских событий, выброшенным бедственным стечением обстоятельств на чужбину без крова и всяких средств существования. Глубоко сочувствуя этому истинно христианскому движению, охватившему из конца в конец наше отечество, мы предположили устроить комитет для сбора пожертвований с указанной целью. Поэтому честь имеем просить ваше превосходительство разрешить нам устройство означенного комитета как для сбора приношений по подписным листам, так и по другим законом дозволенным способам в пользу герцеговинских семейств, пострадавших от восстания.

Александр Авенариус, Андрей Лазич, Савелий Гойкович, Александр Гернет, С. Южакон,¹ Д. Авдиев, Вл. Масер, В. Шо[. . .]**, Евмен Гаруецкий, Георгий Афанасьев

ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 1, д. 950, л. 10 и об. Подлинник.

№ 47

1875 г. сентября 25. — Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини о рекомендации дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству воздержаться от выступления против Турции

№ 47

Belgrade

Monsieur le baron!

Le lendemain de la reception des ordres que votre excellence avait bien voulu me faire transmettre à la date du 20 courant, je me mis en rapport avec mes collègues d'Autriche-Hongrie et d'Allemagne pour nous concerter sur le mode de la démarche collective auprès du gouvernement princier¹.

---

* Дата установлена на основании других документов, хранящихся в деле.

** Подпись неразборчива.

Le prince de Wrède et le baron de Saurma, qui avaient déjà reçu des instructions analogues, me proposèrent de se réunir chez moi pour rédiger la déclaration prescrite. Nous y fûmes rejoints par nos collègues de France et d'Italie qui avaient également reçu par la voie télégraphique l'invitation de leurs gouvernements d'appuyer en cette circonstance les démarches que les représentants des trois puissances du nord jugeraient opportunes. Quant à celui d'Angleterre, faute d'instructions ad hoc, il dut s'abstenir de toute participation à notre action commune.

Nous tombâmes facilement d'accord sur le texte ci-joint et mes collègues décidèrent en outre que c'était à moi, comme au plus ancien des agents des cours impériales, que revenait le droit d'en donner lecture.

Le cabinet Ristitch étant tombé * depuis la veille et la formation d'un nouveau ministère pouvant traîner en longueur, nous ne voulûmes pas différer davantage cette communication qui pouvait exercer une si salutaire influence sur les prochaines décisions de la Scoupstchina et nous fixâmes pour le lendemain, 24 septembre, l'heure à laquelle nous nous réunirions tous au ministère princier des affaires étrangères.

La lecture de la déclaration y fut faite à mr Pavlovitch, chef de section et gérant provisoire de ce ministère, qui en prie séance tenante une copie.

Pour en prévenir toute interprétation équivoque de la part des hommes d'état serbes, nous avons jugé utile de faire suivre cette lecture par quelques explications verbales, dont mr Pavlovitch prit également des notes pour l'information du future ministère. Nous lui avons fait observer, que le passage de bandes armées du territoire serbe sur celui de la Turquie serait considéré par cette dernière comme acte d'agression. Qu'une trop grande agglomération de troupes sur les frontières pourrait fournir à la Porte un prétexte de se dire attaquée, d'autant plus qu'un pareil déploiement de forces militaires de la part de la Serbie ne saurait plus être motivé depuis les assurances si formelles du gouvernement ottoman qu'il n'avait guère l'intention d'attaquer la principauté.

Quant à la garde des frontières, nous avons émis l'opinion que les milices des districts limitrophes pourraient être parfaitement suffisantes pour ce service.

Enfin nous avons jugé utile de conseiller au gouvernement princier de révoquer l'ordre de «marschbereitschaft» ** publié par le ministère précédent et qui se trouvait en pleine contradiction avec l'attitude que nous recommandons si chaudement à la Serbie dans son propre intérêt.

Ce jour même tous les membres de l'assemblée furent reçus par son altesse. Le prince leur donna lecture de la déclaration que nous venions de faire à son gouvernement dans le courant de la matinée, en y ajoutant nos observations explicatives, et les interpellant ensuite chacun séparément, il se mit à les faire voter en sa présence pour ou contre la guerre: quatorze seulement, sur les quatre-vingt-dix, se prononcèrent pour l'action. Les réunissant alors en un seul groupe, le prince leur dit en riant «Vous voyez bien mes amis qu'il n'y a pas moyen de lutter contre une majorité semblable. Pour ma part je vous promets que le jour où les circonstances nous seront plus favorables et que l'exigeront les vrais intérêts de la Serbie, je serai le premier à me mettre à votre tête».

Ces paroles furent accueillies par des acclamations unanimes de toute l'assistance qui quitta ensuite le palais à une heure déjà fort avancée de la soirée.

Désormais rassuré sur ses rapports avec les représentants de son peuple il reste encore au prince Milan la tâche bien ardue de pourvoir à la formation

* Имеется в виду первое «министерство действия» (см. прим. 2 к док. 21, прим. 4 к док. 33, прим. 1 к док. 34).

** Готовность к выступлению (нем.).

d'un nouveau cabinet et quoique ses diverses recherches dans ce but soient restées jusqu'à ce moment presque entièrement stériles, il a au moins obtenu de la part du député Garachanine, qui jouit à l'assemblée d'une influence prépondérante, les promesses les plus formelles de prêter son appui à tout nouveau ministère auquel son altesse jugerait opportun d'accorder sa confiance.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le baron, de votre excellence le très humble et obéissant serviteur.

A. Kartzow

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 265, л. 209—211. Подлинник.

П р и л о ж е н и е

1875 г. сентября 24 (октября 6). — Коллективное заявление дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству

Belgrade

Les représentants d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, de France, d'Italie et de Russie, puissances signataires du traité de Paris et garantes de l'autonomie de la Serbie, sont chargés de recommander vivement au gouvernement princier, dans l'intérêt même du pays, de s'abstenir de toute mesure pouvant fournir à la Porte un prétexte pour se dire attaquée, et de déclarer que ces puissances se verraient dans l'impossibilité de se prévaloir du traité de 1856 pour préserver la principauté d'une occupation turque, si le gouvernement serbe se livrait à des actes agressifs contre la Porte.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 265, л. 212. Копия.

Перевод

Белград

Господин барон!

На следующий день после получения распоряжений, которые ваше превосходительство соблаговолило мне передать 20 сентября, я снесся с моими немецким и австро-венгерским коллегами, чтобы договориться о форме коллективного демарша княжескому правительству¹.

Князь Вреде и барон Заурма, получившие уже аналогичные инструкции, предложили встретиться у меня, чтобы составить указанное заявление. К нам присоединились наши французский и итальянский коллеги, также получившие по телеграфу предложение своих правительств поддержать при данных обстоятельствах демарш, который три северные державы найдут уместным. Что же касается представителя Англии, то он должен был воздержаться от участия в нашем совместном действии за отсутствием соответствующих инструкций.

Мы быстро пришли к соглашению по тексту, приложенному ниже; мои коллеги, кроме того, решили, что мне, как наиболее старому представителю императорских дворов, принадлежит право огласить его.

Кабинет Ристича пал накануне, а формирование нового министерства может затянуться надолго; мы поэтому не хотели откладывать далее этого заявления, которое могло бы оказать благотворное влияние на ближайшее решение Скупщины. Мы назначали на следующий день, 24 сентября, час, когда мы все соберемся в княжеском Министерстве иностранных дел.

Заявление было зачитано в министерстве г-ну Павловичу, руководителю отделения и временному управляющему министерства, который принял копию во время приема.

Чтобы предупредить всякие сомнительные запросы со стороны сербских государственных деятелей, мы сочли полезным дать несколько устных объяснений во время чтения заявления, которые г-н Павлович также принял к сведению для сообщения новому министерству.

Мы заметили ему, что переход вооруженных отрядов с территории Сербии на территорию Турции будет рассматриваться последней как агрессивный акт. Слишком большое скопление войск на границах может дать предлог Порте для заявления о том, что она атакована, тем более что подобная демонстрация военных сил со стороны Сербии не может быть обоснована после категорических заявлений оттоманского правительства, что оно совершенно не намерено напасть на княжество.

Что же касается охраны границы, мы высказали предположение, что милиции пограничных районов было бы вполне достаточно для этой службы.

Наконец, мы сочли полезным посоветовать княжескому правительству отменить приказ о «боевой готовности», опубликованный предыдущим министерством, что находитсся в полном противоречии с поведением, так настойчиво рекомендованным нами Сербии в ее собственных интересах.

В тот же день все члены Скупщины были приняты его высочеством во дворце. Князь зачитал заявление, сделанное нами утром, прибавив наши объяснения, и, требуя ответа затем от каждого отдельно, заставил их проголосовать в своем присутствии за или против войны: только 14 из 90 присутствующих депутатов высказались «за». Собрав меньшинство, князь сказал, улыбаясь: «Вы видите, друзья мои, что нет средств бороться против подобного большинства. Со своей стороны я вам обещаю, что в день, когда обстоятельства будут более благоприятны для нас и этого потребуют настоящие интересы Сербии, я первый встану во главе вас».

Эти слова были восприняты единодушными возгласами одобрения присутствующих, которые покинули дворец уже поздно вечером.

Отныне, уверенный в своих отношениях с представителями народа, князь Милан стоит перед еще довольно трудной задачей — сформировать новый кабинет; и хотя его поиски в этом направлении до сих пор почти бесплодны, он по крайней мере добился со стороны депутата Гарашанина определенного обещания поддержать во всем то новое министерство, которому его высочество сочтет нужным оказать доверие.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господа барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Карцов
Приложение.
Белград

Представители Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и России, держав, подписавших Парижский трактат, гарантов автономии Сербии, уполномочены настойчиво рекомендовать княжескому правительству воздержаться в интересах страны от всех мер, которые могли бы дать Порте предлог объявить, что она атакована; им также поручено заявить, что, если сербское правительство допустит агрессивные действия против Порты, они не смогут использовать трактат 1856 г. в целях предохранения княжества от турецкой оккупации.

1. В связи с восстанием в Боснии и Герцеговине в Сербии и Черногории возникло движение за оказание помощи повстанцам. Выступление двух фактически уже совершенно не зависимых от Порты славянских государств на помощь повстанцам означало бы углубление кризиса на Балканах. Исходя из совершенно разных побуждений, правительства России, Австро-Венгрии и Германии решили предупредить сербское правительство, что в случае объявления войны Турции оно останется без поддержки великих держав. Австро-Венгрия хотела таким образом помешать Сербии стать центром борьбы против Турции и помешать присоединению Боснии и Герцеговины к Сербии и Черногории. Германия поддерживала Австро-Венгрию в ее балканской политике.

Русское правительство придерживалось примирительной политики и стремилось к локализации конфликта (см. прим. 2 к док. 6).

К позиции трех держав примкнули правительства Франции и Италии.

1875 г. сентября 27. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву об арестах болгар в Рушукѣ, Шумлѣ и Тырнове и об отношеши къ восстанію митрополита Григорія

№ 331

Турецкое правительство, кажется, известно, наконец, о замыслах партии действия, потому что начинает разыскивать ее членов. Так, в Рушукѣ полиція приходила уже дважды в полночь арестовать в собственном доме некоего Тихова *¹ (19 лет), успевшего скрыться. Подозрение полиціи основывается на том, что двое братьев его убиты в 1867 году в чете Хаджи Димитара². В Тырново приказано было по телеграфу арестовать Иванчо Бакарджиева** (23 лет), и так как он тоже успел скрыться, то на лавки его наложен секвестр. Этот молодой чорбаджий не ладил с турками. В Шумлѣ арестовано³, по словам г-на Даскалова, до 20 человек, потому, вероятно, что власти, со слов белго-нидерландскаго консула ad honores*** Кличена считают Шумлу еще с зимней драки**** центром «комитета».

Так как, впрочем, начало этих арестов совпадает с возвращением преосв[ященнаго] Григорія из епархіи, то молодежь в этом совпадении, вероятно случайном, видит новое подтверждение своего мнѣнія о Рушукском владыке*****. Как ни досадно сознаться в этом, однако же мнѣние молодежи кажется на этот раз имеющим основание. Преосвященный Григорій немедленно по прибытіи своем вызвал к себе в Рушук и заарестовал в митрополиі двух священников с Червеной воды, одного учителя Томо***** оттуда же и священника Нового села*****, которых он расспрашивал о заговоре. Священник Нового села уже отпущен владыкой, и полагают, что он именно выдал ему замыслы патриотов и на основании сих сообщеній, переданных пр[еосвященным] Григоріем намъ, производятся теперь аресты. Два остальных священника и учитель и доселе еще допрашиваются в митрополиі. Это не нравится уже всем, так что один из членов здешней болгарской общины — Маринович — протестовал в глаза митрополиту против неуместности его вмешательства в дела полицейскіе, на что были такіе мастера и охотники греческіе деспоты. Преосвященный отвечал, что он задерживает людей по духовному делу.

Я не могу утверждать, что у преосв[ященнаго] Григорія есть точно, как говорят патриоты, охота быть более турком, чем сами турки. Зная евангеліе, он знает, конечно, лучше другого, что афоризм: «пусть лучше один умрет за народ, нежели весь народ погибнет, ибо иначе римляне разорят наше место», — ведет к весьма плачевнымъ послѣдствіямъ слѣдующихъ ему архіереевъ и к более верной гибели народ, если он идет заодно с ними. Преосвященный Григорій бесспорно умный человек, и потому советовать ему я ничего не буду, тем более, что мне приятно думать, что патриоты и здѣсь ошибаются. Преосвященный, может быть, желает лишь показать туркамъ свою бдительность и деятельность и никому не сделаетъ зла,

* Никола Обретенев.

** Иван Хаджидимитров, успевшій после подавленія восстанія эмигрировать в Румынію.

*** Почетнаго (лат.).

**** См. прим. 9 к док. 41.

***** См. док. 41.

***** Тома Кырджиев.

***** Поп Мартин.

никого не выдаст на муки или смерть, не нашедши ничего; правительственные же аресты, как, по-видимому, ни трудно объяснить их одновременность с возвращением владыки в Рушук случайностью, могут вытекать из других причин — именно из чрезвычайной медленности партии действия и ее обширности, что вместе взятое никак не может гарантировать бесконечного соблюдения тайны.

Однако же партия патриотов все еще не отказалась от своих замыслов. Я писал уже вашему пр[евосходительств]ву об исчезновении молодых людей из Рушука. То же самое происходит в Шумле и Варне, по свидетельству г. Даскалова. Бежавших в последнее время в Балканы насчитывают там до 40 человек, с которыми вместе ушел в качестве предводителя и один священник Ганчо.

Генеральное консульство продолжает советовать болгарам, особенно ввиду вновь предлагаемых правительством облегчений⁴, спокойствие и умеренность. Но народ относится холодно и недоверчиво к турецким обещаниям.

Однако, может быть, что ввиду бездействия [и] доселе Сербии и Черногории и особенно ввиду наступающей зимы спокойствие и не будет нарушено в Болгарии. Если, впрочем, аресты будут продолжаться, то мудрено рассчитывать на это: гораздо лучше для молодежи умирать с оружием, убивши несколько турок, чем гнить в турецких тюрьмах и каторге. Я опасаясь, что власти своим неумением загонят молодежь в открытое восстание и этим самым снимут с болгар всякую ответственность за него. Побег особенно усилился после арестов и неблагоприятие последних свидетельствуется этим вполне.

С глубочайшим почтением и т. д.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 769, лл. 102 об. — 104. Копия.

1. Н. Обретенев успел скрыться благодаря содействию драгомана русского консульства в Рушук Д. Карамихайлова (Карамихалев) и своей матери, известной под именем бабы Тонки Обретеневой, и переправиться в Румынию (62, стр. 230—235).

2. Действительно, в отряде Хаджи Димитра и Стефана Караджи, который действовал в Болгарии в июле 1868 г., а не, как указано здесь ошибочно, в 1867 г., участвовали Ангел и Петр Обретеневы. Петр был убит, а Ангел был пойман и заточен в крепость Сеп-Жан д'Акр (Сирия), откуда был выпущен после освобождения Болгарии (62, стр. 90—108).

3. Аресты были совершены в связи с организацией в Шумле отряда, который был рассеян турками около г. Преслава (более подробные сведения об этом отряде см. док. 50, а также 62, стр. 228—230; 25, стр. 45—57).

4. 27 сентября 1875 г. в болгарских газетах было опубликовано ираде от 20 сентября, которое отменяло четвертую часть десятины со всех сельскохозяйственных продуктов; прощались все недоимки по податям до 1872—1873 гг.; общины получали право иметь своих представителей в административных советах областей; каждый год областные советы (меджлисы) должны были посылать представителей в столицу для информации правительства о нуждах населения. Кроме того, в ираде содержалось обещание назначить специальных чиновников и контролеров для правильного распределения налогов, провести налоговые реформы и преобразовать жандармерию (ср. 14, стр. 82).

№ 49

1875 г. сентября 29. — Отношение управляющего III отделением А. Ф. Шульца начальнику Московского губернского жандармского управления И. Л. Слезкину об агитации среди студентов Московского университета за участие в Герцеговинском восстании

№ 3925

Совершенно секретно

Милостивый государь Иван Львович!

Получены сведения, что будто бы студенты Московского университета из уроженцев южных славянских земель подстрекают своих товарищей по университету к принятию участия в Герцеговинском восстании.

Имею честь покорнейше просить ваше пр[евосходительст]во приказать проверить эти сведения, разузнать, если возможно, кто такие помянутые подстрекатели и о последующем почтить меня уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] А. Шульц

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, л. 9. Заверенная копия.

№ 50

1875 г. сентября 30. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву об арестах среди болгарской молодежи в г. Шумле

№ 332

В дополнение к предшествовавшему донесению моему * не излишним считаю почтительнейше донести вашему пр[евосходительст]ву о некоторых обстоятельствах, коими сопровождалась совершенные турецкими властями аресты в Шумле, как то видно из донесений генеральному консульству г-на Даскалова за № 46 и 47 от 20 и 26 сего истекающего сентября.

Первыми были арестованы запиями 19 числа трое молодых болгар в хану с. Преславы в 4 часах от Шумлы, при коих было по револьверу. Хотя юноши и не сопротивлялись запиям, тем не менее были представлены в Шумлу властям как повстанцы и, несмотря на объяснения, что они прибыли в Преславу для закупки у поселян фасоли, заперты были в тюрьму. Затем арестовано было более 20 других болгар из города и селений, преимущественно между людьми, учившимися и зажиточными в возрасте от 18 до 20 лет. Аресты эти вызвали бегство многих в Балканы ¹.

Преосвященный Варно-Преславский, узнав об обстоятельствах ареста трех первых юношей, послал своего уполномоченного в конак с ходатайством об освобождении их из темницы за его поручительством, но получил в ответ, что «ручающийся за злодеев делается сам их соучастником». Это так огорчило преосвященного Симеона, что он слег в постель ².

Шумлинские арестованные, по слухам, подвергаются по ночам пыткам. Я слишком хорошо знаю турок для того, чтобы не придавать этим

* См. док. 48.

слухам значения, и столько, напротив, уверен в справедливости их, что могу за оную поручиться пред вашим пр[евосходительст]вом.

С глубочайшим почтением и т. д.

Р. С. Пресвященный Григорий освободил лиц, коих задерживал в митрополии.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 769, лл. 104—105. Копия.

1. Эти аресты были произведены в связи с попыткой революционного комитета в г. Шумле организовать отряд повстанцев и направить его на юг, к Старой Планине. Здесь Шумлинская чета должна была соединиться с повстанцами из района Котел и Сливен. Это было предусмотрено составленным Болгарским центральным революционным комитетом планом восстания в Болгарии, которое должно было начаться с 16 на 17 сентября 1875 г.

Еще вечером 14 сентября к Старой Планине отправилась одна группа шумлинской молодежи с возом оружия и снаряжения. Вечером следующего дня вышла вторая группа. Ядро четы направилось на Балканы 16 сентября и, не связавшись с первой группой, прибыло в Котел. Здесь члены четы узнали, что БЦРК отдал приказ не начинать восстания, и разошлись.

Тем временем, 17 сентября, турецкие власти получили сообщение, что южнее Шумлы замечены вооруженные люди. В с. Драгоево, близ Преслава, в тот же день (а не 19 сентября, как в документе) было схвачено трое шумлинских юношей, а в Преславе — один. После их допроса было задержано много юношей и членов революционного комитета (25, стр. 45—57; 53, стр. 231—259).

2. Митрополит Симеон, хотя и не одобрял революционной деятельности, выступил за освобождение арестованных. Еще до того он предупредил двух наиболее активных членов революционного комитета, что им угрожает арест, благодаря чему они смогли скрыться и покинуть город.

№ 51

*1875 г. октября 1. — Решение собрания членов БЦРК
об отправке в Болгарию воеводы Ф. Тотю и С. Стамболова
для руководства восстанием*

№ 1

Букуреш

Въстанието в Българско се парализирало от нямане на войводи. Понеже г-н Пан[айот] Хитйов не премина в определеното време в Българско и понеже остана излъган в убеждението си, че ще му помогнат сърбите, следователно и той сам по неизвестни нам причини отлага и сега преминуването си отсреща*.

Понеже Стамболов и Н. Обретенов ни явиха, че без войводи не е възможно да се повдигне бунтът и затова са дошли нарочно, то ние, събраните, решихме със съгласието на Ф. Тотя да отиде Ф. Тотю със Стамболова и други няколко техни момци в Българско и ако сполучат, със съчувствието на народа да прогласят бунта. За тая цел се определиха 100 лири, които ще се съберат от Гюргево, Александрия и Т. Магурели.

Ф. Тотю, С. Стамболов, Д. И. Горов, И. Т. Драсов, Г. Боснев,
П. Енчев, Г. Стойчев, Д. Ценов[ич], Н. А. Славков, Илия
П. Йованович, И. Ив. Драгостинов, Н. Т. Обретенов

НБВК — БИА, ф. 80, II A 7344. Подлинник.

* В Болгарию.

1875 г. октября 2 (14). — Донесение Н. П. Игнатъева
Александрѹ II о поражении Старозагорского восстания

Buyucdéré

Sire!

Conformément à mes prévisions le mouvement projeté en Bulgarie a complètement échoué¹. Les chefs ne se sont pas trouvés sur les lieux le jour du rendez-vous. Deux petites échauffourées ont cependant éclaté à Eskizar et dans les Balcans². Quelques uns des jeunes gens, qui y prenaient part, ont été arrêtés. Le reste s'est dispersé. Des arrestations, faites par les autorités locales ont jeté la terreur dans la population bulgare.

J'ai fait comprendre à Mahmoud-pacha qu'il était dans l'intérêt de la Turquie d'attribuer le moins d'importance possible à ces incidents et de ne pas en faire retomber la responsabilité sur les notables bulgares paisibles³, ce qui ne pourrait qu'augmenter l'agitation des esprits. Il a complètement abondé dans mon sens. Grâce à lui les autorités ottomanes recevront des ordres qui ne leur permettrons pas, je l'espère, de profiter des circonstances actuelles pour accentuer les persécutions, dont l'élément slave n'est malheureusement que trop souvent victime en Turquie.

Je suis avec le plus profond dévouement, sire, de votre majesté impériale le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiw

Помета о получении документа: Livadie, le 7 octobre 1875.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, лл. 314—314 об. Подлинник.

Перевод

Буюкдере

Государы!

Как я и предвидел, восстание, предполагавшееся в Болгарии, полностью потерпело поражение¹. Руководителей не оказалось на местах в назначенный день. Две небольшие стычки произошли в Эски-Загре и на Балканах². Несколько молодых людей, участвовавших в них, арестованы. Остальные разбежались. Аресты, произведенные местными властями, напугали болгарское население.

Я дал понять Махмуд-паше, что в интересах Турции придавать как можно меньше значения этим происшествиям и не возлагать ответственности за эти инциденты на миролюбивых болгарских нотаблей³, так как это может лишь увеличить волнение. Он полностью со мной согласился. Благодаря ему оттоманские власти получают приказ, который, я надеюсь, не разрешит им использовать нынешние обстоятельства для усиления преследований, жертвами которых, к несчастью, в Турции очень часто бывает славянское население.

С глубочайшим почтением, государы, имею честь быть вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

П. Игнатъев

Помета о получении документа: Ливадия, 7 октября 1875 г.

1. Игнатъев мог предвидеть, что восстание в Болгарии окончится неудачей, поскольку он имел сведения о подготовке его из донесений русских консулов в Европейской Турции. Некоторые организаторы восстания сами раскрывали свои секреты русским дипломатическим чиновникам. Так, русский вице-консул в Варне беседовал с организатором восстания в северо-западной Болгарии Н. Обретеновым, который изложил ему весь план БЦРК (см. его донесение русскому консулу в Русуке И. П. Крылову — 62, стр. 208—209).

2. Восстание в Болгарии осенью 1875 г. вспыхнуло в трех главных пунктах: в Шумле, Старой Загоре и с. Червена вода, близ Руцкука. Раньше других, еще 14 сентября, начали действовать шумлинцы (о шумлинской чете см. прим. 1 к док. 50). Революционно настроенная молодежь из г. Руцук и окрестных сел, прождав несколько дней подхода из Румынии болгарской четы, после ареста руководителя революционного комитета в с. Червена вода Тома Кырджиева сформировала 21 сентября 1875 г. повстанческий отряд, отправившийся на юг к Старой Планине. Проблуждав несколько дней, повстанцы поняли, что в г. Горна Оряховица и Тырново восстание не началось, и разошлись. Воевода этой четы был захвачен в одном селе и убит местными турками.

В Старой Загоре с 16 на 17 сентября согласно плану несколько человек вышло за город, чтобы соединиться с повстанцами из деревень и совместно атаковать город. Остальные участники ждали сигнала — поджога конака. Предварительно извещенный вечером (старозагорскими чорбаджиями?), уездный начальник стал охранять все улицы и сделал невозможными действия в городе. Сосредоточенные в различных местах отряды, не имевшие между собой связи, отошли. Образовалось только две четы под руководством Г. Икономова и Руси Бакурджия, которые также разошлись после столкновения с башибузуками, потеряв несколько человек. Восстание не смогло приобрести более широких размеров вследствие того, что времени для подготовки было мало, из-за слабой организационной работы уполномоченных БЦРК, вследствие нехватки оружия и того, что в Болгарию не перешли четы, сформированные из болгарских эмигрантов в Румынии. Кроме того, в последний момент революционный комитет в г. Тырново, который играл роль центрального комитета в Болгарии, учитывая слабую подготовку восстания, известил по телеграфу о переносе восстания на более поздний срок (62, стр. 206—230; 83).

3. «Нотаблями», т. е. знатными людьми, Игнатъев называет, по-видимому, чорбаджиев, которые зачастую действовали вместе с турецкой администрацией.

№ 53

1875 г. октября 4. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатъеву о революционных настроениях в Болгарии и продолжающихся арестах болгарских патриотов

№ 340

Аресты продолжаютя. В Руцкуке арестован учитель с. Червеной воды Томо *, о коем я имел честь писать за № 331 **, и 5 человек поселян того же селения, работавших в городе на железнодорожной фабрике. В Тырнове, по достоверным сведениям, арестовано 12 человек, в Шумле около 100 человек ***. Все эти люди молодые, учителя и ученики, едва кончившие курс учения в болгарских школах. Всех арестованных отправляют после непродолжительного, но *строгого* допроса в местах ареста в Эски-Захру, куда, по слухам, прибыл для произведения следствия Митхад-паша ¹ и где будто бы открыто гнездо обширного заговора. Носится слух, что один из арестованных уже повешен им и будто это Бакарджиев ². Я не верю последнему.

Замечательно, что аресты не производят на патриотов никакого тягелого впечатления: целая Болгария, по их словам, ждет лишь благоприятного случая, чтобы подняться массой хоть сейчас же, особенно если последние турецкие обещания останутся, как все здесь ожидают, «черными буквами на белой бумаге» ****. Такой задор основывается конечно, на преувеличении, но, по моему скромному мнению, последние аресты и розыски повредят лишь турецкому правительству и раздражат народ, который в достаточной мере уже понял, что он был доселе лишь

* Тома Кырджиев. См. док. 48 и прим. 2 к док. 52.

** См. док. 48.

*** См. прим. 1 к док. 50.

**** См. прим. 4 к док. 48.

по своему смирению рабом у жестокого господина-неуча, окончательно одряхлевшего и разорившегося. Вышло это сознание из более и более разливающегося просвещения между болгарами и из сопоставления их с турками, кои упорно продолжают быть невеждами и средневековыми фанатиками.

Дело поэтому не в каком-либо частном заговоре, а в сознании целым пробужденным народом своей силы, с одной стороны, слабости турок и попрании ими всяких человеческих прав, с другой. Произведение же следствия едва ли приведет турок к чему-либо хорошему, так как невозможно же сослать всех болгар в Диарбекир³. Благоразумнее поэтому было бы для правительства задобрить болгарский народ проведением в жизненную практику вновь подтвержденных прав, не обнаруживать дурно настроенного для турок сознания народом своего положения и даровать полную амнистию даже тем, которые томятся еще в диарбекирских и других тюрьмах, тем более, что большая часть их сослана без юридических улик и просто по подозрению или, как не постыдился выразиться еще прошлым летом рущукский уголовный суд по делу греков и других, потому, «что физиономия такого-то ясно доказывает, что он бунтовщик высшей категории».

Не лишним считаю присовокупить, что ни от кого более не услышишь слова осуждения арестованным юношам, как это было недавно в Русуке во времена Митхада-паши⁴, когда многие зажиточные люди и особенно чорбаджи не стыдились открыто называть патриотов «злодейцами». Теперь же во всех слоях народа⁵ — сознание, что дело приносящих себя в жертву юношей — дело святое и народное. Жалеют об их участи, но радуются, что они своими страданиями пробуждают и усиливают чувство народное.

Недалеко, кажется, действительно время, когда встанет, как один человек, вся Болгария. А пока все спрашивают себя, что же значит новый праде⁶? Не только нет амнистии восставшим по причинам, достаточность коих признана самим правительством, но, напротив, хватают людей, фактически еще не восставших. Полагают, что местные власти не хотят руководствоваться новыми предписаниями потому, вероятно, что они получили секретное предписание действовать по-старому.

По слухам, Хитова нет больше в Болгарии. Он переправился опять в Сербию и хлопочет о вооружении на ее средства 2000 болгар, прося в то же время свободного пропуска через границу в свое отечество. Ему будто бы не отказывают ни в том, ни в другом, но с тем, чтобы он отправился в Боснию, на что Панайот не согласен⁷.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 769, лл. 108—109. Копия.

1. Мидхат-паша не был послан для ведения следствия в Старой Загоре.

2. Руси Бақырджия, один из руководителей повстанцев в Старой Загоре, был убит в сражении.

3. В г. Диарбекире, на р. Тигре, в Курдистане, отбывали заключение, в особенности после 1860 г., болгарские революционные деятели, захваченные и осужденные турецкими властями (40, стр. 563).

4. Речь идет о времени губернаторства Мидхата-паши в Дунайском вилайете (1864—1868).

5. Крылов, очевидно, преувеличивает степень единства болгарского народа по вопросу о революционных методах действия. Как и прежде, в этот период болгарские чорбаджи и болгарская крупная буржуазия в районах к югу от Дуная были решительными противниками революции и всячески предавали движение.

6. Имеется в виду праде от 20 сентября и 30 октября 1875 г. о снижении налогов, равноправии христиан с мусульманами в судах и улучшении административного управления. И этот указ остался лишь на бумаге.

7. Панайот Хитов, назначенный главнокомандующим повстанцами внутри страны, не прибыл в Болгарию из Сербии. Это было одной из причин поражения сентябрьского восстания 1875 г. в Болгарии. Белградское правительство, не будучи в состоянии само выступить против Турции, сознательно задерживало Хитова в Белграде (34, стр. 448).

№ 54

1875 г. октября 11. — Корреспонденция газеты «Вперед!»
«Из Сербии» *

Белград:

Мы уже давно обещали послать отсюда корреспонденцию, в которой было бы обрисовано настоящее положение дел в Герцеговине. Причиной тому, что мы так долго не исполняли своего обещания, было просто неимение времени; так сильно мы были заняты своими внутренними делами. Теперь, когда многие запутанные отношения сделались ясными, мы можем точнее описать, что делалось и что делается.

Отчаянная борьба, которая ведется в Герцеговине и Боснии, не есть борьба религиозная, не есть борьба национальная. Это война, которую ведет раб в экономическом и политическом смысле против своих вековых тиранов и неумолимых эксплуататоров. Следы средневекового феодализма и по сих пор свято хранятся в восставших странах. Те из сербских феодалов времени Душана, которые согласились принять магометанское вероисповедание, удержали свои поместья и с ними своих крепостных. Но в этих восставших провинциях, особенно в Боснии, к помещикам-эксплуататорам присоединились и турки-тираны. Сохранение в некоторой степени этих феодальных отношений, может быть, и было главной причиной того, что теперь восставшие страны не начали своей борьбы за освобождение в начале нынешнего столетия, когда вела войну за освобождение нынешняя Сербия, в которой было незначительное количество помещиков из настоящих турок, а не из потомков старых сербских феодальных семейств. Главный угнетатель Сербии был турок; в восставших странах это — помещик-серб и турок-солдат.

Что нынешняя борьба не есть проявление религиозного фанатизма, доказывается тем, что между восставшими найдете и мусульман, и православных, и католиков, и протестантов. Все они восстали против помещиков-эксплуататоров и турок-солдат, против своих злейших врагов. Стало быть, то, что вы говорили в одном из прежних номеров, т. е. будто борьба восставших имеет причиной религиозный фанатизм, было основано на совершенно неверных фактах. Что это также не есть национальная борьба, доказывается следующим фактом; помещики-душители, это — сербы, потомки средневековых феодалов. Народ, как крепостной, должен несколько дней в неделю работать на помещика-спахию, серба-мусульманина. Если райя не хотел исполнять эту обязанность, турецкое войско заставляло его силой работать на помещика. Кроме того, помещики берут у казны податной сбор на откуп и затем высасывают из народа сколько возможно больше податей. В этом опять им помогает войско.

Из этого, мне кажется, ясно видно, что причину взрыва в Боснии и Герцеговине составляет экономический быт населения, быт, для поддержания которого служат турецкое войско и турецкие суды. Райя там не имеет никакого права. Он абсолютный раб. Поэтому, когда раб осво-

* См. ниже примечание редакции газеты «Вперед!».

бождается от своих душителей-помещиков и военных и судейских тиранов, разве можно говорить, что это война религиозная и национальная? разве это не настоящая социально-революционная борьба, борьба за освобождение политическое и в то же время за освобождение экономическое?

В самом деле, тут есть элементы для социальной революции; тут самая плодотворная почва для осуществления социально-революционных идей; тут легче всего, после политического устройства, устроить экономические отношения, базисом которых служил бы общественно-полезный труд и которые были бы связаны солидарностью, основанною на братской любви. Тут легче, чем где бы то ни было, положить основание общинному землевладению, усвоить принцип обработки земли сообща, тем более, что все эти учреждения не чужды сербскому народу вообще. Чем больше социалистов явится на поле битвы, тем скорее можно надеяться на полное освобождение народа¹. Тогда нельзя ожидать, что угнетение одного рода только заменится мучением другого рода.

Что социалисты-революционеры, настоящие друзья народа, имели бы большое влияние на ход дела, доказывается еще тем, что между отрядами нет никакой централизации, между разными вождами нет никакой солидарности. Любичич, агент сербского правительства, и Вукотич, агент черногорского, имеют разные цели — подчинение освободившегося народа один — одному, другой — другому князю. Поэтому их влияние так ничтожно, что они не могут рассчитывать ни на какой успех. Многие же отряды приготовлены, ждут только хорошего предводителя, который был бы настоящим другом народа. Дело было бы выиграно в нашу пользу.

Все это голые факты, говорящие не только, что тут совершается социальная революция, но и что тут возможно полное осуществление тех идей, к которым стремится человечество и на которых возможно устроить самые справедливые отношения.

Вскоре пришло вам подробные известия о делах в Сербии и некоторые дополнения о делах в восставших странах. Теперь только скажу, что пало «ратоборное» министерство*, ибо сам наш дуралей-князек не желает войны. Образовалось новое министерство² под президентством бывшего президента Народного собрания. Оно было первое министерство, письменно изложившее свою программу. Обещает оно полную свободу печати без всякого закона о печати, свободу договоров и публичных сделок, обеспечение личности, радикальные реформы в экономическом отношении, в финансах, просвещении, путях сообщения, в военном и судейских делах. Много наобещало. Посмотрим — что будет. Посмотрим, хотя мы не верим никакому бюрократическому обещанию.

Примечание редакции газеты «Вперед!»

Мы помещаем эту корреспонденцию без изменений, охотно предоставляя нашим сербским друзьям-социалистам³ высказать свой взгляд на борьбу в Боснии и Герцеговине.

Мы очень желали бы верить им; желали бы, чтобы факты доказали нам нашу ошибку; но — убедиться не можем. Что экономическое бедствие лежало в основании происшедшего восстания, мы в этом не сомневались и не сомневаемся, но мы никак не можем допустить, чтобы *теперь* шла борьба во имя социальной революции, когда сам наш корреспондент указывает на агентов разных честолюбивых

* Т. е. первое «министерство действия», возглавлявшееся Степой Михайловичем (см. прим. 2 к док. 21, прим. 4 к док. 33 и прим. 1 к док. 34).

князьков, как на стоящих во главе отрядов; когда банкиры и крупные собственники вооружают эти отряды и посылают им пособия; когда, наконец, русское императорское правительство, дозволив в продолжение нескольких недель своей покорной прессе кричать в пользу боснийских революционеров и своему запуганному обществу собирать для них деньги, теперь уже, в лице Игнатьева, официально приступило к султану с заявлениями в пользу все тех же революционеров.

Нет, мы не можем отделаться от уверенности, что наши сербские друзья увлекаются и ошибаются. Конечно, их увлечение в настоящую минуту весьма понятно. Мы не станем теперь против него и спорить, не станем им приводить факты, свидетельствующие против них. Повторяем: мы желали бы, чтобы ошибка была действительно с нашей стороны. Пока мы выскажем еще раз совет, уже раз высказанный: среди фатальной борьбы, увлекающей югославянские племена, продолжать пропаганду социально-революционных убеждений, чтобы не заглохли брошенные уже семена и чтобы они могли вырасти при более благоприятных условиях. Ред[акция].

«Вперед!», 15 (3) ноября 1875 г., Лондон, стр. 671—672.

1. Многие сербские социалисты приняли активное участие в Боснийско-герцеговинском восстании. Главный социалистический штаб находился в Хорватской Костайнице. Руководящую роль в нем играл Васо Пелагич. Социалистический центр в Костайнице прекратил свое существование в конце лета 1876 г., после того, как во второй половине июня 1876 г. австрийскими властями был арестован и интернирован Васо Пелагич.

2. Имеется в виду министерство во главе с представителем молодых либералов Любомиром Кальевичем, явившимся в период министерства С. Михайловича председателем Скушщины. Оно пришло к власти 26 сентября 1875 г. Премьер-министр Кальевич занимал в кабинете и пост министра внутренних дел, полковник Тихомил Николич возглавлял военное ведомство. Новое министерство было результатом компромисса между представителями молодых либералов и молодых консерваторов. Оно продержалось у власти шесть месяцев. Правительством было принят ряд законов, в том числе об устройстве общины и др.; 16 октября подписан закон о сербском внутреннем займе в соответствии с «тайными постановлениями» Скушщины.

3. Зарождение социалистического движения в Сербии относится к началу 70-х годов XIX в. Зачинателем и идейным вождем его был Светозар Маркович — выдающийся общественный и политический деятель Сербии, революционный демократ, социалист-утопист. Начало социалистическому движению в Сербии было положено выходом 1 июня 1871 г. социалистической газеты «Раденик» (Работник), издававшейся в 1871—1872 гг.

В 70-х годах XIX в. под идейным воздействием С. Марковича, кроме «Раденика», находился ряд других газет и журналов социалистического направления. Наиболее активное участие в издании и редактировании социалистической печати в 70-х годах, помимо С. Марковича, принимали Пера Тодорович и Лаза Пачу.

Социалистическое движение в Сербии формировалось и развивалось в условиях отсталой в политическом отношении страны, где еще не было пролетариата. Его опорой являлись разоряющиеся крестьянские массы и ремесленники.

Помимо внутренних условий, игравших определяющую роль, большое влияние на сербское социалистическое движение оказало международное социалистическое движение той поры — различные течения европейского мелкобуржуазного утопического социализма и особенно идеи Н. Г. Чернышевского в России. Связи русского и сербского социалистического движения той поры были особенно тесными.

Среди социалистических деятелей наиболее известны: Мита Ценич, Пера Велимир-рович, Степа Миличевич, Никола Пашич, Пера Тодорович, Лаза Пачу, Пован Жуевич, Андра Николич и др. Большинство их (кроме Ценича) после смерти С. Марковича (в феврале 1875 г.) отошло от социалистического движения, положив начало сербской радикальной партии, не имевшей ничего общего с социалистическим учением Светозара Марковича. В данной корреспонденции оценка сербскими социалистами готовящейся войны сделана в духе идей С. Марковича.

№ 55

1875 г. октября 13. — Письмо И. П. Корнилова вятскому губернатору В. И. Чарыкову о содействии сбору средств в пользу беженцев из Боснии и Герцеговины *

№ 238

Милостивый государь Валерий Иванович!

С.-Петербургский отдел получил разрешение правительства на сбор в пользу несчастных славянских семейств, пострадавших от восстания в Боснии и Герцеговине и укрывшихся в Сербском княжестве и в Черногории.

Собираемые суммы отдел препровождает в Министерство иностранных дел, которое, имея постоянные и верные сведения о местах наиболее нуждающихся в пособиях, посылает означенные суммы в распоряжение наших консулов.

В видах скорейшей материальной помощи бедствующему славянскому населению, отдел имеет честь обратиться к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою оказать сочувственное содействие к сбору пожертвований в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине.

Поступившие к в[ашему] пр[евосходительст]ву пожертвования благоволите высылать в СПб. отдел Славянского благотворительного комитета в помещении импер[аторского] географического общества, у Чернышева моста, в доме Министерства народного просвещения.

Примите уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности, с коими имею честь быть вашим покорнейшим слугою

Ив. Корнилов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 25 и об. Копия.

№ 56

1875 г. октября 13 (25). — Донесение А. И. Нелидова Александру II об арестах болгарских патриотов и усилении антитурецких настроений в Болгарии

№ 298

Buycudéré

Sire!

Les nombreuses arrestations qui ont été opérées en Bulgarie, loin de calmer l'agitation, n'ont fait qu'augmenter l'irritation des habitants, généralement fort paisibles, de cette province. Au dire du gérant de notre consulat général à Roustchouk **, même les vieux tchorbadjie, habituellement hostiles aux folles entreprises des jeunes patriotes exaltés ***, se montreraient cette fois sympathiques aux victimes de la dernière échauffourée. De leur côté les autorités ottomanes de l'endroit semblent avoir été effrayées par les dispositions du peuple.

J'ai cru devoir signaler à la Porte l'urgence d'y appliquer au plus vite des réformes pour détacher, s'il en est temps encore à l'aide d'avantages pratiques, les gens raisonnables des entreprises hasardées du parti avancé ****.

* Аналогичные письма за № 239—262 были отправлены всем губернаторам России (см. это же дело).

** И. П. Крылов, см. док. 53.

*** Членов болгарских революционных комитетов.

**** Партии «молодых», подготавливавшей новое восстание.

Le grand vizir a, en effet, expédié sur les lieux quelques fonctionnaires de confiance, chargés de faire des enquêtes et de lui rendre compte du véritable état des choses.

Il me revient que les turcs ont, au moyen des dernières arrestations, saisi une quantité considérable d'armes, qui avaient été préparées pour le mouvement projeté. Malgré cela, si de sensibles améliorations dans l'administration locale ne viennent pas calmer l'excitation des esprits en Bulgarie, il faudrait s'attendre à ce que de nouveaux troubles y éclateraient aussitôt que le mouvement herzégovinien aurait entraîné la Serbie et le Monténégro.

Je suis avec respect, sire, de votre majesté impériale le très humble et très fidèle sujet

Nélidow

Помета о получении документа: Livadie, le 17 octobre 1875.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, лл. 393—395. Подлинник.

*Перевод
Буюкдере*

Государь!

Многочисленные аресты, произведенные в Болгарии, далеко не успокоили волнение, а лишь увеличили возмущение жителей этой провинции, обычно очень мирных. По словам управляющего нашим генеральным консульством в Рупцуке, даже старые чорбаджи, обычно враждебные безумным действиям молодых пылких патриотов, на этот раз высказали сочувствие жертвам последнего столкновения. Со своей стороны оттоманские власти местечка, кажется, были напуганы настроением населения.

Я счел своим долгом указать Порте на необходимость, если есть еще для этого время, проведения здесь как можно скорее реформ, чтобы при помощи разумных мер изолировать благоразумных людей от рискованных затей революционной партии.

Великий визирь действительно послал на места нескольких доверенных чиновников, поручив им произвести расследование и представить ему отчет о настоящем положении вещей.

Мне помнится, что турки во время последних арестов захватили большое количество оружия, приготовленного для предполагаемого восстания. Несмотря на это, если значительное улучшение в местном управлении не успокоит возбуждение умов, то надо ожидать, что новое волнение вспыхнет здесь, как только герцеговинское движение захватит Сербию и Черногорию.

С глубочайшим почтением, государь, имею честь быть вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Нелидов

Помета о получении документа: Ливадия, 17 октября 1875.

№ 57

1875 г. октября 14 (26). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини об успешных действиях повстанцев в Герцеговине

№ 211

Raguse

Monsieur le baron!

L'affaire de Zoubtzi du 10/22 courant, dont j'ai eu déjà l'honneur de transmettre la nouvelle par télégraphe, fut depuis le commencement de l'insurrection peut être la première où les troupes turques avaient attaquées

les chrétiens dans le but stratégique. Jusqu'ici c'étaient plutôt les chrétiens qui attaquaient les turcs en les surprenant en marches ou lorsqu'ils convoyaient les vivres.

Nous avons aujourd'hui la certitude que cette affaire a été plus que malheureuse pour les turcs.

Les détachements de Peko Pavlow * et de Lubibratic, après avoir été un peu partout pendant ce dernier mois, entre Klek, Stolatz et Trébigné, se concertèrent déjà depuis une quinzaine de jours dans les environs de Zoubtzi. Les turcs très nombreux alors à Trébigné (11 bataillons du nizam) n'entreprenaient rien contre eux — leurs exploits se sont bornés à faire une promenade militaire à Popovo Polé, district pacifique, où Chefket-pacha fit décapiter les sept individus inoffensifs en mettant en fuite tout le district; de plus Server-pacha fit publier la dépêche mensongère de la défaite complète des insurgés à Zoubtzi alors qu'on ne s'y battit même pas.

Peko, dont les forces montaient cependant jusqu'à plus de 1000 hommes se tenait à Zoubtzi précisément dans le but d'attirer les turcs sur lui. Comme ces derniers ne venaient pas, il fit bombarder le 9/21 courant le fortin de Préseka, qui flanque la forteresse de Grabe, avec un canon qu'il s'est procuré je ne sais plus comment. Il attendait que les turcs, toujours insoucieux, viendraient en masse pour débloquer le fortin et donneraient sans défiance dans une embuscade, un détachement des insurgés radant autour de Bilec devait alors fermer la retraite. Il espérait de cette manière anéantir quelques bataillons turcs et reprendre aussitôt, fort de ce succès, la campagne active en Herzégovine.

Les calculs de Peko n'ont réussi qu'à moitié. Hussein-pacha vint effectivement avec trois bataillons et deux batteries faire cesser le bombardement de Préseka. Le corps de Lubibratic l'a rencontré en face en feignant d'abord de se retirer pour attirer le pacha plus avant dans les défilés. Après deux heures de fusillade avec ce corps, pendant lesquelles Hussein-pacha avançait peu à peu, il a été tout d'un coup attaqué de flanc par Peko. Cette attaque menée avec l'impétuosité habituelle à ce chef, attaque qui devint bientôt une lutte à arme blanche, détermina la déroute générale des turcs.

Ils ont été persécutés jusqu'au village de Cicevo où le corps venant de la direction de Bilec devait précisément leur fermer le passage, mais ce corps n'étant pas venu et les turcs ont pu se sauver et sauver leurs canons. Les turcs sont ainsi revenu à Trébigné.

L'affaire a été plus que brillante pour les chrétiens. Ils n'ont pas même tous donné — un détachement devait surveiller pendant le combat la forteresse de Grabe afin d'empêcher une sortie de sa garnison, — ainsi dans ce combat même les insurgés étaient à peine 800 hommes. Ils ont perdu 5 tués et 17 blessés; les turcs ont eu plus de 150 morts et autant peut-être de blessés — c'est absolument vrai, bien que paraissant invraisemblable.

Cette affaire est peut-être la plus importante pendant cette insurrection, après cependant l'affaire Ravno, dans le district de Gatzko, entre le chef des insurgés Socitza et Selim-pacha. Les affaires de Klek et de Glavsky-dol, n'étaient pas aussi importantes.

Les turcs paraissent être très affectés de cette défaite. Le consul général ottoman à Raguse Danich-effendi invita hier chez lui quelques correspondants de journaux pour les prier de ne pas publier la nouvelle, en leur faisant voir une lettre, venue soi disant de Trébigné où les pertes des chrétiens étaient évaluées à 232 morts. A quoi profite ce travestissement de la vérité — il ne peut être destiné qu'à dérouter la bourse.

---

* *Здесь ошибочо Pavlow вместо Pavlovitch.*

Les nouvelles récentes manquent de l'intérieur de l'Herzégovine. Nous savons seulement que Socitza est de nouveau de retour à Gatzko de son expédition dans le district bosniaque de Fotcha, où il a eu positivement beaucoup de succès. On dit que ce chef se dirige aussi du côté de la Dalmatie dans l'intention de s'unir avec Peko et se mettre avec ce dernier sur les communications des turcs avec la mer. Les détachements de Maxim Batschevic et de Djouro Radan dominant toujours le centre de l'Herzégovine. Dans la direction de Piva, sur la Tara, les petits combats ont lieu tous les jours. Nous n'avons pas de nouvelles précises sur l'insurrection du nord de la Narenta — elle ne paraît être sérieuse, mais elle y existe.

Il y a une dizaine de jours les troupes de nizam à Berani (côté de l'Albanie) ont aussi attaqué le pays des wassoevicis, mais tout aussi malheureusement qu'à Zoubtzi — ils ont du battre en retraite après avoir perdu beaucoup de monde.

Je crois, monsieur le baron, pouvoir garantir l'exactitude de mes renseignements sur les faits militaires de l'insurrection, que je ne me hazarde de rapporter à votre excellence qu'après avoir obtenu la certitude de connaître la vérité, ce qui fait que bien souvent je suis en retard sur les nouvelles données par journaux.

Avec le plus profond respect, j'ai l'honneur d'être, monsieur le baron, de votre excellence le très humble serviteur

A. Ionine

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 747, лл. 302—304. Подлинник.

Перевод

Рагуза

Господин барон!

Сражение в районе Зубцов 10 (22) октября, о котором я уже имел честь сообщить по телеграфу, было с самого начала восстания, может быть, первым, когда турецкие войска атаквали христиан в стратегических целях. До сих пор скорее христиане нападали на турок во время марша или сопровождения обоза.

Теперь мы уверены, что это сражение для турок было более чем неудачным.

Отряды Пеко Павловича и Любibrатича, рассеянные в течение этого последнего месяца повсюду между Клеком, Столацем и Требишье, соединились в окрестностях Зубцов две недели тому назад. Турки, имевшие тогда большое количество войска в Требишье (11 батальонов), ничего не предприняли против них — их подвиги ограничились военной прогулкой в Попово поле, мирный район, где Шефкет-паша обезглавил семь безоружных жителей, обратив в бегство весь район; более того, Сервер-паша опубликовал лживую депешу о полном поражении повстанцев в Зубцах, в то время как там даже не было сражения.

Пеко, силы которого насчитывали между тем более тысячи человек, оставался в Зубцах как раз с целью отвлечь на себя турок. Так как турки не появились, он бомбардировал 9 (21) октября форт Пресека, прикрывающий Грабскую крепость, из пушки, которую он добыл неизвестно как. Он ожидал, что турки, всегда беззаботные придут в большом количестве, чтобы снять осаду с форта и попадут в засаду; один из отрядов повстанцев, расположившийся вокруг Билеча, должен был тогда отрезать им отступление. Он надеялся таким образом уничтожить несколько турецких батальонов и в случае удачи тотчас же предпринять активное наступление в Герцеговине.

Расчеты Пеко оправдались лишь наполовину. Гусейн-паша действительно пришел с тремя батальонами и двумя батареями и заставил прекратить бомбардировку Пресеки. Отряд Любibrатича встретил его сначала и делал вид, что отступает, старался увлечь пашу дальше в ущелье. После двухчасовой перестрелки с этим отрядом, во время которой Гусейн-паша продвигался понемногу вперед, он] был внезапно с фланга

атакован Пекой. Эта атака, проведенная со стремительностью, характерной для этого военачальника, атака, ставшая скорее рукопашным боем, предопределила полное поражение турок. Их преследовали до деревни Чичево, где войска, идущие от Билеча, должны были как раз закрыть им проход, но отряд этот не пришел, и турки смогли спастись и сберечь свои пушки. Таким образом турки вернулись в Требинье.

Сражение было более чем блестящим для христиан. Они даже не все в нем принимали участие — один отряд во время сражения должен был следить за Грабской крепостью, чтобы помешать выходу ее гарнизона, так что в битве участвовало едва ли 800 повстанцев. Они потеряли 5 человек убитыми и 17 ранеными, потери турок — более 150 убитыми и, может быть, столько же ранеными, — это абсолютно верно, хотя и кажется невероятным.

После сражения у Равно в районе Гацко между вождем повстанцев Сочицей и Селим-пашой это сражение было, может быть, наиболее важным за время восстания. Сражения у Клека и Главинского дола около Требинья хотя и явились весьма пагубными для турок, но не были столь значительными.

Турки, кажется, были очень огорчены этим поражением. Оттоманский генеральный консул в Рагузе Даниш-эфенди пригласил вчера вечером к себе несколько корреспондентов газет, чтобы попросить их не публиковать сообщения, показав им письмо, прибывшее якобы из Требинья, в котором потери повстанцев исчислялись 232 убитыми. Это извращение правды сделано лишь для того, чтобы дезориентировать биржу.

Новых сведений из внутренних районов Герцеговины не поступает. Нам известно только, что Сочица вернулся опять в Гацко из своего похода в район Фочи, в Боснии, где он положительно достиг большого успеха. Говорят, что Сочица идет со стороны Далмации с намерением соединиться с Пекой и вместе с ним напасть на турецкие коммуникации с моря. Отряды Максима Бачевича и Джуро Радана господствуют в центре Герцеговины. В направлении Пивы, на Таре, небольшие сражения происходят каждый день. Мы не имеем точных сведений о восстании к северу от Наренты. Оно несерьезно, но является фактом.

12 дней тому назад войска низам в Берани (со стороны Албании) атаквали вассоевичи, но так же неудачно, как и в Зубцах; они должны были отступить, понеся большие потери.

Я думаю, господин барон, что могу гарантировать достоверность моих сообщений о военных событиях восстания, их я осмеливаюсь посылать вашему превосходительству, лишь вполне убедившись в их правдивости, — вот почему я часто запаздываю по сравнению с новостями, напечатанными в газетах.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин барон, вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Ионин

№ 58

1875 г. октября 14. — Письмо председательницы дамского отделения Московского славянского комитета [А. Н. Стрекаловой] о деятельности отделения по оказанию помощи беженцам из Боснии и Герцеговины *

Москва

Милостивая государыня Анна Ивановна!

Ввиду ужасных бедствий, постигших в настоящее время многочисленные христианские семейства в Герцеговине, Боснии и Старой Сербии, Дамское отделение Славянского комитета¹ образовало из своей среды особую комиссию для сбора пожертвований в пользу пострадавших. В каждой части города избирается дама-попечительница, заведующая

* Адресат установить не удалось.

этим сбором, общее распоряжение которым предоставляется соединенному комитету, составленному из попечительниц. Сбор производится дамами у себя на дому, о чем делаются в газетах публикации; кроме того, сотрудники-попечительницы могут для сбора объезжать своих знакомых, известные магазины, станции железных дорог в часы отправления и прибытия поездов, а также вечера и собрания в клубах. Вне сего дамы-попечительницы приглашают себе в помощь сочувствующих делу лиц и о деятельности этих лиц, равно как и собранных ими пожертвованиях, доводят до сведения комитета. Ввиду потребности в белье, одежде и тому подобных принадлежностях домашнего обихода для семейств, укрывшихся из опустошенных смутуо стран в Сербию, Черногорию и Далмацию, открывается также сбор подобных пожертвований.

В своем предварительном заседании Дамский комитет постановил просить вас о принятии звания попечительницы по Рогожской части. В падежде, что вы не откажетесь принять участие в столь благом деле, комитет просит вас покорнейше почтить его уведомлением о том.

Председательница Дамского комитета.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 322, лл. 11—12. Копия.

1. Дамское отделение комитета, созданное в 1870 г., имело своей задачей воспитание южнославянских девиц в различных учебных заведениях России с целью подготовки из них народных учительниц, принимало также активное участие в сборах пожертвований для бедствующих славян Балканского полуострова (28, стр. 108; 29, стр. 531).

№ 59

1875 г. октября 20. — Расписка председательницы сербского общества «Женско друштво»¹ Е. Миловука о получении денег для раненых от Болгарского человеколюбивого настоятельства

Београд

Потписана примила сам пет стотина динара од Човекољубивог бугарског одбора у Букурешту за рањенике наше браће усташа у Босни и Херцеговини.

Кат. Миловука

НБВК—БИА, ф. 5, д. 6, л. 27. Автограф. Печать: Женско друштво.

1. «Женско друштво» (Женское общество) — патриотическая организация сербских женщин, возникшая в Белграде вскоре после начала Боснийско-герцеговинского восстания для оказания помощи жертвам восстания. Председателем общества являлась Екатерина Миловука (док. 70, 407).

№ 60

1875 г. октября 20 (ноября 1). — Донесение Н. П. Игнатъева Александру II о напряженном положении в Болгарии в связи с усилением репрессий турецких властей

№ 303

Péra

Sire!

Les arrestations en Bulgarie mentionnées dans le très respectueux rapport du conseiller d'état Nélidow sub № 298* ont continué sur une très large

* См. док. 56.

échelle. On dit que plus de 2.000 personnes auraient déjà été enfermées sous prévention de participation à la prétendue conspiration*.

Mahmoud-pacha a ressenti l'inconvénient de cet abus de pouvoir. Il a expédié sur les lieux Salim-effendi, ci-devant chef des postes et télégraphes, accompagné d'un notable Yargaki-effendi, pour étudier l'état des choses à Choumla et Rustchouk et le général Ahmed-pacha à Eski-Zagra, où ont été opérées les principales arrestations.

Simultanément, le gouverneur général d'Andrinople Khourchid-pacha et le gouverneur de Philippopolis — Tossoun-pacha ont été remplacés, le premier par Omer-Fevzi-pacha, ci-devant valy de Salonique, le second par le gouverneur de Chypre — Aziz-pacha, qui a toujours entretenu les meilleures relations avec l'ambassade de votre majesté impériale.

Le sultan a envoyé de son côté un aide-de-camp en Bulgarie pour se renseigner sur la situation de cette province. On dit que plusieurs centaines de détenus ont déjà été relâchés à la suite de cette intervention directe de l'autorité centrale.

Ce qui est fâcheux, c'est la disposition alarmée des populations chrétiennes et musulmanes, défiantes à l'égard l'une de l'autre. Des bruits de massacres des musulmanes, qui auraient été projeté par les conjurés bulgares, ont provoqué l'armement en masse des premiers, que l'on accuse maintenant à leur tour de vouloir se défaire de tous les chrétiens. La panique a été si grande à Choumla, que les étrangers résidant dans cette ville, étaient sur le point de renvoyer leurs familles et se sont adressés à l'autorité locale pour demander sa protection.

A Andrinople, le gouverneur s'est vu obligé d'afficher des placards pour rassurer les habitants et les appeler à la concorde. On espère que le nouveau valy remédiera à cet état des choses. Mais ce sont tout de même des symptômes inquiétants que j'ai cru de mon devoir de porter très humblement à la connaissance de votre majesté impériale.

Je suis avec le plus profond dévouement, sire, de votre
majesté impériale, le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

Помета о получении документа: Livadie, le 26 octobre 1875.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 28, лл. 437—439. Подлинник.

Перевод

Пера

Государы!

Аресты в Болгарии, упоминаемые в почтительнейшем донесении государственного советника Нелидова за № 298, продолжаются в широких масштабах. Говорят, что более 2 тыс. человек уже заключено по подозрению в причастности к мнимому заговору.

Махмуд-паша испытывает затруднения от этого превышения власти. Он отправил на место происшествия бывшего начальника почт и телеграфа Салим-эфенди, сопровождаемого именитым болгариним Яргак-эфенди, для выяснения положения в Шумле и Руцук и генерала Ахмед-пашу в Эски-Загру, где были произведены основные аресты.

Одновременно генерал-губернатор Адрианополя Хуршид-паша и губернатор Филиппополя Тосун-паша были заменены: первый — Омер-Февзи-пашой, бывшим вали Салоник, человеком очень энергичным, второй — губернатором Кипра Азиз-пашой, который всегда поддерживал наилучшие отношения с посольством вашего императорского величества.

Султан со своей стороны отправил адъютанта в Болгарию, чтобы быть осведомленным о положении в этой провинции. Говорят, что несколько сотен заключенных уже освобождено после этого непосредственного вмешательства властей.

* См. док. 50, 52, 53.

Досадным является тревожное настроение христианского и мусульманского населения, недоверчивого по отношению друг к другу. Слухи о резне мусульман, которая якобы предполагается со стороны болгарских заговорщиков, вызвали массовое вооружение первых. Последние в свою очередь обвиняют в желании разгромить христиан. Паника в Шумле была так велика, что иностранцы, живущие в этом городе, готовы были отослать свои семьи и обратились к местным властям с просьбой о покровительстве.

В Адрианополе губернатор был вынужден вывесить объявление для успокоения жителей и призвать их к согласию. Надеются, что новый вали устранил это положение вещей. Но это все-таки тревожные симптомы, о которых я считаю своим долгом покорнейше довести до сведения вашего императорского величества.

С глубочайшим почтением имею честь быть, государь, вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Н. Игнатьев

Помета о получении документа: Ливадия, 26 октября 1875.

№ 61

*1875 г. октября 21. — Письмо начальника III отделения
А. Л. Потапова А. Г. Жомини о запрещении славянским
комитетами обращаться за поддержкой к земствам*

№ 155

Ливадия

Секретно

Милостивый государь барон Александр Генрихович!

До сведения его императорского величества доведено, что С.-Петербургский отдел Славянского комитета производит весьма усиленную и неуместную агитацию и что в заседании своем 12 сего октября отдел после весьма страстных прений сделал постановление обратиться ко всем земствам империи с воззванием, чтобы возбудить в них сочувствие к страждущей братии под игом мусульманским и подать помощь *борющимся* за независимость, и что хотя председатель отдела тайный советник Корнилов употреблял все усилия, чтобы не дать состояться столь незаконному постановлению, но вопрос был разрешен утвердительно огромным большинством.

Государь император вследствие сего высочайше повелеть мне соизволил: сообщить об этом вашему высокопре[восходительст]ву для принятия мер, чтобы поименованное неуместное постановление не было приведено в исполнение и чтобы были приняты меры к обузданию незаконных и неуместных действий отдела.

Покорнейше прошу ваше в[ысоко]пр[евосходительст]во принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подпис[ал] Александр Потапов

ЦГИА М, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, л. 19 и об. Заверенная копия.

№ 62

1875 г. октября 26. — Письмо члена Московского славянского комитета Н. Н. Дурново секретарю Московского славянского комитета Н. А. Попову о сборе пожертвований и отправке добровольцев в Герцеговину

Милостивый государь Нил Александрович!

Будьте так добры известить, когда отправить в Дамское отделение (к А. Н. Стрекаловой) вещи, собранные на сербском подворье¹ и кто их будет упаковывать. Вещей собрано довольно.

Регент Лебедев передал программу С. П. Яковлеву, она составлена из 8 номеров, в том числе «слава» Кириллу и Мефодию. На мой взгляд следует предоставить дать концерт Лебедеву, ввиду того, что он первый предложил дать концерт и к тому же без всяких для себя выгод. Хор его состоит из 115 чел. и уже более м[еся]ца готовится к концерту. Я полагаю, что и народу на его концерт можно ожидать более ввиду того, что будут исполнены пиесы сербских композиторов.

Сегодня я видел одного кавказского отставного офицера, прибывшего в Москву, чтобы отправиться в Герцеговину драться с турками. Он собрал 15 человек, с которыми и намерен через две недели оставить Москву. Я его послал к Измайлову, ввиду того, что он тоже занимается набором молодых людей. Этот кавказский офицер — человек мужественный, высокого роста, кавалер двух орденов (за отличие) желал бы еще подобрать человек 15, чтобы с отрядом из 30 чел. двинуться на турок. Завтра он будет у И. С. Аксакова, так как сегодня не застал его дома. Пособия он не просит и набирает молодых людей на свой счет.

Примите уверение в совершенном уважении к вам

Н. Дурново

ОР ГБЛ, ф. 239, к. 8, д. 32. Автограф.

1. Сербское церковное представительство, открытое в Москве при храме св. Кира и Иоанна по ходатайству сербского митрополита и Московского славянского комитета (29, стр. 531—532).

№ 63

1875 г. октября 28 (ноября 9). — Донесение А. С. Ионина А. А. Мельникову о распределении поступивших в русское консульство в Рагузе средств для помощи герцеговинским беженцам и о нуждах беженцев

№ 260

Рагуза

Милостивый государь Александр Александрович!

Считаю долгом донести вашему превосходительству об употреблении денег, присланных до сих пор в консульство в Рагузе для вспомоществования жертвам Герцеговинского восстания, а также о деятельности Цетинского комитета * под председательством митрополита Ил[л]ариона, который доставил мне в последнее время подробные сведения, приславши ко мне архимандрита Любишу, ректора семинарии и члена комитета, чтобы согласиться со мной касательно дальнейшего употребления по-

* См. прим. 7 к док. 17.

лучаемых мною денег, а также денег, получаемых непосредственно комитетом.

При этом я имею честь препроводить как последнее письмо ко мне митрополита, так и 47 № газеты «Глас Цри[о]Горца»¹, в котором опубликованы как полученные Цетинским комитетом деньги, так и суммы, до сих пор им употребленные и на какие предметы². Здесь должно заметить, что деньги на Цетинье переводят на счет австрийскими гульденами звонкою монетою, что теперь на бумажные деньги стоит приблизительно один звонкий гульден по 112 крейцеров кредитными.

Прежде всего спешу известить о полученных мною суммах, считая на австрийские кредитные гульденны.

От комитета раненых 10 тыс. руб. серебром, размененные на 15 245 гульденов		
От газеты «Голос» 15 333 руб. серебром, размененных частью		
и частью еще не размененных, всего	22 950	»
От Московского славянского комитета чрез г. И. С. Аксакова	22 390	»
Из Вены по телеграфу еще неизвестно от кого	8 772	»
Правление Ландварово-Роменской дороги 300 руб. серебром	450	»
Газета «Новости» 440 руб. серебром	660	»
Некто г. Данчич 15 руб. серебром	22	»
Сербский митрополит Михаил	1 000	»
Из Петрозаводска от неизвестного 55 руб. серебром	82	»
От Петерб[ургского] славянского комитета Z 134, 1f3 ^θ еще		
не разменен, приблизительно	1 530	»
<hr/>		
Всего	73 101 *	»
Из них выдано:		
Митрополиту Черногорскому	16 868	»
idem 874 1/2 нап[олеон]дора приблизит[ельно]	7 870	»
idem 100 руб. серебром	150	»
<hr/>		
Всего	24 888	»
В Дамский комитет в Рагузе переданы присланные митрополитом Михаилом	1 000	»
Веселитскому-Божидаровичу выданы деньги, полученные от газеты «Голос» и других, пересылаемые с требованием передать ему. Всего 13 005 руб. серебром приблиз[ительно]	19 500	»
Употреблено на почтовые расходы по получении всех денег	101 гульденов	
	35 [крейцеров]	
<hr/>		
Всего	45 489 гульденов	
	35 крейцеров	

Остальные деньги еще находятся в кассе консульства.

Что же касается до употребления их, то, во-первых, ваше превосходительство изволите усмотреть из приложенного письма и газеты, куда они употреблялись Цетинским комитетом, хотя в газете еще не могло быть объявлено о получении последних посланных мною сумм, около 15 тыс. гульденов. Кроме того, по просьбе комитета я заказал здесь на 2 тыс. гульденов сухарей и все потребное для пяти наскоро устраиваемых в Черногории (в Грахове, Жупе, Шавнице, Андриевце и на Цетинью) для ра-

* Итоговая цифра в документе ошибочно указана 73 900.

ненных. Именно, 250 матрацов, 1 тыс. рубашек, 1 тыс. штук исподнего платья, 1 тыс. простынь и 500 одеял. Сколько это будет стоить, я еще не знаю, ибо счета не были еще мне представлены, но думаю, около 7 тыс. гульденов.

Г. Веселитский, который занимается лично раздачей денег в Далмации, а также покупкой и заказом вещей первой необходимости как для бежавших в Далмацию, так и для Черногории, публикует печатно о своей деятельности, хотя до сих пор еще не мог представить полного отчета, ибо главные суммы, переданные в его распоряжение, еще не израсходованы и находятся еще в кассе консульства до востребования (около 20 тыс. гульденов). Но до сих пор мне известно, что деньгами он лично роздал в Слано и Оссойнике вновь бежавшим из Попова поля до 2150 гульденов, в Рагузе и Кастель-Ново до 300, в Метковиче 250 гульденов и затем приобрел и роздал в Рагузе, Слано и Метковиче 700 суконных одеял и 1050 рубашек, отправил в Черногорию 100 котлов, различного платья, корпии и перевязок на неизвестную сумму, ибо эти вещи присылались ему натурою. Кроме того, он заказал здесь и в Триесте для Черногории на 12 тыс. гульденов следующих материалов: на 4 тыс. гульденов сухарей, на 3 тыс. рубашек, на 2 тыс. сукна и на 3 тыс. гульденов котлов, иглол и ниток для шитья платья в самой Черногории. Все эти вещи еще или не готовы, или не высланы.

Что же касается дальнейших нужд и дальнейших наших действий, то я имею честь представить следующие данные.

В Черногории находилось, как явствует из официальных данных, до 23 октября 32 207 душ и более 250 раненых. Первая потребность, хлеб, выдается в Каттаро австрийским правительством, но выдается тем бежавшим в Черногорию, которые лично являются его получать. Кроме того, ожидается хлеб на пожертвованные государем императором 30 тыс. руб. и на другие незначительные суммы.

Но на деле оказывается, что это вспомоществование хлебом достигает своей цели только для 17 тыс. беглецов, находящихся в Грахове и в Катунской нахии, которые находятся не вдали от порта и куда хлеб может легко доставляться. Более же 15 тыс. изгнанников, находящихся в Брдах³, Вассоевичах и Дробняках⁴, решительно не в состоянии пользоваться этим хлебом — расстояние до Брд от Каттаро 7 дней езды на лошади в зимнее время, а иной раз и вовсе не бывает проезда вследствие снегов. Из этого вышло, что, дабы помочь бежавшим на первые дни, комитет Цетинский главный свой расход в 14 тыс. гульденов (всего он истратил до 23 октября — 7210) должен был сделать на покупку (4 тыс.) и на заказ (10 тыс. гульденов) хлеба немедленно потребного для Вассоевичей.

По сделанному комитетом расчету, ему нужно было бы в самом скором времени купить для наполнения уже организованных в Брдах магазинов до 50 тыс. стар хлеба (стоящих по меньшей мере 200 тыс. гульденов), достаточных, по расчету комитета, для прокормления пришлого народа в этих нахиях на 6 месяцев, имея в виду, что зимою количество этого народа, конечно, удвоится, ибо Герцеговина безжалостно и окончательно разоряется. Нужно было спешить покупать этот хлеб или у черногорцев Белопавичей, или в турецкой части Зеты⁵, пока это возможно. От черногорцев именно и куплено хлеба на 4 тыс. гульденов — весьма незначительное количество. В Зете собираются купить на 10 тыс. гульденов. Но все это составило бы ничтожный запас, и потому я нашел с архимандритом Любишей другой способ в возможно скором времени снабдить хлебом Брды, именно употребить денежные средства комитета только на перевозку хлеба из Каттаро, что составит во всяком случае значительную экономию, так как в Каттаро будет привезено до 15 тыс. стар хлеба из Одессы, и, кроме того, можно обратиться и к австр[ийскому] правительству, дабы

оно дозволило выдавать в Каттаро хлеб не только тем из бежавших герцеговинцев, которые находятся поблизости, в Грахове и в Катунской нахии, но и тем, которые приходили бы за хлебом и из далеких нахий Васоевичей и Дробняков.

Собственно говоря, приходиться за этим хлебом сами изгнанники из Васоевичей и Дробняков не могут — это семь дней расстояния и если у кого из них есть лошадь, то все-таки для возможности сделать это путешествие нужно было бы выдавать деньги отправляющемуся в Каттаро. Поэтому вся тяжесть перевозки хлеба должна пасть на правительство или на комитет, так как у правительства нет решительно никаких средств. Перевозка же из Каттаро в Брды 200 русских фунтов обходится не менее червонца. Таким образом, получая даровой хлеб, комитет будет платить за его перевозку в Брды черногорцам, которые могут его перевозить, или выдавать вспомоществование тем из бежавших, которые будут в состоянии, имея лошадей, отправляться за этим хлебом в Каттаро. Стар заключает около 125 русских фунтов.

Кроме того, если даже хлеб в зерне и будет в достаточном количестве собран в магазинах в Брдах, то и тогда это не было бы совершенной гарантией против временного голода. Зимой часто и этот хлеб нельзя будет перевезти в разные труппы Васоевичей и Дробняков, где, кроме того, средства для помола крайне скудны, а потому, чтобы не подвергнуть население таким случайностям, комитет решил приобрести возможное количество сухарей, дабы они, собранные в разных этих местностях, могли заменить хлеб в тех случаях, когда его нельзя будет достать в данную минуту или когда приходят вдруг и непредвиденным образом новые беглецы, которым немедленно нужно бывает помочь пропитанием.

Второй предмет расхода для комитета, на который потребна ему сумма в наличных деньгах, это — содержание, плата прислуге и продовольствие в госпиталях. Трата эта исчислена на 6 месяцев двумя медиками, посланными Австрию, в 35 тыс. гульденов, приблизительно (на 5 госпиталей, считая, что во всех будет постоянно не более 250 раненых). Трата эта весьма сократится, если будут доставлены в Черногорию нужные для госпиталей медикаменты и вещи.

Наконец, третий предмет, для которого нужны комитету наличные средства, — это выдача единовременных и небольших пособий деньгами. Но архимандрит Любиша говорит, что эта трата относительно может достигнуть только весьма умеренных размеров, что и видно также из обнародованного отчета комитета в «Глас Черногорца».

Необходима и велика потребность в снабжении самым бедным из бежавших — одежды, одеял, белья, часто обуви и котлов для варки пищи, в которых в Черногории ощущается страшный недостаток. Комитет желал бы, чтобы это все мы посылали ему натурой, так как заказы, сделанные им, стоят вообще дороже, причем происходит большая трата времени.

Комитет также просил меня озаботиться и снабжением его сухарями, которые можно заказывать или здесь, или в Триесте.

На основании всего вышеизложенного, мы согласились с архимандритом Любишею, что мы будем разделять приблизительно на две половины суммы, которые главным образом стекаются в императорское консульство. Половину я буду посылать наличными деньгами, а другую половину буду употреблять главным образом на заказы, во-первых, сухарей, а во-вторых, одежды, белья и посуды, причем белье нужно посылать сшитым, а для одежды достаточно посылать сукно в кусках, так как из него могут шивать одежду сами же бежавшие.

Таким образом, как я имел честь объяснить выше, мною немедленно было заказано на 2 тыс. гульденов сухарей, и все потребные вещи для го-

спиталей, стоимость которых будет, вероятно, между 6 и 7 тысячами гульденов. Затем останется в консульстве, принимая в соображение настоящее положение кассы, более 20 тые. гульденов, которыми я подожду еще распорядиться по следующему случаю.

Главная существенная потребность заключается в возможно большем количестве теплых одеял для беднейших беглецов. Покупать эти одеяла стоило бы довольно дорого на фабриках, но оказался другой источник — одеяла, уже отслужившие свой срок в австрийском интендантском ведомстве. Ввиду снабжения ими беглецов в Австрии, Военное министерство разрешило их продавать по 30 крейцеров за фунт в благотворительные комитеты в Австрии, помогающие герцеговинцам. Все количество этих одеял, находившихся в Далмации, закушено г. Веселитским, но я попробовал просить частным образом Военное министерство разрешения интендантствам в Граце, Триесте и Фиуме продать мне для тех же беглецов в Черногории и даже в Далмации находящееся там количество одеял, приблизительно до 50 тыс. фунтов. Я еще жду ответа. Если он будет удовлетворителен, то я на имеющиеся в консульстве суммы приобрету это количество одеял и буду ждать присылки других сумм, чтобы переслать еще возможно большее количество наличных денег на Цетинье, также крайне необходимых. Если же я получу отказ, то перешлю половину наличных сумм, имеющихся теперь в консульстве, в комитет, а на другую половину распоряжусь покупкою еще сухарей и одеял на какой-либо из фабрик Южной Австрии — только это будет крайне незначительное количество.

Вы изволите усмотреть из вышеизложенного возможно точные сведения о необходимом количестве вспомоществования, для того только, чтобы предохранить и беглецов, особенно в Черногории, и самую Черногорию от крайне невыносимого положения. Суммы на первый взгляд довольно значительные, которые были сюда доставлены от жертвователей в России, еще, как изволите видеть, далеко не достигают такой цифры, которая хоть немного могла бы обеспечить будущее.

Не сочтете ли ваше превосходительство изложенные здесь отчет и сведения сообщить в славянские благотворительные комитеты в Москве и С.-Петербурге, а также, если это удобоисполнимо, и в главные газеты, хотя бы в общих чертах, дабы жертвователи в России могли с точностью и положительно узнать об употреблении жертвуемых ими сумм и о нуждах, с которыми эти жертвователи и благотворительные общества могли бы сообразовать свою деятельность.

Очень многие суммы присылаются частными лицами на мое имя в консульство, очень многие обращаются ко мне с вопросами о нуждах и средствах им помочь, и мы нравственно обязаны поставить их в известность о нашей деятельности, которая в этом случае выходит из ряда официальных. Но делать этого отдельно в отношении каждого частного лица или общества невозможно, и потому мне казалось бы, что сообщения, делаемые Министерством, могли бы в этом случае заменить эти частные сношения.

В Черногории постоянно печатают отчеты как о получении, так и об употреблении денег в тамошней газете, но она мало читается, а еще, кроме того, беспрепятственный ввоз ее в Россию до сих пор не разрешен. Кроме того, эти публикации слишком кратки и не дают общего понятия о деле.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Ионин

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 748, лл. 14—19. Подлинник.

1. «Глас Црногорца» — официальный правительственный орган Черногории, начал издаваться в Цетинье с 1873 г. (издавался до 1915 г.). Первым редактором и издателем был Симо Попович.

2. По отчету Цетинского комитета (см. прим. 7 к док. 17), публиковавшемуся в «Русском мире» с 8 сентября по 9 декабря 1875 г., за это время комитетом израсходовано 164 196 гульденов на оказание помощи раненым и семействам беженцев из Герцеговины и Боснии, на снабжение медицинским оборудованием и медикаментами пяти медицинских пунктов. В порядке пожертвований комитету прислано 135 318 гульденов. Образовавшийся дефицит в 28 877 гульденов комитет рассчитывал покрыть за счет сумм, собираемых в России и других местах. Цетинский комитет выразил благодарность в «Гласе Црногорца» славянским комитетам в Петербурге и других городах России («Русский мир», 3 (15) января 1876 г.).

3. Брда — северо-восточная часть Черногории. Ее составляли племена: белопавличи, пиперы, ровца, верхняя и нижняя морача, вассоевичи, братоножичи и кучи.

4. Дробняк — герцеговинское племя, поработненное турками в конце XV в. В 1859 г. половина территории Дробняка перешла к Черногории (см. прич. 11 к док. 372, приложение 3), а остальная часть (Езера, Шаранци, Дужи, Кутня Нива и Дубровско) осталась под турецким игом. В 1878 г. эти области были окончательно присоединены к Черногории.

5. Зета (Дукля, Диоклея) — область на восточном берегу Адриатического моря (район современных Черногории и северной Албании); в средние века — одно из сербских государств. Территория Зеты разделялась на две части: Нижнюю Зету — Приморье со Скадрским озером и Верхнюю Зету, расположенные северо-западнее Подгорицы. Нижняя Зета с конца XV в. находилась в руках турок.

№ 64

1875 г. октября 30. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову с благодарностью за помощь, оказанную Московским славянским комитетом боснийцам и герцеговинцам, и о надежде южных-славян на поддержку России в их освободительной борьбе

Белград

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Сначала 1500 флоринов, а потом 4470 флоринов я получил от вас чрез банкира за страдальцев Боснии и Герцеговины.

Благодарю вас и Слав[янский] благотворительный комитет за братскую помощь народу, который от турков просто уничтожается.

Это восстание дорого стоит бедному сербскому народу, ибо много претерпит, разбредется по миру, помрет большая часть от холода и голода, а оставших[ся] в своей хижине вырежут злые азиаты. Те, которые имеют оружие и снаряды, держатся еще в лесах и живые не положат свое оружие.

Неужели не найдет Европа возможности дать и сему славянскому христианскому народу жить на своей земле по-человечески? Европа преследует и вне своих пределов продажу людей, везде уничтожает рабство, а тут у себя терпит продажу, рабство и смотрит равнодушно [на] уничтожение одного народа. И за что? Вообразила, что для ее интересов нужна Турция; ибо если ее не будет, тогда все возьмет Россия и тогда будто ей грозит опасность. Все это недостойно умных людей, недостойно и стыдно цивилизованной Европе, которая и дико и варварски относится к нам за воображаемые свои интересы. Но России, которая два раза выдержала борьбу с Европой, придется и в третий раз столкнуться с ней. И мы надемся, мы просим бога, да поможет ей выйти победительницею из этой отчаянной борьбы, для спасения южных славян, которые только в России и видят и от ней надеются искренней, братской помощи. Дай бог всем

нам и вам дожить сию благословенную минуту и видеть упроченной жизнь славян, как народа, вносящего новую, свежую жизнь в гнилую цивилизацию Европы.

Призываю на вас, Слав[янский] комитет и всех добрых душ, внесших свою посильную лепту в помощь бедствующим нашим страдальцам, благословение господя и с чувствами истинного почтения и совершенной преданности имею честь быть вашим богомольцем

А[рхи]е[пископ] митроп[олит] Сербский Михаил

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 74, лл. 31—32 об. Автограф.

№ 65

1875 г. октября 30 (11). — Донесение Н. П. Игнатъева Александру II о действиях турецкой администрации с целью умиротворения болгарского населения

№ 321

Péra

Sire!

Les mesures énergiques ordonnées par Mahmoud-pacha en Bulgarie y ont amené un certain apaisement. La plupart des gouverneurs et sous-gouverneurs ont été destitués et remplacés par des hommes nouveaux. Des commissions d'enquête fonctionnent dans les principaux centres où ont été effectuées les arrestations les plus nombreuses*.

Le nouveau valy d'Andrinople s'est aussitôt rendu lui-même à Eski-Zagra pour rassurer la population.

Comme je me suis trouvé dans le cas de me plaindre surtout de la conduite arbitraire du mutessarif de Philippopolis, Tossoun-pacha, ce fonctionnaire, gendre de Mithat-pacha, a éprouvé le besoin de venir personnellement se justifier à l'ambassade. Il m'a communiqué en détails les renseignements alarmants qui parvenaient à l'autorité sur le mouvement projeté des bulgares. Des listes contenant les noms des affidés lui étaient présentées; toutes portaient comme terme fixé pour le soulèvement la date du 17 septembre** et l'étendue du complot imposait au gouvernement le devoir d'agir énergiquement.

D'Eski-Zagra seul plus de 340 individus se seraient rendus dans les montagnes. On parlait de la résolution des bulgares d'incendier toutes les villes musulmanes, et si tous les accusés avaient été mis sous les verroux on aurait dû opérer dans le vilayet seul d'Andrinople plus de 4.000 arrestations.

Du reste Tossoun-pacha m'a assuré que ce moment d'alarme n'a été que de courte durée. Il se serait empressé de relâcher les moins coupables d'entre les personnes arrêtées et d'envoyer dans les villages des notables musulmans et chrétiens pour calmer l'effervescence réciproque.

Les efforts d'apaisement entrepris par ce fonctionnaire les derniers jours de son administration me sont en effet confirmés [par notre vice-consul à Philippopolis***, qui l'a muni d'une lettre de recommandation pour moi.

J'ai retiré de mon entretien avec Tossoun-pacha quelques aveux assez significatifs. Il m'a confirmé qu'en dehors des relations des comités bulgares dans les principautés****, aucune trace d'encouragement venant de l'étran-

* См. док. 50, 52, 53.

** См. прим. 2 к док. 52.

*** Найден Геров.

**** БЦРК в Бухаресте.

ger n'a pu être dévoilée jusqu'à présent par l'enquête. Les accusés étaient au contraire unanimes à reconnaître que nos consuls généraux à Roustchouk et Bucarest * avaient fait parvenir aux notables des avertissements pour les détourner de leur entreprise hasardée.

Il m'avoua en outre qu'il y avait bien des abus à redresser et signala l'urgence d'introduire des réformes sérieuses et entr'autres de procéder sans retard à la nomination de kaïmakams, de mudirs et de zaptiés chrétiens pour prévenir de nouvelles tentatives de désordres.

Je suis, avec le plus profond dévouement, sire, de votre majesté impériale, le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

Помета о получении документа: Livadie, le 5 novembre 1875.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 29, лл. 48—51. Подлинник.

Перевод

Пера

Государы!

Энергичные меры, предпринятые Махмуд-пашой в Болгарии, привели к некоторому успокоению. Большая часть губернаторов и вице-губернаторов смещена и заменена новыми людьми. Следственные комиссии действуют в главных центрах, где были совершены наиболее многочисленные аресты.

Новый адрианопольский вали тотчас же сам отправился в Эски-Загру, чтобы успокоить население.

Как только я нашел случай пожаловаться на особенно самоуправное поведение филиппопольского мутесарифа Тосун-паши, этот чиновник, зять Мидхат-паши, счел необходимым лично прибыть в посольство для объяснения. Он сообщил мне в подробностях о тревожных сведениях, дошедших до властей, о задуманном болгарами восстании. Списки, содержащие имена участников, которые были ему представлены, все говорили о 17 сентября, как назначенном сроке восстания, а широта заговора обязывала правительство действовать энергично.

Только из Эски-Загры более 340 человек отправилось в горы. Говорили о решимости болгар сжечь все мусульманские города, и если бы все обвиняемые были помещены в тюрьмы, то только в одном Адрианополе нужно было бы произвести более 4 тыс. арестов.

Впрочем Тосун-паша уверил меня, что время тревоги было очень непродолжительным. Из числа арестованных он постарается освободить менее виновных и разослать по деревням знатных мусульман и христиан, чтобы успокоить всеобщее возбуждение.

Попытки умиротворения, предпринятые этим чиновником в последние дни правления, подтверждаются также и нашим вице-консулом в Филиппополе, который снабдил его рекомендательным письмом.

Из моей беседы с Тосун-пашой я извлек несколько значительных признаний. Он подтвердил, что, кроме связей с болгарскими комитетами в княжествах, при расследовании не могли обнаружить никаких следов поддержки из-за границы. Обвиняемые же, наоборот, признали единогласно, что наши генеральные консулы в Русуке и Бухаресте предупредили именитых граждан с целью отвлечь их от рискованных затей.

Он мне сознался, кроме того, что есть много злоупотреблений, которые надо исправить, и указал на срочность проведения серьезных реформ и, между прочим, о назначении христиан на должность каймакамов, мудилов, заптиев, чтобы предупредить новые попытки возбудить беспорядки.

---

* И. П. Крылов и Д. Ф. Стюарт.

С глубочайшим почтением, государь, имею честь быть вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Н. Игнатъев

Помета о получении документа: Ливадия, 5 ноября 1875.

№ 66

1875 г. ноября 5 (17). — *Донесение Е. П. Новикова А. Г. Жомини о плане проведения реформ в Боснии и Герцеговине, предложенном Андраши*

№ 148

Vienne

Monsieur le baron!

Le comte Andrassy a bien voulu me communiquer l'ordre d'idées dans lequel serait conçue sa réponse à la dépêche du 19 octobre.

Elle constaterait, me dit-il, que les deux empereurs étaient animés d'un désir égal de maintenir la paix et d'éviter des complications; qu'on était d'accord sur les principes et que les divergences ne portaient que sur le mode d'action, c-à-d sur une question d'opportunité.

Des deux systèmes en présence, celui de notre ambassadeur à Constantinople *, d'appuyer le projet de réformes émané de la Porte en laissant faire le grand-vizir et en le soutenant, — pouvait être excellent lui-même, mais il ne semblait pas répondre au but plus spécial de l'apaisement de la Bosnie et de l'Herzégovine. Issu des convenances locales et partant de la nécessité d'une période d'épreuve, il ne s'adoptait pas aux considérations plus pressantes de la situation générale.

Les combattants qui, durant l'hiver, auraient cherché un asyle en Autriche et au Monténégro en sortiraient au printemps pour recommencer la lutte; les principautés voisines se montreraient également impatientes d'y participer; y aurait-il espoir que nous puissions alors les arrêter en leur faisant pressentir de notre part une action en faveur des chrétiens, mais contenue momentanément par le concours obligé aux essais de Mahmoud-pacha?

Car, tout en soutenant le grand vizir, le système en question prévoyait le moment où, de tutélaire pour la Porte, le concert européen sur le Bosphore pourrait devenir comminatoire et l'appui se changer en intervention. Ce serait donc une espèce de conspiration, une épée de Damoclès suspendue sur la tête des turcs et prête à s'abattre sur eux sans qu'on sût ni comment ni quand. Il en résulterait un état de choses préjudiciable au maintien de la paix et au crédit public, car, dans cette pénible incertitude sur les intentions des puissances, des bruits alarmants, produits de la malveillance ou de la spéculation, tels que ceux répandus dernièrement à Vienne sur les prétendues velléités séparatistes de la Russie, auraient toute latitude de se propager.

Par contre, le système patroné par lui, Andrassy, paraissait plus pratique et moins compliqué. Il avait pour but la pacification des provinces insurgées et partait du point de vue que ni action des puissances, ni l'initiative de la Porte n'étaient capables de créer un état idéal de bien être en Bosnie et Herzégovine; et qu'il fallait par conséquent se contenter des meilleurs résultats possibles, sauf à faire durer le status quo, ainsi amendé, pendant une nouvelle série d'années.

Dans cet ordre d'idées, le ministre proposerait au cabinet impérial de fixer un minimum de ce que l'on demanderait aux turcs. Il tenait essentiel-

* Н. П. Игнатъев.

lement aux points déjà formulés par lui; mais il admettait qu'on pût vouloir en modifier ou élargir le cadre à la condition de ne point se perdre dans les détails qui en rendraient l'acception plus difficile à la Porte comme aux autres puissances. Les chrétiens se défiaient les promesses de Constantinople parce que le personnel gouvernemental y changeait tous les quinze jours et que l'exécution des promesses disparaissait avec ceux qui les avaient faites. Il fallait donc que la Porte *s'engageât* à satisfaire à nos demandes et qu'elle nous en fît la déclaration. Ce serait une *sauvegarde* pour les insurgés dont les familles pourraient alors rentrer dans leurs foyers.

Mais une fois que la Porte aurait pris l'engagement voulu, on la tiendrait quitte du reste sans laisser la question ouverte comme dans le système contraire, et la confiance dans le maintien de la paix ne tarderait pas à renaître en Europe.

En agissant ainsi, les puissances n'assumeraient pas plus la responsabilité des réformes recommandées par elles qu'elles ne l'avaient fait en 1856 ¹ et dans d'autres occasions plus récentes. Leur action marquerait seulement une nouvelle étape dans l'amélioration graduelle du sort des populations de l'Orient.

Le ministre me dit se rallier avec empressement au désir manifesté par sa majesté l'empereur que le concert pacifique dont l'entente des trois cours restait le noyau, fût étendu aux trois autres puissances *. Il n'objectait pas non plus au mode suggéré par votre excellence et aux termes duquel, plutôt que de consulter celles-ci et leur adresser des communications de cabinet à cabinet, — ce qui prendrait trop de temps, — l'échange d'idées destiné à amener le concert général aurait lieu à Vienne.

En terminant, le comte Andrassy me fit observer que le moment actuel où les insurgés continuaient à tenir tête aux troupes ottomanes lui semblait le mieux choisi pour amener la Porte à des concessions. Elle deviendrait moins coulante le jour où l'insurrection aurait l'air de périlcliter.

Voici, monsieur le baron, les idées que m'a exposées de vive voix le ministre des affaires étrangères d'Autriche. Je vous les livre telles quelles sans pouvoir préciser au juste si elles trouveront place intégralement dans sa réponse écrite, ou si une partie n'en est dûe qu'à l'improvisation orale. Une fois en possession de sa dépêche responsive, votre excellence, n'en saisira que mieux le fond de sa pensée par comparaison **.

Veillez agréer, monsieur le baron, l'assurance de ma haute considération

Novicow

Помета Александра II: Selon moi il y a de juste dans la manière de voir d'Andrassy, mais il est difficile d'en porter un jugement exacte avant d'avoir vu sa réponse écrite.

АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 113, лл. 112—116. Подлинник.

Перевод

Вена

Господин барон!

Граф Андраши соблаговолил сообщить мне свои соображения, которые будут содержаться в его ответе на нашу депешу от 19 октября.

Будет констатировано, сказал он мне, что оба императора имеют одинаковое желание поддерживать мир и избегать осложнений, что они пришли к соглашению по принципиальным вопросам и расхождения существуют лишь относительно способов действия, т. е. по вопросу об их своевременности.

* Англии, Франции и Италии.

** Против фразы Une fois en possession. . . par comparaison помета Александра II: Attendons là!

Из двух планов, имеющих в настоящее время, план нашего посла в Константинополе — о поддержке проекта реформ, предложенных Портой, — предоставляет великому визиру свободу действий и поддержку; план этот сам по себе, может быть, блестящий, но он, по-видимому, не отвечает более узкой цели — умиротворению Боснии и Герцеговины.

Если исходить из местных условий и необходимости испытательного срока, то этот план неприменим к наиболее насущным нуждам общей обстановки.

В течение зимы повстанцы будут искать убежища в Австрии и Черногории и возвратятся весной для возобновления борьбы; соседние княжества также будут стремиться принять участие в ней; можно ли надеяться, что мы сможем тогда остановить их, заставив ждать с нашей стороны действий в пользу христиан, которые на время задерживаются тем, что мы обещали помочь усилиям Махмуд-паши?

Но поддерживая великого визиря, излагаемый план предвидит и момент, когда от опеки в отношении Порты европейский концерт сможет перейти на Босфоре и к угрозам, и помощь превратится в интервенцию. Это также один из способов побуждения, дамоклов меч, нависший над головами турок и готовый сразить их неизвестно когда и как. Могут сложиться обстоятельства, неблагоприятные для поддержания мира и общественного доверия. Порожденные недоброжелательностью или расчетом тревожные слухи (относительно мнимого стремления России отделиться), что недавно ходили по Вене, получают полную свободу для распространения при тягостной неуверенности относительно намерений держав.

Наоборот, план, выдвигаемый Андраши, кажется, более практичным и менее сложным. Он имеет целью умиротворение восставших провинций и отправной точкой его является то, что ни действия держав, ни инициатива Порты не способны создать идеального положения благосостояния в Боснии и Герцеговине и что необходимо, следовательно, довольствоваться лучшим из возможных средств с тем, чтобы продлить, таким образом, улучшенный статус-кво на ряд лет.

Из этих соображений министр предлагает императорскому кабинету закрепить как минимум то, что будут требовать от турок. Он особенно держится за пункты, уже сформированные им ранее, но допускает, что можно было бы желать изменения или расширения рамок условий, однако не вдаваясь в детали, которые затруднили бы их принятие как Портой, так и другими державами. Христиане не доверяют обещаниям Константинополя, потому что правительственные чиновники меняются каждые 15 дней, и выполнение обещаний исчезает вместе с теми, кто их сделал. Надо, следовательно, чтобы Порта обязалось удовлетворить наши требования и чтобы она нам сделала об этом заявление. Это будет защитой для восставших, чьи семьи смогли бы тогда вернуться в свои жилища.

Но как только Порта приняла бы на себя требуемое обязательство, ей бы простили остальное, не оставив вопрос открытым, согласно плану нашего посла, и доверие к сохранению мира не замедлило бы возродиться в Европе.

Действуя таким образом, державы не несли бы больше ответственности за рекомендованные ими реформы, чего они не сделали в 1856 г.¹ и в других недавних случаях. Их действия свидетельствовали бы только о новом этапе в постепенном улучшении участи населения на Востоке.

Министр сообщил, что с готовностью присоединяется к пожеланию, проявленному его императорским величеством, чтобы мирное содружество, основой которого является соглашение трех дворов, было распространено на другие три державы. Он не возражал также против способа, подкаazanного вашим превосходительством, и против условий; лучше обмен мыслями, который должен привести к общему согласию, произойдет в Вене, чем советоваться с этими державами, пересылая сообщения из кабинета в кабинет, что займет много времени.

Заканчивая, граф Андраши заметил мне, что настоящий момент, когда повстанцы продолжают давать отпор оттоманским войскам, кажется ему наиболее подходящим, чтобы заставить Порту пойти на уступки. Она станет менее сговорчивой в тот день, когда восстание начнет затихать.

Таковы, господин барон, мысли, которые мне устно изложил министр иностранных

дел Австрии. Я передаю их вам такими, какие они есть, не имея возможности определить в точности, найдут ли они место полностью в его письменном ответе или часть из них явилась только устной импровизацией. Имея его ответную депешу, ваше превосходительство при сравнении лишь лучше уловит в ней сущность его намерений *.

Соблаговолите принять, господин барон, заверения в моем
высоком уважении

Новиков

Помета Александра II: По-моему, есть правда в точке зрения Андраши, но трудно иметь об этом определенное мнение, прежде чем появится его письменный ответ.

1. По ст. IX Парижского трактата от 18 (30) марта 1856 г. турецкий султан обязывался улучшить участь христианского населения. Державы, подписавшие трактат, принимали к сведению это заявление султана, но обязывались не вмешиваться во внутренние дела Порты. В трактате нет статей, где бы была закреплена ответственность европейских держав за проведение реформ, хотя общий смысл договора, казалось, делал державы гарантами реформ в балканских владениях Порты.

№ 67

1875 г. ноября 7. — Из записки III отделения о стремлениях в русском обществе к ограничению помощи населению Герцеговины

№ 823

Несмотря на сильное содействие прессы к подогреванию чувств благотворительности к страдающим герцеговинцам, в обществе уже открыто поговаривают о чересчур сильных симпатиях России в сравнении с остальными европейскими государствами, даже заставляющих забывать собственные внутренние свои нужды; при этом указывают на губернии, пострадавшие неурожаем за истекшее чрезмерно сухое лето, и прибавляют, что М[инистерством] внутр[енних] дел уже сделан почин своим циркуляром, воспрещающим пожертвования земствам, что следовало бы правительству сделать тоже и с обществом, которому приходится уже чуть не через усилия ограждать себя от различных дамских и славянских комитетов. Нет ни одного публичного места, даже церкви, где бы не ходили разные личности с кружками, подносиками или тарелочками [...]

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 434, л. 4 и об. Подлинник.

№ 68

1875 г. ноября 15 (27). — Письмо А. С. Ионина И. С. Аксакову о получении денег от славянских комитетов на покупку хлеба для беженцев из Боснии и Герцеговины и о сборе пожертвований в Черногории

Рагуза

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Хочу вам и сегодня сказать два слова. Я получил от вас 15 тыс. гульденов, о которых вы меня извещали по телеграфу, — переданы они были тотчас же Веселитскому-Божидаровичу, который заведует всеми частно-

* На полях против фразы — Имея его ответную депешу... намерений помета Александра II: Подождем ее!

стями и подробностями благотворительной деятельности под моим наблюдением и в главных чертах соглашаясь со мной. Из этой суммы он тотчас же переслал на Цетинье 10 тыс. гульденов *деньгами*, ибо там в них теперь очень нуждаются ¹, и 2 тыс. Кляичу в Зару. Получил телеграмму о посылке 8500 рублей на покупку хлеба в Триесте — тотчас же распорядился en conséquence *. Из Петербурга Матановичу в Триест тоже послано (таким образом меня уполномочили открыть ему кредит, что я и сделаю) 25 тыс. рублей. Таким образом, в Триесте может быть куплено хлеба на 100 тыс. гульденов, что месяца на два, пожалуй, и обеспечит Черногорию. Говорить вам, что России и Москве безгранично благодарны, было бы лишнее.

Я вам пересылаю при сем два экземпляра № 48 «Гласа Црногорца», который будет для вас иметь особенный интерес. Во-первых, вы в нем найдете интересные подробности о битве при Муратовице ², которая составит эпоху настоящих событий, — это было настоящее большое сражение, выигранное восставшими, после которого турки до сих пор не могут оправиться. Затем в этом же номере вы найдете новый отчет комитета Цетинского и о сборах денег и всяких приношений в самой Черногории. Это последнее замечательно в том отношении, что черногорцы против ожидания жертвуют самым серьезным образом, — в селах бедные люди дают по 20 и 30 гульденов очень часто. Энтузиазм и разражение страстей постоянно увеличиваются — в Далмации и Крoации тоже и при этом поразительно бескорыстно: кажется, славяне начинают созревать. Филипп Христич был на Цетин[ь]е и возвратился весьма счастливым и довольным ** — подробности, к сожалению, не могу вам передать. Не соблаговолите [ли] найти целесообразным воспользоваться для нашей журналистики № 48 «Гласа Црногорца», особенно о сборах и их результатах, причем интересно выставить патриархальность и своеобразность всего этого — ибо ездят по селам митрополит, Божидар Петрович и первые лица Черногории.

Пока до свидания. Желаю вам от души здоровья и всякого успеха.

Искренне душевно вам преданный

А. Ионин

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 77, лл. 33—34. Автограф.

1. Цетинский комитет оказался в затруднительном денежном положении в связи с отказом австрийского правительства от той помощи, которую оно оказывало герцеговинским беженцам, нашедшим убежище на территории княжества. С 1 (13) ноября 1875 г. комитет мог обеспечивать питанием только 20 тыс. человек, а для закупки хлеба на 50 тыс. человек не хватало денежных средств. Г. Веселитский-Божидарович обратился в Московский и Белградский славянские комитеты с просьбой об оказании немедленной денежной помощи. Закупать хлеб для герцеговинцев в Триест был направлен воевода Матанович (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 18, лл. 1—7).

2. Село Муратовичи находилось на пути, по которому шло снабжение продовольствием Горанска и Никшича, осажденных восставшими. 29—31 октября (10—12 ноября) 1875 г. повстанцы, возглавляемые воеводой Лазарем Соичей, одержали три победы над турецкими войсками под командованием Шевкет-паши («Русский мир», 18 (30) ноября 1875 г.).

* Соответственно (фр.).

** См. прим. 1 к док. 69.

1875 г. ноября 16. — Донесение русского поверенного в делах в Белграде Н. Н. Ладыженского А. Г. Жомини о переговорах Сербии и Черногории с целью достижения соглашения о совместных действиях в поддержку Боснии и Герцеговины

№ 56

Belgrade
Secret

Monsieur le baron!

Dans son rapport secret à votre excellence en date du 19 octobre dernier, sub № 52, mr de Kartzow avait déjà mentionné l'intention du prince Milan de notifier son mariage au prince du Monténégro par une lettre autographe*.

Une semaine après le départ de mr l'agent diplomatique pour la Russie, le ministre princier des affaires étrangères vint me communiquer que c'était mr Philippe Christitch, ancien agent de Serbie à Constantinople et persona grata à Tzétigné, — que son altesse avait désigné pour porter sa missive au prince Nicolas; qu'en même temps le gouvernement serbe chargerait cet envoyé de rétablir les bonnes relations entre les deux principautés, et si possible d'élaborer un projet de convention en prévision de certaines éventualités qui pourraient surgir dans un avenir peu éloigné¹. A cette fin mr Christitch emporterait avec lui le texte d'un projet qui du temps de la régence** avait servi de base à d'infructueuses négociations entre les deux gouvernements.

Mr Pavlovitch me transmet en même temps des traductions de la lettre du prince Milan au prince du Monténégro et de la sienne à mr Bojidar Pérovitch, président du Sénat monténégrin; il me fit aussi lecture de toute une correspondance télégraphique secrète échangée entre mr Bojidar Pérovitch et mr Ristitch et ayant pour objet l'entrée immédiate des deux principautés en action commune avec les insurgés de Bosnie et d'Herzégovine contre la Turquie.

Il appert de cette correspondance très suivie, qu'à peine le ministère Ristitch*** fut-il au pouvoir que le Monténégro se mit à pousser la Serbie à la guerre et qu'à son tour mr Ristitch, — tout en cherchant à gagner du temps et expliquer ses lenteurs par les débats de l'adresse et la translation de la Skouptchina de Kragouyévatz à Belgrad, — n'en tenait pas moins dans des réponses un langage décidément belliqueux. Arrivé aux affaires, mr Pavlovitch mit fin à ces pourparlers secrets en informant de suite le gouvernement du Monténégro que le nouveau cabinet enverrait prochainement à Tzétigné un délégué spécial chargé de poursuivre les négociations entamées.

Le ministre me dit aussi qu'avant le départ de mr de Kartzow, tant son altesse que lui-même avaient déjà prévenu notre agent diplomatique de la démarche projectée et lui avaient chaleureusement recommandé de solliciter le puissant appui du gouvernement impérial pour établir l'entente nécessaire entre les deux principautés.

Mr Pavlovitch termina sa communication en me transmettant le désir de son altesse que j'informe sans retard mr l'ambassadeur impérial à Constantinople de la mission de mr Christitch et que je prie son excellence de

* См. прим. 1 к данному документу.

** В 1868—1872 гг.

*** См. прим. 2 к док. 21 и прим. 1 к док. 34.

vouloir bien user de son influence sur le prince Nicolas pour faciliter la tâche de l'envoyé serbe.

Me conformant à ce désir je ne manque pas le jour même de notre entrevue, 31 octobre dernier, de télégraphier en ce sens à mr l'aide-de-camp général Ignatiew et d'en informer simultanément votre excellence par l'entremise de l'ambassade impérial à Vienne. Aujourd'hui je profite d'une occasion sûre pour vous soumettre respectueusement, monsieur le baron, un très humble rapport, sur la marche de cette nouvelle négociation, y joindre les traductions des deux lettres susmentionnées et ajouter que, depuis son départ, mr Christitch a déjà annoncé à son gouvernement, — qu'ayant reçu du prince Nicolas un accueil des plus gracieux, et trouvé son altesse dans les meilleures dispositions pour la Serbie, il avait quitté Tzétigné et comptait revenir à Belgrade dans peu de temps.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le baron, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

N. Lodygendky

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 265, лл. 241—243. Подлинник.

Приложение I

1875 г. октября 27. — Письмо министра иностранных дел Сербии Г. Павловича председателю черногорского Сената Божидару Петровичу о цели миссии Ф. Христича в Черногорию

Belgrade

Mr Philippe Christitch, ministre en disponibilité, se rend à Tzétigné pour remettre à son altesse sérénissime le prince Nicolas la lettre par laquelle le prince Milan lui notifie son heureux mariage avec mademoiselle Natalie Petrowna ².

Une notification préalable n'a pas eu lieu à cause du désir du prince Milan de conserver un caractère tout à fait privé à la célébration de son mariage vu les graves circonstances dans lesquelles se trouve notre nation.

Si néanmoins, à côté du délégué de sa majesté l'empereur de Russie qui avait accepté les fonctions du parrain ont assisté à la cérémonie les envoyés de sa majesté l'empereur d'Autriche et de son altesse le prince Charles de Roumanie, la raison en est que ces souverains ont leur propre initiative et sans que la notification préalable leur eut été adressé, tenu à se faire représenter à la cérémonie par les délégués spéciaux.

Après la célébration du mariage son altesse le prince Milan a désiré que la notification en fut portée à son altesse le prince Nicolas, par un envoyé spécial. Son choix est tombé sur mr Philippe Christitch à qui incombe l'agréable devoir de remettre à son altesse le prince Nicolas la lettre de notification.

Le gouvernement de son altesse le prince Milan appréciant toute la gravité de circonstances dans lesquelles se trouvent les deux principautés ainsi que le reste de la nation serbe est profondément convaincu de la nécessité d'une action commune dans l'oeuvre sainte de l'affranchissement national. Dans ce but d'abord, puis pour répondre avec la plus entière sincérité aux sentiments fraternels exprimés dans vos précédentes dépêches, j'ai l'honneur de vous informer, mr le président, qu'en dehors de la mission dont il a été question plus haut, mr Christitch a celle de déclarer à son altesse le prince

Nicolas que le gouvernement du prince Milan est disposé à un échange d'idées et d'éclaircissement sur la situation générale actuelle de notre nation par l'intermédiaire de Christitch de manière à atteindre une entente sincère et entière entre le Monténégro et la Serbie sur les conditions et les moyens propres à assurer avec autant de certitude que possible le succès de notre mission nationale.

Certain que mr Christitch trouvera auprès de son altesse le prince Nicolas le même accueil bienveillant qu'il a déjà rencontré une foi au Monténégro, je vous prie de lui accorder une entière confiance dans vos mutuelles communications et d'agréer l'expression de ma haute considération la plus distinguée

(signé) G. Pavlovitch

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 265, лл. 244—245. Копия.

Приложение 2

1875 г. октября 27. — Письмо сербского князя Милана черногорскому князю Николаю о своей женитьбе

Belgrade

Altesse sérénissime et cher frère!

La volonté divine et les destinés historiques de notre nation veulent que tout événement heureux pour l'une de nos maisons princières rencontre chez l'autre un écho sympathique.

Guidé par cette pensée, il m'est agréable de pouvoir vous informer, altesse et cher frère, que j'ai célébré le 5 octobre courant mon mariage avec mademoiselle Natalie Petrowna issue de la nation russe notre parente et à laquelle nous rattachent les liens du sang et les nombreux et précieux souvenirs du passé. Sa majesté l'empereur Alexandre II a daigné être parrain et s'est fait représenter à la cérémonie par son aide-de-camp général comte Soumarocow-Elston.

Cet événement important pour moi et pour la Serbie à qui il donne un gage de plus de stabilité et de force sous sa dynastie nationale, a été accueilli de la part de peuple par de vifs témoignages de joie et d'enthousiasme. Ces témoignages ont rendu plus ferme chez moi le désir et la volonté de faire pour mon pays bienaimé et pour mon peuple tout ce qu'exigent le devoir et l'honneur du souverain de la Serbie, surtout dans les graves circonstances que nous traversons.

Je considère de même comme un devoir agréable d'informer votre excellence qu'à l'occasion de mon mariage beaucoup de souverains étrangers m'ont envoyé leurs amicales félicitations. C'est là non seulement la preuve de la considération dont la Serbie jouit dans le cercle des états européens mais cela peut être avantageux pour le bonheur et le progrès de toute notre nation.

Dans la persuasion que tout ce qui touche au bonheur de la Serbie et son prince trouve un écho fraternel auprès de l'héroïque Monténégro et de son prince je me fais un plaisir de transmettre à votre altesse par l'entremise de mon envoyé spécial l'expression de la haute et sincère estime avec laquelle je suis de votre altesse sérénissime le bon frère

(signé) M. M. Obrénovitch

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 265, л. 246 и об. Копия.

Господин барон!

В своем секретном донесении вашему превосходительству от 19 октября с. г. за № 52 г-н Карцов уже коснулся намерения князя Милана собственноручно сообщить о своей свадьбе князю черногорскому.

Через неделю после отъезда нашего дипломатического агента в Россию министр иностранных дел княжества сообщил мне, что его высочество назначил для вручения послания князю Николаю г-на Филиппа Христича, бывшего представителя Сербии в Константинополе и *persona grata* в Цетинье, что одновременно сербское правительство, по-видимому, поручило этому посланцу восстановление добрых взаимоотношений между двумя княжествами и, если возможно, подготовку соглашения, в предвидении разных случайностей, могущих возникнуть в недалеком будущем¹. С этой целью г-н Христич повез с собой текст проекта, который со времени регенства служил основой для безуспешных пока переговоров между двумя княжествами.

Г-н Павлович передал мне одновременно переводы письма князя Милана к князю Черногории и своего письма к г-ну Божидару Петровичу, председателю черногорского Сената; он прочел мне также полностью секретную телеграфную переписку между г-ном Божидаром Петровичем и г-ном Ристичем по вопросу о немедленном присоединении обоих княжеств к совместным с повстанцами Боснии и Герцеговины действиям против турок.

Из этой очень подробной корреспонденции явствует, что едва министерство Ристича пришло к власти, как Черногория стала побуждать Сербию к войне, и что Ристич, в свою очередь стараясь выиграть время и объяснить свою медлительность дебатами по поводу адреса и перемещением Скупщины из Крагуеваца в Белград, в своих ответах придерживался не менее решительного и воинственного тона. Войдя в курс дела, г-н Павлович положил конец этим секретным переговорам, проинформировав сразу правительство Черногории, что новый кабинет в скором времени, по-видимому, отправит в Цетинье специальную делегацию для продолжения начатых переговоров.

Министр сообщил мне также, что перед отъездом г-на Карцова как его высочество, так и он сам предупредили уже нашего дипломатического представителя о предполагаемом демарше и горячо рекомендовали ему добиваться могущественной поддержки императорского правительства, чтобы установить необходимое соглашение между обоими княжествами.

Г-н Павлович закончил свое сообщение, передав пожелание его высочества, чтобы я без задержки информировал господина императорского посла в Константинополе о миссии г-на Христича и попросил его сиятельство сообразоваться оказать влияние на князя Николая с целью облегчить задачу посланца Сербии.

Сообразуясь с этим желанием, я не терял времени и в день нашего свидания, 31 октября, телеграфировал по этому вопросу господину генерал-адъютанту Игнатьеву и одновременно информировал об этом ваше превосходительство через императорское посольство в Вене. Сегодня я пользуюсь верной оказией, чтобы почтительнейше представить, господин барон, вам мое покорнейшее донесение о ходе новых переговоров и присоединить к нему переводы двух вышеупомянутых писем и прибавить, что со времени отъезда г-н Христич уже сообщил своему правительству, что, будучи весьма приветливо встречен князем Николаем и найдя его высочество в наилучшем расположении к Сербии, он покинул Цетинье и рассчитывает вернуться в Белград в скором времени.

Имею честь быть с глубочайшим уважением, господин барон, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугой

Н. Лодыженский

Г-н Филипп Христич, министр без портфеля, отправляется сегодня в Цетинье, чтобы вручить его светлости князю Николаю письмо, которым князь Милан официально сообщает ему о своем счастливом браке с Натальей Петровной².

Предварительное извещение не имело места вследствие желания князя Милана придать совершенно интимный характер своей свадьбе, принимая во внимание тяжелые обстоятельства, в которых находится наше государство.

Если же тем не менее рядом с представителем е. в. императора России, который согласился быть посаженным отцом, на церемонии присутствовали посланники е. в. императора Австрии и его светлости князя Карла Румынского, то причиной этого было то, что эти монархи по собственной инициативе, не ожидая предварительного сообщения, сочли необходимым быть представленными на церемонии своими специальными посланцами.

После свадьбы его светлость князь Милан пожелал, чтобы уведомление было вручено князю Николаю специальным посланником его светлости. Его выбор пал на г-на Филиппа Христича, на которого возложили приятную обязанность вручить его светлости князю Николаю письмо с официальным извещением.

Правительство его светлости князя Милана, оценив всю серьезность обстоятельств, в которых находятся оба княжества, так же как и вся сербская нация, глубоко убеждено в необходимости общих действий в священном деле национального освобождения. Прежде всего с этой целью и затем, чтобы ответить с наибольшей искренностью на братские чувства, выраженные в ваших предшествующих депешах, я имею честь сообщить вам, господин председатель, что, помимо поручения, о котором говорилось выше, г-н Христич должен заявить его светлости князю Николаю, что и правительство князя Милана склонно к обмену мнениями и уяснения через посредничество г-на Христича настоящего положения нашего народа с тем, чтобы достичь искреннего и полного согласия между Черногорией и Сербией об условиях и средствах, необходимых для обеспечения верного успеха нашей национальной миссии.

Будучи уверен, что г-н Христич найдет у его светлости князя Николая такой же благосклонный прием, какой он уже однажды встретил в Черногории, я прошу Вас оказать ему полное доверие при ваших переговорах и благосклонно принять выражение моего особого уважения.

(подписано) Г. Павлович

Белград

Ваша светлость и дорогой брат!

Божественная воля и исторические судьбы нашего народа повелевают, чтобы каждый счастливый случай для одного из наших княжеских домов встречал сочувственный отклик в другом.

Движимый этой мыслью, я рад, что имею возможность сообщить вам, ваша светлость и дорогой брат, что 5 октября текущего года я вступил в брак с г-жой Натальей Петровной, принадлежащей к русской нации, с которой мы связаны узами крови и многочисленными дорогими воспоминаниями прошлого. Его величество император Александр II благоволил быть посаженным отцом и прислал вместо себя на церемонию своего генерал-адъютанта графа Сумарокова-Эльстон.

Это важное событие для меня и для Сербии, которое еще более свидетельствует о постоянстве и силе нашей национальной династии, было встречено народом горячими проявлениями радости и восторга. Эти проявления еще более укрепили мое желание и волю сделать для моей горячо любимой страны и для моего народа все, чего требует честь и долг государя Сербии, особенно при тяжелых обстоятельствах, которые мы переживаем.

Я считаю поэтому приятным долгом сообщить вашей светлости, что по случаю моего брака многие иностранные государи прислали мне свои дружеские поздравления.

Это не только доказательство уважения, которым Сербия пользуется в среде европейских государств, но это может быть полезным, благоприятным и для счастья и прогресса всей нашей нации.

Уверенность в том, что все то, что касается благополучия Сербии и ее князя, найдет братский отклик у героической Черногории и ее князя, доставляет мне удовольствие направить вашей светлости через моего специального посланника выражение высокого и искреннего уважения, в котором я пребываю к вашей светлости, моему брату.

(подписано) М. М. Обренович

1. Ф. Христич прибыл в Цетинье 19 октября 1875 г. под предлогом сообщения о женитьбе князя Милана, в действительности же для переговоров о совместных действиях Сербии и Черногории против Турции. Во время этих переговоров стороны согласились, что Сербия и Черногория не начнут военных действий против турок до конца зимы 1875 г., а ограничатся оказанием помощи восстанию в Боснии и Герцеговине. Оба правительства обязались выступить против Порты весной 1876 г. Князь Николай и Ф. Христич пришли к соглашению по поводу будущего устройства освобожденной от турок территории: Герцеговина отходила к Черногории, а Босния и Старая Сербия — к Сербии. Князь Николай заявил о своей готовности подписать с Сербией политический договор и военную конвенцию. В силу последней армия каждого государства должна находиться под своим командованием, но в случае необходимости оказывать взаимную помощь. Однако в это время конвенция подписана не была (см. док. 138; 21, стр. 187—193).

2. Венчание князя Милана с княгиней Наталией произошло в Белграде 5 октября 1875 г.

№ 70

1875 г. ноября 30. — Письмо Е. Миловука в Дамское отделение Московского славянского комитета с просьбой о присылке средств в помощь беженцам из Боснии и Герцеговины

Белград

«Женско друштво» (Дамское общество) в Белграде установлено с целью благотворительной. Ее светлость княгиня сербская Наталия приналась * покровительства этого общества.

При теперешнем жалком положении, в котором находятся жены и дети наших братьев в Боснии и Герцеговине, «Женско друштво» обратило всю свою деятельность на облегчение судьбы этих несчастных и снабжение их тем, без чего невозможно жить.

Это общество еще очень молодо и поэтому не располагает средствами, достаточными для исполнения благотворительного дела; несмотря на то, что оно со многих сторон получает пособия, бедствия несчастных так велики, что нужна помощь скорая и щедрая.

Свирепства турок были и прежде ужасны, но теперь их зверские поступки еще гнуснее. Мы их не будем описывать, потому что это целому свету известно, но обращаемся с величайшим доверием к Дамскому комитету в Москве и просим его быть столь благонаклонным и хоть часть собранных добровольных пожертвований послать нашему «Женскому друштву», которое разделит полученное наиболее нуждающимся.

Семейства босняков и герцеговинцев, потерпевшие от восстания и укравшиеся в Сербию, простираются до 15 тысяч душ и нуждаются они во всем. Их дома и все имущество сторели, а они спасли только свою душу. Есть примеры, что жены и дети не имеют самой нужной одежды, ни куска хлеба, а между тем стыдятся протянуть руку ради милостыни.

* Так в тексте.

«Женско друштво» принимает с благодарностью и самые ничтожные пожертвования деньгами, материями для одежды и всем, чем бы можно спасти несчастных от холода и голода. Наше общество будет, как и до сих пор, само кроить и шить белье и платье и раздавать нуждающимся.

Надеясь на милосердное сочувствие Дамского комитета в Москве, «Женско друштво» ожидает от него помощь тем более, что это будет помощь от родных и по вере¹.

Председательница Екатерина Миловука

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 55, лл. 63—64. Автограф.

1. В ответ на просьбу «Женского дружества» Дамское отделение Московского славянского комитета выслало 5 тыс. рублей (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 322, л. 47 и об; ОР ГБЛ, ф. 239, п. 13, д. 35, л. 1).

№ 71

1875 г. декабря 12. — Письмо командира санитарной роты румынской армии капитана К. Мэйнеску в Комитет по оказанию помощи раненым в восставших провинциях Турции о сборе пожертвований

№ 211

București

Domnilor!

Din listele de subscripțiune ce ați depus la Serviciul Sanitar General al Armatei, cu onoare vi se înaintează cele sub № 9, 25, 29, 30, 39, 42, 43, și 45 * pentru răniții de pe câmpul de luptă din provinciile insurecționate din Imperiul Otoman împreună cu suma de lei *cinci sute opt zeci și cinci* (585) depuși de către personalul subscris în zisele liste; de a căror primire vă rog să bine-voiți a-mi răspunde¹.

Comand. Comp. Sanitare

Căpitan C. Măinescu.

Domnilor,

Membri ai Comitetului pentru răniții de pe câmpul de luptă din provinciile insurecționate din Imperiului Otoman.

НВВК—БИА, ф. 5, д. 6, лл. 35—36. Подлинник.

Перевод

Бухарест

Господа!

Из подписных листов, переданных вами в Генеральную санитарную службу армии, имеем честь направить вам листы под № 9, 25, 29, 30, 39, 42, 43 и 45 с подпиской в пользу раненных на поле боя в восставших провинциях Оттоманской империи вместе с суммой в *пятьсот восемьдесят пять* (585) лей, полученных от персонала, подписавшегося на указанных листах; о получении их прошу вас сообразовывать мне сообщить¹.

Командир санитарной роты

капитан К. Мэйнеску

1. Из этого и из некоторых других документов, которые не публикуются, видно, что деятельность в помощь пострадавшим во время восстания в Турции охватила и ру-

* Приложено восемь листов с подписями 102 жителей Бухареста, Крайовы и Питешты.

мынскую общественность, которая действовала согласованно с болгарскими комитетами в Румынии. Подписка по сбору средств среди румын происходила по листам Болгарского человеколюбивого настоятельства, напечатанным на болгарском и румынском языках (см. списки и распiski по сбору денег в НБВК—БИА, ф. 5, д. 6, лл. 37—43).

№ 72

1875 г. декабря 16 (28). — Телеграмма А. Н. Карцова
А. М. Горчакову о приезде в Сербию русских офицеров и их
деятельности

В сентябре прибыл в Белград русский гусарский ротмистр *Евгений Максимов*. По поискам сербской полиции оказывается, что с тех пор приезжали сюда офицеры: *Савельев*, *Далматов* и другие, по-видимому, признававшие Максимова своим вождем. Переодетые сербами, одни ездили по княжеству, по городам австрийской Сербии и в Боснию, где один из них был ранее в рядах инсургентов. На днях Максимов отправился, говорят, в Петербург, обещая здешним своим агентам возвратиться через три недели. Князь Милан спрашивает меня, имеет ли этот офицер какое-либо поручение от нашего правительства? * Убедительно прошу снабдить меня указаниями для ответа князю, а равно инструкцию, как вперед поступать с подобными соотечественниками, которых темная здесь деятельность двусмысленно отражается на нашем представительстве **¹.

Революция Александра II: Известить А. Л. Потапова.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, л. 27 и об. Копия.

1. Внимание А. Н. Карцова к трем офицерам объясняется наличием в их среде Н. Д. Далматова, его прошлым и его связями, на которые ясно намекает документ. Далматов с 1865 г., уйдя в отставку в чине подпоручика, жил некоторое время в Румынии, где был связан с болгарской революционной эмиграцией. Затем он вернулся в Россию и был на частной службе. Есть сведения, что до начала восстания в Боснии Далматов жил в Сербии и работал в Крагуевацком арсенале. Неизвестно, когда Далматов установил связи с сербскими и боснийскими социалистами, но упоминание поездок указывает на эти связи. Хорватская Костайница в период восстания была центром социалистических элементов, а главным действующим лицом там — В. Пеллагич, вокруг которого группировались сербские, воеводинские и другие югославянские социалисты: В. Лютич, П. Иванович и т. д. Первым из русских сюда в декабре 1875 г. приехал Далматов, здесь же он скоро был убит в score (50, стр. 83—84).

№ 73

1875 г. декабря 19. — Протокол допроса члена «Южнороссийского союза рабочих» слесаря мастерских Одесской железной дороги В. Я. Мрачковского о сборах пожертвований в пользу населения Боснии и Герцеговины

№ 15

Одесса

Адъютант Одесского жандармского управления поручик князь Шаховской расспрашивал в качестве обвиняемого ниже поименованного, который показал: зовут меня Виталис Яковлев *Мрачковский*, лет мне

* На полях к концу фразы помета Александра II: Никакого.

** На полях к концу фразы помета Александра II: Признавать их за политических выходцев и не оказывать никакой поддержки.

от роду 20, вероисповедания католического, мещанин г. Ольвиополя; в Одессе проживаю другой год и служу в мастерских Одесской железной дороги слесарем; о существовании в Одессе между рабочими кружка с противоправительственной целью я никогда ни от кого не слышал¹. Запрещенных книг противоправительственного содержания я никогда не видел ни у кого; не слышал о них и не читал; а равно не знаю и не слышал, у кого они были или есть, или кто их давал читать другим; мне никто таких книг или газеты «Вперед», «Работник» не давал читать, и последних я не видел и ни от кого о них не слышал.

У Курганского я проживаю два месяца; он мне никогда не говорил о помянутом кружке или о книгах; он не читает ничего, а по вечерам играет в карты. Я тоже никогда не читаю ничего. С Силенкой я знаком по мастерским, он редко бывал у меня и Курганского, а я к нему, Силенко, ходил также редко; ходил ли Курганский к нему, я не знаю. С Силенкой разговоров о помянутых книжках и газетах никогда не имел. С Кравченкой знаком, но у него в квартире не был ни разу. Быстриевских слышал только фамилию, но с ними не знаком. Фамилии Заславского и Ревецкого никогда не слышал. Предъявленный мне список (был предъявлен список, взятый при обыске у Силенко)², вероятно, есть какая-нибудь подписка. Я подписывался раз в пользу герцеговинцев и пожертвовал тогда 20 коп., которые удержала из моего жалования контора мастерских³. Кто писал этот список, не знаю, и что означают написанные на другой стороне одного фамилии по две в ряд, не знаю. В трактиры никогда не хожу и в большой компании никогда там не был⁴.

Виталис Мрачковский

Адъютант Одесского жандармского управления
поручик князь Шаховской

ЦГИАМ, ф. 112, д. 184, л. 23 и об. Подлинник.

1. Мрачковский являлся деятельным членом «Южнороссийского союза рабочих», хотя отрицал это на допросе.

«Южнороссийский союз рабочих», первая организация рабочих в России, был создан в Одессе в апреле—мае и просуществовал до декабря 1875 г. Во главе его стоял Е. О. Заславский. Целью Союза было объединение рабочих, пропаганда идей освобождения рабочих из-под гнета капитала, борьба с установившимся экономическим и политическим порядком.

2. Литературу, списки и т. д. полиция взяла у Силенко, который, не зная, что член Союза Толстоносов является предателем, передал их ему для распространения среди железнодорожников.

3. Действительно, летом 1875 г. в трактире «Царское село» состоялось собрание депутатов Союза, посвященное вопросу о восстании в Герцеговине. На нем было решено послать в Герцеговину добровольцев и произвести сбор средств в пользу восставших. Среди рабочих одесской железнодорожной мастерской деньги по подписке собирал Павлов.

После разгрома Союза некоторые его участники, оставшиеся на свободе, еще в 1876 г. разъезжали по Херсонской и Киевской губерниям и собирали там деньги для славян Балканского полуострова (36, стр. 83; 35, стр. 25).

4. Собрания членов Союза происходили за городом, а осенью — в трактирах на окраине города.

1875 г. декабря 24. — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о результатах переговоров между Сербией и Черногорией относительно поддержки восстания в Боснии и Герцеговине

№ 58

Belgrade
Secret

Monsieur le chancelier!

Mon retour à Belgrade était attendu avec une impatience extrême, tant par le prince Milan, que par ses ministres.

Le prince surtout espérait avec naïveté me revoir porteur d'un mot d'ordre auquel il n'aurait eu qu'à obéir pour sortir victorieusement de la crise où il se trouve engagé avec son pays.

Grande fut sa déception, plus grand encore le découragement qui s'en suivit et qui ne tarda pas à se traduire par des paroles empreintes d'une certaine amertume à mon adresse.

Le traitant en enfant capricieux et volontaire, je le priai de me dire ce que de son côté il avait fait pendant mon absence pour élever la Serbie à la hauteur de ses prétentions ambitieuses.

Mon interlocuteur me parut un moment tout interdit en face de cette simple question. Il m'avoua en balbutiant que l'on ne faisait rien encore, dans l'attente d'une direction accentuée que l'on espérait devoir être imprimée à la Serbie de S-t Pétersbourg. Il entra ensuite avec beaucoup de complaisance dans les détails des négociations de Christitch et me montrant le rapport * que cet agent avait adressé au gouvernement princier à son retour de Cettigné, il m'en fit lui-même une traduction verbale.

Tout en approuvant le principe d'une entente fraternelle entre la Serbie et le Monténégro, je ne pus m'empêcher d'objecter au prince Milan, que le rapport dont il venait de me donner lecture n'était pas l'oeuvre d'un homme sérieux.

A mon avis, dis-je, cette entente au tambour, ce projet d'attiser l'insurrection que les grandes puissances travaillaient au contraire à pacifier, cet ultimatum que deux principicules se préparaient à poser à l'Europe si parfaitement d'accord sur le terrain de la question d'Orient, tout cela me semblait d'une audace frisant l'impudence.

En soumettant ci-joint à la haute appréciation de votre altesse une traduction du rapport de l'envoyé serbe, je prends la liberté d'ajouter, qu'il m'eût été bien précieux pour ma gouverne ultérieure d'être informé du jugement du cabinet impérial au sujet de cette pièce.

Quant au projet d'une note collective des deux princes à l'adresse des grandes cours européennes, fort de l'improbation catégorique que j'avais eu l'honneur de recueillir à ce sujet de la bouche même de votre altesse, je n'eus pas beaucoup de peine à le faire complètement abandonner par le prince Milan.

En développant ensuite en thèse générale les considérations qui militaient impérieusement en faveur du maintien de la paix, je m'avertuai à faire comprendre à mon interlocuteur qu'aucune de ces considérations ne saurait cependant justifier l'état de complète torpeur où il semblait plongé depuis l'avènement au pouvoir du ministère Kaliévitch.

Je conseillai au prince de s'occuper personnellement de son armée, de l'organisation de la milice, de l'entretien de bonnes relations avec la Rou-

* Доклад Ф. Христича хранится в этом же деле, лл. 255—262.

manie, avec les bulgares, les albanais et spécialement avec le Monténégro. A cette fin, lui dis-je, il serait utile pour la Serbie d'avoir un agent résidant à Cettigné ainsi qu'un représentant du prince Nicolas fixé à Belgrade. En éliminant soigneusement de cette entente tout ce qui pouvait donner prise à une interprétation d'attitude agressive à l'égard de la Turquie, elle ne manquerait pas à mon avis d'exercer en faveur des destinées ultérieures des chrétiens de l'Herzégovine et de la Bosnie une salutaire influence au sein de la Porte qui, peut-être, spéculait encore sur les rivalités et la désunion des populations slaves; en même temps cet accord seconderait jusqu'à un certain point les efforts de la diplomatie européenne tendant à mettre un terme aux souffrances des chrétiens soumis à la domination ottomane.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

A. Kartzow

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1875 г., д. 265, лл. 253—254. Подлинник.

Перевод

Белград
Секретно

Господин канцлер!

Моего возвращения в Белграде ожидали с крайним нетерпением как князь, так и его министры.

Особенно князь простодушно ожидал увидеть во мне носителя распоряжений, которым он бы подчинился, чтобы успешно выйти из кризиса, в который он втянут вместе со страной.

Велико было его разочарование, и еще больше его уныние, последовавшее затем и вылившееся в его речах, с оттенком горечи по моему адресу.

Обходясь с ним, как с капризным и своевольным ребенком, я попросил его сообщить мне, что он сделал со своей стороны во время моего отсутствия, чтобы поднять Сербию на высоту своих честолюбивых притязаний.

Мой собеседник показался мне на мгновение озадаченным этим простым вопросом. Он признался, запинаясь, что ничего еще не делалось в ожидании точных распоряжений, которые, как они полагали, должны были быть переданы Сербии из С.-Петербурга. Затем с готовностью сообщил подробности переговоров Христича и, показывая мне донесение, которое этот уполномоченный представил княжескому правительству по возвращении из Цетинья, сам сделал мне его устный перевод.

Полностью одобряя принцип братского договора между Сербией и Черногорией, я не мог не возразить князю Милану, что доклад, прочитанный мне, не является трудом человека серьезного.

На мой взгляд, сказал я, это соглашение под барабанный бой, этот план разжечь восстание, которое великие державы стремятся, напротив, умиротворить, этот ультиматум, который оба князька готовятся представить Европе, совершенно единой по вопросам Востока, все это мне кажется дерзостью, граничащей с наглостью.

Представляя на высочайшую оценку вашей светлости приложенный здесь перевод доклада сербского представителя, я беру на себя смелость добавить, что было бы очень ценно для моих дальнейших действий быть информированным о мнении императорского кабинета по поводу этого донесения.

Что касается проекта коллективной ноты двух князей великих европейских держав, то уверенный в категорически отрицательном отношении к нему с нашей стороны, что я имел честь вынести из разговора лично с вашей светлостью, я без труда заставил князя Милана совершенно отказаться от этого проекта.

Развивая затем в общем виде соображения, которые настоятельно диктуют подержание мира, я предупредил моего собеседника, что ни одно из этих соображений,

однако, не сможет оправдать состояние полного оцепенения, которое, кажется, длится с момента прихода к власти кабинета Кальевича.

Я посоветовал князю лично заняться своей армией, организацией милиции, переговорами об установлении добрых отношений с Румынией, болгарам, албанцами и особенно с Черногорией. С этой целью, сказал я ему, было бы полезно для Сербии иметь своего дипломатического агента в Цетинье, подобно представителю князя Николая в Белграде. Тщательно устраняя из этого соглашения все, что могло бы дать повод об агрессивном поведении в отношении Турции, мне кажется не мешало бы оказать в пользу дальнейших судеб христиан Герцеговины и Боснии благотворное влияние внутри самой Порты, которая, может быть, еще спекулирует на соперничестве и разобщении славянских народов. В то же время это соглашение помогло бы до некоторой степени усилить европейской дипломатии, стремящейся положить конец страданиям христиан, находящимся под оттоманским владычеством.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости покорнейшим слугой

А. Карцов

№ 75

1875 г. декабря 27. — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о военных силах Сербии и подготовке ее к войне с Турцией

№ 61

Belgrade

Monsieur le chancelier!

Une commission militaire que le prince Milan vient de former de ses meilleurs officiers d'état major sous la présidence de son premier aide-de-camp, le général Zach, s'occupe activement depuis quelques jours à élaborer un plan de campagne cadrant avec les ressources dont la Serbie pouvait être à même disposer à l'entrée du printemps.

L'armée permanente n'ayant qu'en effectif de 4.500 hommes, les véritables forces de la principauté, en cas de guerre, seraient représentées par l'armée territoriale, se composant de deux classes, dont la première, formée de jeunes gens de 21 à 30 ans, offrirait 80 mille combattants et la seconde, tous les hommes âgés de 30 à 45 ans, serait d'environ 70 mille.

Cette milice est divisée en 18 circonscriptions militaires correspondant au même nombre de districts qui constituent la Serbie. Chaque circonscription forme une brigade, avec un escadron de cavalerie et une batterie de six canons, desservie par les hommes ayant déjà fait leurs deux années dans l'artillerie de l'armée permanente. Au dire des gens du métier, le service de cette arme est amené à un état fort satisfaisant; car en dehors des 18 batteries de campagne, incorporées aux brigades, le ministère de la guerre en tient en réserve encore quatorze complètement parées pour entrer en action. Les canons, pièces de 4, se chargeant, par la bouche, quoique d'un calibre peu considérable, ont une portée très précise de trois mètres mille et offrent pour les ressources fort restreintes de la principauté le grand avantage d'être d'un même type, de sorte qu'au besoin les caissons de projectiles d'une batterie pourraient être utilisés par les autres.

Quant aux fusils, cette partie de l'armement ne présente guère le même avantage d'uniformité, certaines brigades étant pourvues du fusil Peabody, se chargeant par la culasse, d'autres de l'arme Green, du même mode de chargement et enfin les hommes de la seconde classe ne possédant que des fusils d'ancien système. En outre chacun de ces trois types exige des cartouches différentes.

La commission militaire tâche d'obvier à cet inconvénient en ne groupant en divisions que les brigades armées du même fusil. Elle s'occupe de la formation d'un état major pour chacun des divisions, ainsi que de celui en chef pour quartier—général de l'armée. Elle est chargée d'aviser à la fabrication de fours de campagne et du perfectionnement des intendances militaires. Quant au service des ambulances, il est à créer dans tout ses détails ayant jusqu'à ce jour été totalement inconnu en Serbie.

Néanmoins les difficultés les plus graves, celles contre lesquelles viendra probablement s'échouer le zèle de la communication, sont:

1) Une grande pénurie d'officiers qui s'explique facilement par la disproportion entre l'effectif de l'armée permanente et le chiffre de la milice à laquelle elle fournit les cadres; en cas de guerre on serait en conséquence réduit à enrôler des officiers étrangers.

2) Le manque de fonds. Malgré le vote de l'assemblée, qui en présence de la nonréussite dans ses tentatives d'emprunt, a accordé au gouvernement la faculté de traiter avec des fournisseurs à crédit jusqu'à concurrence d'un million de ducats, il sera fort difficile d'éviter dans le pays même certains commandements exigeant de considérables débours immédiats.

Quoiqu'il en soit, la fabrique de cartouches à Kragouyévatz a reçu l'ordre de doubler le nombre de ses ouvriers.

Le prince lui-même semble depuis quelques jours avoir secoué son apathie en conférant plus souvent avec ses ministres et en se rendant même assez fréquemment au sein de la commission militaire, il stimule le zèle par sa présence.

Me retrouvant hier soir avec son altesse, je n'ai pu m'empêcher de la complimenter en riant au sujet de ce récent changement dans ses habitudes.

Le prince me répondit sur le même ton «que voulez-vous, dans les conseils que vous me donnez, il y en a pour tous les goûts, et nous préparons en conséquence. A vos yeux, — continua son altesse, — ces préparatifs ne sont que de simples mesures d'organisation intérieure, car vous avez la certitude que nous ne bougerons pas sans l'assentiment de la Russie. Mais ce n'est pas ainsi qu'en jugeront vos collègues, lorsqu'ils auront éventé la mèche et dès à présent je vous attends de pied ferme porteur d'une nouvelle note collective tendant à calmer mon ardeur belliqueuse».

Le prince me parla encore des armements considérables de la Roumanie, ainsi que de l'incessant mouvement de troupes autrichiennes venant se former en corps d'observation le long des frontières depuis Semlin jusqu'à Raguse.

En vue des circonstances actuelles, je n'ai pas cru inutile, monsieur le chancelier, de soumettre à la haute appréciation de votre altesse cet exposé succinct de l'organisation militaire de la Serbie dans l'idée que le ministère impérial pourrait peut-être trouver quelque intérêt aux informations qu'il renferme.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

A. Kartzow

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1875 г., д. 265, лл. 272—275. Подлинник.

*Перевод
Белград*

Господин канцлер!

Военная миссия, сформированная князем Миланом из лучших офицеров Генерального штаба, под председательством его первого адъютанта генерала Заха, активно занимается вот уже в течение нескольких дней разработкой плана кампании, соответ-

ственно с ресурсами, которыми Сербия сможет располагать с наступлением весны.

В составе кадровой армии всего только 4500 человек, а все вооруженные силы княжества в случае войны будут представлены территориальной армией, состоящей из двух разрядов, первый из которых, сформированный из молодых людей в возрасте от 21 до 30 лет, представит 80 тыс. бойцов, а второй, куда войдут люди в возрасте от 30 до 45 лет, составит около 70 тыс.

Эта милиция разделена на 18 военных округов, по числу районов, составляющих Сербию. Каждый округ формирует бригаду эскадронном кавалерии и батареей из 6 орудий, обслуживаемых людьми, которые отслужили два года в артиллерии постоянной армии. По словам специалистов, материальная часть этой армии приведена в довольно удовлетворительное состояние; кроме этих 18 полевых батарей, приданных бригадам, Военное министерство держит в резерве еще 14, полностью готовых вступить в действие. Четырехдюймовые орудия, заряжающиеся через дуло, хотя и незначительного калибра, имеют очень точный прицел на 3 тыс. метров. При весьма ограниченных военных ресурсах княжества, будучи однотипными, они очень выгодны, так как в случае необходимости снарядные ящики от одной батареи могут быть использованы в других батареях.

Что же касается винтовок, то эта часть вооружения совсем не представляет столь выгодного единства: некоторые бригады имеют на вооружении винтовки Пибоди, заряжающиеся через казенную часть, другие — винтовки Грина, того же способа заряжения, и, наконец, солдаты из второго разряда имеют лишь винтовки устаревшей системы. Кроме того, каждый из этих трех типов требует разных патронов.

Военная комиссия старается избежать этого неудобства, группируя в дивизии лишь бригады, вооруженные одинаковым оружием. Она занимается формированием штабов для каждой из дивизий, а также Генерального штаба для Главной квартиры армии. Ей поручено принять меры для изготовления полевых кухонь и улучшения военного интендантства. Что же касается санитарной службы, то ее надо создавать заново, так как она совершенно неизвестна в Сербии.

Однако трудности самые тяжелые, на которые, вероятно, натолкнутся старания комиссии, следующие:

1. Большой недостаток офицеров, что легко объясняется диспропорцией между личным составом постоянной армии и числом милиции, которой она поставляет кадры; следовательно, выходом в случае войны явится вербовка иностранных офицеров.

2. Недостаток фондов. Несмотря на решение Собрания, которое вследствие неудач своих попыток с займом предоставило правительству право вести переговоры с поставщиками о кредите на сумму в 1 млн. дукатов, трудно будет избежать внутри самой страны некоторых заказов, требующих немедленных и значительных издержек.

Как бы там ни было, фабрика патронов в Крагуеваце получила приказ удвоить количество рабочих.

Даже сам князь, кажется, вот уже несколько дней пробудился от апатии и чаще совещается со своими министрами и даже появляется довольно часто в военной комиссии, усердие которой он стимулирует своим присутствием.

Встретившись вчера вечером с его высочеством, я с улыбкой сделал ему несколько комплиментов по поводу недавних изменений в его привычках.

Князь ответил мне в том же духе: «Что же вы хотите, совет, который вы мне даете, подходит для всех, и мы готовим себя соответственно с этим.

В ваших глазах, — продолжал его высочество, — эти приготовления лишь простые меры внутренней организации, так как вы уверены, что мы не выступим без одобрения России. Но не так будет судить об этом ваши коллеги, когда они проводят тайные замыслы, и теперь я ожидаю увидеть в вашем лице носителя новой коллективной ноты, стремящейся успокоить мой воинственный пыл».

Князь сказал мне также о значительном вооружении Румынии и о постоянном передвижении австрийских войск, сформированных в наблюдательный корпус, вдоль границы от Землина до Рагузы.

Ввиду настоящей обстановки, я не считаю бесполезным, господин канцлер, пред-

ставить на высокую оценку вашего смятения это краткое описание военной организации Сербии, надеясь, что императорское министерство найдет что-либо интересное в сведениях, которые оно содержит.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости покорнейшим слугой

А. Карцов

№ 76

1875 г. декабря 29. — Отношение Воздвиженского волостного правления Самарской губернии И. С. Аксакову о сборе пожертвованных в пользу беженцев из Боснии и Герцеговины

№ 877

Вследствие воззвания митрополита сербского Михайлы, от 14 сентября 1875 года, опубликованного в «Самарских губернских ведомостях», № 85, и волостным старшиною сего правления Андреем Моревым жителям Николаевского уезда, Воздвиженской волости объявленного, общество крестьян этой волости, села Андросовки, представив в правление деньги — 78 рублей 56 коп. серебром, пожертвованные разными лицами в пользу семейств жителей Боснии, Герцеговины и Старой Сербии, потерпевших от восстания, просило отправить деньги эти, куда следует.

Воздвиженское волостное правление, Николаевского уезда, представляя пожертвованные Андросовским обществом деньги — 78 рублей 56 копеек серебром вашему превосходительству, имеет честь покорнейше просить отправить оные по принадлежности и о получении и отсылке их почтить уведомлением.

Волостной старшина А. С. Морев

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 269, л. 149 и об. Подлинник.

№ 77

1875 г. декабря 30. — Из протокола допроса члена «Южнороссийского союза рабочих» рабочего завода Гулье-Бланшарда И. П. Чимиренко о сборах в пользу населения Боснии и Герцеговины

№ 41

Одесса

[. . .] В июне месяце сего года я был приглашен Ревидким в трактир «Царское село», где будут члены кассы и где он будет просить 10 руб. вспомоществования. Вечером я пришел в этот трактир, где застал человек 15 вместе, в числе их были Заславский, Луценко, Мишель *, какой-то француз, служивший на фабрике Бланшора, и другие мастеровые, которых фамилий я не знаю. Когда я пришел, говорили о Герцеговине, но что именно они говорили, я точно не знаю. Мишель мне говорил, что Заславский хочет отправить в Герцеговину помянутого французца в качестве охотника. После того перешли к разговору о вспомоществовании Ревидкому, причем ему в этом отказали, а затем я ушел, оставив компанию в трактире [. . .]

Подписи: Иван Чимиренко

Поручик князь Шаховской

ЦГИАМ, ф. 112, д. 184, лл. 70 об.—71. Подлинник.

* М. П. Сквери.

ДОКУМЕНТЫ

1876 год

№№ 78—400

№ 78

1876 г. января 11. — Письмо Н. Н. Дурново Н. А. Попову
о расходовании средств, переданных сербскому митрополиту
Михаилу из России для беженцев Боснии и Герцеговины

Милостивый государь Нил Александрович!

Митрополит Сербский Михаил сообщает, что по 31 декабря из полученных им из России денег в пользу бедствующих православных жителей Боснии, Герцеговины и Старой Сербии, переселившихся в Сербию, Черногорию и Австро-Венгрию, им израсходованы следующие суммы: а) на семейства, переселившиеся в Сербию, 1 тыс. червонцев; в) отослано в Славонию (начиная с Рачи до Книна) 15 тыс. флоринов; с) митрополиту Черногорскому Иллариону 5 тыс. флоринов; д) в Рагузу, Веселитскому-Божидаровичу, 4 тыс. флоринов.

Считая червонец по 3 руб., а флорин по 68 коп., окажется, что м[итрополит] Михаил по 31 декабря получил из России 19 320 руб. серебром, из которых только 3 тыс. руб. израсходованы в Сербии.

На сербском подворье по 10 число собрано 20 250 руб., из них до 20 декабря было отослано (не считая расхода) митрополиту 12 500 руб., да после послано 5 тыс. руб. серебром.

Примите уверение в совершенном уважении к вам.

Н. Дурново

P. S. Список пожертвованиям, на серб[ском] подв[орье] поступившим, доставлю 15 янв[аря].

ОР ГБЛ, ф. 239, к. 8, д. 32. Автограф.

1876 г. января 15. — Письмо И. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову об отъезде в Боснию для участия в восстании и о закупке оружия для повстанцев

Вена

Многоуважаемый Иван Сергеич!

Спешу вас известить, что восстание в Боснии принимает серьезные меры; и что я отправляюсь в Боснию пропагандировать и поднимать народ¹, я здесь состался с военным министром черногорским г. Пламенцем, который здесь покупает ружья; он мне говорил, что Черногория будет воевать, и мой план он совершенно одобрил, я еду в Костаницу в банду*, которой я буду предводителем, мои сражения, которая скоро начнутся, докажут, что наш народ с пролитием крови докажет Европе — этой подлой, испорченной, гнилой, несправедливой, негуманной, что славянин знает проливать свою кровь за свободу и что флаг свободы будет кровью замочан** и пулями пробит, пока эта гнилая старая баба политика, за своими проектами, Андрашия, который знает, что образование «Славянского государства на югу» — это приговор мађаров к смерти — а и Австрии.

Да, Европа позабила давно, что серб — славянин — граничар² освободил ее от ига турецкого. И Австрия позабила, что Вена освободил славянин³, и если бы место св. Стефана*** сегодня была џамија**** — как свя[тая] София***** во Константинополе, то мохамеданцы была бы вся Европа — ну весна — весна! «Ђурђеџ дан хајдучки састанак»***** война будет.

Я здесь говорил насчет етого, о чем мы говорили, с негоциантами, я договорил[ся] и условился, чтобы в Костаницу привезли X.***** и что я там заплачу — я дал Капари 200 fl.***** Надеюсь, что телеграфирова вам из Костаницы, немедленно телеграфом ответите мне и пришлете обещано[е]. Об получению я вам официально в «Заставу»⁴ поблагодарю; конечно, ваша фамилия не будет напечатана, а буквы только. Прошу вас минимум прислать 1 тыс. руб. Надеюсь, что исполните ваше обещание! Здесь ежедневно покупают комитеты ружья и присилают, вчера известный литератор и редактор далматинский Клаич купил 2 тыс., война будет!..

Ещо я вас прошу как теперь самому главному славенофилу, известному по всей России, что бы были настолько добры отрекомендовать самим лучшим журнал илюстриовани «Сербадия»⁵, который вам редактор Чурчич пришлет, он верно приносит события теперашнего восстания, самая лучшая работа, сами лучшие литераторы его сотрудники, сами лучшие сочинения переводят с русского — это журнал, как самый увидите, достоин поддержки, достоин, чтобы его славенофилы поддержали. Етем докажут, что они поддерживают нас морально и матеряльно — постарайтесь только вы, Иван Сергеич, — и он будет поддержан у несколько.

Вчера взял паспорт для всей Турции как корреспондент «Голоса», чтобы получше мог узнать, где его нужно, т. е. восстание поднять, начать, моя корреспонденция через две недели начнется мечом.

* Отряд (серб.).

** Забрызган (серб.).

*** Католический собор в Вене.

**** Мечеть (тур.).

***** Православный храм в Константинополе, после 1453 г. превращенный турками в мечеть.

***** Юрьев день — гайдуцкая встреча (серб.).

***** Очевидно, речь идет о доставке оружия.

***** Флоринов.

Примите глубочайший поклон и потрудитесь передать вашей госпоже. В надежде что поможете моему делу, остаюсь вас многуважаючи

Ив. Попович-Липовац

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 2—3 об. Автограф.

1. И. Попович-Липовац во время обучения в 1875 г. в Московском университете поддерживал переписку с руководителями национально-освободительного движения в Боснии. 11 января 1876 г. он отправился в Боснию в качестве корреспондента русской газеты «Голос». В Боснии Попович-Липовац принял деятельное участие в организации восстания и возглавил отряд повстанцев. Он несколько раз ездил в Австро-Венгрию для переговоров о покупке ружей для повстанцев на деньги, которые должен был выслать И. С. Аксаков. Во время одной из таких поездок австрийское правительство арестовало его как агитатора в пользу освобождения Боснии, а затем как черногорского подданного переправило в Черногорию (ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 274).

2. Граничары — население так называемой Военной границы, созданной Габсбургами еще в XVI в. с целью защиты от турецких набегов. По своей национальности это сербы или хорваты.

3. Имеется в виду разгром турок под Веной в 1683 г. польскими войсками под командованием короля Яна Собеского.

4. «Застава» — сербская либеральная газета в Воеводине (1866—1925 гг.). Первый издатель и редактор — Св. Милетич.

5. «Сербадия» (Србадија) — иллюстрированная научно-литературная газета. Выходила раз в месяц в Вене (в 1874—1877 гг.). Издатели — И. Вилковский и С. Чурчич.

№ 80

1876 г. января 19 (31). — Донесение русского дипломатического агента и генерального консула в Бухаресте И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о военных приготовлениях Румынии

№ 1

Bucarest

L'activité que le ministre de la guerre déploie depuis la reprise de travaux législatifs est de nature à faire croire que le gouvernement princier est résolu à profiter des événements qui suivant son opinion se préparent en Turquie ¹.

Non content des nombreux crédits accordés précédemment pour les besoins de l'armée, le général Floresco vient de demander à la Chambre un nouveau crédit extraordinaire de 5 millions 600 000 francs qu'il se propose d'affecter à l'acquisition de munitions de guerre, du matériel des ambulances et enfin tout ce qui serait nécessaire pour mettre une armée de 40 à 50 mille hommes sur le pied de guerre.

Le ministre de la guerre réclame simultanément l'autorisation des corps législatifs d'appeler sur la classe de 1876, un contingent de 15 000 hommes dont 6000 sont destinés à compléter l'armée permanente et 9000 — l'armée territoriale.

Un projet de loi sur nouveau mode de recrutement qui vient d'être déposé sur le bureau de la Chambre, aussi qu'un autre qui accorderait au ministre de la guerre la faculté de se procurer par la voie de la réquisition tous les chevaux qui lui seraient nécessaires en cas de mobilisation, sont destinés à compléter la série des mesures tendant à mettre la Roumanie à la même de faire face aux événements.

Les journaux officieux ne cessent de répéter en attendant que les projets agressifs sont entièrement étrangers au gouvernement qui ne chercherait qu'à se procurer les moyens nécessaires pour aviser à la sécurité et à la défense des droits légitimes du pays. Le status quo étant loin de satis-

faire les plus modérés, les déclarations rassurantes des feuilles officielles laissent encore de la marge à l'ambition des roumains.

Les aspirations du ministère ne laissent pas que de se refléter dans le langage du prince Charles. Dans un entretien que j'ai eu ces jours-ci avec hospodar, son altesse m'a fait clairement entendre que l'état actuel des choses en vertu duquel la Roumanie se voyait entraînée à un état en pleine décomposition devenait intolérable, et qu'elle espérait voir prochainement, cesser une situation aussi blessante pour l'amour propre national qu'incompatible avec les engagements moraux qu'en sa qualité du prince de Hohenzollern elle aurait contracté à l'égard du pays qui lui confié ses destinées ².

Son altesse m'a dit à la même occasion que des journaux anglais auraient conseillé à la Roumanie de profiter des circonstances actuelles pour opérer le rachat du tribut dû à la Porte. Elle a ajouté qu'elle se garderait bien de suivre aujourd'hui un conseil inspiré par des considérations égoïstes, persuadée qu'elle est que l'avenir se chargera de régler prochainement cette question à l'avantage de roumains.

Le langage du prince offre une singulière coïncidence avec celui du président du conseil des ministres. Interpellé par un de mes collègues sur les bruits d'après lesquels des négociations auraient ouvertes entre la Porte et la Roumanie relativement au rachat du tribut, mr Catargi répondit que le gouvernement princier préférerait ne pas payer du tout le tribut plutôt que de s'imposer des sacrifices qu'exigerait le rachat ³.

Les tendances actuelles du cabinet princier se sont affirmées surtout depuis la visite que son agent à Constantinople a faite à Bucarest au mois de décembre dernier. D'après ce qui me revient le général Ghica aurait représenté sous les couleurs les plus sombres l'état de choses en Turquie et aurait conseillé à son gouvernement de ne rien négliger et de ne reculer devant aucun sacrifice pour être en mesure de profiter des embarras de la Porte. Il aurait surtout cherché à démontrer les inconvénients de l'isolement actuel de la Roumanie ⁴ et aurait insisté sur la nécessité de faire, en cas échéant, cause commune avec les populations chrétiens d'Orient et d'inaugurer, dès à présent des rapports plus intimes avec les gouvernements de Belgrade et de Cettigné. Les turcs, qui accusent la Serbie et le Monténégro de nourrir l'insurrection en Herzégovine, aurait ajouté l'agent roumain, pourraient être tentés d'occuper militairement l'une ou l'autre de deux principautés et il ne serait point de l'intérêt de la Roumanie de laisser écraser ses alliés naturels.

Cette dernière partie du programme du général Ghica a également été goûtée à Bucarest, mais il est fort peu probable que le gouvernement princier soit à même de procéder actuellement à sa mise à exécution, l'incertitude de l'avenir, les tendances subversives qui dominant à Belgrade * et la distance qui sépare la Roumanie du Monténégro étant autant d'obstacles à une action combinée de trois principautés. Tout s'est borné pour le moment à un échange de télégrammes entre le prince Charles et le prince Nicolas, qui à l'occasion du Nouvel an se sont mutuellement exprimés l'espoir de voir prochainement leurs pays respectifs arrivés à la réalisation de leurs vœux intimes.

J'ai l'honneur d'être etc.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, лл. 16—18. Копия. Литогр. экз.

*Перевод
Бухарест*

Активность, с которой действует военный министр со времени возобновления законодательных работ, позволяет думать, что княжеское правительство решило воспользоваться событиями, готовящимися, по его мнению, в Турции ¹.

* См. док. 69, 74.

Неудовлетворенный многочисленными ассигнованиями, предоставленными ранее для военных целей, генерал Флореску только что испросил у палаты новый чрезвычайный кредит в 5 млн. 600 тыс. франков, предполагая использовать его для приобретения боевых припасов, оборудования госпиталей и всего необходимого для вооружения армии в 40—50 тыс. человек.

Военный министр одновременно требует разрешения законодательного корпуса призвать на учебный сбор из призывников 1876 г. контингент в 15 тыс. человек, из которых 6 тыс. предназначены для комплектования постоянной и 9 тыс. — для территориальной армий.

Проект закона о новой форме рекрутского набора, представленный на заседании палаты, так же как и другой, дающий министру возможность с помощью реквизиции приобрести лошадей, которые понадобятся в случае мобилизации, предназначены дополнить серию мероприятий, направленных к тому, чтобы Румыния имела возможность противостоять событиям.

Официальные газеты постоянно повторяют, что агрессивные планы полностью чужды правительству, стремящемуся лишь обеспечить себе необходимые средства безопасности и защиты законных прав страны. Поскольку статус-кво не удовлетворяет и самых умеренных, ободряющие заявления официальных органов оставляют широкое поле для честолюбивых устремлений румын.

Стремления министерства отражаются и в речах князя Карла. В одной из бесед с господарем в эти дни его высочество ясно дал мне понять, что настоящее положение дел, в результате которого Румыния оказалась связанной с полностью разлагающимся государством, стало невыносимым. Он надеется, что вскоре прекратится такое обидное для национального самолюбия состояние, несовместимое с моральным обязательством, которое он как принц Гогенцоллерн имеет в отношении страны, доверившей ему свою судьбу².

В этой же связи его высочество сказал мне, что английские газеты посоветовали Румынии использовать настоящую обстановку, чтобы выкупить дань, причитающуюся Порте. Он добавил, что в настоящее время он остерегается следовать совету, внушенному эгоистическими соображениями, уверенный, что будущее решит этот вопрос в пользу румын.

Слова князя удивительно совпадают со словами председателя совета министров. Когда один из моих коллег спросил г-на Катарджиу о слухах по поводу якобы начавшихся переговоров между Турцией и Румынией о выкупе дани, то последний ответил, что княжеское правительство предпочло бы совсем не платить дани, чем брать на себя тяготы, которых потребует выкуп³.

Нынешние стремления княжеского кабинета укрепились особенно с момента посещения Бухареста его агентом в Константинополе в декабре прошлого года. Насколько я помню, генерал Гика представил состояние дел в Турции в самых мрачных тонах и посоветовал своему правительству ничем не пренебрегать и не отступать ни перед какими жертвами, чтобы можно было использовать затруднения Порты. Он особенно старался подчеркнуть затруднения, вытекающие из изоляции Румынии⁴, а также настаивал на необходимости совместных действий с христианским населением Востока и установления отныне более тесных связей с правительствами Сербии и Черногории. Турки, которые обвиняют Сербию и Черногорию в поддержке восстания в Герцеговине, добавил румынский агент, могут попытаться оккупировать одно из этих княжеств и совсем не в интересах Румынии отдать на разграбление своих близких союзников.

Эта последняя часть программы генерала Гика была также оценена в Бухаресте, но мало вероятно, что княжеское правительство сможет приступить в настоящее время к ее выполнению, так как неуверенность в будущем, пагубные тенденции, господствующие в Белграде, а также расстояние, разделяющее Румынию и Черногорию, являясь препятствием для совместного действия трех княжеств. Пока все ограничилось обменом новогодними телеграммами между князьями Карлом и Николаем, которые выразили взаимную надежду увидеть вскоре свои страны приступившими к выполнению своих заветных желаний.

Имею честь быть и пр.

1. Это предположение не подтвердилось. Консервативное правительство и в дальнейшем продолжало проводить политику нейтралитета.

2. Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген в 1866 г. объединенными усилиями помещичье-буржуазной коалиции и западноевропейской дипломатии был возведен на румынский престол. В Румынии фактически установилась наследственная монархия — оплот иностранного влияния и опора реакционных сил. Представитель прусской военщины, князь Карл являлся решительным противником демократических реформ внутри страны и сторонником сближения с державами Центральной Европы, прежде всего с Германией.

3. Общая сумма дани, ежегодно уплачиваемой Румынией Турции как сюзеренной державе, в середине 70-х годов составляла 914 тыс. лей. Выкуп дани должен был существенно облегчить финансовые затруднения Турции, к тому времени оказавшейся в большой зависимости от Англии. Но этот выкуп имел бы самые тяжелые последствия для Румынии, особенно в условиях обострившегося в середине 70-х годов финансового кризиса, который явился следствием глубоких противоречий в экономике страны. Правящие круги Румынии больше всего пугало возможное в такой обстановке дальнейшее обострение социальных противоречий

4. В годы Восточного кризиса консервативное правительство Катарджиу, заявив о сохранении строгого нейтралитета по отношению к развернувшимся событиям, отказалось присоединиться к освободительной борьбе балканских народов и не оказало помощи вспыхнувшим восстаниям. Действия румынских правящих кругов, имевшие отрицательное значение для развития национального движения против турецкого господства на Балканах, вызвали недовольство народов в странах, находившихся в зависимости от Турции, в том числе и в самой Румынии.

№ 81

1876 г. января 28. — Письмо сербского митрополита Михаила Н. А. Попову о необходимости помощи России в решении Восточного вопроса

Белград

Милостивый государь Нил Александрович!

Наше белградское Медицинское общество, желая иметь связь с тамошним обществом сего рода, в благодарность за посланную ему книгу, просит вас передать тому обществу устав и три книжки архива, которые вам посылаю.

И Якшич обещал прислать несколько экземпляров своего статистического издания¹, но еще не прислал, но между тем я пока посылаю вам свой экземпляр — может быть, понадобится: «Државопис Србије» и «Статистична збирка».

Прошу вас не верить австрийским, немецким и мадьярским газетам относительно Сербии, у них все тенденциозные выдумки и сплетни. Отчего русские газеты без разбора принимают все из них, а не хотят иметь своих корреспондентов в Белграде, откуда бы верно или приблизительно тому могли иметь сведения? Пожалуйста, решайте Восточный вопрос, что прежде, то легче, дальше будет труднее или опаснее для нас на юге. Австрия подняла восстание в Херцеговине несвоевременно для нас и вас с целью, чтобы потеряли и мы и вы. А когда видела, что решится не по ее расчетам, тогда завела интриги. О, если бы она вас не обманула, вы можете нашу ошибку исправить, а мы вашу не можем?!

Прошу вас не забывать нас, с почтением и преданностью имею честь быть вашим богомольцем митрополит Сербский

Михаил

ОР ГБЛ, ф. 239, к. 13, д. 48. Автограф.

1. В. Якшич впервые в Сербии предпринял издание статистических сборников «Државопис Србије» (т. I — 1855 г., т. II — 1857 г.). С 1863 г. «Државопис Србије» стало выходить как официальное издание.

1876 г. февраля 4 (16). — Донесение И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о подготовке Болгарским центральным революционным комитетом восстания и о позиции «старых»

№ 4

Bucarest

Monsieur le chancelier!

Le ministère impérial n'ignore point que les événements dont les provinces chrétiennes de l'empire Ottoman ont été le théâtre n'ont jamais manqué de se refléter sur les bulgares de Bucarest. Persuadé que votre altesse aura déjà été informé des dispositions des populations bulgares d'au delà du Danube, je ne crois pas toutefois superflu de signaler à son attention les informations qui me parviennent à cet égard, et qui me sont confirmées de plusieurs parts.

Suivant ces informations une vive agitation règne parmi les chrétiens du vilayet du Danube. De nombreux comités secrets auraient surgi sur différents points du territoire ottoman, et ces comités qui se trouveraient en rapports suivis entre eux, auraient réussi à propager l'agitation sur toute la superficie du vilayet. Tous les bulgares, me dit-on, vieux et jeunes s'accorderaient à considérer l'état de choses actuel comme intolérable. Ils seraient décidés à employer tous leurs efforts pour y mettre fin, et les avis ne se partageraient que sur les moyens d'arriver à la réalisation de ces vœux.

Les jeunes bulgares sont comme toujours plus portés à l'action. Ils ne se laissent nullement intimider par la perspective des difficultés qu'éprouverait un soulèvement armé. L'énergie et le courage personnel, disent-ils, suppléeraient au manque de moyens matériels. L'exemple de l'Herzégovine et de la Bosnie leur sert en outre d'encouragement. C'est grâce à l'opiniâtreté de la résistance qu'elles ont opposée aux turcs, que les populations de ces provinces sont parvenues à l'intéresser l'Europe en leur faveur et à s'assurer son appui. Un mouvement bulgare ne tarderait pas non plus à attirer l'attention des puissances et les forcerait à intervenir pour mettre fin à un état de choses qui est une menace permanente pour la paix.

Ces appréciations sont en tout point conformes à celles qui sont répandues parmi les jeunes bulgares de Bucarest.

Quant aux anciens, ils préféreraient arriver à la réalisation de leurs vœux par des moyens pacifiques; mais les promesses dont la Porte se montre si prodigue depuis quelque temps ne leur inspirent la moindre confiance¹. Une intervention étrangère ne leur paraît pas moins indispensable pour assurer l'efficacité des réformes promulguées à Constantinople, lesquelles seraient condamnées à rester à l'état de lettre morte si leur application était confiée aux autorités turques. L'institution de commissions de contrôle mixtes fonctionnant sans la surveillance de ces autorités ne servirait qu'à donner le change à l'opinion publique.

J'apprends également que plusieurs suppliques venant du fond de la Bulgarie ont été reçues ces jours-ci à Bucarest. Ces suppliques qui seraient destinées à m'être remises auraient pour objet de solliciter l'intervention du gouvernement impérial auprès de la Porte. Elles contiendraient également un exposé détaillé des réformes propres à assurer les populations chrétiennes contre l'oppression des musulmans et qui ne tendraient à rien moins qu'à la reconnaissance explicite de l'autonomie des bulgares*.

D'après ce qui me revient les autorités turques elles mêmes auraient contribué à propager l'agitation. Depuis la promulgation de l'iradé promet-

* Подобные прошения болгар опубликованы в первой книге «Из архивата на Найдено Герев», София, 1911, стр. 83 и об., № 147.

tant les réformes *, ces autorités se montreraient plus hostiles que par le passé envers les chrétiens. Tous les organes de la presse locale qui avaient essayé d'exposer les griefs des bulgares auraient été suspendus ou supprimés ², et toute manifestation analogue serait réprimée avec la plus grande rigueur. Les autorités turques auraient en outre cherché à obliger les bulgares à signer des adresses tendant à témoigner des sentiments de reconnaissance des populations chrétiennes envers le sultan. Ces démarches auraient presque partout échoué, et les fonctionnaires ottomans n'auraient réussi à recueillir que les signatures des israélites, des arméniens et d'un petit nombre de bulgares qui sont loin de jouir de la confiance de leurs congénères.

L'on m'assure en outre que les habitants de plusieurs communes bulgares et entre autres ceux de Gabrovo auraient catégoriquement refusé de payer l'impôt de bedelié qui remplace le service militaire pour les chrétiens, et se seraient déclarés prêts, à se soumettre au recrutement ³.

Il m'est impossible, monsieur le chancelier, de garantir l'entière exactitude des informations ci-dessus exposées que je tiens pourtant de bulgares dont le caractère et la position sociale sont de nature à les mettre à l'abri des entraînements irréflechis de leurs congénères.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

I. Zinoviev

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 15, лл. 17—20. Подлинник.

*Перевод
Бухарест*

Господин канцлер!

Императорское министерство знает, что события, театром действия которых являются христианские провинции Оттоманской империи, не преминули отразиться на болгарях в Бухаресте. Будучи уверен, что ваша светлость были уже информированы о настроениях болгарского населения по ту сторону Дуная, я не считаю излишним представить вашему вниманию сведения, дошедшие до меня по этому поводу и подтвержденные с различных сторон.

По этим сведениям, сильное волнение царит среди христиан Дунайского вилайета. Многочисленные тайные комитеты действовали в различных пунктах оттоманской территории, и эти комитеты, будучи в постоянной связи между собой, смогли распространить волнение на всю территорию вилайета. Как мне говорили, все болгары, молодые и старые, единодушно рассматривают настоящее положение, как невыносимое. Они решили употребить все свои усилия, чтобы положить конец ему, и их мнения расходятся лишь по поводу способа осуществления этих желаний.

Молодые болгары, как всегда, более склонны к действию. Они нисколько не пугаются предстоящих трудностей, которые повлечет за собой вооруженное восстание. Энергия и личная храбрость, говорят они, восполнят недостаток материальных средств. Кроме того, пример Боснии и Герцеговины воодушвляет их. Именно благодаря упорному сопротивлению, оказанному туркам, население этих провинций смогло заинтересовать Европу в свою пользу и заручиться ее поддержкой. Болгарское восстание не замедлит привлечь внимание держав и заставит их вмешаться, чтобы положить конец состоянию, являющемуся постоянной угрозой миру.

Эти суждения полностью соответствуют тем, которые распространены среди молодых болгар Бухареста.

Что же касается стариков, то они предпочитают осуществить свои желания мирными средствами; но обещания, щедро расточаемые Портой уже в течение некоторого времени, не внушают им ни малейшего доверия ¹. Иностранное вмешательство ка-

* См. примечание к док. 86.

жется им необходимым для обеспечения действенности обнародованных в Константинополе реформ, которым суждено остаться на бумаге, если их проведение в жизнь будет доверено турецким властям. Учреждение же смешанных комиссий контроля, действующих без надзора со стороны этих властей, приведет лишь к обману общественного мнения.

Я узнал также, что многие прошения, поступающие из внутренней Болгарии, на этих днях были получены в Бухаресте. Эти прошения должны быть вручены мне и имеют целью склонить императорское правительство к посредничеству между восставшими и Портой. Они содержат также подробное изложение реформ, способных оградить христианское население от мусульманского гнета и стремящихся к полному признанию автономии болгар.

Судя по тому, какие я имею сведения, турецкие власти сами способствовали распространению волнений. Со времени обнародования праде, обещавшего реформы, турецкие власти показали себя более враждебными по отношению к христианам, чем ранее. Все органы местной печати, пытавшиеся излагать жалобы болгар, были запрещены или закрыты², и все подобные манифестации подавлялись с величайшей суровостью. Турецкие власти, кроме того, пытались заставить болгар подписать адреса, выражавшие чувство признательности христианского населения султану. Подобные попытки почти повсюду потерпели неудачу, и оттоманским чиновникам удалось собрать лишь подписи евреев, армян и небольшого числа болгар, которые далеко не пользуются доверием своих соотечественников.

Помимо этого, меня уверяют, что жители многих болгарских общин, и среди них — общины Габрова, категорически отказались платить налог *«бедель»*, заменяющий военную службу для христиан, и заявили, что они готовы подчиниться рекрутскому набору³.

У меня нет возможности, господин канцлер, гарантировать полную достоверность вышеизложенных сведений, получаемых мною от болгар, характер и социальное положение которых избавляет их от необдуманных увлечений своих соотечественников.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости почтительнейшим и покорнейшим слугой

И. Зиновьев

1. Герцеговинское восстание и его успехи, повышение активности болгар в 1875 г., в частности болгарской эмиграции в Румынии, смелая постановка болгарского вопроса в болгарской прессе в Константинополе и последовавшее затем Старозагорское восстание вынудили турецкое правительство выступить перед лицом европейского общественного мнения с фирманом о проведении реформ.

Как с полным основанием отмечает автор донесения И. А. Зиновьев, даже консервативные элементы в болгарском обществе отнеслись к этим реформам с недоверием. Весьма показательное отношение к ним официальной болгарской прессы в Константинополе, которая отмечала, что указ был встречен «с прискорбным равнодушием», «потому что люди не верят, что эти обещания искренне будут проведены в жизнь» (газета «Напредък», 6, 13 декабря 1875 г.).

2. В 1875 г. турецкое правительство сделало несколько последовательных предупреждений и ограничило издание «непроверенных» политических сообщений («Напредък», 8 ноября, 27 декабря 1875 г.; газета «Век», 23 августа 1875 г.). В связи с этим на три месяца, начиная с 31 декабря 1875 г., за «сообщение о злоупотреблениях на местах» было приостановлено издание даже такой газеты, как «Източно време», болгарского издания англо-французской газеты «The Levant Times», выходившей в Константинополе (85, стр. 459).

3. Основываясь на хатти-хумаюне, болгарское население просило о введении обязательной военной службы для болгар, надеясь, что это создаст известные гарантии против турецких насилий. Исходя из этого соображения, габровцы подали прошение султану 30 декабря 1875 г., в котором просили заменить им денежный откуп за военную службу действительной службой («Напредък», 10 января 1876 г., ср. также 5, стр. 26—38, где помещены заявления от Габрова, Севлиева, Ловеча, Сливена).

1876 г. февраля 4. — Предписание командующего войсками Варшавского военного округа и варшавского генерал-губернатора П. Е. Коцебу варшавскому губернатору Н. Н. Медему с требованием пресечь движение варшавской молодежи в поддержку Герцеговинского восстания

№ 2323

Совершенно секретно

В № 23 сего года заграничной газеты «Познанский дневник»¹ появилась корреспонденция из Варшавы, в которой выражен упрек как польской журналистике, так и самому обществу за апатическое равнодушие поляков к Герцеговинскому восстанию. Статья эта не осталась без последствий, доказательством чего служат полученные негласные сведения, что между варшавскою молодежью господствует сильное возбуждение умов в пользу Герцеговинского восстания и многие из сказанной молодежи предстоящею весною намереваются отправиться на театр действий, а некоторые будто бы уже и удалились за границу.

Толки между этими людьми по объясненному предмету весьма оживленного свойства и высказываются не стесняясь вовсе присутствием посторонних лиц, к какой бы категории эти последние не принадлежали, не исключая даже и военных. Легкость взгляда молодежи в этом отношении, по всему вероятно, происходит от того, что они в стремлениях своих не находят ничего преступного против правительства, основываясь на оказываемом как самим правительством, так и всем русским народом, гласно и печатно, сочувствии и посильной материальной и нравственной помощи бедствующим славянам.

По некоторым намекам можно полагать, что с этою целью должны здесь образоваться комитеты, что эмигранты будут иметь свое пристанище в Кракове, где станут получать паспорта, нужные указания на дальнейшее следование и даже пособие, с каковою целью там будто бы существует Комитет для вспоможения эмигрантам, в составе коего как на принимающих деятельное участие указывают на бежавшего из Варшавы в 1863 году книгопродавца Новолецкого и бывшего где-то бурмистром в крае Давидсона.

Принимаем во внимание, что подобное возбуждение умов может обнаружиться и между молодежью в губерниях здешнего края, я признаю необходимым сообщить о всем вышеизложенном вашему превосходительству, покорнейше прося принять соответственные меры к предупреждению образования помянутых комитетов и выезда молодых людей за границу, и о том, что вами будет замечено в этом отношении по вверенной вам губернии, сообщать мне.

Генерал-адъютант (подписал) граф Коцебу
Управляющий канцеляриею (подписал) Пфель

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, лл. 37—38. Заверенная копия.

1. «Dziennik Poznański» — газета, издававшаяся в Познани с 1859 г.

1876 г. февраля 4. — Письмо И. С. Аксакова старшине Московского купеческого общества С. М. Третьякову о необходимости усилить сбор средств для помощи беженцам из Герцеговины

Москва

Милостивый государь Сергей Михайлович!

Я уже имел честь получить однажды, по ходатайству вашему, 2 тыс. рублей от Московского купеческого общества¹ в пользу несчастных герцеговинцев, вынужденных турецким варварством к неравномерной борьбе и разоренных этою борьбою.

Помощь, оказанная Россиею, уже обеспечила участь семейств на два месяца, из которых один уже истекает. Но люди, стоящие близко к делу, с ужасом помышляют о той минуте, когда наступит срок и последнему месяцу и когда Австрия откажет в своем гостеприимстве тем десяткам-сотне семейств, которые находят теперь убежище (впрочем, только убежище) в пограничных австрийских владениях. При самом благоприятном исходе восстания, если герцеговинцам возможно будет, без опасения мести турок, возвратиться на родину, они сильнее, чем когда-либо, станут нуждаться в средствах для восстановления своих хозяйств, для засева полей, для закупики скота. Потребна новая помощь со стороны России, новые жертвы со стороны Москвы, со стороны той общественной силы, которую представляет в России московское купечество.

Скажу более: нужны новые знаменательные выражения сочувствия делу герцеговинцев, не только пото[му], что эти выражения сочувствия со стороны русского народа составляют отраду и нравственную поддержку в [несчастьях] * нашим единоверцам и единоплеменникам, которые не отвыкли еще все свое упование возлагать на Россию, но и потому, что в этих выражениях сочувствия нуждается и само русское правительство для успехов своей дипломатии. Известный петербургский французский журнал **, служащий органом нашего Министерства иностранных дел и издаваемый на его средства, воспользовался тем общественным движением, которое с помощью Московского славянского комитета и его отделов было возбуждено в Москве и по всей России, и указывал на него однажды Турции, как на такую силу общественного мнения, которое правительство едва сдерживает и которое поэтому должно быть Портою принято во внимание. Да и очевидно, если бы наше правительство считало это движение для себя ненужным, оно давно запретило бы всякие сборы, как это сделало французское правительство, запретившее публичную подписку даже в пользу герцеговинских семейств, оно — наше правительство — не решило бы приезда сюда Божидаровича и его публичных чтений².

Не предрешая всего Восточного вопроса, не желая нарушения европейского мира, русское общество вместе с правительством может желать теперь покуда одного: поставить герцеговинцев в такие условия, чтобы они могли *безопасно* возвратиться на родину и, не страшась ни за свободу вероисповедания, ни за свое состояние, ни за честь своих жен и дочерей, начать новое, мирное, правильное, по возможности благоденственное житие.

Мне кажется, что если московское купечество убедится в справедливости этих мыслей, то оно, всегда щедрое на благотворения частные, не откажется дать доказательства своей щедрости и в настоящем случае, где благотворение связано с интересами первой важности, касающимися

* Текст поврежден, слово «несчастьях» восстановлено по смыслу предположительно.

** «Journal de St. Pétersbourg».

не только блага единоверного и единоплеменного нам народа, но и нашей народной чести, нашего достоинства, как православной славянской державы³. От самого купечества будет уже зависеть придать своему благотворению значение такого крупного общественного действия, которое, как выражение общественного мнения, может всего сильнее послужить на пользу нашей дипломатии в ее стараниях обеспечить *мирным путем* судьбу несчастных герцеговинцев.

Примите, милостивый государь, уверение в моем беспредельном уважении и преданности.

Иван Аксаков

Московского славянского благотворительного комитета
вице-президент.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 271, лл. 11—13. Автограф.

1. Эти деньги, пожертвованные московским купечеством в пользу пострадавших семейств Боснии, Герцеговины и Старой Сербии, были получены Московским славянским комитетом 2 декабря 1875 г. (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 269, л. 183). Московское купеческое общество (создано в 1863 г.) в лице своих видных представителей С. М. Третьякова, С. Т. Морозова и других поддерживало тесную связь с московскими славянофильскими кругами, в частности с И. С. Аксаковым.

2. Г. С. Веселитский-Божидарович приехал в Россию в январе 1876 г. как представитель Международного комитета помощи семействам и раненым Герцеговины и Боснии, созданного в Париже 16 (28) августа 1875 г. В Петербурге и Москве при содействии славянских комитетов были организованы его доклады и лекции. Был принят Веселитский и в официальных кругах. Миссия Веселитского имела положительный результат: Петербургский славянский комитет ассигновал ему 60 тыс. руб., Московский — 30 тыс. (59, стр. 26—29). Эти деньги были употреблены Веселитским на закупку оружия (см. док. 88).

3. Участие, принимаемое московским купечеством в пожертвованиях в пользу славян Балканского полуострова в 1875 г. — первой половине 1876 г., не было значительным. Лишь в июле—августе 1876 г. московское купечество сделало крупные пожертвования, на которые в дальнейшем было закуплено вооружение для болгарского ополчения. Основные же средства славянских комитетов ($\frac{2}{3}$ всех сборов) складывались из пожертвований простого народа (1, стр. 228).

№ 85

1876 г. февраля 6. — Докладная записка А. Л. Потапова
Александрю II о секретном наблюдении за М. Г. Черняевым

Вашему императорскому величеству благоугодно было поручить военному министру передать мне высочайшее вашего величества повеление об учреждении секретного наблюдения как в С.-Петербурге, так и за границу за отставным генерал-майором Черняевым и за сношениями его с герцеговинцами¹.

Во исполнение такового высочайшего вашего величества повеления, сделав надлежащие распоряжения, считаю долгом всеподданнейше представить, что по сведениям вверенного мне управления у генерал-майора Черняева должны быть собственные корреспонденты в Герцеговине, нисыма которых печатаются в газете «Русский мир» за подписью какого-то П. Петрова*.

Ввиду сего не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть: обратить внимание на корреспонденцию генерал-майора Чер-

* Псевдоним П. А. Монтеверде.

няева и редакции «Русского мира», дабы можно было напасть на след корреспондентов и обнаружить их.

Пометы А. Л. Потапова: 1) Высочайше повелено объявить отставному генерал-майору Черняеву, что его величеству не угодно, чтобы генерал Черняев уезжал в Герцеговину и содействовал инсургентам. Генерал-адъютант Потапов. 7 февраля 1876 г. 2) Объявлено лично генерал-майору Черняеву 7 февраля 1876 г. в 5 часов дня. Генерал-адъютант Потапов.

Помета канцелярии III отделения: О надзоре за отст[авным] г[енерал]-м[айором] Черняевым поручено подполковнику Ремеру. 8 февраля.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 436, л. 1 и об. Подлинник.

1. Русское правительство, связанное соглашением с Австро-Венгрией и Германией, стремилось к мирному разрешению боснийско-герцеговинского вопроса. Зная о неудавшейся попытке М. Г. Черняева осенью 1875 г. отправиться в Герцеговину во главе специального отряда (59, стр. 13—14), русские правительственные круги, естественно, с особым вниманием следили за его связями с герцеговинцами, опасаясь, что появление Черняева в Герцеговине будет истолковано как интрига русского правительства и вызовет осложнения, нежелательные для России.

№ 86

1876 г. февраля 12. — Письмо руководителей восстания в Боснии Московскому славянскому комитету с просьбой о присылке денег на покупку оружия в связи с предполагаемым выступлением против турецких войск

Врлетине

Браћо! почем смо ријешили одбацити сваке «ираде» и реформе које из Цариграда Турци пружају¹, и због тога наумили у половини марта кренути се из планина: Грмеча и Рисовца и рушити вароши: Отоку, Крупу, стари Мајдан, Приједор, Козара, Костаницу, Дубицу, па онда и Нови: то нам неопходно нужно, поред овога што имамо, имати још 500 ма каки пушака са муницијом.

Стога, без многога просипања ријечи, обраћамо се преставницима Московског и Петроградског комитета и братски молимо, у име човјечанства и славенства, да нам сад или икад у помоћ притечете и ову народну потребу подмирите, преко Ристе Аџиристића у Бечу кој већ зна гди ће аманет набавити и преко кога ће га нама оправити.

Надајући се најбратскијем и најчовјечнијем одзиву, кога свака србска и југославенска душа од браће Руса и велике Русије вјечито очекују, јесмо с дубоким поштовањем изпред народа:

Јован Ю. Попович
Васа Пелагић
Ђока Каран Свећанић
Рито Дукић
Остоја Веиновић
Јово Каран
Обрад Карановић
Симо Давидовић
Петар Гаковић, парох

Нико Гаковић
Стојан Јовчић
Лазо Судчевић
Ђорђија Ковачевић
Петар Мутић
Лазар Тешановић
Тејо Ерцеговац
Мићо Шурлан
Милош Родић
Симо Билбија

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 17 и об. Подлинник.

1. Авторы письма имеют в виду ряд постановлений Порты, изданных в конце 1875 — начале 1876 г.: ираде от 20 сентября (2 октября) 1875 г., фирман от 30 ноября (12 декабря) 1875 г. и, наконец, ираде от 30 января (11 февраля) 1876 г., охватывавшее в основном пункты ноты Андраши от 18 (30) декабря 1875 г. и 19 (31) января 1876 г. (102, стр. 96—113; см. прим. к док. 87).

№ 87

*1876 г. февраля 27. — Донесение русского консула в Скутари
И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву о недовольстве герцеговинцев
нотой Андраши и возобновлении ими военных действий
против турок*

За несколько времени до появления в свет ноты гр. Андраши¹ восстание в Герцеговине дов[ольно] долго не давало о себе знать. Инсургенты прекратили было свои стычки с турецк[им] войском и с напряженным вниманием следили за ходом переговоров европ[ейских] держав с Оттоманским Портою относительно их судьбы. Они ожидали от ноты гр. Андраши и внимания к ним Европы б[ольших] результатов, чем те, к[ото]рые достигнуты после столь долгих переговоров. Они надеялись получить если не полную свободу от турецк[ого] невыносимого ига, то по крайней мере желаемые ими гарантии Европы за их дальнейшее существование.

Узнав, что нота гр. Андраши не заключает в себе тех гарантий и отдает их снова турецк[ому] бесконтрольному управлению, они сочли надежды свои обманутыми и решились снова продолжать восстание. Их немало, впрочем, озадачило то обстоятельство, что Австрия обещала Турции содействие в подавлении восстания; но узнав затем, что не силою оружия она будет помогать Турции, а моральным своим содействием, инсургенты возымели бодрость и силу бороться с турками. Они не намерены покоряться туркам.

Вот почему они снова заявили на днях о своем существовании в четырех местностях Герцеговины. Между Гацко и Пивою они напали на 5 батальонов, шедших из Метохии с провиантом для укрепл[ения] Горанско (в Пиве). Хотя там не было продолжительной перестрелки, как уверяет офиц[иальный] турецкий источник, и солдаты, несшие на своих плечах тот провиант, возвратились с весьма незначительною потерю (будто был ранен один только солдат), но это незначительное дело произвело здесь немалый переполох, пот[ому] что нашлись турки, к[ото]рые преувеличивали потерю солдат*.

На прошлой неделе другой малый отряд (в 150 человек) инсургентов напал на село Добран в Столацком округе. Абдула-паша с одним батальоном двинулся против них из Утова, но побоялся серьезно атаковать их и отступил с потерю будто 3 солдат ранеными и в оправдание своего отступления донес сюда, что инсургентов было 1600 человек.

Между тем третий отряд инсургентов занял клекскую дорогу с целью не пропускать в Герцеговину прибывший в Клекский залив ихтиат**

* Уверения этих турок оказались справедливыми. Дело между Гацко и Пивою было немаловажное. Сию минуту, когда уже окончил эту копию, пришел ко мне француз[ский] мой коллег[а] г. Дозон, только что видевший Али-пашу, и сказал мне, что вали получил офиц[иальное] известие о той стычке. Из этого известия явствует, что в деле участвовало 2 тыс. солдат на обратном пути из Горанско, что 60 солдат было убито и 54 ранено, что все офицеры принуждены были вернуться в Метохию пешком, оставив своих лошадей в руках инсургентов.

** Резерв, запас (тур.).

для пополнения убыли в здешних батальонах. Третьего дня отправлено было по дороге в Клек 4 батальона с приказанием очистить ту дорогу от инсургентов. Говорят, что вчера уже была там стычка, но верного еще никто не знает.

В субботу на прошлой неделе четвертый отряд инсургентов появился в округе Любушском. Любобратич, сформировав особый для себя отряд из 400 человек, появился там и в тот же день нашел себе там союзников в числе 300 человек, а вчера пришло оттуда известие, что число инсургентов увеличилось до 1500 человек. Латинский священник Лазарь организовал для себя отряд из 700 человек. Здешняя военная власть отправила туда один батальон солдат (600 человек) и 400 башибузуков из Мостара, 200 башибузуков из Белополя и приказала коницкому каймакаму отправить столько же башибузуков из Коницы; но тамошние башибузуки отказываются идти против инсургентов, если не будет обеспечено их существование во время похода. Башибузуки из Мостара уже начали жаловаться на недостаток пропитания в Любушском округе, где инсургенты первым делом сочли сжечь амбары бегов и аг с провизией. До сих пор там не было серьезных стычек. На днях ожидают здесь важных известий.

Между тем здешние турки упали снова духом. С одной стороны, они желали бы конца восстания, а с другой, не желают, чтобы христиане имели равные с ними права. Оно и понятно: себялюбцы, пользующиеся привилегиями, стараются удержать старые порядки, пот[ому] что всякий прогресс считают грехом против ислама. Они никак не могут помириться с мыслью, чтобы христиане, к[ото]рых они вечно считают своими рабами, могли иметь право гражданства наравне с ними, пока они будут находиться под владычеством царя-мусульманина . . .

С отличным почтением . . .

Р. S. Турки не умеют и, видится, не хотят приобрести доверие не только у инсургентов, но и у бедных выходцев. На днях 60 семейств этих выходцев из г. Столаца должны были снова бежать за австрийскую границу. Эти бедные семейства чистосердечно поверили туркам, что им предстоит в Столаце и спокойствие и продовольствие, и возвратились было в свои хижины, но вскоре разочаровались в турецких обещаниях. Не только они не получили обещанного куска хлеба, но и не имели мира от турок, потому снова принуждены были оставить свои жилища.

АВПР, ф. СПб. ГА, 1876 г., д. 634, л. 4. Копия.

1. Нота австро-венгерского министра иностранных дел Андраши от 18 (30) декабря 1875 г. включала: установление свободы вероисповедания, уничтожение откупной системы, употребление на местные нужды доходов провинций, учреждение смешанной комиссии из христиан и мусульман для наблюдения за исполнением преобразований, улучшение положения крестьянства. Вместе с последующей нотой Андраши от 19 (31) января 1876 г., содержащей требования об освобождении от налогов за прошедшие год-два, предоставления крестьянам средств для обработки полей и материала для ремонта построек, объявления общей амнистии, нота от 18 (30) декабря 1875 г. представляла целую серию реформ, выдвинутых Австро-Венгрией с целью умиротворения восставших провинций. Как известно, со стороны повстанцев эти проекты реформы встретили решительный отпор.

1876 г. февраля 27 (марта 10). — Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича И. С. Аксакову с отчетом о расходовании средств на покупку оружия и о необходимости подвоза хлеба для повстанцев

Цетинье

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Податель сего письма — один из многочисленных черногорцев, прибегающих к русской помощи. Усиленная просьба адъютанта князя Николая г. Матановича побуждает меня дать ему письмо к вам. Я предупредил его, впрочем, что не могу ничего сказать в его пользу, так как он мне совершенно неизвестен. Свое дело он лучше расскажет вам сам.

Я пользуюсь, однако, его отъездом в Россию, чтоб поручить ему отвезти вам мои карточки и чтобы написать вам свободно несколько строк*.

Я не потерял ваши векселя, но их [у] меня украли, а вместе с тем и 400 руб. моих собственных денег. Я сейчас же обратился к Эфруси¹, и он объявил, что нет никакой опасности, так как он не выдаст по ним денег, и вообще не выдаст никому, кроме меня, или по письму от меня. Он просил меня телеграфировать вам о высылке ему дубликатов. Касса моя остается у него, и он будет высылать, когда и куда мне потребуется, по простому письму или телеграмме. Поэтому, если сочтете возможным и впредь высылать мне векселя, то потрудитесь адресовать их чрез Эфруси в Вену, уведомляя о посылке письмом в Рагузу.

На деньги, собранные в Петербурге**, куплено 3 тыс. превосходных ружей, заряжающихся с казенной части, и 1 млн. патронов. Они не только были удачно провезены в Герцеговину, но даже имели непосредственное и осязательное действие. Когда первая тысяча была роздана наихрабрейшим из инсургентов, они подумали, что грешно с таким оружием оставаться спокойными, покинули лагерь и бросились по направлению к турецкой армии так быстро, что Пеко и Сочица едва успели за ними. Эта фаланга застигла турок на поле сражения при Муратовице и нанесла им известное поражение. Пусть же знают русские, что их жертвования не пропадают без пользы. Эти 1 тыс. ружей купили и 2 пушки. *C'est du bon marché sans exemple****. Вообще восстание заметно оживило.

Вскоре после провоза этих ружей вышло запрещение вывозить оружие из Австрии в Герц[еговину] и даже в Черног[орию]. Но я не думаю, чтобы это было серьезно, и во всяком случае мы найдем пути.

Еще более, чем оружие, здесь требуется хлеба как для прокормления восставших, так и их семейств. Недели 3 тому назад дубчане хотели положить оружие за неимением хлеба. Поэтому князь просил меня употребить как можно больше денег на хлеб, уже не в смысле благотворительности, а как прямое поддержание восстания.

Бедному П. А. Васильчикову пришлось так трудно посреди знакомых ему местных условий², что он наделал бездну ошибок. *Весь* Цетинский комитет, митрополит во главе подали в отставку и перестали собираться. Васильч[иков], конечно, также вышел из него. Последние дни нам с князем пришлось уговаривать Иллариона и других опять вступить в ком[итет]. Впрочем, Вас[ильчиков] получил приглашение по телеграфу отказаться от звания уполномоченного Слав[янского] ко-

* Против этого абзаца на полях приписка: Буду ждать ответных карточек в Рагузе.

** См. прим. 2 к док. 84.

*** Это необыкновенно дешево (фр.).

ми[тета] и уже ограничиться только заведованием Краси[ым] Крест[ом]. Вас[ильчиков] просит [о] присылке другого, а я бы предложил не присылать в Цетинью никакого уполномоченного, п[отому] ч[то] ему будут предстоять почти такие же трудности. В общих чертах действия комитета могу контролировать и я, тем более, что от меня им трудно что-нибудь скрыть; но стеснять мелким надзором я их не желаю и звания уполн[омоченного] не приму.

Материальной помощи, одеял, разных теплых вещей и т. д. прислано весьма много из Англии и почти достанет на всех бежавших в Далмацию, в Черногории же роздано много вещей из России. Поэтому, если уже будете высылать материальную помощь, то лучше в Кroatию на имя: Herrn Dr. Mazzurra, advokaten in Agram (Croacien)*. Главная же помощь — деньги.

Счастливая звезда моя, помогшая мне провезти оружие за несколько дней до запрещения и добыть эти 2 пушки, продолжает мне покровительствовать во всем. В Вене я выговорил у Андрапи выгодное истолкование его плана реформ, чем привел в удивление Новикова, пославшего 2 депеши об этом свидании. В Рагузе и Цетинье встретил не противодействие, а сочувствие и содействие. Известный вам план мой принимается со всех сторон. Через неделю в Кастильново или другом месте соберутся вожды для выслушания через меня слов двух государств[енных] канцлер[ов] и моих объяснений и для поднесения мне адреса, содержащего в себе и декларацию, которую и я сообщу вел[иким] держ[авам] и Порте. Затем я, вероятно, поеду в Константи[нополь] и возвращусь через Белград и Вену³. Письма меня будут дожидаться и в Вене, и в Рагузе. Впрочем, я вам буду телеграфировать, где и когда буду. Пишите мне не только для уведомления о ходе дела в России, но и для поддержания меня вашим советом и вашим сочувствием.

Вы знаете, что из всех, с кем я сошелся в России, ни с кем у меня не установилось такого одинакового понимания настоящего вопроса, как с вами, и то после первого свидания.

Что выйдет из всего, что мы делаем, — не знаю. Но *уверен*, что если останусь жив, то Герцеговине настанет лучшая участь, чем она имела прежде, а м[ожет] быть], и когда-либо. Извините эту веру в самого себя, но ведь она и есть моя сила.

С глубоким уважением и, смею сказать, почтительною дружбою остаюсь искренно ваш Гавриил Веселитский-Божидарович

Je suis m-me Aksakoff d'agrée mes respectueux hommages **.

P. S. Распечатываю письмо, чтоб попросить вас выслушать благосклоннее подателя письма, я ему обязан удовольстви[ем] писать вам искренно.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 10—13 об. Автограф.

1. Банкирская контора в Вене, через которую С.-Петербургский славянский комитет переводил русскому дипломатическому представителю в Рагузе А. С. Ионицу деньги, собранные в России в пользу пострадавших семейств Боснии и Герцеговины (см. ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 18, лл. 37—39; д. 97, лл. 2—4).

2. П. А. Васильчиков — уполномоченный русского Красного Креста и славянских комитетов в Черногории с декабря 1875 по май 1876 г. Трудность его положения заключалась в том, что благотворительная миссия П. А. Васильчикова была воспринята герцеговинцами и черногорцами как политическая. От него ждали реальной поддержки восстания. Между тем средства, предоставленные ему, были незначительны и предназначались на благотворительность. Это вызывало недовольство. Вскоре П. А. Васильчиков вынужден был покинуть Черногорию (59, стр. 22—24).

3. Г. С. Веселитский-Божидарович пытался вести дипломатические переговоры в Вене, Петербурге, Берлине. Однако в этом плане он никаких заметных успехов не достиг, несмотря на попытки изобразить свою роль как весьма значительную (59, стр. 30).

* Господину д-ру Мацура, адвокату в Аграме (Хорватия) (нем.).

** Приношу e-же Аксаковой свою почтительную признательность (фр.).

1876 г. марта 11(23). — Донесение И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о попытках агентов сербского правительства договориться с болгарской эмиграцией в Румынии о совместном выступлении против Турции

№ 9

Bucarest

Par mon télégramme secret en date du 5 courant j'ai eu l'honneur d'annoncer à votre altesse qu'un certain Dragachevitch, major de l'armée serbe, est arrivé ces jours-ci à Bucarest muni de lettres de recommandations pour l'agent de Serbie ainsi que pour quelques uns des notables de la colonie bulgare ¹.

L'un de ces derniers m'a donné lecture de la lettre qui lui a été remise par mr Dragachevitch. Elle est adressée par Jephrem Ghermani, cousin germain du prince Milan, et il y est dit que l'officier serbe est appelé à s'entendre avec les membres du comité bulgare de Bucarest. Le moment est arrivé, ajoute la lettre, où les serbes et les bulgares sont tenus à faire des sacrifices pour assurer leur avenir.

Mr Dragachevitch est accompagné d'un certain mr Jevanovitch qui pendant plusieurs années avait exercé les fonctions de secrétaire à l'agence de Serbie à Bucarest où il avait contribué à la fondation d'une société politico-littéraire le «Serbskoïe Droujestvo», et qui occupe aujourd'hui le poste de préfet dans le district de Négotine.

Mr Jevanovitch ne m'a pas caché qu'il n'était pas entièrement étranger à la mission confiée au major serbe. Il m'a dit que la situation de la Serbie en contact continuuel avec des populations congénères en pleine révolte contre l'autorité du sultan ne lui permettrait pas de garder pendant longtemps une attitude expectante, et que le prince Milan finirait par se laisser entraîner par le courant belliqueux qui envahit son pays.

C'est en vue des ces éventualités que l'on tiendrait à Belgrad à préparer un mouvement parmi les populations bulgares, qui ne demanderaient pas mieux d'ailleurs que de s'associer aux entreprises serbes. Il s'agirait uniquement de faire en sorte que la première impulsion vienne des bulgares domiciliés en Roumanie, dont plusieurs pourraient mettre des ressources considérables au service de la cause nationale. S'assurer le concours de ceux-ci, — tel paraît être le principale but de mr Dragachevitch et Jevanovitch; mais la prudence et l'égoïsme bien connus des riches bulgares ne fait penser qu'ils ne consentiront que fort difficilement à seconder les vues des hommes d'état serbes, dont la sagesse ne leur inspire d'ailleurs qu'une médiocre confiance.

Mr Jevanovitch n'ignore pas que dans l'état actuel des choses le gouvernement roumain ne voudra pas se compromettre vis-à-vis de la Porte en favorisant ouvertement un mouvement bulgare; mais il croit savoir qu'il ne s'opposera pas non plus à ce que des bandes bulgares avant d'opérer une invasion en Turquie passassent sur le territoire serbe où quelques milliers de fusils pourraient être mis à leur disposition.

Il me revient que pour assurer le succès de leur propagande les émissaires serbes auraient affirmé que la Russie serait disposée à tolérer les préparatifs guerriers de la Serbie; mr Jevanovitch m'ayant exprimé la même conviction, je n'ai pas hésité à la détromper en lui affirmant que décidé à poursuivre l'oeuvre de la pacification le gouvernement impérial ne pourrait que condamner toute entreprise tendant à en entraver le succès.

J'ai cru devoir tenir le même langage aux bulgares qui sont venus me consulter sur les projets des émissaires serbes.

J'ai l'honneur etc.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, лл. 25 и об., 28 и об. Копия. Литогр. экз.

Перевод

Бухарест

В своей секретной телеграмме от 5 мая я имел честь сообщить вашей светлости, что некий Драгашевич, майор сербской армии, прибыл на этих днях в Бухарест с рекомендательными письмами к сербскому агенту и к некоторым именитым людям из болгарской колонии¹.

Один из этих последних дал мне прочитать письмо, переданное ему г-ном Драгашевичем. Оно написано Ефремом Германи, двоюродным братом князя Милана, в нем говорится, что сербский офицер призван договориться с членами Болгарского комитета в Бухаресте. Настал момент, добавлено в письме, когда сербы и болгары должны принести жертвы для упрочения своего будущего.

Г-на Драгашевича сопровождает некий г-н Живанович, в течение многих лет бывший секретарем сербского агентства в Бухаресте, где он принимал участие в создании литературно-политического общества «Сербское дружество», и в настоящее время являющийся префектом Неготинского округа.

Г-н Живанович не скрыл от меня, что он был причастен к миссии, порученной сербскому майору. Он мне сказал, что положение Сербии, состоящей в непосредственном контакте с братскими народами, которые открыто восстали против власти султана, не позволит ей долго придерживаться выжидательной позиции; в конце концов, князь Милан будет захвачен воинственным течением, распространяющимся по стране.

Ввиду этих событий в Белграде намереваются подготовить движение среди болгарского населения, которое не желало бы ничего лучшего, как примкнуть к сербским выступлениям. Речь идет только о том, чтобы первый толчок был дан болгарам, живущими в Румынии, многие из которых могли бы предоставить значительные средства для национального дела. Убедиться в содействии последних — такова, кажется, главная цель усилий гг. Драгашевича и Живановича; но хорошо известные осторожность и эгоизм богатых болгар позволяют думать, что они с трудом согласятся поддержать намерения государственных деятелей Сербии, чья сдержанность не вызывает у них притом особого доверия.

Г-н Живанович знает, что при настоящем положении дел румынское правительство не захочет компрометировать себя в глазах Порты, открыто содействуя болгарскому движению; но он думает, что оно и не будет противодействовать тому, чтобы болгарские отряды, прежде чем начать вторжение в Турцию, перешли бы на сербскую территорию, где несколько тысяч ружей могут быть предоставлены в их распоряжение.

Я припоминаю, что сербские эmissары, чтобы добиться успеха в своей пропаганде, утверждали, что Россия склонна допустить военные приготовления Сербии; когда г-н Живанович и мне высказал такое же убеждение, я не поколебался разубедить его, утверждая, что, решив продолжать дело умиротворения, императорское правительство сможет лишь осудить всякую попытку, которая может помешать успеху. Я думаю то же самое заявить болгарам, пришедшим ко мне посоветоваться по поводу проектов сербских эmissаров.

Имею честь и пр.

1. Этот документ и док. 91 очень характерны для отношений между сербским правительством и болгарской эмиграцией в Бухаресте. Как видно из них и из других сведений о состоявшихся переговорах, сербское правительство преследовало цель достигнуть известной согласованности действий болгарской эмиграции со своими планами. Оно хотело привлечь в Сербию средства и людей, которых намеревалось

использовать для оказания помощи повстанцам в Боснии, для приближающейся сербско-турецкой войны.

Однако достигнутый результат, как видно, не был удовлетворительным, так как только Каравелов и его сторонники полностью поддержали сербские предложения. Болгарская крупная буржуазия в лице Евлогия Георгиева отказалась дать необходимые денежные средства, руководствуясь не только известным недоверием к сербским планам, но и холодным в тот момент отношением русского правительства к миссии Драгашевича. На встрече его с революционно настроенной частью болгарской эмиграции не присутствовали представители левого крыла, занятые подготовкой Апрельского восстания. Как видно, все-таки какое-то соглашение было достигнуто с правым крылом, представленным К. Цанковым, поскольку сосредоточение болгарских добровольцев на сербской территории продолжалось, а после разгрома Апрельского восстания — усилилось (подробности о переговорах см. 2, I, стр. 151—155).

№ 90

1876 г. марта 12. — Агентурная записка в III отделение о сочувствии русской интеллигенции освободительной борьбе южных славян и об отправке добровольцев в Герцеговину на средства редакций газет

№ 166

Получено сведение, что с наступлением весны несколько молодых людей, принадлежащих к образованным кружкам, предполагают отправиться в Герцеговину для принятия участия в восстании, к которому более и более возбуждается сочувствие в нашем обществе. Средства для поездки этим лицам доставляют, между прочим, и редакции газет. Так, на днях редакция газеты «Молва»¹ отправляет или уже отправила в Герцеговину в лагерь Пейко Павловича некоего г. Лутковского, который прямое участие будет принимать в деле инсургентов и через посредство газеты «Молва» возбуждать к ним сочувствие.

Вообще теперь почти уже каждая газета имеет своего агента и корреспондента в Герцеговине.

Помета: Доложено его величеству. 13 марта 1876 г.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 437, л. 1 и об. Подлинник.

1. Еженедельная газета «Молва», либерально-народнического направления, выходящая в Петербурге в 1876 г., выступала за активную поддержку борьбы южных славян.

№ 91

1876 г. марта 13(25). — Донесение И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о провале переговоров агентов сербского правительства с болгарской эмиграцией в Румынии

№ 10

Bucarest

L'insistance avec laquelle les agents serbes * cherchent à faire accroire aux bulgares d'ici que les préparatifs militaires de la Serbie sont poursuivis avec l'assentiment du gouvernement impérial m'a mis dans la nécessité d'en prévenir votre altesse par mon télégramme secret en date d'hier. Je n'ai pas hésité un seul instant à considérer ces assertions comme mensongères; mais je serai plus à même de les démentir lorsque le ministère im-

* См. док. 89 и прим. к нему.

pécial aura bien voulu me mettre en possession de ses ordres à cet égard. Mr Marinovitch * qui se trouve ici depuis quelques jours m'a fit d'ailleurs que des bruits analogues avaient circulé récemment à Belgrade.

Depuis leur arrivée à Bucarest mrs Dragachévitch et Jevanovitch se conduisent avec si peu de prudence que l'agent diplomatique d'Autriche-Hongrie n'a pas tardé à être informé du but de leur arrivée et s'est imaginé tenir les fils d'une conspiration ourdie par la Serbie et la Roumanie de connivence avec la Russie pour faire échouer l'œuvre de la pacification entreprise par le comte Andrassy.

Le baron Calice n'eut rien de plus pressé que de se rendre chez le ministre princier des affaires étrangères pour se plaindre de l'attitude du cabinet de Bucarest lequel tolérerait dans la capitale même une propagande slave tendant à mettre en conflagration l'Orient. Selon ces informations un meeting bulgare aurait été tenu ces jours derniers à Bucarest et la police locale n'aurait rien fait pour empêcher cette réunion dans laquelle les émissaires serbes se seraient appliqués à préparer les voies à une insurrection générale des bulgares.

Nonobstant les preuves nombreuses qu'il fut à même de produire pour démontrer la fausseté des informations parvenues au baron de Calice, mr Balatchano est loin d'être persuadé d'avoir réussi à calmer les appréhensions de l'agent Austro-Hongrois. Aussi pour couper court aux soupçons dont la Roumanie est l'objet crut-il de son devoir d'adresser à l'agent princier à Belgrade l'ordre de déclarer catégoriquement aux ministres serbes que le cabinet de Bucarest ne saurait tolérer les menées tendant à provoquer un mouvement parmi les bulgares domiciliés dans les principautés, et qu'il est décidé à s'opposer énergiquement à toute tentation de nature à compromettre la Roumanie vis-à-vis de la Porte.

Il me revient en outre que le ministre princier des affaires étrangères aurait mis d'autant plus d'empressement à désabuser les ministres serbes, que l'on lui aurait fait entendu qu'en cas de graves complications l'Autriche-Hongrie pourrait se voir forcée à occuper militairement la Serbie, et que la Russie n'attendrait que ce moment pour reprendre possession des bouches du Danube.

Il me semble plus que probable que c'est le baron Calice qui a cru devoir se prévaloir de cet argument pour parvenir plus sûrement à son but.

Ainsi qu'il était facile à prévoir tous les efforts de mr Dragachevitch tendant à amener les négociants bulgares de Bucarest à contribuer à l'armement de leurs congénères sont restés sans effet. Ceux-ci n'ont pas hésité à lui déclarer qu'ils ne croyaient pas pouvoir s'engager à la légère dans une entreprise aussi téméraire, et que la conduite précédente de la Serbie à l'égard des bulgares n'était guère de nature à leur inspirer une grande confiance dans les promesses venant de Belgrade.

L'enthousiasme des jeunes bulgares dont le nombre accroît tous les jours grâce à l'émigration qui se produit dans le vilayet de Danube ne pourrait que fort difficilement dédommager le major serbe de cet échec.

J'ai l'honneur etc.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, лл. 26—27 об. Копия.

Перевод

Бухарест

Настойчивость, с которой сербские агенты стараются уверить местных болгар, что военные приготовления Сербии совершаются с одобрения императорского правительства, поставила меня перед необходимостью предупредить вчера об этом вашу свет-

* Вероятно, *Иван Маринович*.

дость секретной телеграммой. Ни минуты не сомневаясь в лживости этих утверждений, я собирался их разоблачить, когда императорское министерство сооблаговолило поставить меня в известность о своих распоряжениях по этому поводу. Г-н Маринович, находящийся здесь уже в течение нескольких дней, сказал мне, что подобные слухи недавно циркулировали в Белграде.

С момента своего приезда в Бухарест гг. Драгашевич и Живанович ведут себя так неосторожно, что австро-венгерский дипломатический агент вскоре был информирован о цели прибытия и вообразил, что он держит нити заговора, подготовленного Сербией и Румынией при участии России с целью провалить дело умиротворения, предпринятое графом Андраши.

Барон Каличе поспешил обратиться к княжескому министру иностранных дел, чтобы выразить недовольство поведением бухарестского правительства, допустившего даже в столице славянскую пропаганду, которая стремится вызвать осложнение на Востоке. По его сведениям, в последние дни в Бухаресте состоялось собрание болгар, и полиция ничего не предприняла, чтобы помешать этому собранию, где сербские эмиссары старались обдумать пути для всеобщего восстания болгар.

Несмотря на многочисленные доводы, представленные им, чтобы доказать лживость сведений, дошедших до барона Каличе, г-н Балачано далеко не уверен, что он смог успокоить подозрения австро-венгерского агента. Чтобы решительно пресечь подозрения, объектом которых является Румыния, он счел долгом послать приказ княжескому агенту в Белграде категорически заявить сербским министрам, что бухарестское правительство не допустит происков, имеющих целью возбуждение движения среди болгар, живущих в Молдавии и Валахии, и что он решительно возражает против всех попыток скомпрометировать Румынию перед Портой.

Мне помнится, между прочим, что министр иностранных дел княжества поспешил образумить сербских министров, дав им понять, что в случае серьезных осложнений Австро-Венгрия будет вынуждена оккупировать Сербию и что Россия только ждет этого момента, чтобы завладеть устьем Дуная.

Мне кажется более, чем вероятным, что барон Каличе специально выдвинул такой аргумент, чтобы успешнее добиться своей цели.

Легко было также предвидеть, что все усилия г-на Драгашевича, стремящегося заставить болгарских купцов содействовать вооружению соотечественников, останутся без результата. Последние заявили ему без колебаний, что они не думали столь легко согласиться на такое рискованное мероприятие и что предыдущее поведение Сербии по отношению к болгарам было таково, что не могло внушить большого доверия к обещаниям, получаемым из Белграда.

Энтузиазм молодых болгар, число которых увеличивается с каждым днем благодаря эмиграции из Дунайского вилайета, значительно вознаградит сербского майора за провал его миссии.

Имею честь и пр.

№ 92

1876 г. марта 29 (апреля 10). — Донесение Н. П. Игнатъева А. М. Горчакову о требованиях повстанцев Боснии и Герцеговины, выдвинутых в качестве условий перемирия.

Péra

Monsieur le chancelier!

Le prince Nicolas a fait tout ce qui dépendait de lui et ce qu'exigeaient les puissances¹ pour coopérer à la pacification des provinces révoltées. Il a imposé aux chefs insurgés un armistice de fait durant lequel les plus influents d'entr'eux ont pu se rendre à Suttorina pour des pourparlers avec

le général Roditch et mr Wessélitsky ². C'est lui encore qui a engagé les herzégoviniens à formuler leurs vœux définitifs qui pourraient servir de base aux négociations ultérieures et autorisé le ravitaillement de Nikchitch par le territoire monténégrin, sans quoi cette place serait condamnée à se rendre. Enfin le prince a renvoyé de la Montagne Noire tous les garibaldiens et nommé deux sénateurs qui, de l'aveu même des turcs, veillent rigoureusement au maintien de la neutralité sur la frontière herzégovinienne.

L'Europe et l'Autriche-Hongrie n'ont, semble-t-il, rien de plus à lui demander, à moins d'exiger de sa part l'emploi de la force pour amener les insurgés à déposer les armes. Quelque soit le résultat de toutes ces mesures la position morale du prince Nicolas a singulièrement grandi aux yeux des puissances et lui crée des droits qui seront difficiles à satisfaire en pratique.

Mr Yastrébow fait mention, dans son rapport du 12 mars, de la divergence d'opinion qui s'est produite entre Ali-pacha et Wassa-effendi au sujet du désarmement des insurgés qui rentreraient en Herzégovine. Tandis que le premier prenant le terme au pied de la lettre pensait qu'il faudrait éventuellement *enlever les armes* aux ci-devants combattants, Wassa-effendi soutenait qu'il ne s'agirait que de les amener à cesser la lutte.

Ayant longuement entretenu sur ce sujet le commissaire pour l'Herzégovine avant son départ, j'ai cru devoir m'expliquer également avec Rachid-pacha afin de prévenir une maladresse qui pourrait devenir funeste pour l'œuvre de pacification. J'ai rappelé au ministre des affaires étrangères que chaque fois que sur les conseils des représentants étrangers peu familiers avec les conditions d'existence et les mœurs orientales, on avait voulu priver de leurs armes les chrétiens cela donnait lieu aux plus grandes difficultés. Il eut fallu, dans ce cas, pour ne point les livrer sans défense à la vengeance des musulmans commencer par désarmer ceux-ci, ce qui était pratiquement inexécutable. Rachid-pacha abonda dans ce sens et m'assura que la Porte n'entendait nullement priver les insurgés de leurs armes, mais désire qu'en rentrant dans leurs villages ils renoncent de s'en servir contre les ottomans et s'engagent à ne plus recommencer la lutte. C'est dans ce sens qu'un télégramme a été expédié à Ali-pacha.

Malheureusement il est à craindre, monsieur le chancelier, qu'il se passera encore du temps avant que ces mesures ne trouvent une application pratique. D'après les nouvelles de Raguse, transmises par la télégraphie privée les chefs insurgés poseraient comme conditions de leur soumission: 1) le partage ³ de la propriété foncière avec les musulmans; 2) la reconstruction de leurs maisons et des églises, l'établissement de dépôts d'approvisionnement pour une année et tout ce qui serait nécessaire pour leur ménage agricole; 3) l'exemption de la dîme durant trois ans; 4) le retrait des troupes turques régulières de la Bosnie et de l'Herzégovine, sauf six garnisons dans les principales villes ⁴, et 5) des commissaires russes et autrichiens pour surveiller l'application des réformes.

Notre consul général à Raguse confirme ces demandes en termes généraux et c'est pourquoi je crois devoir en étudier la valeur.

La question des facilités pratiques et des secours pour l'établissement et l'entrée en ménage des familles réfugiées dans leurs anciens foyers a déjà été accordée par le ferman. Il est donc curieux de la voir reparaître parmi les exigences des chefs insurgés, auxquels le général Roditch aurait dû en avoir fait part.

La création de dépôts de blé pourra aussi être admise en principe. Il s'agira seulement de savoir comment la Porte pourra les établir. Ce n'est pas la quantité de provisions qui lui fera défaut, mais les moyens de transport pour les distribuer dans les différents points de l'Herzégovine. Et s'ils étaient même organisés dans le but spécial de servir pour les émigrés,

où serait la garantie que les troupes affamées ne les dévalisent avant la rentrée des familles?

L'exemption de la dîme pour trois ans, au lieu de deux, m'a paru indispensable au moment même où l'on traitait ici ce point. La difficulté sera plus grande actuellement, car toutes les opérations financières qu'on discute sont basées sur l'affermage des dîmes. Et dernièrement encore lorsque les délégués des détenteurs français le demandaient au grand vizir au nom de mr Bourrée, président de la commission de Paris, Mahmoud-pacha leur a rappelé malicieusement que l'ex-ambassadeur de France, ainsi que d'autres représentants étrangers n'avaient cessé d'insister sur l'abandon complet du système barbare des dîmes.

Le partage des terres présentera de plus grandes difficultés encore. Si la Porte se décidait même à dépouiller arbitrairement de leurs propriétés les musulmans, cet acte d'autorité, quelque peu socialiste, rencontrerait une vive résistance de la part de ces derniers et menacerait peut-être, de provoquer un soulèvement parmi eux. Le meilleur résultat d'une mesure pareille serait un rapprochement des musulmans et des chrétiens pour combattre en commun l'arbitraire de la Porte.

Les informations relatives au retrait des troupes, exigé par les insurgés diffèrent entr'elles. S'il s'agit simplement d'une évacuation des deux provinces par l'armée régulière les chrétiens n'y gagneraient pas beaucoup. Elle serait aussitôt remplacée par des bachibouzouks et des albanais que la Porte n'était que trop disposée à employer contre la population chrétienne. Ce sont les représentants des puissances qui insistent sur l'éloignement des irréguliers pour prévenir des massacres. Dans les circonstances actuelles où la surexcitation des musulmans fait craindre des désordres en Bosnie, l'application de cette mesure deviendrait encore plus dangereuse. En provoquant des rixes et des conflits sanglants entre la population et les bachibouzouks, elle risquerait d'amener forcément l'entrée des troupes austro-hongroises dans ces provinces. S'agirait-il de concentrer l'armée ottomane dans six points fortifiés, ce serait d'autant plus facile à exécuter que c'est à peu près la situation actuelle des turcs qui n'ont ni dépôts de vivres, ni moyens de transport pour s'approvisionner en dehors des places fortes. Mais-pourrait on garantir les habitants de la campagne contre les razzias et les incursions des troupes qui ne sont que trop habituées à se défrayer de tout aux dépens des habitants?

Ce qui semble présenter encore plus de difficulté, c'est l'admission officielle par la Porte de commissaires étrangers russes et autrichiens, chargés de surveiller l'exécution des réformes. On aurait pu au moment de la négociation avec le gouvernement ottoman arriver à une combinaison quelconque de ce genre. Aujourd'hui encore il serait possible d'établir un contrôle *de fait* de la part de nos agens, mais cette situation exceptionnelle ne provoquera-t-elle pas la jalousie des autres puissances, qui aboutirait à des exigences officielles dans ce sens, auxquelles la Turquie ne saurait satisfaire ouvertement.

Il me revient que mr. Wessélitsky serait chargé par les insurgés d'être leur représentant auprès des grandes puissances. Or, comme la télégraphie privée a prétendu qu'il s'était présenté à Sutturina en qualité de délégué du ministère impérial, autorisé à porter aux chefs herzégoviniens les conseils augustes de sa majesté l'empereur la Porte pourra difficilement le reconnaître exclusivement dans sa première qualité et oublier qu'il est naturalisé russe pour ne voir en lui que l'agent de ses sujets rebelles.

Je ne discute toutes ces questions, monsieur le chancelier, que sur les simples données télégraphiques que j'en possède. Leur développement détaillé pourra encore en modifier la portée, car bien des points qui

paraissent acceptables à première vue deviennent compliqués dans leur mise en pratique. Mais la principale difficulté me paraît être dans l'ensemble des exigences des insurgés, qui provoqueraient une nouvelle campagne diplomatique. J'ai déjà relevé la répugnance du sultan à accorder des concessions ultérieures avant l'application de celles qui lui ont déjà été arrachées. Tout ce qui pourrait être exécuté sur place par Moukhtar-pacha et Wassa-effendi, sans la participation ostensible de la Porte trouverait encore une satisfaction plus facile.

Il ressort cependant du télégramme de mr Ionine que le général Roditch considère les voeux formulés par les insurgés comme relativement modérés. L'approvisionnement de Nikchitch éprouverait des embarras à cause du refus des habitants de Raguse et des Bouches de Cattaro de fournir à cet effet des vivres et des bêtes de somme.

De leur côté les insurgés paraissent contents du gouverneur général de la Dalmatie. Cette harmonie serait d'un bon augure. Mais comme rien n'a été stipulé au sujet de la continuation de l'armistice dont le terme expire dans quatre ou cinq jours, il est toujours à craindre que le moindre incident local ne rallume la lutte au milieu des efforts de pacification. Or il est plus facile de faire prolonger la suspension des hostilités actuellement existante de fait que de la rétablir après que le sang aura coulé de nouveau en Herzégovine.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

N. Ignatiew

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 28, лл. 83—88. Подлинник.

Перевод

Пера

Господин канцлер!

Князь Николай сделал все, что от него зависело и чего требовали державы¹, для того чтобы способствовать умиротворению восставших провинций. Он предложил предводителям повстанцев фактическое перемирие, в течение которого наиболее влиятельные из них могли прибыть в Суторину для переговоров с генералом Родичем и г-ном Веселитским². Именно он предложил герцеговинцам окончательно сформулировать свои пожелания, которые могли бы послужить основой будущим переговорам, и разрешил снабжение Никшича через черногорскую территорию, без чего эта крепость была бы вынуждена сдаться. Наконец, князь выслал из Черногории всех гарибальдийцев и назначал двух сенаторов, строго следящих за поддержанием нейтралитета на герцеговинской границе, по мнению самих турок.

Европе и Австро-Венгрии, кажется, больше нечего от него требовать и меньше всего им можно требовать от него применения силы в отношении повстанцев, чтобы заставить их сложить оружие. Каковы бы ни были результаты всех этих мер, моральный авторитет князя Николая значительно возрос в глазах держав, и это предоставило ему права, которые трудно осуществить на практике.

Г-н Ястребов упомянул в своем донесении от 12 марта о расхождении мнений, проявившемся между Али-пашой и Васса-эфенди по поводу разоружения повстанцев, возвращающихся в Герцеговину. В то время как первый буквально понимая приказ о разоружении, полагая, что, очевидно, нужно будет *отобрать оружие* у бывших повстанцев, Васса-эфенди придерживался того мнения, что речь идет только о том, что нужно их заставить прекратить борьбу. После долгой беседы по этому поводу с комиссаром Герцеговины перед его отъездом, я счел своим долгом объяснить также с Рашид-пашой с тем, чтобы предупредить оплошность, которая может стать гибель-

дой для дела умиротворения. Я напомнил министру иностранных дел, что каждый раз, когда на совещаниях иностранных представителей, мало знакомых с условиями существования и восточными нравами христиан, намеревались лишить их оружия, то это вызывало самые большие затруднения. В данном случае необходимо было, чтобы не оставлять их без защиты от мести мусульман, начать с разоружения последних, что было практически невыполнимо. Рашид-паша согласился со мной и заверил меня, что Порта никоим образом не собирается лишать повстанцев их оружия, но желает, чтобы, возвращаясь в деревни, они отказались использовать его против турок и объявились не возобновлять борьбы. В этом смысле и была отправлена телеграмма Али-паше.

К несчастью, надо опасаться, господин канцлер, что пройдет еще время, прежде чем подобные меры найдут практическое применение. По сообщениям из Рагузы, переданным по частному телеграфу, предводители повстанцев поставили условиями своего повиновения: 1) раздел³ земельных владений с мусульманами; 2) восстановление домов христиан и церквей, устройство сроком на год складов по снабжению продовольствием и всем, что будет необходимо для их земледельческих занятий; 3) освобождение от десятины на три года; 4) вывод регулярных турецких войск из Боснии и Герцеговины, за исключением шести гарнизонов в главных городах⁴, и 5) присылку русских и австрийских комиссаров по наблюдению за выполнением реформы.

Наш генеральный консул в Рагузе подтверждает в общих чертах эти требования, и поэтому я считаю долгом изучить их значимость.

Вопрос о практических условиях и помощи для устройства и восстановления хозяйства семей беженцев в их прежних пунктах был уже урегулирован фирманом. Любопытно видеть вновь появление указанного пункта в требованиях предводителей повстанцев, которым генерал Родич должен был бы сообщить об этом.

Создание запасов пшеницы также может быть принято в принципе. Речь идет о том, чтобы узнать, каким образом Порта сможет их устроить. Ей будет недоставать не количества провизии, а средств транспорта, чтобы распределить ее в различных пунктах Герцеговины. И если они будут созданы специально для эмигрантов, то где гарантия, что изголодавшиеся турецкие войска не разграбят их до возвращения герцеговинских семейств?

Освобождение от десятины на три года вместо двух мне казалось необходимым еще тогда, когда здесь обсуждали этот вопрос. Теперь трудностей будет больше, так как все обсуждаемые финансовые операции базируются на сдаче десятины на откуп. И, наконец, еще когда недавно делегаты французских держателей акций спросили об этом великого визиря от имени г-на Буре, председателя Парижской комиссии, Махмуд-паша лукаво напомнил, что бывший посол Франции так же, как и другие иностранные представители, постоянно настаивал на полном отказе от варварской системы десятины. Раздел земель представит еще большие трудности. Если даже Порта решится произвольно лишить мусульман их собственности, этот акт власти, отчасти социалистический, встретит резкое сопротивление со стороны последних и грозит, может быть, даже восстанием. Лучшим результатом подобной меры могло бы быть сближение мусульман и христиан для их совместной борьбы против произвола Порты.

Сведения, относящиеся к выводу войск, требуемому повстанцами, различаются между собой. Если речь идет просто об эвакуации регулярной армии из обеих провинций, христиане не много выиграют от этого. Вскоре ее заменили бы башибузуки и албанцы, которых Порта весьма щедро использует против христианского населения. Представители держав настаивали на удалении нерегулярных войск, чтобы предупредить резню. В настоящих условиях, когда возбуждение мусульман заставляет опасаться беспорядков в Боснии, проведение в жизнь такой меры стало бы еще более опасным. Это означало бы вызывать резню и кровавые столкновения между населением и башибузуками и рисковать неизбежным тогда вводом австро-венгерских войск в эти провинции. Если бы речь шла о сосредоточении оттоманской армии в шести укрепленных пунктах, то это было бы гораздо легче выполнить, так как подобное состояние почти соответствовало бы нынешнему положению турок, не имеющих ни продовольственных складов, ни транспортных средств для снабжения провиантом вне этих

крепостей. Но можно ли обезопасить жителей от налетов и набегов войск, которые слишком привыкли жить полностью за счет населения?

Мне кажется, еще большее затруднение представляет официальное признание Портой иностранных комиссаров — русских и австрийских, — которым было бы поручено наблюдать за выполнением реформ. Можно было бы во время переговоров с османским правительством прийти к какой-либо комбинации такого рода. Сегодня еще возможно установить практический контроль со стороны наших представителей, но не вызовет ли эта исключительная ситуация зависть других держав и не приведет ли она к таким официальным требованиям, что Турция не сможет их открыто выполнить.

Я вспоминаю, что повстанцы поручили г-ну Веселитскому быть их представителем перед великими державами. Однако, как утверждает частная телеграмма, он был представлен в Суторине как представитель императорского министерства, уполномоченный передать герцеговинским вождям августейшие советы его величества императора, и Порты вряд ли сможет признать его только в первом качестве, чтобы видеть в нем лишь представителя своих восставших подданных, забыв, что он давно обрусел.

Я обсуждаю все вопросы, господин канцлер, основываясь лишь на скудных телеграфных данных, которыми располагаю. Их подробное изложение может изменить решение, так как пункты, кажущиеся приемлемыми на первый взгляд, становятся сложными при проведении в жизнь. Но главное затруднение, мне кажется, в совокупности требований повстанцев, что вызовет новую дипломатическую кампанию. Я уже отмечал нежелание султана даровать новые уступки до проведения в жизнь тех, которые уже у него вырваны. Все, что может быть сделано на месте Мухтар-пашой и Васса-эфенди без явного участия Порты, может быть еще более легко исполнено.

Из телеграммы г-на Ионина, однако, следует, что генерал Родич рассматривает желания, сформированные повстанцами, как относительно умеренные. Снабжение Никшича вызывает затруднения из-за отказа жителей Рагузы и Боки Которской поставлять продукты и вьючных животных.

Со своей стороны повстанцы, кажется, довольны генерал-губернатором Далмации. Эта гармония является хорошим предзнаменованием. Но так как ничего не было предусмотрено по поводу продления перемирия, срок которого истекает через 4—5 дней, то постоянно надо опасаться, как бы малейший инцидент местного значения не разжег борьбы тогда, когда прилагается столько усилий для умиротворения. Гораздо легче продлить приостановку военных действий, фактически уже существующую, чем добиваться ее после того, как в Герцеговине вновь прольется кровь.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Н. Игнатьев

1. После вручения Турции ноты Андрапи австрийское правительство потребовало от Черногории и Сербии отказа от помощи восстанию в Герцеговине и Боснии и приняло ряд мер по ликвидации восстания. В феврале 1876 г. было поручено генерал-губернатору Далмации Г. Родичу употребить все силы, чтобы склонить повстанцев к принятию австрийских реформ и прекращению военных действий. Одновременно с этим Австро-Венгрия попыталась воздействовать на восставших через князя Николая. 18 февраля Родич прибыл для переговоров в Цетинье. Князь Николай обещал оказать содействие в умиротворении восстания и предложил организовать в Суторине переговоры с представителями герцеговинского восстания для выяснения требований повстанцев. Политика черногорского князя в это время носила двойственный характер. С одной стороны, он соглашался на мирное урегулирование вопроса (см. прим. 1 к док. 138), с другой — продолжал оказывать помощь восстанию (см. 21, стр. 224—227).

2. Перемирие, заключенное на 12 дней, началось 20 марта 1876 г. по ст. ст. Спустя несколько дней для переговоров с Г. Родичем прибыли в Суторину герцеговинские предводители. Переговоры состоялись 25—26 марта. В качестве неофициального русского уполномоченного на них присутствовал Г. Веселитский-Божидарович. Г. Родич зачитал проект реформ Андрапи. Со своей стороны герцеговинские предводители предъявили письменные условия, на основании которых соглашались прекратить борьбу. Австро-Венгрия отказалась признать требования повстанцев. Пере-

говоры генерал-губернатора Родича с герцеговинскими предводителями окончились безрезультатно (102, стр. 124; 21, стр. 233—234).

3. Герцеговинцы требовали передачи в их собственность $\frac{1}{3}$ части обрабатываемых ими земель (96, стр. 91).

4. В Мостаре, Столаце, Требинье, Никшиче, Плевле и Фоче. Помимо условий, приводимых Н. П. Игнатьевым, повстанцы требовали: освобождения их от всех налогов на три года, сохранения ими оружия до завершения реформ, преобразования административного управления на основании проекта Андраши, гарантии безопасности беженцам, возвратившимся на родину, и др. (102, стр. 124—125; 21, стр. 233).

№ 93

1876 г. апреля 8. — Письмо управляющего Азиатским департаментом МИДа Н. К. Гирса И. П. Корнилову о выделении средств для помощи беженцам, прибывшим из Боснии и Герцеговины в Триест

№ 980

Милостивый государь Иван Петрович!

Консул наш в Триесте донес Азиатскому департаменту, что многие пострадавшие от восстания герцеговинцы и боснийцы обращаются к нему с просьбами о выдаче им единовременных пособий. Не имея в своем распоряжении суммы, из которой он мог бы удовлетворять просителей, он поставлен в необходимость или отказывать, или же выдавать им только самое незначительное вспомоществование.

Вследствие сего коллежский советник Гирш ходатайствует о предоставлении в его распоряжение хотя некоторой части из сумм, предназначенных в пособие для лиц, пострадавших от восстания в Герцеговине и Боснии.

Сообщая о сем вашему превосходительству, я имею честь просить вас, не признаете ли вы возможным ассигновать из средств Славянского благотворительного комитета для бедствующих в Триесте герцеговинцев от 1 тыс. до 1500 руб. серебром с тем, чтобы раздача пособий из означенной суммы предоставлена была российско[му] императорскому консулу в Триесте.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Н. Гирс.

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 147 и об. Подлинник.

№ 94

1876 г. апреля 9(21). — Донесение А. Н. Карцова в МИД о военных приготовлениях в Сербии

№ 20

Belgrade

Secret

Le complément de l'organisation militaire de la Serbie se poursuit avec persévérance.

Les états majors divisionnaires, ainsi que les commandants et officiers des brigades ont déjà été répartis dans l'intérieur et sont presque tous en possession de leurs postes respectifs. Il y surveillent la réparation des ponts

et des routes, l'emmagasinement des munitions et des vivres et l'établissement de batteries sur les points stratégiques dont l'importance, en cas d'attaque de la part des turcs, a été spécialement relevée par la commission d'état-major. Enfin le général Zach a également quitté Belgrade hier pour une tournée d'inspection de tous les ordres des brigades.

Néanmoins une incursion inopinée de l'armée ottomane trouverait encore en ce moment la Serbie dans un désarroi presque complet et peu préparée à la défense. S'il faut en croire les hommes du métier, elle ne saurait être avant la fin de mai entièrement en mesure de repousser avec succès une attaque de troupes régulières.

Le mois d'avril réclamant aux travaux des champs les bras de toute la population rurale, la mobilisation de la milice pour les exercices annuels ne pourrait, à moins de motifs de la dernière gravité, se faire avant les premiers jours du mois prochain et il est plus que probable qu'en vue de la situation extérieure, le gouvernement usera alors de son droit de tenir les miliciens au camp pendant les vingt-cinq jours accordés par la loi, au lieu de diviser ce temps de service militaire en deux saisons, ainsi que cela a été pratiqué d'ordinaire.

Les dispositions belliqueuses des populations frontières ne cessent d'être alimentées par des incursions presque quotidiennes de bandes musulmanes n'ayant il est vrai d'autre but que le vol de bestiaux. Grâce à la bonne garde que font les serbes, ces bandes sont généralement refoulées sans butin et souvent même n'emportant que des blessés. Cependant dans les premiers jours de la semaine sainte il eut une incursion plus importante provenant de Novi-Bazar; des maraudeurs musulmans, au nombre d'environ cent cinquante, parvinrent à incendier un village serbe du district de Raschka. Il s'en suivit une escarmouche assez vive après laquelle les turcs se retirèrent en laissant une dizaine des leurs sur le carreau.

D'autres part la nouvelle de l'insuccès des négociations de la Suttorina et en dernier lieu celle des tentatives infructueuses de Moukhtar-pasha pour l'approvisionnement de Nikschitch, des défaites qu'il aurait subies à cette occasion de la part des insurgés n'ont pas manqué de produire ici une impression profonde et fort peu favorable à la pacification des esprits.

Quand au prince Milan il continue à me donner les assurances les plus satisfaisantes au sujet de ses dispositions personnelles qui semblent être en tout conformes aux conseils de prudence et de sagesse que j'ai été à même de lui transmettre mainte fois de la part du cabinet impérial. Mais en m'exprimant hier encore son vif et sincère désir de ne pas s'écarter de la voie pacifique recommandée par la Russie, il n'a pu s'empêcher de me dire que les événements lui paraissaient prendre une tournure des plus alarmantes.

La Porte resserrant toujours son cercle de fer autour de la Serbie et l'armée territoriale de la principauté devant être bientôt mobilisée, il suffirait alors du zèle malentendu d'un officier subalterne des avant-postes ottomans pour provoquer des complications déplorables.

J'ai l'honneur etc.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, лл. 42—43 об. Копия. Литогр. экз.

Перевод

Белград

Секретно

Настойчиво проводится усовершенствование военной организации Сербии.

Дивизионные штабы так же, как командиры и офицеры бригад, уже распределены и почти все уже заняли соответствующие посты. Они следят за ремонтом мостов и дорог, за заготовкой боеприпасов и провианта, установкой батарей в стратегических пунктах, важность которых, в случае нападения со стороны турок, была отмечена

специальной комиссией Генерального штаба. Наконец, вчера генерал Зах также выехал из Белграда для инспекционной поездки по всем бригадам.

Однако внезапное нападение оттоманской армии застало бы Сербию в полном беспорядке и мало подготовленной к защите.

Если верить специалистам, она лишь к концу мая будет полностью способна успешно отразить атаку регулярных войск.

Поскольку апрель потребует участия в полевых работах сельского населения, мобилизация милиции для ежегодных сборов, даже в случае крайней опасности, не могла бы быть проведена ранее первых чисел будущего месяца, и более чем вероятно, что ввиду международной обстановки правительство воспользуется своим правом задержать милицию в лагере на 25 дней, вместо того чтобы поделить срок военной службы на два периода, как это делается обычно.

Воинственное настроение пограничного населения постоянно поддерживается почти что ежедневными набегами мусульманских банд для угона скота. Но благодаря хорошей охране сербов, эти банды обычно уходят без добычи, часто уводя с собой лишь своих раненых. Однако в первые дни святой недели был совершен большой набег со стороны Нови-Базара: мусульманские мародеры в количестве около 150 человек подожгли сербскую деревню в округе Рашка. Набег сопровождался довольно горячей перестрелкой, после которой турки отступили, оставив около десятка своих на месте схватки.

С другой стороны, новость о неудаче переговоров в Суторине, наконец известия о бесплодных попытках Мухтар-паши снабдить Никшич продовольствием и о поражениях, которые он в связи с этим потерпел от восставших, не могли не произвести здесь сильного впечатления и мало способствовали умиротворению умов.

Что же касается князя Милана, то он продолжает давать мне самые удовлетворительные заверения по поводу своих личных намерений, полностью соответствующих, кажется, тем осторожным и мудрым советам, которые я передавал ему несколько раз от имени императорского кабинета. Но, выражая мне вчера свое горячее и искреннее желание не отступать от мирного пути, рекомендованного Россией, он позволил себе заметить, что события, как ему кажется, принимают весьма тревожный оборот.

В обстановке, когда Порты постоянно сжимает свое железное кольцо вокруг Сербии, а территориальная армия княжества вот-вот должна быть мобилизована, достаточно ненужного рвения младшего офицера оттоманских аванпостов, чтобы спровоцировать серьезные осложнения.

Имею честь и пр.

№ 95

1876 г. апреля 12. — Письмо черногорского князя Николая члену Петербургского славянского комитета с благодарностью за оказанную помощь беженцам из Боснии и Герцеговины*

Цетинье

Милост[ивый] госуд[арь]!

Спешу известить Вас, что я получил ваше достопочтенное письмо с билет[ом] на 10 тыс. руб., к[ото]рые Слав[янский] благ[отворительный] ком[итет] благосклонно послал мне для помощи страдающим герцеговинц[ам] и босняк[ам], укрывшимся в моей стране.

С чувств[ом] особ[ого] удовольствия заявляю горячую мою благодарность славному ком[ите]ту за его великодушн[ый] дар, достойный отзыв сочувствия братского нам народа русского к великому нынешнему бедствию сербского народа. Мне суждено неустанно заботиться, чтобы насколько возможно облегчить и сделать сносным тяжкое положение бедного народа. С радостью должен признаться, что поныне я в этом до-

* Фамилию адреса установить не удалось.

вольно успел, особенно благодаря обильной помощи, которая получалась из России и особенно из славн[ого] комитета в пользу страждущим герцеговинцам. Имея много доказательств сердечной щедрости и братского сочувствия русск[ого] народа к наш[ему] народу, я уверен, что славн[ый] ком[ите]т и на будущ[ее] вр[емя] не перестанет оказывать сочувствие и помогать своей братии, к[ото]рая много бедствует и бог знает сколько еще времени обречена переносить свои необычайные страдания, но к[ото]рая исполнена великой признательности и благодарности к могучим своим братьям — русским, приучившим взирать на них с упованием.

Примите, господ[ин], уверение в моем особенном уважении.

Князь Черногорский Николай

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 18, л. 41 и об. Перевод с сербского, современный подлиннику. Подлинник хранится в этом же деле, л. 40.

№ 96

1876 г. апреля 19. — Письмо кишиневского исправника И. С. Иванова И. С. Аксакову о закупке оружия для Болгарии и об оказании помощи офицерам-болгарам

Кишинев

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Из письма Михаила Григорьевича * вы изволите видеть, что 2 тыс. руб., оставленные им мне от вас, предназначены на выкуп товара ** из таможи и что, если только по разъяснении этого дела окажется возможным получение этого товара с уплатою простойной суммы, то на это еще потребуется, как мне кажется, до 5 тыс. руб. Вообще говоря, как получение, так и провоз этого товара представляет большие затруднения, поэтому выгоднее было бы дороже заплатить за этот товар, если бы была возможность приобрести его ближе к месту потребления.

На днях должны отсюда отправиться на юг несколько офицеров из болгар для поправления своего здоровья ¹, и каждому из них по их бедности нужно дать по крайней мере по 100 руб. на дорогу. Николай Алексеевич *** пишет мне, что будет здесь не раньше как через две недели, а между тем офицеры по совету врачей должны отправиться на юг в непродолжительном времени. На провоз товара также нужны деньги, так что я просил бы вас разрешить на случай [если] окажется невозможным получение товара даже с уплатою простойной суммы, дать из этих 2 тыс. руб. офицерам, по моему соображению, на дорогу по 100 руб. и пр.

На вас ныне вся надежда, помогите братьям, потому что наши ресурсы плохие.

Вместе с сим прошу вас принять уверение в моем к вам истинном почтении и преданности

И. Иванов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, лл. 157—158. Автограф.

1. Речь идет, очевидно, о русских офицерах болгарского происхождения, намеревавшихся принять участие в восстании, подготовлявшемся весной 1876 г. в Болгарии. Вероятно, через Одессу и Румынию они надеялись пробраться на родину.

* Черняев.

** Под товаром подразумеваются ружья.

*** Киреев.

1876 г. апреля 27 (мая 9). — Донесение Н. П. Игнатъева
Александрю II о начале Апрельского восстания в Болгарии

№ 170

Péra

Sire!

Mes télégrammes successifs ont informé le chancelier de l'empire que des dés ordres avaient éclaté en Bulgarie, dans les environs de Tatar-Bazardjik ¹.

Votre majesté impériale n'ignore pas que des germes de mécontentement et d'agitation se trouvent disséminés dans toutes les provinces de la Turquie, en Bulgarie plus qu'ailleurs, peut-être. La jeunesse exaltée y rêve l'indépendance ou au moins l'autonomie ², tandis que les habitants paisibles subissent les vexations des autorités ottomanes. L'impatience de secouer le joug odieux, y devenant de plus en plus manifeste, l'absence de décision et de ressources matérielles retardait seule jusqu'ici l'explosion. Mais des désordres locaux menaçaient toujours d'y dégénérer en conflagration générale et si la Serbie entrait en lutte avec la Turquie, un soulèvement en Bulgarie serait devenu inévitable, quoique le terrain plat et ouvert ne s'y prête pas à une guerre de la nature de celle que soutiennent en ce moment les insurgés en Herzégovine.

Les désordres de Tatar-Bazardjik provoqués par les vexations d'un caïmakam ou d'un mudir, n'ont également eu au début qu'un caractère purement local. Mais les turcs, effrayés par l'effervescence générale de la population ont cru devoir prendre immédiatement des mesures sérieuses qui plus que toute autre chose, étaient capables de provoquer un embrasement général de la Bulgarie. Ainsi, des troupes au nombre de près de 4000 hommes ont été dirigées aussitôt sur les lieux du conflit *; on en a expédié même, pendant deux jours de suite de Constantinopole. Des armes, conservées dans les dépôts, ont été distribuées à la population musulmane. Ces dispositions, ainsi que le constate avec lucidité notre vice-consul à Philippopolis ** ont alarmé les chrétiens qui ont commencé à fuir dans les montagnes. De leur côté les musulmans se sont concentrés dans les villes et les gros villages.

Ainsi dès le premier moment, les habitants du pays se sont trouvés partagés en deux camps ennemis, musulman et chrétien, consternés tous les deux et prêts à attaquer leurs adversaires pour se prémunir contre une agression de leur part. Sur quelques points cette situation paraît prendre une tournure assez favorable aux chrétiens. Par exemple, des villages de pomaks (bulgares musulmans) entourés de chrétiens, ont témoigné l'intention de livrer à ces derniers leurs armes, en disant que leurs sympathies étaient naturellement du côté de leurs conationaux, mais que la religion les empêchant de combattre des musulmans, ils ne demandaient qu'à avoir une garantie de sécurité de la part des chrétiens. Là, au contraire, où les turcs sont en force, comme c'est le cas dans la plupart des villes et des bourgs, ils font subir aux chrétiens des traitements vexatoires et se livrent, selon nos agents, à des cruautés.

Les villages environnants sont pillés et incendiés, les assassinats deviennent plus fréquents, l'irritation augmente et le mouvement se propageant avec rapidité menace d'envelopper bientôt toute la contrée avoisinante les Balcons. Il se peut que ce soient parfois les chrétiens eux-

* В Копривштицу и Панагюриште.

** Найден Геров.

mêmes qui mettent le feu à leurs habitations en fuyant. On ne saurait tout de même songer sans frémir aux épreuves auxquelles seront exposées les malheureuses familles bulgares que l'hiver surprendrait dans les gorges des Balkans. Quelles immenses ressources ne faudra-t-il pas pour rétablir les villages dévastés? Ce n'est pas le gouvernement ottoman qui les fournira. L'exemple de la Bosnie et de l'Herzégovine est là pour nous le prouver et en Bulgarie les dépenses seront bien plus considérables encore.

Il paraît que c'est le jour des saints Cyrille et Méthodius (le 11 mai) qui avait été fixé primitivement pour un soulèvement général³. On espérait que les serbes seraient entraînés jusque là dans une guerre avec la Turquie. Mais les événements imprévus de Tatar-Bazardjik ont amené une explosion prématurée⁴. Aujourd'hui les nouvelles les plus alarmantes arrivent de tous les points du pays. Un combat de plusieurs heures a déjà été livré par les insurgés aux troupes ottomanes*. Le danger et la crainte des massacres se produisent sur tous les points de la Bulgarie, où il y a des turcs. La situation est donc des plus tendues.

En portant ces graves nouvelles à la connaissance de votre majesté impériale je crois devoir constater que les prévisions exprimées par le comte Andrassy dans sa note du 30 décembre** se trouvent ainsi réalisées, dans un sens contraire à ses intentions. Les réformes qu'il recommandait ont été insuffisantes pour arrêter l'insurrection herzégovinienne, tandis que les germes d'agitation qui se trouvaient disséminés parmi toutes les populations chrétiennes de la Turquie se sont développés «après la fonte des neiges». Il est donc à craindre que dans l'état actuel des choses, ce ne soient plus ni des réformes, ni des améliorations partielles qui puissent rétablir le calme sur la péninsule Balcanique. Un embrasement général menace de l'envahir toute entière, et l'insurrection herzégovinienne, aussi bien que le mouvement bulgare, ne seront bientôt que des épisodes dans le grand drame de la décomposition de l'empire Ottoman***.

Je suis avec le plus profond dévouement, sire, de votre majesté impériale le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

Помета о получении документа: Berlin, le 1 (13) mai 1876.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 28, лл. 321—327. Подлинник.

Перевод

Пера

Государы!

Мои телеграммы последовательно информировали государственного канцлера о том, что в Болгарии вспыхнули беспорядки в окрестностях Татар-Базарджика¹.

Вашему императорскому величеству безызвестно, что зародыш недовольства и волнения рассеян по всем турецким провинциям, и в Болгарии, может быть, больше, чем где бы то ни было. Экзальтированная молодежь мечтает здесь о независимости или по крайней мере об автономии², в то время как мирные жители терпят притеснения оттоманских властей. Желание сбросить ненавистное иго становится все более и более очевидным, и лишь отсутствие решимости и материальных средств до сих пор задерживают взрыв. Но локальные беспорядки постоянно угрожают перерасти во всеобщий взрыв, и если Сербия вступит в борьбу против Турции, восстание в Болгарии станет неизбежным, хотя низменная и открытая местность здесь неудобна для войны, подобной той, которую ведут сейчас повстанцы в Герцеговине.

* По-видимому, сражение у Панагюриште 27—30 апреля 1876 г.

** См. примечание к док. 87.

*** На полях к концу абзаца помета Александра II: Cela ne justifie que trop les craintes que j'ai manifestées à Andrassy.

Беспорядки в Татар-Базарджике, вызванные притеснениями каймакама или мундира, носили также сначала чисто местный характер. Но турки, напуганные всеобщим волнением населения, сочли нужным немедленно принять строгие меры, которыми более чем всеми другими действиями могли вызвать всеобщее возмущение в Болгарии. Войска в количестве свыше 4 тыс. человек были направлены тотчас к месту конфликта, в течение двух дней их отправляли даже из Константинополя. Оружие, хранившееся на складах, было роздано мусульманскому населению. Эти приготовления, как определенно утверждает наш вице-консул в Филиппополе, взволновали христиан, начавших убегать в горы. Со своей стороны мусульмане сосредоточились в городах и больших деревнях. Таким образом, с самого начала жители страны разделились на два враждебных лагеря, мусульман и христиан, напуганных и готовых атаковать своего противника, чтобы предохранить себя от нападения с его стороны. В некоторых пунктах это положение, кажется, принимает оборот довольно благоприятный для христиан. Например, деревни помаков (болгар-мусульман), окруженные христианами, изъявили намерение сдаться последним, заявляя, что их симпатии естественно на стороне их соотечественников, но, поскольку религия мешает им бороться против мусульман, они требуют лишь гарантии безопасности со стороны христиан. Наоборот, там, где турки сильны, как в большинстве городов и местечках, они заставляют христиан сносить оскорбления и, судя по сведениям наших представителей, предаются жестокостям. Окрестные деревни разорены, сожжены, убийства становятся более частыми, возмущение возрастает, и движение, быстро распространяясь, угрожает охватить вскоре все соседние районы Балкан. Случается, что иногда сами христиане, спасаясь бегством, сжигают свои жилища. Нельзя без содрогания думать о тех испытаниях, которым подвергнутся несчастные болгарские семьи, застигнутые зимой в ущельях Балкан. Какие огромные средства потребуются для восстановления разрушенных деревень! Ведь не оттоманское же правительство будет их снабжать. Пример Боснии и Герцеговины служит нам доказательством этого, а в Болгарии расходы будут еще более значительны.

Кажется, день святых Кирилла и Мефодия (11 мая) был назначен предварительно сроком для всеобщего восстания³. Ожидали, что до этого сербы будут вовлечены в войну с Турцией. Но непредвиденные события в Татар-Базарджике привели к преждевременной вспышке⁴. Теперь самые тревожные новости поступают из всех пунктов страны. Повстанцы уже дали оттоманским войскам многочасовое сражение. Опасность и боязнь резни возникает во всех пунктах Болгарии, где находятся турки. Положение очень напряженное.

Доволя до сведения вашего императорского величества эти важные новости, я считаю своим долгом констатировать, что предвидения, выраженные графом Андраши в его ноте от 30 декабря, таким образом, оправдались, но в противоположном его намерениям духе. Реформы, рекомендованные им, были недостаточны для прекращения герцеговинского восстания, в то время как зародыш волнения, посеянного среди всего христианского населения Турции, развивался «после таяния снегов». Однако надо опасаться, что при настоящем положении вещей уже ни реформы, ни частичные улучшения не смогут восстановить спокойствия на Балканском полуострове. Всеобщий взрыв угрожает охватить его полностью, и герцеговинское восстание, так же как и болгарское, вскоре станет лишь эпизодом в великой драме распада Оттоманской империи*.

С глубочайшим почтением имею честь быть, государь, вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

Н. Игнатъев

Помета о получении документа: Берлин, 1 (13) мая 1876 г

1. Донесение русского посла в Константинополе Н. П. Игнатъева Александру II о начале Апрельского восстания представляет интерес во многих отношениях. Из него мы узнаем, что Игнатъев внимательно следил за событиями в Болгарии и телеграммами извещал царя о ходе восстания. Нельзя не отметить сочувственного болгарскому народу тона донесения и в целом правильной оценки перспективы дальнейших осложнений.

* На полях к концу абзаца помета Александра II: Это подтверждает лишь опасения, которые я выразил Андраши.

Игнатъев сообщает о восстании в Пловдивском (Панагюрском) революционном округе в административной казе Татар-Пазарджика, которое вспыхнуло сначала в Копривштице 20 апреля по ст. ст., а потом перебросилось в Панагюриште, где руководство восстанием возглавил Георгий Бенковский. Несколько дней спустя восстание охватило значительные районы Болгарии на север и на юг от Старой Планины до склонов Родоп.

2. Под «экзальтированной молодежью» Н. П. Игнатъев, очевидно, подразумевает членов местных революционных комитетов, организаторов восстания.

Интересно, что далее в своем донесении Игнатъев как бы противопоставляет экзальтированную молодежь «мирным жителям», которые подвергаются притеснениям турецких властей, хотя на самом деле все трудовое население Болгарии, и особенно в Панагюрском революционном округе, уже давно готовилось к восстанию, ждало сигнала и живо откликалось на призывы «молодых».

3. Еще в конце сентября 1875 г., когда Гюргевский революционный комитет, составленный в основном из сторонников Христо Ботева, принимал решение о подготовке восстания, был намечен приблизительный его срок — май 1876 г. Большинство высказывалось за срок 1 мая ст. ст. Некоторые предлагали 11 мая ст. ст. — день Кирилла и Мефодия, основоположников славянской письменности (57, стр. 23—24).

4. В Пловдивском (Панагюрском) революционном округе восстание началось ранее намеченного на народном собрании в Обориште (13 (25) апреля) срока 1 мая, так как среди собравшихся оказался предатель, сообщивший об этом сроке турецким властям. Последние решили произвести аресты. Руководитель местного комитета в Копривштице Тодор Каблешков, узнав об этом, решил начать восстание ранее намеченного срока. 20 апреля поднялась Копривштица. 21 апреля восстало с. Панагюриште.

Заметим, что Н. П. Игнатъев противоречит сам себе, — то говорит о чисто локальном характере «беспорядков», то об общем восстании, намеченном на 11 мая, и о «преждевременном взрыве».

№ 98

1876 г. апреля 29. — Письмо И. С. Аксакова председателю Петербургского отдела славянского комитета А. И. Васильчикову о политической линии славянских комитетов в герцеговинском и болгарском вопросах и об отношении к деятельности Г. С. Веселитского-Божидаровича

Москва

Милостивый государь князь Александр Илларионович!

Известие о вашем избрании, или вернее сказать о вашем согласии принять звание председателя Петербургского отдела Славянского комитета, было для меня и, конечно, для многих серьезною радостью, и я сожалею только, что вы не председательствуете и здесь, в Москве. Но не об этом собственно речь.

Пользуюсь пребыванием здесь кн. Д. А. Оболенского, чтобы переслать Вам — мне это кажется нужным — некоторые замечания, к которым, по моему мнению, подает повод деятельность Петербургского отдела относительно пособия герцеговинцам. Хотя раздачею или рассылкою этих пособий заведует особая комиссия¹, отдельно от комитета, т. е. отдела, однако же было бы не худо, если бы она спрашивалась вашего совета. Председателем этой комиссии А. А. Киреев, а разъезжающим агентом Н. А. Киреев. Эти имена, ручаясь за добросовестность, не служат гарантией толковости дела. Николай Киреев, бывший недавно в Москве, объявил мне, что их комиссия связана с Веселитским-Божидаровичем и без его разрешения не может распоряжаться своими деньгами. Так как комиссия придумала 25 тыс. руб. послать болгарам для поддержки восстания (против чего я протестовал, до-

казывая Кирееву несостоятельность такой траты при отсутствии у болгар всякой организации и при незначительности восстания), то Киреев и отправился в Вену *спроситься* у Божидаровича ². Последний, конечно, отклонил это намерение комиссии, и вот Николай Киреев через Александра Киреева просит мне телеграфировать: «чтоб я не тратил ни копейки до возвращения Николая в Петербург».

Между тем у Веселитского-Божидаровича вышла размолвка с нашим русским консулом Иониным, и Ионин пишет мне беспрестанно письма, в которых предостерегает против Божидаровича и просит не вздуть значение этого молодого человека во вред ему лично и самому делу. По словам Ионина, поездка Божидаровича в Россию ³, внезапное увлечение им в Петерб[ургском] обществе и почет, оказанный ему в Министерстве иностранных дел, вскружили ему голову, и он не на шутку вообразил себя важным деятелем, тонким дипломатом и мечтает об исторической роли. В словах Ионина есть преувеличение, но дело вот в чем.

Ионин (и Игнатъев тоже) держатся в герцеговинском вопросе так называемой у них черногорской политики ⁴, т. е. такого решения, результатом которого было бы присоединение Герцеговины к Черногории. Это решение, без сомнения, самое простое, практическое и законное именно потому, что сила всего восстания, его нерв, его душа и материальный *кошт* от Черногории. Этого, конечно, желает и простой народ. Но Любibrатич и в особенности Божидарович, который герцеговинец только по своему делу, ибо и отец его и он родились, воспитались и состояли помещиками в России, и который, по окончании воспитания и юнкерской школе, уехал за границу и там жил безвыездно лет 12, — желают для Герцеговины самостоятельного положения или только *union personnelle* * с князем Николаем: «Черногорцы-де дики, воры и будут трактовать народ как турки райю» и проч. В этом есть маленькая доля правды ⁵, но только маленькая, ибо с присоединением Герцеговины, Черногория, *als solche* **, исчезнет, потеряет свою *raison d'être* ***, сойдет с горы, где жить заставляет только неволя, — следовательно, совершится внутренний нравственный переворот. Конечно, Божидарович даже и в личных объяснениях со мной не высказывался прямо, а напирал больше на то, что «державы» не согласятся теперь ни на присоединение, ни на *union personnelle* Герцеговины с Черногорией, и остается только добиваться, на почве проекта Андраши, таких особенных прав для Герцеговины, которые бы, отчасти обеспечивая ее внутреннюю свободу, могли быть приняты всеми державами без нарушения их согласия.

Месяца три тому назад можно было еще об этом думать, но теперь события переменялись. Божидарович, без сомнения, при всем своем патриотизме, в искренности которого не сомневаюсь, то, что называется *un jeune ambitient* ****, желал бы стать во главе комиссии или особенного управления в Герцеговине. Его появление, по возвращении из Петербурга, в качестве уполномоченного от князя Горчакова для ведения переговоров *****, помимо консула, с вождями инсургентов, самые эти переговоры и то, что ему удалось, в силу авторитета своего полномочия, вызвать от вождей проект таких условий ⁶, которые как бы выделяют Черногорию совсем из дела, раздражили в высшей степени

* Личной унии (фр.).

** Как таковая (нем.).

*** Смысл существования (фр.).

**** Молодой честолюбец (фр.).

***** Переговоры в Суторине 25—26 марта. См. прим. 2 к док. 92.

и Игнатьева, и Ионина, и Киреева Николая, и черногорцев. У наших дипломатов тут есть, кроме того, *jalousie de métier* *.

Я нахожу, что Божидарович действительно слишком далеко зашел и скомпрометировал себя. Выделять Черногорию невозможно, особенно когда Турция грозит ей войною, а предотвратить войну немыслимо, когда пожар готов вспыхнуть на всем Балканском полуострове. Черногория — организованная власть, и ее право дано ей историей. Затем, плодить раздор, расстраивать — — — ** в настоящую минуту более чем вредно.

Нам, комитету, лучше всего в этом деле держаться, во-первых, наших местных консулов, именно тех, которых сочувствие к славянам доказано и которые приобрели там значительное влияние; во-вторых, самой простой политики, заботясь только о том, чтобы деньги попадали в руки способные и честные и не служили ни личной корысти, ни иным целям.

Из прилагаемого письма ко мне нашего консула Ионина ⁷ вы сами, многоуважаемый князь, увидите, несмотря на всю его несвязность, каковы отношения между ним и Божидаровичем. Я отметил эти места красным карандашом, также и то место, где он поручает мне передать г. Золотареву отчет о деньгах. Но я не знаю адреса Золотарева. Трудно, конечно, будет вам разобрать руку Ионина, но я предпочел письмо переслать в подлиннике. Право, не мешает Петербургской комиссии посоветовать соблюдать некоторую осторожность в своих сношениях с Божидаровичем.

Я на днях получил от Ионина телеграмму с просьбой денег и денег. В ответ я телеграфом же перевел к нему то, что было налицо, — 9 тыс. рублей.

Примите князь, уверение в моем глубочайшем уважении и искреннейшей преданности.

Ив. Аксаков

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 854, лл. 21—23 об. Автограф.

1. Т. е. Герцеговинская комиссия или комиссия по сбору пожертвований, которая была создана в 1875 г. Петербургским славянским комитетом для сбора средств и оказания помощи пострадавшим в Боснии и Герцеговине. С конца июня 1876 г. помощь герцеговинцам и боснякам была отодвинута на задний план заботами о Сербии, сербской армии и добровольцах М. Г. Черняева. Болгарский вопрос в комиссии занимал все время второстепенное положение. С октября 1876 г. функции комиссии перешли к исполнительному присутствию комитета (33, стр. 26—31).

2. И. С. Аксаков иронизирует по поводу Г. С. Веселитского и несколько смещает факты. Действительно, в конце декабря 1875 г. Герцеговинская комиссия решила выделить из средств комитета 20—30 тыс. руб. на помощь болгарам. Однако деньги посланы не были, поскольку не было веры в успех освободительного движения в Болгарии. Безрезультатно было для болгар и совещание комиссии, собранное 27 марта 1876 г. Лишь тогда Н. Киреев, сторонник поддержки болгар, выехал за границу (в Вену и Берлин) для выяснения международной ситуации и перспектив развития болгарского вопроса (43, стр. 96).

3. Речь идет о поездке Г. Веселитского-Божидаровича в Россию в январе 1876 г. Он имел аудиенцию у А. М. Горчакова, который согласился поддерживать требование автономии Боснии и Герцеговины и поручил склонять повстанцев к умиротворению на этой основе (59, стр. 27).

4. А. С. Ионин полагал, что восстание в Герцеговине тесно связано с Черногорией, где нашло убежище более 60 тыс. герцеговинских беженцев. Поэтому он считал необходимым усилить денежную помощь Черногории на содержание беженцев и вооружение армии в связи с предстоящей войной с Портой. Ионин настаивал на непосредственной пересылке денежных средств в Черногорию через русское консульство

* *Профессиональная зависть (фр.).*

** *Слово не разобрано.*

в Триесте, полагая излишним назначение для этого частного агента в лице Г. Веселитского-Божидаровича. Н. А. Киреев во время встречи с Иониным в Берлине согласился на то, чтобы тот сделал невозможным использование благотворительности в «дипломатических целях» (ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 867, лл. 1—6).

В сентябре 1875 г. Н. П. Игнатъев, чтобы предупредить дипломатическое вмешательство европейских государств в Герцеговинское восстание, выступил с предложением перед Портой о передаче под управление Черногории, через посредство России, пяти восставших герцеговинских областей. Подобная скрытая форма присоединения Герцеговины к Черногории вызвала решительный протест со стороны Австро-Венгрии (31, № 2, стр. 453—454).

5. И. С. Аксаков имеет в виду, вероятно, крайне низкое экономическое состояние Черногории и бедность ее природных ресурсов, связанную с недостатком пригодных для сельского хозяйства земель. На протяжении ряда веков вследствие недостатка пастбищ черногорцы вступали в пограничные конфликты с турками.

6. Проект условий герцеговинских повстанцев изложен в документе 92. Хотя повстанцы в своем проекте не упоминали об автономии, но все их условия по сути дела означали ликвидацию турецкой власти в Герцеговине. О Черногории же не было речи. В Суторине герцеговинские повстанцы предоставили полномочия Г. Веселитскому-Божидаровичу, чтобы он добивался от их имени перед великими державами осуществления проекта. Вскоре после этого боснийские повстанцы также признали Божидаровича своим уполномоченным. В отличие от герцеговинцев босняки выдвигали более умеренные требования: соглашались на пребывание в Боснии 5 тыс. турецкого войска и не требовали перехода в собственность крестьян 1/3 обрабатываемых земель и в более неопределенной форме касались вопроса о земле (102, стр. 125, 128).

7. В письме к И. С. Аксакову, направленном 21 марта (2 апреля) 1876 г. из Рагузы, А. С. Ионин касается вопроса о взаимоотношениях с Г. Веселитским-Божидаровичем и Черногорией. Ионин выражает недовольство поведением Веселитского-Божидаровича, которого он обвиняет в стремлении сделаться герцеговинским князем, но в то же время считает нужным использовать его для практических целей. По мнению Ионина, «сеять рознь и возбуждать разные идеи между Герцеговиной и Черногорией — есть страшнейший вред». В связи с этим он упрекает Аксакова за то, что тот покушается вести «герцеговинскую политику» и призывает усилить денежную помощь Черногории (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 74, лл. 53—54 об.).

№ 99

*1876 г. апреля 29. — Письмо М. Г. Черняева И. С. Аксакову
о начале восстания в Болгарии и о необходимости оказать помощь
в размещении в России сербского займа*

Белград

С дороги я писал вам один раз из Кишинева. Письмо это было набросано за ¼ часа до отхода поезда и потому, конечно, я не мог в нем сообщить вам много подробностей о том, что делается в Болгарии. Я просил в этом письме о высылке 5 тыс. руб. для первоначальной помощи болгарам, предполагая, что вы сами снесетесь по этому поводу с Н. А. К.* Из Кишинева я проехал через Болград и Галац в Бухарест. Во всех этих местах благодаря г. Иванову я виделся с кем нужно и был удивлен одушевлением, господствовавшим в этих кружках¹. Я опасался, что это настроение не есть общее всего населения за Дунаем, а принадлежит только отдельным лицам, но восстание прибалканских болгар подтвердило все, мною слышанное по дороге сюда.

Мне говорили везде, что никогда еще не было такого единодушия между болгарам, как теперь, что даже те, которые всегда держали сторону турок, присоединились к общему движению²; что все оружие, какое было в Румынии, закуплено (охотничьи ружья и револьверы) и перевезено за Дунай, все имущество закопано и население ждет только сигнала из Сербии, чтобы начать войну гверильясов. Здесь в Белграде я за-

* Н. А. Киреев.

стал двух болгарских доверенных лиц, приехавших просить оружия³. Сербь помогли им насколько могли. Кажется, им отдано в распоряжение около 3 тыс. ружей. Болгарам недостает того же, что и всем остальным славянам, — единоначалия. Как оно выработается у них, — сказать теперь трудно, а пока они его достигнут, погибнет напрасно много народа.

На другой день по приезде в Белград я был у князя Милана. Меня приняли здесь везде очень хорошо, но, к сожалению моему, возлагают на меня слишком большие надежды. Между тем у них для войны недостает многого и, прежде всего, денег. Вот об них-то я и хочу особенно поговорить в настоящем письме.

Сербское правительство пыталось сделать внешний заем во Франции, Бельгии и Голландии, но, конечно, не могло успеть в этом. Кто в Европе даст славянам деньги для того, чтобы освободиться от турок и присоединиться к России?

Потерпев эту неудачу, здешнее правительство решилось на внутренний заем, но опасается, что ввиду * предстоящей войны заем будет покрыт наполовину, т. е. вместо 12 миллионов франков оно получит только 6 миллионов. Вот эту недостающую половину своего займа оно желало бы поместить в России и поручило мне сообщить об этом в Москву. Заем делается *à pari* по 8% с погашением в 5 лет. Если эта комбинация окажется неудобною, то сербское правительство предлагает другую, а именно: сделать внешний заем в России на тех же условиях под обеспечение государственных имуществ, заключающихся в лесах и рудниках. Эта экономическая зависимость Сербии от России важна до очевидности⁴, и я убедительно прошу вас похлопотать об успехе займа. Так как дело не терпит отлагательства, то *я прошу во всяком случае телеграфировать мне, возможен ли этот заем или нет*. Сербия не имеет ни внутреннего, ни внешнего долга.

Я уезжаю завтра по поручению князя Милана на передовую линию для осмотра укреплений, строящихся для прикрытия доступа в долину Моравы. Через четыре дня рассчитываю возвратиться в Белград.

Не могу не сказать мимоходом, что все здешние коммунистические и социалистические движения произведены сербами, воспитывавшимися в России и по преимуществу в духовных семинариях и военных училищах и академиях.⁵

Искренне преданный

М. Черняев

[P. S.] Если вам понадобится обратиться к кому-либо по делу Болгарии, то позвольте вам указать на Ивана Степановича Иванова, в Кишиневе. Человек он состоятельный, цивилизованный (воспитывался в Одесском лицее) и вполне преданный интересам своей родины.

Если заем затруднителен в определенном выше размере, то уведомьте, в каких пределах он возможен. Мне кажется, что при второй комбинации он совершенно обеспечен, что бы ни случилось. Нынешнее министерство популярно в стране и составлено из лучших людей. Без займа нельзя ничего предпринять.

Письмо мое к вам было уже написано и запечатано, когда пришел ко мне г. Груич, здешний министр юстиции. Надо сказать вам, что лица, составившие нынешний кабинет, заняты исключительно одним вопросом — предстоящей борьбой с турками. Отдельные отрасли управления отодвинуты на задний план. Поэтому не удивляйтесь, что, за болезнью министра финансов, министр юстиции пришел ко мне говорить об займе.

Он просил к данным, сообщенным мне министром финансов и помещенным в моем письме, добавить следующие:

- 1) закон о внутреннем займе издан на основании конституции и не зависит от перемены правительства или династии;
- 2) облигации будут выпущены одного достоинства — по 50 франков;
- 3) первый купон (8%) будет оплачен ввиду предстоящей войны через год, т. е. 1 июля 1877 г. Затем последующие купоны, в течение 4 остальных лет до погашения, оплачиваются по полугодиям;
- 4) правительство сербское уплачивает за комиссию каждому, кто возьмет облигаций не менее как на 50 тыс. червонцев (червонец — 12 франков).

Москва оказала бы большую помощь Сербии, помощь, которую страна никогда бы не забыла, так как этим займом она приобретает средства для борьбы за свое существование.

Бога ради, помогите этому делу. Если нельзя поместить все 1,5 млн. руб., то и $\frac{1}{3}$ этой суммы была бы значительной помощью. Полный отказ будет сильным ударом нашему влиянию, которое вследствие политики нашего правительства ⁶ уже дало австрийской партии Карагеоргиевича ⁷ оружие против сербов, преданных России.

М. Черняев

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 387. Автограф.

1. Будучи проездом в Румынии, М. Г. Черняев встретился там с представителями болгарских революционных комитетов, которые предлагали ему возглавить подготавливаемое движение. Черняев отказался, так как надеялся, что выступление Сербии и Черногории придаст событиям больший размах, чем это можно было ожидать в то время от выступления болгар (43, стр. 97).

2. М. Г. Черняев не ошибался, когда говорил о необычайном подъеме, охватившем в период Апрельского восстания Болгарию. Но это не относилось (как он представлял) ко всем группам болгарского населения. Трудящиеся массы Болгарии — крестьяне, ремесленники, народная интеллигенция — самоотверженно боролись против турецкого ига. Но туркофильски настроенная часть болгарской буржуазии не поддержала движения, сыграв реакционную, предательскую роль. Другая часть болгарской буржуазии, в особенности эмигрантской, оставалась в стороне от революционного движения, ожидая положительного результата восстания и сигнала России, чтобы предоставить средства освободительному движению. Начавшаяся борьба не зависела от сигнала из Сербии, несмотря на стремление некоторых руководителей болгарского национально-освободительного движения к координации действий Болгарии и Сербии против Турции.

3. В конце апреля в Белграде находились П. Хитов со своим сотрудником Н. Ивановичем. По всей вероятности, Черняев встречался с приближенными Хитова, а может быть и с ним (2 1, стр. 280, 217).

4. С точки зрения М. Г. Черняева, экономическая зависимость Сербии от России была важна для укрепления русского влияния в этой стране.

5. Вероятнее всего, эта фраза М. Г. Черняева была вызвана внутривнутриполитической обстановкой в Сербии, возникшей под влиянием демонстрации в Крагуеваце 15 февраля 1876 г. Демонстрацию организовали сторонники и последователи Светозара Марковича, группировавшиеся во главе с Перой Тодоровичем вокруг газеты «Старо Ослобођење» («Старое освобождение»), в знак победы левых демократических сил на общинных выборах.

Демонстранты под красным знаменем, на котором было написано «самоуправление», с пением «Марсельезы» и возгласами «Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!» мирно прошли по улицам города. В выборах и демонстрации активное участие принимали рабочие крагуевацкого оружейного завода. Демонстрация в Крагуеваце вызвала переполох и растерянность в правящем реакционном лагере. Против активных ее участников по настоянию Милана был начат процесс по обвинению в государственной измене. Суд вынес свое решение лишь 22 июня 1876 г., четыре дня спустя после начала (18 июня) первой сербско-турецкой войны (см. 37).

Поскольку крагуевацкая демонстрация являлась делом сторонников Св. Марковича, обучавшегося, как известно, в России, нет ничего удивительного в том, что сербские правящие круги внутренние беспорядки в стране склонны были объяснять влиянием сербов, воспитывавшихся в России. Кроме того, управитель крагуевацкого военного завода Савва Груич, получивший образование в Петербургской военной академии, был также причастен к демонстрации, за что был отозван властями в Белград. С. Груич был другом С. Марковича и до некоторой степени разделял взгляды последнего. Наконец, зачинатель демократического движения в Сербии, Живоин Жуе-

вич, учился в русской духовной семинарии, академии и С.-Петербургском университете. Сербские революционеры Дреч, Филиппич и другие, принимавшие участие в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине, также обучались в России и в свое время получали денежную помощь от Славянского комитета.

6. Имеется в виду политика союза русского правительства с Австро-Венгрией и Германией и удерживания Сербии от войны с Турцией.

7. М. Г. Черняев, по-видимому, имеет в виду участие в Боснийском восстании Петра Карагеоргиевича. Последний в самом начале восстания появился с четой в Боснии под именем Петра Мрконича с намерением стать во главе восстания. Однако планы Петра Карагеоргиевича потерпели неудачу. Сербия действовала против него по династическим соображениям. Против Мрконича выступали и социалисты во главе с В. Пелагичем. В результате Петр Карагеоргиевич вынужден был покинуть Боснию.

№ 100

1876 г. апреля 29 (мая 11). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о расширении Апрельского восстания в Болгарии и о новых назначениях на высшие административные должности в Европейской Турции

№ 177

Péra

Sire!

Les nouvelles de Bulgarie deviennent de plus en plus alarmantes. L'insurrection s'étend le long des Balkans et on assure que les principales passes, et entres autres celle dite Porte de Trajan, seraient déjà occupées par les bandes¹. Les insurgés cherchent à entraver le transport des troupes en gênant le service du chemin de fer. La gare de Bellova dernier point de la ligne de Hirsch², a été incendiée³. Celle de Philippopolis est, dit-on, en feu. Le pont de la Maritza a été détruit. Des villages et des tchiftliks (fermes) appartenant aux turcs influents qui avaient le plus opprimé le peuple sont livrés aux flammes. De leur côté les musulmans se vengent en pillant et massacrant les habitants des campagnes dans les environs immédiats des villes dont ils sont les maîtres. Ainsi, les bourgades de Perouschtiza et Demirjje Keui, distantes de trois heures de Philippopolis, se sentant menacées par les turcs des villages voisins ont en vain réclamé un secours de l'autorité. Elles ont été brûlées et les habitants en ont été massacrés⁴. A Phillipopolis même le bazar a été fermé, et les familles indigènes se réfugient ici. On y attribue aux turcs l'intention de détruire tous les grands villages bulgares.

La cause principale de la panique et des désordres semblent être les bachibouzouks que l'on a dirigé sur le théâtre de l'émeute, même d'ici. Des télégrammes ci-joints d'un ingénieur allemand employé au chemin de fer d'Andrinople donnent des détails caractéristiques sur la conduite de cette troupe sauvage.

Ayant été mis au courant de ces faits, j'ai cru devoir présenter des observations au grand vizir contre les bachibouzouks qui contribuaient plus que les insurgés à jeter la perturbation parmi les populations de la Bulgarie. Hussein-Avni-pacha prétendait avoir une armée de sept milles hommes. Comment se faisait-il qu'à la première occasion on été obligé de recourir au service des irréguliers?

Mahmoud-pacha me répondit que toutes les troupes disponibles étaient déjà employées ailleurs. Constantinople même était dégarnie et sa garnison ne se composait principalement à l'heure qu'il est que de rédiis. Or, les bataillons dernièrement convoqués laissaient beaucoup à désirer sous le rapport de la discipline et de l'instruction militaire, et manquaient surtout d'officiers, principalement d'officiers supérieurs.

Il paraît donc que la moitié de l'armée turque officielle n'existait que sur papier, et que le reste n'était ni assez discipliné, ni suffisamment bien commandé pour faire face aux nécessités du moment actuel *.

Ce qui ressort de l'ensemble des informations qui me parviennent, c'est que les bulgares désespérés par les vexations des autorités sont décidés à pousser les choses à l'extrême; tandis que les musulmans accusent le gouvernement de tous ces désastres qui dateraient de l'époque où oubliant le cimetière, il a prêté l'oreille aux suggestions de l'Europe. Ils prêchent donc la nécessité de secouer le joug des puissances chrétiennes, et de reconquérir par l'épée le pouvoir qui leur échappe. De là la tendance de nuire autant que possible aux ghiaours, l'armement des habitants musulmans, et les bruits de massacres, à l'aide desquels on voudrait terroriser toute la population chrétienne de l'empire.

C'est à cause de cela, sire, que le soulèvement bulgare tend à prendre dès le début le caractère et les symptômes d'une guerre de religion, et menace de dégénérer, comme c'est généralement le cas, en lutte d'extermination.

La Porte a, suivant son habitude, rendu responsable des événements de Bulgarie le mutessarif de Philippopolis, Aziz-pacha, homme calme et modéré qui n'avait cessé de prévenir le gouvernement du mouvement qui allait éclater si on ne changeait pas de système. Il a été destitué et remplacé par un certain Hamid-pacha qui doit se rendre incessamment à son poste.

D'autres nominations ont été faites simultanément dans les hautes sphères de l'administration provinciale. Aly-pacha, valy d'Herzégovine, poste qui avait été créé pour lui il y a trois mois, a été transféré en la même qualité à Scutari d'Albanie. La Porte n'a plus jugé nécessaire de maintenir l'Herzégovine comme vilayet, d'autant plus qu'il y réside un commissaire spécial chargé des réformes. Elle a nommé comme par le passé un mutessarif à Mostar, et c'est Salim-effendi ci-devant directeur des postes et télégraphes, qui a été appelé à ces fonctions. Brave homme et favorable aux chrétiens, le nouveau gouverneur de l'Herzégovine, est très effrayé de la position à laquelle il vient d'être appelé. Djevdet-pacha a échangé le gouvernement général d'Alep contre celui de Syrie. Dervisch-pacha qui avait reçu l'ordre de se rendre sans retard à Diarbékir, a réussi, grâce à la protection du prince Youssouf Izzeddin, à rester jusqu'à présent à Constantinople, où il sert de centre aux intrigues des ennemis de Mahmoud-pacha et des partisans de la politique belliqueuse.

Je suis avec le plus respectueux dévouement, sire, de votre majesté impériale le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

Помета о получении документа: Ems, le 9/21 mai 1876.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 28, лл. 372—379. Подлинник.

*Перевод
Щера*

Государь!

Новости из Болгарии становятся все более и более тревожными. Восстание распространяется по всей цепи Балканского хребта, и уверяют, что главные проходы и в том числе так называемые Трояновы ворота уже заняты отрядами¹. Повстанцы пытаются задерживать воинские транспорты, мешая работе железных дорог. Вокзал Беловс, последний пункт на линии Гирша², был сожжен³. Вокзал в Филиппополе, как говорят, горит. Мост на Марице разрушен. Деревни и чифлики (фермы), принадлежавшие влиятельным туркам, больше всего угнетавшим народ, преданы огню. Со своей стороны мусульмане мстят, грабя и убивая население деревень, лежащих вблизи городов, где они являются хозяевами. Так, местечки Перуштица и Демпрдже-

* К концу абзаца помета Александра II: Cela coïncide avec les données de notre état major.

Кей, расположенные в трех часах езды от Филиппополя, чувствуя опасность со стороны турок из соседних деревень, напрасно просили помощи от властей. Деревни были сожжены и истреблены ⁴. В Филиппополе был даже закрыт базар и там укрываются местные семьи. Туркам приписывают намерение разрушить все большие болгарские деревни.

Главной причиной паники и беспорядков являются, кажется, башибузуки, направленные к месту возмущения даже и отсюда. Прилагаемые телеграммы одного немецкого инженера, служащего на железной дороге в Адрианополе, сообщают характерные подробности о поведении этого дикого войска.

Будучи введенным в курс этих событий, я счел своим долгом представить свои соображения великому визирю о башибузуках, которые способствовали больше, чем повстанцы, волнениям среди населения Болгарии. Гусейн-Авни-паша стремился иметь армию в 700 тыс. человек. Как же произошло, что при первом случае были вынуждены прибегнуть к услугам иррегулярных войск?

Махмуд-паша ответил мне, что все наличные войска были уже использованы в других местах, что даже Константинополь был оголен и его гарнизон в настоящее время состоит только из редифов. Кроме того, батальоны, призванные в последнее время, оставляют желать весьма многого в отношении дисциплины и военной подготовки, особенно не хватает офицеров, главным образом высших.

Кажется, что половина турецкой армии существует официально только на бумаге, а остальная часть не имеет ни достаточной дисциплины, ни довольно хорошего командования, чтобы противостоять необходимым моментам настоящего момента *.

Из всех сведений, которые доходит до меня, вытекает, что болгары, доведенные до отчаяния притеснениями властей, решились на крайность, а мусульмане пока обвиняют правительство во всех катастрофах, начавшихся с того времени, когда, забыв саблю, оно стало прислушиваться к указаниям Европы. Они проповедуют необходимость сбросить иго европейских держав и завоевать шпагой ускользающую от них власть. Отсюда тенденция вредить, насколько это возможно, гюрам, вооружать мусульманских жителей и распространять слухи о резне, которой хотят терроризировать все христианское население империи.

Вот почему, ваше величество, восстание в Болгарии с самого начала имеет тенденцию принять характер и симптомы религиозной войны и угрожает перерасти, как это обычно бывает, в истребительную войну.

Порта, следуя своим обычаям, сделала ответственным за события в Болгарии филиппопольского мутесарифа, Азиз-пашу, человека спокойного и умеренного, постоянно предупреждавшего правительство, что если не изменить системы, то может разразиться восстание. Он был смещен и заменен неким Хамид-пашой, который должен со дня на день прибыть к месту службы.

Одновременно были сделаны другие назначения в высших сферах провинциальной администрации. Али-паша, вали Герцеговины (должность, созданная для него три месяца тому назад), был перемещен в этой же должности в Скутари в Албанию. Порта не считает более необходимым держать Герцеговину в качестве вилайета, тем более что там находится специальный комиссар, которому поручено проведение реформы. Она назначила, как и раньше, мутесарифа в Мостар, и Салим-эфенди, бывший директор почт и телеграфов, призван на эту должность. Человек смелый и благосклонный к христианам, новый губернатор Герцеговины очень напуган предназначенной для него должностью. Джебдет-паша сменил генерал-губернаторство в Алеппо на таковое в Сирии. Дервиш-паша, получивший приказ немедленно явиться в Диарбекир, смог, благодаря протекции принца Юсуфа Иззеддина, остаться до сих пор в Константинополе, где он является центром интриг врагов Махмуд-паши и сторонников воинственной политики.

С глубочайшим почтением имею честь быть, государь, вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой
Н. Игнатьев

Помета о получении документа: Эмс, 9 (21) мая 1876 г.

* К концу абзаца помета Александра II: Это совпадает с данными нашего Генерального штаба.

1. В донесении П. П. Игнатьева имеются в виду повстанческие действия в IV революционном округе. Георги Бенковский, фактический руководитель восстания в этом округе, организовал отряд в несколько сот человек, известный под именем «Летучая чета». 27 апреля чета двинулась к горе Еледжик, где был организован укрепленный лагерь повстанцев и населения из окрестных сел. На следующий день появились турецкие войска, которые спешили занять перевал «Траянови врата» (Капуджик). Бенковский повел все повстанческие силы к неприятельскому лагерю, но сражение между повстанцами и войсками не состоялось, так как последние избегали этого. Турки ожидали помощи и отступили за Ихтиман, а чета снова отправилась к Еледжикю (см. док. 105; 83, стр. 127; 87, III, стр. 190).

2. По имени австро-венгерского капиталиста барона М. фон Гирша, который в 1872 г. получил концессию на строительство железнодорожной линии между Филиппополем и Сараябеем (ныне Септември) (8, стр. 80—104).

3. Нападение на станцию Белово и пожар ее произошли 27 апреля. Бенковский и повстанцы были сердечно встречены населением и иностранцами — работниками железной дороги. К отряду Бенковского присоединилось около десяти далматинцев (83, стр. 290—297).

4. Героические повстанцы Перуштицы, которые в продолжение нескольких дней отбивали яростные атаки многочисленных турецких полчищ, не могли устоять перед лущками регулярных турецких войск и приняли предложение сложить оружие, чтобы предотвратить кровопролитие. Но их посланцы были убиты и село разрушено (подобрности см. 28, стр. 159—162, 169, 173—176, 232—237; 52, стр. 51—62).

№ 101

1876 г. апрель*. — Воззвание уполномоченных Главного комитета боснийского восстания за освобождение¹ русскому народу с просьбой о помощи боснийцам;

Воззвание ко всем благородным членам рода человеческого, которые дышат духом человеколюбия, духом нравственности и великодушного сочувствия к нашему бедному страдающему народу в Боснии, равно как и ко всей нашей единокровной и единоплеменной братии во всех краях, до сердца коих достигают плач и стоны нашего бедствующего народа и которые неоднократно доказали, что их глубоко трогают мучения, претерпеваемые единоплеменной братией, судьбу которой они желали бы облегчить.

Братья и друзья!

Вот уже девять месяцев прошло с тех пор, как поднялся наш народ против заклятого угнетателя своего — турка; минуло девять месяцев с тех пор, как началась тяжкая и кровавая борьба с заклятым врагом нашим, в течение пяти столетий ругавшимся над священнейшими правами нашими, — правами человека.

В течение пяти столетий мы терпели все муки и бедствия, терпели и напрасно ожидали, что просвещенная Европа и целое христианство избавят нас от того рабства, от тех мук. Но терпение поставило нас ниже скотов: чем более терпели мы, тем более погибали, а неприятель наш все более и более приходил в ярость. Европа боролась за освобождение негров, за освобождение рабов; только к нам, рабствовавшим в Турции, не было ни сожаления, ни сердечного сочувствия. Мы были для Европы что-то другое, а не люди.

Когда переполнилась чаша терпения и когда турецкая ярость перешла все границы, народ наш в отчаянии поднялся против угнетателя, против тирана. С того дня, как народ наш взялся за оружие, тысячи женщин, детей и дряхлых старцев должны были покинуть свои жилища и иму-

* Датируется по содержанию документа. Восстание в Боснии началось в августе 1875 г., следовательно, документ был составлен в апреле 1876 г.

щества и бежать в соседние австро-венгерские области, чтобы спасти себя хоть бедственное и скудное существование.

Братья и друзья! Подумайте, как тяжело этим бедным, осиротелым людям терпеть под чужим кровом полную нищету. Правда, братское гостеприимство сербско-хорватского народа, равно как и помощь австро-венгерского правительства, оказали им некоторую помощь. Но в сравнении с тою массою бедствий, которые претерпевает наш народ, все это было каплею в море.

Отцы, мужья и сыновья этих страдальцев, проливающие кровь свою за свободу всего народа, обращают свои просьбы ко всему христианскому миру и прежде всего к единоплеменным своим братьям в России. Они слышали, что русский народ собрал большие пожертвования; но из них на долю боснийского населения не досталось ни крейцера! Братья наши в Герцеговине были счастливее: мы им не завидуем в том, а только радуемся их счастью и поздравляем с оным. Но нельзя же и нас оставлять без всякой помощи. С этой целью мы образовали из представителей боснийского народа комитет, пребывающий в Новой Градишке. На имя членов этого комитета мы и просим присылать пожертвования, стекающиеся в славянские комитеты со всей России не только «в пользу бедствующих жителей Герцеговины», но и «в пользу бедствующих жителей Боснии». Да исполнится воля жертвователей! Да не будут забыты русскими и босняки!

Члены распорядители Боснийского комитета:

Илья Бильбия и Федор Дабович в Новой Градишке

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 5, лл. 1—2. Перевод с сербского, современный подлиннику

1. «Главный комитет боснийского восстания за освобождение» в Новой Градишке был основан в октябре 1875 г. известными руководителями повстанцев В. Видовичем, С. Бабичем и Иово Бильбием. Этот центральный орган ставил своей задачей осуществление организационного и политического руководства восстанием в Боснии. Ему подчинялись подкомитеты и доверенные лица в ряде городов, расположенных вдоль австро-венгерской границы. Наибольшую активность проявлял В. Целагич, член комитета в Костайнице. Для юго-западной части Боснии доверенным лицом был И. Бильбия. «Главный комитет боснийского восстания за освобождение» был тесно связан с Главным комитетом помощи восстанию в Белграде (11, стр. 125—127).

21 февраля 1876 г. «Главный комитет боснийского восстания за освобождение» издал специальное воззвание «ко всем членам рода человеческого» с просьбой о помощи боснийцам (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 5, лл. 3—4).

В качестве представителей для сбора средств комитет направил в Россию и другие страны И. Бильбию и Ф. Дабовича (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 5, л. 4 об.).

Публикуемый документ представляет обращение И. Бильбии и Ф. Дабовича к русскому народу; в основу обращения было положено воззвание «Главного комитета боснийского восстания за освобождение» в Новой Градишке от 21 февраля 1876 г.

№ 102

1876 г. мая 1. — Письмо В. С. Ионина Н. А. Попову о тяжелом положении населения Боснии и необходимости оказания ему денежной помощи¹

Николаев

Милостивый государь Нил Александрович!

Отправляясь из Одессы в Москву, Михаил Андреевич Бухтеев дал мне к вам рекомендательное письмо, но, приехавши сюда, я заболел, а потому, препровождая таковое, беру в то же время смелость доставить

вам как мое личное обращение, так равно и присланное ко мне воззвание об оказании пособия боснийцам².

Из прилагаемых при сем копий вы увидите, что наше равнодушие послужило поводом к отправлению в Россию боснийской депутации, но, доехавши до Вены, депутаты вследствие непредвиденных обстоятельств должны были возвратиться, и народ теперь потерял почти надежду на нашу помощь.

Зная, что вы искренно сочувствуете возрождению славян, я прошу вас, если найдете возможным, довести все означенное до сведения гг. членов, в имеющем быть заседании Славянского комитета. Быть может, этим вы окажете громадную услугу страждущим, и за могущую быть помощь Босния вечно останется вам обязана.

Когда я был в Одессе, то мое предложение в Славянском благотворительном обществе было принято с полным сочувствием, и в заседании 27 апреля решили посылать впредь половину сбора в Боснию, а половину в Герцеговину, куда прежде отсылались почти все деньги, жертвуемые в пользу пострадавших славянских семейств.

Кроме того, в том же обществе пришли к убеждению, что для славянских комитетов было бы рациональнее выбрать сообща одного из своей среды и послать на место для точного выяснения нужд боснийских выходцев, равно как и для более верного указания, куда именно лучше направлять денежное пособие. Что же касается раненых в Боснии, то, как мне кажется, для вспомоществования таковым не мешало бы славянским комитетам обратиться куда следует с просьбою о высылке в Боснию «санитарного отряда», как то уже сделано относительно герцеговинцев.

Ввиду столь безотрадного положения боснийцев, я надеюсь, что и вы не откажетесь обратить более серьезное внимание не только Московского, но, если возможно, и Петербургского славянского комитета на постигшую участь наших соплеменников.

Извините меня, что вас затрудняю моею просьбою, но бывшее мое служебное положение в славянских землях и те отношения, которые сохранились между мною и тамошними деятелями, не говоря уже о моем личном сочувствии к освобождению славян, невольно заставляют меня, хоть уже я в отставке, принимать участие в настоящих событиях и обращаться с просьбою об облегчении тяжелой судьбы страдальцев.

Затем, возлагая надежду на ваше благотворное содействие, мне остается вам сообщить, что как только мое здоровье позволит выехать, то по приезде в Москву буду иметь удовольствие зайти к вам и тогда уже более обстоятельно переговорим о положении дел в Боснии, а теперь прошу принять уверение в неограниченной моей к вам преданности.

Владимир Ионин

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 30—31. Автограф.

1. Документ связан с колебаниями в среде деятелей славянских комитетов относительно того, куда следует направлять основные средства и движение какой части южных славян следует поддерживать в первую очередь. В отношении основной мысли о желательности усиления помощи боснийцам содержание настоящего письма близко к мыслям Н. А. Киреева, изложенным в его письме от 11 мая из Варшавы брату, А. А. Кирееву (56, стр. 110).

2. В. С. Ионин имеет в виду свое письмо в Московский славянский комитет от 30 апреля 1876 г., в котором говорит о тяжелом положении Боснии и необходимости оказать ей помощь (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 23—24 об.; Воззвание Боснийского комитета см. док. 101).

1876 г. мая 7 (19). — Донесение Н. П. Игнатъева Александру II
о подавлении Апрельского восстания в Болгарии

№ 190

Buyucdéré

Sire!

Ainsi que je l'ai fait pressentir dans mon très humble rapport du 29 avril sub N 177 *, le soulèvement de la Bulgarie prend de plus en plus le caractère d'une guerre d'extermination entre les deux races qui s'y trouvent en lutte. Les chrétiens effrayés par les violences des troupes irrégulières, fuient à leur approche dans les montagnes. Les turcs du voisinage en profitent pour saccager les villages abandonnés et les livrer aux flammes. C'est ainsi que toute la riche vallée entre Philippopolis et Tatar-Bazardjik a été totalement dévastée. Dans plusieurs grands villages la population mâle a été massacrée, les femmes et les filles ammenées en esclavage tandis que les troupes dont les chrétiens imploraient en vain l'envoi pour les protéger, — n'arrivaient que trop tard, ou bien se mettaient du côté des assaillants musulmans**.

L'irritation réciproque est à son comble, et à Philippopolis même les chrétiens ne se sentent plus en sûreté. Je commence à concevoir des appréhensions sérieuses pour la sécurité de notre vice-consul dans cette ville, suspect aux autorités et à la population musulmane fanatisée à cause de sa nationalité bulgare et de l'influence qu'il exerce sur ses concitoyens. Peut-être me verrai — je obligé de rappeler le conseiller de cours Guérow pour éviter un malheur, car, selon les renseignements que je possède, la catastrophe de Salonique¹ pourrait se reproduire dans une des villes bulgares.

Les bachibouzouks envoyés pour combattre l'insurrection sont composés en partie de forçats, libérés pour être enrôlés, comme cela a été le cas à Andrinople. Ils n'inspirent que de la terreur aux habitants et la justifient parfaitement par leurs actes de pillage et de brigandage. Les chrétiens sont ainsi poussés par les autorités turques elles-mêmes à se joindre au mouvement, et comme ils ne laissent en fuyant que des ruines fumantes, tout espoir de prompt pacification devient illusoire.

Le mouvement insuffisamment préparé et mal dirigé, succomba fort probablement, surtout si pendant l'armistice qu'on établira en Herzégovine les turcs dirigent toutes les troupes disponibles en Bulgarie; mais l'apaisement des esprits ne pourra pas se produire de sitôt, et le soulèvement bulgare, tout en ruinant complètement nos coréligionnaires causera les plus grands dommages à la force et à l'organisation de l'empire Ottoman.

C'est à ce point de vue sérieux que les ministres du sultan envisagent les troubles qui ont éclaté à Tatar-Bazardjik***. Il n'est plus question de l'insurrection herzégovinienne. On n'en parle que pour constater que les familles bosniaques rentrent d'Austro—Hongrie par centaines, et que le général Roditch est impatient de repatrier également celles de Popovo Polé. Toutes les préoccupations des turcs sont dirigées du côté de la Bulgarie, qui est le principal grenier de l'empire, et dont le soulèvement frappe au cœur la domination ottomane en Europe. Des troupes y sont donc dirigées en masses de tous côtés. Il y en aurait déjà près de 18 000, dont le serdari ekrem est allé prendre en personne le commandement pour diriger lui même les opérations militaires et en finir au plus vite avec les bandes

* См. док. 100.

** См. док. 107.

*** См. док. 97 и 100.

retranchées dans les Balcons. Tranquillisés de ce côté les turcs pourront plus librement traiter ensuite des conditions de la pacification de l'Herzégovine et des réformes à y introduire, aussi bien que dans les autres provinces, pour améliorer le sort de ceux des chrétiens qui n'auront pas péri dans la lutte pour leur foi et leur indépendance.

Je suis avec le plus respectueux dévouement, sire, de votre majesté impériale le très humble, très obéissant et fidèle sujet

N. Ignatiew

Помета о получении документа: Ems, le 12/24 mai 1876.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 28, лл. 460—465. Подлинник.

Перевод

Буюкдере

Государь!

Как я уже предупреждал в своем всеподданнейшем докладе от 29 апреля за № 177, восстание в Болгарии все более принимает характер истребительной войны между двумя враждующими нациями. Христиане, пауганные жестокостями иррегулярных войск, убегают при их приближении в горы. Турки из окрестностей пользуются этим для грабежа покинутых деревень и сжигают их. Именно таким образом была полностью опустошена богатая долина между Филиппополем и Татар-Базарджиком. Во многих больших деревнях мужское население истреблено, женщины и девушки уведены в рабство, а войска, о присылке которых для своей защиты христиане напрасно умоляют, прибывают или слишком поздно, или встают на сторону мусульманских убийц.

Взаимное раздражение достигло своего предела, и даже в Филиппополе христиане не чувствуют себя больше в безопасности. Я начинаю серьезно беспокоиться о безопасности нашего вице-консула в этом городе, он вызывает подозрения властей и мусульманского фанатизированного населения, потому что он болгарин по национальности и оказывает влияние на своих соотечественников. Может быть, я буду вынужден отозвать палаточного советника Герова, чтобы избежать несчастья, так как по сведениям, которыми я располагаю, салоникская катастрофа¹ может повториться в одном из болгарских городов.

Отряды башибузуков, направленные для борьбы против восстания, отчасти состоят из каторжников, освобожденных для того, чтобы быть завербованными в армию, как это имело место в Адрианополе. Они внушают жителям только страх и поддерживают его грабежами и разбоями. Таким образом, сами турецкие власти толкнули христиан присоединиться к движению, и так как, убегая, они оставляют только дымящиеся развалины, всякие надежды на скорое умиротворение становятся иллюзорными.

Движение, недостаточно подготовленное и плохо руководимое, весьма вероятно потерпит неудачу, особенно если во время перемирия в Герцеговине турки направят все свои свободные войска в Болгарию; но успокоение умов не может произойти так скоро, и болгарское восстание, полностью разоря наших единоверцев, может причинить наибольший вред силе и организации Оттоманской империи.

Именно с этой точки зрения министры султана рассматривают смуты, разразившиеся в Татар-Базарджике. Речь более не идет о герцеговинском восстании. Здесь говорят о нем только, чтобы констатировать то, что боснийские семьи сотнями возвращаются из Австро-Венгрии, а генерал Родич неспособен репатриировать семьи из Попова Поля. Все заботы турок направлены на Болгарию, являющуюся основной житницей империи, и на то, что восстание наносит удар оттоманскому господству в Европе в самое сердце. Сюда со всех сторон массама направляются войска. Здесь уже больше 18 тыс. человек, над которыми сердар экрем лично возьмет командование, чтобы самому руководить военными операциями и покончить как можно скорее с отрядами, укрепившимися в Балканах. Успокоенные в этом отношении турки смогут затем более свободно вести переговоры об условиях умиротворения в Герцеговине и о проведении

здесь реформ, так же как и в других провинциях, чтобы облегчить судьбу христиан, еще не погибших за свою веру и независимость.

С глубочайшим почтением имею честь быть, государь, вашего императорского величества всепокорнейшим и преданнейшим слугой

П. Игнатьев

Помета о получении документа: Эмс, 12/24 мая 1876 г.

1. Имеется в виду убийство 6 мая 1876 г. в Салониках фанатичной толпой турок французского и немецкого консулов, попытавшихся спасти от обращения в ислам болгарскую девушку (Turkey, N 4 (1876), doc. N 14, incl. 2 et. poss.).

№ 104

1876 г. мая 8. — Письмо члена Петербургского славянского комитета А. М. Поршнякова члену комитета П. Ф. Золотарева об отправке денег в Черногорию

Рагуза

Милостивый государь Иван Федорович!

По просьбе Гавриила Сергеевича Веселитского, с которым я виделся в Вене, я отправился в Рагузу с тем, чтобы помочь ему в распределении денег, присланных Петербургским отделом, и прежде всего принять их от консула, но вчера я узнал от Александра Семеновича Ионина, что деньгам уже дано известное назначение, именно 25 тыс. флоринов переданы черногорскому сенатору Пламенацу, который с разрешения австрийского правительства закупил в Вене оружие, остальные же суммы переданы консулу в Триест для закупки хлеба.

Затем Александр Семенович просил меня сообщить вам с его слов следующее: в интересах дела следовало бы сосредоточить деньги и не рассылать их в различные места или отдельным лицам. Прежде всего в настоящее время необходимо перевести в Вену г-ну Ефруси тысяч 60 с тем, чтобы он уплатил их по указанию воеводы черногорского Пламенаца; можно их перевести и на имя г-на Веселитского с тем, чтобы они были переданы Пламенацу. Черногория истратила, помогая герцеговинцам, все патроны, так что в случае, если Турция ей объявит войну, она окажется беззащитною, между тем дело принимает серьезный оборот, так как вожди герцеговинские просили князя Николая принять их под свое покровительство; он согласился, и завтра председатель черногорского сената отправляется в Вену официально заявить, что князь принимает герцеговинское дело в свое ведение.

Затем необходимо оставить в запасе такую сумму, чтобы с новыми поступлениями можно было, начиная с 15 июня, ежемесячно покупать на 40 тысяч хлеба для Черногории. Деньги с этой целью следует отправлять в Триест русскому консулу, с извещением об отсылке г-на Ионина, чтобы не случилось двойной посылки, отсюда и из Петербурга. Продовольствие семейств в Черногории стоит на первом плане, так как только оно дает силу восстанию и поддерживает его, раздача же денег¹ в Далмации непроизводительна и отвечает разве только требованиям личной политики, преследуемой г-ном Веселитским (слова А. С. Ионина*), равно противоречат интересам дела тратить деньги непосредственно на

* См. прим. 7 к док. 98.

поддержку восстания, так как герцеговинцев слишком мало, чтобы они могли своими силами одолеть турок; без помощи Черногорин вопрос благоприятно не может разрешиться, а поэтому всякие проекты автономии Герцеговины под управлением комиссии, выбранной из народа, с председателем герцеговинцем-христианином во главе, по меньшей мере преждевременны и излишни, и с этой стороны нельзя одобрить деятельности г-на Веселитского *, дипломатическая миссия которого и роль его как умиротворителя только раздражают князя Николая и черногорцев и поселяют рознь в деле славян, и именно в то время, когда более, чем когда-либо, нужно единство действия и дело должно разрешиться силою оружия, а не дипломатическими ухищрениями. Таково положение дела, по словам А. С. Ионина, хорошо его понимающего и писавшего об этом в Москву г-ну Аксакову.

Имею честь быть готовый к услугам
А. Поршняков

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 902, лл. 1—2 об. Автограф.

1. Г. В. Веселитский-Божидарович употребил часть предназначенных на благотворительные цели денег для поддержки восстания в Герцеговине (ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 867, лл. 7—9).

№ 105

1876 г. мая 13 (25). — *Донесение Н. П. Игнатъева товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о жестоком подавлении Апрельского восстания в Болгарии*

№ 203

Buyucdéré

Monsieur le sénateur!

Ma conversation avec le grand vizir ** au sujet des atrocités commises par les bachibouzouks en Bulgarie *** a eu pour résultat l'envoi de deux commissaires chargés d'étudier les faits y relatifs sur place. Shefik-bey se rend dans ce but à Tyrnovo, Salim-effendi — à Tatar-Bazardjik. Ils sont accompagnés chacun d'un juge d'instruction. Le serasker **** a donné de son côté des ordres pour réprimer l'insubordination et les violences de cette troupe irrégulière.

Les dernières nouvelles de la Bulgarie sont désastreuses pour les chrétiens. Les cruautés commises par les turcs provoquent une panique générale. La dévastation du pays est effrayante. Le récit fait dans l'article officiel ***** ci-joint de la prise du village Perouschtitza suffit pour en donner une idée. Quelques nouvelles tentatives de soulèvement ont été promptement noyées dans le sang. Ainsi 500 jeunes gens sortis de Tyrnovo pour se joindre aux bandes, ont été entourés dans le couvent de Drenova par 10 compagnies, renforcées plus tard par 2 bataillons avec l'artillerie envoyées de Constantinople et Roustchouk. Se voyant réduits à l'alternative de périr tous ou de se rendre, ils ont préféré ce dernier parti ¹.

Tout porte à croire, ainsi que je l'ai exprimé dans mes communications antérieures, que le soulèvement que était dans les coeurs de tous les bulgares, poussés au désespoir par le régime écrasant sous lequel ils gémissent, —

* См. док. 98.

** Мехмед-Рушди.

*** См. док. 97.

**** Абдул-Керим-паша.

***** Не публикуется.

n'était pas suffisamment bien préparé et a éclaté avant le terme *. Dispersées maintenant dans les montagnes les bandes d'insurgés bulgares pourront y tenir quelque temps, mais elles seront impuissantes à combattre dans la plaine et y serront infailliblement écrasées, à moins que l'entrée en lice des serbes, ou d'autres complications extérieures ne distraient les forces des turcs.

Désirant me rendre compte de l'état réel des choses en Bulgarie j'ai fait venir à Constantinople notre vice-consul de Philippopolis. Le récit de mr Guérow sur les violences des turcs et le tableau qu'il fait de l'état du pays sont navrants. J'ai obtenu la permission de l'aboucher avec le grand vizir qui l'a reçu avec bienveillance et, ne pouvant causer longtemps avec lui, lui a demandé une notice sur l'état de la province. J'ai l'honneur de mettre ci-près une copie de cette pièce ** à la disposition du ministère impérial.

Veillez agréer, monsieur le sénateur, l'assurance de ma haute considération

N. Ignatiew

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 29, лл. 13—14 об. Подлинник.

Перевод

Буюкдере

Господин сенатор!

Мой разговор с великим визирем по поводу жестокостей, совершенных башибузуками в Болгарии, вызвал посылку двух комиссаров, которым поручено изучить на месте факты. В связи с этим Шефик-бей отправляется в Тырново, Салим-эфенди — в Татар-Базарджик. Каждого из них сопровождает судебный следователь. Сераскер со своей стороны отдал приказ прекратить неповиновение и жестокости иррегулярного войска.

Последние новости из Болгарии гибельны для христиан. Бесчинства, совершенные турками, вызывают всеобщую панику. Опустошение страны ужасно. Рассказа, данного в официальной статье, приложенной здесь, о взятии деревни Перуштица достаточно, чтобы иметь об этом представление. Несколько новых попыток восстания были быстро потоплены в крови. Так, 500 молодых людей, вышедших из Тырнова, чтобы присоединиться к отрядам, были окружены в Дреновском монастыре 10 ротами, усиленными позднее 2 батальонами с артиллерией, отправленными из Константинополя и Русука. Увидев себя перед альтернативой всем погибнуть или сдаться, они предпочли последнее ¹.

Все это заставляет думать, как я об этом и писал в моих предыдущих сообщениях, что восстание, бывшее в сердце каждого болгарина, доведенного до отчаяния непосильным игом, было недостаточно хорошо подготовлено и разразилось раньше срока. Разбросанные теперь по горам, отряды болгарских повстанцев смогут продержаться в них некоторое время, но они не в состоянии сражаться на равнине и будут неминуемо разбиты, если вступление в борьбу Сербии или какие-либо другие внешние осложнения не отвлекут силы турок.

Желая иметь отчет о реальном положении вещей в Болгарии, я вызвал в Константинополь нашего вице-консула в Филиппополе. Рассказ г-на Герова о жестокостях турок и картина положения в стране, нарисованная им, удручающи. Я добился разрешения свести его для переговоров с великим визирем, который его принял благосклонно и, не имея возможности долго беседовать с ним, попросил его дать сведения о состоянии

* См. прим. 4 к док. 97.

** Записка Н. Г. Герова о зверствах башибузуков в Болгарии и об уничтожении дер. Перуштица опубликована в «Документи за българската история». Архив на Найдю Герев, т. II. С. 1932, стр. 173—176.

провинции. Я имею честь представить здесь в копии эти сведения в распоряжение императорского министерства.

Соблаговолите принять, господин сенатор, уверение в моем высоком уважении

Н. Игнатьев

1. Сообщение Игнатьева, что четники сдались, не соответствует действительности. Они дрались до последней капли крови, часть их успела пробиться через турецкое окружение, а остальные погибли (2, т. I, стр. 337—339, № 326; стр. 363—364, № 349; стр. 369—371, № 355; стр. 376—379, № 361).

№ 106

1876 г. мая 15. — Письмо болгарского журналиста Т. Бурмова Н. А. Попову о зверском подавлении восстания в Болгарии и необходимости оказания ей помощи

Константинополь

Милостивый государь Нил Александрович!

Мне не довелось видеться с вами во время моего проезда чрез Москву. Вы отсутствовали из дому, когда я был у вас, а на другой день я уехал в Петербург. На возвратном пути мне надобно было ехать чрез Вену.

Вам известно уже из газет, что между болгарами вспыхнуло восстание. Это восстание не похоже на герцеговинское. Турки вынудили болгар взяться за оружие многочисленными арестами, произведенными между ними по подозрению в намерении восстать против власти султана¹. Болгары восстают ныне массами, не думая об ужасных последствиях, их ожидающих вследствие недостатка оружия, неспособности их вождей, неумения их организовать свои силы и тысячи других неблагоприятных обстоятельств, зависящих от географического положения страны. Если сербы не поднимутся, то болгары вскоре будут сокрушены турками на всех пунктах.

Турки, вызвав как бы нарочно восстание в Болгарии, чтобы предаться кровавой оргии над несчастным ее населением, сожгли в одном Филиппопольском санджаке 118 сел и деревень. Пострадавшее от того население, которое, по всей вероятности, большею частью истреблено, простирается до ста тысяч. Башибозуки, то есть вооруженное правительством турецкое население, режут, под прикрытием регулярного войска, всех попадающихся им навстречу болгар не различая женщин и детей. Филиппопольский санджак ныне везде усыпан трупами. Рассказы о зверстве и об опустошениях башибозуков превосходят всякое вероятие. О произведенных ими жестокостях упоминают даже служащие правительству газеты, указывая последнему на необходимость принять меры к обузданию башибозуков. В одном лишь селе Клисуре башибозуки умертвили 180 детей, обучавшихся в школе.

Видно, что это избиение несчастного населения происходит по наперед обдуманному плану султанского правительства, ибо последнее, позаботившись во-время вооружить все мусульманское население, не принимает теперь никаких мер к ограничению неслыханного в истории буйства башибозуков, а напротив, прикрывает их действия регулярным войском. Башибозуки везде производят свои опустошения под защитой последнего. Один из первых министров два месяца тому назад проговорился пред одним болгаринном, жаловавшимся ему на грабительства и убийства, производимые турками и черкесами, что правительство не может их

ограничить, так как оно находит нужным поддерживать в турках и черкесах дух буйства для скорого усмирения болгар в случае их восстания. На этих днях другой главный министр сказал в своем гневе также одному болгарину, что турки решились не оставить следов жизни в Болгарии, дабы передать ее русским, помогающим овладеть ею, в состоянии полной пустыни.

Если когда нужна была помощь России для несчастных болгар, то она теперь крайне необходима. Человеколюбие, честь покровительницы и матери славян, интересы славянства — все взывает о немедленной и энергичной помощи. Пособите ради бога, ради единоверия и одноплеменности, ради обыкновенного, наконец, человеколюбия. Целое население доныне полной жизни, погибает под ударами дикого азиатского скопища. По всей Болгарии теперь текут потоки невинной крови. Несчастное население взывает к своим единоверцам и одноплеменникам не о снабжении пищей и одеждой многочисленных жертв жестокого буйства, едва убежавших из преданных огню жилищ, а о возможно скором приостановлении окончательного его избиения, в коем сомневаться невозможно, если принять за верную лишь десятую часть того, что передается местными газетами и изредка поспевающими сюда приезжими.

Турецкие власти приняли все меры, чтобы изолировать Болгарию от всего остального мира и давать о происходящих в ней событиях лишь [те сведения], какие требуются для цели известия. Выезд оттуда никому не позволен, а письма задерживаются почтой. И вот когда зажженный башибозуками огонь объял было почти все села и деревни Филиппопольского санджака, турецкое правительство сообщало, что деревни и села предаются огню болгарскими * инсургентами.

Сделайте, что можете, в пользу погибающего населения, только возможно скорее. Взывайте, просите и умоляйте, хотя бы только для того, чтобы исполнить долг.

Преданный вам Ф. Бурмов

ОР ГБЛ, ф. 239, к. 19, д. 23. Автограф.

1. В этом и следующем (док. 107) письмах нашла отражение версия о восстании в Болгарии как о простой резне и беспорядках, вызванных угрозами турок, распространяемая болгарскими буржуазными кругами (так называемыми «старыми»).

№ 107

1876 г. мая 17. — Письмо врача русского посольства в Константинополе В. Караконевского Н. А. Попову с просьбой о помощи болгарскому населению и о зверствах турок в Болгарии

Царьград

Многоуважаемый Нил Александрович!

Вперед извиняюсь перед вами, что давно не писал. Я знаю от болгар, что вы здоровы и по-прежнему хлопочете о славянах.

Из газет уже знаете, какое ужасное бедствие постигло болгар. Еще с прошлой осени по настоянию молодой Турции¹, во главе которой находятся Митхад-паша (бывший вешатель болгар) и Халил Териф-паша (бывший посланник в Петрограде), турки начали вооружаться и прямо говорить болгарам, что в скором времени они будут наказаны. Болгаре

* Болгарскими описано над зачеркнутым мнимыми.

не раз обращались об этом к министрам султана и к иностранным представителям, но те и другие уверяли, что турки ничего подобного не замыслиют.

В конце апреля солунские турки самым варварским образом убили двух консулов и собирались напасть на дом американского консула и на христиан; в Царьграде ежедневно собиралось до 15 тыс. софт (студентов духовных академий) и намеревались тоже напасть на христиан, особенно на славян *; с 21 апреля башибузуки, черкесы, цыгане и турецкие войска начали жечь болг[арские] села в Филиппопольском и Татар-Пазарджикском округах, обвиняя болгар в непокорности **. Турки сожгли в продолжение 10 дней до 100 сел и избили до 20 тыс. мужчин, женщин и детей. В настоящее время турки разоряют и опустошают Софийский и Терновский округа. Болгаре защищались только в Перуцице, Панагюрище, Белове, Капуджике и Дрянове, но зато все эти места сожжены и опустошены ². В Кисюре турки сначала перерезали 200 учеников в училище, потом избили всех жителей.

В Перуцице болгаре защищались три дня и ждали обещанной помощи из Филиппополя; но когда войско пришло, присоединилось к башибузукам и с двумя пушками бомбардировало церкви, где скрывались женщины, дети и защитники; через несколько часов все село сгорело и 3 тыс. жителей уничтожено. Третьего дня турки начали бомбардировать города Ямбол и Сливно. Говорят, что кругом Филиппополя такая вонь от разложения трупов избитых болгар, что жители убегают, боясь заразы. В самом городе несколько тысяч женщин и детей лежат на улицах и умирают с голоду; во всех тюрьмах, ханах и банях заключено до 1000 передовых болгар и морят их голодом.

Из Константинополя никого из болгар не пускают в Болгарию и обратно; их письма распечатываются или удерживаются. Болгарские газеты запрещены; другим газетам позволено писать о болгарях только то, что Порта сообщает ³. Турки открыто говорят болгарам: мы всех вас перебьем, потом отдадим вас вашей защитнице и покровительнице России, чтобы она похоронила ваши трупы торжественно со своими деспотами (владыками). Болгаре готовы защищаться, но нет у них никакого оружия. Находящиеся болгаре в Дунайских княжествах желают помочь своим несчастным братьям, но правительства Сербии и Валахии им не позволяют. Вот в каком печальном и безвыходном положении находится болгарский народ. Если никто не возьмется остановить резню, приготовленную, по всей вероятности, министрами Порты, в скором времени вся Болгария будет разорена и опустошена.

Вся надежда на Россию. . . Пригласите всех добрых русских помочь, кой-чем может, своим единоверным и единокровным; и пусть будут уверены, что своим приношением спасут тысячи женщин и детей от голодной смерти.

Искренно вам преданный

д-р Караконевский

[Р. С.] Вчера привезли филиппопольского болгар[ского] митрополита Панарета и будут судить его за то, что он осмелился сказать филипп[опольскому] губернатору, чтобы он обезоружил башибузуков.

ОР ГБЛ, ф, 239, к 10, д. 15. Автограф.

1. «Молодой Турцией» или «младотурками» в Европе именовали членов буржуазной политической организации «Общества новых османов», возникшей в Константинополе в июне 1865 г. Они стремились к установлению конституционной монархии,

* См. прим. 1 к док. 103.

** См. прим. 1 к док. 106.

уменьшению налогов, отмене откупной системы, ограничению ростовщичества, недопущению иностранного вмешательства во внутренние дела страны и др. Но к национальному вопросу младотурки подходили с реакционных позиций и боролись за сохранение турецкого господства над славянами Балканского полуострова и другими нетурецкими народами империи. Активную борьбу за конституцию возглавил Мидхат-паша, и 13 декабря 1876 г. младотурки добились провозглашения конституции. Однако уже в 1878 г. действие конституции было приостановлено и начался длительный период неограниченного феодального абсолютизма Абдул-Хамида (69).

2. Болгарское население защищалось повсюду, однако из-за отсутствия оружия, хорошей подготовки и связи между отдельными повстанческими пунктами оно не могло удержать длительное время напор турецких регулярных и нерегулярных войск. Болгары упорно защищались не только в указанных в документе пунктах, но и в селениях Брацигово, Батак, Клисурса, Стрелча, Батошево, Крвевеник, в укрепленных позициях Еледжик, Маратегид и других местах.

3. Турецкое правительство установило строгую цензуру на все сообщения о Болгарии. Характерен случай с И. Е. Гешовым, представителем крупнобуржуазных кругов. Зверское подавление Апрельского восстания возмутило его, и он написал несколько писем в «Таймс» о положении в Болгарии. Был за это схвачен турецкими властями и брошен в тюрьму; только вмешательство английского посла в Константинополе спасло его от смерти (23).

№ 108

1876 г. мая 19. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову о положении Сербии и благодарности сербского народа русскому народу за помощь в борьбе против Турции

Белград

Высокоуважаемый Иван Сергеевич!

Не медлим известить вас о получении вашего письма, присланного нам через почтенного и у нас хорошо известного генерала Михаила Григорьевича госп[одина] Черняева, всем известного завоевателя Ташкента. С своей стороны мы не можем не считать счастьем, что в середине нашей лично видим такого героя. Его имя в сербских и других югославянских краях с славой поминается. Его братскославянское участие и жертва, которую оказывает нам он своим приездом к нам, служит, между многими другими доказательствами, лучшим уверением о тех симпатиях и стараниях, которые питают в сердце своем наши счастливые братья русские к своим многострадальным соплеменникам, которые с берегов Адриатического моря до Дуная уже пять веков ведут непрерывную войну против азиатских варваров за народность, веру и свободу свою и этой своей борьбой против турок, подобно русским братьям 6 веков тому назад против монголов и татар, защитили христианскую религию и европейскую цивилизацию.

Не думайте, милостивый государь, что эти слова мои служат следствием чрезмерной национальной гордости, суеты и собственного хвастовства. Нет, потому что в этом взгляде самообольщение считалось бы грехом, наказание за который отозвалось бы весьма строго на самом народе. Кроме того, возможно ли самообольщение там, где говорят дела, подобные делам старой Елады, которая 25 веков тому назад остановила и повернула назад первую азиатскую опустошительную орду, и когда вот уже и целая Европа, Европа, бывшая до недавнего времени холодной и нечувствительной, начала сочувствовать серьезнее судьбе угнетенных славян в Турции. Не прошло и двух веков, как страшный знак полумесяца с кровавым знаменем азиатского пророка поднят был под стенами Вены, приготавливаясь напоить коней великого визиря в чистой воде Влтавы

возле Праги. И вот на конце только XVII века владыка Черногории Даниил, рассматривая с крутых и каменистых, но свободных гор бесчисленную османскую силу и видя пропасть своего числом весьма незначительного и почти в половину в махомеданство обращенного народа, с горем вопиял:

...Что буду делать... бедный между бедными?

[.....]

Племя мое мертвым сном спит,

Слеза моя не имеет родителей.

(«Горски вијенац» владыке П. П. Негуша).

Но теперь слава милостивому господу богу, дела совсем иначе текут. Теперь сербское племя с остальными славянами и христианскими народами в Турции восстает и начинает, быть может, роковую борьбу против угнетателей, а между тем в то же время турецкое племя все более и более (убавляется) уничтожается и полумесяц темнеет. Такое состояние дел должны мы приписать, *во-первых*, терпению сербского народа, просвещенного духом православной церкви и напитанного многими славянскими добродетелями; *во-вторых*, должны благодарить защите и благорасположению великой России, которая с времен Петра Великого и Екатерины... постоянно загораживала дорогу неприятелям христианства на юго-востоке Европы и от которой славяне имеют пользу и потому только, что она существует.

Здесь все мы, от первого до последнего, тронуты могущественными отзывами, которые гремят во всех концах России о борьбе и страданиях сербского народа. Мы чувствуем глубокую благодарность на пожертвованиях и искренних (живых) симпатиях наших северных братьев в деле храбрых борцов в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии. Спомоществование, оказываемое им, мы считаем как бы оно оказываемо было и нам самим; добро, которое оказывает им Россия, чувствуется и у нас; любовь, которую они пользуются отсюда, согревает и нас в Сербии, — она укрепляет и оживляет весь народ сербский. Да, милостивый государь Иван Сергеевич, у нас нет и мысли о зарождении в сердцах наших ненависти на том основании будто, что Россия обращает большое внимание на герцеговинцев, боснийцев и черногорцев, — напротив, мы еще более одушевлены таким проявлением и приготавливаемся к достойному отзыву, потому что там живет сербский народ, так точно как и в княжестве Сербии; что они наши единоплеменные братья, — кровь от нашей крови, кость от наших костей.

Что же касается до вашей боязни и заботы относительно молодого конституционализма в Сербии, которая боязнь проистекает из чистой братской славянской мысли, основанной на глубоком знании истории и законов развития славянских племен, нам очень приятно, что в этом отношении можем довольно успокоить вас. Правда, наш народ молод, и, собственно говоря, еще не начал жить новой государственной жизнью, ибо до тех пор, покамест он совершенно не освободится от чуждого ига и не соединится в одно, не может быть и серьезного слова о какой-нибудь более счастливой, прогрессивной и плодоносной жизни его или же об осуществлении каких-нибудь высших государственных и народных идей.

Но между тем, так как одна часть этого народа в княжестве Сербии сбросила с себя оковы рабства и уже более половины века живет в свободе, он не мог пропустить, чтобы не поискать более твердого основания для юридической народной жизни, и, требуя этого, он должен был прийти в столкновение с западным культурным миром, в каком случае он и дол-

жен был принять от него некоторые впечатления. Впрочем, народ сербский, которого дальнейшее естественное развитие остановлено было, прежде всего, византийским политическим, а потом османлийским завоеванием, отыскивая теперь лучших средств и путей для консолидации народности и жизни своей, насколько, с одной стороны, берет в пример западные державы, настолько опять, с другой стороны, старается не удаляться от своего естественного славянского основания и свои старинные достоинства и источники жизни согласовать с новым искусством и наукой. При этом у нас нельзя было не видеть и не претерпеть немало неприятных чувствований, крайностей и переверотов после освобождения. Но разве лучше было у других народов, находившихся при подобных обстоятельствах и имевших подобную историческую судьбу? Посмотрите, как развивался конституционализм у других народов? Вы, несмотря на вашу горячую любовь и заботу к сербам, знаете, что во всяком зле есть хоть немного добра и иногда более, нежели того ожидалось, и что у нас на поле политики не все в таком отчаянном, безнадежном и неутешительном состоянии, как это представляется наблюдателю издали.

Правда, Сербия и весь народ сербский находятся как бы в лагере против Турции. Правда, древние римляне выбирали диктатора во время опасности для отечества. Но диктатори спасали их тогда, когда граждане чувствовали себя исполненными древними народными доблестями: согласием и патриотизмом; а во время Мария и Суллы, Тиверия и Халиогабала, несмотря на диктатуру, все-таки государство начало распадаться, государство, подчинившее перед тем, так сказать, весь мир.

Наш народ своими согласием, дисциплиной и жертвованиями зарадует своих приятелей и утратит и в тупик поставит своих неприятелей. Молодость и пылкость, пробивающиеся иногда на поверхности нашего политического развития, не должны смущать и озабочивать наших единоплеменников и единоверцев. Сердце и сущность в народе нашем здоровы, дух и природа его стремятся к добру и прогрессу; постоянство и умеренность его, в связи с пятивековым горьким искусством, ведут его трудными и опасными путями к более счастливым временам. По крайней мере мы надеемся на бога, что устроит лучшую судьбу сербского народа и христианства на Балканском полуострове на основании славянских начал жизни.

Ибо народ сербский и не отступает от основания славянской жизни. Он любит свободу, но он ненавидит и анархию, а в опасных случаях подчиняется диктатору. Поэтому, если наступит война, сей час будет объявлена диктатура для экстренных случаев, надобность которой по окончании войны будет лишняя.

В заключение мы благодарим вас за ваши искренние желания о счастливом успехе в наших намерениях и трудах для спасения святого народного дела и с вами вместе надеемся, что геройские подвиги наших братьев в Турции, в связи с нашим соучастием и вспомоществованием России, принесут счастливого и благословенного плода сербскому народу и славянским племенам. В таком надеянии просим вас продолжить заботу о деле славян и христианства в Турции и быть уверенными в нашей любви и преданности, с которыми, прося у господина милости и благословения на православную Сербию и Россию, остаюсь вашим богомольцем

митроп[олит] Сербский Михаил

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, лл. 8—10 об. Подлинник.

№ 109

1876 г. мая 19. — Письмо министра внутренних дел А. Е. Тимашева помощнику начальника III отделения Н. В. Мезенцову об объявлении второго предупреждения газете «Русский мир»

№ 2804

Милостивый государь Николай Владимирович!

По поводу напечатанной в № 133 газеты «Русский мир»¹ корреспонденции из Рагузы, заключающей в себе резкие отзывы о деятельности европейской дипломатии для замирения Востока и воззвание к обществу с целью протеста против решений Берлинской конференции, я признал нужным объявить этой газете второе предостережение в лице издателя дворянина Федора Берга и временного редактора коллежского секретаря Дмитрия Стахеева.

Уведомляя об этом ваше превосходительство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Тимашев

ЦГИАМ, ф. 109, 3 экз., 1876 г., д. 16, ч. 1, л. 172—172 об. Подлинник.

1. В документе имеется в виду корреспонденция П. Петрова (П. А. Монтеверде) из Рагузы от 7 мая 1876 г., в которой автор подвергал резкой критике политику европейских держав в связи с босно-герцеговинским восстанием, в частности тенденцию Берлинского совещания министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии во Восточному вопросу навязать повстанцам перемирие. П. Петров писал: «Это перемирие, если оно состоится, т. е. будет навязано восставшим, — гибель и смерть святого дела, за которое пролито столько крови. . . Дело, неудобное для многих, устрашающее многих, будет потушено» («Русский мир», 16 (28) мая 1876 г.).

Однако в Берлинском меморандуме от 13 мая н. ст. 1876 г. требования двухмесячного перемирия не содержалось (76, стр. 140—143).

№ 110

1876 г. мая 21. — Телеграмма Н. А. Киреева и И. С. Иванова члену Петербургского славянского комитета А. А. Кирееву о высылке денег в Кишинев на покупку оружия

№ 1008

Кишинев

Вышлите [в] Кишинев Ивану Степановичу Иванову депешей из ассигнованных двадцати тысяч — пять (тысяч) * уплатить (за) купленный лен (ружья). Телеграфируйте сколько имеете свободных денег на лен, вычтя вышеозначенные (20?) двадцать¹.

Иванов, Крих (Киреев)

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 909, л. 1. Телегр. бланк.

1. Н. А. Киреев после поездки в Берлин и Вену прибыл в Одессу, откуда проехал в Кишинев. Здесь он установил связь с И. С. Ивановым и вошел в курс вооруженной подготовки к восстанию в Болгарии. Затем, как сообщает И. С. Иванов, 15 мая 1876 г. он выехал в Бухарест, откуда послал А. А. Кирееву письмо (56, стр. 111—112). Однако, как показывает док. 166, в действительности Киреев выехал из Кишинева несколько ранее.

* Здесь и ниже слова, заключенные в скобки, описаны синим карандашом между словами текста при расшифровке телеграммы.

1876 г. мая 22 (июня 3). — Донесение И. А. Зиновьева
Н. К. Гирсу о переправе из Румынии в Болгарию четы Христо
Ботева и высадке ее близ Рахово

№ 18

Bucarest

Monsieur le sénateur!

Le ministre des affaires étrangères vient de me donner lecture d'un rapport du commandant de Kalafat relativement au débarquement d'une bande bulgare¹ sur la rive droite du Danube, débarquement au sujet duquel des bruits contradictoires avaient circulé à Bucarest. Ce rapport a été rédigé sur la déposition d'un serbe qui se trouvait en qualité de passager sur le bateau de la compagnie Danubienne le «Radetzky».

A son arrivée à Giurgevo le capitaine du susdit bateau avait reçu à bord une centaine de paysans bulgares dont la contenance n'était guère de nature à inspirer la moindre défiance. D'autres bulgares, mais en bandes moins considérables, sont venus successivement rejoindre ceux-ci aux échelles roumaines de Zimniza, de Turnu-Magourelî et de Beket.

Au moment où le «Radetzky» avait dépassé Rakhovo, le nombre total des bulgares approchait celui de trois cents hommes². Ce fut alors qu'au cri de leur chef: «aux armes frères» ils se dépouillèrent de leurs habits de paysans, qui cachaient une tenue à peu près unilorme, et ouvrirent des caisses qu'ils avaient apporté avec eux et qui contenaient différentes armes. Après avoir opéré la distribution de celles-ci les bulgares sommèrent le capitaine de les faire débarquer sur la rive turque. Le capitaine ayant refusé de se soumettre à cette injonction quelques uns de la bande s'assurèrent de sa personne tandis que d'autres s'emparèrent immédiatement du gouvernail du bateau. Toute résistance étant devenue inutile le capitaine consentit à aborder vis-à-vis d'un poste militaire turc.

Après avoir tué d'un coup de feu la sentinelle qui avait voulu empêcher le débarquement des bulgares, la bande toute entière s'éloigna de la rive aux cris de «vive la chrétienté».

Le gouvernement roumain qui à plus d'une reprise avait déjà été accusé par la Porte ainsi que par d'autres puissances d'user d'une tolérance excessive à l'égard des agitateurs bulgares prévoit que l'incident en question ne tardera à donner lieu à de nouvelles accusations, nonobstant les efforts que les autorités princières n'ont cessé de déployer empêcher les bulgares de mettre leurs projets à exécution.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le sénateur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur

I. Zinoviev

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 15, лл. 64—65. Подлинник.

Перевод

Бухарест

Господин сенатор!

Министр иностранных дел дал мне прочитать рапорт коменданта Калафата относительно высадки на правом берегу Дуная болгарского отряда¹, по поводу которой в Бухаресте ходят противоречивые слухи. Этот рапорт был составлен по показанию серба, находившегося в качестве пассажира на пароходе Дунайской компании «Радецкый».

По прибытии в Джурджево капитан названного парохода принял на борт около сотни болгарских крестьян, внешность которых не внушала ни малейшего подозрения. Другие болгары, но менее значительными отрядами, присоединились к ним постепенно на румынских пристанях в Зимнице, Турну-Магурели и Бекете.

Когда «Радецкий» прошел Рахово, общее число болгар приближалось к тремстам человекам². По призыву своего предводителя: «К оружию, братья» — они сбросили свои крестьянские одежды, скрывавшие их почти форменную одежду, и открыли корзины, которые они принесли с собой и в которых было различное оружие. После раздачи оружия болгары потребовали у капитана высадки на турецком берегу. Когда капитан отказался подчиниться этому требованию, несколько человек из отряда взяли его под стражу, в то время как другие поспешили к рулю парохода. Всякое сопротивление стало бесполезным, и капитан согласился пристать напротив турецкого военного поста.

Убив выстрелом часового, хотевшего помешать высадке болгар, отряд удалился от берега с криками: «Да здравствует христианство!»

Румынское правительство, уже неоднократно обвиняемое Портой, как и другими державами, в проявлении чрезмерной терпимости в отношении болгарских мятежников, предвидит, что за этим событием незамедлительно последуют новые обвинения, несмотря на постоянно проявляемые усилия княжеских властей помешать болгарам выполнить их план.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин сенатор, вашего превосходительства покорнейшим слугой

И. Зиновьев

1. Отряд Христо Ботева перешел из Румынии в Болгарию 17 мая 1876 г. Он был организован общими усилиями БЦРК, в лице Ботева, Н. Обретенова и Георги Апостолова, и Болгарским человеколюбивым настоятельством, которое объединяло либеральное крыло болгарской эмиграции. Болгарское человеколюбивое настоятельство имело тесные связи с генералом М. Г. Черняевым, который в третью декаду апреля проезжал через Бухарест в Сербию. С Черняевым было договорено о совместных действиях против Турции, в том числе и о переходе болгарских отрядов. Часть средств для отряда Ботева, а именно 400 наполеондоров, или 5 тыс. румынских франков, дало настоятельство, которое получило их от П. Калянджи. Эти деньги были собраны, вероятно, в России (15, стр. 70 и далее; 84, стр. 307).

2. Сведения И. А. Зиновьева полностью верны, за исключением количества членов отряда — бойцов было не 300, а 175 человек.

№ 112

1876 г. мая 22. — Письмо А. А. Киреева И. С. Аксакову о необходимости более решительной поддержки болгар

Павловск

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Сведения, получаемые с Востока, убеждают меня в совершенной необходимости поддержать болгар; между тем наш Петербургский комитет как-то пятится от Болгарии; поэтому, дабы не терять времени в переубеждении моих товарищей, я бы позволил себе предложить вам подумать, нельзя ли вам (москвитянам) специально заняться Болгариею, предоставляя нам Герцеговину и Боснию?

А. И. Васильчиков, я думаю, разделит мое мнение.

По сведениям Ионина (болгарского) и Паховича дело Болгарии представляется далеко не столь безнадежным и ничтожным, как нам казалось до сего времени.

Предан[ный] вам

Ал. Киреев

Адрес мой: в г. Павловск, во Дворец.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 39—40. Автограф.

№ 113

1876 г. мая 24 (июня 5). — Письмо А. Л. Потапова А. Е. Тимашеву о распоряжении Александра II отозвать из Сербии М. Г. Черняева

№ 186

Секретно

Государь император, получив сведение, что отставной генерал-майор Черняев, вопреки данному им мне слову, во исполнение высочайшей воли, ему объявленной лично, удалясь в Сербию, принял присягу на сербское подданство и назначен главнокомандующим войсками, — высочайше повелеть соизволил: сделать распоряжение о вызове генерала Черняева обратно в отечество, чрез находящегося в Белграде нашего генерального консула действительного статского советника Карцова, а в случае невозвращения генерал-майора Черняева в установленный законом срок, о дальнейшем с ним по законам поступлении испросить высочайшего его императорского величества повеления¹.

О таковой высочайшей воле сообщая вашему высокопревосходительству для зависящих распоряжений, имею честь препроводить при сем копии с телеграмм действительного статского советника Карцова, с высочайшими на них резолюциями².

Генерал-адъютант Потапов

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, 1876 г., д. 172, л. 1 и об. Подлинник.

1. Русское правительство было против отъезда М. Г. Черняева в Сербию, так как в данный момент оно не сочувствовало выступлению Сербии и Черногории, поскольку все еще сохраняло надежду на мирное разрешение вопроса, а самочинная поездка Черняева могла осложнить положение (51, т. II, стр. 53). Заграничный паспорт Черняев получил обманным путем, указав местом поездки Палестину. Требованиям о возвращении в Россию он не подчинился.

2. Копии названных телеграмм А. Н. Карцова о принятии М. Г. Черняевым, вопреки его обещаниям, сербского подданства и поста главнокомандующего и о прекращении Карцовым в связи с этим всяких с ним отношений находятся в ЦГИАЛ (ф. 1282, оп. 2, 1876 г., д. 172, лл. 2—3).

№ 114

1876 г. мая 25. — Записка управляющего русским консульством в Адрианополе А. Н. Церетелева о положении в Болгарии

Constantinople

Situation en Bulgarie.

L'état des choses dans la Bulgarie Méridionale, tel qu'il ressort des rapports des agents étrangers à Andrinople et à Philippopoli est d'une gravité extrême.

Quelleque soit l'origine des troubles d'Avrat-alan et d'Otluk-keui (Panirichté et Kopriwchtitza) qu'ils aient été le résultat d'une conspiration ou de vexations musulmanes, la facilité même de leur repression prouve que ces désordres avaient peu d'importance et que quelques compagnies de réguliers auraient sans peine dispersé des gens armés de fusils à pierre et de canons en bois.

Mais loin de réduire ce mouvement à sa juste proportion, le gouvernement ottoman a su en faire une question de la plus haute importance. On dirait qu'il a saisi ce prétexte pour déchaîner sur la Bulgarie les mauvais instincts, le fanatisme et la cupidité musulmane, retenus tant que possible sous le régime de Mahmoud-pacha ¹. Soit que la Porte ait voulu, par des succès faciles sur des populations inoffensives, se venger de ses défaites en Bosnie et Herzégovine, soit qu'elle se soit hâtée de prévenir, même par des moyens les plus sanglants, une insurrection véritable des bulgares ² qui n'attendaient que l'entrée des troupes serbes pour se soulever, ou bien qu'elle ait voulu éviter une immixtion européenne, soit enfin qu'elle ait agi sans trop penser au résultat, — le fait est qu'au premier instant les bachibouzouks furent appelés de tous côtés, et des armes distribuées à tous les musulmans, à la lie de la population turque, aux bohémiens, aux circassiens qu'on avait mis des années à désarmer; enfin, on lança ces gens non contre des insurgés qui ne paraissaient pas, mais contre des villages florissants, des villes paisibles. Les troupes reçurent l'ordre de tout massacrer à la moindre résistance. On considéra d'abord comme telle l'opposition au pillage et à toutes les infamies que commettaient les bachibouzouks; puis on se dispensa même de ces prétextes, et le fait d'être bulgare suffisait. Il ne fut plus question de rechercher des coupables, mais d'exterminer des chrétiens, s'assouvir une haine longtemps réprimée. Des centaines, des milliers des bulgares de tout âge et de tout sexe périrent dans des circonstances les plus atroces; les détails des atrocités commises, sont horribles; à Pérouchtitza, à Batak, à Wjétrino on égorga des populations entières. Dernièrement le village de Bojadjik, près de Yamboli, eut le même sort. On viola des femmes, des filles, — on en tua et on en emmena en esclavage; on tua des enfants; on tua des paysans qui fuyaient à l'approche des troupes; on tua ceux qui restaient chez eux; on tua ceux qui se cachaient; on tua ceux qui livraient les armes, pour en avoir eues, — ceux qui n'en avaient pas — pour ne pas les livrer; on tira des waggons sur les ouvriers de la ligne du chemin de fer, et la Compagnie ³ fut obligée de leur donner un signe distinctif pour les protéger. Quant au pillage, il fut organisée sur la plus vaste échelle: des villes comme Yamboli et Slivno, furent mise à sac; des bandes armées parcoururent le pays, enlevant aux villageois, ce qu'elles pouvaient et les troupes régulières survenaient à la moindre résistance pour mettre tout en feu et en sang.

Cet état de choses fut dissimulé tant que possible par le gouvernement ottoman ce qui était facile, vu l'absence d'étrangers dans le pays; les lettres étaient ouvertes et supprimées, et les correspondants des journaux turcs répandaient les nouvelles les plus mensongères.

Malheureusement cette anarchie est maintenant devenue chronique et ne peut plus être cachée; le gouvernement a perdu le pouvoir sur les éléments dangereux qu'il avait imprudemment évoqué; les autorités ne peuvent plus rien sur les musulmans, et la révolution de Constantinople ⁴, considérée en province comme un triomphe national, comme une libération de la tutelle européenne, a donné une espèce de sanction à cette insurrection musulmane qui sévit maintenant dans le vilayet d'Andrinople:

Trop faible pour la réprimer, le gouvernement ottoman profite de l'impunité que lui crée la situation politique actuelle, pour se débarrasser de toute l'intelligence bulgare: des arrestations se font en masse sans rime, ni raison; on saisit surtout les prêtres, les professeurs, les maîtres d'école.

Les prisons sont remplies de ces malheureux et de centaines de paysans, pris dans les différents villages saccagés. On les traite avec une cruauté révoltante. Dans les rues d'Andrinople, les zaptiés les rouent de coups de baton, en conduisant en prison; là on les fait presque mourir de faim, on les soumet à la torture: il en meurt énormément.

Mais si le gouvernement turc croit utile de faire disparaître tout ce qu'il y a d'éclairé et de marquant parmi les bulgares il ne se rend compte, paraît-il, des pertes énormes qu'il inflige à son trésor, en ruinant la province la plus riche de l'empire. A l'heure qu'il est, les dévastations en Bulgarie dépassent certes celles de l'Herzégovine, et augmentent de jour en jour. Les épargnes de longues années, les beaux troupeaux de bétail — tout devient la proie des brigands, dont le butin est inouï. La ville Yamboli a fourni, paraît-il, près de quarante mille livres turques, en numéraire et objets. Toutes les affaires chôment; la culture des champs est arrêtée; la récolte va être perdue. A l'heure qu'il est plus de cent villages (on assure même 150) ont été dévastés, et une population de 75 mille âmes minimum est dispersée; beaucoup ont été massacrés, d'autres errent dans les forêts ou gémissent dans les prisons. Des enfants délaissés rodent affamés; quelques uns sont recueillis par les turcs pour être convertis. Enfin les bulgares sont dans la complète impossibilité de fuir leur pays ou de renvoyer leurs familles. Aussi leur sort semble mériter l'attention et l'intérêt des grandes puissances. Les bulgares se demandent si l'Europe chrétienne, après avoir cherché à pacifier des provinces révoltées contre les vexations musulmanes restera impassible vis-à-vis des massacres et des tortures que subit une population paisible qui ne réclame pour elle qu'un seul droit — celui de vivre. Et le fait que les bulgares, trop confiants dans l'équité du gouvernement ottoman n'aient pas songé à préparer des moyens de défense — les rendrait-ils moins dignes de la protection de la chrétienté.

La situation profondément anormale du pays, met les consuls et agents étrangers dans la plus grande difficulté non seulement d'imposer silence à leurs sentiments d'humanité, de voir commettre sous leurs yeux des cruautés et des horreurs sans nom, mais ils se trouvent dans l'impossibilité d'accomplir leur devoir le plus sacré, d'exercer leur droit le plus légitime celui de protéger leurs nationaux. Car à l'heure qu'il est, suivant apparemment un mot d'ordre de Constantinople, les autorités locales deviennent de plus en plus intraitables, et laissent sans s'émouvoir, arrêter, piller et tuer des sujets étrangers. Ayant perdu la peur vague et salutaire qu'inspirait l'action des ambassades sur la Porte, le seul frein à leur arbitraire, les turcs vont rendre la position des consuls de plus en plus intolérable, et reduiront de fait les sujets étrangers — particulièrement ceux d'origine slave — à la position de rayas. Enfin, encouragé par l'impunité, le fanatisme musulman, croissant de jour en jour, risque d'amener des répétitions de la catastrophe de Salonique.

Prince Tzérételew.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 29, лл. 295—299. Подлинник.

Перевод

Константинополь

Положение в Болгарии.

Положение в южной Болгарии, как оно рисуется по донесениям иностранных представителей в Адрианополе и Филиппополе, чрезвычайно серьезное.

Каковы бы ни были по происхождению смуты в Аврат-алане и Отлук-кее (Панагюриште и Копривштица), каковы бы ни были результаты заговора и притеснений, чинимых мусульманами, легкость их подавления доказывает, что эти беспорядки не имели большого значения и несколько рот регулярного войска могли бы без труда рассеять людей, вооруженных кремневыми ружьями и деревянными пушками.

Не желая оценивать это движение в его действительных размерах, оттоманское правительство постаралось сделать его вопросом якобы величайшего значения. Говорят, что оно ухватилось за этот предлог, чтобы развязать те дурные инстинкты, фанатизм и алчность мусульман по отношению к Болгарии, которые сдерживались, насколько возможно, при режиме Махмуд-паши¹. Хотела ли Порта легкими победами над беззащитным населением возместить свои поражения в Боснии и Герцеговине, поторопилась ли она предупредить самыми кровавыми средствами настоящее восстание болгар², ожидавших вступления сербских войск, чтобы восстать, хотела ли она, наконец, избежать европейского вмешательства, но она действовала, не думая о результатах, и налицо тот факт, что с первого момента отовсюду были призваны башибузуки, оружие было роздано всем мусульманам, подонкам турецкого населения, цыганам, черкесам, которых в течение многих лет разоружали. Наконец, этих людей направили не против повстанцев, которые и не появлялись, а против цветущих деревень и мирных городов.

Войска получили приказ уничтожить все при малейшем сопротивлении. Сначала таковым считалось противодействие грабежу и притеснениям, совершаемым башибузуками, затем не считались даже и с этими предложениями, и достаточно было лишь быть болгариним. Речь более шла не о том, чтобы искать виновных, а об истреблении христиан, об удовлетворении ненависти, сдерживаемой в течение долгого времени. Сотни, тысячи болгар всех возрастов и обоего пола погибли при самых страшных обстоятельствах; подробности совершенных жестокостей ужасны; в Перуштице, Батаке, Ветрене, вырезано все население. Недавно деревня Бояджик около Ямбола испытала ту же судьбу. Женщин и девушек насиловали, убивали и уводили в рабство, убивали детей, убивали крестьян, убегающих при приближении войска, убивали и тех, кто оставался при них, убивали тех, кто прятался, и тех, что сдавали оружие, — за то, что оно у них было; и тех, у которых его не было, — за то, что они его не сдавали; стреляли из вагонов по служащим на линии железной дороги, и компания была вынуждена дать им отличительный знак, чтобы защитить их³. Что же касается грабежа, то он был организован в самых широких размерах; такие города, как Ямбол и Сливно, были разграблены; вооруженные банды бродят по стране, отнимая у крестьян все, что можно отнять, и регулярные войска появляются при малейшем сопротивлении, чтобы предать все огню и мечу.

Это положение вещей маскировалось по мере возможности оттоманским правительством, что было нетрудно, вследствие отсутствия в стране иностранцев; письма вскрывались и уничтожались, а корреспонденты турецких газет распространяли самые лживые сообщения.

К несчастью, анархия стала хронической и не может быть более скрыта; правительство потеряло власть над опасными элементами, неосторожно призванными им; власти ничего не могут больше сделать с мусульманами, и константинопольская революция⁴, рассматриваемая в провинции как национальный триумф, как освобождение от европейской опеки, дала нечто вроде санкции этому мусульманскому восстанию, которое сейчас свирепствует в Адрианопольском вилайете.

Слишком слабое, чтобы подавить восстание, оттоманское правительство пользуется безнаказанностью, предоставляемой ему настоящим политическим положением, чтобы избавиться совершенно от болгарского духа: производятся массовые и бессмысленные аресты, преимущественно забирают священников, преподавателей и школьных учителей. Тюрьмы переполнены этими несчастными и сотнями крестьян, захваченными в различных разоренных деревнях. С ними обращаются с возмутительной жестокостью. На улицах Адрианополя залпги, препровождая их в тюрьму, нещадно избивают палками; там они почти умирают голодной смертью, подвергаются пыткам и гибнут в большом количестве.

Но если турецкое правительство считает полезным истреблять все, что есть лучшего и выдающегося среди болгар, оно, кажется, не отдает себе отчета в огромных потерях, которым оно подвергает собственную казну, разоряя самую богатую провинцию империи. В настоящее время опустошение Болгарии превосходит, без сомнения, разорение Герцеговины, и оно растет изо дня в день. Сбережения многих лет, прекрасные

стада скота — все становится жертвой грабителей, добыча которых неслыханна. Город Ямбол доставил, кажется, около 40 тыс. турецких ливров деньгами и натурой. Все дела прекращены, полевые работы приостановлены, урожаем будет потерян. В настоящее время более 100 деревень (уверяют даже — 150) разорено и население не менее чем в 75 тыс. человек распылено: многие убиты, другие бродят по лесам или страдают в тюрьмах. Бродят покинутые голодные дети; нескольких подобрали турки, чтобы обратить их в мусульманство. Болгары совершенно бессильны бежать из своей страны или отправить свои семьи. Таким образом, их судьба заслуживает, кажется, внимания и интереса великих держав.

Болгары спрашивают себя, неужели христианская Европа, после того как она пыталась успокоить провинции, восставшие против мусульманских притеснений, останется безучастной перед лицом убийств и пыток, которые испытывает мирное население, требующее для себя одного лишь права, права на жизнь. И тот факт, что болгары, слишком верившие в справедливость оттоманского правительства, не подумали подготовить средства для защиты, — неужели это сделает их менее достойными покровительства христианского мира.

Совершенно ненормальное положение страны ставит иностранных консулов и представителей перед большими трудностями не только в том, что они должны заставить замолчать гуманные чувства и видеть свершение на своих глазах жестокостей и безмерных ужасов, но и в том, что они также бессильны выполнить свой священный долг, исполнить свои самые законные права — оказать покровительство своим согражданам, потому что в настоящее время местные власти становятся все более невыносимыми, видимо следуя приказу Константинополя, и безжалостно арестовывают, грабят и убивают иностранных подданных. Потеряв беспредельный и целительный страх, который внушали Порте действия посольств, — единственный тормоз ее самоуправству, — турки делают положение консулов все более невыносимым и доводят фактически иностранных подданных, особенно славянского происхождения, до положения райи. Поощряемый безнаказанностью, изо дня в день нарастающий мусульманский фанатизм рискует привести к повторению катастрофы в Салониках.

Князь Церетелев

1. Махмуд-Недим-паша был сторонником прорусской ориентации турецкой политики и более мягкого отношения к христианам в Турецкой империи.

2. А. Н. Церетелев говорит о карательных экспедициях турок, как о средстве предупреждения «настоящего восстания» в Болгарии. Он поддерживает версию, распространенную среди русских дипломатов в Филиппополе, Адрианополе и в Константинополе, что в Болгарии нет восстания и что причиной вспышки мятежа в некоторых болгарских местностях является турецкий заговор и турецкие провокации.

3. Железнодорожная линия Белово—Адрианополь, с ответвлениями на Ямбол и Дедеагач, принадлежала Компании восточных железных дорог, с австрийским и французским капиталом под руководством барона Гирша. Высший персонал состоял из иностранцев, а обслуживающий персонал — из местного болгарского населения. В районе Белово — Пловдив железная линия проходила через районы восстания.

4. Т. е. переворот, совершенный приверженцами Мидхат-паши, которые заставили султана Абдул-Азиза, сторонника соглашений с Россией, отречься от престола (18 мая 1876 г.); вскоре он был убит ими (30 мая). Престол сначала занял Мурад V, однако вскоре обнаружилось, что он психически болен. Султаном стал в августе 1876 г. Абдул-Хамид II.

№ 115

1876 г. мая 27. — Телеграмма В. С. Ионина П. Енчеву в Николаев об отъезде в Москву

Петербург

Деньги есть. Завтра еду в Москву; пробуду три дня. Будьте готовы ехать¹.

Ионин

НБВК — БИА, ф. 232, II Г 750. Телегр. бланк.

1. П. Енчев сопровождал Ионина во время его поездки в Бухарест.

№ 116

1876 г. мая 27. — Письмо А. Н. Церетелева Н. А. Попову о зверствах турок в Болгарии и о необходимости оказания помощи болгарам

Константинополь

Милостивый государь Нил Александрович!

Я только что приехал сюда на два дня из Адрианополя, где я управляю консульством, и спешу поделиться с Вами теми грустными, надрывающими сердце сведениями, которые я там собрал.

Все, что делалось теперь в Герцеговине и Боснии, бледнеет перед зверствами в Южной Болгарии. Восстание, самое ничтожное, там давно подавлено, но все до сих пор турки не только не унялись, но режут, жгут, разоряют вконец.

Более 100 больших сел уничтожено, перебиты тысячи народу, женщин, детей. Итогов подвести еще нельзя, число несчастных растет постоянно. Все мусульманское население вооружено и безнаказанно свирепствует.

Цель моего письма — обратить внимание нашей благотворительности на болгар. Им некуда бежать, нет им и скудного австрийского пайка, и дети и женщины, скитаясь по полям и загнанные в города, положительно мрут с голода. Сотни детей остались сиротами, — турки собирают некоторых, чтобы обращать в мусульманство. Пока им надо дать хоть кусок хлеба.

Лишь только я вернусь, я поеду в Филиппополь и пошлю вам возможно точные сведения. Пока бы желательно иметь хоть несколько сот рублей, немедленно, для покупки хлеба семьям и сидящим сотнями в тюрьмах. Конечно, ни один болгарин, ни один грек не осмелится взять на себя раздачу пособий. Но я постараюсь, что могу сделать сам, и потом на месте найти людей, непричастных политике, которые решились взяться за это доброе дело.

Простите мою спешность. Боюсь пропустить почту и завален работою.

Положение болгар, беззащитных, ужасно. То, что делается, — невероятно.

И никто ничего не знает, да и знать не может, потому что теперь ни один иностранец, а тем менее русский, туда показаться не смеет. Недавно двух французов убили под Филиппополем.

Прощайте, многоуважаемый Нил Александрович.

Крепко жму вашу руку.

Князь Церетелев.

Р. С. В Перуштице из 2200 жителей осталось лишь сотни три, 16 мая, близ Ямболи, вырезали сплошь село Бояджик, 180 домов. Таких фактов множество.

Пособие удобнее всего переслать через наше посольство в Кон[стантинопо]ле.

Если сообщенное вам мною пожелаете передать печати, сделайте это без моего имени; вы знаете наши порядки. Т. е. то, что касается турецких зверств, не должно иметь вида официального сообщения.

ОР ГБЛ, ф. 239, к. 21, д. 13. Автограф.

№ 117

1876 г. мая 30 (июня 11). — Записка А. Л. Потапова о запрещении генералу Р. А. Фадееву выехать в Сербию или Черногорию

Эмс

Высочайше повелено: вызвать отставного генерал-майора Фадеева и объявить ему, что государю императору не угодно, чтобы он уезжал в Сербию или Черногорию и принимал бы какое-либо участие в делах восстания в Турции¹.

Генерал-адъютант Потапов

Помета Н. В. Мезенцова: Пригласить генерала Фадеева ко мне завтра в 11 часов утра. 3 июня.

Помета канцелярии III отделения: Изложенное здесь высочайшее повеление объявлено г. товарищем глав[ного] нач[альника] 3 отделения ген[ерал]-адъют[антом] Мезенцовым генерал-майору Фадееву 4 июня 1876 г.

ЦГИА М, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, л. 79, Подлинник.

1. Р. А. Фадеев, несмотря на то, что в Сербии его опередил М. Г. Черняев, не хотел отказаться от активной роли в событиях, развертывавшихся на Балканском полуострове. Вернувшись в конце мая в Петербург из Египта, он представил план организации нового восстания в Болгарии, надеясь стать во главе болгарского движения. В качестве внешней базы он думал использовать Сербию. Русское правительство, все еще надеявшееся избежать войны с Турцией и не желавшее дополнительных осложнений, запретило Фадееву выезд из России.

№ 118

1876 г. мая 31 (июня 12). — Донесение Н. П. Игнатьева Н. К. Гирсу о представлении турецкому правительству в целях защиты болгар от жестокостей турок

№ 243

Buyucdère

Monsieur le sénateur!

Je fais presque journellement tant au grand vizir *, qu'à Rachid-pacha¹ des représentations pressantes au sujet des atrocités commises par les turcs en Bulgarie, en insistant sur la nécessité urgente de ramener le calme dans les esprits et de rétablir un modus vivendi quelconque entre les musulmans et les chrétiens présentent actuellement deux camps ennemis dont

* Мехмед-Рушди-паша.

l'un est armé et l'autre livré sans défense aux attaques dirigées contre lui de tous les côtés.

Personnellement le grand vizir et Rachid-pacha sont animés des meilleurs dispositions. Mais la Porte ne prend en pratique aucune mesure d'une efficacité réelle. On s'est borné à envoyer sur les lieux en qualité de commissaires extraordinaires, porteurs de la proclamation ci-jointe en copie *, deux employés supérieurs — Edhib-effendi, président de la cour des comptes, et Chakir-bey, ex-gouverneur de l'Herzégovine. Le premier doit parcourir le vilayet d'Andrinople et le second celui de Danube, en visitant les différents districts de ces provinces, surtout les villes et villages qui ont le plus souffert durant les derniers événements. Ils ont la mission de consacrer leurs efforts à la cessation de toute agitation et de reconcilier les chrétiens et les musulmans. Je ne connais pas personnellement Edhib-effendi, dont le ministre des affaires étrangères dit d'ailleurs le plus grand bien. Chakir-effendi est un homme intelligent et instruit, mais entièrement dévoué à Midhat-pacha; à ce titre il ne m'inspire pas beaucoup de confiance et je doute que les bulgares aient lieu d'en être satisfaits ².

Quant à la proclamation que les commissaires sont chargés de faire connaître à la population musulmane — elle a un caractère tout à fait anodin. Elle ressemble bien moins à un document politique qu'à un cours de morale adressé à des élèves. Il est plus que douteux qu'elle puisse contribuer à mettre un terme à l'état d'anarchie, d'excitation et de misère en Bulgarie.

Les dernières nouvelles que je reçois d'Andrinople et de Philippopolis et qui se trouvent résumées dans le rapport ci-joint du prince Tzérételew ** sont encore plus navrantes que celles que j'ai communiqués au ministère impérial dans mes expéditions précédentes. L'extermination et le pillage de vos coréligionnaires sont poursuivis par les musulmans avec un véritable acharnement. Les bulgares continuent à porter leurs regards désespérés vers la Russie, mais si la situation actuelle devait durer — la sympathie que ce malheureux peuple nous a toujours témoigné pourrait bien en être gravement atteinte.

Veillez agréer, monsieur le sénateur, l'assurance de ma haute considération

N. Ignatiev

*Помета о получени документа: Iugenheim, le 8/20 janvier 1876.
АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 29, лл. 319—320 об. Подлинник.*

Приложение

*1876 г. мая 30. — Донесение А. Н. Церетелева Н. П. Игнатъеву
о расправе турок с болгарами в Филиппополе*

Constantinople

Les nouvelles que je viens de recevoir de la haute Bulgarie sont de nature à n'exiger aucune espèce de commentaires. Je me bornerai au récit fidèle des faits.

Samedi, le 22 mai/3 juin, on a ammené à Philippopolis de Tatar-Bazardjik 418 bulgares pris parmi les notables de cette ville, de Panigurichté etc.

La «Turquie» ³, en en rendant compte dans son N. d'hier se fait sur certains détails.

* «Априлско въстание», т. 1, София, 1954, стр. 461—463, № 408 и стр. 472—473, № 419.

** См. приложение к данному документу.

Il se trouve que les prisonniers ont été conduits le long de la grande route, la population turque les a frappé et maltraité au point que l'on a chargé de cadavres deux voitures, un cheval et un âne. Plusieurs de ces malheureux ont succombé à l'entrée de la ville. Samedi soir, à S-t Petka on en enterré huit, dont l'un respirait encore ⁴.

Ce qui s'était passé en route se répéta à Philippopolis même. Les musulmans se portèrent en masse à la rencontre du convoi des prisonniers avec des cris de «tuez-les, battez-les!» et se mirent à frapper les bulgares qui non seulement avaient les mains chargés de fers, mais même des chaînes au cou, de sorte qu'en tombant l'un entraînait l'autre. Les zaptiés et les troupes qui les escortaient au lieu d'arrêter les assaillants faisaient à coup de crosse avancer les prisonniers, qu'on enferma dans le Panair-Khan ^{*}.

Les médecins se sont vus forcés, d'adresser un rapport au gouvernement de Philippopolis, portant que parmi les hommes détenus à Tahta-Kalé, dans les ruines d'un bain, il y a des blessés et des malades et que la malpropreté qui règne dans ce lieu de réclusion, au milieu de la ville, peut engendrer des maladies contagieuses. Hafous-pacha transmit ce rapport à la commission nommée pour juger les bulgares arrêtés. La commission répondit «guebersinler» (qu'ils crèvent) ⁵.

Voici ce qui se passe en ville. Pour ce qui est des campagnes les renseignements que j'avais eu l'honneur de transmettre à votre excellence se trouvent confirmés. C'est bien cent-vingt villages qui sont dévastés à l'heure qu'il est et le nombre des victimes massacrés est évalué à quinze ou dix-huit mille hommes, femmes et enfants.

J'ai l'honneur d'être etc.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 29, лл. 321—322. Копия.

Перевод

Буюкдере

Господин сенатор!

Я почти ежедневно делаю настоятельные представления как великому визирю, так и Рашид-паше ¹ относительно жестокостей, совершенных турками в Болгарии, настаивая на том, что крайне необходимо успокоить умы и установить некоторый *modus vivendi* между мусульманами и христианами, представляющими в настоящее время два враждебных лагеря, один из которых вооружен, а другой — беззащитен и подвергается атакам, направленным против него со всех сторон.

Лично великий визирь и Рашид-паша воодушевлены самыми лучшими намерениями. Но практически Порта не принимает никаких реальных мер. Ограничились тем, что послали на места в качестве чрезвычайных комиссаров распространителей прокламации, приложенной здесь в копии, двух высших чиновников — Эдхиб-эфенди, председателя Счетной палаты, и Шакир-бея, бывшего губернатора Герцеговины. Первый должен объехать вилайет Адрианополя, а второй — вилайет Дуная, посещая различные районы этой провинции, особенно города и деревни, наиболее пострадавшие во время последних событий. Они должны посвятить свои усилия прекращению всяких волнений и примирению христиан и мусульман. Я не знаю лично Эдхиб-эфенди, о котором министр иностранных дел говорил только самое лучшее. Шакир-эфенди — человек умный и образованный, но полностью преданный Мидхат-паше, поэтому он не внушает мне большого доверия и я сомневаюсь, чтобы болгары были им удовлетворены ².

Что же касается прокламации, содержание которой поручено комиссарам довести до сведения мусульманского населения, то она носит совершенно безобидный характер. Она больше похожа на курс морали для учеников, чем на политический документ.

^{*} Так назывался караван-сарай в г. Филиппополе, расположенный на р. Марице.

Более чем сомнительно, что она сможет способствовать прекращению состояния анархии, возбуждения и разорения Болгарии.

Последние сведения, полученные мною из Адрианополя и Филиппополя и резюмированные в приложенном донесении князя Церетелева, еще более удручающи, чем те, которые я сообщил императорскому министерству в своих предыдущих посланиях. Истребление и грабеж наших единоверцев мусульманами происходят с подлинным ожесточением. Болгары все еще обращают свои отчаявшиеся взоры к России, но симпатии постоянно проявляемые этим несчастным народом к нам, могут сильно поколебаться, если подобное положение будет продолжаться.

Соблаговолите, господин сенатор, принять уверения в глубочайшем уважении.

Н. Игнатьев

Помета о получении документа: Югенхейм, 8/20 января 1876 г.

Константинополь

Новости, которые я только что получил из верхней Болгарии, таковы, что не требуют никаких комментариев. Я ограничусь правдивым изложением событий.

В субботу, 22 мая (3 июня), в Филиппополь привели из Татар-Пазарджика 418 болгар, взятых из числа именитых жителей этого города, из Панагюриште и т. д.

«Турция» («Turquie») ³, сообщая об этом в своем вчерашнем номере, дает некоторые подробности.

Оказывается, что пленников вели по большой дороге, турецкое население избивало их и так жестоко обращалось с ними, что были наполнены трупами две телеги, запряженные одна лошадей, а другая — ослом. Многие из этих несчастных скончались при въезде в город. В субботу вечером, в день св. Петки, похоронили восемь человек, причем один из них еще дышал ⁴.

То, что произошло по дороге, повторилось также в Филиппополе. Мусульмане толпой вышли навстречу этой колонне пленников с криками: «Убивай их, бей их», стали избивать болгар, у которых не только руки были закованы в кандалы, но цепи были и на шее, так что если падал один, то он увлекал за собой и другого. Запуги и войска, сопровождавшие их, вместо того, чтобы остановить убийц, палочными ударами заставляли пленников идти дальше, а потом заперли их в Панапр-хане.

Врачи были вынуждены обратиться с докладом к губернатору Филиппополя, заявляя, что среди людей, заключенных в Тахта-кале, среди развалин бани, есть раненые и больные, что грязь, царящая в этом месте заключения посреди города, может вызвать заразные болезни. Хафус-паша передал этот доклад комиссии, назначенной для суда над болгарями. Комиссия ответила: «guebersinler» (пусть околевают) ⁵.

Вот что происходит в городе. Что же касается деревень, то сведения, которые я имел честь послать вашему превосходительству, подтвердились. Более 120 деревень разорены в настоящее время, и число жертв резни насчитывает от 15 до 18 тыс. мужчин, женщин и детей.

Имею честь и пр.

1. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев был сторонником прямых переговоров России с Турцией относительно преобразований в пользу балканских христиан; результатом этих переговоров было издание упоминавшегося ранее ираде от 20 сентября и фирмана от 30 октября н. ст. 1875 г. о равноправии с турками (92, стр. 273). Однако в связи с совершившимся в Константинополе государственным переворотом (см. прим. 4 к док. 114) и приходом к власти лиц ярко выраженной англофильской ориентации подобного рода переговоры становились все затруднительнее. Вот почему весной 1876 г. Игнатьев хотя и не прекратил своих переговоров с турками, но, учитывая появление английского флота (конец мая) в Безикской бухте, считал полезным и необходимым сбор части войск Кавказской армии в учебном лагере под Александрополем на кавказско-турецкой границе. По его мнению, такой сбор заставил бы турок опасаться за Армению и Малую Азию и сделал бы их более стоворчивыми в переговорах с русскими. С другой стороны, он имел в виду «парализование в известной мере английского влияния и намерений, доказав, что владычество морями и даже занятие Константинополя не обеспечивает безопасность Турции в случае вызова и притом на таком театре, который всегда дорого ценился англичанами вследствие их внутренних интересов. Последствием вероятным будет и более согласительный образ

действий со стороны Англии» (рапорт агента Генштаба полковника А. С. Зеленого начальнику штаба Кавказского военного округа П. П. Павлову с изложением мнения Н. П. Игнатъева от 29 мая (10 июня). ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 8, лл. 173—174).

2. Мидхат-паша был сторонником самой жестокой расправы с повстанцами, поэтому-то его приверженцы и не внушали доверия Игнатъеву.

3. Официоз турецкого правительства, издававшийся в Константинополе.

4. О страданиях арестованных в Татар-Пазарджике болгар, из которых несколько десятков было замучено до смерти во время следования в Филиппополь и в самом Филиппополе, см. 28, стр. 218 и сл.; 17.

5. О страданиях арестованных в филиппопольских тюрьмах см. 83, стр. 698—723.

№ 119

1876 г. мая 31. — Из письма А. Н. Карцова Н. П. Игнатъеву
о подготовке сербского правительства к войне с Турцией
и о переговорах С. Милетича с князем Миланом *

Белград

Доверительное

Милостивый государь Николай Павлович!

[. . .] Я пробыл в Эмсе три дня и вывез оттуда глубокое убеждение, что прямые и самые святые интересы наши требуют, чтобы мы как можно больше отклонялись от всякой солидарности со славянским движением. Действительно, стоит ли нам порождать против себя коалицию целой Европы и, быть может, сохрани бог, рисковать повторением несчастий 1853 года!

Проникнутый этим убеждением, делаю возможное для удержания сербов от войны. Они обещают мне блюсти мир до последней крайности, но в то же время продолжают военные свои приготовления с усиленною деятельностью. Продолжают вербование волонтеров, которых по разным местам насчитывается уже около четырех тысяч, и каждый день стоит им слишком дорого, чтобы можно было серьезно надеяться на обращение княжества к мирной политике.

Присутствие Милетича в Белграде порождало во мне опасение, чтобы сербское движение не превратилось в чисто революционное южнославянское¹. Имея неосторожность при обратном моем проезде через Вену поделиться этими опасениями с Новиковым, я навлек на себя такую бурную вспышку, что дал себе обещание впредь избегать всякого с ним обмена мыслями. Между прочим, он сделал мне честь поставить меня на одну доску с вами и с Иошиным. Он уверяет, что общий нам девиз есть «Austria delenda est»** и что этим руководится вся наша деятельность. Все это говорилось с приправою весьма крупных слов, а кроме того, я узнал с достоверностью, что он в Берлин заявлял формально свое против нас негодование.

Не могу не сожалеть, что этот способный и честный деятель, преследующий цель святую, а именно, ограждение России от европейской коалиции, но не будучи в состоянии состряпать щц с Андраши, думает, что может оправдывать свои неудачи, взваливая голословные обвинения на своих сослуживцев.

Князь Милан, кажется, совершенно под влиянием своего министерства² и сам лично не знает, чего хочет, Ристич виляет, но тоже перестал

* Опущено начало письма, содержащее сведения об изменении шифра для телеграмм.

** Австрия должна быть уничтожена (лат.).

быть хозяином положения. Не понимаем, ни я и никто из нас, к чему тратят они напрасно столь драгоценное время, либо для нападения на Турцию, пока она еще не подготовлена к отпору, либо для мирных переговоров, которые с каждым днем утрачивают шансы на успех, по мере того как Порта собирается с силами. Подобных своих соображений, я, разумеется, сообщать им не могу, так как они не замедлили бы принять их за поощрение к открытию военных действий, но невольно досаду на их глупость и малодушие.

На запрос великого визиря о вооружениях Сербии князь отвечал по телеграфу весьма умеренно и почтительно, объясняя причины, побудившие к вооружениям и заранее обещая их остановить, как только Порта примет действительные меры к прекращению страданий восставших христиан в Боснии и Герцеговине. Он, кроме того, предложил отправить в Царьград чрезвычайного уполномоченного для переговоров. Ответа от визиря еще не последовало.

Между тем Ристич пишет инструкцию для будущего посланца, которым, вероятно, будет ваш любимец Филипп Христич. Я же его вовсе не уважаю, потому что в прошлом ноябре он выказался в Черногории совершенным дураком. С тех пор он, по каким-то неизвестным мне соображениям, сделался англоманом, и боюсь, чтобы он не стал все передавать Эллиоту. Одним словом, не имею к нему ни малейшего доверия. Несмотря на это, если разрыва с Портою не последует, он заменит несчастного Магазиновича, которого Ристич терпеть не может. Заготавливаемые последним инструкции имеют основою фантастическую, по моему мнению, просьбу об отдаче Боснии в управление Сербии, а Герцеговины—Черногории, с платою за эти области дани султану и ручательством быстрого в них водворения порядка без всякой обиды для мусульманского населения.

Ристич просил меня держать все это в величайшей тайне, дабы не возбудить преждевременных комментариев местной дипломатии и противодействий в Порте по наущениям Англии.

Говоря об этой державе, не могу не упомянуть, что здесь ходят толки, будто бы влияние наше в Константинополе совершенно исчезло с падением Абдул-Азиса и что единственным хозяином на Золотом Роге остался английский посол. Совершенно лишним считаю свидетельствовать, что далеко не разделяю такого мнения, зная, как высоко держите в Царьграде русское знамя, но распространение здесь подобных предположений невольно кажется мне признаком некоторого к нам недоброжелательства.

Милетич возвратился в Новый Сад, имел аудиенцию у князя Милана, которого он уверял в сочувствии австрийских сербов к делу освобождения христиан от мусульманского ига и обещал денежной помощи от южнославянских комитетов. Помощь эта действительно была бы не лишнею, так как внутренний заем идет плохо, а издержки Военного министерства с каждым днем увеличиваются. Носятся слухи, будто бы на днях будет здесь выпущено кредитных билетов с обязательным курсом на 12 миллионов динаров.

Черняев уехал в Алексинац к болгарской границе 28 мая. Иностранная печать трубит, что этот русский генерал, вместе с своим начальником штаба полковником Беккером, отправился руководить передовым отрядом, который имеет переступить в Турцию. Я стараюсь объяснять князю и Ристичу, что если Черняеву нужна война для покрытия себя славою и оправдания своего безумного поступка, из того не следует, чтобы Сербия должна была сделаться в руках его послушным орудием для достижения честолюбивых его замыслов. Действительно, Черняев и Беккер сильно хлопотали здесь это время доказывать необходимость немедленного нападения на Турцию. С их стороны это весьма естественно, так как положение их в Сербии в случае окончательного поворота к мирной по-

литике сделалось бы в высшей степени неудобным и глупым. Ристич, который хитрее и несколько благоразумнее других, избавился от этих возбудительных элементов, отправив их в инспекционную командировку в Алексинац, но, зная характер Черняева, не могу поручиться, чтобы он не атаковал без всяких на то приказаний.

Из всего этого вы изволите усмотреть, как трудно ручаться, хотя бы за 24 часа вперед, в том, что сделает Сербия; но общее мнение таково, что если войны не будет, то произойдет восстание против Милана. Я и этому не верю, считая, что сербскому князю с твердостью представляется и теперь еще возможность выйти из этого ужасного положения и без войны, и без революции, но прежде всего не нужно бы по-пустому терять времени, а во-вторых, нужна бы твердость, которой ощущается полное отсутствие.

Что касается до дипломатической деятельности, то мне кажется, что в конце концов все-таки возвращаются к тому, что вы предлагали еще в прошлом сентябре, а именно к принципу невмешательства.

Благоволите уведомить меня по телеграфу, около какого времени думаете послать курьера в Югенгейм. Мне было бы полезно знать это дней за пять. Он проехал бы по Дунаю до Пешта и мог бы получить мою экспедицию на пароходе в Белграде или же в Базиаше, куда я бы выслал ее с своим курьером. Равно было бы полезно вменить этим господам в обязанность ездить с «Eilschiff»ом *, а не на простых пассажирских пароходах, которые они предпочитают из экономических видов. Буду с особенным нетерпением ждать первого вашего курьера, а с ним может быть нескольких милостивых от вас строк.

С глубоким почтением и душевною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Карцов

ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. 3094, лл. 57—62. об. Автограф.

1. С. Милетич, активный поборник идеи освобождения и объединения сербского народа, начало восстания в Герцеговине встретил настороженно, опасаясь происков Австрии. «Мы не желаем, чтобы Восточный вопрос решался чьей бы то ни было инициативой, — писал он в начале восстания, — и меньше всего австрийской» (80, стр. 141). Однако вскоре позиция Милетича изменилась. Он стал активно выступать за войну с Турцией, за объединение Боснии с Сербией и Герцеговины с Черногорией. Он призывал военных специалистов из числа сербов и хорватов стать во главе повстанцев для «организации и руководства». В мае 1876 г. (с 25 по 29) Милетич посетил Белград, где встретился с князем Миланом. Опасения Карцова были напрасны. Как он сам пишет, во время аудиенции речь шла об оказании материальной помощи Сербии путем размещения сербского внутреннего займа среди воеводинских сербов. Это послужило поводом к преследованиям сербских общественных деятелей Воеводины со стороны австро-венгерских властей. 12 июня 1876 г. за сбор средств (в 1875 г. было собрано 14 383 форинта), распространение сербского военного займа и вербовку добровольцев был арестован Корнел Йованович (брат известного поэта Змая) (80, стр. 147—148). 23 июня (5 июля) 1876 г. был арестован С. Милетич по обвинению в государственной измене. Полтора года он находился под следствием, в январе 1879 г. был осужден на пять лет тюремного заключения по ложному обвинению в подготовке восстания в Воеводине, в ноябре 1879 г. помилован.

2. Имеется в виду так называемое второе «министерство действия», пришедшее к власти 24 апреля 1876 г. ст. ст. Новое правительство было составлено из лиц, входивших в первое «министерство действия», либералов по своей партийной принадлежности: премьер — Стевча Михайлович, министр иностранных дел — Й. Ристич, министр юстиции — Еврем Грунич, военный министр — полковник Тихомил Николич (в промежутке между двумя войнами его заменял Сава Грунич) и др. Это министерство находилось у власти во время первой и второй сербско-турецких войн 1876—1878 гг.

* *Скорым паролдом (нем.)*.

№ 120

1876 г. июня 1. — Письмо сербского митрополита Михаила А. А. Кирееву с просьбой об оказании помощи миссии председателя сербского кассационного суда М. Р. Протица

Белград

Милостивый государь Александр Алексеевич!

Считаю вас своим другом и посему пишу вам сие письмо, которое передаст вам друг наш и России г. Протич, которого прошу вас принять с любовью и доверенностью и пособить ему своими советами, куда обратиться и что делать для пользы родной ему Сербии и других живущих около нас, терпящих ужасное гонение.

Нас обманывают везде, нам вредят все. Мы после бога на Россию надемся. Неужели и она нас, в угоду Западу, теперь бросит на произвол врагам?

Г-н Протич передаст вам все, что нужно, лично, и я прошу вас пособить ему своими советами, [к] кому обратиться и кого расположить для обращения серьезного внимания на дела южных славян, которым суждено или пропадать или спастись.

Думаю, что в нынешнем году не будет общего собрания для рассуждения с старокатоликами по причине тревожного состояния. Слышу, что и епископ Сирский Алек[сандр] Ликург скончался. Можно ли теперь действовать для уничтожения схизмы болгарской? Я думаю, нужно сначала справиться с турками и тогда уже будет конец пресловутой схизмы.

Призывая на вас благословение господя, с глубоким почтением и преданностью, имею честь быть вашим богомольцем

митроп[олит] Сербский Михаил

ОР ГБЛ, ф. 126, н. 3611 а, д. 24. Автограф.

№ 121

1876 г. июня 4. — Письмо В. С. Ионина Н. А. Попову о передаче Петербургским славянским комитетом денег для болгар, пострадавших от турецких зверств

Москва

Милостивый государь Нил Александрович!

Выражая мое крайнее сожаление по случаю вашего отъезда из Москвы, лишившего меня возможности видеть все и лично поблагодарить за оказанное в Петербурге содействие в облегчении участи боснийцев, я считаю долгом сообщить вам, что Петербургский отдел Славянского комитета, пользуясь моим отъездом за границу, вручил мне 10 тыс. рублей серебром для раздачи пострадавшим болгарам.

Что же касается Московского комитета, то хотя за неимением денежных средств он не мог теперь снабдить меня деньгами для той же цели, тем не менее, принимая во внимание ваше сочувствие к славянам вообще и обещание И. С. Аксакова прийти на помощь болгарам, я отправляюсь за границу в полной уверенности, что впоследствии здешний комитет

не оставит меня без должной и благотворной поддержки в предстоящей мне деятельности.

Оставляя за собою право быть с вами в переписке и на будущее время, прошу верить в неограниченной моей к вам преданности

В. Ионин

ОР ГБЛ, ф. 239, к. 9, д. 43. Автограф.

№ 122

1876 г. июня 4. — Письмо А. И. Васильчикова секретарю Петербургского славянского комитета И. К. Янкулю об оказании помощи болгарам и о формировании санитарных отрядов для Сербии

с. Трубетчино

Милостивый государь Иван Константинович!

Мое последнее письмо из Москвы было написано несколько торопливо, и я опасаясь, что оно вышло не совсем понятно, поэтому нужным считаю повторить и пояснить его с тем, чтобы вы могли его предъявить комиссии.

Вы знаете, что я нынешней весной был того мнения, что покуда Сербия и Черногория не вступили в бой, неосторожно бы было подстрекать и увлекать болгар, и на этом основании возражал против преждевременных ассигновок денег в этот край*. Теперь, напротив, наступило время действовать в эту сторону и энергично. Но главное — средства. Какие суммы теперь остаются в нашем распоряжении, надо бы направить к Ионину. Адрес его следующий: через Одессу, Moldavie au Consulat de Russie à Galatz**; письма адресовать в 2-х конвертах, один наружный — прямо в консульство, другой — с именем Ионина.

Другое дело, о коем я упомянул в моем письме (предыдущем) и о коем вы мне писали, это высылка докторов в Сербию. Так как я считаю необходимым при всяком вспомоществовании концентрировать имеющиеся силы на один предмет, то я бы полагал всю нашу деятельность направить к этому, тем более, что по другим статьям, как-то вооружение, как мне известно, приняты меры с других сторон и более действительные, чем могут быть наши посильные пособия. Итак, приискание молодых врачей и фельдшеров и отправка их должна быть в данный момент главной нашей заботой, причем я бы полагал отправлять их поодиночке немедленно в Белград в наше консульство или прямо к Черняеву. Формирование санитарного отряда принял на себя Московский ком[итет], и Аксаков надеется собрать 100—150 тысяч в течение одного месяца; но на это потребуется время, и мы условились с ним разделить занятия так, чтобы Петербургский отд[ел] высылал по возможности отдельных медиков, покуда они будут набирать полный отряд.

Прошу вас предложить это комиссии, и вот общий план, который я позволяю себе составить: 1) публиковать в газетах, что по последним сведениям в действующих войсках*** чувствуется особый недостаток в медицинских пособиях и что поэтому Петерб[ургский] отдел вызывает

* См. прим. 1, 2, 4, 7 к док. 98.

** Молдавия, Российское консульство в Галаце (фр.).

*** Действующих войсках вписано вместо зачеркнутого сербской армии.

желающих ехать* на таких-то кондициях; 2) кондиции эти надо обсудить и установить равные для всех, и я бы думал устроить так, чтобы каждый доктор имел при себе 2-х фельдшеров и отправлялся бы вместе с ними, принимая их на свое иждивение до места назначения, потому что таких людей пускать нельзя без присмотра; 3) срок поездки признать 3-х месячный и потребовать при возвращении удостоверения, что они были на местах в течение этого времени; 4) рассчитать сумму: доктору за 3 месяца 600 руб., 2-м фельдшерам по 300 руб. и всем вместе на подъем 300 руб. Итого — 1500 руб.; и выдать одновременно или вчеред при отъезде половину или $\frac{2}{3}$, а остальные 1 сентября или 1 октября; 5) как только найдется первая партия, выдать деньги и отправить немедленно с письмом к Черняеву или к консулу. Но главное, что я при этом имею в виду, следующее: мы довольно уже обращались к благотворительности бедных людей, надо бы теперь обратиться к другим источникам; сумма в 1500 руб. не превышает средства людей богатых, разных акционерных обществ, компаний, банков или, например, корпуса офицеров одного полка, чиновников одного департамента и т. п. Желательно бы было, чтобы составлялись такие складчины и чтобы суммы по мере их накопления представлялись таким крупным числом (примерно в 1500 руб.), чтобы можно было на каждую отдельно отправлять и отдельную партию. Для почина я принимаю на себя одну партию, и хотя писал вам о 600 руб., но открываю вам кредит на 1500 руб. Вместе с тем я набросал проект объявления**, который прошу представить на усмотрение комиссии, исправить и дополнить, как признано будет нужным, и напечатать в журналах, если комиссия одобрит.

Вообще время настает действовать, если наша фирма Славянского комитета должна оправдать себя. Я буду ожидать известий от вас, чтобы узнать, что вы и прочие наши члены намерены делать и когда можно будет нам собраться. По этому определяю и время моего возвращения в Петербург. Прошу вас убедительно извещать меня о ходе наших дел и состоянии нашей кассы.

Весь ваш князь Васильчиков

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 847, лл. 1—2. Автограф.

№ 123

1876 г. июня 14 — Из политического обзора помощника начальника Херсонского губернского жандармского управления в г. Николаеве М. И. Орловского о равнодушии местного общества к событиям на Балканах

Весьма секретно

Настроение умов жителей города Николаева со времени последнего представления политического обзора нимало не изменилось. События, совершающиеся на Балканском полуострове, имеющие живой интерес для всего образованного общества, доселе не вызвали здесь политических воззрений, могущих обратить на себя внимание. Даже к бедственному положению славянских семейств Боснии и Герцеговины николаевское общество относится почти совершенно безучастно и равнодушно.

* Далее зачеркнуто в Сербию.

** Это же дело, л. 3.

Толки о распадении Северного союза и пронесшийся поэтому слух о возможности европейской войны поселили было беспокойство в торговом сословии, жалующемся и без того на застой в делах, упадок кредита и безденежье по случаю неурожаев в течение последних четырех лет¹, но благодаря состоявшемуся в Эмсе свиданию нашего и германского императоров, которое без сомнения будет иметь большое влияние на разрешение мирным путем Восточного вопроса, опасения эти совершенно рассеялись [. . .]

Майор Орловский

ЦГИАМ, ф. 109, 3 экз., 1876 г., д. 65, л. 49 и об. Подлинник.

1. Настроения николаевского купечества связаны с опасением прекращения черноморской экспортной торговли в случае начала войны.

№ 124

1876 г. июня 17. — Письмо В. С. Ионина А. И. Васильчикову об отъезде в Болгарию офицеров-болгар

г. Кишинев

В день моего отъезда явились ко мне пять офицеров, болгарских уроженцев, и заявили, что согласно приглашению брата Иванова*, г. Калянджи, они оставили свои полки и решились приехать сюда с тем, чтобы быть отправленными в Молдавию и далее¹. Но по приезде сюда г. Калянджи объявил им, что у него денег нет, и что он об них знать ничего не хочет.

Ввиду столь предосудительного поступка г. Калянджи, я выдал офицерам путевые издержки, и они отправились в Молдавию.

Так как означенные пять офицеров приглашены полтора месяца тому назад, когда еще и я не знал, поеду ли за границу, то естественно, что г. Калянджи не мог рассчитывать на мою помощь и, созывая людей, должен был иметь в виду для отправки их другие средства. Следовательно, не будь я здесь, молодые патриоты были бы поставлены в крайне глупое положение, а г. Калянджи мог бы иметь громадные неприятности, да еще весьма скандального свойства.

Все это я вам пишу для того, чтобы показать, как поступают болгары, имущие состояние, и как они относятся к настоящему положению дела².

Сюда, как говорят, еще придут шесть офицеров, и с ними, пожалуй, удержат такую же штуку.

В. Ионин

Адрес: Moldavie чрез Одессу

Au Consulat Impérial de Russie à Galatz

Р. С. Письма прошу посылать в двух конвертах, на одном с письмом выставлять только мое имя и фамилию, а на другом, т. е. наружном, подписывать адрес в русское консульство в Галаце, откуда уже и будут мне доставлять по месту нахождения.

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 868, лл. 1—2 об. Автограф.

1. Эти офицеры должны были участвовать в восстании в Болгарии (об участии некоторых болгар-офицеров русской службы в Апрельском восстании и в сербско-турецкой войне см. док. 96; 82, стр. 107—113).

* И. С. Иванов.

2. В. С. Ионин констатирует одно важное обстоятельство, а именно: болгарская эмигрантская буржуазия в России и Румынии неохотно отзывалась на призывы давать средства для революционного дела и вообще для восстания в Болгарии. Что касается Павла Калянджи, то он был более щедр, и его поступок в данном случае имеет, вероятно, какие-то другие причины.

№ 125

1876 г. июня 19. — Из письма С. А. Подолинского секретарю редакции газеты «Вперед!» В. Н. Смирнову о предполагавшейся поездке в Герцеговину

Кройцнах

[. . .] Как я вам уже писал, я почти было решился идти в Герцеговину, и это, несмотря на весь мой малорусский национализм, просто потому, что я считаю необходимым пройти хорошую школу военной стороны революции. Если я не пошел, то поступил непоследовательно ввиду уступки личной жизни [. . .]

Ваш С. Подолинский

ЦГИАМ, ф. 1737, оп. 1, д. 58, л. 36. Автограф.

№ 126

1876 г. июня 20*. — Полномочие, выданное М. Г. Черняевым В. С. Ионину и П. Енчеву для организации болгарских отрядов в окрестности г. Зайчар

Алексинач

Пълномощно

С това мое пълномощно писмо аз, главнокомандующият на Южно-Моравската армия, упълномощавам Владимира Йонина и Петра Енчева да съставят български чети (в онези места на Сърбия, които те намерят за най-сгодно) в околностите на Зайчар**, за преминаване в Българско. По силата на това мое пълномощно, всякой българин, който изяви желание да се бие за свободата на своето отечество, е длъжен да се покорява на гореречените господи безусловно¹.

Главнокомандующи на Южно-Моравската армия

генерал Черняев

НБВК — БИА, ф. 232, II Г 717. Подлинник.

1. Миссия В. С. Ионина имела целью взять в руки БЦБО организацию болгарских добровольческих чет в Сербии и придать этому более организованный характер, чтобы сформировать в Сербии значительные болгарские отряды (81, стр. 9—10, 12—14; 12, стр. 154—155).

---

* Дата взята из документа. Точность ее может вызывать сомнения. Известен аналогичный документ на сербском языке, датированный 20 июля 1876 г. (Опубликован в журнале «Задружен труд», II, 1904 г., кн. 10—12). Кроме того БЦБО дало полномочия В. С. Ионину и П. Енчеву на поездку в Сербию 11 июля 1876 г. (См. док. № 160).

** Слова в околностите на Зайчар написаны между строк чернилами другого цвета.

№ 127

1876 г. июня 22. — Из письма управляющего Южнославянским пансионом в Николаеве Т. Н. Минкова члену БЦРК Т. Пееву в Браилово о начале сербско-турецкой войны и об отношении к ней болгар

Николаев

Многоуважаемый господин Пеев!

[. . .] Днешното известие, че Сърбия объявила война¹, облекчи душата ми, но аз мисля, че с българска точка зрения ний трябва зорко да следим за бъдещите постъпки на Сърбия². Премного ще ме обяжете, ако би имали добрината да ми известявате понякогаж за предмети, които интересуват всякое българско сърце.

Ако гос[подин] Енчев и гос[подин] Йонин са още у вас, то поздравете ги от мене. На Енчева кажете, че приех писмото му, но не му пиша, защото не зная адреса му.

Като ви искрено поздравлявам, оставам ваш съотечественик

Т. Минков

АБАН, ф. 22, д. 1447. Подлинник.

1. 18 июня 1876 г. Сербия объявила войну Турции.

2. Минков, как и многие другие болгары, принадлежавшие к двум основным партиям в среде болгарской эмиграции (революционной и партии «старых», т. е. партии болгарской крупной буржуазии в Румынии и России), проявлял недоверие к сербскому правительству и его позиции в отношении к Болгарии и болгарскому вопросу. Это недоверие было вызвано тем обстоятельством, что дважды, в 1862 и 1867 гг., сербское правительство прибегало к услугам болгарских добровольцев, обещая им помощь пробраться в Болгарию и поднять восстание, но после достижения своих целей изгояло их из Сербии. Кроме того, в 1867 г. сербское правительство по внушению русской дипломатии заключило соглашение с организацией «старых» — «Добродетельной дружиной» — о совместных действиях против Турции, но не выполнило своих обязанностей по отношению к болгарам.

№ 128

1876 г. июня 22. — Письмо А. А. Киреева о разрешении русского правительства на сбор пожертвований в пользу болгар *

Павлов

Многоуважаемый Иван Константинович!

Я вас уведомил о соизволении государя на «воззвание» к русской публике о помощи болгарам, но забыл прибавить, что при этом есть условие: проект воззвания должен быть представлен на предварительную цензуру министр[у] иностр[анных] дел.

Мы (петербуржцы) подчинились этому условию, и я отвез проект воззвания, написанный О. Ф. Миллером, к Гирсу. В случае ежели бы и вы (москвитяне) пожелали тоже обратиться с воззванием к публике, то вам тоже придется обратиться к Гирсу, котор[ый] вообще «très coulant»**.

Преданный вам А. Киреев

* Адресат установить не удалось. Можно предполагать, что в обращение вкрасла ошибка и следует читать — Иван Сергеевич. Содержание письма и его место хранения указывают, что оно было адресовано И. С. Аксакову.

** Очень сговорчив (фр.).

Р. С. Разрешение государя дано без обозначения, *какому* из комитетов (Моск[овскому], Петерб[ургскому], Одесск[ому]) представляется написать воззвание, поэтому я считаю, что (хотя письмо Гирса написано ко мне в ответ на мое к нему письмо), *все* комитеты могут воспользоваться разрешением.

Р. С. Гире говорил мне, что, по имеющимся у него сведениям, шансы славян *невелики*: за турок материальная организация и многочисленность. *На равнинах* драться без кавалерии — мудро. В горах турки будут, вероятно, разбиты, но на равнине?

Через Румынию *ничего* нельзя провозить (по крайней мере теперь), разве около Браилова?

Через $\frac{1}{2}$ часа еду в Париж, к 3 июля буду назад в Петербурге.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 74, л. 162—163 об. Автограф.

№ 129

1876 г. июня 23. — *Отношение Одесского болгарского настоятельства Петербургскому славянскому комитету о турецких зверствах в Болгарии и необходимости выделить средства настоятельству для оказания помощи болгарским беженцам*

№ 64

Одесса

Домашняя и общественная жизнь задунайских болгар за последнее десятилетие представляет раздирающую сердце картину. Этот незащищенный народ как бы обречен на то, чтобы быть безмолвным свидетелем, как турецкие власти и последний башибузук распорядились не только всем его достоянием, но и жизнью. Куда ни кинешь взора, — всюду грабежи, разорение, бесчестие семьи, убийства. Долготерпеливый народ болгарский переносил все невзгоды, уповая, что настанет пора, когда все это прекратится.

Бесчеловечные поступки турок, переполнившие чашу терпения несчастных христиан, вызвали Герцеговинское восстание, последствием коего было то, что положение болгар еще более ухудшилось, именно потому, что они такие же единоплеменники герцеговинцев, как и других славян, или, как турки обзывают их, «москов-гяуру»*.

Турецкое население в местечках, селах и городах поголовно стало вооружаться, открыто провозглашая, что настало время перерезать всех гяуров. Еще в прошедшем году болгарская журналистика ставила на вид константинопольскому правительству дневные грабежи, злодейства и убийства, безнаказанно совершаемые над мирным болгарским населением¹, но Б[листательная] Порты, не обращая ни на это, ни на жалобу самого народа никакого внимания, поощряла зверства и необузданность турецкого населения.

В таком положении находились дела в Болгарии, когда обнаружилось в конце апреля сего года вызванное вышесказанными неистовствами движение в окрестностях Филиппополя**. Какие размеры приняло это движение, с точностью определить невозможно, потому что оно появилось в разных пунктах Болгарии, Фракии и Македонии, но, судя по полу-

* Так презрительно называли турки русских.

** См. док. 97, 100, 106, 114.

чаемым известиям, движение это, подавляемое в одной местности, с новою силою вспыхивает в другой, и ввиду этого турецкое правительство вооружило и напустило на болгар не только башибузуков, диких черкесов, абхазцев, но даже и цыган, думая таким образом подавить восстание.

Мы содрогаемся, выслушивая от очевидцев преувеличенные рассказы о необузданности и зверстве сказанных диких орд. Они уже не идут в горы преследовать восставших, но довольствуются тем, что могут свободно и безнаказанно подвизаться в мирных и беззащитных селах и местечках, где бесчестят и оскверняют святыни, грабят, убивают немощных старцев, слабых женщин и невинных детей, предавая все огню и разрушению, так что в настоящее время около двухсот селений разрушены до основания. Так, например, башибузуки, напав на мирных жителей в Клисуре, перерезали всех детей в училище вместе с учителями, а город превратили в пепел. В Перушнице, под начальством Рашида-наши, стреляли из пушек в церкви, где скрывались старцы, женщины и дети и где все до единого должны были погибнуть в развалинах и в пламени. В Брацигове мирные и невооруженные жители вышли навстречу войску, думая, что оно пришло защитить их от нападений башибузуков; но вместо ожидаемой защиты все были перерезаны. Ново-село предано огню и мечу, а более красивые женщины и монахини из девичьего монастыря уведены в неволю.

Все это довело мирное население до отчаяния: оно, покидая родные села и деревни, ищет убежища в безопасных местах по тем самым причинам, по которым убегали и герцеговинцы, с тою лишь разницею, что сии последние имели соседями родные места, как Сербию, Черную-Гору и Австрию, где их встретила помощь и утешение; злополучные же болгарские семейства должны удаляться или в горы, где их ожидает голодная смерть, или же переправляться в Румынию — одни чрез Дунай, другие чрез Одессу.

Доведенные таким образом до крайних пределов отчаяния, болгаре, в одной только России находившие себе опору и утешение, ввиду существования в Одессе Болгарского настоятельства², собирающего пожертвования в пользу церквей и училищ, обращаются к нему с просьбами о помощи. К этому надобно присовокупить и то, что посол наш в Константинополе и консулы, с каждым почти пароходом направляя в Одессу громадное число болгар и учеников Цареградского лицея и Медицинского училища, даже и женщин, бегущих от преследований турок и совершенно разоренных, ищущих не только убежища, но и пропитания, рекомендуют их настоятельству с просьбою об оказании им материальной помощи, так что в настоящее время члены настоятельства, буквально выражаясь, осаждены просящими помощи и насущного хлеба. Но настоятельство, не обладая ныне никакими материальными средствами, так как с давнего времени пожертвований в оное не поступает, бессильно оказывать пострадавшим болгарам какую бы то ни было помощь.

Поэтому Одесское болгарское настоятельство ввиду вышеизложенного имеет честь покорнейше просить С.-Петербургский отдел славянского благотворительного комитета, не найдет ли он возможным из собранных и собираемых им пожертвований в пользу герцеговинцев и босняков уделять в ведение настоятельства некоторую сумму денег и для пострадавших болгар, дабы оно могло как ныне, так и в будущем оказывать пособие тем болгарам, которые, по случаю разорения их и преследований, прибыли и постоянно прибывают в Россию и румынские княжества в надежде найти убежище и пропитание.

При этом Одесское болгарское настоятельство присовокупляет, что оно с подобного рода просьбою вместе с сим обратилось и в Московский благотворительный комитет.

Сумму, какую угодно будет Комитету передавать в распоряжение настоятельства, можно адресовать прямо на имя Одесского болгарского настоятельства.

Члены: Н. Палаузов
М. Пашов
К. Н. Палаузов
В. Рашеев

ГИАЛО, ф. 400, д. 98, лл. 3—5. Подлинник.

1. См. об этом 14, стр. 80—81.

2. «Болгарское настоятельство» было создано в 1854 г. по инициативе болгарской буржуазной эмиграции в Одессе как организация, содействовавшая (путем сбора средств) развитию болгарских школ и училищ, помогавшая болгарской молодежи получать образование в России. Прекратило свою деятельность в 1884 г. (6).

№ 130

1876 г. июня 23. — Письмо Т. Пеева члену Болгарского человеколюбивого настоятельства И. Кавалджиеву о приезде В. С. Ионина в Бухарест и о подготовке к организации единого центра болгарской эмиграции в Румынии

Браила

Г-не Кавалджиев!

Писмото ви получих и в отговор на него ви известявам, че ви доверявам да преправите разписките на абонатите за «Възраждане»¹ от годишни на шестмесечни. Постарайте се, моля, по-скоро да се съберат и да ми се изпроводят абонаментите.

Подир два дни или три дни ще дойде от събратята * ми един в града ви, за да се споразумее за народната печатница, както и за други някои важни въпроси по нашите народни дела, особено в сегашно време. Преди да дойде събратът ми, вярвам, ще се яви в града ви г. Йонин, един благороден русин и наш доброжелател, който иде с цел да действува, за да се състави в Букурещ един «Благодетелен комитет». Дано целта на тоя великодушен господин успееше благополучно и по-скоро. Затова г. Йонин може да се отнесе и до вас и вярвам, че не ще му откажете в тоя случай вашето състициание.

Сърдечно ви поздравявам
Ваш Т. Пейов

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1300. Автограф.

1. «Възраждане» пачало выходить в Браилове (Румыния) 5 июня 1876 г. под редакцией Св. Миларова, Т. Пеева и Ив. Драсова. Газета придерживалась либерально-демократического направления. Она информировала читателей относительно восстаний на Балканском полуострове и особенно о болгарском восстании; следила за маневрами европейских держав в Восточном вопросе; знакомила европейское общественное мнение с болгарскими интересами, печатая статьи на французском языке; содействовала сближению болгар с Сербией и Черногорией и т. д.

* Св. Миларов. См. док. 133.

1876 г. июня 24. — Письмо уполномоченного Российского общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории С. Ф. Паютина в Главное управление общества о расширении деятельности русских госпиталей в связи с вступлением Черногории в войну против Турции

№ 11

[Цетинье]

Совершившийся факт публичного объявления в Цетинье 20 сего июня войны Черногории с Турцией, чрез прочтенное на площади воззвание князя Николая к народу и выступления его вслед затем в поход, дал мне возможность в ту же минуту открыто телеграфировать об этом Главному управлению и поспешить сообщением о положении нашего санитарного дела ¹ в тех подробностях, которые обыкновенным путем до сего времени я не считал возможным передавать.

Перелом в окружающих нас обстоятельствах произошел месяц тому назад, когда князь стал раздавать оружие своим батальонам и в первый раз сказал мне, что он вынужден будет скоро начать войну с Турцией. Это побудило меня в то же время командировать в Рагузу Н. Н. Трегубова с просьбой от меня к нашему консулу отправить шифрованную депешу, в которой я просил, на случай войны, определенных указаний. Копия с письма к А. С. Ионину и содержание депешы были отправлены его превосходительству председателю Главного управления * только благодаря представившемуся случаю. А между тем ожидавшегося тогда возвращения в Рагузу г. Ионина не состоялось, и пришлось только передать мою депешу в наше посольство в Вене. Не получая затем ответа и никаких разъяснений, я находился в прежней неизвестности, будем ли мы оставлены в Черногории или нет. В то же время ход здешних дел изменялся с каждым, можно сказать, днем: сегодня война, а завтра мир. Необходимо было весьма осторожно относиться к этим неустойчивым решениям и не торопиться с нашей стороны ничем до последнего дня, накануне которого еще нельзя было с полной уверенностью сказать, что не последует новый перемены. В этот только день разъяснилось, наконец, и наше положение, когда была получена депеша о назначении нам хирургов, фельдшеров и, конечно, новых денежных средств. Ясно было, что мы не только остаемся здесь, но что можем еще расширить круг нашей деятельности ².

События, впрочем, не застигли нас врасплох, и мы с полным спокойствием переходим в новый фазис нашей деятельности.

План военных действий Черногории двойкий: оборонительный со стороны Албании и наступательный со стороны Герцеговины. Поэтому и военные силы, за исключением мелких пограничных постов в Брдахе и Цернице, делятся на две независимые армии: главную, насчитывающую до 16 тыс. ружей, ведет в Герцеговину сам князь; вторую, до 10 тыс. ружей, принял в свое командование президент сената Божидар Петрович и занимает ею пограничную с Албанией линию, оберегая, главным образом, долину Зеты и отчасти долину Реки. Отсюда не предвидится никаких значительных действий, так как по сведениям, которые имел князь, во всей Албании в настоящее время находится турецкого войска не более 11 тысяч, включая сюда крепостные гарнизоны Служа, Подгорицы и Жабляка. Все операции военных действий, следовательно, будут в Герцеговине, где князь и где, как говорят, 26-тысячная армия Мухтара-паши, с которою черногорцы сгорают желанием встретиться. Для нас это значит,

*. А. К. Баумгартен.

что главный контингент раненых будет поступать из Герцеговины и прежде всего в Грахово, где мы имеем уже свой лазарет. Нам предстояло поэтому обдумать, какими средствами может располагать там наш лазарет и насколько он обеспечен от опасности по близости своей к турецкой границе. Разрешение первого вопроса становилось в прямую зависимость от последнего, которым мы на первых порах и занялись.

Зная, с каким трудом достаются в Грахово даже в мирное время несколько мазг(мулов), весь вопрос сводился к тому, чтобы найти возможность быстрого поднятия и перенесения лазарета в безопасное место, когда это будет вызвано крайней необходимостью. Я обратился к князю и получил от него положительное заверение, закрепленное его словом, что как в Грахово, так и в Цетинье он принимает на себя всю заботу о безопасности наших лазаретов и персонала и что если бы понадобилось, чего, однако, он никак не предвидит, то нужные нам перевозочные средства будут своевременно доставлены. В отношении граховского лазарета он указал на несколько тысяч герцеговинцев, расположенных в окрестностях Грахова, которые могут быть употреблены для переноски больных и имущества.

Ввиду этого нам оставалось только определить размер граховского лазарета и его отношение к цетинскому госпиталю. Очевидно, как в передовом пункте, в Грахово не могла быть основана в широких размерах госпитальная помощь, тем более, что там нет ни сколько-нибудь сносных помещений, ни самых необходимых средств продовольствия, не исключая даже воды, которая в течение лета пересыхает в колодцах. Провизию приходится выписывать постоянно из Рисано и из Котора. Если же в мирное время доставка представляла всегда немалое затруднение и требовала много времени, то в военное время, когда все лошади и мазги потянулись за войском, она составляет предмет весьма серьезной работы. Мы, например, после безуспешных четырехдневных поисков только одной мазги вынуждены были отправить сегодня в Грахово медикаменты и лазаретные вещи на руках женщин. Митрополит*, собираясь в поход, с большим трудом мог достать трех мазг под весь свой багаж. При таких условиях, и притом имея в виду, что даже лекарство для граховского лазарета нужно готовить в Цетинье и пересылать отсюда все медицинские средства, невозможно было и думать о расширении этого лазарета.

По всем этим соображениям мы пришли к следующему решению:

1. Главным пунктом госпитальной помощи, как центральным и более соответственным по своим местным условиям, остается Цетинье; граховский же отдел должен служить лишь передаточным пунктом, т. е. принимать раненых, которых нельзя было бы, по состоянию их ран, нести далее, подавать им необходимую помощь и, с первой для них возможностью, отправлять, как и всех прочих раненых, в цетинский госпиталь.

2. Граховский лазарет должен иметь всего 65 мест: в хирургическом отделении 40 и в терапевтическом 25.

3. Для переноски раненых из Грахова в Цетинье должно быть в распоряжении граховского лазарета 40 носильщиков и на полпути смена из такого же числа. Носильщиков этих ставит черногорское правительство и принимает на себя все распоряжения в пути.

4. В случае большого притока раненых, выписать из цетинского госпиталя всех тех больных и раненых, которые без вреда для них могли бы жить в частных домах и приходить в госпиталь для пользования амбулаторною помощью.

---

* Илларион.

5. Эти больные поступают на попечение местных властей, которые должны озаботиться размещением их по кучам (домам) и продовольствием, не требуя на то никаких денежных средств от русского госпиталя.

6. Пункт этот в равной мере относится и до тех раненых, которые впоследствии могли бы прибывать, но, по незначительности ран своих, оставаясь на ногах, нуждались бы только в амбулаторной помощи.

7. Необходимо отдать приказание, чтобы с открытием военных действий, никто из госпитальной прислуги как здесь, так и в Грахове не имел права оставить своего места и отказываться от исполнения своих обязанностей в госпитале.

8. Все местные власти должны оказывать во всех случаях всякое содействие в деятельности русского санитарного отряда.

9. Открыть второе хирургическое отделение в Цетинье на 50 мест, которое и поручить доктору Павлову. Для этого теперь же очистить и привести в порядок уступленное князем здание Бильярдо³.

10. Уступить в распоряжение этого отделения все кровати и столовую посуду семинарии.

11. Заготовить в нужном количестве сено или кукурузную солому для набивки 50 матрацов.

К исполнению всех этих положений с нашей стороны своевременно приступлено, а все, что касается обязанностей черногорского правительства, было предъявлено мною князю, который с полною готовностью изъявил свое согласие и в то же время отдал приказание на этот счет и назначил лицо, которое будет обязано исполнять наши требования и оказывать нам во всем содействие. Князь приказал также, чтобы те раненые, которые будут поступать в Бильярдо, получали от него: мясо, хлеб и вино и чтобы при этих больных была и прислуга от него.

Это значительно облегчило нашу задачу здесь, хотя, впрочем, трудно предвидеть, какие затруднения нам могут встретиться при исполнении даже самых простых вещей. Для примера я могу привести следующий факт: в одно из своих посещений госпиталя князь лично отдал приказание всем служителям, чтобы они отнюдь не смели оставлять своих мест, и между тем за день до выступления в поход вся мужская прислуга заявила, что она не хочет оставаться и также идет на войну. Нужно было снова прийти князю и приказать наказать ослушников, чтобы удержать их при госпитале. Для некоторых и эта мера оказалась недействительною. Единственные в Цетинье пекарь и мясник, говорят, прониклись было тем же воинственным духом и умерили свой пыл только ввиду тюрьмы, им угрожавшей. Нет почти сомнения, что если бы нам действительно пришлось переносить в критическую минуту, которой, однако, я не допускаю, наши лазареты на австрийскую территорию, то мы поблагодарим судьбу, если будем иметь хотя баб для того только, чтобы перенести больных и раненых.

Вот обстоятельства, при каких мы находимся здесь и которые становятся нашей деятельностью совершенно в исключительные условия.

Из ожидаемых двух хирургов один предназначается для граховского лазарета, а другой сюда, в помощь Павлову. Цетинский госпиталь с открытием второго хирургического отделения в Бильярдо расширится до 130 мест (а по надобности и более), что составляет вместе с граховским лазаретом до 200 мест. Теперь в этом последнем лазарете остается только 11 больных, а в цетинском госпитале 50; таким образом мы имеем уже для раненых до 150 свободных мест, число которых еще увеличится выпискою выздоравливающих на кучи. А при том способе, чтобы помещать на кучи и тех легко раненых, для которых будет достаточно одной амбулаторной

помощи, мы можем, кажется, без особенного затруднения выдержать самый большой наплыв раненых, ограничиваясь только двумя пунктами; Цетиньем и Граховым. Может быть, нам придется иметь еще один подвижной перевязочный пункт в стороне к Албании, но теперь покуда не предвидится в том надобности ⁴.

Уполномоченный С. Панютин

Н. Трегубов

Пометы: Раненые благодарят С. Ф. Панютину. Доложено Главному управлению в заседании 5 июля 1876 г

ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 226—232. Подлинник.

1. В ноябре 1875 г. Общество попечения о раненых и больных воинах приняло решение направить в Черногорию санитарный отряд для налаживания медицинской помощи (ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 69, лл. 113—116). В первых числах января санитарный отряд в составе четырех врачей, десяти средних медицинских работников и нескольких членов обслуживающего персонала, возглавляемый П. А. Васильчиковым, прибыл в Черногорию. В его распоряжении имелись денежные средства и медицинское оборудование на 170 тыс. рублей (на это были использованы средства Петербургского и Московского славянских комитетов и пожертвования отдельных лиц). Русские врачи организовали госпиталь в Цетинье и лазарет в Грахове. Старшим врачом в госпитале работал В. Я. Алышевский, которому вместе со старшей медицинской сестрой С. П. Карцевой принадлежит заслуга организации первых лечебных заведений в Черногории. После отъезда Алышевского в Россию его заменил доктор Н. П. Богоявленский. Среди черногорцев большой популярностью пользовался хирург Ю. Н. Ковалевский. Если раньше черногорцы с недоверием относились к врачам, то после удачных операций Ковалевского многие больные желали у него оперироваться (ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 253—270 об.). В лазарете в Грахове должность старшего врача и заведующего терапевтическим отделением исполнял А. А. Жужукин, а хирургическим отделением заведовал Палисадов. Одновременно с работой в лазарете врачи оказывали медицинскую помощь герцеговинцам и боролись с эпидемиями тифа и дизентерии (ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 253—270 об.).

2. В июне 1876 г. славянские комитеты и Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах в связи с началом Черногорией военных действий против Порты и увеличением числа раненых приняли решение о расширении санитарного персонала в Черногории и усилении денежных и материальных сборов в пользу жертв Герцеговины, Боснии и Болгарии (ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, л. 191—191 об.). В Черногорию было направлено из России несколько санитарных отрядов, снабженных всем необходимым для успешного действия в поле, в составе которых было 11 врачей, 22 фельдшера и две сестры милосердия (ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 892, л. 7; ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 359, 388).

3. Здание в Цетинье, построенное в 1839 г. митрополитом Петром II Петровичем Негошем (1830—1851). В нем помещался Сенат, а впоследствии — школа и учреждение. Это здание получило название по установленному в нем Негошем первому в Черногории бильярду.

4. С открытием военных действий госпитали Черногории переполнились ранеными. В Цетинском госпитале число раненых увеличилось до 300 человек. Большая часть легко раненых находилась дома, в госпиталь приходили только на перевязки. В первых числах августа 1876 г. открыты были лазареты в Негуше (врач Круковский) и Даниловграде (врачи Я. Петкович и Унковский). В Грахове А. А. Жужукина сменил Максимов. Для наблюдения за госпиталями приехал из России проф. Склифосовский, назначенный главным врачом. Доктор Павлов, проф. Склифосовский и другие для оказания помощи раненым выезжали в действующую армию в Герцеговину (ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 522—528, 533—534 об.; ЦГИАМ ф. 1750, д. 84, лл. 128—130 об.).

Русские врачи и весь медицинский персонал пользовались уважением и любовью среди черногорцев. В Черногории награждены орденом Даниила врачи Богоявленский, Ковалевский, Жужукин, проф. Склифосовский (ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 577—578, 678—678 об.). 4 сентября 1876 г., пробыв в Черногории восемь месяцев, в Россию выехала первая партия врачей и других медицинских работников.

№ 132

1876 г. юния 24. — Письмо члена болгарского комитета в Болграде И. Иванова К. Цанкову о поездке в Румынию В. С. Йонина для оказания помощи в восстановлении Болгарского центрального революционного комитета

Болград

Господин Цанков!

Вие знаете добре вървежа на нашите работи. На нас липсува един Централен български комитет¹, заради това г-н Йонин е изпратен от Московския и Петербургския комитет да узнае дали съществува Български централни комитет, а сетне да помага парично на българите. Поради това, ние от наша страна ще ви молим да вземете сериозно участие с г-на Йонина и да съставите БРЦК. Вам има доверие пълно всичкият Болград. Г-н Енчов ще ви разкаже всичко подробно за Йонина. Гледайте да не отпускате добрите случаи. Гледайте да вземат участие и «старите»*, защото е вече срамата от всичките славяни въобще, които така чувствително спомагат и ще спомагат на нас. Това трябва да се направи скоро, защото е много нужно.

Ще ви моля да ми отговорите скоро, на кого трябва да се адресувам в Белград или в Кладово, за да приемам катадневни новини от бойното поле. Ние, в Болград, съставихме и малък капиталец, за да изпратиме на онзи в Сърбия, който ще праща ката ден новини. Г-н Мишайков Николов** е тамо. Пишете ми незабавно, защото е нужно.

Ваш приятел Ив. Иванов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 6, л. 196. Автограф.

1. После разгрома Апрельского восстания и гибели Х. Ботева БЦРК прекратил существование. Внимание болгарской эмиграции было поглощено деятельностью по оказанию помощи пострадавшим во время восстания, начавшаяся же сербско-турецкая война поставила снова в порядок дня вопрос об организации нового восстания и об участии болгарских добровольцев в этой войне.

№ 133

1876 г. юния 24. — Письмо Т. Пеева И. Кавалджиеву об отъезде В. С. Йонина и П. Енчева в Бухарест

Браила

Господине Кавалджиев!

С вчерашното си писмо*** ви известих, че има да дойде в града ви един от сътрудниците на «Възраждане». Приносящият настоящето ми, г. Светослав Миларов, днес тръгва заедно с г. Йонина и Енчева. Между друго, което има да вършат, г. Миларов ще гледа да вземе печатницата от «старите» и да намери една удобна местност, за да се пренесе и нареди там печатницата. Аз ви моля да приемете г. Миларова вместо мене и да му помогнете както за вземането на печатницата, така и за да наемне мест-

* См. док. 136.

** Петр Мишайков.

*** См. док. 130.

ност. Ако му потрябват пари, дайте г-ну Светославу, колкото му станат нужни за моя сметка от стойността на абонаментите на «Възраждане».

Сърдечно ви поздравлявам

Ваш Т. Пейов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 6, л. 200. Автограф.

№ 134

1876 г. юния 24. — Заявление врача А. В. Щербака в Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах о желаниии поехать в Черногорию для оказания помощи раненым

Желая принести пользу на театре войны при раненых в Обществе герцеговинцев *, я имею честь предложить означенному Обществу свои услуги и покорнейше просить ваше высокопревосходительство обратить свое милостивое внимание в назначении меня на службу для выполнения моих человеколюбивых стремлений на пользу раненых и больных в Черногории.

А. Щербак

ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, л. 135. Подлинник.

№ 135

1876 г. юния 26. — Письмо И. Иванова П. Енчеву в Бухарест о доставке оружия из Кишинева

Болград

Господин Енчов!

Приятелят ми от Исмаил, когото чакахме, дойде и ходи на определеното място, за да разбере добре за известната стока. Той се научи, че имало до 500 п[ушки] в Кишинево, но работата е още неизвестна, защото още той не приел отговор от Кишинево от следуюмата персона К[алянд]жи, който стана вече толкози време не отговаря никак. Когато се известя за това, аз ще ви пиша. Чаканите лица, за които вие знаете, дойдоха в града ни още онзи ден. Гледайте, моля ви, колкото е възможно, да се устрои колко е възможно по-скоро казаното ¹, заради което писах на г-дина Цанкова вчера**.

Ваш приятел

Ив. Иванов

[Р. С.] Отговорете ни по-скоро!

Същ[иият]

НБВК — БИА, ф. 232, II Г 748. Автограф.

1. Речь идет о новом Болгарском центральном комитете, созданию которого способствовал В. С. Ионин.

---

* Так в тексте.

** См. док. 132.

1876 г. юния 26. — Письмо болгарского публициста С. Миларова бывшему члену БЦРК И. Драсову в Браилово о создании организации болгарских эмигрантов в Румынии и о борьбе между партиями «старых» и «молодых»

Букурещ

Братя!

Ще сте много безпокойни и любопитни, за да получите от мене едно писмо. Напokon аз мога да направя това и да ви съобщя все радостни известия.

В Плоещ съставихме благотворително общество ¹, гдето е Янко председател, Райчо деловодител, а хаджи Параскева член*.

Тука печатницата се отстъпи без никакви условия за вестника ни и Кавалджиев ще търси локал. Добре е да прибърза един от вас с момчетата, за да установи работата.

Когато пристигахме тук, и старото «Человеколюбиво общество» искало да се поднови ², и «старите» приемаха мерки, за да се конституират като комитет за сбиране на помощи ³. Отведнаж два централни комитета, и двата без одобрението на другите, и ни един от тях за в работа, паче с настроение да се сблъснат и да произведат още някоя трагикомедия ⁴.

Но аз влязох в работата. Срещнах се с Кавалджиева, Цанкова, Грудова и Странски, а вторият ден ходихме с Йонина при Евлогия. В кратко, резултатът излезе тъй: в снощното си събрание изрази се «старите», че ще събират пари и че ще жертвуват сами, ще предават парите на «младите», и тия да вършат работа. А днес направих една последна атака на Цанкова и той се съгласи да се сматрат като частен комитет в Букурещ, догде не стигнат представителите от другите комитети, които да изберат централния ⁵. При това, казах му, че в съставлението на централния трябва да влязат нови сили ⁶, с които той да отговори на своето призвание, което не е вече да събира само парици оттук и оттам ⁷.

Желателно би било да побързате тука и: 1) със «старите» да се отнасяте добре, но мъжки и авторитетно и да образлагате точно своите мнения; на доказателствата те няма да се противят; 2) на Цанкова да пообистрите главата и да завържете с него дебело приятелство. Той се беше уплашил, че целта ни не е друга, но само да ги изместим и да седнем ние на тяхното място.

С Енчева преугодно е да пътува човек, и ние с него заминаваме за Гюргево. Йонин остава тук, по съвета на Евлогия, който ни посети тук на хотела. Разноските ми ще се дадат от Енчева и Йонина.

Както виждате, работата добре отива и много ми е угодно, като помисля, че ще бъдете задоволни с мене. Другото се изисква от вас — да пригответе работата свършено; колкото за влизането на някои от нас в Централния комитет, което е необходимо, понеже всичката работа може без това да отиде на юх. Побързайте, прочее! Алън пъртънъзъ! **

Целувам ви братски и поздравете приятелите. С Тодора гледайте да изберат мене или Пеева за в Букурещ ⁸.

Ваш Светослав

АБАН, ф. 22, д. 1450. Автограф.

* Янко (фамилия не удалось установитъ), Райчо Грыблес, Парашкев Маринов.

** Турецкое выражение: уберите старъевщиков.

1. Благотворительное общество в Плоешти было основано В. С. Иониным и П. Енчевым, которые в сопровождении Св. Миларова проезжали из Браилова в Бухарест (см. док. 133). Впоследствии это общество стало отделением Болгарского центрального благотворительного общества.

2. Болгарское человеколюбивое настоятельство было восстановлено 1 мая 1876 г.

3. Комитет для сбора помощи был образован «старыми» 10 июля 1876 г. под названием «Человеколюбивое общество» (по-румынски «Comitet filantropic») (ср. 12, стр. 156).

4. Речь идет о борьбе между «молодыми» и «старыми», т. е. революционной партией и партией крупной буржуазии (см. док. 12 и прим. 11 к нему).

5. Очевидно, «молодые» не согласились сотрудничать со «старыми», поэтому С. Миларову нужно было предпринять «последнюю атаку» и против К. Цанкова, чтобы убедить его не считать Болгарское человеколюбивое настоятельство центральным комитетом, пока не соберется общее собрание всех благотворительных обществ в румынских городах для выборов центрального руководства.

6. С. Миларов открывает здесь желание группы Т. Пеева—И. Драсова—С. Миларова войти в руководство нового центрального комитета. Оно выражено в последнем абзаце его письма. Эта группа выражала интересы болгарской средней буржуазии и в идейном отношении была более либеральной, чем группа К. Цанкова, которая представляла крайнее правое крыло революционной партии. Это лучше всего заметно по газете «Възраждане», органу группы Пеева—Драсова—Миларова.

7. С. Миларов раскрывает, что организация, создававшаяся В. С. Иониным, должна быть не обыкновенным благотворительным обществом, а политической организацией.

8. Речь идет о том, кто будет послан от Браилова в Бухарест на общее собрание, которое должно избрать центральный комитет.

№ 137

1876 г. июня 27. — Из письма И. С. Аксакова члену Московского славянского комитета Ф. В. Чижову о денежной помощи Сербии

Дражайший Федор Васильевич!

Прежде всего о деле — служебном, банковском, а потом уж о деле историческом, которому приходится служить теперь до устали — и слава богу! [. . .]

Каковы дела на Востоке? Славянскому комитету, который, впрочем, весь заключается в моей особе, потому что даже секретаря нет, работы и хлопот теперь ужасно много. Посылаю вам мое воззвание¹, которого печатается теперь, посредством *духовной цензуры*, 60 тыс. экз. (*светская* оттисков не дозволяет, так я, напечатав в *епархиальных* ведомостях², заказал им оттиски). Оно производит эффект, потому что в два дня, после того как появилось в здешних газетах, мне принесли около 2 тыс. рублей. Черняев отказался от сербского содержания, объявив, что он приехал и содержится Моск[овским] слав[янским] комитетом, что и правда. Я переслал ему 1200 дукатов золотом, в два раза. Всех учащихся здесь славян отправили мы восвояси драться, снабдив их пособием.

Сербия хлопочет о помещении, во-1-х, своих облигаций национ[ального] займа, миллиона на полтора руб., во-2-х, о заключении займа миллионов на 7 или 6 и прислала для этого Протича, председателя кассационного суда. Для помещения первых нужно разрешение м[инист]ра финансов, о втором здесь в Москве нечего и думать. Я отправил Протича в Петерб[ург] к Дм[итрию] Оболенскому — для того, чтоб он открыл переговоры секретные с Мих[аилом] Христофор[овичем]*. И, кажется, это дело идет удачно: нужна только негласная гарантия русского правительства³.

Обстоятельства так сложились, и русская дипломатия так запуталась, что само правительство прибегает теперь к содействию слав[янских] комитетов⁴. Без всякой нашей просьбы, а по докладной записке Главного

* М. Х. Рейтерн.

общ[ест]ва попечения о раненых разрешено комитету устроить медицинскую помощь в тех местах, где в силу Женевской конвенции⁵ Главное общество не может действовать. Так, устроив и держа широкой рукой госпитали в Цетинье и Грахове, оно не имеет права учредить походные лазареты в Герцеговине и сопроводить войско черногорское вне пределов Черногории. Оно теперь, с высоч[айшего] разрешения, и обратилось к нам, именно вчера был у меня генер[ал]-адъют[ант] Баумгартен: дело идет о том, чтобы пользоваться средствами этих госпиталей (аптекой и проч.) и устроить доставление туда раненых с места битвы, вместе с походною медиц[инскою] помощью. Я, разумеется, тотчас же согласился, потому что, по самому строгому расчету, на это в течение 6 месяцев потребуются не более 8 или 10 тыс. рублей.

Но главное, чему я радуюсь, это признанию нашей общественной инициативы и силы нашего права. 28 июня храмовый праздник в Сербском подворье (созданном также Слав[янским] комитетом); это уж сербская территория, и потому мы там отслужим молебен о даровании победы и одоления, а потом разошлем телеграммы в петерб[ургские] газеты. Необходимо так или иначе заявить публично силу обществ[енного] мнения как пред правительством, так и пред Европой. Впрочем, сочувствие в обществе довольно живое, — начинает пробираться даже купечество*. Общество взаимн[ого] кредита⁶ поневоле делается театром политических действий, и наши служащие очень гордятся пред другими, что все они и Черныева видели, и деньги ему на дорогу выдавали, и всякая денежная помощь идет чрез них.

Я не касаюсь теперь самого вопроса. Дело теперь во всяком случае об обеспечении успеха в борьбе с турками. Сам я думаю, что дело не обойдется без европейского конгресса, а может быть, и войны с Англией и Австрией — в будущем.

Прощайте, обнимаю вас крепко от всей души. Хочу дня на три, пригнав к празднику, съездить к Черкасскому, обменяться мнениями, а то ведь здесь ни души мужской, с кем бы поговорить. Анна Федор[овна] вам от души кланяется; она наслаждается Волынским, где у нас очень хорошо и уединенно.

Кланяюсь вашим хозяевам

Ваш Ив. Аксаков

ОР ГБЛ, ф. 332, к. 15, д. 10. Автограф.

1. Воззвание Московского славянского благотворительного комитета о помощи пострадавшему болгарскому населению напечатано 27 июня 1876 г. в «Московских епархиальных ведомостях». Содержавшиеся в нем нападки на внешнюю политику Англии и Австро-Венгрии вызвали распоряжение русского правительства об обязательной впредь цензуре всех изданий Славянского комитета (см. док. 193).

2. «Московские епархиальные ведомости» издавались в 1869—1879 гг. Обществом любителей духовного просвещения, с 1880 г. — «Московские церковные ведомости».

3. Понимая неизбежность военного столкновения с Турцией, сербское правительство в начале июня 1876 г. послало в Россию своего представителя М. Р. Протича для переговоров о займе. Первые шаги Протича были неудачны, но под влиянием наследника и императрицы русское правительство в принципе согласилось на секретный заем Сербии 4 млн. рублей из государственного казначейства с условием, чтобы он был реализован частными банками. Однако реализован заем был только к концу 1876 г. и в меньшем размере; таким образом, своего непосредственного назначения — поддержки Сербии в ее борьбе против Турции — заем в силу позиции царского правительства не достиг (59, стр. 45—47).

4. Положение русского правительства было очень сложным. С одной стороны, интересы упрочения русского влияния на Балканах, подорванного Крымской войной, требовали решительной поддержки Россией разразившегося национально-освободительного движения турецких славян. На этот путь толкало правительство и обществен-

* См. прим. 3 к док. 84.

ное мнение страны, усиленно подогреваемое славянофильскими кругами. За активную политику на Балканах, вплоть до военного вмешательства, стояла и придворная партия «действия» во главе с наследником и императрицей. С другой стороны, связанное в силу Союза трех императоров соглашением с Австро-Венгрией, предусматривавшем сохранение статус-кво и невмешательство в дела на Балканах, русское правительство вынуждено было действовать в целях мирного разрешения ближневосточного кризиса. Все это привело к тому, что русская политика рассматриваемого периода была непоследовательной, противоречивой и нерешительной. Все это как в фокусе отразилось и в вопросе с сербским займом (59, стр. 45—47).

5. Женевская конвенция — международное соглашение, заключенное в 1864 г. по инициативе Швейцарии. В основу его положена идея помощи и покровительства всякому раненому, своему и врагу, безразлично. Женевская конвенция была принята большинством государств всех частей света. Ею установлен отличительный знак для лиц и предметов, находящихся под ее защитой: красный крест на белом поле. Турция (присоединившейся к конвенции в 1873 г.) было разрешено замесить его красным полумесяцем, а Персии — красным изображением льва и солнца.

6. Общество взаимного кредита, объединявшее купеческие круги Москвы, проявляло интерес к славянским делам главным образом в силу влияния И. С. Аксакова, с 1874 г. ставшего председателем правления этого общества.

№ 138

1876 г. июня 27 (июля 9). — Донесение А. С. Ионина А. М. Горчакову о переговорах Сербии и Черногории и о вступлении Черногории в войну с Турцией на стороне Сербии

№ 207

Raguse

Mon prince!

Pendant mon très court séjour chez le prince Nicolas j'ai causé avec lui à batton rompu de la situation politique et des plans militaires de la campagne inaugurée.

Bien que ceci ne peut avoir aujourd'hui qu'un intérêt retrospectif, je voulais surtout m'éclairer sur les motifs qui ont déterminés le prince de déclarer la guerre de concert avec la Serbie d'une manière assez inattendue.

Le prince m'a dit que quand il envoyait son cousin Bojidar Petrovic à Berlin ¹ il voulait absolument trouver les moyens de faire cesser les hostilités au plus vite réintégrer les fugitifs en Herzégovine. Il croyait faiblement à la possibilité du statu quo amélioré, mais pour le rétablissement même pur et simple des fugitifs en Herzégovine il fallait encore obtenir la garantie de l'Europe et les moyens pécuniaires, puisqu'il y avait impossibilité absolue de traiter directement avec les turcs, ou d'attendre d'eux une activité pratique quelconque vu leur décadence morale et la complète désorganisation administrative et financière de l'empire.

Pendant ce temps, notamment le 6/18 mai, le gouvernement serbe s'est adressé à lui avec la proposition de renouveler les pourparlers ² au sujet du traité militaire et politique. Il a refusé en prétextant la mission de Bojidar à Berlin, l'accord survenu dans cette capitale présentant quelque chance de succès en ce sens qu'il établissait en principe l'ingérence de l'Europe et donnait lieu aux développements ultérieurs de ce principe.

Le prince ne croyait pas au sérieux des velléités belliqueuses de la Serbie et en même temps il craignait à l'impossibilité de la politique de non intervention de la part des grandes puissances. Mais bientôt les choses ont complètement changé de face. La révolution de Constantinople *, la retraite du memorandum de Berlin ³, le principe de non intervention qui en résultait, ou même l'attitude expectante des puissances, ce qui en pratique revenait au même, — tout ceci plaçait les chrétiens, ainsi que les deux

* См. прим. 4 к док. 114.

principautés, immédiatement face à face avec la Turquie. Le marasme, l'exaspération du peuple, la dévastation de la Turquie et la misère des principautés devaient donc continuer et menaçaient de produire un chaos qui aurait emporté les derniers vestiges du principe autoritaire chez les chrétiens et la dernière possibilité d'arriver à un fin quelconque.

C'est alors qu'il commençait à croire à la nécessité d'une guerre, quelque fût son résultat probable. La Serbie le sentait encore d'avantage. Le prince Nicolas accepta alors favorablement la nouvelle proposition serbe de traiter et même de commencer la guerre au plus vite afin de ne pas augmenter le désordre, l'exaspération et les dangers qui pouvaient en résulter, — puis-que d'une façon ou d'une autre, grâce à la persistance de l'Europe de ne pas intervenir efficacement, la guerre aurait résulté indubitablement plus tard.

Sur mon observation qu'en prenant l'initiative de la guerre, — les principautés se plaçaient dans la situation défavorable devant la diplomatie et peut être aussi de l'opinion publique de l'Europe, le prince m'a dit qu'il sentait cet inconvénient, mais que lui et le prince Milan préféraient courir plutôt ce risque que celui d'être «roti au petit feu». «D'autant plus, — m'a dit le prince, que ce marasme devrait produire la révolution en Serbie et la guerre n'aurait pas été évitée avec cette difficile rence seulement qu'alors bon gré mal gré il aurait dû la faire à la remarque de l'Omladina *, tandis qu'à présent il la fait comme allié du prince Milan.

Ainsi quand vers le commencement du mois de juin de notre style mr Ristic renouvela sa proposition, le prince l'accepta. Ils se sont entendu par télégraphe. Le résultat de cette entente devait être mis par écrit et le 10 de ce mois mr Stanko Radonic, de la part du prince Nicolas, et mr Matic, le sénateur, de la part du prince Milan devaient se rencontrer à Fiume dans ce but. Le traité fut signé par eux. Ces négociations et leurs résultats devaient rester un secret absolu entre les deux princes.

Pendant ce temps le comte Andrassy proposait au prince de traiter avec les turcs immédiatement en faisant entrevoir l'augmentation du territoire du Monténégro ⁴. Le prince ne pouvait plus accepter cette proposition: il était déjà engagé avec le prince Milan, il devait rompre ces négociations pour en entamer d'autres avec les turcs qui auraient absolument échouées comme il en avait la conviction. Le fait de la promesse venant avec une espèce de garantie de la part du comte Andrassy n'augmentait pas sensiblement les chances de la réussite: les turcs avaient déjà fait à l'Europe tant de promesses qu'ils ne remplissaient pas sans aucun risque d'en être punis. Le dernier tour de passe-passe dans ce genre venait justement de justifier cette appréciation: la Turquie en se débarrassant de la menace de devoir accepter le mémorandum de Berlin, proclamait un armistice à l'exclusion des opérations militaires autour de Niksic — tandis que tout le sens de l'armistice était là — l'Europe paraissait être contente et louait encore la modération du nouveau sultan. Vu de cet état de choses — rien de sérieux ne pouvait être fait avec les turcs. Ensuite le prince disait que la situation était telle que s'il entamait ces négociations avec les turcs et rompait celles avec la Serbie — cette dernière aurait dû tout de même arriver à la guerre et qu'alors il devait être entraîné involontairement. Dans cette occurrence il aurait abouti à un compromis sortable pour le Monténégro lui-même et de cette façon devenir traître aux yeux de son peuple en même temps que devant l'opinion de la diplomatie elle-même.

L'extention du territoire qu'on lui faisait entrevoir ne pouvait déjà plus contenter le Monténégro et même le prince n'aurait pas pu l'accepter décemment en abandonnant l'Herzégovine à son cruel sort, l'Herzégovine, qui s'est abandonnée à lui. Si l'on pouvait prévoir un état meilleur pour

* См. прим. 4 к док. 33.

cette province, la correction des frontières du Monténégro aurait été moralement possible — sans ce corollaire les monténégrins eux-mêmes ne l'auraient pas accepté: il y a une unité morale entre ces deux parties du peuple serbe, qui est plus grande qu'on ne croit. Cependant l'amélioration du sort de l'Herzégovine n'était rien moins que probable du moment que l'Europe laissait définitivement faire la Turquie.

La guerre est aujourd'hui un fait accompli, votre altesse appréciera à leur juste valeur les raisonnements du prince. Je les récapitule sans les commenter, mais j'ai fait à son altesse une seule observation: je n'ai pas pu de ne pas lui rappeler que d'ordinaire franc avec nous, il nous a caché, ainsi que l'a fait le gouvernement serbe, ses négociations un moment aussi grave.

Le prince m'a dit qu'il souffrait beaucoup du mystère qu'il a dû garder envers nous dans cette occurrence, mais il savait que le gouvernement de sa majesté notre auguste maître ne désirait que la paix d'un côté et de l'autre dans sa sollicitude pour les peuples chrétiens, condamnerait toute action risquée. Or, ceci ne pouvant être évité, en gardant le mystère il croyait prendre sur lui seul, comme le prince Milan, toute responsabilité des conséquences. En même temps, obligé de garder secret envers les autres puissances il devait le faire forcément envers la Russie, du moment qu'il ne s'agissait plus de demander un conseil ou un avis, mais de signaler presque un fait accompli.

Son altesse m'a communiqué encore cette fois-ci les détails de ses négociations avec les serbes sous le sceau du plus grand secret, en me priant de ne pas divulguer sa communications aux serbes.

Votre altesse était déjà informé en temps et lieu de l'intention du gouvernement serbe d'envoyer un négociateur à Constantinople pour demander à la Porte l'administration de la Bosnie. Cette intention n'était pas un mystère pour le prince. Mr Ristic proposait en même temps (l'accord en vue de la guerre étant déjà établi par télégraphe), au prince Nicolas d'envoyer aussi un représentant à la Porte pour lui demander l'Herzégovine aux mêmes conditions, avec l'intention de déclarer immédiatement la guerre si la Porte ne cérait pas devant cette sommation. Le prince refusa cette proposition, trouvant les raisons mauvaises. Il croyait en même temps que le gouvernement serbe, fort de l'accord avec lui, voulait de nouveau diplomatiser pour son propre compte et reculait devant la résolution de faire la guerre. Il demanda donc péremptoirement aux serbes, ce qu'ils voulaient en disant qu'il était prêt de passer une éponge sur le traité survenu et déjà, je crois, signé à Fiume, ayant de son côté quelques chances d'entamer avec la Porte des négociations dans un but plus réalisable. Mr Ristic lui a répondu que sa proposition n'était destinée qu'à trouver un prétexte diplomatique pour faire la guerre et que dans le moment convenu, d'une façon ou d'une autre les armées serbes commenceront les hostilités.

Quant au traité lui-même, signé à Fiume, votre altesse en connaît déjà la substance: ce n'est que la reproduction des projets antérieurs — la Bosnie en cas d'issues favorable de la guerre, devant s'unir avec la Serbie, et l'Herzégovine avec le Monténégro, et la ligne de démarcation devant suivre les fleuves Narenta et Drina. Il est évident que les deux principautés avaient stipulé la solidarité absolue pendant la guerre et pour la conclusion de la paix.

Avec le plus profond respect j'ai l'honneur d'être de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

A. Ionine

Князь!

Во время моего очень короткого пребывания у князя Николая я урывками беседовал с ним о политическом положении и военных планах начавшейся кампании. Хотя это представляет на сегодняшний день ретроспективный интерес, мне хотелось выяснить побуждения, заставившие князя совместно с Сербией довольно неожиданно объявить войну.

Князь сказал мне, что, посылая своего двоюродного брата Божидара Петровича в Берлин ¹, он хотел обязательно найти способ возможно скорее прекратить враждебные действия и водворить беженцев в Герцеговину. Он мало верил в возможность улучшения статус-кво, но даже для того, чтобы просто вернуть беженцев в Герцеговину, необходимо было еще получить гарантию Европы и денежные средства, поскольку совершенно невозможно прямо договориться с турками или добиться от них как-либо практических действий вследствие их моральной деградации и полной дезорганизации империи как в административном, так и финансовом отношении.

В это время, а именно 6(18) мая, сербское правительство обратилось к князю с предложением ² возобновить переговоры о военном и политическом договоре. Он отказал, ссылаясь на миссию Божидара в Берлине, так как достигнутое соглашение в этой столице представляло кое-какие шансы на успех, поскольку оно устанавливало в принципе вмешательство Европы и давало повод к дальнейшему развитию этого принципа.

Князь не верил в серьезность воинственных попыток Сербии, и в то же время он опасался, что политическое невмешательство со стороны великих держав невозможно. Но вскоре события обернулись по-иному. Революция в Константинополе, отклонение Берлинского меморандума ³, вытекающий из этого принцип невмешательства и даже выжидательное положение держав, что практически было одно и то же, все это поставило христиан так же, как и оба княжества, немедленно лицом к лицу с Турцией. Маразм, ожесточение народа, опустошения Турции, нищета княжеств могло продолжиться и привести к хаосу, который унес бы последние остатки законности у христиан и последнюю возможность привести все к какому-нибудь концу.

Тогда-то и князь поверил в необходимость войны, каковы бы ни были ее результаты. Сербия чувствовала это еще сильнее. Князь Николай поэтому доброжелательно отнесся к предложению Сербии договориться и даже начать войну возможно скорее, чтобы не усиливать беспорядок, отчаяние и опасность, поскольку так или иначе война неизбежно разразилась бы вследствие упорства Европы в своем отказе от эффективного вмешательства.

На мое замечание, что, взяв на себя инициативу в войне, княжества поставят себя в неблагоприятное положение перед дипломатией, а может быть, и перед общественным мнением Европы, князь ответил мне, что он сознает это неудобство, но что он и князь Милан предпочитают лучше подвергнуться риску, чем «медленному поджариванию». Тем более, сказал князь, что этот маразм должен был вызвать революцию в Сербии, и войны нельзя было бы избежать, с той лишь разницей, что волей или неволей он был бы принужден воевать по воле Омладины, тогда как сейчас он будет вести войну как союзник князя Милана.

Поэтому, когда к началу июня месяца по нашему стилю г-н Ристич возобновил свое предложение, князь его принял. Они договорились по телеграфу. Результаты этой договоренности предполагалось изложить письменно, и 10-го этого месяца г-н Станко Радич со стороны князя Николая и г-н Матич, сенатор, со стороны князя Милана, встретились с этой целью в Фиуме. Договор был ими подписан. Переговоры и их результаты должны остаться секретными между обоими князьями.

В это время граф Авраши предложил князю начать немедленные переговоры с турками, давая понять, что последует увеличение территории Черногории ⁴. Князь уже не мог принять этого предложения: он был связан с князем Миланом, он должен

был бы прервать эти переговоры и начать другие — уже с турками, а они обязательно провалились бы, в чем он был уверен. Обещания и известного рода гарантии со стороны графа Андраши незначительно увеличивали шансы на успех: турки уже так много давали обещаний Европе, которых они не выполняли, не рискуя при этом быть наказанными. Последний фокус такого рода только что подтвердил подобную оценку: Турция, освободившись от угрозы принятия Берлинского меморандума, заявила о перемирии, исключая военные операции вокруг Никшича, тогда как весь смысл перемирия и заключался в нем, а Европа, по-видимому, удовлетворялась этим, да еще хвалила умеренность султана. Ввиду такой обстановки ничего серьезного не могло быть сделано с турками. Затем князь сказал, что положение было таково, что если бы он даже предпринял переговоры с турками и прервал таковые с Сербией, то все равно последняя должна была бы вступить в войну, а тогда и он все равно невольно был бы втянут в нее. В таком случае он должен был бы нарушить соглашение с турками, даже если бы оно привело к приемлемому для самой Черногории компромиссу, и стать таким образом предателем как в глазах своего народа, так и дипломатов.

Расширение территории, на которое ему намекали, уже не могло удовлетворить Черногорию, и князь даже не мог бы его принять со спокойной совестью, предоставляя горькой участи доверившуюся ему Герцеговину. Если бы можно было предвидеть лучшую участь для этой провинции, исправление границ Черногории было бы морально возможным, но без подобной концовки сами черногорцы не согласились бы на него: существует духовная общность между этими двумя частями сербского народа — более мощная, чем полагают. Однако улучшение участи Герцеговины было весьма проблематичным, поскольку Европа предоставила окончательное решение Турции.

Война теперь является совершившимся фактом. Ваша светлость должным образом оценит доводы князя. Я их повторяю без комментариев, но я сделал его высочеству единственное замечание: я не мог не напомнить ему, что обычно откровенный с нами, в столь тяжкий момент он скрыл от нас, так же как и сербское правительство, свои переговоры.

Князь сказал, что он очень страдает от того, что должен был в этом случае хитрить все в тайне от нас, он знал, что правительство его величества нашего августейшего повелителя, с одной стороны, жаждало лишь мира, а с другой — в своем попечении о христианских народах осудило бы всякий рискованный поступок. А так как этого избежать было невозможно, то он думал принять на себя одного, как и князь Милац, всю ответственность за последствия. В то же время, вынужденный держать все в секрете по отношению к другим державам, он должен был неизбежно поступить так же и по отношению к России, поскольку речь уже не шла о том, чтобы просить совета или мнения, а нужно было сообщать уже о совершившемся факте.

Его высочество сообщил мне на этот раз подробности своих переговоров с сербами, но под самой строгой тайной, с просьбой не раскрывать его сообщения сербам.

Ваша светлость были уже своевременно осведомлены о намерении сербского правительства послать посредника в Константинополь, чтобы попросить у Порты управление Боснией. Это намерение не было секретом для князя. Г-н Ристич предлагал одновременно (военное соглашение было уже установлено по телеграфу) князю Николаю послать также представителя к Порте с просьбой отдать Герцеговину на тех же условиях, с намерением немедленно объявить войну, если Порта не сдастся на это требование. Князь отклонил это предложение, находя, что мотивы его нехороши. Он думал в то же время, что сербское правительство, подкрепленное соглашением с ним, хотело опять интриговать в своих собственных интересах и колебалось в своем решении. Поэтому он решительно спросил у сербов, чего они добивались, говоря, что они готовы предать забвенню заключенный и уже, как я думал, подписанный в Фиуме договор, имея, со своей стороны, возможность начать переговоры с Портой о более осуществимых целях. Г-н Ристич ответил ему, что его предложение было лишь предназначено для того, чтобы найти дипломатический предлог для начала войны, и что в назначенный срок тем или иным путем, но сербские армии начнут военные действия.

Что же касается самого договора, подписанного в Фиуме, ваша светлость уже знает

о его содержании: он является лишь пересказом предыдущих проектов — Босния в случае благополучного исхода войны должна соединиться с Сербией, а Герцеговина с Черногорией, линия раздела должна проходить по рекам Наренте и Дрине. Очевидно, что оба княжества условились о полной солидарности на время войны и в случае заключения мира.

С глубочайшим уважением имею честь быть вашей светлости почтеннейшим и покорнейшим слугой

А. Понин

1. После предложения Н. П. Игнатьевым плана умиротворения Боснии и Герцеговины с помощью Черногории (см. прим. 4 к док. 98) князь Николай снова сделал попытку мирным путем добиться удовлетворения своих требований. С этой целью он согласился вступить в переговоры с Турцией и Австро-Венгрией (см. о миссии ген. Г. Родича примеч. 1 к док. 92). Во время приезда в Цетинье 18 января 1876 г. турецкого уполномоченного д-ра Кечета князь Николай заявил о следующих требованиях Черногории: признание ее суверенитета, предоставление выхода к Адриатическому морю (порт Спич и прибрежная полоса между Сутомором и Баром), свободное плавание судов под черногорским флагом по р. Бояне и присоединение к Черногории правого берега р. Морачи (Мало и Велико Брдо) и Служа. Относительно Герцеговины — амнистия повстанцам и проведение реформ при гарантии великих держав. После того как турки отказались удовлетворить черногорские требования, а переговоры в Суторине окончились безуспешно, князь Николай направил Божидара Петровича в Берлин, где в мае 1876 г. состоялась встреча глав правительств Союза трех императоров (см. прим. 3 к данному документу), чтобы на Берлинском совещании попытаться достичь удовлетворения требований Черногории. Петрович прибыл в Берлин с опозданием, когда совещание завершилось, поэтому его миссия оказалась безрезультатной. Это была последняя попытка князя Николая мирным путем добиться удовлетворения требований Черногории (21, стр. 205—208; 102, стр. 203).

2. Переговоры о заключении союза между Сербией и Черногорией были начаты в октябре 1875 г. (см. док. 69). Князь Милан не подписал соглашения, выработанного в ходе этих переговоров. Однако, по мере расширения восстания в Боснии и Герцеговине под нажимом общественного мнения в стране сербское правительство начало подготовку к войне с Турцией и выступило инициатором заключения договора о военном союзе и военной конвенции с Черногорией. С этой целью 12 февраля 1876 г. в Цетинье прибыл Ранко Алимич. Переговоры были безуспешными, так как одновременно с этим Черногория вела переговоры с Турцией (см. прим. 1 к данному документу). 5 марта 1876 г. князь Николай предложил сербскому уполномоченному покинуть пределы Черногории, заявив, что он подпишет договор только тогда, когда окажется возможным начать военные действия. После того как выяснилось, что Турция не удовлетворит требований Черногории, князь Николай в ответ на предложение сербского правительства продолжить переговоры сообщил о своем согласии подписать договор, составленный во время пребывания в Черногории Р. Алимича. Договор заключен 31 мая (12 июня) 1876 г. (102, стр. 198—200, 203—204; 21, стр. 235; 39, стр. 299).

3. В мае 1876 г. в Берлине состоялось предложенное А. М. Горчаковым совещание Бисмарка, Андраши и Горчакова по Восточному вопросу. На этом совещании Горчаков попытался провести свой проект полной автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Однако он встретил ожесточенное сопротивление Андраши, настаивавшем на своем проекте умеренных реформ. Результатом совещания явился так называемый Берлинский меморандум от 1 (13) мая 1876 г., составленный в духе ноты Андраши от 30 декабря 1875 г. К нему присоединились все державы, кроме Англии, которая заявила о его нецелесообразности, о том, что он является вмешательством во внутренние дела Порты и т. п. Вследствие совершившегося в Константинополе переворота этот меморандум не был даже сообщен Порте (текст меморандума см. 76, стр. 140—143, № 21).

4. Андраши пытался при помощи этого обещания использовать Черногорию для ослабления восстания в Боснии и Герцеговине. На самом же деле он решительно противился ее территориальному расширению, особенно за счет Герцеговины (21, стр. 273, 280—281).

№ 139

1876 г. юния 28. — Письмо болгарского общественного деятеля П. Калянджи К. Цанкову о необходимости присылки оружия для болгарских добровольцев

Галац

Добри приятелю г. К. Цанков!

Аз от вас тъй отколе не съм получил писма, щото не знам какво правите и съществува ли и вашата община *, а пай-вече подир вашето и па г. Грудова запирането ¹. На две мои писма до вас и едно до г. Грудова, аз не получих отговор. Вий друг път, ако ми пишете, то пишете ми през Болград, защото така се получават писмата по-скоро.

Защо не пишете до Славянофилското Московско, Петербургско общество за помощ?

От нашите ** не може да се получи пушки. Макар да обещават, но не дават. Те вероятно ще да дадат тогава, когато шкому няма да бъдат нужни, но те разве сега от Сръбско, ако ни отпуснат нещо. Сега видях няколко вагона, натоварени с такива неща, чакаха в Унгеш разрешение от Молдавското правителство; ще отидат за Сръбско.

Дойде ли у вас г. Йонин и какво направил? Какво прави у вас и г. Пахович?*** Пишете нещо за него, да знаеме. Каква довереност му дадохте?

Друг път бъдете по-скъпи на таквизи работи.

Може ли сега у вас да се работи? Не ви ли стеснява правителството?

Аз утре се връщам за Киш[ин]ов. Брат ми Ив. Ив[анов] още е в Сръбско ².

Като ви поздравям братски, оставам ваш предани

П. Калянд[жн]

НБВК — БНА, ф. 5, д. 6, лл. 205—206. Астрограф.

1. Они оба были задержаны в мае румынскими властями в связи с переходом четы Ботева (2, т. I, стр. 425; док. 397).

2. И. С. Иванов отправился в Сербию, чтобы передать собранные в России денежные средства (2, т. II, ч. 1, стр. 33, №82).

№ 140

1876 г. юния 30. — Письмо В. С. Ионина члену Московского славянского комитета С. В. Шаховскому о подготовке к созданию Болгарского центрального комитета и о формировании болгарских дружин

Бухарест

Многоуважаемый князь Сергей Владимирович!

За исключением существующих благотворительных комитетов, как напр[имер] в Болграде и Джурджеве, все прочие здешние комитеты, не имевшие крепкой связи, пришли в расстройство, и члены их разошлись ¹.

* Болгарское человеколюбивое настоятельство.

** От болгар, живущих в Кишиневе.

*** О Паховиче см. док. 167.

Ввиду такого положения дел я должен был побывать в нескольких городах Румынии, и сделанное мною предложение составить снова благотворительные комитеты было принято с полным сочувствием. По приезде же в Бухарест я вошел в сношение с некоторыми богатыми негоциантами из болгар², и в бывшем собрании они решили испросить у румынского правительства дозволение производить открыто сбор в пользу пострадавших семейств. Завтра Болгарский митрополит * с некоторыми из более выдающихся личностей обратится к министру внутренних дел с просьбою, и надо надеяться, что им будет дано желаемое разрешение. По получении такового в Бухаресте, если обстоятельства позволят, предполагается созвать делегатов из вновь учрежденных местных комитетов, и с общего их согласия будет сделано избрание членов в Бухарестский комитет, дабы признать его Центральным.

Если предполагаемая организация комитетов осуществится, то денежное пособие может быть передаваемо впоследствии в Бухарестский комитет; в случае же, если не состоится³, то передача должна будет производиться в тот комитет, деятельность которого будет согласна с требованиями настоящих обстоятельств.

Кроме того, я должен заметить, что в последнюю мою поездку повсюду ко мне обращались с просьбою содействовать к сближению разъединившихся, высказывая в то же время готовность забыть прошлые раздоры и общими усилиями прийти на помощь страждущим. С моей же стороны я уверял, где было возможно, что наши благотворительные комитеты согласно обещанию, данному в Петербурге и в Москве, не откажут в чело-веклюбивой помощи, если только последует серьезная организация комитетов в Румынии⁴. Через неделю я буду иметь возможность сообщить вам, дано ли разрешение правительства, будут ли учреждены комитеты и во скольких городах.

Что же касается выдачи денег, то я еще к этому не приступал, но через неделю, как только вопрос об организации комитетов будет покончен, постараюсь исполнить возложенное на меня поручение и надеюсь, что благотворительность с моей стороны окажет известную долю пользы.

Бежавших семейств из Болгарии здесь покуда очень мало, и будучи удалены от границы скрываются в Балканах; с движением же сербского войска к Виддину, возбуждающего фанатизм, надо ожидать, что старики, женщины и дети перейдут в Молдавию. Восставших считают до 25 тыс., но они дурно вооружены. Формирование в настоящее время болгарских отрядов производится исключительно в Кладово в Сербии, где выдаются ружья и все необходимое⁵. До сих пор из Сербии вышло не более 1500 болгар; такая малочисленность отправившихся объясняется недостатком средств для переправки отсюда болгар в Сербию, хотя волонтеров в Румынии находится до 6 тыс., которые только нуждаются в путевых издержках. Проезд каждого волонтера отсюда до Кладова обходится до 28 франков. Переход же вооруженных отрядов из Молдавии по строгости надзора покуда невозможен.

Быть может, в Славянский комитет явится Пахович с уполномочием из Румынии, то надо быть поосторожнее; таковое уполномочие было выдано некоторыми лицами по заблуждению, а также и вследствие слишком ревнивого желания облегчить бедствия своих соотечественников.

Я был у нашего генерал[ьного] консула, и он мне сказал, что со стороны здешнего правительства не может быть затруднений к допущению санитарного отдела; об этом уже было сообщено в министерство.

Если комитету есть возможность прислать деньги, то векселя могут быть мне доставлены в Бухарест чрез наше генеральное консульство,

* *Папарт Погончанский.*

так как теперь я более буду находиться или в самом Бухаресте, или же где-либо вблизи, так что письма мне будут доставлять отсюда.

Заканчивая письмо, прошу вас не пенять на меня, если иногда не так часто сообщаю о делах. Из настоящего письма вы хорошо поймете, что мне приходится почти все вновь устраивать и при громадных затруднениях, и потому естественно, чтобы можно было предвидеть по крайней мере приблизительно результат предпринятой деятельности, то для этого нужно некоторое время.

Потрудитесь сообщить всё изложенное И. С. Аксакову.

Искренно преданный

В. Ионин

Р. S. Вы, вероятно, получили мою телеграмму, в которой я делал намек на поездку Паховича *.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 100 и об. Автограф.

1. Это замечание касается не благотворительных, а революционных комитетов, существовавших до разгрома Апрельского восстания.

2. В. С. Ионин говорит только о своей встрече с Евлогием Георгиевым (см. док. 136) и вообще с представителями крупной болгарской буржуазии. Он скрывает свои встречи с двумя группировками «молодых», о чем сказано подробно в док. 145. Очевидно, он не желал, чтобы узнали о его связях с «молодыми», пока не будет создан центральный комитет.

3. Очевидно, В. С. Ионин не был уверен, что сможет создать центральный комитет, предвидя ухудшение отношений между отдельными партиями болгарской эмиграции.

4. Стремление В. С. Ионина создать единство между болгарскими партиями осталось тщетным. Разногласия были настолько глубоки, что их не были в состоянии сгладить никакие обещания денежной помощи со стороны С.-Петербургского и Московского славянских благотворительных комитетов.

5. Болгарские добровольцы, принимавшие участие в сербско-турецкой войне, собирались в крепости Кладово, на Дунае, где они получали от сербских властей оружие и одежду.

№ 141

1876 г. июня 30. — Из политического обзора начальника жандармского управления Шавельского и Поневежского уездов И. А. Ордынского начальнику Ковенского губернского жандармского управления И. К. Турцевичу о настроениях местного польского населения в связи с событиями на Балканах

Шавли

Секретно

[. . .] Что же касается до дворян местного польского населения или помещиков, то они, так же как и прежде, хотя фактически ничем не заявляют какой-либо политической неблагонадежности, но вместе с тем чуждаются всякого искреннего сближения с русскою народностью и готовы также тайно преследовать всякие правительственные меры, клонящиеся к обеспечению в будущем здешнего края от всякого вредного польского революционного влияния. События, совершающиеся в настоящее время в Турции, породили в них разные радужные надежды, в основании которых лежит предположение, что Россия, вступив в войну с Турцией, останется так же, как и во время войны 1854—1855 годов, одинокою в своей

* *Помета С. В. Шаховского:* Телеграммы этой я не получал. Сер[гей] Шахов[ской].

политике и навлечет на себя война с другими европейскими державами, чрез что могат измениться существующие до настоящего времени политически отношения между европейскими державами и рушиться ненавистный для поляков тесный союз России с Пруссией [. . .]

Подполковник Ордынскій

ЦГИАМ, ф. 109, 3 экз., 1876 г., д. 31, л. 36 и об. Подлинник.

№ 142

1876 г. юния 30. — Письмо Болгарского комитета в Кладове¹
К. Цанкову о снаряжении и вооружении болгарских добровольцев, прибывающих в Кладово

Кладово

Господине К. Цанков, Букурещ

Имаме пред вид честното ви от 27 того, но имахме чест да видиме и препоръчаните ви г-да Муткурова и Стоянов, които днес заминаха за Неготин, без да покажат ни най-малко желание да се споразумеят с нас, според както ни бележите. Тези и много други като тях господиновци имат, види се работа, много по-високи планове, които ние да узнаем не сме достойни.

Съжаляваме, че не можем да послужим г-ну Иванову * с новини, защото известията идат много по-късно до нас, отколкото другаде.

Колкото за нашите чети² — те вървят много добре и съюзните войски напредват навсякъде. Народът ги присреща с голямо присърце и възхищение и се присъединява с тях. Пишете Каравелову ** у Неготин, той е в състояние да ви снабдява с най-точни подробности.

Колкото загдето ни бележите, че сте били на път да съставите комитет и да влезете в сношения с нас ***, позволяваме си да ви направим няколко бележки, които опитът ни ги препоръчва за практически и полезни.

Гледайте по-първо, щото момчетата, щото идат за тук, да бъдат баре колко годе затегнати откъм дрехи и обуца, защото мнозина от тях пристигват голи и боси.

Всички, които пристигнат тук, се оплакват от настанителите по гарите, че били правили злоупотребления — заради това отреждайте по-верни хора за тази работа.

Преди да ги пращате, понастанявайте ги според приключения устав, защото мнозина от тях зле ни присрамяват.

Ако ви е можно, снабдявайте ги с по един револвер и 100-тина картуши, защото тука освен пушка и мунициция друго не се дава на нашите чети.

За да можеме по-лесно и бързо да работиме, ако ни не снабдите с парични средства, от които имаме нужда, то потрудете се баре, та ни пращайте кожи за царвули, мешини, платно (от чували) за торби, тенекии за вода — неща, които тук не твърде се намират, а и средства нямаме да си доставяме — и с това причиняваме закъсняване при изпращането за граница на четите.

* И. С. Иванов.

** Л. Каравелов.

*** Речь идет о создании БЦБО, которое произошло 10 июля 1876 г.

Отбягвайте частни лични помощи, за да бъде и контролата по-възможна, и злоупотребления да не стават, и накрая не се знае кой яде и кой плаща.

Дозволихме си тези няколко бележки, които опитът ни е научил. Без друго за продължение, поздравяваме ви и оставаме в надежда скоро да ви четем.

Ваши почитатели

Български отбор у Кладово: П. Д. Мишайков, П. Икономов, Н. Панов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 6, лл. 209—210. Подлинник.

Приложение

1876 г. юнь. — Устав българских добровольцев в Кладове

Устав
за българските доброволници
у Кладово

I. Всеки доброволник, щом като пристигне у Кладово, е длъжен да се яви на тукашния отбор, гдето откато изяви желание, че иска да помага на отечеството ни България, ще да бъде приет като *редовен войник*.

II. Веднаж записан, никои вече не може под никакво извинение да напусне четата.

III. Всеки един доброволник е обвезан да се повинява безусловно на назначените нему старейшини.

IV. Онзи, който сее раздор и несъгласие помежду събраните вече доброволни и не се повинява на закона, ще да бъде наказан според извънредния военен закон (даже и със смърт).

V. Никои няма право да работи своеволно, без знанието на отбора.

VI. Всеки доброволник трябва да е *добре облечен и обут*. Тук ще му се дава само *пушка и мунициция за нея, храна и по 50 бана на ден*.

VII. Този устав е само до границата Зайчар, гдето на всяка чета ще се дава водител. Всеки доброволник трябва да изпълнява този устав с верност и воинска строгост, за което ще да подпише саморъчно.

Български отбор — Кладово

п[одписали]

П. Д. Мишайков, П. Икономов, Н. Панов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 6, лл. 211—212. Копия.

1. Для организации и экипировки болгарских добровольческих отрядов в Кладове был создан «Български отбор». Если судить по его составу (П. Мишайков и Н. Панов), идея его создания принадлежит, вероятно, П. Хитову.

2. Было создано несколько отрядов болгарских добровольцев, во главе которых стали воеводы П. Хитов, Ф. Тотю, Сима Соколов, Хр. Македонски, Найдено Пошпилов и др. Генерал М. Г. Черняев, как и сербское командование, на основании недостоверных сведений, что восстание в Болгарии продолжается, считали, что целесообразнее болгарским добровольцам действовать самостоятельно и после сражений с турецкими войсками поспешить присоединиться к восставшим районам и ударить в тыл турецкой армии (81, стр. 23 и далее).

№ 143

1876 г. июня 30. — Из перлюстрированного письма профессора Петербургского университета О. Ф. Миллера И. С. Аксакову о желательности подать адрес Александру II

С.-Петербург

Не думают ли в Москве об адресах? Не мешало бы нестись им со всей России! В начале можно бы пустить фразу о надежде на оберегаемый государем мир, а потом и высказать, что если бы, однако, пришлось его нарушить, то и т. д. Во время польской смуты, подобные адреса озадачили Европу, а теперь они были бы еще уместнее, в отношении даже не к одной Европе. Подайте пример из Москвы. Хорошо бы тут принять участие и университету, так как в настоящем случае смело можно поручиться и за учащуюся молодежь¹.

Помета Александра II: Кто такой?

Помета А. Л. Потапова: Справка доложена его величеству 10 июля в Петергофе.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 442, л. 1. Копия.

1. Русское буржуазно-дворянское общество довольно единодушно выступало против направления официальной русской политики на Балканах. В частности, представители славянофильских кругов (И. С. Аксаков и др.) считали, что общественное давление должно толкнуть правительство к более активной (вплоть до военной) помощи славянам. Этой цели и должна была послужить кампания посылки адресов Александру II, о которой пишет О. Ф. Миллер (59, стр. 41—42).

№ 144

1876 г. июля 1. — Предписание А. Е. Тимашева Н. И. Бухарину представить проект воззвания Одесского болгарского настоятельства о пожертвованиях в пользу болгар

№ 22906

Члены Одесского болгарского настоятельства ходатайствуют о разрешении им приступить к сбору по империи добровольных пожертвований в пользу пострадавших от восстания семейств в Болгарии.

Министерство иностранных дел, с которым было сделано сношение по изложенному ходатайству, уведомило, что с его стороны не встречается препятствия к разрешению упомянутого сбора, но только с тем, чтобы в воззвании, которое пожелает настоятельство напечатать об этом, не были допущены какие-либо политические воззрения на предмет.

Вследствие сего, предварительно каких-либо окончательных распоряжений, по ходатайству членов Одесского болгарского настоятельства, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, сообщить в министерство проект того воззвания, которое настоятельство пожелает напечатать по означенному предмету.

Министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев

Директор Мансуров

ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 1, д. 950, л. 39. Подлинник.

1876 г. юля 1. — Письмо И. Драсова Т. Пееву о борбe с групной К. Цанкова за руководящую роль в Болгарском центральном благотворительном обществе

[Бухарест]

Мили братко!

Интригите и парализирането един другиму работите ще ни унищожат от лицето на земята! Щом стигнах тук, срещнах се с Кавалджиева и Грудова, които действували за вземането на печатницата в наша полза. Удостовериха ме, че ще ни се даде печатницата, само трябва да се направи един журнал *, когото да подпишат притежателите на печатницата, и да си намерим един гарант, който да отговаря за неповреждането на печатницата. Всичко добро, и днес вече трябваше да ми се предаде печатницата. Тая заран се срещам с Грудова, за да ми даде положителен отговор и да почна пренасянето на печатницата, но що за отговор получих? Г-н Цанков подеиствувал пред «старите»¹ да се повери нему гаранцията и да му се даде субвенция **, за да издава своя «Балкан»² на немски, когото трябва ние да му печатаме безплатно. Ето под какви условия ни отстъпят тая палежна печатница. «Това не е възможно», отговарям Грудову, «защото ние мислим да издаваме «Възраждане» няколко пъти през неделята, та освен че ще трябва повече словослагатели, но и пресата не може да изкарва толкова работа». Приложих още, че ако Цанкову се даде субвенция, то и нашият лист, понеже е изключително за народните ни интереси посветен, пише се също и на французки — пътно е и нам да се даде подобна субвенция. С една дума: тия два вестника да станат общи и тогава може би да се печатат в тая печатница (разбира се, че всичко това аз говорих с цел, да видя как са настроени към нас). Грудов ми отговори на това, че е възможно да стане, но трябва да става събрание и пр. От всичко това следва, че работата ще се продължи, а излизането на «Възраждане» закъснява. Що би ме съветвал да правя? Да се отнеса при Андрича, додето се вземе един край, или, ако е възможно, дойди по-скоро тук, за да видим що трябва да правим³.

Цанков и неговите клиенти *** са твърде зле настроени към нас. Но на-против г-н Йонин и по-благоразумните хора като Вазов, Горанов и др. са наши. Цанков ще сам по себе си да падне. Вчера бях с Висковски при Йонина; той не намерил в Цанкова, Кавалджиева и другите никаква положителност. Голяма симпатия има към нашата «тройца»**** и очаква с нетърпение завръщането на Енчева и Миларова. Цанков го посещава всяка вечер и, както разбрах, много му е додеял със своите изтъркани дипломатически фрази. Вчера, напр., щом дойде той при Йонина, дето бяхме и ние с Висковски, ние станахме да си отидем, а Йонин против волята на Цанкова стана с нас. Той (Цанков) нямаше що да прави, принуден беше като . . . да ни последва. Цанков му предлагал да даде рублите⁴ за изпращане на волентири в Сърбия, но Йонин му казал, че тия рубли имат своето място и че додето не се уреди Цен[трален] комитет, няма никому да ги даде. Много и много още глупости вършили пред Йонина: представлявали се за Цен[трален] комитет и пр. Неуки и неразбрани глупци или, по-право, клиентите на Цанкова критикуват твърде глупаво «Възраждане», но умните хора го твърде високо оценяват⁵.

* Протокол.

** Субсидия.

*** Странници.

**** Т. Пеев, И. Драсов, Св. Миларов.

Каравеловата местност * се дава с малка цена под наем, около 12—15 австрийски; ще се вземе до Димитровден. Тя се състои от 6 стаи удобни за печатницата, но за нас, за живеене, не е място там, па най-последо е лесна работа.

Живее в Габровени **. Дойди, ако е възможно, или ми пиши що трябва да правя. С вашето дохождане ще се нареди всичко. Сутре ще ти пиша пак.

Бъди здрав.

Драсов

АБАН, ф. 22, д. 1366. Автограф.

1. Несмотря на то, что К. Цанков был руководителем «молодых», он, как либерал, был склонен к совместной работе со «старыми» и поддерживал связь с ними.

2. Газета «Балкан» выходила в Бухаресте со 2 февраля 1875 г. под редакцией К. Цанкова сначала на румынском языке («Balkanul»), а потом, с 24 сентября, и на болгарском языке, вплоть до 22 ноября 1875 г. Она придерживалась либерально-буржуазного направления.

3. Борьба за типографию «старых» явилась первым признаком ухудшения отношений между двумя группировками в среде правого крыла болгарской революционной партии в Румынии — одной во главе с К. Цанковым, а другой во главе с Пеевым—Драсовым—Миларовым (о ней см. также док. 136 и примечания к нему).

4. Дело идет о деньгах (10 тыс. рублей), которые В. С. Ионин получил от Петербургского славянского комитета для задачи пострадавшим болгарам.

5. Здесь идет речь о борьбе между двумя группировками правого крыла болгарской революционной партии в Румынии за привлечение на свою сторону В. С. Ионина и за овладение руководством будущего центрального комитета. В конце концов победила группа К. Цанкова.

№ 146

1876 г. июля 1. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову с просьбой оказать содействие в укреплении внешнеполитического положения Сербии и предоставлении ей займа

Белград

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Приезжает к вам нарочно г. Протич, которого вы хорошо знаете. Он вам представит все положение дел. Посему мне не следует писать об этом. Но опять думаю, что нужно вас просить размыслить о нашем положении. Мы так далеко зашли, что уже назад нельзя. Дипломатам легко рассуждать на покое о мире. Видели бы они несчастье нашего народа — сербов и болгар в Турции, и тогда пусть судят об них. Знайте, Иван Сергеевич, что вас надувает и обманывает Запад, Австрия враг ваш, как и наш, венгры тоже. Что нам делать? Не слушаться России худо, а послушать теперь ее дипломатов хуже. Если так продолжится, Россия рискует и южные славяне едва ли могут остаться при тех чувствах и взглядах, которые имели до сих пор. Англия не боится помогать туркам и дипломатиею, и деньгами, а Россия не может даже позволить своим богатым людям дать заем Сербии, когда его нельзя было заключить нигде в Европе по проискам врагов, наверху их стоящего Андраши . . .

Михаил Григорьевич *** уже на границе, но его положение тяжело потому, что г. Карцов не смеет благоволить к нему. Измайлов здесь, он

* Квартира Л. Каравелова в Бухаресте.

** Отель в Бухаресте.

*** Черняев.

не может принять участие без позволения русского правительства и посему сидит без дела. Мы делаем последнюю попытку с приездом г. Протича и просим вас покорнейше, как друга, посоветовать ему, что делать, как поступить, чтобы его миссия не прошла даром. Нам нужно благоволение государя, мы им дорожим, не хотим чуждаться России и делать ей вреда. Но в то же время думаем, что нам нужно спастись от гибели, которая нам грозит неминуемо, если не вступим в акцию. Пособите нашему горю, чтобы нас Россия не бросила на произвол врагов наших. Нам нужна ее помощь дипломатическая и материальная без ее убитку. Не понимаем, почему не позволятся заем от частных лиц и учреждений? Это везде позволено.

Считая вас искренним другом своим и нашего народа, я прямо обращаюсь к вам с просьбою пособить горю ныне, когда нам очень нужно ваше пособие.

Призывая на вас благословение господя, с глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашим богомольцем

митрополит Сербский Михаил

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, лл. 12—13 об. Автограф.

№ 147

1876 г. июля 2. — Письмо Н. А. Попова Одесскому болгарскому настоятельству о необходимости активизировать деятельность настоятельства и усилить денежную поддержку Болгарии

В ответ на отношение настоятельства от 23 июня сего года за № 65 * распорядительное собрание Славянского благотворительного комитета¹ сим честь имеет известить, что оно в настоящее время не имеет свободных сумм, которые могло бы обратить на цель, указываемую настоятельством, то есть на воспомоществование болгарским семействам, удаляющимся в настоящее время из Придунайской Болгарии в Одессу и вообще на юг России.

Все суммы, какие собраны были Славянским благотворительным комитетом в Москве, обращены были до сих пор на снабжение хлебом Черногории, а также боснийских и герцеговинских беглецов, выселившихся в Сербию и Далмацию. Перед открытием войны между Сербией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией, с другой, Славянский комитет должен был отпустить значительные суммы комитетам: черногорскому в Цетинье, боснийскому в Градишке, сербскому в Белграде и двум болгарским чрез Галац и Букарешт². В настоящее время, согласно ходатайству Общества попечения о раненых и больных воинах, которое по уставу своему может посылать санитарные отряды только в такие страны, которые приступили к Международному обществу Красного Креста (напр[имер], Сербия и Черногория), и не может посылать таковых в восставшие турецкие области (напр[имер], Герцеговину, Боснию и Болгарию), поручено Славянскому комитету вместе с Петербургским отделом и Дамским комитетом образовать походные санитарные отряды для дей-

* Упомянутое отношение хранится в ЦГИАМ, ф. 1750, д. 77, лл. 75—76 об. В настоящем сборнике опубликовано отношение Одесского болгарского настоятельства, адресованное Петербургскому славянскому комитету, аналогичное по содержанию с отношением в Московский комитет (см. док. 129).

ствий в только что названных областях. Наконец, Московский славянский комитет имеет в виду в непродолжительном времени весьма значительный расход (свыше 100 тыс. руб.), который должен быть употреблен непосредственно внутри восточной Болгарии.

А потому ввиду тех важных, можно сказать, мировых вопросов, которые решаются в настоящее время на Балканском полуострове (ибо комитет верит, что возможно полное освобождение не только Боснии и Герцеговины, но и Болгарии), комитет не может тратить своих средств на содержание семейств, ищущих от русского общества только пропитания. Удовлетворить сих страждущих даже не есть прямая обязанность Одесского болгарского настоятельства, а скорее Славянского общества имени св. Кирилла и Мефодия, которое по уставу своему должно помогать исключительно славянам, прибывшим в Россию или проживающим в ней. Славянский комитет отнесся бы несочувственно даже к Болгарскому настоятельству, если б оно решилось употребить для этой цели те капиталы, которые завещаны ему или собранные им в пользу болгарских школ и церквей. Другое дело, если б эти капиталы употреблены были на освобождение болгарского народа, ибо недавние события показали, что, при зависимом положении болгар, бесполезно тратить деньги на школы и церкви, которые ежеминутно могут быть разорены. Сперва освободите свой народ; тогда он сам подумает и о церквях своих, при помощи иерархии Болгарского экзархата, и о школах, при содействии русской благотворительности. Что же касается содержания болгарских семейств; стремящихся ныне в Одессу и на юг России, то Болгарское настоятельство должно, вместе с обществом св. Кирилла и Мефодия, войти с ходатайством к русскому правительству о принятии на его содержание переселяющихся в Россию болгар, подобно тому как делало это австрийское правительство для босняков и герцеговинцев, переселившихся в его области. Принять всех этих переселенцев на правительственное содержание возможно потому, что правительство будет тут действовать в своей стране, обеспечивая их от ужасов голода; славянские комитеты и им подобные учреждения должны предлагать свою благотворительность исключительно на месте борьбы южных славян с угнетавшим их в течение пяти веков игом. Тут могло бы оказать свою долю пользы и Одесское болгарское настоятельство. Но для успеха в этом деле настоятельство должно отказаться от того образа действия, которого до сих пор держалось.

Мнение распорядительного собрания Славянского благотворительного комитета о деятельности, предстоящей при нынешних обстоятельствах Одесскому болгарскому настоятельству, таково. Настоятельство должно увеличить круг своих членов, привлечь к участию [в] своей деятельности болгар, живущих в других городах России, отрешиться от привычки хранить молчание о своей деятельности, должно обращаться чаще с воззваниями к русскому обществу, печатая их преимущественно в газетах южной России (одесских, киевских, николаевских, азовских, тифлиссских и т. п.), должно сделаться центром всех известий, получаемых частным путем и каким бы то ни было образом, о том, что делается теперь и что будет происходить во всех болгарских областях, и немедленно сообщать эти известия в русские газеты, причем Славянский комитет охотно примет на себя помещение таких известий в московских изданиях. Только при такой расширенной программе действий и при усиленном, ежедневном выполнении ее Одесское болгарское настоятельство может привлечь к себе сочувствие всего русского общества, обрести в нем деятельную помощь и стать в уровень с важностью событий, совершающихся ныне на Балканском полуострове. Действия трех или четырех лиц, до сих пор, и то лишь изредка, обращавшихся к русскому обществу от имени

Болгарского настоятельства, и притом лиц, имеющих другие многочисленные занятия, решительно недостаточны в настоящее время.

Настоятельство должно сплотить около себя все болгарские силы, рассыпанные по России, действовать открыто, энергически и самостоятельно, не испрашивая пособий у других подобных себе учреждений, деятельность которых и без того уже распространена на слишком огромное пространство и едва может поспевать там, где ее требуют. Брать у славянских комитетов средства для пропитания болгарских семейств, переселяющихся в Южную Россию, значит отнимать эти средства у болгар, оставшихся на родине. Настоятельство должно открыть новые источники для удовлетворения тех нужд, которые ему представляются теперь или имеют представиться. Источники эти заключаются в собственной деятельности настоятельства, которая должна быть более предприимчивою и решительною. Если настоятельство не приготовилось к нынешним событиям, то это можно считать горестною ошибкою с его стороны³.

Член распор[ядительного] собр[ания] Слав[янского] комит[ета]
Н. П[опов]

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 382, лл. 1—3 об. Копия.

1. Распорядительное собрание, или распорядительная комиссия, вело все дела комитета. Первоначально оно состояло из трех-четырех человек, с июня 1876 г. число членов увеличилось.

2. Речь идет о комитете «старых» — «Добродетельной дружине» — и о Болгарском человеколюбивом настоятельстве. В Галаце деньги получал В. С. Ионин, который был связан с деятелями Болгарского человеколюбивого настоятельства.

3. Очевидно, позиция Нила Попова и распорядительного собрания заключалась в том, чтобы побудить Одесское болгарское настоятельство направить свою деятельность на превращение настоятельства в политическую и благотворительную организацию болгар в России.

№ 148

1876 г. июля 2. — Политический обзор помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Макарьевском уезде П. С. Перфильева об отношении местного населения к событиям на Балканах и о нежелательности вступления России в войну с Турцией

с. Лысково
Секретно

На основании циркуляра господина шефа жандармов от 14 февраля 1875 года за № 17 имею честь представить вашему превосходительству отчет мой по части наблюдательной.

В настоящее время более всего занимает общественное внимание Герцеговинское восстание. В особенности с тех пор, как три северные державы, согласившиеся между собою, начали более настойчиво действовать в Константинополе.

Общество тревожно смотрит в будущее, основывая свои взгляды на заграничных и русских газетах, оно смотрит на исход дипломатических переговоров и задумывается над тем, что по неизбежной силе обстоятельств Россия может быть вовлечена в войну в такое время, когда менее всего она желательна. Такого рода мнения еще более начали высказываться, когда печальные события в Турции, следуя одно за другим, пред-

ставляли картину весьма мрачную. В дополнение к сему Сербия, а за ней и другие славянские народы могут ринуться в ожесточенный бой, и таким родом возникнет война самая ужасная.

Образованное общество не желает, чтобы Россия приняла участие в войне, исход которой определить нельзя, хотя Россия далеко не та, чем она была 20 лет назад. В ней все изменилось, все обновляется, но обновление это требует жертв правительственных и общественных, и они на глазах всех приносятся. Время и практика указывают на некоторые недостатки, изменения или дополнения того или другого нового. Чего года три-четыре назад было достаточно, теперь стало мало, нужно прибавлять, следовательно, неизбежен новый налог. Словом, все старое с места сдвинуто, а нового хорошего еще не видно. Не видно потому, что слишком широки и быстры стремления современных учреждений изменять старое и вводить новое. Если все старое целые века пребывало в прежнем виде, то в десяток-другой лет нельзя достигнуть нового, вполне хорошего.

Лучшее, всегда передовое сословие — это дворянство, оно беднеет, разоряется не от прихотливой уже бывшей жизни, а от трудности вести сельское хозяйство, от недостатка ограждения своего имущества, от недобросовестного исполнения рабочими принятых на себя обязанностей, от непомерного возвышения цен не только на исполнение каких-либо полевых работ, но даже на предметы первой необходимости.

Крестьянское сословие за некоторым исключением при своем почти бесконтрольном самоуправлении приходит в упадок.

Поэтому как бы Россия сочувственно ни относилась к угнетенным христианам на Востоке, но война для России в настоящее время может быть опасна, по крайней мере при том положении, в каком она теперь еще находится.

Настоящее неопределенное, натянутое положение на все имеет сильное влияние, так, например, находящиеся во временном и бессрочном отпуске нижние чины, заслышав о сборе будто бы войск, оставляют свои занятия, которые иногда обусловлены договором с задатком вперед денег, некоторые из сих чинов по наведении надлежащей справки хотя и возвращаются к занятиям, но некоторые, оставив от места, патаются без дела, а если половина таких нижних чинов оставит свои занятия (а в этой половине наберется до 500 человек на уезд), то такое отсутствие рабочих рук может иметь влияние на сельское хозяйство. Земледелие у помещиков идет плохо, почти безвыгодно. Цены на хлеб в настоящее время при требовании за границу хотя и возвысились, но хлеба уже нет, он продан зимой по низшей цене. Торговля идет тихо, вяло. Процентные бумаги с каждым днем падают. Все это вместе взятое отзывается на общем положении каждого.

Я не смею входить в предначертания правительства и если при настоящем обзоре позволил себе откровенно высказаться, то я говорю все то, что мною почерпнуто из народных отзывов и суждений образованного общества. Сие последнее весьма сочувственно относится к положению славян и готово еще больше помогать им материально в святом их деле, то же общество очень хорошо знает, какое христианское участие принимает в положении страдальцев-христиан наш возлюбленный монарх, но участие обожаемого государя императора встречает противодействие со стороны Англии, которая ныне, как и прежде, весьма враждебно действует против России.

При этом долгом считаю добавить, что то же лучшее общество выражает свое желание, чтобы собравшиеся на политическом горизонте мрачные тучи рассеялись и дали России возможность заняться своими внутренними делами (а их у нас немало), но для сего нужно полное внешнее спокойствие (а не стоять вечно на страже в полном вооружении),

чтобы привести к благу и совершенству все то, что начато и делается на пользу человечества.

Подполковник Перфильев

ЦГИАМ, ф. 109, 3 экз., 1876 г., д. 81, л. 23—26 об. Подлинник.

№ 149

1876 г. июля 5. — Письмо преподавателя Ахтырского уездного училища С. К. Степанека И. С. Аксакову о препятствии местных властей организации денежных сборов в пользу южных славян

Ахтырка

Милостивый государь Иван Сергеевич!

В городе Ахтырке некоторые желали бы поставить кружку для сбора пожертвований в пользу нуждающихся в материальной помощи восточных славян *, но местный исправник в силу какого-то закона исполнение подобного желания не разрешает, а потому я покорнейше прошу вас, милостивый государь, не оставив уведомлением, возможно ли учредить кружечный сбор в публичных местах г. Ахтырки для упомянутой цели.

Прикладывая при сем марку для ответа, имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

Свят. Степанек

Адрес: Учителю уездного училища Святополку Карелевичу Степанеку в г. Ахтырку (Харьковской губ.)

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 59 и об. Автограф.

№ 150

1876 г. июля 5. — Из особого журнала заседания Самарской городской думы об избрании комитета для организации сбора средств и помощи южным славянам

№ 22

Выслушано было предложение гласного П. В. Алабина, заявившего, что в обществе высказывается сердечная потребность не оставаться равнодушными зрителями происходящей ныне на Балканском полуострове борьбы славян с турками, но оказать возможную помощь страждущим братьям нашим по кресту и крови доставкой денег и материалов для вспомоществования их больным и раненым.

Думою единодушно было принято это заявление и постановлено:

1. Послать депутацию к преосвященному Герасиму, епископу Самарскому и Ставропольскому, прося его преосвященство отслужить молебствие господу сил о скорейшем счастливом исходе бедствий Боснии, Герцеговины, Болгарии, Сербии и Черногории.

2. Образовать особый комитет, уполномочив его изыскивать, какие признает за лучшие, средства для подания помощи больным и раненым

---

* Так в тексте.

на театре настоящей войны и семействам их, причем в состав этого комитета избраны:

П. В. Алабин

Л. Н. Яценко

Л. Б. Тургенев [...]*

3. Выдать от думы всем ее гласным подписные листы на сбор приношений деньгами и материалами в пользу страдающих славян с тем, чтобы гг. гласные каждую субботу сдавали ими собранное в распоряжение комитета для отправления по назначению.

4. Предложить комитету каждое за сим собрание думы, прежде чем будет приступлено к рассмотрению очередных дел, докладывать думе о результатах своих действий и избрать из своей среды председателя.

5. О всех действиях комитета публиковать в губернских ведомостях, а равно имена жертвователей в пользу предпринятого дела.

Городской голова Кожевников **

ГА Куйбышевск. обл., ф. 170, оп. 1, д. 94, лл. 162—163. Подлинник.

№ 151

1876 г. июля 5. — Из перлюстрированного письма С. А. Юрьева издателю газеты «Современные известия»¹ Н. П. Гилярову-Платонову об агитации среди крестьян за подписание адреса М. Г. Черняеву

Калязин

Мне, наконец, удалось склонить два уезда подписать адрес, но только не к государю, а к Черняеву и русским сподвижникам его. Под адресом этим желают подписаться все крестьяне, которым я читал и объяснял его. Дворянство против этого: боится, чтобы правительство не приняло это за агитацию, и противодействует подписи крестьян².

Замечательно, что здесь в крестьянстве распространен слух, что государь послал войско на выручку и освобождение славян.

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, 1876 г., д. 172, л. 12. Копия.

1. Газета, близкая по направлению к славянофильству, издававшаяся в Москве (1868—1887).

2. Документ характеризует ту пропагандистскую кампанию, которая велась летом 1876 г. славянскими комитетами и близкими к ним людьми. Пропаганда имела задачей привлечь русских добровольцев в Сербию и собрать деньги на отправку добровольцев и помощь южным славянам. Одним из средств для этого было возвеличение М. Г. Черняева и постоянное привлечение к нему внимания газетной шумихой. Именно этим целям служила издававшаяся Н. П. Гиляровым-Платоновым газета «Современные известия», в которой на протяжении июля—августа постоянно то сообщалось об избрании Черняева почетным членом Одесского славянского комитета, то публиковались поздравительные телеграммы, провозглашавшие его «орудием проявления милости господней к славянскому миру», то сообщалось о фейерверке и сопровождавшей его манифестации в честь Черняева («Современные известия», 1876, № 215, 223, 226, 228, 235). Одним из средств пропагандистской кампании была подготовка адресов Черняеву. В материалах III отделения имеется письмо А. И. Кошелева Н. П. Гилярову-Платонову о сборах денег и подготовке адреса в Сапожковском уезде Рязанской губернии. В этом адресе Черняев изображался выразителем «чувств, желаний и обязанностей» русского человека, делающим то, что хотел бы сделать «царь, войска и весь народ русский», которых «разные препятствия и соображения от того удерживают». Письмо и текст адреса были доложены Александру II, написавшему: «Адрес этот признаю совершенно неуместным» (ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 444, л. 4 и об.).

* Далее перечислено 25 фамилий остальных членов комитета.

** Опущена 21 подпись членов думы.

№ 152

1876 г. июля 6. — Письмо председателя Цетинского комитета помощи герцеговинцам митрополита Иллариона в Московский славянский комитет с просьбой о помощи

Славни Комитет!

Ево брзо година данâ, да се подписани одбор саставио, да се брине о ублажавању невољнога стања хиљада херцеговачкијех фамилија, које прибјегоше испред ватре и ножа турскога на наше земљиште.

Хвала племенитијем осјећајима особито великога, у истини братскога нам народа рускога, који нам није престајао богате помоћи¹ шиљати, и несравнимом пожртвовању народа црногорскога, који је са сред пута на своје огњиште примио луду ђецу и нејаку старост, да их зима не помете, и с'њима кору хљеба дијелио, можемо рећи са задовољством, до се нијесмо узалуд састајали — да смо великој човјечанској цјели нашој до сада одговарали.

Али се одсе удвостручавају вапаји, који од нас помоћи ишту. Црна Гора одпочела је свети рат за ослобођење браће своје од турског варварства, а нејач херцеговачка још је међу нама.

Сиједи родитељи и нејака ђечица јунакâ, који падају за најсветију мисао нашу, остају без својијех хранитеља. Нема светије дужности, нема свеће задужбине, него овој сиротињи сузе отријети.

За то се опет обраћамо на сву нашу браћу славенску, и на све пријатеље ослобођења српскога народа испод тешког турског ига, да нам похитају у брзу помоћ са новчанијем прилозима, како бисмо могли наставити дјело тако свето — као што је блажење невоља мученичког народа, који је одпочео борбу на смрт или живот, за крст часни и слободу златну.

Предсједник одбора за страдајуће Херцеговце

Митрополит Црногорски Илларион

секретар Ш. Ковачевић

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 426, л. 324 об. Подлинник.

Опубликовано в переводе на русский язык в «Московских ведомостях» 25 июля 1876 г. стр. 3, и в «Современных известиях», 27 июля 1876 г., стр. 2.

1. В октябре 1875 г. Московский славянский комитет направил в Черногорию 4,5 тыс. флоринов на пропитание беженцев из Боснии, Герцеговины и Старой Сербии в ответ на просьбу о помощи, изложенную митрополитом Илларионом в письме от 20 сентября того же года (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 426, лл. 283 и об. 286 об.).

№ 153

1876 г. июля 6. — Полномочие, выданное болгарским комитетом в Болграде преподавателю болгарской гимназии Д. Ямболову для участия в учредительном собрании Болгарского центрального благотворительного общества

Болград

Упълномощие

В днешно време революцията е пламнала в България. Огънят пламти буйно. Българските юнаци се предвождат под българските знамена за свободата на отечеството ни. Хиляди българи са лишени от оръжие и

от нужните принадлежности за бой. Хиляди български семейства загиват под немилосърдния турски ятаган; хиляди жени, деца и старци са оставени под никакъв покров и защита и търпят глад и лишения от всичко.

Като виждаме всичкото това пред очите си, ние, долуподписаните, членове на тукашния Болградски революционни частни комитет български, побудени от светлата си длъжност към нашето поробено отечество *България*, се затичае на помощ на нашите родни братя българи. Ние чувствуваме голяма и крайна нужда за подновяването и съставянето на един Централен български революционни комитет тук, в свободна Румъния, дето живеем свободно, който да ръководи всичките работи, които се отнасят за спомагане на освобождението на милото ни отечество. Побудени от такава свята длъжност и повикани от Букурещ чрез г. Енчева, ние си изпровождаме нашия представител на общото събрание, г-на Д. Ямболова (професора по физиката на нашата гимназия), който ще представи в лицето си тукашния наш български комитет в общото заседание, в което ще се състави и нареди Централният български комитет.

Всичкото, което направи г. Ямболов, ще е направено в наше име и ще бъде прието и одобрено от нас.

Ив. Иванов, Д. Кралимарков, В. х. Маринов, Н. Николаев, В. Радионов, Д. К. Мумджиев, И. х. Иванов, П. Н. Илиев, М. Мумджиев, Н. Радионов, поп Андрей Параладов, Х. Камбуров, Петър Фитов, Иван Мумджиев, Георги Абаджия Конеv, К. Тулешков.

НБВК—БИА, ф. 56. II Д 1303. Подлинник.

№ 154

1876 г. юля 7. — Письмо М. Р. Протича И. С. Аксакову о формировании для Сербии санитарных отрядов и о переговорах с А. М. Горчаковым по поводу размещения сербского займа

С.-Петербург

Почтеннейший Иван Сергеевич!

Я перед вами виноват и прошу извинения, что до сих пор об себе ничего вам не написал и даже на ваше для меня весьма приятное письмо только теперь отвечаю. От всей души благодарю и вам и вашей супруге за рекомендательные письма, ибо они мне дали возможность проникнуть в самое высшее общество и обратить внимание и самого двора. Камерфрейлины Тю[т]чева и Пилер * ревностно занялись за санитарный отряд, что и увенчалось успехом. Через две недели посылается отряд из 6 докторов, 6 фельдшерей и 13 сестер милосердия во главе княгини Шаховской. Точно так же и Слав[янский] благотворительный комитет отсылает в Сербию: 4 доктора и 5 женщин на свой счет. За все сие вами и вашей супруге обязан.

Вследствие вашего весьма полезного предложения я шифрованной депешей обратился [к] министру финансов г. Јовановићу, чтобы мне прислал *временные признания* ** народного займа, ибо они у меня находятся только на 25 тыс. франков. И вот что мне ответил шиф[рованной] депешей: поблагодарите Аксакова за его братское усердие, но прислать

* По-видимому, неверно указана фамилия камерфрейлины Пиллар.

** Временные квитанции (сербск.).

вам привр[емене] признанице не считаю нужным, во-первых, потому, что вы имеете генеральное полномочие и можете выдать облигационное обязательство г. Аксакову на целую сумму от 50 тыс. руб., а он с своей стороны может другим квитанции выдавать, а во-вторых, что через две недели пришлю вам настоящие облигационные обязательства, которые уже в печат[ке]. Так вот, почтеннейший и добрейший Иван Сергеевич, в чем дело состоит. Ра[с]судите сами, как этому быть, и посоветуйте мне, я во всем ващими братскими советами буду следовать. Что касается при мне находящихся 25 тыс. франковых привременных обязательств, я в состоянии тотчас прислать вам их, но немножко неудобно, что через некоторое время надобно их заменять новыми. Одним словом све * то, что вы найдете нужным, я сделаю; ибо скорейшая помощь в деньгах оказывается необходимою.

Что касается собственно моей миссии, она на днях приняла свой законный вид. До приезда государя императора и князя Горчакова нельзя было ничего сделать. На днях был я у князя канцлера, и он мне объявил, что позволяют мне заключить заем, но без свакого ** прямого или косвенного участия правительства; ибо дав слово союзникам не вмешиваться, Россия должна сдерживать его и сдержит. При таком огромном сочувствии русской публики к сербским и славянским делам, которое, может быть, до сих пор в такой мере направлялось, продолжает канцлер, устройте ваши дела, как знаете и можете и если получите не 6, но 100 миллионов рублей, нам очень будет приятно, но само правительство вам ни гроша не даст, ибо против наших советов начали войну, так теперь и самый выпутывайтесь как знаете: насчет лучшей будущности Сербии не только не вынес из кабинета министра иностранных дел утешений, но, напротив, вышел оттуда в отчаянии. Если даст бог увидимся, поразговариваем.

Насчет ружья, которое купили в Берлине, мне дано обещание, что пропустят, ибо по законам русским ввоз и вывоз не запрещен, но только беда в том, что Валахия не пропускает.

Князь Оболенский мне очень полезен, а князя Васильчикова, к несчастью, не застал, он уехал в деревню.

Должен вам признать, что в публике и в вашем обществе сочувствие огромное к славянским делам, но насчет денег, дай бог, чтобы что-нибудь можно было сделать, многие мне советуют ехать в Москву, там есть богатые купцы, говорят, и я знаю, что опять вы мне об этом советовали!

Значит получив разрешение от министра иностранных дел, надобно приступить к делу и увидим, что из свего *** этого выйдет.

Ваши советы для меня теперь необходимы более, чем прежде. Третьего дня получил телеграмму от г. Ристича — шифрованную, в которой поручает мне сообщить кабинету, «что если состоится заем и получим ружье из Берлина, самая блистательная будет победа над турками». Был я у генерала Трепова, какой милый русский человек. Обещал всевозможные поддержки и сказал мне, что мы вас без денег не пустим и было бы стыд и срам для России, если бы это случилось. Я очень доволен его приемом и обещаниями.

Впрочем, примите мой сердечный поклон и кланяйтесь вашей супруге. А также мой поклон Нилу Попову.

Искренне вам преданный

Милослав Радойкович Протич

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 280. Автограф.

* Все.

** Всякого.

*** Всего.

1876 г. июля 8. — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову
о состоянии сербской армии и начале военных действий против
Турции

№ 46

Belgrade

Avant d'entamer l'énumération des rencontres qui ont eu lieu jusqu'à ce jour et des résultats obtenus de part et d'autre, je prendrai la liberté d'anticiper sur les faits eux-mêmes en soumettant très humblement à votre altesse quelques observations générales auxquelles ont abouti mes plus soigneuses recherches de la vérité.

Considérant leur noviciat dans l'apprentissage du métier des armes, on peut dire que les serbes se comportent au feu d'une manière satisfaisante, à l'exception cependant des milices valaques tirées de la partie nord-est de ce pays, habitée par l'élément roumain. Dans l'armée du Timok il présente un contingent de toute une brigade (près de six mille hommes) et forme en outre plusieurs bataillons de celle de Morava. L'odeur de la poudre semble leur inspirer une horreur invincible et la première fusillade leur fait prendre la fuite par compagnies entières. Des officiers du colonel Leschianine durent en tuer plusieurs avec leurs propres revolvers pour ramener au feu le reste des fuyards; le général Tcherniaew en fit fusiller plus de dix; mais ces exécutions exemplaires n'ayant point abouti à les guérir de leur poltronnerie; le prince a finalement donné l'ordre de les repartir dans tous les trains pour le transport des munitions et des vivres, en donnant leurs armes à la réserve déjà mobilisée, mais qui faute de fusils n'avait pas encore pu entrer en ligne.

Parmis les serbes eux-mêmes il ne serait pas inutile de faire certain distinction entre les hommes tirés des parties montagneuses du pays et ceux de la plaine. Au nombre de ces derniers la brigade de Belgrade a déjà donné jusqu'à ce jour de nombreuses preuves de vaillance.

Quant aux montagnards, certains bataillons d'entre eux, toute en faisant bonne contenance au feu le plus meurtrier tant qu'ils ont devant eux quelque abri, soit entièrement fictif comme buissons ou maïs, ont été souvent très indécis dans l'attaque lorsqu'il s'agissait de franchir sous la mitraille des espaces découverts.

La discipline des milices laisse beaucoup à désirer.

Le chef de la compagnie (черовођа) est généralement un paysan du même village et tout aussi ignorant que les hommes placés sous ses ordres; de là des rapports de familiarité très préjudiciable à la subordination. Chaque commandant de compagnie a pour adjoint un sous-officier de l'armée régulière. Si grande est la pénurie en officiers ayant achevé leurs études militaires, que l'on a eu de la peine à en trouver un pour chaque bataillon, en y adjoignant seulement un élève de l'école militaire de Belgrade licencié à l'occasion de la guerre.

Les milices étant encore peu familiarisés avec les signaux de la trompette et du tambour, cette ignorance a donné lieu dès le début de la campagne à plusieurs incidents facheux pour les serbes. En outre ils n'ont presque pas de tentes et couchent à la belle étoile, ce qui contribue à enrouiller leurs fusils qu'ils ne savent pas tenir en bon état. Il en résulte que le tir des troupes ottomanes est plus meurtrier que celui de leurs adversaires.

Par contre, l'artillerie princière quoique de calibre inférieure aux pièces ennemies a déjà donné de nombreuses preuves de la supériorité, tant dans le pointage, comme par la qualité même des projectiles; ceux des turcs tombant sans presque jamais éclater. Chaque canon serbe, outre les miliciens

qui y sont attachés, est desservi par deux artilleurs de profession tirés de la troupe régulière.

L'intendance est dans un piteux état. Il y règne la plus triste confusion. Pour en citer un exemple, il me suffira de rapporter que les trois premiers jours après le passage de la frontière par le général Tcherniaew, son armée resta entièrement dépourvu de pain et de biscuits et dut se nourrir du bétail enlevé aux turcs.

Le service sanitaire commence depuis quelques jours à s'organiser très péniblement avec le concours patriotique de tout le pays, ainsi qu'à l'aide de quelques étudiants en médecine venus de Russie, de Suisse et d'Allemagne. Le premier convoi de blessés arrivé à Belgrade jeta les dames de l'association de la Croix Rouge de cette ville dans une perplexité indicrutable. Elles durent à la hâte s'organiser à la charité des habitants pour compléter le nombre des lits et le reste du matériel d'hôpital nécessité par la circonstance. Toute fois il n'y a pas encore au-delà d'un seul médecin pour cent vingt malades et toutes les amputations faites jusqu'à ces jours ont amené la mort des patients, ce qui ne témoignerait guère en faveur du talent des praticiens.

Le nombre des blessés soignés sans toute la Serbie y compris quelques turcs arrive déjà à deux mille quatre cents sans qu'il y ait eu encore d'engagements bien sérieux. Le chiffre trop considérable s'expliquerait en partie par l'inexpérience des chefs, ainsi que par certaine confusion qui se met parfois dans les rangs de soldats menés à un premier feu.

Comme exemple frappant de l'incapacité des certains officiers je pourrais citer la prise d'un blockhouse frontière cerné par des troupes serbes et défendus par une quinzaine de nizams. Ces derniers malgré leur extrême infériorité en nombre refusaient de se rendre et continuaient à frapper l'ennemi par les meurtrières de leur retraite. Après quelque pertes entièrement gratuite les assiégés amenèrent du canon pour battre le fortin en brèche; celle-ci une fois ouverte le commandant serbe lança des hommes à l'assaut sans cependant arrêter l'action de la batterie, ce qui placa ses propres soldats entre deux feu. Les quinze nizams périrent tous jusqu'au dernier, mais la victoire fut achetée par les serbes aux prix d'une quarantaine de morts et de soixante blessés.

Quant à la disposition générale des esprits, tant dans les villes que dans les campagnes on ne saurait assez admirer l'élan patriotique qui semble avoir uni tous les coeurs en un seul pour donner chaque jour de nouvelles preuves de l'abnégation la plus parfaite et d'un remarquable dévouement à la cause nationale.

Plus de parties, plus de querelles, plus de procès. Les juges attachés aux circonscriptions militaires sont réunis à l'oisiveté, en attendant qu'ils puissent être employés à l'organisation administrative des provinces ottomanes convoitées par le programme politique de la Serbie.

La loi sur les réquisitions, mis en vigueur par l'état de siège, a été dès le début entièrement paralysée et même débordée par l'abondance des dons volontaires de cette population déjà épuisée par l'emprunt forcé. Beaucoup de familles d'ordinaire relativement aisées, couchent sur la paille et manquent de vaisselle et de linge, s'étant dépouillées du nécessaire au profit des hopitaux.

La mobilisation de la réserve, ou troisième classe, s'est faite avec une rapidité surprenante, et un bon nombre de ceux ayant droit à l'exemption complète ont au dernier moment insisté à en faire partie.

Cette troisième classe offre un nouveau contingent d'environ quatre-vingt dix mille hommes. Malheureusement on manque de fusils pour en armer plus de la moitié, ainsi que pour faire participer à la lutte de nombreu-

ses bandes de bulgares et de bosniaques qui sont venus se joindre aux armées serbes sur la Morava et sur la Drina.

Ainsi dans un pays de douze cent mille âmes il y a près de deux cent vingt mille hommes dans les camps. Le reste de la population contribue à l'oeuvre patriotique dans la mesure de ses forces — jusqu'aux petites filles de huit ans qui aident dans la citadelle de Belgrade au confectionnement de cartouches.

J'ai l'honneur etc.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, лл. 67—71. Копия.

Перевод

Белград

Прежде чем приступить к перечислению встреч, состоявшихся до сего дня, и результатов, достигнутых той и другой стороной, я позволю себе остановиться на самих событиях, покорнейше представляя вашей светлости несколько общих замечаний, к которым привели меня самые тщательные поиски истины.

Принимая во внимание неопытность в военном деле, можно сказать, что сербы ведут себя под огнем удовлетворительно; исключение составляет валашская милиция, набранная в северо-восточной части страны, населенной румынами. В Тимокской армии они составляют целую бригаду (около 6 тыс. человек), и, кроме того, из них сформировано несколько батальонов Моравской армии. Запах пороха внушает им, кажется, непреодолимый страх, и при первой же перестрелке они побежали целыми ротами. Офицеры полковника Лешанина вынуждены были лично расстрелять нескольких, чтобы вернуть остальных беглецов; генерал Черняев расстрелял более десятка, но эта наглядная мера не смогла излечить их от трусости; в конце концов князь отдал приказ отправить их обратно в поездах для боеприпасов и провианта, раздав их оружие резервистам, которые уже мобилизованы, но не могли вступить в бой из-за отсутствия оружия.

Среди самих сербов важно различать людей из горных и равнинных районов страны. Белградская бригада, состоящая из последних, уже дала многочисленные доказательства своей боевой доблести.

Что же касается горцев, то некоторые их батальоны не теряли самообладания под смертельным огнем, даже когда они имели перед собой лишь фиктивное заграждение в виде кустарника или маиса, но часто бывали нерешительны в наступлении, если нужно было пересечь под картечью открытую местность.

Дисциплина милиции оставляет желать много лучшего.

Командир роты (четовођа) — обычно крестьянин из этой же деревни и такой же несведущий, как и люди, находящиеся в его распоряжении; отсюда фамильярность в отношениях, вредная при наличии субординации. У каждого командира имеется помощник, унтер-офисер регулярной армии. Нехватка офицеров, получивших военное образование, так велика, что с трудом нашли необходимое число, чтобы отправить по одному в каждый батальон, прикомандировав еще одного учащегося из Белградской военной школы, выпущенного по случаю войны.

Милиционеры еще не освоились с сигналами трубы и барабана, это невежество с самого начала кампании послужило причиной многих досадных для сербов инцидентов. Кроме того, у них почти нет палаток, и они спят под открытым небом, отчего их ружья, которые они не умеют держать в порядке, ржавеют. В результате огонь турецкого войска более смертоносен, чем огонь их противников.

Напротив, княжеская артиллерия, хотя и уступает в калибре вражеской, но уже дала многочисленные примеры своего превосходства как в наводке, так и по качеству снарядов по сравнению с турецкими, которые почти никогда не взрываются. Каждая сербская пушка, кроме милиционеров, обслуживается двумя профессиональными артиллеристами из регулярных войск.

Интендантство находится в плачевном состоянии. Здесь царит весьма печальная неразбериха. В качестве примера достаточно будет сказать, что первые три дня после

перехода границы генералом Черняевым его войска оставались без хлеба и сухарей и должны были питаться скотом, захваченным у турок.

Несколько дней тому назад с большим трудом начали организовывать санитарную службу — при патриотической поддержке населения всей страны, а также с помощью студентов-медиков, прибывших из России, Швейцарии и Германии. Первый обоз раненых, прибывший в Белград, привел дам из общества Красного Креста этого города в неопишное замешательство. Они вынуждены были спешно обратиться к милосердию жителей, чтобы пополнить число коек и оборудование госпиталей, необходимые в таких условиях. Сейчас имеется только лишь один врач на 120 больных, и все ампутации, сделанные до сегодняшнего дня, кончились смертью пациентов, что не говорит в пользу способностей практикантов.

Количество раненых, находящихся на излечении, включая и нескольких турок, достигло уже 2400 человек по всей Сербии, хотя до сих пор еще не было очень серьезных боев. Весьма значительное число раненых частично объясняется неопытностью начальников, а также некоторым замешательством в рядах солдат, получающих первое боевое крещение.

Примером поразительной неспособности некоторых офицеров может служить взятие пограничного блокауза, окруженного сербскими войсками и защищаемого 15 низамами. Последние, несмотря на численное превосходство сербов, отказались сдаться и при отступлении продолжали наносить удары противнику через амбразуры. После нескольких досадных потерь осаждающие подвели пушку, чтобы пробить брешь в укреплении; когда же был открыт проход, сербский командир бросил на штурм солдат, не прекратив огонь своей батареи, что поставило его собственных людей под перекрестный огонь. 15 низамов погибли все до одного, но победа досталась сербам ценою гибели сорока человек и шестидесяти раненых.

Что же касается общего настроения умов как в городе, так и в деревне, то нельзя не восторгаться тем патриотическим порывом, который, кажется, объединил воедино все сердца, чтобы каждый день показывать новые примеры совершенной самоотверженности и беззаветной преданности национальному делу.

Нет более сторон, нет тяжб, нет процессов. Судьи, прикрепленные к военным округам, бездействуют, ожидая того времени, когда они смогут быть использованы при административной организации оттоманских провинций, намеченных в политической программе Сербии.

Закон о реквизициях, введенный в действие в связи с осадным положением, с самого начала был совершенно сведен на нет и даже перевыполнен избытком добровольных приношений населения, изнуренного уже принудительным займом. Многие семьи, обычно довольно зажиточные, слят на соломе, отказывают себе в посуде и белье, отдавая все необходимое в пользу госпиталей.

Мобилизация резерва или третьей очереди была произведена с поразительной быстротой, и многие из тех, кто имеет право на полное освобождение от службы, настаивали на их мобилизации в последний момент.

Эта третья очередь представляет контингент около 90 тыс. человек. К несчастью, нехватает ружей, чтобы вооружить более половины набора, а также вооружить многочисленные болгарские и боснийские отряды, прибывшие для соединения с сербской армией на Мораве и Дрине, чтобы дать им возможность принять участие в борьбе.

Итак, в стране с населением в 1 млн. 200 тыс. душ имеется армия почти в 200 тыс. человек. Остальное население способствует патриотическому порыву в силу своих возможностей, даже восьмилетние девочки помогают в белградской крепости изготовлять патроны.

Имею честь и пр.

1876 г. июля 8. — Письмо А. Н. Карцова Н. П. Игнатьеву
о вооружении сербской армии и ее первых военных действиях
против Турции

Белград

Частное и доверительное

Многоуважаемый Николай Павлович!

Приношу вашему превосходительству искреннейшую благодарность за милостивые строки от 29 июня и за столь заботливо сообщаемые мне сведения, полезные для сербов. Ристич уже не знает, как выразить вам свою признательность и за сведения, которые он немедленно передает по телеграфу князю в Парачин, и за мощное заступничество по части финансовой и пред румынами. Все дело теперь в деньгах, свинце и ружьях. Свинцу они уже несколько достали дорогою ценою через австрийских контрабандистов; ружей они на днях купили в Лютихе пока только тридцать тысяч, которые морем повезут до Риги, а там через Россию в Румынию, в надежде, что ваше за них ходатайство смягчило валахские сердца и что товар будет пропущен. Когда первый опыт окажется удачным, то вышлют еще.

Об деньгах пишет из Петербурга Протич Ристичу, что разрешают всякий заем, но без малейшего участия нашего правительства. Как заметите из моего донесения № 47, обо всех этих пособиях упоминаю только вскользь и все сваливаю на вас. Об князе не говорю ни слова, чтобы не портить общего впечатления в пользу дела. Но, *entre nous* *, что сказать хорошего об молодом князьке, который, вместо того чтобы ездить от одной армии к другой и ободрять своим присутствием, не слыхал еще ни одного пушечного выстрела и только сытно питается в своей главной квартире. Положим, что ему не следует напрашиваться на пули, но *est modus in rebus* **. Надеюсь, что, может быть, покажет себя в какую-нибудь решительную минуту. Княгиня дело свое делает, занимается госпиталями, шьет бинты и щиплет корпию.

В официальной моей экспедиции найдете все, что возможно было собрать сведений о настоящем положении дел. Хотелось бы дать лучшее понятие о сербском воинстве, но и то, что есть, не совсем плохо. Раз навсегда прошу вас не верить турецким известиям, хотя и сербские официальные источники с грехом пополам, но все же в них всегда есть *un fond de vérité* ***. Из этого изволите усмотреть, как трудно, хотя находясь на месте, узнавать истину. Жадно расспрашиваю возвращающихся с театра войны, собираю официальные и сообщаемые Ристичем конфиденциальные данные, слушаю недоброжелательные отзывы Вреде и К^о и уже из всего этого составляю себе более ясное и точное понятие о событиях.

Новиков счел, вероятно, своим правом не передавать вам моих телеграмм, между тем как *Buchanan* и *Vogüe* предложили здесь своим агентам свои услуги для передач и телеграмм Эллиоту и Бургуану. Но бог с ним. Великое вам спасибо за то, что придумали Литсберга. Оно хоть и долговато, часов 36, но всегда верно. Часто вам не телеграфирую потому, что

* *Между нами (фр.).*

** *Положение обязывает (лат.).*

*** *Доля правды (фр.).*

это время важного ничего не было. А когда будет, то не упущу из вида вам сообщить.

Сейчас получаю таинственное извещение от Ристича, что 6-го Черняев *инкогнито*, с частью своей армии напал на турок на Тимоке, вероятно, с частью войск Лешанина, который ныне также поставлен под его начальство. Черняев выбил Османа-пашу из трех позиций, но тут подоспела царьградская гвардия, и он одну за другою должен был возвратить туркам. Дело не важное и таких на Тимоке было уже много, с переменным для той или другой стороны счастьем. Но важно тут нравственное впечатление неудачи Черняева. Оттого сербск[ое] правительство хранит присутствие Черняева в этом деле тайною и надеется, что турки не знают, что имели дело с ним. В официальном же бюллетене будет только упомянут Лешанин. Ристич сказал мне, что главная армия Черняева все еще на Бабиной Главе.

Об этом протелеграфирую несколько слов сегодня прямо канцлеру. Вы же получите это письмо с Гвоздинским в воскресенье, почему и не нахожу нужным слишком спешить сообщением вам такого не совсем приятного известия. Черняева я вовсе не понимаю. Зачем приехал он в Сербию, зачем так резко прервал все связи с Россиею? До сих пор сербы многого от него еще не видали. Многие жалуются на Беккера, у которого Черняев, как говорят, совершенно в руках. Беккер ссорит между собою офицеров, интригует против всякого, с кем начинает сближаться Черняев, одним словом, взводит против себя общую товарищескую ненависть, что начинает отражаться и на самой популярности Черняева.

Все эти сплетни не представляют ничего политического, почему и не упоминаю об них никому в Петербурге и убедительно прошу вас оставить их между нами, так как я отнюдь не желал бы вредить ни князю, ни бедному Черняеву. В этом последнем деле пал в сражении Николай Киреев, который, вероятно, был вам известен как муж одной из самых красивых русских женщин, урожденной Несвицкой. Проездом через Белград он у меня обедал, был очень весел и говорил, что только съездит посмотреть, что делает Черняев. Мне его очень жаль. Князь велел митрополиту отслужить по нем в соборе торжественную панихиду, при которой будет участвовать княгиня.

Получаю сию минуту расшифровку вашего телеграмма об сражении при Паланке. Тут Черняева не было, а был Стратимирович, который действительно дрался плохо и отступил, за что его и выгнали из службы. Но дело было без особенной важности. А что турки хотят вступить в княжество, в том не сомневаюсь, но пустят ли их, that is the question *. Быть может, сербы нарочно заманят их до Св. Петки.

До Базиаша еду вместе с Гвоздинским, а там в Вену, куда везу свою экспедицию и где намереваюсь отдохнуть три дня. Наипозднее буду обратно в Белграде в четверг 15-го. Если по временам не освежиться, то можно здесь вовсе заболеть и сбиться с толку от здешней ерунды. В шестидневное мое отсутствие Лодыженский будет вполне исполнять, что за меня следует. Я буду очень рад видеть у себя на несколько дней князя Церетелева, с которым мы старинные приятели. Пришлите его при первой курьерской надобности. Но прикомандирование его сюда было бы великою обидою для Лодыженского, который уже целый год работает, как лошадь, и поставил себе задачею честолюбия одному справиться до конца кризиса. В прошлом ноябре в Петербурге я говорил канцлеру о необходимости мне помощника и дано было на это согласие, о чем узнав, Лодыженский так обиделся, что я должен был от претензии этой отказаться.

---

* В этом вопросе (англ.).

Простите великодушно эту безграмотную каллиграфию, усерднейшие поклоны от моей жены и целую ручки Екатерины Леонидовны.

С глубоким почтением и душевно преданный вам

А. Карцов

ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. 3094, лл. 76—79 об. Автограф.

№ 157

1876 г. июля 9. — Письмо председательницы Болгарского благотворительного женского общества ¹ Е. Д. Ценович в Московский славянский комитет с просьбой о помощи болгарскому народу

Бухарест

Многоуважаемый одбор славянского комитета
в Москве!

Ако и да нас разделя доста едно велико пространство земя, но виждаме по славянските вестници, че от ден на ден съчувствието на славния руски народ расте все повече и повече към българския народ. И ще дойде време, когато и ние българите, които сме от същото поколение, народност и вяра да придружим на общото славянско племе, само ако небесното проведение и със помоща на нашите еднокръвни братя славяни, които са се сериозно завзели днес да ни помагат морално и материално и да ни избавят от турското несносно иго, което скоро от 5 века угнетява милия ни народ, робят и колят немилно, както за сигурно държим да сте се научили за катадневните клания на жени и деца що извършават турските варвари днес по цяла България.

Дознахме, че човеколюбивите жители на златокровна Москва, която като стара столица, чрез Славяния отбор завзела се е сериозно да помогне и да поддържа жалостното положение на българския народ, който днес [е] поробен от турските башибозуци и черкези. Опустошени са цели провинции, села и градове и повече от жителите. Деца и жени скитат се по горите и плаините лишени от насыщния хляб. Затова ние, долуподписаните, съставихме едно благотелно женско дружество в Букурещ, на което ви притваряме устава и започпахме да събираме помощи, за да утешим страждующите фамилии; и уверени във вашата благосклонност към българския народ, дерзнахме да се отправим и до вашия многоуважаемий отбор на Славяния комитет, и молим покорно, ако е възможно, да подкрепите това наше дружество с каквито би благоизволили помощи, за да можем и ние от наша страна да помогнем тези злощастници, които под ведрото небе, без домове, без средства и даже без хляб изложени са на по—грозна смърт.

Напълно уверени, че ще ни прострете братската ръка [на] помощ, в надежда чакаме вашите щедри помощи. Приемнете молим Ви нашите сърдечни почитания.

За Благотелно[то] женско дружество председателка

Екатерина Д. Ценович

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 103 и об. Подлинник. Печать: Благотелно женско дружество. Букурещ, 1876.

Опубликовано в переводе на русский язык в «Московских ведомостях» 25 июля 1876 г., стр. 3 и в «Современных известиях» 27 июля 1876 г., стр. 2.

1. Болгарское благотворительное женское общество основано 1 июля 1876 г. под влиянием «молодых» (2, т. II, стр. 40, № 113), о чем своевременно были осведомлены комитеты в Румынии и Николаеве (см. док. 183). «Старые» также создали (15 июля) при Человеколюбивом настоятельстве женский комитет или секцию под председательством Елизаветы Пулиевой (2, т. II, стр. 52, № 156; стр. 57, № 185).

№ 158

1876 г. юля 10. — Протокол учредительного собрания Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте

А К Т

за избирането членовете
на Централното българско благотворително общество в Букурещ

Ние, долуподписаните, упълномощени представители на частните български благотворителни общества в Румъния, призовани от г. Владимира Семеновича Йонина, за да основем в Букурещ едно Централно българско благотворително общество, което да има право да ни представлява навсякъде, гдето е нужн[о], събрахме се днес, на 10 юлия 1876 г., в Букурещ и решихме с общо съгласие да изберем за членове на това Централно общество следующите лица:

За почетен председател:

Владимир Йонин

За председател: К. Цанков

» подпредседател: Ив. Грудов

» касиерин: Г. А. Григоров

» секретар: П. Енчев, С. Загорски

За членове:

Ив. Кавалджиев

Г. Золотов

С. Атанасов

х[аджи] И. Теодоров

Ив. М. Вазов

П. М. Петров

П. Хр. Висковски

Ангел Т. Рунта

Като имаме пълно доверие към гореречените избрани лица, ние им даваме тоз наш одобрителен [ак]т, потвърден с подписите ни, за да имат пълно право да ръководят обществото към неговата човеколюбива цел, като припознаваме всичко онова, което те извършат за в ползата му от името ни.

Упълномощени представители:

На Гюргевска община: П. Хр. Висковски, D. L. Iconomof

На Болградска община: Д. Ямболов

На Крайовска община *: Д. Г. Зеновски

На Слатинска община: А. Д. Катранов I. Vassilofu

На Галацка община: Р. Танасов

На Турно Магурелска община: П. Д. Катранов

Плоещ[ки] представител: Райчо П. Гръблов

Браилски представител: Сава Д. Мънзюв

Търговище: Хр. х[аджи] Николаев

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, лл. 9—10. Подлинник (текст поврежден).

* В оригинале краевска.

№ 159

1876 г. юля 10. — Устав Болгарского центрального благотворительного общества

У С Т А В

на Централното българско благотворително общество
в Букурещ

Чл. 1. Целта на Обществото е да събира доброволни материални помощи за в полза на нещастни, пострадали и нуждающи се българи ¹.

Чл. 2. Обществото се управлява от един председател, един подпредседател, един касиерин, един секретар и неограничено число членове, които са избрани и упълномощени от страна на представителите на частните благотворителни български общества в Румъния.

Чл. 3. Управлението на Централното общество ще се обръща публично чрез печата с възвания за помощи към всички, без разлика на вяра и народност, а също и към всички частни български и чуждестранни благотворителни общества.

Чл. 4. Управлението на Централното общество ще записва помощите, които постъпват в обществената каса, и ще дава разписки на жертвувателите срещу получените суми с подписа си.

Чл. 5. Управлението на Централното общество ще спомага материално от събраните суми само на ония българи, на които те се убедят, че е необходимо да се помогне.

Чл. 6. Управлението на Централното общество ще държи заседанията си всякога, кога[то] види че е нужно, а без особена нужда веднъж в седмицата.

Чл. 7. Управлението на Централното общество ще държи в свързка всичките български благотворителни частни общества в Румъния, ще се обръща към тях за помощ, кога[то] има нужда, и ще удовлетворява нуждите им, кога[то] разполага с излишни средства.

Чл. 8. Централното общество ще има право да представлява навсякъде всичките частни благотворителни общества (български) в Румъния, като утвърдено, избрано и упълномощено от страната им.

Чл. 9. Управлението на Централното общество ще дава сметка веднаж в годината чрез един общ печатан смет, който ще се изпраца на всичките частни български благотворителни общества в Румъния.

Чл. 10. Управлението на Централното общество ще държи печата на обществото, който е с надпис: «Централно българско благотворително общество в Букурещ». Печатът ще се придружава винаги с не по-малко от три подписа на управлението.

Чл. 11. Обществото наченва действията си днес, на 10 юля 1876 г.

Тоз устав е одобрен и подписан от всинца ни нас, упълномощените представители на българските частни благотворителни общества в Румъния:

Гюргевски представители: П. Хр. Висковски, D. L. Isonof
Болградски представител: Д. Ямболов
Крайовски представител: Д. Г. Зеновски
Слатински представител: А. Д. Катранов

Турно Магурелски представител: П. Д. Катранов, I. Vassilofu
Галацки представител: Р. Танасов
Плоещки представител: Райчо П. Гръблов
Браилски представител: Сава Д. Мънзов
Търговище: Хр. х[аджи] Николаев

Управлението на Централното благотворително българско общество
в Букурещ:

Почетен председател: Владимир Йонин
Председател: К. Цанков
Подпредседател *:
Касиерин *:
Секретари: П. Енчев, С. Загорски
Членове:

Ив. Кавалджиев

..... *

П. Хр. Висковски

С. Атанасович

Г. Золотов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, лл. 3—4. Подлинник.

1. Из-за ограничителных мер, предпринятых румынским правительством, БЦБО, **хотя** и вело чисто политическую деятельность в духе прежних революционных организаций, но должно было ее прикрывать формой благотворительной организации.

№ 160

*1876 г. юля 11. — Полномочие, выданное БЦБО В. С. Ионину
и П. Енчеву для переговоров в Сербии*

№ 1

Букурещ

Упълномощено писмо

Българското централно благотворително общество в Букурещ, което е основано и упълномощено от представителите на всичките частни български благотворителни общества в Румъния, упълномоща[ва] приносящите настоящето почетния си председател Владимира Семеновича Йонина и секретаря си Петра Енчева, да влязат в преговори с всички правителствени лица и учреждения в Сърбия, които могат да бъдат полезни за всичко, що се касае до политическата съдба на българския народ.

Управлението на Централното общество:

Председател: К. Цанков

Подпредседател: Ив. Грудов

Касиерин: Г. А. Григоров

За секретар: П. Хр. Висковски

Членове:

П. Хр. Висковски, Ив. Кавалджиев, х[аджи] И. Теодоров,

С. Атанасов

НБВК — БИА, ф. 232, II Г 718. Подлинник.

* Подпись отсутствует.

№ 161

1876 г. июля 12. — Письмо М. Г. Черняева И. С. Аксакову
о возможности оказания помощи болгарскому восстанию из Сербии

Алексинац

Мы находимся накануне больших военных событий. Хотел бы написать вам о многом, но не доверяю бумаге. Не доверяйте болтовне газет о болгарском восстании и употребите ваше влияние, чтобы газеты не делили шкуры не убитого еще зверя. Болгария без Сербии ничего не может для себя сделать¹, я могу быть звеном в этом случае; лучшим доказательством сказанного служит то, что они продолжают до сих пор обращаться ко мне сюда. Из Румынии ничего нельзя сделать для них. Благодарю вас за 600 червонцев.

Я нахожусь в совершенно исключительном положении, заставляющем делать ненормальные расходы. От сербского содержания я отказался, сославшись на то, что я прислан от Славянского комитета.

Искренно вам предан[ный]

М. Черняев

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, лл. 39—40. Автограф.

1. М. Г. Черняев опасался в случае нового болгарского восстания отвлечения от Сербии денежных и материальных средств. Кроме того, он хотел и в этом вопросе сохранить за собой руководящую роль: после успешных действий в Сербии двинуться в Болгарию и возглавить там действия повстанческих отрядов. Отсюда его стремление убедить русское общество и правительство, что сами по себе болгары ничего не могут сделать.

№ 162

1876 г. июля 12 (24). — Из обзора газеты «Вперед!» «За две недели» *

Прелестное и высоконазидательное зрелище представляют нам нынешние взаимные отношения наших политических партий и правительства. Под влиянием текущих событий на Балканском полуострове все партии отложили в сторону свои принципы, надежды и верования и слились в одну массу, в один дружный хор, славящий добродетели русского правительства, мудрость и патриотизм доморожденных государственных деятелей. Если бы это очаровательное согласие проявлялось только по отношению к Восточному вопросу, на тему «нужен ли нам Константинополь?», мало было бы назидательного в том, что наши либералы с «Новым временем» стоят рядом со скалозубами «Русского мира», мечтающими о николаевщине. Но в том-то вся и прелесть, что наши либералы, как Иваны непомнящие, предали забвению лучшие традиции своей партии, те идеи либерализма, которые завещаны им передовыми деятелями европейского либерализма, и в области внутренней политики нашего правительства, по вопросам народной жизни, они начинают обнаруживать воззрения и пооползновения, совершенно тождественные с заветными вождениями реакционеров [. . .]

Мало того, — у него ** хватает наглости в одном и том же номере (№ 127) наускивать к высасыванию последних грошей у народа и приводить доказательства полнейшего обнищания народных масс. Корреспондент из Тамбовской губернии, позарившись на гроши голодных, говорит:

* Заголовок обзора.

** Речь идет о газете «Новое время».

«Нет никакого сомнения, что если бы при народных школах, церквах и волостных правлениях открыть сбор пожертвований в пользу славян, то из жертвованных крестьянами копеек образовалась бы весьма солидная сумма». В этом я совершенно уверен, потому что голодный крестьянин никогда не откажется поделиться последним куском с угнетенными и несчастными. Крестьянство не то, что культурные люди: оно умеет сочувствовать нуждам и горестям человека. Но позволительно ли вам, гуманистам и народолюбцам, зариться на последние гроши его? Как поднимается у вас рука написать подобный призыв к жертвованию? Или вы это делаете по свойственному вам легкомыслию? [. . .]

Пусть читатель сам решает, насколько грабеж нашего правительства лучше и мягче системы откупов податей, практикуемой в Турции, и действительно ли положение рабочего отраднее под сенью законов царя-освободителя, чем положение злополучных славян Турции. А по-моему, население, дожившее до эпидемии и не имеющее ни врачей, ни медикаментов, голодающее дома и возвращающееся голодным с заработков, голодающее в судах, при отправлении обязанностей присяжных заседателей, не рассчитываемое на каторжных заработках, обсчитываемое кулачеством и чиновниками, истязаемое администрацией, — с такою же необходимостью должно будет подняться против безнравственной системы, его угнетающей, как славяне, бьющиеся за свою политическую независимость; и если русское общество искренно сочувствует героической попытке славян к свержению ига турецкого деспотизма, то оно, хотя бы во имя логической последовательности, должно поспешить на активную помощь русскому народу, голодающему и вымирающему, свергнуть с себя нестерпимое экономическое иго [. . .]

«Вперед!», 1 августа (20 июля) 1876 г., Лондон, стр. 482—484.

№ 163

1876 г. июля 15. — Письмо БЦБО И. С. Аксакову с сообщением о начале деятельности общества и его задач

Болгарское центральное благотворительное общество в Букареште, учрежденное по инициативе Владимира Семеновича Ионина (почетный председатель общества) и уполномоченное делегатами всех частных болгарских благотворительных обществ в Румынии, имеет честь известить вас, что оно начинает уже свои действия.

Главная цель общества — поспешить немедленно материальною помощью пострадавшим болгарским семействам и раненым на поле битвы.

С уверенностью, что общество встретит сочувствие не только со стороны славянских благотворительных учреждений в России, но и со стороны всего славянского мира, оно надеется оправдать те ожидания, которые возлагает на него до крайности разоренный болгарский народ.

Письма и пожертвования адресовать на имя председателя общества К. А. Цанкова, посредством Российского генерального консульства в Букареште.

С истинным уважением пребываем

Управление общества
Председатель К. Цанков

Подпредседатель *

* Подпись отсутствует.

Казначей Г. А. Григоров
Секретари: С. Загорский
П. Енчев
Члены: Ив. Кавалжиев
С. Атанасович
П. Хр. Высковский
П. М. Петров
Ангель Т. Рунтов

Помета: Публиковать во всех трех газетах: От М[осковского] сл[авянского] бл[аготворительного] ком[итета]. М[осковский] сл[авянский] бл[аготворительный] ком[итет] доводит до общества, что им получено следующее официальное уведомление *.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 71 и об. Подлинник. Печать БЦБО.

№ 164

1876 г. середина июля **. — Записка И. С. Аксакова о порядке вербовки добровольцев в Сербию ¹

Москов[ский] слав[янский] комитет отправил уже более 200 военных от полковников до нижних чинов, руководясь следующими правилами:

1) *Штатских* — никого, — лишнее бремя; могут ехать на свой страх и счет; 2) на подъем рядовому 100, унтер-офицеру 120, юнкерам 150, офицерам 200, но в виде исключений и по особым уважениям иногда 250, 300; полковникам дано было 500 и 600; 3) по соглашению с железными дорогами — даровой проезд до Кишинева; 4) все направляются в Кишинева, при письме к Ивану Степ[ановичу] Иванову (земскому исправнику), который снабжает дальнейшими указаниями, ибо состоит в постоянных сношениях с Яссами, Букарештом, Белградом; 5) кроме того, начальнику или старшему лицу партии или отряда дается письмо к М. Г. Черняеву с прописанием имен; 6) от Кишинева через Яссы и Букарешт железный путь до Турно-Северина, далее на пароходе до Кладова или другого места, где высаживают[ся] на берег; 7) отставные принимаются со строгим разбором; из числа отставных отправлял в перв[ое] врем[я] сгоряча и Черня[ев], он вынужден был одно[го] предать полев[ому] суду; так как теперь могут ехать офицеры прямо со службы, временно, для виду, выходят в отставку, то им, разумеется, отдается предпочтение; 8) жалован[ие] в Сербии самое предряное; 9) никаких других обеспечений комитет не даст.

Мы временно теперь приостановили вербовку, ибо копить средства для снабж[ения] генер[ала] Черн[яева] деньгами, необходим[ыми] для оказан[ия] помощи рус[ским] офицер[ам], большинство которых не имеет никаких средств, просить же их у сербск[ой] казны неприлично.

Если хотите знать откровенное мое мнение, лучше бы всего присылать деньги в Слав[янский] комитет: офицеров отправилось слишком довольно

* Намеченный к публикации текст первых трех абзацев документа (кончая словами: «разоренный болгарский народ») отчеркнут на полях. Сообщение было помещено в «Московских ведомостях» 27 июля 1876, г., стр. 3 и в «Русских ведомостях» 29 июля 1876 г., стр. 2.

** Датируется на основании содержания записки. В ней указано, что Московский славянский комитет отправил более 200 военных добровольцев. Вербовка и отправка добровольцев в Москуе приняла широкие размеры в июле 1876 г., и есть основания полагать, что к середине месяца было отправлено указанное в записке количество.

и беспрестанно отправ[ляется] отовсюду. Есть предположение (между нами) отправить сотни две казаков с Дону, на что потребуются от нас, если это осуществить, очень большие суммы.

Все, что я пишу, — для распоряжений комитета — не для печати.
ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, л. 44 и об. Автограф (черновой).

1. Добровольческое движение отражало всенародный характер сочувствия южным славянам и затронуло широкие слои населения. Желание поехать в Сербию выражали не только военные, но и представители интеллигенции, крестьян, мелких служащих, рабочих. В архивных фондах славянских комитетов и РОККа сохранилось огромное количество заявлений добровольцев (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, дд. 37, 39, 41, 138; ЦГИАМ, ф. 1750, оп. 1, дд. 83, 84, 85, 91, 98, 99; ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71). Однако дворянское руководство славянскими комитетами, возглавившее движение, стремясь обеспечить сербскую армию обученными военными кадрами, ограничивало участие народных масс, что вело в известной мере к подмене характера движения (59, стр. 66—69; ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 83, лл. 89—90).

№ 165

1876 г. июля 16. — Письмо БЦБО в Московский славянский комитет с благодарностью русскому народу за неизменную помощь болгарскому народу

№ 23

Бухарест

Болгарское центральное благотворительное общество в Букареште от имени всех болгарских благ[отворительных] обществ в Румынии считает священным долгом принести свою искреннюю благодарность Московскому славянскому благотвор[ительному] комитету за братское сочувствие, выраженное в воззвании его к русскому народу о помощи в пользу пострадавших болгарских семейств. Русский народ всегда горячо сочувствовал своим братьям-славянам, находящимся под тяжелым ярмом. Московский славянский благотворительный комитет всегда являлся верным своему назначению и не оставлял своих единоплеменников. Теперь пришло время возвысить голос, исполненный любовью и славянским патриотизмом, и направить свои силы на помощь угнетенному славянству. Горячая признательность болгар к русскому народу не угасала никогда и не может угаснуть при том истинно братском сочувствии, которое он непрестанно изъявляет им всеми средствами.

Председатель К. Цанков

Подпредседатель *

Секретари П. Енчев

Казначей Г. А. Григоров

Члены: Ив. Кавалжиев, С. Атанасович, И. Теодоров,
Ангел Т. Рунтов, П. Хр. Высковский, П. М. Петров

Резолюция И. С. Аксакова: «Отправить 5 тыс. руб. в Букурешт по телеграфу на имя Российского генер[ального] консульства для передачи Болгар[скому] центр[альному] благотв[орительному] обществу от Слав[янского] комитета».

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 85, л. 1 и об. Подлинник. Печать БЦБО.

* Подпись отсутствует.

1876 г. июля 17. — Письмо В. С. Ионина А. И. Васильчикову
о враждебном отношении румынского правительства к формиро-
ванию в Румынии болгарских отрядов

Кишинев

Милостивый государь князь Александр Илларионович!

Приехавши сюда, я не нашел ни г. Иванова, ни Н. А. Киреева; тот и другой отправились в Бухарест и Белград *. Согласно полученным мною здесь сведениям Н. А. Киреев предполагал отправиться сухим путем из Белграда в Константинополь для ознакомления с положением дел в Болгарии.

Что касается румынского правительства, то таковое в настоящее время относится крайне враждебно к движению славян ¹. В Молдавии производят бесчисленные аресты не только между болгарами, но и сербскими подданными; протест же нашего генераль[ного] консула по этому случаю оставлен без внимания.

Вследствие этого враждебного отношения организация отрядов в Румынии, если не сделалось невозможным, то по крайней мере более чем затруднительно. Инсургенты же терпят нужду в оружии, провоз которого в настоящее время был бы возможен только из России чрез Одессу или Кишинев.

Чтобы дать понятие о дороговизне тайно закупавшегося в Румынии оружия, довольно будет сказать, что отряд в 320 чел., вышедший из деревни Козлудуй близ Лом-Паланки, под начальством Ботева, обошелся более 20 тыс. руб. серебром. Кроме расходов на доставку людей к месту назначения и на покупку необходимых принадлежностей для волонтеров, каждая скорострелка стоила 60 руб. серебром и простые бельгийские штуцера по 12 руб. серебром. Несмотря, однако, на столь баснословную цену, цель была достигнута и отряд Ботева, дошедши до Балкан, уже имел в своем составе с присоединившимися более 1 тыс. человек ².

Отъезд мой за границу был задержан тщетной надеждой на скорое возвращение г. Иванова в Кишинев, где по просьбе некоторых лиц я пробыл пять дней, и теперь, не желая тратить более времени, решил отправиться обратно чрез Одессу в Браилов, Джурджиево и т. д. По приезде на место буду иметь возможность дать более главные сведения о положении здесь вообще.

При сем прилагаю постоянный мой адрес в Галац для передачи оттуда могущих быть писем на мое имя.

18 июня оставляю Одессу и 19-го буду в Браилове и у нашего консула в Галаце.

Затем, князь, прошу верить в неограниченной моей к вам преданности

В. Ионин

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 101, лл. 6—7. Автограф.

1. Румыния находилась в вассальном подчинении у султана, вследствие этого румынское правительство было вынуждено принять известные меры против формирования болгарских отрядов на румынской территории. Это произошло после перехода отряда Х. Ботева через Дунай в Болгарию (98, стр. 226—241).

2. Эти данные В. С. Ионина ошибочны. Отряд Х. Ботева, насчитывавший 175 человек, существенно не пополнился. После высадки его на родную землю только четыре-пять человек вошло в него. Дело в том, что Ботев со своими товарищами пере-

* См. примечание к док. 110.

правился в Болгарию тогда, когда Апрельское восстание было уже зверски подавлено турками. Местное население, напуганное репрессиями, не поддержало чету. Ионин преувеличивает средства, затраченные на чету Ботева, они явно не достигали такой большой суммы (см. прим. 1 к док. 111). Очевидно. Ионин стремится таким способом получить больше денег от славянских комитетов в Петербурге и Москве.

№ 167

1876 г. июля 17. — Письмо генерала Р. А. Фадеева И. С. Аксакову о сборе пожертвований для оказания помощи Болгарии

Петербург

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Вы пользуетесь в Москве значительным нравственным влиянием; вместе с тем по болгарскому делу вы несомненно *наш* человек. Этих двух причин достаточно, чтобы побудить меня обратиться преимущественно к вам за некоторыми крайне нужными сведениями и просить принять участие в общем нашем предприятии. Суть дела вот в чем. При отъезде моем из Москвы князь Долгоруков сказал мне следующие слова: «Доложите в Петербурге, что там удивятся огромности пожертвования (московского) на болгарское дело». Третьяков и Морозов сказали мне то же самое другими выражениями; они сказали, с каким рвением откликнулись на призыв купеческое и биржевое общество. Конечно, я доложил с удовольствием их слова. Князь просил меня ускорить формально разрешение Мин[истерства] внутр[енних] дел, чтобы в день получения ответа можно было приступить к подписке. Разрешение было дано телеграммой, кажется, 6-го.

Вчера (может быть, третьего дня) вследствие вопроса главного лица в Красном Селе я полюбопытствовал телеграммой о происходящем в Москве и получил от Третьякова такую телеграмму: «По случайным обстоятельствам подписка открыта только сегодня (15-го) и принесла *уже* 20 тыс.». Конечно, всяко даение благо, но что значит такой ответ после слов, которые они же заставили меня докладывать (и кому?) и после единодушного (по их же словам) рвения, выказанного комитетами две недели тому назад? И что значит, главное, это проволочка 10 дней? ¹ Хотя я надеюсь увидеть завтра Третьякова в Петергофе, но как от начала может зависеть весь дальнейший ход дела, самого важного для России в настоящую пору, то я и обращаюсь к вам, возвращающемуся в купеческом мире, за разъяснением вопроса: что это значит.

Вчера же, как нарочно, государь впервые выразил полное одобрение нашему предприятию: он сказал: «Я жду многого от такого проявления общественной деятельности, лишь бы она сумела остаться *общественною*, не выдавая правительства». Государю известно, что пожертвования назначаются для вооружения болгар; ему доложены имена основателей патриотического движения: Третьяков, Морозов, Найденов. И вдруг, в тот же день — «подписка открыта через 10 дней по получении разрешения и принесла *уже* 20 тыс.». Тут что-нибудь есть, и я обращаюсь к вам для открытия этого *чего-нибудь*. Конечно, и независимо от подобного рвения мы найдем источники, хотя бы в жидах; но после сообщенных вам царских слов, мне бы не хотелось разоблачать Москву и ставить жидов впереди ее. Напишите, пожалуйста, что это значит.

Теперь наша забота состоит в том, кого поставить гласно в голове этого дела (гласно, т. е. с правом вести о нем частную переписку, уговариваться с правительственными лицами, но все-таки неофициально). Я поеду устраивать это дело на практике на Дунай, а потом в Балканы, да обо мне не

может быть и речи; каково бы ни было *личное* мнение о мне, *публично* я записан раз навсегда в люди опальные. Я думал о гр. Воронцове-Дашкове, лучше нельзя было выбрать, но на самом верху (т. е. на самом, не ошибитесь) нашли, что он слишком близок к престолу для подобной роли, — и правда. Теперь ума не приложу. Не присоветуете ли мне кого-нибудь? ²

Надобно торопиться, в Турции начинается более решительней прежнего оборот дела. По сведениям Мин[истерст]ва иност[ранных] дел князь черногорский потерпел действительно сильное поражение ³. Сербы после первого порыва отступили на юге и востоке в свои пределы. Я вам говорил, что фантазия о сербском движении в Бугарию была плодом антистратегического воображения нашего М. Г. Черняева и сплетен Вуксановича, что у сербов не было ни этой затеи (что я знал по весьма определенным их планам, сообщенным мне еще зимою), ни силы для приведения ее в исполнение.

Жаль, что вы не видали записки моей, представленной о Восточном вопросе после первого возвращения из Египта, почти полтора года тому назад. Я говорил в ней, что взрыв неизбежен (когда о Герцеговине не было еще помина), но что я очень боюсь за самонадеянность *организованных* христиан, что они вместо народной войны оборонительной попытаются идти вперед и дорого расплатятся, потому что действовать против регулярных войск открыто можно только с регулярными же войсками, которых у них совсем нет, и что борьба может принять благоприятный для них оборот, не затягиваясь чрезмерно на много лет, только введением на театр войны какой-либо особой силы, на которую обе стороны не рассчитывают предварительно. Для этого я и поехал в Египет. Министерство испортило это дело, и хотя теперь о том жалеет, но поправлять не решается, — да и поправлять было бы долго.

Теперь Египет может быть заменен только появлением на сцену нежданного *самостоятельного* болгарского восстания, для чего требуется прежде всего оружие в большом количестве. Я убедился, что правительство само начинает желать этого оборота, но не решится поддержать его, прежде чем он выразится достаточно ясно сам собою, общественным почином. Иначе все дело на востоке пропало. Турки не будут иметь успеха против народной оборонительной войны, они не задавят славян, но они не дадут им сделать шага вперед, перережут их наполювину, как было в греческом восстании. Один способ действий обещает успех — истомить турецкую армию, подтаивать ее ежедневно; достигнуть этой цели можно не стратегическими планами, которые друг мой Михаил Григорьевич решал в московских клубах, а распространением народной войны до самых обширных размеров, т. е. тем именно, чему недавно был завязан в Москве первый узел.

Гарантия сербского займа в миллион червонцев решена. Это много значит.

Должен сказать вам также: Вуксанович, которого вы присылали ко мне за деньгами, по собранным самым обстоятельным справкам положительно шарлатан и мошенник. Свидетельства, данные ему болгарскими комитетами, вовсе его не знавшими, выпрошены им за обещания и уверения в петербургских связях, которые он имеет разве с кухарками. Я мог бы рассказать о нескольких новых его проделках, да не стоит он этого труда. Пороховщиков пишет мне сегодня, что этот Вуксанович заказывает теперь в Туле оружие, когда в Петербурге он выпросил насилию 200 руб. Пожалуйста, не сообщайте ему ничего секретного.

Надо теперь стараться о деле сообща. Приходится, как в двух 12-х годах ⁴, потрудиться самому обществу, на правительство покуда рассчитывать нечего. Оно даст поощрение, но не помощь.

Примите, Иван Сергеевич, уверение в совершенном моем почтении и преданности

Ростислав Фадеев

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 76—79. Автограф.

1. Р. А. Фадеев с санкции наследника вел. князя Александра решил организовать сбор средств на вооружение болгарских добровольческих отрядов, которые он предполагал формировать в Бессарабии. Пользуясь именем наследника, он пытался воздействовать на московское купечество при помощи московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова. Однако, поскольку речь шла о крупной сумме, московское купечество затаило начало подписки. Обращение С. М. Третьякова появилось в газетах с опозданием против намеченного срока на 10 дней. Вслед затем опубликовал призыв к пожертвованиям Московский биржевой комитет. К концу августа было собрано 150 тыс. руб., необходимых для приобретения оружия.

2. Р. А. Фадеев предполагал отстранить М. Г. Черныяева от участия в деле подготовки болгарского восстания. Он искал лицо, которое служило бы ширмой для его действий, но обращение к И. С. Аксакову, отрицательно относившемуся к Фадееву, было со стороны последнего ошибкой. Аксаков повел борьбу за отстранение от болгарского дела Фадеева и опирался в этом на К. П. Победоносцева. Она завершилась сосредоточением средств и руководства делом в руках специальной Болгарской комиссии Московского славянского комитета с Аксаковым во главе (ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 440; 70, стр. 47).

3. Имеется в виду столкновение турецкой армии, возглавляемой Мухтар-пашой, с одним из передовых черногорских отрядов. Мухтар-паша, узнав о наступлении черногорской армии к Мостару, направил войска ей навстречу. В Бишинском лесу он одержал победу над четырьмя черногорскими батальонами под командованием Ставио Радоница. (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 77, л. 77 и об.).

4. Имеется в виду 1612 г. — освобождение Москвы народным ополчением от польской интервенции и Отечественная война 1812 г.

№ 168

1876 г. июля 17. — Письмо члена болгарского комитета в Галаце Р. Атанасова К. Цанкову о желательности совместных действий партий «молодых» и «старых»

Галац

Г-н К. Цанков, Букурещ

Приносящият на писмото ми са изпратени с още трима, [с] една жена, които имат разноски до града ви, и оттам ще им посрестувате да ги отправите за мястото им. Особено г-н капитан Райчо желае да се срещне с ваша милост¹.

Днес приех прогласителното писмо на дружеството *. Повечето граждани желаят споразумението със «старите», защото другояче ще е голямо непоразумение. Правете както е по-добре. Пишете и на другите градове и им искайте споразумение особено връх този въпрос, защото е много важен за българите, особено в днешкашните времена².

Поздравлявам ви братски. Сбогом.

Р. Танасов

НБК — БНА, ф. 5, д. 7, лл. 25—26. Автограф.

1. Это касается добровольцев из России, которые уезжали в Сербию. Среди них был капитан Райчо Николов.

2. Болгарская средняя буржуазия в Румынии продолжала настаивать на объединении «старых» и «молодых». Это не было достигнуто, главным образом, из-за упорства «старых». В конце июля и в начале августа под влиянием «старых» вышли из состава БЦБО заместитель председателя Ив. Грудов, казначей Г. А. Григоров, секре-

* БЦБО.

тарь С. Загорски и члены Ив. х. Теодоров и Ст. Атанасович. Они находились «в зависимом положении от старых», т. е. были связаны с ними по службе и работе (Г. Григоров, например, работал счетоводом у вождя «старых» Евл. Георгиева). Этот поступок указанных лиц, по оценке остальных членов общества, имел целью воспрепятствовать работе БЦБО и даже ликвидировать его (12, стр. 158; см. док. 203).

№ 169

1876 г. июля 20. — Письмо учителя П. Н. Щербины И. С. Аксакову о желании поехать в Сербию для работы в лазаретах

Саяни

Милостивый государь Иван Сергеевич!

В № 122 «Нового времени» помещено «Воззвание Славянского благотворительного комитета», которым почтенное общество приглашает нас, русских, оказать страдальцам посильную помощь.

По этому поводу позвольте, многоуважаемый Иван Сергеевич, предложить вам один вопрос, кроме денег, не нуждается ли еще Славянский комитет в людях для отправки их в лазареты и на перевязочные пункты? Если да, то не могли бы я предложить комитету свои услуги? К сожалению, я не врач и даже не фельдшер, а педагог; полезен могу быть в качестве простой больничной сиделки, ухаживая по целым дням за ранеными. Само собою ясно, что о каком бы то ни было вознаграждении не может быть и речи. Был бы несказанно благодарен за угол и пищу. Телосложения я довольно здорового, возраст 27 лет.

Если мои скромные услуги будут приняты, я покорнейше просил бы указать мне, как быть с *паспортом* и *куда* именно *выехать*. Быть может, сперва в Москву? Средствами для переезда располагаю.

С нетерпением ожидаю ответа. С глубоким уважением к вам имею честь быть

Петр Щербина

Отвечать покорнейше прошу по след[ующему] адресу: На станцию Бююк-Ламбат, а оттуда в деревню Саяни (Таврическ[ой] губ[ернии]), Петру Николаевичу Щербине.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 90, л. 182 и об. Автограф.

№ 170

1876 г. июля 21 *. — Воззвание Кишиневского болгарского общества¹ о сборе средств для оказания помощи Болгарии

ОТ КИШЕНЕВСКОГО БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА

На Балканском полуострове и в особенности в беззащитной Болгарии, совершенно обезоруженной и отрезанной от всех европейских государств непроходимую границую, в настоящее время совершаются такие события, которые, по своим варварствам, раздирают душу всякого человека, кроме турка. Насилия, которые турки теперь производят над имуществом и жизнью болгар, не находят себе примеров и в истории самых диких народов. Мир человеческий не знает подобных ужаснейших неправд и терзаний, какие ныне испытывают несчастные болгары, потомки тех болгар, которые имели свое могущественное царство и которые на языке своем оставили нам священное писание.

* Дата разрешения цензора на опубликование воззвания.

Ныне невинная кровь этих самых наших братьев, имеющих столь славное прошедшее, и достойных лучшей участи, течет ручьями на Балканском полуострове. Повсюду в Болгарии турки грабят и жгут безнаказанно болгарские селения и города, храмы божии и издеваются над церковною святынею. Турками сожжено громадное число селений и городов, которые теперь представляют одни лишь печальные пепелища, а та часть жителей их, которая успела уйти от турецкого кинжала, на котором в последнее время не осыпала невинная кровь несчастных болгар, их жен и детей, бродит теперь по горам и степям без крова и пищи и оплакивает перерезанных членов своих семейств и свою горькую судьбу. Нет счета и тем несчастным болгарским девушкам и мальчикам, которые черкесами распреданы по гаремам пашей и по разным другим местам. Число раненых в борьбе, вызванной пятивековыми тяжелыми страданиями, увеличивается; поля, жилища и всякое имущество опустошены и уничтожены, и теперь тысячи семейств лишены крова и пищи. Нужда и бедствия ужасны.

Проникнутое глубоким братским состраданием к несчастной судьбе бедствующих наших братьев, Кишиневское болгарское общество обращается с покорнейшею просьбою за посильною помощью в пользу славянских жертв турецкого фанатизма ко всем без исключения лицам, сердца коих равнодушны к столь тяжелым бедствиям славян на юго-востоке, пять столетий страждущих под позорным игом.

Самая малейшая помощь, принесенная в деньгах или в корпии в пользу болгарских и сербских жертв, не будет забыта в потомстве благодарных славян. Денежные и всякие другие приношения принимаются в Кишиневе, Бессарабской губернии, у председателя Болгарского общества Ивана Степановича Иванова.

Кроме того: у С. Г. Тарапанова, С. Н. Балабана, И. Г. Зверева, О. Н. Семашко и у прочих, которым выданы книжки на сбор пожертвований.

У ее превосходительства супруги г. начальника Бессарабской губернии Марии Ивановны Шебеко, принимающей глубокое участие в положении бедствующих славян, принимаются корпия и всякого рода тряпье, из которого можно щипать корпию.

Председатель Болгарского общества

И. С. Иванов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, л. 41. Типогр. экз.

С незначительными изменениями опубликовано в «Русских ведомостях» 26 июля 1876 г., стр. 1.

1. Болгарское благотворительное общество в Кишиневе было основано И. С. Ивановым в 1871 г.

№ 171

1876 г. июля 21. — Письмо члена болгарского комитета в Галаце Р. Атанасова К. Цанкову о неудаче переговоров со «старыми» и об отправке болгарских добровольцев в Сербию

Галац

Г-не К. Цанков, Букурещ

Таз неделя се надея, щото да устроим и тука дружество. То е почти устроено, но гледахме да турим и от по-старите вътре членове, и като видим, че никак не обръщат внимание за това, кажи, че все една майка ги е раждала както вашите, така и тукашните, затова и ги оставаме на волята им*.

* См. прим. 1 к док. 23; док. 145, 168.

«Старите» * дето пратиха лист за събиране помощи на г-н Добрович, той не приема, и г-н Гавраил ** твърде тежко държи, щото още не е почнал нищо. Освен това, те и да съберат пари, мислят да ги внесат в града ви. Тогава какво да се прави с момчетата, които идват? Отде ще им се спомага тогава? Затова, ако виждате, че не е възможно споразумението със «старите», то прибързайте, та ни изпратете потребните спомоществователни листи, за да почнем пак сиромашки да си събираме от чувствителните, макар сиромаси братя.

Кажете ни нещо от г-н Йонина, дали е сполучил целта си, защото много жалостни слухове достигат до нас за нашите братя в Сърбия, че много зле се постъпвало с тях. Доколко е вярно, не зная, не зная само, че не са добри, значи, тия слухове, но бог да вразуми всички.

Аз престанах да ви пращам момци, дорде се наредят работите, според както се разговаряхме, като бях в града ви, но вече не мога да стоя, защото катадневно все пристигат по няколко момци и доста са се набрали. Затова явете ни да почнем ли да ги пращаме за града ви. Които си имат средства, ний ги отправяме за Тур[ну] Северин, а които нямат — ги задържахме. Освен това, питат ни от Тулча, ако са наредени работите, да им явим, че имало доста момци, както и тия все от там бягали, що ви принасят писмото ми. И друго — има и доста девойки и даже фамилисти ***, които се решават да идат да помогнат на своите братя. Затова гледайте по-скоро дано се наредят работите или отговорете. Аз ви пиша все още частно, защото нямаме още общо. Само по съветването на няколко приятели ви пиша, затова и не се отправям право до дружеството.

Явете ми чрез кого ще се приемат писмата за дружеството.

Приемете искрено поздравления.

Р. Т[анасов]

Моля ви, отговорете се.

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, л. 36—37. Автограф.

№ 172

1876 г. юля 23. — Донесение И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву о настроениях в Герцеговине в связи с победой черногорской армии при местечке Вучий Дол

Я не ошибся, когда говорил в моем донесении от 16 июля, что отступление черногорцев из Невесинья и Бишины не могло быть следствием победы, к[ото]рую будто одержал над ними Мухтар-паша в Бишине, но что черногорцы отступили с целью заманить мушира в западню. Так и случилось. Именно 16 июля Мухтар-паша двинулся с 12 батальонами и одною тысячею башибузуков и волонтеров из Мостара в Баняне, но был разбит наголову в местечке Вучий Дол ¹ недалеко от Билека, так что сам он едва спасся в Билеке с частью своего войска. Поражение было полное. Всех убитых и раненых (около 2700 чел.) оставил на поле битвы, потеряв пять горных орудий, все палатки и амуницию. Лишился верного своего сподвижника Селим-паши, к[ото]рый убит во время сражения, а Осман-паша попался в плен с 350 чел.

* Комитет «старых» в Бухаресте — Болгарское человеколюбивое настоятельство.

** Гавриил Аврамов.

*** Семейные.

Весть об этой славной победе черногорцев над главнокомандующим в Герцеговине дошла до Мостара двумя днями позже, чем вся уже Европа знала о том. Здешние власти не могли, впрочем, долее скрывать, но постарались уменьшить значение победы черногорцев над муширом. Они хотят уверить свет, что войско их потеряло раненых и убитых только 600 чел., что вина потерь падает на убитого Селим-пашу и пленного Осман-пашу, к[ото]рые будто не исполнили на поле битвы приказаний мушира.

Как бы то ни было, весть о поражении мушира произвела на здешних жителей глубокое впечатление. Они обманулись в уверениях военной и гражданской здесь власти, что Мухтар-паша, возвестивший о бежавших пред ним черногорцах за границу, не замедлит вступить в Цетинье. И сами власти немало переполошились при мысли, что черногорцы не замедлят после победы явиться под Мостаром. И действительно, явись 3—4 тысячи черногорцев 18 или 19 июля под Мостаром, они не встретили бы ни малейшего сопротивления. Это высказывают теперь и сами власти. В то время в Мостаре не было и 2 тыс. солдат, считая в том числе 180 редифов из Травника, к[ото]рые больше употребляются в качестве извозчиков при казенных подводах и зовутся гафиле (род нашей фурштадской роты), и 312 чел. *паракен*, т. е. солдат, считающихся большими и неспособными нести фронтovou службу (род наших инвалидов).

Несмотря на то, что военная власть вызвала сюда на днях из Стол[а]ца один батальон (4-й табор 5-го полка I корпуса), состоящий из 245 солдат, из Габелы — 2-й бат[альон] 6-го полка I корпуса, состоящий из 350 чел., из Утова 5-й стрелковый батальон, из 618 чел., оттуда же редифа 484 чел., из Сараева пришли два батальона — один состоит из 569 чел. (2-й батальон 2-го полка I корпуса), а другой (4-й бат[альон] 5-го полка III корпуса) из 607 чел.; несмотря, говорю, на то, что здесь теперь около 4500 чел., носящих название солдат, здешние жители потеряли всякую веру в могущество войска.

Кроме того, потеряв несколько десятков своих волонтеров в Вучьем Доле, они не хотят более терять их. Не далее как вчера они наотрез, сказали валии в их помощи Мухтар-паше. Сей последний, находясь, как слышно, в осаде в Требинье, просил вместе с здешним муфтием Карабеком мостарцев явиться к нему в Требинье на помощь. Они ответили, что никто из них больше не пойдет из Мостара, что бы ни случилось. . . Объявили при этом, что достаточно и того, что они несут рекрутскую повинность, давая детей своих и в низам, и в редифы.

Не умолчу при этом случае и о том, что между влиятельными мусульманами есть и такие, к[ото]рые готовы поднять знамя против османлисов², но к[ото]рые не рискуют начать, за неимением объединения между ними. Друг друга боятся, чтобы безбоязненно открыть свою задушевную мысль. Османлисы сильно деморализовали их. Мне кажется, впрочем, что это объединение может состояться между ними, если они не замедлят получить *еще* весть о поражении Мухтара. Если и тогда никто из них не возьмет на себя почина восстать против османлисов, то, наверное, никто из них не примет сторону османлисов в данный момент. Мусульмане нахий Белополья и Зимля решили между собою не вступать в бой с черногорцами, если они явятся к ним, и даже перейдут открыто на их сторону в случае несомненного успеха черногорского оружия.

Военная власть в Мостаре продолжает строить траншеи около Мостара. Особенное внимание ее обращено на траншеи с восточной стороны Мостара, на горе Вележ. Оттуда ждут черногорцев через Невесинье. Равным образом этот горд укрепляют снова, поправляя траншеи, разоренные черногорцами.

С отличным почтением и пр.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1876 г., д. 634, л. 12 и об. Копия.

1. Сражение при Вучьем доле произошло 16 июля 1876 г. Мухтар-паша вместе с остатками армии обратился в бегство, и черногорцы преследовали его до Билеча. Разбитая боснийская армия турок укрылась в крепости (19, стр. 3).

2. В противоположность местным мусульманам, уроженцам Боснии и Герцеговины, принявшим еще в далекие времена ислам, османлисами или османлиями турки называли выходцев из других провинций империи, занимавших в Боснии и Герцеговине административные посты.

№ 173

1876 г. июля 24. — Из перлюстрированного письма издателя газеты «Голос»¹ А. А. Краевского профессору государственного права и публицисту А. Д. Градовскому в Вильно о необходимости пропагандировать дипломатический путь для решения Восточного вопроса

С.-Петербург

Получил я вашу статью «Россия и славяне». Редко удалось вам так хорошо, верно и горячо выразиться!

Продолжайте варьировать на одну и ту же тему: «энергическое вмешательство России в славянское дело» — только, бога ради, не военное.

У нас о войне не хотят и слышать и собираются преследовать карами эту мысль в печати.

Мне удалось слышать такое изречение (от лиц достоверных, собственно слышавших его): «Я изо всех сил стараюсь улаживать мирное разрешение дела, а печать хочет меня ссорить с Европою, это нельзя допускать». Да и я, признаюсь вам, не только не сторонник, а враг войны при настоящем положении России.

Поднимать против себя всю Европу она не может: не сладит она с ней, а говорить, как говорят наши пустомели: «заварить бы кашу, а там что-нибудь, да выйдет из этого», — по-моему глупо и бессовестно, предоставим это разным женевским и лондонским проповедникам!

Россия, мне кажется, должна именно теперь энергически действовать в Европе на прекращение балканской бойни и на удовлетворение требований славян. Требования же их в высшей степени благоразумны и умеренны.

Теперь они для меня выяснились окончательно из разговоров с сербским сенатором Протичем (председателем кассационного суда в Сербии, присланным сюда для заключения займа в 6 млн. рублей, который, говорят, состоится по воле государя), из письма ко мне митрополита Михаила, напечатанного в «Голосе», наконец, из меморандума Ристича, в котором прямо говорится, что сербы ничего для себя не ищут, что они довольны своим status quo, обеспечивающим все условия их государственного развития и цивилизации; они хотят только, чтобы этими же самыми условиями (не более) пользовались и братья их: босняки, герцеговинцы, болгары, с сохранением неприкосновенности турецкой территории, т. е. пусть Босния, Герцеговина, Болгария будут вассальными землями Турции, пусть платят известную подать за землю, но пользуются вполне административною свободою, так что ни одного турецкого солдата, ни одного турецкого чиновника не будет на земле их.

Если б можно было добиться этих льгот, Восточный вопрос был бы уже решен шапловину, другая половина решения не замедлила бы по мере того, как независимые в административном отношении славянские общины, при смысленности и постепенном цивилизовании народа, наливались бы силою, а гнилое дупло — Турция — разваливалось бы с каждым днем

более и более, да и Россия в эти десятки лет становилась бы все грознее и грознее.

Вот моя основная мысль, которой я держался с самого начала восстания, которая постоянно выражалась в «Голосе» и которая теперь оправдывается высшими людьми сербского правительства: Михаилом, Ристичем, Протичем, руководящими всем славянским делом. Этой же мысли «Голос» будет держаться и впредь и будет счастлив, если вы усвоите ее себе и будете ее поддерживать вашей светлою головою и горячим благородным сердцем. Мысль эта верна и славянолюбива!

Бранили «Голос», как он осмелился сказать, что Милан, яко вассал, не имел права объявить войну Турции, но ведь это только придирка к словам! Сам Милан оправдал меня, не объявив войны (подобно Николаю), а просто пристав к восстанию других славян. Обвиняли «Голос» в непочтительном отношении к Черняеву — но самое дело оправдало меня, вы видите, что этот псевдовеликий полководец только портит дело у этого юноши Милана и уже сгубил понапрасну не одну тысячу сербов. Разумеется, говорить обо всем этом в нынешнюю горячую минуту невозможно, но со временем все это выйдет наружу.

Теперь, пока не установится хоть что-нибудь в Турции (Мурад, Хамид или другой какой-нибудь болван), нужно хлопотать только о том, чтобы доставлять славянам как можно более средств на продолжение войны, потому что чем более они будут бить турок, тем более турки станут уступчивы, да и Европа будет смотреть с большим почтением на этих «свинопасов» (как называет «Daily Telegraph»² славян) и скоро согласится поддерживать их требования.

Мечты о европейской войне, о немедленном изгнании турок из Европы и об учреждении завтра же в Константинополе столицы славянской федерации «оставим мальчикам в забаву», как говаривал Пушкин.

Помета Александра II: Весьма здравые мысли и совершенно согласные с моими. ЦГИАМ, ф. 109, с. а. оп. 4, д. 444, лл. 1—3 об. Копия.

1. «Голос» — газета умеренно-либерального направления, издавалась в Петербурге А. А. Краевским (1863—1884),. Получала правительственные субсидии.

2. «Дейли телеграф» («Daily Telegraph») — английская консервативная газета. Выходила с 1855 г. в Лондоне, с 1937 г. носит название «Дейли телеграф энд морнинг пост».

№ 174

1876 г. июля 24. — Письмо А. К. Баумгартена С. Ф. Панютину об отъезде в Черногорию профессора хирургии Н. В. Склифосовского

Милостивый государь Степан Федорович!

22 сего июля с экстренным поездом отправился в Черногорию профессор хирургии здешней Медико-хирургической академии Николай Васильевич Склифосовский.

Осведомившись об этом отъезде, ее императорское величество повелеть мне изволила передать вашему превосходительству, чтобы вся медицинская часть нашего санитарного отряда в Черногории и Герцеговине была вверена главному наблюдению г. Склифосовского.

Уведомляя об этом ваше превосходительство и поручая г. Склифосовского особому вашему вниманию, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, л. 423 и об. Копия.

1876 г. июля 25. — Письмо члена Петербургского славянского комитета А. Н. Хвостова И. С. Аксакову о намерении сформировать отряд для участия в сербско-турецкой войне

Милостивый государь!

На днях я был у военного министра и просил позволить мне набрать 20 тыс. охотников из армии для вторжения в Турцию, дать нам 30 тыс. ружей системы Бердана, 40 орудий и полное снаряжение на 5—6 месяцев: при этом я говорил, что если министерство даст все это без всякой замедляющей формальности, то дело формирования отряда сохранится в тайне и мы чрез 2—3 недели будем в Турции. На это он мне ответил, что, как человек, он сочувствует славянскому делу, но как министр, отдавая ружья Бердана, в которых министерство нуждается, он боится скомпрометировать правительство; вы, как истинно русский человек, поймете, какое действие мог произвести на меня подобный ответ; я на это заметил, что большей компрометации, как бояться Англии, ничего не может быть для империи в 80 миллионов жителей, что англичане, которых министр и все правительство так боится, не успеют очнуться, как мы уже будем в Константинополе. Все это может случиться в какие-нибудь 1½—2 месяца, конечно, при непременно условии отрешиться от всяких формальностей и облечь дело в возможную тайну.

Я говорил об этом с генералом Игнатьевым и товарищем министра иностранных дел Гирсом; в первом я нашел истинно русского просвещенного человека, но, по выражению его, «он один в поле не воин»; от другого же я только мог добиться, что вследствие Рейхштадтского свидания трудно получить какую-либо поддержку от правительства; но что на подобное предприятие могут смотреть сквозь пальцы, конечно оставляя за собою право, в случае если возникнут представления иностранных держав, не дозволить нам перейти границу и захватить нас, что называется en flagrant délit *.

Я обращаюсь к вам, как к светилу нашей славянской идеи, оставьте палькативные меры, признайте историческую истину и пример Англии, что в политике правительств энергия, нахальство, наглость и решительность есть единственные элементы силы и авторитета; что палькативная помощь в такой трагический момент в судьбе славян и нас, русских, совершенно ничтожна; я говорю и нас, так как будущее наше темно, нас заедят пангерманизм и османизм, окрепнувшие на костях славян. Нам нужно разубить этот гордиев узел!

Помогите этому святому делу, выйдите на более широкую арену, время дорого и благоприятно; вы, Московский славянский комитет, не дайте растоптать и смеяться над Русью! Докажите, что слова еврея Дизраэли ничего более не значат, что святые желания нашего народа не могут быть безнаказанно попораны и что христиане всего мира торжеством креста над полумесяцем и иудейством будут обязаны вам, Московскому славянскому благотворительному комитету.

Если Франция и Англия поддерживали целые годы Дон-Карлоса, давая ему денег и оружия, делая все для воссоздания средневекового абсолютизма и клерикализма, то неужели мы не в состоянии уделить какие-либо 1½—2 миллиона, чтобы защитить миллионы людей от смерти и насилия, предохранить от магометанского гноя и забыть, перевернуть

* На месте преступления (фр.).

роковое глупое дипломатическое равновесие, во имя которого приносились в жертву целые века самые лучшие человеческие права.

Я слышал, что Австрия не пропускает в Сербию несколько тысяч ружей, заказанных в Бельгии; можно было бы воспользоваться ими, а также достать необходимое число пушек и картечных; в последних почти не нуждается наше правительство, а они необходимы и превосходны для ведения партизанской войны. Наконец, если невозможно будет организовать отряд, то возможно будет собрать несколько сот офицеров.

Прошу прочесть это письмо в комитете, не разглашая его извне, и благоволите уведомить меня, возможно ли осуществить мои предложения. Члены комитета могли бы принять на себя обязанность интенданства. Мои планы смелы, но возможны, на моей стороне история, возьмите пример завоевания Индии английскою торговою компаниею, и наших предков, переплывавших на ладьях и громивших берега Византии.

Примите уверение, милостивый государь, в беспредельном к вам уважении и благоговении перед вашею личностью,

майор Александр Николаевич Хвостов

P. S. Адрес: Петергоф, Александровская улица, д. Орчуговых № 16.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, лл. 70—73 об. Автограф.

№ 176

1876 г. июля 25. — Письмо В. А. Махачки И. С. Аксакову о покупке ружей для болгар

Николаев

Добрейший Иван Сергеевич!

Я в Николаеве; хотя мне это вовсе не по дороге, но я заехал сюда только потому, чтоб узнать кое-что про Вуксановича; мы с Теохаровым не ошибались, он подлец; его биографию узнал от директора г-на Минкова. Прошу не давать ни гроша.

Я купил, как вам из телеграммы известно, в Туле 100 и получил даром 300 штук револьверов; в Моршанске 100 ружьев; все до сих пор благополучно — вещи все в Кишиневе. Еду завтра через Елисаветград туда же.

Взял я тут от директора г-на Минкова двадцать руб. серебром на ваш счет для проезда в Кишинев.

Остаюсь с уважением вас любящий Махачка

P. S. Г-н Минков говорит, что этих денег не нужно возвращать, он взял их у одного священника.

Махачка

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 277, лл. 118—119. Автограф.

№ 177

1876 г. не позднее июля 28* . — Объявление канцелярии Ставропольского губернатора об организации особой комиссии для сбора пожертвований в пользу балканских славян

С разрешения г. управляющего Ставропольской губернией организована особая комиссия для сбора пожертвований в пользу страждущих славян Балканского полуострова. Члены этой комиссии, снабженные квитанционными книгами и подписными листами, надлежащею подписью засвидетельствованными, уполномочены собирать добровольные даяния. Кроме того, пожертвования как деньгами, так и санитарными принадлежностями (по преимуществу ветошь или тряпки из полотна), принимаются в канцелярии губернатора ежедневно, за исключением дней воскресных, от 9 часов утра до 2-х пополудни.

Здесь же уместно заявить, что чины губернского правления единодушно выразили готовность на все время войны славян с турками жертвовать по 1% с получаемого ими содержания и что постановление это приводится в исполнение с августа месяца.

Подробная отчетность о ходе этого дела будет объявляться во всеобщее сведение своевременно.

ГА Ставроп. кр., ф. 69, оп. 1, д. 624, л. 21. Типогр. экз.

№ 178

1876 г. июля 28. — Из перлюстрированного письма черниговского губернского предводителя дворянства Н. И. Неплюева Н. Н. Неплюеву о нецелесообразности вступления России в войну с Турцией

Глухово, Черниговской губ.

Положение славян отчаянное; но может ли наше правительство, неподготовленное к войне, пренебрегать интересами своего собственного народа и ввязаться в войну, в которой оно очутится в конце концов одно против всей Европы? В праве ли оно рисковать участием своего государства из одной идеи великодушия? Мне кажется, что в настоящее время России остается только одно: жертвовать как можно более денег для того, чтобы облегчить по возможности бедствия воюющих славян. Мы видим, что Россия не возбуждала славян к настоящему восстанию; оно возникло даже против ее воли, — следовательно, несправедливо ее укорять в том, что она оставляет их на произвол судьбы, а так поступают члены Славянского комитета в лице своих главных представителей. И без агитации этих господ Россия может быть вынуждена начать войну с Турцией в Малой Азии, где курды, вследствие возбужденного турецким правительством фанатизма, угрожают России набегом, но в таком случае Европа не будет иметь права упрекать нас и вмешаться в распрю, — мы этим поможем славянам, так как турки тогда вынуждены будут отделить часть войска в Малую Азию.

Помета Александра II: Таким образом и я понимаю настоящие интересы России. ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 445, л. 1 и об. Копия.

* Датируется на основании обращения управляющего Ставропольской губернией (см. это же дело, лл. 22—23).

№ 179

1876 г. июля 29. — Телеграмма А. М. Горчакова русскому дипломатическому агенту и генеральному консулу в Бухаресте Д. Ф. Стурту о русских добровольцах в Сербии

Петергоф

В цифрах *: Сообщите, какого звания русские волонтеры, о которых упоминается¹. Впрочем, не вмешивайтесь. Предоставьте каждому свой произвол.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, л. 87. Копия.

1. В телеграмме Д. Ф. Стурта от 28 июля 1876 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7629, л. 86 и об.) говорится о тяжелом положении русских волонтеров в Сербии и необходимости ограничить их приезд. Публикуемая ответная телеграмма А. М. Горчакова составлена на основании помет Александра II на телеграмме Д. Ф. Стурта.

№ 180

1876 г. июля 29. — Письмо И. С. Иванова И. С. Аксакову об отправке отряда болгар-добровольцев в Сербию

Кишинев

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Сегодня утром в 6 часов я выпроводил в Яссы санитарный комитет и партию офицеров, как-то: Небольсина, Сеницына и прочих, а также до 200 болгар, отправляющихся в Сербию. Закипела кровь славянская, все горят на Балканском полуострове стремлением к освобождению, но, к несчастию, с тысячами затруднений эти сыны славянства встречаются.

Бедная Болгария испытывает страшные бедствия и ниоткуда помощи не получает. Ни одна турецкая провинция никогда не была в таком ужасном положении, в каком ныне находится Болгария, стоны и бедствия которой не доходят до Европы, потому что она от нее отрезана непроходимой границей. Дай бог, чтобы какая-либо моровая язва поразила бы этих варваров-турок, потому что, как видно, от них ничем больше нельзя избавиться. Ради бога не забывайте несчастную Болгарию, которая разорена, ограблена и население ее бедствует. На днях я отправил своими средствами четверых офицеров, на днях составится еще партия. Послал по разным местам собирать способных отставных офицеров.

Не знаете ли, где пропадает Вуксанович? Денег на руки не давайте, а если явится к вам, прикажите ему немедленно приехать ко мне. Последние известия из Сербии смущают меня, но я не теряю надежды, что они будут побиты, потому что Сербия чрезвычайно удобна для партизанской войны и, не дай бог, если турки возьмут верх, тогда житья христианам не будет.

Вчера я пригласил двух наших барынь — докторов из Парижа ехать в Белград, на что они изъявили согласие, Берладская, болгарка родом, и Димитриева. Великое славянское спасибо вам за любовь к братьям.

Душевно вам преданный И. Иванов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 278, лл. 71—72 об. Автограф.

* Т. е. зашифровано.

1876 г. июля 29. — Письмо Т. Н. Минкова И. С. Аксакову
с просьбой оказать помощь в отправке добровольцев в Сербию

Николаев

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Не знаю, есть ли в России такой город, в котором можно было бы найти столько охотников, желающих отправиться сражаться за свободу славян, сколько их в Николаеве, который населен большею частью участвовавшими в Крымской войне отставными офицерами и нижними чинами. Будь только у меня средства, я мог бы, уверяю вас, отправить до сих пор не менее 1000 человек, потому что ко мне каждый день приходит 15—20 человек.

К сожалению, я мог до сих пор дать рекомендации к моему старому знакомому Лешанину и помочь материально только немногим офицерам, докторам и фельдшерам, ибо многие из родителей находящихся в моем пансионе своекоштных воспитанников или убиты, или лишены состояния, так что никто мне не высылает за содержание детей, и я должен на свои средства кормить и одевать их. Несмотря на это, я в последнее время принял в пансион, пока опять на мой счет, еще трех мальчиков. Двое из них малолетние сыновья бывшего болгарского священника Катрафилова; третий же племянник одного молодого болгарина, который был офицером в русской армии. Я, разумеется, не мог не взять этих детей в пансион, ибо как священник, так и офицер дали обещание отправиться на театр войны, и, как мне теперь положительно известно, сдержали свое слово. Катрафилов теперь соучаствует с крестом в руках отряд болгарских инсургентов под предводительством воеводы Ботева¹. Кроме того, я содержал целых 5 месяцев трех болгар, бежавших от преследований турок. По объявлении Сербией войны Турции эти молодые люди отправились в ряды инсургентов, и один из них уже убит.

Вследствие изложенных обстоятельств я не имею возможности в большом размере помогать материально желающим сражаться за свободу славян. Между тем число их с каждым днем увеличивается. В последнее время моим хорошим знакомым отцом Еланским, священником прихода, населенного почти исключительно отставными воинами Крымской кампании, была произнесена во время молебствия пред чудотворным образом Касперовской божьей матери проповедь, которая так воодушевила прихожан, что толпы закаленных в бою рубак явились ко мне с просьбою отправить их на помощь сражающимся «за веру Христову», как они говорили. Жаль было смотреть на этих людей, когда они после неизбежного с моей стороны отказа должны были с понуренной головой возвращаться в свои дома.

Поэтому я прошу вас, Иван Сергеевич, если только это не будет несогласно с целью Славянского комитета, доверить мне некоторую сумму, которую я мог бы употреблять на отправку охотников на театр войны, что будет очень легко делать, так как в Одессе и в Галаце я буду иметь своих агентов, которые будут встречать и провожать охотников, а этим устраняется возможность к злоупотреблению, ибо деньги не будут даваться им на руки. Я же буду представлять вам смету расходов с аккуратностью, которую всегда соблюдаю в подобных делах. Не знаю, как вы посмотрите на это, но я думаю, что можно отправить сразу большую партию под видом рабочих, нанятых каким-нибудь сербом для полевых работ, которые, по недостатку рабочих рук на месте, не могут быть в надлежащее время окончены.

Здесь я успел вчера составить кружок, целью которого будет открытый сбор пожертвований в пользу страждущих славян. Нельзя, разумеется, рассчитывать на большие суммы, но «с каждого по нитке, голому рубаха».

С истинным почтением и таковой же преданностью имею честь быть ваш покорный слуга

Т. Минков

Помета: Выслать Минкову 2 тыс. и написать ему.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 83, лл. 80—81. Подлинник.

1. Х. Ботев и С. Катрафилов погибли на Балканах еще в мае 1876 г.

№ 182

1876 г. июля 29. — Письмо Д. А. Милютина А. М. Горчакову о готовности России к войне

Позвольте убедительно просить вашу светлость приказать прочесть вам статью в газете «Новое время», № 149 (29 июля) под заглавием: «Россия прежде и теперь»¹. При этом должен положительно заявить, что газета эта не имеет никаких соотношений с военн[ым] мин[истерство]м; а я лично даже не получаю этой газеты и вижу ее в первый раз. До сих пор я даже предполагал, что издание это скорее враждебно В[оенному] м[инистерст]ву.

Если б я не опасался предавать гласности какие бы то ни было только сведения о наших военных силах, то, конечно, мне было бы легко несколькими цифрами рассеять распространенные вредные для нас толки о том, будто Россия не готова к войне. Ни одно государство не бывает во всякую минуту готово открыть военные действия. Даже Пруссии нужно хоть несколько недель, чтобы начать кампанию. Россия, конечно, не может никогда приготовиться так быстро, как Пруссия (на это есть географические и другие причины); но смело могу сказать вашей светлости, что *никогда* еще военные силы России не были столько *подготовлены* к войне, как теперь.

Но, конечно, с каждым годом, с каждым месяцем готовность эта будет больше.

Мне казалось не лишним, чтоб это было известно государственному канцлеру.

Глубоко вам преданный

ОР ГБЛ, ф. 169, ч. 1, к. 51, д. 107. Автограф (черновой).

1. В статье «Россия прежде и теперь», опубликованной в газете «Новое время» (от 29 июля 1876 г.), ставится вопрос: подготовлена ли Россия в военном отношении настолько, чтобы решающим образом повлиять на судьбу общеславянского дела.

В Западной Европе, говорится в статье, считают, что Россия после Крымской войны, занятая сугубо внутренними экономическими делами, ослабила внимание к военной силе и славе. Россия не может в случае необходимости выступить на защиту славян с оружием в руках. Автор статьи, опровергая это мнение, писал, что в результате перемен, происшедших за 20 лет после Крымской войны (отмена крепостного права, военная реформа). Россия укрепила свое могущество, свои вооруженные силы.

Д. А. Милютин в дневнике сообщает, что подобные статьи появились в нескольких русских газетах. «Это дало мне повод написать кн. Горчакову, чтобы он прочел одну из таких статей в «Новом времени», и при этом высказал ему несколько элементарнейших понятий о том, что значит быть готовым к войне и быть подготовленным» (51, Т. II, стр. 65).

№ 183

1876 г. юля 30. — Письмо Т. Н. Минкова П. Енчеву в Бухарест
о сборе средств в помощь болгарам

Николаев

Любезни Енчев!

Едно от писмата ви, а именно онова, което сте ми изпроводили от Браила, трябва да се е изгубило, защото и досега не съм го получил.

Жал ми е, че нашите работи не са твърде завидни. Вий се убедихте сега, че аз бях прав, когато зимъс ви казах да не вярвате на всичко, което се говори. Както се вижда, нашите комитети са съществували само в главите на турците и на някои лековерни хора¹. Гледайте дано барем сега да устроите нещо с Йонина, за да можем да омием поне срама, който не дай боже, може да падне на народа ни.

Аз тука работя както мога. Тези дни успех да съставя един кружок, който ще събира помощ за българите. Но за да има повече успех и да може да се изпроважда нещо по-същественно, вий оттам пишете по-често от какво се чувствува нужда, до кого може да се изпроваждат помощи и проч[ее].

Тука се получи в редакцията на Ник[олаевския] вест[ник] едно обявление на франц[узки] език, че се [е] съставил комитет и просят помощ. Обявлението е подписано от някоя си г-жа Пулева. Напишете ми по-скоро този комитет ли е, за когото вий ми писакте или е друг, особен*.

Владимиру Семеновичу мой поклон.

Ваш Т. Минков

НБВК — БИА, ф. 232, II Г 760. Автограф.

1. О позиции Т. Минкова по отношению к двум партиям болгарской эмиграции в Румынии см. док. 333.

№ 184

1876 г. юля 30. — Записка по III отделению об отъезде 46
гвардейских офицеров в Сербию

№ 487

В кругу офицеров рассказывают, что в среду, 28 числа, из лагеря Ижорского и Красносельского отправилось в Сербию 46 офицеров, преимущественно Семеновского и Измайловского полков, а также гвардейского саперного батальона; уверяют, что они не скрывали от своего начальства своих намерений и что они, не выходя в отставку, испросили себе отпуск на неопределенное время.

Обстоятельству этому придают в обществе сильно преувеличенное значение, а именно: большинство публики объясняет себе этот факт не иначе, как намерением правительства руководствоваться впредь общественным мнением, высказывающимся так сочувственно к сербам; многие по этому поводу допускают даже, что правительство само пропагандирует отправку офицеров в Сербию¹, чтобы на всякий случай иметь там офицеров, уже знакомых со всеми местными условиями.

Помета: Доложено его величеству 31 июля 1876 г. Петергоф.
ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, л. 226 и об. Подлинник.

* См. примечание к док. 157.

1. Военный министр Д. А. Милютин, характеризуя отношение царя к добровольческому движению, в сентябре 1876 г. записывал в дневнике: «Ясно, что во всем этом деле движения волонтеров в Сербию сам государь действовал двойственно и отчасти сам способствовал распространению убеждения, что правительство поощряет это движение. Всем известно, что наследник цесаревич принимал и продолжает принимать самое деятельное участие в славянском деле» (51, Т. II, стр. 86).

№ 185

1876 г. июля 31. — Из политического обзора начальника Псковского губернского жандармского управления А. В. Комарова о сочувствии крестьян и городского населения восставшим славянам и о пожертвованиях в их пользу

[. . .] В народе упорно держится убеждение о предстоящей войне; по инициативе духовенства, крестьяне приносят свои посильные жертвы как деньгами, так и холстом в пользу страдающих христиан. Между городскими жителями проявляется сочувствие к инсургентам: так, горожане города Пскова, движимые чувством сострадания к восставшим сербам и черногорцам, обратились к преосвященному Павлу о просьбою о совершении господу богу молебствия о даровании восставшим победы и скорого окончания войны. Преосвященный Павел исполнил желание горожан, совершив 25 июля в Кафедральном соборе при торжественной обстановке молебствие с провозглашением многолетия сначала государю императору, а затем князьям сербскому и черногорскому и вечной памяти убитым за веру и отечество [. . .]

Полковник Комаров

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 23, л. 33 об. Подлинник.

№ 186

1876 г. июля 31. — Письмо А. Л. Потапова товарищу министра внутренних дел А. Б. Лобанову-Ростовскому о порядке проведения собраний и сборов пожертвований в пользу южных славян

№ 1720

Секретно

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

До сведения государя императора дошло, что настроение, возбужденное в русском обществе событиями, происходящими на Балканском полуострове, принимает столь широкие размеры, что не только устраиваются в некоторых местах по этому поводу собрания без разрешения начальства, но самый сбор пожертвований в пользу южных славян производится иногда неправильно.

Ввиду сего его императорское величество высочайше повелеть мне изволил: сообщить вашему сиятельству, чтобы предписано было всем местным губернским начальникам вышеозначенные собрания и сбор пожертвований разрешать не иначе, как на основании существующих узаконений и правительственных распоряжений относительно вообще собраний и добровольных сборов с тем, чтобы лица, коим поручаются эти сборы, были непременно снабжаемы письменным на то удостоверением.

Исполняя сим таковую высочайшую волю, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал: А. Потапов

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84 л. 225 и об. Заверенная копия.

№ 187

1876 г. июля 31. — Донесение начальника Рязанского губернского жандармского управления А. И. Бордюгова в III отделение о пожертвованиях населения губернии в пользу южных славян

№ 169

29 сего июля рязанским купечеством, при содействии отделения Дамского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах, было устроено в городском саду гулянье в пользу пострадавших славян. Стечение публики было огромное. Сбор с этого гулянья — 2100 рублей отправлены по назначению. Во всех сословиях населения губернии проявляется горячее сочувствие к делу славян и к бедствиям их семейств, пострадавших в настоящую войну.

В г. Касимове собрано более 1000 рублей, которые и отправлены к председателю Московского славянского комитета. В других уездах губернии предполагаются сборы с тою же благотворительною целью.

Имею честь донести об этом III отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Полковник Бордюгов

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, л. 243 и об. Подлинник.

№ 188

1876 г. июля 31. — Агентурная записка в III отделение о расширении в Петербурге движения добровольцев, желающих поехать в Сербию

№ 488

На бывшем вчера в театре Лесного корпуса вечере, устроенном в пользу славян, хотя и не было явных демонстраций, тем не менее собравшаяся на этот вечер публика не только восторженно выказывала большими денежными пожертвованиями свое к славянам сочувствие, но также явно позволяла себе резко осуждать правительство по поводу пассивного его отношения к славянскому движению. Присутствовавшие на этом вечере офицеры рассказывали, что вчера снова 50 офицеров подали его высочеству главнокомандующему войсками Петербургского военного округа прошение об отпуске их для поступления в сербскую армию *. Вообще движение в обществе и желание принимать самое деятельное участие в судьбе борющихся славян возрастает в сильной степени; в настоящее время многие лица приняли на себя почин вербовать отставных и бессрочно-отпускных солдат для сербской армии генерала Черняева, причем каждому из них выдают на подъем 175 руб. серебром, кроме того обещают им,

* См прим. 1 к док. 184.

в случае благополучного возвращения, денежное вознаграждение; охотников на это из старых служивых много, и, как говорят, их собрано уже более 2 тыс. человек, весь же отряд предполагается от 4 до 5 тысяч. Главным деятелем вербовки называют графа Воронцова-Дашкова, а из числа помощников его называют князя Оболенского, графа Келлера и других офицеров.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 437, лл. 2—3. Подлинник.

№ 189

1876 г. июля 31. — Из перлюстрированного письма издателя газеты «Русское обозрение» журналиста Г. К. Градовского А. Д. Градовскому о войне в Сербии

С.-Петербург

№ 3 всем понравился¹, но ваше мнение мне дороже всего. Вы мне открыли глаза. Мне казалось: не может быть сомнения, что мы должны заступиться за славян, хотя бы тысячу раз не были готовы, но я боялся, что нас заподозрят в свете не в заступничестве за славян, а в стремлении завладеть «ключами» Константинополя. О Черняеве я высказался еще до открытия войны и не столько о нем, сколько о Фадееве, который подготавливал египтян, находящихся теперь в Константинополе и Нише.

Черняева я знал хорошо и искренно не верил в его военные способности. Не верилось также, чтобы человек, отстаивавший крепостничество, вотчинную полицию, уничтожение общины, привилегии происхождения у себя на родине, чтобы такой человек мог искренно сражаться за свободу других. Я говорил: прежде преклонения посмотрим, что сделает наш герой? К сожалению, последствия, кажется, оправдывают меня. Я желчно выразился против Сербии, но потому, что видел в акте объявления ею войны поползновение разыграть роль Пруссии и факт отделения от России в то время, когда нужно было думать только о единстве. Я опасался того, что и случилось: Сербия не подготовлена к войне и способна была только разыграть нечто вроде Саарбрюкенской победы «Лютю»².

Между тем я твердо верил, что обстоятельства привели бы Россию к более энергическому вмешательству, и тогда славянские силы не растрачивались бы по мелочам и порознь. Сербия не была бы передана на волю башибузуков и вместе с Россией разгромила бы турок. Особенно виню я Черняева, как русского, подстрекнувшего Милана к войне.

Теперь уже разрешено офицерам ехать в сербскую армию: им даются отпуска, под видом отставки, им оказываются гласные пособия, но не поздно ли? Не идут ли они на верную гибель? Можно было поступить гораздо бережливее, разумнее распорядиться славянскими силами.

Или эти жертвы — эта напрасно пролитая кровь — нужны были, чтобы побудить правительство действовать энергичнее, вне немецких объятий, или чтобы заставить нас самих подать голос и повлиять на правительство, как это теперь случилось.

Я теперь вижу, что действительно нужно готовить русское общество — новое — на самые тяжелые реформы; я забыл, что патриотизм, национальность, преданность бескорыстной честной идее не у всех были в моде.

Вы совершенно верно угадали, что издавая № 3, я опасался, что мы будем сочувствовать сербам только до тех пор, пока они останутся побе-

дителями и пока, по уверению публицистов «Нов[ого] врем[ени]», будет открыта дорога в Константинополь.

Я же хотел, чтобы у сербов были друзья именно в ту минуту, когда они нужны, когда дело идет о спасении, а не о ловле рыбы в мутной воде.

Помета А. Л. Потапова: Получено от его величества 10 августа 1876 г. Царское Село.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, л. 444, лл. 6—7 об. Копия.

1. «Русское обозрение» — политическая и литературная газета либерального направления. Издавалась с 11 июля 1876 г. по 5 февраля 1879 г. Издатель-редактор — Г. К. Градовский.

Газета довольно подробно освещала борьбу славян Балканского полуострова против турецкого ига. Критические выступления газеты по вопросам внутренней политики правительства навлекали на нее неоднократные репрессии — 11 предостережений, три временных приостановки; газета была запрещена за фельетон Градовского о суде над Верой Засулич.

№ 3 «Русского обозрения», о котором упоминается в документе, вышел 25 июля 1876 г. Почти весь он был посвящен положению на Балканах. В передовой статье и в фельетоне высказывались симпатии к славянам и убеждение, что при всем этом Россия не может в данный момент начать войну.

2. В начальный период франко-прусской войны 2 августа 1870 г. французские войска заняли высоты к югу от Саарбрюккена и артиллерийским огнем немцев выбили из города. Однако наступательные действия французской армии не были развиты, и преимущества французов после боя были «равны почти нулю» (Ф. Э н г е л ь с. Избранные военные произведения, 1958, стр. 476).

№ 190

1876 г. июль *. — Заявление акушерки С. В. Логвеновой в Московский славянский комитет о желании отправиться сестрой милосердия в Сербию

Читая каждый день все ужасы на театре войны, грешно бы было русской женщине, одинокой и ничем не связанной, остаться безучастной к страданию своих братьев. Я желаю посвятить себя этому делу в качестве сестры милосердия. Прошу и умоляю Славянский комитет дать мне возможность доехать туда, желала бы возвратиться оттуда или с полной победой моих братьев — единоверцев или умереть там. Адрес мой: Страстной бульвар, гостиница Виктория, № 25, спросить акушерку Софью Васильевну Логвенову.

Софья Логвенова

ЦГИАМ, ф. 1750 г., д. 90, л. 158. Автограф.

№ 191

1876 г. августа 1. — Письмо неизвестного лица петербургскому градоначальнику Ф. Ф. Трепову о недовольстве политикой русского правительства в Восточном вопросе

С.-Петербург

Ваше превосходительство милостивый государь Федор Федорович!

Ныне, возвратясь в Петербург после трехмесячного путешествия по губерниям: Петербургской, Московской, Тульской, Орловской, Харьковской и др., я вынес ужасное впечатление о политической нравственности русского человека.

* Дата отсутствует. Заявление, по-видимому, относится к июлю 1876 г., когда шла отправка санитарных отрядов из России в Сербию.

Обаяние царственной особю государя нашего падает заметно с каждым днем. Речи агитаторов-революционистов становятся резче и правдоподобнее. В предстоящем движении, видимо, участвует женщина и мать, это страшная сила!

Равнодушное, бессердечное отношение русского императора к братьям-славянам Балканского полуострова, оплеванная внешняя политика его, при постоянной армии в 800 тысяч и при годовом бюджете Военного министерства в 180 миллионов рублей, демонстрация в 1870—1871 годах на пользу Пруссии и Германии — все это явно подтверждает, что великий наш царь по внутренним свойствам своим чужестранец. Нет меры презрения, с которым относится русский человек к современной политике своего монарха.

Запрещение свободных денежных сборов в пользу восставших славян, запрещение служить молебны на победу и одоление ими врагов своих — все таковые распоряжения поистине возмутительны!

Не тут ли кроется причина, почему слово агитатора ныне в цене, — его слушают и слушают с лихорадочною горячностью, которая в недалеком будущем разразится бурей, сокрушающею самые прочные вековые молы.

Военная повинность бойко, очень бойко положила в основе образование, а за численным недостатком учебных государственных заведений получить его негде. Принятие бесчеловечной формы классического образования, которая служит не развитию юношества, а систематическому его истреблению. Исключительное признание за этим образованием наивысших прав гражданства. Казнокрадство, которое в позднейшее время наиболее рельефно выразилось в скандальной готовности нашего флота, наших крепостей и пехоты. Вот вопросы времени, которые, проповедуясь публично и освещенные честными взглядами добросовестных лиц, поднимают на ноги и старого и малого, родителей и детей, военного и гражданского человека.

Все настоящие соображения, наскоро составленные, спешу повернуть вниманию вашего превосходительства.

Преданный вам столичный житель

Помета: Оставить без последствий. 2.VIII [18] 76 г.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 446, лл. 2—3 об. Автограф.

№ 192

1876 г. августа 2. — Письмо секретаря БЦБО Г. А. Золото-
вича И. С. Аксакову с просьбой о субсидии газете БЦБО

Бухарест

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Дня три тому назад я писал к вам и осмелился рекомендовать г-на Бобчева как предпринимающего издание газеты «Напред»¹. Теперь Бобчев нашел уже средства, даровую типографию и согласен передать эти средства другой газете. Наше положение и состояние таковы, что помощь и субвенция* не отвергаются, а принимаются с глубочайшею благодарностью. Центральное общество предпринимает издание газеты² и также не отказалось бы от субвенции. Редактором ее будет Цанков, известный уже хорошо в Румынии как редактор газеты «Балкан», издавав-

* *Пособие.*

шейся на румынском языке *. Если решились помочь, милостивый государь, надеюсь, что не оставите мою просьбу без внимания. Прошу извинения за смелость, которую взял рекомендовать того или другого. Но я стараюсь помочь там, где действительно чувствуется нужда. Поэтому, надеюсь, что вы не откажете в помощи г-ну Цанкову, я с радостью и терпением жду ответа. Деньги получило общество и начало свою дальнейшую деятельность.

Покорнейший слуга ваш
Георгий А. Золотович

Адрес: Bucarest, monsieur K. Tzankoff Strada Moşilor № 105 pour Zolotov.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 74, л. 172 и об. Автограф.

1. С. С. Бобчев договорился со «старыми» об издании газеты, которая бы отражала политическую линию болгарской крупной буржуазии в Румынии и России. Задуманная под заглавием «Напред», газета стала выходить с 7 августа 1876 г. под названием «Стара Планина» (85, стр. 465).

2. Издание такой газеты не было осуществлено. Роль органа БЦБО выполняла газета «Български глас», выходившая в Болграде с 17 апреля 1876 г., а затем общество стало издавать газету «Нова България», основанную еще Хр. Ботевым (№ 1 ее вышел 5 мая 1876 г.).

№ 193

1876 г. августа 2. — Отношение начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьева Петербургскому цензурному комитету о запрещении политических выпадов в воззваниях славянских комитетов

№ 4061

От Московского славянского благотворительного комитета, за цензурным дозволением от 28-го минувшего июня, разослано повсеместно приглашающее к пожертвованию в пользу славян объявление¹, в коем, между прочим, говорится: «В то время, как английское министерство одушевляет Турцию нравственною и материальною поддержкою, а Австро-Венгрия, как бы железной стеной, по всей своей обширной границе ограждает Турцию от провоза к воюющим славянам оружия и хлеба, остальные западноевропейские державы присутствуют безучастно при неравном, убийственном споре, готовые вырвать плоды победы у христиан, если бог благословит их победой».

Ввиду совершенной неуместности подобных политических инсинуаций, предлагаю С.-Петербургскому цензурному комитету во всех воззваниях и объявлениях о пожертвованиях в пользу пострадавших от восстания славян Балканского полуострова не допускать никаких политических тенденций, а тем более каких-либо выражений, подобных вышеуказанным, могущих быть оскорбительными для дружественных с Россией держав².

Исправляющий должность начальника

Главного управления по делам
печати В. Григорьев

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1876 г., д. 66, лл. 2—3. Подлинник.

1. Московский славянский комитет трижды рассылал свои воззвания о пожертвованиях по всей России. Первое воззвание касалось пожертвований в пользу пострадавших от смут жителей Герцеговины, Боснии и Старой Сербии, второе — в пользу

* См. прим. 2 к док. 145.

болгар, третье — в пользу раненых сербов и черногорцев. О них неоднократно упоминалось в русской прессе за май—июль 1876 г. (см. «Русские ведомости», «Современные известия» и т. д.). В документе идет речь о третьем воззвании (см. «Русские ведомости» от 17 июля 1876 г.; «Современные известия» от 30 июля 1876 г.).

2. Хотя с середины 1876 г. русское правительство под давлением общественного мнения в стране стало склоняться к предоставлению обществу более широкой свободы в помощи славянам (негласное согласие на провоз оружия сербам и болгарам, разрешение офицерам выходить в отставку и ехать в Сербию), но, придерживаясь по-прежнему тактики невмешательства, стремилось избежать осложнений в отношениях с западными державами. Этими соображениями и продиктовано указание В. Григорьева, вызванное соответствующим распоряжением Александра II (ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 24, лл. 34—36).

№ 194

1876 г. августа 2. — Рапорт начальника Лифляндского губернского жандармского управления А. Т. Андреянова управляющему III отделением А. Ф. Шульцу о формировании в Дерпте санитарного отряда для отправки на Балканы

Рига

По инициативе профессора русской словесности при Дерптском университете г. Висковатова в Дерпте усердно занялись формированием санитарного отряда для наших единоверных братьев, терпящих бедствия от войны с турками.

В главе этого предприятия стоит доцент названного университета доктор медицины Рейер, и с ним изъявили готовность следовать 7 врачей, несколько студештов и 3 сиделки.

В Дерпте уже собрано на этот предмет 1000 руб., а так как недостаток денег простирается еще до 5 тыс. руб., то г. Висковатов отправился в С.-Петербург хлопотать о получении пособия от Славянского комитета.

Считаю долгом почтительно довести о сем до сведения вашего превосходительства.

Генерал-майор Андрейнов

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 103, л. 24 и об. Подлинник.

№ 195

1876 г. августа 2. — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского А. Л. Потапову о приостановлении издания журнала «Гражданин» за нарушение распоряжения правительства об отношении печати к Восточному вопросу

№ 4067

Милостивый государь Александр Львович!

На основании закона 16 июня 1873 года, за нарушение в № 27 журнала «Гражданин» в статье «Славянская летопись»¹ распоряжения, объявленного редакторам бесцензурных периодических изданий 15 октября 1875 года, касательно отношений печати к Восточному вопросу, я признал необходимым приостановить издание журнала «Гражданин» на два месяца.

Извещая о сем ваше высокопревосходительство, покорнейше прошу принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

К[нязь] Лобанов

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 16, ч. 2, л. 85 и об. Подлинник.

1. «Гражданин» — литературно-политическая газета-журнал, орган крайне реакционных кругов русского дворянства. Издавалась в Петербурге в 1872—1878 гг. С 1874 г. ее редактором был Виктор Пуцкович.

№ 27 «Гражданина» вышел 1 августа 1876 г. В статье «Славянская летопись», подписанной «кн. В. М.» (Мещерский), выражалось сочувствие славянам и требование немедленного вступления России в войну с Турцией. Если Россия станет избегать войны в поддержку славян, то она скоро будет не в состоянии взяться «за оружие для защиты не только своей чести, но даже своего очага». Резким выпадам подвергалась политика Австрии и союз России с ней, который, по мнению автора, мог означать лишь или самоуничтожение Австрии или самоуничтожение России как славянской народности.

Такая точка зрения противоречила официальной политике русского правительства в тот период.

№ 196

1876 г. августа 3. — Письмо Московского славянского комитета Одесскому болгарскому настоятельству о необходимости активизировать деятельность настоятельства и о посылке денег для отправки болгарских добровольцев в Сербию

Препровождая при сем 5 тыс. руб. на нужды бедствующих болгар и на препровождение молодых болгар к сербскому войску, Комитет просит о получении сей суммы и о способе израсходования оной почтить его уведомлением.

Вместе с сим Комитет не может не заметить, что изо всех учреждений в целой России Болгарское одесское настоятельство есть единственное, которое, несмотря на свое специальное призвание относительно Болгарии, до сих пор еще не открывало подписки в пользу болгар и продолжает еще ожидать на сей предмет разрешения от г. министра внутренних дел.

Не говоря уже [о] том, что можно было бы, не довольствуясь ожиданием, возобновить ходатайство, особенно посредством депутации в Петербург, представляется не только странным самое соображение, почему понадобилось таковое разрешение, когда подписка в пользу страждущих болгар была уже давно разрешена государем императором, с самого начала Герцеговинского восстания, когда подписка в пользу болгар повсеместно открыта Московским славянским комитетом без всякого особого разрешения, когда при всех газетах существуют подобные же подписки, на которые также не испрашивалось специального дозволения. Такое отсутствие подписки у Болгарского одесского настоятельства тем более представляется странным, что председателем настоятельства состоит высокопреосвященный архиепископ Херсонский*; между тем преосвященный Орловский**, даже не будучи председателем Болгарского настоятельства, собственною своею архипастырскою властью учредил комитет для сбора пожертвований в пользу болгар, и собирает обильные приношения. Едва ли также можно согласиться с мнением настоятельства, что подписка, им открытая, не дала бы особенно хороших результатов; в Одессе, на всем русском Черноморском побережье, а также

* Иоанникий, архиепископ херсонский и одесский.

** Макарий, епископ орловский и севский.

в Галаце и Константинополе немало богатых торговцев болгарского происхождения.

Что же касается до признания болгарских семейств в пределах России, то Болгарское настоятельство имело бы полное право отправить от себя депутацию для ходатайства пред местными губернскими и петербургскими властями об оказании помощи со стороны нашего правительства.

При всем своем желании, комитет не может усмотреть из всего иностранного разъяснения, которым он удостоен от настоятельства, другого признака деятельности, кроме просьбы, обращенной к генерал-адъютанту Тимашеву в бытность его в Одессе, и письменных просьб о присылке денег, обращенных к Московскому славянскому комитету и его Петербургскому отделу.

Вице-президент

ЦГИАМ, ф. 1750. д. 84, л. 24 и об. Отпуск.

№ 197

1876 г. августа 5. — Письмо члена БЦБО П. Х. Висковского [Т. Пееву] в Браилово о необходимости продолжить издание газеты «Възраждане» и об издании газеты «Стара Планина»

Букурещ

Братя!

Печално нещо е да гледа човек нашите работи, но при всичко това има едно утешение: че има поне повън хора, които да ни разберат и да умеят да уважават онова, което е действително за уважаване.

Едвам днес можах да получа приятелското ви заедно с притвореното писмо от редактора на в. «Голос». Ето какво ми пише:

Копие

«Мил[остивый] государь Павел Христович!

С удовольствием получил я письмо ваше и, познакомившись с № 1 газеты «Возрождение», от души пожелал успеха лично вам и тому святому делу, на служение которого вы приносите свои познания, свой труд и досуг. Вы ошибаетесь, что для меня трудно было вспомнить того молодого болгарина, который посетил меня в январе 1874 года. Правда, с тех пор прошло много времени, но и до сих пор не изгладилось из моей памяти приятное впечатление, произведенное тогда на меня этим молодым болгаринном. Я рад, что могу возобновить приятное знакомство с вами именно теперь. Вы много путешествовали, хорошо узнали положение турецких славян и, как я надеюсь, поделитесь со мною вашими сведениями. Пожалуйста, пишите для «Голоса». Вас я знаю, вам верю и каждое ваше письмо с удовольствием обнародую в моей газете.

В № 171 «Голоса» я исполнил ваше желание и рекомендовал «Възраждане» русским читателям.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Андрей Краевский»

Из горереченото писмо виждате, братя, че трябва да употребите всичките си усилия, за да продължавате издаването на вестника, без да се боите от трънливия път, който ви предстои. Человек крепше в борбата, особено ако той е млад и енергичен.

Йонина и Енчева ги няма никакви, нито пък някои сведения имам за тях, освен една телеграма на Енчева от Алексинац, в която той пише, че ще остане там и да тръгнат двамина от офицерите, а другите да чакат връщането на Йонина в Букурещ.

В Сърбия нашите работи, според както чуваме тука, отиват твърде зле.

Бобчев можа да вземе печатницата от «старите» и успя да се отрие около тях с мекерлика си. Вестникът на Бобчева или органът на «старите» — «Стара Планина» ще излезе тия дни*¹. Той, доколкото можах да го узная, бил страшен егоист и користолюбив. Разказват ми някоя си, които го знаят от Цариград, че той, когато се учел там, не давал книгите си на някого да ги чете, от завист, за да не би да се просвети друг, освен него. Жално, но такива хора в литературата са недълговечни. Той може да си спечели тука някои врагове и от «стари» и от «млади».

«Старите» са запрели тия дни Стамболова и Кърджиева и са ги отдали под съд за това, защото искали пари, за да заминат в Сърбия². Обвиняват ги, че те уж пушкали в църковния двор, когато поискали слугите на владиката да ги изгонят, но това е лъжа съчинена. Знае се, че те отговорили дръзко на владиката, на Колони и въобще на събранието на нашите старейшини, но това е било извикано, казват, от приема и еничарското обхождане на нашите старци.

Дерзайте, братя! Нямам време нито да ям, но нито пък мога да река, че съм извършил нещо, защото. . . Пиша кореспонденции, но и това ми омръзна, защото не ме свърта да седя. Блуждая безцелно по сокаците като изгубен.

Пишете. Целувам ви братски и съм винаги вашият

П. Хр. Висковский

Адрес чрез Кавалджиева, Габровени**.

[P. S.] Пишете на Дринова да работи за субвенция пред Каткова, Краевского и пред други.

АБАН, ф. 22, д. 1444. Автограф.

1. № 1 «Старой Планины» вышел 7 августа 1876 г.

2. С. Стамболов искал деньги на поездку в Сербию с группой добровольцев во главе с Хр. Караминковым (см. сообщение, опубликованное в газете «Новая България», 7 августа 1876 г., стр. 84).

№ 198

1876 г. августа 5. — Постановление служащих Темрюкского уездного управления Кубанской области об отчислении 1% из жалования для помощи балканским славянам

Чины, служащие в Темрюкском уездном управлении, движимые искренним и глубоким сочувствием к турецким славянам, отстаивающим свою честь, жизнь и имущество от мусульманского ига, постановили во все время войны славян с турками жертвовать в пользу своих страждущих единоверцев по одному проценту из своего содержания, начиная с 1-го числа настоящего месяца, о чем и составлено настоящее постановление за общим подписом***.

ГА Краснодарск. кр., ф. 668, д. 564, л. 51. Подлинник.

* Вся фраза написана под строкой.

** Нижеследующий текст написан в верхнем левом углу стр. 1 другими чернилами.

*** Следует 18 подписей.

1876 г. августа 5 (17). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о предполагаемой поездке по странам Европы болгарской делегации во главе с Д. Цанковым и М. Балабановым

№ 364

Buyucdéré

Monsieur le chancelier!

Dans sa dépêche du 28 juin/10 juillet sub. № 290* mr. l'aide-de-camp général Ignatiev avait instruit votre altesse du projet formé par les bulgares d'envoyer une députation en Europe pour plaider leur cause auprès des grandes puissances¹. Les difficultés pratiques d'un choix convenable et d'un départ qui n'excitât pas les soupçons des autorités ottomanes ont retardé jusqu'ici l'envoi de cette députation. Monseigneur Panarète de Bucarest qui devait en faire partie, a été reconnu trop vieux et trop faible. On s'est arrêté à un certain Zancow², patriote bulgare influent et très bien instruit de l'état des choses dans les provinces, et au journaliste Balabanow, un des publicistes bulgares les plus sages et les plus modérés³. On est venu me prier de les recommander à la bienveillance des représentants de l'empereur à Vienne et à Londres**. C'est dans cette dernière ville qu'ils comptent se rendre d'abord, mais le point de départ de leur voyage doit être Vienne, et ils espèrent y recueillir les conseils éclairés de mr de Novicow. La tournée doit être close par un séjour en Russie.

Le but que doit poursuivre la députation est d'exciter et de soutenir l'intérêt des grandes puissances pour les souffrances de la Bulgarie. En vue d'une réunion européenne⁴ qui serait appelée prochainement à s'occuper du sort de la Turquie, les délégués bulgares s'évertueront à obtenir que le triste état de leur pays fût également pris en considération et qu'on cherchât à lui procurer, sous le sceptre du sultan, des conditions d'existence plus tolérable, et une position politique et administrative moins dépendante du despotisme des autorités turques et le l'arbitraire de la population musulmane.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Nélidow

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 31, лл. 74—75. Подлинник.

Перевод

Буюкдере

Господин канцлер!

В своей телеграмме от 28 июня (10 июля) за № 290 генерал-адъютант Игнатиев осведомил вашу светлость о проекте болгар послать в Европу депутацию в целях защиты их дела перед великими державами¹. Практические трудности в выборе достойных делегатов и момента отъезда, дабы не возбудить подозрения турецких властей, задержали до сих пор отправку этой депутации. Епископ Панарет из Бухареста, который должен был принять в этом участие, был признан слишком старым и слабым. Выбор наконец пал на некоего Цанкова², влиятельного болгарского патриота, очень хорошо осведомленного о состоянии дел в провинциях, и на журналиста Балабанова,

* Документ не обнаружен.

** Е. П. Новикову и П. А. Шувалову.

одного из самых умных и самых умеренных болгарских публицистов³. Меня просили рекомендовать их благоволению представителей императора в Вене и Лондоне. Они намереваются поехать сначала в Лондон, но отправным пунктом их поездки должна стать Вена, и они надеются получить там просвещенные советы г-на Новикова. Поездка должна завершиться пребыванием в России.

Цель, которую должна преследовать депутация, — возбудить и поддержать интерес великих держав к страданиям болгар. Ввиду европейской конференции⁴, которая должна быть созвана в недалеком будущем для того, чтобы заняться судьбами Турции, болгарские делегаты будут стараться, чтобы печальное состояние их страны было бы принято во внимание и чтобы постарались обеспечить ей, под владычеством султана, более терпимые условия существования и политическое и административное положение, менее зависимое от деспотизма турецких властей и произвола мусульманского населения.

Имею честь быть с глубочайшим уважением, господин канцлер,
вашей светлости почтительнейшим и покорнейшим слугой

Нелидов

1. Болгарская делегация к европейским дворам была послана с согласия болгарских церковных властей (Болгарской экзархии) и при содействии крупной болгарской эмигрантской буржуазии в Бухаресте («старых»). Делегация посетила Вену, Париж, Лондон, Берлин, Турин, Рим. Хотя болгарские представители в Австро-Венгрии, Франции, Англии и Германии и были встречены весьма сочувственно, однако в России она была принята с наибольшей теплотой. Она посетила Петербург и Москву: в Петербурге была принята А. М. Горчаковым, военным министром Д. А. Милютиным и была представлена Александру II. Во время беседы с последним обсуждался даже вопрос об устройстве Болгарии в случае ее освобождения (5, стр. 71 и сл.)

2. Драган Цанков был включен в делегацию, несмотря на его руссофобство, так ярко выраженное в издаваемой им газете «България» (1859—1863). Его присутствие в составе делегации имело целью замаскировать связи с Россией. Бывший глава движения за подчинение болгарской церкви папе, Д. Цанков, был известен за границей, как сторонник западной ориентации. Кроме того, он поддерживал тесные связи с французской католической миссией в турецкой столице. Наконец, Цанков был долгое время крупным турецким чиновником, что, несомненно, имело значение для целей делегации.

3. Марко Д. Балабанов учился во Франции, что тоже способствовало маскировке характера делегации.

4. В связи с военными неудачами сербов А. М. Горчаков в беседе с английским послом в Петербурге Лофтусом в начале августа 1876 г. возбудил вопрос о созыве конференции министров иностранных дел по Восточному вопросу и выразил мнение, что конференция должна быть предложена Англией. Одновременно Горчаков отправил Андраши следующую программу урегулирования балканских дел: 1) перемирие от двух до трех месяцев между Сербией и Черногорией с одной стороны и Турцией с другой и 2) созыв конференции для рассмотрения вопроса об условиях мира и улучшения положения Боснии, Герцеговины и Болгарии. Однако Австро-Венгрия возражала против этого предложения, считая срок перемирия слишком длительным, а конференцию нецелесообразной, поскольку не создалась еще обстановка, изменяющая положение на Балканах; в качестве же основы мира она предлагала свой проект частичных реформ (92, стр. 296—297). Англия затягивала ответ на это предложение, и лишь в начале ноября 1876 г. конференция была предложена Дерби.

№ 200

1876 г. августа 5. — Из перлюстрированного письма за подписью «Г-ов» А. А. Краевскому с критикой позиции русских газет, призывающих к активному вмешательству России в дела южных славян

Бреславль

«Кровь русских героев льется за угнетенных братьев славян. Победями славяне обязаны русскому генералу, русским офицерам, воодушевлявшим их!» Вот чем наполнены газеты. Но для кого они пишутся? Ведь никто из образованных людей им не верит; а русский «народ», пребывая в глубоком невежестве, вовсе не знает, что поминутно печатают в газетах: «воля русского народа, русский народ *рвется* подать руку помощи братьям славянам» и т. п. Спросите у этой многомиллионной массы: что такое славяне? Все выпучат глаза. . . Газеты могут говорить от имени известного общественного кружка, но ссылаться на «народ» не могут. Есть русское государство с 80-миллионным населением, но 80 млн. *русского* народа не существует. Поговорите с мужиком, например, Полтавской губернии о связи его с Москвою, о великой славянской семье, — мужик этот будет только хлопать глазами! Без помощи исправников, становых и других властей русский человек не поднимется никогда, — никогда не принесет жертвы в ущерб своему имуществу. Нечего говорить, что народ понимает будущность и величие славянской семьи! Кто истинно любит Россию, тот поймет, что она теперь нуждается только в мире и мире *. Посмотрите: ведь у нас повсюду бедность и неряшливость! Откройте лучше подписку на народное образование, — это будет целесообразнее помощи славянам, которые, поверьте, нас не любят **, потому что слабый никогда не любит и не будет любить сильного.

Грешно подуськивать к войне. Ведь немцы в порошок нас сотрут! Теперь нам рано еще думать о войне. Можно из человеколюбия возмущаться злодействами турок, — это правда, но, становясь на точку государственного права, турки *могут* подавлять мятеж своих восставших подданных. Будьте же логичны: если Россия во время польского восстания имела право желать, чтобы не вмешивались в ее дела, то и Турция может желать этого! Если вы относитесь гуманно к сербам, то отнеситесь же гуманно и к полякам!

Помета Александра II: Много справедливого.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 447, лл. 1—2. Копия.

№ 201

1876 г. августа 5. — Письмо владельца «Café National» в Праге Э. Кратохвила И. С. Аксакову о присылке русских газет в связи с интересом чешской интеллигенции к движению в России в защиту южных славян

Прага

Ваше превосходительство!

В последнее время у нас в Чехии и в особенности здесь в Праге стали заметно сильнее и с большим интересом следить за текущими делами

* Против этой фразы на полях помета Александра II: Да.

** Против слов Откройте. . . не любят на полях помета Александра II: Да.

в России, что, быть может, было вызвано отчасти и совершающимися великими событиями на славянском юге, которые, конечно, не останутся без некоторого влияния на Европу, а вместе и на Россию¹. Заметить это явление мне, как держателю одной из самых больших здешних кофеен, посещаемой преимущественно чешскими студентами, журналистами, литераторами и учеными, было нетрудно уже хоть вследствие одного того факта, что спрос на русские газеты в моей кофейне в настоящее время несравненно больше того, какой был еще до Герцеговинского восстания. Несмотря на то, что в кофейне имеются четыре русские газеты, они целый день переходят из рук в руки и зачитываются в самом строгом значении слова, причем неоднократно приходится слышать жалобы, что газет русских у меня мало и что имеющиеся получают и слишком поздно, и неисправно, так как я беру их со вторых рук.

При настоящем финансовом бедствии и всеобщем застое торговли и промышленности в Австрии я не в состоянии подписываться на русские газеты и журналы прямо в конторах их редакций и принужден брать их со вторых рук за полцены, потому что при нынешнем высоком курсе рублей на наших денежных рынках, при относительной дороговизне русских периодических изданий и при существовании у нас в Австрии так называемого «газетного штемпеля» подписка на русскую столичную газету обошлась бы мне слишком в 50 гульд[енов]; при том же, желая доставить своим посетителям возможно больший выбор газет и журналов для чтения, я получаю уже около 160 различных периодических изданий, которые также требуют немалых расходов.

Вследствие всего этого я позволяю себе смелость при посредстве вашего превосходительства обратиться в Московский отдел славянского благотворительного комитета со всепокорнейшей просьбою: не найдет ли комитет возможным ввиду вышеизложенных исключительных и уважительных обстоятельств оказать мне благосклонное вспомоществование в этом отношении присылкою даровых экземпляров нескольких русских столичных газет и журналов для моей кофейни, с тем условием, что я с удовольствием беру на себя расходы на пересылку их.

Примите, ваше превосходительство, уверение в моем искреннем и глубоком уважении, с которым имею честь быть вашим покорнейшим слугою.

Эд. Кратохвиль

Содержатель кофейни «Café National» в Праге.

Помета: Передать Нилу Александровичу*.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 74, лл. 72—73 об. Автограф.

1. Об интересе чешской печати и чешского общества к событиям на Балканском полуострове и, в частности, в Болгарии см. 97.

---

* Н. А. Попову.

1876 г. август 7. — Решение БЦБО о расходах общества и об издании газеты «Балкан» на немецком и русском языках

Заседание

на Българск[ото] центр[ално] благотв[орително] общество
в Букурещ

Решение

1. На Венетия Ботева * в счет на общественния дълг да се даде: петнайсет лири турски — л. т. 15.
  2. На дъщерята на Давида ** едновременно пособие да се даде: четиридесет франка — фр. 40.
  3. Да се наеме две стаи за канцелария, за които да се плаща от сто до сто и двайсет франка в месец — фр. 100—120, но никак не повече от сто и петдесет франка.
  4. Да се предложи на г-на Минкова *** писмено да приеме да бъде член на обществото.
  5. Да се изпрати Янко Ангелов в Турну Северин като «репортер» и да посреща и препраща хората ****. За разноски да му се дава 100 фр. в м[есе]ц[a].
  6. Да се напечатат стихотворенията на Вазова ¹ и да се продават за полза на обществото.
  7. Да се замести изпразненото място на Загорски (секретаря) с чл[ена] г-на Вазова като секретар на обществото.
  8. Да се начене издаването на един орган на немски език «Балкан» и в също време и на руски език.
Тоя орган ще се издава на средства на обществото под редакцията на Цанкова. Този орган ще излиза един път в неделята. Съдържанието на редактора ще се дава от средствата на обществото. Органът ще излезе при първа възможност, т. е. като се улесни издаването му със средства.
За съдържание на канцеларията решава се от днес по триста франка в м[есе]ц[a], т. е. за трима сътрудници по сто фр[анка].
  9. Да се замени касиеринът Григорова с чл[ена] Ан. Т. Рунта, като член на обществото.
  10. Разходите ще се произвождат от г-на чл[ена] Кавалджиева, който ще получава време от време суми в разпорежението си за ежедневно разходване, като ще дава разписки срещу поверените нему суми и ще представлява сметка при сключването баланса на разходите.
- Гореизложеното решихме и подписахме.

Почетен председател: Владимир Йонин

Председател: К. Цанков

Секретари: Ив. М. Вазов, Г. Золотов

Членове: Ив. Кавалджи[ев], П. Хр. Висковски

Заседание в дома на председателя.

НБК—БИА, ф. 5, д. 7, лл. 63—64. Подлинник.

* Вдова Христо Ботева.

** Давид Годоров.

*** Т. Н. Минков.

**** Добровольцы, которые уезжают в Сербию.

1. Имеется в виду сборник стихов Ив. Вазова «Пряпорец и гусла», книга 1, изданный в пользу Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте в 1876 г. Стихи Вазова воспевают Апрельское восстание в Болгарии в 1876 г. и героизм болгарского народа в борьбе против турецких поработителей. Сборник посвящен В. С. Ионицу.

№ 203

1876 г. августа 8. — Решение БЦБО об исключении из общества Ив. Грудова и др. и об издании различных печатных материалов

Заседание

на Българск[ото] централн[о] благотворит[елно] общество
в Букурещ

1. Изключват се из настоятелството бившите членове: Ив. Грудов, Г. Григоров, Ив. х[аджи] Теодоров, Ст. Атанасович и С. Загорски *:

2. Приемат се с писмено приглашение като действителни членове. Антон Ф. Теохаров, К. Станишев, Ксенофонт Жинзифов, Константин Бонев в Москва, Теодор Минков в Николаев и Константин Н. Палаузов в Одеса ¹.

3. Да се напечата на отделни екземпляри възванието на французки и български езици и да се изработи уставът на обществото (печатан).

4. Да се напечатат дипломи за почетните и действителни членове и да се предложи на всичките известни славянски деятели и патриоти да приемат писменото приглашение на обществото да бъдат негови членове.

5. Да се връчи печатна кондика на избрания за касиерин члена на обществото г-на Ангела Т. Рунта.

6. Да се поблагодари писмено редактора на «Русск[ие] ведомости» ² — г. Скворцова за изпратените хиляда рубли помощ на обществото.

7. Да се поднесе благодарствени адрес на почетния председател на обществото г-на Владимира Семеновича Йонина.

8. Да се изпрати с г-на Йонина отношение до директора на «Русск[ое] общество пароходства» Чихачеву и до Одеското българско настоятелство.

Гореизложеното решихме и подписахме днес на 8 августа в къщата на г-на Йонина, в заседанието.

Почетен председател: Владимир Йонин

Председател: К. Цанков

Касиерин: Ангел Т. Рунта

Членове: П. М. Петров, Ив. Кавалджиев, П. Хр. Висковски

Секретари: И. Вазов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, л. 69—70. Подлинник. Печатъ БЦБО.

1. Все принятые вновь члены БЦБО являлись видными деятелями болгарской эмиграции в России и поддерживали тесные связи со славянофильскими кругами.

2. «Русские ведомости» (1863—1917) — влиятельная русская либеральная газета, выходившая в Москве.

* См. прим. 2 к док. 168.

1876 г. август 8. — Приветственый адрес ВЦБО В. С. Ионину с выражением признателности за помощъ в организации общества и консолидации сил болгарской эмиграции в Румънии

На негово високоблагородие почетния председател и упълномощен представител на Българското централно благотворително общество в Букурещ

Владимиру Симеоновичу Ионину

Родолюбиви господине!

В най-критическото положение на българския народ вие ни дойдохте на помощ с братско съчувствие и ни въодушевихте с присъствието си. С вашата искрена готовност и енергична предприемчивост вие насърчихте един милион и половина българска емиграция в Румъния, която се нуждаеше от моралната поддръжка на такива честни и искрени патриоти, които да са проникнати с такава гореща любов към угнетеното южно славянство, с каквато се явихте вие помежду ни.

Братската ръка, която ни подадохте с инициативата си за сближаване и свързване в тясна морална свързка румънските българи със славянския свят и неговите достойни представители в Русия; образуването в главните градове на Румъния [на] български благотворителни общества и извеждането на яве пред света едно тяхно чистонародно представителство в Букурещ; всичко това ни открива във вас едно искрено и родолюбиво усърдие за облекчението тежките страдания на българския народ и въобще на угнетеното славянство.

Във вашите благородни и достопохвални заслуги на народа ни ние виждаме едно ново доказателство за братските чувства на едноплеменния и едноверния руски народ, който, като стои начело на славянството, не иска да ни остави безпомощни в нравствената борба против общославянските врагове.

Българското централно благотворително общество в Букурещ, заедно с всичките си отделения в Румъния, счита за дължност да ви изрази дълбокото си почитание и искрена признателност, като се гордее пред славянството, задето има честта да ви счита за *свой почетен председател и достоен представител*.

Молим ви, засвидетелствайте пред благодетелите и покровителите на българския народ нашите най-дълбоки чувства от искрена благодарност и признателност, с които ние оставаме към всичкия братски велик руски народ.

Българското централно благотворително общество в Букурещ в името на делегатите си: в Болград, Галац, Браила, Гюргево, Турну Магурели, Слатина, Крайова, Плоещ и Търговище.

Следват подписите на упълномощеното настоятелство с обществения печат.

«Нова България», 12 августа 1876 г., стр. 86.

№ 205

1876 г. августа 8. — Донесение Ф. Ф. Трепова Александру II о проходах офицеров-добровольцев в Сербию и о поддержке духовенством сочувственного отношения народа к борьбе южных славян

Полученное мною чрез Министерство внутренних дел высочайшее вашего императорского величества повеление о водворении надлежащего порядка в деле сбора пожертвований в пользу славян Балканского полуострова было принято мною к исполнению и сообразно сему мною даны полиции инструкции. Между тем вчера при отправлении по Варшавской железной дороге нескольких отставных офицеров на театр войны собралось для проводов их около 200 офицеров разных полков, и один из отъезжавших хотел читать воззвание к пожертвованию. Когда же состоящие при станции офицеры полиции и корпуса жандармов остановили это действие, то между офицерами и в публике обнаружился явный ропот по сему поводу и слышалась угроза, что о таких стеснительных действиях полиции будет напечатано в газетах. Когда же поезд тронулся, то как в вагонах, так и в публике, бывшей на станции, начались неумолкавшие крики «ура».

Такое настроение общества поддерживается в то же время и словом, обращаемым в церквах к народу священниками, особенно при напутствовании отправляющихся на войну. Означенные духовные лица, с разрешения епархиального начальства, приглашают народ как к личному участию в борьбе за христианство, так и к материальным в пользу славян пожертвованиям.

Долгом поставляю о таком крайне возбужденном настроении общества довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Генерал-адъютант Трепов

Резолюция: Высочайше повелено: сообщить обер-прокурору Св. Синода, что нежелательно бы подобное возбуждение со стороны духовенства. Царское Село. 8 августа 1876 г. Генерал-адъютант Потапов.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, лл. 251—252 об. Подлинник.

№ 206

1876 г. августа 9. — Записка по III отделению о сочувствии различных кругов русского общества к борьбе южных славян

№ 497

Выказываемое во всех частных и общественных собраниях сильное сочувствие к участи борющихся славян с каждым днем становится все решительнее и определеннее относительно тех ожиданий, какие в этом деле возлагаются обществом на правительство; а именно во всех слоях общества прочно сложилось убеждение, что правительство, встречавшее в течение стольких лет полное содействие общества в правительственных реформах и предприятиях, должно в настоящее время в своих политических действиях руководствоваться так определенно выяснившимся общественным мнением. Это мнение проникло даже в среду рабочего и фабричного люда, в среде же учащейся молодежи и вообще в той части общества, которая в последнее время выказала наибольшую склонность

к революционной пропаганде, относятся к миролюбию правительства с явным злорадством, основанном на том соображении, что правительство, не приняв деятельного участия в устройстве судьбы славян, тем самым облегчит дело революции, могущей вперед опираться не только на социальные идеи, но также и на идею общего славянского освобождения путем славянской революции.

Помета А. Л. Потапова: Доложено его величеству 11 авг. 1876 г. Царское Село. ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 482, лл. 23—24. Подлинник.

№ 207

1876 г. [августа 10]. — Письмо О. М. Габеля С. Ф. Ковалику *
о событиях на Балканах

Дорогой дружище!

Наконец-то является, по-видимому, возможность получить хоть какую-нибудь весточку о твоём житье-бытье. Ведь о тебе решительно никто ничего не знает; здоров ли ты, скоро ли будет над тобой суд А. С. ** Пожалуйста, не поленись описать пообстоятельней свою жизнь, настроение etc.

У нас здесь новостей гибель: Сербия и Черногория уже месяца полтора воюют с Турцией; в первое время военное счастье было на стороне сербов, но теперь сербы терпят поражения и турецкие войска, ворвавшись на сербскую территорию с Востока, со стороны Видина двумя громадными колоннами направляются в долину Моравы, а там и на Белград. Башибузуки и черкесы, сопровождающие турецкие войска, предаются грабежу и неслыханным жертвам: жгут все, что ни подвернется под руку, детей и старцев режут, женщин насилюют и продают в рабство и т. п. Вся Болгария, а также взятая турками часть Сербии обращены в пустыни: теперь принялись за Боснию. Впрочем, сербы не унывают и решили драться до последнего человека. Черногорцы, оперирующие в Герцеговине, много счастливее: они выиграли недавно два большие сражения, так что Герцег[овина] считается потерянной для Турции. Со дня на день ждут объявления войны со стороны России.

Процесс, говорят, непременно начнется в сентябре. Здесь настойчиво держится слух, что в качестве свидетеля по делу Мышкина сюда привезен Чернышевский.

Не нужны ли тебе книги, деньги, платье etc.

Свиданий с тобой никому не разрешают.

Думаешь ли ты, что арсеимъхсщъешыф срсъчрэх чебмрфспшбсэшфсеичсэрубрв } 01?

П₂ - м ф к э н х ч р с е ъ і н у ш ц ***.

Сие должно быть заклеено наглухо.

ЦГИАЛ, ф. 1410, оп. 1, д. 103, л. 1 и об. Автограф.

* Автор — О. М. Габель и адресат — С. Ф. Ковалик определены на основании приложенного к документу конверта, где находится другая записка, написанная тем же почерком. На конверте имеется надпись: Две записки на имя Ковалика от О. Габеля. 10 августа 1876 г.

** Что означают буквы А. С. — расшифровать не удалось.

*** Зашифрованный текст не разобран.

№ 208

1876 г. августа 10. — Из перлюстрированного письма издателя газеты «Неделя» П. А. Гайдебурова профессору К. Д. Кавелину о влиянии славянского движения на развитие общественной мысли в России

С.-Петербург

Думаю, что теперешнее увлечение славянами нам на руку. Оно послужит на пользу именно того раздвижения казенных рамок мысли, к которому мы стремимся; да оно отчасти и объясняется потребностью этого раздвижения!

Помета Александра II: Кто такой?

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 454, л. 1. Копия.

№ 209

1876 г. августа 11. — Письмо генерал-майора в отставке И. К. Кишельского И. С. Аксакову с просьбой о субсидии новой болгарской газете «Стара Планина»

Бухарест

Высокоуважаемый Иван Сергеевич!

Так как движение южных славян со дня на день становится все серьезнее и серьезнее, оказывается, что в соседнем с Сербиею и Болгариею княжестве, где находится многочисленная болгарская эмиграция, необходимо иметь болгарский орган, который бы представлял наш болг[арский] интерес и связывал бы его с интересом России, сообщая при сем самые животрепещущие с поля битвы сведения. Такая газета организовалась теперь под названием «Стара Планина»*, которую осмеливаюсь препоручить вам, как надежнейший орган для выполнения вышеупомянутой цели. Редактором этой газеты будет г. Стефан Бобчев (С. Бежан). Поэтому покорнейше прошу обратить ваше милостивое внимание на это столь необходимое дело и назначить этой газете субвенцию по крайней мере 2 тыс. рублей раз навсегда.

Имея эти средства, редакция в состоянии будет опубликовать подобный же, как болгарский, лист и на французском языке. Так что в неделю будет выходить по два листа: один на болгарском и другой на французском языках.

Обстоятельства, не от меня зависившие, заставили меня до сих пор оставаться в Бухаресте. Завтра выезжаю в Белград. Что там найду и какие надобности будут, обо всем я буду иметь честь уведомить вас, так как вы были так добры и уполномочили меня извещать вас о всякой необходимости для организации болгарских отрядов и о действиях их против неприятеля.

Прошу принять выражение моего нижайшего почтения и искренне признательной к вам преданности.

Ваш покорнейший слуга И. Кишельский

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 74, лл. 169—170. Автограф.

* См. прим. 1 к док. 192.

1876 г. августа 11. — Письмо митрополита видинского и экзарха болгарского Анфима митрополиту новгородскому, с.-петербургскому и финляндскому Исидору об Апрельском восстании и с просьбой ходатайствовать о покровительстве Болгарии со стороны России

Константинополь. Орта-Къой

Секретное

Высокопреосвященнейший владыко и возлюбленный о Христе брат и сослужитель!

Хотя я вследствие неисполнения церковных формальностей по установлению отдельного от Константинопольского патриархата управления для болгарских епархий и не имею внешнего общения с вашим высокопреосвященством, но, всегда пребывая во внутреннем и духовном, основанном на полном единстве веры и служения Христу богу, неразрывно соединяющем болгарскую церковь с российской и прочими православными церквями, я не должен ныне удерживаться от прямого обращения к вам словом вследствие неисполнения этих формальностей, когда дело идет уже не о внешнем порядке установления управления для болгарских епархий, не о принадлежности их к той или другой церкви, а о существовании в них христианского населения.

Вашему высокопреосвященству известно, что происшедшее в последние годы усиление бедствий, под коими стонут уже пять веков христиане Балканского полуострова, обнаружившееся преимущественно среди славян, довело последних в Герцеговине и Боснии до отчаяния и принудило их начать неравную со своим притеснителем борьбу. Этой борьбе не могли не сочувствовать и подведомные мне в церковном отношении болгары, хотя и ничем того не обнаруживали пред турками. Последние не переставали, однако, подозревать болгар в готовности взяться за оружие. Безуспешные действия султанских войск в Боснии и Герцеговине и слухи о приготовлении сербов и черногорцев прийти на помощь своим единоверцам и единоплеменникам, раздражая турок и разжигая их фанатизм, усиливали изо дня в день это подозрение и более и более разъяряли их против болгар, вследствие чего последние везде подвергались притеснениям и обидам и везде трепетали за свою жизнь. Буйство турок против них замечалось как в городах, так и в деревнях, но преимущественно обнаруживалось по дорогам, где турки нарочно поджидали свои жертвы. Турки ограбляли и убивали болгар безнаказанно несколько месяцев сряду.

Я неоднократно обращал внимание министров султана на эти страдания моих соплеменников, прося их принять меры к обузданию буйства фанатиков. В ответ на эту просьбу они требовали от меня поручительства в том, что мои соплеменники пребудут верными султанскому правительству и не поднимут против него оружие; султанские министры показывали вид, что они готовы исполнить мою просьбу, если бы я мог вполне обеспечить их насчет подозреваемой ими готовности болгар к возмущению против султана.

Безнаказанное притеснение болгар властями и частными людьми из турок шло, таким образом, с возрастающей силой. Не довольствуясь сим, фанатизованные турки стали грозить христианам поголовным истреблением. Болгары, понимая свое беззащитное положение, воздевали лишь руки к богу о предупреждении грозящего им несчастья. Некоторые из них, и особенно молодые люди, не имевшие возможности взвесить условия,

от коих мог бы зависеть успех восстания в Болгарии, и верившие всякого рода слухам, поспешили вооружиться. Турки наведены были в скором времени на следы этого поистине ребяческого приготовления к восстанию¹. Молодые люди, поняв, что им приходится вследствие того погибнуть в зловонной тюрьме или на виселице, подняли в двух или трех местах знамя бунта и удалились в горы.

Турки, давно искавшие случая перерезать болгар, увидели в необдуманном поступке молодых людей благовидный предлог к исполнению задуманного ими плана. По распоряжению военных и гражданских властей регулярные и иррегулярные войска напали под предлогом усмирения восстания в Филиппопольском, Тырновском и других округах на мирных жителей для поголовного их истребления и разорения их жилищ, вследствие чего более ста значительных болгарских сел и деревень было ограблено и опустошено, а население их было без различия пола и возраста избито и рассеяно, причем множество женщин и детей было поругано и продано в неволю.

Ужасные сцены, которыми сопровождалось это избиение невинного населения в каждом селе, надрывают и самое холодное сердце. Плач и рыдания немногих спасшихся вдов и сирот и донныне еще оглашают на далеком расстоянии воздух около сожженных дотла деревень. Водворившееся с тех пор царство ужаса привело весь болгарский народ в крайнее уныние. Все, кто может, оставляют родину и отправляются мстить врагу в Сербию или же поселяются в других странах. Остающиеся на своих местах, изнемогая под тяжестью гнета, ищут нередко спасения в принятии мусульманства, успехи коего потому растут изо дня в день. Еще несколько недель страданий — и надежды на помощь и благоприятную христианам перемену дел оставят наиболее крепких верой и духом людей, и тогда христианство наполовину иссякнет в нашей стране. Мусульманство возьмет тогда решительный перевес над находящимися под его гнетом невежественными массами. Страшно и подумать об этой прискорбной развязке в нашей стране борьбы, поднятой за свободу веры и человеческие права. Но эта развязка отныне уже ясно предвидится всеми опытными людьми, как неизбежная, если мусульманство выйдет из настоящей борьбы полным победителем и будет по-прежнему господствовать в нашей злополучной стране.

Размышляя о средствах к предупреждению подобного несчастья для страждущего в Турции христианства, я не нахожу что до меня, другого, кроме теплого и слезного ходатайства перед его величеством государем императором всероссийским о защите и покровительстве над несчастным болгарским племенем, и с этой целью пишу я ныне вашему высокопреосвященству настоящее письмо.

Иерархи церкви в древние времена всегда ходатайствовали пред императорами в пользу страждущих населений. По примеру этому поднимаю и я чрез ваше посредство, высокочтимый сослужитель и брат во Христе, свой слабый голос пред могущественным государем единой и единоплеменной России, слезно умоляя его от имени всей болгарской церкви, да не оставит он несчастного болгарского народа без своей защиты в нынешнее время борьбы мусульманства против христианства, и турок против славян Балканского полуострова.

Предстаньте, высокочтимый архипастырь, пред благочестивейшим всероссийским государем в качестве толкователя выражаемой в этом письме всенижайшей просьбы церкви болгарской к его величеству и соедините свой голос с моим для исходатайствования милости и внимания его величества к погибающему христианскому населению, возлагающему ныне всю надежду на защиту государя великой родственной страны. Предстаньте, прошу вас, во имя божие, ничем не стесняясь ради спасения, не говорю

уже о смерти и страдании, но от вечной гибели тысяч искупленных кровью Христа бога душ.

С глубочайшим уважением и такой же преданностью честь имею пребыть вашего высокопреосвященства всепокорнейший слуга Анфим,

митрополит Видинский и экзарх Болгарский

ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 205, д. 460, лл. 1—4. Подлинник.

1. Анфим в своем письме выражает взгляды болгарской буржуазии на Апрельское восстание как на необдуманную вспышку, имевшую роковые последствия для болгарского народа.

№ 211

1876 г. августа 11. — Письмо редактора «Донской газеты» А. А. Карасева И. С. Аксакову о сочувственном отношении жителей Новочеркасска к борьбе южных славян и о способах отправки волонтеров в Сербию

Новочеркасск

Милостивый государь Иван Сергеевич!

По поводу сильного народного движения, охватившего в сильнейшей степени Донскую землю, мне пришлось возобновить с вами переписку, начавшуюся около 15 лет тому назад вследствие корреспонденций моих в издававшейся вами газет[е] «День»¹. Дело вот в чем. В Новочеркасске образовался частный дамский кружок², собирающий пожертвования в пользу славян; кроме того, редакция издаваемой мною «Донской газеты»³ открыла подписку с этой же целью. Деньги отправляются в С.-Петербургский дамский комитет⁴.

Между тем многие лица изъявляют желание поступить в сербские войска в качестве волонтеров, прося денежного вспомоществования на дорогу; но ни дамский кружок, ни редакция «Донской газеты», собирающие пожертвования в пользу семейств убитых и раненых сербов и черногорцев, кажется, не имеют права расходовать их на снаряжение волонтеров; из газетных же известий видно, что Славянский комитет, которого вы состоите вице-председателем, дает вспомоществование волонтерам, отправляющимся на защиту славян. Если не затруднит вас ответ на мое письмо, то я прошу вас разрешить: не будет ли предосудительно со стороны здешнего дамского кружка и редакции «Донской газеты» выдавать волонтерам путевые издержки или до Москвы, где они могут обращаться за дальнейшим пособием в Славянский комитет, или, если здесь позволят средства, давать им путевые издержки даже до Белграда.

Воодушевление здесь так велико, что я, как издатель местного органа печати, счел бы себя не исполнившим своей обязанности, если б отказал храбрецам в посильном исполнении их горячих желаний — подраться с изуверами на пользу своих единоплеменников. Кроме того, на этот же счет я имею полномочие от дамского кружка. Своим категорическим ответом вы окажете большую пользу делу и большое одолжение давно и глубоко вас, как борца за свободу русского слова, уважающего покорного слуги

Алексей Карасев

Адрес: Алексею Алексеевичу Карасеву в Новочеркасск.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 84, лл. 61—62 об. Автограф.

1. Славянофильская газета, выходила в Москве в 1862—1865 гг.
  2. Возник в июле 1876 г. при Новочеркасском комитете по сбору пожертвований.
  3. Умеренно-либеральная газета, издавалась в Новочеркасске в 1873—1879 гг.
- А. А. Карасевым.
4. Существовал как отделение С.-Петербургского славянского комитета. Принимал активное участие в сборе и распределении пожертвований в пользу пострадавших славян Балканского полуострова.

№ 212

1876 г. августа 12 (24). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о сделанном им турецкому правительству представлении в защиту болгарского населения и о протурецкой позиции английского посла в Константинополе Эллиота

№ 373

Buyucdéré

Monsieur le chancelier!

L'entretien que j'ai eu avec Safvet-pacha et le grand vizir * sur les excès commis par les bachibouzouks, passa naturellement à l'état de la Bulgarie. J'exprimai au ministre des affaires étrangères l'espoir que la commission d'enquête ¹ envoyée récemment dans cette province s'attacherait à rechercher les vrais coupables, ainsi que les moyens efficaces de remédier au mal que les autorités ont laissé commettre impunément.

Safvet-pacha me répliqua qu'il fallait commencer par *vérifier* les assertions des agents étrangers ².

«Ce ne sont pas vos délégués officiels, lui dis-je, qui pourraient obtenir des données exactes sur les désastres. Selon les récits de tous nos agents la population a été tellement terrorisée par le souvenir de ses souffrances récentes qu'elle fuit les étrangers, et se renferme dans un mutisme absolu. Ce n'est qu'après lui avoir inspiré de la confiance qu'on peut lui arracher quelques détails sur les événements de juin **. Or quelle confiance peuvent accorder ces malheureux à des agents, du gouvernement qu'ils soupçonneront toujours de vouloir chercher dans leurs plaintes naïves matière à accusation ou à emprisonnement? Une tournée rapide de fonctionnaires ne pourra donc jamais invalider à nos yeux les faits minutieusement recueillis par nos consuls délégués, parcourant le pays en amis».

Le ministre des affaires étrangères a tâché de me démontrer qu'une grande partie des personnes qui ont péri en Bulgarie avaient trouvé la mort en se défendant contre les troupes. J'ai contesté l'exactitude de cette assertion; les bulletins turcs n'ayant jamais parlé d'aucune affaire sérieuse, mais ayant toujours représenté les bandes bulgares comme fuyant à l'approche des troupes. D'ailleurs Abdul-Kerim-pacha, envoyé à Philopopolis pour réprimer l'insurrection, avait annoncé dès le 15/27 mai que tout était fini, et c'est après cette date qu'avaient eu lieu les scènes barbares dont la description tardive a tant ému l'Europe.

Comme les ministres turcs cherchèrent à me parler de représailles exercées par la population musulmane locale, qui avait été menacée de massacres, je m'élevai également contre cette dernière appréciation. C'étaient bien les musulmans indigènes et les circassiens ³ des environs qui avaient commis les excès. Mais ils avaient été armés par les autorités qui leur adjoignirent des forçats, libérés des prisons pour être lancés contre les chrétiens. L'impunité leur parut assurée après cela, et aucune mesure n'a été prise à temps pour arrêter leur activité criminelle. Quant au caractère de représailles

* *Мехмед - Рушди.*

** *См. док. 116, 118, 129.*

qu'on voulait attribuer aux massacres favorisés de cette manière, la disproportion entre le nombre de victimes chrétiens et musulmans était trop colossale pour laisser subsister une pareille interprétation.

Je finis par déclarer au grand vizir qui ne cessait d'entrer dans l'explication de chacun des faits isolés, pour les justifier par des sophismes, qu'au lieu de chercher à atténuer l'horreur des scènes sanglantes dont la Bulgarie a été le théâtre, il serait plus digne du gouvernement ottoman, et plus conforme à ses intérêts, de les avouer, de les désapprouver hautement et de s'attacher à en prévenir le retour en punissant sévèrement les coupables.

Sans vouloir reproduire ici les détails de mes entretiens successifs sur les affaires bulgares, je me permettrai de faire observer à votre altesse en terminant que les arguments par lesquels les ministres ottomans cherchèrent à combattre les accusations dont je me faisais l'organe, m'ont déjà été débités préalablement par sir Henry Elliot, et se retrouvent presque tous dans sa correspondance. Quoiqu'impressionné par le blâme qui a été infligé à sa conduite au sein du parlement et dans la presse de Londres ⁴, — l'ambassadeur britannique ne peut pas se départir de sa partialité pour les turcs et ne s'associe qu'à contre coeur à l'indignation générale que provoquent les détails découverts par les différends délégués et correspondants. Il cherche, à l'instar du grand vizir, à expliquer, si ce n'est à justifier, la conduite des turcs, et si ces derniers ont dû s'apercevoir que les atrocités commises en Bulgarie leur ont aliéné les sympathies et la bienveillance de la nation anglaise, ils peuvent se sentir rassurés en constatant qu'ils n'ont pas perdu celles de sir Henry Elliot * ⁵.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

Nélidow

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 31, л. 111—114. Подлинник.

Перевод

Буюкдере

Господин канцлер!

Беседа, которую я имел с Савфет-пашой и великими визирем о зверствах, совершенных башибузуками, перешла, естественно, к положению Болгарии. Я выразил министру иностранных дел надежду, что следственная комиссия ¹, недавно отправленная в эту провинцию, постарается выявить действительных виновников, а также найти эффективные средства, чтобы возместить тот ущерб, нанесение которого было так безнаказанно допущено властями.

Савфет-паша возразил мне, что следовало бы начать с проверки утверждений иностранных агентов ².

«Не ваши же официальные посланцы, — сказал я ему, — смогут получить точные данные о бедствиях. По рассказам всех наших агентов, население так терроризовано воспоминаниями о своих недавних страданиях, что оно избегает иностранцев и замыкается в полном молчании. Лишь после того, как оно прониклось бы доверием, можно было бы добиться от него некоторых подробностей об июньских событиях. А какое доверие могут питать эти несчастные к представителям правительства, которое они всегда подозревают в желании отыскать в их наивных жалобах повод к осуждению или заключению в тюрьму? Стремительный объезд чиновников не сможет никогда свести на нет в наших глазах значение тщательно собранных нашими консулами сведений, которые объезжают страну как друзья».

Министр иностранных дел пытался доказать мне, что большую часть людей, погибших в Болгарии, постигла смерть, когда они защищались против войск. Я опровергнул правильность этого утверждения; турецкие бюллетени никогда не говорили

* *Поэма Александра II к последним словам абзаца: Ils se valent.*

о серьезном деле, а всегда представляли болгарские отряды, убегающими при приближении войска. Кроме того, Абдул-Керим-паша, посланный в Филиппополь для подавления восстания, объявил уже 15(27) мая, что все кончено, а после этой даты как раз и имели место варварские сцены, запоздалое описание которых так взволновало Европу.

Когда турецкие министры пытались говорить мне о репрессиях, учиненных местным мусульманским населением, которому угрожали резней, я также восстал против этого последнего утверждения. На самом деле это мусульманские окрестные обыватели и черкесы³ творили бесчинства. Но они были вооружены властями, которые присоединили к ним уголовников, освобожденных из тюрем с тем, чтобы бросить их против христиан. Безнаказанность после этого им казалась обеспеченной, и не было принято никаких мер, чтобы остановить их преступные деяния. Что же касается характера мщения, которое хотели приписать дозволенным жестокостям, то диспропорция между количеством христианских и мусульманских жертв слишком огромна, чтобы допустить подобное толкование.

Я кончил тем, что заявил великому визирю, который давал объяснения по каждому отдельному случаю, оправдывая их софизмами, что вместо того, чтобы стремиться ослабить ужас кровавых сцен, театром которых была Болгария, было бы более достойным для оттоманского правительства и более согласным с его интересами осознать их, осудить во всеуслышание и постараться предупредить возврат к ним, строго наказывая виновных.

Не желая воспроизводить здесь частности моих последовательных бесед по болгарским делам, я позволю себе в заключение заметить вашей светлости, что доказательства, которыми оттоманские министры старались бороться против выставленных мною обвинений, мне были уже предварительно перечислены сэром Генри Эллиотом и почти все встречаются в его письмах. Хотя и задетый осуждением его поведения в парламентской среде и в лондонской прессе⁴, британский посланник не может отказаться от своего пристрастия к туркам и лишь скрепя сердце присоединяется к общему возмущению, которое вызывают подробности, раскрытые различными представителями и корреспондентами. Он старается, по наущению великого визиря, объяснить, если не оправдать, поведение турок; совершенные в Болгарии варварства лишали турок симпатий и доброжелательности английской нации, но они могут считать себя спокойными, установив, что не потеряли таковых сэра Генри Эллиота *⁵.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости покорнейшим и почтеннейшим слугой

Нелидов

1. В конце июля 1876 г., когда о жестокой расправе турок над болгарам стало известно в Англии, Франции и других странах Европы, общественное мнение этих стран потребовало от своих правительств расследования событий. Особенно это проявилось в Англии. Многотысячные митинги, петиции в адрес королевы, премьер-министра Дизраэли и других министров, запросы либеральной оппозиции во главе с Вильямом Гладстоном заставили английское правительство согласиться на расследование (66, стр. 44—45).

Английское правительство вынуждено было поручить Уолтеру Берингу расследование преступлений, совершенных турецкими властями в Болгарии. Почти одновременно с Берингом в целях изучения фактов совершил вторую поездку по стране А. Н. Церетелов (впервые он собрал сведения о зверствах турок в мае 1876 г. 72, стр. 296, 299, 305, 308). Кроме того, расследованием турецких жестокостей занялись также консул США Юджин Скайлер, американский журналист Мак-Гахан, немецкий журналист Карл Шнейдер, английский консул в Адрианопле Дьюшон. Беринг и Дьюшон весьма тенденциозно рисовали картину подавления восстания, стараясь оправдать действия турок и преуменьшить число жертв восстания (донесение Дьюшону Эллиоту от 7 августа 1876 г. 2, стр. 515—527, № 449). Скайлер и Мак-Гахан, а также Шнейдер в своих докладах и корреспонденциях дали правдивую картину кровавой расправы турок и опустошения Болгарии, за что Скайлер позднее получил порицание от военного министра США.

* На полях помета Александра II к последним словам абзаца: Они стоят друг друга.

А. Н. Церетелев телеграфировал 26 июня (7 июля) управляющему посольством в Константинополе А. И. Нелидову: «Американцы и немецкий корреспондент в негодовании. Насчитали в Батаке свыше трех тысяч трупов, сотни детских голов» (там же, стр. 527—528, № 450). Документы расследования см. там же, стр. 532—538.

2. То обстоятельство, что в состав упомянутой выше анкетной комиссии вошли преимущественно лица действительно беспристрастные, сочувственно относившиеся к болгарам, обеспокоило Савфет-пашу, так как турецкому правительству было нежелательно, чтобы в Европе узнали правду о резне в Болгарии.

3. Речь идет о черкесах, бежавших с Кавказа в 60-х годах XIX в.

4. Первые известия о резне в Болгарии были сообщены в Лондон английскими корреспондентами Эдвином Пирсом и Галенгой, а также Мак-Гаханом. Их статьи были помещены в июне 1876 г. в либеральной газете «Дейли Ньюс» (статьи Мак-Гахана см. 72, стр. 364—400).

5. Согласившись на расследование, английское правительство через своего посла Эллота продолжало поддерживать турок, тем более, что стала совершенно ясной антитурецкая позиция Австро-Венгрии.

№ 213

1876 г. августа 13. — Заявление жителей Сызрани П. И. Щербакова и С. П. Маркушина в Московский славянский комитет о желании отправиться добровольцами в Сербию

Душою рады помочь нашим братьям сербам, мы, нижеподписавшиеся, желали бы для этого идти в волонтеры, но, не имея средств на проезд в Сербию, мы обращаемся в Славянский комитет с просьбою отправить нас на счет сумм, пожертвованных частными лицами; если комитет стеснится отправкою нас из Сызрани прямо, то мы до Москвы доедем на свой счет, при этом, конечно, мы затратим, может быть, и последние свои деньги, которые бы нам нужно поберечь на всякий случай (но это, конечно, только в случае крайности). Мы надеемся, что комитет как в том, так и в противном случае уведомит нас в возможной скорости. Лета мы имеем: первый 23 года, а второй 19 лет, и первый служил уже в Преображенском полку 6 м-цев (но ему служить не довелось).

Сызранский мецанин Петр Иванов Щербаков
Крестьянин Степан Павлов Маркушин

Адрес: в Сызрань Симбир[ской] губ. Земскую управу, Степану Маркушину

Деньги или, если есть, билеты на бесплатный проезд прошу прислать на мое имя.

Маркушин

При этом просим уведомить нас, какие документы нужны для поступления в волонтеры, даже и в том случае, если комитет откажет в просьбе.

Пожета: Ответ, что не можем, а можно на частные пожертвования лиц, их знающих.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 84, лл. 75—76. Подлинник.

1876 г. августа 14. — Письмо предводителя дворянства Касимовского уезда Рязанской губернии А. Оленина И. С. Аксакову о сборе пожертвований в уезде

№ 321

· Милостивый государь Иван Сергеевич!

На этих днях я имел честь отправить к вам около 30 пудов разных госпитальных приспособлений, в числе которых 1800 аршин холста; сегодня же отправляю 1200 руб. денег, наполовину пожертвованных гг. дворянами Касимовского уезда, а другая половина от крестьян. При этом долгом считаю уведомить, что из 24 волостей Касимовского уезда сполна поступило деньгами и холстом только от 5 волостей, — от других, более отдаленных от города, ожидаются поступления на этих днях, и по мере их будут мною отправляться частью к вам, милостивый государь, а частью в Главный комитет Общества попечения о раненых и больных воинах.

За сим имею честь покорнейше просить вас сообщить мне, по возможности скорее, будет ли целесообразно присылать вам холст и полотно в кусках, так как за неимением рук при таком значительном пожертвовании холстом шитье белья может сильно затянуться?

Когда общий сбор пожертвований будет приходить к концу, я буду иметь честь препроводить к вам подписные листы с именами лиц, жертвовавших отдельно, и названнем крестьянских обществ.

В заключение считаю долгом известить вас, милостивый государь Иван Сергеевич, что воодушевление к пожертвованиям в жителях Касимовского уезда растет не по дням, а по часам, все находится в напряженном состоянии, газетные известия с небывалой быстротою переходят через все слои общества и, сообразно с свойством их, лица читателей или оживляются неподдельной радостью, или омрачаются глубокой печалью и тревогой. Простой народ приносит свою посильную лепту с полным убеждением, что она идет на спасение братьев, сражающихся за веру православную, и, передавая мне свои пожертвования, всегда творит крестное знамение.

С глубоким к вам уважением и с горячим пожеланием успеха в исполнении вами святом деле, имею честь быть вашим, милостивый, государь, неизменно преданным слугою

Алексей Оленин

P. S. Желание всех жертвователей препровождаемой мною суммы, чтобы я обратился к вам с покорнейшей просьбой: если возможно, переслать препровождаемые мною деньги в непосредственное распоряжение его превосходительства Михаила Григорьевича Черняева, главнокомандующего сербской армией.

Алексей Оленин

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 282, лл. 94—95 об. Автограф.

1876 г. августа 15. — Письмо жителей Белграда в Московский славянский комитет с выражением благодарности русскому народу за помощь Сербии

Белград

Српска изјава благодарности Русскоме * народу.

У тешким околностима у којима је сада Србија, нас, а с нама и све Србе дубоко троњава братска љубав, коју и овом приликом као што је и пре свагда Русија нама указивала и чинила. Зато у име свега нашега народа свакога реда и стања, узимамо слободу да јавно дамо изјаву топле наше захвалности, што је чинио, и што нам чини братски руски народ свакога стаљежа и стања.

Србија и сестра њена Црна Гора води рат и бије бој са турском војском која је претежнија бројем, спремом и вештином. Но наша патриотска војска брани корак по корак свете своје земље, коју газе, пале, робе разуздане орде дивљих черкеза и башибозука. Турска је повукла на нас из средине Азије дивље и зверске народе, и у њима распалила фанатизам за уништавање хришћана.

Крв слабомоћних жена и невиних дечице хришћанске пада кап по кап на њихову зверску душу, а они, опијени мрзошћу грозно пустоше све на што наиђу. Ојађена и много патећа браћа наша трпе од ових дивљих безбожника паклене муке. Фанатизам толико их је опио и занео, да они као хијене попрскане крвљу невиних хришћана, са пламеном у руци, а пуни гадне страсти, пустоше јадну земљу, која је некада и сама слободна и цветајућа била.

Није ово првина, што Срби гину, бранећи православну свету веру и своју домовину. Наши су оцеви у толико маха одбранили Европу од гадне азијске поплаве. Срби су свагда после Косовског пораза, давали од себе знака живота и непрекидно војевали и сами, и у скупу са Руским народом, који је хвала богу снажан да одбрани православије и славенство, и заустави невернике, да више не тамане његову браћу. Наши оцеви гинуше као мученици, бранећи се од свирепства азијата; па зар ми њихова деца, ми Срби да клонемо и напустимо њихово велико дело? Не, нећемо, него ћемо се борити до последњег за свето дело.

И у овој светој борби нашој за опстанак нашега народа браћа Руси стекли су право на нашу вечиту захвалност. Зато овим путем изказујемо јавну благодарност свакоме брату Русу великоме и маломе, богатоме и сиротноме, наученоме и простоме по свој опширној Русији, благодаримо и драгим сестрама племенитим Рускињама, које топло примају к срцу несрећну судбу нашега народа. Нека је слава и хвала Русији и Рускоме народу што се сећа да има браће изван Русије на југу, која мученички проводе живот, који им никако није сигуран, као што им је у ропству изложен гнусној самовољи агарјанској, породица, вера, светиња и имање. Хвала и слава Руској браћи, што нам помажу да издржавамо неједнаку борбу за увређено човечанство, за погажену светињу и за обезчашћене породице. Тешко брату без рођена брата! Нема брата док не роди мајка!

Архиепископъ Београдски митрополитъ Србскии Михаилъ

Председник општине београдске Димитрије Т. Поповић **

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 426, лл. 330—334 об. Подлинник.

* Так в тексте.

** Далее следуют 176 подписей белградских граждан. В числе подписавших чиновники, торговцы, предприниматели, ремесленники, представители интеллигенции, духовенства.

№ 216

1876 г. августа 16. — Письмо БЦБО А. И. Васильчикову с благодарностью за помощь, оказанную обществу

№ 49

Бухарест

Ваше сиятельство!

Болгарское центральное благотворительное общество в Бухаресте от имени всех своих отделов в Румынии имеет честь засвидетельствовать вашему сиятельству искреннюю свою благодарность и признательность за сочувствие ваше к болгарскому народу, высказанное в уполномочении Владимира Симеоновича Ионина, чтобы сблизить и скрепить болгарские благотворительные общества в Румынии с славянскими благотворительными комитетами в России, как наилучшее средство благоприятного хода дел на Балканском полуострове. Этим вы дали нам первые сильную поддержку, без которой не было бы такого успеха.

Центральное общество, начавшее свою деятельность с 10 июля 1876 года, постарается во всяком случае оправдать благое предприятие своими действиями.

Не можем не принести вам, ваше сиятельство, истинное свое почтение и глубокое уважение как благородному ревнителю славянства.

Настоятельство «Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте».

Председатель: К. Цанков

Кассир: Ангел Т. Рунта

Члены: П. М. Петров

Ив. Кавал[д]жиев

Секретарь: Г. Золотов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 101, л. 8 и об. Подлинник. Печать БЦБО.

№ 217

1876 г. августа. 16 — Телеграмма члена Одесского болгарского настоятельства Н. Х. Палаузова в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи болгарам, направляемым в Сербию

№ 2996

Одесса

Мы просили отклонять проезд болгар из Константинополя. По полученным сведениям это невозможно. При теперешних обстоятельствах болгаре безостановочно приезжают. Направляем их в Сербию, ибо удержание здесь потребовало бы больших расходов. До сегодня отпущено более 300 человек. Средства истощились. Без новой поддержки комитета положение наше будет безвыходно. Убедительнейше просим оказать нам скорее пособие деньгами. Просимого нами разрешения на сбор не получено, ввиду поступающей в распоряжение комитетов помощи для болгар ли * последует, почтою вышлем отчет.

Болгарское настоятельство.

Палаузов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 40, л. 2. Телегр. лента.

* Так в тексте.

№ 218

1876 г. августа 18. — Телеграмма председателя комиссии для сбора пожертвований Петербургского отдела славянского комитета Т. И. Филиппова Д. Ф. Стурту о передаче денег Болгарскому человеколюбивому настоятельству

Бухарест

Ответ на 316. 472 наполеондора, хранящиеся в консульстве, передайте, пожалуйста, Болгарскому человеколюбивому настоятельству.

Председатель Тертый Филиппов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 97, л. 5. Отпуск.

№ 219

1876 г. августа 18. — Письмо секретаря Харьковского комитета по сбору пожертвований для славян Н. Гальшева И. С. Аксакову с просьбой сообщить условия отправки добровольцев в Сербию и оказать помощь в организации работы комитета

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Обращаюсь к вам потому, что надеюсь от вас скорее [получить] ответ, чем из Белграда. Извините, что надоедаю.

Нужно знать приблизительно:

1. Сколько нужно выслать денег в Белград на каждого высылаемого добровольца для вооружения или снабжения его необходимым до зачисления в армию.

2. Сколько нужно считать на дорогу от русской границы до Белграда (по русским дорогам добровольцы поедут даром).

3. Чего требуется от добровольца, чтобы быть принятым в армию? На какие условия могут рассчитывать принятые в армию офицеры и унтер-офицеры?

Сведения эти необходимы и как можно скорее. Нам приезжать к вам было бы менее полезно, чем приезд энергичного от вас делегата сюда для организации нашего комитета. Мы сегодня получили от губернатора разрешение открыть Харьковский комитет сборов пожертвований для помощи славянам. (Председатель — врач Е. Н. Костенко, секретари: П. Б. Лукьянов (инспектор округа М[инистерства] н[ародного] п[росвещения]) и я. Члены: проф. Надлер, кандидат Шапошников, кандидат И. Шабельский, проф. Яцукович, книгопродавец Гиевский, Максимович (инсп[ектор] гимназии), врачи: Шабельский и Севастьянович и Ф. Павловский (бывший член зем[ской] управы). Кандидаты: Кузин (член городской управы), Филонов, — землевладелец, Гиевский, кандидат и председатель Старобельской земской управы Кирилов).

Сборы еще не организованы хорошо, теперь получается до 2-х тыс. руб. в неделю. 2-й санитарный отряд отправлен 17-го (3 доктора, 7 фельдшеров военных и до 20 служителей *, а может быть и более). Жертвовать на добровольцев много охотников и добровольцев имеется много, но не хочется посылать зря.

Контроль мы просили взять на себя Женско друштво, текущий счет сербских расходов думаем иметь там.

* Из которых несколько офицеров.

Выгода посылки по губерниям делегата Слав[янского] комитета, мне кажется, заключается в том, что он может сделать хорошее дело не в одном Харькове. В Курске в клубе тоже образовалась комиссия, уже послали несколько тысяч Черняеву и теперь снаряжают отряд волонтеров в 50 чел.; в Полтаве тоже было собрано 3 тыс. руб., оттуда вели с нами переписку, но мы сплеховали: никого туда не послали, и дело что-то притихло *. Да, движение везде по дороге, и вашему делегату везде, куда не приедет, можно будет дело сделать. Независимо от помощи организации ваш делегат мог бы везде предостеречь комитеты, комиссии и компании для помощи славян от ошибок и, кроме того, вероятно, нашел бы средства и иначе помочь славянскому делу, напр[имер], организовав соединенные отряды городов.

Вы спрашиваете удивленно: разве у вас нет местной прессы? Комитет наш вызван тем, что мест[ный] редактор ** хотел сделаться монополистом по сбору пожертвований в пользу славян (устройству гулян[ий] и пр.), но попался, негласно, разумеется, в неправильном составлении отчетов (ошибки во всех итогах оказались в одну сторону). Теперь статьи, которые мы хотим печатать в Губ[ернских] в[едомостях] ¹ без изменений, передаются губернатору. Но и надпись его на статье «напечатать» не спасает нас от редакции.

Комитет наш составил случайно по выбору лиц, сочувствующих славянской войне, но состав его вполне удовлетворителен. Но нам не достает руководителя. Комитет не вполне понимает свое общественное значение, т. е. по крайней мере не выражает этого своего понимания в своей деятельности. А между тем Харьков должен бы иметь большое значение как центр большого района. У нас в комитете покуда нет выдающегося харьковца, и потому мы особенно нуждаемся в программе и организации. Я знаю, что всего не напишешь; поэтому-то я бы предложил живое сношение. Комитет ваш успел приобрести отношение к славянам, кот[орого] мы не имеем, кроме того средства наши незначительны. Не считая больших пожертвований, которые мы не можем рассматривать до сих пор как постоянные, потому что ни одного еще не было большого, мы не можем рассчитывать иметь в неделю более 6 тыс. руб., а, вероятно, будем иметь менее гораздо, особенно если не сосредоточим пожертвований окрестных городов, что было бы желательно только в том случае, если их комитеты или кружки должны будут примкнуть к центральным учреждениям.

Так как начальник губернии разрешил выдачу книжек только 15 членам комиссии и то за его подписом, то во избежание стеснения сборов не членами комиссии и во избежание *излишнего* (sic) контроля, так как у нас председатель часто излишне формален ***, то просим вас выслать в распоряжение комиссии несколько десятков подписных листов Славянского комитета на денежные пожертвования. Вещевые пожертвования принимать покамест во многих местах затруднительно. Разумеется, таким лицам, как г. Алексеенко, который был у вас с кем-то в Славянском комитете, мы никогда не выдадим подписного листа.

С совершенным уважением

Н. Галышев

Помета: Н. А. Попову. Нужно поговорить.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 139—140. об. Автограф.

1. Официальная харьковская газета «Губернские ведомости» (1838—1917 гг.).

* Благодаря известному у нас вандейскому маркизу-губернатору Мартынову.

** Тот самый, что телеграфировал, что он не справочная контора.

*** Хотя иногда вследствие множества работы и недостаточно формален.

1876 г. августа 18. — Письмо В. Н. Теплова И. С. Аксакову
о формировании добровольческих отрядов из донских казаков

Новочеркасск

Ваше превосходительство Иван Сергеевич!

По предложению Александра Александровича * я заехал в Новочеркасск и вот что видел:

1. Организованного и некоторым образом уполномоченного комитета пока нет, все делалось как бы случайно, к тому же импровизированный комитет (т. е. редактор местн[ой] газ[еты] Карасев и доктор Петровский), по мнению преосвященного, а также и генерал-губернатора Краснокутского (наказ[ного] атам[ана]), не имел и теперь не имеет в главе своей никакого авторитетного военного лица. Указывают на генерала Шумкова, к сожалению, мне не удалось его видеть; Александр Алексеевич Нарышкин, кажется, очень благонамеренный человек, но в высшей степени раздражен, что его смета в 300 руб. на каждого казака оказалась очень высокою, к тому же он недостаточно обратил внимание, что как преосвященный Платон, так и генерал-губернатор не признают вышесказанного комитета за правильно организованную (организаторскую) единицу, и после совещания при мне указали на генерала Шумкова, как на лицо, способное вести это дело. Я два раза ездил к г. Шумкову, но не заставал дома, и сегодня он уезжает в деревню недели на две. Чтобы еще рельефнее описать картину, прибавлю след[ующее]: сегодня утром собрались по желанию г. Нарышкина указанные выше (мпою) лица, генер[ал] Шумков почему-то не был приглашен, тогда я счел необходимым немедленно отправиться к нему и, изложив обстоятельства, пригласить его в заседание, не застав генерала дома, я приезжаю обратно и вижу, что предполагавшееся заседание не состоялось, а сам Александр Алексеевич Нарышкин, уложивши вещи, прощается со мною, чтобы ехать в Москву. На каких основаниях г. Нарышкин действовал среди лиц недостаточно компетентных (по мнению здешнего великого подвизника Платона, а также генерал-губернатора) — мне неизвестно.

2. Что касается дела, т. е. образования казачьих сотен, то успех несомненен, отставных донцов, желающих идти на линию, оч[ень] много, но пока непривыкшие и непонимающие волонтерской службы, они не могут отрешиться от своего лозунга — начальство прикажет, и мы идем, начальство же, говорят они, должно нас обеспечить и пособием, и жалованием. Узнав подробно количество суммы, необходимой каждому казаку, нужным считаю привести след[ующие] цифры: 1) военное снаряжение (без лошади) — 50 руб.; 2) пособие остающемуся семейству — 50 руб.; 3) по мнению здешнего авторитетного генерала Манецкова, на лошадь — 35—40 руб.; 4) офицеру (на каждую сотню 5 чел.) — 300 руб.

Принимая во внимание уплату за проезд по Румынии и далее, а также продовольствие в пути, средняя стоимость каждого доставленного в Сербию казака будет от 150 до 160 руб. Сюда нужно прибавить цену за провоз оружия по России, так как вооруженных казаков, вероятно, не придется посылать ввиду нейтралитета.

3. Местных средств весьма мало, в здешнем Дамском комитете всего около 1500 руб.

* Пороховщикова.

4. Экстренные расходы на канцелярию, телеграммы и прочее, по мнению моему, теперь не могут быть определены за неимением местного состоятельного лица с должным авторитетом.

5. По мнению генерал-губернатора, лично мне переданному, жалование казаку следует обещать от 5 до 10 руб. в м[еся]ц.

Внезапный и, по мнению моему, ничем не мотивированный выезд г. Нарышкина поставил меня в затруднительное положение. Отправка казаков, вероятно, замедлится, ввиду же газетных известий о перемирии я решил остаться в Новочеркасске впредь до дальнейшего мне наставления, о чем и прошу мне сообщить телеграммою в Европейскую гостиницу.

Имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

В. Теплов

Р. С. Если политика не изменилась, то очень желательно знать для объявления казакам, какое они будут получать жалование от Черняева.

Между лицами, с которыми меня познакомил А. А. Нарышкин, я встретил полковника Орлова, который самым категорическим образом требовал, чтобы я ему представил удостоверение, что казаки пройдут безнаказанно по Румынии. Ввиду устранения всяких недоразумений не признается ли полезным теперь же собрать все нужные справки посредством г. Иванова в Кишиневе или же через другое лицо?

Такого же содержания я отправляю письмо и к Александру Александровичу Пороховщикову.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 56, лл. 141—142 об. Автограф.

№ 221

1876 г. августа не ранее 18 *. — Письмо И. С. Аксакова
В. Н. Теплову с предложением принять на себя обязанности
агента Московского славянского комитета в Сербии

Милостивый государь Василий Николаевич!

Прежде всего, чтоб не забыть: не титулируйте меня превосходительством, я не более как надворн[ый] сов[етник] и враг вообще всяких церемонных приемов. Я получил оба ваши письма. Если бы вы спросили меня, я бы отсоветовал вам ехать на Дон. С вашим критическим и аналитическим умом вы едва ли призваны к делу, которое может выгореть только *как-нибудь, на авось*, не совсем складно, а в результате, однакож, что-нибудь да даст. Ничто не было нелепее и комичнее *моей* вербовки волонтеров в банке; немало было и промахов, попались и пьяницы, наделавшие скандалу в Румынии; одного Черняев предал полковому суду. А между тем именно *мои* новобранцы спасли Белград от Абдул Керима: Дмитриев, Фермор, Кузьминский и проч. и проч., отличившиеся, раненые, убитые — без них не устоять бы сербскому воинству.

Я имел уже честь просить и теперь вновь прошу вас быть *агентом Московского славянского комитета*.

Вот чего бы мы от вас желали:

Устроить нам телеграфное сообщение, т. е. посылать телеграммы. Употребляя в дело сотни тысяч рублей, отправляя людей, отвечая за

* Датируется на основании упоминания о письме В. Н. Теплова от 18 августа 1876 г. См. док. 220.

все это перед Россией — стыдно комитету не иметь прямых сведений с места. Сведения эти двоякого сорта: касающиеся прямо событий, т. е. сражений, передвижений, военных действий, и положения политического. Первые могут быть и должны быть передаваемы *телеграфом*; вторые письмами (запросто). Конечно, *не все* может быть передаваемо телеграфом, чтобы не компрометировать дела, но многое, однакож, может быть передано, чего не сообщают другие корреспонденты. Затем вы сами сортируйте телеграммы: какие из них годятся для публикации, те адресуйте так: Aksakoff Hilaroff. Они будут печататься в «Совр[еменных] Изв[естиях]» под названием: телеграммы Московского славянского комитета. Те же, которые не для печати, адресуйте просто мне Aksakoff, а для большей верности начинайте ее словами: *одному*. Как письма, так и телеграммы адресуйте просто: «Ивану Аксакову. Москва», — мой адрес всегда почтамту и телеграфу известен. Некоторые телеграммы можно, пожалуй, посылать через Землин. Это предоставляется уже вашему усмотрению.

Для телеграмм я вам переведу немедленно деньги в достаточном количестве, как скоро вы мне телеграфируете ваш адрес в Сербии и вообще убедитесь, что можете принять мое предложение.

Политическое положение получает теперь особый интерес вследствие начинающейся работы дипломатической. Белград был всегда гнездом дипломатических интриг, а теперь и подавно. Я могу вам сказать, что направление, принятое теперь государем, самое утешительное, он считает необходимым взять сербское дело в свои руки и повести его даже вопреки князю Милану. Горчаков уже объявил Протичу, что Россия не потерпит вообще *status quo ante bellum* и все, что приобретут сербы оружием, отдается им. Будут требовать именем России автономии всех христиан, а для Болгарии некоторого обособления политического. Разумеется, европейские агенты пустят в ход в Белграде и золото и всякие обольщения с целью повредить России и возбудить против нее сербов.

Далее. Мне бы нужно было иметь всегда сведения о наших волонтерах. Их жены и семьи осаждают меня запросами, и я ничего не знаю, даже не могу добиться ничего. Так, об одном майоре Небольсине, командовавшем в Лукове, телеграфировал и Черняеву, и Комарову — о других дали ответ, о нем молчат. Вы должны быть посредником между комитетом и отправленными от него волонтерами. Я вам доставлю и буду доставлять их именной список, — и они с своими просьбами и поручениями должны обращаться к вам. Вы будете сообщать нам, когда, кто из них убит или ранен, отличился или проштрафился.

Затем вы же будете сообщать мне о нуждах и желаниях Черняева, которые удовлетворить можно бы комитету. Так как Мих[аил] Григорьевич собственно от комитета и средства получил на поездку, и теперь продолжает еще получать, то Комитет с ним некоторым образом солидарен. Да и, кроме того, мы с ним были всегда в дружественных отношениях. Следовательно, агент комитета должен поддерживать эти отношения.

Звания ваши или, точнее, поручение комитета — не есть секрет, иначе оно было бы шпионством, — и я первый извещу о том Черняева.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 90, лл. 12—13 об. Отпуск.

1876 г. августа 19. — Письмо членов Самарского отдела славянского комитета самарского городского головы С. Кожевникова и Л. Н. Яценкова И. С. Аксакову об отправке добровольцев в Сербию

Самара

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Поручик Иван Дмитриевич Урилов, получивший Георгия при Гунибе за взятие Шамиля,¹ пользующийся прекрасною репутациею, изъявил желание сражаться за славян и подал в отставку.

Мы выдали ему подъемных триста рублей. Теперь он едет в Петербург, чтобы лично без промедления получить отставку и продолжать свой путь к месту назначения. Просим оказать ему содействие к бесплатному проезду и объяснить, какой ему следует избрать путь в Белград и кому он там должен представиться.

Мы располагаем десятками волонтеров, по всем данным заслуживающих того, чтобы их направить в Сербию на счет жертвуемых сумм, но только по отношению ко многим встречаются препятствия к выезду: или не выходят лета (25) или же полиция не выдает им свидетельств на отсутствие препятствий к отъезду только потому, что просящие приписаны не к Самаре. Вообще, к изумлению нашему, с этой стороны тормозится дело, поэтому нельзя ли получать им паспорта в Москве, быть может, там достаточны наши рекомендации и документы, удостоверяющие самоличность.

Согласно вашей телеграмме (в Самару Кожевникову от 15 августа) и печатному предложению вашему сосредоточить в Москве вспомогательные наши силы и так как мы уже располагаем добровольцами, которых отправим и которых поэтому мы должны обеспечить, то, чтобы согласить действительно необходимое средоточие сил с нашими нравственными обязательствами, просим вас сообщить нам, в каком размере должен быть обеспечен нами каждый доброволец, которую сумму и перешлем в ваше распоряжение, на содержание же тех, коих отправим раньше вашего ответа, отошлем к вам по сто рублей. Сведения эти, главным образом, необходимы нам на будущее время, дабы знать, какие расходы нам предстоят, и в таком случае мы будем иметь отдельный с Московским комитетом счет.

Скоро ли можно надеяться на утверждение Самарского отдела славянского благотворительного комитета, о чем заявление послано нами на ваше имя *?

Итак, три вопроса: 1) паспортный, 2) о размере содержания каждого добровольца на месте и 3) о Самарском отделе комитета.

Примите уверение в истинном к вам почтении членов комитета.

С. Кожевников

Л. Яценков

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 84, лл. 135—136. Подлинник.

1. Гуниб — крепость на Кавказе, последний оплот Шамиля. Блокада Гуниба длилась с 10 по 25 августа 1859 г. 25 августа 1859 г. Гуниб был взят русскими войсками, Шамиль захвачен в плен и отправлен в Петербург.

* Заявление послано 4 августа 1876 г. (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 280, лл. 104—106 об.).

№ 223

1876 г. августа 20. — Письмо ВЦБО в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи в организации отряда болгарских волонтеров в Сербии

№ 66

Бухарест

Ввиду того, что болгаре, находящиеся ныне в Сербии, лишены всякой правильной организации и играют в сербских авангардах весьма незавидную роль, Болгарское центральное благотворительное общество в Бухаресте решило употребить все возможные усилия, чтоб сгруппировать всех болгарских волонтеров под одним знаменем, поручив их организацию полковнику Александру Михайловичу Милорадовичу *, который отправился к генералу Черняеву от имени общества переговорить относительно предстоящей организации.

При этом общество, предпринимая подобное дело, должно постараться снабдить отряды всем необходимым, чтоб не быть в прямой зависимости от сербов и чтоб можно было действовать сообразно одному плану. Поэтому Болгарское центральное благотворительное общество, не располагая суммами, обращается к С.-Петербургскому славянскому благотворительному комитету с покорнейшей просьбой снабдить нас какими-нибудь средствами, чтоб скорее начать действия и постараться поставить болгарские отряды на организованную ногу. Надеемся, что С.-Петербургский славянский благотворительный комитет не откажет нам в этой просьбе, от исполнения которой, может быть, будет зависеть облегчение участи семи миллионов болгар.

С истинным уважением и преданностью честь имеем быть

Председатель К. Цанков

Кассир Ангел Т. Рунта

Члены П. Х. Высковский, Ив. Кавал[д]жиев,

П. М. Петров, Д. П. Иванов

Секретари: Г. Золотов, И. Вазов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 78, л. 12 и об. Подлинник. Печать ВЦБО.

№ 224

1876 г. августа 20. — Донесение священника Н. Батолирова управляющему Ставропольской губернией о сборе денег и вещей в помощь балканским славянам

По воззванию моему, сделанному в храме божием в день Успения заступницы нашей — пресвятой богородицы, любезные мои прихожане, с чувством глубокого сострадания и полпой готовности поделиться последним, пожертвовали в пользу страдальцев-славян деньгами сто шесть руб. (106 р.) пятнадцать коп. (15 к.) и полотном более пяти пудов. Каковые деньги, полотно в четырех тюках за № 151, 152, 153 и 154 и подписной лист при сем представляется мною вашему превосходительству на

---

* См. док. 244, 255.

зависящее со стороны вашего распоряжения, с полной уверенностью, что жертва эта, как она не первая, не будет и последней.

Благочинный священник Никита Батолиров

ГА Ставроп. кр., ф. 69, оп. 1, д. 624, л. 109. Подлинник.

№ 225

1876 г. августа 21. — Письмо П. Х. Висковского Т. Пееву * о полемике газеты «Възраждане» с газетой «Стара Планина» по вопросу об оценке национально-освободительной борьбы болгарского народа

Братя!

Ще ме простите, дето се забавих с писмото си. Има много неща да ви пиша, но нямам време. Много добре сторихте, дето подадохте сигнал с отговора си против обвиненията, които ни приписват чешките и други листовце. Вие наченахте борбата и я наченахте тъй смело, както аз желяех, но само едно нещо по моето мнение ми се показва неясно: това е, че в тоз си ответ вие донегде оправдавате мнението на означените листовце за българския народ. Това, вижда се, сте сторили от увлечение и излишно вдъхновение, щото не могли сте да обуздате чувствата си, та излязло някакси противоречиво. Аз прочетох два-три пъти и си направих такова умозаключение, което потвърдиха и други някои приятели, без да отвергават достойнствата на статията ви, а именно: вашето смело и енергично стъпване. За това подробно ще ви забележа с второ.

Засага обръщам вашето внимание върху рапорта на Д. П. Иванова, приятеля ви, който рапорт се даде на Бобчева. Напечатайте го и вий едновременно, като да е изпратен на вас, за което ние ви даваме права и ще ви благодарим, задето ще пощадите времето ни. Г-на Иванова приехме в кръга си едногласно като член **. Както ви е известно, той е добър патриот и деятелен българин. По-късно ще турим в ред и онова, което ви кавах. Г-н Йонин пристигна днес от Одеса¹ със скорост и ще тръгне сутре за Москва и Петербург, отдето ще се върне чрез 10 дена. Той ще мине чрез Браила, но надали ще се спира. Аз му говорих да действа за влизането на листа *** ви в Русия и той ми обеща, че ще действа както оттам, тъй и оттука. Ще говоря сам на консула **** за «Възраждане» и ще моля позволение то му, за да му изпращате тука един №, защото без тяхното съгласие те не приемат и ги връщат. Разсеян съм твърде много, щото не мога да седна да поработя нещо, ако и да имам доста материал. Благодари ви г-н Йонин за обнародването на адресата, която той срещна във «Възраждане».

Писмото ви не можах да получа. То пропаднало, ако и да казват, че го получили, но уж не знаят де го турили. Това е просто едно неряпество на Кавалджиева, който го е уврял негде незлоуმიшлено и все го търси.

Ще срещнете в листа ***** на Бобчева превод на една статия, която му са я пратили от Одеса отрязана от «Новороссийский телеграф»².

* Адресат не указан. Место хранения документа (фонд Т. Пеева) и содержание его дают основание полагать, что письмо было послано Пееву и группе, образовавшейся вокруг редакции газеты «Възраждане».

** В БЦБО.

*** Газета «Възраждане» (см. о ней док. 130 и примечание к нему).

**** Барон Д. Ф. Стуарт.

***** Газета «Стара Планина».

В тая статия ³ тази продажна газетка със своя чифутин редактор * просто на просто псува българите, като ги назовава рогат скот.⁴ Добре би било, ако да му отговорехте чрез вестника си и да му пратехте № в писмо. Аз имам намерение да го напсувам с писмо. Не мислете, че руските вестници ще се забавят с отговора си. Ако би да се изстъпят някои от тях да ни псуват чрез близорукостта си, ще се намерят и такива, които ще им отговорят, а такива ще са повече и по-влиятелни.

Не бойте се вече да викате, бъдете само мъже да отговаряте с фактове и доводи, които наистина би оправдали нас пред света.

Колкото за рапорта на Иванова, то не подписвайте иначе, освен «един български инсургент». В Сърбия работите ни ще се поправят, защото са се взели вече за тая работа русите. Утре ще ви пиша за заминуването на полковника Милорадовича и капитана Гостинова, които отиват при Черняева да вземат командата над българите. Те са хора гениални и знаменити и са упълномощени както от мястото, тъй и от нас. Кишелски е дервишин. Боднете го за мързела и неговата неподвижност, за дано се стресне и засрами. По пътя към Сърбия той се потривал навсякъде, като намирал смешни предлози. Чуден човек!

Дерзайте, братя! Лучши дни для вас и нас. Вперед!

Вашият Павел **

Пушките на Махачка са хванати в Темешвар. Жално, но няма какво да се прави. Българското щастие потиснато отвред. Клетата ни е майката. Клетата е на всинца ни, но до ще време да станем и ние хора. Задето ни гонят систематически, правят ни чест, като съзнават опасността от съществуването ни като самост[оятелен] народ.

Засега времето ни е погълнато с отговори на псувни връх българите, които се срещат в руските вестници. Пари нямаме, но очакваме след пристигането на Йонина в Москва. С жертвите, които се събират в името на българите, господствува пълна неразбория от славянофилите, които ги пращат в Сърбия, като мислят, че работата е обща, а пък сръбските чиновници изядат половината, а останалата върви за сърбите. За бедн[ите] българци нищо! Йонин отива, [за] да разясни тази глупост.

Простете ми, че ви пиша всякога бързо и с непростителна неряшливост, като на приятели.

Адресувайте писмата ми чрез Ценовича за по-скоро получаване.

АБАН, ф. 22, д. 1473. Автограф.

1. В. С. Ионин несколько раз ездил в Россию для урегулирования вопроса о средствах.

2. «Новороссийский телеграф» — консервативный орган, выходивший в Одессе в 1869—1903 гг., в 1875—1897 гг. редактор-издатель М. П. Озмидов.

3. Здесь, как и в док. 233, речь идет о передовой статье газеты «Новороссийский телеграф» от 13 (25) августа 1876 г. По словам ее автора, Сербия, Россия и даже часть Европы надеялись, что в сербско-турецкой войне «сербские юнаки встретят сильную поддержку в лице волонтеров Болгарии и Боснии». Но, продолжает редакционная статья, шестимиллионный болгарский народ выставил несколько тысяч волонтеров, которые якобы бежали в горы. Далее указывается, что болгары не доверяют сербам, держатся особняком и не проявляют воинственности. Автор статьи упрекает болгар в трусости, которую объясняет пятивековым гнетом турок. Статья заканчивается следующими словами: «Все мы поторопились возложить на турецких славян большие надежды, от которых теперь и следов не осталось». «Или, может быть, болгары и босняки вспомнят свой долг и по отношению к себе самим, и по отношению к сербам. Чего бы и желать!».

* М. П. Озмидов.

** Изследующий текст написан на полях документа.

4. То, что второе восстание в Болгарии не вспыхнуло (по известным причинам) было использовано некоторыми заинтересованными элементами, чтобы переложить ответственность за неуспех военных действий Сербии против Турции на болгар (см. док. 233).

№ 226

1876 г. августа 22. — Донесение астраханского губернатора Н. Н. Биппена управляющему министерством внутренних дел о сборе пожертвований для южных славян и об отправке добровольцев в Сербию

№ 3314

13 сего августа отправилась на пароходе партия, состоящая из 12 лиц разного сословия, с целью оказать личное содействие балканским славянам в борьбе их с турками. Партию эту провожала большая толпа народа, воодушевление которого имело последствием материальную помощь, оказанную лицам, отправляющим[ся], по народному мнению, на святое дело.

В последнее время ко мне каждый день являются в значительном числе различного сословия лица с просьбой дать им материальные средства идти в Сербию на войну за единоверных славян, а 16 и 17 августа канцелярия моя была буквально с подобными требованиями осаждаема людьми разных сословий, причем большинство просило письменного удостоверения в том, чтобы для положенной цели их пропустили к славянам. В толпе находились и женщины, желающие также отправиться в Сербию в качестве сестер милосердия.

Донося о таком народном движении, проявляющемся во всех условиях общества, я имею честь доложить вашему сиятельству, что ко мне, как к председателю местного управления общества «Попечения раненых и больных воинов», жертвования стекаются в значительном количестве со всех концов губернии, и в последнее время с одного города Астрахани поступило 10 тыс. руб. в пользу славян, и присовокупить, что народ вполне убежден, что государь император желает их участия в помощи славянам, и этим объясняются заявления о просьбе дать отправляющимся в Сербию денежное пособие и письменные виды.

Губернатор Биппен

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1876 г., д. 818, лл. 90—91. Подлинник.

№ 227

1876 г. августа не ранее 22 *. — Письмо представителей Донского торгового общества генерал-майору И. Е. Маноцкову с просьбой принять в свое ведение отряд добровольцев, направляющийся в Сербию

Новочеркасск

Ваше превосходительство, милостивый государь Иван Еремеевич!

Посвятив себя на поприще войны, происходящей ныне на Балканском полуострове между славянами и турками, вы изъявили желание

* Датируется приблизительно на основании других документов, хранящихся в деле.

поступить в ряды войск сербской армии волонтером от Донского торгового общества.

Отзываясь сочувственно вашему желанию, мы внесли имя ваше на список тех добровольцев, которые заявили готовность идти на помощь сражающихся славян и сформированы на счет Донского торгового общества, и имя ваше останется незабвенным в памяти торгового общества, которое будет молить бога о ниспослании вам жизни и счастливых успехов на поле сражения.

Вместе с этим, препровождая при сем список волонтерам, сформированным от торгового общества *, покорнейше просим вас на время пути до места военных действий принять их в свое заведование как в военном отношении, так и в хозяйственном, по прибытии же на место сдать их в распоряжение главнокомандующего сербской армии его высокопревосходительства Михаила Григорьевича Черняева, причем волонтеры эти обязаны нами подписками во время пути подчиняться вам как в военном отношении, так и в хозяйственном.

Кроме того, просим ваше превосходительство вручаемый вам меч поднести его высокопревосходительству Михаилу Григорьевичу Черняеву на память глубокого уважения к нему Донского торгового общества. Меч этот тот самый, с которым некогда победоносно сражался на поле брани донской казак, бывший войсковой атаман — умерший генерал от кавалерии Власов.

Итак, пожелав вам счастливого пути и успеха в благих ваших предначертаниях, остаемся вашему превосход[ительству] покорные слуги, представители Донского торгового общества.

ГА Ростов. обл., ф. 200, оп. 1, д. 705, лл. 5—6. Отпуск.

№ 228

1876 г. августа 23. — Письмо Н. К. Гирса Т. И. Филиппову о необходимости оказать содействие вновь организованному Международному обществу помощи болгарам в Филиппополе
№ 2281

Милостивый государь Третий Иванович!

Сбиравшиеся доселе пожертвования в пользу славян были большею частью направляемы сперва в Черногорию, а затем в Сербию, между тем как население несчастной Болгарии, испытывавшее на себе все ужасы мусульманского фанатизма и доведенное ныне до крайней бедности и нищеты, не получало доселе никакого пособия из России. Десятки тысяч, по словам нашего управляющего консульством в Филиппополе, в буквальном смысле умирают от голода, и никто не оказывает этим несчастным ни малейшей помощи. Движимые состраданием к такому бедственному положению населения, представители иностранных держав в Филиппополе и некоторые местные негоцианты образовали из себя, как сообщает наш управляющий консульством в Филиппополе, иностранное благотворительное общество под председательством французского вице-консула для оказания немедленной помощи пострадавшим и для привлечения в пользу несчастных болгар пожертвований со всех сторон.

* Приложенный список 17 волонтеров не публикуется.

Названное общество уже открыло приют на сто вдов и сирот, но за недостатком средств не имеет пока возможности расширить круг своей деятельности.

Сообщая вышеизложенное и препровождая при сем воззвание упомянутого общества, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в содействии этому обществу, заслуживающему, по моему мнению, самого полного доверия¹.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Н. Гирс

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 141, лл. 8—9. Подлинник.

1. Международное общество помощи болгарам (Association International de secours aux Bulgars) было организовано в Филиппополе 8 августа 1876 г. Воззвания общества были напечатаны в ряде русских газет — «Новое время» и др. Петербургский славянский комитет, получавший телеграммы от А. Н. Церетелева, передал обществу 10 тыс. руб. Выдачу пособий общество координировало с деятельностью Константинопольского центрального общества, созданного англичанами и американцами (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 141, л. 2; «Новое время», 22 октября 1876 г.; «Московские ведомости», 20 ноября 1876 г.).

№ 229

1876 г. августа 24. — Телеграмма пензенского губернатора А. А. Татищева в Московский славянский комитет о наплыве добровольцев, желающих поехать в Сербию

Пенза

Мужчины и женщины осаждают просьбами отправить Сербию волонтерами или хожалками за больными. Телеграфируйте, принимает ли комитет на свой счет отправку таких лиц. Ответ утлачен.

Губернатор Татищев

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 91, л. 34. Телегр. лента.

№ 230

1876 г. августа 25. — Письмо С. Стамболова в БЦБО о положении болгарских добровольцев в Сербии и об отношении к ним сербских официальных кругов

Белград

Господа!

Работата, за която тук дойдохме, още не е достигнала до желаемия резултат *. С[ръбското] пр[авителство] отнася се с особено отвращение към тая работа, но както и да е, то ще бъде принудено да ни позволи да се съберат българите на едно място, защото вече е позволило на някого си черногорца Върбица да събере в едно тяло всичките черногорци и херцеговинци, които се намират в сръбската войска. Кишелски става вече пет дена как е отишел при генерал Черняева, отдето като се върне,

* См. док. 22.

ще ви съобщиме всичко, което е извършил *. Оттука се изпраща Стоянов ** за Кладово, за да приемне оръжието.¹ Понеже нямаше пари за пътни разноски и така също и за пренасянето на оръжието до в Кладово, то отидохме при митрополита Михаила, от когото в името на комитетата взехме 300 руб[ли]. Така също митрополитът ни даде писмо до министра на военните дела Николитча, за да телеграфира той до Кладовския началник да окаже всичкото потребно съдействие за по-скоро пренасяне на оръжието. Николитч телеграфира, а Стоянов тая вечер заминава за Турну Северин. Кишелски се надяваме утре да дойде тука, в Белград.

Вие виждате, господа, че всичката наша деятелност вече се пренася в Сърбия, затова много добре ще бъде, ако телеграфирате на Йонина да дойде и той тука, за да помогне със своето влияние и енергия за по-добрия и по-скория ход на нашите работи. Така също ще бъде необходимо да се настанят по-честни личности в Кладово, които да помагат, а не да оголват и експлоатират нашите юнаци, които отиват да се бият за свободата на отечеството си. Кишелски мисли да остави Стоянова в Кладово, за да упражнява нашите инсургенти, а така също и да се грижи за тях във всяко отношение. За тая работа ще ви разправи надълго сам Стоянов.

Мисля, че ще да е любопитно да знаете от какви чувства се въодушевяват към нас нашите братя сърби. Всеки, който се покаже тука като български доброжелател, бива много студен[о] приет от с[ръбското] пр[авителство]. С Махачка много хладно се отнесе министъра; на Кишелски се подсмиват зад гърба и говорят на дописниците на разни вестници, че той строи въздушни кули. Някой си американски генерал, на име Теве, който бил дошел в Белград, за да организира на свои разноски един български отряд, бил изгонен из Белград, като го кръцали шпионин само затова, че не рачил да постъпи в сръбска служба, а искал изключително да работи за българите и с българите. Няма тука да е дошел русин или чуждестранец, комуто тукашните официални власти да не са говорили, че българите се бият лошо, че са страхливи, че по-голямата им част са турски шпиони и други такива безсъвестни клевети и обвинения. С тези си постъпки сърбите достигат до някоя степен своята цел да се оправдаят за несполуките си, а така също да ни почерният и дискредитират пред света. Аз говорих с много кореспонденти, които си съставили твърде лоши понятия за нас и които съобщават лъжливи сведения и разсъждения за нас в чуждестранния печат. Не ща тука да ви разправам, че най-големият и заклет наш враг е тоя човек, в ръцете на когото днес се нахожда съдбата на Сърбия, че може и на целия Балкански полуостров. Той е Ристич, главата на оная партия, която иска да посърби по-голямата част от нашето отечество. Вие сте познати с блудкавите съчинения на Милош Милоевича²; от същите идеи, които се проповядват от тоя безмозглий сърбин, са въодушевени повечето от високопоставените днес лица. Но ще видиме, де ще им излезе края? Тая партия *** днес крои някой си много опасен план, който или нея ще събори, или отечеството на сърбите.

Моля ви, господа, да не мълчите, но да пишете и да защищавате нашата народна чест и нашите интереси с всичките си усилия и способности. Всичко, което може да ни оправдае, обнародвайте, без да ви е страх, че ще повредите на добрия ход на работата; наопаки, с това вие ще помогнете за по-скоро нареждане на нашите работи. Сръбското правителство се бои от печата, а особено ако захване да се открива как се е то отнасяло с тези, за които е получило из Русия толкова хиляди рубли.

* См. Док. 308.

** П. Стоянов.

*** Партия великосербских шовинистов.

И тъй, знайте, господа, че около 20 хиляди * семейства български гладни мрат в Сърбия и няма кой да им помогне, кой да се погрижи за тях. Тука бяха дошли един поп и един кмет от тия селяни и разказваха ужаси за тия нещастници. Постарайте се да известите за това дето трябва.

Така също телеграфирайте на Теохарова час по-скоро да дойде при вас и да донесе пари както за изпращане на волонтирите, така и за тяхното облекло.

До 2000 волонтири българи има убити. От ранените българи, които се намират в болниците, няма нито един ранен в пръстите, а в сърбите от 2000—1400 са наранени все в пръстето. Това ни събщи един фран-[цузки] доктор, който се върна от бойното поле.

Сърбите на 20 того претърпяха страшно поражение пред Алексинац. Днес се носи слух, че турците били надвити от сърбите. Много се говори за мир. Ристич беше казал на Кипелски, че напразно се трудиме, защото скоро всичките ни старания и трудове ще станат безполезни. Но това трябва да е политика, защото тия, които познават работите по-отблизо, уверяват, че мир не ще бъде скоро заключен.

И така, да се не отчайвате, но работете с по-голяма енергия и старателност.

Добре ще направите след някой ден да изпратите някой делегат нарочен, който да разгледа как тука стоят работите. С това вие много можете да помогнете. Добро би било този делегат да е П. Х. Висковски ³.

Стам[болов]

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1334. Автограф.

1. Оръжие било закуплено на средства Славянского комитета в Москве (док. 176; 99, стр. 5, 20).

2. М. Милоевич был великосербским провинциалом. Он обыкновенно в своих сочинениях фальсифицировал исторические факты, касающиеся этнического состава населения Западной Болгарии и Македонии (см. о нем 10, стр. 466—467).

3. В этом документе отражаются беспорядки в организации болгарских добровольцев в Сербии, которые являлись следствием общих неурядиц в сербской армии, а также и отношений недоверия между сербскими властями и руководством болгарской эмиграции. С образованием самостоятельного отряда под командованием русских офицеров, эти отношения в значительной степени сгладились (см. док. 274). Однако продолжали раздаваться недоброжелательные суждения о боевом духе и поведении болгарских добровольцев, противоречившие фактам (см. док. 259, 336, 403).

№ 231

1876 г. * августа 25. — Письмо жителей г. Острогоска в Московский славянский комитет о сборе денег в Острогоске для балканских славян и о возможности отправить волонтеров в Сербию

18 августа мы отравили в комитет 629 руб. 30 коп., собранные за представление цирка в г. Острогоске, купленное нами у содержателя цирка г. Комаровского. Для сведения комитета посылаем при этом подробный отчет, из которого комитет сможет видеть, насколько сочувственно приняло местное общество нашу мысль собрать деньги в пользу славян Балканского полуострова, так как не только все места в цирк разобраны, но цирк не смог вместить всех желающих, и кроме довольно

* В оригинале 20 000 хиляди.

** Подлинник ошибочно датирован 1875 г. Содержание документа, а также его нахождение в окружении документов за 1876 г. указывает на опisku.

высокой платы за места собраны были довольно значительные пожертвования. Ввиду такого сочувствия мы приобрели от содержателя цирка еще одно представление на вчерашний вечер, которое также дало нам возможность собрать довольно значительную сумму денег, и сумма эта по приведении в известность всех расчетов будет выслана нами в комитет с следующей почтой.

Вместе с тем, сознавая, что одной денежной помощи недостаточно, мы желали бы оказать возможное содействие к отправлению в Сербию желающих в качестве волонтеров. Таких желающих в настоящее время имеется в виду 6 человек, из которых трое нам вполне известны своею благонадежностью, а об остальных собираются подробные сведения. С своей стороны, мы можем вытребовать для них паспорта и снабдить необходимой суммой на проезд до Москвы, а в дальнейшем затем мы возлагаем все надежды на Славянский благотворительный комитет, но, не имея прямых сношений с комитетом, мы затрудняемся отвечать на многие вопросы волонтеров относительно проезда их в Сербию и дальнейшего затем их положения в качестве волонтеров. Вследствие этого мы покорнейше просим комитет немедленно по получении настоящего письма уведомить нас телеграммой по следующим вопросам: отправляются ли партии волонтеров от комитета, могут ли наши волонтеры надеяться на то, что комитет пристроит их к одной из таких партий для совместного следования в Сербию, будет ли им оказано денежное пособие и какие необходимы документы для свободного проезда?

Просим уведомить немедленно телеграммой, так как некоторые волонтеры оставили свои занятия и покончили все дела в ожидании скорейшего отправления их на театр войны. За телеграмму мы вышлем деньги при отсылке суммы, врученной за представление цирка 24 августа. Просим адресовать: в г. Острогжск (Воронежской губернии), Михаилу Федоровичу Комарову.

С чувством глубокого уважения и сочувствия к деятельности Славянского благотворительного комитета имеем честь быть

М. Комаров
Н. Новгородский
Ф. Вертинский

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 267а, лл. 3—4. Подлинник.

№ 232

1876 г. августа 27. — Письмо московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова Н. В. Мезенцову о принятых мерах к пресечению демонстраций в защиту южных славян

№ 556

Секретно

Милостивый государь Николай Владимирович!

В дополнение к шифрованной телеграмме моей от 23 сего августа * имею честь уведомить ваше превосходительство, что по получении ваших телеграмм и отношения за № 1888 мною были приняты меры к устранению значительных манифестаций в пользу турецких славян и всяких при них беспорядков. Между прочим, я вызвал к себе упоминаемого в отношении вашем за № 1888 Пороховщикова и, кроме того, виделся с прези-

* См. в этом же деле, лл. 346—347. В сборнике не публикуется.

дентом Славянского комитета Батюшковым и вице-президентом оногo Аксаковым и старался убедить их, что благотворительность есть дело похвальное, но она не должна быть соединяема ни с какими посторонними тенденциями, особенно с политическими, и должна быть совершаема без манифестаций и в самой приличной форме; в противном случае она принесет не пользу, а вред и поставит только и самих благотворителей и администрацию в неприятное положение. При этом Пороховщиков заявил мне, что манифестаций никаких не ожидается, а если таковые и произойдут, то разве только от лиц, приезжающих в большом количестве в Москву из разных губерний, особенно из губерний Минской, Астраханской, Нижегородской, Казанской, Калужской, Тифлисской и других *. Объяснения мои с названными лицами, как я полагаю, принесли пользу и удержали членов Славянского комитета от предполагаемых манифестаций, если таковые и готовились; по крайней мере Пороховщиков с тех пор заметно стал вести себя сдержаннее и осторожнее.

Вообще в Москве до сего времени предосудительных манифестаций не было, и хотя обращенный из раскольников иеромонах Чудова монастыря о[тец] Пафнутий 15 сего августа в обычных прениях с раскольниками, происходящих по праздникам в Кремле, и позволил себе некоторые неприличные выходки против европейской политики, но слова его не произвели особого впечатления, а мною был послан к нему полицмейстер, который и обязал его подпискою, что он впредь в речах своих не будет касаться политики, что он и исполняет. О поступке же его мною сообщено московскому митрополиту. Вообще принятыми мерами были отстранены всякие беспорядки, к которым могли бы повести разные действия лиц, желающих выказать свое сочувствие к турецким славянам. Так, 23 сего августа в Троице-Сергиевой лавре происходило освящение знамени, посылаемого в Сербию; но вследствие предпринятого наблюдения, при этом освящении и при отправлении того знамени в Москву не только каких-либо беспорядков, но даже никаких оваций и речей не было. Так как вечерние отправления из Москвы добровольцев на Балканский полуостров привлекали многочисленные сборища публики на Курскую станцию железной дороги, ибо вечером большая часть народа, занятого днем работою, бывает свободна, а при многочисленном стечении публики легче могут произойти беспорядки, то сделано распоряжение, чтобы добровольцы были отправляемы не с вечерними, а с дневными поездами, при которых публики собирается гораздо менее.

Между тем в Москве упорно держался слух, что 26 сего августа в Большом Успенском соборе после молебствия о здравии и благоденствии государя императора и царствующего дома будет объявлен манифест о войне России с Турцией. Я принял зависящие от меня меры к опровержению этого слуха, и в Кремле утром 26 августа никаких беспорядков и манифестаций не произошло. В этот же день, в 4 часу пополудни, в Московском экзерцисгаузе был совершен викарием московским Никодимом молебен с окроплением святою водою походной церкви, отправляемой в Сербию к армии, командуемой Черняевым. После этого молебна ту походную церковь тотчас же предназначалось отправить на железную дорогу. Так как подобное отправление этой церкви днем по самой главной московской улице могло бы привлечь многочисленное сборище народа, которое по дороге к станции все более и более увеличивалось бы и которое могло бы легко послужить материалом для манифестации, то я распорядился, чтобы церковь эта была отправлена на железную дорогу только сегодня 27 августа и то по Никитской, т. е. по улице, не столь многолюдной, как Тверская.

* Лица эти суть добровольцы и провожающие их.

26 августа, в день коронования его императорского величества, по обычаю, существующему уже много лет, перед генерал-губернаторским домом на Тверском бульваре и в Кремлевском саду играют хоры военной музыки, которые собирают вокруг себя гуляющий народ, то можно было опасаться, чтобы этими сборищами не воспользовались для предполагаемой манифестации. Между тем отменить музыку вовсе в этот торжественный день я не считал возможным, дабы не подать повода к различным толкам, а посему я ограничился только отменой музыки в одном Кремлевском саду, как месте, менее других удобном для наблюдения и обыкновенно служащем для сбора людей разгульной жизни, с тем, чтобы в других местах музыка эта начинала играть позднее и кончала ранее обыкновенного, и действительно, хоры эти и собрали вокруг себя народ, но никакой манифестации не произошло. Точно так же и в Большом театре, в котором в этот день давали оперу «Жизнь за царя», гимн «Боже царя храни» был принят по обыкновению с громкими кликами и повторен три раза; но все это прошло самым приличным образом. Вообще отрадно видеть, что постоянно наш народный гимн принимается с самым живым, задушевым сочувствием, но все-таки при этом надо иметь наблюдение, чтобы эта патриотическая форма не была только прикрытием какого-либо затаенного предосудительного чувства.

Полученное мною 25 сего августа и тотчас же принятое мною к надлежающему исполнению отношение Главного управления по делам печати от 23 сего августа за № 4366 о том, чтобы все поступающие на основ[ании] ст. 55 Устава цензуры к рассмотрению полиции рукописные, печатные или литографированные объявления, воззвания, циркуляры и т. п. от имени Славянского благотворительного комитета, его отделений или комиссий представлялись, без предварительного разрешения, безотлагательно в Главное управление по делам печати, принесло уже свою долю пользы, так как чрез это приостановились некоторые объявления помянутого комитета, но при этом представилась возможность обходить таковое распоряжение, потому что газеты и при существовании оно могут содержание тех объявлений печатать, придав им только не форму объявлений от Славянского комитета, а форму простого газетного извещения. Поэтому о такой возможности парализовать означенную меру я вместе с сим отнесся в Главное управление по делам печати.

Вообще можно сказать, что день 26 августа прошел в Москве без всяких предполагавшихся манифестаций, но я все-таки нахожу нужным снова напомнить о необходимости, чтобы в настоящее время в Москве, когда умы народа возбуждены в сильной степени, власть была сосредоточена в руках генерал-губернатора, чтобы все распоряжения исходили от него одного, чтобы все ведомства в Москве — и духовное, и военное, и гражданское — испрашивали его согласия в своих распоряжениях. Только это одно и может повести к согласию и единству принимаемых мер, так как разнообразие и иногда даже противоречие в мерах, принимаемых разными ведомствами, может весьма вредно отозваться на отношениях администрации к народу и поселить в нем недоверие к правительству. Хотя такое сосредоточение власти и доставит много забот, затруднений и ответственности московскому генерал-губернатору, но когда дело идет о пользе, то нельзя останавливаться за приведенными причинами.

Пользуясь сим случаем, покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

Князь Вл. Долгоруков

Помета: Для всеподданнейшей записки 29 августа.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, лл. 372—376 об. Подлинник.

1876 г. августа 28.— Письмо редактора газеты «Стара Планина» С. С. Бобчева редактору газеты «Одесский вестник» П. А. Зеленому с опровержением сведений, помещенных в некоторых русских газетах, о действиях болгарских отрядов

Бухарест

Милостивый государь Павел Александрович!

Продолжаю и буду продолжать давать вам сведения и новости дня из Бухареста, из Румынии и из задунайских мест. Обратите внимание на то, что говорю в приключенной здесь корр[еспонденции] относительно лишенных средств русских офицеров. Я сам говорил об этом с бароном Стуртом, который уверил меня, что писал в Петербург.

Прошу покорнейше послать мне то, что должны дать мне для вознаграждения моих корреспонденций до края августа. Посылку можно сделать тем же путем, как прежде, т. е. чрез г. Евлогия Георгиева для передачи мне.

На днях болгарин г. Золотов послал вам письмо для опровержения тех нелепостей, которые публиковал «Нов[ороссийский] телегр[аф]» в № 461 *. Я думаю, что эти сведения и размышления «Н[овороссийского] телеграфа» слишком обманчивые и необдуманые. И могу уверить вас, что вместо всего доброго он создает только неприятное настроение болгарского народа о том, что, как видно, русские не знают фундаментально его положения. Обвинять его в трусливости и в вялости, это слишком много, потому что народ, который восстает, несмотря на то, что окружен турками повсюду и не имел в распоряжении [ничего кроме] как микроскопическое количество ружей, тот народ, который, не имея никаких выгодных позиций, и дрался отважно, целый месяц ожидая помощь готовящихся сербов, этот народ не вялый, не трусливый. Народ, который родил Ботева и 150 юнаков, пренесшегося ** на пароходе «Радецкий» и сразившегося с 4-тысячной турецкой армией, не трусливый. Он, этот народ, ожидал помощь и подкрепление от Сербии, пока это братское княжество делало переговоры с турками. Но об этом я напишу вам особенную корр[еспонденцию].

Теперь только для осветления делаю несколько известий. Болгарские косы и старинные ружья не могли сделать ожидающего против турецких крупновских пушек и шаспо. И Сербия делала еще переговоры, так как в Болгарии совершались самые ужасительные разрушения и сечи. Что же касается болгарских чет в Сербии, лишенные всякой главной команды, как и самое сербское войско, они действовали произвольно, правда, но можно ли обвинять их?

Население же в Видинском и Нишском округе восстало, но положительно известно, что не было ружья дать ему, и когда по причине непослушания Хорватовича и Лешанина генерал Черняев двинулся назад, что могли сделать болгарские поселяне ¹. Противиться и драться им самим?

Неправда то, что опубликовано в «Од[есском] вест[нике]» относительно арестования Панайота, вождя [олгар]. Удивительна вами сообщенная весть

* См. прим. 2 к док. 225.

** Пережившего (болгаризм).

из Белграда, будто 20 тысяч ружей болгарами переданы туркам. Такое количество ружей если бы только было *.

Примите уверение в моем почтении и высокопочитании

С. С. Бобчев

Г. А. Одесск, обл., ф. 162, оп. 1, д. 1, лл. 70—71. Автограф.

1. В августе бои у Зайчара и Княжеваца шли с переменным успехом, не давая возможности войскам под командованием сербских командиров Лешанина и Хорватовича продвинуться согласно предварительному плану на территорию Болгарии.

№ 234

1876 г. августа 28. — Письмо В. А. Долгорукова А. Б. Лобанову-Ростовскому о демонстрации в Москве во время проводов добровольцев и отправки в Сербию церкви и знамени

№ 539

Секретно

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

В дополнение шифрованной телеграммы моей от сего числа имею честь сообщить вашему сиятельству следующие подробности. 27 августа, в 4 часа пополудни, на станцию Смоленской железной дороги была доставлена назначенная для сербов церковь, которую никто из публики не сопровождал. В 6 часов прибыли на эту станцию добровольцы и было привезено укупоренное сербское знамя. Публики на станцию собралось в самое короткое время до 10 тыс. человек, которые пели народный гимн и кричали ура государю императору, князю Милану, князю черногорскому, победоносному воинству русскому, воинству сербскому и отъезжающим волонтерам, а также раздавались крики: на турок, смерть туркам.

По отправлении поезда толпа народа разного звания, увеличивающаяся на пути любопытными до 1000 человек, направилась со станции железной дороги по Тверской улице, без шапок, пела народный гимн и кричала «ура»; остановившись у дома генерал-губернатора, пропела молитву «Спаси, господи, люди твоя», народный гимн и кричала «ура». Дойдя до Иверской часовни, которая была уже заперта, толпа стала молиться богу на коленях, опять пела гимн, кричала «за славян, на турка» ** и начала расходиться по приглашению полиции. Возвращавшиеся по Тверской человек около 50 против дома генерал-губернатора снова пропели гимн и по приглашению полиции разошлись. Те же, которым нужно было идти за Москву-реку, перед монументом Минину и Пожарскому пели гимн и разошлись по приглашению полиции.

При всем этом особенных беспорядков не было и толпы народа, кроме пения молитв и гимна и вышеприведенных криков, ничего буйного себе не позволяли. Так как собрание народа было многочисленно, то полиции было приказано действовать как можно осторожнее, быть с публи-

* См. док. 225.

** На полях помета: Возгласы «за славян на турка, смерть туркам», по донесению полиции не подтверждаются.

кою вежливее и приглашать ее расходиться по домам, не употребляя никаких строгих мер.

При этом считаю нужным присовокупить, что при отправлении церкви и знамени в Сербию главным распорядителем был президент Славянского благотворительного комитета тайный советник Батюшков, который обещал отправить эти предметы рано утром, но потом изменил это предположение под предлогом, что вещи не были готовы к отправлению.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Долгоруков

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1876 г., д. 818, лл. 88—89. Подлинник.

№ 235

1876 г. августа 29. — Из перлюстрированного письма «от брата А.» П. А. Шмитцу об отношении различных слоев московского общества к сербско-турецкой войне и о проводах добровольцев в Сербию

Петровско-Разумовское, Московской губ.

Объявления войны здесь ожидают каждый день. Какой энтузиазм овладел всеми, ты и представить себе не можешь! Московское купечество, говорят, составило адрес генерал-губернатору, в котором просит доложить царю, что оно хочет войны. Правительство наше всему свету покажет, что оно есть действительное выражение народной воли, если примет активное участие в деле защиты христиан в Турции.

Вчера я был в вокзале, где провожали отряд со знаменем, отправляемым Черняеву. Народа собралось десятки тысяч, и когда тронулся поезд, то грянуло такое «ура» и «живио», что, я думаю, за 10 верст было слышно! От тесноты поезд должен был останавливаться несколько раз, пока не вышел в поле. В толпе сделали сбор в пользу славян и жертвовали деньгами и вещами. Я сам видел, как многие простые женщины снимали с себя фартуки, платки и отдавали сборщикам, да еще стыдились, что больше ничего не могли дать! Нельзя было смотреть без волнения на эти добрые лица!

Сейчас пришел из Москвы хозяин моей квартиры, лавочник, и велел затворить свою лавочку, говоря: «Грех сегодня торговать, — Черняев проиграл битву!» Где ни послушаешь, везде только и говорят, что о бедных славянах! Каково сочувствие? Просто не верится, что в этом забитом русском мужике, каким привыкли его считать, сохранились такие прекрасные качества, каких дай бог и нам, цивилизованным!

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 453, л. 1 и об. Копия.

1876 г. августа 29. — Письмо Д. А. Милютина помощнику главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Р. Г. Бистрому о нежелательности увольнения в отставку офицеров*

№ 335

Ливадия
Циркулярно
Секретно

Милостивый государь барон Родрих Григорьевич!

В последнее время замечено, что большое число офицеров всех родов оружия подает прошения об увольнении от службы и что весьма многие из них, по получении отставки, отправляются на театр войны на Балканском полуострове для поступления в ряды сражающихся христиан против турок.

Государь император, в отеческом своем попечении о военнотружущих и вместе с тем во внимании к интересам самой армии, высочайше повелеть соизволил вменить в обязанность ближайшим начальникам частей не только не поощрять подчиненных им офицеров к выходу в отставку с означенною целью, но и предостерегать их (особенно молодых офицеров) от последствий увлечения, объясняя им, что наша армия нуждается в их службе и что в ней самой может оказаться недостаток в офицерах, так как число их далеко не соответствует потребности военного времени¹.

Обо всем изложенном благоволите сообщить конфиденциально всем подведомственным вашему высокопревосходительству начальникам частей в руководство им на будущее время, а вместе с тем предложите им немедленно же и прямо от себя сообщить по телеграфу в Главный штаб о том, кого из числа офицеров, ожидающих увольнения в отставку, полагалось бы уволить и кого удержать на службе?

Во всяком случае не оставьте сделать распоряжение, чтобы офицерам, подавшим прошения об отставке, отнюдь не дозволять уезжать под видом отпуска прежде получения испрашиваемой отставки.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал Д. Милютин

ЦГВИА, ф. 7/л, оп. 5, д. 386, лл. 3—4. Заверенная копия.

1. 27 июля 1876 г. Александр II на военных учениях в Красном Селе объявил о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать в Сербию добровольцами, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства. Д. А. Милютин, характеризуя отношение правительства к добровольческому движению офицеров, 27 июля делает запись в дневнике: «Таким образом, то, что до сих пор допускалось только негласно, на что смотрели сквозь пальцы, обратилось теперь в открытое, официальное разрешение непосредственно от самого императора» (51, т. II стр. 62).

В августе 1876 г., когда положение на сербско-турецком фронте осложнилось, русская дипломатия предпринимала шаги к склонению Турции и Сербии к перемирию, а М. Г. Черняев просил не присылать более русских офицеров в Сербию, Александр II приказал приостановить отставку офицеров «впредь до разъяснения обстоятельств» (там же, стр. 70).

* Письма аналогичного содержания были посланы командующим Финляндским, Виленским, Варшавским, Киевским, Одесским, Харьковским, Московским, Казанским военными округами и наказному атаману Войска Донского.

№ 237

1876 г. августа 30. — Письмо секретаря комиссии для сбора пожертвований Петербургского славянского комитета В. И. Аристова архиепископу донскому Платону об отпуске средств на снаряжение и отправку в Сербию донских казаков

№ 1497

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь и отец!

По поручению комиссии по сбору пожертвований, за отсутствием председателя, спешу довести до вашего сведения, что в заседаниях комиссии, состоявшихся 23 и 28 августа, постановлено назначить на снаряжение и отправку в Сербию 150 донских казаков 30 тыс. руб. Из них 20 тыс. выдать А. А. Нарышкину и 10 тыс. И. А. Лишину.

За отъездом г. Нарышкина к вашему высокопреосвященству препровождены уже переводом по телеграфу 15 тыс. Перевод этот сделан чрез г. Смирнова во избежание каких бы то ни было недоразумений.

Следующие затем деньги будут доставлены в распоряжение вашего высокопреосвященства в самом непродолжительном времени.

О подробностях назначения этих денег сообщит вам А. А. Нарышкин.

Испрашивая вашего архипастырьского благословения, имею честь быть вашего высокопреосвященства покорный слуга.

Подписал В. Аристов

ГИАЛО, ф. 400, д. 19, л. 132. Копия.

№ 238

1876 г. августа 30. — Адрес общины г. Пожареваца Петербургскому славянскому комитету с благодарностью за оказанную помощь Сербии

Пожаревац

Славенском комитету у Петроград

Листови србске историје са златнимі словима убележили су братске саосећаје Русије и сарадњу њену к србском народу.

Живот србски тече из снаге мајке ваше Русије.

Цркве наше пуне су још од великог Петра загревајући нашу хришћанску осећљивост дарова; но садања пожертвовања Русије к Србији и проливање крви браће наше Руса, смешане са нашом крвљу на боиштама нашим, до највиши висина уздигла су признателност нашу к Руском народу а највише његовом монарху великомоћном свесловенском цару руском Александру; с тога ми данас свенародно славећи тезоимени дан његовог величанства, собрани у цркви у њежним молитвама просимо у бога његовом величанству дуг живот, поспешност у остварењу његових подузећа, те да му остане име овековечено као најплеменитијег и највећег владоца Европе, кои своју државу украси ослобођењем мужика па и нашу слободу уздиже.

У мислима овим хитамо данас са Комитетом сајужити и наше осећаје и узвикнути:

Живијо великомоћни цар Александер
Живијо братски нам народ руски
Живијо комитет славенски.

У име целе общине преставник общине пожаревачке

Глиша Д. Позовац
главни кмет

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 83, л. 81и об. Подлинник.

№ 239

1876 г. август. — Письмо участника польского восстания 1863 г.
М. И. Вышемирского И. С. Аксакову о желании отправиться
добровольцем в Сербию

Орел

Милостивый государь И[ван] С[ергеевич]!

Сознавая, что хотя незначительную, но все-таки пользу я мог бы принести при походных лазаретах на местах нынешних славянских боёв, как бывший студент С.-Петербургской медико-хирургической академии по медицинской части и занимавшийся в продолжение [18]70-го, [18]71-го и 4-х месяцев [18]72 года в Новгородской аптеке г. Лютгенс, где мне удалось вполне изучить практически фармацию, обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою, во имя общей славянской идеи, не можете ли вы меня причислить в одну из партий, отправляемых на поле сражений с целью подания помощи раненым, с представлением средств для проезда, а равно на месте даровой пищи, без всякого другого какого бы то ни было денежного вознаграждения. Впоследствии, если останусь в живых (так как я не отказываюсь и даже намерен в случае нужды стать в ряды волонтеров), дать средства к возврату в Россию.

Биография моя: из дворян Витебской губернии, польского происхождения, 19-летним сослан в Сибирь за участие в польском мятеже, прощен с возвращением прав и в настоящее время не имею права жить лишь в столицах, теперь живу в Орле, служу в Управлении Орловско-Грязской дороги 3-й год, получая 720 рублей в год. Не откажите почтить меня ответом под следующим адресом:

Орел, Михаилу Ипполитовичу Вышемирскому в Управлении Орловско-Грязской ж. д.

Глубокоуважающий вас М. Вышемирский

P. S. Уехать могу лишь через несколько дней по получении от вас благополучного ответа, потому что, не будучи уверен в действительном исполнении моего душевного желания, я не решаюсь вперед отказываться от места. Приехать в Москву могу на свой счет, но лишь тогда, когда будет решен мой отъезд.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 90, лл. 188—189. Автограф.

1876 г. август-сентябрь *. — Письмо Н. Васильева в Петербургский славянский комитет о средствах для усиления сбора пожертвований в пользу Сербии

Ваше превосходительство!

Имею честь при сем почтительнейше представить на ваше благовозрение некоторые соображения о средствах к усилению прилива пожертвований. Мне приходилось слышать по этому предмету указания многих практических лиц, и я их собрал в прилагаемых при сем заметках. Мне кажется, что до сих пор жертвовал лишь простой народ и средний класс; наши же аристократы и богачи почти вовсе не жертвовали. Мне кажется, что их побудить к пожертвованию можно лишь адресованными лично им прошениями. Мне кажется, что когда наши офранцуженные владельцы палатцо Сергиевской улицы и Английской набережной получают патетические послания комитета, то и они будут тронуты, и те, которые не все еще промотали (Нарышкины, Демидовы, Разумовские, Воронцовы, Паскевич (серб!), что-нибудь да дадут. Из ц[арской] фамилии тоже никто не жертвовал. Другой способ воздействия на богачей — это рассылка циркуляров об отчислении во все акционерные компании (с капиталом более 1 миллиона). Пользу тоже нужно подвигнуть! Но главное — нужно напечатать во влиятельных европейских и американских газетах воззвание к состраданию и гуманности. Указать на то, как отзывчивы были, напр[имер], американцы на пожар в Чикаго, французы на бедствия от наводнения Луары и Роны, немцы на наводнение в Чехии и т. д. и просить образовать комитеты пожертвований и посылать в Австрию, Болгарию и Сербию агентов для помощи голодным и холодным. Это будет стоить мало, но принесет пользу!!

Я указываю ниже, что комитет может устроить для канцелярских занятий вечерние дежурства молодых членов (по 20 человек), которые охотно будут письмоводителями в таком святом деле. Я думаю, что комитету необходимо иметь агента в Черногории и даже у Деспотовича. Одному из агентов в Сербии нужно поручить постоянно объезжать все отряды, лазареты и войска и уведомлять бы по телеграфу о потребностях русских. Нам необходимо учредить в Сербии свою полицию, ибо сербы из деликатности не решаются даже забирать русских воров и мошенников, а таких наехали сотни. Нельзя забывать, что многие русские не признают даже авторитета главнокомандующего и вообще никакой власти. Таких следовало бы высылать из Сербии. Славянский комитет должен бы обратиться во все редакции газет и журналов с просьбой высылать ему по 20 экземпляров изданий и препровождать эти издания с волонтерами, которые едут ежедневно. В Белграде и Делиграде должны быть устроены русские читальни, а в каждом лазарете должна получаться газета (об этом уже заявляли из Сербии). В Сербии нет промышленности, чтобы воспользоваться выгодами нашего сближения со славянами, наше общество поощрения торговли должно бы послать в Сербию и Черногорию а) горных инженеров, б) агентов для учреждения сбыта рус[ских] товаров и русских заводов.

Н. Васильев

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 15, лл. 32 и 35 об. Автограф.

* Датируется по содержанию. Письмо написано в разгар посылки добровольцев и до разгрома сербской армии.

№ 241

1876 г. август—сентябрь*. — Письмо офицеров Кронштадтской крепости в Петербургский славянский комитет с ходатайством об отправке в Сербию и оказании помощи штабс-капитану Н. И. Холодовскому

Мы, офицеры Кронштадтской крепостной артиллерии, просим комитет оказать возможную помощь нашему товарищу штабс-капитану Николаю Ивановичу Холодовскому для осуществления благородного желания его послужить лично на пользу славянского дела.

Рекомендуем его комитету как человека честного, умного и образованного, могущего стоять на высоте той задачи, пропаганду которой следует поддержать между русскими офицерами. Вполне понимая и ценя ту осторожность, с которою комитет относится к расходованию собранных денег, мы считаем долгом заявить ему, что в данном случае комитет может вполне положиться на уважаемого товарища нашего Николая Ивановича Холодовского. Мы не можем снабдить одновременно Николая Ивановича Холодовского нужной ему суммой, но, внося сильную лепту нашу уже в третий раз с начала славянской борьбы — всего 157 руб., мы дали обещание до конца этой геройской борьбы вносить ежемесячно сообразно средствам определенный процент, что вместе составит около 25 руб. в месяц.

Позволяем себе потому только обратить на все это внимание комитета, что желаем получить право надеяться, что комитет сделает все, что будет лично просить наш многоуважаемый товарищ Николай Иванович Холодовский, и ссудит его необходимыми деньгами.

Затем следуют подписи.

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 19 и об. Копия.

№ 242

1876 г. сентября 1. — Донесение начальника Симбирского губернского жандармского управления П. М. Брадке в III отделение о сочувствии населения губернии к южным славянам

Секретно

В августе месяце симбирское общество как-то с большим сочувствием отнеслось к делу славян Балканского полуострова, видя из газет, как льются денежные и разные пожертвования в пользу славян. В Симбирске тоже стали устраиваться разные подписки, театральные представления и т. п. Симбирское купечество, сколько мне кажется, как-то теплее относится к бедственному положению угнетенных; в народе же слышится положительная ненависть к турками за их варварства. Один из отставных офицеров и многие из нижних чинов отправились в Сербию в качестве добровольцев, с полным воодушевлением быть полезными на войне. В настоящее время только и слышатся толки о войне, все ожидают с нетерпением газет и, смотря по известиям с театра войны, или радуются, или печалются.

* Датируется на основании содержания документа. См. также прим. 1 к док. 236 и прим. 2 к док. 272.

В обществе часто говорят: почему до сего времени Россия не объявит войны Турции, ввиду жестокостей турок. Одним словом, такому воодушевлению и симпатии к славянам, как в настоящее время во всех слоях общества, — надо удивляться.

В политическом отношении в губернии все спокойно.

О чем имею честь донести вашему высокопревосходительству

Полковник фон Брадке

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, л. 431 и об. Подлинник.

№ 243

1876 г. сентября 1. — Письмо священника П. Разумовского в Московский славянский комитет о пожертвованиях и сочувствии новгородских крестьян южным славянам

Милостивый государь!

При сем имею честь прислать в пользу страждущих славян 15 руб. серебром, пожертвованных крестьянами вверенного мне прихода. Конечно, невелики эти деньги, но сочувствие и любовь к несчастным, обнаруженные крестьянами, поистине были сердечны и трогательны. Когда было прочитано им в церкви, 26 августа, воззвание от Московского славянского комитета и пояснено о тех мучениях, которым подвергаются наши братья-славяне, то не было ни одного человека, который бы при этом не плакал, не только из женщин, но из мужчин. После сделанного предложения пожертвовать страдальцам все с радушием и охотою уделяли им из своих трудовых копеек, говоря: «пошли им, господи, терпение, пособи одолеть нехристей турок!».

Богородицы рождественской, упраздненного Ферапонтового монастыря, церкви священник Павел Разумовский

Новгородская губерния

Кирилловского уезда

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 267а, лл. 6—7. Автограф.

№ 244

1876 г. сентября 1. — Письмо полковника в отставке Н. Медведовского в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи в формировании болгарского отряда для сербской армии

Делиград

Милостивый государь!

По поручению главнокомандующего, я формирую болгарский отряд¹ с полномочием от генерала Черняева обращаться ко всем источникам для этой цели. До сих пор мною сформирован полк из 3 батальонов, каждый батальон из 5 рот, следовательно, всего 15 рот, в том числе 5 стрелковых рот. Организация принята русская, также строй и самое обучение; мне предоставлены все русские офицеры на выбор; по мере надобности, я зачисляю вновь прибывающих гг. офицеров и даже выбираю

из числа тех, которые служат в сербской армии. Точно так же в мое распоряжение предоставлены все русские у[нтер]-о[фицеры], юнкера и вообще добровольцы из России и др. Пока у меня 50 офицеров, 88 ун[тер]-оф[ицеров] и 1678 рядовых. Последнее время слишком мало поступает болгар, между тем до тех пор, пока этот отряд не примет вид более серьезный, все наши труды и надежды исчезнут. Между тем от этого отряда во многом зависит участие Болгарии, если бы организовался корпус хотя в 10 тыс. такого характера, как имеется теперь полк, то можно было бы предпринять серьезное дело против общего врага.

Со слов подполковника Милорадовича, вы интересуетесь тем делом, которое я принял на себя, а потому решаюсь обратиться к вам с просьбою о помощи, а также прошу вас взять на себя труд снести со своими агентствами. Хотя генерал Черняев уполномочил меня непосредственно сноситься со всеми лицами и обществами, которые принимают участие в болгарском деле, но до сих пор я не знал, к кому обратиться, и, признаться, опасался, чтобы это участие, о котором так много пишут в газетах, не оказалось на деле мифом; простите за подобный скептицизм!!

Мне необходимы прежде всего *люди, деньги, оружие*, если это возможно, *обувь* в виде *сапог* или хотя так назыв[аемых] *опанок* *, *белье, т. е. рубахи и подштанники*. Имейте в виду, что у меня нет непосредственных источников для удовлетворения самых крайних нужд, обращаться за всем к генералу Черняеву я не имею возможности, да это и неудобно; притом, если у него есть средства, то для сербской армии, а не для болгар. До сих пор я вынужден был расходовать свои собственные средства, но вы без труда поймете, что средства одного человека недостаточны для такого серьезного дела. Ко мне приехал санитарный отряд русских врачей; но мне необходимы перевязочные средства для лазарета, которых здесь достать нельзя. Вообще прошу вас оказать мне немедленную помощь и поддерживать сношения со мною; а также прошу вас указать мне тех лиц, с которыми бы я мог сноситься. Пока прошу вас телеграммою уведомить меня о получении настоящего письма. Всех волонтеров всего удобнее препровождать из Кладова в Смедерево и затем в Делиград. Сообщите вашему агенту в Кладове г. Алтынову, чтобы он немедленно отправлял волонтеров по мере прибытия их. Сообщите мне точно, имеете ли вы возможность помочь мне довести болгарский корпус до состава 5—10 тыс.?

Отставной полковник кавалергардского полка

Николай Медведовский

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 133, лл. 3—4. Копия.

1. Генерал М. Г. Черняев возложил командование над болгарскими добровольцами на графа Келлера и полковника Н. Медведовского, а уполномоченный БЦВО полковник А. М. Милорадович (см. док. 223) был назначен помощником последнего (см. док. 255). При бригаде состоял русский санитарный отряд. После того как руководство по организации болгарских добровольческих чет в Сербии взяло на себя БЦВО, к Кладову и Зайчару начали стекаться массами эмигранты-болгары из Румынии и России, которые еще во время Апрельского восстания искали способов включиться в борьбу за освобождение Болгарии. По сведениям Одесского настоятельства, до 23 июля 1876 г. из России в Сербию было переправлено несколько сот человек и около тысячи ждали отправки из Константинополя (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 35, лл. 10—11; док. 403).

* *Крестьянская обувь из кожи (сербск.).*

1876 г. сентября 1. — Записка по III отделению о проводах в Петербурге санитарного отряда и добровольцев, уезжающих в Сербию

№ 547

Сочувствие к славянам Балканского полуострова здесь, в Петербурге, увеличивается все более и более и принимает форму самых смелых манифестаций. Так, в прошлое воскресенье, 29 августа, в вокзал Варшавской железной дороги собралось провожать добровольцев и санитарный отряд, отправлявшихся в Сербию, столько публики, что обширный дебаркадер железной дороги, близлежащие залы и коридор были полны народом, и все-таки оставалось более половины всего числа, не имевших возможности протесниться ближе к поезду. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что было более 2 тыс. человек.

Санитарный отряд, состоящий из 7 врачей и 5 фельдшеров с багажом в 125 пудов весом, организованный в лазарет на 50 кроватей и снабженный всем необходимым, бесплатными билетами до границы и охранными листами от Общества попечения о раненых и больных воинах, снаряжен на средства С.-Петербургского городского кредитного общества врачебной общиной и обеспечен содержанием на 6 месяцев. После напутственного молебствия в соборе св. Троицы, что в Измайловском полку, дан был завтрак в вокзале, на котором присутствовали директоры: *Григорьев* и *Кушинников*, секретарь *Гурьев* и кассир городского кредитного общества; члены и председатель С.-Петербургской врачебной общины и председатель Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах генерал-адъютант *Баумгартен*. Много сказано было речей, описывавших в самых ярких красках бедственное положение славян, зверства, совершенные турками и проч.; провозглашались тосты за государя императора, князей Милана и Николая, народ сербский, русский и вообще за всех славян и славянский союз. Все эти тосты и речи сопровождались неумолкаемым «ура».

Воодушевление этой громадной собравшейся толпы провожатых было в высшей степени возбуждено. Самым громадным одобрением встречена была речь председателя врачебной общины, между прочим выразившего надежду, что правительство, ввиду такого, с каждым днем увеличивающегося сочувствия русского народа к своим единоплеменникам, решится, наконец, послать славянам помощь более существенную той, которую русское общество, в частности, так усердно уделяет. Генерал Баумгартен в своей речи выразил свою благодарность от лица всего общества Красного Креста, что только благодаря такому обильному поступлению в общество пожертвований, оно имело возможность оказать такую большую помощь в санитарном отношении, а именно: в одной Сербии, не считая Черногории, общество насчитывает 95 врачей, 111 фельдшеров 60 сестер милосердия и до 8 тыс. пудов госпитальной клади.

Помета: Записка эта, переписанная набело, послана в доклад государю сент. ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, лл. 399—400 об. Подлинник.

1876 г. сентября 1. — Письмо И. С. Аксакова Н. К. Гирсу
с требованием активного вмешательства русской дипломатии
в защиту Болгарии от турецкого произвола

Милостивый государь Николай Карлович!

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства от 23 августа за № 2280 *, с просьбою о содействии благотворительному обществу, образовавшемуся в Филиппополе для вспоможения несчастной Болгарии, испытавшей на себе, по вашему выражению, «все ужасы мусульманского фанатизма». Ваше превосходительство замечаете при этом, и совершенно верно, что многочисленные пожертвования, собираемые в России, направлялись прежде в Черногорию, направляются теперь в Сербию, несчастная же Болгария не получила доселе из России никакого пособия. Такое неравномерное распределение пожертвований, очевидно, представляется вам несправедливым и странным. Находясь во главе учреждения, которое служит посредником между жертвующею Россиею и страждущим славянством, я считаю себя обязанным дать объяснение указанному вами факту. Мне нетрудно отклонить от Славянского комитета незаслуженный косвенный упрек, заключающийся в словах вашего превосходительства, но предварительно я позволю себе дополнить и даже усилить ваше замечание следующей, неупоминаемою вами подробностью: не только вещественные жертвы высылает Россия в Сербию и Черногорию, но и тысячи своих сынов, вольных ратников за веру христову и славянскую независимость, не только деньгами ущедряет она оба княжества, но поля и горы как Сербии, так и Черногории уже обогрены в настоящее время русскою кровью. Действительно, ничего подобного нами для Болгарии еще не сделано. Причина в том, что вековая тяжба сербов с мусульманами вершится теперь не столько дипломатией, сколько славянским оружием, и русское общество тешится надеждою, может быть обманчивою, но тем не менее привлекательною, на радикальное и благоприятное для славян решение вопроса. Защита же интересов Болгарии — вне сферы деятельности русского общества и принадлежит одной дипломатии. Что же делает дипломатия?

Ваше превосходительство — директор Азиатского департамента и товарищ министра иностранных дел в официальном письме к председателю Славянского комитета приглашает русское общество посылать свои пожертвования в Болгарию, испытав[шую] на себе, по вашим словам, «все ужасы мусульманского фанатизма». Но ваше превосходительство упустили при этом упомянуть, какие же меры приняты властью, которой вы имеете честь быть органом, к *устранению или обузданию этого* «мусульманского фанатизма»? Нам недоступны дипломатические секреты, но мы тем не менее имеем некоторое основание полагать, что «мусульманский фанатизм» не устранен и не обуздан, а продолжает и в настоящую пору, ежедневно и ежечасно, свирепствовать на всем пространстве Балканского полуострова. Известие о семнадцати сербских и русских пленных, с которых турки содрали недавно кожу, также не дает повода заключать об ослаблении магометанского изуверства. Ваше превосходительство указывает на Филиппопольское благотворительное общество, которое составилось из местных представителей иностранных держав, ради уврачевания ран, нанесенных Болгарии мусульманским фанатизмом в лице турецкого правительства, и учредило приют на 100 болгарских вдов и сирот

* По-видимому, речь идет о письме, аналогичном тому, которое Н. К. Гирс отправил в Петербург Т. И. Филиппову (см. док. 228).

(в стране, где избиения христиан считаются десятками тысяч). Но поручитесь ли вы и гг. иностранные представители, состоящие при этом избивающем своих подданных правительстве, что учрежденный приют не будет завтра же разрушен тем самым «мусульманским фанатизмом», благодаря которому понадобилось основать приют и при котором, в то же время, они имеют честь быть аккредитованными.

В самом деле, когда регулярные и нерегулярные полчища, чиновники и сановники турецкого правительства принялись жечь и грабить христианское население Болгарии, избивать детей, распинать священников, насиловать женщин, ни один европейский кабинет не вступился за несчастных, ни один даже не протестовал; напротив, как бы в ответ на все эти злодеяния, и даже одновременно с ними, дружный «концерт» европейских держав провозгласил торжественно принцип невмешательства и неприкосновенности верховных прав Оттоманской Порты. Затем, когда турецкое изуверство уже вдоволь насытилось кровью и грабежом в Филиппопольском и Татар-Базарджикском округах Болгарии и отправилось мучить и разорять население Видинского и Русуцкого пашалыка, тогда — и только тогда — европейская дипломатия, вместо того чтобы положить преграды турецкому изуверству, обращается чрез посредство вашего превосходительства к русской благотворительности за подаaniem помощи опустошенным округам. Но где же предел благотворительности, когда не положено предела опустошению?

И в эту-то зияющую пучину мусульманского фанатизма, охраняемую дипломатией, приглашается, дипломатиею же, русский народ бросать сбережения своего кровного труда!

А между тем этот русский народ, которому предлагают теперь идти по пятам турецких полчищ, сметать и убирать следы их губительного шествия, одним словом, работать на турок для их новой потехи, — этот народ, который весь, как один человек, затрепетал и застонал от сердечной боли, узнав о болгарских страданиях, — не был утешен до сих пор никаким сочувственным заявлением о мыслях и намерениях своего правительства. Россия не слыхала и не прочла ни одного протеста против турецких неистовств, ни малейшего выражения какого бы то ни было негодования со стороны русского Министерства иностранных дел. С удивлением и не без некоторой зависти известились русские люди, что даже правительство Североамериканских штатов возмутилось бедствиями христиан и произвело строгое исследование о турецких зверствах в Болгарии. О том же, как отнеслось русское министерство к лютым мукам русских единоверцев и единоплеменников *, русские люди не знали, не знают и до сих пор ровно ничего . . .

Не желая отказать в просимой помощи, хотя бы только временной и не прочной, Московский славянский благотворительный комитет на основании вашего письма перевел в распоряжение нашего посольства в Константинополе по телеграфу 10 тыс. рублей серебром. Но, повторяю, не следует требовать от русского общества жертвы напрасной. Оно уже давно пришло к убеждению, что для действительного вспоможения Болгарии нет другого средства, кроме создания таких условий политического бытия, при которых возобновление ее бедствий стало бы невозможным, что, наконец, даже и в настоящую минуту полезнее хлеба было бы для болгар оружие, которым бы они могли защищаться от «ужасов мусульманского фанатизма». Не может также не видеть русское общество, что если деятельность дипломатии продолжится в том же духе и направлении, как ведется она уже целый год, то России, наверное, придется кормить и призывать уже не население одного Филиппопольского округа, а целые

* См. прим. 1 к док. 212.

8 миллионов христиан Балканского полуострова, на что, конечно, недостатка у нее ни сил, ни средств.

Русское общество не посвящено в тайны русской политики, и если оно судит о ней неточно, то вина не на нем. Я счел, однако же, долгом изложить вашему превосходительству, как оно судит. Прошу извинить мою, может быть, слишком резкую откровенность, но она оправдывается резкою правдою современных исторических фактов.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в моем глубочайшем уважении и совершенной преданности.

Подписал: Иван Аксаков

Московского славянского благотворительного комитета

вице-президент.

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, лл. 149—151 об. Копия.

№ 247

1876 г. сентября 2 *. — Письмо сербского военного министра Т. Николича в Петербургский славянский комитет с просьбой о присылке в Сербию добровольцев и оружия

Обсихарский передал мне письмо Славянского комитета, в котором четыре вопроса сделали мне. За успех нашего дела я отвечаю, Вот что нам нужно. Во-первых, значительный отряд вооруженных вожаков ** и, если возможно, с лошадьми, во-вторых, побольше офицеров, в-третьих, как можно побольше пехотного оружия и по крайней мере 5 тысяч кавалерийского, и для каждого ружья по 300 зарядов, а система ружей Крнка. В-четвертых, у нас нет лошадей, но относительно средств, которыми располагает комитет, можно на скорую руку купить лошадей и в Австрии. Сверх всего этого нам нужно [от] 10 до 15 тыс. волонтеров пехотинцев, служивших уже на русской службе. Прошу вас, сообщите все это кому следует. На письме подписал казначей *комитета Петров*. Мое письмо к комитету отвезет капитан Горбатиев.

Николич

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 1. Копия.

№ 248

1876 г. сентября 2. — Записка по III отделению о пожертвовании неизвестным лицом *** в пользу южных славян старинной шапки с золотым эфесом

№ 549

На днях в Главном управлении Общества попечения о раненых и больных воинах явился старичок, по-видимому, из отставных военных, и принес пожертвование в пользу славян Балканского полуострова, состоящее

* Датируется на основании письма Т. Николича в Славянский комитет от 3 сентября 1876 г. (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 54, лл. 16—17 об.).

** Так в тексте. По-видимому, должно быть — казаков.

*** Впоследствии выяснено, что шапку пожертвовал Г. С. Лихонин (см. ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 455, лл. 3—4).

из шпаги старинного образца, с золотым эфесом, пожалованной его покойному брату императором Павлом I за храбрость.

Сначала было затруднялись принять от него эту шпагу, как пожертвование, выходящее из разряда обыкновенных, но принято казначеем Общества полковником Пезе-де-Корваль, чтобы не огорчить отказом жертвователя; при передаче шпаги казначею старичок прослезился и с благоговением поцеловал крестообразный эфес; сказал, что жертвует единственную драгоценную вещь, хранившуюся в его семействе, как святыню (чему можно было легко поверить, увидев, с какою заботливостью эта шпага была окутана замшею и чехлом), и что пожертвовал бы более, но не в состоянии, потому что получает незначительный пенсioen. При этом он фамилии своей не сказал, а представил в запечатанном конверте грамоту на пожалование шпаги его брату, на имя Главного управления Общества, которую и вручил казначею.

Помета: Нельзя ли узнать имя жертвователя? 2го сентября.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 455, лл. 1—2. Подлинник.

№ 249

1876 г. сентября 3. — Письмо В. Коробанова в Московский славянский комитет о ежемесячных отчислениях от заработка рабочих и служащих Раменской мануфактуры в пользу южных славян

Москва

Имею честь сообщить Славянскому комитету, что администрация, служащие и рабочие Раменской, П. Малютина сыновей, мануфактуры, находящейся [в] Московской губернии, Бронницкого уезда, при селе Раменском, независимо от собранных уже ранее на Раменской мануфактуре и переданных Славянскому комитету денег, жертвуют в пользу славян Балканского полуострова, начиная с 1 августа сего года впредь до окончания войны их с Турцией, — администрация и служащие *по два процента*, а рабочие *по одному проценту* с получаемого ежемесячного жалованья ¹.

В счет этого процентного сбора собрано ими на первое время — *триста руб. серебром*, которые и имею честь при сем приложить. Очень может быть, что на будущее время сумма этого процентного сбора будет выражаться в сумме или несколько более, или несколько менее трехсот рублей — все будет зависеть от количества служащих на фабрике рабочих и от суммы получаемого ими жалованья. Сборы эти будут доставляться в Славянский комитет в первых числах каждого месяца.

Имею честь быть и проч. В. Коробанов

Помета: Просят публиковать все письмо ².

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 289, л. 94 и об. Автограф.

1. На Раменской бумагопрядильной фабрике было 3 тыс. рабочих и более 100 служащих.

2. Сообщение о решении рабочих и служащих Раменской бумагопрядильной фабрики делать отчисление от заработной платы в пользу славян было напечатано в «Московских ведомостях» 16 сентября 1876 г.

1876 г. сентября 3. — Донесение русского консула в Галаце А. С. Романенко в Азиатский департамент МИД о необходимости привлечения славянских комитетов к оказанию помощи возвращающимся из Сербии русским добровольцам

№ 739

Русские добровольцы, направляющиеся в Сербию для поступления в ряды сербских войск, проходя через Галац, постоянно обращаются в консульство: одни за содействием, а другие за денежным пособием. До этой поры я удовлетворял требованию каждого, насколько то было возможно, но в настоящее время число обращающихся за пособием постепенно возрастает, и не только такими, которые идут в Сербию, но и возвращающимися с театра войны.

Сих последних сербское военное начальство отпускает по болезни на основании письменных документов. При выезде же их сербское начальство не дает русским офицерам никакого другого пособия, кроме одного бесплатного билета на проезд парохомом до Галаца. Прибыв сюда голодными, немущими, обращаются ко мне с настоятельным требованием о денежном пособии, сопровождая свое ходатайство словами: к кому же должен обратиться русско-поданный и русский офицер, как не к своему консульству? На мои возражения, что в консульстве нет ассигнованных для этой цели сумм, они требуют открытия им личного кредита.

Третьего дня по ходатайству моему были приняты бесплатно четыре русских офицера на австрийском пароходе до Одессы, а за проезд в Сербию восьми оставших простых русских волонтеров я заплатил из своих средств.

Не могу скрыть, что положение наших добровольцев, самоотверженно идущих на помощь сербским братьям, потративши собственные средства и не имеющих, чем возвратиться в отечество, действительно прискорбное.

Ввиду всего этого я обязанностию считаю представить такое бедственное положение наших добровольцев на воззрение Азиатского департамента, не соизволит ли он признать возможным снестись с славянскими комитетами, заботящимися об участии наших соотечественников, чтобы сказанные комитеты приняли меры к предотвращению тех печальных случайностей, которым подвергаются возвращающиеся добровольцы.

Имея также в виду, что число возвращающихся в отечество добровольцев с каждым днем будет возрастать, а в особенности с заключением мира, вся масса русского народа, находящегося в Сербии, двинется на Галац и так как этот порт лежит на перепутье между нашими и сербскими пределами, поэтому было бы не только полезно, но даже необходимо, чтобы со стороны славянских комитетов было бы назначено особое лицо, располагающее денежными средствами для раздачи пособия действительно нуждающимся, а пока такое распоряжение состоится, не найдет ли С.-Петербургский славянский комитет возможным предварительно выслать в консульство хотя незначительную для этой цели сумму.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, лл. 93—94 об. Заверенная копия.

№ 251

1876 г. сентября 3. — Отношение В. В. Григорьева председателю Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрову о запрещении печатать в газетах объявления об отправлении добровольцев на Балканы

№ 4462

На основании высочайше утвержденного в 16 день июня 1873 г. положения Комитета гг. министров, признано необходимым, чтобы газеты не печатали предупредительных объявлений и извещений об отправлении на Балканский полуостров как санитарных отрядов, так и волонтеров, а равно по доставлении к нам тел убитых русских, павших в рядах сербских войск в бою против турок, так как объявления такого рода служат поводом к уличным демонстрациям.

Поставив о сем в известность гг. редакторов бесцензурных повременных изданий в С.-Петербурге, за подписками, — покорнейше прошу ваше превосходительство объявить об этом распоряжении и цензорам вверенного вам комитета для соответственного с их стороны исполнения.

И. д. начальника Главного управления по делам печати

В. Григорьев

ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1876 г., д. 66, л. 20 и об. Подлинник.

№ 252

1876 г. сентября 4. — Телеграмма главного интенданта М. П. Кауфмана Д. А. Милютину об отпуске Петербургскому славянскому комитету сукна и холста для снабжения сербских войск шинелями

№ 1551

С.-Петербург

Славянский комитет просит отпустить 20 тыс. аршин серого сукна и 25 тыс. аршин подкладочного холста из московского или петербургского складов для постройки шинелей, имеющих быть отправленными в сербскую армию, очень нуждающуюся в этой одежде. Шинели будут сшиты распоряжением комитета и без погонов, то есть не нашей формы. Выдача этого количества материала не сделает затруднения и разницы нашим запасам. Испрашиваю разрешения на отпуск этого пожертвования¹.

Главный интендант фон Кауфман

ЦГВИА, ф. 7/л, оп. 5, д. 390, л. 1 и об. Дешифр. текст.

1. Разрешение правительства последовало 10 сентября 1876 г. (ЦГВИА, ф. 7/л, оп. 5, д. 390, л. 4).

Отпуск сукна из складов военного интендантства для сербской армии через Славянский комитет объясняется тем, что русское правительство, оставаясь на позиции официального невмешательства в сербско-турецкую войну, с августа 1876 г. начало поощрять действия славянских комитетов в пользу балканских славян (51, т. II, стр. 68).

№ 253

1876 г. сентября 4. — Агентурная записка в III отделение о формировании в Нижнем-Новгороде дружины добровольцев для отправки в Сербию

№ 553

В Славянском благотворительном комитете получена телеграмма из Нижнего-Новгорода, что купцы 28 августа открыли у себя подписку для организации целого полка волонтеров под названием «Новгородской дружины»*; предполагается набрать не менее 1000 человек, и в желающих недостатка нет. Подписка идет весьма успешно и теперь, несмотря на короткое время, уже собрано до 30 тыс. руб.

Почин в этом сделало общество «Дружина», в лице своего главного пайщика и директора Евгения Ивановича Рагозина, богатого и ярого славянофила.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, л. 409 и об. Подлинник.

№ 254

1876 г. сентября 4. — Агентурная записка в III отделение о просьбах крестьян отправить их волонтерами в Сербию

№ 555

В Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах каждый день очень много приходит лиц с заявлением желая отправиться на театр военных действий в Сербию, в качестве добровольцев, в армию Черняева; из управления их направляют в Славянский благотворительный комитет, так как там исключительно производится отправка волонтеров. Между ними очень часто являются теперь крестьяне, пришедшие на заработки в Петербург и его окрестности и окончившие уже свои контракты с подрядчиками.

Конечно, большинство получает отказ, некоторые же с замечательною энергиею добиваются исполнения своей заветной цели; так, 1 сентября в управление явились два крестьянина из Гатчино с просьбою отослать их в Сербию «бить басурманов», объясняя при этом, что они хотя и никогда не служили в военной службе, тем не менее хорошо обучены военным приемам и фронту, так как, задавшись раз принятым решением ехать на помощь сербам, старательно обучались в свободное от работ время у знакомого им унтер-офицера в Гатчино и готовы хотя сейчас подвергнуться экзамену в этом отношении. В случае же надобности, они могут представить рекомендательные письма от коменданта гор. Гатчино генерала Багговута. Оба они были также направлены в Славянский благотворительный комитет.

Помета: Из этих двух записок**, полученных от агентуры, составлена общая записка для всеподданнейшего доклада, которая отправлена в Ливадию 5 сентября. ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, лл. 407—408. Подлинник.

* Следует «Нижегородской дружины» (см. док. 267).

** По-видимому, речь идет о настоящей записке и о записке № 553 — док. 253.

1876 г. сентября 5. — Письмо заместителя командира русско-болгарской бригады в Сербии А. М. Милорадовича члену БЦБО о сформировании бригады

Делиград

Милостивейший государь!

Прошу вас покорнейше передать уважаемому президенту * следующее. Когда на нашей последней конференции ¹ вы все предложили мне сформировать болгарский отряд в окрестностях Кладова, я принял это, во всех отношениях для меня лестное, предложение с условием получения на это согласия главнокомандующего **. В письме вашем, подписанном всеми членами вашего комитета, вы просили о том же генерала Черняева, я передал ему и письмо ваше и словесно подробности предлагаемого формирования. Желание ваше было уже выполнено. Главнокомандующий вверил это дело полковнику Медведовскому, воспитаннику нашей военной академии, человеку неопценных достоинств, иметь которого во главе своих войск болгары должны считать за особенную честь. Видеть его и полюбить всей душой — это одно и то же. Как ни лестно было сделанное мне предложение быть самостоятельным начальником и организатором болгарских сил, но быть под начальством полковника Медведовского я считаю за особенную благодать для себя, и питать к нему [и] тень зависти было бы совершенную подлость.

В наше кратковременное знакомство вы отнеслись ко мне с таким доверием, что я, пользуясь этим, умоляю вас, для вашего же блага всеми вашими силами и средствами помочь этому благородному труженику, не падающему ни жизни, ни трудов за честь болгарского знамени.

Ваш болгарский отряд, состоящий в настоящую минуту из 2 тыс. человек, трудами полковника Медведовского достиг блестящего устройства. Это гвардия сербской армии, и если бы вы его увидели, ваше болгарское сердце запрыгало бы от радости.

Вчера генерал Черняев, объезжая болгарские батальоны, поздравлял их с возведением Сербии в королевство ² и с освобождением ее от зависимости Турции; при этом он выразил надежду, что болгары тоже достигнут этого, если не пощадят для этого жизни и средств. Восторг был несказанный. Болгарские батальоны получили по 25 червонцев, чтобы пили за здоровье нового короля и за свои будущие успехи. До глубокой ночи болгарские воины пели свои национальные песни и танцевали у шалаша полковника Медведовского, который пил за здоровье своих воинов и всего болгарского народа и за будущее его освобождение. Не обманите надежд этого благородного сердца, *пришлите все, все*, что можете, — людей, лошадей, *оружие, деньги, белье*, все, в чем может нуждаться войско.

Дайте знать всем вашим агентам, чтобы они употребили все свои старания к усилению болгарских войск, и все пожертвования присылайте на имя полковника Медведовского в Делиград.

В полной уверенности, что вы не заставите долго ожидать наших ожиданий ***, я прошу вас передать мой искренний и дружеский поклон г-м Цанкову, Золотову и Кавалджиеву, и за сим остаюсь искренно преданный болгарскому делу и вам

Александр Милорадов[ич]

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1340. Автограф.

* Кириак Цанков.

** М. Г. Черняев.

*** Так в тексте.]

1. Речь идет о заседании БЦБО в конце августа или в начале сентября 1876 г. в котором участвовал А. М. Милорадович (см. док. 223; 99, стр. 5, № 113).

2. Речь идет о провозглашении 4 сентября 1876 г. М. Г. Черняевым Сербии королевством, а Милана — королем. Международно-политическое положение заставило князя сообщить державам, что провозглашение королевства не будет иметь последствий (39, стр. 340—342). Провозглашением королевства, т. е. независимости Сербии, Черняев надеялся поднять боевой дух сербской армии и активизировать ее действия.

№ 256

1876 г. сентября 5. — Инструкция комиссии для сбора пожертвований Петербургского славянского комитета уполномоченному комиссии в Белграде В. Д. Дандевилю о порядке обеспечения русских добровольцев в Сербии

Ввиду необходимости учредить строгий контроль и ввести порядок в деле отправления русских добровольцев из С.-Петербурга в Сербию на средства комиссии для сбора высочайше разрешенных С.-Петербургскому отделу славянского благотворительного комитета пожертвований в пользу страждущих семейств славян Боснии, Герцеговины и Болгарии, — комиссия постановила: командировать в Белград своего члена — Генерального штаба генерал-майора Виктора Десидериевича Дандевиля и поручить ему исполнять следующее:

1. Офицерам и нижним чинам, отправляющимся в Белград, которым комиссия будет выдавать в Петербурге часть суммы, определенной для их проезда, выдавать в Белграде остальную сумму из аванса, который г. Дандевиль будет иметь в одном из белградских банков, с расписками получателей *на выдаваемых им чеках-билетах*, которые и должны быть представлены г. Дандевилем в свое время в комиссию для отчетности.

2. Тех офицеров и нижних чинов, *отправляемых на средства комиссии*, которые в пути в Белград или же в самом Белграде окажутся дурного поведения и не будут в состоянии поддерживать честь и достоинство русского воина, высылать из пределов Сербии, для возвращения в Россию, на причитающиеся им в Белграде деньги, через посредство местной власти, сообщая о таковых лицах комиссии.

3. Прибывающим в Белград *на средства комиссии* добровольцам вести списки и сдавать их с оными в Военное министерство для отправления в армию. Копии с этих списков доставлять в комиссию, если возможно, со сведениями, куда те или другие лица будут назначены.

4. Иметь вообще наблюдение за добровольцами отдела, дабы они не проживали в Белграде праздно и держали себя честно и прилично; в случае надобности принятия против них полицейских мер обращаться к местной власти через русского консула в Белграде.

5. Собрать по возможности сведения о месте службы отправленных уже в Сербию *на средства комиссии* добровольцев с означением — кто из них убит или ранен, где и когда, и сведения эти доставить в комиссию.

6. В случае, если бы оказалось, что сербское правительство не может почему-либо уплачивать русским добровольцам, отправленным в Сербию *на средства комиссии*, причитающегося им жалования по окладам, какие получались ими в России, В. Д. Дандевилю представляется право выдавать таким лицам ежемесячное жалованье в таком же размере (расчетная ведомость будет доставлена В. Д. Дандевилю по почте).

Кроме того, поручить В. Д. Дандевилю доставлять отделу все те сведения, которые он полагает нужным, по предмету отправления и снабжения добровольцев и проч.

В Белграде Виктор Десидериевич Дандевилль будет представителем действий и интересов комиссии по означенному предмету.

Расходы на посылку телеграмм и ведение переписки В. Д. Дандевилль будет производить из аванса.

Инструкция эта будет сообщена в другие отделы Славянского благотворительного комитета для сведения.

Председатель Т. Филиппов

Секретарь В. Аристов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д, 88. л. 2—3. Подлинник.

№ 257

1876 г. — сентября 6. — Письмо А. И. Нелидова И. С. Аксакову о получении денег для оказания помощи жертвам восстания в Болгарии и о создании при русском посольстве в Константинополе комитета для наблюдения за распределением пособий

Буюкдере

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Я получил препровожденные вами от Московского славянского комитета на мое имя, чрез посредство банкирского дома «Crédit Lyonnais», 32 тыс. 300 франков (10 тыс. рублей), назначенные для выдачи в пособие вдовам и сиротам христиан, пострадавшим во время последних событий в Болгарии.

Получив означенную сумму, я не замедлил обсудить наилучшие меры к приведению в исполнение намерений жертвователей. Мне предстояло или отпривать эти деньги в Филиппополь в распоряжение устроенного там международного комитета или передать их в недавно организованный здесь англичанами и американцами комитет и находящийся под председательством английского здешнего посла, или же, наконец, выдать недавно устроенному здесь Дамскому болгарскому комитету. Но имея в виду, что круг действий последнего весьма ограниченный и что он занимается только раздачею мелких пособий и не представляет гарантий независимости, а высланная сумма весьма значительна, — нам запала мысль об устройстве при посольстве комитета, который бы заведовал и наблюдал за распределением пособий.

Встретив большую готовность со стороны моих сослуживцев в устройстве подобного комитета, занимающегося *принятием и распределением* только тех пожертвований, которые будут, быть может, и впоследствии высылаться сюда, я незамедлил составить под моим председательством комитет, в котором приняли пока участие следующие лица:

Архимандрит Смарагд, настоятель посольской церкви.

Статский советник Ону, старший драгоман посольства.

Надворный советник Губастов, второй секретарь посольства.

Коллежский ассессор Теплов, заведующий кассою посольства.

Коллежский ассессор Каракановский, медик посольства.

Федор Стоянов-Бурмов, нештатный драгоман посольства.

В комитете этом будут принимать участие и приезжающие сюда консулы наши в Болгарии, Фракии и Македонии, которым будет предложено представлять в комитет всевозможные сведения и соображения о мерах для наилучшего оказания пособия бедствующим болгарам и вообще славянам в только что упомянутых странах, и при этом, конечно, будет

обращено главное внимание, согласно назначению присланных денег, на судьбу семейств вдов и сирот.

О дальнейших действиях комитета я буду своевременно сообщать вам и представлять также отчеты в расходованных суммах.

В полной уверенности, что устройство нашего комитета будет сочувственно встречено не только Московским славянским комитетом, но и вообще соотечественниками нашими, я позволяю себе покорнейше просить вас заявить в обществе об устройстве при императорском посольстве комитета, которого главное назначение состоит в *принятии и распределении* высланных сюда пособий для оказания помощи семействам бедствующих болгар в Македонии, Фракии и Болгарии.

Сообщая вам о сем, покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Нелидов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 290, лл. 3—6 об. Подлинник.

№ 258

1876 г. сентября 6. — Письмо В. Н. Теплова И. С. Аксакову о провозглашении Сербии королевством и о деятельности М. Г. Черняева на посту главнокомандующего сербской армией

Белград

Ваше превосходительство Иван Сергеевич!

Я пробыв в Делиграде 3 дня, между прочим, был свидетелем провозглашения Сербского королевства; с 30 августа впереди Делиграда в продолжении 3-х дней пальба не прекращалась, хотя сербы имели хорошую позицию, но превосходство неприятельского артиллер[ийского] огня (по дальности полета) заставляло опасаться, что турки перейдут Мораву. 3 сентября с утра начался дождь, вследствие чего пальба не была так часта, после полудня около 5 часов дождь усилился, огонь замолк; к 8 часам все стихло, не было дождя, не было слышно пальбы. Хорватович воспользовался этим моментом, открыл усиленную пальбу, длившуюся до 10 часов вечера, по-видимому, турки не ожидали этого и потому должны были уступить один важный пункт (не знаю какой).

Эта ли удача Хорватовича или заранее приготовленная программа со стороны Михаила Григорьевича (по уверению здешнего консула г. Карцова, все это устроил Мих[аил] Григор[ьевич]) дали повод к провозглаш[ению] королевства; утром 4 сентября от Хорватов[ича] приехал в Делиград гонец с известием, что его армия провозгласила Милана королем, за два часа до полудня собран был весь штаб, и Мих[аил] Григор[ьевич] не без некоторого волнения объявил о государственном перевороте; сейчас же отслужено было молебствие, войска присягнули королю, а Мих[аил] Григорьевич перед войском и объявил свою надежду, что армия с оружием в руках поддержит нового короля против врагов внешних и внутренних.

Я сейчас был у консула, который с удивлением смотрит на всю эту мелодраму; сказал мне, что Милан не принял нов[ого] титула и чем разварится вся эта каша, не знает, присовокупил весьма естественное мнение об армии, которая еле держится, которая будто бы просила накануне перемирия вследствие слабости своей и которая вдруг разыграла роль преторианцев. Проезжая из Делиграда, я видел, как народ ликует от радости, что же касается до мыслящих офиц[еров], то они только покачивают го-

довою, прибавляя слова: «как же мы провозглашаем своего короля, когда турки находятся на сербской территории и когда выгнать их мы не можем».

Михаил Григорьевич желает, чтобы я был при штабе в виде главного нач[альника] инженеров (имеется в виду строить для войска бараки), не хотел меня отпускать в Делиград, но когда я ему пояснил, что по поручению генер[ала] Игнатьева я должен передать несколько слов русскому консулу, отпустил меня на 3 или 4 дня.

Я уже писал вам, что Мих[аил] Григорьев[ич] нравственно очень раздражен, запирается в своей комнате, и его с трудом можно видеть. Комаров как бы заступил его место. Когда я объявил, что имею миссию от Слав[янского] комитета для разъяснения на месте могущих встретиться недоразумений, то Комаров спросил у меня письменного удостоверения и, по-видимому, еще более старался показать свое невнимание ко мне. Ваше превосходительство поймете, что, находясь в таких отношениях к нач[альнику] штаба, я со своей стороны не мог заявить своего голоса, хоть и видел на месте, в каком затруднительном положении находятся все русские, прибывающие в Главн[ую] квартиру¹. Обыкновенно проходит 2 или 3 дня, пока каждый получит назначение, между тем при штабе нету не только помещения, но с трудом можно достать продовольствие, офицеры не имеют прислуги, некого послать даже за водой, чтобы умыться. Г. Комаров настолько был нелюбезен ко мне, что даже не пригласил меня обедать в штаб, хотя и пояснил, что Мих[аил] Григорьев[ич] очень рад меня видеть при штабе, ввиду поручения, возложенного вами на меня

Я считаю нужным² изложить вам всю правду, чтобы агент от Слав[янского] комитета не был поставлен в двусмысленное положение; между тем я заметил, что и Мих[аил] Григорьевич и Комаров очень ревнивы к своим распоряжениям и что всякое заявление хоть бы от комитета, на средства которого существует и штаб и все русские, будет лишним. Сегодня утром видел я полк[овника] Беккера, который не знал еще о моих отношениях к вашему превосходительству и Слав[янскому] комитету. Начал с того, что здешнее Воен[ное] министерство очень затруднено насчет назначения присылаемых сумм и что недавно они уже писали к вам об этом и, когда я ему заявил, что мое прибытие имеет целью разъяснить желания Славянского комитета, то он очень обрадовался и просил телеграфировать сейчас же к вам с просьбой о высылке удостоверения, что я действительно есть агент Моск[овского] слав[янского] комитета.

Ввиду общего славянского дела я не буду очень раздражительно смотреть на все недоразумения. Считаю нужным заявить, что партии постоянно прибывают, на днях из Одессы прибыло 180 человек и еще ожидается, полков[ник] Беккер намекнул мне, что в Белграде с недоумением смотрят на будущее; там всех их нужно содержать и в конце концов придется когда-нибудь и отправлять обратно в Россию. На чей счет придется делать эту операцию? Мне кажется, что для более правильного направления сумм, а также контроля полезно было бы северо-зап[адную] часть России причислить к Петерб[ургскому] слав[янскому] комитету, а юго-восточную — к Московскому слав[янскому] комитету, о чем и сообщить провинциальным комитетам. Очень может быть, что средства найдутся, но при теперешнем ходе никто не знает, куда и какие суммы должны направляться. Я буду подробно собирать сведения от здешних властей и напишу к вам перед выездом из Белграда.

Недавно телеграфировал в Новочеркасск о времени отправления казаков, 4 сентября получил ответ, что 5 сентября выйдет 1-я партия в 54 человека. Лошади для них, вероятно, уже куплены, как я писал уже вам (в Турно-Северин на этот предм[ет] Мих[аил] Григорьев[ич] послал

4 тысячи; сколько будут стоить пики — не знаю; прошу уведомления о посылке туда агента).

Александру Александровичу прошу передать мой поклон
Весь ваш В. Теплов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 85, л. 43—46 об. Автограф.

1. О бестолковости, безалаберности и страшной неразберихе в штабе М. Г. Черняева имеется ряд свидетельств. В частности, об этом писал в своем дневнике участник сербско-турецкой войны Пера Тодорович (95, стр. 4).

№ 259

*1876 г. сентября 7. — Из письма И. С. Аксакова М. Г. Черняеву
о поддержке болгарского национально-освободительного движения*

Москва

Любезнейший и дорогой Михаил Григорьевич!

Не писал я вам до сих пор, — хотя и было о чем писать, — потому что было буквально некогда, да и вам было не до чтения. Вы и представить себе не можете, сколько работы у меня, или у Слав[янского] комитета, — что значит стоять лицом к лицу с всенародным движением! Приходится объясняться ежедневно с сотнею лиц и получать ежедневно больше сотни писем, на которые нельзя не отвечать, чтобы не оскорбить сердечного чувства пишущих. Впрочем, отголоски должны же доходить до вас, посланные вам адреса служат также тому свидетельством (кстати, вспомнил, есть еще два адреса к вам неотосланные), а исполнение ваших требований, ваших желаний — какое же доказательство лучше этого?

Совершилось и совершается дело небывалое. Войну ведет, помимо правительства, сам русский народ (буквально народ, который только и спрашивает: зачем царь нас не посылает?) и Слав[янский] московский комитет, который и казначейство, и интендантство, и комиссариат ваш. Я начал вербовку без всякого дозволения, и, наконец, общество просто завоевало себе это право, так что я вынужден был устроить особое вербовочное присутствие, под председательством Пороховщикова, из членов комитета ¹.

Конечно, вам некогда, но *не мешало бы иногда вам заявлять благодарно о получении посылаемых вам вещей и вообще о содействии, вам оказываемом.* Не забывайте, что вы теперь самое народное имя в России, что на всем ее пространстве поются молебны с многолетием «христороливному и братолюбивому вождю слав[янского] воинства, рабу божию Михаилу». Не забывайте, что вы стоите пред лицом русского народа, русского общественного мнения, что столько любви приносится вам в дар. Слав[янский] комитет всячески старается поддерживать это чувство в народе ². Не мешало бы вам иногда, в случае успеха особенно, почтить комитет известительной телеграммой. Я почти все ваши телеграммы печатаю, — на все встречаю немедленный отзыв. Вчера напечатал о сапогах и полушубках, а сегодня уже несколько тысяч нанесли собственно на этот предмет, кроме жертв самими предметами натурой. Меня осаждают запросами и даже телеграммами: нет ли известий от Черняева, не все же он к вам только с требованиями относится, чай и другое что вам сообщает. Значение и сила Слав[янского] комитета связаны с вашим значением и силою, ибо обществу нужен орган посредствующий, и этот посредствующий орган — Слав[янский] комитет.

По своей дружбе и уважению к вам и по своей солидарности с вами, я считаю себя вправе передать вам некоторые свои мысли и замечания. Мне так хотелось бы, чтоб общественное чувство ничем не смущалось.

Во-первых, не скрою от вас, что назначением Комарова в начальники штаба вообще недовольны. Ему приписывают, что переход турок на левый берег Моравы был принят за отступление к Нишу. Вообще он не пользуется репутацией человека *дельного*. Говорят также, что все штабные получили награды, ордена и медали, а прочие русские, отличившиеся в битвах, ничем не награждены. Не знаю, в какой степени это справедливо, но считаю своею обязанностью, ревнуя о вашей чести и славе, передать вам эти толки. Поймите, что общество, жертвующее деньгами и кровью своих членов, имеет некоторое право всем этим интересоваться. Таков уж характер этой войны, всего этого исторического дела.

Во-вторых, я хотел и хочу поговорить с вами о болгарах. Ходит молва, что вы осербились и стали на сербскую точку зрения относительно болгар. Не хочу этого думать. Вы русский, и мы, русские, должны стоять выше болгар и сербов и смотреть шире их. Для России болгары и их независимость не менее дороги, чем сербы и их независимость, и страшные бедствия, претерпенные болгарами, в сильной степени способствовали сочувствию в России, следовательно *послужили и на пользу сербам* [. . .] Вы, конечно, имели повод сердиться на болгар, но Суворин поступил неблагоприятно, напечатав ваши отзывы о народе, претерпевавшем в самое это время столько мук ³.

Вы, вероятно, знаете о плане Фадеева и Кисельского ⁴. Кисельского я всегда считал и считаю *пустым* человеком, хотя и храбрым; Фадеев же мне антипатичен до омерзительности, хотя бесспорно писатель не без таланта. Мысль он может подать блестящую, но исполнителем быть не годится, что, впрочем, он и доказывает на деле. Основная мысль этого проекта, как я ее резюмирую, в том, во-первых, что ни Сербия, ни Черногория не призваны решать общего славянского вопроса, что их интересы чисто династические и, добившись признания независимости, Герцеговины для Черногории, Боснии или части Старой Сербии [для Сербии], — оба княжества охотно заключат мир и не станут драться за независимость Болгарии, за общеславянские интересы или за интересы России на проливах Босфора и Дарданеллах. *Это совершенно верно*. Во-вторых, что сербским и черногорским вопросом не решается ни Восточный вопрос, ни участь Турции, ибо отрезать от Турции сербские земли — это значит произвести ампутацию, отрезать ногу или руку только. Болгария же составляет самое нутро, туловище Турции, — следовательно, центр тяжести Восточного вопроса в Болгарии; болгарский вопрос есть вопрос о существовании Турции. *Это опять вполне верно*. В-третьих, России, имеющей в виду высшие задачи, необходимо поэтому заняться болгарским вопросом, который для этих высших задач важнее сербского и черногорского, и тем более подлежит ей им заняться, что время для решения *вопроса Восточного* близится, что, при войне России с Турцией, для России линия Балкан имеет громадное значение и весьма бы важно было опереться на многочисленное болгарское племя. Все это справедливо. Далее речь пойдет уже о практическом осуществлении этой мысли.

Болгарское восстание не удалось (отчасти потому, что оно было преждевременно, сербы войны еще не начинали и турки могли вызвать из-под Ниша против болгар 15 тыс. регулярного войска) [. . .]

То, что затевает или затевал Фадеев, — неудобноисполнимо по своим обширным размерам, потому что тут предполагалось такое устройство и организация, для которых понадобилось бы времени целый год и целое военное министерство, — а он 2½ месяца пропустил даром и привык сибаритничать. Ему нужно около миллиона, план его, по-видимому, примыкает

к общему стратегическому плану войны самой России с Турцией, между тем все это устроить предполагалось на частные средства! Несмотря на покровительство, оказанное этому плану наследником, собрано не более 200 тыс. руб., отчасти потому именно, что казалось бы всего проще наследнику взять на это деньги государств[енного] казначейства, отчасти же потому, что личность Фадеева произвела и производит на купцов отгалкивающее впечатление. Он вздумал здесь осуждать деятельность комитета Славянского, издеваться над нашею вербовкою, конечно, подчас и неудачною, убеждал меня сберечь *все* деньги на исполнение его плана, в чем я ему решительно отказал, объявив, что только благодаря войне Сербии, поддерживаемой комитетом, вопрос самый подвинут к решению и возможно мечтать об устройстве болгарских дружин и проч.

Но из всего этого [не] следует, чтоб *вы относились* враждебно к подготовке кадров для болгарских отрядов. Не допускайте Фадеева, но возьмите это дело сами в руки, ибо это дело может быть полезно *самой России*, а интересы России превыше всего, ибо что выгодно для России, то выгодно и для серба, и для болгарина, и для всего славянства. Теперь ваш отказ будет истолкован так, как будто вы не хотите помочь *самой России!*

Рассказы о том, как трактуют болгарских волонтеров в Сербии, и именно военное начальство, очень и очень огорчают и смущают ваших почитателей. Обращаются ко мне за разъяснениями, — ну, я отрицаю, хотя побаиваюсь, что вы, по вашей страстности и нервности, может быть сами невольно поддались сербской точке зрения. Нечего на болгар *середиться*. Надобно **подумать**, как ими воспользоваться, а тут гневом не поможешь. Мне ~~передавали~~ ваши слова: все дело в сербах, без сербов болгарское движение **немыслимо**. Я скажу: без русских болгарское движение **немыслимо**. У нас война на носу, и воспользоваться болгарам *нужно нам*. Отчего же вы не отрядите кого-нибудь русского, чтоб он занялся этим делом? Ручаюсь, что на сей предмет польются новые пожертвования, и это бы послужило к вашей чести и славе, ибо Россия видит в вас не узкомозглого серба, а *русского*, которому равно близки как сербы, так и болгаре.

Мне писали из Букурешта, что к вам поехал толковать об этом Милорадович. Был ли он у вас? Сейчас получил известие, что вы не допустили Кишельского заняться этим делом и прогнали его. Неблагоразумно. Надобно было перенять это дело и взять *его в свои руки*. Все это меня крайне смущает, тревожит и огорчает. Боюсь поворота в общественном мнении, ибо, повторяю, русское общество интересуется болгарам не менее, даже более, чем сербами. Болгарам наполнен здесь университет, они очень хорошо учатся.

Покажите русское, не сербское внимание к болгарам; займитесь чрез русских правильною организацией болгарских дружин и кадров как в Сербии, так и Румынии. Может быть, вам и неприятно будет мое письмо, но должны же вы понять, что оно диктовано дружбою к вам и участием к делу. Обнимаю вас от души.

Ив. Аксаков

[P. S] Измайлова я еще прежде лишил всякого покровительства и субсидий комитета. Какая дрянь!

Полковника Теплова я делаю агентом Слав[янского] комитета для сообщения сведений о волонтерах наших, а то не добьешься, кто жив, кто ранен, а нас заваливают вопросами. Произведите ему денежную выдачу в размере 80 червонцев в месяц. Не слушайте тех, которые бы пожелали его от вас отдалить.

ОПИ ГИМ, ф. 208, св. 2. Автограф.

1. Создано летом 1876 г. для приема волонтеров, рассмотрения их просьб и заявлений (1, стр. 224).

2. Здесь сказывается различие в понимании задач, стоящих перед добровольцами, как их понимали М. Г. Черняев и И. С. Аксаков. Последний хотел видеть в Черняеве представителя славянских комитетов, действующего в тех рамках, какие ему намечены, тогда как Черняев смотрел на комитеты как на источник снабжения и средств и имел свои особые политические планы (59, стр. 71).

3. Речь идет о напечатанном в «Новом времени» (№ 157) 6 августа 1876 г. фельетоне «Незнакомца» (А. С. Суворин) «Две недели в сербской армии», в котором передан отрицательный отзыв М. Г. Черняева о болгарских добровольцах.

4. И. К. Кисельский намеревался возглавить подготовку болгарских отрядов. Еще в конце июня 1876 г. он обращался к Д. А. Милютину с просьбой об отпуске вооружения для этих целей (51, т. II, стр. 50). Он связался с Р. А. Фадеевым, который, опираясь на поддержку наследника вел. князя Александра, с санкции Александра II предпринял сбор средств у московских купцов для вооружения болгарских добровольцев (см. док. 167). Кисельский и сам писал наследнику по этому вопросу (ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, д. 971, лл. 1—6). Летом 1876 г. Кисельский побывал в Сербии и вел переговоры о формировании болгарских добровольческих отрядов для последующего самостоятельного действия в Болгарии, но встретил резко отрицательное отношение к этому проекту со стороны Черняева, не желавшего иметь конкурента в лице Кисельского (ОР ГБЛ, ф. 327, ч. 1, к. 56, д. 16). Фадеев считал Болгарию важнейшей территорией для решения судьбы Турции и стремился к созданию болгарских отрядов до начала войны, чтобы с началом ее эти отряды, вступив в Болгарию, вызвали там восстание и способствовали скорейшему очищению страны от турок (65, вып. VI, стр. 281—290). Фадеев стремился возглавить болгарские отряды (51, т. II, стр. 108).

№ 260

1876 г. сентября 10. — Письмо Д. Ф. Стюарта А. И. Васильчикову с характеристикой членов БЦБО и Болгарского человеколюбивого настоятельства и об ограничении помощи БЦБО

Бухарест

Телеграммой от 2 сего сентября казначей С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета известил меня о высылке на мое имя по телеграфу 300 руб. для выдачи председателю здешнего Центрального болгарского комитета Цанкову. Вслед затем я получил из Румынского банка 9690 франков, присланных по ордеру Петербургского отдела. Предполагая возможность ошибки при передаче первоначальной телеграммы, так как сумма в ней была означена цифрами, я имел честь обратиться к вашему сиятельству с запросом по этому предмету и получил ныне от г. Аристова ответ, что Цанкову должна быть выдана стоимость 3 тыс. руб., т. е. вся сумма, полученная мною из Румынского банка.

Вследствие сего я вызвал г. Цанкова, вручил ему 1000 франков и объявил притом, что по израсходовании этих денег он имеет доставить мне подробный отчет в употреблении оных и тогда получит от меня еще 1000 франков и т. д., впредь до полного истощения вышеупомянутой суммы. Причины подобного распоряжения я буду иметь честь изложить вашему сиятельству в надежде, что вы, милостивый государь, изволите признать причины, побудившие меня к такому вмешательству в распоряжение комитета, основательными.

Как известно вашему сиятельству, в настоящее время в Бухаресте существуют два болгарских общества, имеющих одну цель — помогать своим соотечественникам, которых настоящая война поставила в необходимость прибегать к общественной благотворительности¹.

Первое из сих обществ, носящее название Болгарского человеколюбивого настоятельства и состоящее из наиболее богатых и влиятельных болгар из числа проживающих в Бухаресте, существовало уже давно и пользовалось всегда полным доверием и уважением своих соотечественников, из коих многие передали в его заведование значительные капиталы, завещанные с целью учреждения учебных и благотворительных заведений в Болгарии. Председателем этого общества состоит Погонианский митрополит Панарет, искренно преданный интересам своей родины, что доказывается тем, что его стараниями в Бухаресте устроена болгарская церковь, которая вскоре приобрела значение центра, к которому стекаются многочисленные болгары, проживающие в Румынии. Митрополит Панарет, кроме того, пожертвовал значительный капитал, который вложил в наши кредитные учреждения с тем, чтобы проценты с оного шли на поддержание семинарии в Тырнове, когда таковая будет устроена. Несмотря на то, что при вносе капитала преосвященный Панарет выговорил себе право пожизненно пользоваться этими процентами, он не брал их со времени поступления капитала в наши кредитные учреждения и в настоящее время обратился с ходатайством о присылке ему всей накопившейся до сих пор суммы процентов для обращения в пользу разоренных войною соотечественников своих.

Душою всего Болгарского человеколюбивого настоятельства должен быть бесспорно признан известный здесь богач Евлогий Георгиев, брат того Христо Георгиева, который стяжал себе такую громкую известность, как один из самых ревностных и мужественных поборников идеи славянского вообще и освобождения Болгарии в особенности.

Отчасти по скромности, отчасти из нежелания выставить себя и компрометироваться в глазах правительства явным участием в комитете, хотя и носящем название благотворительного, г. Евлогий Георгиев уклонился от принятия какой-нибудь должности в оном. Тем не менее он вполне заслуживает название души этого общества, целям коего он постоянно служит как значительными денежными жертвованиями, так и влиянием, которым он пользуется издавна в среде своих соотечественников и у здешних правительственных лиц. Г. Георгиев — русский подданный, горячий приверженец России и пользовался полным доверием моих предшественников, которые уважали в нем ум, горячий патриотизм, такт и осторожность. Владея весьма значительным состоянием, он никогда не отказывался от жертвований на общее дело и от пособий отдельным личностям из числа своих соотечественников и завершил ряд своих благодеяний, составив хранящееся в кассе вверенного мне дипломатического агентства завещание, которым все свое состояние жертвует на учреждение в Болгарии университета и на благотворительные дела в этой стране. Пользуясь всеобщим уважением, он, однако, навлек на себя нерасположение так называемой молодой болгарской партии, которая, в нетерпеливом рвении своем, недовольна осторожною медлительностью так называемых стариков, в главе коих стоит Евлогий Георгиев, и обвиняет его лично даже в том, что он служит препятствием успехам общего дела, тормозя всякие смелые начинания и стараясь из личных видов интриговать против всяких деятелей болгарского движения, которые не пожелали бы ограничиться скромною ролью слепых и послушных орудий его.

В числе наиболее выдающихся членов Болгарского человеколюбивого настоятельства нельзя не упомянуть богатого негодяя Колони, который, несмотря на свои преклонные лета, так увлекается сочувствием к славянам и желанием содействовать освобождению своей родины Болгарии, что румынское правительство в начале нынешнего года сочло себя вынужденным заключить его в тюрьму, откуда он был выпущен лишь

по прошествии нескольких месяцев, благодаря упорным настояниям моего предместника д[ействительного] с[татского] с[оветника] Зиновьева.

Наконец, нельзя не упомянуть также о казначее настоятельства г. Николопуло, который пользуется всеобщей известностью за свою честность и аккуратность.

Указав на этих главных деятелей Болгарского человеколюбивого настоятельства, я считаю излишним утруждать внимание вашего сиятельства перечислением остальных. Позволю себе лишь прибавить, что это общество заслуживает внимания как по составу своих членов, так и потому, что оно пользовалось всегда расположением моих предшественников, которые были коротко знакомы с его деятельностью, и особенно рекомендовано мне известным болгарским патриотом вице-консулом нашим в Филиппополе Геровым, которого опытность и горячая любовь к Болгарии могут служить ручательством беспристрастности его суждений в этом вопросе ².

Другое благотворительное общество, образовавшееся в конце минувшего июня *, по инициативе члена Славянского комитета В. С. Ионина, под названием Центрального болгарского благотворительного общества, состоит исключительно из молодых людей без состояния и без положения в обществе. Председатель его, Цанков, воспитывался в Германии, занимался некоторое время литературою и в настоящее время состоит на службе в Управлении табачной монополии, где получает жалованье 200 франков в месяц. Сколько я мог заключить из доходивших до меня в разное время сведений, он не пользуется особенным доверием болгар. Вице-президент Грудов состоял прежде в числе членов человеколюбивого настоятельства, которое возлагало на него поручения по распределению назначаемых пособий. Вскоре, однако, он был удален из общества, так как прочие члены заподозрили его в разных неправильностях при этих выдачах ³. Прочие члены — молодые люди без всякого положения и влияния и потому не имеющие возможности содействовать главнейшей цели его — сбору пожертвований. По собственному их сознанию — вся надежда их на поддержку со стороны Славянского комитета.

С самого своего основания общество это стало во враждебные отношения к «старикам», упрекая их в медлительности и нерешительности и клеймя их страшным обвинением в том, что они из личных расчетов отказываются обратить на народное дело порученные их заведованию капиталы разных благотворителей, пожертвованные на устройство учебных и богоугодных заведений в Болгарии. Весьма трудно оценить достоинство этих нареканий, которые, по моему мнению, преувеличены до крайности под влиянием слишком страстного взгляда на предмет, причем благоразумная осторожность является медлительностью, а самые крайние меры — неизбежною необходимостью. Но нельзя не сожалеть, что в такое критическое время, когда единоверцам нашим следовало бы более чем когда-либо сплотиться для дружеского общего действия, в среде их происходит раздор, и люди почтенные и стяжавшие себе уже любовь и уважение целым рядом вполне бескорыстных действий и пожертвований на пользу родины — подвергаются незаслуженным нападкам и оскорблениям.

Общество, состоящее под председательством г. Цанкова, существует весьма недавно, и уже в среде его произошли, как ваше сиятельство изволите усмотреть из прилагаемого при сем в оригинале и переводе на русский язык протеста **, печальные раздоры. Пять членов *** и в главе их вице-президент общества г. Грудов, заявляя недоверие к личности пред-

* См. прим. 1 к данному документу.

** См. то же дело, л. 33.

*** И. Грудов, Г. А. Григоров, С. Загорский, С. Атанасович, И. Теодоров.

седателя г. Цанкова, ходатайствуют о том, чтобы суммы, которые будут присланы во вверенное мне генеральное консульство для передачи Центральному болгарскому человеколюбивому комитету, были задерживаемы мною, так как они имеют полное убеждение в том, что все эти деньги будут растрачены без всякой пользы для дела, для которого предназначаются. При этом г. Грудов сообщил мне хотя прискорбные, но вместе с тем весьма любопытные подробности об устройстве этого комитета и о действиях его.

По словам г. Грудова, на воззвания, разосланные г. Иониным в разные города Румынии, где преимущественно сосредоточены болгары, явились восемь человек, которые тут же составили комитет под названием Центрального, в котором каждый из них получил особую должность. Председателем был избран г. Цанков, который начал действовать диктаторски, назначая жалованье себе и другим из сумм, присланных в его распоряжение Московским славянским комитетом и другими благотворителями, и положительно отказываясь дать какой-либо отчет в израсходовании поступивших на его имя денег⁴.

Я далек от мысли гарантировать справедливость всех этих обвинений и привожу их лишь для того, чтобы указать причины, побудившие меня действовать осторожно по отношению к г. Цанкову, выдав ему лишь незначительную часть из числа присланных для него Петербургским отделом Славянского комитета денег и связав его обязательством представить подробный отчет в израсходовании тех 1000 франков, которые я ему выдал. В этом случае я поступил совершенно самовольно, и вашему сиятельству легко будет изменить это распоряжение, сообщив мне, что Славянский благотворительный комитет желает предоставить всю присланную сумму в безотчетное распоряжение г. Цанкова.

Решаясь на стеснительную для него меру, я имел лишь в виду трудность, с которой Славянский комитет собирает находящиеся в его распоряжении средства, и считал священным долгом своим сообщить комитету дошедшие до меня сведения, ни мало не опасаясь обвинения в лицепрятности какой-либо партии и в личном нерасположении к г. Цанкову и его товарищам.

Покорнейше прося ваше сиятельство почтить меня отзывом по настоящему моему сообщению, долгом считаю присвокупить, что в настоящее время прилив болгарских волонтеров, направляющихся в Сербию, почти совершенно прекратился, а потому, быть может, комитет признает более полезным приостановить выдачу г. Цанкову присланных в его распоряжение денег с тем, чтобы обратить их на пособия волонтерам, которые будут возвращаться из Сербии.

По отзыву консула нашего в Галаце, это обратное движение началось уже и, конечно, примет весьма значительные размеры тотчас по заключении мира. Посobie этим людям для возвращения на родину окажется неизбежною необходимостью, так как сербское правительство ограничивается выдачею им билета для проезда на пароходе в Галац, куда они являются, ставя наше консульство в крайне затруднительное положение требованием денег для возврата в Россию. Имея в виду, что большинство этих людей отправилось в Сербию при содействии Славянского комитета, казалось бы, что на нем лежит некоторая нравственная обязанность не дать им погибнуть в чужой стране или ожидать от капитанов австрийских пароходов, содержащих сообщение между Галацом и Одессою, милостивого разрешения на бесплатный проезд на пароходе. Ввиду этого, ваше сиятельство, быть может, изволите признать возможным определить некоторые средства для оказания помощи таким несчастным и указать как в Галаце, так и в Бухаресте лиц, которые именем Славянского комитета заботились бы о возвращении волонтеров на родину.

В заключение считаю долгом сообщить вашему сиятельству, что в Букаресте существуют еще два женских благотворительных комитета*, из коих один под председательством г-жи Ценович, напечатавшей воззвание в «Голосе», а другой под председательством г-жи Пулиевой, воззвание коей при сем имею честь приложить. Первый из них не представляет, сколько мне известно, больших гарантий, так как председательница его г-жа Ценович—жена незначительного торговца, дела коего в настоящее время пошатнулись. Что же касается до второго, то он пользуется здесь большим кредитом как по своему составу, так и по личности своей председательницы г-жи Пулиевой, близкой родственницы г. Евлогия Георгиева и представляющей все ручательства солидности и добросовестного отношения к принятым на себя обязанностям.

Письмо это, как заключающее оценки отдельных личностей, предназначалось мною для личного сведения вашего сиятельства, но так как оно писано единственно в интересах дела, которое не может не быть мне, как и всякому русскому, дорого — я не встречаю со своей стороны препятствий к тому, чтобы вы, милостивый государь, если изволите признать это полезным, сообщили оное весьма доверительно г. председателю Московского благотворительного комитета.

Дипломатический агент и генеральный консул Стюарт

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 101, лл. 9—17. Подлинник.

1. Д. Ф. Стюарт ошибается, когда ставит знак равенства между Болгарским человеколюбивым настоятельством 1875 и 1876 гг. БЧН было основано 21 августа 1875 г. правыми кругами революционной организации (см. док. 20). После разгрома Апрельского восстания, когда во главе национально-освободительного движения стало правое крыло революционной организации со своими комитетами — БЦБО, «старые», также создали 10 июля 1876 г. свой комитет под получившим уже известность названием — «Болгарское человеколюбивое настоятельство».

2. Н. Геров действительно был одним из вдохновителей политики «старых», с которыми поддерживал самые тесные отношения.

3. Об отношениях Ивана Грудова и некоторых других деятелей, находящихся под влиянием «старых», к БЦБО см. прим. 2 к док. 168.

4. Недоверие барона Д. Ф. Стюарта, приверженца «старых», к БЦБО и к К. Цанкову не было оправдано. Все средства, поступавшие от славянских комитетов и болгарских колоний в Румынии, расходовались на набор и отправку добровольцев в Сербию (НБВК—БИА, Кассовые книги БЦБО, ф. 56, II В 1664, кн. I и II; 58, стр. 13—26).

№ 261

1876 г. сентября 11 (23). — Донесение русского посла в Лондоне
П. А. Шувалова А. М. Горчакову об английских предложениях
по урегулированию Восточного вопроса

London

En clair: Vous ai expédié hier lettre détaillée par Pétersbourg¹.
En chiffre: Ainsi que traduction du texte original des instructions à Elliot: status quo ante pour Serbie et Monténégro, simultanément pour Herzégovine et Bosnie système d'autonomie locale et administrative qui donnerait à la population un contrôle sur ses propres affaires locales et la garantirait contre exercice d'une autorité arbitraire; il n'est pas question de création d'états tributaires comme la Serbie et la Roumanie; garantie d'un ordre similaire pour Bulgarie, dont détails devront être discutés plus tard. Derby entend par là, que s'il existe en Bulgarie, Herzégovine

* При БЦБО и БЧН; о них см. примечание к док. 157.

et Bosnie on ne peut s'engager a priori aux institutions autonomes identiques; il suffit qu'elles soient analogues et puissances les discuteront. Derby considère que cette rédaction répond exactement aux deux bases de paix convenues. Elliot également chargé obtenir prolongation suspension². L'Autriche a consenti à appuyer démarche anglaise, Allemagne aussi, si la Russie d'accord³.

Je crois préférable de ne pas tarder à nous associer, puisque cela inaugurerait négociations de paix et insister plus tard si nous constatons fausse interprétation. Se séparer en ce moment serait jouer jeu de la Turquie. Je dois ajouter que les bulgares intéressant les anglais beaucoup plus que les autres slaves, pas à présumer que le gouvernement les abandonne*.

En clair: Viens de recevoir télégramme d'aujourd'hui. Derby parti, ne le verrai que mardi.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 78, лл. 208—209 об. Копия.

Перевод

Лондон

Открыто: Отправил вам вчера подробное письмо через Петербург¹

Шифром: Вот перевод оригинального текста инструкций Эллиоту: status quo ante для Сербии и Черногории; одновременно для Герцеговины и Боснии система местной и административной автономии, что предоставит населению контроль за своими собственными делами и гарантирует его от произвола властей; речь идет не о создании трибутарных государств, как Сербия и Румыния; гарантии подобного же рода порядков для Болгарии, подробности которых должны обсуждаться позднее. Дерби подразумевает под этим, что если такие порядки существуют в Болгарии, Герцеговине и Боснии, то нельзя склоняться a priori к установлению идентичной автономии; достаточно, чтобы она была аналогична, и державы ее обсудят. Дерби считает, что эта редакция точно отвечает двум основам предполагаемого мира, Эллиоту также поручено добиться продолжения перемирия². Австрия согласилась поддержать английский демарш, Германия также, если Россия будет согласна³. Я полагаю, что для нас предпочтительнее не запаздывать с присоединением, так как это открыло бы переговоры о мире, — и настаивать позднее, если мы установим ложное толкование. Отделиться в настоящий момент — это значит играть на руку Турции. Я должен добавить, что болгары интересуют англичан гораздо более, чем другие славяне; нельзя допустить, чтобы правительство их покинуло**.

Открыто: Только что получил сегодняшнюю телеграмму. Дерби уехал, увижу его только во вторник.

1. 12 (24) августа 1876 г. сербский князь Милан обратился к великим державам с просьбой оказать поддержку в деле заключения перемирия с Турцией. С конца августа и до конца октября 1876 г. в Лондоне происходили переговоры между П. А. Шуваловым и английским министром иностранных дел Дерби по вопросу о перемирии и условиях мира между Сербией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией, с другой.

В данном документе, отправленном А. М. Горчакову через Петербург в Ливадню, где тот находился, участвуя в совещании царя с министрами по вопросам подготовки войны, дается изложение оснований мира, предложенных английским кабинетом. Английский кабинет в принципе согласился на созыв конференции, хотя и не выразил желания стать ее инициатором (см. прим. 4 к док. 199). А. М. Горчаков настаивал прежде всего на заключении перемирия между воюющими сторонами. Кроме того, он предлагал полную автономию для Боснии, Герцеговины и Болгарии (см. док. 275). В сентябре была достигнута договоренность между русской и английской сторонами

* На полях против настоящего абзаца помета Александра II: Qu'en pensez-vous? la remarque de Shouvalow mérite d'être prise en considération. Il me semble que nous pourrions dire que nous nous y associons en nous réservant d'examiner les détails de l'autonomie, pour les trois provinces pendant les négociations.

** Помета Александра II: Что вы думаете об этом? Замечание Шувалова заслуживает того, чтобы принять его во внимание. Мне кажется, что мы могли бы сказать, что мы присоединимся к этому, сохраняя за собой право рассмотреть детали автономии для трех провинций во время переговоров.

я 9 (21) сентября 1876 г. английские предложения были окончательно сформулированы. Они были включены в инструкцию английскому послу в Константинополе Эллиоту для представления Турции. Английское правительство пошло на сотрудничество с Россией под нажимом общественного мнения (90, стр. 200).

2. В результате представления, сделанного великими державами, Турция согласилась лишь на 10-дневное перемирие (с 4 по 15 сентября). После вмешательства Эллиота перемирие было продлено до 2 октября (90, стр. 200; 51, т. II, стр. 77).

3. Австро-Венгрия согласилась поддержать английские предложения лишь при условии предоставления чисто локальной автономии восставшим провинциям Порты. Германское правительство заявило, что хотя оно и не заинтересовано в восточных делах, но оно поддерживает английские предложения в целях единства действия держав (92, стр. 300). Франция и Италия безоговорочно присоединились к английским предложениям (51, т. II, стр. 76).

№ 262

*1876 г. сентября 12 (24). — Телеграмма А. С. Зеленого
Д. А. Милютину о нежелательности удаления из Сербии
М. Г. Черняева*

Константинополь

Всякая мысль о возможности удаления теперь из Сербии Черняева, одного или с офицерами, одинаково пагубна была бы для хода военных действий ввиду обаяния его имени на турок.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7622, л. 176. Копия.

№ 263

*1876 г. сентября 13. — Письмо гофмаршала двора цесаревича
Александра В. В. Зиновьева М. Г. Черняеву о затруднениях
в отправке вооружения в Сербию*

С.-Петербург

Милостивый государь Михаил Григорьевич!

Порученное вами письмо на мое имя графу Келлеру я получил и по желанию вашему имел честь передать его высочеству. Как вы можете себе представить, содержание письма вашего в высшей степени интересовало великого князя, но, несмотря на все его желания, некоторых вещей, о которых вы мне пишете, его высочество не в состоянии исполнить, именно о доставке ружей и артиллерии, т. е. по крайней мере в настоящую минуту, так как государь император находится теперь в Крыму. Перепискою это довольно затруднительно исполнить, а сами в Крым мы попадем никак не ранее 3 недель.

Насчет отправления кадров в Болгарию и вооружения страны его высочество вполне разделяет ваше мнение и ни в каком случае не думал содействовать исполнению этого предприятия, впрочем, я долгом считаю объяснить вам, что и ген[ерал] Фадеев, который вначале имел этот план* и очень горячо взявшийся было за приведение его в исполнение, теперь большею частью изменил оный и предполагал бы послать эти кадры в Болгарию в таком только случае, если бы Россия объявила войну Турции и вошла бы в ее пределы.

Что же касается поручения, которое вы дали капитану Лаврентьеву, узнать через меня у его высочества, будет ли вам, в случае окончания

---

* См. док. 259 и прим. 4 к нему.

настоящей войны, разрешен свободный въезд в Россию, то его высочество ответил, что положительного на этот счет он ответа в настоящее время дать не может, но нимало не сомневается, что вам никакого препятствия делать не будут, на что употребит и все свое влияние, и когда вы вернетесь, то с удовольствием примет вас ¹.

Пожелав вам, со всей Россиею, самого полного успеха в святом деле, которое вы предприняли, я с глубоким почтением и преданностью остаюсь весь к услугам вашим

В. Зиновьев

ОПИ ГИМ, ф. 208, к. св. 3. Автограф.

1. Отношение Александра II к М. Г. Черняеву было отражением противоречивости и непоследовательности внешней политики России в Восточном вопросе в 70-е годы XIX в. Сугубо внешнеполитическими мотивами объясняется то гнев Александра II на поступки Черняева (см. док. 113), запрещение ему въезда в Россию (см. док. 323), то полное забвение всех его проступков (ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 436, л. 53 и об., 55). Отношение же наследника, будущего Александра III, к Черняеву, в силу его совершенно иных взглядов на пути разрешения назревших проблем на Балканах, было всегда милостивым и покровительственным.

№ 264

1876 г. сентября 13*. — Телеграмма К. Цанкова И. С. Аксакову с просьбой о присылке денег для БЦБО

Полученные от [вас] деньги израсходованы. Поправление дел вызывает нужду в средствах. Центральное общество не располагает средствами, решило отнестись к вам с просьбой снабдить его как можно скорее. Михаил Григорьевич торопит нас посылать людей.

Цанков

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1265. Черновик.

№ 265

1876 г. сентября 14. — Письмо Д. А. Милотина министру финансов М. Х. Рейтерну о возможности войны с Турцией и необходимости финансовой подготовки к мобилизации войск

Ливадия

Весьма секретно

Милостивый государь Михаил Христофорович!

С высочайшего соизволения имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что дипломатические сношения по Восточному вопросу принимают такое направление, которое может поставить Россию в необходимость взяться за оружие, вопреки всем усилиям дипломатии устранить прискорбную эту необходимость и несмотря на то, что настоящее время есть самое невыгодное для начатия военных действий.

* Дата определена по письму БЦБО к Московскому славянскому благотворительному комитету от 14 сентября (см. Н. Чехларов. Документи по българското възраждане. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. ХХII—ХХIII, София, 1906—1907, стр. 14, док. 130).

На днях ожидается из Вены ответ на весьма категорический вопрос, поставленный австро-венгерскому кабинету¹, а вслед затем русский посол г[енерал]-а[дъютант] Игнатъев должен отправиться в Константинополь, чтобы принять участие в предстоящих переговорах об условиях мира. В случае, если обнаружится окончательно, что мы не можем идти далее заодно с Австро-Венгрией и Англиею, — война делается неизбежною. При этом, если окажется возможным «локализовать» войну, т. е. если разрыв будет только между Россиею и Турциею, то государь император изволит предполагать мобилизовать войска только четырех округов: Кавказского, Одесского, Харьковского и Киевского. Если же можно будет опасаться, что Турция найдет поддержку некоторых других держав, то придется ставить всю армию на военное положение.

Главному штабу поручено сделать хотя приблизительный расчет тех расходов, которые потребуются собственно для мобилизации войск каждого округа, дабы можно было сообразить, какие финансовые средства необходимо приготовить на случай мобилизации четырех ли только названных выше округов, или всей армии. Исчисление это будет сообщено вашему высокопревосходительству. Ныне же считаю своею обязанностью лишь предварить вас о возможности неблагоприятного оборота дел и притом даже не в далеком будущем, полагая, что ваше высокопревосходительство признаете нужным представить по этому предмету ваши соображения на высочайшее благоусмотрение государя императора.

Примите, м[илостивый] г[осударь] и прочее.

Подписал: Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8589, лл. 3—4. Заверенная копия.

1. После того как Сербия потерпела несколько поражений, царское правительство пыталось оказать поддержку балканским славянам так, чтобы при этом не столкнуться с Австро-Венгрией. На Рейхштадтском свидании 26 июня (8 июля) 1876 г. Александра II и А. М. Горчакова с Францем-Иосифом и Д. Андраши было условлено, что если обстановка потребует активных выступлений, то Австро-Венгрия и Россия будут действовать по взаимной договоренности.

7 сентября в Ливадии на совещании Александра II по делам внешней политики обсуждался составленный Горчаковым проект письма к австрийскому императору. «В письме, — писал Д. А. Милютин, — ставится категорически вопрос о дальнейших планах Австрии: хочет ли она идти заодно с нами, на основании английских предложений, и ввести свои войска в Боснию, когда мы введем свои в Болгарию, а союзный флот вступит в Босфор?» (51, т. II, стр. 80).

Успехи турок в Сербии заставляли Россию торопиться с подготовкой армии к мобилизации. 10 сентября на совещании в Ливадии стоял вопрос о мобилизации войск в некоторых округах.

№ 266

1876 г. сентября 15. — Отношение Д. А. Милютина главнокомандующему Кавказской армией вел. князю Михаилу Николаевичу о подготовке к войне с Турцией

№ 351

Ливадия

Государь император, по всеподданнейшему докладу содержания записки, приложенной к рескрипту вашего высочества от 10-го сего сентября, относительно распоряжений по сосредоточению войск на кавказско-турецкой границе¹, и по выслушании словесных по тому же предмету объяснений генерал-майора Павлова, высочайше соизволил одобрить изложенные в этой записке соображения и утвердить сделанные уже

распоряжения; а вместе с тем повелел, впредь до разъяснения политических обстоятельств, не приступая пока к полной мобилизации войск Кавказской армии, ограничиться ныне неотлагательным приведением в исполнение лишь следующих мер:

1. Искупить недостающее число лошадей для запряжки всех 8 орудий и к ним 8 ящиков во всех батареях Кавказской гренадерской, 39-й и 41-й артиллерийских бригад, и поспешить сформированием в сей последней бригаде недостающих батарей.

2. Добавить необходимое число подъемных лошадей для запряжки полкового обоза, в размере, соответствующем настоящему составу частей, до приведения в полный военный состав.

3. Привести в должное устройство, соответственно предположенному составу действующих отрядов, материальную часть артиллерийских парков и военно-врачебных учреждений, не искупая пока лошадей.

4. Принять меры, чтобы в случае мобилизации войск для тех частей, которые не находятся в местах своего постоянного расположения, укомплектования могли быть направлены кратчайшими путями к их нынешнему расположению, для чего потребуются своевременная перевозка в попутные пункты хранящихся запасов обмундирования, снаряжения и вооружения.

О таковых высочайших указаниях довожу до вашего сведения.

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1876 г., д. 29а, л. 53 и об. Копия.

1. Посол в Константинополе Н. П. Игнатъев предложил собрать сильный корпус в Закавказье на границе под видом учебного лагеря, чтобы помешать Турции перебрасывать из азиатской части империи свои войска на Балканский полуостров. В конце июля Александр II одобрил предложение Н. П. Игнатъева, по телеграфу было отдано приказание произвести передвижение войск. Генерал-майор Павлов, начальник окружного штаба Кавказской армии, прибыл в Ливадию 14 сентября 1876 г. с докладом о сосредоточении русских войск на турецкой границе согласно распоряжению Александра II (51, т. II, стр. 53, 61—62).

№ 267

1876 г. сентября 15. — Письмо Н. В. Мезенцова А. Б. Лобанову-Ростовскому о запрещении славянским комитетам формировать добровольческие дружины

№ 2048

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

В III отделении собственной его императорского величества канцелярии получены сведения, что Славянский благотворительный комитет занимается, между прочим, отправкою в Сербию разных лиц, в том числе крестьян, заявляющих желание отправиться в качестве добровольцев в армию генерала Черняева, а также, что нижегородское купечество открыло в своей среде подписание для организации с тою же целью целого полка волонтеров под названием «Нижегородской* дружины»**.

По представлении мною о сем государю императору его величество высочайше повелеть изволил: формирование подобных дружин воспретить.

* «Нижегородской» написано над зачеркнутым «Новгородской».

** См. док. 253 и 254.

О таковой высочайшей воле имею честь уведомить ваше сиятельство для зависящего исполнения.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Николай Мезенцов

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1876 г., д. 818, л. 144. [Подлинник.]

№ 268

1876 г. сентября 15 (27). — Из передовой статьи газеты «Вперед!» «Русские перед южнославянским вопросом»

Этот раз мне опять приходится говорить о болезненных явлениях в общественной жизни России, и притом о явлениях, которые, по свидетельству большинства очевидцев, охватили со страшной быстротой почти всю Россию.

Друзья, посторонние свидетели и противники укоряют «Вперед» за молчание относительно того «славянского движения», которое наполняет чуть не все страницы русской дозволенной прессы, соединяет правительственных лиц в одном порыве со вчерашними крепостниками и порицателями реформ, со вчерашними либералами и недовольными полицейским фазисом царствования Александра II, со вчерашними биржевыми эксплуататорами и «культурными» жуирами, со вчерашними плакальщиками о бедствиях народа, наконец, с самим этим разоренным, голодающим народом; того движения, которое бросает ежедневно сотни русских волонтеров из всех классов общества и из всех лагерей в Белград и на берега Моравы.

Один из «постоянных читателей» между прочим пишет во «Вперед»: «Пренебрегать этим увлечением и пробуждением народных масс было бы с вашей стороны нерасчетливо даже ввиду ваших целей» [...]

Этот «постоянный читатель» настолько усвоил себе читанное, что предлагает даже напечатать во «Вперед» нечто вроде шовинистски-революционной прокламации к «русским людям», призывая их к войне за «единокровных и единоверных братьев», против воли «старого, больного и трусливого царя», который «один становится против народного увлечения». Наивный читатель-революционер доходит далее до следующих умозаключений: «Не хочет царь быть предводителем народа — народной совести, не хочет идти с нами спасать наших братьев? Долой его — он не наш, потому что голос крови в нем не заговорил и он мог остаться холоден к нашему увлечению».

Рядом с этим наивным революционером особого рода, более близкие люди требуют, чтобы «Вперед» высказал свой взгляд на «общерусское» движение, чтобы он напомнил вырабатывающимся русским социалистам-революционерам о той точке зрения, которая одна может руководить их в этом случае.

С большою неохотою берусь за перо, чтобы посвятить несколько страниц вопросу, о котором в настоящую минуту говорить здоровому и трезвому человеку почти совершенно бесполезно, среди повального опьянения одних и притворного опьянения других.

Каких читателей я могу иметь в виду в настоящую минуту?

Неужели настоящих, выработанных социалистов? Неужели из них есть хотя один, который не понимает, что всякое увлечение, отвращаю-

щее внимание общества от экономической болезни, в нем существующей, есть вред для социалистического дела; что всякое сближение эксплуатируемого народа с его эксплуататорами в общем порыве есть помеха социально-революционной агитации против существующего порядка; что для социалиста братья «единоверные» суть только *социалисты*, братья же «единокровные» суть все страждущие, все подавленные; что для него резня беззащитных болгар и насильование болгарок башибузуками есть лишь один из эпизодов постоянного и повсеместного варварства господствующих классов и их наемной администрации и солдатчины над массами, которых избивают здесь, хронически морят голодом там, хронически отравляют и калечат на тысяче фабрик; над массами, из которых хронически гонят определенный процент женщин на проституцию? Все сколько-нибудь рассудительные социалисты давно дошли до азбучного убеждения, что страданиям масс не могут помочь войны, которые передадут территорию из одного государства в другое, не могут помочь перемены правительственных лиц, не могут помочь изменения политических конституций; что единственное спасение — в экономическом перевороте, который сделал бы работника господином своего труда и устранил бы всякую эксплуатацию масс меньшинством¹.

Все это должно быть так хорошо известно русским социалистам, что повторять им подобные вещи даже совестно; им нужно было бы иное; им нужны были бы точные сведения о том: насколько русское правительство искренне или лживо в своих действиях в настоящую минуту и что можно ждать от этого правительства в ближайшем будущем? Насколько искренне и насколько притворно и раздуто пыншее движение в русском обществе в пользу южных славян? Насколько движение затронуло ряды той молодежи, из которой они, социалисты, вербуют своих приверженцев, и насколько поэтому сама социально-революционная пропаганда должна приостановить или видоизменить свою деятельность ввиду совершающихся событий?

Это — вопросы, бесспорно весьма важные, и если бы мы имели возможность, не шарлатая, ответить на них определительно и точно, то, конечно, это было бы нашею обязанностью. Но на первый вопрос, озабочивающий всю тысячеглазую и тысячеухую прессу Европы, не могут с полною уверенностью отвечать никакие подсматриватели и подслушиватели дипломатических переговоров. На остальные же два вопроса могли бы ответить лишь внимательные наблюдатели *из самой России*. К сожалению, сведения, доставленные в редакцию по этому предмету, слишком недостаточны, чтобы можно было по ним составить какое-нибудь точное суждение и сообщить читателям определенные указания. Наши товарищи в России одни могли бы помочь нам в этом отношении, и я надеюсь, что со временем мы будем иметь достаточный материал для оценки современного движения, но — со временем, а не теперь.

Приходится в настоящую минуту ограничиваться соображениями, которые в одном случае имеют не более достоверности, как десятки соображений, высказываемых ежедневно разными газетами Европы; приходится в других случаях рассматривать, опять-таки по соображению, разные возможные случаи при существующей комбинации обстоятельств, при тех отрывочных указаниях, которые сообщают нам частью газеты, частью корреспонденции и частные письма, относя весьма многое к модному настроению в печатных данных, к личной обстановке в частных сведениях, и стараясь добраться до истины сквозь пыль, поднятую общественным стадом, сквозь туман, напущенный теми, которые спекулируют на прекрасных словах, добраться до истины лишь при свете общих принципов рабочего социализма, освещающих существенные черты современного общественного строя.

Постараюсь сделать это хотя бы для некоторых вопросов, относящихся к рассматриваемому предмету, предоставляя читателям в России исправить ошибки, которые избежать едва ли было возможно при данных обстоятельствах.

Русское правительство, по-видимому, и в настоящем фазисе (Восточного вопроса) продолжало свою двоящую политику, несравненно менее глубокую и последовательную, чем воображают многие враждебные и дружественные ему исследователи. Конечно, с давних времен всем изменяющимся «руководителям» этой политики хотелось господствовать на Босфоре, но желание захватить жирный кусок не есть еще политика. Она предполагает определенное отношение к обстоятельствам, к обстановке предмета своего желания, к средствам, которые могут вести к цели, к условиям, которые делают исполнение желания возможным или невозможным.

Условия господства российских императоров на Босфоре были всегда одни и те же: собственная государственная сила самой русской империи; особенное положение турецкого правительства относительно его подданных, мусульман и немусульман; дипломатические отношения европейских держав к России и Турции; отношения славянских народов, находящихся в турецком подданстве, к России и к своему правительству.

По старой рутине, со времен Екатерины и до настоящей минуты все внимание «руководителей» русской политики было обращено на третьи из этих условий, на дипломатические отношения держав, но при этом русская дипломатия, излишне прославленная своею хитростью, все-таки не умела ни обставить эти отношения так, чтобы иметь шансы победы за себя, ни воспользоваться удобною минутою, которая иногда представлялась, ни рассчитать собственные силы, когда рещалась действовать. Всегда «европейские комбинации» мешали военным успехам русских войск, или войска оказывались не готовы и правительство нерешительным в надлежащую минуту, или государственные силы были брошены в войну при таких условиях, когда были возможны и действительно осуществлялись против русского императорства коалиции почти всех стран Европы; дипломаты русских императоров, как и следовало ожидать от чиновиного лакейства, воспитанного в рабологии и в мелких придворных интригах, вечно чего-нибудь не доглядят или перетонят свои хитрые комбинации; и потому результат вековых забот русского императорского правительства о Восточном вопросе был один: страшная трата собственных государственных сил, возбуждение всеобщего недоверия к русским дипломатическим целям, полное политическое уединение России, как державы. Пока русское правительство будет тем, что оно есть, оно не может рассчитывать ни на какие искренние и прочные союзы; оно может, для своих дипломатических целей, воспользоваться лишь случайным раздором других держав, невозможностью для них действовать в союзе против него.

В последнее время во всех странах значение дипломатических сношений, союзов и трактатов, явных и тайных, было подвергнуто сомнению. В царствование Александра II убедилась в необходимости изменить характер своих действий и русская дипломатия. Поэтому она стала брать в соображение и другие упомянутые условия русского господства на Босфоре, именно, положение турецкого правительства относительно его подданных и отношение славянских народов к своему и к русскому правительству. Тут были мыслимы два *прямо противоположные* плана: или господство на Босфоре при помощи славянских народов, которых предстояло привлечь к русской императорской политике, употребить как орудие или как маску для низвержения турецкого владычества и

затем установить над ними господство императорской русской политики; или господство на Босфоре при помощи самого турецкого правительства, отношение которого к его подданным вынуждает его прибегнуть к посторонней помощи для своего существования. Каждый из этих планов был страшно труден в исполнении, так как и там и тут приходилось бы победить недоверие к русскому императорскому правительству, к тому же недоверие, оправданное длинным рядом предыдущих фактов.

Но русское правительство принялось за задачу еще похитрее: оно вздумало, по-видимому, *одновременно* осуществить *оба* эти *противоположные* плана. В лакейских и в министерствах русского императорства велись одновременно два рода интриг: одни лица — конечно, с ведома императора — выступали друзьями славян, имели центральное агентство славянской агитации в доме русского священника в Вене, содействовали словесным и печатным демонстрациям в пользу славян и всеми силами старались отождествить себя со славянскими интересами, никогда, конечно, не ставя определенной программы для будущности славян и охотно бросая по временам намеки на «всеславянское царство», на «старшинство» России в союзе с «младшими» ее братьями и т. д.; другие лица — не только уже с ведома, но и с официального согласия императора — выставляли Россию бескорыстным и искренним защитником принципа легитимности в Константинополе, как повсюду, другом султана против всяких его «мятежных» подданных и, следовательно, врагов всех славянских тенденций к освобождению и самостоятельности. Само собою разумеется, что одновременное допущение подобных двух *прямо противоположных* политик могло только вредить каждой из них и выставлять Россию, как государство, в свете самого позорного двоедушия.

Это с особенною яркостью высказалось в течение последнего волнения в Боснии, Герцеговине и Болгарии, которое обратилось в настоящую минуту в войну Сербии и Черногории с их официальным государем. В то самое время, как шло волнение и все более распространялась открытая борьба славян, причем участие некоторых агентов, поддерживаемых русскими средствами, было неоспоримо, в это самое время «мефистофель Востока», знаменитый генерал Игнатъев, вел прямо противоположную политику, выставлял Россию первым и единственным другом выжившего из ума развратника, султана Абдул-Азиза, обещал ему поддержку России против его подданных, и вел свои интриги таким образом, чтобы султан и дипломатические представители Европы в Константинополе, одинаково испуганные возрастающим фанатическим возбуждением мусульманского населения, сами пригласили бы русские войска в Константинополь для защиты легитимного турецкого престола и европейской цивилизации². Вследствие этого славянское движение было парализовано положением, которое занимал русский посол в Константинополе, и в ту минуту, когда возбуждение в Боснии и в Болгарии было всего сильнее, Сербия и Черногория были удержаны двоедушием русского правительства. Когда Сербия и Черногория бросились наконец в битву, движение в Болгарии было уже подавлено бесцеремонным варварством турок, а движение в Боснии было настолько слабо, что боснийская граница Сербии стала немедленно одним из базисов военных действий турецких войск. Поддержка России, которая могла бы быть весьма действительна для славянского движения в его разгаре, если бы она была решительна, при двоедушии русского правительства вызвала только долгие колебания Сербии и Черногории, истребление десятков тысяч беспомощного населения в Болгарии и то крайне сомнительное положение дел в Сербии, которое мы видим теперь.

Само собою разумеется, что чересчур хитрая политика Игнатьева в Константинополе должна была в свою очередь потерпеть фиаско и потерпела его. «Мефистофель» не взял в соображение особенность отношений султана к его подданным, полное отсутствие в мусульманском мире понятия о приверженности к *лицу* султана, который для мусульмана священ[ен] лишь как *должность*. Небольшой дворцовый переворот, в тайну которого были посвящены сотни лиц и которого тем не менее не мог предотвратить генерал Игнатьев, разом разрушил все его хитрые планы.

И вот русское правительство брошено *обстоятельствами* в союзники *революционеров* Боснии и Герцеговины, принуждено *обстоятельствами* поддерживать честолюбивые планы славянских князьков, когда вовсе не в интересах его дипломатии образовать новые сильные славянские государства. Оно колеблется, оно одной рукой разжигает среди славян и собственных подданных порыв *революционного* противодействия *законному государю* подавить мятеж, с другой стороны, старается парализовать всякую энергическую попытку славянских народов образовать сильное политическое целое. Оно не имеет и не может иметь *никакой* ясной политической программы по славянскому вопросу в настоящую минуту: его программа не *может быть* тождественна ни с программой славянских населений, ни с программой их предводителей, потому что программа славянских населений есть *революция* подданных против своего государя, что противоречит принципу русского императорского правления; программа предводителей славян есть образование одной или нескольких сильных славянских держав на нижнем Дунае, что противоречит всякому плану господства России на Балканском полуострове в том или в другом виде³. Стремление же установить это господство в настоящее время не осуществимо, если какая-либо новая глупость или мошенничество западных держав не побудит славян обратиться к покровительству русского императора.

Как бы ни кончились нынешние восточные осложнения, можно быть *почти* уверенным, что ими русское правительство всегдашних желаний своих не достигнет, т. е. его влияние на Балканском полуострове не усилится; и можно быть *совершенно* уверенным, что роль, которую русская дипломатия и русское правительство играли в последние месяцы, была вовсе не результатом рассчитанного плана, искусных комбинаций, но что это правительство и эта дипломатия здесь были игрушками обстоятельств, не от них зависевших; что они пытались применяться к этим обстоятельствам, пытались эксплуатировать их в свою пользу, двоедушничали по обыкновению, но нисколько не руководили ходом дел, потому что никогда не вдумались надлежащим образом в *действительное* состояние дел среди славянского и мусульманского населения Балкана.

Я не нахожу нужным даже останавливаться на самом первом условии возможности господства Российской империи на Балкане, именно, на усилении собственной страны в экономическом и нравственном отношении таким образом, чтобы Россия, как государство, могла иметь или нравственное или политическое влияние на соседние народы. Мне слишком часто приходилось уже повторять рассказ о том, как русское правительство разоряло и продолжает разорять народ русский, как оно давило и продолжает давить в России всякое проявление самостоятельной мысли, которое могло бы придать России нравственное влияние на соседей.

Обратимся к общественному мнению, насколько оно высказалось в России в настоящее время по поводу юго-славянской борьбы.

Первый вопрос, который при этом представляется: насколько это движение искренне, или раздуто теми, которые думают сделать из него подмостки для *своего* возвышения, орудие для *своих* целей? Насколько

оно обще всем классам и местностям России, или ограничено в своем распространении?

По-видимому, странно и ставить вопрос об искренности движения, которое наполняет все газеты, вызывает повсеместные демонстрации; но те люди, которые припомнят тон газет и адресов, форму демонстраций в апреле и мае 1866 года ⁴ и в то же время припомнят, насколько в этих демонстрациях отсутствовала всякая искренность, насколько они почти всюду были не более, как орудиями заявления верноподданнических чувств со стороны лиц, имевших в виду что-либо выиграть этим путем, — те люди склонны вообще смотреть скептически на подобные общественные заявления, «дозволенные высшим начальством». Что и ныне кое-где движение раздуто и заявления составляют следствие личного расчета, это неоспоримо. При рабских привычках нашего общества всякое общественное заявление, *не запрещенное* правительством, кажется разным мелким властям заявлением, которое для правительства *желательно*, и эти мелкие власти лезут из кожи, чтобы сделать *желательное* правительству и тем выказаться пред ним в наилучшем свете.

Журналисты пытаются обратить на себя внимание, говоря в тон *модному* движению ввиду увеличения числа подписчиков и подавления соперников по подписке. Люди разных классов находят выгодным для себя играть роль волонтеров сербского дела, когда им невозможно играть никакой роли. Люди, преследуемые кредиторами, бегут омываться от своих долгов в крови турок, и нам известно не одно имя *героя*, прославленного газетами, который нашел удобным *этим* путем выйти из весьма неудобных обстоятельств, предоставляя иногда кредиторам утирать слезы о его геройской смерти его же неуплаченными векселями. Люди расчетливые умеют всегда ковать себе пользу из чужих увлечений и из чужих страданий. Мы имеем несколько свидетельств в том, что во многих местностях, где желание подделаться под предполагаемые цели власти было менее сильно, и модное настроение имело несколько иной характер, увлечение отсутствовало. Так, из одного центра в юго-западном крае писали от 25 августа (6 сентября). «. . . Вы не можете себе представить, с каким эгоистическим равнодушием, с какою тупою апатиею все здешнее общество, за ничтожными исключениями, смотрит на славянскую борьбу. . . Представьте себе — барыни наши предпочитают продавать старые вещи жидам, вместо того чтобы отослать их славянским семействам!»

И в газетах можно найти из разных местностей указания на то, что «общество» старалось весьма часто ставить на первое место *свои* заботы, *свои* интересы; старалось свалить на других приносимые жертвы; плясало, пело и веселилось во имя братьев-славян и тратило на них гораздо более прекрасных слов и высоких чувств, чем самоотверженных дел. Это совершенно попятно: что знало наше общество о славянах? Что могло оно знать о них? При отсутствии всякого знакомства с положением этих «братьев», что могло связывать наших чиновников и дельцов, наших жуиров и спекуляторов, или наш голодающий рабочий народ, поглощенный ежедневными заботами о насущном хлебе, с этими далекими для него единоплеменниками? Для рабочего народа еще можно говорить о единстве религиозных верований, но для нашей интеллигенции, которая неспособна выйти из своих ежедневных дразг и мелочных интриг даже во имя этих призраков, нет уже, по-видимому, никакой побудительной причины к увлечению, следовательно — рассуждая последовательно — была бы весьма достаточная причина усомниться в искренности всего этого «общерусского» движения и отнести значительную долю его к правительству или к расчету.

Но это было бы ошибочно. Если взглядеться внимательно в жизнь нашего общества, то легко в ней открыть некоторые побуждения, вызываю-

щие общество на подобные увлечения безо всякого серьезного знания дела, на основании самых поверхностных, даже фантастических представлений о нем, и в таком случае, откидывая некоторую долю описываемого газетами движения на притворство или на личный расчет, окажется достаточное основание признать искренность этого движения в остальной его доле.

Я указывал уже в прошлом номере на пустоту жизни нашего общества, на что, впрочем, указания делаются литературою со всех сторон. Жизнь без цели, без плана, без идеала, жизнь культурного скота остается очень тяжелой для человеческой природы даже тогда, когда эта жизнь успела в значительной мере засосать человека и притупить все его человеческие стремления. Он об них отучился думать, но от их отсутствия осталось в нем тупая тоска, прорывающаяся или в мелочном семейном самодурстве, или в жадном лихоимстве, или в грязном разврате, или в тысяче других патологических симптомов, украшающих наше культурное общество. Это еще вернее для народа, который, среди неустанной работы из-за жизни впроголодь, среди вечных страданий и недостатков страдает еще полусознательно, но тем не менее мучительно жаждою добиться человеческой жизни, человеческих интересов, человеческого развития.

За границу история наработала множество фикций общественного интереса, которые *как будто* отвечают этим человеческим стремлениям; там рутина политических выборов и борьба политических партий, призраки конституций и законности, эфемерные девизы, унаследованные от прежних периодов, наконец, более или менее действительная свобода собраний, слова и прессы придают жизни видимую полноту и общественную связь. У вас ничего этого нет.

Скотская культура русской жизни не прикрыта никакими политическими фикциями. Понятно, что она тем ощутительнее. Но это самое делает русских гораздо более восприимчивыми ко всему тому, что *похоже* на действительную жизнь в чужих землях, и одно из числа русских наслаждений есть наслаждение переживать в воображении человеческие — или кажущиеся человеческими — моменты иностранной жизни за отсутствием всякой человечности в собственной жизни.

Так, цивилизованные русские «времен Очакова и покоренья Крыма» среди грязи и татарства своей помещичьей жизни переживали элегантные формы двора Людовика XV, или полемику энциклопедистов с клерикалами. Так, крепостники карамзинского периода проливали слезы над произведениями, в которых отражалась борьба за начала, совершенно чуждые России. Так общество, раздавленное под каблуком ботфорта Николая, увлекалось революционным движением 1830 и 1848 годов, сенсимонизмом и фурьеризмом. Так и в настоящее время всякое революционное движение, всякое человеческое возбуждение масс вызывает невольное волнение в среде русского общества.

Не будучи в состоянии сами переживать политических и общественных движений, русские жаждут и теперь переживать их воображением. Рабы упиваются в мысли рассказами о чужом порыве к свободе; наиболее пылкие единицы готовы пойти в ряды гарибальдийцев, коммунаров, славян, лишь бы участвовать в чем-нибудь, похожем на историческую жизнь, которой они так вполне лишены у себя дома. И это относится не только к интеллигенции. Мне рассказывали очевидцы, как жадно русские крестьяне слушали рассказы человека, только что вернувшегося из Парижа после коммуны, как их глаза горели, когда им говорили, что там рабочие бились за *свою* общину, и хотя были раздавлены, но так дело не останется и скоро опять «дойдет до ножей».

Конечно, для пустой и бесцветной русской жизни борьба славян с турками — героическая эпопея. Единоплеменность, единоверность и т. д. —

дело не существенное и только облегчает возбуждение сочувствия. Главное дело — борьба притесненных с притеснителями. Русский человек, принадлежит ли он к интеллигенции или к народу, знает или по крайней мере смутно чувствует, что он вечно был задавлен и притеснен. Никогда он не мог ни говорить, ни думать, ни дышать свободно. Застенки, пытки, каторга, третье отделение, казематы, остроги — грозят всем; хищники всех видов и форм напускаются на массы рабочего люда. И между тем русские интеллигентные классы не имеют в своей истории ни одной страницы общественной борьбы за право говорить, думать и дышать свободно, а страницы истории народных восстаний втоптаны в грязь русскими историками. Русский человек, если он не стал в ряды социалистов-революционеров — а их еще так немного, — не видит в настоящую минуту около себя ничего указывающего на пробуждение политической жизни, не решимость бороться против царства биронов, аракатеевых и клейнмихелей, традицию которого продолжают шуваловы, потаповы, тимашевы. И вдруг, с разрешения начальства, он может выказывать свое сочувствие другим подавленным, другим притесненным, которые решились жить политической жизнью, решились бороться против притеснителей. Точно так же, как верноподанные Людовика XVI рады были дозволению сочувствовать Вашингтону и Франклину и посылали из своей среды людей драться за дело свободы и независимости, которая отсутствовала во Франции старого режима, так в настоящую минуту русские как будто чувствуют себя немножко людьми из-за того, что говорят открыто о своем сочувствии мятежникам против султана, производят публичные и печатные демонстрации в пользу этих возмущившихся подданных, плют из своих рядов людей на борьбу за свободу, за независимость, которой опять-таки нет и не предвидится им у себя дома.

Русский человек привык всю жизнь тратить на заботу о куске хлеба или о наживе, на мелкое ограждение себя против мелких врагов или на пустые интриги из-за чина и места [. . .] и вдруг ему представляется возможность, при той же самой обстановке, участвовать словом, мыслью, даже делом в человеческом возбуждении, в борьбе за широкий общественный вопрос. Совершенно понятно, что он упивается этим проблеском человечности в своей скотской жизни; совершенно понятно, что он искренно хочет быть человеком с людьми, борющимися за человеческий вопрос; он искренно воображает себя участником в человеческом деле. . .

Поэтому искреннее опьянение, искреннее увлечение в данном случае совершенно понятно. Для всего этого «культурного» общества, погрязшего в мелком разврате и не имеющего другой цели в жизни, кроме погони за наживой, конечно, лучший исход — отдать деньги, наворованные ими самими или их отцами, на борьбу славян за независимость и самим пойти под турецкие пули биться за босняков и сербов⁵. Никогда им не придет в голову употребить свою жизнь на дело, действительно полезное для масс; никогда их император не поведет их в бой за какое-нибудь дело действительно честное, действительно благодетельное для русского народа; никогда они не почувствовали и не почувствуют своей обязанности помочь голодающему, страждущему, вымирающему русскому народу; никогда русское, действительно русское дело — не дело русского императора — не заставит их кровь закипеть в жилах, не пробудит в их душе сознательной решимости на серьезную борьбу. Для русского народа, для русского дела они слепы и глухи. Пусть по крайней мере тратят свои деньги и свои силы на то, чтобы помогать делу иных народов. Из-за чего они ни бьются, но если они бьются среди масс, верящих, что бой идет за общее, народное дело, это все-таки действительно вносит в жизнь наших культурных людей нечто человеческое, способное сделать их восприимчивее и к каким-либо другим человеческим впечатлениям.

Мы не имеем ни слова порицания и для людей из народа, идущих биться за славян против их притеснителей. При вечной опасности, грозящей жизни простолюдина, в голодной избе, на фабрике, на железной дороге, жертвы из народа падают всюду лишь на пользу хищному правительству и жадному капиталу. Это громадное число жертв домашней эксплуатации не может значительно увеличиться теми жертвами, которые падут на Мораве. Но, может быть, те, которые вернутся из добровольной борьбы рядом со славянами, воображающими, что они отстаивают свою свободу, принесут домой более решимости встать при случае и на другую борьбу, на борьбу за действительную свободу народов.

Итак тем, которых поглотила грязь русской культурной жизни, тем, которых подавила безысходная борьба с голодом русского рабочего, тем, для которых нет на Руси человеческих целей жизни, человеческих идеалов, тем, для которых самоубийство, как мы видели в прошлый раз, есть единственный человеческий исход из жалкого существования — тем мы не говорим ни слова против их увлечения и опьянения: это опьянение понятно; этот исход естествен[ен]; если 16-тилетний Базаров в Екатеринославе, которого не пустили в Сербию, застрелился, как рассказывают газеты, находя, что «теперь всем так худо живется, что положительно не стоит жить», — его напрасно не пустили; пусть бы лучше он умер, воображая, что умирает за великое дело, чем смотря с отвращением на все окружающее.

Но в рядах, идущих на бой, есть люди, которые, по-видимому, искренно воображают, что у них есть некоторый план жизни, некоторый политический идеал, и что они могут осуществить этот план, этот идеал в борьбе, которая кипит на Балканском полуострове. Этим следует разогнать свои иллюзии. Туда можно идти биться из какого-нибудь расчета, из невыносимой тоски и пустоты русской жизни, из желания подраться, но никакие политические идеалы там осуществлены быть не могут⁶.

Я уже не говорю об идеале русских консерваторов. Этим смешно и думать, что они осуществляют свой идеал, подавая помощь мятежникам против их законного правительства.

Русские патриоты-государственники также ошибаются, предаваясь подобной иллюзии. Если европейские дипломаты не наделают новых глушостей и подлостей, то, как сказано выше, влияние Российской империи на Балкане скорее ослабеет, чем усилится вследствие торжества славян; последнее приведет лишь к основанию независимых славянских держав, для которых судьба Малороссии и Польши будет, надо думать, достаточно поучительна, чтобы они не стали под покровительство русского императорства.

Всего более кричат и всего более жалки в этом случае группы русских либералов, которые искренно или притворно опьянены настоящей борьбою. Они жаждут конституционных прав для себя и для других народов, и что же готовят они России и славянским народам в случае торжества дела, которое их опьяняет?

Для Сербии занавес, скрывающий будущее, уже отдернут частью: страна, имевшая конституцию, чуть не сделалась в последние дни сценою военного переворота; с очевидного тайного согласия придворной клики Милана и Натальи, легионы сербские провозгласили перемену конституции, не подумав даже о Скупштине и о законности, и комитет семнадцати, как древний сенат римской империи Гордианов и Дидиев Юлианов, одобрил действия легионов-законодателей. Писали даже, что легионы генерала Черняева просто отменили конституцию и провозгласили короля сербов Милана самодержавным. Точного подтверждения этому еще не было, но оно и не особенно нужно: там, где войско может провозглашать

королей и присягать им, не заботясь о законном порядке, законный порядок исчез, и конституция написана на пуле солдатского ружья.

Нам, социалистам, нет причины дорожить конституциями, так как мы слишком хорошо знаем их ценность для народа, но если господа либералы радуются этому ходу вещей, как осуществляющему их политический план правового государства, мы можем только пожалеть их.

А что готовит торжество Черняева с компаниею для России? Я не знаю г. Черняева; по слухам, это человек талантливый, энергический и умевший привлечь к себе солдат во время ташкентского похода. Допустим, что это все так и что он, точно, как военная личность, далеко выше других представителей военного дела в России. Дело возможное. Но что принесет его триумфальное возвращение в Россию? Дело ясное, что партия полусгнившего фельдмаршала Барятинского восторжествует над партией министра Милютина⁷; последний будет сменен, и влиятельными лицами на сцене русской внутренней императорской политики сделаются гг. Черняевы, Комаровы, Монтеверде, наконец, Фадеевы, слишком знаменитые изобретатели «культурной России». Для нас торжество той или другой партии в русском императорском правительстве совершенно безразлично, так как обе они нам одинаково враждебны, но так ли оно для убежденных русских либералов? Итак, господа либералы думают осуществить свои политические планы при торжестве черняевской партии? Итак, для осуществления фадеевской программы «культурной России» эти господа зовут русских жертвовать свои деньги и свою кровь на Балканском полуострове? Жалкие политические планы! Жалкие политики!

Но есть более радикальные общественные теоретики, которые отказались от идеала законности и буквальной конституции; для них безразлична Скупщина и Милан; для них народный порыв южных славян к свободе и независимости все оправдывает, и если войско, состоящее из большинства взрослого населения, в своем порыве к национальной войне затоптало букву конституции, оно, по их мнению, в своем праве. Если бы сербы провозгласили Николая черногорского или даже генерала Черняева своим королем, эти теоретики «общественного спасения» оправдали бы их. Под чьим знаменем, во имя какого принципа, под какою фирмою идет борьба за народное благо, это для них безразлично. Здесь дело идет, говорят они, о благе подавленных народов, и должно помогать этой борьбе под знаменем самодержавного Милана, как под знаменем федерации славянских республик; должно биться за это знамя.

Народы всегда знают, за что они дерутся, и если они даже берут своим боевым криком предрассудочный призрак, он все-таки должен вести за собою всех, кто желает народного блага. Подобные воззрения ставят, конечно, борьбу вандейцов, неаполитанских лаццарони, наварских карлистов и защитников невольничества в южных штатах Северной Америки совершенно на один исторический уровень со всеми проявлениями борьбы за свободу и развитие.

Но я на этом пункте останавливаться не буду. Мне достаточно остановиться на задаче «блага народов», «общественного спасения», которую ставят себе теоретики этого направления.

Неужели история не научила их, что «общественное спасение» не может быть куплено борьбою с одними эксплуататорами для усиления других? Неужели они не знают, что «благо народа» не заключается в том, как будет называться его повелитель, какой он будет веры и на каком языке он будет говорить, но в устранении всякого повелителя-хищника, высасывающего жизнь из народа? Во имя «общественного спасения», во имя «народного блага» возможна одна война, война неизбежная и обязательная; но в этой войне на стороне народов не будет стоять ни одна партия господствующих классов, предводительствовать в этой войне будут не

Черняевы; благословлять эту войну в церквах не будут; потому что эта война за «общественное спасение» и за «народное благо» будет война против всех основ современного общества. *Никакая* нынешняя война не может иметь *действительно* целью народное благо.

Остаются социалисты, убежденные социалисты. В начале боснийского движения находились в их рядах верующие, что это движение может иметь социально-революционный характер. Они должны были в этом разубедиться. Но, как слышно, и теперь еще есть между ними личности, которые искусственно обманывают себя надеждою, будто в том или другом углу волнующегося югославянства можно драться во имя социального начала, когда рядом встречаются хоругви, присланные из Москвы, противопоставляя христианский фанатизм мусульманскому; когда рядом провозглашают королем Милана, чуть ли не готовы провозгласить каким-нибудь князем Болгарии или Герцеговины не то русского великого князя, не то генерала Черняева; когда из каждой капли текущей славянской и турецкой крови пытаются извлечь себе выгоду политические партии и дипломаты разных стран. . . Кто добровольно ослепляет сам себя настолько, чтобы увлекаться подобными иллюзиями, с тем рассуждать уже невозможно. . .

Заключу сказанное. Те русские, которые идут драться на Балканский полуостров из личного расчета, знают прекрасно, что они делают. Те, которые рвутся туда из грязи и пустоты нынешнего русского быта, чтобыдохнуть хоть раз историческою жизнью, потому что не видят для себя другого человеческого исхода; те, которые бьются из влечения чувства, потому что в данную минуту, в данном месте страдают определенные люди и волнение крови гонит присутствующих при боине принять участие в борьбе; те, которые не имеют пред собою никакой социальной или политической задачи — опять-таки вправе идти в бой за славянское дело: едва ли они способны в данную минуту на что-либо иное. Но те, которые хотят в своей жизни быть борцами за какую-нибудь общественную цель, за какую-нибудь серьезную идею, должны бы увериться, что ни под знаменем Милана и Черняева, ни в союзе с ними никакая идея осуществлена быть не может; что кровь увлеченных славян льется в данную минуту во имя инстинктов масс, а не во имя их блага, во имя интересов нескольких личностей, а не во имя интересов народа. Истинный социалист с грустью смотрит на это опьянение, на эту эпидемию и ждет, чтобы пришел час *его* дела.

«Вперед!», 1 октября (19 сентября) 1876 г., Лондон, стр. 585—598.

1. Для группы «Вперед» характерна недооценка значения национального вопроса и национальной борьбы.

2. Автор ошибался, думая, что общественное движение в России, ставившее целью помощь борющимся южным славянам, было результатом «интриги» царской власти. Неверно и мнение о том, что первенствующая роль принадлежала «русскому священнику в Вене», т. е. М. Ф. Раевскому. О характере этого движения см. 59. Позиция султана Абдул-Азиза определялась не столько политикой Н. П. Игнатьева, сколько стремлением турецкого правительства найти поддержку своей реакционной политике со стороны царя (49, стр. 91—92).

3. Характеристика внешней политики России неверна. Русское правительство с самого начала движения стремилось добиться автономии южным славянам. Рейхштадтское соглашение в русской записи предусматривало образование самостоятельных княжеств на Балканском полуострове (76, стр. 146).

4. Речь идет о демонстрациях сочувствия славянам, происходивших в период Славянского съезда в Москве в 1867 г. О нем см. 61.

5. Автор ошибается относительно источников средств, собиравшихся в пользу славян. И. С. Аксаков писал: «Две трети пожертвований внес . . . бедный, обремененный нуждою, простой народ» (1, стр. 228).

6. Сравните оценку С. М. Степняка-Кравчинского (док. 10, 11, 31).

7. Имеется в виду борьба, ведшаяся реакционной партией фельдмаршала князя А. И. Барятинского против Д. А. Милютина и проводившихся им реформ в русской армии. С пропагандой взглядов Барятинского в печати выступил генерал Р. А. Фадеев.

№ 269

1876 г. сентября 17. — Письмо А. Н. Хвостова И. С. Аксакову о вербовке добровольцев для Сербии среди кубанских и терских казаков

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Только несколько часов, как вернулся из объезда Кубанской области, начиная с Кавказской станции вниз по Кубани до Екатеринодара и вверх по Лабе. Я проскакал на перекладных пять суток и был в 32 станицах. Раздавая при сем прилагаемое воззвание, я в то же время в кратких словах знакомил со славянским делом и предлагал станичным атаманам сделать сбор пожертвований в пользу своих неимущих добровольцев. Несмотря на дурные экономические условия, присущие в настоящее время всей России, явилась масса охотников. Излишняя формальность получения заграничных паспортов и какая-то неспособность к самостоятельности были причинами, что из среды столь воинственного сословия поехала в Сербию только горсть.

Жаль, что славянские комитеты Москвы и Петербурга, истрачивая большие деньги на оборванцев, игнорировали превосходный элемент, гордость нашей армии, кавказских линейных казаков, сподвижников Слепцова, Бакланова и других; в каждой станице находятся десятки однообразно одетых, с ног до головы вооруженных георгиевских и других кавалеров. Снаряжение их требует очень малого расхода, и только терские, наиболее бедные, просят пособие. Имея время и достаточно средств, можно сформировать целые бригады героев.

Я не велел брать огнестрельного оружия, во-первых, потому, что их таннеровские карабины и пистонные пистолеты никуда не годятся, и, во-вторых, потому, что рискуем не провезти чрез границу. Если достану в Сербии лошадей, об которых казаки так заботятся, то сформирую лихой дивизион; если же нет, то из них будут пластунские пешие сотни. Первое было бы наиболее желательно, линейцы лучшие кавалеристы в мире, гораздо выше донских и принесут большую разностороннюю пользу. Разные обстоятельства, главное — большое расстояние и единичное усилие к великому моему прискорбию, сделали невозможным мое выступление с отрядом в предполагаемый срок; я выступаю с терскими 24 сентября и в четырех станциях по железной дороге на Ростов заберу кубанцев, потомков запорожских казаков; я думаю, что всего наберется свыше 250 человек.

Так как я получил от Чихачева согласие на провоз морем из Ростова или Таганрога, по моему усмотрению, то я и избираю этот путь во всех отношениях более удобный, тем более, что железные дороги, хотя и изъявили согласие на даровой провоз, но с разными чиновничьими закорючками. Соболаговолите распорядиться о беспрепятственном провозе из Одессы в Белград через местный славянский комитет. О движении отряда в конечных пунктах буду телеграфировать.

Прошу принять, милостивый государь, мое совершенное почтение и глубокое уважение вашего покорнейшего слуги

А. Хвостов

Р. С. Во Владикавказе предположили видеть во мне агента вашего комитета, вероятно, потому, что я выразил некоторым о готовности вашей содействовать мне в предпринятом на мой риск деле. Подобная мистификация иногда ставит меня в неловкое положение отбиваться от докучливых просьб пособий отставного не казачьего люда, но с воинственными наклонностями и рьяными поклонниками Бахуса.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, лл. 46—48 об. Автограф.

№ 270

1876 г. сентября 17. — Письмо Т. И. Филиппова И. С. Аксакову об организации русско-сербского благотворительного комитета в Белграде

Дорогой Иван Сергеевич!

Предложение ваше об устройстве в Белграде комитета обсуждалось вчера в нашей комиссии, которая поручила мне сообщить вам следующее:

1. Мысль об учреждении комитета она признает столь же достойною осуществления, как и вы.

2. Но прежде всего она находит безусловно необходимым выделить из круга деятельности этого комитета все те дела, которые вверены заведованию Дандевиля *, так как эти дела, по самому свойству своему, требуют быстрых распоряжений, коим коллегияльный способ действий комитета мог бы послужить в большей части случаев помехой. Посему комиссия и сама полагает, и вас просит усердно принять и усвоить ее мысль: чтобы вся собственно военная часть была выделена из круга действий комитета и была поручена как нами, так и вами Дандевилю единолично. Ему для этого нужны не советники, а верные и послушные исполнители, которых, если он не найдет на месте, необходимо ему подыскать и послать. Само собою разумеется, что в тех случаях, когда Дандевилю потребуетя совет комитета, он будет обращаться к его помощи, — и наша мысль такова, чтобы, освободив его от стеснений в распоряжениях по военной части, все-таки сделать его членом этого комитета, с целью постоянного с ним общения, а также и по надежде на то, что участие Дандевиля в комитете будет полезно во всех отношениях.

3. При Дандевиле, вроде его помощника, должен был состоять кн. П. П. Мещерский, который, к сожалению, еще не успел нам из Белграда написать. В Белграде же теперь и Г. А. Деволан, член нашей комиссии, вполне преданный делу, умный, способный, сведущий, и, сверх всего, обеспеченный, даже, как кажется, богатый, вот, кроме Дандевиля, два готовые и великолепные члена предполагаемого белградского комитета — со стороны русской. Больше трех русских, конечно, и не нужно: ибо многочисленный комитет обыкновенно никуда не годится. При этом назначение еще особого уполномоченного представляется вообще излишним, если же говорить *ad hominem***, то, пожалуй, и не безвредным.

Наша комиссия *in pleno**** составила себе о Вискватове не очень благоприятное для него мнение. Мы все согласно думаем о нем, как о человеке решительно *неспособном* для такого поручения. Не говоря ничего о его нравственных свойствах, которые вне всякого упрека (в моем, по край-

* С.м. док. 256.

** В отношении данного лица (лат.).

*** В полном составе (лат.).

ней мере, мнени), я ни за что не поручил бы ему вести отчетности, например: так как он непременно в ней запутался бы и поставил бы себя в самое тяжелое положение. Нравственного и умственного влияния он производить не в силах, как человек очень ограниченный и плохо образованный (хотя и профессор). Многим очень не нравится и то, что он возится с «Голосом», не чувствуя к этой гадине столь естественного при настоящих обстоятельствах отвращения¹. Потом кое-кто из прибывших из Сербии и слышавших его сообщения нашей комиссии находит большую разницу между его мнениями и воззрениями белградскими и здешними: из одной печи, да не одни речи. Вот сколько причин не посылать туда Висковатова, если только найдется средство его отклонить от этой поездки и, главное, если наш отзыв подействует на вас и внушит вам те же относительно его поездки в Белград намерения. Будем ожидать от вас ответа, и если вы согласитесь на то, чтобы членами белградского комитета были Дандевиль, Деволан и кн. Мещерский и чтобы один из них был облечен особенным доверием Московского и нашего комитета, то я сумел бы, может быть, найти такие обороты речи, которые, не оскорбляя Висковатова, могли бы его отклонить от поездки. Да слышим же паки о сем!

Имя Дандевилья — Виктор Десидериевич! Адрес — Белград.

4. Комитет из сербов и русских, хорошо составленный и имеющий во главе митрополита Михаила, необходим, кроме прямой его цели, и для того, чтобы улеглись — увы! уже возникшие между сербами и русскими и все идущие в гору неудовольствия².

Из моего письма вы видите, что наша мысль об учреждении белградского комитета почти ничем не отличается от вашей, кроме того, может быть, что мы более выделяем из комитета деятельность Дандевилья; он, впрочем, лучше нас сумеет там пайти ту грань, которая должна отделять его особливую деятельность от его деятельности как члена комитета.

Остается, стало быть, вопрос личный о Висковатове. Некоторые из наших думают, что вы будете поддерживать свой выбор quand même*; а моя вера в вас такова, что вы по толику лишь будете его держаться, по колику им связаны; получив же свободу, вероятно, вы уступите нам.

Всей душой преданный вам Т. Филиппов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, лл. 42—43 об. Автограф.

1. Отрицательное отношение Т. И. Филиппова к газете «Голос» объяснялось позицией последней в Восточном вопросе. В общем сочувствуя славянам, «Голос», однако, выступал против вовлечения России в войну с Турцией, боясь возникновения общеевропейской войны.

2. Появившиеся трения между русскими и сербами объяснялись военными неудачами сербской армии, разочарованием в эффективности помощи добровольцев, усилившейся недисциплинированностью добровольцев и т. п.

№ 271

1876 г. сентября 18. — Телеграмма А. М. Горчакова А. И. Нелидову о возможности подписания предварительных условий перемирия между Сербией и Турцией при условии решения болгарского вопроса

[Livadie]

En chiffres: Départ Ignatiev remis à mardi¹. Reçu expédition 13 septembre. Trouvons comme vous que préliminaires ne peuvent être signés

* Тем не менее (фр.).

que lorsque question de Bulgarie sera sortie du vague où la placent les instructions reçues par Elliot*.

Революция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 36, л. 165. Отпуск.

Перевод

[Ливадия]

Шифром: Отъезд Игнатъева отложен на вторник¹. Получил послание 13 сентября. Находим, как и вы, что прелиминарии могут быть подписаны лишь, когда вопрос о Болгарии выйдет из неопределенности, в какую ставят его инструкции, полученные Эллиотом.

1. Н. П. Игнатъев находился в это время в Ливадии, участвуя в совещаниях Александра II и его министров, происходивших с 9 сентября по 7 ноября н. ст. В телеграмме говорится о предполагаемом отъезде Игнатъева в Константинополь 21 сентября ст. ст. (см. 51, т. II, стр. 83). Он вернулся в Константинополь 19 октября н. ст.

№ 272

1876 г. сентября 18. — Записка Д. А. Милютинна о запрещении увольнения в отставку русских офицеров

Ливадия

Государь император, разрешив увольнение в отставку штабс-капитана *Боича*, поручика *Ресаваца* и прапорщика *Тепавского*, как уроженцев земель Балканского полуострова, высочайше соизволил подтвердить повеление¹ о прекращении, впредь до особого распоряжения, увольнения в отставку офицеров.

Вместе с тем его величеству угодно, дабы офицерам, уволенным до получения отставки в отпуск, было приказано возвратиться к своим частям; относительно же тех из них, которые, как усматривается из отзывов командиров частей, не дождавшись увольнения в отставку, уже отправились на театр военных действий, высочайше повелено произвести строгое исследование, каким образом они были снабжены заграничными паспортами.

Подписал: военный министр генерал-адъютант

Милютин

ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 386, л. 18 и об. Копия.

1. Имеется в виду секретное повеление Александра II от 29 августа 1876 г. (см. док. 236 и примечание к нему).

* См. док. 261.

№ 273

1876 г. сентября 19. — Из перлюстрированного письма за подписью «Вол. С» поэту А. Н. Плещееву в Петербурге о злоупотреблениях при расходовании пожертвований в пользу Сербии и о недостатках системы вербовки добровольцев

Курск

Пожертвования в пользу сербов собираются всякими, даже самыми неблагоприятными средствами, расходуются же деньги эти чисто по произволу, куда ни пошало! Волонтеры вербуются таким образом, что одних соблазняют золотыми горами в будущем, а с другими торгуются, как при найме извозчиков. Кроме того, при самом поверхностном разговоре, вы сразу увидите, что во всех этих агитациях сербы не при чем, а вся штука в том, чтобы самому отличиться, повелевать. Ей-ей, иные прямо говорят: «вот еще, отправлять деньги Черняеву или в Славянский комитет! Мы лучше снарядим партию человек в 20, по крайней мере, всякий будет видеть, что мы не сидели сложа руки. Да еще почему знать: может быть, впоследствии медали станут давать за это? А что пойдут туда пьяницы¹, велика важность! Все равно, кого не подставлять под пули!»

И после этого неужели можно думать, что славянское дело выиграно? Ведь такое отношение нашей провинциальной интеллигенции я видел не в одном здешнем, но и, быть может, в десяти других городах, где побывал за это время! Неужели наше правительство не знает, что образованное-то общество собственно только шутит, а истинно сочувствует один безгласный плебей?

Военные говорят, что у них в сущности ничего не готово, начиная с солдат и кончая разными припасами, хотя на бумаге все отлично. . .

Кроме того, военные не слишком-то рвутся в поход. Это последнее тоже неутешительно! Просто ничего не разберешь!

Помета: Получено от государя императора 5 октября.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 463, лл. 1—2. Копия.

1. Вербовка добровольцев происходила как в центре, так и в провинции. Помимо Москвы и Петербурга, широкую деятельность развернули комитеты Новочеркасска, Екатеринодара, Владикавказа, Нижнего-Новгорода, Орла, Казани, Самары, Астрахани и некоторые другие. Кроме добровольцев, посылавшихся славянскими комитетами, довольно значительное число ехало самостоятельно (преимущественно на свой счет, иногда на счет частных жертвователей). Отбор добровольцев происходил не всегда строго (особенно этим отличился Одесский комитет), что приводило к просачиванию случайных людей, компрометировавших затем своим поведением добровольческое движение (59, стр. 64.)

№ 274

1876 г. сентября 19. — Письмо БЦБО министру иностранных дел Сербии И. Ристичу * об оказании содействия в организации болгарских формирований в Делиграде

№ 145

Букурещ

Ваше превъзходителство!

Българското благот[ворително] централно общество, съставено на 10 юли в Букурещ, вижда с голямо благодарение, че се е почнало вече

* Письмо ошибочно адресовано Христичу, как министру иностранных дел.

организирането на български отделни батальони в Делиград. Осъществението на това дело, вярваме, ще може да изглади всичките ония неприятности и недоумения, които бяха се породили за жалост между сърби и българи в начало още на войната и тъй да заякчи още повече любовта между два братя-народи, на които силата е винаги в тяхното съгласие.

Ваше превъзходителство, вие имате възможност да съдействувате най-много в това наше желание, като отстраните всичките препятствия, които би посрещнало организирането на българите в едно отделно тяло; това ще ви привърже един цял народ. Святото дело на днешната война, като има великата цел за освобождението на поробените братски славянски народи от турското иго, вярваме, че вие винаги ще имате предвид и интереса на нашия народ и ще го защитавате тъй също, както би правили и за вашия. Такова поведение от страна на ваше превъзходителство ще може да привлече не само уважението на един едноплемен братски народ, но и да улесни делото на славянското обединение на Восток.

С най-дълбоко почитание, оставаме на ваше превъзходителство
най-покорни слуги настоятелството

НБВК—БИА, ф. 56, II Д 1350. Копия.

№ 275

1876 г. септември 21. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову о затруднениях в согласовании позиции России и Англии в Восточном вопросе

[Livadie]

Je vous accuse la réception de votre lettre du 10/22 septembre, qui nous est parvenue par la voie de Pétersbourg ¹.

Nous attendons le courrier direct que vous nous avez annoncé.

Le manque d'occasion m'oblige à prendre également le détour de Pétersbourg d'où vous receviez toutes les pièces diplomatiques de nature à vous renseigner.

Je crois donc inutile de m'étendre sur une situation qui se modifie d'une heure à l'autre et où le fil électrique devance la correspondance écrite.

Je crois toutefois nécessaire d'éclaircir un point essentiel celui de l'entente présumée entre le cabinet de Londres et vous sur les bases de paix.

Vous vous rappellerez dans quels termes ces bases nous ont été communiquées par vous *. Nous les avons aussitôt acceptées avec deux conditions: que le Monténégro ne serait pas oublié dans les négociations et qu'une large autonomie serait assurée aux provinces, y compris la Bulgarie. Mr Nélidow ** reçut l'ordre d'appuyer ces propositions aussitôt que son collègue d'Angleterre *** en aurait pris l'initiative.

Cependant les scrupules du comte Andrassy contre les autonomies ² ont ébranlé lord Derby. **** Pour les écarter il a cru devoir y donner à Vienne un sens très restreint. Les versions qui nous parvenaient à cet égard de différentes côtés étaient assez vagues, mais peu rassurantes.

* См. док. 261.

** Управляющий русским посольством в Константинополе во время отсутствия Н. П. Игнатъева.

*** Генри Эллиот.

**** См. примечание к док. 261, 271.

S'il ne s'était agi que de rendre ces bases assez élastiques pour qu'une entente générale fut possible, nous n'aurions pas eu d'objection. Mais s'il s'agissait de leur donner d'avance une interprétation défavorable nous ne pouvions pas nous engager à y souscrire. C'est pourquoi nous avons prescrit à mr Nélidow de se borner à appuyer la demande d'armistice et de prendre ad referendum les propositions faites sur les conditions de paix. Cet ordre a été révoqué à la suite de vos explications. Il nous a paru qu'il n'y avait pas parti pris d'éluder dans la pratique le principe des autonomie, mais qu'on voulait seulement réserver l'étude des particularités locales, notamment en Bulgarie. Dès lors nous n'avons pas cru devoir retarder l'entente désirée, d'autant plus que l'armistice y était lié et que tout délai eut prolongé l'effusion du sang³. Nous avons autorisé mr Nélidow à s'associer aux propositions anglaises comme bases de pacification, en réservant seulement le jugement définitif du cabinet impérial sur l'application qui serait donnée au principe d'autonomie.

Mais toute incertitude s'est dissipée lorsque nous avons eu connaissance des instructions données à sir Henry Elliot. Elles ne laissent pas la question ouverte, elles la résolvaient d'avance dans le sens le plus restreint. Les autonomies se réduisaient à assurer aux populations de la Bosnie et à l'Herzégovine un certain contrôle sur l'administration et quelques garanties contre l'arbitraire des fonctionnaires. Quel contrôle? Quelles garanties? Pour la Bulgarie il s'agissait de moins encore, il n'était question que de quelques mesures destinées à remédier à la mauvaise administration du pays et dont les détails seraient réservés à une discussion ultérieure.

En somme c'était revenir simplement à la dépêche du comte Andrassy du 30 décembre dernier. Après ce qui c'était passé c'était une véritable dérision!

Aussi lorsqu'il s'est agi de transformer ces propositions en préliminaires de paix, avons-nous dû prescrire à mr Nélidow de s'abstenir tant que l'interprétation pratique des autonomies n'aurait pas été précisée. Depuis lors vous avez vu que les turcs refusent les propositions des puissances⁴, ils objectent contre le mot même d'autonomie, et rejettent jusqu'à la modeste garantie d'un protocole. Ils rentrent dans leur système invariable d'écarter l'action diplomatique de l'Europe, en la devançant par des réformes spontanées, dont la valeur n'est que trop connue. Lord Derby devrait comprendre enfin que cette action diplomatique irrésolue qui irrite les turcs sans les effrayer ne peut avoir que de déplorables conséquences.

Tant que l'Europe ne sera pas unie sur un programme modéré, mais avec des garanties positives, et sur une pression énergique, on n'obtiendra rien des turcs. C'est rendre un mauvais service au sultan lui-même, qui ne pourrait puiser la force nécessaire pour contenir le fanatisme révolutionnaire des musulmans qu'en s'appuyant sur la crainte d'une intervention unanime de l'Europe.

Notre conviction est faite à cet égard. Nous voudrions éviter une action isolée, mais nous ne pouvons pas nous associer à une action sans dignité, sans franchise et sans efficacité.

Nous attendrons les décisions de Londres à la suite de nos propositions et du refus de la Porte. L'idée d'un ultimatum sans menaces effectives, nous paraît un moyen usé. Les turcs n'y verront qu'une preuve de plus de l'absence d'un accord réel pour l'action et par conséquent de l'impuissance de l'Europe.

Je vous ai fait connaître notre avis sur une conférence des représentants à Constantinople. Nous avons malheureusement des preuves positives de l'influence pernicieuse que sir Henry Elliot continue à y exercer.

Recevez . . .

Резолюция Александра II: БЫТЬ ПО СЕМУ.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 79, лл. 202—207. Отпуск.

Я подтверждаю получение вашего письма от 10 (22) сентября, отправленного через С.-Петербург ¹.

Мы ожидаем прямого курьера, о котором вы нам говорили. Отсутствие оказания заставляет меня также пользоваться окружным путем через Петербург, откуда вы получите все дипломатические документы, могущие дать вам сведения.

Считаю в связи с этим бесполезным распространяться о положении, которое изменяется с часу на час и при котором телеграф опережает написанное.

Однако я считаю необходимым разъяснить один главный пункт — о предполагаемом соглашении между лондонским кабинетом и вами об основаниях мира.

Вспомните, в каком виде эти основы были нам первоначально сообщены вами. Мы тотчас же приняли их при двух условиях: чтобы Черногория не была забыта при переговорах и чтобы широкая автономия была обеспечена за провинциями, в том числе и за Болгарией. Господин Нелидов получил распоряжение поддержать эти предложения, как только его английский коллега возьмет на себя инициативу.

Однако предубеждения графа Андраши против автономии ² поколебали лорда Дерби. Чтобы устранить их, он счел нужным придать ей в Вене весьма ограничительный смысл. Версии, доходившие до нас по этому поводу с разных сторон, были довольно неопределенны, но мало утешительны.

Если бы речь шла только о том, чтобы сделать эти основания мира достаточно гибкими с тем, чтобы общее соглашение стало возможным, мы не имели бы возражений. Но если речь идет о том, чтобы заранее дать им невыгодное толкование, мы не могли подписать. Вот почему мы предписали господину Нелидову ограничиться поддержкой просьбы о перемирии и принять *ad referendum* предложения, которые будут сделаны относительно условий мира. Это распоряжение было отменено после ваших пояснений. Нам показалось, что не было предвзятого стремления избежать на практике принципа автономии, а что было лишь желание оговорить изучение местных особенностей, а именно в Болгарии. С этого момента мы не сочли нужным задерживать желаемое соглашение, тем более что перемирие связано с ним и что всякая новая отсрочка продлила бы кровопролитие ³. Мы уполномочили господина Нелидова присоединиться к английским предложениям, как основе умиротворения, резервируя лишь окончательное суждение императорского кабинета о применении, которое получит принцип автономии.

Но неопределенность рассеялась, когда мы ознакомились с инструкциями, данными сэру Генри Эллиоту. Они не оставили вопрос открытым, они заранее разрешили его в наиболее узком смысле. Автономия была сведена к предоставлению населению Боснии и Герцеговины известного контроля над администрацией и некоторых гарантий против произвола чиновников. Какой контроль? Какие гарантии? Для Болгарии подразумевалось еще меньшее, речь шла лишь о некоторых мерах для исправления плохой администрации страны, подробности которых были бы подвергнуты дальнейшему обсуждению.

В общем это был просто возврат к телеграмме графа Андраши от 30 декабря прошлого года. После всего происшедшего это было бы настоящей насмешкой.

Так что когда зашла речь о переработке этих предложений в предварительные условия мира, то мы должны были предписать господину Нелидову воздержаться до тех пор, пока практическое толкование автономии не будет уточнено. С тех пор вы видели, что турки отвергли предложения держав ⁴, они протестуют даже против слова «автономия» и сводят все до простой гарантии протокола. Они возвращаются к своей неизменной системе — устранить действия европейской дипломатии, предупреждая их внезапными реформами, достоинство которых уже слишком хорошо известно. Лорд Дерби должен был бы наконец понять, что эти нерешительные дипломатические действия, которые раздражают турок, не пугая их, могут иметь только плачевные последствия.

До тех пор, пока Европа не объединится на основе умеренной программы, но с положительными гарантиями, и при энергичном нажиме, — от турок не удастся ничего добиться. Это значит оказать плохую услугу самому султану, который не может почерпнуть необходимую силу, чтобы сдерживать революционный фанатизм, опираясь только на страх перед единодушным вмешательством Европы.

Наше убеждение в этом отношении уже выражено. Мы хотели бы избежать изолированных действий, но мы не можем примкнуть к коллективным действиям, лишенным достоинства, правдивости и действительности.

Мы будем ожидать решений Лондона в ответ на наши предложения и отказ Порты. Мысль об ультиматуме без эффективных угроз кажется нам избитым средством. Турки увидят в нем только лишнее доказательство отсутствия настоящей согласованности в действиях и вследствие этого — бессилие Европы.

Я осведомил вас о нашем мнении относительно конференции представителей в Константинополе. Мы, к сожалению, имеем положительные сведения о пагубном влиянии, которое сэр Генри Эллиот продолжает там оказывать.

Примите . . .

1. В это время происходили совещания в Ливадии (см. примечание к док. 271), и переписка направлялась туда из Петербурга.

2. Граф Андраши решительно выступал против любого предложения, направленного к предоставлению Боснии и Герцеговине политической автономии, а также против раздела территории этих земель между Сербией и Черногорией (31, № 6, стр. 831—832).

3. По вопросу о перемирии шли длительные переговоры А. И. Нелидова с представителями турецкого правительства в Константинополе и между П. А. Шуваловым и Э. Дерби в Лондоне. В сентябре, когда совершенно ясным стало безнадежное положение Сербии, А. М. Горчаков предложил державам поддержать перед Портой требование о шестинедельном перемирии, чтобы тем временем обсудить создавшееся положение. Английский кабинет согласился с этим предложением. Но одновременно Г. Эллиоту была дана негласная инструкция поощрять турок к требованию шестимесячного перемирия, чтобы дать Турции возможность перегруппировать свои силы и вновь обрушиться на Сербию. Горчаков, поняв этот маневр, решительно возразил против шестимесячного срока. Кроме того, русская сторона считала необходимым в целях воздействия на Турцию временно оккупировать Боснию и Герцеговину австрийскими, а Болгарию — русскими войсками. Предлагалась морская демонстрация держав против турок.

Английское правительство, обеспокоенное этим заявлением России, направило в Ливадию английского посла Лофтуса для переговоров. Остальные государства поддержали русский вариант шестинедельного перемирия (92, стр. 301—302).

4. 2 (14) сентября 1876 г. Турция выдвинула требования: приезда сербского князя на поклон к султану, возвращения Турции четырех сербских крепостей, переданных Сербии в 1867 г., роспуска народного войска и ограничения вооруженных сил до 10 тыс. человек, репатриации эмигрантов из соседних турецких областей, разрушения вновь сооруженных укреплений, увеличения дани в качестве возмещения военных расходов, предоставления Турции права сооружения и эксплуатации железной дороги Белград-Ниш и, наконец, статус-кво для Черногории (102, стр. 231—232).

№ 276

*1876 г. сентября 21. — Предписание Д. А. Милютина
наказному атаману Войска Донского Н. А. Краснокутскому
доставить сведения о казаках, уехавших в Сербию*

Прошу ваше превосходительство немедленно доставить мне сведение, действительно ли отправилось в Сербию такое большое число казаков¹, как пишут в газетах, какой именно категории эти люди и с чьего дозволения отправились.

Милютин

ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 386, л. 19. Автограф.

1. Военное министерство было поставлено перед фактом вербовки казаков славянскими комитетами и беспокоилось о том, чтобы в число добровольцев не попали казаки призывного возраста. Телеграмма Д. А. Милютин учитывает решение Александра II провести мобилизацию войск Одесского, Харьковского и частью Кавказского округов (51, т. II, стр. 84). Для приведения в исполнение распоряжения царя уточнялись данные о состоянии войск. 24 сентября Д. А. Милютин запрашивает по этому вопросу и главнокомандующего Кавказской армией вел. князя Михаила: «Государю императору угодно знать, много ли ушло в Сербию казаков кубанских и терских и какого они разряда» (ЦГВИА, ф. 7/л. оп. 5, д. 383, л. 22).

№ 277

1876 г. сентября 21. — Письмо Д. А. Милютин М. Х. Рейтерну о подготовке к переводу войск Одесского, Харьковского и Кавказского округов на военное положение

Ливадия

Весьма секретно

Милостивый государь Михаил Христофорович!

В дополнение к письму моему от 14 сего сентября *, имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что государь император, имея в виду в самом непродолжительном времени привести на военное положение войска Харьковского, Одесского и части Кавказского округов, высочайше повелеть соизволил ныне же и со всею поспешностью приступить к предварительным распоряжениям относительно снабжения войск лошадьми и к заготовкам по интендантской части ¹. Его величеству угодно, чтобы ваше высокопревосходительство сделали распоряжение об отпуске потребных на этот предмет денежных средств в виде чрезвычайного сверхсметного кредита, размер которого должен быть определен на основании тех данных, которые выработаны в Главном штабе и Главном интендантском управлении и которые будут вам сообщены чрез канцелярию Военного министерства.

Исполняя сим высочайшую волю, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8589, л. 13 и об. Заверенная копия.

1. После того как «европейский концерт» под влиянием России отклонил турецкие условия мирного договора с Сербией, в середине сентября 1876 г. между великими державами завязалась бесплодная дипломатическая дискуссия по вопросу о прекращении сербско-турецкой войны. Обсуждалась английская программа мира и контрпроект России, по которому Босния, Герцеговина и Болгария должны были получить автономию; при этом предусматривалась оккупация Боснии и Герцеговины Австрией и Болгарии — Россией.

21 сентября в Ливадии была получена телеграмма от русского посла в Вене Е. П. Новикова о положительном отношении Франца-Иосифа к предложениям России. И хотя еще из Лондона не было положительного ответа, Александр II решил 21 сентября приступить к мобилизации войск Одесского, Харьковского и частью Кавказского округов. Д. А. Милютин записал в дневнике: «Государь озабочен тем, чтобы наши войска были готовы к наступлению не позже австрийских» (51, т. II, стр. 84).

Не выяснив еще полностью позиции великих держав, Россия проводила указанные военные меры, «не произнося пока слова мобилизации. . . , имея в виду окончательно объявить о мобилизации войск тогда только, когда не будет уже сомнения в необходимости вооруженного вмешательства» (там же, стр. 84).

* См. док. 265.

В духе принятых решений в Ливадии, 21 сентября военный министр дал указание начальнику Главного штаба самым «деятельным образом» приступить к предварительным распоряжениям к мобилизации на тот случай, если великие державы договорятся побудить Турцию силой оружия принять условия мира. Наступательные действия русской армии предполагалось вести одновременно с двух сторон — из Закавказья в Азиатскую Турцию силами Кавказской армии и из Бессарабии, через княжества, двумя корпусами — четырьмя пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями (65, вып. IV, стр. 7—8).

№ 278

1876 г. сентября 21. — Письмо Т. И. Филиппова начальнику Главного управления иррегулярных войск А. П. Богуславскому о возможности скупки старых винтовок у донских казаков.

№ 2212

Милостивый государь Александр Петрович!

Мне частным образом известно, что за выдачею в нынешнем году Донским казачьим полкам бердановских винтовок остались у казаков на руках в виде частной собственности прежние шестилинейные винтовки, заряжающиеся с дула.

В видах некоторых соображений имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать уведомлением меня, не встретится ли какого-либо препятствия в покупке у казаков помянутых винтовок доверенным лицом от комитета.

С совершенным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Подписал Т. Филиппов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 19, л. 17. Копия.

№ 279

1876 г. сентября 22. — Письмо БЦВО Одесскому славянскому благотворительному обществу с просьбой оказать содействие в организации болгарского добровольческого отряда на юге России и о необходимости добиться разрешения румынского правительства на формирование болгарских отрядов в Румынии

№ 158

Букурещ

Милостивые государи!

Положение болгарского народа с каждым днем делается все более и более критическим. Турецкие зверства и злоупотребления достигли до таких размеров, что довели народ до крайнего отчаяния¹. Крестьяне оставили свои полевые работы и начинают приготовляться для поднятия нового всеобщего восстания. В последнее время к нашему обществу были посланы из Болгарии несколько человек из самых влиятельных народных деятелей, организовавших и поднявших Апрельское восстание, чтоб спросить нас, какую помощь оружием и военными припасами можем дать мы народу для поднятия нового восстания, кроме того, можем ли мы исходатайствовать у румынского правительства не преследовать болгарское дело*, позволить болгарским отрядам организоваться на его терри-

* См. док. 166 и приж. 1 к нему.

тории и перевозить через Румынию оружие и военные припасы в Болгарию. Мы задержали этих людей в Букаресте, пока снесем с славянскими комитетами. Ныне с этою целью отправляем двух делегатов, г-на председателя Болгарского центрального благотворительного общества К. Цанкова и члена общества г-на П. Наботкова, чтоб лично объяснить подробности предполагаемого дела. По нашему крайнему убеждению, есть средство, которым можно помочь нашему несчастному народу, употребив которое, славянские комитеты и влиятельные славянские патриоты достигнут желаемых результатов в деле окончательного освобождения южных славян. Чтоб поднять новое восстание в Болгарии, по нашему мнению, необходимо следующее:

1. Дипломатическими переговорами русского правительства нужно добиться позволения румынского правительства беспрепятственно формировать болгарские отряды на ее территории и перевозить через Дунай оружие и военные припасы.

2. Организовать тайно сильный отряд в южной России и пустить его в Болгарию со стороны Черного моря. Черноморский берег менее всех охраняется турками в настоящее время.

Польза упомянутых предложений до того очевидна, что излишне было бы приводить какие-либо пояснения и доказательства. Один сильный отряд от 1000—2000 человек мог бы с успехом поддержать готовящееся восстание в Болгарии, только чтоб этот [отряд] имел оружие и военные припасы для раздачи населению². Так как в настоящее время турецкие войска сосредоточены на сербской границе, то при новом восстании в Болгарии турки будут принуждены отделить часть своих войск от сербской границы. Это ослабит турецкие военные силы, и Черняев, будучи в состоянии принять снова наступательное движение, вступит в Болгарию.

Если, милостивые государи, вы не желаете допустить, чтоб пропала даром пролитая славянская кровь, если вы хотите, чтоб на юге восторжествовало славянское дело, нужно употребить все зависящие от вас средства, чтоб как можно скорее произвести в тылу Абдул-Керима новое сильное восстание. Это нужно поскорее сделать, чтоб предупредить, может быть, последующий мир между Сербией и Турцией во вред славянству.

Мы просим также славянские комитеты, если находят нужным, послать в Букарест своего уполномоченного для постоянного его пребывания здесь, что служило бы связью между нашим и вашими обществами.

Таким образом дело пойдет скорее и лучше, и прекратятся все поводы к нападениям и клеветам со стороны недоброжелателей нашего общества.

У нас много нужд, а удовлетворять всем нуждам мы не можем, потому что мы не имеем средств. Черняев просит нас высылать ему людей, людей много, но денег нет для их отправки.

Несколько русских офицеров и болгарских воевод начали формировать тайно отряд в 1000 человек, чтобы перейти с ним в Болгарию. Наше общество горячо желает содействовать этому делу, но, не имея достаточно средств, не можем докончить предпринятого дела.

Умоляем вас, милостивые государи, обратить внимание на наши предложения, если они только согласуются с вашими намерениями. Болгарский народ, доведенный до отчаяния, быть может, не дожидаясь наших распоряжений, восстанет опять; но, оставленный без внешних подкреплений, он, естественно, не успеет и этим вызовет повторение филиппопольского масакра*.

* От франц. massacre — резня, убийство.

Пользуясь случаем высказать искреннюю свою благодарность за сочувствие к страждущим братьям, честь имеем быть

Подпредседатель: Ол. Панов

Кассир: Ангель Т. Рунта

Члены: Ив. Кавал[д]жиев, Д. П. Иванов, Г. Золотов,

П. Хр. Высковский, С. Н. Стамболов

Секретарь: И. Вазов

Делегат Браилского благотворительного общества:

С. Д. Мынзов

НБВК—БИА, ф. 5, д. 7, лл. 163—164. Подлинник. Печать БЦБО.

1. Грабежи, насилия, убийства продолжались и после разгрома последнего отряда повстанцев. Многочисленные консульские донесения английских дипломатических агентов в период июня—ноября так же, как и некоторые турецкие документы, показывают, что «повсюду болгары ограбляются, избиваются или убиваются их соседями — черкесами или турками» (72, стр. 310, 322 и сл., 336 и сл., 341, 348 и сл.).

2. Идея организации такого отряда распространялась и во время Апрельского восстания (2, т. I, стр. 352—353, № 340).

№ 280

1876 г. сентября 22. — Письмо С. С. Бобчева П. А. Зеленому о недостаточности реформ для Болгарии и необходимости предоставления ей политической автономии

Бухарест

Милостивый государь Павел Александрович!

Вчера я послал вам корреспонденцию, которую вы уже наверно получили. Я прошу вас заметить эту корреспонденцию именно потому, что она имела целью обратить внимание русского общества на вопрос о болгарской политической автономии.

Считаю нужным повторить, что реформы в болгарских областях, в каком бы то ни было отношении и каковы бы они ни были, не являются радикальным средством для того, чтобы успокоить волнение среди болгар и улучшить хотя немного их ужасное положение.

Эти реформы, как я уже говорил, будут тем же *status quo*.

Из вашей газеты я узнал, что выслано известное количество денег на имя Благотворительного комитета *: не знаю, как вы это устроили. Я должен вам заметить, что по причине некоторых недоразумений, явившихся в среде наших болгарских деятелей, лучше будет послать деньги вашему генеральному консулу барону Стуарту, прося его распорядиться, чтобы эти деньги были выданы действительно для нужд болгар, или, наконец, в крайнем случае посылайте их прямо в консульство, чтобы под его контролем назначенные деньги были переданы тому, на имя кого они адресованы **.

Примите уверение в моем искреннем уважении,

ваш покорный слуга С. С. Бобчев

ГА Одесск. обл., ф. 162, оп. 1, д. 1, лл. 77—78. Подлинник.

* БЦБО.

** С.м. док. 168, 260.

№ 281

1876 г. сентября 23. — Письмо Н. В. Мезенцова А. Б. Лобанову-Ростовскому об установлении надзора за генералом Р. А. Фадеевым

№ 3373

Конфиденциально

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

По поводу полученных сведений о предположении отставного генерала Ростислава Фадеева формировать болгарские батальоны, государю императору благоугодно было повелеть учредить бдительный надзор за действиями Фадеева¹.

О таком высочайшем повелении имею честь сообщить вашему сиятельству для необходимых распоряжений, присовокупляя, что в настоящее время Фадеев проживает в С.-Петербурге, в гостинице «Париж». Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Николай Мезенцов

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 818, л. 166. Подлинник.

1. Документ свидетельствует о разногласиях между наследником, поддерживавшим замыслы Р. А. Фадеева, и официальным курсом Александра II, хотя неустойчивость позиции последнего и отмечал Д. А. Милютин (51, т. II, стр. 86).

№ 282

1876 г. сентября 24. — Письмо и. д. вятского губернатора Н. А. Тройницкого А. Е. Тимашеву о пожертвованиях в пользу южных славян крестьянами Сарапульского уезда Вятской губернии

№ 4005

Считаю долгом довести до сведения вашего сиятельства о значительном пожертвовании в пользу славян Балканского полуострова по Сарапульскому уезду Вятской губернии, а именно: некоторые волостные правления Сарапульского уезда, узнавши о бедствиях славян Балканского полуострова и повсеместном пожертвовании в пользу их, начали ходатайствовать перед уездным по крестьянским делам присутствием о разрешении им собрать волостные сходы для предложения — не пожелают ли члены оных сделать единовременные пожертвования в пользу славян. Каковое ходатайство волостных правлений уездным по крестьянским делам присутствиям, ввиду вопиющих бедствий и вытекающих из него нужд, претерпеваемых славянами, было разрешено в удовлетворительном смысле. Вследствие чего в Сарапульском уезде, 30 минувшего августа, состоялись волостные сходы [в] 37 волостях, населенных христианами, на которых и пожертвовано в виде единовременных сборов с души, а некоторыми лицами отдельно, всего 6121 руб. 50 коп., и деньги эти представлены уже в вятское местное общество попечения о больных и раненых воинах для направления последних, согласно желанию

сходов и жертвователей, на помощь страждущим славянам Балканского полуострова.

Исправляющий должность вятского губернатора

Тройницкий

Помета: Подобных сходов допускать не следовало.

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 824, лл. 11—12. Подлинник.

№ 283

1876 г. не ранее сентября 24 *. — *Письмо генерала Р. А. Фадеева в Московский славянский комитет о закупках и перевозке оружия для русско-болгарской бригады*

Первым условием, поставленным мне при разрешении покупки, ввоза и вывоза оружия и военных запасов было — производить это дело негласно, без формальности и всякого писания¹. Я строго держался объявленной мне воли правительства и уполномочил от себя г. Сытенко совершить закупку и доставку оружия таким же негласным способом. Сношения мои с ним заключались в обоюдных телеграммах, выражавшихся намеками, обоим нам понятными. Вследствие того никакого положительно документа я не могу представить, но объясню на словах по пунктам. Единственно положительный мой ответ — товар налицо.

1. Сытен[к]о производил покупку не через Листа, а прямо у прусского военного министерства, Лист был только частным посредником и агентом для перевозки; через дом его вносились залого. Уверенный в преданности делу г. Сытенко, я не беспокоил его формальностями и не знаю, где находится контракт. Срок обязательно поставлен прусским правительством, требующим, чтобы сданное оружие было немедленно вывезено, но в какое именно время, сам до сих пор не знаю. Так же точно вследствие путанности, в которой стояло до сих пор управление делом, так как прямой обязанности хозяина я не думал брать на себя, многие пункты остались неопределенными. Я дожидался хозяина, который устроил бы бесплатный провоз русскими дорогами, и сам об этом не хлопотал. Покуда Лист отсылает до границы, а Палаузов принимает в Одессе.

2. Одесский болгарский комитет устроил склад, о чем г. Палаузов сообщил мне.

3. Министерство финансов, по словесному сообщению мин[истра] иностранных дел, негласно сообщило александровской, варшавской и одесской таможням о свободном пропуске оружия под названием железного хлама, зарядов и снарядов — под именем спичек. При каждой новой партии надобно уведомлять его вновь.

5 **. Кроме Сытенко и Палаузова, никаких агентов нет ныне.

6. С каким поручением отправился Сытенко в Белград, если он отправился с поручением, это до Славянского комитета не касается.

По вторым пунктам:

1. Накладные и ярлыки отосланы Палаузову. Я писал, чтобы при каждой новой партии они отсылались ему должным порядком.

* Датировается на основании упоминания в письме Болгарской комиссии* Московского славянского комитета для вооружения русско-болгарской бригады; дата ее образования — 17 сентября 1876 г. Получив сообщение о передаче начатого им дела вооружения бригады указанной комиссии, Р. А. Фадеев сообщил Листу о необходимости сноситься с И. С. Аксаковым. Через неделю после этого было написано данное письмо. Следовательно, это произошло не ранее 24 сентября.

** 4-й пункт пропущен.

2. Немедленно (как сказано) я от себя дал уже знать Листу неделю тому назад, чтоб он сносился исключительно с И. С. Аксаковым. Никакой передачи сумм быть не может, так как их нет, кроме денег, издержанных мною и генералом Кишельским (4 и 3 тыс. руб.) главнейше на посылку разных агентов, которым со своей стороны я представляю счет. От Палаузова никакой отчетности требовать нельзя, так как он распоряжается средствами Одесского болгарского комитета, над которыми я не властен.

Пересылаю при этом телеграммы, относящиеся к закупке оружия, и письма Листа; только вряд ли они к чему послужат.

Отправление г. Горчакова в Берлин и к Листу — дело очень хорошее, для приведения к оформленному виду дела, в котором до сих пор много еще не доделанного и запутанного.

Расписка гр. Воронцова находится или у И. И. Петрова или у В. И. Ламанского. Я послал об этом справиться.

Считаю нужным повторить для «комиссии по болгарскому делу», для предупреждения ее, что все официальное и писанное, особенно же в сношении с властями по этому делу, положительно воспрещено *свыше*.

Ростислав Фадеев

[P. S.] К г. Сытенко надо писать: Белград, Јока Влайкович. Много телеграмм потеряно.

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 371. Автограф.

1. Речь идет о разрешении царского правительства на провоз оружия в Сербию. Д. А. Милютин так засвидетельствовал 10 июля 1876 г. в своем дневнике этот факт: «Я узнал сегодня, под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на то, чтобы смотреть сквозь пальцы на провоз оружия к сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать соответственные секретные инструкции нашим тамошним» (51, т. II, стр. 56).

№ 284

1876 г. сентября 25. — Телеграмма Н. А. Краснокутского Д. А. Милютину об отъезде отставных казаков-добровольцев в Сербию

Новочеркасск

№ 612

Вчера отправилась в Сербию третья партия отставных: 3 офицера, 77 казаков, 100 лошадей*.

Генерал-адъютант Краснокутский

ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 386, л. 24. Телегр. бланк.

№ 285

1876 г. сентября 25. — Телеграмма вел. князя Михаила Николаевича Д. А. Милютину об отъезде в Сербию отставных казаков

Боржом

№ 400

Наказные атаманы кубанской и терской на мои запросы отвечали: казаки отправлялись пока в Сербию** единицами, не более девяти или

* См. прим. 1 к док. 276.

** См. прим. 1 к док. 276.

десяти человек от каждого войска, исключительно отставные и внутренно-служащие, но на днях прибыл отставной майор Хвостов, командированный Славянским комитетом. Рассчитывает вывести до 150 терских и 200 кубанских казаков *. Следует ли допустить это? Во всяком случае казаки служивого разряда не были и не будут увольняемы.

Михаил

ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 386, л. 25. Телегр. бланк.

№ 286

1876 г. сентября 25. — Предписание Д. А. Милютин начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену о подготовке к мобилизации войск Киевского военного округа

Ливадия

Высочайше повелено, кроме Одесского и Харьковского округов, подготовить к мобилизации и войска Киевского округа ¹.

Подписал Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8589, л. 39. Копия.

«Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. II, СПб., 1898, стр. 32.

1. 23 сентября в Ливадии были получены известия из Лондона, что английское правительство отклонило проект России. Одновременно А. И. Нелидов, замещавший русского посла в Константинополе, извещал, что поведение Турции, поддерживаемой английским послом, ведет к разрыву русско-турецких отношений. 25 сентября на совещании у Александра II было принято решение, если Турция откажется удовлетворить требования России, прервать дипломатические отношения, отозвать посольство; если же будет заключено сербско-турецкое перемирие — принять участие в мирной конференции в Константинополе, но подготовку к войне продолжать, чтобы в случае провала конференции взяться за оружие и вести войну самостоятельно. Как сообщает Д. А. Милютин, это было выражено пока в виде предварительных соображений. Тогда же Александр II, по предложению военного министра, дал повеление подготовить к мобилизации, кроме Одесского и Харьковского округов, войска Киевского округа (51, т. II, стр. 85—90).

Разъясняя комментируемую телеграмму, Д. А. Милютин в записке от 25 сентября писал Ф. Л. Гейдену, что цель этого распоряжения заключается в том, чтобы в случае войны с Турцией в состав действующей армии к двум корпусам добавить еще один или два корпуса. С выступлением войск Киевского округа в Бессарабию планировалось на их место переместить войска из Московского округа (65, вып. IV, стр. 8—9).

№ 287

1876 г. сентября 26. — Письмо архиепископа Платона И. С. Аксакову о затруднениях в формировании добровольческих казачьих отрядов для Сербии

№ 662

Новочеркасск

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Известие о чрезвычайно дорогой плате за провоз чрез Румынию казачка и особенно лошади смешало все наши расчеты и предположения по формированию добровольцев. В настоящее время мы находимся в не-

* См. также док. 269.

решительности, продолжать ли закупку лошадей и делать ли новый заказ седел для будущих волонтеров или же отправлять их без лошадей, что обойдется втрое дешевле, но зато сущность дела от этого потеряет потому, что, по мнению людей опытных, казак только на лошади незаменим, а пеший он далеко уступает пехотному солдату. К пешей службе казаки не привыкли, да и вряд ли найдется между ними много охотников служить без коня.

В настоящее время в Новочеркасске находится около 200 волонтеров, прибывших сюда из отдаленных станиц¹; дожидаясь своей очереди отправиться в Сербию, большая часть из них продовольствуется на счет нашего комитета, что составляет весьма значительный расход. Часть их мы думаем отправить завтра, пока без лошадей и седел, но не знаем, что делать с остальными, так как не знаем, какую сумму мы можем получить от вас, ввиду увеличившихся расходов по перевозке через Румынию. Вы бы значительно облегчили наше дело, если бы оплачивали провоз через Румынию прямо из Москвы, тем более, что здешнее «Общество взаимного кредита» не имеет прямых сношений с Кишиневским коммерческим банком. Для избежания напрасной, быть может, задержки здесь волонтеров, и принимая во внимание, что закупка лошадей и седел требует заблаговременных распоряжений, покорнейше прошу немедленно уведомить меня телеграммой, продолжать ли снаряжение казаков, и каких именно — конных или пеших? Желательно бы было отправить их побольше, потому что находятся опытные и надежные казаки, которые могут быть очень полезны в Сербии.

Призывая благословение божие на вас, с истинным уважением и преданностью имею честь быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Платон, архиепископ донский

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 199, лл. 159—160. Подлинник.

1. Задержка волонтеров объясняется тем, что вербовочная кампания, наиболее интенсивно протекавшая в конце июля—августе 1876 г., в сентябре уже начала спадать. На это влиял ряд факторов: недостаток средств, поражения сербской армии, затруднения, которые русское правительство стало чинить отправке добровольцев. В силу данных обстоятельств не поступало распоряжения и на отправку 200 волонтеров, находившихся в Новочеркасске (59, стр. 60—64).

№ 288

1876 г. сентября 27. — Письмо главнокомандующего Ибарской армией С. К. Новоселова Д. А. Милютину о положении в Ибарской армии

Белград

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Продолжительная служба моя под начальством вашего высокопревосходительства дает мне право прибегнуть к вам за советом в самую трудную минуту моей жизни. Горячо сочувствуя славянскому делу, я приехал в Сербию, чтобы и там пролить свою кровь за святое дело, как это я делал на Кавказе и во время польского восстания. По приезде своем, осмотревшись, я увидел, что услуги мои при Моравской армии, командуемой генералом Черняевым, будут бесполезны, и готов был возвратиться в Россию, когда князь Милан предложил и настоятельно совокупно со своими министрами просил меня принять начальствование над Ибарскою армией¹.

Отказаться я считал несовместным с достоинством русского генерала, и хотя вверенная мне армия крайне ограничена численным составом и средствами, я сделаю все возможное с надеждою, что бог и добрые люди помогут нам. Но главную свою надежду я возлагаю на ваше высокопревосходительство.

Как русский генерал и как главнокомандующий Ибарскою армией, я бы желал в действиях своих вполне согласоваться с интересами моего правительства, а потому я и обращаюсь к вам с просьбою не отказать дать мне совет, значение которого, давно зная вас, я вполне оцениваю. У меня в армии не более 8 тысяч сербских войск и только горсть русских, а без них что сделаешь, так как смешивать русских солдат с сербскими — большая ошибка, и образовать отдельный русский батальон я пока еще не могу, ибо все русские стремятся в настоящее время преимущественно в Моравскую армию. Средства Ибарской армии самые ограниченные. Расположенная по горам, армия эта подвержена сильным холодам, а теплой одежды и денег мало. Вот в каком состоянии и при каких условиях нахожусь. Я еще не могу ничего сказать про состояние армии, пока не осмотрю ее и не подтяну в ней дисциплину, в чем она, как я слышал, сильно нуждается, а на это потребуются по крайней мере дней пятнадцать.

В войне с турками я полагаю самым присущим таким бы образом воевать, как воевали на Кавказе с горцами, чтобы постоянно держать азиатов под ружьем и в ожидании, — достаточно и небольшой горсти храбрцев.

В надежде, что ваше высокопревосходительство не откажете мне в совете и помощи мне, с чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Семен Новоселов

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, лл. 46—47. Подлинник.

1. Состав русских добровольцев в Сербии был пестрым. Были среди них люди, стремившиеся помочь сербам, было немало честолюбцев, военных, соскучившихся без дела, и просто авантюристов. К таким принадлежал и отставной генерал-майор С. К. Новоселов. Характеристику его и других представителей русского генералитета в Сербии дал Д. А. Милютин, писавший: «Все частные письма из Сербии подтверждают, что за дрянь эти мелкие честолюбцы и все окружающие их клеветы. Они ссорятся между собой, интригуют, сваливают друг на друга неудачи» (51, т. II, стр. 97—98). Сербский мемуарист характеризует Новоселова как бессильного старика, бывшего уже к концу событий (принял командование ибарским войском 30 сентября) и не способного поддерживать дисциплину в частях (68, стр. 214, 224, 231 и др.).

№ 289

1876 г. сентября 28. — Рапорт атамана станицы Ново-Мышастовской начальнику Темрюкского уезда о желании крестьян К. А. Спасененко и Н. С. Гончарова ехать добровольцами в Сербию

Государственные крестьяне Курской губернии Путивльского уезда Буринской волости села Бурины Корней Алексеев Спасененко 61 года и Никита Севостьянов Гончаров 38 лет отроду, явясь в станичное правление, с слезами на глазах и умоляющим тоном просят моего содействия об отправлении их по назначению, как изъявляющих желание быть волонтерами, для подания помощи гибнущим под игом турецкого правительства братьям нашим славянам с оружием в руках.

Приняв заявления Спасененко и Гончарова и благословив их на подвиг, я счел своим долгом представить их вместе с паспортами за №№ 154 и 748 на распоряжение вашего высокоблагородия, как изъявивших желание насколько будет сил помочь славянам в борьбе с турками.

Станичный атаман *

ГА Краснодар. кр., ф. 668, д. 565, л. 212. Подлинник.

№ 290

1876 г. сентября 28. — Телеграмма Д. А. Милютина вел. князю Михаилу Николаевичу о разрешении поехать в Сербию казакам неслужилого разряда

Ливадия

По вопросу вашего высочества относительно казаков, желающих отправиться в Сербию, признается возможным допустить, если те казаки неслужилого разряда **.

Подписал Милютин

ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 386, л. 26. Копия.

№ 291

1876 г. сентября 28 (октября 10). — Из корреспонденции газеты «Вперед!» «Что делается на родине?»

Из Петербурга. [. . .] Здесь ждут и ждут с нетерпением, чтобы вы высказались подробнее и определеннее по поводу движения отсюда волонтеров в Сербию ***. Это движение приняло было такие широкие размеры и возбудило такой энтузиазм, что не встречало вначале ни оппозиции, ни даже критики; только спустя несколько времени часть нашей молодежи стала относиться ко всему движению более скептически. Что касается мотивов, из-за которых едут волонтеры, то они, разумеется, самые разнообразные. Из моих личных наблюдений могу сообщить следующее.

Отставные солдаты, особенно старые, едут просто из желания «побить турку»; другие едут, возмущаясь зверствами турок; немаловажную роль играет, конечно, религиозный элемент. Из офицеров я знаю таких, которые поехали из-за сочувствия к славянскому делу. Но есть между ними и люди вполне наши по чувствам и убеждениям, которым невыносима была обстановка, среда и деятельность, в которой они вращались и участвовали, но которые, однако же, не имели достаточно силы, чтобы выйти из нее на настоящую дорогу; и вот они бросились в Сербию, рассчитывая, что там они принесут хоть какую-нибудь пользу, так как, по их словам, пока южные славяне не освободятся от турок, вся их энергия, все силы будут направлены на это освобождение, в ущерб могущему развиваться, при их независимости, социальному движению. С этим доводом трудно не согласиться; ведь в значительной степени это же подавление

* Подпись неразборчива.

** См. док. 285.

*** Ожидание наших товарищей оказалось необходимым удовлетворить уже в передовой статье № 42. Мы можем только радоваться, что многое, там высказанное, совершенно подтверждается корреспонденциями, приходящими из России. Ред. (Примеч. газ. «Вперед!»)

национальности было и является до сих пор сильной помехой развитию социализма в Польше*.

Студенты едут отчасти по сочувствию к славянскому делу, отчасти из-за либеральных принципов «освобождения подавленных народов», а в большей части случаев — просто от нравственного утомления, невыносимости жизни при окружающих условиях и при недостатке энергии к борьбе. Это настроение довольно верно изображено в № 264 «Биржевых ведомостей» в фельетоне «Заурядного Читателя».

Рядом со всеми вышеисчисленными лицами отправилось и отправляется на войну некоторое количество людей просто вследствие невозможности знать и слышать о тех зверствах, какие совершаются турками, не участвуя в борьбе против них; но есть несколько лиц и таких, отъезд которых следует считать с их стороны, по моему мнению, преступлением по отноше-

---

* Мы не можем согласиться с последними словами нашего корреспондента. Борьба поляков за независимость началась с конца прошлого века, когда о социальной революции не могло быть и речи, а последовательный ряд эмиграций борцов за польскую независимость поддерживал традицию борьбы за политическую целость Польши до нашего времени. Польским социалистам приходится ломать уже готовую, установившуюся политическую традицию, внушая своим соотечественникам убеждение, что польский народ может добыть себе лучшее будущее лишь путем социального переворота, охватывающего как его родную страну, так и страны, где теперь господствуют притесняющие его правительства. Положение южных славянских народов иное. Традиция борьбы их против турецкого ига восходит далеко за время Костюшки, но не имеет ни той последовательности, ни той неразрывности, как традиция польских восстаний, а потому позволила им быть восприимчивее к новым элементам, внесенным в жизнь народов проповедью социализма. Сербы имели уже свою социалистическую литературу последнего времени, и литературу, которая боролась не с недостатком сочувствия, а лишь с правительственными притеснениями. Южные славяне — освобожденные или не освобожденные от турок, подданные Милана или Франца-Иосифа — могут, независимо от границ, образовать для социалистической пропаганды и для революционной организации плодотворную почву, которая вызвала бы в надлежащую минуту народное движение в чисто социалистическом духе во всех югославянских землях; это движение подало бы руку социалистам Австрии, Венгрии и России, которые парализовали бы усилия своих правительств подавить славянских социалистов юга силами других национальностей. Когда же южнославянские социалисты расправятся бы со *своими* правительствами и капиталистами, они могли бы совершенно успешно понести на юг своим братьям, еще не освобожденным от турецкого ига, вооруженную проповедь независимости от всякого политического и всякого экономического ига. Нынешняя национально-религиозная война неизбежно сблизит между собою среди южных славян классы экономических и государственных эксплуататоров с массами, ими эксплуатируемыми. Политические вопросы заслонят и отложат на неопределенное время вопросы экономические. Пропаганда и организация социальной революции потеряет в значительной мере свою нравственную почву. Если война кончится в пользу славян, то после ее окончания придется начинать чуть не с начала дело Светозара Марковича и его товарищей. Конечно, оно, окончателно, должно восторжествовать; но всякий, идущий теперь биться на берега Моравы и Дрины, если он человек рассуждающий, должен сказать себе, что он своими силами содействует процессу временного *ослабления* социалистической пропаганды среди южных славян и отложения в более *дальнее* будущее социальной революции среди них. Это примечание, обращенное к нашему корреспонденту, мы обращаем и к автору передовой статьи в только что полученном нами № 41 «Молвь». Он говорит: «Есть неизбежная историческая очередь начал, в силу которой серб или болгарин, пока не избавится от турок, будет глух ко всему другому, кроме вопроса об этом избавлении». В России можно и должно проповедовать борьбу против капиталистического строя *одновременно* с борьбой против деспотического императорского правительства и как *единственный* способ *в самом деле* избавиться от зла, приносимого последним народом, проповедь же лишь политического изменения системы правления может быть представлена рутинерам старых революций. Точно так же среди славян, подчиненных туркам, надо было в прошедшем и надо будет в будущем вести пропаганду социальной революции, которая *одна* может обеспечить славян от турок, *в то же время* как она обеспечит их от всяких политических и экономических хищников. «Историческая очередь начал» не позволяет устранить вопрос о национальной независимости, пока он не решен, но она не мешает уяснению его связи с вопросом о независимости социальной, уяснению того, что эти вопросы в *настоящий* период могут быть решены удовлетворительно лишь тогда, когда они будут решены *одновременно*. Ред. (Примеч. газ. «Вперед!»)

нию к своему делу *; в числе таких лиц есть люди, действовавшие более или менее долго непосредственно в народе.

Есть и такие, которые говорят, что едут туда в надежде, что они сойдутся там с такими же людьми, там научатся организации и приобретут боевую опытность, что пригодится им по возвращении на родину. Этих людей, мне кажется, следует причислить к вышеупомянутой категории лиц, утомленных обстановкою; они отличаются от других лишь тем, что они, может быть, вполне искренно сами себя обманывают. Во всяком случае таких людей приходится считать не отдельными единицами, а целыми кружками.

Наконец, поехала и некоторая доля людей, совсем неповинных ни в славянофильстве, ни в нравственной неудовлетворенности, ни в чем-либо подобном; это просто люди, которым представилась возможность не умереть с голоду, хотя бы из-за этого пришлось подставлять лоб под турецкие пули. Так, в кронштадтской партии, выехавшей 14 сентября, из числа 30 человек большая половина набрана из завсегдателей ночлежных домов. Дело состояло в том, что компания филантропов и славянофилов в Кронштадте вздумала отправить свою партию добровольцев: это ведь и славянам помощь, и шику больше; собрали денег и начали вербовать волонтеров; нашлось несколько отставных солдат, а затем остальные — голодные пролетарии, обрадовавшиеся получить несколько денег, выдававшихся вперед волонтерам. Затем все паспорта записавшихся были отобраны и сданы партионному офицеру — и пришлось ехать, хотя бы из них кто и раздумал впоследствии. В Петербурге я знаю также одного такого пролетария из интеллигенции, который, не имея средств к жизни, обращался в Славянский комитет с просьбою о высылке его в Сербию. Его, однако, не приняли, так как Славянский комитет отправляет на свой счет только военных. Этот храбрец говорил мне, что он удрал бы при первом сражении ¹.

«Вперед!», 1 ноября (20 октября) 1876 г., Лондон, стр. 664—666.

1. Важно отметить, что каковы бы ни были мотивы, по которым рядовые участники добровольческого движения отправлялись в Сербию, они в подавляющем большинстве искренне стремились бороться в защиту сербов, а не из каких-либо эгоистических планов. Поэтому объективно все движение в целом являлось выражением братской готовности русского народа помочь делу освобождения южных славян (59, стр. 69).

№ 292

1876 г. сентября 29. — Письмо Д. Ф. Стурта А. И. Васильчикову ** о выезде в Россию К. Цанкова и П. Наботкова в связи с задержкой выдачи денег БЦБО

№ 52

Бухарест

Весьма доверительно

Милостивый государь князь Виктор Илларионович!

Весьма доверительным письмом от 10 сего сентября *** я имел честь сообщить вашему сиятельству о том, что я счел необходимым несколько

* Едва ли не вернее приписать это недостаточному умственному развитию в теоретическом отношении, неясности в понимании собственной программы. Это очень печально, но исправимо. Неисправима лишь нравственная несостоятельность. Она есть преступление. Ред. (Примеч. газ. «Вперед!»)

** Письмо ошибочно адресовано В. И. Васильчикову вместо А. И. Васильчикова. См. док. 315.

*** См. док. 260.

ограничить выдачу здешнему Центральному благотворительному комитету денег, присланных для него от С.-Петербургского славянского комитета.

Распоряжение мое было принято Центральным обществом с большим неудовольствием¹, и оно, не желая подчиниться тому ограничению, которое я поставил условием для выдачи денег, впредь до получения отзыва вашего сиятельства, отправило в Москву и Петербург двух своих членов: председателей Цанкова и г. Наботкова, для представления комитету своих оправданий против обвинений, изложенных в приложенном к моему письму протесте*.

Между тем г. Цанков пред самым отъездом своим явился ко мне и представил подлинное письмо полковника Медведовского, в котором сей последний просил Центральный комитет о высылке сапог, шинелей и других вещей для русско-болгарского отряда².

Передавая мне это письмо, г. Цанков заявил, что комитет не имеет решительно средств для производства этих расходов, и просил меня о выдаче 4 тыс. франков, из коих 3 тыс. франков обязался немедленно отослать г. Медведовскому.

Не получая ответа вашего сиятельства и имея в виду настойчивость, с которою полковник Медведовский требовал присылки вышеупомянутых аммуниционных вещей или денег для приобретения оных, я не счел себя вправе отказать г. Цанкову в его просьбе и разрешил ему выдачу 4 тыс. франков.

Сообщая вашему сиятельству о вышеизложенном для сведения, долгом считаю присовокупить, что за сим в кассе вверенного мне генерального консульства хранятся еще 4690 франков из числа 9690 франков, присланных С.-Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета для выдачи г. Цанкову.

Считаю не лишним прибавить к сему, что, по полученным мною от временного председателя г. Панова сведениям, Центральный комитет, вслед за отъездом из Бухареста г. Цанкова, решил не отсылать денег г. Медведовскому, а употребить их на отправку в Сербию волонтеров. Я не замедлил вызвать г. Панова и объяснить ему, что, не желая вовсе входить во внутренние распоряжки их комитета, я ограничусь лишь сообщением вашему сиятельству об этом изменении, которое, считаю в высшей степени неблагоприятным и дискредитирующим общество, так как г. Цанков именем его просил деньги на определенный предмет, и потому общество не имело права изменить их назначение без моего на то согласия.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Д. Стюарт

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 101, лл. 18—20. Подлинник.

1. См. письмо БЦБО к Д. Ф. Стюарту от 18 сентября 1876 г. (99, стр. 19, № 144).

2. Д. Ф. Стюарт, в своем стремлении поставить БЦБО в затруднительное положение, не передал точно требование Н. Медведовского. В письме последнего к БЦБО (см. док. 244) имелась просьба прежде всего послать добровольцев («люди, деньги, оружие. .»), чтобы увеличить болгарский корпус до 5—10 тыс. человек. Решение БЦБО использовать переданные ему Д. Ф. Стюартом деньги было полностью в духе письма Медведовского.

* *См. то же дело.*

№ 293

1876 г. сентября 29. — Письмо А. Н. Хвостова И. С. Аксакову о формировании казачьей добровольческой сотни Терского войска

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Из прилагаемой при сем отчетной ведомости вы изволите усмотреть, что сформированная мною 1-я сотня добровольцев из Терского войска состоит из 6 офицеров, 24 урядников, 2 трубачей, 48 казаков, 7 человек добровольцев, взятых по представлению Владикавказского славянского комитета, и 4 урядников, отосланных отдельно чрез посредство местного комитета. Всего их 91 человек, из которых 29 георгиевских кавалеров с офицерским темляком, остальные все имеют медали в память войны.

Набирались они на известных вам условиях, т. е. бесплатного провоза в Сербию и обратно и 20 коп. суточных кормовых.

Хотя я и не имел уполномочия от вас набрать офицеров Кавказской армии, тем более, что из Петербурга и Москвы отправилось достаточно, но, приехав во Владикавказ, я приступил к комплектованию дивизии казачьими офицерами, во-первых, потому, что нам, регулярным офицерам, будет не совсем удобно справляться с казаками, а во-вторых, потому, что они при боевых своих качествах чрезвычайно дешевы и охотно идут за 25 рублей в месяц без всяких других прибавочных. По всем этим соображениям, хотя я и не заручился вашим согласием, решил взять их в указанном числе. Обезжая станицы, я объяснял, что добровольцы могут быть мною взяты при условии быть одетыми по боевому положению и с заграничными паспортами, взятыми на их счет; но почти все они явились, не имея всех вещей по положению, у каждого из них чего-либо недоставало и на всех их, за исключением одного, взяты мною заграничные паспорта. Подобный недостаток в снаряжении объясняется здесь дурным экономическим положением от неурожаев и выставкою казаков по требованию правительства. Мною от вас получено 2 тыс. рублей и от местного комитета 350 рублей, последняя сумма послужила пособием к приобретению вещей и на проезд людям, присоединенным ко мне, не казачьего состояния.

Все расходы, произведенные мною, сделаны после самого тщательного изыскания произвести даром и, как вы изволите усмотреть, экономическим образом. Я могу вполне гордиться, что легион кавказских добровольцев, при наивысших военных качествах, будет стоить комитету дешевле других, и я буду вполне счастлив, что если мои распоряжения удовлетворят вполне цели и желаниям вашего и Московского комитета.

Казаки Слепцова и Бакланова с восторгом и слепо идут в бой, но только с надеждою, что комитет Московский будет неустанно заботиться об них на чужбине. Коней и не умереть с голоду — вот только что им нужно, об остальном они не думают. Честолюбие, что об них напишут в газетах, тоже одна из первых пружин,двигающая их в неведомую страну, которую они часто по созвучию мешают с Персией.

Я предполагал бы для удешевления провоза стольких людей нанять до Белграда отдельный для нас пароход, здесь до Одессы везут бесплатно.

Казаки имеют холодное оружие, за исключением нескольких человек, без лошадей и огнестрельного оружия. Надо позаботиться о карабинах и конях, первое лучше системы Бердана и даже Крынка, которыми вооружена была наша кавалерия. На станциях Невинномысской и других заберу кубанцев, до сих пор не знаю о их числе. Владикавказский отдел Славянского комитета предлагал мне высылать совершенно снаряженных

людей с тем, чтобы ваш комитет принял бы доставку людей в сформированный мною легион на свой счет, о последних не угодно ли вам будет меня предупредить, чтобы я мог уведомить заблаговременно Владикавказский комитет, чтобы он принял, на вышеозначенных условиях, пополнять убыль в кавказском легионе.

Прошу извинить за каллиграфию, спешу и пишу на походе. Примите уверение в совершенном почтении вашего покорнейшего слуги

А. Хвостов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 104, л. 86—88 об. Автограф.

№ 294

1876 г. сентябрь. — Письмо В. В. Стасова члену Петербургского славянского комитета В. И. Ламанскому о пожертвовании скульптора М. М. Антокольского

Надеждинск

Многоуважаемый Владимир Иванович, покорно прошу вас довести до сведения Славянского комитета, что скульптор Антокольский поручил мне передать в его распоряжение колоссальный мраморный бюст Петра I, его работы, ценою 1800 рублей для употребления выручки на нужды славян, борющихся за свою независимость на Балканском полуострове. О чем мною было уже и напечатано в «Новом времени». Бюст находится в магазине Беггрова, на Невском проспекте, близ Адмиралтейства.

Ваш В. Стасов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 15, л. 25. Автограф.

№ 295

1876 г. октября 1 (13). — Из передовой статьи газеты «Вперед!» «Тяжелая минута»

Русское правительство начинает новую кампанию против внутренних врагов. Как предсказывали многие наши корреспонденты и как предвидеть было легко, оно пользуется опьянением русского общества югославянским вопросом, чтобы «спустить» политические процессы против «врагов отечества», против молодежи, которая несла в русский народ проповедь социальной революции [...]. Дозволенная пресса каждый день приносит нам доказательства общественного настроения, совершенно обеспечивающие русское правительство во *всяких* его действиях против «внутренних врагов», которым Черняев грозил в Сербии, против которых в России существует вполне удовлетворительная организация сыщиков в жандармских и в прокурорских мундирах, специально вышколенных для охоты за этими «внутренними врагами», существует столь же удовлетворительная организация группы заклеянных царскими, плевками сенаторов и сословных судей, которых имена снова и снова выступают на исторический позор при каждом новом политическом процессе.

Да, обществу совершенно все равно, что ни делают с русскою молодежью. «Молодое поколение, — пишет фельетонист «Голоса» (№ 266), — теперь не в моде. . . Вопрос о «молодом поколении» совершенно игнори-

руется». Значит, самое лучшее время для русского правительства геперь-то и попрятать пропагандистов, которые наделали ему недавно столько хлопот. Несколько сот человек, сосланных на каторгу в Сибирь или в центральные тюрьмы, еще несколько десятков задушенных, доведенных до самоубийства, до помешательства — помилуйте, кто обратит теперь внимание на столь малые вещи? На Мораву! На Дрину! Да здравствует герой Черняев! Да здравствует король Милан! Что за дело русским вчерашним либералам до нарушения самых простых приличий легальности? Что за дело русским вчерашним радикалам до нового разлива императорского варварства! Что за дело русским вчерашним социалистам до товарищей, которых гноят в тюрьмах и на каторге? На Мораву! На Дрину! Да здравствует герой Черняев! Да здравствует король Милан! [..]

Я не говорю теперь специально о славянском вопросе: я совершенно понимаю, что среди опьяненного общества могут опьянеть по этому специальному вопросу и его литературные руководители. Но славянский вопрос — одно дело, а положение дел в России и общие понятия об исторической роли народов — другое дело. Я буду говорить здесь лишь об этих *общих* воззрениях газеты гг. Суворина и Лихачева [..]

Развертываю № 208. В нем поставлена «наша национальная задача» и поставлена совершенно ясно. Выражено крайнее сожаление, что премники Петра Великого не были достойны его «по уму, деятельности и патриотизму» (и как ведь, радикально!) и что они не решили утвердительно знаменитого пушкинского вопроса: «славянские ручьи сольются ли в русском море?» Затем, как пример истинного патриотизма, выставляются действия сербов, которые «не хотят признавать существования болгар и отказывают в куске хлеба голодному болгарину, хотя бы он пришел к ним на помощь, если не захочет называть себя сербом и тщательно скрывать свою болгарскую национальность».

Автор «нашей национальной задачи» видит в этом «только горячее национально-патриотическое самосознание и доказательство того, что сербы достойны светлой будущности. Они поступили так, как всякий живой народ».

Иначе говоря, и русским следует поступить так же со всеми народами, с которыми еще *могут* они поступить подобным образом. Признаться, едва ли и г. Каткову удавалось столь бесцеремонно изложить теорию государственного хищничества и подавления народностей, как это удалось сделать «Новому времени» в цитируемой статье [..]

А общество раскушает «Новое время»; общество захлебывается хлесткостью и «патриотизмом» г. Суворина и его сотрудников. И вдруг, в это время, какие-то процессы о каких-то девушках, осуждаемых на 4 года каторги за листок газеты; какие-то списки гниющих в тюрьмах, умирающих от чахотки; какие-то речи г. Шрейбера и приговоры гг. Петерса, Чемадунова с компанией... Да что нам до них за дело? Мы хотим быть всеславянской монархией; мы хотим голодным «единоплеменникам» не давать куска хлеба, если они не откажутся от своей национальности, от своего языка; а нам толкуют о социалистической справедливости, о братстве, о безумцах, которые, отрекаясь от пошлой и лакейской жизни отцов и дедов, пошли в русский народ с проповедью социальной революции... Нам, будущим подданным всеславянской монархии, будущим эксплуататорам братьев-славян, ввиду «русского патриотизма», что за дело до этих безумцев? Или, вернее, нет, нам до них есть дело: их надо искоренить; они нам мешают со своим недовольством и со своими иллюзиями братства: у русских патриотов-эксплуататоров нет братьев; есть только жадность государственного приобретения. А потому да здравствует Шрейбер с его обвинительной речью! Да здравствуют гг. Петерс, Чемадунов с компанией в их лакейском приговоре! Да здрав-

стует каторга за листок бумаги! Да здравствуют тюрьмы, гноящие молодежь, доводящие ее до самоубийства и до сумашествия. И затем: На Мораву! На Дрину! Да здравствует герой Черняев! Да здравствует король Милан! Да здравствует русское знамя на Балканах, из которого «светлые силы» русской литературы намерены сделать знамя всеславянского порабощения!

Как же не воспользоваться правительству русскому этим выгодным для него положением дел! [. . .]

Но если настоящая минута опьянения русского общества весьма удобно выбрана правительством для совершения его подвигов среди ярмарочных фарсов суда и среди инквизиторских истязаний в тюрьмах и на каторге; если оно может теперь безбоязненно погубить более жертв, чем когда-либо, то совсем иной вопрос: в состоянии ли эти казни и преследования *совсем* раздавить тех «внутренних врагов», против которых оно так озлоблено? В состоянии ли ожидаемая война «совсем убить нашу зарождающуюся социальную демократию», как говорили в Государственном совете, по словам нашего корреспондента? [. . .]

Положение трудно; это надо сказать себе прямо и откровенно. Все те колеблющиеся, полусодействовавшие, полусочувствовавшие группы, которые казались союзниками социальной революции, теперь отделились от нее и бегут за новомодною игрушкой. Хуже того; в рядах социалистов-революционеров, которые уже заявили себя, иные опускают руки, отчаиваются, говорят в нетерпении о необходимости изменить программу действия, броситься на путь кровавых экспериментов над народным раздражением и народными бедствиями, на путь бунтов безнадежных и, в настоящую минуту, едва ли даже возможных; иные же просто бегут на берега Моравы и Дрины драться под знаменем, под которым стараются перехитрить друг друга сторонники единой великой Сербии и русской всеславянской империи. Пред этими отпадениями одних, пред этим унынием и теоретическою шаткостью других закрывать глаза нельзя и не должно.

В настоящую минуту отступят все ненадежные, все *кажущиеся* сторонники социальной революции [. . .] Но истинные, убежденные социалисты не упадут духом и не пойдут драться под чужим знаменем за чужое дело, не станут помогать врагам своим унынием [. . .]

Если иные из их * вчерашних товарищей отпадают, идут в Америку или на Мораву, забывая или пытаясь забыть о жертвах, которые гибнут или будут гибнуть за русское социальное дело в тюрьмах и на каторге, то они, истинные, убежденные социалисты, пойдут еще с большею решимостью продолжать дело Крыловых и Малиновских, поминать погибших товарищей более искусным ведением пропаганды, более крепкою и разумною организацией революционных сил, более энергическою борьбою против старых общественных порядков [. . .]

Они не позволяют себе из-за опыта, едва начатого, бросать дело и вступать на путь кровавых, нерассчитанных и безнадежных экспериментов над народом, которому они должны указать путь *победы*, а не путь отчаянных и бесполезных взрывов [. . .]

Они перетерпят, переждут; они скрепят свою организацию, и когда русское правительство будет думать, что «патриотический порыв» убил всех его врагов, оно с ужасом увидит, что пред ним стоят все те же враги, но еще более энергические, еще более решившиеся *победить* [. . .]

«Вперед!», 15 (3) октября 1876 г., Лондон, стр. 617—626.

* Т. е. убежденных социалистов.

1876 г. октября 1. — *Рапорт А. В. Комарова Н. В. Мезенцову об отношении населения Псковской губернии к освободительному движению южных славян и ожидаемой войне с Турцией*

Псков

Более уже месяца как городское общество, так и сельское население в тревожном ожидании. Чуть не каждый день ожидается объявление войны, несколько раз уже назначалось число, в которое должен появиться манифест, и все ожидания еще не исполняются. Разные мероприятия по военному ведомству, каковые: поверка временно и бессрочно отпущенных, приглашение отставных офицеров поступить вновь на службу и конская повинность убеждают общество в неизбежности войны. Предварительные распоряжения по обязательной воинской повинности, известные только администрации, производят много различных толков. Так, крестьяне некоторых уездов полагают, что у них будут брать лошадей даром, и заранее сетуют, выражая свое удивление, что в прежнее время были же деньги у правительства на покупку лошадей; те же, которым растолковали, что в случае войны будут им платить за лошадей деньги, довольны, предполагая возможность сбыть за хорошие деньги плохих лошадей.

Общественное сочувствие к сербской войне и участи других славянских народов, дойдя до своего апогея с половины месяца, начало несколько утихать. Мода на сочувствие проходит, жертвы надоели, и общество утомилось деятельностью и появлением бесчисленного множества членов славянского комитета; к нуждам братьев славян относится холоднее, чем прежде.

Городское общество Пскова, между занятиями политикой и всеми ожидаемой войны, находит время интересоваться своими домашними мелкими делами. Ссора председателя окружного суда с прокурором по поводу назначения нотариуса разделила общество на два лагеря, каждая сторона не упускает случая пустить в ход интригу и сплетню; остальное же общество с любопытством наблюдает эту бурю в стакане воды, ожидая, чем она кончится.

В народе везде ожидают войны, к ней готовятся, но тихо, спокойно. Происшествий, выходящих из ряда обыкновенных, не случилось.

О чем честь имею донести вашему высокопревосходительству.

Начальник управления полковник Комаров

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 23, лл. 47—48. Подлинник.}

№ 297

1876 г. октября 3. — *Письмо Т. И. Филиппова князю Милану о высылке ссуды сербскому правительству*

№ 2514

Ваша светлость!

Комиссия С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета получила от генерала Черняева, одну за другою, две следующие телеграммы. От 29 сентября: «Употребите все возможные усилия, чтобы сто тысяч червонцев в счет займа были безотлагательно вы-

сланы. Содействуйте всеми силами. Спасайте». И от 30 сентября: «Уведомьте, пожалуйста, возможно скорее относительно займа вообще и моей вчерашней просьбы в особенности»¹.

Из этих немногих и невнятных слов комиссия могла понять только то, что сербскую армию постигла какая-то крайняя и совершенно внезапная нужда, для удовлетворения которой настал последний, неотложный срок, и что правительство вашей светлости признало возможным предстоящий по удовлетворению сей нужды расход принять на счет сумм заключенного им займа.

При таком положении дела комиссии предлежало употребить все свои усилия, чтобы сверх аванса, уже отпущенного сербскому правительству в счет займа, исходатайствовать у тех, от кого это зависит, дополнительное в счет займа ассигнование в размере, указанном генералом Черняевым.

Но так как исполнение этой задачи по обстоятельствам оказалось невозможным и так как, с другой стороны, замедление в удовлетворении требования генерала Черняева могло грозить гибелью делу, которому своими жертвами служит весь русский народ, то комиссия решилась на крайнюю, чрезвычайную меру. В заседании 1 сего октября она постановила: препроводить на имя вашей светлости почти всю свою наличность — 100 тысяч рублей, в виде ссуды, с тем, чтобы выданная в ссуду сумма была возмещена комиссии сербским правительством из первых ожидаемых им поступлений в счет его займа.

Подписал председатель Т. Филиппов

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 55, лл. 21 и об., 25. Отпуск.

1. В июне 1876 г. С.-Петербургский славянский комитет уже выдал в счет сербского займа 30 тыс. руб. (см. 59, стр. 46).

№ 298

1876 г. октября 5. — Письмо Д. А. Милютина вел. князю Михаилу Николаевичу о подготовке к войне с Турцией и плане действий Кавказской армии

Ливадия

Ваше императорское высочество! Считаю своею обязанностью довести до вашего сведения о настоящем положении дел.

Хотя дипломатические переговоры еще продолжаются и на мирный их исход еще не утрачена всякая надежда, тем не менее становится все более верноподобным, что для удовлетворения наших справедливых требований об изменении положения христианских областей Турции нам придется прибегнуть к силе оружия.

Весьма легко может стать, что во избежание еще большего усложнения дел к весне нам окажется необходимым решиться безотлагательно на зимнюю кампанию, хотя она и будет сопряжена с большими затруднениями и пожертвованиями¹.

Ввиду этих случайностей необходимо, чтоб подготовка войск, собранных на нашей закавказской границе, продолжалась со всевозможною энергиею.

Главные военные операции предполагаются в Европейской Турции; со стороны же Азиатской Турции действия наши должны иметь целью: 1) прикрыть наступлением безопасность наших собственных пределов —

для чего казалось бы необходимым овладеть Батумом и Карсом (или Эрзерумом, что предоставляется ближайшему соображению вашего императорского высочества); и 2) по возможности отвлекать турецкие силы и средства от европейского театра и препятствовать их организации — для чего, по овладении частью Армении, должны быть предпринимаемы более или менее дальние поиски легкими отрядами.

Таковы настоящие предположения; но, не останавливаясь на них, следует ныне же озаботиться и возможными случайностями в будущем. С этою целью, для приготовления общих соображений, я всепреданнейше прошу бы ваше императорское высочество почтить меня уведомлением: 1) какие части войск Кавказского округа, за исключением назначенных в отряды, следует считать безусловно необходимыми для удержания внутреннего спокойствия в крае и 2) какие затем части войск останутся еще свободными, как резерв, который, в случае внезапного развития большой войны, мог бы быть употреблен там, где в нем окажется наибольшая надобность.

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1876 г., д. 29а, л. 54 и об. Копия.

1. Высшее командование русской армии начало разрабатывать конкретные планы военных действий осенью 1876 г. 3 октября управляющий делами Военно-ученого комитета генерал Н. Н. Обручев на совещании при Александре II в Ливадии доложил соображения о плане войны (51, т. II, стр. 92—93). Все положения предложенного Обручевым плана войны были приняты (65, вып. IV, стр. 70—95; 7, стр. 67—74).

№ 299

1876 г. октября 5. — Записка Д. А. Милютина [Ф. Л. Гейдену] о подготовке проекта конвенции с Румынией на случай войны с Турцией

Секретно

Прилагаю при сем составленную по моей просьбе Ник[олаем] Ник[олаевичем] Обручевым записку о том, какие вопросы представляются для заключения конвенции с Румынией на случай движения нашего за Дунай¹. Покорнейше прошу ваше сиятельство по этой программе составить проект, который мог бы служить указанием со стороны военного ведомства тому лицу, которому будет поручено заключение конвенции. Если найдете нужным что-нибудь добавить, то, разумеется, не стесняйтесь этой программы, наскоро набросанной.

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7621, л. 1 и об. Автограф.

1. По мере развития Восточного кризиса для царского правительства ввиду возможности русско-турецкой войны становилась все более очевидной необходимость заранее заключить с Румынией, оставшейся в вассальной зависимости от Турции, специальное соглашение относительно беспрепятственного прохода русских войск через территорию Румынии к будущему театру военных действий. Однако правящие круги Румынии, длительное время стремившиеся проводить политику нейтралитета по отношению к развернувшимся на Балканах событиям, предпочитали воздерживаться от сближения с Россией. Большую роль здесь сыграло прямое воздействие со стороны западноевропейских держав. Все же летом 1876 г. вновь пришедшее к власти либеральное правительство начинает отклоняться от официально провозглашенной политики нейтралитета. Осенью 1876 г. были предприняты серьезные шаги к улучшению отношений с Россией. В конце сентября румынская правительственная делегация во главе с премьер-министром И. Братиану, отправившаяся в Россию, как официально сообщалось, с целью приветствовать императора Александра II, была принята в Ливадии.

В результате переговоров была достигнута договоренность о будущем сотрудничестве между Россией и Румынией в случае войны против Турции. В Ливадии не было заключено какого-либо специального русско-румынского соглашения, но в дальнейшем предполагалось непосредственно приступить к переговорам относительно такого соглашения. В связи с этим сразу же после отъезда румынской делегации из Ливадии была ускорена работа по подготовке проекта русско-румынской конвенции. Однако следует отметить, что и после переговоров румынские правящие круги продолжали колебаться и выжидать. Были предприняты попытки добиться признания «индивидуального нейтралитета» Румынии. Некоторые государственные и политические деятели открыто выступали против всякого сближения с Россией.

Указанная в документе записка Н. Н. Обручева (см. это же дело, лл. 2—5) определяет основные пункты конвенции (предоставление русской армии железных дорог, подводных и переправочных средств), а также взаимоотношения между русскими и румынскими войсками.

№ 300

1876 г. октября 5. — Из перлюстрированного письма капитана над Николаевским портом Н. Н. Андреева брату — главному командиру С.-Петербургского порта А. Н. Андрееву о подготовке черноморских портов к войне и о ее тяжелых последствиях для России

Меня все более и более пугает ожидание войны, которая отразится на мне множеством хлопот и терзанием сердца, не могущего равнодушно переносить настоящие и грядущие бедствия нашей несчастной России. Готовятся здесь к войне очень усиленно, но ни строимые на песке крепости, ни привозимые из Петербурга и Кронштадта большие орудия, ни мины, которые намерены набросать при входе в Буг и Днепр, перед Севастопольскою бухтою, в Керченском проливе, перед Одессою, не спасут от разорения тех городов, над которыми захотят позабавиться турецкие броненосцы, и в предстоящей войне постыдимся мы еще более, чем постыдились в Крымской! Придется изъять из употребления медаль, выбитую в воспоминание войны Крымской, ибо она будет напоминать, что желание того, кто придумал вычеканить на ней слова: «да не постыдимся во веки», не исполнилось. Но если дело обойдется без войны, то будет честь и слава императору. Он (да, кажется, еще Горчаков) только и сдерживает славянофило-башибузукский пыл Игнатьева и подобных ему злых честолюбцев.

Помета Александра II к фамилии корреспондента: Кто такой?
ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 468, л. 1 и об. Копия.

№ 301

1876 г. октября 6. — Перлюстрированное письмо И. С. Аксакова Г. И. Филиппову о подписании Московской городской думой адреса Александру II

Москва

Посылаю вам, любезнейший Третий Иванович, адрес, мною написанный, принятый и подписанный вчера Московскою думою¹. Будет ли он отослан государю генерал-губернатором или нет, это уже все равно. Постарайтесь, чтобы Петербург последовал этому примеру. В Москве дело сделано было так, что председатель собрания, т. е. голова, не был

(якобы) предупрежден и захвачен врасплох предложением одного из гласных, поддержанным другими . . . Адрес написан был спешно: надо было в несколько часов написать, прочесть тому и другому, переписать, доложить думе и проч. Тем не менее заключительные слова, если произнесутся устами всей России, будут иметь значение.

Прочтите Ламанскому и вообще дайте ход всему делу.

Помета Александра II к фамилии корреспондента: Кто такой?

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 466, л. 1 и об. Копия.

1. 4 октября 1876 г. на заседании московской городской думы гласный Д. Ф. Самарин произнес речь о борьбе славян Балканского полуострова за свою независимость. После этого он предложил думе обратиться с адресом к императору. В адресе говорилось, что московская дума готова идти на все жертвования, необходимые для сохранения чести России, и высказывалась готовность повиноваться велению государя, решит ли он твердым словом или войною дело спасения славян (ОПИ ГИМ, ф. 208, св. 1; «Русские ведомости», 5 октября 1876 г.).

№ 302

1876 г. октября 6. — Телеграмма А. А. Карасева окружным начальникам 1-го и 2-го Донских округов С. П. Овсову и М. М. Кучерову о прекращении отправки добровольцев в Сербию

Окружным начальникам:

второго Донского округа в Нижнечирск.

Постарайтесь остановить наплыв добровольцев; средства для отправки их в Сербию истощены. Карасев.

(То же и первого Д[онского] окр[уга]).

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 199, л. 220. Автограф (черновой).

№ 303

1876 г. октября 6. — Письмо А. А. Карасева окружному начальнику Усть-Медведицкого округа М. Я. Самсонову о причине прекращения отправки добровольцев в Сербию

Милостивый государь Матвей Яковлевич, наплыв в Новочеркасск добровольцев, желающих отправиться в Сербию, так велик, что недостает средств снабжать их всем нужным для путешествия. Пятьдесят тысяч, отпущенные для этого дела Славянским комитетом, приходят к концу, между тем из Усть-Медведицкого округа приходят казаки большими партиями и, разумеется, будут возвращаемы обратно.

Вы имеете возможность при случае дать по станицам округа известие, что прием волонтеров уже прекращен и желающие отправиться в Сербию могут это делать на свой счет, без всякого содействия Славянского комитета, вследствие чего поездка их в Новочеркасск представляется излишнею.

Покорнейше прося вас дать знать об этом по станицам, я позволяю себе просить вас принять уверение в совершенном уважении.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 199, лл. 220—221. Автограф (черновой).

1876 г. октября 7. — Предписание Д. А. Милютину Главному артиллерийскому управлению представить заключение о концентрации в Бендерах ружей для вооружения болгарского ополчения

Весьма секретно

Из телеграммы от 5 октября видно, что в разных складах (кроме кавказских) имеется старых годных ружей до 60 тыс., в том числе 40 тыс. гладкоствольных (с 2 млн. патронов) и 20 тыс. нарезных 7-линейных (с 500 тыс. патронов). Те и другие ружья могут быть полезны или для выдачи турецким христианам, для защиты их от вооруженного мусульманского населения, или для наших собственных ополчений, когда дойдет до них дело ¹.

Ввиду такого двоякого употребления означенных старых ружей, а также для избежания значительного (и может быть напрасного) расхода на перевозку всего означенного числа ружей в Бендеры, представляется к обсуждению вопрос: который из двух родов оружия полезнее и выгоднее для нас обратить, в случае надобности, для вооружения болгар? Быть может, для этого вполне пригодны гладкоствольные ружья? В руках неумеющего, необученного стрелковому делу, нарезное оружие не принесет более пользы, чем гладкоствольное. При таком взгляде не следует ли ныне перевезти в Бендеры только 20 тыс. гладкоствольных ружей (из числа имеющихся 40 тыс.), а остальные 20 тыс. этих ружей, равно как и 20 тыс. нарезных, держать пока в складах, до востребования? Если ж главное артиллерийское начальство в своих расчетах не предусматривает надобности в нарезных 7-лин[ейных] ружьях для наших ополчений, то можно сосредоточить в Бендерах 20 тыс. нарезных и 20 тыс. гладкоствольных, для выдачи тех и других сообразно назначению. Остальные же не менее 20 тыс. гладкоствольных и в таком случае держать в запасе, подготовив их к перевозке по первому требованию.

Прошу представить заключение Главного артиллерийского управления ².

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 146, лл. 8—9 об. Автограф.

1. Н. Р. Овсяный в своей книге «Болгарское ополчение и земское войско», вышедшей в 1904 г., утверждает, что будто бы болгарское ополчение было создано по инициативе Р. А. Фадеева, при этом Овсяный ссылается на записку, поданную начальнику Главного штаба русской армии. В действительности записка Фадеева не имеет никакого отношения к образованию болгарского ополчения. Она была написана им в Петербурге 14 октября 1876 г. и поступила начальнику Главного штаба 16 октября (помета на записке начальника штаба, см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 1).

Вопрос о создании болгарского ополчения был решен на совещании при Александре II в Ливадии 3—4 октября 1876 г., где обсуждался предварительный план будущей войны, составленный генералом Н. Н. Обручевым. Обручеву было поручено составить «Основания для организации болгарского войска» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 40, 76).

1 октября была послана телеграмма из Ливадии в Петербург в Главное артиллерийское управление с приказом «отобрать в разных складах все оружие старых, вышедших из употребления образцов, годное еще для действия милиции, и свезти его в Бендеры» (ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 146, л. 1).

Как видно из телеграммы начальника Главного артиллерийского управления А. А. Баранцова Д. А. Милютину (5 октября 1876 г.), о которой упоминается в данном документе, в складах России оказалось 60 тыс. ружей и 2,5 млн. патронов к ним (ЦГВИА, ф. 504, д. 146, л. 6).

2. А. А. Баранцов в докладной записке Д. А. Милютину 14 октября 1876 г. сообщал, что по артиллерийскому управлению было сделано распоряжение о сосредоточении в Бендерах 20 тыс. нарезных и 20 тыс. гладкоствольных ружей (ЦГВИА, ф. 504, оп. 7, д. 146, лл. 15—16).

№ 305

1876 г. октября 7. — Письмо Ф. Л. Гейдена Н. П. Игнатьеву о командировании полковника В. Г. Золотарева в Румынию для оказания помощи румынской армии в подготовке к войне

№ 788

С.-Петербург

Милостивый государь Николай Павлович!

Прибывший в Ливадию во главе посольства для приветствования государя императора президент Совета министров княжества Румынии г. Братиану выразил желание, чтобы кто-нибудь из русских офицеров был отправлен в Румынию, осмотрев там подробно все, что уже сделано по военной части, и указал бы, чего недостает или в чем нужно было бы еще сделать некоторые улучшения для полной готовности румынских войск к войне*.

Выбрав для этой цели служащего в Главном штабе полковника Генерального штаба Золотарева, военный министр приказал отправить этого штаб-офицера в Константинополь для получения от вашего высокопревосходительства дальнейших подробных указаний и инструкций по выполнению возлагаемого на него поручения.

Уведомляя о сем и командировав полковника Золотарева, который лично представит вашему высокопревосходительству настоящее письмо, имею честь принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Подписал граф Гейден

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7622, лл. 9—10. Отпуск.

№ 306

1876 г. октября 7. — Записка по III отделению о чтении профессором Петербургского университета О. Ф. Миллером лекций славянофильского направления

Профессор здешнего университета, по кафедре славянской литературы, Орест Миллер посвятил вчерашнюю, 6 октября, свою лекцию политической оценке современного положения славянского вопроса, который был им рассмотрен в ультраславянофильском направлении, так что в сущности это была не лекция, а исключительно политическая речь.

Содержание этой лекции было известно студентам заранее, почему в аудиторию, в которой читал г. Миллер, собралось студентов разных курсов до того много, что некоторые из них не могли попасть в аудиторию.

Речь Миллера несколько раз была прерываема самыми восторженными и общими рукоплесканиями, и по окончании ее Миллеру была сделана овация; вчера большинство студентов, слушавших эту лекцию, решили сообща написать и напечатать в разных газетах от имени всех студентов защитительную речь против тех нападок, какие направлены «Голосом» на деятельность Ореста Миллера¹.

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 61, л. 116 и об. Подлинник.

* См. прим. 1 к док. 299.

1. В либеральной газете «Голос» несколько раз печатались статьи за подписью «Макс» (№№ 176, 211, 224 за 1876 г.), в которых высмеивались национализм и славянофильство профессора Петербургского университета О. Ф. Миллера, призывавшего к немедленной войне с Турцией на стороне балканских славян. Что же касается решения студентов написать и опубликовать письмо в защиту Миллера, то оно, действительно, было написано и опубликовано в «Петербургских ведомостях» 9 октября 1876 г. В нем, в частности, выражалось «презрение к органу (т. е. «Голосу»), который поставил свою задачу идти наперекор лучшим порывам человеческой мысли и чувства». Это письмо выражало мысли и чувства значительной части студентов, сочувствовавших освободительной борьбе славян против турок.

Ответ на это письмо был помещен в «Голосе» 10 октября 1876 г. В нем выражалась точка зрения «Голоса» на балканские дела: «Увлечение молодости всегда почтенно, но бездоказательное бросание грязью в убеждения, почему-нибудь ненависящие, мы не можем признать судом беспристрастным и правдивым. . . Принеся все наши симпатии славянам, мы не можем, однако, поставить интересы балканских славян выше интересов России и признаем войну необходимою только в том случае, когда того потребует честь и достоинство России».

№ 307

1876 г. не позднее октября 8*. — Письмо представителя БЦБО в Турну-Северине А. Иванова-Орукина в БЦБО об отправлении болгарских добровольцев в Зайчар и о получении обмундирования

[Кладово]**

Днес пристигнаха около 20 руси, които ще очакват изпращането им. Ида да ви известя, какво приносителят на настоящето, идва с доста важна мисия, която да се вземе във внимание, изискува се непременно.

Българските войници се отпратиха близо до Зайчар, за да опитат изпъждането на турците от това място.

Днес прие г-н Мишайков писмо от Браила, в което му казват да ми се предадат ризите и скамата***, която е пратена от Браила; аз ще ги приема и изпратя, заедно с кожухчетата за новия им лагер у Луково. За жал, че кожусите не са дошли още и питайте за тях у Браила.

Без повече оставам с поздравление.

А. х[аджи] Иванов

НБВК—БИА, ф. 56, II Д 1275. Автограф.

№ 308

1876 г. октября 8. — Записка И. К. Кишельского Д. А. Милютину о противодействии М. Г. Черняева организации болгарских формирований в Сербии

Ялта

Как задунайский болгарин, я служу России, этой второй по духу и крови родине своей, слишком 20 лет, вместе с этим столько же лет работаю и в пользу свободы своей первой родины — Болгарии и всегда

* Датируется по содержанию документа и по заметке от 8 октября 1876 г. об ответе на это письмо.

** Место написания не указано. По-видимому, письмо было написано из Кладово, так как к этому же времени относится другое письмо А. Иванова-Орукина, написанное в Кладово (НБВК—БИА, ф. 56, II Д 1032); сомнение вызывает тот факт, что в это время Орукин часто ездил и в Турну-Северин.

*** Перевязочный материал.

пламенно ждал и ловил удобный момент всеобщего потрясения постыдного и бесчеловечного ига турок; наконец, вот и момент; он уже давно наступил и продолжается, но я, к моему крайнему прискорбию, вследствие не от меня зависящих обстоятельств очутился вне текущих военных действий, то есть вне своей по духу и долгу обязанности. Признаться, мне перед самим собою даже стыдно, что я далеко от военных с турками действий, от которых меня отклонили эгоизм и непомерное честолюбие ген[ерала] Черняева. На мое прямое в делах участие смотрит вся Болгария, а я вот уже два месяца после данной мне отставки бесплодно бьюсь и отыскиваю базис своих операционных действий. Желая избегнуть незаслуженных по этому случаю упреков, я осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопревосходительство дозволить мне, хотя в виде облегчения давящего меня горя, изложить вам весь ход моих действий.

Вашему высокопревосходительству известны мои неоднократные, еще с прошлого года, усилия заручиться отставкою, которую вследствие политических обстоятельств я получил только в июне месяце этого года. События в Турции шли быстро и довели дело до поголовного избиения болгар в Филиппопольском санджаке, которое, как из болгарских и других донесений видно, что и по сие время продолжается, хотя другим, более скрытым способом, но не менее пагубным для православных болгар (ибо с греками и с рядом живущими униатами-болгарами этого не было и не случается); это столь варварское избиение болгарских жен, детей и старцев воспламенило в сердцах русских то глубокое братское сострадание, которое ярче всего выразилось в Москве. Город Москва первый из городов России откликнулся своими щедрыми пожертвованиями в пользу защиты безоружных семейств болгар от дикого и истребительного фанатизма турок. Нашлись и высокие покровители этого глубокого сочувствия всей России. Генерал Фадеев (которого я просил помочь своим в России влиянием делу болгар), сообразуясь с сущностью и важностью столь тесно связанного с интересами России дела, распорядился закупить на счет пожертвованных Москвою сумм несколько батарей и 20 тыс. ружей Шаспо. Я же, за неимением в Валахии операционного базиса, немедленно отправился в Сербию с целью испросить позволения у сербского князя собрать на его территории как можно скорее несколько тысяч болгар, чтоб организовать их посредством предуготовленных в России кадров и затем вооружить их своими же скорострельными ружьями.

Проездом через Валахию и Сербию я убедился, что при средствах можно было бы в две недели собрать более 10 тыс. бежавших из Турции болгар с целью сразиться с врагами своей родины. Но молдо-валахское правительство всячески мешало им организоваться там. Все эти молодые люди с радостью готовы были поехать за мною в Сербию.

Приехал я в Сербию. Князь Милан и правительство его, по-видимому, единогласно приняли мое предложение об организации в Сербии, именно в Кладове, болгарской дивизии; но так как эта местность входит в район главнокомандующего Тимокско-Моравской армии, которому представлено право самостоятельного распоряжения, то князь нашел нужным, чтобы я заручился бы и его согласием, поэтому и посоветовал мне отправиться в Делиград к генералу Черняеву.

Но его превосходительство, вследствие ли своего чрезмерного честолюбия, или же из боязни не потерять настоящего до ультрамаксимума избалованного обаяния, при первом же слове об организации в Сербии болгарской дивизии пришел в исступление от одной мысли, что эта русско-болгарская дивизия, перешедши сербскую границу, будет действовать от него независимо и что при материальных и боевых средствах она легко может дойти там и до состава целой армии, которая под командою

русского генерала могла бы легко затмить всю безуспешность сербской армии и славу великосербского главнокомандующего; и что она могла бы также отвлечь от него и все денежные, санитарные и прочие всевозможные пособия России и добровольцев ее.

Сообразив все это и многое другое, генерал Черняев тут же наотрез отказал мне в этом, говоря, что *«на сербской территории нельзя организовать болгарского восстания. Вы хотите на плечах Сербии и ее кровью освободить Болгарию?»* и т. д. В минуты своего внезапного иступления он нападал на всех. Меня он упрекал, говоря: *«Почему вы четыре месяца тому назад не бежали, как я бежал из России, чтоб организовать болгарское восстание?»* Но где, как и чем вооружить это восстание — все это не входило в расчет главнокомандующего Сербии; это обстоятельство разом напомнило мне его поход на Бабину-Главу¹, с тысячей простых ружей, для поднятия сотни тысяч терроризованных болгар. Что он действительно требовал от болгар, естественно, невозможного, видно из того, что если так мало сделала Сербия, как государство независимое, которое десятки лет готовится к войне не только с Турцией, но даже и с Австрией и которое днем и ночью бьется изо всех своих сил разыграть славянского Пьемонта на Балканском полуострове, великого покровителя и спасителя всего южнославянского мира под скипетром великосербского короля, — то тем более невозможно было требовать внезапного вооружения от восставшей по инициативе же Сербии и затем терроризованной Болгарии, за каждым шагом которой зорко следили и следят не только турецкое правительство, но и все, даже враги ее.

Однако, несмотря на столь долголетние приготовления, Сербия все-таки очутилась и нравственно и материально не готовою для войны с Турцией. Князем лично сказанные мне слова: *«Не будь русские офицеры и русская помощь, турки давным давно были бы в Белграде»*, вполне подтверждают выше мною сказанное. Генерал Черняев тут же с одинаковой запальчивостью нападал на генерала Фадеева и на болгар за то, что они обманули его надежды во время похода на Бабину-Главу.

Озлобленный в высшей степени на болгар, он и сербская оmlадина принялись и словесно, и печатно укорять и унижать в иностранных сербско-австрийских и даже в русских газетах целую болгарскую нацию, приписывая болгарам всевозможные в мире пороки, а именно: *«что они до крайности трусы и всюду бегут от неприятеля, что они ленивы, лгуны и что болгарские волонтеры в Сербии даром едят сербский хлеб»*. При сем Черняев добавил, *«что из болгар и десяти даже человек не пало в сражениях»*. Между тем как из 4 тыс. болгарских волонтеров убито более 1700 человек, и на днях будет ему доставлен даже именной список павших болгар*.

Говорят, что с моим приездом в Сербию он объявил волонтерам, что будто заказал им в Вене зимнюю обмундировку; то же самое он и мне лично сказал, когда я передал ему, что волонтеры ходят голы и босы и что я просил его превосходительство господина Токарева о возможном снабжении их бельем и хотя бы старыми шинелями, и что я оставил военному министру г-ну Николичу в виде залога, из выданных мне 10 тыс. франков, 5 тыс. франков на блузы и панталоны болгарским волонтерам. Но Черняев отбросил мое предложение, говоря, *«что он сам оденет и организует болгарских волонтеров и что у него более 200 тыс. руб. в банке»*. Однако, несмотря на накопившиеся у него денежные средства, я узнал от только что возвратившихся из Сербии очевидцев, которые говорят, что болгарские волонтеры, не выдавшие себя за старосербов, и теперь еще

* Замечательно при сем, что ни одного нет раненного в спину и с простреленными и изувеченными пальцами.

ходят, как и прежде, босы и голы, без сумок и патронташей и всегда в авангарде, с простыми, даже без штыков, ружьями и что патроны свои они кладут за пазухой, которые при первом дожде превращаются в совершенно негодный для боя материал.

Генерал Черняев тут же в присутствии отставного подполковника Сытенко, который теперь служит в Сербии, упрекнул даже и Россию, говоря: «*Что же Россия хорошего сделала для Сербии?*» В этих его словах, которые так ярко обрисовали характер и направление его превосходительства, ясно проглянула великосербская оmlадинская идея. По мнению оmlадины, Россия, т. е. правительство, ничего не сделало в видах интересов великосербской идеи, за исключением всевозможных жертв русского народа. Иными словами, оmlадина негодует на правительство России за то, что оно не помогает Сербии быть первенствующей державой на Балканском полуострове, прочие же народы — париями великой Сербии.

Получив в Делиграде от генерала Черняева категорический отказ, я вернулся в Белград. Князь Милан удивился, узнав об отказе генерала Черняева в организации болгарских волонтеров на сербской земле, и обещал разузнать о причинах отказа и сообщить мне в Петербург об этом деле. Но видно, что дело это после столь интересного и форсированного генералом Черняевым провозглашения князя Милана королем осталось на заднем плане; поэтому и по сие время уведомления от князя не последовало; но зато генералом Черняевым была возбуждена отчаянная интрига противу самостоятельной по своим средствам организации болгарского отряда, и один за другим отправлено было несколько послов в Москву и в Петербург с целью, чтобы до основания разрушить это дело и направить в Сербию все пожертвованные в пользу болгар материальные средства, как-то: деньги, пушки и ружья, так как в них, говорят, крайняя там нужда.

Между тем в настоящее время оскорбленные болгаре, вследствие предосудительных поступков генерала Черняева, сосредоточиваются в Бессарабии и ждут возможности там вооружения и распоряжения.

Поэтому покорнейше прошу ваше высокопревосходительство, ввиду предстоящих новых неминуемых в Турции для христианства угроз и затруднений, а вследствие этого и неминуемой со стороны России оккупации Азиатской и Европейской Турции, исходатайствовать * разрешения кадров для пополнения их молодыми болгарами, которые, будучи совершенно разорены турками, скитаются теперь без работы, без приюта и куска хлеба. В Сербию они не желают отправляться, потому, что узнали, что болгарские там волонтеры ходят голы и босы и с крайне неудовлетворительным вооружением, за исключением тех, которые поневоле и из нужды выдали себя за старосербов. Если эти молодые болгаре будут по присяге поступать в русскую военную службу и будут вооружены закупленными для них же 20 тыс. ружьями при 4 батареях, — я полагаю, что это будет полезно как для православных там жителей, так и для России.

Местному населению будет выгодно потому, что болгарским воинам, хорошо знакомым с местностью и народонаселением, будет легко своими добрыми ** частями (около которых немедленно сосредоточится все способное население страны) занимать терроризуемые турками пункты и тем предупредить всеобщую резню христиан, чего трудно достигнуть одною лишь оккупациею страны нашими войсками. Для России же оно будет выгодно тем, что оно своим усиленным кадровым составом

* В тексте не ходатайствовать.

** По-видимому, следует читать «дробными».

положит краеугольный камень своего морального и политического в Болгарии влияния; в особенности, если всем чинам русских кадров (по достижении полной свободы Болгарии или же хотя и политической автономии) дадут поземельные там участки. Таким образом, неизбежно основанное там влияние России прекратит или же по крайней мере наполовину уменьшит всевозможные противу России козни и домогательства Запада.

Недаром Наполеон III в 1857 году домогался у Порты секретно от России переселить в Турцию, между Казанлыком и Эски-Загрою, 10 тыс. французских семейств. План и договор его с Турцией, однако, были случайно мною открыты во время моего путешествия по Европейской Турции под именем француза. Об этом я немедленно доложил адрианопольскому генеральному консулу, а он послу. Затем в 1859 г. последовало, как известно, выселение татар и черкесов из России в Турцию.

Излагая все обстоятельства и весь ход моих действий, смею покорнейше просить ваше высокопревосходительство, ввиду столь неопределенной теперь политики, направить мою деятельность сообразно нынешним обстоятельствам в пользу текущих и будущих предприятий на Балканском полуострове.

Отставной генерал-майор

Кишельский

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 3, лл. 65—76. Подлинник; «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. VI, стр. 38—43.

1. Речь идет о действиях южноморавской части сербской армии, которая еще в начале войны повела наступление на Белу Паланку, находившуюся в руках турок. Бабина-Глава была захвачена в результате боев 19 и 20 июня, но уже 3—4 июля была оставлена под натиском турок (81, стр. 18—23).

№ 309

1876 г. октября 8*. — Письмо С. Стамболова в БЦБО о подготовке болгарских вооруженных отрядов в связи с ожидаемой русско-турецкой войной

Одеса

Почитаеми господа!

От Киш[и]нев Иванов проводи до Браилския комитет 2000 фр. за известната работа.

Аксаков ми телеграфира, че Цанков и Набодков са в Петербург. Московските купци са изпратили тука, в Одеса, 30.000 пушки и 8 батареи за южните славяни. Нашето крастави Настоятелство предложило да се пратят тия неща в Сърбия, защото на българите уж не трябвали?!¹

Очаква се война с Турция. Тука укрепяват Одеса. Работа се трябва енергична. Русите не трябва да ни заварят спящи и лежащи, по въстанаха. Тукашни 2—3 българи, на които интересът е да са българите в калта, са противни на едно ново въстание. Те станаха причина да се не пратят досега още 4000 пушки «щучери» в Болград. Един от тях е Пашов, който сега е вече провизатор назначен за войската. 8-ия полк

* Документ датирован 8 сентября 1876 г. Однако эта дата является ошибочной, что следует из содержания документа, а также из следующих фактов: решение об отъезде К. Цанкова и П. Наботкова в Россию было принято БЦБО 21 сентября 1876 г. (см. протокол заседания БЦБО, НБВК—БИА, ф. 56, II Д 1003), а сам С. Стамболов уехал в Одессу после 28 сентября (см. кассовые книги БЦБО, НБВК—БИА, ф. 56, II В 1664, кн. 1, л. 4).

казаците жертвуват старите си пушки в полза на южните славяни. Ще гледаме да ги вземем за нас българите. Писах за това на Болград.

Командующи на войските за в България назначен — Семека.

Останах в Одеса да чакам Горчакова, Фадеева и Кишелски. Като се върнат те из Ливадия, ще проумея точно работите как стоят. Ако няма работа, ще се върна.

Въстание по мое мнение трябва без друго да се начене. Ако сте получили средства, подкрепете Зандрика ². Делото му ще се поддържа оттука.

2000 хиляди фр. се пращат от Иванова на Браилския комитет за храна на хората, които се намират в Браила и които ще минат в България въоръжени. Съобщете им.

Да се не чудите, че ви пиша на парче книжка. Пари нямам. В Унгени си заложих револвера, за да дойда до Киш[и]нев. Сега си залагам пусулата *, за да изпратя Живкова ** да съобщи на Зандрика всичко нужно. Аз съм на Централната гостилница борчлия. Не ще е зле да ми прати някоя пара и друга Комитетът, ако има. Само нека бъде с телеграф до някой търговец. Решил съм палтото си да продам, но пара да не поискам от Настоятелството. Разпоредете се както знаете, но. . .

Стамболов

Помета: 150 фр. да се внесат за Одеса. Ц

НБВК—БИА, ф. 56, II Д 1344. Автограф.

1. По всей вероятности, возмущение С. Стамболова вызвано несогласованностью действий Одесского настоятельства с решением БЦБО, принятым в сентябре 1876 г., об организации нового восстания. Болгары рассчитывали получить оружие из России, сосредоточить его в Румынии и оттуда переправить через Дунай в Болгарию (см. письмо БЦБО Славянскому комитету в Петербурге от 22 сентября 1876 г. НБВК—БИА, ф. 5, д. 7, лл. 161—164).

2. Вплоть до перемирия 20 октября 1876 г. БЦБО переправляло почти ежедневно в Сербию добровольцев группами по 10 и более человек (кассовая книга БЦБО. НБВК—БИА, ф. 56, II В 1664, т. 1, лл. 4, 5, 6).

Однако, начиная подготовку нового восстания, БЦБО не ограничило отправкой людей в Сербию. Задумано было согласованное вторжение в Болгарию с нескольких сторон, для этого в Сербию был послан русский офицер Григорий Филиппович Зандрик; в Петербург отправились К. Цанков и П. Наботков, чтобы получить помощь от России и заручиться ее поддержкой в ходатайстве перед румынским правительством о разрешении организовывать болгарские четы на румынской территории; С. Стамболову поручена была отправка оружия в Болгарию из России и организация чет в южной России (НБВК—БИА, ф. 5, д. 7, лл. 161—162; ф. 56, II В 1664, л. 6).

№ 310

1876 г. октябрия 9. — Письмо черногорского князя Николая И. С. Аксакову о тяжелом положении Черногории и с благодарностью Московскому славянскому комитету за оказанную помощь

Цетинье

Господине председниче!

Ја сам примио три хиљаде двије стотине шестдесет и један дукат, које сте ми као прилог Московскога одјела Славјанскога благотвори-

* *Компас.*

** *Вероятно, Никола Живков.*

телног комитета у помоћ страдајућим породицама српским на моје расположење послали.

Лијепа ова помоћ, коју је благотворителни комитет својој страдајућој браћи пружио, у овоме је часу тим вриједнија, што је данас невоља велика, а мени саме недостајаху више средства, да је ублажим. Већ досадање пошљедице овога крвавога рата врло су тешке. Није само Херцеговина и сви други српски предјели у Турској око Црне Горе обраћене дивљаштвом турским у пустош, а народ бачен у најочајније стање, него иста Црна Гора није одавно имала тежијех дана. Људи испогибали, рањеника пуно, а земља остала необрађена, нити је јесењи плод народ свуда покупити, нити је што за прољеће спремити могао. Народ је на великој муци сада, а још већа чека га с прољећа.

Ипак знајући добро, колико тај благотворителни комитет указује заузимања и помоћи страдајућим Славенима у Босни, Херцеговини и Бугарској и увјерен, да је њему добро познато данашње стање Црне Горе, ја сам се уздражавао обраћати се нарочито истоме комитету за помоћ. Сада, гдје је помоћ неопходна постала, гдје у овим великим часовима велике дужности имам да испуним према страдајућем српском народу и моме и добјеглом у Црну Гору и око ње, стављам ово бједно стање његово на братско срце тога благотворителног комитета, очекујући да ће што скорије и у будуће прискочити му у помоћ ¹.

Мило ми је, а увјерен сам, да ће и братском осјећању тога комитета угодно бити, што мумогуовом приликом јавити један значајни успјех моје војске, која стоји под заповједништвом г. Божа Петровића, наиме, да јој се јуче предао турски град Медун са посадом и цијелом убојном спремом. Истина да се овим број заробљеника умножио са 469 душа, те тијем и трошак, око издржања њихова, но корист и значајност тога догађаја је велика.

На посланим прилозима изјављујем Славјанском московском благотворителном комитету топлу захвалност и молим вас, господине предсједниче, да са свима члановима примите израз мога високог поштовања и ваздашње благонаклоности ².

Князь црногорский Николай

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, лл. 100—101. Подлинник.

1. С начала сербско-турецкой войны большая часть помощи Московского славянского комитета направлялась в Сербию. Черногория получила только денежную субсидию в размере 40 тыс. рублей. Ее материальные средства ко времени заключения перемирия оказались в состоянии, близком к полному истощению. Черногорские войска, находившиеся на боевых позициях в Албании и Герцеговине, были полураздеты и замерзали от холода. Появились болезни от голода и изнурения. В армии не хватало боеприпасов (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 23—24; ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 867, лл. 10—11).

2. В октябре 1876 г. Московский и Петербургский славянские комитеты обратили внимание на бедственное положение черногорцев и приняли решение об увеличении им помощи. В конце 1876 г. и в начале 1877 г. из России в Черногорию было направлено несколько транспортов с хлебом (ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 867, лл. 10—11; док. 370, 387, 408, 419).

1876 г. октября 10. — Письмо полковника Г. А. Вульфберта И. С. Аксакову о пересылке оружия в Сербию для болгаро-русских батальонов и об организации ремонта ружей

Петербург

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Подробное изложение вашего ко мне письма относительно ружей я сегодня отправил к Дандевиллю и к Михаилу Григорьевичу.

Первого я прошу снасть по телеграфу с Делиградом и передать прямо вам ответ Михаила Григорьевича. Условные выражения, которые я прошу Дандевилля употребить в телеграмме к вам, я помещу в конце настоящего письма. Отправленное мною письмо будет в Белграде в среду в 8 час. вечера; стало быть, вы можете получить ответ в пятницу или субботу.

Я полагаю, что первый транспорт ружей не успеет прибыть ранее этого срока. Независимо [от] этого я вчера отправил шифрованную депешу к двоюродному брату князя Милана, в которой вкратце изложил содержание вашего письма и прошу передать оное Михаилу Григорьевичу, ответ же последнего сообщить мне по телеграфу. По получении этого ответа я немедленно пришлю вам телеграмму. Я не телеграфировал непосредственно Михаилу Григорьевичу, боясь, чтобы не вышла какая-либо путаница, так как шифры были мною переданы Комарову, который уже находится в Белграде. С князем же я имею особые шифры, понятные для него одного.

От людей специалистов я узнал, что система Шаспо весьма непрактична. Ну, да что же делать? Прошлого не вернуть. Немало грехов на душе Фадеева¹. В настоящее время в Кишиневе находится г. Де-Волап, который в случае надобности, как говорят, может способствовать перевозке оружия чрез Румынию.

Насколько я понимаю дело, ваша мысль вооружить имеющимися прибыть ружьями Шаспо батальоны болгаро-русские весьма дельная и практичная. Со временем, быть может, наберется в Моравской армии и более 10 тыс. болгар, а потому было бы жаль передать часть ружей в Ибарскую или Дринскую армии. Чем большее количество людей одной и той же армии вооружено одинаковою системою, тем выгоднее. Конечно, берданки лучше, нежели шаспо, но я полагаю, что слухи о приезде в Сербию господина Бердана есть не более, как утка. По крайней мере я из Сербии не получил подтверждения этого слуха.

Вот копия с телеграммы, полученной мною третьего дня от Дандевилля и доказывающей ненормальное состояние г. Махачки: «Черняев сообщает, что никаких поручений Ситенке не давал. Он здесь тоже давал фальшивые сведения. Ему поручений отсюда тоже никто не давал. Теперь ясно». Это ответ на письмо мое к Дандевиллю, в котором я сообщил допрос, сделанный мною Махачке в Москве, и просил Дандевилля разобрать это дело.

Что сербская армия нуждается в оружии, это несомненно. Для пополнения недостатка можно было бы, кроме подвоза оружия, принять одну меру, которая не требовала бы больших расходов, а между тем была бы весьма практична и полезна. Дело заключается в том, что во время войны часть ружей пропадает и остается без употребления, потому что раненые уносят с собою оружие, оставляют в госпиталях, в домах, трактирах или разбрасывают по дорогам. Доказано, что в последнюю турецкую войну у нас таким образом пропали несколько сот тысяч ружей

и что вообще по окончании войны набирается около третьей части всего наличного состава, которые были заброшены в различные места. Таким образом, можно почти утвердительно сказать, что в Сербии в настоящее время разбросаны не менее 10 тыс. ружей. Большая часть из них требует, вероятно, незначительной починки. Собрать эти ружья и отдать в починку нисколько не труднее, нежели было открытие Америки.

Я говорил об этом с полковником Снесаревым, к которому меня направило Главное артиллерийское управление. Полк[овник] Снесарев специалист по оружейной части и целый год провел в шестидесятых годах в Сербии, где он сформировал сербскую артиллерию. Он предлагает сформировать мастерскую и отправить ее в Сербию.

Мастера будут взяты с наших оружейных заводов. Инструменты, необходимые для починки ружей, самые простые, и каждый мастеровой будет снабжен ящиком с необходимым инструментом. Мастерская будет находиться в Белграде, Смедереве, Парачине или Делиграде, смотря где потребуется. Заведовать ею должен артиллерист-специалист, которого можно будет выбрать из находящихся уже в Сербии русских офицеров. На его же обязанности будет лежать войти с кем следует в сношения для доставления к нему разбросанного оружия и вообще принимать практические меры, чтобы собрать оное. Вот расходы, которые потребуются на устройство этого дела:

20 мастеровым по 45 руб. в месяц	—	900 руб.
2 браковщикам по 90 »	»	— 180 »
одному офицеру 120 »	»	— 120 »
Доставка до места и обратно		— 800 »
Итого на 1 месяц		— 2000 »
» 2 месяца		— 3250 »
» 3 »		— 4500 »

Я просил Снесарева заехать в комитет, где он весьма толково и ясно рассказал Ивану Ивановичу Петрову все дело. Иван Иванович, конечно, горячо принял к сердцу и передал все в тот же вечер комиссии. Но вот десять дней прошло, и дело находится в положении status quo ante разговора.

Я лично убежден в пользе этого нехитрого предприятия. Если вы разделяете мое мнение и если вы согласны ассигновать необходимые деньги, то будьте добры сообщить мне об этом. Я тогда опять попрошу Снесарева взяться за организацию мастерской и надеюсь, что он не откажет в этом.

Искренно вам преданный и глубоко уважающий Г. Вульфферт

Для разговора с Дандевилем

1. Русско-болгарский батальон . . . . . = магазин
2. Моравская армия . . . . . = Соколов
3. Ибарская армия . . . . . = Федоров
4. Дринская армия . . . . . = Титов
5. Вооружать . . . . . = подарить
6. 1000 = 10 (стало быть, 10 тыс. = 100)
7. Бердановское ружье . . . . . = альбом
10. Батарей . . . . . = фотография
11. Серб . . . . . = сестра
12. Болгарин . . . . . = брат
13. Одесса . . . . . = купец
14. Унгены . . . . . = мастер

15. Черняев . . . . . = русский
 16. Кн. Милан . . . . . = Карл
 17. Карцов . . . . . = кучер

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 86, лл. 20 и об., 23 и об., 21—22. Автограф.

1. Р. А. Фадеевым были закуплены у прусского военного министерства 12 крупных орудий и 20 тыс. ружей Шаспо (последние из трофеев франко-прусской войны). Болгарская комиссия при Московском славянском комитете 17 сентября 1876 г. решила передать оружие русско-болгарской бригаде в Сербии (ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, 413/1, л. 5).

№ 312

1876 г. октября 12. — Телеграмма Г. А. Вульфберта И. С. Аксакову о просьбе М. Г. Черняева выслать оружие

Петербург

Германи телеграфирует следующее: русский сообщает, что ему совершенно необходимо получить все 200 * портреты. Он большую часть подарит брату. Магазин остаток отдает сестре. Они принесут громадную пользу с тем, чтобы непременно все были отправлены к нему **.

Вульферт

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 330, л. 19. Телегр. лента.

№ 313

1876 г. октября 14. — Рапорт заведующего Новгородским санитарным отрядом доктора Дворяшина председателю Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах А. К. Баумгартену о деятельности отряда в Делиграде

Со дня прибытия Новгородского санитарного отряда в Делиград 10 августа 1876 г. были устроены и поддерживались следующие санитарные учреждения:

1. Аптека, устроенная и находившаяся все время в ведении провизора Керстенса.

2. Транспортный перевязочный пункт со всеми приспособлениями: инструментами, медикаментами и перевязочными средствами под ведением хирурга докт[ора] мед[ицины] Флейшера.

3. Санитарная станция для тяжелораненых на 12 кроватей, до окончания битв под Алексинацем, под ведением окончившего курс М[едико]-х[ирургической] академии Чудновского.

4. Лазарет для больных внутренними болезнями на 12 кроватей (6 офицерских и 6 для рядовых) — в 3 крестьянских домах в деревне, под ведением княжны Назаровой.

* 200 исправлено на 2000.

** Текст расшифрован И. С. Аксаковым, его рукой сделаны надписи над зашифрованными словами: русский — Черняев; портреты — ружей; брату — болгарам; магазин — русско-болг[арский]отряд; сестре — Сербии (см. также док. 311, где даются шифры).

5. *Амбулатория* во всякое время дня и ночи, для больных внутренними болезнями, под ведением заведующего отрядом.

6. *Лечение местного населения и бежавших из разоренных деревень*, под моим наблюдением поручено было ученой фельдшернице Дмитриевой.

В дни сражений занимали перевязочные пункты в Великом Шилиговце, Нерич-хане, Джюнисской школе (Кауник) и на Крете и некоторые находились в прикомандировании к бригадам. На обзаведение отряда: инструментами, медикаментами, перевязочными средствами и всеми необходимыми приспособлениями для аптеки, перевязочных пунктов, санитарной станции и лазарета получено от Новгородского отдела Комитета попечения о раненых 1100 руб., от разных лиц 26 рублей, и все были израсходованы на уплату по счетам из магазинов; передержка к 13 октября 62 руб. 59 коп.

Перед отъездом из Делиграда оставлено материалом и звонкою монетою 125 рублей 92 коп.

121 руб. 4 коп., высланные городским управлением г. Новгорода через Комитет попечения о раненых, получены мною в Белграде 4 октября от генерала Токарева и сданы под расписку командиру Крагуевацкой бригады г. Леонову для передачи заведующему Новгородским отрядом провизору Керстенсу.

Получив известия от знакомых, что в пользу отряда высланы еще 200 рублей г. Языковым и 275 руб. дивизионного сбор[а] 22-й дивизии, справлялся об них в генеральном консульстве у гг. уполномоченных комитетов попечения о раненых и славянского, у председательницы «Женского Друштва» и митрополита Михаила, но никаких указаний не получил. Наконец, в Варшаве, на проезд с санитаром Булатовым до С.-Петербурга получено от генерала Соболевского 50 рублей.

На проезд, провоз багажа общественного и своего, прокормление в дороге и на месте в течение двух месяцев и на все личные расходы ни один из членов отряда никаких субсидий не получал и приносил посильный труд безвозмездно. Содержание лазарета и перевязочного пункта в Делиграде и в дни сражений в Великом Шилиговце, Нерич-хане, Джюнисской школе и на Крете (т. е. прокормление больных и раненых, прислуги, освещение и пр.) — все на средства членов отряда.

Содержание лазарета, со времени моего отъезда, взяла на себя княжна Назарова, но в помощь от окружного интенданта будет отпускаться паек по числу людей. Перевязочный пункт сдан киевскому отряду из 6 врачей под ведением доктора Сливчанского, аптека и лазарет в ведении Керстенса и Назаровой. Прочие члены отряда выедут из Делиграда, как только получат на свое попечение один из госпиталей на пути в Белград.

Состав отряда

2 доктора: Дворяшин и Флейшер, 2 студента: Чудновский и Вукчевич, провизор Керстенс, 2 ученых фельдшерницы: княжна Назарова и Дмитриева, и сестра милосердия Славинская; к отряду прикомандированы 11 сербских больничаров и десяток Сима Пеич.

По 1 сентября осмотрено и переправлено в Ражан 1500 раненых, из них перевязано с незначительными операциями 800, вынута пуля 26, наложено гипсовых повязок 25, оперировано 32, оставлено на санитарной станции 80 человек. Регистрировка больных в лазарете и амбулатории, и за сентябрь и раненых на перевязочных пунктах, благодаря передвижениям в дни сражений, вообще крайне затруднительна и может быть ведена точно только сербскими докторами на боевой линии, при выдаче свидетельств. 16 сентября перевязано мною на Крете 342 чел., у Чудновского в Джюнисской школе 400 чел. и у Флейшера в Делиграде 150 человек.

Как заведующий отрядом, перед отъездом вошел с представлением о награждении за усердие и участие в перевязках на боевой линии находившихся в прикомандировании к нашему отряду сербов: студента императорского Московского университета 2-го курса Вукчевича, десятора Симу Пеича и 5 чел. больничаров.

Для установления нравственной связи, для поддержания дружественных отношений между русскими и сербами и для поощрения усердной службы означенных лиц имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о награждении означенных в копии с рапорта начальнику санитета Тимоко-Моравской армии, прилагаемой при сем.

Начальником санитета Тимоко-Моравской армии представлены и получили знаки «Таковского» ордена с установленными патентами от главнокомандующего Тимоко-Моравской армии генерала Черняева, доктора Дворяшин и Флейшер, «Таковские» кресты 2-й степени, а провизор Керстенс и санитар Булатов медали за храбрость.

Представляя при сем полученные мною и Булатовым патенты, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство ходатайствовать о высочайшем разрешении принять и носить означенные ордена.

Заведующий Новгородским санитарным отрядом старший врач 85-го пехотного Выборгского генерал-адъютант графа Адлерберга 1-го полка коллежский асессор доктор медицины Дворяшин

ЦГВИА, ф. 277/л, оп. 1, д. 86, лл. 183 и об., 185 и об. Автограф

№ 314

1876 г. октября 14. — Из донесения А. Н. Карцова в Азиатский департамент МИД о необходимости выделить средства Сербскому благотворительному комитету

В недавнее время образовался в Белграде, под председательством митрополита сербского Михайла, комитет для оказания пособия жертвам войны *, в особенности же сербским семействам, покинувшим при приближении неприятеля жилища свои в округах Неготинском, Зайчарском, Княжевацком и Алексинацком, а равно и болгарским, прибывшим из окрестностей Видина, Ниша, Пирота и других мест искать убежища от зверства мусульман. По имеющимся у меня сведениям, число бежавших в Сербию болгар действительно простирается, считая женщин и детей, до тридцати тысяч душ.

Но еще до наступления холодов комитет рассылал по всему княжеству агентов своих для размещения по селам и городам как бескровных сербских семейств, которых быть может до ста тысяч, так и болгарских. К сожалению, средства комитета весьма ограничены и полученные митрополитом чрез тайного советника Токарева всемиловнейше пожертвованные на этот предмет государынею императрицею 17 тыс. рублей уже израсходованы.

В видах человеколюбия весьма желательно, чтобы благотворительность славянских комитетов обратила на это обстоятельство особое внимание.

С глубоким почтением.

ЦГВИА, ф. 277/л, оп. 1, д. 86, л. 227 и об. Копия.

* См. прим. 3 к док. 14; ЦГИА М, ф. 1750, д. 426, л. 442

1876 г. октября 15. — Письмо А. И. Васильчикова Д. Ф. Стурту
о необходимости объединить действия болгарских партий
«старых» и «молодых» в Румынии

С.-Петербург

Милостивый государь!

На почтеннейшее письмо ваше, адресованное по ошибке брату моему кн. Виктору Илларионовичу, честь имею отвечать, что я первого письма вашего от 10 сентября * не получил и по наведенным справкам не знаю, куда оно девалось; поэтому и могу отвечать только на последнее 29 сент[ября] **, которое тоже дошло до меня очень поздно, вчерашнего числа. Не зная всех обстоятельств дела и получив телеграмму из Букареста о выдаче денег, я тому несколько дней телеграфировал вам, что Славянский комитет просит выдать деньги по ассигновке секретаря В. И. Аристова. Так как эти распоряжения делаются по постановлениям особой комиссии***, то я не могу их изменить и должен вас просить остальные деньги, о коих вы пишете (4690 фр.), выдать по востребованию Центральному комитету.

Нам очень трудно следить издали за правильностью действий местных деятелей, и потому мы вам очень благодарны за сообщенные вами известия, которые примем к сведению. При личном свидании с г. Цанковым мы старались его убедить в необходимости слияния их комитета с другим обществом, состоящим под председательством митрополита, и внушили ему, что разрозненность местных деятелей вовсе парализирует наше содействие. Что главная цель, к которой наши русские комитеты должны стремиться, примирить эти личные пререкания и состязания, которые обыкновенно происходят от обоюдной неуступчивости и желания играть первую роль; если в такую минуту старшие не будут ласковы, а младшие послушны, то, разумеется, добра не выйдет, и нам трудно будет поддерживать наши сношения с болгарами. Что же касается до порядка их действий, то мы также высказали председателю и приехавшему с ним члену комитета, что считаем вредным, гибельным для самих болгар всякое подстрекательство в самой Болгарии**** и если ассигнуем деньги, то единственно для того, чтобы помогать тем из них, которые направляются в Сербию и поступают в русско-болгарский отряд. Они нас уверили, что они так и делают, и мы имеем сведения, что действительно у полковника Медведовского имеется около 2 тыс. болгар, большую часть доставленных к нему из Букареста.

Вот, милостивый государь, все, что я могу вам отвечать на ваше письмо, за которое приношу глубокую признательность и которым воспользуюсь для моего руководства.

Я только на этих днях вступил в действительное исправление моей должности председателя Слав[янского] комитета, так как до сих пор действовала особая комиссия, в которой я голоса не имел; поэтому я и не могу отвечать за распоряжения, последовавшие по сие время, и постараюсь теперь устроить все к лучшему.

Принцип мой будет тот, во-первых, чтобы согласовать действия нашего комитета с мнениями и видами официальных наших представителей и, во-вторых, чтобы примирять между собой разные кружки (партиями их назвать нельзя), которые своими пререканиями много вредят общему делу. Союз между ними необходим, потому что у одних больше веса и средств.

* См. док. 260.

** См. док. 292.

*** Комиссия по сбору пожертвований.

**** См. док. 279.

у других больше энергии и инициативы, и если бы даже их дальнейшие виды были различны, то в настоящий момент желательно, чтобы они оказали друг другу некоторую уступчивость¹. Смею просить вас оказать нам в этом отношении ваше содействие, и будьте уверены, что мы примем с благодарностью всякие ваши сведения и сообщения.

Примите уверения в совершенном моем уважении

Ваш покорный слуга князь А. Васильчиков

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 101, лл. 21—22. Автограф.

1. Уже упоминалось (док. 98) о сомнении некоторых членов славянских комитетов относительно возможности развития освободительного движения болгарского народа. Такое отношение исчезает к середине 1876 г., когда делаются попытки реальной помощи болгарам (миссия В. С. Ионина, создание «болгарской комиссии» в Москве и т. п.). В октябре 1876 г. отношение славянских комитетов к «болгарскому вопросу» опять вступает в новую фазу. Неизбежность войны России с Турцией становится все более очевидной, а отсюда ясно выраженное стремление Петербургского славянского комитета согласовывать свою деятельность с официальной правительственной политикой. Следует отметить, что А. И. Васильчиков гораздо трезвее, чем Д. Ф. Стюарт, оценивал обстановку и считал необходимым поддерживать тесный контакт и с революционным крылом болгарской эмиграции.

№ 316

1876 г. октября 16. — Телеграмма начальника Главного артиллерийского управления А. А. Баранцова Д. А. Милютину об отправке оружия для болгарских отрядов в Сербию

С.-Петербург

Револьверы с патронами, шашки могут быть высланы Москву Аксакову. Как угодно приказать — безденежно или по казенной цене?¹

ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 393, л. 3. Дешифр. текст.

1. 17 октября 1876 г. Д. А. Милютин сообщал, что «высочайше повелено отправляемые в Москву револьверы и шашки отпустить бесплатно» (ЦГВИА, ф. 7/л., оп. 5, д. 393, л. 5). Славянский комитет предполагал отправить это оружие в Сербию для болгарских отрядов.

№ 317

1876 г. октября 20. — Записка Д. А. Милютина о поручении генерал-майору Н. Г. Столетову формирования болгарского ополчения

В числе предположенных мер для облегчения движения наших войск за Дунай имеется в виду организовать несколько болгарских дружин, которые послужили бы ядром для дальнейшего развития болгарского ополчения¹.

Для общих распоряжений по формированию этих дружин полагалось бы дело это поручить ген[ерал]-м[айору] Столетову.

В помощь ему будут назначены несколько штаб-офицеров и в том числе бывшего полк[овника] Кишельского, который отправился уже в Бухарест².

Прошу сделать надлежащее распоряжение относительно ген[ерал]-м[айора] Столетова по ближайшим указаниям е[го] и[мператорского] в[ысочества] великого князя Николая Николаевича.

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 38—39. Автограф.

1. Болгарское ополчение включило в свой состав значительное число участников национально-освободительного движения в Болгарии накануне войны. Царское правительство, желая использовать антитурецкое движение болгарского народа, стремилось направить его в русло организованной и подчиненной русскому командованию военной борьбы против турецкой армии.

2. И. К. Кишельский, как помощник Н. Г. Столетова, по поручению военного министра выехал в Румынию, чтобы собрать сведения о болгарской эмиграции и установить с ней связь для формирования болгарского ополчения (45, стр. 49).

№ 318

1876 г. октября 20. — Из записки киевского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова А. Е. Тимашеву с текстом листовки о помощи южным славянам

№ 3772

17 октября утром снята была полицией неизвестно кем наклеенная на воротах колокольни Софийского собора записка следующего содержания: «Киевляне! Москва подала государю адрес в пользу энергичского содействия бедствующим славянам, но Киеву, как матери русских городов, первому следовало бы сделать такое воззвание к своему монарху. Подадим же руку колеблющемуся правительству и поведем его за собою на кровавый бой против варварства и рабства! Каждая минута гибельна для славян вообще. Славяне — наши кровные союзники. Вставай, родная земля! Долой рабство! Да здравствует свобода и новая славянская империя!» [. . .] ¹

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 824, л. 136. Копия.

1. Данных об авторе этой прокламации нет. По содержанию она близка песне «Двинемся дружно толпами» (по некоторым данным, она была написана Т. П. Пассек), изданной в Париже в 1876 г. кругами демократической интеллигенции и распространенной в России. III отделение распорядилось конфисковать листовку, так как в песне выражалась «задняя мысль, замаскированная сочувствием к славянам»:

...В этой борьбе обновление,
Други, я вижу, и нам.
Срок наступает терпенья!
Срок наступает цепям!

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 402, 404 и об.

№ 319

1876 г. октября 22. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву с предписанием настаивать на отводе из Сербии турецких войск за демаркационную линию

[Livadie]

Au clair: Reçu votre télégramme de ce matin
En chiffres: L'empereur vous ordonne d'insister * à ce que, dans le tracé de démarcation, Serbie soit évacuée.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 36, л. 215. Отпуск.

* Слова ordonne d'insister вписаны Александром II над зачеркнутым: engage á vous employer.

Открыто: Получил вашу утреннюю телеграмму

Шифром: Император приказывает вам настаивать * на том, чтобы Сербия была эвакуирована в пределах демаркационной линии.

№ 320

1876 г. октября 22. — Циркуляр Н. В. Мезенцова начальникам губернских жандармских управлений о предоставлении сведений об отношении различных классов русского общества к национально-освободительному движению южных славян и к возможной войне России с Турцией

Конфиденциально

По поводу последних событий, совершающихся на Балканском полуострове, а также ввиду мероприятий русского правительства для прекращения непрерываемого турками кровопролития во владениях южных славян, покорнейше прошу вас, милостивый государь, сообщить мне — по зрелом обсуждении и на основании как личных ваших наблюдений, так и полученных вами сведений и дошедших до вас слухов — откровенное ваше мнение о том, в каком положении находится в настоящее время в пределах вверенной вашему наблюдению местности настроение русского общества по отношению к означенным предметам.

Для облегчения составления вами о сем донесения, ожидаемого мною в самый непродолжительный срок, нужным считаю предупредить вас, что донесение ваше не должно заключать в себе ни пространных рассуждений, ни гадательных предположений, а должно категорически разрешить, насколько это возможно, следующие главные три пункта:

1. Все ли сословия в губернии, и при том в какой степени каждое из них, проникнуты сочувствием к бедствующим славянам Балканского полуострова; а также есть ли это настроение сознательное, или оно искусственно возбуждено, и в таком случае какие были побудительные к тому причины, явные или тайные.

2. Ограничивается ли это настроение проявлением чисто нравственным, или оно заявило себя знаками вещественными; и в этом последнем случае заключает ли в себе готовность принести и большие жертвы, если бы того потребовали дальнейшие обстоятельства.

3. Если окажется необходимым вооруженное вмешательство России в борьбу южных славян с Турцией, то на какие виды частного содействия всех сословий русского общества может рассчитывать правительство, не прибегая само ни к каким вынудительным мерам, кроме тех, кои неизбежны при всякой войне.

Настоящее мое предложение никому не должно быть вами сообщено, конфиденциальный же отзыв ваш прошу прислать ко мне в конверте с надписью «в собственные руки».

Подписал: генерал-адъютант Мезенцов

ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 1—2 об. Заверенная копия.

* Слова приказывает настаивать *вписаны Александром II над зачеркнутым: предлагает стремиться к тому.*

№ 321

1876 г. октября 23. — Письмо главнокомандующего боснийскими отрядами М. Деспотовича в Московский славянский комитет с просьбой оказать помощь Боснии

Седло-Босния

С тех пор, как Сербия и Черногория объявили войну Турции, поневоле замечается какое-то забытие боснийского края, где же уже восстание и война продолжается слышком год. Правда, что сербское и черногорское правительство имеют свои нужды, что дела им не позволяют, как следует, обратить нужное внимание на остальные стороны, но правда и это, что здешний край, состоящий под моим правлением, нуждается во всех необходимостях, а между тем с давнего времени не получает от никого никакой помощи. Русские комитеты известно, что помогают славянское дело приношением всего нужного в Сербию и Черногорию и то приносят во имя Болгарии, Боснии и Герцеговины, между тем Босния получает весьма незначительные пожертвования, а нуждается во всем, и то будь сказано как для больных, так и для здоровых. Кроме недостатка, уже и зима наступила со всеми своими ужасами и последствиями.

Далее, боснийское войско геройски сражается в продолжении много времени, а набавки свои добывает чрезвычайно трудно и весьма за дорогую цену, так что нам в 3 раза набавка обходится дороже, чем другим.

Чтобы доказать вам, что действительно амуниция обходится дороже, нужно вам сообщить церемониальные пути. Прежде всего нужно купить амуницию в Вене через агента, потом заплатить подвоз такой, чтобы хозяин баркаса был обеспечен во всех евентуальностях, если случайно австрийская власть секвестрирует, такая же история бывает [с] перевозом с моря до нашей границы. Много раз случилось, что попались и потеряли одно и другое. Все эти издержки как с больницы и беглецов мы выдерживаем уже слышком три месяца, без никакой помощи; то же самое и другие необходимости лежат на собственном моем издержании.

Затруднительное положение моей армии и беглецов в здешнем крае, при уже зимнем времени, голые и босые, оставляю вам вообразить потому, что в настоящем положении невозможно будет оставаться, и поэтому в надежде, что вы обратите внимание на забытый край Боснии, где же операции на поле битвы показались успешными, заключаю в ожидании, что скорейшей помощи.

Главнокомандующий боснийского войска
и главный управляющий Боснией Деспотович
ЦГИАМ, ф. 1750, д. 86, л. 95 и об. Автограф.

№ 322

1876 г. октября 23. — Записка члена Петербургского славянского комитета П. П. Голеницева-Кутузова о положении Сербии и средствах, необходимых для продолжения войны с Турцией

Белград

Сербия и славянское дело спасены перемирием¹. Предстоит воспользоваться возможностью в этот период воссоздать армию и поддержать всеми силами сербское правительство.

В беседах с министрами Ристичем, Николичем и Груичем я услышал следующее:

Я не скрою от вас, сказал Ристич, что положение наше, после последних событий, критическое; при существующих условиях нам долее вести войну *нельзя*. У народа истощились все средства, армия не может более сопротивляться турецким силам, втрое сильнейшим, укрепления не могут устоять против осадных крупновесных орудий, недавно только доставленных в турецкую армию.

Груич весьма подробно и откровенно изложил общие воззрения правительства. Из настоящего положения, сказал он, возможны три исхода: если в период перемирия Россия вступит в войну, то мы безусловно идем за нею до конца, но если бы Россия, опасаясь всеобщей войны, продолжала воздерживаться от вооруженного вмешательства, то мы все-таки могли бы продолжать войну и рассчитывать на успех, если бы то частное содействие, которое Россия оказывала нам деньгами и людьми, возросло до того минимума, который обеспечил бы успех. До сего времени всех русских волонтеров, офицеров и рядовых, насчитывается *не более 3 тыс. человек*, из которых остается за исключением убитых и раненых только часть. Финансовые средства страны много истощились, народ, не видя ниоткуда поддержки, обманутый Румынией и Грецией, некогда обещавших союзы, не видит предела своим жертвам, не видит впереди ничего, кроме опасности. Армия упала духом и требует реорганизации и пополнения.

Для того чтобы Сербия рискнула возобновить войну, ей безусловно необходимо иметь от России за месяц до истечения перемирия удостоверение, что частная помощь волонтерами и деньгами осуществится *в необходимом размере и разом*. Груич продиктовал мне, так сказать, смету необходимой субсидии: 1) требуется заем 6% сроком на 23½ года в сумме 4 млн. дукатов или 12 млн. рублей серебром. Из этой суммы предназначается 1 млн. дукатов на содержание войска, 1 млн. на приобретение оружия, 1 млн. на военные принадлежности и снаряды, 1 млн. на организацию восстания и помощь инсургентам в Боснии, Герцеговине и Болгарии; 2) требуется к истечению срока перемирия присутствие в сербской армии от 40 до 50 тысяч волонтеров, снабженных оружием и содержанием на время войны.

При этих условиях, говорил Груич, можно рассчитывать на изгнание турок из славянских провинций и на заключение мира под условием полной их автономии, с предоставлением Болгарии образовать самостоятельное государство и с присоединением Боснии и Старой Сербии к княжеству, а Герцеговины к Черногории. России же, как единственной державе, пришедшей Сербии на помощь, мог бы быть предоставлен протекторат над всеми самостоятельными государствами Балканского полуострова. Третий исход, это — ежели бы Турция потребовала умаления прав Сербии, — тогда война возобновилась бы во что бы то ни стало до гибели последнего человека.

Николич, военный министр, объяснил, что Сербия нуждается в оружии, что заказ, сделанный летом на 125 тыс. ружей, не мог в то время быть доставлен, что фабриканты, не дождавшись принятия их, распродали большую часть этого количества, так что остается теперь около 35 тыс., но и те, несмотря на возможность в настоящее время провозить оружие через Румынию, не могут быть доставлены, так как фабриканты требуют наличной уплаты, а в кредит, как прежде, не дают.

Затем он сообщил о предположении, что сербское правительство при-
нуждено будет во время перемирия распустить часть своих войск по домам для удовлетворения требования войска и что поэтому безостановочный и усиленный прилив волонтеров из России тем более оказывается

необходимым. При этом министр выразил, что отдельные казачьи отряды даже численностью от 200 до 300 чел. могли бы иметь важное значение и оказать большую пользу.

Граф П. Голенищев-Кутузов

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 861, лл. 5—6. Автограф.

1. Перемирие было заключено сроком на 2 месяца (с 21 октября 1876 г.). После поражения сербской армии при Джунисе и Алексицае, что делало возможным беспрепятственное продвижение турецких войск к Белграду, сербское правительство по требованию М. Г. Черняева обратилось к России за помощью в срочном заключении перемирия. Тогда 18 октября 1876 г. А. М. Горчаков предложил Н. П. Игнатьеву предъявить Турции ультиматум: если в течение двух суток турецкое правительство не примет перемирия на шесть недель или два месяца и не сделает немедленного распоряжения об остановке военных действий, то Россия разорвет дипломатические отношения с Турцией. Последняя приняла требования России (об истории заключения перемирия см. примечания к док. 261, прим. 1 к док. 286, примечания к док. 275; 31, № 5, стр. 448—450; 92, стр. 303—304).

№ 323

1876 г. октября 24. — Телеграмма А. Ф. Шульца начальнику Одесского губернского жандармского управления К. Г. Кнопу о запрещении М. Г. Черняеву въезда в Россию *

Государь воспрещает Черняеву въезд в Россию¹. В случае попытки проникнуть, вопреки высочайшего запрещения, его следует задержать и донести.

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 436, л. 15. Черновик.

1. Несмотря на такой категоричный тон М. Г. Черняеву вскоре, 20 ноября, был разрешен въезд в Россию (ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 436, л. 53 и об.). О причинах таких резких колебаний по отношению к Черняеву см. прим. 1 док. 263.

№ 324

1876 г. октября 24. — Письмо Х. Ф. Стоянова И. С. Аксакову о переговорах с Одесским болгарским настоятельством и о тяжелом положении болгарских эмигрантов в Румынии

Бухарест

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Из моего письма из Одессы вы знаете, что бесполезно было мое прибытие там; кроме того, что тамошнее Болгарское настоятельство узнало обстоятельнее и приняло ваши взгляды на общее наше дело, оно выказало готовность употребить свое влияние между болгарами ввиду достижения возможного соглашения относительно средств и целей общей деятельности. Подобное расположение Одесского болгарского настоятельства имело уже и фактическое последствие, добровольцы, о которых писал я вам из Одессы и число которых достигло до восьмидесяти человек, были снабжены всем необходимым для отъезда в Сербию. Но здесь узнал, что телеграфное известие о последних событиях заставило настоятельство приостановить опять эту партию добровольцев.

* Аналогичные телеграммы были отправлены начальникам жандармских управлений в Радзивиловое, Волочиске, Вержболого и Кишиневе и начальнику Варшавского жандармского округа.

Не знаю, хорошо ли сделали они; во всяком случае то, что произошло в последнее время в Сербии, имело сильное парализующее влияние на все здешние наши кружки. Притом немало способствует подобному настроению совершенная неизвестность относительно последствий заключенного уже двухмесячного перемирия. Здесь все предугадывают, что вместо движения добровольцев в Сербию начнется обратное и усиленное их движение из Сербии сюда и далее.

Вообще по настоящему здесь владеет полная неизвест[ност]ь, а между тем множество несчастных добровольцев и других, как я узнал, находятся в разных местах Румынии в самом безысходном положении и в крайней нужде; вследствие же последних событий число их возрастает быстро, а положение их, без вашей скорой помощи, будет вперед еще бедственнее и отчаяннее. Очень может быть, что многие будут работой добывать себе пропитание.

Но по крайней мере на первое время нужна скорая и деятельная помощь. Средств же здесь на это нет почти никаких. Барон * мне сказал, что те пять или три тысячи рублей, которые были у него, вы по телеграфу дали им другое назначение **.

Сколько мог и умел, я говорил здешним передовым *** болгарам, чтобы оказывали они с своей стороны возможно большее материальное пособие святому делу. Я узнал, что они немало пособий подали до сих пор; есть положительные сведения, что на их средства перебралось в Сербию более двух тысяч человек, они оказывали разным лицам разные другие пособия, на их средства отправлены делегаты Цанков и Балабанов ****. Я не могу теперь дать вам отчет о деятельности *молодых* *****. Я виделся и говорил с некоторыми из них; я старался особенно убедить их в вреде и в невозможности действ[ов]ать так, как они действовали до сих пор.

Как бы то ни было, есть теперь одно обстоятельство, которое господствует над всеми другими, это обстоятельство то, что теперь есть в разных местах Румынии, как и здесь, множество болгар, оторванных от дел общию борьбою и находящихся теперь в крайней нужде, есть и выходцы из Турции с семействами. Говорят, что некоторые дошли до такой крайности, что пустились даже на грабеж. . . На время, по крайней мере, если есть возможность, следует им пособить.

Теперь же, при перемирии, число нуждающихся неминуемо будет увеличиваться; значит нужда будет большая . . .

Помета: Деньги посланы на нужды болгар. Хр. Ф. Стоянов.

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, лл. 127 и об., 128 и об., 129 и об. Автограф.

№ 325

1876 г. октября 25. — Донесение начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления Н. С. Бириня в III отделение об отношении различных классов населения губернии к национально-освободительному движению южных славян и предполагаемой войне с Турцией

Конфиденциально

Насколько пришлось мне убедиться лично, так из сообщений моих помощников, находящихся в уездах губернии, и из разговоров с посто-

* Д. Ф. Стюарт.

** Деньги были переданы БЦБО (см. док. 292 и 315).

*** Речь идет о «старых».

**** Часть расходов на болгарскую делегацию в Европу взяли на себя «старые» (см. прим. I к док. 199).

***** БЦБО.

ронными лицами, можно положительно сказать, что сочувствие к южным славянам полное и, по моему мнению, оно явственнее обрисовывается в простом необразованном классе; каждый крестьянин готов поделиться последним, лишь бы помочь своим единоверцам, в особенности это рельефнее обрисовывается между женщинами. Доходящие до них слухи о зверствах турок, совершаемых над детьми и женщинами, зачастую преувеличенные, насколько может создать фантазия необразованного человека, остервенили простой класс так противу турок, что они готовы на все жертвы, лишь бы наказали неверных и освободили единоверцев от претерпеваемых ими мучений и бедствий. Они считают Черныява ниспосланным богом на защиту креста, и их вера так велика в него, что он непременно прогонит турок из Европы и восстановит православную веру на всем Балканском полуострове, разумеется не бывает иногда и не без сетования на наше правительство, отчего оно медлит подать вооруженную помощь славянам; по их мнению, дипломатические переговоры ни к чему не приведут, а что турок надо побить и изгнать из Европы. Все мною написанное касается крестьян православного вероисповедания, но не чухон *, которые ко всему этому относятся хладнокровно и без участия.

Купечество, большею частью недалеко ушедшее в образовании от простого класса, в понятиях и воззрениях с ним вполне согласное, также сочувствуя славянам, претендует, что нет вооруженного вмешательства.

Что же касается до образованного класса, то его можно разделить на две категории: одна, жаждущая непременно войны и что только ею может решиться Восточный вопрос; другая же оправдывает дипломатические переговоры, доверяя вполне правительству и приобретшему большую популярность министру иностранных дел канцлеру Горчакову, что они сделают все, чтобы не была тронута честь России, и добьются путем переговоров, без пролития крови, освобождения христиан Балканского полуострова с полной автономией. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-либо не сочувствовал и не принимал близко к сердцу все бесчинства и зверства, совершаемые турками над христианами.

Помещенная во всех газетах депеша от 18 октября, что государь император дал два дня на ответ Порте, принимает ли она безусловно перемирие на шесть недель или два месяца, произвела большое воодушевление в среде всех сословий, все ожидали войны и вполне сочувствовали, а не перемирия, полагая, что Порта, по тайному наущению Англии, не согласится на предложенные нашим правительством условия, но вышло иначе, и в настоящее время большая часть уверена, что без вооруженного вмешательства не обойдется.

Одно время распространился слух, что финансы наши плохи, в особенности обвиняли в этом директора государственного банка Ламанского и министра финансов Рейтерна, которые в такое смутное время отдали 80 миллионов золота за границу, тогда как этим несколько не поддержали кредита России, только уменьшили его из своих видов и выгод, дав некоторым банкам поправиться, в которых Ламанский состоит председателем; в то же время распространился слух о внешнем займе и что будто бы Англия мешала нам его совершить на выгодных условиях. По этому поводу мне не раз приходилось слышать: зачем нам внешний заем, на святое дело найдутся деньги и в России, пусть только правительство разрешит и объявит войну, всякий даст и сократит свои расходы, и Россия докажет Европе, что она обойдется и без ее материальной помощи своими средствами; найдутся люди, которые свои многолетние сбережения принесут с большим удовольствием правительству.

---

* Устаревшее пренебрежительное название финнов.

На вопрос, сознательное ли настроение всех сословий в пользу бедствующих славян, можно положительно ответить утвердительно. Не без того, чтобы оно не возбуждалось и не поддерживалось газетами, приходилось видеть, что полуграмотные платили последние деньги за № газеты, собирали кружок около себя желающих послушать новости из Турции, разбирали чуть не по складам о всех неистовствах турок в славянских землях и от всей души радовались, когда они узнавали из газет, что турки терпели поражение. Последнее время сочувствуют более черногорцам, чем сербам, обвиняя последних в трусости.

Из всего вышеизложенного можно сказать положительно, что как и до сих пор, все сословия будут жертвовать, насколько будет в их силах, и вероятно приношения увеличатся, если к тому еще газеты будут поддерживать настроение общества и высший класс его примет в этом участие.

Полковник Бирин

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 25—28. Подлинник.

№ 326

1876 г. октября 26. — Письмо Н. Стефанова Н. А. Попову
о положении болгарских добровольцев в Одессе

Одесса

Почитаеми ми господине Нил Александрович!

Последно ви писах преминалата неделя и ви казах дотогава колко българе имаше в града ни и занигде не са заминали.

Днес се събират всичките 72 души и завчера дохажда при них г-на Кесяков и им каза защо няма на никъде да заминат, тук щели да ги обучават, както и написаха от них до 20 души за кавалеристи, а останалите пещи. За ядене им дават сега на 72 души по 7 рубли на ден. От них има някои много голи; бяха подали прошение за дрехи, но не са им още взели, може тия дена да им вземат. В събота с парахода няма никой да дойде. За г-на Мусевич приех от Цариград едно писмо с една поличка заедно и не знам сега де се намира да му ги провадя. Затова моля ви, ако знаете де се намира да му ги провадя, пишете ми.

Имам чест да бъда ваш предани

Николай Стефанов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, л. 136. Автограф.

№ 327

1876 г. октября 26. — Письмо БЦБО И. С. Аксакову
об избрании его почетным членом общества

№ 25!

Бухарест

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Приветствуем вас и всех ваших неутомимых сподвижников с нравственной победой, одержанной торжественно, истинно братским самопожертвованием единоплеменного нам народа, доказавшего своими великими жертвами всему миру, что он решился твердо довершить заветчан-

ное его славными предками святое дело освобождения и нравственного объединения славян. Честь и слава славянским комитетам, расплодившим на святой Руси сию спасительную для славян идею: хвала и вам, Иван Сергеевич, не упустившим из рук кормило заветной идеи, даже во времена самые критические и враждебные для нее.

Ввиду священного братского союза славян, Болгарское центральное благотворительное общество в Бухаресте, движимое чувствами глубочайшей признательности и уважения к многолетней и многополезной деятельности вашей на пользу славянства, считает своим неременным долгом поднести вам от имени всех своих отделов свой диплом * на звание Почетного члена, согласно с общим одобрением всех членов в заседании общества 25 октября 1876 года.

Примите уверение всей болгарской эмиграции и всех отделов общества в Румынии и Болгарии в совершенном к вам почтении и преданности.

Председатель:	К. Цанков
Вице-председатель:	Ол. Панов
Члены:	П. Хр. Выскрвский, Ангель Т. Рунтов, Ив. Кавал[джиев], С. Стамболов, Д. П. Иванов
Секретарь:	И. Вазов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, л. 135 и об. Подлинник **. Печать БЦБО.

№ 328

1876 г. октября 26. — Письмо А. Е. Тимашева И. С. Аксакову о необходимости улучшения положения русских добровольцев в Сербии

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Генерал-адъютант граф Адлерберг телеграммою от 24 сего октября сообщил мне, что наш консул в Белграде *** донес по телеграфу, что русские волонтеры приходят в Сербию совершенно лишенные денежных средств, что волонтеры с утра до ночи осаждают консульство жалобами на отправившие их из России славянские комитеты, прося при этом пособия. Консул представляет об этом в предупреждение скандалов с русскими подданными, брошенными будто бы на произвол судьбы. При этом генерал-адъютант граф Адлерберг сообщил также, что государю императору благоугодно было повелеть мне войти по сему предмету в сношение с председателями комитетов, обратив их внимание на печальные последствия таковых распоряжений и на безотлагательную необходимость принять надлежащие меры к устранению впредь подобных беспорядков.

Во исполнение таковой высочайшей воли и имея в виду, что Славянский благотворительный комитет, по силе известного вам высочайшего повеления, состоит ныне в ведении вверенного мне министерства ¹, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, принять немедленно меры к обеспечению отправившихся в Сербию на счет комитета добровольцев, поставив меня в известность о всех тех распоряжениях, которые со стороны комитета последуют по этому предмету.

* Диплом препровожден Г. Золотовым.

** Краткое содержание письма дано Н. Чехларовым в «Документи по българското възраждане» («Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXII и XXIII, София, 1906—1907, стр. 38).

*** А. Н. Карцов.

Сверх всего покорнейше прошу вас доставить мне в возможной скорости сведения: сколько именно добровольцев Московский славянский комитет отправил на свои средства в Сербию и какая сумма была на это израсходована.

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном почтении и истинной преданности

А. Тимашев

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 359. Подлинник.

1. Пока царское правительство колебалось в выборе путей разрешения кризиса на Балканах, оно мирилось с активизацией деятельности славянских комитетов, а подчас и негласно содействовало им; оно не было солидарно и не отожествляло себя с панславистскими кругами русского общества. Утратив надежду на мирное урегулирование вопроса, правительство, опасаясь организации, проявившей такую активность и самостоятельность, поторопилось поставить ее под свой контроль. Уже в конце 1875 г., несмотря на возражения А. М. Горчакова, Совет министров принял решение о подчинении комитетов министерству внутренних дел на основе общего устава и поручил выработку его Московскому комитету. В марте 1876 г. проект был рассмотрен и министерство потребовало внесения в него некоторых поправок. Хотя устав был утвержден только 12 апреля 1877 г., уже с осени 1876 г. правительство изменило отношение к комитетам (60, стр. 341—342).

№ 329

1876 г. октября 26. — Донесение начальника Московского губернского жандармского управления И. Л. Слезкина Н. В. Мезенцову об отношении различных слоев населения губернии к освободительной борьбе южных славян и к возможной войне России с Турцией

№ 2572

Конфиденциально

Вследствие конфиденциального предписания вашего превосходительства от 22 сего октября за № 2356 *, полученного мною 25 числа текущего месяца, имею честь представить мнение мое, насколько оказалось мне возможным составить оное, по имеющимся сведениям и личному наблюдению, о сочувствии русского общества, ввиду последних событий на Балканском полуострове.

Сочувствие к бедствующим южным славянам действительно распространено во всех сословиях губернии, но не в равной степени. В сословии высшем, затем в духовенстве и частью в купечестве — оно развито более, чем в крестьянах, и вообще проявление его сильнее в городах, нежели в деревнях. В слоях интеллигенции настроение это сознательное в том смысле, что лица, сочувствующие страданиям славян, соединяют с тем понимание важности политического значения для России поддержки славян; прочие же сословия увлекаются сочувствием к ним по единству веры, возмущенные с тем вместе варварствами, которые совершаются турками над христианами; поэтому современное народное движение в пользу наших славянских единоверцев на Востоке выражается энергичнее, нежели как то было в Восточную войну.

Затем, в виду моем не имеется данных, которые давали бы мне повод назвать проявляющееся в народе сочувствие к славянам чисто искусственным, так как искренность его в народе не подлежит сомнению; но не могу не сказать, что в возбуждении и доведении народного настроения до настоящей степени напряженности значительно способствовали открытые

* См. док. 320.

действия и воззвания Славянского комитета, проповеди священников в церквях и, наконец, наша пресса, оказывающая ныне огромное влияние на народ, которому она сообщает все сведения о борьбе славян с турками.

Такое настроение в народе уже выразилось, как известно, в пожертвованиях деньгами, вещами, снаряжением госпиталей, отправкою медиков и добровольцев в Сербию; но сомневаюсь, чтобы народ был в состоянии принести, несмотря на всю свою готовность, добровольно значительные жертвы при наступающих событиях, так как последние годы для всех классов оно были весьма тяжелы, вследствие чего сбережений народных почти не существует, а настоящие политические события отражаются самым вредным образом на всеобщем благосостоянии, порождая застой в торговле и промышленности.

В случае вооруженного вмешательства России в борьбу за славян, частные пожертвования от всех сословий, конечно, будут, но они едва ли будут соответствовать по количеству тем огромным государственным потребностям, какие должна вызвать война, всего вероятнее, что народное содействие в сем случае правительству выразится в том же виде, в каком оно проявилось по отношению к бедствующим славянам, т. е. в сборах на раненых и снабжении всем необходимым наших госпиталей, а равно и в приговорах городских и сельских обществ относительно обеспечения семейств призванных на службу нижних чинов.

Генерал-лейтенант Слезкин

Помета: Д[оложено] е[го] в[еличеству]. Москва, 30 октября 1876 г.
ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 45—47. Подлинник.

№ 330

1876 г. октября 26. — Донесение А. В. Комарова Н. В. Мезенцову о пожертвованиях в пользу южных славян и об отношении населения Псковской губернии к предполагаемой войне с Турцией

№ 300

Псков
Секретно

Со времени восстания герцеговинцев интеллигентное общество, руководимое газетными статьями и движимое чувством сострадания, приносило свои жертвы вначале только из христианского милосердия, впоследствии, и то с восстанием Сербии, жертвы эти приняли политическую подкладку. В марте месяце, по распоряжению местного преосвященного Павла, и все крестьянское население, чрез посредство сельских священников, было приглашено к пожертвованиям для облегчения участи страждущих герцеговинцев. Пожертвования посыпались довольно щедро, но при этом крестьяне действовали и действуют совершенно бессознательно, приносят свою лепту охотно потому, что к пожертвованию приглашает их духовный архипастырь и притом с церковного аналоя, а следовательно, по их понятию, жертвы эти угодны богу и желает их государь и правительство.

О герцеговинцах, босняках, сербах решительно никакого понятия не имеет; жертвует своим добром потому, что ему говорят, что турки жгут и режут христиан. Агитация в особенности усилилась со времени

объявления Сербией и Черногорией войны Турции, когда во главе сербской армии стал русский генерал Черняев и распространился слух, что государь император косвенно выразил свое желание: видеть русских людей, добровольно отправляющихся в сербскую армию сражаться противу турок, так как по политическим соображениям русское правительство не может оказать фактической помощи восставшим славянам.

С половины августа по конец сентября агитация в пользу христиан Балканского полуострова достигла своего апогея вследствие почти ежедневных газетных статей зажигательного свойства, возвания Московского славянского комитета и бесчисленного количества членов Петербургского славянского комитета, явившихся за сбором.

С первых чисел октября вдруг произошло охлаждение к интересам славянских народов и выдвинулась на первый план возможность войны с турками и англичанами. С именами этих наций еще живет в народе воспоминание о Севастопольском погроме, а потому возбуждение в народных массах стало обнаруживаться яснее. Энтузиазм начал проявляться неподдельный, народный, а с 18 октября по 20 все были в лихорадочном возбуждении. Вечером 20 числа губернская почтовая контора была просто осаждаема народом, все ожидали объявления войны, и ежели бы она была объявлена, то в настоящий момент была бы весьма популярна.

Из всего вышеприведенного выясняется:

1. Что сочувствие в крестьянской среде вызвано явно распоряжением духовенства и распространением возваний Славянского комитета, как бы одобренных правительством. Более других сословий в пожертвовании участвовали крестьяне, так как из 15 тыс., собранных в Псковской губернии, 12 тыс. внесли крестьяне, а прочие 3 тыс. — жители городов.

Пожертвование несло и несет одно только русское общество; немцы, т. е. уроженцы остзейских губерний, стоят в стороне, за весьма небольшим исключением. Польское же общество положительно враждебно относится к проявлениям сочувствия балканским славянам, мотивируя свое нераположение тем, что им в 1830 и 1863 гг. никто не помогал, и русское правительство, подавляя у себя восстание, содействует инсurreкционному движению за границу и помогает мятежникам.

2. Сочувствие к славянам Балканского полуострова выразилось преимущественно вещественное, жертвовались деньги и вещи, но из всех классов населения, Псковская губерния выделила только двух добровольцев: помещика Кастюрина и священника Малиновского. С того же момента, как возможность войны перенеслась, так сказать, на русскую почву, выразилась в обществе готовность принести более значительные жертвы для своего правительства, которое будет преследовать не чужие, а более близкие каждому русскому интересы.

3. В случае вооруженного вмешательства России, правительство от Псковской губернии может ожидать только денежного приношения, и то при самой высшей норме не более 100 тыс. руб. Продуктами своими губерния по бедности жертвовать не может, лошадей, годных для всех видов потребностей военного времени, тоже мало. Псковская губерния более всего может содействовать Военному министерству участием в формировании санитарной части армии, т. е. устройство лазаретов, жертвами всего нужного как медицинского, так [и] вещественного для госпиталей и уходом за больными и ранеными, так как и теперь на эти предметы охотно общество делает жертвы.

В заключение должен сказать, что как ни часто выражается в последнее время желание войны, так как всякое коммерческое движение прекратилось, и общество находится в напряженном ожидании чего-то, тем не менее все, от простого крестьянина до лиц, занимающих высшие ступени губернской иерархии, сознают, что война есть одно из величайших

народных бедствий и что ежели мудрость человеческая найдет средство обойти это зло, то все останутся очень благодарны.

Начальник управления полковник Комаров

Помета: Д[оложено] е[го] в[еличеству]. Москва, 30 октября 1876 г.
ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 48—50. Подлинник.

№ 331

1876 г. октября 27 (ноября 8). — Из перлюстрированного письма русского эмигранта В. Печерина Ф. В. Чижову о влиянии освободительной борьбы южных славян на русское общество

Дублин

У вас отчеканили новое слово: *доброволец* (между нами будь сказано, Николай Павлович * никогда бы не допустил его в русский словарь). Войду в этимологический разбор этого слова. Доброволец значит—человек, идущий, по своей доброй воле, сражаться за независимость соседей или собратий. Очень хорошо. Но любовь к независимости очень прилипчива; человек, проливший кровь за чужую независимость, непременно подумает и о том, как и себе упрочить ту же независимость на родной почве.

Вот что говорит моя газета, т. е. «Вперед»: «Для пустой и бесцветной русской жизни борьба славян с турками героическая эпопея. Единоплемennость, единоверность и т. д. — дело несущественное и только облегчает возбуждение сочувствия. Главное дело — борьба притесненных с притеснителями. Русский человек, принадлежит ли он к интеллигенции или к народу, знает или по крайней мере смутно чувствует, что он вечно был задавлен и притеснен. Никогда он не мог ни говорить, ни думать, ни дышать свободно. И вдруг, с разрешения начальства, он может высказывать свое сочувствие другим подавленным, другим притесненным, которые решились жить политической жизнью, решились бороться против притеснителей! Точно так же, как верноподданные Людовика XVI рады были дозволению сочувствовать Вашингтону и Франклину и посылали из своей среды людей драться за дело свободы и независимости, которая отсутствовала во Франции старого режима, — так в настоящую минуту русские как будто чувствуют себя немножко людьми из-за того, что говорят открыто о своем сочувствии мятежникам против султана, производят публичные и печатные демонстрации в пользу этих возмущившихся подданных, шлют из своих рядов людей на борьбу за свободу, за независимость, которой опять-таки нет и не предвидится у себя дома».

Откуда у русских газет взялся теперешний их задор и кто их к этому подстрекает? Должно быть, у вас теперь неограниченная свобода печати; а может быть, и то правда, что хотели бы приостановить, да не могут. Государю придется сказать с Наполеоном III: *la Russie m'échappe* **. Турция и Константинополь — все это вздор; а главный вопрос о том: какое влияние эта война будет иметь на *внутренний* строй России? Может быть, мы с тобою доживем до чего-нибудь новенького в России: *res novae* ***.

Помета Н. В. Мезенцова: Получено от государя императора 6 ноября 1876 г.
ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 472, лл. 1—2. Копия.

* Николай I.

** Россия ускользает от меня (фр.).

*** Новый порядок (лат.).

1876 г. октября 28. — Письмо И. С. Иванова И. С. Аксакову
о несвоевременности восстания в Болгарии и о расходах
на отправку добровольцев в Сербию

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Спешу ответить вам на письмо ваше от 10 сего октября, которое я имел честь получить 20 сего числа чрез П. А. Висковатова.

1. Прежде всего я извиняюсь перед вами, что до сих пор я не мог прислать вам отчета в полученных мною от вас суммах. Несколько раз я брался за эту работу, но постоянные хлопоты по приему и отправлению добровольцев отвлекали меня от окончания этой работы. На днях засяду пересмотреть свои дела, составляющие уже пять томов, и составить этот отчет. Но во всяком случае я позволяю себе уверить вас, что к славянской копейке я отношусь строже, чем к своей, с соблюдением самой строгой экономии при выдаче пособий.

2. На отправку первой донской партии, которую вел А. А. Нарышкин, я просил вас по телеграфу выслать мне 7 тыс. руб. на основании приблизительно составленного предварительного расчета о стоимости проезда партии от Ясс до Турно-Северина в числе 70 лошадей и 60 человек; обошлась же она, как я писал вам, в 11 495 франков 45 сантимов, но мною выдано А. А. Нарышкину в Яссах 4 тыс. рублей, а остальные 3 тыс. руб. я обратил в записную сумму на отправку волонтеров по вашему указанию.

3. В телеграмме моей, переданной вам, неправильно написано было: «переведите мне тысяч шесть-десять», т. е. от 6 до 10 тысяч руб. серебром, с целью истребовать и не беспокоить вас частыми переводами.

4. Отправка одного добровольца от Унген-Яссы и Турно-Северина в 3 классе, как все вообще добровольцы обыкновенно едут, обходится около 60 франков, да на путевые расходы 30 и до Белграда 16 франков. Всего 106 франков, составляющих около 32 рублей.

Словом, пособие от 30 до 50 руб. считается весьма достаточным на одного добровольца, а если многие оставались, то не вследствие малого пособия, а по причине излишних трат на удовольствия.

5. В Турно-Северине все лето принимал и принимает добровольцев и вообще содействует им, а равно исполнял и другие поручения местный купец Коста Христов, родом болгарин, человек честный и преданный нашему делу, потративший немало и своих денег на это. Ему дано мною уполномочие, поэтому заменять его другим, а тем более Мориоли, о котором я и не имею лестных отзыв[ов], да к тому назначать содержание не следует.

Наконец, скажу несколько слов еще и о затеях по вопросу о восстании в Болгарии. Проекта поруч[ика] Земроки я не одобрял и не обращал на него никакого внимания. Из письма моего к вам от 18 ав[густа] вам известно, что всякое восстание в Болгарии при нынешних там печальных обстоятельствах и при положительной невозможности выслать туда ружья и боевые снаряды я считал и считаю немыслимым. Только по этим именно причинам, а не потому, что болгары неспособны к этому. В Сербии болгаре доказали, что они дерутся с полной отважностью, примера там не было, чтобы кто-нибудь из них бежал, а с братьями-сербам ведь это постоянно случалось. Это подтвердят и все наши офицеры, возвращающиеся отсюда.

Болгарское восстание нужно было поддержать в свое время, именно еще тогда, когда сформированные 2 тыс. человек в Кладово рвались туда и когда я в Сербии доказывал необходимость поддержания его, но на это

не было обращено внимания именно потому, что тогда слишком увлеклись самонадеянностью и численность[ю] своих боевых сил (до 200 тыс. человек) и уверены были, что на шестой день будут в Софии. Болгар[ский] охранный отряд, о котором я писал вам, хотя осуществление его я и тогда считал невозможным с финансовой стороны, хорошо вооруженный и имея в главе своей опытного боевого человека, мог бы проникнуть в Болгарию в то время, когда все турецкие силы были на сербской территории, который бы отвлек оттуда значительную массу войск. Теперь этот отряд будет иметь большое значение на случай перехода наших войск в Болгарию. Если будет возможность сформировать его, то он обещает принести большую пользу.

Единственные личности, которые сгруппировали бродившие в Сербии массы болгар и дрались с ними мужественно, что подтверждают русские офицеры, — это поручик Найден Панонников (убитый, говорят, сербами) и капитан, ныне майор, Райчо Николов, тот самый Николов, который мальчишкой 11 лет в 1856 году переплыл Дунай у Журжи и сообщил нашему корпусному командиру важные сведения.

При этом прилагаю вам и отчет о казаках. Обратное движение наших добровольцев из Сербии уже началось. Каждый день почти прибывают из Сербии и являются ко мне добровольцы с записками от генер[ала] Дандевилля о предоставлении им бесплатных билетов на поездку по железной дороге. Но начальники станций, не имея на это разрешения, отказывают. Нескольким возвратившимся я уже выдал небольшое пособие, разрешите ли продолжать выдачу небольшого пособия возвращающимся добровольцам по усмотрению моему? Не найдете ли возможным исходатайствовать у глав[ного] прав[ления] общества желез[ной] дороги разрешения о даровом провозе на родину этих бедных людей, которые принесли свою лепту пользы на боевом поле в Сербии, где они терпели и голод и холод. Я считаю справедливым облегчить их путь домой.

А. А. Нарышкин отправился отсюда за границу 25 сего октября.

За сим прошу вас принять уверение в моем глубоком к вам уважении и сердечной моей преданности.

И. Иванов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 57, лл. 117—119 об. Автограф.

№ 333

1876 г. - октября 29. — Письмо Т. Н. Минкова Д. Ф. Стурту с предложением поддерживать болгарскую партию «молодых»

Николаев

Добрейший барон! Димитрий Федорович!

Извините, что я так поздно отвечаю на ваше письмо. Мы уже 14 лет как знакомы, и никто не знает так хорошо мой образ действий, как вы, который в течение своей службы в Азиатском департаменте могли себе составить об нем понятие. Вы сами, барон, говорили мне, что когда вы назначены были в Славянское отделение и просмотрели его дела, то убедились, что я своими представлениями и донесениями создал славянское дело в Азиатском департаменте и что вы за мой образ действий полюбили меня и стали в те дружеские отношения ко мне, какими я имею счастье теперь пользоваться.

Разумеется, от ваших преемников я не могу ожидать подобного лестного отзыва, так как для ознакомления с моим образом действий и моими

взглядами нужно прочесть писанное мною в течение 14 лет, а едва ли кому хватит на это терпения. Я с своей стороны, добрейший барон Димитрий Федорович, могу сказать одно, что с таким усердием, как вы служили славянскому делу, едва ли будет служить еще кто-нибудь в Азиатском департаменте. Я один знаю, как много потеряло славянское дело по случаю вашего выбытия из департаamenta, ибо дело идет успешно не только благодаря указаниям начальствующего, но и благодаря сочувствию к делу тех, кои исполняют сделанные указания.

Замечание ваше на счет Наботкова и Центрального комитета дает мне повод* побеседовать с вами пространнее, и я надеюсь, что вы, которому известно, что я 14 лет изучал обстоятельства Балканского полуострова, примете их, как от человека, желающего услужить вам. Вы пишете, что вам Наботков не нравится, потому что он сейчас по приезде в Бухарест стал заниматься политикою. Я на это могу сказать только одно, что требовать от болгарина не заниматься политикою, особенно в настоящее время, было бы грешно; требовать от болгар можно только того, чтобы занимались политикою люди поумнее Наботкова. Я в последнее время убедился, что его умственные способности и ловкость далеко не для политического деятеля.

Что же касается Центрального комитета, то я скажу то же самое, что писал барону Офенбергу, когда он был генер[альным] конс[улом] в Бухаресте, т. е., что против старой партии в Бухаресте я не могу ничего сказать, но заметил, что не надо пренебрегать и молодой, потому что если у старой есть средства, то молодая обладает энергией. Старая партия состоит из людей необразованных, сидящих по целым дням в своих конторах и ни о чем не думающих, как только нажить капитал. Молодые же, коими пренебрегают старики, обладают энергией; они по целым дням расхаживают по кофейням, приходят в столкновение со всеми классами народа, и так как они были вооружены против русского консула барона Офенберга, то пропагандировали против России.

Если бы вы искали болгарскую карикатурную газету «Топан»¹ (барабан), то вы увидите, как он конфузил как барона Офенберга, так и всю старую партию. Если бы те господа имели влияние и вес, то почему они не постарались устранить все это. Мне кажется, что для нашего влияния мы должны стараться привлечь к себе тех, которые могут принести нам больше пользы.

Позвольте вас, барон, спросить, какую пользу могут принести нашему влиянию подобные личности, как старый митрополит Панарет? Человек без всякого образования и без всяких нравственных правил, который с утра до вечера пьян. Подобным господам могли давать такой сан только греки. Поверьте, что если бы он был достойный человек, то давно экзарх дал бы ему эпархию и он не жил бы в Бухаресте.

Что же касается Евлогия Георгию, то он действительно человек богатый; но разве он способен к роли народного деятеля? Вы, разумеется, не можете этого знать, потому что если вы с ним когда-либо разговаривали, то через переводчика. Следующий случай, бывший со мной в Николаеве, послужит вам тому примером. Когда приехал митрополит Панарет, я отправился с ним к адмиралу с визитом. Панарет говорил такую чепуху, что я краснел; но, слава богу, что я был переводчиком и передавал адмиралу совсем не то, что следовало бы; если бы я передавал верно, то адмирал удивился бы, как может митрополит городить такой вздор; между тем адмирал остался в том убеждении, что Панарет человек образованный. Наконец, что сделал Евлогий Георгию для пользы своих соотечественников при всем своем богатстве? О Станковиче и других я не стану говорить, потому что они лица второстепенные и люди почти неизвестные болгарскому народу.

Я вполне уверен, и, может быть, скоро убедитесь, что, придерживаясь старой партии, скорее повредите русскому влиянию, нежели принесете пользу. Обласкайте вы, барон, молодые силы и будьте уверены, что они будут проводниками наших интересов. Носятся слухи, что старая партия делает подарки окружающим вас, чтобы ее поддерживали перед вами. Насколько это верно, я не знаю, но если есть у вас такой, который за нее стоит горой, то он не без греха. При этом заметьте, что люди, примыкающие из болгар к старой партии, работают не для народа, а для себя.

Кишельского вы знаете. Он отличный прожектор. Но кто услышит или прочтет его проекты, то наверное подумает, что они написаны в доме умалишенных; он чувствует себя умственно слабым примкнуть к молодым силам, а потому ему место в старом комитете.

О г. Иванове, которого вы отлично знаете, потому что он исправником в Бессарабии, где ваше имение, я помню ваше мнение. Этому человеку скажите завтра, что он может заработать большие деньги, то он готов продать и родного отца. Ваши суждения об нем были совершенно верны, т. е. что он сын бедного отца, чернорабочего; получил на казенный счет образование в России и затем был учителем в колониях. Во время переселения болгар он нажился; сделали его попечителем бессарабских колоний, откуда прогнали за злоупотребления; потом он получил место исправника и теперь его не уберешь в 150 тыс. руб. Женился он на бедной, следов[ательно] от жены не получил состояния. За сим поставили вопрос, где и как он нажил состояние? Помните, г. барон, когда я вам на это возразил, что служить выгодно теперь только мошенникам и что же я выиграл, прослужив столько лет и заложив имение жены, истративши ее деньги на народное дело, — вы мне ответили на это: «Зато за Иванова скажет каждый, что он мошенник, а за вас, что вы честный человек, и что я с Ивановым не стал бы в такие отношения, в какие стал к вам». Как бы то ни было, но я знаю, что Иванов придерживается старой партии не потому, что он ее считает за полезного деятеля для народа, а потому, что он может с ней играть, как кошка с мышью.

Прошу, не думайте, что я отношусь пристрастно к старой партии; напротив, я с ней в очень хороших отношениях, ибо все те личности, кои составляют ее, знают меня еще как ребенка и я с ними в хороших отношениях; но я не имею права хвалить их, как хороших деятелей, когда я вижу, что они дурны. Что же касается молодого комитета, то вы сами убедитесь, что я по отношению к нему поступаю осторожно, так как высланные из Николаева 500 руб. посланы не прямо комитету, а вам для вручения Ионину, который, я уверен, следил бы о поступлении их по назначению. По причине же отсутствия Ионина вы их отдали старому комитету, который, я уверен, употребил деньги для той цели, с которой они были высланы.

Если вы желаете поднять в глазах славянского мира старый комитет, то докажите ему, что не так делаются выборы, как это он делает; соберется пять или шесть человек и говорят — составим комитет. Я, старейший по летам, буду председателем, ты моложе — казначеем, а вы еще помоложе — будете членами! Пусть они поступят в общую массу народа и пусть требуют выборов. Когда их народ выберет, тогда, каковы бы они ни были, каждый должен их считать и уважать за представителей и никто не вправе разбирать их качества; но пока они сами себя выбирают, то если будут и святыми, то все равно будут их осуждать.

Надеюсь, что наше давнишнее знакомство дает мне право высказать перед вами все вышеизложенное², и если я ошибаюсь, то вы меня не упрекнете, а выведете меня из заблуждения.

Верно: Т. Минков

1. «Гъпан» — сатирически-юмористическая газета, орган «молодых», выходила в Бухаресте с 1 февраля 1869 г. по 1875 г. Главным объектом ее нападков были «старые» и русское правительство.

2. Позиция Т. Минкова по отношению к двум партиям болгарской эмиграции в Румынии показывает его тонкую наблюдательность и объективность. В своей общественной деятельности Минков почти всегда поддерживал партию «молодых», революционеров, однако он не всегда был согласен с их методами и начинаниями.

№ 331

1876 г. октября 30 (ноября 11). — Донесение А. С. Ионина
А. М. Горчакову о переговорах по установлению демаркационной
линии между Черногорией и Турцией

Цетинье

Милостивый государь князь Александр Михайлович!

Военное положение вокруг Черногории, какое застало перемирие, представляет некоторые затруднения, которые нелегко будет устранить.

С албанской стороны положение обеих воюющих сторон довольно ясно. Между Адриатическим морем и Скутарским озером черногорцы занимали впереди своих границ только два села, затем граница княжества до турецкого округа Кучи составляет и демаркационную линию между армиями. Далее черногорцы занимают весь округ Кучей до реки Циевны, и занятие это после сдачи Медуна не может быть оспариваемо.

Но с герцеговинской стороны черногорцы, кроме Суторина и Зубцев, с самого начала войны занимали всю южную часть провинции с целью блокировать крепость Никшич и укрепления в проходе Дуга и в Пиве. Черногорцы во время перемирия, конечно, должны стараться удержать за собою эти позиции, но так как удержание их возбуждает вопрос о праве турок поддерживать крепости провиантом, то нельзя было не ожидать, что турки будут оспаривать эту демаркационную линию.

Обе стороны могут представить доводы за и против. Турки замечают, что нельзя допустить, чтобы крепости, не сдавшиеся во время войны, могли бы быть принуждены сдаться во время перемирия. Затем они могут сказать, что Мухтар-паша, укрепившись на черногорской границе близ Грахова, удерживал пред собою главную часть сил черногорских на этой границе и что затем отряды, блокировавшие Никшич и Горанско в Пиве, были столь слабы, что они могли считаться только летучими передовыми отрядами, четами, а не представлять собою корпуса войск, который только мог бы быть принятым в расчет при демаркации.

Черногорцы на последний аргумент возражают с полным основанием, что Мухтар сам собрал все турецкие силы в Герцеговине около Заслапа и Клобука, а потому и для черногорцев не было причины не делать того же. Пока Мухтар оставался бы в этих позициях, небольшие отряды совершенно были достаточны, чтобы блокировать крепости: они блокировались именно тем, что все турецкое войско было осуждено к бездействию в Клобуке. Мухтар не мог выйти из этих позиций и направиться, например, к Никшичу, не встретив пред собою всего черногорского войска. Если несправедливо, чтобы крепости были принуждены сдаться во время перемирия, то еще менее справедливо допустить, чтобы турки, не будучи в состоянии освободить их от блокады во все время войны, дожидались только перемирия, чтоб сделать это без опасности для себя и тем приобрести столь дешевою ценою огромную выгоду в случае возобновления военных действий после перемирия.

Все эти вопросы крайне замедлили бы установление перемирия, если б они должны были решаться вместе с определением демаркационной линии. Князь решился предупредить это и не вступать в переговоры о снабжении крепостей прежде определения комиссией или просто по согласию с турками демаркационной линии.

Вследствие этого, не дожидаясь прибытия комиссии¹ из иностранных офицеров в Рагузу, князь приказал начальникам двух корпусов — воеводе Вукотичу и Божидару Петровичу, сообщить тотчас же письмом турецким начальникам — Мухтару и Дервишу о месте нахождения главных черногорских сил во время перемирия, присовокупив, что четы, летучие отряды, которые особенно в Герцеговине находились весьма далеко внутри страны, будут отозваны к главным силам.

Турецкие начальники ответили на эти письма уклончиво, говоря, что они не имеют инструкций для определения демаркационной линии, а Мухтар заметил, что линия, определенная черногорцами, не совсем справедлива.

В таком случае оставалось ждать, пока европейская комиссия соберется в Рагузе, и предоставить вопрос ее усмотрению.

Но Мухтар на другой же день после своего письменного ответа Вукотичу прислал к нему, в Грахово Констан-пашу с официальной целью согласиться о демаркационной линии в Герцеговине помимо и до открытия европейской комиссии. Но после первого предложения условий со стороны Вукотича Констан-паша сказал, что для обсуждения их он едет прямо на Цетинье, и тотчас же уехал.

Мы тотчас же поняли, что таковой внезапный приезд сюда Констан должен скрывать другие цели и что демаркация была выбрана им как предлог только для того, чтоб не получить отказа, если б он заявил, что едет для политических переговоров. Догадки эти оправдались, а потому и официальная цель не могла быть здесь достигнута, ибо Констан и не настаивал на этом предмете, как только понял, что согласие о демаркации не поведет к другому, более важному согласию — к немедленному заключению мира.

Я не буду утомлять внимание вашей светлости подробным изложением переговоров о перемирии между князем и Константином, так как из этих переговоров вышло то, что Констан, не желавший сначала обращаться к европейской комиссии и как-будто не знавший о ее назначении, отправился сегодня в Рагузу. Князь послал тоже в Рагузу своего уполномоченного по установлению перемирия воеводу Станко Радонича.

Главным же образом Констан настаивал на согласии князя на снабжение крепостей — Никшича, в Дуге и Пиве — провиантом. Князь отказал ему в этом до определения демаркационной линии под гарантию европейской комиссии.

Станко Радонич получил также инструкции заняться с комиссарами только демаркацией между двумя войсками и не вступать в переговоры с комиссией, если б ей предложен был турками вопрос о снабжении Никшича провиантом.

Для князя прежде всего важно установить таким образом принцип военного занятия черногорцами известной территории, что может быть полезно ввиду постановления в конференции оснований для мирных условий по отношению к Черногории.

Если это военное владение южной части Герцеговины будет определено, князь может вступить в частное и отдельное соглашение по специальному вопросу о существовании крепостей. Турки, впрочем, желая избегнуть в этом случае военного вопроса и признания, что крепости действительно блокированы, уверяют, что крепости собственно не нуждаются в провианте, а нуждается в нем население города Никшича, которое было бы

эсправедливо во время перемирия с военною целью осудить на голод. Нызь думает согласиться позволить городу доставать себе пропитание Черногории или через ее территорию, но не допуская доставки провианталенною силою Мухтар-паши.

С глубочайшим почтением
имею честь быть вашей светлости покорнейшим слугою

А. Ионин

ВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1876 г., д. 749, лл. 272—276. Подлинник.

1. Международная комиссия, определявшая демаркационную линию между турецкими и соединенными черногоро-герцеговинскими войсками в Герцеговине и Албании, асела в Дубровнике (Рагуза) с 6 по 27 ноября 1876 г. В состав демаркационной комиссии были назначены комиссары со стороны России, Англии, Франции, Австро-Венгрии, Германии и Италии. Россия назначила в комиссию для Сербии полковника А. С. Зеленого, а для Черногории — полковника А. А. Боголюбова. Комиссия начала работу опроса офицеров, присланных Черногорией и Турцией, для определения позиций, анятых обеими сторонами. После этого комиссия направила своих представителей в Герцеговину и Албанию для уточнения демаркационной линии (ЦГВИА, ф. 485, г. 569, л. 5 и об.).

№ 335

1876 г. октября 30. — Письмо А. И. Васильчикова Н. К. Гирсу
об ограниченности средств славянских комитетов для оказания
помощи южным славянам

М[илостивый] г[осударь] Николай Карлович!

Получив ваше отношение от 28 сего октября, с препровождением выписки из донесения консула в Белграде, я пользуюсь этим случаем, чтобы объяснить вам некоторые обстоятельства, относящиеся к настоящему делу. Слав[янский] комит[ет] получает ныне со всех сторон из Сербии, Болгарии, Черногории от своих уполномоченных, от местных начальств, гражданских и духовных, самые настоятельные просьбы о пособии и самые печальные описания вопиющих нужд как местного населения, так и русских добровольцев, находящихся в Сербии. Размер требуемых пособий так далеко превышает средства комитета, что большею частью из них остаются неудовлетворенными и возбуждают жалобы против комитетов и их уполномоченных, будто бы располагающих неисчерпаемыми источниками дохода. Между тем доходы эти совершенно неверные, зависят единственно от суммы добровольных пожертвований, из коих значительная часть ассигнуется на содержание русских офицеров и волонтеров и едва покрывает крайние нужды сих последних. Сего же числа получил я известие от председателя Центрального комитета в Бухаресте г. Цанкова, который пишет, что он ожидает присылки 100 тыс. руб.¹, которые будто бы ему обещаны Слав[янским] ком[итетом], между тем никакого такого обещания не было сделано.

В этих обстоятельствах я долгом считаю просить в[аше] п[ревосходительство] уведомить о таком положении дел русских консулов в Белграде, Бухаресте, Рагузе и других местах, и если признаете нужным, то и приложить копии с сего моего письма, объясняя притом, что по примерному поступлению пожертвований и за вычетом самонужнейших расходов на добровольцев у Петерб[ургского] отд[ела] слав[янского] ком[итета] остаются незначительные средства для пособия местному населению и что рассчитывать на них для действительной помощи было бы по крайней мере ошибочно и неосторожно.

С чувств[ом] глуб[окого] поч[тения]

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 837, лл. 1—2. Черновик.

1. Как видно из письма БЦБО А. И. Васильчикову от 6 ноября 1876 г., в телеграмме была допущена ошибка: БЦБО просило не 100 тыс. руб., а 10 тыс. (ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 856, лл. 2—3 об.).

№ 336

1876 г. октября 30. — Письмо агента Московского славянского комитета П. Ф. Мусевича И. С. Аксакову о положении болгарских волонтеров и беженцев в Сербии

Белград

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Я вчера в 4 часу прибыл в Белград. Мы в Турно-Северине должны были ждать пять дней за пароход; теперь австрийские пароходы по Дунаю изменили свои таксы и только раз в неделю едут в Белград.

Возвратившись из рядов сербских баталионов, около 360 человек волонтеров-болгар находятся теперь в Кладове, которые желают перейти в Румунию; они недовольны от последнего распоряжения г. Милорадовича. Райча Николов, из болгар, русский офицер, который в Сербии произведен майором за отличие храбрости, командовавши большей частью из этих болгар, теперь сменен; и он, взяв на короткое время отпуск, отправился в Бухарест. Все эти болгары любят Райча — и всею душою ему преданы, но вознегодовавши, что его сменили, они одалились от бойном поле.

Я два раза бывал в Кладове, уговаривать их, чтобы остаться в Сербии и продолжать свое дело; но оказалось, что, кроме неудовольствия от г. Милорадовича, и большой недостаток в одеяло, они только на мундирах, очень мало из ними, которые имеют шинели, многие даже, я видел, и боси. В то время я отправился к г. Афанасиевичу и просил его отпустить несколько полушубок, но, к сожалению, ничего подобного не имелось лишнее, и так пришлось мне с горестию возвратиться в Т[урно]-Северин без успеха. Только с согласия г. Висковатова я отпустил 300 франков на покупку опинки, щоб не были боси, по крайней мере. На другой день мы отправились с пароходом в Белград; тут я сегой день видался с преосвященного митрополита и, изъявив цель моего приезда, просил от ними совет, как надо поступить: они отложили до второго свидания уведомить меня положение страждущих семейств, где они именно находятся в большинстве и как начать дело. Уверяют, что еще и до сих пор много из злощастных семейств остаются по лесам без покрова. Никакого известия не имеем от г. Станишева: скоро приедет ли здесь? нужно начать дело скорее.

Я накануне узнал, что кто-то из здешних болгар готовится уехать в Румунию организовать отряд из возвратившихся из Сербии болгар и других, находящихся в Румунии и Молдавии, и присоединить их в румунские баталионы в случае войны с Турцией, ежели только удастся ему склонить румунское правительство на то, чтобы не пропали эти заслужившие славянскому делу болгары.

Имею честь быть покорнейшим и преданным к вашему высокородию слугою

П. Мусевич

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 232. Автограф.

№ 337

1876 г. октября 30 (ноября 11). — Телеграмма И. С. Аксакова
К. Цанкову о формировании Россией болгарского отряда
на границе Румынии

Москва

Обстоятельства изменились. Не Сербия, а Россия формирует болгарский отряд на границе Румынии¹. На днях все узнаете.

Аксаков

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1053. Телегр. лента.

1. Еще до заключения перемирия между Сербией и Турцией (20 октября 1876 г.) БЦБО решило «сформировать особый отряд, который переправился бы из Румынии прямо в Болгарию и поднял бы новое восстание». После расформирования болгарских отрядов в Сербии часть болгарских добровольцев переправилась в Румынию. БЦБО решило держать их в готовности в связи с ожидаемой русско-турецкой войной. Составлены были списки, по которым предполагалась раздача пособий лишенным средств добровольцам. Об этих планах БЦБО сообщало И. С. Аксакову. После его ответа БЦБО усилило деятельность по вербовке добровольцев для отрядов в Румынии (99, стр. 22, 26, 28—29 и док. 309).

№ 338

1876 г. октября 31. — Обращение болгарских эмигрантов
в Румынии к Александру II об освобождении Болгарии
от турецкого ига¹

Державнейший, милостивейший великий государь, император всероссийский Александр Николаевич второй!

Царь многоуважаемый! Болгарский народ осужден был быть примером, чтобы целый свет видел, с одной стороны, в его владетелях самых кровавожадных и бесчеловечных мучителей и, с другой, — самый измученный и забытый народ, поработенный в полном смысле слова.

Для этого народа нет права, нет закона, нет правосудия, нет правительства, нет царя-отца, которому можно было бы пожаловаться: все ему запрещено. Только одно право у него: платить подати за податями и покоряться, безусловно, своеволию самого последнего турка, татарина, черкеса, арнаута и цыгана, — лишь он был верным слугою «дин-исляма» (магометанской веры), он имеет тогда полную власть над честью, имуществом и жизнью болгарина, которому запрещено даже произносить имя его географического отечества — Болгарии, называемой турецким правительством «Туна-вилает». Следовательно, когда болгарину запрещено все, излишне доказывать, что под ятаганом палача он решительно не может возвысить голоса, чтобы известить соседей своих о том, как немилосердно его колют, жгут, бесчестят и грабят.

Мы, нижеподписавшиеся, убежавшие . . . в эту землю, частью в войну 1828 года², частью в таковую же 1853 г.³, отчасти в периодические восстания 1856, 1862, 1867, 1872⁴ и отчасти в теперешнее последнее восстание летом * 1876 года, считаем своим священнейшим долгом изложить отчаянное положение болгарского народа тебе, царь многоуважаемый, единственный наш покровитель, и попросить твоей защиты.

* Ошибка при переводе с болгарского языка слова «пролет» весна.

Царь многоуважаемый! При всех неслыханных угнетениях болгарский народ всякий раз, когда ему представлялся случай, возвышал периодически свой мученический голос, но этот голос оставался всегда глазом вопиющего в пустыне.

Царь многоуважаемый! Доведенный до крайнего отчаяния (которое отымает ум и у самого умного человека), лишенный всяких нравственных и вещественных средств, без всякой организации, этот безнадежный народ с надеждою на бога и своих братьев-славян восстал в Балканах и в забалканских провинциях Болгарии почти с пустыми руками, чтобы засвидетельствовать об ужасных угнетениях, которые совершаются над ним периодически, и привлечь тем внимание христианской Европы. Но Оттоманская Порта под предлогом усмирения бунта решила буквально истребление болгарского народа, как это доказано рапортами различных европейских комиссаров, так что мы считаем излишним затруднять тебя, царь многоуважаемый, исчислением сожженных городов и селений, заколотых старцев, женщин и невинных детей и других разнообразных зверств бесчеловечных турок, каковые зверства вместо прекращения продолжают систематически и будут продолжаться до конца. Реформы, которые обещает теперь турецкое правительство пред Европою, равно как и административная автономия, которую Европа думает ввести в Турецкой империи, останутся мертвым словом, каким остались хатти-шериф, хатти-хумаюн и танзиматы⁵, и какие бы правители ни вступали в царградское турецкое правительство — пока они останутся турками, никогда у них не будет охоты улучшить состояние христиан. Болгарский народ не будет доволен никакими другими правами, кроме полной политической автономии, которая обеспечит мир на Востоке и жизнь болгарина.

Царь многоуважаемый! С жалостью и завистливым взглядом смотрит болгарин на соседние народы, которые наслаждаются свободною жизнью. . .

Царь многоуважаемый! Тяжело болгарину вспомнить, что одна только река отделила его от однокровного его брата русского, а теперь чуждый элемент влез между ними, чрез что и угнетатели его (болгарина), стали дерзче, грубее и бесчеловечнее.

Царь многоуважаемый! Тяжело безоружному болгарину видеть как элементы, враждебные славянству, наклоняются над его отечеством и высказывают исторические претензии на его землю, которую его прадеды и он сам часто орошали своею героическою кровью.

Царь многоуважаемый! Разрывается сердце болгарина, когда у него нет средств показать, что в его жилах еще течет кровь его праотцев, Крума, Симеона, Асена и других.

Царь многоуважаемый! Миллионы освобожденных рабов будут вечно благословлять тебя. И этого достаточно для монарха, чтобы обессмертить свое имя. Прибавь, царь многоуважаемый, к венцу твоего бессмертия еще один дорогой камень: «освободитель Болгарии». Болгарский народ помнит, что некогда русский князь Святослав избавил его от византийцев⁶, а тебя, великий государь Александр Николаевич второй, коленопреклонно умоляет избавить его от несносного турецкого ига.

Великий государь! Взгляни твоим милостивым оком, прости сильную свою десницу и защити беззащитный болгарский народ, который был некогда расадником православной христианской веры и славянского слова; пошли свое храброе войско, в рядах коего будем и мы, царь многоуважаемый, чтобы избавить несколько миллионов болгар, которые теперь насильственно кормят, одевают и возят войска общего неприятеля против любимых своих братьев-славян; поставь их на назначенное им провидением место в великом славянском семействе и пусть тогда увидит целый свет, и особенно дипломатия, — достоин ли презрения народ, здоровый, честный и трудолюбивый.

Могущий православный государь! Со слезами на очах и коленопреклонно умоляем тебя: пошли свое храброе войско и избавь Болгарию, потому что еще немного и болгарский народ исчезнет с лица земли, а его отечество обратится в новый Кавказ.

Могущий православный государь! Только ты в состоянии сделать из всякого болгарина льва: дай, государь все милостивый, средство, развяжи болгарину руки, и тогда увидит, где славянский Арарат, чтобы остановиться славянскому ковчегу.

Вашего императорского величества всепокорнейшие
и всепризнательные слуги

[подписи]

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1876 г., д. 770, лл. 250—255. Перевод с болгарского, современный подлиннику;

Газета «Нова България», 11 ноября 1876 г.

1. Пересылая публикуемый документ, русский генеральный консул в Русуке В. Ф. Кожевников в письме от 19 ноября 1876 г., на имя управляющего Азиатским департаментом МИД Н. К. Гирса сообщил, что издаваемая болгарскими эмигрантами в Джуржеве газета «Нова България» опубликовала 11 ноября 1876 г. адрес Александру II. «Нет ни малейшего сомнения, — писал В. Ф. Кожевников, — в том, что выражаемые в этом адресе мольбы и желания угнетенного народа найдут горячее сочувствие во всей болгарской нации, а потому я считаю долгом своим представить на благоусмотрение вашего превосходительства перевод на русском языке означенного адреса». (АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1876 г., д. 770, л. 249 и об.).

Данный адрес похож на другие, отправленные болгарами накануне созыва Константинопольской конференции на имя правительств великих держав.

Очень близок к нему адрес на имя Александра II от болгарских эмигрантов из Джуржева от 30 октября ст. ст. 1876 г. (НБВК—БИА, ф. 294 II В 8356). Под ним 41 подпись, среди них подписи Д. Икономова, Годора Минкова, А. Чалькова, Цв. Радуллова — представителей болгарской буржуазии. В адресе содержится жалоба на территориальные притязания соседних с Болгарией государств: «Соседние с нами мелкие государства, видя нашу явную погибель, вместо того, чтобы ему (болгарскому народу. — *Ред.*) помочь, начали делить его отечество. Греция приписывает себе законное присвоение Фракии. Воюющая Сербия называет Македонию своей Старой Сербией. Валахия назначает границей с Добруджей почти всю Мизию».

2. Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

3. Крымская война 1853—1856 гг.

4. Видинское восстание 1856 г. под руководством Димитраки Петровича, так называемая «Димитракиева смута»; восстание 1862 г. в Тырновском округе. Под восстанием 1867 г., очевидно, подразумевается поход вооруженных чет Панайота Хитова и Филиппа Тотю из Румынии в Болгарию в мае 1867 г. В 1872 г. Васил Левски начал подготовку восстания, но Димитр Обшти, несмотря на предупреждения Левского, осенью 1872 г. совершил нападение на почту, чем вызвал репрессии турецких властей.

5. Гюльханейский хатти-шериф (3 сентября 1839 г.) и хатти-хумаюн (18 февраля 1859 г.) являются началом двух этапов периода реформ (тапзимата) в Турции, продолжавшихся несколько десятилетий. За торжественным объяснением равенства между мусульманами и немусульманами и гарантией жизни, имущества и чести немусульман последовал ряд законов, которыми в стране вводилось новое судебное и административное устройство и финансовая организация. Все это, однако, осталось только на бумаге, не нашло никакого реального применения и не внесло почти никакого изменения в тяжелое положение немусульманского населения.

6. Имеется в виду поход русского князя Святослава в Болгарию в 967 г. В 972 г. Святослав потерпел поражение в боях с греками, заключил с ними перемирие и ушел из Болгарии; вскоре северо-восточная часть Болгарии была захвачена Византией.

1876 г. октябрь *. — Воззвание БЦБО к русскому народу
с просьбой о помощи болгарам

Братья!

Мучения, претерпеваемые болгарами на Балканском полуострове так велики, что нет возможности их описать. Как Русь некогда опустошали монголы, так точно и даже несравненно больше опустошают нашу страну турки, черкесы и башибузуки. Прекрасные и богатые поля, восхищавшие всякого путешественника, стройные села и города, построенные с большими трудами и жертвами, представляют ныне груды развалин, пепел и камни разбросаны туда и сюда, так что нельзя даже узнать, что здесь когда-то был город. На развалинах этих снуют теперь полумертвые и голодные толпы без крова и защиты и ждут башибузука и черкеса. Каждый день умирают сотни, и никто не может помочь горю! Да кто же поможет? Поля запущены и разорены, хлеб сгнил на корне, запас кончен . . . приходится лечь и терпеливо ждать голодной смерти. Прекрасные сады, роскошь и богатство жителей Балкана теперь выравнены с землею, все состояние взято, последняя копейка вынута из кармана. Не довольно этого, теперь начали собирать дань с ограбленных, и если не окажется того у страждущего — его повесят.

А зверства, совершаемые черкесами и башибузуками, превосходят времена янычарства, времена адских и невообразимых мучений болгарского народа, всеми оставленного на произвол дикому и необузданному варвару. Нет существа выше восьмилетнего возраста, не обеспеченного перед глазами связанного мучимого отца, мужа и брата. . . Нет матери, не оплакивающей своих детей, мужа или брата . . . Нет человека, не потерявшего того или другого; нет, наконец, человека не думающего: «вот завтра и меня изрубят, повесят, распялят пилою надвое или же посадят на кол». Как святые отцы терпели и переносили самые ужасные пытки, так точно и мы терпим и переносим ужасные пытки и злодеяния дикого варвара: нас распинают, изрезают в маленькие куски, сажают на кол и поджигают костер под ним, вынимают младенцев из утробы матерей, подбрасывают их и ударом сабли рубят надвое или же ловят на штыке; продают молодых девочек и мальчиков и заставляют принять магометанство; и все это совершается на глазах и по строгому приказанию *цивилизованной* Европы, той Европы, которая столько веков борется за свободу. Припомните, братья, монголов, припомните их злодеяния и изуверства и сравните тогдашний век с нынешним, с веком свободы, прогресса и цивилизации.

Пятьсотлетнее сгибание славянина пред мусульманином заставляет, наконец, поднять голову и опомниться, сознаться, что мы люди и такие же славяне, как и другие наши братья; что мы сотворены не для унижения и рабства, а для свободы и прогресса. Болгарский народ хочет и должен идти в одну ногу с славянами образованными, нашими братьями русскими и укрепить насколько возможно славянство и его могущество. Болгарский народ хочет и должен всеми силами стараться разорвать цепи, насильно наложенные на него, и отвести голову из-под ятагана и новоизобретенной турецкой виселицы, чтобы стать наряду с другими славянами.

Братья наши! Вы никогда не оставляли бедствующих и угнетенных южных славян и всегда спешили подать им руку помощи, руку спасения.

* Датируется по содержанию документа. Очевидно, воззвание было написано до перемирия Сербии с Турцией, заключенного 21 октября 1876 г.

Теперь настало время последний раз помочь младшим братьям болгарам, обедневшим до крайности от турецких грабежей, пожаров и немилосердных опустошений. Болгарский народ восстал и дрался отчаянно; ныне, уступая давлению огромной дикой массы азиатских варваров, народ стремится в Сербию, где отчаянно отстаивает свои права, наряду с сербскими, черногорскими и прочими славянскими воинами.

С наступлением зимы положение несчастных в Балканских горах делается невыносимое. Нужна скорая помощь для облегчения участи этих страдальцев, сделавшихся жертвою дикого исламского фанатизма. В Румынии и в Сербии более тридцати тысяч болгарских семейств бежало от преследования турок: несчастные беглецы умирают с голоду и балканского холода. Помощь подается, но помощь эта недостаточна, потому что бедствующие увеличиваются с каждым днем не десятками, а тысячами. Нужны средства, нужна подпора. Мы не отчаиваемся потому, что знаем, что братья наши русские не оставят нас и поспешат подать нам руку помощи. Услышите, братья, голос беззащитного, забытого народа и помогите ему воскреснуть и обмыть запущенные раны в душе и теле. На вас теперь осталось надеяться, на старших из славян. Помогите, кто как может и чем может, и да будет благословлено всевышним радушие ваше и помощь, оказанные погибающему.

Болгарское центральное благотворительное общество в Букуресте взывает ныне ко всем без исключения о помощи в пользу пострадавших семейств и раненых братьев на поле битвы с полною уверенностью, что русское сердце не откажет ему в своем братском сочувствии и содействии.

Почтенные редакции русских газет, описавшие так трогательно страдания задунайских братьев-болгар, умоляются открыть подписку для сбора добровольных пожертвований в пользу пострадавших.

Настоятельство Болгарского центрального благотворительного общества в Букаресте

Председатель: К. Цанков

Казначей: А. Т. Рунта

Секретари: П. Енчев, И. Вазов

Члены: П. М. Петров, И. Каваджиев, Олимпий Панов, Д. П. Иванов, П. Х. Высковский, Г. Д. Золотов

Пожертвования просят адресовать на имя председателя общества К. Цанкова в Букаресте (*Romania*) Bukarest, strada Mochilor, No 105. K. Tzan-koff.

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 54, л. 10 и об. Типогр. экз.

№ 340

1876 г. ноября 1. — Отношение Ф. Л. Гейдена А. Е. Тимашеву о мобилизации войск Киевского, Одесского и Харьковского военных округов

№ 457

Государь император высочайше повелеть соизволил мобилизовать немедленно войска Киевского, Одесского и Харьковского военных округов, а также предназначенные для сего части Московского округа и Кавказской армии, считая первым днем мобилизации 2 ноября¹.

О таковой монаршей воле имею честь сообщить вашему высокопревосходительству к зависящему распоряжению, присовокупляя: 1) что

призыв запасных нижних чинов и поставка лошадей от населения для укомплектования означенных войск по штатам военного времени должны быть произведены из губерний, поименованных в приложениях к отзовам моим от 7, 15, 16 и 19 октября за № 320, 403, 416 и 422, и 2) что я вместе с сим телеграфирую о сем главным начальникам подлежащих военных округов и губернским воинским начальникам соответствующих губерний.

О получении настоящего отзова и распоряжения ваших, по приведению вышеизложенного высочайшего повеления в исполнение, благоволите меня уведомить.

За военного министра начальника Главного штаба
генерал-адъютант граф Гейден

ЦГИАЛ, ф. 1292, оп. 2, д. 1351, л. 1 и об. Подлинник!

1. В связи с тяжелым военным положением Сербии (см. примечание к док. 322) Россия готовилась вмешаться в балканские дела. 18 октября Александр II дал окончательное приказание о формировании корпусов и назначении начальствующих лиц, а 1 ноября был подписан указ о мобилизации (51, т. II, стр. 102, 107).

По первой частичной мобилизации было мобилизовано 20 пехотных дивизий, семь кавалерийских, вся артиллерия этих дивизий, Донская казачья дивизия, ряд казачьих полков. Общая численность мобилизованных войск составляла почти 460 тыс. человек (286 батальонов пехоты, 363 эскадроны и сотен конницы и 1154 орудий, т. е. почти 460 тыс. чел., см. 64, стр. 250—253).

№ 341

1876 г. ноября 2. — Письмо Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте Т. И. Филиппову с просьбой о помощи болгарским беженцам в Румынии

№ 35

Милостивый государь Тертый Иванович!

Нужды болгарского народа в настоящее время так велики, что без благодетельного содействия наших братьев русских мы решительно не знаем, как будем отвечать хоть каким-нибудь удовлетворением всем требованиям настоящего положения. Наше человеколюбивое настоятельство по мере сил и средств своих старается отвечать постоянно возрастающим нуждам; на его средства отправлено более двух тысяч человек в Сербию на борьбу за славянское дело; настоятельство внесло, с другой стороны, около двенадцати тысяч франков в виде пособия бедствующим в санджаке Филиппопольском; более тысячи человек здесь в Румынии получили от настоятельства разные пособия в продолжение последних пяти месяцев; кроме того, оно должно по необходимости заботиться об удовлетворении некоторых других нужд, на которые настоятельство расходовало немалые средства, например содержание двоих болгарских делегатов и пр. По поводу борьбы и последних событий множество наших находится в настоящее время в крайнем бедственном состоянии: голые и голодающие в разных местах Румынии насчитываются не сотнями, а тысячами.

Мы не знаем, что делать с этими людьми, бросивши[ми] было свою частную работу, чтобы служить общему делу; долг, однако, и совесть велят не оставлять этих несчастников гибнуть от голода и холода; есть еще множество выздоровевших от тяжелых ран, но не способных ни к какой работе, их ни в каком случае не следует оставлять без постоянного пособия. Таково здесь настоящее положение, так велики нужды, ожидающие удовлетворения.

Обращая ваше внимание на вышесказанное и прося вас принять в соображение предстоящего развития деятельности нашего настоятельства вследствие неминуемых событий в скором будущем, умоляем вас покорнейше уделить настоятельству хоть самую малую часть средств, находящихся в вашем распоряжении; притом же позаботьтесь, чтобы все суммы, которые заблагорассудите уделить на нужды болгар в Румынии, были посланы на имя здешнего российского генерального консула и дипломатического агента, его высокоородию Дмитрию Феодоровичу Стурту.

Надеясь на ваше благосклонное внимание, имеем честь быть вашему высокородию покорнейший молитвователь президент Болгарского человеколюбивого настоятельства и настоятель болгарской церкви и в Бухаресте митрополит

Погонианский + Паиарет Рашев
Хр. Ф. Стоянов
Секретарь С. С. Бобчев

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 906, лл. 1—2 об. Подлинник. Печать Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте.

№ 342

1876 г. ноября 3. — Телеграмма таврического губернатора А. А. Кавелина в Министерство внутренних дел об успешном ходе мобилизации в губернии

Почтительнейше доношу: призыв нижних чинов идет весьма успешно. Более половины призываемых сданы, в иных местах и все. По Симферопольскому уезду встречается затруднение в подводах за недостатком лошадей, один переход придется частью отправить на волах.

Губернатор Кавелин

ЦГИАЛ, ф. 1292, оп. 2, д. 1351, л. 44. Телегр. бланк.

№ 343

1876 г. ноября 3. — Донесение и. д. начальника Ярославского губернского жандармского управления Кажанского Н. В. Мезенцову об отношении населения губернии к освободительному движению южных славян

№ 407

Секретно

По вопросам, изложенным в предписании вашего высокопревосходительства 22 минувшего октября № 2384 *, считаю обязанностью донести, что для более точной характеристики общества Ярославской губернии, по отношению сочувствия к славянам Балканского полуострова, необходимо некоторые из сословий подразделить на категории, ввиду значительной между ними разницы во взглядах на это дело:

1. Все лица, состоящие на правительственной службе и занимающие более или менее видные должности, глубоко и сознательно проникнуты сочувствием к бедственному положению славян Балканского полуострова,

* См. док. 320.

выразившемся посильным незначительным пожертвованием, и в случае вооруженного вмешательства России в борьбу южных славян с Турцией, судя по общему настроению, готовы будут принести в жертву жизнь и имущество, но это люди, живущие большей частью одним только содержанием, а по сему от них нельзя ожидать существенно-материальной поддержки.

2. Дворянство Ярославской губернии, до настоящего времени ничем еще не выразило сочувствия своего к бедственному положению славян Балканского полуострова, поэтому полагаю, что и в случае вооруженного вмешательства России в борьбу южных славян с Турцией оно отнесется с тем же равнодушием и к этому более близкому и родному делу.

3. Купечество делится между собою на две особые группы: а) более пожилое купечество, обладающее крупными капиталами, до сего времени относилось безучастно к славянскому делу и без особо побудительных мер или по меньшей мере искусственного возбуждения едва ли не отнесется с той же холодностью и к вооруженному вмешательству России в дело южных славян и б) молодое поколение, сближающееся с более развитым и образованным классом общества, старается вторить его сочувственным идеям к славянскому делу, выражая свою солидарность незначительными пожертвованиями, но это неискреннее сочувствие не дает права рассчитывать на серьезные с их стороны жертвы в случае, если Россия поставлена будет в необходимость предпринять вооруженное вмешательство.

4. Крестьянское население, возбужденное доходящими до них по слухам газетными известиями и частными объявлениями и брошюрами благотворительных учреждений, действительно глубоко проникнуто сочувствием к безотрадному положению славян Балканского полуострова, и я смею думать, что оно с полным сочувствием отнесется к вооруженному вмешательству России в дела южных славян и готово будет принести в жертву все свое состояние; но при этом, полагаю, необходимо заметить, что крестьяне Ярославской губернии далеко не могут считаться зажиточными, а посему рассчитывать с этой стороны на значительную материальную поддержку было бы ошибочно. Состояние народного сочувствия едва ли не положительнее всего можно выразить суммою пожертвований в пользу славян Балканского полуострова и отчасти участием общества в сербском займе. С половины июня до настоящего времени в пользу славян поступило пожертвований чрез здешние волости до 35 тысяч руб. серебром. Сумма эта по отношению пожертвований по сословиям приблизительно выражается в следующей пропорции: 80% пожертвовано крестьянами, 15% служащим сословием и 5% дворянством и купечеством. Затем сербский заем идет сравнительно еще слабее. В местном отделении Волжско-Камского банка, принявшего на себя реализацию сербских бумаг, до настоящего времени продано билетов всего только на 1000 руб., которые разошлись по мелочам и приобретены исключительно служащим сословием.

Обращаясь за сим к вопросу частного содействия, на которое может рассчитывать правительство от русского общества, я полагаю, что пока вопрос будет находиться только на почве защиты южных славян Балканского полуострова, больших пожертвований ожидать едва ли возможно, но когда коснется дело личных интересов отечества и будет до некоторой степени затронута честь и достоинство России, я позволю себе верить, что всеми сословиями русского общества будет принято искреннее участие, и пожертвования могут дойти до громадных размеров. При этом не лишним считаю доложить вашему высокопревосходительству, что в начале открытия подписки в пользу страждущих славян Балканского полуострова, как видно из отчета, публикуемого ежемесячно в губернских ведомостях, пожертвования со стороны крестьян, вносимые чрез волостные правления,

доходили слишком до двух тысяч руб. в месяц, затем, постепенно уменьшаясь, снизились до 80 руб. в месяц. Такое постепенное уменьшение пожертвований объясняется, с одной стороны, истощением средств, а с другой стороны, некоторым охлаждением общественного сочувствия после принесенных газетами известий о событиях, при которых совершилось взятие турецкими войсками Дюнишских позиций, а так равно и распространившихся в обществе слухов, что сербские войска вообще недружелюбно и даже с некоторой неприязнью относятся к русским добровольцам.

Майор Кажанский

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 175—178. Автограф.

№ 344

1876 г. ноября 4 (16). — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову с приложением проектов автономии Болгарии

№ 510

Péra

Très secret

Monsieur le chancelier!

Par suite du télégramme de votre altesse du 30 octobre et conformément à ma lettre particulière du 1/13 novembre ¹, j'ai l'honneur de vous soumettre ci-près deux projets d'atonomie pour la Bulgarie.

Le premier de ces projets, complété par un rapport explicatif également annexé ci-près, a été rédigé sur mes indications par le prince Tzérétélew et mr Schuyler dont j'ai trouvé utile de mettre à profit les connaissances locales ². En associant à ce travail académique le secrétaire de la légation d'Amérique, j'ai voulu engager son action personnelle dans un sens favorable à nos vues et influencer par son entremise les journalistes anglais * qui se trouvent en rapport avec lui et particulièrement le correspondant du «Daily News» qui a déjà rendu des services essentiels à la cause bulgare. ** J'espère qu'ils contribueront à faire prévaloir des idées raisonnables dans la presse anglaise et que leur avis, comme venant de personnes compétentes et désintéressées ayant parcouru dernièrement la Bulgarie, aura du poids aux yeux des diplomates qui se réuniront à Constantinople ³. Je compte produire le projet en question à la conférence après l'examen des propositions anglaises comme l'opinion d'experts qui n'avaient en vue que le bien-être des populations sans aucune arrière-pensée politique.

Le second projet, préparé à la hâte par suite du télégramme de votre altesse, sera réservé pour le cas où celui dont je viens de parler ne serait pas admis par la conférence, tandis que les propositions que ferait l'Angleterre ne répondraient pas à nos vues, ainsi que cela est plus que probable. La Bulgarie y est partagée en deux provinces ou vilayets et l'hierarchie de l'administration ottomane y est maintenue pour la forme, ce qui présente l'avantage de ménager les susceptibilités des grecs et d'écarter les objections qu'on pourrait élever quant à notre désir de créer une grande principauté bulgare autonome ⁴. En réalité, ce projet accorde cependant une autonomie complète aux cazas ou cantons, éloigne entièrement de l'administration les employés ottomans nommés par la Porte, admet une milice locale et tous les germes nécessaires pour préparer la création d'un état politiquement

* Мак-Гахан и Э. Пирс.

** См. прим. 1 к док. 212.

autonome dans un avenir plus ou moins rapproché. Il pourra naturellement subir des changements notables dans les détails jusqu'à ce que je le produise à mes collègues.

En soumettant ces projets à votre altesse uniquement pour répondre à votre invitation, je crois devoir attirer votre attention, mon prince, sur l'absolue nécessité de garder à leur égard un secret complet vis-à-vis des étrangers. Il est surtout nécessaire que le 2^d projet reste entièrement ignoré, car comme il résume le *minimum* de nos vues — nous n'aurions plus la faculté de faire valoir des demandes plus larges, si l'on en avait prématurément connaissance.

Dans tous les cas, je serai très reconnaissant à votre altesse si elle voulait bien faire connaître le jugement qu'elle portera sur les projets que je lui sou mets aujourd'hui.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur

N. Ignatiew

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 32, лл. 371—373. Подлинник.

Приложение I

1876 г. ноября I. — Донесение А. Н. Церетелева Н. П. Игнатъеву о составлении проекта устройства Болгарии

Согласно приказанию вашего превосходительства имею честь представить при сем набросанные мною наскоро основные мысли проекта устройства Болгарии, обработкой которого г-н Скейлер и я занимаемся в настоящее время. Прося ввиду спешности работы снисхождения вашего превосходительства к этому очерку, осмеливаюсь присовокупить несколько объяснений по поводу предпринятого нами непосильного труда.

Выработка удовлетворительного устава для Болгарии, при неясных ее границах, смешанном населении, отсутствии высших классов и неимении точных статистических данных, крайне затруднительна; лишь изучением местных условий, подробными расспросами жителей и иностранных агентов можно хоть отчасти пополнить пробелы, согласовать общие принципы с нуждами и желаниями народа и составить проект, приложенный на деле⁵.

Не имея этих средств, г. Скейлеру и мне приходится, оставляя в стороне многие подробности, пытаться согласовать понятия об административной автономии с нынешним положением Болгарии, насколько оно нам известно из личных наблюдений, в надежде, что наш труд пригодится как материал для дальнейшей разработки.

Ваше превосходительство изволите усмотреть из прилагаемого очерка, что, приняв за единицу *округ*, мы предоставляем населению в его пределах широкое самоуправление и стараемся этим путем дать полную свободу развитию благосостояния страны, но избежать ошибки дарования, в угоду отвлеченным теориям, излишних и опасных для недозревшего народа политических прав. Для того мы и стеснили кое-где выборное начало.

Администрации мы предоставляем весьма ограниченный круг деятельности и значительно уменьшаем тем число чиновников. Это необходимо ввиду недостатка подготовленных людей и для сокращения расходов.

Суды мы стараемся, насколько это возможно, отделить от администрации и создать им независимое положение. Назначение судей без различий

вероисповеданий в замену смешанных судов, крайне неудовлетворительных, очевидно, в пользу христиан.

С политической точки зрения вырабатываемый нами проект представляет, по моему скромному убеждению, ту выгоду, что соединение всех болгар в одну область послужит к укреплению и развитию этого народа, а между тем широкое местное самоуправление даст удовлетворение туркам и грекам в смешанных округах.

В заключение считаю долгом присовокупить, что этот проект административной автономии мы не считаем, однако, наиболее выгодной для болгар формой управления. Конечно, какое бы то ни было самоуправление, и с величайшими недостатками, оно все лучше турецких порядков. Но при теперешнем положении страны, раздражении страстей, отсутствии безопасности и законности, необходимо твердое и энергическое правительство, немыслимое при децентрализации. По мнению г. Скейлера, образование из Болгарии вассального княжества с иностранным правителем во главе гораздо более соответствовало бы потребностям Болгарии.

С глубочайшим моим и пр.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 32, лл. 374—376. Копия.

Приложение 2

1876 г. ноября 1. — *Plan d'une organisation de la Bulgarie projeté par mm. Schuyler et le prince Tzéréttélew **

Constantinople

La Bulgarie constituera une province autonome de l'empire Ottoman, formée des vilayets du Danube et de Sofia, des sandjaks de Philippopolis et de Slivno et des districts bulgares de la Macédoine.

Administration

L'unité administrative sera le canton (*mudirlyk*) avec une moyenne de cinq mille habitants. En conservant autant que possible les divisions territoriales existantes on en fera de nouvelles lorsque les *mudirlyks* se trouveront être trop insignifiants; on tâchera de grouper les chrétiens et les musulmans en cantons distincts.

Ces cantons posséderont un large *self-government* **; ils s'administreront eux-mêmes et s'occuperont sans aucune ingérence des autorités supérieures de la répartition des impôts, de la construction et de l'entretien des voies de communication, de police, etc.

A cet effet les habitants, sans distinction des cultes, formeront par voie d'élection un *conseil cantonal*, composé de délégués de chaque commune (*mahallé*). A la tête de ce conseil sera placé le *maire* (*mudir*) désigné pour un an par le gouverneur général entre deux candidats, élus par le conseil cantonal. Le maire sera le représentant du canton et l'organe de l'autorité.

Les cantons seront réunis en *gouvernements* (*sandjaks*), confiés à des *gouverneurs* (*mutessarifs*), nommés pour un certain laps de temps par la Porte du consentement des puissances, les fonctionnaires seront chrétiens ou musulmans selon la majorité de la population du gouvernement; ils ne seront que les représentants du gouverneur général; leur tâche sera de maintenir l'ordre et

* Заголовок документа.

** Самоуправление (англ.).

de surveiller l'activité des maires et des conseils cantonaux. Chaque gouverneur aura une *chancellerie* et un *conseil* de quatre *membres*, désignés pour un an par le gouverneur général entre les candidats présentés par les cantons et des *chefs des communautés*.

La *police* sera formée par les autorités cantonales de gens du pays, de façon à ce que le nombre des chrétiens et des musulmans soit proportionné à la population des cantons.

Enfin, à la tête de la Bulgarie sera placé un *gouverneur général* chrétien, connaissant la langue du pays et nommé pour cinq ans par un accord entre la Porte et les puissances garantes. Il sera le représentant du pouvoir souverain et l'intermédiaire entre la province et le gouvernement central; il aura le droit de requérir la force pour maintenir l'ordre.

A côté du gouverneur général se trouvera une *assemblée provinciale*, composée de députés élus dans les cantons selon le nombre des habitants. Cette assemblée siégera un mois par an dans la ville désignée comme résidence du gouverneur général; elle s'occupera des questions qui touchent la province; elle choisira une commission de permanence qui — avec les chefs des communautés — servira de *conseil administratif* au gouverneur général. L'assemblée pourra proposer des modifications du règlement organique qui devront être sanctionnées par les puissances garantes et la Porte.

Justice

Provisoirement la *justice de paix* sera faite par le maire et le conseil cantonal; les tribunaux de première instance serviront dans ce cas de cours d'appel.

Les causes spéciales aux différentes religions continueront à être du ressort des *cours ecclésiastiques*; toutes les autres seront de la compétence des tribunaux communs, où siègeront indistinctement des juges chrétiens et musulmans, ils statueront selon le code ottoman.

Il y aura des *tribunaux civilis et criminels* de première instance dans les chefs-lieux des gouvernements et au besoin dans d'autres villes. Les tribunaux seront formés de juges, dont la moitié aura été prise par le gouverneur général entre les candidats présentés par les cantons, et l'autre élue par l'assemblée provinciale entre les candidats présentés par le gouverneur général. Les juges seront provisoirement nommés pour un an et pourront ensuite être confirmés pour trois ans.

Les cours civiles tiendront les registres des propriétés foncières.

Pour toute la province il y aura une cour d'appel, subdivisée en deux sections; le président et les membres seront nommés par la Porte avec le consentement des puissances,

La *langue officielle* de la province sera le bulgare. Dans les cantons mixtes les tribunaux et l'administration les deux langues auront les mêmes droits

Cultes, instructions

Les églises, mosquées, écoles, hopitaux, etc. continueront, comme par le passé, à être du ressort des communautés, qui fourniront l'entretien du clergé et des établissements religieux. Il y aura parfaite liberté des cultes et de l'instruction publique.

Finances

Les *revenus* que le gouvernement ottoman perçoit en Bulgarie au moyen de la dîme et d'autres impôts seront fixés pour un terme de cinq ans sur la moyenne des dix dernières années. L'assemblée provinciale établira certains

règlements généraux relatifs à l'assiette des impôts, ainsi que la quote part des cantons, qui aviseront de leur côté à la répartition et aux modes de perception. Les impôts seront versés — déduction faite des dépenses cantonales et des frais de l'administration et de la justice — dans les comptoirs de la Banque ottomane et pourront être affectés au service de la dette de l'empire.

L'assemblée provinciale et les conseils cantonaux auront le droit de voter des impôts additionnels pour les besoins de la province ou des cantons.

Forces militaires

Les *troupes ottomanes* ne cantonneront que dans les forteresses et certaines villes déterminées par les puissances et la Porte.

Pour garantir la sécurité et l'ordre dans le pays une *garde nationale* sera formée; les chrétiens et les musulmans auront des officiers de leur religion. Le commandement en chef de la garde nationale sera confié au gouverneur général.

Les chrétiens seront autorisés de servir dans l'armée ottomane avec les mêmes droits que les musulmans.

Application

Ce projet d'organisation, comme toute autre réforme, ne serait exécutable qu'avec une force suffisante pour prévenir et arrêter tout désordre; un contrôle effectif devrait être confié, durant un an au moins, — à une commission internationale, dont les membres assisteraient aux élections et surveilleraient l'activité de l'administration et de la justice.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 32, лл. 377—382 об. Копия.

Приложение 3

[1876 г. ноябрь] — *Projet d'organisation pour la Bulgarie* *

Constantinople

Afin d'arriver à une solution des difficultés actuelles et de procurer à la population chrétienne de la Bulgarie une existence tolérable, il est indispensable de lui appliquer un régime entièrement nouveau dont elle soit appelée à bénéficier. Ce régime devra être introduit dans les districts mixtes aussi bien que dans les provinces purement bulgares, c.-à-d. sur toute l'étendue du territoire qui a été récemment le théâtre de massacres, de profanations et de violences et où l'ancien ordre de choses ne saurait plus exister.

Sur la base de ce principe, un système d'autonomie administrative devrait être adopté pour les vilayets du Danube, de Sofia et d'Andrinople ** en y ajoutant les districts d'Uskup, de Vélessa et de Vodéna.

Dans le but de faciliter l'administration de ces pays, les vilayets de Danube et de Sofia seront maintenus, les sandjaks du vilayet d'Andrinople à l'exclusion des sandjaks de Gallipoli et de Rodosto et ceux de Vélessa, de Vodéna et d'Uskup seront ajoutés à ces deux provinces, c'est-à-dire le sandjak de Slivno sera annexé à la province de Philippopolis et d'Andrinople à la province de Sofia.

* *Заголовок документа.*

** à l'exclusion des sandjaks de Gallipoli et de Rodosto. (*Примеч. документа.*)

Administration

Vilayets

A la tête des provinces de Roustchouk et de Sofia seront nommés des gouverneurs généraux (valys). Leur nomination se fera par une entente de la Porte avec les six grandes puissances. Les gouverneurs généraux devront être choisis parmi des chrétiens, sujets de la Porte et connaissant la langue du pays. Les valys seront nommés pour 5 ans et ne pourront être révoqués de leurs fonctions avant ce terme qu'à la suite d'un commun accord de la Porte avec les représentants des puissances garantes à Constantinople. Les valys représentent le pouvoir souverain dans les provinces et serviront d'intermédiaires entre elles et le gouvernement central. Le valy administre la province avec le concours d'une assemblée de province, dont les membres seront élus librement et en dehors de toute ingérence gouvernementale, par les populations, en proportion de chiffre de la nationalité qu'ils représentent.

Les élections se feront dans les cazas. Peut être électeur tout citoyen chrétien et non chrétien âgé de 25 à 60 ans, qui n'a pas été condamné à des peines afflictives ou infamantes ou qui n'a pas en état d'accusation ou de contumace. Ils éliront un nombre double de députés en proportion d'un sur 200 maisons. Ces électeurs pourvoiront ainsi au choix des membres des conseils des cazas et ceux de l'assemblée de province. Tout ce qui concerne la procédure et le mode d'élection des députés, leurs devoirs et leurs prérogatives, sera élaboré en détail par la commission internationale d'exécution des réformes.

L'assemblée de province siègera de 30 à 40 jours par an dans le chef-lieu de la province. Elle s'occupera de toutes les questions qui touchent les intérêts administratifs, financiers, commerciaux, d'utilité publique et autres. Elle pourra proposer des modifications du règlement qui pour être mises en vigueur, devront être sanctionnées par la Porte sauf désapprobation des représentants des puissances à Constantinople. L'assemblée élira une commission de permanence qui servira de conseil administratif au valy.

A côté des valys il y aura deux moavins (adjoints) dont l'un chrétien et l'autre musulman, choisis par le valy parmi les trois candidats proposés par les députés chrétiens et musulmans de l'assemblée. Les moavins serviront de conseil au valy dans les affaires de leur compétence — l'un pour les affaires des chrétiens de la province et l'autre pour celles des musulmans. En cas d'absence du valy il est remplacé par l'un des membres du conseil administratif ou par l'un des moavins. Le gérant sera proposé par le valy et confirmé par la Porte.

Sandjaks

La subdivision actuelle des provinces en plusieurs sandjaks (districts) sera maintenue autant que possible. A la tête des sandjaks il y aura des mutessarifis (gouverneurs). Ils pourront être chrétiens ou musulmans, selon la majorité de la population du sandjak.

Les gouverneurs seront nommés par la Porte sur la proposition du valy. Ils ne pourront être révoqués de leurs fonctions que par la Porte, sur la demande du valy dans le cas où un crime, délit, négligence ou abus de pouvoir de leur part serait constaté. Les gouverneurs maintiendront l'ordre dans les sandjaks et surveilleront l'activité des autorités qui leur sont subordonnées et celle des autorités des cazas. En cas d'absence du gouverneur, ses fonctions seront remplies par l'un des membres du conseil du sandjak confirmé par le valy.

A côté des gouverneurs il y aura un conseil de plusieurs membres dont le nombre sera fixé d'après les besoins locaux et toujours proportionnellement

au chiffre des différentes populations. Les membres du conseil seront élus par la population du district et en dehors de toute ingérence gouvernementale. Les attributions du conseil consisteront à s'occuper de toutes les questions qui touchent aux intérêts administratifs, commerciaux, financiers, d'utilité publique, etc.

Cazas (nahiés)

Le caza(nahié) peut être reconnu la meilleure unité administrative. La division des sandjaks en cazas (nahiés) doit être faite par la commission internationale d'exécution des réformes dont les attributions et les rapports avec les autorités seront fixées par une instruction spéciale analogue à celle de la commission du Liban.

Cette commission prendra en considération le groupement de la population par race et religion, autant que les exigences administratives ne s'y opposeront pas.

Le caza sera administré par un chef (caïmakam) choisi par le valy sur une liste de candidats qui lui sera présentée par la population. Les caïmakams seront chrétiens et musulmans. Dans les cazas chrétiens ou là où la majorité est composée de chrétiens — les caïmakams seront chrétiens, et où la majorité est du côté des musulmans aussi bien que dans les cazas exclusivement musulmans les caïmakams seront musulmans.

Les caïmakams seront assistés d'un conseil exécutif dont les membres seront élus par la population, en dehors de toute ingérence du gouvernement et proportionnellement au chiffre des différentes nationalités. Le conseil administlera le caza et s'occupera de tous ses intérêts, il réglera la répartition et la perception des impôts, la construction et l'entretien des routes, des chaussées, des écoles, les affaires de la milice locale et de la police etc. Seront également de sa compétence. Tous les membres dans les assemblées et dans les conseils des sandjaks et des cazas ont une voix délibérative égale; les décisions seront prises à la majorité des voix.

Milice locale et police

Pour maintenir l'ordre intérieur dans les villes et les villages — une milice locale sera formée, — l'armée régulière ottomane étant destinée à être employée seulement dans les guerres extérieures et à séjourner dans les forteresses déterminées par les puissances et la Porte.

La milice locale sera composée de chrétiens et de musulmans en proportion du chiffre de la population des cazas et des sandjaks. Le service dans la milice sera 3 ans.

Le but de la formation de la milice est, comme il a été dit plus haut, de maintenir l'ordre intérieur dans le pays, c.-à-d. de tenir garnison dans les villes où il n'y aura pas de troupes régulières, poursuivre le brigandage, garder les prisons et autres endroits publics etc.

Les officiers en seront chrétiens ou musulmans. Chrétiens dans les milices chrétiennes et musulmans dans les milices musulmanes. La milice de chaque province, tout en étant commandée par un chef spécial, sera sous les ordres du valy dont dépendront tous ses mouvements. Il est bien entendu que les milices n'étant destinées qu'à maintenir l'ordre intérieur, ne pourront jamais être déplacées au delà des limites de la province.

Cette milice servira de cadres pour fournir une bonne police (corps de gendarmes) et, dans ce but, les meilleurs miliciens, à l'expiration du terme de leur service seront incorporés dans la police. En attendant, un corps de gendarmes sera composé mi-partie de chrétiens et de musulmans, proportionnellement au chiffre des populations (chrétiennes et musulmanes) des sandjaks.

Le personnel de la police sera placé sous la surveillance des conseils locaux des sandjaks et des cazas. La nomination des officiers dans la police se fera par le valy sur la présentation des conseils locaux.

Impôts

Afin d'améliorer le sort des populations au point de vue économique et leur donner par là la possibilité de produire davantage et de payer plus au gouvernement, le plus grand soin sera porté sur le système des impôts. On étudiera attentivement et on tâchera d'alléger les charges qui pèsent si cruellement sur les populations à moitié ruinées par le mauvais système de répartition et de perception des impôts. La dîme sera abolie. Elle sera remplacée par un impôt *foncier*, qui serait fixé en prenant pour base les produits moyens du fermage de la dîme pendant les 5 dernières années avant l'addition du 2½ %. Les assemblées provinciales seront chargées de ce calcul pour chaque district (sandjak) et les conseils des sandjaks et des cazas auront soin de répartir cet impôt entre les villages, d'après la quantité de terre que possèdent les villages. Le gouvernement n'exigera jamais de prestations en nature qui ne soient strictement exigées par les besoins du pays, et les habitants ne seront employés que pour les travaux exécutés dans les limites de leurs districts. Comme les ne chrétiens ne seront plus exemptes du service militaire (sans la milice), ils paieront plus d'impôt d'exemption (bédéli askérié). Toute fois ceux d'entre eux qui n'entreraient pas dans la milice pourront être soumis à cet impôt, mais les hommes valides de 20 à 40 ans en seraient seuls passibles. Les conseils des provinces et ceux des sandjaks et des cazas répartiront et percevront cet impôt. Tous les autres impôts prélevés par la Porte seront répartis par les conseils locaux avec justice et équité et peuvent être modifiés (augmentés ou diminués) selon les besoins du pays. En tout cas la totalité de ces impôts ne dépassera pendant les premières 10 années la somme que la Porte perçoit actuellement. Le gouvernement ottoman n'aura droit qu'aux revenus nets qu'il retirait des impôts, car la charge de la perception retombant sur la population, elle bénéficiera des frais qui en découlaient pour le gouvernement. Quand les impôts seront versés dans les caisses provinciales, les conseils répartiront les sommes en deux catégories — ils retiendront, déduction faite des frais de perception, les sommes nécessaires pour l'administration, la justice, la milice, la police, l'entretien des écoles, la construction des routes et toutes les autres dépenses communes du pays, le reste sera envoyé au gouvernement.

Justice

La justice sera entièrement indépendante de l'administration. Elle aura pour base le principe électif. La justice dans les villages sera rendue par les anciens (ihtiar-medjlissi). Dans ce but chaque village élira ses anciens, dont le nombre sera proportionnel au nombre des habitants. La compétence de ces megjliss ne pourra s'étendre qu'aux causes de la plus minime importance, tant dans l'ordre civil que dans l'ordre criminel.

Le recours à ces medjliss est facultatif, ses décisions étant sans appel. Les anciens élus seront confirmés dans leurs fonctions par les caïmakams.

La justice dans les cazas sera rendue par des tribunaux de première instance. Les membres de ces tribunaux seront élus par les populations proportionnellement au chiffre de telle ou autre nationalité. Ces tribunaux jugeront en première instance toutes les causes civiles et criminelles d'après le code ottoman en vigueur jusqu'à ce qu'un code spécial adopté pour ce régime ne soit élaboré et en ayant dans ce but deux sections, une pour les affaires civiles et l'autre pour les affaires criminelles. Le président et les membres

de ces tribunaux seront confirmés dans leurs fonctions par le valy. La durée du mandat de tous ces fonctionnaires sera définie par un règlement spécial.

Les tribunaux des sandjaks serviront de cours d'appel pour les affaires jugées dans les tribunaux des cazas. Ils jugeront en première instance les causes de leur propre arrondissement. L'organisation de ces tribunaux sera la même que celle des cazas, sauf le nombre de ses membres qui sera proportionnel au nombre des cazas. Les présidents et les membres des tribunaux des sandjaks seront élus et confirmés par le valy dans leurs fonctions d'après les mêmes règles que celles des cazas.

Dans les chefs-lieux des provinces il sera institué une cour d'appel pour tous les tribunaux du vilayet, qui jugera en dernière instance toutes les causes civiles, criminelles et commerciales, sauf le cas où une sanction du pouvoir suprême serait nécessaire. Cette cour sera composée d'un président et de trois membres élus par l'assemblée, avec l'assentiment des puissances, pour une année, à titre d'essai. Si leurs qualités répondent aux exigences et si on ne peut produire contre eux aucune accusation — leur mandat pourra être prolongé de 3 ans, après quoi ils deviennent inamovibles ou résignent leurs fonctions. La cour aura des sections pour chaque nature des causes qui lui seront soumises. Pour l'arrondissement de la ville il y aura un tribunal à l'instar de ceux des sandjaks. La publicité des débats dans tous les tribunaux sera pratiquée sans autre restriction que celle qui est exigée par la morale publique. Cette mesure de publicité sera appliquée également à toutes les causes civiles, criminelles, correctionnelles et commerciales.

Les causes spéciales aux différentes religions continueront à être du ressort des tribunaux spéciaux. Les mehkémés et autres tribunaux présidés par des cadis molaks et autres ne seront plus compétents que pour les musulmans et s'occuperont seulement de l'examen des causes entre les musulmans qui sont du ressort de la loi du koran, telles que les héritages, mariages, cas de divorce etc. Au même titre les affaires de la même nature pour les autres rites, seront réservées à la juridiction de leurs chefs spirituels respectifs.

Les églises, mosquées, écoles, hôpitaux etc. continueront come par le passé à être du ressort des communautés religieuses. Le gouvernement ne pourra d'aucune façon s'immiscer dans les affaires concernant le culte chrétien et l'instruction publique.

Dans les localités où la population sera exclusivement bulgare, la langue officielle sera bulgare et dans les localités habitées par les bulgares et les turcs, ainsi que dans les tribunaux et dans l'administration les deux langues auront le même droit.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., в. 32, лл. 383—392. Копия.

Перевод

Пера

Совершенно секретно

Господин канцлер!

После телеграммы вашей светлости от 30 октября в соответствии с моим частным письмом от 1(13) ноября¹ честь имею при сем представить вам два проекта автономии Болгарии.

Первый из этих проектов, дополненный объяснительной запиской, также при сем приложенной, был составлен, по моим указаниям, князем Церетелевым и г-ном Скайлером, знакомым с местными условиями². Привлекая к этой академической работе секретаря американской миссии, я имел в виду использовать его личное участие в благоприятном для наших планов смысле и через него оказать влияние на английских журналистов, находящихся с ним в сношениях, особенно на корреспондента

«Дейли нюс», оказавшего уже существенные услуги болгарскому делу. Надеюсь, что они будут способствовать тому, что разумные мысли в английской прессе возьмут верх и что их мнение, как исходящее от людей опытных и незаинтересованных, только что побывавших в Болгарии, будет иметь значение в глазах дипломатов, собравшихся в Константинополе³. Я рассчитываю представить на конференции вышеуказанный проект после рассмотрения английских предложений, как мнение экспертов, имеющих в виду только благосостояние народов, без всякой политической задней мысли.

Второй проект, составленный наспех, после телеграммы вашей светлости, будет в запасе на случай, если тот, о котором я только что говорил, не будет принят на конференции, а предложения, сделанные Англией, не будут отвечать нашей точке зрения, что более чем вероятно. По этому проекту Болгария разделена на две провинции, или вилайета, и иерархия оттоманской администрации здесь сохранена лишь для формы, что представляет ту выгоду, что она щадит щепетильность греков и устраняет возражения, которые могли бы возникнуть по поводу нашего желания создать одно большое автономное болгарское княжество⁴. В действительности этот проект дает, однако, полную автономию казам или кантонам, совершенно отстраняет оттоманских чиновников, назначенных Портой, от администрации, допускает местную милицию и все необходимые предпосылки для подготовки создания политического автономного государства в более или менее недалеком будущем. Он сможет, разумеется, претерпеть существенные изменения в подробностях, прежде чем я его представлю своим коллегам.

Представляя эти проекты вашей светлости, исключительно в ответ на ваше предложение, я считаю нужным обратить ваше внимание, князь, на безусловную необходимость хранить их в полной тайне от иностранцев. В особенности необходимо, чтобы 2-й проект остался полностью неизвестным, потому что, так как он содержит минимум наших желаний, у нас не будет возможности требовать принятия более широких требований, если с ним будут предварительно ознакомлены.

Во всяком случае я буду очень признателен вашей светлости, если вы соблаговолили бы передать мне, каково ваше мнение о проектах, которые я вам сегодня передаю.

С глубочайшим уважением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Н. Игнатьев

Приложение 2

«План организации Болгарии,
составленный гг. Скайлером и князем Церетелевым»

Константинополь

Болгария будет автономной провинцией Оттоманской империи, состоящей из Дунайского и Софийского вилайетов, Филиппопольского и Сливенского санджаков и болгарских районов Македонии.

Управление

Административной единицей будет *кантон* (мудирлик) в среднем на 5 тыс. жителей. По возможности сохраняя существующее территориальное деление, будут создавать и новые единицы, если мудирлики окажутся незначительны; постараются группировать христиан и мусульман по различным кантонам.

Эти кантоны будут пользоваться широким *самоуправлением*; они сами будут управляться и заниматься распределением налогов, постройкой и содержанием путей сообщения, полицией и т. д., без какого бы то ни было вмешательства со стороны высших властей.

Для этого жители, без различия вероисповедания, составят путем выборов кантональный совет из делегатов от каждой общины (махала). Во главе этого совета будет мэр (мюдир), назначаемый на один год генерал-губернатором из числа двух кандидатов, выбранных кантональным советом. Мэр будет представителем кантона и органом власти.

Кантоны будут объединены в губернии (санджаки), подчиненные губернаторам (мутесариф), назначаемым на определенное время Портой с согласия держав. Чиновниками будут христиане или мусульмане, смотря по тому, кто будет составлять большинство населения губернии; они будут лишь представителями генерал-губернатора; в их обязанность будет входить поддержание порядка и наблюдение за деятельностью мэров и кантональных советов. Каждый губернатор будет иметь канцелярию и совет из четырех членов, назначаемых на год генерал-губернатором из числа представленных кандидатов кантонами и главами общин.

Полиция будет создана кантональными властями из местных жителей таким образом, чтобы число христиан и мусульман было пропорционально населению кантонов.

Наконец, во главе Болгарии будет поставлен генерал-губернатор из христиан, знающий местный язык и назначаемый на 5 лет по соглашению между Портой и державами-гарантами. Он будет представителем державной власти и посредником между провинцией и центральным правительством; он будет иметь право призвать военную силу для поддержания порядка.

Наряду с генерал-губернатором будет существовать провинциальное собрание из депутатов, избранных по кантонам, в зависимости от числа жителей. Это собрание будет созываться на один месяц в году в городе, являющемся резиденцией генерал-губернатора; оно будет заниматься вопросами, касающимися провинции; оно выберет постоянную комиссию, которая с председателями общин будет служить генерал-губернатору административным советом. Собрание будет вправе предложить изменения Органического устава, которые будут утверждены державами-гарантами и Портой.

П р а в о с у д и е

Временно мировое судопроизводство будет проводиться мэром и кантональным советом; судьи первой инстанции в этом случае будут служить апелляционным судом.

Специальные тяжбы по вероисповедным делам будут по-прежнему находиться в ведении духовных палат: все остальные будут подведомственны общим судам, где будут заседать, без всякого различия, христианские и мусульманские судьи; они будут руководствоваться оттоманским законодательством.

Суды гражданские и уголовные первой инстанции будут находиться в главных городах губерний и в случае необходимости и в других городах. Трибуналы будут составлены из судей, одна половина которых будет назначена генерал-губернатором из кандидатов, представленных кантонами, а другая выбрана провинциальным собранием из числа кандидатов, представленных генерал-губернатором. Судьи будут назначаться временно на один год и могут после этого быть утверждаемы на три года.

Гражданские суды будут хранить регистры поземельных собственности.

На всю провинцию будет один апелляционный суд, разделенный на две секции; президент и члены будут назначаемы Портой с согласия держав.

Официальным языком провинции будет болгарский. В смешанных кантонах, в трибуналах и в администрации оба языка будут пользоваться одинаковыми правами.

К у л ь т ы, о б р а з о в а н и е

Церкви, мечети, школы, больницы и т. д. будут, как и прежде, состоять в ведомстве общин, которые будут содержать духовенство и духовные заведения. Будет полная свобода вероисповедания и народного образования.

Доходы, которые оттоманское государство собирает с Болгарии в виде десятины и других налогов, будут установлены на срок в 5 лет по средней цифре последних 10 лет. Провинциальное собрание определит некоторые общие правила, касающиеся взимания налогов, так же как и квоту для кантонов, которые со своей стороны установят распределение и метод взимания. Их налоги будут внесены — за вычетом кантональных, административных и судебных расходов — в конторы Оттоманского банка и смогут служить для покрытия государственного долга.

Провинциальное собрание и кантональные советы будут иметь право устанавливать добавочные налоги на нужды провинции и кантонов.

В о о р у ж е н н ы е с и л ы

Оттоманские войска будут находиться лишь в крепостях и некоторых городах, определенных державами и Портой.

Чтобы гарантировать спокойствие в стране, будет создана *национальная гвардия*; христиане и мусульмане будут иметь офицеров своей религии. Главное командование национальной гвардией будет доверено генерал-губернатору.

Христиане будут служить в оттоманской армии на равных правах с мусульманами.

П р и м е н е н и е

Этот проект организации, как и всякая другая реформа, может быть проведен силой достаточной, чтобы предупредить и пресечь всякий беспорядок; действенный контроль должен быть — по крайней мере на один год — поручен Международной комиссии, члены которой будут присутствовать при выборах и будут наблюдать за действием администрации и юстиции.

Приложение 3

Проект организации для Болгарии

Константинополь

Чтобы добиться разрешения существующих трудностей и обеспечить христианскому населению Болгарии сносное существование, необходимо ввести в ней совершенно новый режим, которым она могла бы воспользоваться. Этот режим должен быть введен как в смешанных районах, так и в провинциях, чисто болгарских, т. е. на всей территории, которая только что была театром зверства, профанаций и насилий и в которой прежний порядок вещей не смог бы больше существовать.

На основе этого принципа система административной автономии должна бы быть применена в Дунайском, Софийском и Адрианопольском вилайетах *, с присоединением районов Ускюба, Велеса и Водена.

В целях облегчения управления этими районами, Дунайский и Софийский вилайеты будут сохранены, санджаки Адрианопольского вилайета, за исключением санджаков Галлиполи и Родосто, и таковые Велеса, Водена и Ускюба будут присоединены к этим двум провинциям, т. е. санджак Сливно — к провинции Филиппополя, а Адрианопольский — к провинции Софии.

А д м и н и с т р а ц и я

Вилайеты

Во главе провинции Рушук и Софии будут поставлены генерал-губернаторы (вали). Их назначение произойдет по соглашению Порты с шестью великими державами. Генерал-губернаторы будут избираемы из христиан, подданных Порты и вла-

* За исключением санджаков Галлиполи и Родосто.

деющих языком страны. Вали будут назначаемы на 5 лет и не смогут быть смещены до этого срока, как только по общему согласию Порты и представителей держав-гарантов в Константинополе. Вали представляют верховную власть в провинциях и будут служить посредниками между ними и центральным правительством. Вали управляет провинцией с помощью провинциального собрания, члены которого будут избраны населением, без всякого вмешательства правительства, пропорционально численности национальности, которую они представляют.

Выборы будут происходить по казам. Всякий гражданин — христианин и мусульманин — в возрасте от 25 до 60 лет может быть избирателем, если он не был присужден к телесному или позорящему наказанию, не находится под следствием или не осужден заочно. Они выберут двойное количество депутатов в пропорции один на двести домов. Эти избиратели обеспечат таким путем выборы членов совета каз и провинциальных собраний. Все, что касается проведения и метода выборов депутатов, их обязанностей и их прав, будет выработано в подробностях Международной комиссией по проведению реформ.

Провинциальное собрание будет заседать от 30 до 40 дней в году в главных городах провинции. Оно займется всеми вопросами, затрагивающими дела административные, финансовые, торговые, общественнополезные и другие. Оно сможет предложить изменения устава, которые, для ввода их в действие, должны быть санкционированы Портой, за исключением случаев, когда они не будут одобрены представителями держав в Константинополе. Собрание выберет постоянную комиссию, являющуюся административным советом вали.

В распоряжении вали будут два моавина (адъютанта), из них один должен быть христианином, а другой мусульманином. Они избираются вали из трех кандидатов, предложенных христианскими и мусульманскими депутатами собрания. Моавины будут служить вали советниками в делах, соответствующих их компетенции, — один по делам христиан провинции, другой по делам мусульман. В случае отсутствия вали, он замещается одним из членов административного совета или одним из моавинов. Управитель будет предложен вали и утвержден Портой.

Санджаки

Существующее деление провинций на несколько санджаков (округов) будет сохранено, насколько это возможно. Во главе санджаков будут мутесарифы (губернаторы). Они могут быть христианами и мусульманами, смотря по большинству населения санджака.

Губернаторы будут назначаться Портой по предложению вали. Они смогут быть смещены со своих должностей лишь Портой, по требованию вали, в случае установления преступления, злодеяния, небрежности и превышения власти с их стороны. Губернаторы поддерживают порядок в санджаках и следят за действиями властей, которые им подчинены, и начальниками каз. В случае отсутствия губернатора, его функции будут выполнены одним из членов совета санджака, утвержденным вали.

Наряду с губернаторами будет создан совет из нескольких членов, число которых будет установлено соответственно местным нуждам и всегда пропорционально числу различных национальностей. Население выберет открыто членов совета, без всякого вмешательства управления. Обязанности совета будут состоять в обсуждении всех вопросов, касающихся дел административных, торговых, финансовых, общественной пользы и т. д.

Казы (нахии)

Каза (нахия) может быть признана лучшей административной единицей. Разделение санджаков на казы (нахии) должно проводиться Международной комиссией по проведению реформ. Функции санджаков и каз и их отношение с властями будут регулироваться специальной инструкцией, аналогичной инструкции Ливанской комиссии.

Эта комиссия примет во внимание группировку населения по национальности и религии, поскольку административные требования не будут препятствовать этому.

Каза будет управляться начальником (каймакамом), выбранным вали из списка кандидатов, представленного ему населением. Каймакамами будут христиане и мусульмане. В христианских казах или там, где большинство составляют христиане, каймакамами будут христиане, а где большинство мусульман, так же как и в казах исключительно мусульманских, каймакамами будут мусульмане.

Каймакамам будут помогать члены Исполнительного совета, избранные жителями, без какого-либо вмешательства правительства и пропорционально числу различных национальностей. Совет будет управлять казой и заниматься всеми ее делами. Он будет регулировать распределение и взимание налогов, постройку и содержание дорог, шоссе, школ; дела местной милиции и полиции и т. д. будут в его ведении. Все члены в собраниях и советах санджаков и каз имеют равный совещательный голос; постановления будут приниматься большинством голосов.

Местная милиция и полиция

Для поддержания внутреннего порядка в городах и деревнях будет образована местная милиция, так как регулярная оттоманская армия предназначена лишь для внешних войн и для пребывания в крепостях, определенных державами и Портой.

Местная милиция будет составлена из местных христиан и мусульман в пропорциях, соответствующих численности населения каз и санджаков. Служба в милиции будет трехлетней.

Целью образования милиции является, как было сказано выше, поддержание внутреннего порядка в стране, т. е. содержание гарнизонов в городах, где не будет регулярных войск, преследование бандитизма, охрана тюрем и других общественных мест и т. д.

Офицерами будут христиане или мусульмане. Христиане — в христианской милиции и мусульмане — в мусульманской. Милиция каждой провинции, хотя управляемая специальным начальником, будет подчинена вали, от которого будут зависеть все ее действия. Само собой разумеется, что милиция предназначена лишь поддерживать внутренний порядок и никогда не должна выходить за пределы провинции.

Эта милиция поставит кадры для образования полиции (жандармского корпуса), и с этой целью лучшие милиционеры, по истечении их срока службы, будут включаться в полицию. Пока же жандармский корпус будет состоять частично из мусульман и христиан, пропорционально численности населения (христианского и мусульманского) санджаков. Состав полиции будет находиться под наблюдением местных советов санджаков и каз. Назначение офицеров в полицию будет производиться вали по предложению местных советов.

Налоги

Для того чтобы улучшить участь населения с экономической точки зрения и дать ему тем самым возможность больше производить и больше платить государству, наибольшая забота будет уделена системе налогов. Внимательно изучат и будут стараться облегчить тяжесть, давящую так жестоко на население, наполовину разоренное плохой системой распределения и взимания налогов; десятина будет отменена. Она будет заменена поземельным налогом, установленным на основе уплаты десятины в течение последних пяти лет, до прибавки 2,5%. Провинциальным собраниям будет поручен этот расчет для каждого округа (санджака), и советы санджаков и каз будут обязаны распределить налог среди деревень согласно количеству земли, принадлежащей деревням. Государство никогда не будет требовать податей натурой, если это не диктуется настоятельными потребностями страны, и жители будут использоваться лишь для работ, проводимых в границах их районов. Так как христиане не будут больше освобождаться от воинской службы (за исключением милиции), они больше не будут выплачивать налога за увольнение (бедели аскери). Однако те из них, которые не будут служить в милиции, могут быть облагаемы им. Но он будет распространен только на

здоровых мужчин в возрасте от 20 до 40 лет. Провинциальные советы и совет санджаков и каз распределят и соберут налог. Все остальные налоги, взимаемые Портой, будут распределяться местными советами справедливо и на основе равенства и могут быть изменены (увеличены или уменьшены) в соответствии с нуждами страны. Во всяком случае сумма налогов не превысит в первые 10 лет сумму, которую Порта взимает в настоящее время. Оттоманское государство будет иметь право лишь на чистые доходы, которые оно получало от налогов; так как забота о распределении падет на население, то оно будет пользоваться расходами, приходящимися на долю государства. Когда налоги будут внесены в провинциальные кассы, советы распределят суммы на две категории — они удержат, за вычетом расходов по взиманию, необходимые суммы для управления, суда, милиции, полиции, содержания школ, построек дорог и всяких иных общественных затрат страны, — остальное будет послано государству.

Судопроизводство

Судопроизводство будет полностью независимо от администрации и основано на выборном принципе. Судопроизводство в деревнях будет вестись старейшинами (ихтиар-меджиллисси). Каждая деревня выберет старост, число которых будет пропорционально числу жителей. Право этих меджиллиссов может распространяться только на случай самого незначительного свойства как в гражданском, так и в уголовном порядке.

Обращение к этим меджиллиссам необязательно, их постановления не подлежат обжалованию. Выбранные старейшины будут утверждены в своих обязанностях каймакамами.

Суд в казах будет производиться судами первой инстанции. Члены судов будут выбираться населением, пропорционально численности той или иной национальности. Суды будут разбирать в первой инстанции все гражданские и уголовные дела по оттоманскому действующему своду законов, пока не будет принят для настоящего режима специальный свод законов; для этой цели они будут иметь две секции — одну для гражданских дел, другую — для уголовных. Председатель и члены судов будут утверждаемы в своих обязанностях вали. Срок мандата всех чиновников установит специальный устав.

Суды санджаков будут служить апелляционными инстанциями для дел, поданных судам каз. Они будут разбирать в первой инстанции дела своих собственных округов. Структура этих трибуналов будет такой же, как и в казах, за исключением числа членов, которое будет пропорционально числу каз. Председатели и члены трибуналов санджаков будут избраны и утверждены вали в своих функциях по тем же законам, что и в казах.

В главных городах провинций будет учреждена апелляционная палата для всех судов вилайета, которая станет разбирать в последней инстанции все гражданские, уголовные и коммерческие дела, за исключением тех случаев, когда необходима санкция высшей власти. Эта палата будет состоять из председателя и трех членов, избранных Собранием с согласия держав на один год, на испытательный срок. Если их качества будут соответствовать требованиям и их ни в чем нельзя будет упрекнуть — их мандат может быть продлен до трех лет, после чего они либо остаются бессменными, либо слагают с себя свои функции. Палата будет иметь две секции для каждого рода подсудных ей дел. Для городских округов оудет суд по образцу судов для санджаков. Гласность прений во всех судах не будет ограничена, кроме тех исключений, которые диктуются общественной моралью. Эта степень гласности станет одинаково применяться во всех гражданских, уголовных, исправительных и коммерческих делах.

Специальные случаи по различным вероисповедным делам будут по-прежнему находиться в компетенции специальных судов. Меххеме и другие трибуналы под председательством кади-моллахов и других ведают только мусульманскими делами, компетентны только для мусульман и занимаются только разбором дел между мусульманами, подчиненными закону корана, как-то: наследования, венчания, случаи развода и т. д. На том же основании дела подобного рода для других верований будут подведомственны суду их соответствующих духовных глав.

Церкви, мечети, больницы и т. д. будут как и прежде подчиняться религиозным общинам. Государство не получит права вмешиваться в дела, касающиеся христианского культа и общественного воспитания.

В местностях с населением исключительно болгарским официальным языком будет болгарский, а в местностях, населенных болгарами и турками, а также в судах и администрации — оба языка станут пользоваться одинаковыми правами.

1. В упомянутом письме Н. П. Игнатъев сообщал А. М. Горчакову о недоброжелательном отношении турецкого правительства к предстоящей конференции великих держав в Константинополе и о намерениях Англии ограничить требования России в интересах Турции; он писал о возможном согласии Турции принять участие в конференции при условии, что предварительно выдвинутые великими державами предложения будут для нее приемлемы. Игнатъев считал, что подготовленные великими державами условия должны быть представлены Порте в качестве ультиматума (АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 32, лл. 302—304).

2. Н. П. Игнатъев имел в виду готовность, с которой Ю. Скайлер взялся дать объективную картину зверской резни в Болгарии, несмотря на протурецкую позицию английского правительства и на назначение туркофильской комиссии У. Беринга (см. прим. 1 к док. 212; доклад Скайлера см. «Turkey», № 1 (1877), Correspondence respecting the Affairs of Turkey, doc. № 22; incl 2; в болгарском переводе 72, стр. 402—408).

3. К этому времени вопрос о созыве конференции по Восточному вопросу был уже решен в предварительных переговорах между Россией и Англией. Причиной послужил окончательный разгром сербов при Джунисе и Алексинаце (о заключении перемирия см. примечание к док. 322). С 15 по 21 октября ст. ст. 1876 г. в Ливадии находился английский посол Лофтус. Под влиянием событий Англия согласилась на созыв конференции при условии, что ни одна из держав не будет искать для себя территориальных выгод за счет целостности Османской империи (92, стр. 303—308).

4. Опасаясь усиления влияния России на Балканах, английское правительство возражало против создания автономного болгарского государства, мотивируя это тем, что оно якобы поведет к преобладанию славянского элемента в ущерб греческому. По этим же причинам против этого выступила и Австро-Венгрия (см. док. 372; 89, стр. 131).

5. Проект-максимум А. Н. Церетелева—Ю. Скайлера (приложение 2), так же как и проект-минимум Н. П. Игнатъева (приложение 3) составлены не только с учетом местных условий, но и с учетом программ будущего устройства Болгарии, разработанных самими болгарами — членами БЦБО, его Рущукским отделением, а также представителями ряда городов Болгарии, которые были сообщены консулам иностранных держав в Болгарии, Н. П. Игнатъеву и другим послам в Константинополе накануне созыва конференции. Территориальные границы Болгарии, включение части Македонии было также заимствовано отсюда (см. док. 373; 41, стр. 228—229; 44, стр. 317—319; 55, стр. 126—138).

№ 345

1876 г. ноября 6. — *Рапорт начальника штаба Одесского военного округа Я. С. Крживоблоцкого в Главный штаб с представлением списка болгар, состоящих в войсках округа **

№ 8081

Одесса

Военный министр телеграммой от 19-го прошлого октября приказал потребовать от всех частей войск Одесского военного округа списки состоящих в них болгар ¹ с означением их званий.

Вследствие чего, по приказанию командующего войсками, имею честь представить при сем составленный из собранных от войск сведений список означенным лицам ².

Начальник штаба генерал-майор Крживоблоцкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 57. Подлинник.

* Приложен «Список офицерам и нижним чинам болгарского происхождения состоящим в войсках Одесского военного округа» в числе 239 человек, который был представлен также В. А. Черкасскому и Н. Г. Столетову (это же дело, лл. 60—62 об.).

1. Болгары из поселений на юге России, проходившие действительную службу в армии.

2. Из указанных в списке лиц в болгарское ополчение было включено 208 пехотинцев; за отсутствием артиллерии в составе болгарского ополчения артиллеристы были оставлены в русской армии (ЦГВИА, ф. 1/л., оп. 2, д. 542, л. 5; 45, стр. 51).

№ 346

1876 г. ноября 7 (19). — Из перлюстрированного письма А. И. Рагозина экономисту и публицисту Е. И. Рагозину об отрицательном отношении к возможной войне России с Турцией

Париж

Сегодня здесь получены телеграммы о том, что Россия сделала заем в 40 млн. фунтов в Голландии, чрез Гоппе. Если это правда, то, по всей вероятности, война будет, — чего не дай бог, так как она вызовет в нашем народе те дурные инстинкты, которые обыкновенно проявляются в подобных случаях. В настоящее время мы на прямой дороге к конституции, тогда как война, особенно победоносная, может только остановить это движение на много лет ¹.

Помета Александра II: Кто эти личности?
ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 471, л. 1. Копия.

1. Письмо отражает взгляды наиболее последовательной части либералов. Такие настроения приобретали большое распространение в связи с развитием событий (см. док. 413).

№ 347

1876 г. ноября 7. — Обращение болгарских женщин к русским женщинам с просьбой содействовать полному освобождению Болгарии от турецкого ига *

Тернов

Единокровным нашим сестрам и благодетельницам русским
в целой России

Милые русские сестры!

У нас нет слов выразить вам нашу сердечную благодарность за сочувствие, которое вы показали и показываете в скорбные минуты к нашему несчастному и плачевному положению. Мы не в состоянии, милые сестры, отплатить в знак признательности и самомаleastейшей частицы в обмен за оказанные нам вами помощь и благодеяния; но знайте, что ваши имена денно и ночно прославляются устами тысячи бедных и сирот, которых турецкое варварство заставило скитаться по городам нагими, босыми, лишенными насущного хлеба.

Русские сестры! Мы знаем, что вам уже известны жалостные события и свирепство, учиненные жестокими варварами мусульманами в нашем отечестве. Вам уже известно, что тысячи невинных и беспомощных детей и матерей погибли от немилосердного мусульманского ятагана только потому, что были христианами и членами великого славянского семейства,

---

* Обращение было передано в русское генеральное консульство в Рузюке.

да еще и братьями гяура-московца. Вам уже известно, что наши церкви и монастыри были ограблены и разрушены, святые религиозные предметы осквернены, а мы и доселе всякий день слышим, как поганые мусульмане ругаются над нашей верой.

Но это еще не все. Знайте, сестры, что наше положение становится со дня на день опаснее и, если не придет на помощь великодушный русский народ, мы скоро будем все истреблены жестокими и заклятыми врагами христианства, мусульманами, которые деятельно готовятся к новому кровопролитию в Болгарии, несмотря на то, что и теперь часа не проходит без того, чтобы не пали христианские жертвы.

Верьте, милые сестры, что мы потеряли уже всякую надежду, что будет вперед возможность жить при каких бы то ни было условиях с этим диким народом, фанатизм коего не позволяет нам и шагу ступить по пути образования, а на человеческий прогресс смотрит, как на привидение, грозящее поглотить его будущность.

Не верьте, сестры, что дело возможное ввести когда-либо какие бы то ни было реформы и улучшения в турецком государстве, где неспособность турецкого народа уже доказана; не верьте, чтобы христианин стал когда-либо равным перед турецким законом с мусульманином до тех пор, пока последний привык жить потом первых. Как народ, выросший в колыбели азиатской роскоши, он никогда доселе не заботился о своем прокормлении, но всегда смотрел на своих христианских подданных, как на [не]исчерпаемый источник, который употреблял для своего поддержания. В таком случае, милые сестры, никакие реформы, никакие человеческие права не могут быть приложимы под властью этого народа-паразита без содействия христианских держав Европы.

Но если бы, милые сестры, христианская Европа и великий русский народ при таких жестокостях не помогли нашему освобождению от тяжкого мусульманского ига, тогда будьте уверены, что наши тяготы доведут нас до отчаяния и в таком случае, если не ошибаемся, прошлое восстание было лишь предтечею имеющих быть в будущем, которые принесут или наше совершенное освобождение от несносного мусульманского ига или наше совершенное истребление. Поэтому, милые сестры, попросите христианскую Европу, попросите ваших супругов, ваших народных деятелей и государственных людей умилосердиться над несчастным нашим народом и положить раз навсегда конец его мучениям, которые он терпит под азиатским ярмом целых пять долгих веков.

Просим вас выразить нашу искренность и преданность русскому народу, на который мы смотрим, как на единственного нашего освободителя и избавителя; уверьте его с нашей стороны, что мы готовы принести и остальных сынов наших в жертву на поле битвы, если только русские батальоны явятся у пределов Болгарии.

Мы вьем лавровые венки этому мужественному народу и все готовы соединиться с вами в случае войны.

Падая на колени пред иконою пресвятой богоматери, мы возглашаем со слезами на очах:

Да живет царь Александр! Да живут его министры! Да живет русский народ!

Ваши единокровные сестры-болгарки из великого Тернова [следует 24 подписи].

Тернов, 7 ноября 1876 г.¹

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1876 г., д. 771, лл. 4—7. Копия. Перевод с болгарского, современный подлиннику.

1. Это обращение, вероятно, является результатом деятельности Болгарского центрального комитета в Русуке (см. прим. 2 к док. 379).

№ 348

1876 г. ноября 8. — Письмо Д. А. Милютина Н. К. Гирсу об ограничении деятельности И. К. Кишельского по формированию дружин болгарского ополчения и о необходимости помощи болгарским добровольцам

№ 188

Секретно

Милостивый государь Николай Карлович!

Прилагая при сем секретную телеграмму статского советника Стурта из Бухареста с высочайшею резолюцией¹, а также телеграмму отставного генерал-майора Кишельского на имя генерал-лейтенанта Зиновьева*, имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что, по моему мнению, можно было бы дать нашему генеральному консулу в Бухаресте ответ в следующем смысле: что г. Кишельский преждевременно разглашает намерение правительства формировать в случае войны болгарские дружины; что он на это не уполномочен; что в настоящее время он должен ограничиться негласным собиранием предварительных сведений. Что же касается до бедственного положения возвращающихся из Сербии болгарских волонтеров, то попечение о них должно бы лежать на Бухарестском благотворительном комитете; если же этот комитет истощил свои средства, то остается лишь спросить высочайшее соизволение на высылку к статскому советнику Стурту некоторой суммы в его распоряжение, для выдачи пособий наиболее нуждающимся болгарам, на том же основании, как уже сделано относительно возвращающихся из Сербии русских добровольцев.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Д. Милютин

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 41 и об. Заверенная копия.

1. В упомянутой телеграмме от 6 ноября 1876 г. Д. Ф. Стурт уведомил о приезде И. К. Кишельского в Румынию для формирования дружин болгарского ополчения. Далее Стурт писал о И. К. Кишельском: «Он нуждается в средствах. Болгарские общества отказываются, не имея таковых, не доверяя миссии Кишельского, как исходящей от нашего правительства» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 43-а). На телеграмме резолюция Александра II: «Прошу объясниться по этому с военным министром».

№ 349

1876 г. ноября 10. — Записка III отделения о полемике русских газет по поводу деятельности М. Г. Черняева

№ 721

В последнее время в обществе приходится слышать безусловные осуждения полемики между «Голосом», с одной стороны, и «Русским миром» и «Новым временем», с другой, к какой прибегают эти газеты по поводу деятельности генерала Черняева¹ и Славянского благ[отворительного] ком[итета]. Так, большинство общества, признавая за каждой из полеми-

* Хранится в этом же деле, л. 43.

зирующих сторон известную долю справедливости в приводимых ими фактах, находит, однако, полемику эту несвоевременной, потому что она ведет не только к охлаждению благотворительности, направленной к поддержанию славянского движения, но и дает пищу иностранной печати к насмешкам и осуждению русского общества. По этому поводу в среде учащейся молодежи и преимущественно в среде студ[енчества] М[едико]-х[ирургической] академии и унив[ерситета] существует намерение напечатать коллективный протест против направления «Голоса».

ЦГИАМ, ф. 109, с. а., оп. 4, д. 436, лл. 47—48. Отпуск.

1. В середине октября 1876 г. сербская армия потерпела поражение от турок, в результате которого погибло много русских добровольцев. Их гибель послужила поводом для резких статей против М. Г. Черняева, опубликованных сначала в «Биржевых ведомостях», а потом и в «Голосе». В этих статьях Черняев обвинялся в неспособности к командованию, честолюбию, а также в фальсификации сообщений с сербского фронта. Говоря о целях этой фальсификации, «Голос» писал 7 ноября 1876 г.: «Ложью и обманом они надеялись вовлечь Россию в войну с Турцией. . . Это ли еще не преступники, это ли не шантажисты?»

В защиту Черняева выступили националистическое «Новое время» и поддерживавший Черняева «Русский мир», обрушившись на «Биржевые ведомости» и на «Голос», как на антипатриотические, «позорящие русскую журналистику» органы («Голос», 7 ноября 1876 г.; «Новое время», 22, 24, 25 октября, 7, 9 ноября 1876 г.).

№ 350

1876 г. ноября 12. — Доклад Н. В. Мезенцова Александру II об отношении различных классов России к освободительной борьбе южных славян и возможной войне России с Турцией

Вследствие циркулярного предписания моего начальникам губернских жандармских управлений*, в III отделение собственной вашего императорского величества канцелярии поступили почти из всех губерний европейской России и из Великого княжества Финляндского отзывы, которые с достаточною обстоятельностью знакомят с действительным настроением русского народа, вызванным современными политическими событиями. По отношению к силе и характеру народного возбуждения вся европейская часть империи может быть разделена на четыре части:

- а) губернии с коренным русским населением (велико- и малорусские);
- б) губернии с преобладающим населением германо-латышским и финским (остзейские и Финляндия);
- в) губернии со смешанным русско-польским населением (западные) и
- г) губернии, в которых преобладает или встречается мусульманское население.

В губерниях с коренным русским населением бедствия балканских славян вызвали общее сочувствие, выразившееся значительными денежными пожертвованиями. Это чувство с особенною силою проявилось в среде лиц, служащих в правительственных учреждениях, которые, несмотря на свои ограниченные средства, не ограничиваясь жертвами единовременными, отчисляют ежемесячно определенный процент с получаемого ими содержания. В среде дворянства такое настроение было далеко не повсеместным. Хотя во многих губерниях оно принимало живое и горячее участие в общем движении, но зато в некоторых других отличалось полным индифферентизмом. В большинстве случаев это различие объясняется характером и деятельностью его представителей: где они идут рука в руку с администрацией, стремясь к одним, общим целям, там дворянство, как

* См. док. 320.

первенствующее сословие, являлось истинным выразителем народных чувств и стремлений; там же, где его представители ставят своею едва ли не главною целью противодействие местной администрации и даже видам правительства — там дворянство отделялось от общего движения и не принимало почти никакого участия в общем деле. Так, в Тамбовской губернии местное дворянство, несмотря на то, что в среде его немало крупных землевладельцев, которых имения доходят до сорока и даже семидесяти тысяч десятин, не принимало почти никакого участия в пожертвованиях в пользу славян, и весь сбор по губернии (по 27 октября) составлял всего 3695 руб., тогда как более бедная губерния — Костромская — собрала около 80 тыс. рублей.

Из городских сословий купечество, за весьма немногими исключениями, не принимало почти никакого участия в общем движении и, занятое исключительно мыслью о наживе, уклонялось от всяких пожертвований. Даже мещане, вообще не отличающиеся зажиточностью, более сочувственно относились к бедствиям балканских славян и приносили из своих скудных средств посильные жертвы с большею охотою, чем богатое купечество.

Крестьяне, занятые исключительно существенным для них вопросом о заработке необходимых средств на уплату повинностей и пропитание своей семьи, первое время оставались в совершенном неведении о совершившихся событиях. Но когда и духовенство (впрочем, само оставшееся почти индифферентным), и чиновники, и некоторые влиятельные землевладельцы разъяснили неграмотному сельскому населению, что наши братья — славяне, наши единоверцы, страдают под игом неверных, истязующих христиан и оскверняющих храмы божии, то воодушевление охватило народную массу, и трудовые копейки стали поступать на жертву страждущих братьев, все сами охотно несли свою лепту из глубокого, внутреннего убеждения в святости дела.

Таким образом, искреннее, сознательное сочувствие балканским славянам проникло во все сословия. Поддерживаемое русскою периодическою печатью и возваниями славянских комитетов, чувство это крепло и развивалось и нередко даже в различных слоях общества, особенно в интеллигентной среде, выражалось нетерпеливым ожиданием вмешательства русского правительства в неравную кровопролитную борьбу. Ультиматум, представленный Турции, был принят с восторгом, как провозвестник этого вмешательства, и согласие Турции на перемирие большим было встречено с сожалением. Августейшие слова, произнесенные вашим императорским величеством в Москве¹, пробудили общий энтузиазм и горячее чувство патриотизма. Если это настроение будет поддержано более решительной политикой, то нет никакого сомнения, что правительство может рассчитывать на всеобщее сочувствие коренного русского населения и на посильные материальные пожертвования.

Но при этом нельзя упускать из виду, что частые неурожаи последних лет, общий финансовый кризис и, наконец, повсеместный застой торговли и промышленности до того ослабили средства населения, что определить возможный размер предстоящих в случае войны добровольных пожертвований весьма затруднительно. Конечно, народ принесет в борьбе за алтарь и отечество жизнь и все свое достояние, но последнее для массы населения едва выходит за пределы насущного пропитания.

В губерниях остзейских немецкое и латышское население постоянно оставалось равнодушным к бедствиям балканских славян, и только русские, живущие в крае, принимали участие в пожертвованиях; но нет сомнения, что тогда, когда будут затронуты честь и достоинство России, то все население, и во главе его местное дворянство, не остановится ни перед какою жертвою, если увидит в ней необходимость. Не сочувствием к славянам будет руководствоваться тогда первенствующее сословие края, но

другим чувством, которое в нем столь же сильно, как и в каждом русском сословии, — преданностью к своему государю. Для него достаточно знать, что дело начато по вашей августейшей воле, чтобы сделать все от него зависящее для доставления этому делу торжества.

В Финляндии, где местное общество также мало содействовало славянскому делу, трудно рассчитывать на большие материальные жертвы даже в случае вооруженного вмешательства России в борьбу южных славян с Турцией. Ввиду флегматического, расчетливого характера местного населения и малого его сочувствия к славе русского оружия, готовность финляндцев на какие-либо значительные жертвы подлежит сильному сомнению.

Еще менее можно рассчитывать на польское население западных губерний, которое не только не склонно к каким-либо пожертвованиям не вынужденным, но в случае войны потребует даже за собою усиленного наблюдения. Точно так же нельзя ожидать чего-либо и от многочисленных в этом крае евреев, которые даже и в войне будут искать случая для наживы и для эксплуатации правительственных потребностей.

В губерниях с мусульманским населением, несмотря на отдельные случаи появления турецких эмисаров, до сих пор не замечено ничего подозрительного. Как в приволжских губерниях, так и в Крыму татары не выказывают ничего враждебного в своих сношениях с русскими, хотя, быть может, втайне сочувствуют своим единоверцам.

Помета Н. В. Мезенцова: Доложено его величеству. Царское Село. 13 ноября 1876 г.

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 200—205. Подлинник.

1. Речь, произнесенная Александром II 30 октября 1876 г. в Кремлевском дворце, в которой он заявил, что Россия будет действовать самостоятельно, если великие державы не придут к общему соглашению, а Турция не предоставит необходимых гарантий действительного улучшения быта славянского населения Балканского полуострова.

№ 351

1876 г. ноября 12. — Донесение русского генерального консула в Руцук В. Ф. Кожевникова Н. П. Игнатъеву с приложением обращения руцукских болгар

№ 295

Здесьняя городская община в числе своих избранных представителей поднесла мне адрес с просьбою повергнуть оный на воззрение императорского всероссийского правительства.

Считаю обязанностью своею препроводить означенный адрес на благоусмотрение вашего пр[е]восходительств[ва]. При сем прилагается и перевод оного на русском языке.

Документ сей, хотя и составлен лицами, проживающими в Руцук, но тем не менее по содержанию своему он может служить выражением чувствований всего болгарского народа.

Вручая мне адрес, здесьние болгаре просили меня почтительнейше довести до сведения вашего, милостивый государь, которому так хорошо известно положение дел и страдания христиан на Балканском полуострове, что весь болгарский народ воодушевлен одним желанием — избавиться от гнетущего его ига и носит в сердце своем одну надежду на заступничество великой и могущественной России.

С глубочайшим почтением.

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1876 г., д. 770, л. 233. Копия.

1876 г. ноември 5 (17). — Обращение руцукских болгар к русскому правительству о содействии освобождению Болгарии от турецкого ига

Руцук

Българите не могат и не искат да останат под тежкото и срамното иго на османлиите, които цели пет века са се отнасяли с тях като с роби в пълната смисъл на думата. Особено последните клания, които възбудиха отвращение в целия образован свят, отвориха между тях и българския народ такава пропаст, която не ще може бъдещето, може би, никога да уравни.

Българинът не може да очаква от ръката, която пет века наред е разполагала с живота му, както е щяла, която е грабила безнаказано имота му и обезчестявала светостта на огнището му, колчем ѝ е скимвало, никаква облага. Той е предварително убеден, че каквито и реформи да обещае турското правителство, те ще си останат мъртва буква, както са останали и хатишерифът от 1839 год, и хатихумаюнът от 1856 г.; затуй нито желае да чуе нищо за тях.

Не е само простият фанатически турски народ, който гони християните. Самото централно цариградско правителство е въодушеveno с чувства най-неприятелски към своите християнски поданици. Заповедта да се въоръжат срещу християните всичките мюсюлмани от 18 до 80 год. излезе из Цариград, именно чрез издействуването на Мидхат-паша, който е председател на комитета «сюперге» *, основан с цел да изстребва християните, от Мидхат-паша, който съчинява сега проект за бъдещето конституционно управление на държавата! Да разори Татар-Пазарджик и седемтах други паланки около Пловдив, и да изколи жителите им, Шевкет-паша доби заповед от сераскерина Абдул-Керим-паша. И до днес проповядват навред в държавата из Цариград пратени софти из джамиите слова против християните и разпалват фанатизма на турския народ, който всекидневно заплашва с нови клания.

Във времето на бунта Фазлъ-паша бомбардира Дряновския манастир **, и заповяда на Дели-Неджиб, плевненски каймакамин, да организира чети от черкези и абазци, и с тях да нападне, опустоши мирните села: Ново село, Батошово и др. Мрачният и жестоки Дели-Неджиб изпълни най-акуратно тази заповед и за отличната си ревност, затуй че изкла толкова хиляди стари, деца и жени беззащитни, че изгори и пограби с толко труд спечелени имот на безброй нещастни български фамилии и ги изложи на опасността да измрат от глад и студ; затуй че насили толкова девизи и оскверни толкова церкви и училища християнски, се награди с орден «Меджидие», както и Тосун-бей и всичките други главатарии на башибузуците, които се отличиха при кланието около Пловдив!

Турското правителство иска да убива морално и материално своите християнски поданици, за да може вечно да ги владее. Затова то под предлог да потъпчи по май въстанието, опустоши половината от отечеството ни, избеси или прати на заточение вечно нашите най-развити, най-кадърни хора; затуй, постоянно гони учителите ни, публицистите ни и народното ни духовенство; затуй парализира всяко по-голямо наше търговско, индустриално или в отношение на улучшението на училищата ни предприятие още при початъка му.

* Метла (тур.).

** См. прим. I к док. 105.

Следователно, може ли да има българският народ нещо общо с такова правителство? Може ли да се помисли, че българите ще се помамят още веднаж от хубавите обещания на Портата, и ще вкарат пак шиите си в тежкия и срамотния хомот, който ги е натискал цели пет века и тъй немилостиво им е смукал всичките жизнени сили, на който още не е засъхнала кръвта от последните клания на невинните им деца, на обесчестените им жени и дъщери, на старите им бащи и майки?

Затова, българският народ се обръща към вас, ваше превъзходителство, с умоление да съобщите на високославното императорско всероссийско правителство следующата негова покорна просба, и да съдействувате за нейното изпълнение:

Българите молят да се избавят час по-напред из ноктите на своите мъчители, които никога не са им желали и не ще желаят доброто, и да се турят в такъв политически условия, които да позволяват на всякого от синовете им да се радва напълно на човеческите права и да се развива интелектуално и морално състояние.

Българският народ моли сега както бе молил и чрез меморандума на своите делегати гг. Д. Цанков и М. Балабанов да му се даде пълна автономия с народно правителство, на което пределите да се простират додето се чува български език, гарантирана от 6-тиях велики сили — покровителници на християни в Изток.

Това е единственото средство, за да може да мирува по-голямата част на Балканския полуостров и да се даде възможност на толкова милиони чловеци, криещи в себе си толкова сили и способности да се развият и да крачат с успех в пътя на цивилизацията и напредъка.

С надежда че нашата покорна просба ще намери отзив напълно във вашето благородно сърце оставаме и пр.

Депутацията на русчукското население.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1876 г., д. 770, лл. 243—245. Копия

№ 352

1876 г. ноември 12. — Инструкция А. М. Горчакова
Н. П. Игнатъеву о позиции России на предстоящей
Константинопольской конференции

En clair: Reçu votre expédition du 4 novembre *.

En chiffres: Suivez la marche que vous indiquez. Présentez d'abord le projet maximum **. S'il rencontre forte opposition, produisez le minimum ***. Cela prouvera que nous ne visions pas à la dictature qu'on nous reproche¹. Il n'est pas impossible que le projet minimum rallie la majorité vu sa modération, — peut être même Salisbery qui recueille à Paris et recueillera à Berlin des impressions qui nous sont favorables². Selon vous qui êtes le meilleur juge, le minimum assure déjà à la Bulgarie une autonomie satisfaisante et pratiquement exécutable, vu qu'il est basé sur les éléments qu'offre le pays. Si vos deux projets sont écartés, vous consignerez votre opinion au protocole et vous la réitérerez dans la conférence à laquelle selon moi, vous ne devez pas vous soustraire. Si dans les délibérations préalables le

* См. док. 344.

** См. приложение 2 к док. 344.

*** См. приложение 3 к док. 344.

projet de Salisbury ou des autres offre des garanties sérieuses, vous ne repousserez pas d'emblée et prendrez ad referendum. La clause ad referendum prescrite à quelques-uns de vos collègues n'est pas encore une preuve de mauvais vouloir, leurs gouvernements ignorent notre plan. Decazes a été correct avec Salisbury, dit Schouvalow. Si même notre minimum prévaut, ce serait un grand résultat qui nous épargnerait la campagne militaire, chancelante et politiquement et matériellement, et onéreuse surtout par son influence sur notre position financière. Si nous pouvons l'éviter en maintenant intacts l'honneur et la dignité de l'empereur, je m'en applaudirais vivement et notre pays y gagnerait. Vous voyez la belle tâche qui vous tombe en partage. Les instructions à Nélidow sont approuvées par notre auguste maître. Nous sommes charmés de la preuve de défiance qu'on vous a donnée en vous élisant doyen.

Революция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 36, лл. 250—251. Отпуск.

Перевод

Открыто: Получено ваше донесение от 4 ноября.

Шифром: Следуйте по пути, вами указанному. Представьте сначала проект-максимум. Если встретит сильное сопротивление, представьте минимум. Это покажет, что мы не стремимся к диктатуре, в чем нас обвиняют¹. Возможно, что проект-минимум соберет большинство своей умеренностью, — может быть, даже Солсбери, собирающий в Париже и в Берлине, почерпнет впечатления, благожелательные для нас². По вашему мнению, а вы лучший судья, минимум уже обеспечивает Болгарии достаточную автономию и практически выполнимую, так как она основана на элементах, предоставляемых страной. Если ваши оба проекта будут отвергнуты, вы закрепите ваше мнение, от которого вы, по моему мнению, не должны уклоняться, протоколом и повторите его на конференции. Если в предварительных обсуждениях проект Солсбери и других представляет серьезные гарантии, вы не отвергайте его сразу, а примите ad referendum. Оговорка ad referendum, предписанная некоторым вашим коллегам, не означает еще недоброжелательства, так как их правительства не имеют представления о нашем плане. Деказ был корректен с Солсбери, говорит Шувалов. Если только наш минимум пройдет, это будет крупным результатом, который избавит нас от военной кампании, всегда случайной как политически, так и материально и в особенности тягостной своим влиянием на наше финансовое положение. Если можно избежать этого, сохраняя незатронутым честь и достоинства императора, я аплодировал бы этому с восторгом и наша страна была бы в выигрыше. Вы видите, какая прекрасная задача является вашим уделом. Предписания Нелидову одобрены нашим августейшим повелителем. Мы восхищены доказательством почтения, которое вам оказали, избрав вас старшиной.

1. По-видимому, речь идет о шумихе в английской прессе, поднятой в связи с частичной мобилизацией в России и речью Александра II в Москве 30 октября в ответ на воинственное выступление Дизраэли 28 октября 1876 г. (92, стр. 310).

2. Р. Солсбери был назначен уполномоченным Англии на Константинопольской конференции. Сначала он склонялся к сотрудничеству с Россией. Накануне конференции он посетил Париж, Берлин и Рим. В Париже министр иностранных дел Деказ заявил, что французский уполномоченный будет поддерживать решения, принимаемые большинством, но выступит против каких-либо мер принуждения в отношении Турции или занятия ее территории. В Берлине Бисмарк и Вильгельм I заявили, что поддержат решения, которые будут эффективными. В Вене Андраши вновь резко выступил против образования автономных государств и занятия русскими Болгарии. В Риме выразили полную поддержку английской программе (92, стр. 315—316).

№ 353

1876 г. ноември 13. — Протокол заседания БЦБО об организации собрания делегатов от местных болгарских обществ для обсуждения программы требований болгарского народа

№ 30

Дневник

Днес, на тринайсет и ноември, година хиляда и осемстотин и седемдесе[т] и шест, членове[те] на Обществото се събраха в редовно събрание под председателството на г-на К. Цанкова и се реши:

1. В общото събрание на делегатите от разните български общества на 18 того заседанието ще се отвори от председателя г-на К. Цанкова с едно кратко и обстоятелствено слово, в което ще се изложат и делата на Централното общество.

2. Ще се предложи на общото събрание да си избере председател и секретарин, догде трае това общо събрание.

3. Господин А. Ф. Теохаров ще прочете пратена адреса от княза Долгорукова, придружена с подарената му икона за българите — войници.

4. Ще се предложи на разглеждането на събранието една политическа програма, изработена от Централното общество.

5. Уставът на Централното общество, като свързка със своите отдели, ще се подложи да се подпише и от разните присъствающии упълномощени делегати в общото събрание. Този устав и правилник са вече разгледани и подписани от членовете на Централното общество.

6. Ще стане на българската църква парастас за всичките паднали поборници в сегашната война за югославянската свобода. В същото време ще се освети и пратената икона от княза Долгорукова за българите — юнаци. В този случай ще се поканят тукашните наши съотечественици и други славяни. Тържеството ще стане в българската тука църква.

Заседанието се затвори.

Ив. Кавалджи[ев], И. Вазов, Д. П. Иванов, П. Хр. Висковски,
К. Цанков, Ол. Панов, Стамболов

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1013. Подлинник.

№ 354

1876 г. ноември 15. — Из доклада Ф. Л. Гейдена Александру II об учреждении должности заведующего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией *

№ 13

В положении о Полевом управлении войск в военное время, высочайше утвержденном 16 октября сего года, в отношении управления занятым армиею краем в ст. 15 постановлено, что «в неприятельской стране, за-

* Доклад составлен на основании докладной записки князя В. А. Черкасского военному министру Д. А. Милютину от 1 ноября 1876 г., опубликованной Н. Р. Овсянким («Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг.» СПб., 1906, стр. 151—158). Здесь же опубликована по копии инструкция заведующему гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией (стр. 161—163), которая в данном документе выделена под № I и II и печатается по подлиннику.

нятой по праву войны, может быть назначен по усмотрению главнокомандующего военный генерал-губернатор, которому вверяется управление гражданской частью в крае». В постановлениях же, определяющих круг действий, степень и пределы власти главнокомандующего в отношении к областям неприятельским, занятым армиею по праву войны, указано в ст. 52. «Области неприятельские, занятые армиею по праву войны, находятся в полной зависимости от главнокомандующего. Он имеет особенное попечение, чтобы в областях не происходило беспорядков и своеволия и чтобы во взаимии и раскладе военных потребностей устанавливаема и наблюдаема была возможная уравнительность».

В ст. 53 по отношению к вышеозначенным областям главнокомандующий пользуется следующей властью:

1. Учреждает в областях именем его императорского величества временное правление.
2. Дает знать во всенародное известие об учрежденном правлении и прочих установленных им военных и гражданских властях.
3. Снабжает временное правление постановлениями для всех важных случаев и дает сему правлению способы для содержания поручаемой ему области в спокойствии и повиновении.
4. Разрешает в сих областях сбор существующих податей и налагает новые подати, назначает количество всякого рода потребностей, которые должны эти области ставить натурою, и подвергает их контрибуции, если она оказывается пужною.

Затем в положении о Полевом управлении войск вовсе не определена организация какого-либо управления, которое служило бы органом для общих распоряжений главнокомандующего по устройству занятых областей и наблюдению за гражданским в них управлением и только в высочайше утвержденном штате Полевого управления Действующей армии существует указание, что лично при главнокомандующем состоят чины военного и гражданского ведомства по управлению занятым краем.

Пополнение объясненного выше недостатка в нашем военном законодательстве при современных политических обстоятельствах является совершенною необходимостью, так как, в случае занятия нами славянских областей, мы не можем ограничиться только временным удержанием в них порядка, но должны положить возможно прочное основание такому гражданскому строю в упомянутых областях, при котором возможно было бы действительное улучшение нравственного и материального быта населения их и который служил бы основанием дальнейшего развития ожидаемой самобытной местной администрации в этих областях.

Эта важная цель может быть достигнута лишь в том случае, если будет теперь же немедленно приступлено к изучению на месте действительных условий существования края и если организационные работы, необходимые для его прочного гражданского устройства, будут основаны на вовремя собранных материалах и строгом изучении исторических условий края и ведены одновременно и параллельно с военными действиями. Но нельзя не заметить, что задача такого рода не может быть удовлетворительно разрешена одним военным начальством, которое не будет иметь для того ни времени, ни способов.

Соображения эти приводят к убеждению в необходимости учреждения с самого начала при главнокомандующем армиею отдельной канцелярии, на которую были бы возложены заведование всею организацией временного местного гражданского устройства и управления края по мере очищения его, подготовка работ для составления проектов положений об окончательном устройстве того же края и вообще вся внутренняя гражданская часть текущая и политическая. Причем, сообразно такому важному значению предстоящих канцелярии работ необходимо было бы ближайшее

руководство ею вверить особому высшему гражданскому чиновнику, непосредственно подчиненному главнокомандующему армиею.

Независимо от выполнения этой главнейшей задачи, на то же лицо и заведываемую им канцелярию могло бы быть возложено регулирование действий существующих славянских разного наименования комитетов, а также и совместная с военным начальством забота по организации, вербовке и обеспечении всем необходимым предположенных болгарских дружин и вообще местной болгарской военной силы.

В тех видах, чтобы дело правильного постепенного устройства местного гражданского управления и местной организации могло с успехом осуществиться, необходимо было бы проектируемому управлению придать существенное условие единства действий и с этою целью строго ограничить действия полагаемого при главнокомандующем чиновника Министерства иностранных дел исключительно только одною чисто дипломатическою перепискою с признанными Россиею правительствами и их дипломатическими агентами, сосредоточив все прочие без изъятия гражданские и политические дела в упомянутой выше канцелярии по гражданской части.

Руководствуясь вышеизложенными соображениями проектируемое при главнокомандующем армии управление могло бы быть устроено на следующих общих основаниях:

1. Личный состав канцелярии и чинов, состоящих при заведующем гражданскими делами при главнокомандующем, содержится по прилагаемому штату.

2. В ведении заведывающего гражданскими делами при главнокомандующем армиею состоит все делопроизводство по гражданским делам занятаго края, за исключением собственно дипломатической переписки главнокомандующего, указанной в ст. 57 положения о военном управлении войск в военное время, ведение которой, согласно той же статьи, должно оставаться на обязанности состоящего при главнокомандующем чиновника Министерства иностранных дел. Ближайшие же и более подробные указания обязанностей заведующего гражданскими делами при главнокомандующем армиею определяются в особой инструкции.

3. Заведующий гражданскими делами и его помощник избираются главнокомандующим армиею и по его представлению утверждаются высочайшим приказом. Правитель канцелярии, начальники отделений и чиновники для особых поручений избираются заведующим гражданскими делами и утверждаются в должностях высочайшим приказом. Определение на должности, перемещение с одних должностей на другие и увольнение от должностей прочих чиновников канцелярии производится по распоряжению заведующего гражданскими делами. При этом о назначении и увольнении всех означенных чинов, равно и о перемещении офицеров и гражданских чиновников первых VI классов, сообщается Главному штабу для внесения в высочайший приказ на общем основании, о перемещении же гражданских чинов прочих низших классов сообщается тому же штабу для отметок.

4. Заведующий гражданскими делами, как ближайший помощник главнокомандующего армиею по гражданскому управлению занятым краем, подчиняется непосредственно главнокомандующему, которому он лично докладывает о важнейших, подлежащих его ведению делах и от которого непосредственно получает все повеления, до вверенной ему части относящиеся.

5. Помощнику заведующего гражданскими делами, чиновникам для особых поручений и всем чинам канцелярии заведующего гражданскими делами присваиваются права чинов соответственных званий Полевого управления армиею. Ближайшее же определение обязанностей тех же чинов, применительно к общим по сему предмету постановлениям, воз-

лагается на заведующего гражданскими делами при главнокомандующем армиею.

6. Главнокомандующему армиею предоставляется, в случае надобности, временно прикомандировывать офицеров от воинских частей армии к заведующему гражданскими делами как для выполнения особых поручений при нем и для местного гражданского управления, так и на усиление состоящей при нем канцелярии. С той же целью главнокомандующий, если признает нужным, входит в сношения с гражданскими ведомствами империи о вызове и прикомандировании чиновников сих ведомств, с предоставлением всем вышеупомянутым чинам служебных прав и преимуществ на законном основании и наравне с соответственными чинами, состоящими при заведующем гражданскими делами и в канцелярии его.

7. Все расходы по содержанию заведующего гражданскими делами при главнокомандующем армиею и состоящих при нем чинов и канцелярии вносятся в смету расходов Полевого управления армии особою 6-ю статьею в § 2 этой сметы на дополнительные по военному времени расходы. Экстраординарные же расходы, собственно по гражданским делам, производятся из экстраординарной суммы, в непосредственное распоряжение главнокомандующего ассигнуемой по § 1 той же сметы, причем при составлении сметы расходы эти заносятся в означенный параграф особою статьею.

Затем изложенные выше общие положения для всякой армии, в применении их к армии, предназначенной для действия в Европейской Турции, полагалось бы дополнить следующими правилами, которые могли бы составить собою особую секретную инструкцию заведывающему гражданскими делами, а именно:

I

На заведывающего гражданскими делами при главнокомандующем армиею, предназначенную для действий в Турции и под высшим руководством главнокомандующего, возлагается:

1. Собрание необходимых статистических и исторических материалов, должностных служить руководством для составления предположений о необходимых в крае преобразованиях для нравственного и материального улучшения быта населений Задунайского края.

2. Постепенное введение в действие нового гражданского местного управления, на утвержденных главнокомандующим основаниях в частях Задунайского края по мере очищения их войсками от турецкого владычества.

3. Наблюдение за возможно правильным течением гражданской местной администрации в тылу армии, и деятельное содействие военному начальству к охранению местного населения от всякого рода притеснения.

4. Приискание из числа местных жителей — при помощи сведений, доставляемых и от разных военных начальников, — лиц, вполне благонадежных, которые по своему влиянию, опытности в условиях местной жизни и преданности русскому правительству могли бы с пользою быть употребляемы в деле устройства местного управления.

5. Наблюдение за пользами православной церкви и за охранением народных училищ.

6. Ограждение свободы веры иноверцев, в том числе и мусульман, от проявлений местного фанатизма.

7. Постепенное, по мере возможности, введение улучшенного порядка распределения и взимания податей и налогов, а равно наблюдение за возможно успешным поступлением оных.

8. Деятельное содействие военному начальству в образовании болгарских дружин и вообще местной военной силы, на которую, по выходе русских войск, могло бы быть возложено охранение края.

9. Посредничество между славянскими разного наименования комитетами как в России, так и вне оной и местными нуждами и потребностями жителей Задунайского края.

10. Подготовка проектов необходимых преобразований в крае на случай могущей открыться в них потребности.

II

В тех частях Задунайского края, которые будут заняты русскими войсками, бывшие российские в них консулы и консульские агенты, как лица, ознакомившиеся с местными условиями края, по распоряжению главнокомандующего Действующею армиею могут быть обращаемы на ведение дел по местному гражданскому управлению. Главнокомандующий означенною армиею в случае надобности может назначить по ведомству канцелярии по гражданским делам особого комиссара при сербском правительстве с тою целью, чтобы обеспечить сношения с сербским правительством славянских комитетов разного наименования и возлагать на упомянутого комиссара всякого рода другие поручения. Усмотрению его предоставляется также временно возлагать сношения по всем сим предметам с канцеляриею по гражданским делам и исполнение ее требований на генерального консула России в Белграде [...]*.

Испрашивается разрешение: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству:

1. В дополнение к положению и штату Полевого управления войск в военное время высочайше утвердить изложенные в сем докладе предложения об учреждении при главнокомандующем армиею должности заведующего гражданскими делами с особою при нем канцеляриею и чинами для поручений и представляемый проект штата означенной канцелярии, а также подносимую у сего секретную инструкцию заведывающему гражданскими делами при главнокомандующем армиею, предназначенною для действия в Европейской Турции.

2. Разрешить отпуск трех тысяч рублей на первоначальное обзаведение и устройство названной выше канцелярии.

3. Разрешить выдачу из суммы, в распоряжение главнокомандующего Действующею армиею на экстраординарные расходы собственно по гражданским делам ассигнуемой, негласных добавочных к содержанию денег всем чинам канцелярии по гражданским делам, в размере указанном в настоящем докладе.

4. Порционные суточные деньги заведывающему гражданскими делами назначить одинаковые с определенными для полевого интенданта, взамен же всех единовременных пособий выдать заведывающему общемою суммою в размере 8 тыс. рублей и в каком размере высочайше повелено будет производить штатное содержание заведывающему гражданскими делами при главнокомандующем Действующею армиею, а также будут ли и в каком размере всемиловейше дарованы ему негласные добавочные к содержанию деньги из экстраординарной суммы, главнокомандующему ассигнуемой, на расходы собственно по гражданским делам.

Генерал-адъютант граф Гейден

* Далее опущена часть текста, содержащая проект штатов канцелярии заведующего гражданскими делами.

Революция Д. А. Милютина: Высочайше повелено исполнить, как испрашивается. Содержание заведывающего гражданскими делами высочайше назначено в шесть тысяч рублей в год, с добавочными из экстраординарной суммы в две тысячи рублей.

Генерал-ад[ъютант] Милютин. 16 ноября 1876 г.

ЦГВИА, ф. 402, 1876 г., д. 17а, лл. 47—63 об. Подлинник.

№ 355

1876 г. ноября 16. — Письмо начальника штаба Действующей армии А. А. Непокойчицкого Ф. Л. Гейдену о формировании болгарского ополчения

№ 164

С.-Петербург
Секретно

Милостивый государь граф Федор Логгинович!

Для выполнения того поручения, которое, как вашему сиятельству известно, предполагается возложить на генерал-майора Столетова *, необходимо ныне же подготовить все распоряжения для образования кадров тех частей, которые он должен будет формировать впоследствии.

Эта подготовка должна состоять в выборе и назначении нижних чинов и офицеров для дружин, которые будут формироваться, и в своевременном сборе назначенных лиц.

Его императорское высочество главнокомандующий предполагает проинвестировать это в следующем порядке.

Все необходимое число нижних чинов для пеших дружин назначить из частей Действующей армии, для каждой роты по 1 фельдфебелю, 4 унтер-офицера, 1 каптенармусу, 2 барабанщика и 1 горнисту по непосредственному распоряжению Полевого штаба. Всех означенных нижних чинов отправить немедленно в Кишинев, и чтобы не давать никакой огласки делу, объявить, что все это делается для сформирования почетного конвоя его высочеству. Всех этих нижних чинов разделить на 3 роты, соответственно 3 бригадам, в которые будут соединены предположенные к формированию дружины ¹.

Для командования дружинами и ротами назначить штаб- и обер-офицеров из частей войск внутренних округов по прилагаемому списку **, составленному по личному выбору генерал-майора Столетова. В этом списке назначены дружинные командиры, их адъютанты, ротные командиры и несколько субалтерн-офицеров из числа болгарских уроженцев, находящихся в частях Одесского военного округа ***. Назначение прочих офицеров сделать ныне же, причем его высочество, ввиду некомплекта офицеров вообще в войсках нашей армии, полагал бы ограничиться назначением в каждую роту всего по одному субалтерн-офицеру. В число этих офицеров его высочество изволил приказать выбрать в каждом полку 22-й, 24-й и 37-й пехотных дивизий по одному офицеру; назначение еще 4 офицеров его высочество полагает предоставить распоряжению Главного штаба. Все офицеры, означенные в прилагаемом списке, а также те, которые будут назначены, по мнению его высочества, должны быть ныне же предуведомлены, что они предназначаются для командирования в

* См. док. 317.

** Хранится в этом же деле, лл. 64—65 об.

*** См. док. 345.

Действующую армию; их следует ныне же снабдить подъемными деньгами, дабы они были в полной готовности отправиться по назначению по первому требованию.

Для командования же сборными ротами, которые будут сформированы, как указано выше, следует немедленно отправить в Кишинев тех из офицеров, фамилии которых подчеркнуты в прилагаемом списке.

Для подготовки кадров для конных дружин² его высочество, как генерал-инспектор кавалерии, уже сделал распоряжение, чтобы в запасных кавалерийских бригадах было выбрано потребное число нижних чинов, которые должны быть готовы к отправлению в Кишинев по первому требованию. Офицеры же для конных дружин будут избраны его высочеством из гвардейских кавалерийских частей, так как только в них имеется значительный сверхкомплект; в частях же армейской кавалерии существует большой некомплект.

Сообщая об этом вашему сиятельству для зависящих распоряжений Главного штаба по назначению и своевременному командированию указанных выше офицеров, я вместе с тем уведомляю, что его высочество поручил мне заявить, что, по его мнению, довольствие дружин провиантом и приварочными деньгами, а равно и общее их хозяйственное устройство следует основать в точности на порядках, принятых в нашей армии для рот и эскадронов. Жалованье следует производить всем офицерам, а из нижних чинов только состоящим на службе в нашей армии и взятым для образования кадров; для обеспечения же дружинников по удовлетворению мелких нужд, отпустить небольшие суммы дружинным командирам для выдачи не жалованья, а лишь вспомоществования наиболее беднейшим.

Начальникам дружин следует назначить содержание, как командирам отдельных батальонов. Этим чинам, адъютантам и ротным командирам, в числе подъемных, следует выдать и на покупку верховых лошадей.

В каждую роту следует выдать особые суммы для заведения ротной повозки (соответствующей нашей артельной) и патронной повозки. В каждую дружину выдать сумму на заведение одной повозки для офицерских вещей.

О последующих распоряжениях прошу уведомить меня для доклада его высочеству главнокомандующему³.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 63 и об., 66 и об., 68—69 об. Подлинник.

Опубликован по черновику в сб. «Българското опълчение», т. I. София, 1956, стр. 30—32.

1. На основе записки генерала Н. Н. Обручева («Основания для организации болгарского войска») генерал Н. Г. Столетов составил «Правила о формировании болгарского ополчения» и «Временные штаты ополчения» (см. 63, приложение, стр. 125, 131). Дружина состояла из пяти рот по 200 солдат в каждой. Две дружины сводились в бригаду, три бригады составляли ополчение. В ополчении, в его полном составе, на 16 июля 1877 г. числилось 7444 нижних чинов (30 рот), 72 обер-офицера, девять штаб-офицеров и один генерал (64, т. III, ч. I, приложение, стр. 336).

2. По замыслу Военного министерства организация конных сотен была перенесена на территорию Болгарии, так как предполагалось набирать охотников для конных сотен с их собственными лошадьми. По своему построению конная сотня болгарского ополчения была копией сотни русских кавалерийских полков. В качестве основных кадров и инструкторов было подобрано 13 офицеров из гвардейских кавалерийских частей и 48 нижних чинов из запасных кавалерийских бригад. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 68; 77, вып. 29, стр. 276).

3. 23 ноября Александр II одобрил предложение главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича по формированию болгарского ополчения и определил правила прикомандирования русских офицеров в ополчение (см. 16, т. I, стр. 53—54).

№ 356

1876 г. ноября 19. — Из донесений В. Ф. Кожевникова в МИД о попытке турецкого правительства отправить делегацию болгар на Константинопольскую конференцию для поддержки позиции Турции

№ 303 и 304

Руцук

Турецкие власти в Болгарии получили секретное предписание от своего правительства отправить в Константинополь как можно скорее несколько человек болгар, которые должны считаться представителями своего народа и могли бы заявить свой голос на предстоящей конференции. Здешний вали и мутесариф в Варне снабжены указаниями избрать для этой цели лиц, известных своею преданностью турецкому прав[ительст]ву, которые должны заявить от имени всего своего народа следующие желания: 1) что болгарский народ вовсе не желает для себя отдельной автономии, а хочет только воспользоваться благодеяниями конституции, даруемой всем подданным Турции, и 2) что болгаре вполне доверяют лицам, окружающим султана Гамида, и надеются, что прав[ительст]во озаботится об улучшении участи христиан и исправит ошибки, сделанные в царствование Абдул-Азиса.

Генерал-губернатору предписано было непременно внушить эти мысли тем лицам, которые отправятся в Константинополь в качестве представителей болгарского народа; но до последнего времени ни один болгарин не согласился принять на себя столь унижительную обязанность.

В числе издающихся в Румынии болгарских периодических журналов газета «Новая Болгария», выходящая в Журжеве, напечатала в одном из последних номеров адрес болгарского народа государю императору*.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 4, л. 290. Копия. Литогр. экз.

№ 357

1876 г. ноября 19. — Письмо Ф. Л. Гейдена А. М. Горчакову о командировании генерала А. П. Никитина для помощи в реорганизации сербской армии

№ 232

Секретно

Милостивый государь князь Александр Михайлович!

Вследствие известного вашей светлости предположения о временном командировании особого лица в Сербию для содействия сербскому правительству к устройству, в период перемирия, сербских войск, государь император высочайше соизволил избрать для выполнения этого поручения начальника штаба Виленского военного округа генерал-лейтенанта Никитина¹.

Сообщая о вышеизложенном вашей светлости, имею честь покорнейше просить, не изволите ли признать возможным необходимые по сему предмету сношения с белградским правительством сделать по телеграфу и о последующем не оставить меня уведомлением, дабы** можно было успеть

* См. док. 338.

** Далее зачеркнуто: ввиду краткости срока до истечения перемирия.

своевременно выполнить все распоряжения к отправлению генерала Никитина по назначению.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, л. 1 и об. Черновик.

1. Генерал А. П. Никитин был рекомендован Д. А. Милутиным. «Я указал на него, — писал он в своем дневнике, — как на человека, наиболее способного для предположенного отправления в Сербию, чтобы помочь тамошнему правительству в устройстве вооруженной силы» (51 т. II, стр. 112).

№ 358

1876 г. ноября 20. — Из протокола * общего собрания БЦБО по вопросу о будущем устройстве Болгарии

И да се предвари вторично кръвопролитие, нужно е военна окупация на Турция от страна на европейските сили, при която ще се състави и първото временно българско правителство.

Панов предлага при думата «окупация» да се прибави думата «руска».

На това г-н *Цанков* приложи, че трябва да се каже: «военна външна окупация», което и едногласно се прие.

Предлага се на прочит и последния параграф от заключението, което гласи:

«След нашето освобождение ние желаеме да се свържеме чрез една конфедерация¹ с всичките славянски и други християнски народности, които населяват Европейска Турция».

Г-н Атанасиев поиска дума и изказа желание такова нещо да не обеме програмата и именно затова, за да не дадем оръжие в ръцете на неприятелите на славянството, за да го преследват.

Панов казва, че този член трябва да остане, без да ни е страх от преследванията на неприятелите, и това г-н *Панов* счита, че щяло да бъде като награда на Русия за кръвта, която тя ще пролива.

Цанков прибави, че ние не знаем ако другите народности на Възток, както и Русия, желаят това. Те са работи за по-подире. Това подкрепиха и г-да *Кавалджиев* и *Златарев*.

[*Балтаджиев*] ** прибави, че Прусия състави Германия, Пиемонти създаде Италия, и ние трябва да следваме същия път като малки и слаби народи; от това зависи нашето бъдеще и в това се състои нашата сила. Това се посрещна с ръкопляскане.

Теохаров при всичко, че не одобрява публикуването на този член, но ако би че с това ще може да [се] покаже признателност на бълг[арския] народ към Русия, налага [се] да се обнародва.

Кавалджиев казва, че всеки желае конфедерацията, но да се говори за нея днес ще ни повреди.

Цанков приложи, че благодарителна програма от нашата програма не трябва да правим, а трябва да представяме реални неща.

Стамболов иска отхвърлянето на този член.

Иванов иска да си остане членът, както е редактиран и именно затова, защото чрез конфедерацията с християнските и славянски народности ще се представи пред Европа като една държава, която ще е в състояние да се забраня от всяка друга, която поиска да ги завладее.

* Начало протокола не сохранилось.

** В подлиннике ошибочно Билдирев.

Цанков подкрепя своята теория, като прибави, че тя била идея на Кощута, който чрез свързването на малките народности иска да се състави едно цяло и да ги обърне срещу Русия.

Кавалджиев отхвърля думата «конфедерация», а Цанков се съгласява да култируваме тая идея, не обаче да я изложим и в политическата си програма.

Панов предлага да се положи под гласоподаване тази фраза, която се сформира в следующето изречение: «Желаеме ли славянска конфедерация или не?» Този въпрос се прие едногласно с да.

Понеже разногласие съществува, колкото се отнася до последния параграф на заключението, сир[е]ч ако трябва да се споменува в програмата за конфедерация или не, по общо искане подложи се този въпрос по тайно гласоподаване, което даде за следствие 11 отрицателни срещу 5 положителни, с което се склучи разискването на програмата и събранието се разпусна, за да се събере тая вечер на 7 часа.

Председател: Владимир Йонин

К. Цанков, Ив. Кавалджиев, С. Атанасов, ха[джи] Васил Балтаджиев, Г. Стойчев, Антон Теохаров, Ол. Панов, Т. Илиев, П. Енчев, И. Вазов, Х. Златаров,
Д. П. Иванов, С. Н. Стамболов, П. Хр. Висковски

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 997. Подлинник.

1. Вопрос об образовании балканской конфедерации не новый; он был одним из основных во взглядах идеологов болгарского революционного движения Г. С. Раковского Л. Каравелова и Хр. Ботева.

№ 359

1876 г. нoября 20. — Записка МИД, составленная по донесению русского консула в Солуни Т. П. Юзефовича, о программе реформ в Болгарии

№ 311

Солунь
Секретно

Благодаря турецкому управлению, Болгария доведена в настоящее время до такого положения, что никакие полумеры или реформы, обещанные Портою, не могут дать хороших результатов; только коренное переустройство страны может спасти ее от окончательной гибели. По мнению надв[орного] сов[етника] Юзефовича, это возможно только при введении в Болгарии самоуправления и при том отдельного представительства в каждом округе. Для достижения этой цели консул наш полагает необходимым следующие меры:

1. Точное определение границ Болгарии, и преимущественно в южных ее пределах, где наиболее смешаны греческий и болгарский элементы.

2. Разделение страны на несколько округов, по возможности равномерных, с средоточием главного управления в одном городе; в каждом округе учреждение на первое время 2-х европейских комиссий из представителей шести держав: одной — административной, другой — финансовой. Задача 1-й заключается в определении прав христиан на землю и в устройстве городского управления; вторая должна определить размеры налогов, взимание таможенных пошлин и распределение сумм на уплату расходов управления и

3. Учреждение при главном начальнике края особой главной комиссией из представителей европ[ейских] держав, которая занялась бы рассмотрением проектов и решений окруж[ных] комиссий.

Установление такого порядка, по мнению п[адворного] с[оветника] Юзефовича, необходимо на 3 года, пока не будет окончательно выработано самоуправление Болгарии и не будут подготовлены люди, способные занять судебные, административные и полицейские места. До этого времени места эти могут быть замещены лицами, назначенными по усмотрению комиссии.

Что касается Афона, то консул наш находит возможным окончательно исключить этот полуостров из подчинения светской власти, заменив последнюю советом представителей монастырей; место каймакама могло бы быть упразднено.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 673. Копия. Литогр. экз.

№ 360

1876 г. ноября 21—22. — Из протокола общего собрания БЦБО по вопросам о назначении представителя Болгарии на Константинопольскую конференцию, об интригах Д. Ф. Стурарта среди болгарской эмиграции и о вынесении благодарности славянским комитетам за оказанную помощь

№ 34

Букурещ

Дневник

Днес, година хиляда и осемстотин и седемдесет и шест, ноември двадесет и първи, упълномощените делегати от Браила, Болград, Олтеница, Бузю, Александрия, Русе; почетният председател г-н В. С. Йонин, г-н А. Ф. Теохаров и членовете на Центр[алното] общество се събраха в канцеларията на обществото. Събранието се намери за пълно според устава и заседанието се отвори от председателя г-на В. С. Йонина.

Прочете се протоколът от преминалото събрание и за точността му се попита, ако иска някой да прави бележки [...].

Ол. Панов. Предлагам да се напише писмо до н[егово] императорско височество главнокомандующия на южната руска армия Николая Николаевича и да отидат двама делегати от страна [на Централното] общество и неговите клонове да го поздра[вят] ¹ — — предадат сведенията, които събираме — — доброволци и да искаме негово — — [съ]вети, както че сме готови — — кажем нашите заслуги като представители на българската емиграция, тъй също и да пратим нашата политическа програма за конференцията *.

Д. П. Иванов. Моли събранието за това заседанието да го замести в длъжността му с друго лице по причина на неразположение.

Г-н С. Стамболов заема мястото му.

Ол. Панов. Вярваме, че наистина г-н Д. П. Иванов е доста уморен и че не счита за обида бележките, които станаха в Дневника.

Прочита се дневният ред. Първо предложение гласи: да се отпрати писмо до Московски[я] славянски комитет, също до С.-Петербургския, от страна на всичките събрани делегати, в което да им благодарят за брат-

* См. приложение к док. 376.

ските помощи, които ни показаха, и да ги молят и занапред да не ни отказват своето съдействие. Да се приложи за поведението на руския консул г-на барона Стюарта *, който не престава от да прави всякакви спънки в нашите дела и пр.

Теохаров. Мисли, че оплакванията ни относително до барона Стюарта трябва да се явят на директора на Азиатския департамент, освен писма до Славянските комитети, които ще свидетелствуват за вашата солидарност.

Д. П. Иванов. Трябва да не месиме работата. Тука са 2 въпроса: единият — да пишем до Славянските комитети в Русия, както предговорившите казаха; другият — за барона Стюарта трябва само до директора на Азиатския департамент да се оплачем и вярваме, че нашите праведни оплаквания ще се вземат във внимание, защото сме убедени, че представителите на великата Русия трябва да се стараят да ни сближават с тоя братски народ и да ни съдействуват, а не със своите отношения да ни изстудяват и пречат на народните ни дела — — — като се меси да прави раздори — — — между тукашните българ[и] — — — и чест.

Т. Илиев. Да се прочетат — — — вече готови, за да ре — — — Дава се 5-минутна почивка. Заседанието се отваря отново.

Д. П. Иванов. Защото някои от г-да делегатите се канят да си отидат сутре, то аз ги моля да пожертвуват и сутрешния ден, за да се приготвят нужните актове, както и Дневникът на това събрание, за да ги подпишат, иначе не може да е пълно нашето дело и това събрание остава без значение.

Балтаджиев. Ако е възможно всичко това по-скоро да стане, защото има хора, които няма да заминат със железница.

Атанасиев. Ако сме жертвували 2 дена, трябва да жертвуваме още един, за да се свърши делото ни, затова се съгласява с предложението на Д. П. Иванова.

Г. Стойчев. Иска да си отиде по частни работи. Той предлага да се сключи един акт, чрез когото да се изяви, че одобряват Дневника на това събрание.

Атанасиев. Чуди се, че г-н Стойчев гужда неговите частни интереси по-горе от народните. Ако г-н Стойчев предлага [това, той], е стоял 2 дена, може да остане още един, за да свърши редовно начатата работа.

Г. Стойчев се съгласява да остане.

Относително до барона Стюарта реши се едногласно да се напише отношение до директора на Азиатския департамент. Това съчинение се възложи по предложенията на К. Цанкова и Д. П. Иванова на г-да А. Ф. Теохарова и Висковсаго.

Прочете се по дневния ред предложението от г-на П. Енчева: писмено ли да съобщим своите заявления на конференцията или чрез особен делегат.

Иванов. Това предложение е от голяма важност. Аз предлагам да се прати човек на конференция[та], който да занесе — — — програмата, един мемоар, в който да — — — според предложението на Балтаджиева — — — представи на конференцията — — — [благод]арности писмени от българите, и че тия благодарности са взети насилствено, следов[ателно] не могат да се вземат във внимание ². Иванов предлага още да се заяви, че българите пак ще въстанат и ще дадат работа на дипломацията.

Предложението да се напише мемоар се прие. Препирния стана по въпроса да се прати ли човек да занесе пол[итическата] програма и мемоара, или да се пратят тия последните по пощата или чрез консулите.

* См. док. 361

Теохаров. Аз предлагам да се прати човек, а именно Йонин. (Това се приема от всичките).

Йонин казва: Да се прати чрез консулите мемоара и програмата. Колкото за човек, ще се прати ли или не, то остава за по-насетне. Аз, господа, благодаря ви за честта, която ми правите, и приемам да отида като ваш представител, ако обстоятелствата ми позволят.

По тоя въпрос станаха още други някои разисквания, между които *Теохаров* каза, че не е добре да се пратят документите чрез консулите, защото щяло да останат под шилтето.

Йонин. Това е невъзможно. Всеки консул с радост ще прати тия неща, защото за това може да получи лишна награда.

Теохаров. Предлага, че е нужно да се отнесем до директора на Азиатския департамент, за да се иска препоръчително за г-на Йонина до Игнатиева, за да може да присъствува на конференцията.

Йонин. Това е невъзможно, да присъствува и препоръчителното не е потребно. Ако Игнатиев позволи, то другите не ще позволят.

Балтаджиев се съгласява с г-на Йонина, като прилага, че европейците искаха и Турция да изключат, а камо ли наш представител да приемат.

На *Мънзова* се позволи да говори: Аз мисля — въпросът е важен. Ако пратим човек, може да пострада, после не ще може да вземе участие в конференцията и ще изгълни само ролята на поща. Още ако ние излизаме от Румъния с такива политически актове, то нейният неутралитет може да се сматра за нарушен и нашето Общество от това да пострада.

Т. Илиев. Конституцията не запретишава такива общества и разни проекти като нашия. Програмата е проект за доброто на един народ. Да се изпрати човек е нужно, защото ако и да се не приеме в конференцията, той ще има вход при разните представители на европейските сили и ще може да повлияе за по-добрия ход на нашите народни работи.

Иванов. Признавам, че е нужно да се изпрати за конференцията човек, но ако за това назначим г-на В. С. Йонина, не ще ли дадем повод на другите представители европейски да мислят, че всичко това става по подбуждение руско, и да дадем оръжие в ръцете на Турция да казва, че българите сами по себе си нищо не желаят и за нищо са неспособни. И тъй ще ли обърнат надлежното внимание на нашите искания? Затова мисля за по-добре, ако не ще можем прати човек, то час напред да се прати един мемоар и политическата програма не до тукашните консули, но направо до европейските кабинети или до европ[ейските] представители на конференцията.

Кавалджиев. Имало е друг път тука комитет, който е пратил и познатия мемоар до великите сили. Както е постъпил той, тъй трябва и ние да направим.

Ол. Панов. Предлага: преди да вземем решение, да се отнесем до конференцията писмено или чрез наш делегат, то трябва по-напред да се проуееме за това с г-да Цанкова и Балабанова, ще присъствуват ли на конференцията или не, за да сме съгласни в действията си, да не би ние да искаме едно, а те друго.

Теохаров. Г-да Др. Цанков и М. Д. Балабанов не могат [да] присъствуват на конференцията, когато тя ще стане в Цариград.

Д. П. Иванов. За да се проуееме с Др. Цанкова и Балабанова, ще трябва 10—15 дена. А времето не търпи отлагане. Разногласие не може да има между тях и нази, защото по начало техният публикуван мемоар е съгласен с нашата политическа програма. Ако можем прати представител, то той трябва най-късно в 2—3 дена да замине, иначе да се проводи час напред и нашият мемоар.

Пак се повърна въпросът за пращането на г-н В. С. Йонина.

Т. Илиев изказа мнение, че тъй и тъй Европа се съмнява, че Русия ни подбужда, нека да се прати човек като г-н Йонина, който ще може достойно да ни представлява и когото ще боли сърцето за нази, без да гледаме, що ще да мисли Европа за нас.

К. Цанков. Ползата е голяма от отиването на г-на В. С. Йонина, стига той да се яви и само на генерала Игнатиева и не и на другите представители.

Мънзов и Иванов пак постоянствуват да се съразмисли добре ли е, ако отиде г-на Йонина, като русин ще ли може толко да ни ползува.

Паноз. Възразява, че на това никакво внимание не трябва и да се обръща.

Атанасиев. Досега Европа, ако и да клеветеше Русия, че ни подбужда, нямаше факти, а ние сега с това сами даваме факт в ръцете им.

К. Цанков. Да не обръщаме внимание на тия идеи маджарски и еврейски. Ние трябва смело да излезем пред света и да се държим о Русия, когато тя е излязла да ни защитава.

П. Енчев. Вижда едно противоречие между вчерашното мнение на г-на К. Цанкова — да се извади от политическата програма параграфът за славянска конфедерация — и сегашното — да се не боим и найве да се държим о Русия.

К. Цанков. Това не е истина. Аз вчера казах, че понеже официална Русия още не е заявила идея за такава конфедерация*, ние не знаем дали тя я желае. И после — ние още не знаем, ако и окръжаващите ни народи желаят това. По тия причини исках да не споменуваме нищо за славянска конфедерация в нашата програма.

С. Мънзов. Изказва пак същия страх за неутралитета на Румъния и повтаря по-предните си думи.

Т. Илиев и Д. П. Иванов му отговарят, че ние, ако ни е страх, трябва да не се заемаме за политически работи като партия, че преди всичко трябва да стои интересът на нашето отечество. И даже ако има в нашия път и опасности, трябва да не обръщаме внимание и да вървим смело напред. Че ние и като частни хора имаме право да се жаловаме пред силите срещу турските зверства.

Дава се 5 минути отпус. Заседанието се отваря отново.

Д. П. Иванов предлага чрез г-на председателя едно писмено предложение, подписано почти от всичките, което гласи: «Предлагам да се вземе решение в това събрание да се направи един меморандум да придружава политическата програма и който незабавно да се изпрати до Великите сили, без да се отлага това решение за друго събрание. Колкото за да се изпрати и делегат за конференцията, то остава на усмотрението на Центро-общество».

Въпросът върх това се затваря.

Атанасиев. Предлага да се печатат дневниците, словата, уставът и всичко, вършено в това събрание, придружено с описание на тържеството за осветението на иконата и парастаса. Това предложение се прие едногласно.

Стамболов. Предложи да се прати депутация от страна на емиграцията до негово императорско височество Н[иколая] Николаевича, за да се проумеят с него за някои работи съгласно с днешните обстоятелства. Това се прие едногласно.

Г-н Год. *Илиев* прочете едно слово, в което благодари на руския народ за помощта, която ни оказва в последно време; тъй също и на председателя на Централното общество, както и на неговите членове, които тъй добре са водили народните работи, и казва, че той си отива с най-добри впечатления от това първо българско народно събрание.

* В подлиннике конференция.

Живи ръкоплескания го поздравиха и всички сърадваха, след което сепозтвори последното заседание на това общо събрание.

За точност:

А. Теохаров, Г. Стойч[ев], Владимир Йонин, К. Цанков, Тод. Илчев, х. В. Балтаджиев, С. Атанасов, С. Н. Стамболов, Х. Златаров, П. Енчев, Д. П. Иванов, Ив. Кавал[джиев], И. Вазов, Ол. Панов

НБВК — БИА, ф. 56, II А 2524. Подлинник. Текст поврежден.

1. Поздравительные письма были отправлены, а в качестве делегатов были определены К. Цанков и П. Енчев (см. док. 371).

2. Турецкое правительство делало попытки собрать благодарственные адреса от болгарского населения и тем доказать ненужность всякого дипломатического вмешательства в пользу болгар. Несколько таких адресов, подписанных по принуждению, вызвало всеобщее возмущение болгарского народа. Из Болгарии и из болгарской эмиграции были посланы заявления с протестом в адрес Константинопольской конференции (72, стр. 354—355, опубликован без подписей, отсутствует 44 подписи; 2, т. I, стр. 580—585, № 473).

№ 361

1876 г. ноября 21. — Письмо Болгарского Народного собрания Петербургскому славянскому комитету об утверждении полномочий БЦБО как представительного органа болгарского народа

№ 272 !

Мы, нижеподписавшиеся делегаты болгарских обществ Болгарии и Румынии, съехавшись 18 ноября 1876 года в г. Бухарест по приглашению Болгарского центрального комитета¹ для обсуждения политической программы, выработанной для болгарского народа комитетом и предложенной на наше обсуждение и одобрение, воспользовались случаем рассмотреть отчет о деятельности Центрального комитета со времени его образования — 10 июля 1876 г. по 18 сего ноября.

Мы остались вполне довольны деятельностью комитета за это время и сочли долгом поблагодарить членов одного за их усердное и вполне патриотическое старание на пользу общеславянского народного дела. Найдя членов Центрального бухарестского комитета вполне заслуживающими наше доверие и достойными руководить деятельностью других обществ, уполномочили их представлять нас и продолжать по-прежнему сношения с нами касательно народного дела.

Считаем долгом поблагодарить также С.-Петербургский славянский благотворительный комитет за помощь и содействие, оказанные Центральному бухарестскому комитету, и просить его не отказать ему и впредь, как представителю болгарского народа, в своем содействии и сочувствии.

Центральный болгарский комитет в Бухаресте есть учреждение, избранное и уполномоченное целой эмиграцией в Румынии и Дунайской области Болгарии защищать и представлять, куда следует, народные интересы.

Считаем долгом предупредить С.-Петербургский славянский комитет в том, что никакие другие лица и самозванные учреждения, представляющие себя нашими поверенными, мы не признаем вне Центрального комитета и заседающих в нем лиц, которые законно избраны нами. Лица эти в настоящее время следующие: президент К. Цанков, вице-президент Олимпий Панов, секретарь П. Енчев, члены: П. Высковский, И. Кавалд-

жиев, И. Вазов, Д. П. Икономов, П. Наботков, Д. П. Иванов, С. Н. Стам-
болов, А. Т. Рунта, А. Т. Теохаров.

Мы сочли нужным сообщить обо всем этом С.-Петербургскому славян-
скому комитету, предупреждая его от интриг и сплетен известных всей
болгарской эмиграции и всему болгарскому народу 3—4 самозванцев,
неизвестно почему пользующихся покровительством в своих интригах
здесь русского консула г-на барона Стюарта. Поведение г-на консула,
незнакомого с духом страны, оскорбляет всю эмиграцию и весь болгар-
ский народ и вредит нашему взаимнообратскому сочувствию и сношению
со славянскими комитетами в России. Нас удивляет подобное поведение
здесьнего представителя России, который, к сожалению, дает повод мно-
гим заниматься в столь критические времена интригами*.

Примите уверение в нашем совершенном почтении и преданности.

Уполномоченные представители Болграда: С. Атанасов

Браилова } Тод. Илиев

Галаца }

Александрии: Стойчев

Бузоу: Х. Златаров

Олтеницы: Х. В. Балтаджиев

Русчукского центрального комитета и его

отделов в Болгарии: К. Цанков

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 71, л. 12—13. Подлинник. Печать БЦБО.

1. Общее собрание БЦБО, получившее название «Болгарский Народный собор»,
на котором были приняты отчет центрального руководства и программа политических
болгарских требований и была обсуждена дальнейшая деятельность организации,
завершило свою работу после пятнадцатичасового заседания 22 ноября. Участвовали пред-
ставители только от отделений БЦБО в Румынии. Революционный комитет в Русуке,
провозглашенный центральным для внутренних областей страны, установил регуляр-
ные связи с БЦБО, предварительно ознакомился с политической программой и выразил
свое отношение к ней. Может быть, поэтому он уполномочил К. Цанкова быть его пред-
ставителем (ср. 12, стр. 163—164; 99, стр. 32—46; 17. т. VII, стр. 181; 94, стр. 73—77).

№ 362

1876 г. ноября 22. — Письмо Н. Г. Столетова Д. А. Ми-
лютину о приготовлении обмундирования и снаряжения для
болгарского ополчения

№ 12

Москва

Ваше высокопревосходительство
Дмитрий Алексеевич!

От князя Владимира Александровича Черкасского узнал я, что в вы-
сочайшем государя императора присутствии происходило заседание, где,
между прочим, обсуждался вопрос о поручении Московскому болгаро-
славянскому комитету заготовить для имеющих быть сформированными
6 болгарских дружин все предметы обмундирования и снаряжения на ко-
миссионерском праве. При этом князем Владимиром Александровичем
выражено, что комитетом вещи заготовлены будут вполне добросовестно
и обойдутся не выше средних интендантских цен. Такая мысль в прин-
ципе удостоилась высочайшего одобрения¹. После сего, в видах скорей-

* См. док. 168, 260, 280.

шего изготовления предметов, без которых немислима никакая сколько-нибудь устроенная военная часть, я представил его императорскому высочеству главнокомандующему исчисление количества материалов и денежных сумм, потребных на полное заготовление всех предметов обмундирования и снаряжения по средним интендантским ценам.

В то же время члены комитета, зная, что заготовки должны быть произведены в чрезвычайно краткий срок, спрашивали меня, могут ли они теперь же, до отпуска казною денежного аванса, начать приготовление вещей. Имея в виду вышеобъясненное высочайшее одобрение в принципе мысли о поручении Московскому славяно-болгарскому комитету заготовки вещей на комиссионерском праве, а также и то, что если бы вследствие каких-либо причин сформирование дружин не состоялось, то все предметы, за исключением шапок, могут идти на наши войска, — я отвечал членам утвердительно *.

Докладывая о сем вашему высокопревосходительству, имею честь почтительнейше просить распоряжений об отпуске Московскому болгаро-славянскому комитету примерной суммы в виде аванса. Причем долгом считаю присовокупить, что на основании сведений, собранных мною от членов комитета, я полагаю, что общая стоимость заготовлений ** не превысит стоимости, выведенной мною по средним интендантским ценам ².

В проезд чрез Москву его императорское высочество главнокомандующий изволил приказать мне осмотреть заготовленные уже комитетские вещи, а также определенно учесть, когда и что будет готово. При условии приема на железные дороги грузов комитета как грузов военного ведомства все потребное будет доставлено на место к 20 числу декабря. Доставка начнется немедленно по получении разрешения приема вещей на железные дороги. В настоящее время уже имеется в полной готовности 1400 шинелей, 1000 полушубков, 1200 пар сапог, 3 тыс. штук белья.

Лица, занимающиеся сказанными приготовлениями, принадлежат к числу главных московских капиталистов и при заготовлениях не имеют в виду никаких коммерческих выгод, что, мне кажется, служит большим ручательством за вполне добросовестное исполнение.

С чувствами глубочайшего почтения и преданности
имею честь пребыть вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою

Н. Столетов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 71—73 об. Автограф.

1. Одна из причин, побудивших Военное министерство обратиться к Славянскому комитету за помощью, заключалась в том, что Военное министерство до объявления войны не могло официально заниматься изготовлением обмундирования для ополчения. Кроме того, требовалось, чтобы обмундирование болгарских дружин было по возможности ближе к национальной болгарской одежде, а такой заказ могли лучше выполнить частные мастерские под наблюдением комитета (ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 413/П, л. 7).

2. Военное министерство перевело Славянскому комитету 112 129 руб. (60 коп. на изготовление обмундирования). Общее материальное содержание болгарского ополчения производилось русским правительством за счет чрезвычайного военного кредита (ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 413/П, лл. 12, 17; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 258).

* На полях карандашом отчеркнуты слова а также. . . утвердительно и рукой Д. А. Милютина написано: Принять.

** На полях против слов членов комитета. . . заготовлений помета Д. А. Милютина: Но общая цифра до сих пор не указана.

№ 363

1876 г. ноября 22 (декабря 4). — Донесение Н. Н. Ладыженского в Военное министерство с заключением А. С. Зеленого о тяжелом положении сербской армии

Белград
Секретно

Вот заключение полковника Зеленого * о настоящем положении сербской армии. С начала перемирия доньше ничего не сделано для ее реорганизации. Беспорядок и анархия полные. Если немедленно будут даны деньги из России и тотчас приступлено к реорганизации, то в случае возобновления военных действий после перемирия Сербия может выставить дивизию не более 10 тысяч, и на это число хватит хороших офицеров сербских и русских. Задача ее — оборонять Делиград в течение двух, трех недель, до прибытия русских войск. Турки удаляют большую часть войск из Алексинца на Дунай, оставляя в Зайчаре 28 батальонов и 8 батарей, а в Алексинце и на левом берегу Моравы 52 батальона и 6 батарей, с коими намерены овладеть Делиградом, и легкими отрядами опустошить Сербию, запирая единственные пути наступления из Сербии к югу от Балкан долиною Моравы и к северу от них на Зайчар и Видин. Удержать сербов в линии возможно, только отрядив русских корпусов 60 тысяч для действий от Кладова в тыл Зайчара, долиною Тимока на Княжевац, Громаду, Дербент, в обход Алексинца и Ниша и затем к Софии, содействуя тем наступлению нашей южной армии с фронта на Дунай.

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, лл. 50—51. Копия.

№ 364

1876 г. ноября 22. — Доклад М. Х. Рейтерна Александру II об ассигновании 1 млн. рублей на военные расходы в Сербии

В всеподданнейшем докладе, удостоенном высочайшего вашего императорского величества одобрения, 19-го сего ноября, министр финансов, испрашивая высочайшее соизволение на отпуск в распоряжение генерального консула нашего в Белграде триста тысяч рублей на восполнение русским добровольцам и христианам, пострадавшим от турок, долгом счел присовокупить, что о размере суммы, предположенной к ассигнованию на военные в Сербии расходы, министр финансов не преминет представить вашему величеству особ[о] по соглашению с военным министром.

Ныне военный министр отнесся к министру финансов об ассигновании на этот предмет миллиона рублей, присовокупляя, что дело это не терпит отлагательства.

Вследствие сего осмеливаюсь испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение на отпуск *одного миллиона рублей* на военные в Сербии расходы в распоряжение того же генерального консула, с тем, чтобы о расходовании этих денег, по соглашению министров военного и финансов, была дана надлежащая инструкция как действительному

* А. С. Зеленой в этот период находился в составе демаркационной комиссии в Сербии.

статскому советнику Карцову, так и отправляемому в Сербию генералу Никитину ¹.

Подписал: статс-секретарь Рейтерн

Помета: На подлинном собственной его императорского величества рукою написано: «исполнить. С.-Петербург. 22 ноября 1876 г.»

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, л. 38 и об. Заверенная копия.

1. О командировке А. П. Никитина см. док. 357 и примечание к нему. 21 ноября 1876 г. у военного министра Д. А. Милютина состоялось совещание (Н. К. Гирс, В. А. Черкасский, А. Н. Карцов, А. И. Васильчиков, Ф. Л. Гейден, А. П. Никитин), где обсуждался вопрос о положении в Сербии и задачах поездки Никитина. На совещании выяснилось, что субсидия на военные расходы сербам в 1 млн. рублей еще не была выделена. «Я, — сообщает Д. А. Милютин, — написал министру финансов, который сегодня уже уведомил меня об испрошенном им высочайшем разрешении на отпуск этого пособия» (51 т. II, стр. 113—114).

№ 365

1876 г. ноября 23. — Приказ вел. князя Николая Николаевича старшего по войскам Действующей армии о вступлении в должность главнокомандующего

№ 1

Главная квартира, Кишинев

По высочайшему повелению я назначен главнокомандующим Действующею армиею ¹.

Прибыв сего числа в Кишинев, я вступаю в командование армиею и основываю свою Главную квартиру в Кишиневе, где впредь до особого распоряжения будут расположены полевой штаб и все отделы Полевого управления армии ².

Объявляя о сем по армии, предписываю всем чинам и частям войск, входящим в состав Действующей армии, по прибытии их в места сосредоточения армии по дислокации, по всем делам службы обращаться ко мне, в полевой штаб и отделы Полевого управления.

Подписал: главнокомандующий Действующею армиею,
генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части

Николай

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7748, ч. 1. л. 1. Типогр. экз.

1 В конце сентября 1876 г. Александр II предполагал назначить главнокомандующим армией генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена. Однако 11 октября царь во главе армии поставил своего брата Николая Николаевича (старшего), который прибыл в Ливадию 16 октября, познакомившись в этот же день с военными планами. 17 октября на совещании при Александре II он заявил о своем согласии с уже принятыми основами плана войны (51 т. II, стр. 91, 98, 101—102; 65, вып. IV, стр. 82). Николай Николаевич не имел ни боевого опыта, ни широкого военного кругозора. Царь и его окружение считали войну с Турцией делом легким. Победа, по мысли царедворцев, выигранная под руководством «особы царской фамилии», должна была укрепить положение паризма.

2. Формирование полевого штаба и управлений началось по распоряжению Александра II 18 октября и закончилось в основном к 19 ноября (51 т. II, стр. 102, 107, 112). Прибытие главнокомандующего на Главную квартиру в Кишинев находится в тесной связи с предстоящей работой Константинопольской конференции, где русская дипломатия делала еще одну попытку решить мирным путем балканский вопрос. Однако с самого начала переговоров с великими державами о созыве конференции русское правительство оставляло за собой свободу действия на случай ее срыва. В Петербурге внимательно следили за работой Константинопольской конференции. 6 декабря Але-

ксандр II, резюмируя итоги совещания, заявил, что он потерял надежду на мирный исход дел и «без занятия Болгарии русскими войсками не может быть удовлетворительного решения вопроса» (51 т. II, стр. 118).

№ 366

1876 г. ноября 25. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову о деятельности Сербского благотворительного комитета в Белграде

Белград

Милостивый государь Иван Сергеевич!

С братскою любовью приняли мы г. Висковатова и г. Муссевича и они всегда, когда могут, бывают в заседаниях здешнего благотворительного комитета.

Г. Муссевич уехал лично пособлять страждущим, для чего мы снабдили его нашим открытым письмом, равно как и письмом министра внутренних дел.

Павел Александрович * здесь заказал чрез нас 1000 курток (памуклии) и 300 одеял, что на днях отсюда отошлем г. Муссевичу, который сам раздает все терпящим в этом нужду.

Все члены комитета с любовью относятся к своим русским и болгарским сочленам и очень рады прибытию их, чтобы совместно и дружно помогать пострадавшим, которых много и числом и еще более поражающими недостатками.

Извещая вас о сем, имею честь доложить, что мы обратили все внимание снабжать бедных хлебом, одежею и помещением, в чем пока и успели на некое время.

С глубоким уважением и душевною преданностью
имею честь быть вашим богомольцем

митрополит сербский Михаил

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 87, л. 55 и об. Подлинник.

№ 367

1876 г. не позднее ноября 25 **. — Письмо Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте А. И. Васильчикову с рекомендацией Драгана Цанкова и Марка Д. Балабанова

Ваше сиятельство!

Господа Драган Цанков и Марко Д. Балабанов назначены из среды болгар, подвластных Порте, с миссиею *** представить европейским кабинетам страдания несчастного болгарского народа и его желания выйти из непосредственной власти турецкого правительства. Болгарское общество в Бухаресте осмеливается рекомендовать их вниманию вашего

* Висковатов.

** На документе карандашная помета о получении: 25 ноября. Сам документ мог быть составлен не ранее начала ноября, так как Д. Цанков и М. Балабанов находились в Англии до 8 (20) ноября и Евл. Георгиев предложил им выехать на континент лишь 3 (15) ноября.

*** См. док. 199.

сиятельства и просит вас покорно не оставить их без вашего милостивого содействия.

С глубоким уважением имеем честь быть вашего сиятельства преданные слуги

Предстоятель болгарской церкви в Букаресте и председатель Болгарского человеколюбивого настоятельства Панарет Рашев,

Евлогий Георгиев, М. Колони, д-р Протич, Г. Николопуло, д-р Г. Атанасович, Стате И. Станков, Паскаль Д. Кантарджи[е]в, Иор. Х. Димитру... *, Стефан С. Бобчев, Д. А. Иванов, Найден Николаев

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 68, л. 5 и об. Подлинник. Печати: Българска та църква и счиплище, Българска добродетелна дружина, Бзкр. ефорія на търновская та в Болгарія болница и верхсчилище. 1859 г.

№ 368

1876 г. ноября 26. — Донесение начальника Воронежского губернского жандармского управления Э. А. Мензенкампа Н. В. Мензенцову об отношении населения губернии к объявленной мобилизации

№ 601

20-го сего ноября происходило в г. Воронеже чрезвычайное земское собрание, созванное для представления верноподданнического адреса государю императору. Подобные же адреса последовали от Воронежской и многих уездных городских дум.

Все эти заявления сходятся в основной своей идее и служат весьма верным выражением господствующего в настоящее время общественного настроения.

Со дня объявления мобилизации филантропическое движение в пользу южных славян заменилось общим напряженным ожиданием объявления войны, отодвинувшем назад все другие общественные вопросы и заботы. Все русское общество с искренним сочувствием высказывается за вооруженное вмешательство, что же касается польского элемента, то в нем, даже и в военных кружках, особенной горячности не заметно. Вообще разъединение русского и польского элементов стало весьма ощутительно, и в русском обществе часто слышатся убеждения в противодействиях католицизма и опасения в случае войны интриг, направленных к затруднениям правительства.

Подобные отголоски общественного мнения, основанные на испытанном умении пропагандистов пользоваться всеми обстоятельствами в пользу своих стремлений, ставят меня в обязанность остановить внимание вашего превосходительства на том соображении, что если бы польским или русским агитаторам явилась идея воспользоваться отвлечением забот правительства, то в этом случае не малой помощью для них было бы полное отсутствие в народе ясных понятий о причинах вмешательства России в дело славян и о принципах русского к ним сочувствия.

Главную причину и цель ожидаемой войны крестьяне понимают исключительно в защите христиан от мусульманского ига, но так как теперь распространяется слух, что русским мешают англичане и австрийцы — тоже христиане, то это приводит крестьян в недоумение, которое может

* Конец подписи неразборчив.

иметь некоторую важность в том отношении, что в числе слухов, исходящих от злоумышленников, встречались иногда намеки, что крестьяне обязаны своим освобождением настоящим западных держав при заключении мира 1856 года, а распространенные почти везде ожидания раздела помещичьих земель, главным образом, основаны на сомнении в полном исполнении этих условий мира. Все это наводит на предположение, что агитаторы, пользуясь неведением крестьян, могут в случае войны свободно истолковывать им причину политических замешательств, а усердные пожертвования высших классов объяснять противно истине.

Подобное истолкование уже замечено из дошедшего до меня сведения о разговоре неизвестного лица с работником воронежского купца Ключкова, где неизвестный объяснял, что турки и англичане требуют, чтобы царь отдал крестьянам помещичью землю, а помещики и вообще господа этого боятся и идут добровольно на войну, жертвуют деньги и помогают черногорцам бить турок. На обстоятельство это работник не обратил должного внимания, и потому оно не могло быть своевременно обследовано и потеряло следы, — но при всем том, подобный случай поставил меня в необходимость сделать распоряжение о строжайшем наблюдении со стороны подведомственных мне чинов за появлением подобных слухов.

При всем том я позволяю себе полагать, что существеннейшим предупреждением в этом случае было бы распространение между крестьянами экземпляров речи государя императора в Москве, копий некоторых адресов или воззваний благотворительных комитетов, в коих, кроме картины бедствий южных христиан, была бы выяснена их племенная связь с русским народом, их исторические заслуги, а равно и причины русского вмешательства и западного противодействия.

Подобные меры могут не только явиться могущественным орудием против попыток пропагандистов, но, по моему мнению, принесут значительную пользу и в отношении материального содействия.

Новый государственный заем встречен в Воронежской губернии весьма сочувственно, но со стороны большинства капиталистов слышны сожаления, что правительство не заменило его более популярным займом и выигрышем, который бы, по их мнению, привлек массу мелких капиталов и мог быть объявлен при подписке выше номинальной цены.

О чем в дополнение донесения моего господину товарищу шефа жандармов за № 554 вашему превосходительству доложить честь имею.

Полковник фон Мензенкампф

ЦГИА М, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, лл. 336—338. Подлинник.

№ 369

1876 г. ноября 26 (декабря 8). — Телеграмма русского дипломатического агента в Цетинье Н. Г. Гартвига А. М. Горчакову о желании Сербии и Черногории иметь своих представителей на Константинопольской конференции

Цетинье
Секретно

Князь получил от Ристича приглашение сообща с Сербией исходатайствовать у великих держав дозволение присутствовать представителям Сербии и Черногории на конференции¹, и князь желал бы знать мнение вашей светлости, согласятся ли на это державы или княжествам придется

ограничиться отправкою в Константинополь частных агентов. Такой же демарш сделает Сербия через Мариновича.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 4, л. 17. Копия. Литогр. экз.

1. Представителям Сербии и Черногории было отказано в праве участвовать на Константинопольской конференции. Турецким уполномоченным была предоставлена возможность присутствовать на конференции для дачи необходимых объяснений.

Состав конференции: от России — Н. П. Игнатьев, Англии — министр колоний Солсбери и Г. Эллиот, Франции — Шодорди и Бургоен, Австро-Венгрии — Зичи и Каличе, Германии — Вертер, Италии — Корти, Турции — Савфет-паша и Эджем-паша (31, № 5, стр. 452; 103, стр. 100).

№ 370

1876 г. ноября 28 (декабря 10). — Телеграмма Н. Г. Гартвига Н. К. Гирсу о благодарности черногорского князя Николая за помощь, оказываемую Россией

Цетинье
Секретно

Reçu télégramme de votre excellence *. Князь поручает передать Ионину, что он чрезвычайно обрадован помощью России¹ и просит от его имени повергнуть к стопам его и [императорского] в[еличества] глубокую благодарность. Просит поспешить доставкою хлеба², если Австрия не помешает.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 4, л. 18. Копия. Литогр. экз.

1 О тяжелом положении Черногории см. примечания к док. 310.

В ноябре 1876 г. А. С. Ионин прибыл в Россию, чтобы сообщить о бедственном положении Черногории и о крайней ее нужде в хлебе, боеприпасах и обмундировании. 23 ноября он был на аудиенции у военного министра России Д. А. Милютина, с которым имел беседу о Черногории и о средствах оказания ей помощи. Русское правительство решило отпустить 1 млн. рублей на покупку хлеба и патронов для Черногории (51, т. II, стр. 114—115).

2. В течение последующих двух месяцев из России прибыло в Черногорию несколько пароходов, груженных хлебом (см. док. 387; ОР ГБЛ, ф. 43, к. 7, д. 35).

№ 371

1876 г. ноября 28. — Протокол заседания БЦБО о разработке декларации к политической программе общества и о посылке К. Цанкова и П. Енчева для приветствия главнокомандующего русской армией

№ 36

Дневник

Днес, два[д]е[с]е[т] и осем ноември, година хиляда и осемстотин и седем десет и шест, членовете на Цент[р] [ал]ното общество се събраха в редовно заседание под председателството на г-на К. Цанкова и се взеха следующите решения:

1. Да се съчини една декларация на френски, която да обяснява нашата политическа програма ** и която да се връчи на 6-тех европейски

* Получил телеграмму вашего превосходительства (фр.).

** См. приложение к док. 376.

велики сили чрез техните тука дипломатически агенти, съгласно с взетото решение в Народния събор.

2. Избра се г-н К. Цанков и П. Енчов да отидат в Кишинев да приветствуват главнокомандующия на южната армия руска [Николая] Николаевича. За пътни разноски се реши да им се дадат франка седемстотин (700). Повече ще се дадат и за дрехи, визитни за П. Енчова франка сто и петдесет и четири и четиридесет соти (154.40)

Заседанието се затвори.

Ол. Панов, К. Цанков, И. Вазов, Д. П. Иванов, Ив. Кавалджи[ев]

П. Хр. Висковски, П. Енчов.

НБВК—БИА, ф. 56, II А 2534. Подлинник.

№ 372

1876 г. ноември 29 (декаври 11). — Донесение Н. П. Игнатъева А. М. Горчакову о предварительных переговорах с английским представителем на Константинопольской конференции по урегулированию Восточного вопроса

№ 560

Péra

Confidentielle

Monsieur le chancelier!

Mes télégrammes successifs ont mis votre altesse au courant de la marche de mes pourparlers confidentiels et journaliers avec lord Salisbury¹. Pour plus de clarté, je joins ci-près la transcription de celui que je vous ai adressé le 26 novembre et qui résume les points sur lesquels une entente paraît être établie entre nous.

M'inspirant des ordres de votre altesse, je cherche à accélérer autant que possible nos négociations, afin de ne point retarder la réunion de la conférence préliminaire². J'agis envers mon collègue avec la plus parfaite franchise et je le mets au fait de la situation, sans lui cacher nos vues qui ont pour but unique l'amélioration du sort des chrétiens d'Orient et le règlement satisfaisant des difficultés actuelles. Je fais valoir à ses yeux la parfaite loyauté de notre conduite, la pureté de nos intentions et le noble désintéressement de la politique de notre auguste maître. Je lui ai nommé dit que je n'userai dans mes rapports avec lui ni de finesse, ni de détours, mais que j'agirai avec un entier abandon et laisserai même de côté les précautions diplomatiques ordinaires. Nous causerions donc, s'il le voulait, en personnes sincères, qui, poursuivant un but commun, sont désireuses de s'entendre, nous rendant compte de la responsabilité immense que la confiance de nos gouvernements respectifs fait peser sur nous.

Ainsi que j'en ai prévenu votre altesse, lord Salisbury a pris connaissance de notre projet No 1 d'organisation autonome de la Bulgarie.* Je lui ai fourni tous les éclaircissements qu'il m'a demandés, en tâchant de le faire entrer, autant que possible, dans nos idées. Il a fini par approuver notre programme en traits généraux et n'a maintenu des objections que relativement aux trois points suivants:

1) Selon lui notre projet tendait à créer trop de «conseils», qui ne pourraient servir qu'à enrayer la marche des affaires; pour sa part, comme tory, il préférerait un système administratif plus simple. La nouvelle organisation

* См. приложение 2 к док. 344.

provinciale adoptée chez nous, prouverait d'ailleurs, à son avis que les mêmes idées étaient partagées en Russie et qu'on en reconnaît la valeur pratique. Je n'hésitai pas à faire une première concession à mon collègue: je consentis à la suppression de l'instance intermédiaire des conseils départementaux, maintenus en vue des idées locales. De cette façon il ne resterait que deux degrés de conseils administratifs ceux des cantons et ceux du gouvernement provincial.

2) Lord Salisbury voudrait partager la Bulgarie en deux parties par les Balkans. Aux arguments dont il s'est servi, j'ai reconnu qu'il était sous l'influence des suggestions de sir H. Elliot, ainsi que des considérations contenues dans la brochure intitulée «Attention aux Balkans», dont j'ai eu l'honneur de soumettre il y a quelque temps un exemplaire à votre altesse. Il trouve que la Bulgarie constituée en une seule province serait trop considérable, trop puissante, qu'elle pourrait rompre l'équilibre intérieur de la Turquie et que son gouverneur donnerait même de l'ouvrage au sultan. J'ai répliqué que je croyais inopportun de proposer pour la nouvelle circonscription administrative des limites géographiques quelconques, qui répondraient plutôt à des idées d'indépendance politique; mais que, me plaçant uniquement à un point de vue administratif et humanitaire, je croyais impossible d'exclure des bénéfices de la réforme les districts situés au midi des Balkans. J'ajoutai qu'il serait plus facile et moins coûteux d'organiser une province que deux, vu surtout le nombre très restreint des personnes auxquelles on pourrait confier des fonctions importantes. Tous mes efforts n'ont pas réussi encore à convaincre le marquis de Salisbury, sur ma demande, quelques-uns de mes collègues, entre autres le comte de Chaudordy *, ont soutenu auprès de lui la même thèse, mais ils l'ont trouvé inébranlable dans ses convictions.

3) Dans la question du gouverneur général qui serait nommé pour un terme déterminé avec l'assentiment des puissances garantes, lord Salisbury maintient l'opinion que ce haut fonctionnaire devrait être choisi non parmi les indigènes, mais dans l'un des pays secondaires de l'Europe³. Comme les bulgares avouent eux-mêmes qu'ils ne possèdent pas pour le moment d'hommes capables d'occuper une position aussi élevée et que, d'autre part, ils craignent par dessus tout de voir appelé à ces fonctions un turc, un arménien ou un grec⁴. — J'ai laissé entrevoir au plénipotentiaire anglais que sa proposition serait acceptable, si l'on pouvait obtenir des garanties que le choix tomberait sur une personne réunissant toutes les conditions désirables. On ne saurait nier, en effet, que la nomination d'un étranger pour la première période quinquennale constituerait une garantie de plus accordée par l'Europe au nouveau régime, qu'elle faciliterait la création des nouvelles institutions sur le modèle des pays civilisés, et qu'elle répondrait en général aux besoins des bulgares — *pourvu que le choix ne tombe pas sur une personne peu douée, peu consciencieuse et disposée à s'occuper de propagande catholique ou protestante*^{**5}.

Le marquis de Salisbury m'a communiqué très confidentiellement le projet de réformes qu'il avait apporté avec lui de Londres. J'ai l'honneur de le joindre ci-près ***, tout en priant votre altesse de ne pas laisser sortir pour le moment cet écrit de vos archives. Le marquis a fini par reconnaître franchement l'insuffisance de son projet et n'hésite pas à donner la préférence au nôtre. Sur mes observations il a complètement renoncé à l'idée mentionnée dans son projet de séparer en deux la commission européenne de surveillance, en envoyant en Bosnie et en Herzégovine les délégués de l'Allemagne, de l'Autriche et de l'Italie, et en Bulgarie — ceux de la France, de la Grande Bretagne et de la Russie. Cette combinaison n'aurait d'ailleurs rencontré, ce me semble, l'assentiment d'aucune des puissances continentales.

* Уполномоченный Франции.

** К концу абзаца помета Александра II: Oui.

*** См. приложение 2 к данному документу.

La difficulté principale de toute la négociation — l'occupation étrangère provisoire destinée à garantir l'introduction des réformes a été abordée à plusieurs reprises dans nos entretiens. Lord Salisbury persiste dans les idées qu'il m'avait énoncées et dont j'ai déjà rendu compte à votre altesse: il n'admet pas la nécessité, en dehors de l'armée turque, d'une autre force matérielle que la formation d'une police chrétienne dirigée par les européens et qui se tiendrait à disposition de la commission de surveillance. Je reviendrai encore sur ce sujet dans mes entretiens avec lui.

Pour mieux grouper les propositions que j'avais à soutenir, je les ai classées en mesures préparatoires, réformes administratives et garanties d'exécution. Afin de prouver à lord Salisbury la nécessité des premières et des dernières et bien préciser ma pensée je lui ai lu le mémoire ci-joint, dont j'ai donné également connaissance à quelques uns des autres représentants*. Ce qui m'y a déterminé, c'est que pendant un moment, l'idée dominante parmi les plénipotentiaires avait été, en guise de garantie, d'exiger des turcs qu'ils s'engagent à introduire dans un délai de six mois toutes les réformes qui seraient reconnues nécessaires par la Conférence, sauf à faire contrôler, à l'expiration de ce terme, tout ce qui aurait été fait, par une Commission internationale qui se réunirait à Constantinople**. Lord Salisbury a été profondément impressionné par mon exposé qui démontrait l'impossibilité d'accorder une confiance quelconque aux autorités ottomanes. Il m'a demandé de lui en laisser une copie qu'il comptait envoyer à Londres, en avouant avec émotion qu'aucun ministre anglais ne pourrait être insensible à l'argumentation de cette pièce; que pour sa part il reconnaissait que nous soutenions une cause juste, et regrettait de ne pas être autorisé à discuter l'éventualité d'une occupation étrangère, qui seule pourrait mettre fin à un état de choses aussi intolérable. Il m'a laissé entendre qu'il avait demandé à son gouvernement des instructions éventuelles à ce sujet, et les informations télégraphiques que j'ai reçues de comte Schouvalow confirment cette nouvelle. La marche future de la négociation dépend en grande partie de la manière dont le Foreign Office tranchera cette question***.

Je n'ai pas cru devoir obtempérer au désir de lord Salisbury de garder une copie du mémoire précité. Je lui ai répondu que je le communiquerai, s'il le fallait, pendant nos réunions préliminaires et que si je le lui avais communiqué dès à présent, — c'était uniquement pour lui donner une nouvelle preuve de ma franchise et de ma sincérité. On n'aurait pu répondre, en effet, que ce document ne paraisse dans un Blue-book quelconque, et votre altesse comprendra que sa publication prématurée pourrait exciter au plus haut point les turcs contre nous****.

Ayant abordé dans mes entretiens successifs avec le plénipotentiaire britannique les différentes conditions de la future paix, j'ai mis à sa demande sur papier ce qui constituait le minimum à mes yeux, afin de donner une tournure pratique à nos conversations confidentielles. Après quelques légères modifications que j'ai consenti à accepter, nous tombâmes d'accord sur le texte que j'ai l'honneur de soumettre ci-joint à l'approbation de votre altesse. Lord Salisbury m'a déclaré que selon son appréciation personnelle — il n'y avait plus que la question de la force matérielle à mettre à la disposition de la Commission européenne qui nous divisait encore, car les quelques points indiqués dans cette dépêche n'offraient pas, selon lui, des difficultés essentielles et rentraient plutôt dans les détails d'application.

* См. приложение I к данному документу.

** К фразе Се qui m'y a déterminé. . . qui se réunirait à Constantinople помета Александра II: Cela n'aurait pas le sens commun.

*** См. примечание I к данному документу.

**** К концу абзаца помета Александра II: Oui.

Votre altesse daignera relever que toutes les prévisions que nous avons discutées à Livadia ont été introduites dans mes «Esquisses des conditions de paix»*. Il n'y a aucun doute que nous pouvions atteindre pacifiquement l'adoption de ce programme par toute l'Europe et si surtout nous obtenions son exécution sous le contrôle des grandes puissances, — les vues généreuses de notre auguste maître auraient été réalisées, sans conflagration nouvelle et sans que le sang russe dût couler dans une guerre dont on ne saurait prévoir le développement. Je ne me fais d'ailleurs aucune illusion optimiste: il y aura encore beaucoup de difficultés à vaincre non seulement dans les réunions préliminaires, mais surtout dans la conférence final où tout pourrait être compromis par l'attitude des turcs et *la connivence de sir H. Elliot***.

Il est incontestable que si la présence d'une force armée étrangère est indispensable pour que le but que nous poursuivons soit pleinement atteint, la proposition de l'entrée des troupes russes en Bulgarie pourrait d'autre part faciliter le jeu de nos adversaires, dissoudre la conférence, nous mettre en opposition avec l'Europe entière et amener un conflit sanglant entre nous et la Turquie. Sous ce rapport les indices que je vous ai signalés dans mon télégramme du 27 novembre méritent une attention spéciale. C'est en vue des difficultés dont il est impossible de ne pas reconnaître la gravité, que je me suis permis de soumettre à votre altesse par voie télégraphique les suggestions de mes collègues, tendant à faire entrer en Bulgarie un noyau de troupes de l'une des puissances de second ordre, ou bien — d'occuper cette province par un corps mixte composé de régiments des grandes puissances. Je supplie votre altesse de vouloir bien me faire connaître le plus tôt possible les vues du cabinet impérial sur cette importante matière, afin que je puisse y conformer mon langage dans nos futures réunions.

La première réunion préliminaire officieuse des plénipotentiaires aura lieu aujourd'hui à deux heures et demie à l'hôtel de l'ambassade impériale. Ainsi, au moment même où cette dépêche sera acheminée à sa destination, nous aborderons la discussion des graves questions qui nous sont déferées.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et obéissant serviteur.

N. Ignatiew

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 33, лл. 186—192 об. Подлинник.

Приложение 1

1876 г. ноябрь. — Записка Н. П. Игнатъева о задачах Константинопольской конференции.

Constantinople

Au moment où la conférence va décider du sort des chrétiens dans trois provinces de la Turquie, il n'est pas sans intérêt d'examiner la situation actuelle et la disposition des esprits de ces populations.

Il y a un an et demi que la Bosnie et l'Herzégovine sont livrées à toutes les horreurs d'une guerre civile; il y a plus de six mois que la Bulgarie, après des massacres en grand, continue à être le théâtre de violences journalières. Les luttes sanglantes des monténégrins et des serbes n'ont amené pour les rays qu'une augmentation de charges, un surcroît de fanatisme musulman et des hordes de bachibouzouks.

* См. приложение 3 к данному документу.

** Слова *La connivence de sir H. Elliot* подчеркнуты Александром II и на полях против них сделана помета: *C'est la ce que je crains.*

L'intervention européenne en faveur des chrétiens n'ayant pas été suivie de faits, n'a nullement amélioré leur sort. Les musulmans se sont expliqués l'attitude pacifique des puissances par leur désaccord et ont cherché à se persuader qu'en définitive ce seront les turcs eux-mêmes qui rétabliront la paix chez eux de la manière qu'il leur plaira. Ils sont devenus plus intraitables que jamais et ils s'attendent à voir sanctionner par la conférence l'impunité dont ils ont joui tout ce temps. Aussi, au lieu de réprimer les abus et les violences les fonctionnaires ottomans tâchent de donner une fois de plus le change à l'Europe par des dénégations, de faux témoignages et des adresses qu'on fait signer à force de menaces et d'intrigues. Les autorités veulent prouver la prospérité des chrétiens sous le régime actuel.

C'est en face d'une situation pareille que la conférence aura à délibérer sur les mesures à prendre pour pacifier le pays et y introduire un régime meilleur.

Mais on aurait tort de croire que les populations s'intéressent beaucoup à l'élaboration de ces règlements. Malheureusement les chrétiens en Turquie n'ont eu que trop souvent la triste expérience de ces réformes qui sont toujours restées sur le papier. Ils connaissent d'avance la marche que le gouvernement ottoman a l'habitude de suivre dans des cas semblables: après avoir refusé, puis hésité, puis demandé et obtenu des concessions, la Sublime Porte finira par accepter tout ce que l'Europe exigera, pourvu que les puissances lui en laissent l'exécution. Durant les négociations quelques mois, peut être une année, auront été gagnés. L'application amènera de nouvelles hésitations, de nouveaux délais. Puis viendront les rapports des conseils sur la nonexécution des réformes accordées. Ici encore le gouvernement ottoman aura le moyen de trouver quelque agent étranger qui parlera en sa faveur, ou de solder quelques journalistes qui le disculperont⁶. Si les puissances font faire des enquêtes par des commissions spéciales, cela donnera encore lieu à des retards. Enfin lorsque que l'Europe sera une fois de plus convaincue que la Porte n'a pas exécuté ses engagements, il faudra aux cabinets de temps pour réunir une nouvelle conférence et décider une nouvelle marche. En attendant, le gouvernement ottoman par quelques promesses verbales ou écrites, aura différé d'un an ou deux le moment des concessions réelles et prolongé l'état anormal du pays.

Ce n'est donc pas de l'élaboration des règlements, mais de leur application que les chrétiens attendent leur salut.

Il a été question de laisser à la Porte l'exécution des réformes; on a parlé du contrôle européen et d'une Commission internationale*.

Mais si l'Europe, après tout ce qui s'est passé, consent à abandonner une fois de plus aux turcs eux-mêmes le soin d'améliorer le sort des chrétiens, il est permis de se demander quels seront les hommes qu'on chargera de cet essai, de ces expériences in anima vili? Seront-ce les fonctionnaires qui ont intrigué les massacres en Bulgarie, ou ceux qui ont essayé de les dissimuler? Sera-ce un Akif-pacha, ex-ministre de la justice, ex-vals d'Andrinople, qui, le lendemain de l'ammistie, envoyait clandestinement des gens à la potence? Seront-ce les commandants militaires, comme Hafour-, Faryl- ou Cheketch-pachas, qui, après avoir présidé aux massacres et aux pillages, deviendront des pacificateurs? Seront-ce des bataillons de softas qui protégeront les chrétiens et des escadrons de circassiens qui désarmeront les bachibouzouks?

Quant au contrôle européen, les chrétiens et les musulmans en connaissent par l'expérience la valeur. Voilà un an et demi que ce contrôle s'exerce en Bosnie et en Herzégovine en pure perte. On ne peut dire pourtant que l'Europe ait ignoré ce qui s'y commettait, mais son indignation ne s'étant pas traduite en actes, est restée sans résultat. Les horreurs commises en juillet 1875 à Névéssigné n'ont pas empêché les horreurs d'avril 1876 à Batak; et le

* См. док. 372 и приложение 2 к данному документу.

même Chefket qui a impunément massacré les chels des villages à Popovo—Polé, a massacré un an plus tard hommes, femmes et enfants à Boyadjik⁷. Et ce contrôle européen pourrait-il se traduire par une pression plus énergique que celle que l'ambassadeur d'Angleterre a exercé sur l'ordre de son gouvernement dans la question des atrocités en Bulgarie. Pourtant, malgré les démarches réitérées de sir H. Elliot, malgré la présence d'un commissaire anglais en Bulgarie *, les musulmans coupables restent impunis et le sort des chrétiens n'est pas devenu moins précaire.

Reste la Commission internationale. Ici encore les événements en Herzégovine fournissent un exemple récent et instructif de l'inefficacité des commissions pareilles. Quelles que soient les instructions des commissaires, ils ne pourront jamais exercer une influence positive sans s'appuyer sur une force quelconque. En Herzégovine, et alors le prestige de la diplomatie et l'influence des ambassades à Constantinople étaient bien autrement considérable, en Herzégovine les commissaires n'ont fait qu'essuyer des affronts des autorités locales et ont déclaré eux-mêmes leur mission infructueuse. Il est difficile de supposer, en effet, qu'un commissaire puisse obtenir d'un gouverneur-général ou d'un commandant militaire plus qu'un ambassadeur ne peut obtenir du sultan ou de son grand vizir, c'est-à-dire, l'exécution effective des mesures décrétées**. De toutes les commissions européennes en Turquie, celle qui a eu une des tâches les plus ardues et qui pourtant l'a accomplie avec succès est la commission de 1860 en Syrie, les coupables ont été punis, les victimes indemnisées, l'ordre rétabli. Mais c'est que cette commission s'appuyait sur un corps d'armée français. Il est curieux de noter que le règlement organique a été exécuté et que la tranquillité n'a plus été troublée depuis lors au Liban⁸, tandis que le règlement crétois, accordé par le gouvernement ottoman sans menace d'occupation et lorsqu'il était sûr de la victoire, n'a point été sérieusement appliqué, n'a pas prévenu les abus: les crétois viennent d'exprimer hautement leur mécontentement et exigent des modifications importantes⁹.

Aussi en examinant et élaborant mûrement les nombreuses questions d'administration et de justice, la conférence ne pourra pas perdre de vue que chaque journée qui prolonge le status quo dans ces malheureuses provinces se solde par des meurtres, des pillages et des violences de toute genre. Les rapports consulaires, les lettres des agents de bienfaisance et des particuliers rendent compte de l'effroyable misère dans toutes ces contrées; la Bosnie et l'Herzégovine sont dépeuplées en grande partie, les champs continuent à rester incultés; en Bulgarie la mortalité est immense; mais rien ne peut être fait tant qu'on n'est pas sûr du lendemain.

Dans ces conditions-là il semblerait que la conférence, avant de discuter l'avenir de ces provinces pourrait commencer par assurer leur présent. Le désarmement immédiat des musulmans, la punition des coupables, l'indemnisation des victimes, la révision des sentences prononcées par des tribunaux qui appliquaient la torture, bref, des mesures indispensables pour rétablir le calme et dont la nécessité et l'urgence sont indiscutables, auraient pu être arrêtées de suite. Par leur nature même elles sont indépendantes de tout règlement définitif et doivent le précéder pour le rendre possible.

De ces dispositions immédiates dépendra le sort des chrétiens. Avant de leur donner des droits il faudrait leur assurer leur vie, leur honneur et leurs biens. Il ne s'agit pas de régler la situation d'une population qui attend calmement des réformes, mais de porter un secours urgent à des malheureux réduits à la dernière extrémité.

---

* *Очевидно, Уолтер Беринг.*

** *См. прим. 3 к док. 17.*

Une énorme responsabilité pèse sur la conférence; le fait même de sa réunion à Constantinople attire tout particulièrement l'attention des musulmans et des chrétiens; ils attendent un règlement définitif de la situation; les espérances, les craintes et les haines sont excitées, et le moindre doute sur les fermes intentions de l'Europe de protéger efficacement les chrétiens en Turquie pourrait amener pour ces derniers des suites incalculables.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 33, лл. 193—198 об. Копия.

Приложение 2

Projet anglais *

1. Permission accordée à tous les habitants indistinctement de porter les armes, sous la réserve toutefois que cette permission pourra être suspendue par un règlement de police dans le cas où il y aurait lieu de craindre des luttes entre les populations musulmanes et non-musulmanes.

2. Les fonctionnaires, à l'exception des juges et des kaïmakams seront nommés par le valy, qui aura la faculté de les destituer.

Les kaïmakams seront élus par les populations.

3. Organisation d'une milice et d'une police locale, comprenant une proportion, relative à la population de musulmans et non-musulmans, sous les ordres d'officiers européens présidés par un chef européen qui doit être nommé par la Porte avec l'assentiment des puissances.

4. Suppression des troupes irrégulières. Il est à désirer que les circassiens soient localisés autant que possible, dans un rayon dont les chrétiens seraient éloignés. La Porte accordera des facilités à cet effet.

5. Les troupes turques ne devront occuper habituellement que les villes fortifiées, et ne seront postées ailleurs que par ordre du valy¹⁰.

6. Suppression du régime des fermes sous des peines sévères contre tous ceux qui y prendraient part, ou comme fonctionnaires ou comme adjudicataires. Le quota des dîmes, redevable annuellement, sera établi pour chaque propriété par une commission composée de trois membres — un chrétien et un musulman indigène et un européen. Le montant de cette perception restera invariable pour une durée de dix ans à partir de la date de sa fixation.

7. Emploi, autant que possible, devant les tribunaux de la langue du pays.

8. Des gouverneurs chrétiens nommés pour un terme de cinq ans, par la Porte en accord avec les puissances et inamovibles sans leur assentiment.

9. Autonomie locale dont on établira les détails après s'être entendu avec les fonctionnaires envoyés en Bulgarie par les ambassades.

10. La mise en exécution des réformes sous la surveillance de trois commissaires à être nommés, l'un par l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie, l'un par la France et l'Italie. Leur mandat aura une durée de cinq ans.

11. Enquête à laquelle assisteront les consuls sur les événements qui ont lieu dans ces derniers temps en Bulgarie, punitions des vrais coupables et indemnité aux familles des victimes.

12. L'institution de trois tribunaux à Bosna-Serai, à Philippopoli et à Widdin respectivement. Chaque tribunal sera composé de trois membres: un chrétien et un musulman indigène et un européen. Il ne sera nommé à aucun des tribunaux un membre qui ne sera pas muni d'un certificat émanant d'une autorité juridique compétente, et justifiant de ses connaissances en matière de droit. Les détails seront fixés par le comité de surveillance susmentionné.

* См. док. 372.

Il y aura droit d'appel à ces tribunaux inférieurs en procès civil, et contre les jugements correctionnels infligeant soit une peine corporelle, soit l'emprisonnement, soit une amende dépassant la somme de... *

Dans le cas où les autorités exécutives ne donneraient pas suite aux jugements des tribunaux, ou qu'elles soient coupables de malversation quelconque, la Porte les destituerait sur la demande du comité de surveillance.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 33, лл. 199—200 об. Копия.

Приложение 3

Esquisses des conditions de paix.

Serbie.

Dans les propositions anglaises adoptées par les grandes puissances, il a été mentionné que *le status quo ante bellum* servirait de point de départ au règlement de la question. Mais on ne saurait méconnaître que le *status quo* absolu replacerait les deux parties dans la position fâcheuse, qui a donné lieu à la crise actuelle. Tel ne peut être le but des cabinets qui interposent leur médiation en vue d'une paix durable. Il serait donc à désirer que tout en maintenant l'état de choses actuel, on y apporte les améliorations que la situation comporte. La campagne ayant été malheureuse pour les serbes, on pourrait difficilement donner suite au désir de la principauté de faire rectifier sa frontière du côté de l'ancienne Serbie. Mais il faudrait avoir en vue que tout le territoire occupé par les troupes turques a été entièrement dévasté, de façon que le gouvernement serbe évalue actuellement les pertes subies à une somme énorme (de 10 à 15 millions de ducats). On ne devrait pas oublier, d'autre part, que sur certains points l'armistice a trouvé les serbes en possession du territoire ottoman.

Il serait donc nécessaire, en fixant les conditions de paix de 1) établir l'époque de l'évacuation complète de la Serbie par les troupes ottomanes, en donnant à ces dernières tout au plus huit ou dix jours pour se retirer; les serbes évacueront simultanément les points occupés sur le territoire ottoman; 2) faire restituer réciproquement les prisonniers de guerre dans un délai déterminé; 3) accorder une amnistie complète aux sujets ottomans — bulgares, bosniaques ou serbes qui auraient été compromis dans la lutte; 4) ne pas reprendre aux serbes le Petit Zvornik, qui avait été détenu par les turcs contrairement aux conditions de la délimitation tracée avec la participation d'un commissaire russe à la suite de la paix d'Andrinople. Le lit de la Drina formerait, ainsi que l'avait établi le Hatti-chérif de 1833, la frontière entre la Bosnie et la Serbie, en écartant les discussions et les conflits qui se produisaient périodiquement.

Monténégro

La fortune des armes ayant été favorable au Monténégro et les puissances, aussi bien que la Porte, étant désireuses d'écarter des causes de conflits incessants entre les autorités ottomanes locales et la population monténégrine, — une rectification de frontière sera opérée par une commission européenne *ad hoc* qui procéderait sur la base de l'antécédent de 1859 ¹¹.

Le Monténégro obtiendrait:

1) du côté de l'Herzégovine — les districts de Scharantz Drobniak, Piva, Baniani, Zoubtzi et Kolachine.

* Так в тексте, сумма не указана.

2) du côté de l'Albanie — la rive droite de la Moratcha, ainsi que les terrains habités par les koutchi, Koutchka-kraina et Wassoévitchi, depuis la Zerna jusqu'au Lim.

3) du côté de la mer — la baie de Spitza.

Le prince Nicolas pourrait reconnaître relativement aux terrains annexés, la suzeraineté du sultan et payer à la Porte un tribut annuel, proportionné à ces terrains.

La commission de délimitation se réunirait à Raguse trois semaines après l'acceptation de ces conditions par les deux parties.

Bosnie et Herzégovine

1) Une autonomie locale basée sur un self-gouvernement aussi large que possible et adapté aux nécessités du pays, avec un gouverneur-général nommé par la Porte de l'assentiment des puissances garantes pour cinq ans — serait introduit sous le contrôle d'une Commission internationale.

2) L'autorité ottoman entrerait en pourparlers avec les insurgés et les émigrés sous le contrôle de cette même commission, pour faciliter leur retour dans leurs foyers et assurer leur entière sécurité.

3) Des matériaux leur serait libéralement fournis par la Porte pour la reconstruction des églises et des maisons; ils recevraient d'elle également des instruments agraires et tout ce qui est nécessaire pour l'ensemencement des champs, ainsi que des secours pécuniaires pour l'achat de bétail etc.; on assurerait les moyens d'existence des émigrés rentrants jusqu'à ce qu'ils puissent jouir de leur propre récolte. Toutes les distributions des secours se feront par une commission indigène composée par moitié de notables chrétiens et musulmans. La commission européenne surveillera le repartiment des émigrés et l'exécution des mesures susmentionnées.

4) Le sort du laboureur et du fermier chrétien sera amélioré par la facilitation du rachat des terrains appartenant aux grands propriétaires; le gouvernement vendrait de son côté aux chrétiens les terrains de l'état en accordant des délais pour les paiements à effectuer. Des commissions mixtes indigènes seront formées, sur la base du principe électif pour l'estimation de ces terrains et la fixation du mode de paiement. Le rachat des servitudes foncières, si leur existence était constatée, s'opérerait de la même façon.

5) Dans les localités où la population a l'habitude de porter des armes, les chrétiens resteront armés ainsi que les musulmans tandis que dans les parties de la Bosnie où les musulmans seuls sont armés — leur désarmement devrait être effectué sous le contrôle de la Commission internationale, qui devra disposer d'une force suffisante pour faire respecter ses décisions.

Bulgarie

Avant discuter l'organisation future de cette province, si cruellement éprouvée ces derniers temps, on devrait commencer par y assurer la sécurité le plus tôt possible par

1) le désarmement des musulmans, le licenciement et le renvoi de toutes les troupes irrégulières, particulièrement des circassiens;

2) la punition exemplaire des coupables, qui ont commis les méfaits et les massacres au printemps dernier;

3) l'indemnisation des victimes aux frais de la population musulmane qui a pris part aux massacres et à la dévastation; la fourniture par la Porte de moyens d'abri et d'existence aux nécessiteux;

4) la revision immédiate des sentences prononcées par des tribunaux qui appliquaient la torture selon des renseignements dignes de foi, enfin;

5) une amnistie générale et complète accordée à tous les chrétiens de la Bulgarie, y compris les personnes qui ont subi des condamnations sommaires (l'exil, déportation, emprisonnement) décrétées par diverses commissions ottomanes.

Après ces mesures préalables on devra procéder aux réformes suivantes

1) introduction d'une autonomie administrative locale qui assurerait aux populations de la Bulgarie un self-gouvernement avec exclusion des fonctionnaires non-indigènes ottomans et l'introduction du principe électif sur une base large;

2) répartition des impôts par les indigènes eux-mêmes avec abolition de la dîme;

3) emploi de la langue locale dans les tribunaux et dans l'administration;

4) formation d'une milice locale et organisation de la police avec la participation des chrétiens proportionnellement au nombre et à la race de ces derniers; les troupes régulières ottomanes seraient concentrées dans les forteresses;

5) nomination d'un gouverneur-général pour un terme de cinq ans, choisi parmi les chrétiens avec l'assentiment des puissances garantes.

Pour que ces réformes dans les trois provinces aient une valeur réelle, il faut qu'elles soient accompagnées de garanties sérieuses, qui consisteraient dans un contrôle direct de l'Europe et l'exercice effectif de sa surveillance dans l'exécution de toutes les mesures convenues sur la base d'un protocole, qui engagerait irrévocablement la Porte à l'égard des puissances.

Une Commission internationale séjournerait en Bulgarie comme en Bosnie et en Herzégovine, surveillerait l'application des réformes et aurait la faculté de régler les détails sur place et même d'introduire les modifications secondaires qui seraient jugées nécessaires par suite d'un accord entre la Sublime Porte et les représentants à Constantinople; elle disposerait enfin d'une force matérielle suffisante pour maintenir la tranquillité et faire respecter les engagements pris.

Il serait interdit irrévocablement de coloniser dans la Turquie d'Europe des circassiens et l'on renverrait autant que possible ceux qui se trouvent déjà en Roumelie, en les dirigeant dans les provinces musulmanes asiatiques de l'empire Ottoman.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 33, лл. 201—205. Копия.

«Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877». St. Pétersbourg, 1877, p. 257—262.

Перевод

Пера

Конфиденциально

Господин канцлер!

Мои последовательные телеграммы осведомили вашу светлость о ходе моих ежедневных и секретных переговоров с лордом Солсбери¹. Для большей ясности я прилагаю при сем копию телеграммы, адресованной вам 26 ноября, резюмирующей те пункты, по которым мы, по-видимому, договорились.

Вдохновляясь распоряжениями вашей светлости, я пытаюсь, насколько это возможно, ускорить наши переговоры, дабы не задерживать созыва предварительного совещания². Я действую по отношению к моему коллеге с полной откровенностью и ставлю его в известность относительно положения, не скрывая от него наших взглядов, единственной целью которых является улучшение участи восточных христиан и удовлетворительное урегулирование существующих затруднений. Я заставил его оценить совершенную честность нашего поведения, чистоту наших намерений и благородное бескорыстие нашего августейшего повелителя. Я ему прямо так и сказал, что в споре

ниях с ним не буду прибегать ни к хитростям, ни к чловкам, но что буду действовать с полной откровенностью и даже отброшу обычные дипломатические предосторожности. Мы, следовательно, могли бы, если бы он этого пожелал, говорить как искренние собеседники, которые, преследуя одну общую цель, желают сговориться, отдавая себе отчет в огромной ответственности, налагаемой на нас доверием наших государств.

Как я и извещал вашу светлость, лорд Солсбери ознакомился с нашим проектом №1 автономной организации Болгарии. Я снабдил его всеми объяснениями, которые он у меня просил, стараясь, насколько это возможно, приобщить его к нашим взглядам. Он в конце концов одобрил нашу программу в общих чертах и возражал только относительно трех следующих пунктов:

1. По его мнению, наш проект имеет тенденцию к созданию слишком большого числа «советов», что могло бы лишь затормозить ход дела. Со своей стороны, как тори, он предпочел бы более простую административную систему; новая организация провинций, принятая у нас, доказывала бы, кроме того, по его мнению, что эти же самые идеи разделяются и Россией и что мы признаем их практическое значение. Я не задумался сделать первую уступку коллеге: я согласился упразднить промежуточную инстанцию окружных советов, созданных с учетом местных особенностей. Таким образом остались только две степени административных советов, а именно — кантональных и провинциальных управлений.

2. Лорд Солсбери желал бы разделить Болгарию Балканами на две части. По доводам, к которым он прибегал, я понял, что он находится под влиянием внушений сэра Г. Эллиота, а также воззрений, содержащихся в брошюре, озаглавленной «Внимание Балканам» и представленной вашей светлости несколько времени тому назад. Он находит, что Болгария, составляющая лишь одну провинцию, была бы слишком значительной, слишком могущественной, что она могла бы нарушить внутреннее равновесие Турции и что ее правитель мог бы даже затмить султана. Я ответил, что счел бы несвоевременным предлагать в виде нового административного деления какие бы то ни было географические границы, отвечающие скорее идеям политической независимости; но, становясь исключительно на административную и человеческую точку зрения, я считал бы невозможным лишить благ реформ районы, находящиеся на юге Балкан. Я прибавил, что было бы легче и выгоднее организовать одну провинцию, чем две, принимая во внимание очень незначительное число людей, которым можно было бы доверить ответственные должности. Несмотря на мои усилия, мне пока не удалось еще убедить маркиза Солсбери. По моей просьбе некоторые из моих коллег, среди них граф Шодордн, развили перед ним те же мысли, но не поколебали его убеждений.

3. В вопросе о генерал-губернаторе, который был бы назначаем с согласия держав-поручительниц на определенный срок, лорд Солсбери придерживается мнения, что это высокое должностное лицо должно быть выбрано не из местных жителей, а во второстепенных государствах Европы³. Так как болгары сами признают, что они в настоящий момент не обладают людьми, могущими занять столь высокий пост и что, с другой стороны, они больше всего опасаются назначения на этот пост турка, армянина или грека⁴, я дал понять английскому уполномоченному, что его предложение могло бы быть приемлемым, если бы можно было получить гарантии в том, что выбор падет на человека, соединяющего в себе все желательные качества. Нельзя, действительно, отрицать, что назначение иностранца для первого пятилетнего периода явилось бы лишней гарантией, предоставленной Европой новому режиму, которая облегчила бы создание новых учреждений по образу цивилизованных стран, и что она в общем отвечала бы запросам болгар — *лишь бы выбор не пал на человека мало одаренного, недобросовестного и расположенного заниматься пропагандой — католической или протестантской*⁵.

Маркиз Солсбери сообщил мне совершенно доверительно проект реформ, который он привез с собой из Лондона. Имею честь при сем приложить его с просьбой к вашей

* К концу абзаца помета Александра II: Да.

светлости пока не выпускать этой рукописи из ваших архивов. Маркиз в конце концов честно сознался в несовершенстве своего проекта и не задумывается отдать предпочтение нашему. На основе моих замечаний, он полностью отказался от мысли, упомянутой в его проекте, разделить на две части Европейскую комиссию наблюдателей, послав в Боснию и Герцеговину делегатов Германии, Австрии и Италии, а в Болгарию — Франции, Великобритании и России. Это сочетание, вероятно, не встретило бы, на мой взгляд, согласия ни одной из континентальных держав.

Главная трудность переговоров — вопрос о временной иностранной оккупации, предназначенной гарантировать проведение реформ, был неоднократно затронут в наших беседах. Лорд Солсбери настаивает на мыслях, которые он мне изложил и о которых я уже дал отчет вашей светлости: он не признает необходимости в создании, помимо турецкой армии, какой-либо иной материальной силы, кроме полиции из христиан, управляемой европейцами и находящейся в распоряжении наблюдательной комиссии. Я еще вернусь к этому вопросу в моих беседах с ним.

Чтобы лучше сгруппировать предложения, которые я должен отстаивать, я их классифицировал как подготовительные меры, административные реформы и гарантии выполнения. Чтобы доказать лорду Солсбери необходимость первых и последних и уточнить мою мысль, я прочел ему прилагаемую записку, содержание которой я передал также некоторым другим представителям. Меня побудило к этому то, что был момент, когда господствовавшим мнением среди уполномоченных было потребовать от турок обязательства проведения в течение шести месяцев всех реформ, признанных конференцией необходимыми, сохранив лишь контроль, по истечении этого срока, над всем, что было бы сделано со стороны Международной комиссии, которая собралась бы в Константинополе *. На лорда Солсбери произвело очень сильное впечатление мое изложение, доказавшее невозможность оказать хоть какое-нибудь доверие турецким властям. Он просил меня оставить ему копию, которую он рассчитывал послать в Лондон, признаваясь с волнением, что ни один английский министр не мог бы остаться бесчувственным перед доводами этого документа, что же касается его самого, то он признает, что мы поддерживаем правое дело, и сожалел, что он не уполномочен обсуждать возможность иностранной оккупации, которая лишь одна могла бы положить конец такому нетерпимому положению дел. Он дал мне понять, что запрашивал у своего правительства распоряжений по этому вопросу, и телеграфные сведения, полученные мною от графа Шувалова, подтверждают это сообщение. Будущий ход переговоров зависит в большой мере от способа, каким Foreign Office ** решит этот вопрос.

Я не считал нужным удовлетворить желание лорда Солсбери — оставить ему копию упомянутого документа. Я ответил ему, что я его изложу, если понадобится, во время наших предварительных совещаний и что если я ему сообщил о нем уже теперь, то лишь исключительно для того, чтобы дать новое доказательство моей откровенности. Действительно, нельзя поручиться за то, что этот документ не появится в какой-нибудь Синей книге, и ваша светлость поймет, что преждевременное опубликование могло бы в высшей степени возбудить турок против нас ***.

Затронув в моих последовательных беседах с британским уполномоченным различные условия будущего мира, я изложил по его просьбе на бумаге то, что, по моему мнению, составляет минимум, чтобы придать нашим секретным беседам практический оборот. После незначительных изменений, которые я согласился сделать, мы пришли к соглашению о варианте текста, который я имею честь представить здесь на одобрение вашей светлости. Лорд Солсбери заявил мне, что, по его личному мнению, остается лишь один вопрос, разделяющий нас, — это вопрос о вооруженных силах, который следует представить Европейской комиссии, а отдельные пункты, указанные в письме,

---

* К фразе Меня побудило... которая собралась в Константинополе помета Александра II: В этом не было бы никакого смысла.

** Министерство иностранных дел Англии.

*** К концу абзаца помета Александра II: Да.

не представляют, по его мнению, существенных затруднений и относятся скорее к подробностям применения их на практике.

Ваша светлость соблаговолит заметить, что все предположения, которых мы касались в Ливадии, были введены в мои «Наброски условий мира». Нет никаких сомнений в том, что мы не смогли бы достигнуть мирным путем признания этой программы всей Европой, в особенности, если бы мы добились ее исполнения под контролем великих держав, — великодушные пожелания нашего августейшего повелителя могли бы осуществиться без новых волнений и без того, чтобы проливать русскую кровь в войне, ход которой нельзя предугадать. Я отнюдь не питаю оптимистических иллюзий: встретится еще много трудностей, которые надо будет побороть не только на наших предварительных совещаниях, но особенно на заключительной конференции, где все может быть расстроено позицией турок и *потворством сэра Г. Эллиота* *. Неоспоримо, что если необходимо присутствие вооруженных иностранных сил, дабы цель, преследуемая нами, была бы достигнута, то предложение о вводе русских частей в Болгарию могло бы, с другой стороны, облегчить ставку наших противников на то, чтобы распустить конференцию и поставить нас в оппозицию ко всей Европе, привести к кровавому конфликту между нами и Турцией. В этом отношении признаки, указанные мной вам в своей телеграмме от 27 ноября, заслуживают особого внимания. Ввиду этих затруднений, серьезность которых нельзя не признать, я и позволил себе по телеграфу представить вниманию вашей светлости предложения моих коллег, направленные к тому, чтобы ввести войска одной из второстепенных держав или занять эту провинцию соединенной армией, состоящей из полков великих держав. Я умоляю вашу светлость соблаговолить сообщить мне возможно скорее мнение императорского кабинета по этой важной теме, дабы я мог в согласии с ним выступать на будущих совещаниях.

Первое предварительное официальное совещание уполномоченных состоится сегодня в половине третьего в помещении императорского посольства. Итак, в тот самый момент, когда эта телеграмма направится по своему назначению, мы приступим к обсуждению важных вопросов, которые нам будут предложены.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Н. Игнатьев

Приложение 1

Константинополь

В то время, когда конференция будет решать судьбу христиан трех провинций Турции, небезынтересно будет рассмотреть настоящее положение и состояние умов их населения.

Вот уже полтора года, как Босния и Герцеговина подвергаются всем ужасам гражданской войны; более шести месяцев Болгария, после чудовищной резни, продолжает быть ареной ежедневных насилий. Кровавые сражения черногорцев и сербов привели лишь к увеличению налогов для райи, усилению мусульманского фанатизма и разгулу орд башибузуков.

Европейское вмешательство в пользу христиан, не сопровождавшееся действиями, несколько не улучшило их участи. Мусульмане объяснили спокойное отношение держав их разногласиями и пытались убедить себя в том, что в конечном счете сами турки установят у себя мир способом, приятным для них. Они стали еще более, чем когда-либо, несговорчивыми и ожидают, что конференция санкционирует безнаказанность, которой они пользовались все это время. Поэтому вместо того, чтобы бороться с злоупотреблениями и насилиями, турецкие власти стараются еще раз обмануть Европу отрицаниями, фальшивыми показаниями и адресами, которые они заставляют

* Слова *потворством сэра Г. Эллиота* подчеркнуты Александром II и на полях против них помета: Этого опасуюсь я.

подписывать силой угроз и интриг. Власти хотят доказать благоденствие христиан при существующем режиме.

Перед лицом настоящего положения конференции предстоит обсуждать меры, которые следует принять для умиротворения страны и введения лучшего режима.

Было неправильным думать, что население очень заинтересовано в выработке этих мероприятий. К сожалению, христиане в Турции слишком часто наблюдали печальные опыты с реформами, которые всегда оставались на бумаге. Они заранее знают маневры турецкого правительства в подобных случаях: сначала отказ, затем колебания, просьбы и достижение уступок. Блистательная Порта кончает тем, что соглашается на все, что требует Европа, лишь бы державы согласились оставить за ней исполнение. Во время переговоров будет выиграно несколько месяцев, возможно год. Исполнение приведет к новым колебаниям, к новым срокам. Затем придут донесения консулов о невыполнении дарованных реформ. И здесь турецкое правительство изыщет способ подыскать какого-нибудь иностранного агента, который выступит в его пользу, или — оплатит какого-нибудь журналиста, который его оправдает⁶. Если державы будут производить расследование при помощи специальных комиссий, это опять даст повод к отсрочкам. Наконец, если Европа еще раз убедится, что Порта не выполнила своих обязательств, кабинетам потребуется время, чтобы собрать новую конференцию и решиться на новое выступление. А пока турецкое правительство несколькими устными или письменными обещаниями отодвинет на год или два момент настоящих уступок и продлит ненормальное положение страны.

Поэтому христиане ждут своего спасения не от выработки реформ, а от их применения.

Шел вопрос о предоставлении Порте права проведения реформ; говорили об европейском контроле и о Международной комиссии.

Но если Европа после всего того, что произошло, соглашается еще раз предоставить самим туркам заботу об улучшении участи христиан, будет позволено спросить, кто будут те люди, которым доверят эти попытки подобных экспериментов *in anima vili*? Будут ли это чиновники, подстрекавшие к резне в Болгарии или попытавшиеся ее скрыть? Будет ли это Акиф-папа, экс-министр юстиции, бывший вали Адрианополя, тайно посылавший людей на виселицу на другой день после амнистии? Будут ли это военачальники, как Гафур-, Фарил- или Шефкет-папа, ставшие умиротворителями после участия в резне и разграблении? Защищают ли христиан батальоны софтов и разоружают ли башибузуков эскадроны черкесов?

Что касается европейского контроля, христиане и мусульмане знают ему цену на основании собственного опыта. Вот уже полтора года, как в Боснии и Герцеговине совершенно бесцельно проводится этот контроль. Нельзя, однако, сказать, чтобы Европа не знала о том, что происходит там, но так как ее возмущение не перешло в действие, то оно осталось безрезультатным. Преступления, совершенные в июле 1875 г. в Невесинье, не помешали ужасам апреля 1876 г. в Батаке; и тот же Шефкет, который безнаказанно убил главарей деревень в Попово-Поле, годом позже убивал мужчин, женщин и детей в Бояджике⁷. И мог ли европейский контроль выразиться в более энергичном давлении, чем то, которое применил английский посланник по распоряжению своего правительства в связи с ужасами, совершенными в Болгарии. И однако, невзирая на повторные выступления сэра Г. Эллиота, несмотря на присутствие английского комиссара в Болгарии, виновные мусульмане остаются безнаказанными и положение христиан не стало более надежным.

Остается Международная комиссия. И здесь недавние события в Герцеговине дают поучительный пример несостоятельности подобных комиссий. Каковы бы ни были инструкции комиссаров, они никогда не смогут добиться положительного влияния, не опираясь на какую-либо силу. В Герцеговине, а тогда престиж дипломатии и влияние посольства в Константинополе были гораздо значительнее, — в Герцеговине комиссары лишь подвергались поношениям со стороны местных властей и сами признавались, что их миссия бесполезна. Трудно действительно предположить, что комиссар может добиться от генерал-губернатора или военного командира большего, чем может добиться посол от султана или его великого визиря, т. е. настоящего выполнения

установленных мер. Из всех европейских комиссий в Турции та, которая имела самую трудную задачу и, однако, выполнила ее с успехом, была комиссия 1860 года в Сирии — виновные были наказаны, потери возмещены, порядок восстановлен. Но комиссия опиралась на армейский французский корпус. Интересно отметить, что Органический устав был выполнен и что спокойствие в Ливане не нарушалось с тех пор ⁸, а устав о-ва Крита, данный турецким правительством, не опасавшимся оккупации, тогда, когда оно было уверено в победе, не был серьезно применен и не предупредил злоупотреблений — критяне только что во всеуслышание объявили о своем недовольстве и требуют серьезных изменений ⁹.

Так что трезво рассуждая и разрабатывая многочисленные вопросы администрации и юстиции, конференция не должна упускать из виду, что за каждый день, продлевающий статус-кво в этих несчастных провинциях, нужно расплачиваться убийствами, грабежами и насилиями всех видов. Донесения консулов, письма благотворительных агентов и частных лиц дают представление о страшных бедствиях во всех этих краях; Босния и Герцеговина в большей части обезлюдели, поля остаются незасеянными; В Болгарии смертность громадна; но ничего нельзя предпринять, пока не будет уверенности в завтрашнем дне.

При этих условиях может показаться, что, прежде чем обсуждать будущее этих провинций, конференция могла бы начать с обеспечения настоящего. Немедленное разоружение мусульман, возмещение пострадавшим, пересмотр приговоров, вынесенных трибуналами, применявшими пытки, одним словом, необходимые меры для восстановления спокойствия, необходимость и срочность которых неопровержима и могла бы быть установлена немедленно. По самой своей природе они независимы от любого окончательного постановления и должны ему предшествовать, дабы сделать его возможным.

От этих незамедлительных распоряжений будет зависеть судьба христиан. Прежде чем давать им права, следует обеспечить их жизнь, их честь, их имущество. Дело не в урегулировании положения населения, спокойно ожидающего реформ, а в оказании необходимой помощи несчастным, доведенным до последней крайности.

Огромная ответственность ложится, следовательно, на конференцию; самый факт ее созыва в Константинополе привлекает особое внимание мусульман и христиан; они ждут окончательного урегулирования своего положения; надежды, опасения и злоба возбуждены, и малейшее сомнение относительно твердых намерений Европы действительно защитить христиан в Турции могли бы привести последних к неисчислимым последствиям.

Приложение 2

Английский проект

1. Разрешение носить оружие, данное всем без различия жителям, с оговоркой, однако, что это разрешение может быть временно отменено полицейским указом в том случае, если будет повод опасаться столкновений между мусульманским и немусульманским населением.

2. Чиновники, за исключением судей и каймакамов, будут назначаемы вали, у которого будет право их смещать. Каймакамы будут выбираться населением.

3. Организация местной милиции и полиции пропорционально мусульманскому и немусульманскому населению, под началом европейских офицеров, руководимых европейским начальником, который должен быть назначаем Портой, с согласия держав.

4. Упразднение иррегулярных войск. Желательно, чтобы черкесы были по возможности сосредоточены в районах, из которых удалены христиане. Порта предоставит средства к выполнению этого мероприятия.

5. Турецкие войска должны занимать обычно лишь укрепленные города и смогут находиться в других местах лишь по распоряжению вали ¹⁰.

6. Упразднение режима откупов под угрозой строгих наказаний всех тех, кто принял бы в них участие либо в качестве чиновников, либо в качестве присудителей. Размеры ежегодно взимаемой десятины будут установлены для каждого хозяйства комиссией, составленной из трех членов — христианина, местного мусульманина и евро-

пейца. Размеры этого сбора не должны меняться в течение десяти лет со времени их установления.

7. В судах по возможности применять язык страны.

8. Христианские губернаторы, назначаемые Портой на пятилетний срок, с согласия держав, несменяемы без их согласия.

9. Местная автономия, особенности которой будут установлены после согласования с чиновниками, посланцами в Болгарию посольствами.

10. Приведение в исполнение реформ под наблюдением трех комиссаров, назначаемых: одного — Германией и Австро-Венгрией, другого — Францией и Англией и третьего — Россией и Италией. Их мандат будет длиться пять лет.

11. Расследование при участии консулов событий, имевших место за последнее время в Болгарии, наказание настоящих виновников и возмещение семьям жертв.

12. Создание трех трибуналов — в Босна-Сарае, Филиппополе и Видине. Каждый трибунал будет состоять из трех членов: христианина, местного мусульманина и европейца. Ни один член, не снабженный удостоверением, полученным от юридически компетентных властей и доказывающим его познания в юридических вопросах, не будет назначен в трибунал. Подробности будут установлены названным выше Наблюдательным комитетом. Ему будет дано право апелляции к этим низшим судам по гражданскому процессу и против постановлений, присуждающих либо к телесным наказаниям, либо к тюремному заключению, либо к штрафу, превышающему сумму в . . .

В том случае, если исполнительные власти не выполняют постановление трибуналов или окажутся виновными в каких-либо злоупотреблениях, Порта сместит их по требованию Наблюдательного комитета.

Приложение 3

Паброски условий мира

Сербия

В английских предложениях, принятых великими державами, было упомянуто, что *status quo ante bellum* будет служить отправным пунктом урегулирования этого вопроса. Но нельзя не признать, что абсолютный *status quo* поставил бы обе части в прискорбное положение, которое привело к возникновению настоящего кризиса. Это не может быть целью кабинетов, предлагающих свое посредничество, имея в виду длительный мир. Было бы, следовательно, желательно, чтобы, сохраняя существующее положение вещей, внести улучшения, позволяемые обстановкой. Так как кампания была неудачной для сербов, было бы затруднительно пойти навстречу желанию княжества выправить границу со стороны Старой Сербии. Но надо бы иметь в виду, что вся территория, занятая турецкими войсками, была полностью разорена, так что сербское правительство оценивает в настоящее время понесенные им убытки в огромной сумме (от 10 до 15 млн. дукатов). Не следует забывать, с другой стороны, что в некоторых пунктах перемирие застало сербов на турецкой территории.

Было бы, следовательно, необходимо при выработке определенных условий мира: 1) установить время полной эвакуации из Сербии турецких войск, предоставив последним самое большое 8—10 дней для отхода; сербы одновременно эвакуируют занятые ими пункты турецкой территории; 2) в определенный срок произвести обмен военнопленных; 3) предоставить полную амнистию турецким подданным — болгарам, боснякам, сербам, участвовавшим в борьбе; 4) не отбирать у сербов Малый Зворник, который был взят турками вопреки условиям проведенного после мира в Адрианополе разграничения с участием русского комиссара. Русло Дрины послужит, как установил хатт-шериф в 1862 г., границей между Боснией и Сербией, устраняя периодически происходящие споры и конфликты.

Черногория

Так как случайности войны благоприятствовали Черногории и державы, как и Порта, желают устранить причины постоянных конфликтов между турецкими местными властями и черногорским населением, то будет проведено исправление гра-

ницы Европейской комиссией *ad hoc*, которая будет действовать на основе прецедента 1859 года ¹¹.

Черногория получит:

1. Со стороны Герцеговины — области Шаранца, Дробняка, Пивы, Баняна, Зубцы и Колашина.
2. Со стороны Албании — правый берег Морачи, а также земли, населенные кучами, кучка-крапнами и васоевичами, от Зерны до Лима.
3. Со стороны моря — залив Спица.

В отношении присоединенных территорий князь Николай мог бы признать верховную власть султана и платить Порте ежегодную дань пропорционально территории.

Комиссия по разграничению соберется в Рагузе спустя три недели после признания этих условий обеими сторонами.

Босния и Герцеговина

1. Местная автономия, основанная на самоуправлении, возможно более широкая и применимая к нуждам страны, с генерал-губернатором, назначаемым Портой, с согласия держав-поручительниц, на 5 лет, была бы введена под контролем Международной комиссии.

2. Турецкие власти вошли бы в переговоры с повстанцами и эмигрантами под контролем той же комиссии, чтобы облегчить их возвращение к своим домам и гарантировать им полную безопасность.

3. Средства были бы им свободно предоставлены Портой для восстановления церквей и домов; они также получили бы от нее сельскохозяйственный инвентарь и все, что необходимо для засева полей, а также денежную помощь для закупки скота и т. д.; возвратившимся эмигрантам обеспечена была бы возможность существования до той поры, когда они смогли бы пользоваться собственным урожаем. Распределение помощи будет произведено местной комиссией, составленной наполовину из знатных христиан и мусульман. Европейская комиссия будет наблюдать за репатриацией эмигрантов и исполнением вышеупомянутых мер.

4. Участь христианского пахара и арендатора улучшится тем, что будет облегчен выкуп земель, принадлежавших крупным собственникам; правительство со своей стороны продаст христианам государственные земли, предоставляя им рассрочку для предстоящих платежей. Смешанные местные комиссии будут составлены на выборных началах для оценки этих земель и установления способа платежей. Выкуп поземельной повинности, если бы таковая была установлена, проводился бы тем же путем.

5. В местностях, где население всегда носит оружие, христиане останутся вооруженными, так же как и мусульмане, тогда как в тех районах Боснии, где лишь мусульмане вооружены, их разоружение должно было бы производиться под контролем Международной комиссии, располагающей достаточной силой, чтобы заставить уважать свои решения.

Болгария

Прежде чем обсуждать будущую организацию этой провинции, так жестоко пострадавшей за последнее время, следовало бы начать с обеспечения ей возможно быстрее безопасности путем:

- 1) разоружения мусульман, роспуска и вывода всех иррегулярных войск, в особенности черкесов;
- 2) примерного наказания виновных, совершивших проступки и зверства прошедшей весной;
- 3) возмещения пострадавшим за счет мусульманского населения, принимавшего участие в зверствах и ограблениях; предоставления Портой средств для поселения и существования нуждающимся;
- 4) немедленного пересмотра вынесенных приговоров трибуналами, применявшими, согласно сведениям, достойным доверия, пытки, и, наконец

5) общей и полной амнистии, предоставленной всем христианам Болгарии, в том числе и лицам, к которым применена расправа (высылка, изгнание, тюремное заключение), агробированная различными турецкими комиссиями.

После этих предварительных мер, следует приступить к следующим реформам:

1. Введение местной административной автономии, которая обеспечила бы населению Болгарии самоуправление, с исключением неместных турецких чиновников, и введение избирательного принципа на широкой основе.

2. Распределение налогов самими местными жителями, с отменой десятины.

3. Употребление местного языка в судах и управлении.

4. Образование местной милиции и организация полиции с участием христиан, пропорционально числу и национальности последних; регулярные турецкие войска должны быть сконцентрированы в крепостях.

5. Назначение генерал-губернатора на срок в пять лет, избранного христианами, с согласия держав-поручительниц.

Для того, чтобы эти реформы во всех трех провинциях получили реальную ценность, необходимо, чтобы они сопровождалась серьезными гарантиями, состоявшими из непосредственного контроля Европы, эффективного наблюдения за исполнением всех согласованных мер, на основе протокола, безоговорочно обязавшего бы Порту по отношению к державам.

Международная комиссия должна была бы находиться в Болгарии, а также в Боснии и Герцеговине, наблюдая за применением реформ и имея возможность регулировать подробности на месте и даже вводить незначительные изменения, которые были бы признаны необходимыми на основе соглашения между Блистательной Портой и представителями держав в Константинополе; она обладала бы, наконец, достаточной материальной силой, чтобы поддерживать спокойствие и заставить уважать взятые обязательства.

Было бы безоговорочно запрещено селить черкесов в Европейской Турции и были бы высланы, насколько это возможно, те из них, которые уже находятся в Румелии, с направлением их в азиатские мусульманские провинции Турецкой империи.

1. Н. П. Игнатъев вел переговоры с Солсбери накануне открытия предварительных без участия Турции совещаний Константинопольской конференции. Во время этих переговоров Игнатъев постарался использовать расхождения Солсбери с послом Эллиотом. Если последний выражал линию Дизраэли и поощрял турок к противодействию всякому европейскому вмешательству, то Солсбери сначала придерживался мнения о необходимости принять решения, действительно улучшающие положение балканских народов. Однако эта тенденция Солсбери к соглашению с русскими обеспокоила Дизраэли, и он отправил Солсбери специальные инструкции, предупреждавшие его против принятия каких-либо мер принуждения против Турции, на чем так настаивала русская сторона (90, стр. 238—239; 92, стр. 317—318).

2. Конференция представителей великих держав проходила в Константинополе с 11 (23) декабря 1876 г. по 8 (20) января 1877 г. Перед конференцией без участия турецких уполномоченных под председательством старейшего из послов Н. П. Игнатъева состоялись предварительные заседания (с 30 ноября 1876 г.) для разработки общей программы требований к Турции. Н. П. Игнатъеву удалось добиться согласия держав относительно предоставления автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии (включая Македонию) и некоторого расширения территорий Сербии и Черногории. Боснию и Герцеговину предполагалось объединить под управлением генерал-губернатора. Болгария, хотя разделялась на две части — восточную и западную, наделялась обширной территорией, простиравшейся до Родопских гор и Эгейского моря. К Черногории предполагалось присоединить часть территории в южной Герцеговине и северной Албании с крестостями Никшичем, Жабляком и Служем, и предоставить свободное плавание ее судам по р. Бояне. Сербия сохраняла старые границы, которые подлежали исправлению лишь со стороны р. Дрины. Осуществление намечаемых преобразований предполагалось произвести под наблюдением международной комиссии из уполномоченных великих держав. Однако турецкие уполномоченные отвергли требования великих держав, мотивируя это тем, что принятие Турцией конституции сделало их излишними. В знак протеста дипломатические представители стран — участниц конференции 15 января 1877 г. выехали из Константинополя (31, № 5, стр. 451—455; 92, стр. 318—319, 335—336; 4, стр. 237—486).

3. В этих возражениях Солсбери проявилось нежелание допустить усиление влияния России на территории, близкой к Константинополю (см. прим. 4 к док. 344).

4. Такое мнение высказывалось болгарской буржуазией в переговорах с Н. П. Игнатьевым, об этом в Петербурге говорили члены болгарской депутации М. Балабанов и Д. Цанков (5, стр. 366).

5. По-видимому, здесь содержится намек на возможность выдвижения со стороны Англии и Австро-Венгрии кандидата из числа немецких или австрийских принцев.

6. Намек на английского посла Генри Эллиота и на газету «Таймс», оправдывавшую действия турок и не пропустившую статьи своего корреспондента Галенги, разоблачавшего действия турок.

7. Во время карательных экспедиций в начале мая 1876 г. (Н. П. Игнатьев неверно называет апрель) болгарский город Батак был сметен с лица земли, было убито около 5 тыс. человек, женщины и девушки изнасилованы и заколоты. Такие же зверства были совершены в селе Бояджик 29 мая н. ст. (2, т. I, стр. 453—456, 477—479, 521, 527, 533).

8. В 1860 г. в Ливане вспыхнула резня между маронитами и друзьями, инспирированная крупными мусульманскими феодалами и агентурой Наполеона III, желавшего найти предлог для вмешательства в дела Сирии. В Дамаске произошел погром христиан, были убиты и европейские дипломатические чиновники. Якобы в целях защиты христиан от мусульманского фанатизма Наполеон III отправил французские войска в Ливан. Однако под нажимом Англии он вынужден был отозвать их в июне 1861 г. Международная комиссия потребовала от Турции введения в Ливане Органического регламента и назначения губернатора христианина. Феодалные привилегии мусульманских помещиков были уничтожены (88).

9. В 1866 г. на о-ве Крите вспыхнуло восстание. В результате вмешательства держав и особенно настойчивости русской дипломатии в январе 1868 г. турецкий султан издал фирман о введении с 1 марта этого же года Органического регламента (88, стр. 599—633).

10. Здесь проявилась тенденция англичан к сохранению вооруженных сил Турции в важнейших укрепленных пунктах Боснии, Герцеговины и Болгарии.

11. В 1859 г. произведено разграничение между Черногорией и Турцией. Черногория получила некоторые земли со стороны Герцеговины и Албании: Грахово, Рудине, Никшицкую жупу, большую часть Дробняка, Тушину, Ускоке, Липово, Горњи Васоевичи, часть Кучи и Додоши. Турки согласились на передачу этой территории Черногории в результате поражения в сражении с черногорцами у Грахова 30 апреля (12 мая) 1858 г. и под нажимом России и Франции (38, стр. 288; 74, стр. 153—155).

№ 373

1876 г. ноября 29 (декабря 9). — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о вручении делегатам Константинопольской конференции предложений болгарской депутации

№ 564

Péra

Monsieur le chancelier!

Je crois devoir soumettre à votre altesse la pétition ci-jointe qu'une députation bulgare a remise aux plénipotentiaires des grandes puissances *. En la parcourant vous pourrez vous convaincre que tous les vœux énoncés par nos coréligionnaires ont été prévus et pris en considération dans les projets que j'ai eu l'honneur de soumettre au cabinet impérial par ma dépêche sub № 510 **. Le règlement détaillé que j'ai fait élaborer sur la base du premier de ces projets et que j'ai communiqué confidentiellement au marquis de Salisbury, contient le développement d'à peu près toutes les aspirations présentes des bulgares bien pensants. Ces derniers préféreraient, comme de raison, que leur pays forme une seule province, jouissant d'une autonomie complète, car ils craignent que, si on le séparait en deux parties, un esprit

* Петиция не воспроизводится, так как она опубликована С. А. Никитиным под названием «Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии» («Сборник в честь на академик Никола В. Михов», София, 1959; «Славянский архив. Сб. статей и материалов», М., 1959).

** См. приложение 3 к док. 344.

séparatiste ne s'infiltrer sous l'influence grecque parmi les bulgares de la Macédoine et que la constitution, dans l'avenir, de toute la Bulgarie en un seul état deviendrait difficile à réaliser.

La députation bulgare a suivi le conseil que je lui ai donné et a annexé à la pétition des renseignements statistiques que je crois devoir joindre ci-près*.

Votre altesse trouvera également ci-joint un résumé imprimé des actes de violence qui se commettent journellement dans les différents localités de la Bulgarie. Cet écrit a été adressé à tous les plénipotentiaires, réunis en ce moment à Constantinople.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, monsieur le chancelier, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur.

N. Ignatiev

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 33, лл. 219—220 об. Подлинник.

Перевод

Пера

Господин канцлер!

Я считаю своим долгом представить вашей светлости прилагаемую при сем петицию, переданную болгарской депутацией уполномоченным великих держав. Читая ее вы сможете убедиться, что все пожелания, высказанные нашими единоверцами, были предусмотрены и приняты во внимание в проектах, которые я имел честь представить императорскому кабинету в моем донесении за № 510. Подробный устав, разработанный мною на основе первого из этих проектов и конфиденциально сообщенный мною маркизу Солсбери, содержит развитие почти всех нынешних чаяний благомыслящих болгар. Последние предпочли бы, и совершенно основательно, чтобы их страна составила единую провинцию, пользующуюся полной автономией, так как опасаются, что в случае разделения ее на две части в среду македонских болгар под греческим влиянием просочится сепаратистская идея и что в будущем образование единого болгарского государства будет трудно выполнимо.

Болгарская депутация последовала данному мной совету и приложила к петиции статистические сведения, которые считаю нужным здесь присовокупить.

Ваша светлость найдет при сем также напечатанный перечень актов насилия, совершающихся ежедневно в различных районах Болгарии. Эта рукопись была направлена всем уполномоченным, собравшимся в настоящее время в Константинополе.

С глубочайшим почтением имею честь быть, господин канцлер, вашей светлости нижайшим и покорнейшим слугой

Н. Игнатьев

№ 374

1876 г. ноябрь. — Докладная записка А. И. Васильчикова министру императорского двора и уделов А. В. Адлербергу о необходимости уточнения области деятельности славянских комитетов и определения взаимоотношений их с правительством

Положение славянских комитетов сделалось в последнее время крайне затруднительным, потому, во-первых, что круг их действий, вследствие неожиданных обстоятельств, внезапно расширился и принял такие размеры, которые далеко превышают их средства и пределы их власти; во-вторых, потому, что они в продолжение всего лета не получали от

* Статистические данные не обнаружены.

правительственных лиц и учреждений тех указаний или руководств, которые были бы нужны для правильности действий и соглашения их с видами правительства. Дело их особенно усложнилось в последнее время, со дня объявления перемирия, от внезапного наплыва добровольцев, возвращающихся без всяких средств и настоятельно требующих пособий от славянских комитетов и их уполномоченных, хотя многие из них отправились совершенно без ведома комитетов, по собственному желанию и на свой счет или с вспомоществованиями от других частных лиц и обществ.

В настоящий момент, когда уже славянский вопрос перешел в ведение самого правительства, необходимо регулировать отношения этих комитетов, и если действие их признается полезным то ввести их в общие предначертания и ассигновать им то поприще, на котором они должны действовать и из которого они не должны выходить. Для этого прежде всего нужно бы принять меры для беспрепятственного следования возвращающихся добровольцев — предоставить им по сношении с правлениями железных дорог право дарового проезда до мест их жительства — тех из них, которые ранены, поручить попечению общества Красного Креста, снабдить наших консулов в Белграде и Бухаресте и пограничное начальство уполномочиями и денежными средствами для скорейшего их отправления. Меры эти тем более необходимы, что славянские комитеты, не имея официального значения, не могут требовать повиновения своим распоряжениям и что от этого уже происходят некоторые замешательства и беспорядки.

Далее, ввиду будущих действий славянских комитетов в случае объявления войны, нужно бы было предложить как Московскому, так и Петербургскому обществу выбрать от себя по одному уполномоченному (и непременно с утверждения правительства), которые состояли бы примерно в таких же отношениях с Главной квартирой и военными начальниками, как уполномоченный общества Красного Креста. Также предоставить исполнительному присутствию (составляющему совет общества) и председателям Московского комитета и Петербургского отдела право сноситься с разными местными начальствами в России и агентами русского правительства за границей для сбора пожертвований, распределения пособий и прочих дел, подлежащих их ведению. Надо иметь в виду, что славянские комитеты имеют ныне несколько тысяч членов и что осуждение дел в общих собраниях всех членов представило бы большие неудобства, поэтому желательно, чтобы все сношения как правительства с комитетами, так и комитетов с местными жителями в славянских землях происходили бы посредством лиц, избранных этими обществами и вместе с тем известных правительству и им утвержденных.

При определении предметов ведомства славянских комитетов, нужно бы с точностью различить их от круга действий Общества о раненых, ибо опыт нынешнего лета указал, что смешение их производит самые прискорбные столкновения и недоразумения.

Для этого можно бы предоставить им действовать исключительно при отрядах сербского и черногорского войск и устраивать при них санитарные отряды на таком же основании, как Общество о раненых будет действовать при русских войсках, — или же, если это признано будет по военным соображениям неудобным, то определить, что славянские комитеты должны иметь попечение о жителях и семействах, пострадавших от военных действий, призывать людей, остающихся без крова и пропитания, раздавать пособия разоренным селениям и т. п. В таком случае круг действий славянских комитетов был бы точно разграничен от всех прочих; военно-медицинская часть имела бы предметом непосредственный уход за больными и ранеными при Действующей армии; общество

Красного Креста занялось бы устройством санитарной помощи на операционных линиях и по железным дорогам внутри России; славянские комитеты следовали бы за армией для призрения жителей и помощи местному населению, не вмешиваясь в санитарную часть, или же, если согласно первому предположению им будет поручена санитарная помощь, то она будет ограничена особым районом — именно Сербией, Черногорией и другими славянскими областями.

Во всяком случае желательно, чтобы предметы благотворительных действий славянских комитетов были определены с некоторой точностью и поручены доверенным лицам.

Верно: князь Васильчиков

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 822, лл. 1—2 об. Авторизованная копия.

№ 375

1876 г. декабря 1. — Телеграмма Д. Ф. Стурта о доставке оружия в Сербию

Секретно

25 октября старого стиля телеграфировал канцлеру в Ялту о 20 тыс. ружей, 5 млн. патронов, двух батареях, которые Щербачев хотел провезти в Сербию. Ответа не было. Ристич спрашивает Петрониевича, можно ли рассчитывать на это оружие для снабжения русско-болгарского отряда, предназначенного защищать Кладово, к которому турки стянули много кавалерии. Что отвечать?

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7884, л. 3. Копия.

№ 376

1876 г. декабря 1. — Письмо БЦБО А. М. Горчакову с просьбой оказать поддержку политической программе, принятой первым Болгарским Народным собором

№ 284

Ваша светлость!

Чесгь имеем сообщить вам, что 19 ноября сего года был открыт первый Болгарский Народный собор из представителей Болгарии и Румынии. На этом соборе была выработана настоящая политическая программа, в которой излагаются истинные желания болгарского народа. От имени всего болгарского народа мы покорнейше просим вашу светлость обратить внимание на эту программу; мы думаем, что она согласна с видами и намерениями русского правительства и что оно ее поддержит на конференции.

Болгарский народ, высказывая в своей политической программе желание, чтобы оккупация Болгарии была сделана иностранными войсками, понимает в этом, как по традиции, так и по сочувствию, русские войска. Только храбрые и единоплеменные с болгарами войска его императорского величества Александра Николаевича в состоянии водво-

рить порядок в развалившейся Османской империи и способствовать исполнению политической программы болгарского народа.

Примите и пр.

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1273. Черновик.

Приложение

1876 г. ноября 19. — Политическая программа, принятая первым Болгарским Народным собором¹

Букурещ

Политическа програма

За да може да се въдвори мира на Въсток, да се изкоренят постоянните свирепства на турците, които не уважават никое човеческо право и да се изпълнят праведните желания на българския народ, Европа е длъжна да способствува за осъществението на следующата програма:

1. Да се възобнови от България, Тракия и Македония българската държава, гдето главният и навред преобладаващият елемент е българският.

2. Българската държава ще се управлява самостоятелно и независимо по една конституция, изработена от едно законодателно тяло, избрано от народа.

3. За всичките клонове на управлението ще се съставят особени закони по духа на устава и съобразно с нуждите на народа.

4. Всичките иностранны народности, размесени между българския народ, ще се радват с него на същите политически и граждански правдини.

5. В българската държава ще владее пълна свобода на съвестта.

6. Военната служба и общото просвещение ще бъдат задължителни за всеки гражданин на българската държава.

За да се гуди в действие тая програма и да се предвари вторично кръвопролитие, нужна е външна военна окупация на Турция, при която ще се състави и първото българско привременно правителство.

Владимир Йонин, С. Атанасов, П. Енчев, Т. Илчев, И. Вазов,
С. Стамболов, Д. П. Иванов, Ол. Панов, Ив. Кавал[д]жи[ев],
К. Цанков, А. Теохаров, П. Хр. Висковски, Х. Златаров,
Г. Стойчев, х[аджи] Васил Балтаджиев.

НБВК — БИА, ф. 56, II Д 1021. Подлинник.

1. Эта редакция политической программы БЦБО была обсуждена и принята собранием Общества, состоявшимся 18—22 ноября 1876 г. и известным под названием Болгарского Народного собора. В результате обстоятельных розысков в болгарских архивах было найдено несколько различных редакций этой программы (НБВК—БИА, ф. 56, II Д 1022, 1023; ф. 5, д. 7, лл. 196—197, 356—357; АБАН, арх. сб. III, 251, лл. 128—130). Настоящая редакция, по-видимому, является окончательной, так как именно этот текст был опубликован БЦБО в эмигрантской периодической печати того времени (см. газеты «Нова България», 17 декабря 1876 г. и «Български глас», 24 декабря 1876 г.). Этот же текст был переведен на французский и немецкий языки и вручен представителям великих держав (НБВК—БИА, ф. 5, д. 7, лл. 212—213, 356—357). Текст программы на французском языке опубликован в ст. К. Ц а н к о в. Една народна политическа програма от 1876 г. («Периодическо списание на Българското книжовно дружество», т. 64, св. 3—4, 1903, стр. 263—264). О собрании см. док. 361 и примечание к нему.

№ 377

1876 г. декабря 2 и 9. — Из донесений русского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева о положении в Боснии

№ 316 и 320

Сараево

В Боснии и Герцеговине турки деятельно готовятся к войне. Генерал-губернатор получил из Константинополя предписание о немедленном поголовном вооружении, чем местная военная комиссия и занята в настоящее время. В среде магометанского населения замечается большое воодушевление и укрепилось убеждение в совершенном бессилии России и угрожающем ей банкротстве.

Между тем восстание продолжается. Так, 1 декабря сделано нападение на город Ключ вследствие отказа Порты провести демаркационную линию для боснийских отрядов¹. Силы полковника Деспотовича достигают до 5120 человек, кроме отдельных шаек от 50 до 100 человек каждая. К несчастью, взаимная вражда, зависть, раздор и недоверие ослабляют их действия.

Турецкие солдаты на базаре публично продают золотую и серебряную утварь православных церквей, ограбленных ими. Консул наш старается скупать таковые вещи. Вообще воровство среди войска и чиновников возросло до невероятных размеров. Из казарм крадут и продают за бесценок тайно сотнями ружья, даже две крупновские горные пушки, а порох и свинец предлагают тысячами ок.

Около Сенницы турки переходили за демаркационную линию, что вызвало протест со стороны военных комиссаров и дипломатическую переписку. Дьяковарский епископ Штроссмайер, по желанию графа Дерби, письменно подтвердил английскому консулу в Сараеве, сообщенные им сведения английской прессе о зверствах турок в Боснии и Герцеговине.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 662. Копия. Литоогр. экз.

1. После заключения перемирия между Сербией и Турцией сербское правительство предложило М. Деспотовичу прекратить военные действия. Он оповестил об этом повстанческие отряды и местные турецкие власти и провел демаркационную линию между повстанцами и турками.

Однако Турция, не считая повстанцев «воюющей стороной», отказалась признать распространение перемирия на повстанческие отряды в Боснии (102, стр. 219; 79, стр. 175—176).

№ 378

1876 г. декабря 3. — Циркуляр А. Е. Тимашева начальникам полицейских управлений о проверке личности возвращающихся из Сербии русских добровольцев

№ 3942

Совершенно конфиденциально

Милостивый государь!

С прекращением военных действий на Балканском полуострове в Россию стали возвращаться русские добровольцы. Люди эти, отправившись в Сербию с русскими заграничными паспортами, по вступлении в дей-

ствующие войска представили свои виды в сербское Военное министерство, откуда документы эти препровождались в места расположения штабов действующих войск. Вследствие различных обстоятельств и в особенности пожаров, бывших в местах лагерных стоянок войск, документы русских добровольцев утратились, и люди эти для возвращения в Россию остались без соответствующих видов, и нередко даже без всяких документов, которые могли бы удостоверить их самоличность. Крайне бедственное положение русских добровольцев и лишения, ими претерпеваемые в Сербии, заставили русское консульство в Белграде снабжать лиц, желающих возвратиться в Россию, свидетельствами на проезд в Россию или пассавантами. Но так как лица эти не могли представить никаких удостоверений о своей личности, то в снабжении их русскими видами консульство должно было руководствоваться одними словесными их показаниями.

Обстоятельством этим, как известно Министерству внутренних дел, не замедлили воспользоваться некоторые личности, кои или высланы из России, или коим въезд в Россию воспрещен, и под вымышленными именами тоже снабдили себя свидетельствами на проезд в Россию.

Воспрепятствовать подобным лицам въезд в Россию при указанных условиях, очевидно, невозможно, а потому меры правительства в данном случае лишь могут быть направлены к стеснению их в отношении пребывания в пределах империи и к косвенному потому побуждению их к скорейшему выезду за границу.

С этой целью представляется необходимым поручить нашим полицейским установлениям усилить надзор по отношению к тем лицам, кои, взамен установленных в России паспортов или видов на жительство, будут предъявлять полиции или русские заграничные паспорта с оборванными купонами, или свидетельства и пассаванты, выданные русским консульством в Белграде на проезд в Россию. Подобным личностям не должно быть дозволяемо продолжительное проживание по указанным документам, и полиции должны побуждать таких лиц к дальнейшему следованию или на родину, или в места, откуда они покажут, что им были выданы заграничные паспорта, для получения своих первоначальных русских видов. В случаях сомнительных полиция обязывается путем сношений с подлежащими установлениями, если возможно, по телеграфу поверять степень справедливости даваемых в этом отношении показаний и, в случае лживости, возбуждать против виновных преследование на общем основании. О каждом подобном случае, ваше превосходительство, не оставите уведомить как Министерство внутренних дел, так и III отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Позволяю себе думать, что преподание изложенных указаний в руководство полиции и обстоятельное объяснение ей со стороны вашего превосходительства ее характера действий по отношению к сему предмету не оставит ждать себя результатами.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписано: А. Тимашев

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. II, л. 398 и об. Типогр. экз.

№ 379

1876 г. декабря 4. — Записка МИД об обращении болгарского населения к консульствам европейских держав с проектом реформ Болгарии

№ 319

Жители городов Тернова, Систова, Плевны, Шумлы, Варны и Тульчи подали нашему генеральному консулу адрес, подписанный представителями местных христианских общин, и проект тех реформ, которые считают они для Болгарии необходимыми¹.

В представленном адресе болгаре ходатайствуют о восстановлении их нарушенных прав и об избавлении от ига мусульман. Подобные же адреса были вручены ими и генеральным консулам Франции, Италии и Австрии². К представителю Германии, г. Канишу, христиане не решились обратиться, так как считают его на жалованье у турецких властей. Недоверие к Канишу и отсутствие Рида, английского генерального консула, побудили болгар отправить проекты и адреса непосредственно к представителям Англии и Германии на конференции, маркизу Салюсбери и германскому послу.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 657. Копия. Литогр. экз.

1. Еще 12 ноября консулу в Рушук В. Ф. Кожевникову было подано заявление, опубликованное в газете «Нова България» 17 декабря 1876 г., стр. 2; оно содержит основные положения политической программы БЦБО, которая была обсуждена Рушукским комитетом, выполнявшим в это время функции центрального комитета в самой Болгарии (политическую программу, см. док. 376).

В других заявлениях и донесениях, направленных из Филиппополя в русское посольство в Константинополе, требование «полной политической автономии» открыто обосновывается тем, что «уравнение христиан в правах с мусульманами под одним и тем же управлением невозможно» (28, стр. 267—268, № 269).

2. Адрес был подан по инициативе БЦБО. Составление его было организовано Рушукским комитетом (99, стр. 34, док. 246, стр. 49).

Эта деятельность болгар была вызвана дипломатическим вмешательством европейских держав, которые снова подняли вопрос о реформах в Турции с той целью, чтобы с их помощью избежать всякого самостоятельного выступления России на Балканах.

№ 380

1876 г. декабря 5. — Отношение А. А. Непокойчицкого Ф. Л. Гейдену об откомандировании врачей в болгарское ополчение

№ 22

Кишинев

Секретно

Милостивый государь граф Федор Логгинович!

Препровождая при сем список врачей *, о назначении которых ходатайствует генерал-майор Столетов¹, по поручению его императорского высочества главнокомандующего имею честь покорнейше просить ваше сиятельство сделать зависящие сношения о командировании поименован-

* На л. 164 приложен список пяти врачей, болгар по национальности.

ных лиц в распоряжение инспектора госпиталей Действующей армии, который получит своевременно предписание о соответственном назначении этих врачей.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 163 и об. Подлинник.

1. Генерал Н. Г. Столетов лично подбирал врачей-болгар и писал Д. А. Милютину, что они необходимы не только как врачи, но и как люди, отлично знающие Болгарию и имеющие там многочисленные связи (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 129; 16, т. I, стр. 47).

№ 381

1876 г. декабря 5 (17). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову о тяжелом военном положении Сербии и о переводе русских добровольцев для обороны Кладова

Белград

Секретно

С Джуниского погрома поныне сербы не приняли никаких мер к ограждению себя от турок, ввиду истечения перемирия. Отвращение к войне развилось у них до крайности, и ныне призвать их к оружию можно только положительным уверением, что и Россия вступит в борьбу одновременно. Никитину в остающийся краткий срок что-либо сделать трудно. Князь уверяет, что продлением перемирия на две недели можно помочь делу. Из других же источников вижу, что это явное самообольщение. Хаос и разложение полные. Жду Никитина, чтобы перевести отсюда русских добровольцев для прикрытия Кладова. Их полторы тысячи людей отборных и решительных, к коим, по мнению князя, было бы существенно необходимо прибавить, под видом добровольцев, хоть несколько батальонов из Кишинева. J'en informe Nitrovo et Ignatiew*.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 567. Копия.

№ 382

1876 г. декабря 6 (18). — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о неспособности Сербии к продолжению войны и о характере военных действий в предстоящей войне России с Турцией

Белград

Секретно

Зеленый вернулся с Дрины и едет в Кишинева. Впечатления его подтверждают, что для России было бы вернее не полагать никаких расчетов на вооруженное содействие сербов. Для нас первым залогом успеха Зеленый считает быстроту передвижения наших войск. Поход России на Турцию должен совершиться как громовой удар, чтобы поставить

---

* Я информирую об этом Хитрово и Игнатьева (фр.).

европейскую дипломатию перед готовыми фактами, не давая ей времени очнуться для возбуждения против нас новых врагов, но нынешняя здесь поздняя, теплая и дождливая погода превратила дороги в непроходимые грязи, и потому зимняя кампания представляет весьма мало ручательств за успех. О Сербии заключаю, что она должна бы просить если не отдельного мира, то продления перемирия до начала мая, на случай, что будущее ее вооруженное содействие представится нам стратегически столь важным, чтобы покупать оное ценою великих денежных жертв, которые мы неизбежно должны будем всю зиму нести на наших плечах. А ныне, повторяю, нам от Сербии никакого содействия ожидать нельзя. J'en informe Nitrovo et Ignatiew *.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 571. Копия. Литогр. экз.

№ 383

1876 г. декабря 6 (18). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову об обещании сербского князя Милана оказывать помощь России в предстоящей войне с Турцией

Белград
Секретно

Сегодня я присутствовал в русско-сербском военном совете под председательством князя, который дал при этом доказательства полной своей готовности быть нашим подручником. Надеюсь, что впредь всякие здесь недоразумения между русскими и сербами будут устранены.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 569. Копия. Литогр. экз.

№ 384

1876 г. декабря 7. — Донесение русского вице-консула в Тульче А. Е. Василевского в русское посольство в Константинополе о желании болгар обеспечить реформы с помощью России

№ 139

Тульчинский паша, посетив в минувшем месяце города и селения здешней провинции, донес Порте, что все жители Тульчинского округа, как мусульмане, так и христиане, единодушно ему заявили о нежелании своем иметь в своей стране оккупационных иностранных войск и что они, находясь под начальством местной власти, успешнее могут привести в исполнение реформы, которые намерена дать им Блистательная Порта, чем при вмешательстве в их дела других держав. Собранные Аали-беем подписки в сказанном смысле от жителей были вынужденные и даны ими против воли по подстрекательству и угрозам болгарских старшин Димитраки-бея и братьев его Стефанаки и Перикли **.

Истинное же желание христиан относительно преобразования провинции совершенно противоположное. Они с нетерпением ожидают при-

---

* Я информирую об этом Хитрово и Игнатъеса (фр.).

** См. док. 360 и прим. 2 к нему; прим. 1 к док. 401.

бытия в Тульчинский округ русских войск, изъявляя полную готовность помогать им чем только могут.

Ежели же провинция не будет занята нашими войсками, то, по их мнению, предлагаемые Европою реформы не могут быть приведены местною властью в исполнение, так как она всеми силами старается остаться при прежней своей администрации, настоятельно требуя от населения не принимать нововведений.

В течение прошлой недели в Тульче и окрестностях ее никаких не было передвижений войск и военных приготовлений. Распространившийся вчѣра слух о том, будто бы здешним начальством секретно роздано жителям мусульманам оружие, не вполне подтверждается.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7458, л. 26 и об. Копия.

№ 385

1876 г. декабря 9. — Письмо директора Острожской учительской семинарии Н. Д. Богатинова в Московский славянский комитет о пожертвованиях в пользу Черногории и о злоупотреблениях в распределении средств, получаемых славянскими комитетами

Острог, Волынской губ.

При сем имею честь препроводить в комитет 55 рублей, в числе которых и 5% вычет из содержаний служащих при семинарии лиц за ноябрь и декабрь по 25 руб. 4 коп. Спешу отсылкою вперед и за декабрь с тем, чтобы сумма эта могла быть включена в сумму пособий, которую несомненно комитет вышлет к празднику *Рождества Христова бедным и больным в Черногории*. Наше пожертвование мы исключительно предназначаем для черногорцев и покорнейше просим комитет не отказать в скорейшей высылке нашего пособия согласно данному им назначению.

В речи И. С. Аксакова 24 октября¹ есть, между прочим, место, в котором вице-председатель комитета выражает сожаление, что умалются присылаемые в комитет приношения в пользу славян на поддержание славянского дела и доведение его до конца.

Сожалеть действительно есть о чем; но по крайней мере удивляться этому и еще более осуждать это охлаждение, право, не находишь слов. И при том способе ведения дел, какого доселе держались комитеты, еще нужно удивляться тому, как вовсе не прекращаются приношения. Кто жертвует? и более других? Сим председатель свидетельствует, что люди среднего состояния, ограниченных трудовых достатков и даже чуть-чуть достаточнее. Жертвы эти — *действительно жертвы* (и о нашей могу то же засвидетельствовать), они приносятся из глубины народного сочувствия, они — не от *избытка* жертвуются, не от избытка средств, а от избытка чувства жалости и болезни о бедствиях наших братьев. И жертвы эти облегчаются другим чувством, другою силою, двигающею и сосредотачивающею эти жертвы *доверием*, что люди, коим вверяются эти *жертвы*, умеют возвышаться до сознания жертвы, умеют оценить, чего стоят эти жертвы и какое должно быть назначение их в самом приложении к жизни страдальцев. . . *Доверие* облегчает жертвы, доверие их направляет, сосредоточивает в одно место, и люди, столь доверчиво вверяющие свои жертвы, вправе надеяться по крайней мере [на] внимание к своему чувству со стороны распорядителей жертвами.

Да будет же известно и ведомо комитетам, что не симпатии к страдальцам ослабели в обществе и народе, что не чувство боли о сих жертвах дикого зверства охладело в народе, а . . . ослабело *доверие* в способность комитетов уметь *как должно* воспользоваться жертвами сердца любящего, страдающего, наболевшего . . .

Больно думать, что ты лишаешь себя не избытка, а трудового достоинства, что ты от ближайшей окружающей бедности и нищеты отвлекаешь большую часть помощи, направляя ее туда, где нищете и бедам нет числа, нет меры — а комитеты не умеют, как должно, этими жертвами воспользоваться и направить их. Все чаще и чаще повторяющиеся в печати разоблачения обнаруживают страшные картины нужды даже в среде русских добровольцев, а им же комитеты высылали значительные суммы. Куда же они девались? Докладывал комитет, что Новоселову выслано 20 тыс., а Новоселов жалуется, что ему стыдно пред добровольцами, до сведения коих дошло, что им суммы высланы, а он их не выдает им . . . Где же эти суммы? Что же за люди, коим комитет доверяет употребление этих сумм на месте? Где ятаганы, где иконы, посланные в Черногорию более двух месяцев? . . .

Больно, *ох* как больно читать такие разоблачения! И скажу искренне, в настоящее время сердце русского человека болит от двух непримиряющихся между собою чувств: чувства жалости о бедствующих братьях и чувства жалости же о неуверенности в том, что его от сердца исходящие жертвы действительно облегчают ужасное положение страждущих, действительно *доходят до них* и не теряются на пути назначения в карманах и желудках лиц, посредствующих между комитетом и страдальцами . . .²

Комитету известно, что я сочувствую делу не по минутному увлечению, и вместе со своими сослуживцами, решив отдать по 5% со своего содержания, мы с августа месяца исправно высылаем свою жертву, невзирая на многое случившееся в это время, способное отогнать прочь всякое минутное увлечение, невзирая и на то, что недовольны действиями самого комитета и, между прочим, его желанием хранить в тайне от жертвователей пути своих сношений с Черногориею и другими странами бедствий. Комитет не обнародывает адреса, по которым и непосредственно могли бы отправляться жертвы, не совершая предварительного напрасного и тем не менее оплачиваемого почтовыми пошлинами блуждания до Москвы и оттуда за границу. Об этом я писал и в предыдущем письме. Заключу: *доверие* — сила, создающая помощь всенародную; *но доверие же и обязательство* для лиц и учреждений, коим народ доверяет свои трудовые жертвы.

Богатинов

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 304, л. 127—127а об. Автограф.

1. Речь И. С. Аксакова в Московском славянском комитете от 24 октября 1876 г. была посвящена деятельности Московского комитета и русского общества по оказанию помощи южным славянам (1, стр. 217—236).

2. Толки о беспорядках в финансовой деятельности славянских комитетов породились многими обстоятельствами. Главным из них, по-видимому, было то, что русское общество не понимало, что собираемые средства, несмотря на их относительную значительность, совершенно недостаточны для удовлетворения всех нужд и потребностей борющихся славян Балканского полуострова. Отдельные злоупотребления, конечно, могли быть, но они, безусловно, не достигали таких размеров, как это считал, например, автор данного письма. Во всяком случае ревизия отчета Комиссии по сбору пожертвований С.-Петербургского славянского комитета не подтвердила подобных обвинений (ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 131, лл. 45—94 об.).

№ 386

1876 г. декабря 13. — Отношение заведующего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией В. А. Черкасского Ф. Л. Гейдену о закупленном Московским славянским комитетом оружия для болгарского ополчения

№ 1

С.-Петербург

Секретно

Милостивый государь граф Федор Логгинович!

Возвращая при сем вашему сиятельству все приложения к письму вашему, от сего 12 декабря, № 353 *, я имею честь, в ответ на предложенные вами мне два вопроса, сообщить следующее:

Во-первых, в секретной телеграмме барона Стурта от 1 декабря сего года ** из Бухареста, по-видимому, говорится именно о том оружии, которое закупалось Московским славянским комитетом для вооружения болгарских дружин, ныне формируемых генерал-майором Столетовым. Так следует по крайней мере заключить, судя по сходству в количестве или цифре ружей, патронов и пушек, о котором говорится в телеграмме и которое было, как слышно, нынешним летом действительно закуплено Московским славянским комитетом. Затем, могут ли дружины, образуемые генералом Столетовым, быть обращены на защиту Кладова от турок, это представляется слишком сомнительным, и на вопрос этот может, конечно, дать окончательный ответ генерал-адъютант Непокойчицкий.

Во-вторых, о том, все ли оружие, которое было закуплено Славянским комитетом, находится на стан[ции] Унгени, или часть этого оружия еще не прибыла туда, я, к сожалению, не могу ничего сообщить; но полагаю, что председатель Московского славянского комитета Иван Сергеевич Аксаков, живущий в Москве, в Филипповском переулке, в доме Скородумова, мог бы немедленно дать подробный и ясный ответ, если бы он был вашим сиятельством спрошен о том подробною телеграммою. Для большего уяснения дела было бы, быть может, полезно присоединить еще следующий вопрос: закупал ли Московский славянский комитет оружие через Берлинский дом «Фаланд и Дитрих»; в каком именно количестве; где ныне находится это оружие, и то ли самое, которое теперь уже сложено в Унгене?

Примите, милостивый государь, уверение в моем истинном уважении и преданности.

Князь В. Черкасский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7884, лл. 18—19 об. Подлинник.

№ 387

1876 г. декабря 14. — Телеграмма М. Х. Рейтерна одесскому градоначальнику В. В. Левашову о посылке хлеба в Черногорию

№ 13864

Прошу отправить немедленно до 50 тысяч пудов пшеничной муки, считая пуд пшеничной муки за два пуда зерновой ржи. В счет остального количества отправьте скорее кукурузу и рожь, зафрахтовав два или три

* Хранится в этом же деле, л. 16.

** См. док. 375.

парохода ¹. Ионин свидетельствует, что рожь там годится. Кредит 100 тысяч открыт телеграммой Херсонской палате 9 декабря; о втором кредите 100 тысяч будет телеграфировано завтра.

ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 2, д. 168, л. 12. Заверенная копия.

1. В декабре 1876 г. русское министерство финансов ассигновало 650 тыс. рублей на закупку продовольствия для населения Черногории и бежавших туда семей герцеговинцев. На эти деньги одесским градоначальником В. В. Левашовым была произведена покупка хлеба и с 21 декабря 1876 г. по 16 февраля 1877 г. направлены в Черногорию пароходы: «Россия», «Азов», «Чихачев», «Нахимов», «Цесаревич» и «Одесса» с грузом свыше 700 тыс. пудов муки и кукурузы (ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 2, д. 168, лл. 12, 25, 29, 33, 47, 54, 57, 78, 83).

№ 388

1876 г. декабря 14. — Из протокола заседания Петербургского славянского комитета о выделении средств на пособия болгарским волонтерам, возвращающимся из Сербии

[. . .] В заключение заседания Г. А. де-Волан сделал очерк настоящего положения дел в Сербии и Болгарии. По выслушании сего очерка постановлено просить русского консула в Бухаресте барона Стуарта раздавать, по его усмотрению, из сумм СПб. славянского комитета, хранящихся в депозите консульства, пособия болгарским добровольцам, возвращающимся из Сербии, до 2 тыс. руб. Кроме сего, постановлено послать из сумм комиссии князю черногорскому Николаю в его распоряжение 10 тыс. руб.

ГИАЛО, ф. 400, оп. 1, д. 97, л. 9. Копия.

№ 389

1876 г. декабря 14. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о необходимости продления перемирия между Турцией и Сербией

Au clair: Reçu télégramme du 13.

En chiffres: Si vous croyez que Porte refusera prolongation armistice jusqu'à 1-er avril et même pour 15 jours, abstenez-vous pour le moment ¹. Mais ayez toujours en vue que c'est seul moyen sauver Serbie vu saison et impossibilité arriver à temps à son secours. Ne pourrait-on pas obtenir de collègues déclaration que toute attaque contre Serbie ou Monténégro serait considérée comme agression contre Europe.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 36, л. 327. Отпуск.

Перевод

Открыто: получил телеграмму от 13-го.

Шифром: Если вы думаете, что Порта откажется продлить перемирие до 1 апреля и даже на 15 дней, воздержитесь на время ¹. Но имейте всегда в виду, что это является единственной возможностью спасти Сербию, имея в виду время года и невозможность

прийти вовремя на помощь. Нельзя ли было бы получить от коллег заявление, что любое нападение на Сербию или Черногорию будет рассматриваться, как агрессия против Европы.

1. Перемирие Сербии и Черногории с Турцией было продлено 16 декабря 1876 г. на два месяца (до 16 февраля 1877 г.).

№ 390

1876 г. декабря 16 (28). — Телеграмма Д. Ф. Стурта
А. М. Горчакову о задержке подписания конвенции с Румынией

Бухарест
Секретно

Подписание конвенции опять задержалось¹. Князь передумал и отказывается подписать до исхода конференции*². Братиано приписывает это новым приказаниям Берлина³. Не теряем, однако, надежды на хороший исход**.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 15, л. 244. Копия.

1. В ноябре 1876 г. советник русского посольства в Константинополе А. И. Нелидов вел в Бухаресте секретные переговоры с премьер-министром И. Братиану относительно русско-румынской конвенции. К концу ноября переговоры были успешно завершены. Текст соглашения, состоявшего фактически из двух конвенций — политической и специально военной, был одобрен обеими сторонами. Однако Братиану отказался подписать соглашение, так как Нелидов, направленный в Бухарест Н. П. Игнатьевым, не имел полномочий от правительства. В последних числах ноября, после отъезда Нелидова, требуемые полномочия были посланы постоянному русскому представителю в Румынии барону Д. Ф. Стурту. Но князь Карл и премьер-министр Братиану продолжали оттягивать окончательное подписание конвенции. Следует отметить, что позиция России в дальнейшем также не оставалась неизменной, и в конце декабря Стурту было предписано не настаивать на немедленном подписании конвенции.

2. В Константинополь был направлен брат премьер-министра Румынии Д. Братиану. Его главной задачей было добиться от держав признания «постоянного нейтралитета» страны. Наряду с этим он вел переговоры по вопросу об изменении румыно-турецкой границы в устье Дуная, а также относительно расширения суверенных прав Румынии.

3. Совету Бисмарка искал не только сам князь, Братиану также рекомендовал Карлу обратиться к Бисмарку.

№ 391

1876 г. декабря 18. — Донесение А. П. Никитина Ф. Л. Гейдену
о мобилизации сербских войск

№ 1514

Белград

Удержанный пароходом в Журжеве, прибыл в Белград 12-го вечером.

Застал полную уверенность продолжения перемирия и совершенное бездействие.

[В] ту же ночь последовало решение мобилизовать корпуса Тимокский, Моравский, Дринский. В первом 26, втором — 17 слабых ба-

* Имеется в виду Константинопольская конференция.

** На копии пометы Александра II: против слов Подписание. . . задержалось — Весьма сожалею. К словам приказаниям Берлина — Можете конфиденциально сообщить об этом Убри.

тальонов, около пятисот человек, и то если соберутся. До сей поры не получено известий о ходе мобилизации. 15-го мобилизован Шумадийский корпус.

Батальоны русско-сербских добровольцев, не получив ружей, находятся еще в Белграде, две недели ходу от Кладова. Надеюсь часть их перевезти пароходом.

На дивизию добровольцев, пока всего три тысячи, и две тысячи постоянного сербского войска, сосредоточиваемых к Неготину, главная надежда для защиты Кладова.

Пункты, назначенные уже для сосредоточения войск, донельзя разбросаны, и нет времени исправить.

К подготовке средств переправы [в] Турно-Северине не было принято никаких мер. Нет никаких известий о числе судов. Сегодня посылаю туда начальника инженеров.

Присылку офицеров из войск признаю пока ненужною.

Никитин

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, лл. 131—134. Дешифр. текст.

№ 392

1876 г. декабря 19 (31). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову об отказе Сербии оказать вооруженное содействие России в предстоящей войне с Турцией

Белград
Секретно

Новое перемирие вызвало отмену указа о мобилизации. Но опыт нескольких дней уже успел обнаружить трудность его выполнения; а потому, опасаясь ввести императорский кабинет в заблуждение, князь Милан считает более честным отныне же заявить, что для России лучше бы не рассчитывать на вооруженное содействие Сербии. Не знаю, разделяется ли этот взгляд Ристичем.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 581 Копия. Литогр. экз.

№ 393

1876 г. декабря 20. — Предписание А. А. Непокойчицкого командиру IX армейского корпуса Н. П. Криднеру об изъятии распространяемых в войсках нелегальных изданий

№ 30

Кишинев
Секретно

Милостивый государь барон Николай Павлович!

По дошедшим сведениям, в Яссах существуют склады книг и газет революционного направления¹.

Известно, сверх того, что в последнее время в Петербурге, Москве и во многих губерниях появились в значительном обращении, преимущественно между простым народом, запрещенные, напечатанные за гра-

ницею издания, которые, как сказалось по дознанию, направляются в Россию чрез Молдавию.

В видах охранения армии от попыток заграничных агитаторов, великий князь главнокомандующий поручил мне обратить особенное ваше внимание на означенный предмет с тем, что если бы появились у кого-либо из нижних чинов запрещенные книжки, брошюры или газеты, следует немедленно отбирать их и о каждом подобном случае сообщать мне для доклада его императорскому высочеству.

Производство дознаний о распространителях запрещенных книг, на основании высочайше утвержденных в 19-й день мая 1871 года правил, лежит на обязанности чинов отдельного корпуса жандармов. Поэтому необходимо также о всех таких случаях извещать и жандармского офицера, в районе ведения которого оказались запрещенные издания, с пояснением, у кого именно они отобраны и с препровождением отобранных книг, брошюр или газет.

При этом считаю бесполезным препровождать для личного вашего сведения список книгам и брошюрам, изданным как за границею, так и в России, которые по распоряжению министра внутренних дел признаются изъятыми из продажи и запрещенными к обращению в публике*.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8132, лл. 121—122. Подлинник.

1. О деятельности народников по транспортировке литературы через Румынию и революционной работе в Действующей армии см. 30, стр. 170—176.

№ 394

1876 г. декабря 20. — Предписание А. А. Непокойчицкого Н. П. Криденеру о продолжении подготовки к войне независимо от продления перемирия между Сербией и Турцией

№ 40

Кишинев
Секретно

Вчера, 19 декабря, я получил уведомление, что перемирие между Турцией, Сербией и Черногориею продолжено до 17 февраля, но вместе с тем высочайшее повеление, чтобы все приготовления наши продолжались.

Сообщая о сем вашему превосходительству, я, по приказанию его императорского высочества главнокомандующего, предуведомляю вас, что указанное продолжение перемирия не имеет общего с теми приготовлениями, которые делаются в нашей армии, и решение вопроса о выступлении ее для военных действий зависит исключительно от хода переговоров** на конференции в Константинополе.

На этом основании все приготовления в войсках к походу и самые занятия их должны идти с полною энергиею и без ослабления и все части должны быть в полной готовности по первому приказанию выступить в поход.

* Упомянутый список см. в этом же деле, лл. 123—125.

** См. примечания к док. 365.

Порядок выступления будет определен в маршрутах, которые будут разосланы с офицерами главной квартиры тотчас по получении высочайшего повеления.

Начальник штаба генерал-адъютант Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7824, л. 2 и об. Подлинник

№ 395

1876 г. декабря 20. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о желательности мирного решения Восточного вопроса

№ 413.

En clair: Reçu télégramme d'hier.

En chiffres: Notre attitude n'a jamais varié. Dès le début n'avons cessé de préférer à toute autre solution pacifique pourvu que réformes décrétées par l'Europe soient effectivement réalisées. On ne l'ignore ni à Londres, ni ailleurs ¹.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 36, л. 339. Отпуск.

Перевод

Открыто: Получил вчерашнюю телеграмму.

Шифром: Наше отношение никогда не менялось. С самого начала мы не переставали предпочитать мирное решение всякому другому, лишь бы утвержденные Европой реформы были бы действительно приведены в исполнение. В этом не сомневаются ни в Лондоне, ни в других местах ¹.

1. Телеграмма отправлена в период работы Константинопольской конференции, которая в полном составе своем (т. е. с представителями Турции) заседала с 23 декабря 1876 г. в помещении адмиралтейства. Телеграмма вызвана тем, что второй английский уполномоченный на конференции — Генри Эллиот вел себя вызывающе по отношению к русской стороне и пытался доказать, что если русские не замышляют немедленного нападения на Турцию, то они во всяком случае хотя временной оккупацией ее провинций так ослабить Турцию, чтобы она не была в состоянии сопротивляться России, если бы та напала на нее. Настойчивые требования русской стороны о мерах принуждения против Турции (см. приложение 1 к док. 373) также были встречены крайне враждебно как английскими, так и другими делегатами (89, стр. 134).

№ 396

1876 г. декабря 21. — Телеграмма А. П. Никитина Ф. Л. Гейдену о стремлении русских добровольцев в Сербию возвратиться в Россию

№ 80

Белград

Недовольство добровольцев новым положением и перемирие,* совпавшее с прекращением деятельности здесь славянских комитетов, вызвало общее заявление двух русских батальонов вернуться [в] Россию. Чтобы ослабить характер такого — — —* дать выход вредному элементу,

* 5 знаков шифра не разобрано.

признал крайне необходимым не задерживать отставок и отправлять командами на Кишинев.

Никитин

Помета Д. А. Милютин: Доложено его величеству 23 декабря 1876.
ЦГВИА, ф. 439, д. 15, л. 145. Дешифр. текст.

№ 397

1876 г. декабря 23. — Донесение А. А. Непокойчицкого Д. А. Милютину о давлении Австрии и Германии на Румынию и Сербию и решении последних отказаться от совместных действий с Россией

№ 2511

Кишинев

Великий князь * находит, что отозвание Никитина¹, возвращение добровольцев и предоставление Сербии самой себе может отразиться весьма неблагоприятно на военных операциях армии; очень может быть, что тогда Сербия заключит мир и все силы турок будут сосредоточены против нас. Великий князь полагает, что, наоборот, следовало бы употребить все наше влияние на Сербию, чтобы она мобилизовала свои войска, хотя по видимости вооруженно содействовала нам и тем отвлекла бы часть турецких сил.

Нельзя не обратить внимание на то, что по данным, сообщенным Стурартом, Австрия и Германия тайно давят на Румынию в враждебном нам направлении, и в последнем решении Сербии нельзя не видеть подобного же влияния. Румыния до сих пор не подписывает конвенцию. Министры ее постоянно сносятся с Австриею, а князь Карл прямо заявил, что он отказывается действовать с нами совокупно, отказывается от всякого наступления вместе с нами и будет действовать против турок только в случае вторжения их в княжество. Обстановка для действия армии изменяется; надо ожидать войны упорной и могущей иметь осложнения. В ожидании окончательного решения от государя императора Никитину ничего не телеграфировано.

Генерал-адъютант Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, лл. 151—155. Дешифр. текст.

1. Поездка генерала А. П. Никитина имела целью помочь сербскому правительству «к приведению сербских военных сил в надлежащее устройство». Она была организована русским Военным министерством в связи с подготовкой к войне. Никитин должен был, изучив вопрос на месте, составить план организации сербских войск, а затем с согласия сербского Военного министерства провести его в жизнь. На цели реорганизации армий назначалась субсидия в размере 1 млн. рублей, для укрепления сербской армии предполагалось использовать русских офицеров — как уже бывших в это время в Сербии (добровольцев), так и специально командированных. Однако ознакомление с положением на месте привело Никитина к выводу о невозможности задуманной реорганизации вследствие непопулярности войны, нежелания сербского правительства продолжать ее и развала в среде русских добровольцев. В конце декабря 1876 г. генерал Никитин был отозван в Петербург (77, вып. 8, № 20—24; 51, т. II, стр. 112—113).

* Николай Николаевич старший.

1876 г. декабря 23. — Политический обзор помощника начальника Лифляндского губернского жандармского управления в Дерптском и Верровском уездах И. И. Шкоде о сочувствии местного населения освободительной борьбе южных славян

Дерпт
Секретно

С июля месяца, как только весть о печальных событиях и озверстве турок на Балканском полуострове достигла здешнего края, она вызвала также горячее сочувствие к славянам, изнемогающим под гнетом турецкого варварства; несмотря на племенную и религиозную рознь жителей здешнего края, все сословия и народ поспешили кто чем мог принести вспомоществование бедствующим славянам.

Тотчас начали собираться пожертвования как со стороны православного духовенства, так и со стороны пасторов; общество давало концерты, читались публичные лекции. Эстонцы несли холст, корпию и платье; русское дерптское общество и купечество, несмотря на свою малочисленность, пожертвовало довольно крупную сумму денег, а духовенство по инициативе дерптского благочинного протоиерея Алексеева (он же и профессор богословия в Дерптском университете) положило жертвовать один процент из получаемого жалованья, впредь до окончания войны в Сербии.

Вскоро образовался Дерптский санитарный отряд из студентов, оканчивающих курс медицины, который и отправился в Сербию под руководством доцента Дерптского университета доктора Рейера.

В настоящее время ввиду, быть может, предстоящей войны студенты медицинского факультета усиленно занимаются, чтоб быть готовыми в случае надобности поступить в армию.

Дуэли между студентами в течение этого года сделались чаще (донесение мое от 31 мая за № 123, 18 сентября за № 190, 20 ноября за № 214), направление это тем более достойно сожаления, что предлог к дуэли иногда бывает так ничтожен, что обе стороны не могут дать себе отчета в важности оскорбления, по которому произошел вызов.

Конская перепись, которая производилась во вверенных мне уездах, не породила никакого неудовольствия в народе. Подведомственные мне унтер-офицеры, присутствовавшие вместе с ордунаггерихтерами при осмотре лошадей, объясняли крестьянам цель, для которой это делается, и цену лошади по разрядам, которая им будет выдана в случае приведения армии на военное положение.

Многие зажиточные крестьяне, имеющие по несколько лошадей, выразили готовность часть их пожертвовать в пользу казны.

Общее настроение духа народонаселения ввиду ожидаемых событий — самое спокойное, с доверием и полной готовностью исполняются все распоряжения правительства.

В случае же войны здешний край, неразрывно соединенный по воле божественного провидения с необъятной Россией и призванный вместе с ней разделять ее судьбы, откликнется с тою же готовностью и верноподданническими чувствами, как и остальная Россия, и все сословия: дворянство, купечество, бюргерство, ученое сословие — дружно сплотятся и принесут все в жертву для осуществления целей, предначертанных самодержавной волей государя императора.

Майор Шкоде

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 103, лл. 46—48 об. Подлинник.

№ 399

1876 г. декабря 24. — Из политического обзора начальника жандармского управления Шуйского уезда Владимирской губернии М. М. Завьялова об отношении местного населения к предполагаемой войне России с Турцией *

Секретно

[. . .] С августа месяца весьма заметно было сочувствие простого народа к пострадавшим христианам на Востоке. В настоящее же время можно сказать, что сочувствие крестьян и рабочего класса к войне всеобщее, но зато фабриканты помалкивают, жалуются на безденежье и тугое время, многие фабрики сократили работы наполовину, и фабриканты думают вести дело в самых малых размерах до тех пор, пока не разовьется торговля и не увеличатся спросы на товары [. . .]

Капитан Завьялов

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 39, л. 53 и об. Подлинник.

№ 400

1876 г. декабря 26. — Телеграмма А. П. Никитина Д. А. Милютину о тяжелом положении сербской армии и бесполезности своего дальнейшего пребывания в Белграде

№ 583

Белград

По сообщенному консулом делу: считаю бесполезным дальнейшее пребывание; никакой надежды восстановить военные силы Сербии и средства защиты. До получения вопроса телеграфировал Гейдену о положении дел **. Отправление добровольцев, при общих заявлениях, крайне усложняется моим официальным присутствием.

Никитин

ЦГВИА, ф. 439, д. 15, лл. 166б.—167. Дешифр. текст.

---

* Опущенная часть обзора содержит сведения об экономическом положении уезда (сокращение производства, безработица) и о настроениях населения.

** С.м. док. 391, 396.

ДОКУМЕНТЫ

1877 год

№№ 401—460

№ 401

1877 г. января 3. — Донесение русского вице-консула в Филиппополе Н. Н. Герова Н. П. Игнатьеву о попытке турецких властей организовать подписание адреса от болгарского населения в поддержку новой турецкой конституции

Здесьние турки обратились на днях к болгарам с предложением помириться будто с ними. Для сего в четверг, 23 декабря, они созвали собрание из старшин всех народностей в доме одного из беев для обсуждения средств к восстановлению нарушенного последними событиями согласия, и тут же заставили присутствующих подписать мировую¹.

Но оказывается, что, под видом примирения, турки ищут подвести болгар подписать такие же адреса, какие в других местах силою заставляли подписывать, что будто они довольны обнародованною конституциею, не желают ничего другого и просят правительство отвергнуть иностранные требования и чужое вмешательство.

Слух об этом взволновал болгарское население города и в особенности находящихся в городе из пострадавших в последних событиях жителей разных селений. По этому поводу до 20 женщин из Батака, которые случайно находились в Филиппополе, приходили вчера ко мне и были и у других консулов, чтобы протестовать против этого и просить довести до сведения посольств, что эти адреса никак не суть выражение общего мнения*.

С глубочайшим почтением и проч.

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1877 г., д. 990, лл. 4—5. Копия.

1. Турецкое правительство организовывало сбор благодарственных адресов по всякому поводу. Даже во время Апрельского восстания отдельных представителей буржуазии (първенци) под страхом повешения заставляли писать обвинения на болгарских деятелей и выражать удовлетворение деятельностью пашей, освободивших их от «комитетчиков» (28, стр. 186, 246). В конце ноября 1876 г. Мидхат-паша послал распоряжение и специальных эмиссаров из среды связанных с турецким государством представителей болгарской буржуазии собрать новые благодарственные адреса. Этот акт был повторен при объявлении конституции (11 декабря 1876 г.), при котором турецкие вла-

* Обращение женщин с Батака к делегатам Константинопольской конференции опубликовано в сб. «Априлско въстание», т. I, С. 1954, стр. 580—585. Перевод с болгарского хранится в АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1877 г., д. 990, лл. 6—13.

сти не останавливались перед самым грубым насилием и фальсификацией, чтобы получить заверения болгар в том, что они довольны своим положением. Это вызвало волну протеста, население ряда городов и сел в заявлениях, скрепленных сотнями подписей, выразило свое негодование по поводу существующего положения (28, стр. 266, 279, 280—285, 288—289).

№ 402

1877 г. января 5. — Донесение А. А. Непокойчицкого Д. А. Милютину о расформировании сербским правительством отрядов добровольцев из болгар и австрийских сербов и о просьбе зачислить их в русскую армию

Карцов сообщает, что добровольцы из австрийских сербов и болгарских, не смея вернуться на родину, сотнями просят его отправить их в нашу действующую армию, что сербское правительство от них отказывается, что те солдаты большею частью в боях испытанные. Имея в виду, что прием их в наши войска есть вопрос политический, прошу уведомить, могут ли они приехать в Россию, если пожелают поселиться, и дозволено ли будет принимать их охотниками в полки на общем основании, несмотря на то, что они австрийские и турецкие подданные*.

Подписал: генерал-адъютант Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7885, ч. I, лл. 23—24. Заверенная копия

№ 403

1877 г. января 5. — Письмо А. М. Милорадовича министру государственных имуществ П. А. Валуеву об участии русско-болгарской бригады в сербско-турецкой войне и о возможности поселения болгарских добровольцев в России

Белград

По прибытии моем в Сербию в августе месяце минувшего года, я вместе с полковником Медведовским, по распоряжению М. Г. Черняева, был занят формированием русско-болгарской бригады, состоявшей за небольшим исключением из болгар, бежавших в Румынию и оттуда в Кладово и отдавшихся в распоряжение главнокомандующего Тимокско-Моравской армии. Большинство из них принимало участие в восстании, бывшем в Болгарии в мае месяце, или были из тех, которые, скрываясь в Балканских горах, составляли из себя мелкие отряды и, за невозможностью держаться долго, были вынуждены перейти на сербскую территорию. Почти все они, из которых сформировалось 2 батальона в 670 человек (в настоящее время) потеряли в Болгарии своих жен, детей или отцов, матерей, братьев и сестер.

В деле общей атаки, предпринятой бывшим главнокомандующим Тимокско-Моравской армии, 16 сентября, я имел честь командовать двумя означенными батальонами и не сомневаюсь в том, что будущая правдивая военная история отдаст должную справедливость храбрости и мужеству их, так же как и за дела 18 сентября и 4 и 6 октября под Зайчаром. С 29 сентября я принял от полковника Медведовского непосредственное

* См. док. 404.

командование двумя болгарскими батальонами, но, принимая это командование, я вместе с тем принял нравственную ответственность за будущее этих людей, что считаю себя обязанным представить благосклонному усмотрению вашего высок[опревосходительства].

Вам безызвестно, что с самого начала движения генерала Черняева, предпринятого им на Ак-Паланку и Пирот, Михаил Григорьевич, сербское правительство и народ были приготовлены к тому, что движение это вызовет восстание ближайших болгарских округов, — движение, польза которого в отношении неприятеля сознавалась каждым.

Движение это не состоялось, болгарские вожди были заподозрены в измене, дошедший слух о том, что розданные генералом Черняевым болгарам ружья были выданы ими турецкому правительству, отступление главнокомандующего к Алексинацу, — все это вместе возбудило народные страсти против болгар, затруднив тем самым во всех отношениях положение в Сербии сформированных батальонов.

Настоящее неопределившееся положение дел, возможность войны и возможность мира, приказание, которое я получил от генерала Никитина выступать с вверенною мне бригадою в Кладово, хотя распоряжение это может иметь значением заблаговременное ознакомление с местностью, — обязывают меня теперь же доложить вашему в[ысокопревосходительству], что при заключении рано или поздно мира состоящие под начальством моим болгары, не имея возможности оставаться в Сербии и не имея возможности возвратиться в Болгарию, где они будут судимы, как инсургенты, могут иметь одну надежду и имеют ее, — это надежду на возвращение в сочувствующую им Россию.

Я позволю себе: 1) ходатайствовать перед вашим в[ысокопревосходительством], чтобы по окончании военных действий им было бы дозволено переселиться в Россию и получить земельный надел в одной из южных губерний по усмотрению вашего в[ысокопревосходительства], и 2) разрешить мне объявить им, что по окончании войны они будут иметь право означенного переселения. При этом считаю долгом своим почтительнейше просить, часть из них, преимущественно людей пожилых, поселить на южном берегу Крыма, на небольших участках земли, конфискованных после выхода татар в Турцию, которые, как известно в[ашему] в[ысокопревосходительству], по распоряжению таврического управления госуд[арственных] имуществ отдаются в аренду за цену весьма невысокую.

Что касается пособия на дорогу, то я буду покорнейше просить в[аше] в[ысокопревосходительство] войти об этом в сношение с русским генеральным консулом в Белграде, который в настоящее время выдает пособия русским добровольцам, возвращающимся в Россию.

Будучи уверен, что в[аше] в[ысокопревосходительство] удостоите меня инструкцией относительно дальнейших действий моих по отношению к находящимся под командою моею болгарам, прошу принять уверение.

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 444. Копия.

№ 404

1877 г. января 6. — Телеграмма Д. А. Милютина А. А. Непокойчицкому о невозможности принять в русскую армию добровольцев — подданных Австро-Венгрии и Турции.

Государь император не изволил признать возможным добровольцев из австрийских и турецких подданных определять в наши войска. В случае

войны они могут поступать в болгарские дружины. До того же времени следует воздержаться касательно их всякого официального распоряжения.

М[илютин]

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7885, ч. I, л. 25. Автограф.

№ 405

1877 г. января 16. — Письмо Н. К. Гирса Д. А. Милютину о судьбе болгарских добровольцев, перешедших из Сербии в Россию и Румынию

№ 14

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству копию с секретной телеграммы дипломатического агента нашего в Бухаресте¹ в ответ на сделанный ему министерством запрос о количестве болгар, бывших волонтерами в Сербии и перешедших к нам, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, сообщить мне заключение ваше об упоминаемых в телеграмме 500 болгар той же категории, остающихся ныне в Румынии, для доклада о сем его императорскому величеству и для снабжения агента нашего надлежащими указаниями по этому делу.

Примите уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Н. Гирс

Резолюция Д. А. Милютина: По моему мнению, нет никакой надобности этих болгар держать в сборе и в бездействии. Пусть они разойдутся и приищут себе работы, где могут. В случае войны можно будет снова собрать их, так же как и многих других болгар, давно уже находящихся в Румынии на жительство.

В таком смысле полагаю дать ответ. Д. М[илютин]. 16 января.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883. л.197 и об. Подлинник.

1. 16 ноября 1876 г. русский консул в Бухаресте барон Д. Ф. Стюарт запросил разрешение на пропуск в пределы России болгарских волонтеров из Сербии. Министерство иностранных дел по соглашению с шефом жандармов разрешило пропускать только тех болгар, благонадежность которых мог засвидетельствовать сам консул (см. 45, стр. 17).

№ 406

1877 г. января 25. — Из журнала Комитета министров о предоставлении разрешений на въезд в Россию славянским политическим эмигрантам

[...] Слушаны представления [...]

Представления, по коим положено испросить высочайшее разрешение: Товарища министра иностранных дел.

32. В ноябре минувшего года русский дипломатический агент в Бухаресте просил разрешения Министерства иностранных дел визировать на проезд в Россию паспорта сербским волонтерам из турецких болгар

и других славянских народностей, не могущим по политическим обстоятельствам возвратиться на родину¹.

По представлении о сем Министерством иностранных дел на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение ваше величество соизволили повелеть, по сношении с министрами внутренних дел и государственных имуществ и шефом жандармов, соображения по этому предмету внести на рассмотрение Комитета министров.

Ныне товарищ министра иностранных дел излагает полученные министерством отзывы по сему делу.

Министр внутренних дел не встречает препятствий к переселению означенных выходцев, но с тем, чтобы безотлагательно разрешить вопрос о их водворении и о назначении им денежной суммы для содержания их на первое время по прибытии в Россию.

Главный начальник III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии находит возможным допустить означенных лиц к такому переселению, за исключением людей неблагонадежных.

Министр государственных имуществ отозвался, что переселение могло бы быть допущено на основаниях, принятых правительством при переселении славян в 1861—1862 гг., но с возможно строгим разбором желающих переселиться, чтобы избежать повторения прискорбных явлений, сопровождавших обратное выселение видинских болгар в 1863 году из России². При этом статс-секретарь Валуев, руководствуясь опытом 1862 г., показавшим, что из переселившихся в Россию славян прочно водворились и достигли некоторого благосостояния лишь те, которые поселились в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, полагает направить и ныне в ту же местность переселение. Но как в Бердянском уезде свободных казенных земель не имеется, то назначить для сего смежный и сходный по местным условиям Мариупольский уезд Екатеринославской губернии, с отведением под поселение, на первое время, свободных казенных оброчных статей в Мелитопольском уезде до 3618 десятин и в Мариупольском до 4037 десятин. Что же касается надела переселенцев и выдачи им пособий, то министр государственных имуществ полагает ограничиться размерами, принятыми при переселении 1862 г., т. е. отводом болгарам до 50 десятин на семейство, а прочим славянским выходцам по 9 десятин на душу, и выдачею им одновременно на переселение и первоначальное обузаведение по 125 руб. на семейство. Расход же этот мог бы, по мнению статс-секретаря Валуева, быть отнесен, в видах облегчения Государственного казначейства, отчасти на состоящие в распоряжении Министерства государственных имуществ в количестве примерно от 60—70 тыс. руб. остатки от капитала, предназначавшегося в прежнее время для устройства быта славянских поселений в Таврической губернии.

Со своей стороны товарищ министра иностранных дел, соглашаясь с министром государственных имуществ, признает невозможным определить ныне же сумму, потребную на первоначальное обузаведение переселенцев ввиду неизвестности как числа их, так и нужд. Принимая, однако, в соображение, во-первых, что необходимость пособия представляется настоятельною, за невозможностью отказывать в убежище означенным лицам, покинувшим свою родину, и, во-вторых, что таковое пособие может быть производимо лишь местными властями, кои должны будут, в свое время, обращаться с ходатайствами по сему предмету в установленном порядке, тайный советник Гирс полагает:

1) предоставить министру государственных имуществ сделать зависящее распоряжение как относительно назначения земель в указанном им размере под поселение болгар и прочих славянских выходцев, которые

пожелают водвориться в России, так и относительно передачи сумм для пособий в распоряжение подлежащих начальств

и 2) министру внутренних дел предоставить изыскать средства к содержанию на первое время выходцев, по мере открытия действительной в том надобности.

Справка. Из представления видно, что Министерство иностранных дел разрешило дипломатическому агенту нашему в Букаресте визировать паспорта бывшим сербским волонтерам, не могущим возвратиться на родину, за исключением только неблагонадежных.

Положения комитета

Вслушав представление сие, внесенное в Комитет министров товарищем министра иностранных дел, во исполнение высочайшего вашего императорского величества по сему предмету повеления, Комитет принял в особое внимание, что подлежащие его обсуждению предположения касаются таких собственно выходцев из турецких болгар и других славян Балканского полуострова, кои принимали участие в войне на этом полуострове и не могут по политическим обстоятельствам вернуться в настоящее время на родину. По отзыву тайного советника Гирса, из полученных Министерством иностранных дел сведений оказывается, что, согласно данному уже разрешению, до 80 человек подобных выходцев получили паспорта на въезд в наши пределы, а остальные, числом более 500, образуя отдельный вооруженный отряд³, находятся ныне в пределах Румынии, где пребывание их ставит правительство Соединенных княжеств в затруднение как относительно материальных средств к их содержанию, так и в политическом отношении.

Усматривая из этих данных, что упомянутые выходцы не составляют вообще надежных элементов для прочного водворения их в пределах России, Комитет, согласно заявлению военного министра, находит, что в настоящее время принятие каких-либо в сем смысле мер представлялось бы преждевременным, тем более, что дальнейшая судьба их будет, без всякого сомнения, зависеть от хода политических событий. Благоприятный исход этих событий для турецких христиан может сделать излишним водворение их в России; в случае же необходимости военных действий, выходцы эти едва ли останутся в наших пределах в качестве земледельцев.

Признавая по сему необходимым, впредь до совершенного разъяснения настоящих политических затруднений, приостановиться в определении тех мер, кои могут быть приняты касательно постоянного устройства быта ожидаемых выходцев, Комитет находит вместе с тем, что переход за нашу границу толпы вооруженных славян, лишенных всяких средств к существованию, требует необходимым образом неотложных мер к предоставлению им временных средств к существованию и к учреждению за ними неослабного надзора.

Относительно обеспечения существования выходцев министр финансов заявил Комитету, что с его стороны не встречается препятствий к усилению, в случае надобности, тех сумм, кои ассигнованы уже в распоряжение Министерства иностранных дел на этого рода расходы.

Что же касается установления надлежащего наблюдения за выходцами, то, по мнению Комитета, ближайшие по сему предмету указания местным начальствам зависят от временных обстоятельств политических и военных и должны быть даны сообразно сим обстоятельствам, по соглашению подлежащих министерств.

Ввиду вышеизложенного Комитет полагает, не входя в обсуждение мер относительно устройства будущей участи прибывающих ныне в пре-

дела России турецких болгар и других славянских выходцев из числа сербских волонтеров, испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на предоставление Министерству иностранных дел:

1) войти в сношение с министром финансов относительно усиления, в мере действительной потребности, тех денежных сумм, кои ассигнованы уже на предоставление временных средств к существованию в пределах России выходцев из турецких славян,

и 2) установить по соглашению с министрами военным и внутренних дел и главным начальником III отделения собственной вашего величества канцелярии необходимые по обстоятельствам меры надзора за упомянутыми выходцами со стороны местных начальств, кои должны быть снабжены подробными о сем инструкциями, в предупреждение могущих произойти на местах беспорядков и замешательств и в предупреждение беспечельных перемен места жительства переходящих за нашу границу лиц [. . .]

Поступило 11 }
Слушано 25 } января

Резолюция: Исполнить.

ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 106, 1877 г., д. 3884, лл. 428—436. Подлинник.

1. Болгарские добровольцы стали партиями и в одиночку прибывать в Румынию. Не имея возможности глубокой осенью получить работу, многие из них стремились попасть в Россию. После указанного разрешения (см. прим. 1 к док. 405) до 700 болгарских волонтеров перешли русскую границу, причем по визам русского консула прибыло только 80 человек (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 229).

2. После Крымской войны в Турцию перешло большое число черкесов и крымских татар, 100 тыс. из которых поселилось на болгарских землях. Это вызвало недовольство и смятение среди болгарских крестьян, которые начали переселяться в южную Россию. При этом русские агенты агитировали за переселение с целью заселить свободные земли юга России. Агитация Г. С. Раковского против переселения, перенесенные невзгоды и разочарование действительностью России заставили большинство болгарских крестьян в 1863 г. вернуться в Болгарию (46, стр. 246—247).

3. Часть русско-болгарской бригады, перешедшая из Сербии в Румынию.

№ 407

1877 г. февраля 1. — Из письма члена Петербургского отдела славянского комитета П. С. Толстого И. С. Аксакову о положении русских добровольцев в Сербии и значении их деятельности для взаимоотношения России со славянскими народами

Москва

Милостивый государь Иван Сергеевич!

В инструкциях, полученных мной при отъезде в Сербию, было высказано желание комитета получить общий обзор положения дел в княжестве. Ввиду чего имею честь сообщить вам на этот счет по возможности подробное изложение. Начну с добровольцев.

Я их застал под командой полковника Меженинова, в дисциплинарном отношении в положении беспорядка, для разъяснения которого надо сказать несколько слов о том, что происходило в Белграде до моего приезда. До Дюнишского погрома порядок в городе, насколько он касался добровольцев, поддерживался русскими властями; генерал Дандевиль в качестве коменданта имел постоянно подробный отчет о прибывающих и уез-

жающих русских, о месте их жительства и поведении. Люди без дела и целей, находившиеся к городу, немедленно удалялись.

Когда же после Дюнишского поражения в Белграде появился генерал Черняев, то главным распорядителем делами коменданта сделался он, а так как генерал был окончательно нравственно расстроен вследствие понесенной неудачи, то распоряжения его были не соответственны положению дел и мало последовательны. В то же время добровольцы были недовольны генералом потому, что он все в том же состоянии потерявшего самообладание человека бросил их после неудачного дела на произвол судьбы и, прибыв в Белград, не позаботился о доставке и приеме их, так что по прибытии туда они не находили ни пристанища, ни пищи. Вследствие всего этого добровольцы почувствовали, что над ними не только нет твердой власти, но и той слабой, которая была; по неудовольствию на нее, у них явилось горячее желание не повиноваться.

Когда Черняев выехал из Белграда и сдал команду над добровольцами полковнику Меженинову, этот последний, признавая себя только временным начальником, не пожелал принять трудной обязанности водворения дисциплины там, где ее так долго не было. Ввиду всего того и принимая о внимание, что добровольцы вообще склонны к той логике, что по воле пришли, по воле и делать будем, можно себе представить, какой порядок господствовал между ними. В городе беспрестанно слышались вести о скандалах, учиненных добровольцами, где часто страдали ничем не повинные жители.

Все с нетерпением ждали приезда давно обещанного генерала Никитина, который, снабженный большими полномочиями, должен был водворить порядок в распатавшемся строе добровольцев. Генерал Никитин, признавая, вероятно, что причина беспорядков заключалась в том, что добровольцы недостаточно зависели от сербской администрации, потребовал самого полного ей подчинения, что вызвало неудовольствие, так как военная администрация в Сербии как в лице ее настоящего представителя, так и его предшественника относилась к добровольцам весьма неблагоприятно. Благодаря ее распоряжениям им часто не давали удобств, на которые они имели полное право, а между тем добровольцы сознавали, что только их мужеством сербы держались четыре месяца против турок.

Вследствие этого подобное распоряжение показалось им оскорбительным. Генерал Никитин между тем, стараясь подчинить окончательно добровольцев сербской власти, в то же время при выдаче жалованья не признавал за ними чинов, полученных в Сербии, так что были случаи, что ротные командиры признавались им рядовыми, несмотря на то, что как подобные звания, так и чины в большинстве случаев получались за храбрость и успехи на полях битвы и составляли гордость получивших. Из этих двух распоряжений вытекало то, что добровольцы были оскорблены в своем достоинстве и как русские подданные, и как сербские служащие. Это и было главным поводом появившегося всюду желания офицеров, а за ними и солдат русских покинуть Сербию. Полученное же известие об удлинении перемирия на два месяца окончательно утвердило их в этом желании, что после моего отъезда из Белграда и было выполнено.

Несмотря, однако, на условия, столь неблагоприятные после приезда Никитина для пребывания добровольцев в княжестве, до его приезда они чувствовали себя там вполне хорошо. Говорили, что они были помещены много хуже сербских солдат, что действительно оказалось верно, но при их неизбалованности с этой стороны в России они не ощущали тягость такого положения, по крайней мере, что я успел заметить там на месте по их же словам. Такая разница задевала только самолюбие некоторых. Одеты они были вполне удовлетворительно, вид имели смелый,

бодрый, энергичный. Все кипели желанием подражать. Неудача под Дюнишем, как видно, не охладила в них воинственного пыла, а скорей удвоила его. На улицах Белграда беспрестанно слышалось стройное пение бойко идущих русских, на лицах заметно было оживление, довольство. Неудовольствие на Славянский комитет хотя и выражалось многими, но почти всегда имело основанием получить вспомоществования больше, чем следовало, хотя этому неудовольствию также помогала система выдачи пособий, которые от агентов Славянского комитета получались не на основании официальных требований из штаба дивизий добровольцев, а по записи в своих собственных книгах имен и количества выданного.

Такой способ, требовавший необычайной аккуратности, давал некоторым возможность получать больше, чем следовало, и вызывал сетования на несправедливость комитета других. Приводили в доказательство основательности такой системы то, что раздача, если бы ее свершали не агенты комитета, была бы недостаточно бескорыстна. При других условиях такой взгляд мог быть и верен, но агенты, находясь в постоянных сношениях с полковником Межениновым, могли очень удобно следить как за справедливостью требований, так и за раздачей выданных денег. А между тем, оставляя эту обязанность за собой, они все-таки принуждены были спрашивать у добровольцев свидетельства из штаба дивизии о размере уже полученного вспомоществования и количестве прослуженного времени. Из этого произошло то, что одни получали по официальным данным из штаба, другие же по просьбам, мольбам, надоедливости, а часто и ловким обманом. Когда же достигала весть о получении денег таким образом одними, она вызывала неудовольствие в других, если им не удавалось того же, и они считали себя несправедливо обиженными. Самые свидетельства, выданные из штаба отдельным лицам, часто грешили неверностью благодаря тому, что так как это не было общим правилом, то выдававшие не считали такую деятельность обязанностью, а скорей любезностью, которую они делали просившему или комитету. А между тем если бы из комитета выдавались деньги только по строго проверенным данным, полученным из штаба дивизии, военная администрация относилась бы к этому серьезней и неудовольствия на комитет было бы меньше.

Сербы, о нерасположении которых к русским так много было говорено, конечно, не могли сочувственно отнестись к скандалам, учиненным добровольцами в Белграде, но эти взрывы неудовольствия положительно тонули в общем настроении сочувствия.

Недовольны были только прямо потерпевшие. Недовольна была также военная администрация, так как ее права и власть были сильно ограничены, прежде — благодаря главнокомандующему русскому, а потом особым положением добровольцев в Белграде. Все же остальные, которых я только встречал в Сербии, люди разнообразнейших классов относились с горячим чувством благодарности и симпатии к русским. Министры не отставали от других. Некоторые из них высказывали сильное неудовольствие по поводу толков в нашем отечестве о холодном отношении сербского правительства к добровольцам и России. Обвиняли бывшего военного министра за его пререкания с Черняевым и говорили, что это не доказывает общего настроения министров. Министр внутренних дел приводил в доказательство неосновательности мнения, распространенного в России, свои циркуляры к префектам, обозначенные разными числами, от первого появления добровольцев в Сербии до последнего времени, где высказано то уважение и сочувствие, которое им ставилось в обязанность оказывать русским. Копию с одного из таких циркуляров вместе с письмом на мое имя он доставил мне, прося напечатать в России.

Имею честь препроводить при сем отчете как то, так и другое. Кроме того, он обещал снять копии со всех письменных распоряжений, касаю-

щихся добровольцев, и все их доставить при письме на ваше имя в Московское отделение Славянского комитета.

Министр иностранных дел Ристич высказывал резко, что только одна Россия может быть не только источником для благосостояния Сербии, но самое существование княжества обуславливается силой России. Ослабни она — и возможность независимости княжества подвержена сомнению, следовательно, национальная политика Сербии должна быть вполне солидарной с русской.

Впрочем, у Ристича, несмотря на столь определенный взгляд на отношения к России, примешивалось некоторое неудовольствие против нашего отечества, причину которого надо искать не столько в распоряжениях правительства русского по отношению к Сербии, сколько в неудовольствии против нашего представителя в княжестве генерального консула Карцова. Ристич никак не мог равнодушно говорить об оскорбляющей достоинство манере Карцова относиться к нему. Он не только не делает даже официальных визитов Ристичу, но когда этому последнему удастся захватить консула в его собственном доме для переговоров по самым серьезным политическим вопросам, то тот всегда принимает шуточный тон и говорит так, что нет никакой возможности понять, передает ли он свои личные мнения или взгляды своего правительства, и кончает какой-нибудь неуместной шуткой вроде следующей: «Вы хотите, чтобы мы вас спасли, — ну и спасем, вам не о чем и беспокоиться, сидите и ожидайте».

Поведением нашего консула оскорбляются не только министры, но и вся сербская интеллигенция. Их сильно, например, задел следующий поступок консула: во время моего пребывания в Белграде там устроился под председательством Карцова комитет для раздачи пожертвованных государем денег. В члены этого комитета хотя и были приглашены иностранные дамы, но ни одной сербки. Сербки указывали с удивлением, отчего не пригласили г-жу Миловук, русскую по рождению, так глубоко уважаемую, известную в России по благотворительной деятельности. Я видел г-жу Миловук, был с ней вместе в опекаемом ею госпитале и могу сказать, что она производит впечатление женщины самого теплого сердца и очень умной. Впечатление это передается и больным, что я заметил по тому, как они к ней относились во время нашего обхода лазарета. Почему Карцов не считал ее, занимавшуюся так долго благотворительностью, достойным членом вновь открытого такого же характера общества — непонятно. А между тем самолюбие сербов было бы удовлетворено. Вопросов, всюду слышавшихся: «неужели между нашими дамами нет ни одной порядочной женщины» — не было бы.

Митрополит Михаил вначале также не удостоился быть принятым в число членов комитета, и только по настоянию агентов Славянского комитета ему передано звание почетного члена, не заседающего в комитете.

Русские не менее сербов могут быть недовольны поведением Карцова. Его поступки часто в полном смысле слова антинациональны. Из денег, пожертвованных государем, например, он выдал несколько тысяч жеше итальянского консула на даровые кухни. Таким образом весь смысл этого дара потерян. Источником благоденствия оказалась не Россия, а Италия. Действуя таким способом, г-н Карцов не мог не знать, что именно посредством благотворительности западные державы хотят подорвать наше влияние в Сербии и что, следовательно, как надо было дорожить тем, что мы могли им противопоставить в этом смысле [. . .]

Сочувствие к России настоящего министерства или по крайней мере верное понимание значения нашего отечества для Сербии, подтверждается, кроме приведенных выше объяснений министров внутренних и иностранных дел, действиями министра народного просвещения, который пред-

ставил пред самым началом сербской войны проект введения обязательного обучения русского языка в средних учебных заведениях и главной школе. Проект этот не успел быть утвержденным только благодаря началу войны, когда все школы закрылись. Министр высказывал мне желание, чтобы Славянский комитет устроил в Белграде заведение вроде гимназии, где бы преподавались предметы наполовину на русском языке, он говорил, что это могло бы служить серьезным средством для крепкого сближения сербов с русскими. Права подобная гимназия, находясь в ведении русских, получила бы равные с сербскими средними учебными заведениями. Он верит, что подобное училище привлекло бы к себе в качестве учеников австрийских славян. В самом Белграде такое заведение сделалось бы привилегированным, так как в городе необычайное желание изучить русский язык, и где найдется больше данных для того, там больше будет и учащихся.

Министр припомнил, что несколько лет тому назад, когда сознание значения России для славян еще не было так развито, он начал, будучи профессором в главной школе, читать лекции русского языка для желающих, то никакие аудитории, имевшиеся в городе, не в состоянии были поместить массу слушателей; и только по причинам, не зависящим от него, он должен был прекратить это полезное дело.

Ко всем этим данным, приведенным министром, нельзя не прибавить, что если бы Славянский комитет был в состоянии устроить подобное заведение, он мог бы, принимая преимущественно из этой школы молодых людей для продолжения образования в России, быть уверенным, что тратит деньги на людей способных и благонадежных. В то время как теперь лучших из учеников отправляют за границу, где они воспитываются в антирусском направлении, у нас же появляются самые неспособные, даже выгнанные из сербских школ, которых митрополит Михаил из сострадания к их горькому положению направляет в Россию в надежде, что здесь их, может быть, разовьют или по крайней мере дадут им средства к существованию. Непроизводительные траты от этого для Славянского комитета — понятны; избежать их крайне необходимо. Потому до осуществления проекта министра народного просвещения или по крайней мере до появления в Белграде доверенных от комитета лиц, которые могли бы следить на месте за учащеюся молодежью и высылкой только лучших, надо войти к митрополиту Михаилу с серьезнейшими представлениями по поводу несоответственного с желаниями комитета выбора молодых людей, отправляемых в Россию, так как то, что я говорю, в Белграде подтверждают все.

Говоря о митрополите Михаиле, нельзя не прибавить, что если бы деятельность нынешнего министерства и могла быть заподозрена в антирусском направлении, то довольно того факта, что главным влияющим лицом в ней есть митрополит Михаил, чтобы все подозрения рушились. Взгляды митрополита на Россию, как на оберегательницу православия и славянства, известны всем, кто его знает. Влияние его внешним образом почти не проявляется, но кто желает глубже вникнуть в дела княжества, тот убедится, что ничто там не творится без ведома и совета митрополита. Почти всякий министр беспрепятственно бывает у него и советуется с ним даже о второстепенных сторонах своей деятельности. Россию митрополит Михаил настолько считает единственной спасительницей от гибели славянства и православия, что боится, как бы она не начала войны недостаточно приготовленная, чтобы поразить врагов; так как при неудачной второй войне России славянство погибло. Он находит, что вера в силу России если и не мешает притеснять славян и даже часто, пользуясь обстоятельствами, ограничивать их в правах, то все-таки погубить зародыши будущей независимости западных и южных славян враги их не решаются,

зная, что в таком случае им придется иметь дело с государством, силу которого они еще очень уважают.

При таких взглядах трудно предположить, чтобы митрополит мог советовать держаться другой политики, кроме вполне проникнутой сочувствием к России. В доказательство неприязни сербов к русским обыкновенно приводят поведение последних на полях сражений, но все, что говорится по этому поводу, либо только доказывает недостаточность их природного мужества или принадлежит к случайным фактам, из которых никаких общих выводов делать нельзя. Все это несколько не подтверждается тем, что я успел видеть в Белграде. Во всех классах общества, как правительственных, так и частных, я встретил глубокое сочувствие к России, которое главным образом было вызвано там появлением добровольцев. Это оставило неизгладимо глубокое впечатление.

Но если в самом княжестве к этому чувству примешивалось неудовольствие благодаря частным столкновениям с русскими, то в сочувствии австрийских славян не было и этого элемента. Постоянное появление между ними людей, идущих из отдаленных стран через их землю, чтобы положить жизнь за угнетенных братьев, вызвало в них энтузиазм, обожание к русским. Я встречал жителей Землина, Нового Сада, Верпицы. Они видели этих переполенных христианского воодушевления людей, говорили с ними и потом получали вести о геройских смертях их мимолетных дорогих знакомых. Впечатление от этого было потрясающее. «Ведь это все за нас умирали эти люди», говорили они мне, «ведь мы те же сербы, те же славяне». Многие из говоривших никогда прежде не видели русских, и в первый раз они предстали перед ними во всем величии охватившего их благородного влечения.

Факт, что появление добровольцев произвело такое сильное, прежде не замечаемое сочувствие к России между австрийскими славянами, объясняется тем, что прежде всякая симпатия к ним, выраженная в России, выдавалась немецкой и мадьярской журналистикой не в пользу нашего отечества, как корыстное стремление, ничего общего не имеющее с кровным и религиозным родством славян с русскими. Самые факты сочувствия скрывались и искажались. В первый раз они увидели, что оно не только есть, но проявляется в невероятных размерах в способности русских жертвовать массами жизнью для спасения своих братьев. После этого вся неправда, идущая от немцев и мадьяр, не могла влиять на наших соплеменников. Кроме того, близость Сербии к землям австрийских славян и самые проезды массами через Австрию наших добровольцев дали возможность классам, не читающим и политически не развитым так рельефно, так резко понять, что такое для них русский народ. Поэтому все классы славянских народов Австрии почувствовали вместе значение для них России, они вдруг сознали, с приливом гордости, что есть известная сила, с которой надо считаться их притеснителям. Не зная интимной стороны государственной жизни России, они верят, что если наше правительство действует не энергично, вяло, тому виной независимые от него обстоятельства. Но придет момент и русский царь назовет себя царем славянским. Порука им в том — положенная жизнь русских людей на полях Сербии. Царь такого народа не может не искать часу прийти с своей ратью и спасти народ славянский. Они глубоко верят, что рано или поздно настанет этот час. Я видел духовных, ученых, простых людей славян, и все мне говорили одно и то же.

Как видно, подобное настроение не в одной только восточной Австрии; события в Праге по поводу приезда генерала Черняева¹ показали, что то же происходит во всем мире славян австрийских. Интересуются наши соплеменники Россией не только как силой, посредством которой они спасутся от врагов, но вся частная семейная сторона русской жизни

возбуждает в них живое любопытство. Стремление изучить русский язык я заметил у всех, всякую русскую книгу, которую я им давал, они принимали с наслаждением. Подробно расспрашивали, насколько удалились обычаи их жизни от русских. Сходство в этом отношении их сильно трогало. Одним словом, они видят в русском народе не великодушного защитника, а родного брата, который и поступить иначе не мог и интимные подробности жизни которого не могут не занимать их сильно. Убедившись на месте в том значении, какое имело в славянском мире появление добровольцев в Сербии, мне досадно замечать теперь в русском обществе потерю веры в самодеятельность. Оно достигло в последнее время того, чего и ожидать не могло. Много нужно самых крупных ошибок правительства, чтобы подорвать значение того, что сделано полезного отправкой добровольцев. Если они не достигли прямого результата, для которого были посланы, т. е. разбить турок, то они достигли еще большего неожиданного [. . .]

Прилагаю при сем отчете моего трехнедельного пребывания в славянских землях как расписку г-на Висковатова в получении от меня 29 тыс. [руб.], посланных Славянским комитетом, так и вышепоименованные циркуляры и письмо сербского министра внутренних дел.

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном почтении и уважении.

Готовый к услугам вашим Павел Толстой

ОР ГПБС-Щ., арх. И. С. Аксакова, д. 429. Подлинник.

1. Вскоре после заключения перемирия генерал М. Г. Черняев отправился из Белграда в Вену для свидания с семьей. Из Вены Черняев проехал в январе 1877 г. в Прагу. Кроме шумных народных выражений сочувствия на улицах и площадях, перед гостиницей, в которой остановился Черняев, он получил множество адресов, приглашений на банкеты и собрания пражских ученых и литературных обществ и т. п. Однако австрийская полиция подвергла Черняева домашнему аресту в номере гостиницы и вслед за тем он был увезен из Праги до германской границы в сопровождении полицейских комиссаров (96, стр. 289—290).

№ 408

1877 г. февраля 5 (17). — Из письма уполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории К. А. Буха * об оказании помощи нуждающимся герцеговинцам и вассовичам и о нерациональном распределении черногорским правительством материальных и денежных средств, направляемых из России

Цетинье

Вчера я раздавал белье и всякое платье герцеговинцам и вассовичам и сверх того на каждое семейство по червонцу. Такие раздачи уже продолжают почти целый месяц и при той системе раздачи, которую я избрал, весьма полезны, потому что я, наконец, изошрился в этом деле и раздаю только действительно нуждающимся¹.

Когда я вышел из магазина, чтоб пообедать, князь Николай ласково мне поклонился, а так как он только что вернулся из поездки к своей жене, то я зашел к нему во дворец. Он увидел что, я повернул к нему, и

* Адресат не установлен.

вышел ко мне навстречу на лестницу и повел меня в сад. После многих поклонов от своей жены и от сына (о сыне он выразился так: *mon fils a eu l'audace de me charger de vous présenter ses respects* *) он спросил, не устал ли я, что он знает, что я сам тружусь раздавать вещи и деньги, но объявил мне, что было бы несравненно еще полезнее послать для раздачи деньги вассоевичам. Я ему сказал, что я и то все больше вассоевичам раздаю. «Да, — отвечал он, — но я говорю не об этих вассоевичах, которые выселились сюда и имеют все-таки возможность получать паек в Каттаро (куда пришли русские пароходы с русским хлебом из Одессы); мне бы хотелось, чтобы вы послали деньги для раздачи вассоевичам, которые живут на границе Старой Сербии; там умирают с голоду и можно ожидать больших несчастий. Им далеко до Котора, хлеб доставить туда из Котора невозможно. А у меня положительно денег нет; вот мне приходится послать в Константинополь (для переговоров о мире) Божко (Петровича) и Станко (Радонича), и я не имею 500 червонцев, чтобы дать им на дорогу». Я обещал ему, что сделаю, что только возможно, что у меня остается очень немного и прочее.

После этого разговора я тотчас же телеграфировал в Москов[ский] славян[ский] комитет и просил меня уведомить, обещают ли они прислать мне 2 тыс. червонцев, в каковом случае я, опираясь на такое обещание, предприму серпозную помощь. Но если мне и откажут в этом, то я все-таки пошлю помощь, хоть небольшую ². Я спрашивал князя об этом пути и могу ли ехать туда сам? «Ох, не советую вам. Вы ужасно рискуете; во-первых, путь чрезвычайно трудный; во-вторых, там может застигнуть вас снег, и тогда там надо остаться по крайней мере недели на две, если не более; никакого приюта, болезни (голодный тиф) — в ваши лета никак не могу советовать вам пуститься самим в такое путешествие!»³

Уверяет же князь, что у него нет денег! А сколько, сколько ему шлют, и куда все это девается? Вот и теперь недавно он послал Сундетича (поэта) в Вену за получением присланных ему 150 тыс. рублей русским правительством. Хлеб из Одессы ему посылается 1 млн. 100 тыс. пудов. Если б все это в руки попало доброго хозяина и доброго правителя, разве нельзя было бы распорядиться, чтоб какие-нибудь 150 или много 180 тысяч народа (вместе с герцегов[инцами] и вассоевичами) прокормить. Но здесь нет никакого хозяйства в администрации. Хватают те, которые не нуждаются, начиная с самого правителя.

Сюда до сих пор прислано 1722 тюка с бельем и всякой одеждой. Все это раздается народу — и лишь только выходят из магазина с узлами — распродается за ничто. В Каттаро или Далмации вообще это все идет, не знаю, но мне недавно сам митрополит ** говорил, что за *три гроша* (30 крейцеров, по-нашему 20 коп.) купил великолепные шерстяные чулки, которые и показывал надетыми на свои ноги. Эти 1722 тюка присланы одним обществом Красного Креста, а сколько посылается помимо его!

Эти шерстяные чулки присланы русским обществом из Швейцарии; все прелестные вещи, но до крайности непрактичные. Сюда надо бы посылать грубое сукно, пледы, одеяла, полотно, холст и т. д. А присылаются бальные платья, креповые юбки, батистовые и кисейные шемизетки. Ну и распродают все это. Недавно из Смоленска прислало общество Красного Креста чудесное белье и разные принадлежности одежды [. . .]

ОР ГБЛ, ф. 43, к. 7, д. 26. Автограф.

* *Мой сын отважился поручить мне засвидетельствовать вам свое уважение (фр.).*

** *Илларион.*

1. До приезда К. А. Буха в Цетинье раздача денежных пособий и белья производилась без всякой системы. Чтобы удовлетворить в первую очередь нуждающихся, Бух стал делать отметки о выдаче пособий на накладных на паек («путницах на таин») (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, лл. 12—14).

2. Через пять дней, не получив ответа от Московского славянского комитета на свой запрос, К. А. Бух выдал князю Николаю 1000 гульденов и 125 червонцев для оказания помощи голодающим васоевичам (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 58, лл. 12—14).

3. В ноябре 1876 г. К. А. Бух с целью раздачи одежды герцеговинцам и васоевичам совершил поездку в Вир-Базар и село Балевици, где им было роздано 60 тюков белья и денежное пособие: 1327 человек получили по 40 крейцеров (ОР ГБЛ, ф. 43, к. 7, д. 12).

№ 409

1877 г. февраля 5. — Письмо начальника штаба русско-болгарской добровольческой бригады Н. И. Браилко председателю Московского биржевого комитета Т. С. Морозову с просьбой об оказании помощи бригаде

Москва

Милостивый государь, многоуважаемый Тимофей Саввич!

Следя за судьбою наших братьев славян Балканского полуострова, вам неизвестно о внезапном движении из Сербии русских добровольцев, последовавшем в декабре и январе минувших месяцев. Упреки, которые они выслушивают за это, несправедливы; им было объявлено, что не выехавшие до 1 февраля не будут получать ни содержания, ни пособия на возвращение в Россию. Таким образом, оставаться в беспомощном состоянии, без всяких средств, так как сербское правительство не в состоянии помочь ничем, было бы слишком затруднительно. Оставалось одно — выезд, и они выехали, но не все.

Эти не все: командир добровольческой бригады полковник Александр Михайлович Милорадович и 82 офицера, возложившие свое упование на бога, славянские комитеты и русское общество. Решившись остаться пока с одною надеждою, без всяких средств к жизни, они считали бесчестным делом оставить части, в которых служат и которые состоят исключительно из болгар, арнаутов *, старосербов и черногорцев. Трое первых, не имея возможности оставаться в Сербии и не имея возможности возвратиться на родину, как принимавшие участие в восстании ¹, остались бы в безвыходном положении, если бы их бросили русские офицеры. Но их не бросили.

Состоя в должности начальника штаба этой бригады, я, за отсутствием Ивана Сергеевича Аксакова, представлял князю Василию Николаевичу Гагарину наше положение, и милостивый его ответ заключался в том, что до окончания войны содержание бригады принимает на себя Славянский комитет. Более мы ничего не смеем и просить у комитета, но у нас есть еще нужды, нужды крайние, которые я считаю себя вынужденным представить благосклонному вниманию вашему. Бригаде приказано выступать в поход в Кладово, где мы должны будем встретить первый натиск турок. Солдаты, без малого две тысячи человек, нуждаются в русских черных сапогах, рубахах, подштанниках и в самом ограниченном денежном пособии на мелкие нужды.

В почтеннейшем лице вашем я вместе с тем смею обратиться и ко всему московскому старообрядческому обществу с почтительнейшею убедитель-

* Албанцев.

ною просьбою помочь нам. Не впервые будет помогать благотворительное старообрядческое общество нужде и доброму делу; помощь его в тяжелые минуты издавна известна всем нам. Дайте возможность помолиться за вас добровольцам, из которых почти нет ни одного человека, который с мая месяца минувшего года не потерял бы своей жены, детей, имущества, отца, матери, братьев или сестер.

Все они — бежавшие от зверства турок, и желают одного, это встречи с ними. Это люди оценят сделанное им вами благодеяние.

Я не смею лично беспокоить вас своею покорнейшею просьбою и просьбою от имени добровольческой бригады, но если вам будет угодно выслушать от меня какие-либо подробности, я буду считать для себя величайшею честью представиться вам в назначенный вами час.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и глубоком уважении

вашего покорнейшего слуги Николая Иванова Браилко.

Начальник штаба добровольческой бригады, майор.

ОР ГПБС-Щ., арх. И. С. Аксакова, д. 444. Автограф.

1. Имеются в виду участники восстания в Герцеговине и Боснии 1875 г. и Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии.

№ 410

1877 г. февраля 5. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. Г. Гартвигу с пожеланием успеха черногорско-турецким переговорам¹

С.-Петербург

Секретно

Никакого возражения с нашей стороны по случаю посылки доверенного лица в Константинополь. Желаем успеха переговоров.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 7, л. 2. Копия. Литогр. экз.

1. Телеграмма получена в ответ на запрос князя Николая, направленный князю А. М. Горчакову через посредство русского дипломатического агента в Цетинье Н. Г. Гартвига, относительно мнения России по поводу проведения переговоров о мире в Константинополе (ОР ГБЛ, ф. 43, к. 7, д. 35).

№ 411

1877 г. февраля 6. — Сообщение канцелярии Военного министерства А. А. Непокойчицкому о хранении в Унгенах оружия для болгарского ополчения.

Г. военный министр приказал сообщить начальнику штаба Действующей армии: 1) что так как оружие, находящееся в Унгенах, в таможене, составляет добровольное пожертвование Славянского комитета^{1*} — так что о браке этого оружия не может быть и речи; 2) что по совершенной негласности назначения этого оружия теперь неудобно было бы сортировать или перевозить его; 3) что место его хранения во всех отношениях хорошо; 4) что таможенные помещения при настоящих политических

обстоятельства совершенно свободны, то его высокопревосходительство полагает, вместо приема всего названного склада оружия сделать следующие распоряжения: секретно потребовать от управляющего Унгенскою таможеню подробную ведомость всем ящикам и боченкам транзитного груза А. Л. на адресата Щербачева и потом, когда это сведение начальником таможи будет доставлено, то написать ему, что весь этот транзитный груз А. Л. на адресата Щербачева составляет ныне собственность Военного ведомства, что он, т. е. груз, должен оставаться в таможенных пакгаузах до имеющих своевременно последовать распоряжений. В заключение просить управляющего хранить этот груз, как он хранился и доселе; комитету же ответить с препровождением копии с донесения таможи, что груз принят.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7884, лл. 49—50. Копия.

1. Оружие, закупленное Московским славянским комитетом (см. док. — 283 и прим. 1 к док. 311), предназначалось для вооружения русско-болгарской бригады в Сербии. Так как сербско-турецкая война была закончена еще до прибытия из Германии оружия, то оно сосредоточивалось на русско-румынской границе, на станции Унгены. В конце октября 1876 г. Славянский комитет решил передать оружие для формируемого болгарского ополчения (ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 413, л. 6 и сл.).

№ 412

1877 г. февраля 7. — Из письма русского консула в Измаиле П. С. Романенко Н. К. Гирсу о чрезмерном налоговом обложении населения Тульчинской провинции турецкой администрацией

Измаил

Милостивый государь Николай Карлович!

В последнее время турецкое правительство стало обременять жителей Тульчинской провинции чрезмерными налогами. С каждого селения собрано было от 20—30 киль пшеницы и ячменя и от 50 до 80 штук овец. сверх сего, каждое семейство, смотря по состоянию, вынуждено было дать в пользу правительства, заимообразно, от 10 до 100 пиастров. Независимо от всего этого в зимнее время вытребовано от владельцев домов для солдат, расположенных в провинции, от 2—5 шубок и от 5—10 пар так называемых постелей (в роде русских поршней или лаптей). Не довольствуясь сказанными насильственными поборами, местное начальство обязало еще жителей провинции заготовить на случай войны лошадей, годных для кавалерии, и телеги для перевозки фуража и раненых солдат.

Тульчинские обыватели доставили уже правительству 40 лошадей, другие города, соразмерно народонаселению, приготовили от 10—20 и селение от 2—5 каждое. Всего в Тульчинском округе собрано 400 лошадей. Те же из поселян, которые не в состоянии были доставить местной власти годных лошадей, принуждены были уплатить правительству за каждую лошадь по 1000 пиастров звонкою монетою. Народ, удрученный помянутыми налогами, которые, как несомненно предвидят, будут со дня на день увеличиваться, находится в положении, близком к отчаянию, и, не имея никакой надежды на улучшение своего быта, с прискорбием ожидает для себя в скором будущем горькую нищету и совершенное разорение [. . .]

П. Романенко

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7635, лл. 110—111. Копия.

1877 г. февраля 7. — Донесение начальника Новгородского губернского жандармского управления В. И. Жолобова в III отделение о настроениях в губернии в связи с ожидаемой войной с Турцией

№ 18

Секретно

Балканские события, как я имел уже честь докладывать, никогда особенно не волновали наше общество. Сочувствие проглядывало, но далеко не горячее. Действительно, временем являлись единицы, которые высказывались очень энергично, шумно угрожали чуть не целой Европе и рекомендовали не жалеть никаких средств, но единицы эти так единицами и остались, когда же при случаях приходилось раскрывать собственные кошельки, то у большей части подобных крикунов всегда, хотя и вскользь, являлись ссылки на недостаток средств, на крайние нужды большого семейства и проч., а потому жертвы их всегда имели вид самой скудной лепты.

В настоящую минуту декорации совершенно изменились, особенно когда результаты конференции сделались известны и когда обозначилась какая-то загадочность европейских кабинетов. Теперь общество наше, видимо, окончательно отрезвилось, и даже не только не кричат единичные крикуны, но и публика стала толковать и отзываться совершенно на другой тон. Так, например, нередко говорят: «Какая война и за кого?!» За Сербию, но есть ли положительные к тому основания?! Положим, дела княжества незавидны, но кто же вызвал все это, как не сама Сербия. Да и кто поверит, что, рассчитывая на бессилие Турции, княжество ввязалось в войну бескорыстно? Сербы уже давно отстали от России и далеко больше тянут к западу, а потому от чего же и не помочь им нравственно и даже материально, но проливать кровь русскую было бы уж очень много, а тем более много — ставить за них на карту интересы, благосостояние и спокойствие целого государства, еще не оправившегося от прошедших ошибок.

Помочь угнетенным христианам Турции также всегда было в природе русского, но вступить за них с оружием в руках теперь было бы очень рискованно.

Как ни старается наша пресса убедить публику, что неудачные результаты конференции оскорбили всю Европу, но кто не понимает, что тут потерпела фиаско только одна Россия. Да и не смешно ли думать, что Турция решилась бы противиться целой Европе! Следовательно, самый результат конференции показал ясно, чего хочет Европа, а потому России, подписавшей против себя Парижский трактат, необходимо иметь это в виду и очень осторожно лавировать, чтобы не восстановить против себя хотя части Европы, что, в случае неудач, может привести к тому, что придется подписать трактат еще более тяжкий. Как ни грустно отзываются, но всякое государство поневоле делает уступки, если не сознает хорошо своей силы, что завещает само благоразумие.

Пресса уверяет, что Крымская кампания проиграна потому, что общество ей не сочувствовало, а в настоящем случае, будто бы все шансы на стороне успеха, потому что все в государстве принимает участие. Все подобное, конечно, можно писать только в газетах, но чтобы иметь успех, нужно еще многое, кроме сочувствия, и если бы это многое и необходимое, говорят, было у нас в Крымской войне, то, конечно, мы бы вышли из столкновения с достоинством и без общественного сочувствия.

Слышны также очень часто жалобы на общий застой, напряженность и ощутительный подрыв всему экономическому положению. Вообще заметно, что общество спокойно относится к войне с Турцией, но, видимо, тревожится, если в этой войне против России примут участие кто-либо из других европейских государств. Что же касается настоящей минуты, то говорят: «По всему видно дело идет к тому, что России придется или разоружиться или вступить в Турцию и поднять на себя Европу».

Вот в каком роде и смысле слышатся теперь толки по поводу ожидаемой войны. Это такой резкий переход от тех толков, когда только что разгорались события на Балкане, что внимание невольно останавливается на этом переходе. Одно только трудно решить, собственные ли мнения и убеждения высказываются иногда публикой или все это черпается из газет или каких-либо других источников, — во всяком случае я полагаю, что подобные толки не есть продукт одной только губернии, мне кажется, смысл таких суждений распространен и всюду.

Материальная сторона сословий и страны вообще, как кажется, тоже немало озабочивают в настоящее время общество, когда, может быть, близкое будущее потребует исполнения заявлений на деле. В этом предположении убеждают меня отчасти и только что окончившиеся у нас в конце января месяца очередные губернские земские заседания гласных. Правда и как бы то ни было, Новгородское земство, как известно официально, не отстало в своих приношениях и готовности ни от Москвы, ни от других земств, во всяком случае, как я слышал, последнее заседание было очень бурно и часто слышались возгласы: «да откуда мы все это добудем, зачем вводить в заблуждение, вспомните наши громадные недоимки, состоящие далеко более нежели из 600 тыс. руб.» и проч., но тем не менее одна фраза: «Теперь не время подобных возражений» — привела к положительному и общему согласию. Как бы то ни было, но все это показывает, что чаша, из которой придется черпать, далеко не полна.

Турецкая конституция хотя и считается фарсом, но все-таки обратила на себя наше общественное внимание, причем поэтому иногда слышится своеобразное заключение: какая бы ни была, а все-таки конституция! Домашние же зоицы и люди, действующие из-за угла, как кажется, стараются распространить мысль, что в настоящее время только в двух странах нет конституционного правления, в империях Российской и Небесной*.

Полковник Жолобов

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. III, лл. 76—79. Подлинник.

№ 414

1877 г. февраля 8. — Письмо Х. Ф. Стоянова И. С. Аксакову о тяжелом положении болгарских добровольцев в Румынии и о помощи им со стороны Московского славянского комитета

Москва

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Громадные и подавляющие бедствия, которые обрушились [с] прошлого года на славянские населения Балканского полуострова воочию всей Европы и как будто вопреки всем стараниям улучшить положение удрученных вековым гнетом этих несчастных населений, заставили дроб-

* Китай.

нуть братское и христианское чувство русского народа. Предстояло уже не улучшать положение, а облегчать по возможности страдания, созданные неслыханными бедствиями, и вот в среде русского общества материальные пособия и нравственная поддержка разрослись громадным образом и потекли для облегчения участи пострадавших, для доставления им возможности дать хоть какой-нибудь отпор свирепеющему врагу. . .

Но громадность бедствий, обрушившихся на болгар с конца апреля минувшего года, превзошла далеко все ужасы, совершенные до того времени; нам неизвестна и сотая доля тех страданий, вызванных отчаянным усилием болгар вырваться из несносного положения. . . Сербия и Румыния, как соседние Болгарии страны, наполнились выходцами и пострадавшими болгарами всякого рода и звания. . . Московский славянский благотворительный комитет, как первый орган русской благотворительности для задунайских славян, не преминул обратить внимание на Румынию, где было так много нужд, и послал туда своего агента г-на В. С. Ионица. К сожалению, посланный агент, будучи незнаком со всеми интимными и болезненными отношениями, в которых находятся болгарские общества в Румынии, увлекся в крайнюю односторонность и сделался причиною еще большей парализации в среде этих обществ¹.

Комитет, однако, не оставлял вопиющие там нужды без всякого внимания, и дабы подвинуть там дело еще более, мне было предложено отправиться в Бухарест с этою целью. И вот, после трехмесячной своей там деятельности, считаю долгом представить вам в возможной полноте то, что я застал там, что меня встретило, что было сделано в расстоянии этого времени и что не успел сделать, и по каким причинам.

Мне кажется не лишним напомнить, прежде всего, здесь, что румынские болгары вообще принимали всегда живое участие во всех самых важных событиях новейшей истории задунайских болгар. Говорят, и это даже публично было заявлено в 1869 году государственным человеком Румынии Когалничану, теперешним вице-президентом Сената, что одна третья часть народонаселения Румынии состоит из болгар; но число интересующихся бедственным положением задунайских своих братьев сравнительно очень ограничено; самые живые центры румынских болгар — это Бухарест, Браила, Болград, Галац, Измаил, Гюргево, Крайово, Александрия, Турну-Мугурели, Слатина, Олтеница, Зимнич, Плоещ, Бузеу и некоторые другие. Последнее десятилетие полно фактами, свидетелствующими о постоянном стремлении, существующем среди этих центров, способствовать несчастным своим задунайским братьям добиться лучшего политического положения.

Понятно, что враг, в мучительских когтях которого изнуряется и томится Болгария веками, не замедлил обратить на подобное стремление особенное внимание, и не только этот вековой враг, но и все те, которые по тем или другим причинам враждебны православно-славянскому делу на Дунае. И вот неопытные, впечатлительные и доверчивые болгары в Румынии очутились под давлением всевозможных подземных интриг, влияний и соглядатайств; враги следили за каждым их шагом, за каждым помыслом. Ни с того, ни с сего ссорились, упрекали друг друга, не доверяли друг другу. Был даже такой факт, что когда-то и кем-то был составлен соглядатайский тайный комитет в услужении врагам. . .

Вообще как в Константинополе, так в Белграде, так и в Бухаресте враги всеми силами старались помешать возрождению задунайских славян в известном духе и парализовать все стремления к этому.

В этом хаосе интриг и подземных влияний болгарские общества в Румынии бьются как рыба в мутной воде; всякое доброе начинание, всякое народополезное предприятие подвержено там растрavляющему действию

каких-то невидимых рук. Понятно, сколько тут нужно бодрости и твердости духа, чтобы не упасть духом и не опустить рук.

Вопреки всему этому, из среды румынских болгар всегда выходили упорные, неутомимые и самоотверженные усилия на помощь задунайским своим братьям в непрерывной их борьбе отстоять самые чистейшие и заветные свои стремления и предания. Но всякие усилия имеют свою меру; громадность бедствий, обрушившихся на задунайских болгар прошлым летом, надломила многие силы и подорвала многие чаяния; на всех напало какое-то уныние. Однако надежда на святую Русь осталась несокрушимой; скоро, однако, решительное слово, сказанное государем императором в Москве, рассеяло унылое настроение².

Таково было положение при моем прибытии в Бухарест. Таков был момент, когда множество изнуренных борьбою и голодавших болгар в разных городах Румынии почуяли, что благодетельная рука Московского славянского благотворительного комитета простирается к ним на помощь. Я не решаюсь пускаться в рассуждения далее, а постараюсь изложить факты и только факты.

При моем отъезде из Москвы, как вам известно, многоуважаемый Иван Сергеевич, вы мне сообщили, что у его превосходительства барона Стюарта в Бухаресте находятся 5 тыс. рублей, посланных на нужды болгар в Румынии. Приехавши в Бухарест, я представился тот же день барону Стюарту и передал ему письмо, с которым вы меня послали туда. Барон, прочитавши письмо, [за]явил мне, что по второму вашему распоряжению вышеозначенные деньги, находившиеся у него, предназначены на другую цель, именно, на нужды русских добровольцев, возвращающихся из Сербии. Я счел нужным написать вам об этом и ждать вашего ответа.

Между тем печальные военные события того времени в Сербии увеличили еще больше число нуждающихся в приюте и в насущном хлебе болгар в Румынии; крики и вопли отчаяния слышались со всех сторон. Болгарское человеколюбивое настоятельство в Бухаресте, с которым я вошел в сношение, как и Центральное благотворительное общество, не могли ничем помочь, истощивши, как мне говорили, все свои средства. Я счел долгом подтвердить вам свое письмо телеграммой, а Человеколюбивое настоятельство с своей стороны написало вам и Петербургскому отделу комитета подробнее. Через два дня я получил от вас следующую телеграмму: «Envoyé par télégraphe au consul russe cinq mille roubles pour mitropolitain Panaret. Obodrité vaschich scoro boudet wam rabota ouderjité dobrowoltzew bolgarskich» *.

Немедленно с содействием Человеколюбивого настоятельства я принялся за дело. Меня отправили в Турну-Северин и в Крайово, где были голодающие, голые и босые добровольцы во множестве и в самом плачевном состоянии, а само настоятельство стало заботиться о тех, которые были в Бухаресте или вновь прибывали туда с разных сторон. До моего отъезда в Северин вот что нам писали оттуда: «Дело наших добровольцев достойно сожаления; в Кладове находятся около 400 душ, все голые и босые и даже некоторые с непокрытою головой. Один болгарин решил снять с некоторых из них портреты; если добуду, pošлю вам. Третьего дня Стоянов (болгарин-офицер) возвратился сюда из Бани; он встречал на дороге много таких из наших добровольцев, некоторые даже были без панталон, только в рубашке, и то в такое время года, когда дождь и снег и грязь по колено». То что я застал в Турну-Северине, более чем подтверждало вышесказанное. С содействием тамошнего агента настоя-

* Отправлено телеграфом русскому консулу 5 тыс. руб. для митрополита Панарета (фр.). Ободрите ваших, скоро будет важ работа, удержите добровольцев болгарских.

тельства я записал их имена; все находились при последней степени изнурения; оказалось всех 76 человек записавшихся; каждому розданы были полшубка, рубашка, штаны, некоторым опинцы * и панталоны. Кроме того, агент взялся выдавать каждому в день по 60 банов (около 18 копеек); оставив на это малую часть денег за неимением со мной большой и обещав агенту, что деньги скоро будут ему высланы из Бухареста от Человеколюбивого настоятельства, я поехал в Крайово. Пока я был еще в Северине, в Крайове уже знали о моем послании и с нетерпением ждали. Здесь я застал те же страдания и те же нужды.

Как в Северине, так и в Крайове явились многие записаться, как нуждающиеся; но как мне было настоятельно наказано в Бухаресте, я записал только самых нуждающихся добровольцев, каковых было записано 48 человек; им тоже розданы были каждому полшубка, рубашка, штаны, опинцы (обувь).

Так [как] деньги, которые были со мной, все вышли, то я упросил одного из здешних болгарских купцов, именно г-на Христа хаджи Данилова, выдавать добровольцам на продовольствие и на некоторые неизбежные нужды, уверив его, что деньги на это будут ему присланы из Бухареста от настоятельства. В Крайове жителей-болгар множество, но, как мне говорили, они так много жертвовали, так истощили свои средства, что решительно не в состоянии пока ничего сделать более. Тысячи наполеонов, говорили мне, были пожертвованы прошлым летом крайовскими болгарами. Действительно, как здесь, так и в других болгарских центрах в Румынии было сделано на народное дело много пожертвований, но большею частью, кажется, жертвовали кто как знал и кто как мог по причине отсутствия надлежащей организации в этом отношении.

Возвратившись в Бухарест, я сообщил все, что нужно было, [в] настоятельство относительно добровольцев в Северине и в Крайове и отправился в Гюргево, где тоже было множество добровольцев в самом бедственном положении. И здесь тоже первая помощь была оказана полшубками, рубашками, штанами, панталонами и обувью. Здешние болгары наняли для них дом и старались продовольствовать их своими приношениями, но заявили мне, что не в состоянии надолго продовольствовать их. Вот что мне писали оттуда скоро после моего возвращения в Бухарест: «Нужда здесь увеличивается; постоянно прибывают сюда из Сербии голые, босые и изнуренные», и потом в другом письме: «Думаем, что вам известно, в каком положении находятся все те, которые бежали из Болгарии, как и те, которые возвращаются из Сербии, голые, босые, голодные и пр. Поэтому покорно просим вас, сжальтесь над нами и пособите нам на ежедневную пищу на 40 человек, и еще пришлите нам десять полшубок и столько же панталон, потому что между нами есть совершенно голые, которым трудно спать на голой рогозинке без какой бы то ни было постели и одеяла».

Действительно, как в упомянутых городах, так и в некоторых других число нуждающихся добровольцев постоянно возрастало. Как при получении первого письма, так и при получении второго я упрашивал председателя и членов Человеколюбивого настоятельства послать требуемую помощь; мне сказали, что это будет сделано. Через неделю получаю из Гюргева третье письмо, которое гласит: «Вот два письма как послали вам, в которых просили сжалиться над нами — эмигрантами, но, к сожалению, не удостоились вашего ответа. Поэтому, как люди, которые нуждаются в насущном хлебе, относимся опять к вам с просьбой немедленно снабдить нас ежедневной пищею и другим необходимым и пр.»

---

* Очевидно, опанки.

К сожалению, я не мог от себя ничего писать. То, что мог сделать, постарался исполнить немедленно, т. е. настоятельно просить президента настоятельства, чтобы оказано было им необходимое пособие. За что я имел немало неприятностей; однако я все терпеть решился, лишь бы содействовать к облегчению вопиющих нужд, исполняя возложенное на меня поручение.

Находясь еще в Гюргеве, я получил от секретаря настоятельства следующее замечание: «Считаем нужным известить вас, что в Т[урну]-Северине наши поспешили надеть такие скандалы, которых мы не ожидали от людей бедных и лишенных всего. Они распродали, раскрали друг у друга и укрыли свои полушубки. Ночью они ходили к Станиславу (болгарин в Т[урну]-Северине, агент настоятельства)³ и требовали от него много денег, потому что вообразили себе, что вы ему оставили 2500 франков, а он не заботился о добровольцах и старался только набить свой карман. Все это сообщаем вам, дабы вы руководствовались им в Гюргеве, где вы должны вести дело так, чтоб не думали, что это благодеяние обязательно и постоянно и что они не должны искать себе работы. Все это вы хорошо знаете, но мы напоминаем вам, и ничего более. Заметьте еще и то, что когда в Т[урну]-Северине наших приглашали идти на работу на железную дорогу с платою 2—3 франка в день, голодающие ответили, что они не имеют нужды работать, потому что настоятельство будет содержать их».

По всем, однако, собранным справкам оказалось, что дело не совсем так, как его представляет г-н секретарь* (бывший воспитанником военномедицинской школы в Константинополе и эмигрировавший в конце мая прошлого года). Напротив, настоятельство, не поторопившись послать деньги на нужды находившихся там добровольцев или проезжавших оттуда, агент отказал им во всяком пособии. Другой болгарин в Т[урну]-Северине, г-н Коста Христов, которого я упросил наблюдать за делом добровольцев и ссудить известную часть денег до присылки из Бухареста, писав несколько раз и не получая денег или ответа от настоятельства, обратился за помощью к И. С. Иванову в Кишинев и получил от него 2 тыс. франков на нужды добровольцев в Северине. Что же касается моего образа действий, то я, руководствуясь вашим поручением по телеграфу, с ведением настоятельства, всюду советовал добровольцам не оставаться без дела, приискивая себе работу для прокормления; но что во всяком случае им будет выдаваться на некоторое время необходимое продовольствие.

Между тем как добровольцы, прибывшие в Бухарест и находившиеся здесь, по постоянному моему настоянию, получали полушубки, рубашки, штаны, обувь и необходимые деньги (50 банов на человека) на продовольствие, те, которые были в других городах Румынии, терпели недостаток во всем, как видно из вышеприведенных писем из Гюргева. В некоторые города не заблагорассудили послать никакого пособия, как, например, в Турну-Мугурели, Слатину, Александрию, Зимнич и пр. Под конец только было послано 1000 франков в Браилов и 250 франков в Галац, а между тем в одном Браилове находилось более сотни добровольцев, исключая других бежавших из Болгарии всякого рода и звания.

Таким образом шло дело. Меня же постоянно окружали просьбы и жалобы вроде тех, которые приведены выше. Вот что писали мне из Крайова от 14 декабря: «Вы упросили г-на Христа хаджи Данилова, чтобы он пособлял добровольцам на некоторое время, и в то же время вы ему сказали, чтобы он отнесся к митрополиту Панарету по этому делу. На основании ваших слов г-н Христо содержал до сих пор добровольцев, выдавая каждому по 40 банов в день, он расходовал еще на некоторые

* С. С. Бобчев.

другие нужды добровольцев, и затратил до сих пор на это около 500 франков. А между тем он только сегодня получил от митрополита Панарета 250 франков с замечанием, чтобы расходовал их поэкономнее, потому что больше денег нет. Вследствие чего г-н Христо хаджи Данилов заявил, что он прекратит выдаваемое им теперь пособие, если до истечения трех дней ему не будут высланы деньги или по крайней мере письмо от *старых*, чтоб он расходовал. Г-н Христофор, постарайтесь, чтобы пособили несчастным. Жалостно и тяжело оставить этих людей без помощи. Может быть, скажут, они здоровы, пусть работают. Это верно, если бы было летом, а не зимою. Представьте себе человека в чужой стороне, не зная языка местного, никто не смотрит на него; изнуренные, оборванные переплетаются то туда, то сюда, как тени, ни живыми ни мертвыми. Сердце надрывается смотреть на них».

Прочитав это письмо, бегу к владыке, прошу, умоляю, чтоб немедленно было послано туда пособие. Отобрав мнение членов настоятельства, президент распорядился послать в Крайово другие 250 франков. Скоро после этого является в Бухарест посланный от г-на Данилова из Крайова с письмом и отчетом полученных и расходованных денег с заявлением, что будет прекращено выдаваемое пособие добровольцам в Крайове, если на это немедленно не будут посланы деньги; отчет показывал большую передержку в расходах. Посланный был отослан обратно в Крайово с обещанием, что по почте деньги будут высланы. Но обещание не исполнилось. Добровольцам в Крайове заявили, что не имеется более денег на их прокормление и те в числе 60 человек, получив последний раз около 40 франков на всех, в отчаянии вышли из Крайова в большую стужу, направившись пешком на Бухарест.

Как в других местах Румынии, так в особенности в Бухаресте я встречался ежедневно с разными болгарскими эмигрантами, находившимися в крайней нужде; не будучи записаны в качестве добровольцев, они ведут самую горемычную жизнь; между ними есть учителя и разные другие, бежавшие из Болгарии кто как мог, чтобы спастись от виселицы или тюрьмы. Некоторым я успевал выхлопотать у владыки единовременное пособие, вообще же они голодают по целым дням, не успев выпросить у кого-нибудь один франк или два. Еще будучи на дороге в Яссах, я начал пособлять подобным, чем мог. Во все время моего пребывания в Румынии ко мне постоянно обращались подобные за пособием; не располагая деньгами, я не мог пособлять в таких случаях, как только в очень ограниченном размере.

Уважая митрополита и других членов настоятельства, я старался действовать на них только увещаниями, чтобы дело ведено было по возможности лучше; я не решался даже заявлять всякие мелочи барону Стурту, потому что это бы поставило меня сразу в очень щекотливое положение к настоятельству. Я позволил себе, наконец, заметить владыке, что необходимо составить отчет и что в этом отчете мы должны показать все, что было сделано для каждого города отдельно. Я думал, что один взгляд на отчет будет достаточным средством, чтобы побудить настоятельство позаботиться об улучшении участи добровольцев в других городах, по крайней мере настолько, насколько это делалось в Бухаресте. И что же, мне преспокойно заметили, что я не имею права заботиться об отчете, потому что не имею формального полномочия со стороны Московского славянского благотворительного комитета.

Таким образом, очевидно стало, что дальнейшее мое пребывание в Бухаресте в том положении, в котором находился, невозможно, и, избегая нареканий, я решил выехать из Румынии обратно в Россию, подав барону Стурту следующую записку: «Ваше превосходительство, как вам известно, я приехал в Бухарест с целью послужить доброму делу;

умел ли я и успел ли сделать что-нибудь, ваше превосходительство лучший тому судия. Поэтому долгом считаю представить вам следующий отчет о моей деятельности за все время моего пребывания здесь. Военные обстоятельства оставили без всяких средств существования и без куска хлеба множество болгар; таких явилось всюду по всей Румынии. Не только долг человеколюбия, но и многие другие соображения требовали не оставлять без призрения этих несчастных. При всем существовании здесь Человеколюбивого настоятельства и Благотельного центрального общества, в этом отношении чувствовалась нужда вопиющая; она приняла еще большие размеры, когда военные действия в Сербии были приостановлены и множество болгар-добровольцев, сражавшихся там, нахлынуло в Румынию, голые, босые и изнуренные, искать хлеба и приюта. К сожалению, здесь не было почти никаких средств или никто не хотел дать, чтобы помочь бедственному положению несчастных, которым угрожала томительная и медленная смерть от холода и голода.

Имея особое поручение для этого от вице-президента Московского славянского благотворительного комитета, я счел долгом уведомить его письмом, а потом телеграммой; вследствие чего были получены вами пять тысяч рублей на удовлетворение настоятельной нужды. Положительно можно сказать, что эта скорая помощь спасла жизнь сотням людей; мне рассказывали о подобной гибели троих болгар-добровольцев на дороге между Т[урну]-Северином и Крайовом. Благодаря сочувствию вице-президента Московского славянского благотворительного комитета, я мог, вопреки многих препятствий, возбудить благотворительную деятельность здешнего Человеколюбивого настоятельства, и таким образом оказана была помощь несчастным в Бухаресте, Т[урну]-Северине, Крайове и Гюргеве, но, к сожалению, все мои усилия организовать как следует и распространить эту благотворительную деятельность и на некоторые другие центры не имели желаемого успеха, потому что встречали непреодолимое сопротивление в среде самого настоятельства. Неохотно и с прискорбием заявляю вам это, но, повинуюсь долгу и совести, не могу не указать на эту сторону дела, потому что положение несчастных во многих местах Румынии крайне бедственно. Несмотря на то, что мои усилия и увещания навлекали на меня разные неприятности, неблагоприятия и даже враждебности, я, скрепя сердце, решился вытерпеть все, лишь бы способствовать облегчению существующих нужд и страданий, лишь бы возбудить охоту благотворительности в тех, которые в состоянии многое сделать. Но, видя, наконец, что этим возбуждаю к себе явное неблагоприятие и даже беззастенчиво дано мне не раз почувствовать, что тяготятся мною, я решился поехать обратно в Россию, утешаясь тем, что я все сделал, что мог, дабы быть полезным, и скорбя о безуспешности некоторых моих усилий».

Вообще же в заключение можно сказать, что поддержка, оказанная вами болгарам в Румынии, данным мне поручением, вышла превосходно добрым делом, учиненным в минуту тяжких испытаний и подавляющих обстоятельств; кроме того, остатки болгарских борцов, сражавшихся на Балканах и в Сербии и искавших себе потом убежища в Румынии, пройдя сквозь огонь и воду, были спасены и сохранены для борьбы в случае надобности ⁴.

Хр. Ф. Стоянов

ОР ГПБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 423. Автограф.

1. В. С. Ионин сделал все возможное, чтобы объединить болгарскую эмиграцию (см. док. 132, 136 и др.). Но после того, как непримиримые противоречия между партиями «молодых» и «старых» не позволили сделать этого, Ионин стал полностью

опираться на «молодых», влияние которых на эмиграцию и в стране могло сыграть решающую роль в освободительной борьбе до конца.

2. Имеется в виду речь Александра II в Московском Кремле (см. прим. 1 к док. 350; 92, стр. 310).

3. Н. Станиславов являлся полномочным агентом БЦБО, а не Человеколюбивого настоятельства (99, стр. 37; док. 252).

4. Заслуживает внимания то, что, несмотря на свою ориентацию на «старых», Хр. Стоянов объективно раскрывает незавидную роль, которую играла крупная болгарская буржуазия при сборе средств для спасения от голодной смерти болгарских добровольцев.

№ 415

1877 г. февраля 10. — Записка МИД, составленная по донесению А. Н. Кудрявцева, о новой вспышке восстания в Боснии

№ 20

В Баньялукском округе произошло несколько небольших стычек между башибузуками и инсургентами, а около Травника было довольно значительное столкновение. Возобновление восстания чрезвычайно раздражило мусульман, которые мстят за это мирным поселянам, оставшимся еще в поместьях аг и бегов.

В Боснии начались большие военные приготовления, ожидают прибытия 13 новых батальонов. Правительство делает распоряжения о заготовлении хлеба, о покупке лошадей и проч.

В напечатанных в константинопольских газетах подложных донесениях русских консулов на Востоке есть, между прочим, и донесения из Сараева, которые консул наш считает фабрикацией австрийского генерального консульства в Сараеве.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 7, л. 102. Копия. Литогр. экз.

№ 416

1877 г. февраля 15. — Письмо членов болгарской делегации М. Балабанова и Д. Цанкова А. М. Горчакову с приложением обращения болгар Татар-Пазарджикского округа к великим державам¹

Vienne

Altesse!

Au moment où le gouvernement turc fait tant de parler de sa constitution², il n'est certainement pas sans intérêt d'apprendre comment ce gouvernement en use avec la population bulgare à l'effet de la contraindre à s'en déclarer complètement satisfaite.

Les deux délégués bulgares, D. Zancoff et Marco D. Balabanoff, qui ont eu déjà l'insigne honneur de présenter oralement à votre excellence la triste situation, ainsi que les vœux légitimes de leur nation³, viennent de recevoir des habitants bulgares du district de Tatar-Bazardjik qui a, comme on sait, le plus souffert des atrocités commises en Bulgarie par les turcs, une supplique en six copies, avec prière de la remettre aux six grandes puissances. Cette supplique, écrite en bulgare et portant un grand nombre de signatures, est un des meilleurs commentaires des réformes factices par lesquelles le

gouvernement turec a cru pouvoir triompher des décisions unanimes des grandes puissances.

Nous acquitant du devoir sacré, dont nous sommes chargés de la part de nos commetants du district de Tatar-Bazardjik, nous nous empressons de mettre sous les yeux de votre excellence une des copies originales de cette supplique en la faisant accompagner de l'annexe d'une traduction française. Nous avons la ferme conviction, que votre excellence voudra bien en prendre acte dans l'intérêt de notre malheureuse nation, aujourd'hui encore sans cesse exposée de la part de son gouvernement même, à toute sorte de méfaits, de violences, d'excès, de perquisitions, de souffrances et de fourberies.

Nous prions votre excellence de vouloir bien en agréer d'avance, au nom de cette nation, notre plus profonde gratitude, et nous avons l'honneur d'être de votre excellence les très humbles et très obéissant serviteurs.

Les délégués bulgares. Marco D. Balabanow, ayant aussi l'assentiment de son collègue D. Zancof, absent.

АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 19, л. 608 и об. Подлинник.

Приложение

1877 г. январа 12. — Обращение болгар Татар-Пазарджикского округа с протестом против новой турецкой конституции

Ваше превъзходителство княже Горчаков!

Както след всички издадени до днес султански фирмани и актове, каквото: хатишерифът в 1839 и хатихумаюнът в 1856 год.*, злодеянията и свирепствата, струвани всякога на българите от страна на отоманското население, не са престанвали ни най-малко; тъй и сега подир тържествено-прогласената отоманска конституция, която обещава равенство на всичките без различие поданици, тези злодеяния и насилства продължават пак да се извършват над нас и даже с по-голяма ярост от напред.

Ний българите, които не сме равни по вяра и народност с мюсюлманите, считали сме се от тях всякога за по-долни същества и, като са ни имали тъй винаги за техни роби, извършвали са над нас такива злодеяния и зверства, каквито напоследък Европа узна най-добре.

Многобройни султански актове и фирмани са се провъзгласявали до днес и толкова повече заповеди и наставления са се изпращали до управителите; но те нито една от тях са изпълнили и одържали. Султанът всякога е бил описван, че има най-дълбока любов към всички свои поданици без разлика на вяра и народност; обаче ний утвърждаваме, че всичко това е останвало написано само на книга.

И сега, когато последният султански акт тържествено прогласява равенство и обезпечение на всичките поданици, а великият везир уверява, че всичко това ще се изпълни и положи в дело; българското бедно население следва пак да е изложено на всякакъв вид злоупотребления от страна на мюсюлманите, и ний виждаме, че султановата любов към поданиците му, толкова хубава на теория, приема в практика формата на едно постоянно притеснение, изменявано понякога в случайни клания. Въпреки това отоманското правителство се старае днес пак, както обикновено прави след всеки нов издаден фирман, да събира благодарителни адреси от поданиците си, които да изразяват благодарност от отоманската конституция, и подобен благодарителен адрес се направи вече от тукашното

* См. прим. 5 к док. 333.

мюсюлманско население, който адрес с насилване от правителството подписа се и от българското население.

Обаче ний множественото население българи от Татар-Пазарджикското окръжие, макар и да сме подписали с принуждение от страх и против съвестта си един такъв адрес, от друга страна изповядваме пред ваше превъзходителство, че не вярваме вече никакви конституционни обещания от страна на отоманското правителство, и като възражаваме силно против насилствения начин, който употребява да събира подписи, протестираме в същото време тъй вземените принудително от нас подписи. Ний сме най-твърдо убедени, че освен проекта на великите сили никакви други преобразования не са от естество да направят българския народ да благоденствува. Ето защо ний не сме и не можем да бъдем благодарни никога от отоманската конституция.

Ний молим най-снисходително ваше превъзходителство да дадете внимание в желанията и убежденията на цялото наше българско население и, като се надеем в човеколюбивите старания и грижата, която имат за българския народ европейските правителства, оставаме в свършена покорност на вашето благоволение.

Християнските български жители от Татар-Пазарджик
и окръжието му *.

АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 13, л. 2 и об. Подлинник.

Перевод

Вена

Ваша светлость!

В то время как турецкое правительство заставляет так много говорить о своей конституции ², конечно, интересно узнать, как это правительство обращается с болгарским населением, с тем, чтобы заставить последнее заявить, что оно полностью удовлетворено.

Два болгарских делегата, Д. Цанков и Марко Д. Балабанов, которые уже имели честь устно обрисовать вашей светлости печальное положение, так же как и выразить пожелания своей нации ³, только что получили от болгарских жителей Татар-Пазарджикского округа, который, как известно, больше всего пострадал от жестокостей, совершенных турками в Болгарии, прошение в 6 экземплярах с просьбой передать его шести великим державам. Эта жалоба, написанная по-болгарски, с большим числом подписей, является наилучшим комментарием к искусственным реформам, с помощью которых турецкое правительство думало восторжествовать над единодушными решениями великих держав.

Мы, выполняя священный долг, возложенный на нас со стороны поверителей Татар-Пазарджикского округа, спешим представить вашей светлости один из экземпляров оригинала этой жалобы, сопровождая ее приложением — переводом на французский язык. Мы твердо уверены, что ваша светлость примет ее к сведению в интересах нашей несчастной нации, еще и сегодня подвергающейся постоянно даже со стороны правительства всевозможным притеснениям, жестокостям, эксцессам, обыскам, страданиям и обманам.

Мы просим вашу светлость принять заранее от имени этой нации нашу глубокую благодарность и имеем честь быть вашей светлости покорнейшими слугами

болгарские делегаты,

Марко Д. Балабанов и отсутствующий сейчас Д. Цанков,
разделяющий чувства своего коллеги.

* Далее следуют 16 печатей цезовых ремесленных организаций и 118 подписей граждан.

1. 25 января (6 февраля) 1877 г. к одному из членов болгарской делегации, посетившей Европу в целях получения поддержки держав, — Марко Балабанову, обратились жители Татар-Пазарджикского округа с просьбой переслать их обращение на имя шести великих держав, подписавших Парижский трактат 1856 г. Балабанов исполнил их просьбу, сопроводив каждый экземпляр кратким письмом на имя министра иностранных дел соответствующего государства. Данный документ является сопроводительным письмом к обращению на имя А. М. Горчакова (5, стр. 415—419).

2. 23 декабря 1876 г. была провозглашена конституция, составленная Мидхат-пашой. Она должна была сделать излишним обсуждение Константинопольской конференцией предложения о проведении реформ в Османской империи.

3. Во время пребывания их в Петербурге в декабре 1876 г. (см. 5, стр. 366).

№ 417

1877 г. февраля 15. — Письмо Д. Ф. Стурта А. А. Непокойчицкому о предполагаемой отправке болгарских добровольцев из Румынии в Россию

№ 76

Бухарест

Милостивый государь Артур Адамович!

Получив отношение вашего высокопревосходительства от 9-го сего февраля, №. . . относительно милостивого разрешения его императорского высочества главнокомандующего Действующей армией по вопросу о болгарских выходцах, находящихся ныне в Румынии, я не замедлил объявить решение его императорского высочества членам здешнего Болгарского человеколюбивого настоятельства, принявшим на себя заботу о продовольствовании пребывающих здесь болгарских волонтеров.

Выслушав с глубокою признательностью это сообщение, члены упомянутого настоятельства просили меня повергнуть к стопам его императорского высочества выражения глубокой их благодарности за оказываемую их соотечественникам новую милость. Вместе с тем они заявили мне полную готовность поддерживать болгарских выходцев до тех пор, пока будет признано возможным отправлять их в Россию, и оказать мне всевозможное содействие, дабы устранить поголовный переход к нам всех находящихся здесь добровольцев и по возможности ограничить число тех, которые будут подлежать отправлению в наши пределы.

Для достижения этой цели они предположили объявить эмигрантам, что настоятельства, истощив свои средства и не имея возможности долее поддерживать их, предлагает им приискивать себе работу в Румынии. Затем, прекратив таким образом помощь, которая была до сих пор выдаваема от имени всего настоятельства, члены оного предполагают продолжать оказывать вспомоществование, но уже как бы от имени отдельных благотворителей. Я не мог не одобрить такого предположения, так как оно, лишив болгар возможности рассчитывать на помощь настоятельства, которую они считают как бы обязательною, вместе с тем дает * необходимые средства тем, которые действительно затруднятся в приискании себе занятий.

Что же касается до отправления добровольцев в Россию, то оно может совершиться без всяких затруднений и без расходов со стороны полевого штаба, так как в моем распоряжении имеется еще весьма достаточная для этого сумма денег.

Сообщая вашему высокопревосходительству о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить благосклонных указаний о том, куда именно

* В документе ошибочно даже.

следует отправлять болгарских добровольцев и к кому их обращать, а также, будет ли разрешено мне не стесняться численностью партий или признается более удобным разделять все число отправляемых на партии примерно 40—50 человек.

К сему долгом считаю присовокупить, что с своей стороны я признавал бы более удобным не ограничивать слишком крайний предел численности таких партий, потому что при горячем стремлении болгар в Россию легко ожидать, что при первом известии о возможности отправиться туда явится значительное число желающих, которых будет весьма трудно сдерживать, кроме того нельзя не принять во внимание, что при сокращении движения по Кишиневско-Унгенской ветви до двух поездов в неделю передвижение в Россию 300—400 болгар потребует много времени, если будет совершаться очень малочисленными партиями.

О последующем я буду ожидать благосклонного уведомления вашего высокопревосходительства.

С отличным уважением и совершенною преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Д. Стурт

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, лл. 1—2 об. Подлинник.

№ 418

1877 г. февраля 15. — Из донесения русского консула в Скутари И. С. Ястребова о положении в Албании и о солидарности албанцев с Черногорией в борьбе против Турции

№ 26

Сношения между Черногорией и албанскими племенами¹ производятся весьма деятельно и, в случае возобновления военных действий между Турцией и княжеством, албанцы станут неминуемо на сторону последнего.

Вали Албании Дервиш-паша принимает меры для обессиления мирдитов², вокруг которых сплотились все остальные племена. Вождь их, Пренк-Дода, особенно ненавистен турецким властям, они желали бы от него избавиться и отправили с этой целью в Мирдитию Дод-Гегу, потомка одной из древнейших мирдитских фамилий, давно заявляющего притязания на верховную власть над своими соотечественниками. Эта интрига едва ли удастся, несмотря на то, что турки снабдили претендента значительную сумму.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 7, л. 167. Копия. Литогр. экз.

1. Дружественные отношения, существовавшие между Черногорией и северной Албанией со времени, когда вождем племени мирдитов являлся Биб-Дода, продолжали сохраняться при его преемнике Пренке-Доде. Между черногорцами и мирдитами происходили переговоры о совместном выступлении против турок (ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 5, д. 2, л. 670).

2. Ввиду подготавливаемого мирдитами восстания в январе 1877 г. Дервиш-паша направил в Албанию два батальона низама в дополнение к имевшемуся там войску численностью в 9 тыс. человек. Четыре роты охраняли укрепление Пуку (на северной границе мирдитов) и переправу Фирзу на р. Дрине, через которую албанцы могли получать из Черногории оружие и боеприпасы (ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 6, л. 439).

№ 419

1877 г. февраля 16. — Сообщение Одесского славянского благотворительного общества В. В. Левашову об отправке в Черногорию продовольствия и вещей

№ 988

Одесса

Одесское славянское благотворительное общество честь имеет уведомить ваше сиятельство, что с вашего дозволения оно отправило с пароходом «Одесса» в Каттаро на имя Г. П. Ромадановича, агента черногорского, в пользу черногорцев в распоряжение митрополита Иллариона под марками:

200 мешков пшеничной муки в двойных мешках,
47 мешков с 23 $\frac{1}{2}$ четвертями ржи,
34 мешка с 17 четвертями гирки,
13 мешков с 6 $\frac{1}{2}$ четвертями кукурузы,
54 мешка с 33 четвертями кукурузы,
7 ящиков с разного рода вещами, как видно по приложенному коносаменту.
И. д. председателя Степан Вучетич
Член правления В. Орлов

ГА Одесск. обл., ф. 2, оп. 2, д. 168, л. 83. Подлинник.

№ 420

1877 г. февраля 18. — Записка МИД, составленная по донесению А. Н. Кудрявцева, о расширении восстания в Западной Боснии

№ 27

По сведениям, дошедшим в Сараево, восстание на западе Боснии приняло угрожающие размеры: отряды восставших значительно усилились и умножились в продолжении перемирия и показали в настоящее время в таких местностях, где до сего времени все было спокойно. В Тетакском * округе Баньялукского санджака взяли за оружие 8 сел¹.

Турецкие власти стараются скрыть истину, но по мерам, принятым ими для подавления восстания, можно заключить, что оно их тревожит. 16 февраля из Сараево отправлено на запад два батальона пехоты при двух орудиях под начальством Изенет-паши **, которому поручено командование всеми турецкими силами, предназначенными для водворения порядка. Все передвижения войск производятся тайно, преимущественно ночью.

Ввиду усиленных военных издержек, в Боснии производится новый сбор по 15 пиастров с человека без различия вероисповеданий. Мусульмане и христиане одинаково ропщут на это и, может быть, придут к соглашению относительно совместного противодействия произволу притесняющей и разоряющей их администрации.

Православная община в Сараеве выкупает постепенно у турецких солдат награбленную ими церковную утварь, которую они, не стесняясь, продают на базарах.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 7, л. 205. Копия. Литогр. экз.

* В документе ошибка, следует: Тешаньском.

** Ошибка, следует: Исмет-паши.

1. В донесении консула А. Н. Кудрявцева от 18 февраля 1877 г., хранящемся в АВПр, фонд посольства в Константинополе, 1877 г., д. 2339, л. 13, сообщаются следующие данные: восстало много христианских сел между Травником и Баньялукой, и из Сараева были высланы в те места войска под начальством бригадного генерала Исмет-паши. «Последние известия, дошедшие до Сараева, говорят, что восстанцы (так в подлиннике. — *Ред.*) появились на всем западе Боснии, что христианские села около Варцара в Травникском санджаке поднялись и что даже в Тепаньском округе Баньялукского санджака восстали следующие села: Шнеготинья Верхняя и Нижняя, Чечеве, Лепеница, Обекремле, Детлак, Дрен и Осиня. Эти села имеют каждое от 150 до 200 домов» (см. также 102, стр. 265—266).

№ 421

1877 г. февраля 20. — Письмо Н. И. Браилко Н. К. Гирсу о необходимости вывода русско-болгарской добровольческой бригады из Сербии

№ 54

Ваше высокопревосходительство милостивый государь
Николай Карлович!

Состоя в должности начальника штаба бригады добровольцев, командуемой подполковником Милорадовичем и заключающейся из 700 болгар, арнаутов, старосербов и черногорцев, в составе двух тысяч, я на основании полученных телеграмм о заключении мира между Сербиею и Портою почтительнейше позволяю себе представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства действительное положение этой бригады.

В начале минувшего января подполковник Милорадович обращался к министру государственных имуществ с просьбою * иметь в виду этих людей, которые при заключении мира не могут оставаться в Сербии, а также, за исключением черногорцев, и возвратиться на родину при полнейшем недоверии их к возможной амнистии. Ответа на это письмо не последовало. Между тем, имея в виду, что при объявлении войны Россиею бригада эта должна будет войти в состав болгарского ополчения, я, исходатайствовав от славянских комитетов полное содержание е до 1 мая, тем не менее 14 февраля телеграфировал в Кишинев генерал-майору Столетову, прося его доложить о невозможности означенным добровольцам оставаться на сербской территории, если действительно мир будет заключен.

На средства, которые ассигнованы комитетами, бригада может быть доставлена в Бессарабскую губернию, так, по моим понятиям, и она должна окончить свою прошлую деятельность; в ней находится 82 русских офицера и более 20 юнкеров, положение которых, при совершенной неизвестности, крайне тягостно. Эти лица, нравственно связанные единственно положением своих подчиненных, не бросили их и не возвратились в Россию.

Обращаюсь к вашему высокопревосходительству с моею покорнейшею просьбою дозволить мне в назначенный час явиться к вам и изложить подробности, которыми письменно не смею затруднять вас.

С чувством глубокого почтения и уважения имею честь быть вашего высокопревосходительства почтительный слуга

Н. Браилко

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 205 и об., 210. Копия

* См. док. 403.

№ 422

1877 г. февраля 20 (марта 4). — Телеграмма Н. Г. Гартвига А. М. Горчакову о согласии Черногории одобрить заключение мира между Сербией и Турцией

Цетинье
Секретно

Сегодня получена от Ристича телеграмма. Князь Милан настоятельно просит согласия князя Николая на мир Сербии с Турцией. Князь Николай, хотя уверен, что переговоры его с Турцией от этого пострадают, решился предоставить вопрос на благоусмотрение князя Милана¹.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 7, л. 213. Копия. Литогр. экз.

1. После провала Константинопольской конференции Турция в январе 1877 г. начала переговоры о мире с Сербией и Черногорией (о черногоро-турецких переговорах см. примечания к док. 442). В качестве основы для переговоров с Сербией турецкое правительство выдвинуло статус-кво и удовлетворение следующих требований: запрет формирования вооруженных отрядов, создания тайных обществ на сербской территории для действий в соседних областях, допуск турецкого агента в Белград, подъем турецкого флага на белградской крепости, уравнивание в правах евреев и армян с остальным населением Сербии и отказ от сооружения новых укреплений. В противовес этому сербское правительство вновь подняло вопрос об исправлении турецко-сербской границы и потребовало присоединения Малого Зворника. Оно соглашалось принять турецкие требования, исключая пункты о турецком агенте и об уравнивании в правах евреев и армян, так как это затрагивало внутреннее законодательство страны. Турция решительно отвергла требование об исправлении границы, но согласилась исключить из договора два пункта, против которых протестовало сербское правительство. 2 февраля 1877 г. сербские делегаты Ф. Христич и Д. Матич выехали в Константинополь для мирных переговоров. 16 февраля был подписан мирный протокол, а 21 февраля он был опубликован в сербских газетах (73, стр. 232—233, 239—240; 39, стр. 378—381).

№ 423

1877 г. февраля 21 (марта 5). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о попытках английского поверенного в делах в Константинополе Жоселина облегчить наказание участников зверского подавления восстания в Болгарии

№ 79

Péra

Le chargé d'affaires d'Angleterre travaille activement pour obtenir la punition des individus qui avaient été reconnus coupables d'avoir provoqué ou exécuté des massacres en Bulgarie, mais auxquels on tarde toujours à faire subir leur peine. Votre altesse voudra bien de souvenir peut-être que la Porte avait proposé d'étendre l'amnistie demandée par la conférence pour les bulgares, à tous ceux qui se trouvaient compromis dans les événements de l'été dernier à quelque titre que ce soit, sans distinction de race et de religion. Par ce moyen les chef de bachibouzouks et les cruels ordonnateurs des horribles scènes qui avaient ensanglanté la Bulgarie échappaient à la peine qu'ils n'avaient que trop méritée. Une pareille combinaison ne pouvait être admise, mr Jocelin en vint à un accord avec Edhem-pacha pour partager les coupables dont les condamnations ont été déjà prononcées en deux catégories.

On mettrait dans la première ceux qui ont directement pris part ou ordonné des massacres.

La seconde comprendrait les instigateurs, les affiliés, en un mot tous ceux dont la participation immédiate et active n'aurait pas été prouvé. Ces derniers pourraient jouir de bénéfice de l'amnistie.

Pour les autres mon collègue pense qu'avec un travail persistant et une pression continue il pourra arriver à les faire exécuter. Ahmed-Agha-Pehlevan-Toussoun et quelques autres subiraient ainsi la peine capitale, «ce qui calmerait beaucoup l'agitation en Angleterre» —me dit-il.

Pourrait-on, monsieur le chancelier, ne point y voir une preuve de plus des sentiments, qui inspirent la politique orientale du cabinet Beaconsfield et dirigent l'activité de son ambassade à Constantinople.

Cette activité ne tend qu'à produire aux yeux du public anglais un mirage, dont les effets puissent être exploités par le ministère dans les vues personnelles, soit pour combattre les attaques de l'opposition * sur le terrain de la politique extérieure, soit pour détourner de cette dernière l'attention de l'opinion publique, afin de pouvoir y poursuivre plus à l'aise les plans dont les tendances à notre égard n'ont été que trop dévoilées par les dernières publications.

J'ai l'honneur . . .

ЦГВИА, ф. ВУА (с.), оп. 1, д. 7, лл. 227—228. Копия. Литогр. экз.

Перевод
Пера

Поверенный в делах Англии активно старается добиться наказания лиц, признанных виновными в том, что провоцировали или совершали убийства в Болгарии, но в отношении которых постоянно откладывают исполнение их наказания. Ваша светлость соблаговолит, может быть, вспомнить, что Порта предложила распространить амнистию, потребованную конференцией для болгар, на всех тех, кто был замешан в событиях прошлого лета, кто бы он ни был, без различия расы и религии. Тем самым вожаки башибузуков и жестокие инициаторы страшных событий, залившие кровью Болгарию, избегнут кары, которую они более чем заслуживают. Поскольку подобная комбинация не могла быть допущена, г-н Жоселин пришел к соглашению с Эджем-пашой о том, чтобы тех виновных, которым были уже вынесены приговоры, разделить на две категории.

В первую категорию войдут те, кто непосредственно принимал участие в убийствах или призывал их совершать.

Вторую составят подстрекатели, соучастники, словом все те, чье непосредственное и активное участие не будет доказано. Эти последние смогут воспользоваться правом амнистии.

Что касается остальных, то мой коллега считает, что при настойчивости и постоянном давлении можно добиться исполнения приговора. Ахмед-Ага-Пехлеван-Тусун и некоторые другие получают, таким образом, смертный приговор, «что весьма успокоит волнение в Англии», — сказал он мне.

Можно ли, господин канцлер, не видеть в этом свидетельство тех чувств, которые вдохновляют восточную политику кабинета Биконсфильда и направляют деятельность его посольства в Константинополе.

Эти действия имеют целью вызвать в глазах английской общественности лишь мираж, действие которого может быть использовано правительством в личных интересах, или для того, чтобы дать отпор оппозиции в области внешней политики, или отвлечь внимание общественности с тем, чтобы легче было осуществить здесь свои планы, направление которых, на наш взгляд, было достаточно раскрыто в последних публикациях.

Имею честь . . .

* Либеральная оппозиция Уильяма Гладстона.

1877 г. февраля 23. — Письмо Н. К. Гирса Д. А. Милютину
о необходимости разрешить вопрос о русско-болгарской
добровольческой бригаде

№ 485

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Некто Н. Браилко, называющий себя начальником штаба сербской бригады добровольцев, состоящей из болгар (до 700 человек), арнаутов, старосербов и черногорцев, — всего до 2 тыс. человек, под командою подполковника Милорадовича, обратился ко мне с письмом *, у сего в копии прилагаемым, в коем изъясняет безвыходное положение этих лиц, принужденных разойтись по домам.

Министерство иностранных дел уже затребовало сведения по этому предмету от генерального консула нашего в Белграде и по получении их полагало бы возможным принять следующие меры:

а) черногорцам Министерство может оказать содействие для возвращения на родину чрез Австрию и о пропуске их полагает снестись с посольством нашим в Вене;

б) старосербы и арнауты могли бы, по мнению Министерства иностранных дел, оставаться в Сербии, так как их легче будет оттуда, при первом удобном случае, отправить на родину;

в) что касается наших офицеров и юнкеров, то они могут возвратиться в отечество при пособии Славянского комитета ** и

г) что касается болгар, то положение их представляется самым затруднительным: лишенные всякой возможности возвратиться на родину, они останутся, в ожидании дальнейших событий, без всякого пристанища и без средств существования. Озабочиваясь их плачевною участью, Министерство иностранных дел не видит другого исхода, кроме принятия их под попечение нашего правительства. По мнению Министерства иностранных дел, этих лиц можно было бы подвести под разряд тех болгар, о коих состоялось известное вашему высокопревосходительству высочайше утвержденное 4 февраля сего года положение Комитета министров ***. Но, по мнению г. Браилко, который, вероятно, обратился уже лично к вашему высокопревосходительству, их следовало бы перевести всею партиєю в Бессарабию с тем, чтобы военное начальство наше взяло их под свое ведение, как людей, могущих принести пользу нашей армии.

Сообщая о вышеизложенном на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить почтить меня заключением вашим по сему предмету в возможно непродолжительном времени.

Примите уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

Н. Гирс

Резолюция Д. А. Милютина: Начальство армии не может явно принять в свое ведение турецких подданных, пока мы не в войне с Турциєю. К этому случаю вполне применяется положение Комитета министров 4 февраля. В случае же войны бол-

* См. док. 421.

** Помета на полях Д. А. Милютина к пункту «в»: Славянский комитет давно прекратил все свои действия относительно добровольцев.

*** См. док. 406.

гары могут вступить в те дружины, которые предполагают тогда формировать¹. В таком смысле полагаю дать ответ.

Д. М[илютин]. 23 февраля

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 204 и об., 211 и об., Подлинник.

1. Впоследствии в состав болгарского ополчения вошел оставшийся от русско-болгарской бригады отряд в 1056 человек (45, стр. 51).

№ 425

1877 г. февраля 24. — Письмо В. Ф. Кожевникова Н. К. Гирсу с приложением обращения представителей болгарского населения к А. М. Горчакову

№ 45

Руцук

Милостивый государь Николай Карлович!

Представители здешней болгарской общины вручили мне от имени своих сограждан адрес на имя господина государственного канцлера светлейшего князя Горчакова с просьбою доставить оный по назначению.

Считая долгом своим препроводить при сем означенный документ с французским переводом, как оный был мне доставлен, к вашему превосходительству, имею честь всепокорнейше просить вас, милостивый государь, соблагovolить передать оный по принадлежности.

При этом честь имею объяснить, что адреса одинакового же содержания посланы уже болгарскими чрез Драгана Цанкова кабинетам великих европейских держав.

С глубочайшим почтением и искреннейшею преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим и почтительнейшим слугою

В. Кожевников

АВПР, ф. СПб. ГА, V А₂, 1877 г., д. 772, л. 35 и об. Подлинник.

Приложение

1877 г. февраля 1 (13). — Обращение представителей болгарского населения городов Руцук, Тырново, Сливен, Тульча, Видин, Варна, Шумла, Сешифов к А. М. Горчакову о содействии осуществлению предложений великих держав на Константинопольской конференции

Руцук

Ваша светлость!

Българският народ вярваше, че свиканата в Цариград от 6-тиях велики сили конференция ще изсуши еднаж завсегда извора на ужасните му мъки и страдания, и ще му отвори път към мирът и благоденствието; но петвековният негов заклет враг парализира тази му надежда с отрицанието да приеме предложенията на речената конференция.

Турското правителство отхвърли предложенията на конференцията, като им срещуположи изработената от Мидхат-паша конституция. А каква облага излезе за угнетените християнски народи в Турция? Тя се обнародва официално на 23 декември 1876, следователно почти два месеца,

а ний днес не виждаме никакво изменение, както в начина на управлението на турската държава, тъй и в настроението на духовете на мусулманите. Навсякъде следват заплашвания за нови клания, обирите, убийствата, потурчванията на сила, обезчестяванията на жени и моми; навсякъде се оплаква народът и днес от онеправданията на съдилищата, от безмерните данъци и насилствени помощи, от заптията, войската и пр. — тъй както преди прогласяването на конституцията.

Преди да се нарече турската държава конституционна, ний българите се радвахме по-на едно духовно началство, придобито с толкова труд и жертви, след толкова годишна упорита борба с фанариотите; а сега и от него искат да ни лишат, по причина, че екзархът не рачил да даде благодарителна адреса за конституцията.

Наистина, на основание на конституцията, но без ни най-малко знание на народа, са избрали няколко лица, както по-сетне се чете из официалните вестници, а от българете, едни за представители в камарата, а други за каймаками и мюдюри; но както и от едните, тъй и от другите, като са избраха изключително от правителството и като са негови хора — чиновци, българският народ не очаква никакво добро; защото е убеден, че те във всичко ще изпълняват волята само на правителството, без да обръщат внимание на интересите на сънародниците си. При това вишегласието на парламента ще бъде всякога на турската страна, като числото на турските представители е несравнено по-голямо от християнските, тъй щото, ако и да предположим, че помежду тези последните ще се намерят и такива, които енергично ще бранят интересите на народите, на които принадлежат, пак техният гласче ще бъде «глас вопиющего в пустини»; защото всякога турското вишегласие ще ги оборва.

Следователно, заблуждение би било, ако българският народ очакваше нещо добро от прогласената конституция? Той вижда, че тя не е нищо друго, освен ново издание на поплеснелите в архивите на турското правителство, никога неосъществени, хати-хумаюни и хати-шерифи. Въобще той не ще се задоволи с никакви реформи, обещавани от турското правителство, без да се задължи то да гарантира за тях пред великите сили. Затуй българете насърчени от симпатиите, които показва вашето славно правителство чрез представителя си в бившата конференция към злочестините им през миналата година, и от готовността, с която се притече да им принесе помощите си, както и от благосклонното приемане на делегатите им от ваша светлост, осмеляват се да се отнесат до вас с покорнейша просба, за да съдействувате да се накара Портата да приеме предложенията на бившата конференция.

Няма човек в света, който като гледа целият исторически живот на турците, днешното им финансово банкрутство и крайната им сиромашия на подчинените им народи, при всичкото плодородие на земите, които населяват, и на тяхното трудолюбие, да не е убеден, че те не умеят да управляват, и че своят суров и див характер, който ясно се отрази в миналогодишните клания, с ожесточен средновековен религиозен фанатизъм, са за Европа в днешния просветен век един срамотен анахронизъм. Следователно, ако Европа отнеме управлението от ръцете на турското племе, на толкова красиви и плодородни страни и го връчи на техните собствени синове, пълни със жизнени сили, способни да се управляват сами несравнено по-добре, отколкото ги е управлявала до днес лишената и от най-елементарните познания турска администрация, ще извърши дело, за което ще ѝ бъдат признателни всичките бъдещи векове.

Вярващ, ваша светлост, че отчаяните гласове за помощ на един по най-жесток и безчеловечен начин, пред очите на просветена Европа, онеправдан, преследван, ограбван, обезчестяван и убиван многочислен християнски народ, ще намерят отзив в вашето благородно сърдце и че

надеждите му възложени на вас ще са осъществят напълно, ний ви молим да приемнете уверенията за дълбоките ни към вас почитания и уважения.

Ваши покорнейши слуги

представителите на българския народ из градовете *:

АВПР, ф. СПб. ГА, V A₂, 1877 г., д. 702, лл. 36—38 об. Подлинник.

№ 426

1877 г. феврала 26. — Письмо А. А. Непокойчицкого управляющему Одесской железной дорогой Н. М. Чихачеву о принятии на работу бывших болгарских волонтеров в Сербии

№ 38

Милостивый государь Николай Матвеевич!

Вследствие личных переговоров со мною, ваше превосходительство сообщили мне ваше согласие принять на работы на Одесской дороге около 300—400 болгарских выходцев, которые вследствие политических обстоятельств находятся в Румынии в самом бедственном положении, причем вы обусловили возможность приема этих людей тем, чтобы они были присланы не ранее 1 марта.

Так как срок этот подходит, а положение этих людей делается все более и более беспомощным, я прошу вас уведомить меня, могут ли быть высылаемы эти выходцы, куда именно, в каком числе и какая работа, на каких условиях им может быть предоставлена.

Прошу не отказать сообщить мне ответ в возможной скорости.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал начальник штаба
генерал-адъютант Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7430, л. 3 и об. Заверенная копия.

№ 427

1877 г. феврала 28. — Письмо М. П. Кауфмана Ф. Л. Гейдену о дополнительном ассигновании средств на снаряжение болгарского ополчения

№ 2

Весьма секретно

Милостивый государь граф Федор Логгинович!

Из препровожденного при письме вашего сиятельства от 14 минувшего января за № 17 перечня военным мерам, которые полагалось бы привести в исполнение по случаю прервания переговоров с Турцией, между прочим, видно, что признается необходимым сверх уже ассигнованных 100 тыс. руб. отпустить еще 12 тыс. руб. на дополнительную плату за обмундирование болгарских дружин и по этому пункту военный министр изволил сделать отметку о представлении особого доклада по интендантской части.

Так как для испрошения означенных 12 тыс. руб. в Главном интендантском управлении не имеется никаких данных, то не признаете ли ваше

* Далее следует 57 подписей.

сиятельство возможным испросить это дополнительное ассигнование по
Главному штабу.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Мих. фон Кауфман

Резолюция: Приказано выждать до разъяснения обстоятельств. 17 марта.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 242 и об. Подлинник.

№ 428

1877 г. февраля. 28. — Телеграмма А. М. Горчакова
Н. Г. Гартвигу о необходимости уступок со стороны Черногории
при заключении мира с Турцией

С.-Петербург

Секретно

Скажите князю, что желательно, чтобы умеренностью требований
своих доверенных он облегчил заключение мира ¹.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 7, л. 10. Копия. Литогр. экз.

1. Черногория начала мирные переговоры с Турцией значительно позднее Сербии. Еще во время заседаний Константинопольской конференции князь Николай направил 16 (28) января 1877 г. письмо сербскому правительству о необходимости быть готовым к возобновлению военных действий. Одновременно с этим Черногория выражала желание рассмотреть предлагаемые Турцией условия мира. В ответ на турецкие условия: статус-кво с изменением границ и удовлетворение четырех пунктов, изложенных князем Николаем в письме к великому визирю (см. прим. 1 к док. 5), Черногория согласилась 1 февраля начать мирные переговоры и предлагала направить для этого уполномоченных, избрав местом переговоров г. Вену. Вследствие настояний Порты, чтобы переговоры велись на турецкой территории, 4 февраля 1877 г. князь Николай дал согласие на проведение их в Константинополе (ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 6, л. 214; д. 7, лл. 14, 27, 42) и 8 (20) февраля 1877 г. направил в Константинополь для мирных переговоров Божо Петровича и Станко Радоница (ОР ГБЛ, ф. 43, к. 7, д. 35).

№ 429

1877 г. марта 1. — Письмо А. М. Милорадовича К. Цанкову
о разрешении переселения в Россию болгар из русско-болгарской
добровольческой бригады

Кишинев

Многоуважаемый г-н президент!

Несмотря на некоторые затруднения к переводу болгар в Россию, представления мои взяли верх. Я остаюсь на несколько дней в Кишиневе в ожидании моего начальника штаба, который должен приехать сюда с приказаниями от нашего министра насчет моих болгар.

Адъютант мой вам все сообщит подробно.

Прошу вас, сделайте мне одолжение, помогите моему адъютанту небольшой суммой в 20 дукатов на проезд в Кладово, Белград и обратно. Вы меня крайне этим обяжете. Как только мой начальник штаба приедет в Кишинев, я сейчас же отправлюсь в Кладово, и сам переведу болгар в Россию.

Иван Степанович Иванов надеется сформировать их еще более в случае надобности.

До свидания, кланяйтесь Енчеву и всем нашим. Искренно вам преданный

Александр Милорадович

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, лл. 277—279. Автограф.

№ 430

1877 г. марта 2. — *Отношение Н. К. Гирса Д. А. Милютину об установлении надзора за прибывающими в Россию болгарскими эмигрантами*

№ 565

Высочайше утвержденным 4 февраля сего года положением Комитета министров о содержании на первое время прибывающих в Россию болгар и других славянских выходцев, принимавших участие в войне на Балканском полуострове, между прочим, представлено Министерству иностранных дел установить по соглашению с министрами военным и внутренним дел и главным начальником III отделения собственной его императорского величества канцелярии меры надзора за упомянутыми выходцами со стороны местных начальств.

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству копию с полученного уже по сему предмету отзыва г. министра внутренних дел от 21 февраля 1877 года за № 540¹, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, сообщить мне заключение ваше о том, не встречается ли с вашей стороны препятствий к приведению в исполнение предлагаемых генерал-адъютантом Тимашевым мер.

Товарищ министра Н. Гирс
За директора Мельников

Резолюция Д. А. Милютин: Гл[авный] шт[аб]. Мне кажется, что можно согласиться с мнением мин[истра] внутр[енних] дел. Д. М[илютин] 4 марта.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 219 и об. Подлинник.

1. В упомянутом отношении от 21 февраля 1877 г. на имя Н. К. Гирса А. Е. Тимашев рекомендовал поручить бессарабскому губернатору надзор, устройство и размещение болгарских добровольцев и других участников сербско-турецкой войны, прибывающих в Россию (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 220—221 об., 223).

№ 431

1877 г. марта 3. — *Отношение Н. К. Гирса Д. А. Милютину о разрешении переселения в Россию болгар из русско-болгарской добровольческой бригады*

№ 606

По случаю заключения мира с Турцией, сербское правительство определило распустить бригаду добровольцев, в коей, между прочим, находилось до 650 болгар. По доведении о сем до высочайшего сведения, государь император повелеть соизволил применить к сим болгарам высочайше

утвержденное 4-го сего февраля положение Комитета министров, в силу коего таковым лицам разрешено переходить в наши пределы.

О таком высочайшем повелении считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству для сведения, присовокупляя, что Министерство иностранных дел с своей стороны снабдило дипломатических агентов наших в Белграде и Бухаресте надлежащими на сей предмет указаниями.

Товарищ министра Н. Гирс
За директора Мельников

Резолюция Д. А. Милютина: Гл[авный] шт[аб]. Сообщить начальству Действующей армии. Д. Милютин | 4 марта.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 224 и об. Подлинник.

№ 432

*1877 г. марта 3 (15). — Телеграмма русского посла в Вене
Е. П. Новикова А. М. Горчакову о расширении восстания
в Боснии*

Вена

Секретно

Schatokhine télégraphié d'hier *. Восстание в Боснии сильно растет и систематично организуется. Австрийские комитеты пограничных городов, кои ныне располагают значительно большими средствами, чем прежде, энергически поддерживают его. Деспотович имеет 2 тыс. хорошо вооруженных людей. Турки сильно этим озабочены.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 55. Копия. Литогр. экз.

№ 433

*1877 г. марта 6. — Донесение русского вице-консула в Тульче
А. Е. Василевского в русское посольство в Константинополе
об усилении турецких репрессий в Тульче*

№ 59

Назначение представителями христианского населения Тульчинского округа туркофилов болгар Димитраки и Стефанаки Феодоровых весьма скоро отозвалось крайне неблагоприятными последствиями на проживающих в Тульче болгар[ах]. С последнею почтою из Константинополя дано приказание паше арестовать всех тех болгар, которые не сочувствуют учреждению конституции. Таких болгар у нас насчитывают до 20 человек **. Пять болгар уже арестованы и заключены в тюрьму. Один из преследуемых полициею секретно ночью отправился в Измаил, а другой по требованию властей в 24 часа, без всякого суда и допроса, вынужден был выехать с семейством в Галац. Аресты продолжаются.

Наш подданный Георгий Карловский также подвергся преследованию полиции. Губернатор по своей бесхарактерности и сознанию невинности впавшего в детство старика Карловского, не желая лично входить со мною в переговоры по поводу взводимой на него клеветы, тем не менее отдал приказание полиции хитростью заманить его в кофейню, откуда

* Шатохин телеграфировал вчера (фр.).

** См. приложение к док. 416.

он имел быть немедленно отправлен в Галац. Старик же Карловский, узнав о злом умысле паши, перестал выходить из своего жилища, отвечая на ласковые предложения полицейских чиновников посетить друзей своих, что он по слабости лет не может исполнить их желания. В дом к нему полиция пока еще не приходила, но Карловский беспокоится и почти уверен, что самоуправные и своевольные турки в скором времени силою выведут его из дома и отправят из Тульчи, куда им будет угодно. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7458, л. 67 и об. Копия.

№ 434

1877 г. марта 8. — Из донесения И. С. Ястребова
А. И. Нелидову о неудачной попытке турок организовать
выступление некоторых албанских племен против Черногории

№ 38

Скутари

Дервиш-паша снова сделал попытку склонить горных албанцев помочь ему в действиях против Черногории и Мирдитии, но встретил с их стороны решительный отказ.

Мирдиты согласились снабдить припасами блокированное ими турецкое укрепление Пуку. По последним сведениям, вождь их Пренк созывал на днях народное собрание¹, на котором присутствовали представители почти всех горных племен Албании. Решение этого собрания пока неизвестно.

Между князем Николаем и Дервиш-пашою состоялось соглашение о провозе чрез Белопавлочи провианта для Никшича². Наблюдение за его отправкою из Скутари будет поручено особому черногорскому комиссару.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 115. Копия. Литогр. экз.

1. Народное собрание состоялось 8 (20) марта 1877 г. в Орше — главном городе Мирдитии. Собрание вынесло решение об изгнании из племени мирдитов всех родственников и приверженцев турецкого ставленника Доде-ага. Решение собрания было немедленно приведено в исполнение (ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 214).

2. Снабжение Никшича производилось с большими жертвами для турок. Когда в Герцеговине вспыхнуло восстание, то повстанцы осадили Никшич и препятствовали подвозу продовольствия. Зимой 1875 г. с разрешения князя Николая доставка продовольствия в осажденный город происходила чрез Черногорию. Однако с возобновлением военных действий в Герцеговине весной 1876 г. князь Николай не позволил снабжать Никшич чрез Черногорию. Население отказывалось предоставлять туркам лошадей. Только один раз при помощи военной силы туркам удалось из 700 необходимых для подвоза провианта лошадей добыть 70 и доставить продовольствие в осажденный город. Полицейский, пытавшийся силой отнять у крестьянина лошадь, был убит (ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 214; 39, стр. 298).

№ 435

1877 г. марта 12 и 19. — Записка МИД, составленная
по донесениям консула в Солуни, о грабежах и насилиях турок

Несколько болгарских девушек, взятых при разорении Батака, оказались, по частным сведениям, в гаремах Сереса.

В Солунь доставляют значительное число церковных сосудов, скупленных еврейми для отправления чрез солуньскую таможню в Константинополь.

Комиссия, назначенная Портою по делу о разграблении села Пожарско, при всем желании скрыть подробности этого дела, открыла, что село было разграблено толпою мусульман из 300 человек, что женщины и девушки были изнасилованы, а церковь разграблена.

Солдаты и черкесы бродят по селам, занимаясь грабежом, между прочим, они ограбили церковь в селении Колешино, монастырь св. Петра на Олимпе, весьма богатую церковь в Киречь-Кей близ самого Солуня и сожгли митрополию Дибрского митрополита посредством керосина.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 307. Копия. Литогр. экз.

№ 436

1877 г. марта 12. — Письмо Н. В. Мезенцова И. С. Аксакову о запрещении Московскому славянскому комитету направлять добровольцев в Черногорию и о недовольстве Александра II речью И. С. Аксакова 6 марта 1877 г.

№ 76

Милостивый государь Иван Сергеевич!

До высочайшего государя императора сведения дошло, что Славянский комитет приступил вновь к отправлению в Черногорию офицеров и нижних чинов-добровольцев, с целью принять участие в могущих возникнуть там военных действиях. Его величеству благоугодно было повелеть мне предупредить вас, м[илостивый] г[осударь], чтобы действия ваши по этому предмету не имели бы дальнейшего продолжения, так как подобное отправление несовместимо в настоящее время с мероприятиями императорского правительства, клонящимися к успешному окончанию мирных переговоров. К сему государь император присовокупить изволил, что, ознакомившись с содержанием сказанной вами речи в заседании Славянского комитета 6-го числа текущего месяца¹, он по поводу ее выражает вам крайнее свое неудовольствие и изволил надеяться, что вы впредь остановитесь в дальнейшем следовании на избранном вами пути.

Примите и проч.

Подписал Н. Мезенцов

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1875 г., д. 84, продолж. III, л. 172 и об. Заверенная копия.

1. И. С. Аксаков в речи, произнесенной 6 марта 1877 г. на заседании Московского славянского комитета, весьма резко осуждал русскую внешнюю политику, упрекая русскую дипломатию в уступчивости и бездействии (1, стр. 236—251). Номера «Московских ведомостей» и «Современных известий», где она была помещена, были конфискованы.

№ 437

1877 г. марта 14. — Из политического обзора начальника Плоцкого губернского жандармского управления П. Н. Першина о настроениях польского населения губернии в связи с событиями на Балканах

Секретно

Досужие умы населения Плоцкой губернии в продолжение минувшего 1876 года были главным образом заняты решением Восточного вопроса и обсуждением новой судебной реформы, причем так называемая

интеллигенция отнеслась к этим вопросам с обычным своим легкомыслием, прикраивая их, как и всякое сколько-нибудь значительное событие, только к лекалам своих местных, узких интересов и несбыточных политических ожиданий. При начале движения в Герцеговине и Боснии поляки настолько сочувственно отнеслись к делу южных славян, что высшая администрация края имела основание опасаться излишнего неблагоразумного увлечения со стороны молодежи, а в Плоцкой губернии местами готовились даже пожертвования в пользу пострадавших, но когда Ватикан высказался сторонником Турции и, в особенности, после известной речи архиепископа Ледоховского в Риме *, сочувствие сразу остыло и пожертвования не только не состоялись, но к ним стали относиться даже как бы враждебно. Так было в г. Млаве, где за несостоявшимся польским спектаклем в пользу южных славян дан был спектакль русский, на котором не присутствовал никто из местных жителей, а две дамы-польки (из семейств чиновников), принявшие личное участие в этом спектакле, как свидетельствует уездный начальник, долго преследовались общим пренебрежением за свою смелость и пожертвование. А позже, когда роль России в Восточном вопросе достаточно выяснилась и можно было ожидать вооруженного столкновения ее с западными державами, настроение местного населения выразилось нелепыми толками и слухами, которые, переходя из уст в уста, разрослись в какую-то тайную организацию в среде служащих на здешних железных дорогах; в Варшаве, по слухам, оказались огромные склады оружия и пороха, а за Краковом вооруженная банда в 15 тыс. человек, готовая вторгнуться в пределы края [. . .]

Полковник Першин

ЦГИАМ, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 37, л. 56 и об. Подлинник.

№ 438

1877 г. марта 17. — Из докладной записки Ф. Л. Гейдена
Д. А. Милютину о порядке командирования офицеров
в болгарское ополчение

Согласно ходатайства его императорского высочества главнокомандующего Действующею армиею **, высочайшим повелением, 23 минувшего ноября состоявшимся, разрешено командировать в главную квартиру армии офицеров из разных частей войск для предполагаемого к сформированию болгарского ополчения ¹ на следующих основаниях:

а) выбранных офицеров считать временно командированными в главную квартиру Действующей армии, но не занимающими вакансий в своих частях;

б) единовременные пособия выдать им, применяясь к положению о сих пособиях в военное время и согласно предположению его высочества;

в) в частях, из коих командируются означенные офицеры, приготовить все необходимое для отправления их по назначению, но тем из них, которые не будут отправлены в армию немедленно, пособия и путевое довольствие выдать не ранее востребования этих офицеров в армию;

г) из числа поименованных в списке штаб- и обер-офицеров, тем, кои по занимаемым ими ныне должностям получают столовые деньги, оставить

* По слухам, сказанной на тему угнетения католической церкви и в пользу восстановления Польши.

** См. «Българското опълчение», т. I, София, 1956, стр. 53—54.

таковые впредь до возвращения их в полки или до получения в предполагаемых дружинах соответственных по содержанию должностей.

Означенное высочайшее повеление, без объяснения цели командировки, было сообщено подлежащим начальникам дивизий и управлениям для исполнения, и назначенные к немедленному командированию в Кишинев офицеры были отправлены [. . .]

Генерал-адъютант Гейден

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, лл. 216—217. Подлинник.

1. По соображениям международно-политического характера русское правительство не могло приступить открыто к формированию болгарского ополчения до апреля 1877 г. Все это время было посвящено подготовительным мероприятиям, как-то: составлению правил и штатов формирования болгарского ополчения, подбору русских кадров из офицерского состава и нижних чинов, заготовке обмундирования и снаряжения для ополченцев. Эти меры проводились под видом образования «почетного конвоя» главнокомандующего. Формирование ополчения официально началось 31 марта 1877 г. в Кишиневе. Здесь было создано три дружины из ополченцев-болгар общей численностью в 700 человек и 100 русских кадровых нижних чинов. Эти дружины стали основой будущих трех бригад. Затем из Одесского военного округа было прислано 137 человек из числа болгарских волонтеров в Сербии и 208 болгар из поселений на юге России, служивших в составе войск округа (см. док. 345 и примечания к нему).

Уже 12 апреля, в день объявления войны, болгарские дружины участвовали в параде войск в Кишиневе. Д. А. Милютин в своем дневнике, похвально отзываясь о болгарских ополченцах, записал, что болгарские дружины имели «вид весьма внушительный» (51, т. II, стр. 157). Дальнейшее формирование ополчения проходило в г. Плоешти, в Румынии, где три дружины были развернуты в три бригады (по две дружины каждая).

№ 439

1877 г. марта 17 (29). — Донесение А. И. Нелидова
А. М. Горчакову о военных приготовлениях Турции

№ 111

Péra

La Porte a été vivement alarmée dans les premiers jours de cette semaine par des nouvelles arrivées de Londres. Musurus-pacha l'informait que les négociations entre la Russie et l'Angleterre étaient rompues, et que la guerre était considérée comme imminente par les ministres anglais eux-mêmes¹. Il invitait en conséquence la Porte à prendre immédiatement des mesures défensives pour parer à une agression subite de notre part.

A la suite de ces informations un conseil a été réuni au palais dimanche et il y a été décidé.

1) de faire immédiatement une nouvelle émission de kaïmes pour une somme d'environ 10 000 000 de livres.

2) d'appeler sous les drapeaux les moustahfis (5-e* ban de rédif) au nombre de 120 mille hommes et

3) de rappeler de la mer de Marmara l'escadre cuirassée qui y croisait et de la faire mouiller à l'entrée du Bosphore. La revue navale qui devait avoir lieu lundi prochain a été ajournée.

En même temps Moukhtar-pacha a reçu l'ordre d'aller prendre possession de son poste à Erzerum, et une activité redoublée a été déployée pour le débarquement et l'expédition du matériel de guerre, qui ne cesse d'arriver de l'étranger.

L'idée que la guerre allait éclater était généralement répandue, malgré une certaine assurance dont les turcs faisaient parade le dernier temps. L'immi-

* В тексте, очевидно, ошибка. Следует читать: 3-е бан.

nence d'un conflit a pourtant produit un effet plutôt déprimant sur l'opinion publique.

Cette alerte n'a pourtant pas été de longue durée. Dès lundi soir le chargé d'affaires d'Angleterre * a reçu des nouvelles plus rassurantes de Londres, et lorsque mardi matin le premier drogman de l'ambassade impériale ** est allé entretenir Safvet-pacha de l'affaire du Monténégro ***, il l'a déjà trouvé moins alarmé.

Cependant la sécurité est loin d'être rentrée dans les esprits. Dans l'intérieur on s'attend généralement à la guerre qu'on croit inévitable, et préparatifs militaires continuent sur une vaste échelle.

J'ai l'honneur d'être etc.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, лл. 263—264. Литогр. экз.

Перевод

Пера

В первые дни этой недели Порта была сильно встревожена сообщениями, пришедшими из Лондона. Мусурус-паша сообщал, что переговоры между Россией и Англией прерваны и что даже сами английские министры рассматривают войну, как неизбежность ¹. Соответственно он предлагал Порте принять немедленно оборонительные меры, чтобы отбить внезапное нападение с нашей стороны.

Вследствие этих сообщений в воскресенье во дворце был собран Совет и на нем было решено:

- 1) немедленно провести новый выпуск ассигнаций на сумму около 10 млн. ливров;
- 2) призвать мустахфис (3 разряд запаса редифов) в количестве 120 тыс. человек и
- 3) отозвать с Мраморного моря эскадру броненосцев, крейсировавшую там, и поставить ее на якорь у входа в Босфор. Морской парад, назначенный на следующий понедельник, отложен.

Одновременно Мухтар-паша получил приказ отправиться на свой пост в Эрзерум, и была развернута усиленная деятельность по погрузке и отправке военных материалов, постоянно прибывающих из-за границы.

Мысль о том, что война вот-вот разразится, распространена повсюду, и, несмотря на некоторую уверенность, которой турки бравировали в последнее время, неизбежность конфликта произвела на общественное мнение скорее подавляющее впечатление.

Но эта тревога продолжалась недолго. В понедельник вечером поверенный в делах Англии получил из Лондона более утешительные новости, и когда во вторник утром первый драгоман императорского посольства беседовал с Савфет-пашой по поводу Черногории, он нашел его уже менее встревоженным.

Однако неуверенность не совсем еще покинула умы. Повсюду ожидают войны, которую считают неминуемой, и военные приготовления продолжают в широком масштабе.

Имею честь и пр.

1. Мусурус-паша — турецкий посол в Лондоне — неправильно и провокационно информировал о прекращении переговоров между русской и английской стороной, хотя после отъезда Н. П. Игнатъева из Лондона 22 марта н. ст. переговоры о подписании заключительного протокола Константинопольской конференции продолжал П. А. Шувалов. Они завершились подписанием 19 (31) марта так называемого Лондонского протокола. Слухи о возможности англо-русской войны усиленно распространялись в это время английской печатью. В правительственных кругах Англии был подготовлен план захвата Дарданелл (90, стр. 265).

* Жоселин.

** М. К. Ону.

*** По вопросу о перемирии с Черногорией.

№ 440

1877 г. марта 18 (30). — Донесение Д. Ф. Стурта А. М. Горчакову об условиях, поставленных румынским правительством при подписании военной конвенции с Россией

Бухарест

Секретно

Братиано, а также князь соглашаются на подписание конвенции *под условием предупреждения их за две недели* * о дне объявления войны, дабы иметь время собрать армию и созвать палаты ¹, сессия коих оканчивается двадцатого марта; в промежуток этот подписанная конвенция могла бы быть отправлена в Петербург для ратификации. Братиано предвидит большие затруднения с кредитными билетами, просит оставить прежний текст ², говоря: как войдем в страну, можно будет заключить дополнительное условие об этом **. Сношения Румынии с Турцией очень натянуты. Переход турок под первым предлогом в Калафат ³ считается несомненным.

АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 17, л. 120 и об. Копия.

1. Румынский парламент состоял из двух палат — Сената и Собрания депутатов.

2. Согласно первоначальному варианту ст. 23 конвенции, финансовые расчеты за помощь и услуги, оказанные русским войскам во время их продвижения через территорию Румынии со стороны румынских властей, железнодорожных компаний и частных лиц, должны были производиться исключительно звонкой монетой (золотом или серебром). Подобное условие вызвало категорические возражения со стороны министра финансов. Князю Карлу и И. Братиану было предложено изменить текст ст. 23 конвенции. Разногласия между Россией и Румынией по редакции этой статьи затруднили в известной мере подписание конвенции.

3. Участок Дуная Калафат-Видин считался одним из наиболее удобных для вероятной переправы турецких войск на левый берег реки.

№ 441

1877 г. марта 21. — Письмо БЦБО в Московский славянский комитет о желании иностранных добровольцев, сражавшихся в Сербии, служить в рядах русской армии

№ 324

Честь имеем сообщить вам, что 26 февраля в общем собрании члены Болгарского центрального благотворительного общества рассмотрели отчет, составленный комиссией, специально для этого назначенной, извлечение из которого, касающееся собственно денег, полученных от Московского славянского благотворительного комитета, мы считаем обязанностью послать вам.

Не лишним считаем сообщить вам также, что с некоторого времени, кроме болгарских волонтеров, массами приезжающих из Сербии, есть и очень много немцев, итальянцев и австрийских сербов, сражавшихся на Ибаре. Все они изъявляют желание ехать в Россию с целью поступить

* Подчеркнуто Александром II и на полях против этих слов им сделана помета: Это трудно сделать, так как мы сами не знаем, когда придется нам начать действовать.

** Против фразы Братиано... об этом помета Александра II: Мин[истерство] фин[ансов] не может на это согласиться.

там на службу, но, не имея средств, остаются в Бухаресте, принужденные за неимением работы оставаться по целым дням голодными. Центральное общество некоторое время отпускало небольшую сумму на их содержание, но когда и у него кончились средства, оно перестало им выдавать, отчего их положение еще более ухудшилось.

Что касается волонтеров двух болгарских батальонов, бывших под командою госп[одина] полковника Милорадовича, мы с особенным удовольствием спешим вам сообщить, что вследствие ходатайства нашего перед русским правительством мы получили через барона Димитрия Федоровича Стурта, российского генерального консула в Бухаресте, известие о разрешении сформирования особых болгарских батальонов в Кишиневе, в которых примут участие и волонтеры вышеупомянутых двух батальонов, на днях переезжающих в Кишинев.

Наконец, мы считаем себя счастливыми, что можем еще раз благодарить Московский комитет за ту помощь и сочувствие, которые он нам оказывал всегда во все время нашей деятельности.

Примите уверение в нашем искреннем к вам почтении и преданности.

Председатель К. Цанков

Секретарь П. Енчев

ЦГИАМ, ф. 1750, д. 89, л. 44 и об. Подлинник. Печать БЦБО

№ 442

1877 г. марта 24 (апреля 5). — Донесение А. И. Нелидова
А. М. Горчакову о демарше перед турецким правительством
в поддержку требований Черногории

Péga

Votre altesse ayant bien voulu m'enjoindre par son télégramme secret du 22, d'insister auprès de la Porte pour qu'elle accepte les propositions déjà réduites du prince Nicolas ¹, j'ai profité de ma courte entrevue d'hier avec Safvet-pacha pour m'acquitter de cet ordre. Le ministre répéta ce qu'il m'avait déjà dit précédemment que le prince ferait bien de se désister pour le moment de trois points Niksitch, Kolachine et les Koutchi, auxquels la Porte ne pouvait adhérer. Dans l'état d'excitation où se trouve actuellement l'opinion publique turque, me dit Safvet-pacha, le gouvernement ne peut rien faire, et il faudrait remettre cette question à plus tard.

Je fis observer en réponse que les grandes puissances, — la Russie en particulier, — recherchaient une pacification durable, et ne voudraient pas consacrer un état de choses qui laissât un motif déterminé à de nouvelles revendications; que d'ailleurs, — selon mon intime conviction, le gouvernement avait le pouvoir de faire accepter avec approbation, tant par la Chambre que par le public, les sacrifices relativement insignifiants aux prix desquels il pouvait acheter l'entente avec le Monténégro, qui était une condition essentielle de la paix générale, dont les voies étaient aplanies par les documents que je venais de lui communiquer.

J'ai lieu de croire, monsieur le chancelier, que si Safvet-pacha était libre d'agir personnellement, il aurait peut-être fini par consentir aux demandes des monténégrs. Mais intimidé par les menaces que prodigue le parti del'acti-
on, par les manifestations patriotiques de la Chambre et par les dispositions belliqueuses qui prévalent au palais, il n'ose pas d'agir avec résolution.

C'est aujourd'hui que les délégués du prince Nicolas doivent, sur un ordre venu de Cettigné, présenter encore une fois leurs demandes à la Porte et solliciter qu'une réponse leur soit donnée avant l'expiration de l'armistice, pour pouvoir, en cas de refus, quitter aussitôt après Constantinople ².

Tous les symptômes que j'ai pu recueillir sur les dispositions des turcs à l'égard des demandes monténégrines me confirment dans l'opinion exprimée plus d'une fois dans mes humbles rapports, que la Porte ne consentira pas à la cession de Niksitch et de Kolachine, — et surtout du premier de ces points. Dans l'état actuel des esprits, on est presque content ici d'avoir un motif pour entrer en lutte ouverte, au lieu de continuer l'état d'incertitude, — pénible pour tout le monde.

Le chargé d'affaires d'Angleterre n'avait pas encore reçu hier l'ordre de s'associer à la démarche que j'ai faite en faveur d'un arrangement avec le Monténégro. Il avait été chargé de faire des représentations à la Porte pour l'engager à procéder, d'accord avec la principauté, au repatriement des émigrés. Mais ainsi qu'il voulut bien reconnaître lui-même une pareille recommandation était sans objet, car aussi longtemps que la paix ne serait pas définitivement rétablie aux alentours de la Montagne Noire, et les soldats turcs — rentrés dans leur condition primitive de citoyens plus ou moins paisibles, — il n'y avait pas à attendre que les réfugiés voulussent risquer d'aller s'exposer dans leur patrie aux vexations et brutalités qui leur avaient fait prendre le chemin de l'exil.

J'ai l'honneur d'être. . .

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, лл. 359—360. Копия. Литовск. экз.

Перевод

Цера

Ваша светлость соблаговолили предписать мне в своей секретной телеграмме от 22-го настаивать перед Портой, чтобы она приняла уже сокращенные требования князя Николая ¹. Я воспользовался моей вчерашней короткой беседой с Савфет-пашой, чтобы выполнить это приказание. Мишистр повторил, то что он мне говорил перед этим, что князь хорошо делает, отказываясь в настоящий момент от трех пунктов — Никшича, Колашина и Куч. Эти условия Порты не может принять. «При том состоянии возбуждения, в котором находится сейчас общественное мнение Турции, — сказал мне Савфет-паша, — правительство ничего не может сделать, и нужно отложить этот вопрос на более позднее время».

Я заметил в ответ, что великие державы и особенно Россия добиваются длительного перемирия и не желают закреплять такое положение вещей, которое оставляет определенный повод для новых притязаний; кроме того, по моему личному убеждению, правительство имеет в своих руках власть, чтобы добиться согласия как палаты, так и общественного мнения принять жертвы, относительно незначительные, ценой которых оно могло приобрести соглашение с Черногорией, являющееся основным условием всеобщего мира, пути для которого были расчищены документами, только что сообщенными ему мною.

У меня есть основания верить, господии канцлер, что если Савфет-паша мог бы действовать самостоятельно, он, вероятно, согласился бы на требования черногорцев. Но запуганный угрозами партии действия, патриотическими манифестациями палаты и воинственными настроениями, господствующими при дворе, он не осмеливается действовать решительно.

Сегодня делегаты князя Николая, по приказу из Цетинье, должны еще раз представить свои требования Порте и добиваться, чтобы ответ был дан до истечения перемирия с тем, чтобы иметь возможность в случае отказа тотчас покинуть Константинополь ².

Все сведения, которые я мог собрать о намерениях в отношении требований черногорцев, утверждают меня в мнении, не раз выраженном в моих почтительнейших

донесениях, что Порта не согласится на уступку Никшича и Колашина, особенно первого из этих пунктов. При нынешнем настроении умов здесь почти довольны тем, что есть предлог вступить в открытую борьбу, вместо того, чтобы продолжать тягостное для всех состояние неизвестности.

Поверенный в делах Англии вчера не получил еще распоряжения присоединиться к демаршу, который я сделал в пользу соглашения с Черногорией. Ему было поручено сделать представления Порте с тем, чтобы обязать ее приступить к репатриации эмигрантов по соглашению с княжеством. Но как он соблаговолил сам признать, подобный совет был бесполезным, так как до тех пор, пока мир не будет решительно установлен в окрестностях Черногории и турецкие солдаты не вернутся к их прежнему состоянию более или менее мирных граждан, нельзя ожидать, что беженцы захотят рисковать и подвергаться на своей родине притеснениям и жестокостям, заставившим их покинуть родину.

С глубочайшим почтением имею честь быть. . .

1. 18 февраля 1877 г. черногорские делегаты Божо Петрович и Станко Радонич прибыли в Константинополь для мирных переговоров. Первоначально в ходе переговоров черногорская сторона в качестве территориальных возмещений потребовала присоединения Никшича с прилегающей к нему равниной, территориальных уступок со стороны Албании, включая правый берег р. Морачи и Спуж, и предоставления выхода в Адриатическое море, желательно Спич. Турция решительно выступила против присоединения к Черногории Никшича, Колашина и Куч и потребовала передачи ей территории черногорских вассалов, а вместо Спича обещала предоставить другой порт, пошла навстречу в вопросе об урегулировании свободного плавания по р. Бояне и соглашалась нести расходы по ее мелиорации (71, стр. 143, 144, 146; ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 183).

2. Несмотря на предварительные обещания, Турция отвергла требования Черногории. Все уступки турецкого правительства сводились к предоставлению права свободного передвижения по р. Бояне без передачи Черногории порта на Адриатическом море и к небольшим территориальным исправлениям границ (71, стр. 149).

№ 443

1877 г. марта 25. — Письмо А. А. Непокойчицкого Д. А. Милутину о просьбе румынского правительства оказать военную помощь

№ 2672

Кишинев

Секретно

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич!

Русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте барон *Стюарт*, а равно находящийся там в командировке полковник Генерального штаба *Бобриков* доносят, что румынское правительство снова начинает побаиваться возможности войны и, предвидя могущие быть для Румынии опасности, снова обращается с просьбами о присылке орудий большого калибра, торпед, офицеров для осмотра мест, за которые румыны в особенности побаиваются (Браила-Галац, Журжево и Калафат), наконец, 1000, вместо просимых прежде 500, лошадей для сформирования полевой артиллерии ¹.

С такою просьбою обратился к Бобрикову сначала Братиано, а потом князь Карл в нарочно для этого назначенной аудиенции.

Братиано выразил, что они просят прислать артиллерийских, инженерных и Генерального штаба офицеров для осмотра указанных выше местностей и указаний относительно укреплений с тем, чтобы по этим указаниям приступить к возведению самих укреплений; затем он просит присылки орудий, с тем чтобы они доставлены были до ст. Унгени, от-

куда, как только решится вопрос о войне, румыны примут их и развезут по назначению.

Из указанных выше местностей румыны придают наибольшее значение Калафату, как пункту, близ которого турки вероятнее всего перейдут в наступление. Наконец Братиано выразил желание получить 1000 лошадей для формирования четырех полков артиллерии, для которых имеется вся материальная часть, упряжь, снаряды и проч.

Вместе с тем Братиано предлагает исполнить заготовку леса для мостов и доставить его в те пункты к Дунаю, на которые будет указано.

Полковник Бобриков, на основании данных ему из полевого штаба инструкций, заявил категорически, что до тех пор, пока мы в расположении войск, в достаточном их числе и в других принятых мерах не будем иметь полной уверенности в том, что орудия наши будут прикрыты вполне надежно, до тех пор ни одно орудие не будет послано. Между тем большая часть румынской постоянной армии² собрана у Бузеу и Фокшаны, следовательно, вдали от мест, куда требуются орудия; а в Калафате, куда румынам наиболее всего желательно получить орудия, имеется всего 800 чел. вместо 4 тыс., бывших там месяца два тому назад.

Великий князь главнокомандующий, твердо решившийся держаться этого направления, вместе с тем не прочь начать переговоры по этому предмету, с целью дать правильное и полезное для нас направление явившимся у румын заботам о принятии мер обороны, и решил послать с нарочным свои взгляды на желательное распределение румынских войск, а также послать особых офицеров для исследования указанных выше мест и проектирования укреплений для батарей. Поручив мне довести о всем до сведения вашего высокопревосходительства, великий князь приказал просить, чтобы как только разъяснятся обстоятельства и вероятность войны возрастет, сделать распоряжение, чтобы назначенные для румын 20 двадцатичетырехфунтовых пушек и 12 шестидюймовых мортир и временно, по заявлению великого князя, оставленные до первого востребования — первые в Новогоргиевске, а вторые в Киеве — были бы немедленно направлены в Бендеры. Своевременное решение этого вопроса удобнее всего сделать именно вашему высокопревосходительству, чтобы не делать напрасных расходов по перевозке означенных орудий.

8-дюймовые орудия прибыли и совершенно подготовлены к отправке.

Что же касается до лошадей, то прошу ваше высокопревосходительство разъяснить, предполагается ли вообще снабдить румынскую армию лошадьми безвозмездно и каким порядком, но под условием, чтоб при расчетах за различного рода предметы довольствия и материалы, которые будут доставлены румынским правительством, вычесть ту сумму, в какую будут поставлены лошади.

Точное и обстоятельное решение этого вопроса необходимо иметь для того, чтобы на основании полученных указаний вести переговоры с румынским правительством.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Непокойчицкий

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7885, лл. 71—72. Подлинник.

1. Просьба об оказании военной помощи Румынии была сообщена И. Братиану А. И. Нелидову, а также передана через Д. Ф. Стурта еще в конце ноября 1876 г. Эта просьба была возобновлена в связи с новыми шагами румынского правительства, направленными на сближение с Россией в первых числах января 1877 г., когда стала очевидной неудача Константинопольской конференции. Вслед за тем среди румынских государственных деятелей вновь усилились колебания в проведении внешнеполитического курса, и правительство предпочло не настаивать на немедленном осуществлении военных поставок. Ввиду изменения международной обстановки и неблагоприятной

позиции Румынии русские правящие круги также решили временно воздержаться от оказания военной помощи.

2. К этому времени, кроме регулярной армии, в состав румынских вооруженных сил входили, наряду с ранее существовавшими, вновь сформированные — подразделения так называемых территориальных войск, которые распределялись по дивизиям. Согласно закону об организации румынских вооруженных сил, в их состав должны были включаться милиция и некоторые другие формирования.

№ 444

1877 г. марта 28 (апреля 9). — Телеграмма А. И. Нелидова
А. М. Горчакову об отклонении Турцией Лондонского протокола

Péra
Secret

Selon source qu'au lieu de croire authentique, sultan, qu'on serait parvenu à montrer contre la Russie et rendre méfiant à notre égard, serait décidé à précipiter solution. Il aurait fait télégraphier aujourd'hui à Derby impossibilité d'accepter protocole humiliant et dangereux pour la Turquie¹. Pour Monténégro — il ne l'attaquerait pas, mais il serait bloqué. Les généraux appelés pour le commandement sur le Danube partent pour leurs destinations.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, л. 384. Копия. Литогр. экз.

Перевод
Пера
Секретно

Судя по источникам, заслуживающим доверия, султан, которого сумели восстановить против России и сделать недоверчивым к нам, решил ускорить развязку. Он заставил сегодня телеграфировать Дерби о невозможности принять протокол, унижительный и опасный для Турции¹. Что касается Черногории — он ее не атакует, но она будет блокирована. Генералы, призванные для командования на Дунае, уезжают к местам назначения.

1. После роспуска Константинопольской конференции (см. прим. 2 к док. 372) русская дипломатия предприняла попытки к подписанию заключительного протокола конференции. 19 (31) марта 1877 г. был подписан так называемый Лондонский протокол, в котором Турции рекомендовалось ввиду подписания мирного договора с Сербией 16 февраля 1877 г. разоружить войска и провести реформы в своих провинциях.

К протоколу были присоединены две декларации: 1) русского посла в Лондоне П. А. Шувалова о том, что если Турция заключит мир с Черногорией и разоружит войска, то Россия начнет с ней переговоры о разоружении; 2) английского министра иностранных дел Э. Дерби о том, что Англия присоединяется к Лондонскому протоколу в целях умротворения на Востоке; но если разоружение России и Турции не произойдет в ближайшее время, то она будет считать протокол аннулированным (76, стр. 156—158, № 24; 4, стр. 492). 10 апреля 1877 г. Порта заявила России о своем отказе принять Лондонский протокол (4, стр. 492—504).

№ 445

1877 г. марта 31. — Телеграмма Д. А. Милютина А. А. Непокойчицкому о необходимости ускорить подписание русско-румынской конвенции

№ 593

Румынское правительство предупреждено, что разрыв между Россией и Портой почти неизбежен в самом близком времени и что необходимо немедленное подписание конвенции¹. Вместе с тем необходимо ускорить соглашение относительно просимых Румынией орудий, торпед и лошадей. Последние могут быть поставлены по распоряжению Военного министерства в тот пункт, который будет назначен главнокомандующим по соглашению с Румынией. Уплата за лошадей может быть установлена при будущих взаимных расчетах.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7885, л. 89. Автограф.

1. 14 марта 1877 г. А. М. Горчаков дал по телеграфу указание Д. Ф. Стурту о необходимости выяснить у И. Братиану, согласен ли он подписать военную конвенцию на известных ему условиях (АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 17, л. 173).

№ 446

1877 г. марта 31 (апреля 12). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о победе милитаристских кругов в турецком правительстве и о подготовке Турции к войне

№ 130

Péra

C'est à peine si j'ose encore saisir la plume pour retracer la marche historique de la crise dont nous atteignons le dénouement suprême. Les faits successifs qui en marquent le développement fond l'objet de communications télégraphiques et vont avec rapidité de la foudre «briller de l'est à l'ouest de leur sinistre éclat».

Après avoir longtemps languì au milieu des incertitudes et des tentatives de conciliation, les événements ont subitement pris un élan fatal pour se précipiter vers une solution que l'on pouvait pressentir depuis longtemps, mais dont on aurait voulu repousser la proximité. Malheureusement un tourbillon insensé semble entraîner la Turquie. Les dernières résolutions qui ont prévalu à Constantinople témoignent d'un parti pris de guerre qui n'a pu arrêter la sage expérience du ministre des affaires étrangères*.

Je ne connais pas encore le texte de la réponse faite par la Porte au protocole et à la déclaration**, mais les détails qui m'en reviennent ne prouvent que trop combien le conseil chargé d'en fixer les termes s'est moins laissé guider par le sentiment des véritables intérêts de la Turquie, que par l'entraînement d'un chauvinisme patriotique sourd à la voix de la raison. Les ministres savaient bien que c'était la guerre avec la Russie qu'amenait le rejet de nos dernières propositions. Ni Safvet-, ni Edhem-pachas n'ont réussi à modérer les dispositions belliqueuses de leurs collègues. Même Mahmoud-Damad, catéchisé par le premier drogman de l'ambassade impé-

* *Савфет-паша.*

** *См. прим. 1 к док. 444.*

riale *, se serait montré plus modéré, — mais le résultat a été un refus. C'est lundi soir que le projet de circulaire aux puissances a été soumis au sultan, approuvé par sa majesté et expédié dans la nuit aux représentants ottomans près les six cours garantes. Elle doit être communiquée aujourd'hui.

Depuis ce jour la guerre est considérée comme absolument inévitable par les turcs. Une notice intéressante de mr Onou que j'ai l'honneur de joindre ci-près donne un récit caractéristique des impressions qu'il a recueillies à la Porte mardi.

Les préparatifs militaires se poursuivent depuis avec une activité fiévreuse. Six batteries de campagne arrivées dernièrement de Belgique sont espédiées en Roumelie. Un envoi de 30 000 fusils et d'une quantité considérable de munitions qui avait été embarqué pour Bagdad advient d'être retenu ici et sera également dirigé contre nous. La Porte est entrée en rapport avec les représentants des chemins de fer de Roumélie ** pour y préparer d'abord le mouvement nécessaire et ensuite la destruction des voies ferrées et du matériel roulant dans le cas où nos troupes envahiraient la Bulgarie. C'est de côté de Yamboli, semble-t-il, que les turcs s'attendent à nous voir passer les Balkans; aussi consentent-ils dans cette directions leurs principales forces.

Il y a chez les osmanlis une ferme résolution de se défendre. Ils sentent que c'est une lutte suprême, qu'ils vont engager. Mais à côté du sentiment d'une assurance un peu moins absolue depuis que le moment de l'épreuve est proche, — on voit percer déjà des expressions d'étonnement sur la folie inconcevable que l'on commet en voulant se mesurer en tête à tête avec la Russie.

Quoiqu'il en soit le sort en est jeté, et l'on ne peut que constater ici le fait de la démence dont d'après la diction classique, Jupiter frapperait ceux qu'il a voué à la perdition.

J'ai l'honneur d'être etc.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 9, лл. 466—467. Копия.

Перевод

Пера

Я едва осмеливаюсь еще раз взять перо, чтобы описать исторический ход кризиса, к высшей точке которого мы подошли. События, следующие одно за другим и отмечающие его развитие, являются предметом телеграфных сообщений и с быстротой молнии «поражают Восток и Запад своим зловещим сиянием».

После долгого томления в обстановке неуверенности и попыток умиротворения, события внезапно сделали фатальный скачок, устремясь к решению, которое можно было уже давно предвидеть, но близость которого хотелось бы отодвинуть. К сожалению, безумный водоворот, кажется, увлек Турцию. Последние решения, преобладающие в Константинополе, свидетельствуют о существовании партии, стремящейся к войне, которую не мог остановить мудрый опыт министра иностранных дел.

Я еще не знаю текста ответа, сделанного Портой на протокол и декларацию, но подробности, дошедшие до меня, блестяще доказывают, насколько совет, которому было поручено установить условия, следовал не истинным интересам Турции, а увлечению патриотическим шовинизмом, глухим к голосу разума. Министры хорошо знали, что отказ от наших последних предложений — это война с Россией. Ни Савфет-, ни Эдхем-паше не удалось умерить воинственных настроений своих коллег. Даже Махмуд-Дамад, получивший наставления первого драгомана императорского посольства, показал себя более умеренным, но результатом был отказ. В понедельник вечером проект циркуляра державам был представлен султану, утверждён его величеством и отправлен ночью оттоманским представителям при шести странах-гарантах. Он должен быть сообщен нам сегодня.

* М. К. Ону.

** С кампанией Восточных железных дорог.

С этого дня турки считают войну абсолютно неизбежной. Интересное сообщение г-на Ону, которое я имею честь приложить здесь, содержит характерный рассказ о впечатлениях, полученных им о состоянии Порты во вторник.

Военные приготовления идут с этих пор с лихорадочной активностью. 6 полевых батарей, прибывших недавно из Бельгии, отправлены в Румелию. Транспорт из 30 тыс. ружей и значительного количества боеприпасов, который должен был быть отправлен в Багдад, задержан и будет также двинут против нас. Порта начала переговоры с представителями железных дорог Румелии, чтобы подготовить там заранее необходимое продвижение, а затем разрушение железных дорог и подвижного состава в том случае, если наши войска захватят Болгарию. Кажется, именно со стороны Ямбола турки ожидают нашего перехода через Балканы, в этом направлении они и концентрируют свои силы.

Османлысы твердо решили защищаться. Они чувствуют, что борьба, в которую они вступают, является решающей. Но наряду с чувством не совсем абсолютной уверенности, с тех пор как момент испытаний стал близок, пробиваются уже изъявления удивления по поводу непонятного безрассудства, совершаемого из желания помериться силой с Россией.

Как бы то ни было, жребий брошен, и остается лишь констатировать здесь факт безумия, о котором говорит классическое изречение: «Юпитер поражает тех, кого он обрек на гибель».

Имею честь быть и пр.

№ 417

1877 г. апреля 1. — Рапорт начальника Бессарабского губернского жандармского управления В. А. Янова Н. В. Мезенцову об обнаружении у добровольцев, возвращавшихся из Сербии, книг Н. Г. Чернышевского и Ф. Лассала на сербском языке

№ 89

Кишинев
Секретно

Помощник мой в Унгенах капитан Белого доносит, что 13 марта, по отходе из Унген поезда, в котором находились возвращавшиеся из Сербии добровольцы, он узнал, что при осмотре вещей их таможеню найденные у них книги были изорваны. На вопрос о том капитана Белого помощнику пакгаузного надзирателя Яцемирскому, который с управляющим таможеню г. Колодяжным производил досмотр, Яцемирский ответил, что, действительно, у одного из добровольцев взят быт том политической экономии Чернышевского и две лекции, прочитанные Лассалем, напечатанные на сербском языке. Что управляющий таможеню хотел было отправить эти книги в цензурный комитет, но, раздумав, стал рвать их, приказав тоже делать и Яцемирскому, говоря, что добровольцу может достаться за такие сочинения. Куски этих книг управляющий передал таможенному старосте Тихону Арсентьеву. Вследствие этого послан был унтер-офицер Роман к старосте Арсентьеву, который указал Роману на печь в досмотровом зале, в которой найдены были изорванные книги, при сем представляемые.

Донося об этом, имею честь присовокупить, что по неизвестности лица, от которого отобраны были книги, я не приступал к дознанию.

Полковник Янов

ЦГИАМ, ф. 109, 3 экз., 1877 г., д. 130, л. 4 и об. Подлинник.

1877 г. апреля 2. — Предписание А. М. Горчакова А. И. Нелидову о вручении турецкому правительству ноты о разрыве дипломатических отношений

№ 141

En chiffres: Vous envoie lundi note pour oupture. La ferez remettre le soir tard 11/23 avril contre accusé réception après vous être tous embarqués à Buyucdére. Si note tarde, rédigez-là dans ce sens: avons épuisé conciliation. Refus Porte au protocole et déclaration¹ ferme toute négociation et tout espoir obtenir garanties indispensables*. Avez ordre rompre et quitter avec personnel et consuls résidant Turquie**. Rendez Porte responsable sécurité de nos nationaux, des chrétiens et des étrangers.

Terme 11/23 avril soir absolu.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 23, т. II, л. 653. Отпуск.

Приложение

1877 г. апреля не позднее 4***. — Нота русского правительства о разрыве дипломатических отношений с Турцией

Le cabinet impériale a épuisé tous les moyens de conciliation pour rétablir une paix durable en Orient par une entente avec les grandes puissances et la Porte.

La manière dont le gouvernement ottoman a rejeté toutes les propositions qui lui ont été successivement faites et le refus qu'il vient d'opposer au protocole signé à Londres le 19/31 mars ainsi que la déclaration dont cet acte était accompagné, ne laisse plus de place à des négociations ultérieures, ni d'espoir quant à une entente basée sur le bon vouloir de la Porte à offrir les garanties réclamées par l'Europe au nom de la paix générale.

L'empereur, mon auguste maître, m'a, en conséquence, prescrit de rompre les relations diplomatiques et de quitter Constantinople avec le personnel de l'ambassade et les consuls résidant en Turquie. En même temps j'ai l'ordre de sa majesté impériale de rendre la Porte attentive à la grave responsabilité qui pèserait sur elle si la sécurité non seulement des nos nationaux mais encore de tous les chrétiens sujets du sultan ou étrangers était compromise sur quelque point que ce soit de l'empire Ottoman.

Резолюция Александра II: Быть по сему.

АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 23, т. II, лл. 655—656. Отпуск.

Перевод

Шифром: В понедельник отправляю вам ноту о разрыве. Вручите ее, по получении, поздно вечером 11 (23) апреля, после того, как вы все уедете в Буюкдере. Если нота запоздает, сформулируйте ее в таком смысле: мы исчерпали все способы примирения. Отказ Порты от протокола и декларации¹ прекращает переговоры и всякую

* *Далее зачеркнуто*: Devons chercher dans la coertion ce qu'Europe n'apu obtenir par persuasion.

** *Далее зачеркнуто*: en annonçant qu'armées russes vont recevoir ordre se mettre en mouvement.

*** *Приблизительная дата определена на основании упоминания А. М. Горчакова о намерении отправить ноту в понедельник, т. е. 4 апреля 1877 (см. док. 448).*

надежду достичь необходимых гарантий*. Вы имеете приказ порвать отношения и покинуть Турцию с персоналом и консулами-резидентами **. Сделайте Порту ответственной за безопасность наших подданных, христиан и иностранцев.

Срок 11 (23) апреля вечером обязателен.

Приложение

Императорский кабинет исчерпал все средства примирения для установления прочного мира на Востоке путем соглашения между великими державами и Портой.

Способ, которым оттоманское правительство отклонило все сделанные ему последовательно предложения, и отказ, который оно противопоставило протоколу, подписанному в Лондоне 19 (31) марта, а также декларации, сопровождающей этот акт, не оставляет больше места ни для переговоров, ни для надежды на соглашение, основанное на желании Порты предоставить гарантии, требуемые Европой во имя всеобщего мира.

Император, мой августейший государь, предписал мне в связи с этим разорвать дипломатические отношения и покинуть Константинополь с персоналом посольства и русскими консулами. В то же время я имею приказ его императорского величества обратить внимание Порты на серьезную ответственность, которая лежит на ней, если где-либо на территории Оттоманской империи будет поставлена под угрозу безопасность не только наших подданных, но и всех христиан, подданных султана, или иностранцев.

1. Циркуляр Турции об отказе принять Лондонский протокол был вручен А. М. Горчакову 31 марта (12 апреля) 1877 г.

№ 449

1877 г. апреля 3. — Письмо члена болгарского комитета в Болграде П. Фитова К. Цанкову об отправке болгарских добровольцев в Кишинев

Болград

Г-н К. Цанков!

Вчера приех депеша от г-н Иванов от Кишинев да изпратим всичките момчета. Утре тръгнуват за Кишинев 100 души. Вижда се работата сериозна.

Ваш П. Фитов

НБВК — БИА, ф. 5, д. 7, л. 294. Автограф.

№ 450

1877 г. апреля 3. — Доклад Ф. Л. Гейдена Александру II о штатах и правилах формирования болгарского ополчения и необходимых для его содержания ассигнованиях

№ 9

Вашему императорскому величеству благоугодно было высочайше утвердить предварительные соображения *** относительно сформирования

* *Далее зачеркнуто:* Мы должны добиться принуждением того, что Европа не смогла достичь убеждением.

** *Далее зачеркнуто:* Заявив, что русские армии получают приказ о выстулении.

*** *См. док. 438.*

пеших дружин и конных сотен болгарского ополчения и повелеть привести в исполнение подготовительные распоряжения по образованию кадров названных частей и по обеспечению обмундированием и снаряжением нижних чинов ополчения, на случай его сформирования.

Согласно этому, некоторые из числа офицеров, назначенных в ополчение, уже отправлены в распоряжение штаба Действующей армии, равным образом выбраны и нижние чины для кадров дружин; сверх того, в распоряжение заведывающего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией, действительного статского советника князя Черкасского, ассигновано 100 тыс. рублей для уплаты Московскому славянскому комитету в счет суммы, причитающейся означенному комитету за изготовление обмундирования и снаряжения для дружин ополчения, и от интендантства отпущены 12 тыс. патронных сумок, образцов 1869—1870 годов.

В настоящее время, по выяснении общих соображений и предположений его императорского высочества главнокомандующего Действующей армией относительно сформирования болгарского ополчения, составлены прилагаемые при сем временные штаты * управлений, пеших дружин и конных сотен означенного ополчения и правила о его формировании **, с особым описанием формы одежды нижних чинов дружин и с ведомостью стоимости и количества потребных для сего материалов. Сумма денег, потребных на формирование и на содержание ополчения, согласно прилагаемым штатами и правилами, будет простираться до 177 573 руб. 20 коп. ***, не включая в это число денег на провиантское и приварочное довольствие нижних чинов и фуражное офицерских строевых и подъемных лошадей, а именно:

Постоянные расходы

1. На удовлетворение жалованьем, столовыми и добавочными деньгами офицерских чинов: в управлениях — 14 535 руб., в дружинах — 59 364, в конных сотнях — 9 054 руб.

2. На содержание врачей при пеших дружинах — 15 000 руб.

3. На жалованье назначенным в ополчение из русских войск нижним чинам: в управлениях 219 руб. 30 коп., в дружинах — 4 608 руб. 90 коп., в конных сотнях — 843 руб. 30 коп.

4. На хозяйственные надобности по 1 руб. 80 коп. на человека в год, всего по числу 7012 нижних чинов — 12 621 руб. 60 коп.

5. На лечение больных и прочие санитарные надобности по 30 коп. в год на человека, всего по числу 7012 нижних чинов 2103 руб. 60 коп.

6. На канцелярские расходы управления: начальника ополчения и 3 бригадных и 6 дружинных канцелярий 1300 руб.

Итого постоянных расходов в год — 119.649 руб. 70 коп.

Сверх того, к числу постоянных расходов должны быть отнесены деньги на провиантское и приварочное довольствие 7012 нижних чинов и фуражное офицерских строевых и подъемных лошадей (исключая строевых лошадей в конных сотнях, которые будут продовольствоваться средствами края).

Единовременные расходы

1. Для особого вознаграждения, по усмотрению начальства, нижних чинов из местных болгар, не получающих жалованья от правительства,

* Н. Р. О в с я н ы й. Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904, стр. 131—137 (приложение).

** Там же, стр. 125—130.

*** Считая тут же и подлежащие еще отпуску деньги в количестве 57 923 руб. 50 коп., потребные на единовременный расход как исчислено ниже на 8-й странице доклада.

считая средним числом по 1 рублю на человека, всего по числу 6413 нижних чинов — 6413 руб.

2. На обмундирование и снаряжение дружин ополчения, согласно приложенной ведомости стоимости обмундирования, на 3 тыс. нижних чинов полностью по 19 руб. 66 коп. на человека, всего 58 980 руб. и на 3 тыс. человек не полностью, по 17 руб. 50 ³/₄ коп. на человека, всего 52 522 руб. 50 коп., а в общей сложности 111 502 руб. 50 коп.

3. На обзаведение хозяйственных и артельных принадлежностей в ротах и сотнях, считая по 300 руб. на каждую, всего по числу 30 рот и 6 сотен 10 800 руб.

4. На покупку 101 пароконной повозки с парною упряжью для обоза управлений, дружин и сотен ополчения, считая по 159 руб. на повозку и по 49 руб. на упряжь, всего 21 008 руб.

5. На покупку 202 подъемных лошадей по 100 руб. каждая — 20 200 руб.

Итого единовременных расходов 169 923 руб. 50 коп.

За вычетом 100 тыс. рублей, отпущенных в распоряжение действительного статского советника князя Черкасского для выдачи Московскому славянскому комитету и еще до 12 тыс. на тот же предмет, об отпуске которых Главным интендантским управлением будет представлен особый всеподданнейший доклад, а всего 112 тыс. рублей, на единовременные расходы потребно 57 923 руб. 50 коп.

Вышеозначенный расчет составлен вполне согласно с представлением его императорского высочества главнокомандующего Действующею армиею, исключая того, что число повозок увеличено с 90 до 101, а лошадей с 180 до 202, ввиду того обстоятельства, что по числу офицеров, назначаемых в ополчение и применительно к существующим в наших войсках положениям, полагалось бы необходимым в каждой дружине иметь вместо одной по две офицерские повозки.

Испрашивается, благоугодно ли будет вашему императорскому величеству утвердить прилагаемые временные штаты и правила о формировании болгарского ополчения и повелеть привести таковые в исполнение, с отпуском от казны потребных сумм как на постоянное содержание ополчения, так и на единовременные расходы, в количестве 57 923 руб. 50 коп., для его формирования, с отнесением сих денег на чрезвычайный военный кредит, по настоящим политическим обстоятельствам ассигнуемый.

Генерал-адъютант граф Гейден

Революция Д. А. Милютина: Прилагаемые при сем правила и штаты высочайше утверждены. Ген[ерал]-ад[ъютант] Милютин. 5 апреля.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 254—258 об. Подлинник.

№ 451

1877 г. апреля 3. — Письмо Д. А. Милютина А. В. Адлербергу о доставлении орденов для вручения их государственным и военным деятелям Черногории

№ 196

Секретно

Милостивый государь граф Александр Владимирович!

Прилагая при сем копию с всеподданнейшего моего доклада, по коему высочайше предназначено тотчас по объявлении войны пожаловать: 1) его светлости князю Николаю черногорскому орден св. великомученика

и победоносца Георгия 3-й степени, 2) предводителям черногорского войска: председателю Сената Божидару Петровичу Петровицу, воеводам Петру Вукотичу, Илье Пламенацу, Матке Миланову Поповичу * и еще трем военачальникам, кои по приговору собранной думы будут признаны наиболее достойными, тот же орден 4-й степени и 3) на все черногорские и герцеговинские батальоны 38 знаков отличия Военного ордена, имею честь покорнейше просить распоряжения вашего сиятельства о доставлении назначенных к пожалованию орденов и знаков отличия в Главный штаб для передачи их отправляющемуся по высочайшему повелению в Черногорию полковнику Генерального штаба Боголюбову, который вручит их князю Николаю черногорскому по получении о том высочайшей телеграммы.

Что же касается высочайшего указа капитулу о пожаловании сих орденов, то таковой, заранее изготовленный по вашим указаниям, мог бы быть преподнесен к высочайшей подписи в день, следующий за объявлением войны, причем на случай, если б его величеству благоугодно было пожалование ордена князю Николаю сопровождать, в виде исключения, грамотою за собственною подписью, необходимо было бы иметь наготове и такую грамоту.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности

Д. Милютин

ЦГВИА, ф. 401, оп. 3/927, 1877 г., д. 48, лл. 5—6. Заверенная копия.

№ 452

1877 г. апреля 4 (16). — Телеграмма Д. Ф. Стурта А. М. Горчакову о подписании военной конвенции с Румынией

Бухарест

Секретно

Конвенция ** подписана ¹. Генерал Гика везет экземпляр в Петербург ². Выезжает завтра.

АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 17, л. 122. Копия.

1. Конвенция была подписана русским дипломатическим агентом и генеральным консулом в Бухаресте бароном Д. Ф. Стуртом и вповь назначенным министром иностранных дел Румынии М. Когалничану. Конвенция подлежала ратификации обеими договаривающимися сторонами. В Румынии она выносилась на обсуждение собрания депутатов и сената. После ее одобрения парламентом, конвенцию должен был подписать глава государства. Только после этого соглашение считалось вступившим в законную силу.

2. Целью миссии генерала И. Гики, занимавшего до этого пост румынского представителя в Константинополе, являлось содействие ратификации конвенции и проведение переговоров о предоставлении Румынии крупного займа.

* В документе неточно, следует: Марко Милянову Поповичу.

** Текст конвенции см. в «Сборнике материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. 11, СПб., 1898, стр. 234—242.

1877 г. апреля 4 (16). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о разрыве турецко-черногорских переговоров и о возобновлении состояния войны между Черногорией и Турцией

Pour faire suite à mon humble rapport du 31 mars N 131 ¹, et compléter nos télégrammes subsequents, j'ai l'honneur d'informer votre altesse que les négociations turco-monténégrines ont été définitivement rompues vendredi. Les délégués s'étant présentés ce jour chez le ministre des affaires étrangères ont été accueillis par la question naïve de Savfet-pacha, s'ils avaient reçu une réponse du prince ². Ils répliquèrent qu'ils n'en attendaient pas et étaient venus chercher celle de la Porte.

«Elle est toujours la même», dit le ministre qui ajouta que la question ne serait plus soumise au sénat, car la constitution n'autorisait pas le gouvernement de saisir cette assemblée d'une affaire qui aurait été rejetée par la Chambre des députés.

Mm. Pétrouitch et Radonitch déclarèrent alors que les négociations étaient rompues et qu'ils partiraient dès qu'ils auraient fait leurs visites d'adieu à la Porte et aux représentants étrangers. Le prince leur a envoyé l'ordre de passer par Richineff et Vienne. Ils partent aujourd'hui.

Comme l'armistice avait expiré vendredi et que les négociations étaient rompues, le grand vizir a télégraphié au prince Nicolas que la trêve ne serait plus renouvelée.

Le prince a répondu en constatant qu'il n'avait pas demandé de prolongation. L'état de guerre se trouve ainsi rétabli de fait entre la Turquie et le Monténégro, sans que les hostilités aient commencé. Elles pourraient ne pas tarder, si la Porte donnait suite à son projet de faire ravitailler Nikschitch. Quoiqu'il n'y ait pas encore nécessité urgente d'approvisionner cette place, on suppose que le gouvernement ottoman voudra en faire le prétexte d'une expédition qui serait attaquée par les monténégrins et donnerait aux généraux turcs la possibilité de s'emparer de certaines positions stratégiques importantes avant l'ouverture des hostilités avec nous.

On dit que près de 65 mille hommes seraient réunis autour de la principauté, mais on prétend, d'un autre côté, que la Porte se bornerait, après le premier mouvement sur Nikschitch, à bloquer la principauté pour diriger toutes ses forces contre nous.

J'ai l'honneur d'être. . .

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 12, л. 7 и об. Копия. Литогр. экз.

Перевод

Пера

Продолжая мой покорнейший доклад от 31 марта за № 131 ¹ и дополняя наши последовательные телеграммы, я имею честь сообщить вашей светлости о том, что турецко-черногорские переговоры были окончательно прерваны в пятницу. Делегаты, явившись к министру иностранных дел, были встречены наивным вопросом Савфет-паша, получили ли они ответ князя ². Они возразили, что и не ожидали его и пришли получить таковой от Порты.

«Он все тот же», — ответил министр, добавив, что вопрос не будет больше представлен Сенату, так как конституция не разрешает правительству представлять на рассмотрение этого собрания вопрос, отвергнутый палатой депутатов.

Гг. Петрович и Радонич заявили тогда, что переговоры прерваны и что они уедут, как только нанесут прощальные визиты Порте и иностранным представителям. Князь отправил им приказ ехать через Кишинев и Вену. Они уезжают сегодня.

Поскольку срок перемирия истек в пятницу и переговоры прерваны, великий визирь телеграфировал князю Николаю, что перемирие не будет больше возобновлено.

Князь в ответ констатировал, что он и не просил продления. Таким образом, состояние войны фактически восстановлено между Черногорией и Турцией, хотя военные действия и не начаты. Они могут вскоре начаться, если Порта даст ход своему плану — снабдить Никшич. Хотя еще нет крайней необходимости в снабжении припасами этой крепости, но предполагают, что оттоманское правительство захочет сделать это предлогом для экспедиции, которая будет атакована черногорцами и даст турецким генералам возможность овладеть некоторыми важными стратегическими позициями до начала военных действий против нас.

Говорят, что около 65 тыс. человек собрано вокруг княжества, но, с другой стороны, заявляют, что Порта ограничится после первого движения на Никшич блокадой княжества, чтобы направить все силы против нас.

Имею честь быть. . .

1. Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову об отклонении депутатами нижней палаты Турции предложения правительства пойти на территориальные уступки Черногории с тем, чтобы иметь ее союзницей в войне с Россией. Присутствовавшие делегаты Черногории заявили о невозможности союза Черногории с Турцией в случае русско-турецкой войны (АВПР, ф. Канцелярия, 1877 г., д. 23, т. I, стр. 382—383 и 384—385, приложение: протокол заседания палаты).

2. Главным препятствием к заключению мира с Черногорией были не столько выдвинутые ею территориальные требования, сколько стремление Турции навязать Черногории вассальную зависимость. Князь Николай соглашался на сокращение территориальных претензий, но требовал уступки Куч и обеспечения гарантий безопасности при возвращении герцеговинских беженцев на родину. После отказа Турции удовлетворить черногорские требования, князь Николай решил прервать переговоры и отозвать делегатов из Константинополя (92, стр. 337; ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 12, л. 25).

№ 454

*1877 г. апреля 5 (17). — Телеграмма майора К. Б. Чилева
К. Цанкову об отправке болгарского знамени в Кишинев*

[Турну-]Северин

Сегодня отправил 6 человек болгар. Прошу вас дать им средства отвезти знамя до Кишинева.

Чилев

НБВК—БИА, ф. 5, д. 7, л. 295. Телегр. бланк.

№ 455

1877 г. апреля 5. — Письмо А. И. Васильчикова В. А. Черкасскому о назначении А. А. Нарышкина агентом славянских комитетов при Главном управлении гражданской частью Действующей армии

Москва

Милостивый государь князь Владимир Александрович!

Так как вы сообщили мне частным образом, что при Главном управлении гражданской частью Действующей армии будет состоять агент славянских комитетов, то я честь имею вас уведомить, что по сие время

уполномоченным Петербургского отдела был Александр Алексеевич Нарышкин и что я имею в виду предложить отделу назначить его агентом при Главном управлении гражданской частью с тем, чтобы он немедленно явился в Главную квартиру и в дальнейших своих действиях руководствовался вашими указаниями и исполнял те поручения, которые будут входить в круг действий славянских комитетов.

Имея в виду предложить это исполнительному присутствию Петербургского отдела, от коего зависит решение, я буду ожидать для этого уведомления вашего сиятельства.

С чувством совершенного почтения имею честь быть.

На подлинном: Ваш покорный слуга
князь Васильчиков

ЦГИАЛ, ф. 651, оп. 1, д. 846, л. 3 и об. Авторизованная копия.

№ 456

1877 г. апреля 5 (17). — Донесение русского посла в Афинах П. А. Сабурова А. М. Горчакову об отрицательном отношении греческих правительственных кругов к совместным действиям с Россией

№ 22

Athènes

Afin de rester dans la vérité, je n'hésite pas à dire qu'en ce moment l'opinion publique en Grèce n'est nullement en faveur d'une action commune avec nous. L'un des symptômes les plus marquants de cet état des esprits, c'est le changement d'opinion de mr. Tricoupi.

Dans l'origine de la crise orientale, il était plutôt désireux de voir son pays se conformer à notre politique.

Depuis il a subi l'influence des suggestions grecques de Constantinople, qui nous représentent sans cesse comme travaillant à barrer le chemin à l'hellénisme et à arriver au moyen de l'élément bulgare jusqu'à Salonique et la mer Egée.

C'est là en effet le nouveau projet qu'on prête à la Russie, depuis qu'en présence des paroles augustes de l'empereur *, le monde ne peut plus supposer des vues de conquête sur Constantinople.

Par une singulière aberration de pensée, les classes politiques de la Grèce songent aujourd'hui plus ardemment aux provinces éloignées de Thrace et de Macédoine ** qu'à celles qui avoisinent leurs frontières! Quand on leur dit, — comme l'a fait plus d'une fois mon collègue d'Italie, que Cavour n'a pas procédé ainsi pour transformer la petite Sardaigne en grand état, — ils répondent avec obstination que Thessalie et l'Epire ne leur échapperont pas, mais c'est la Macédoine dont ils doivent s'assurer dès à présent.

«Tout ou rien» — telle est aujourd'hui la devise de mr Tricoupi. En conséquence il travaille assidument à maintenir ses compatriotes dans la politique d'abstention; il ne veut pas de préparatifs à la hâte; mais il les veut sérieux, de longue haleine, afin que dans quelques années la Grèce

---

* Имеется в виду речь Александра II в Московском Кремле.

** См. прим. 1 к док. 338.

soit en état de choisir librement ses alliés et de forcer notamment l'Angleterre à la compter pour quelque chose.

J'ai prévenu mr Coumoundouros qu'il était l'objet incessant des méfiances de mr Tricoupi. Ce dernier le soupçonne en effet de rechercher une entente avec nous. Il le guette, et ne manquera pas de déjouer sa politique s'il devinait ses intentions. Il s'agit de le dérouter et de le rendre inoffensif.

De mon côté, je crois avoir réussi jusqu'ici à donner complètement le change sur ma manière d'agir; et si cela ne dépendait que de moi, une entente entre nous et la Grèce deviendrait un fait accompli avant même que nos adversaires puissent s'endouter.

J'ai l'honneur etc.

ЦГВИА, ф. ВУА (с), оп. 1, д. 12, лл. 184—185. Копия.

Перевод

Афины

Чтобы быть правдивым, я без колебаний скажу, что в настоящий момент общественное мнение Греции никоим образом не в пользу совместных действий с нами. Одним из самых ярких симптомов этого состояния умов — перемена мнения г-на Трикуписа.

С самого начала Восточного кризиса он скорее желал видеть, чтобы его страна сообразовывалась с нашей политикой.

С тех пор он испытал влияние настроений греков из Константинополя, которые постоянно представляют нас стремящимися преградить дорогу эллинизму и дойти с помощью болгарского элемента до Салоник и Эгейского моря.

Это действительно новый проект, приписываемый России, хотя с тех пор, как произнесены августейшие слова императора, мир не может более подозревать нас в намерениях завоевать Константинополь.

По странной аберрации мысли политические группы Греции сейчас более страстно мечтают об отдаленных провинциях — Фракии и Македонии, чем о примыкающих к их границам. Когда им говорят, как это делал неоднократно мой итальянский коллега, что Кавур не так действовал, чтобы превратить маленькую Сардинию в большое государство, — они упрямо отвечают, что Фессалия и Эпир не уйдут от них, а Македонию они должны обеспечить уже теперь.

«Все или ничего» — таков нынешний девиз г-на Трикуписа. Вследствие этого он прилежно старается удержать своих соотечественников в русле политики воздержания; он не хочет приготовлений наспех, он думает о серьезной подготовке, о дальнем прицеле с тем, чтобы через несколько лет Греция могла бы свободно выбирать своих союзников и особенно заставить Англию считаться с ней.

Я предупредил г-на Кумундурса, что он является объектом постоянного недоверия г-на Трикуписа. Этот последний действительно подозревает его в попытках заключить союз с нами, он подстерегает его и не задумается расстроить его планы, если узнает о его намерениях. Речь идет о том, чтобы ввести его в заблуждение и обезвредить.

Со своей стороны я полагаю, что полностью добился изменения отношения к моим действиям, и если это будет зависеть только от меня, то соглашение между нами и Грецией станет свершившимся фактом, прежде чем наши противники смогут в нем усомниться.

Имею честь и пр.

№ 457

1877 г. апреля 6. — Предписание товарища министра внутренних дел Л. С. Макова таврическому губернатору А. А. Кавелину о проведении частичной мобилизации войск

№ 1115

Секретно

Государь император 3 сего апреля высочайше повелеть соизволил: привести на военное положение некоторые части войск Петербургского, Виленского, Варшавского, Харьковского, Московского, Казанского и Кавказского военных округов¹.

Означенное высочайшее повеление Министерством внутренних дел, телеграммою 3-го же апреля, сообщено подлежащим губернаторам, с указанием, что первым днем этой частной мобилизации должно считать 4 апреля, что никакие сведения о назначении мобилизации и о производстве ее не должны печататься ни в каких периодических изданиях и что при исполнении настоящей мобилизации должно руководствоваться правилами, изложенными в циркуляре Министерства от 18 января за № 3, который сообщен был доселе лишь начальникам тех губерний, в которых предполагалось производство мобилизации.

Сообщая о вышеизложенном для сведения вашему превосходительству, имею честь препроводить при сем и упомянутый циркуляр Министерства за № 3, с приложениями.

За министра внутренних дел товарищ министра Л. Маков

ГА Крымск. обл., ф. 26, оп. 1, д. 26596, л. 43. Подлинник.

1. На отклонение Турцией Лондонского протокола Россия ответила новой мобилизацией. Было мобилизовано семь пехотных и две кавалерийских дивизии с артиллерией и ряд отдельных частей. Одновременно с мобилизацией полевых войск была проведена и мобилизация тыловых войск (местных, запасных и т. п.).

Дунайская армия создавалась в соответствии с внешнеполитической обстановкой и внешнеполитическими задачами. Так, 21 сентября (см. примечание к док. 277), когда вместо войны считалось возможным ограничиться лишь занятием Болгарии, в состав Дунайской армии планировалось включить два корпуса. 25 сентября (см. примечание к док. 286) царское правительство решило ввести в Дунайскую армию еще два корпуса. По второй мобилизации в Дунайскую армию дополнительно включались три корпуса, которые вошли в состав этой армии через две недели после объявления войны. Всего в Дунайской армии насчитывалось около 185 тыс. человек. Непосредственно Дунайской армии противостояла турецкая армия общей численностью 219 тыс. человек (77, вып. 5, стр. 363).

№ 458

1877 г. апреля 9. — Прошение инициаторов создания Югославянского просветительного и благотворительного комитета сербскому министру просвещения и церковных дел А. Васильевичу об организации комитета

Белград

Према приликама које су се у последње време услед наших живљих одношаја с Бугарима, Русима и осталим Славенима, а нарочито с њиховим добротворним и просветним друштвима развиле, јавила се потреба да се код нас оснује један југословенски просветни и добротворни одбор, коме би био задатак, да подржава пријатељске одношаје и развија узајамне

везе између словенских народа уопште, а јужних и источних Словена по наособ, да помаже ширењу сугласности у сматрању заједничких културних и народних интереса у југославенских племена и да унапређује просвету и свест о потреби народне узајамности и солидарности међу Словенима уопште а јужним Словенима нарочито.

Ради дејствовања у корист ових целих наши одбор имао би се служити свима моралним и материјалним сре[д]ствима и путевима које би могао имати на руци према законским одредбама и другим приликама нашега народног и државно-политичког положаја. У ова сре[д]ства дошла би на прво место: јавна предавања, листови књижевног и политичког садржаја, периодски списи и књиге у смислу унапређења просвете и идеје словенске, потпомагање књижарске радње са производима словенске књижевности, издржавање сиромашних ученика из српских и бугарских области у Турској и потпомагање школа и учитеља у тим крајевима новчаним и књижевним средствима и напоследку давање материјалне (помоћи) * потпоре заслужним и оскудним и изнемоглим југославенским писцима и књижевницима. Сва материјална сре[д]ства за ове целих потребна набављаће * одбор јавним прилозима и уписима на књиге и листове које би сам издавао, и евентуалном потпором коју би од других [р]лођијих словенских дружина и одбора у корист угњетених Срба и Бугара на Балканском полуострву добијао. Доцније према развијеном раду и према потребама постављеног задатка свог, одбор ће умножити број својих чланова давши им значај редовних, почасних, помоћних и дописних чланова, стараће се да по важнијим местима Србије и српских и бугарских земаља у Турској, где буде могуће, подигне своје пододборе (филијале) и прописаче нарочита правила за своје унутрашње и спољне послове, а о томе известиће и дотичну државну власт, као што ће о свему и јавне годишње или по потреби и месечне извештаје у своме органу давати. Даље према могућности да се послови умноже и рашире, поделиће [се] и радња одборска у два одсека, административни и књижевни. О свима пословима и задацима својим доносиће одбор одлуке на редовним и ванредним састанцима, које ће изабрани председник једанпут или и чешће у месецу сазивати, а сваке године држаће се 11 маја на дан св. Ћирила и Методија главни састанак, на коме ће се изнети годишњи извештај са рачуном о свеколиком одборском раду, а сваке треће године бираће се на главном састанку нова управа одборска, коју ће састављати председник, потпре[д]седник и секретар. Међутим за сада управу примају три члана које потписани између себе одреде, да врше функције председника, потпре[д]седника и секретара.

Овако у главним цртама означену основу организације и задатка *Југославенског просветног и добротворног одбора у Београду* потписани подносим господину министру просвете и црквен[их] дела са молбом за законито одобрење, с тим да доцније поднесу и формално у по[ј]единостима (детаљано) састављено уређење Одбора, које ће се према приликама и потребама моћи да мења и допуњава ¹.

О својој одлуци по овој ствари нека нас г. министар изволи решењем известити.

Стојан Бошковић с[војом] р[уком]
Александар А. Наршкин с[војом] р[уком]
Архимаандрит Н. Дучић с[војом] р[уком]
Сима Пгуменов с[војом] р[уком]
Јован Јовановић прота с[војом] р[уком]
Љубен Каравелов с[војом] р[уком]

* Так в тексте.

Светозар Карапешин с[војом] р[уком]
Стеван Мијатовић с[војом] р[уком]
Настас Петровић с[војом] р[уком]

Верно: А. Нарышкин

ОР ГИБС-Щ, арх. И. С. Аксакова, д. 470, лл. 1—2. Заверенная копия.

1. Подробнее о составе и задачах комитета см. письмо А. А. Нарышкина И. С. Аксакову от 17 января 1877 г. (ЦГИАМ, ф. 1750, д. 89, лл. 23—29 об).

№ 459

1877 г. апреля 11. — Отношение А. А. Баранцова Ф. Л. Гейдену о назначении мастера Тульского оружейного завода в болгарское ополчение

№ 13804

На отношение за № 209 * имею честь уведомить ваше сиятельство, что вместе с сим мною предписано, по телеграфу, начальнику императорского Тульского оружейного завода, командировать из этого завода для болгарского ополчения одного хорошего казенного оружейного мастера и немедленно отправить его, вместе с письменными о довольствии сведениями в г. Кишинев, в штаб Действующей армии.

Товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютант
Баранцов

За начальника отделения полковник Панов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7883, л. 296 и об. Подлинник.

№ 460

1877 г. апреля 12. — Воззвание БЦБО к болгарскому народу с призывом присоединиться к русской армии и принять активное участие в борьбе за освобождение Болгарии

Букурещ

Възвание към българския народ

Братя!

Народ, който се бори и пролива кръв за своята свобода и независимост, рано или късно ще тържествува. Без жертви няма свобода! Смазани от векове под едно най-варварско иго, както многожди, тъй и миналата година ние въстанахме, за да протестираме по един отчаян начин против нашите вековни притеснители. Турските зверски пълчища удавиха в кръв нашия глас и почнаха ония нечути и неоправдани свирепости, които възвълнуваха цял свят. Нашите села бяха изгорени; майки, моми, деца бяха обезчестени и най-немилоствено изклани; свещениците ни разпинаха се на кръст; божиите храмове бяха осквернени; и невинните жертви, обляни в кръв, покриваха навред нашите полета. Цяла година носихме ние мъченическия кръст, но всред нашите неописани неволи и страдания

* См. это же дело, л. 294.

имаше една надежда, която ни крепеше. Тази надежда, която нито за минута не ни остави, беше православната и велика Русия.

Братя! Ние не сме чакали напразно нейната могъществена помощ, защото след година ето тя иде да иска отчет за кръвта на нашите мъченици.

Наскоро победоносните руски знамена ще се развяват в нашето отечество и под тяхната защита ще се положи основа на едно по-добро бъдеще.

Русите идат безкористно, като братя, на помощ, за да направят най-после и за нас онова същото, което те друг път направиха за освобождението на гърците, румъните и сърбите.

Българи! Всички ние трябва да станем като един човек да посрещнем братски нашите освободители и да съдействуваме с всичките си сили на руската армия. Турското население е въоръжено с цел да поднови ланските ужаси; трябва и ние, колкото и с каквото е възможно, да се въоръжиме, за да не останем беззащитни до пристигането на русите, под славните знамена, на които всички трябва да се съберем¹.

Въоръжени само ние ще бъдем достойни за положението, което ни се приготвява, и ще способствуваме да осигурим независимостта на нашето отечество.

Нашият интерес, нашето бъдеще, самото наше спасение изисква да въстанем всинца. Отецеството ни вика на оръжие! Нека първият гръм на руския топ да ни намери готови за тая свещена борба. Многожелаемата минута най-сетне настана, за да възтържествува правдата над мрака и азиятската варварщина.

Българи, напред! Бог и нашите братя руси са с нас!
Букурещ, 12 априли 1877.

Българският централен комитет в Букурещ:
Владимир Йонин, К. Цанков, О. Панов, П. Енчев,
Д. П. Иванов, П. Хр. Висковски, С. Н. Стамболов,
Ив. Кавалджиев, Ив. Вазов.

НБВК—БИА, ф. 5, д. 7, лл. 305—306. Типогр. экз.

Газета «Нова България», 22 априля 1877 г., стр. 3. Д. Генчев. Документи по въстанията. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XIII, София, 1896. «Положението на българския народ под турско рабство», София, 1953, стр. 414—415. Д. Класанова и Н. Горненски. Христоматия по българска история. София, 1958, стр. 141—142.

1. Борба «старых» и «молодых» в среде болгарской эмиграции в связи с объявлением Россией войны Турции (см. 65, вып. 1, стр. 108—110) обострилась. «Старые», стремясь монополизировать связи с русскими официальными кругами и оттолкнуть последние от «молодых», опубликовали в австрийской газете «Politische Korrespondenz» это воззвание в фальсифицированном виде. В воззвание был введен абзац: «Болгарский народ, ты сам себе избереешь свое правительство. Покуда же повинуйся временному национальному правительству, избранному патриотами». Эту ими сочиненную фальшивку консервативные болгарские публицисты использовали в клеветнических статьях, говорящих о том, что «прокламация», как они называли воззвание БЦБО, разделит русских и болгар, «настроит первых против вторых». Но члены БЦБО поняли намерения консерваторов, протестовали в печати и добились извинения со стороны «Politische Korrespondenz».

Однако искаженный текст из венской газеты перешел тогда же в русскую печать, из нее в русскую буржуазно-помещичью историческую литературу. Фальшивка оказала влияние и на отношение русских руководящих деятелей к левым болгарским группировкам, в частности на позицию, занятую В. А. Черкасским (93, стр. 74—76; 42, стр. 136). Несмотря на то, что документ в подлинном виде давно опубликован, неверная трактовка вопроса в советской литературе встречалась до недавнего времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТУРЕЦКИЕ ТЕРМИНЫ И СЛОВА*

Ага	— господин, хозяин, начальник, землевладелец; составная часть наименования многих должностей и званий, преимущественно военных; титул.
Башибузуки	— нерегулярные турецкие войска.
Бег	— см. Бей.
Бедель	— сокращенное от <i>бедель аскери</i> , налог, взимавшийся с немусульманского населения взамен воинской повинности.
Бей	— господин, владетель; титул — наследственный (сын паши) или дававшийся за заслуги высшим чиновникам и офицерам; форма обращения к влиятельному лицу.
Бинбаши	— майор, тысячник.
Вали	— губернатор, генерал-губернатор, правитель вилайета.
Великий визирь, или верховный визирь	— первый министр Османской империи.
Везир-и-азам или садразам	— правильное везир — паша высшего ранга, министр.
Визирь	— административная единица в Османской империи, во главе которой стоял вали.
Вилайет	— неверующий, неверный, презрительная кличка немусульман.
Гяур, или гявур	— европеизированная форма слова <i>терджуман</i> — ответственный переводчик в странах Востока.
Драгоман	— полицейский, жандарм.
Заптие	— см. Юшур.
Йошур	— повеление, указ султана.
Ираде	— звание, должность судьи; территория, на которую распространялась власть кадии (судьи).
Кадилук, или кадилик	— мелкая административная единица в Турции.
Каза	— заместитель, временно исполняющий обязанности какого-либо лица, управитель казы.
Каймакам	— область (каза) под управлением каймакама.
Каймакамлык	— заместитель сердара.
Кыр-сердар	— парламент, совет, собрание; во второй половине XIX в. — общее название собраний, административных советов с участием выборных представителей немусульманского населения.
Меджлис	— помощник, заместитель заведующего.
Моавин, или муавин	— заведующий, начальник, управитель санджака.
Мудир, или модир	— запасные войска, составлявшие в военное время гарнизоны крепостей и несшие этапную службу.
Мустахфисы	

* Указатель турецких терминов и слов составлен Д. Ф. Поплыко и Н. И. Хитровой.

- Мутесариф,
или мутасаррыф,
или мотасарриф
- Муфти, или мофти
Мушир
Нахия, или назие
Низам
Паша
- Порта, Высокая,
Блистательная
- Редиф
Санджак (букв. знамя)
Сераскер
Сердар
Спахия, или сипахи
Фирман, или ферман
Хаджа, или хаджи
- Хан
Хатти-хумаюн,
или Хатт-и-хумаюн
Хатти-шериф,
или Хатт-и-шериф
Чифлик, или чифтлик
- Чорбаджия
Эффенди, или эфенди
- Юшур, или йошур
- военный и гражданский правитель округа, губернатор небольшой провинции.
  - мусульманский богослов.
  - титул турецких пашей 1-го класса.
  - медная административная единица.
  - солдат; турецкие регулярные войска.
  - высший военный титул в Османской империи, правитель провинции, наместник султана.
  - от франц. «La Haute Porte», «La Sublime Porte», неточный перевод турецкого выражения *паша-калысы*; здание правительства и само правительство Османской империи.
  - запасные войска в Турции.
  - крупная территориально-административная единица.
  - командующий войсками.
  - военачальник, предводитель.
  - всадник, кавалерист; военный ленник.
  - приказ, указ султана.
  - мусульманин, посетивший Мекку, или паломник-христианин, ходивший в Иерусалим.
  - постоянный двор.
  - султанский рескрипт 1856 г. о реформах в Турции.
  - султанский рескрипт 1839 г. о реформах в Турции.
  - в первоначальном значении единица крестьянского землевладения, позднее — поместье.
  - богатый человек, хозяин; эксплуататор.
  - господин, сударь; форма обращения ко всем невоенным в Османской империи, в частности, к духовным лицам.
  - налог, взимаемый в пользу государства из расчета $\frac{1}{10}$ части урожая от всех сельскохозяйственных культур (десятина), фактически равнялся $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ урожая.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ В ПРИМЕЧАНИЯХ
К ДОКУМЕНТАМ**

1. Аксаков И. С. Сочинения, т. I. М., 1886.
2. Априлско въстание 1876 г., т. I, II. София, 1954.
3. Архив на Найдено Героу, т. II. София, 1932.
4. Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877. St. Pétersbourg, 1877.
5. Балабанов М. Страница от политическото ни възраждане. София, 1904.
6. Барсов Н. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (1854—1884) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895.
7. Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956.
8. Бероу Л. Източните железници в България (1873—1908). «Исторически преглед», 1959, кн. 1.
9. Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.
10. Ботев Хр. Съчинения, София [б. г].
11. Буне и устанци Босни и Херцеговини у XIX в. Београд, 1952.
12. Бурмов А. Български революционен централен комитет (1868—1877). София, 1950.
13. Бурмов А. Кризата в БРЦК през есента на 1875 г. и образуването на Гюргевския централен комитет. «Исторически преглед», 1957, кн. 2.
14. Бурмов А. Нарастване на революционния подем всред българския народ през 1875—1876. «Исторически преглед», 1950, кн. 1.
15. Бурмов А. Формиране на Ботева чета. «Исторически преглед», 1956, кн. 4.
16. Българското опълчение, т. I. София, 1956.
17. Вазов И. Пълно събрание съчиненията. т. I — VIII. София, 1911—1918.
18. Величков К. В. В тъмница. Спомени от 1876 г. София, 1939.
19. Веселитский - Божидарович Г. С. О современной борьбе черногорцев с турками и о бедственном положении Черной Горы. СПб., 1876.
20. Вужачић М. Знаменити црногорски и херцеговачки јунаци, кн. III. Београд, 1935.
21. Вукчевић М. Црна Гора и Херцеговина у очи рата 1874—1876. Цетиње, 1950.
22. Гандев Х. Априлското въстание. София, 1956.
23. Гешов И. Е. Спомени из години на борба и победи, София, 1916.
24. Голденберг Л. Воспоминания, «Каторга и ссылка», 1924, V (12).
25. Джумалиев Г. С. Участието на гр. Шумен в революционното движение през 1875 г. «Исторически преглед», 1958, кн. 2.
26. Димитров М. Биография на Любен Каравелов. София, 1959.
27. Димитров М. Комитетът на «старите» — «Добродетелната дружина». «България 1000 години. 927—1927». София, 1930.
28. Документи за българската история, т. II. София, 1932.
29. Дурново Н. К истории сербо-турецкой войны 1876 г. «Исторический вестник», 1899, т. 2.
30. Залышкин М. М. Новые архивные материалы о румыно-русских революционных связях в 1875—1878 гг. «Вопросы истории», 1958, № 12.
31. Записки гр. Н. П. Игнатьева. «Исторический вестник», 1914, № 2, 5, 6.

32. И в а н о в И. Болгарское ополчение и его формирование в 1875—1879 гг. Заметки и воспоминания. СПб., 1889.
33. И с т о м и н Ф. М. Краткий очерк деятельности С.-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования (1866—1893). СПб., 1893.
34. История на България, т. I. София, 1954.
35. И т е н б е р г Б. Связи передовых рабочих России с революционным движением Запада. «Вопросы истории», 1956, № 9.
36. И т е н б е р г Б. «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России. М., 1954.
37. Ј а н к о в и ћ Д. Прве радничке демонстрације у Србији (Крагуевац, 1876). Београд, 1953.
38. Ј о в а н о в и ћ Јагош. Стварње црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе от почетка VIII вијека до 1918 године. Цетиње, 1948.
39. Ј о в а н о в и ћ Сл. Влада Милана Обреновића, кн. I (1868—1878). Београд, 1934.
40. К а р а к о с т о в С. Диарбекирски заточеници. София, 1946.
41. К о з њ м е н к о И. В. Первоначальные проекты Тырновской конституции. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953.
42. К о з њ м е н к о И. В. Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским. Славянский сборник. М., 1948.
43. К о з њ м е н к о И. В. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. «Вопросы истории», 1947, № 5.
44. К о н о б е е в В. Д. Материалы об освободительном движении в Болгарии. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953.
45. К о н о б е е в В. Д. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М., 1953.
46. К о с е в Д. Новая история Болгарии. М., 1952.
47. К о с е в Д. Положением на българския народ преди Априлското въстание. «Исторически преглед». 1947, кн. 2.
48. М а р к о в и ћ Св. Еще одно слово об «освобождении». «Социјалистичка штампа у Србији до XIX веку», Избор чланака, I. Београд, 1951.
49. М и л л е р А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948.
50. М и л у т и н о в и ћ К. Васо Пелагић и Босанско-Херцеговачки устанак. Сарајево, 1953.
51. М и л ю т и н Д. А. Дневник, т. I, II. М., 1947—1949.
52. М а с г а h а n J. A. The Turkish Atrocities in Bulgaria. London, 1876.
53. Н е д к о в Б. Турски документи за въстанието в Шумен (Коларовград) през септември 1875 г. «Известия на Държавна библиотека Васил Коларов» за 1956 г. София, 1958.
54. Н и к и т и н С. А. Возникновение Московского славянского комитета. «Вопросы истории», 1947, № 8.
55. Н и к и т и н С. А. Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. «Славянский архив». М., 1959.
56. Н и к и т и н С. А. Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 г. Славянский сборник. М., 1948.
57. Н и к и т и н С. А. Революционная борьба в Болгарии и Апрельское восстание. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953.
58. Н и к и т и н С. А. Руската общественост и освобождението на България. «Исторически преглед», 1958, кн. 2.
59. Н и к и т и н С. А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957.
60. Н и к и т и н С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.
61. Н и к и т и н С. А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века. Славянский сборник. М., 1948.
62. О б р е т е н о в Н. Т. Спомени за българските въстания. София, 1942.
63. О в с я н ы й Н. Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904.
64. Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, т. I, III, ч. 1 (приложение). СПб., 1904.
65. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. IV, VI. СПб., 1901.
66. П а с к а л е в а В. Демократичната общественост в Западна Европа и освобождението на България. «Освобождението на България от турско иго. 1878—1958». София, 1958.
67. П е л а г и ћ В. Историја босанско-херцеговачке буне. Сарајево, 1953.
68. П е т р о в и ћ М. Ратне белешке 1876, 1877 и 1878 г. в. I. Чачак, 1955.
69. П е т р о с я н Ю. А. «Новые османь» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958.

70. Письма К. П. Победоносцева к Александру III, т. I. М., 1925.
71. Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868—1880). Београд, 1953.
72. Положението на българския народ под турско робство. София, 1953.
73. Р и с т и ћ Ј о в. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност, 1875—1878, кн. I. Београд, 1896.
74. Р ы ж о в а Р. И. Из истории русско-черногорских отношений (Дипломатическая борьба в 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории). «Исторические записки». М., 1958, т. 63.
75. С а ж и н М. П. Воспоминания 1860—1880 гг. М., 1925.
76. Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917 гг. М., 1952.
77. Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. 5, 8, 29. СПб., 1898.
78. С к а р и ћ В. Из прошлости Босне и Херцеговине XIX в. «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине». Сарајево, 1949.
79. Спомена о херцеговачком устанку 1875 г. Београд, 1928.
80. С т а ј и ћ В. Светозар Милетић. Београд.
81. С т о й ч е в И. Материјали за дејноста на П. Хитов през 1876 г. в Сърбия. София, 1939.
82. С т о й ч е в И. Уточняване датата на документ за Априлското въстание. «Известия на Архивния институт при БАН», кн. I, 1957.
83. С т о я н о в З. Записки по българските въстания, т. I. София, 1949.
84. С т о я н о в З. Христо Ботйов. Опыт за биография. София, 1946.
85. С т о я н о в М. Българска възрожденска книжнина, т. I. София, 1957.
86. С т р а ш и м и р о в Д. Т. Архив на възраждането, т. I. София, 1908.
87. С т р а ш и м и р о в Д. Т. История на Априлското възстание, т. I—III. Пловдив, 1907.
88. S c h o r o f f A. Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie 1673—1904. Paris, 1904.
89. S t o j a n o v i ć M. The Great Powers and the Balkans 1875—1878. Cambridge, 1939.
90. S u m n e r V. H. Russia and the Balkans. 1870—1880. Oxford, 1937.
91. Š i š i ć F. Okupacija i aneksija Bosne i Hercegovine. Zagreb, 1938.
92. Т а т и щ е в С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1911.
93. Т о д о р о в Г. Временното руско управление в България през 1877—1879 гг. София, 1958.
94. Т о д о р о в Г. Към въпроса за произхода и същността на политическите програми на партиите в Учредителното събрание. «Известия на Института за българска история», кн. 7. София, 1957.
95. Т о д о р о в и ћ П. Дневник једнога добровољца. Београд, 1938.
96. Ф е л ь к н е р А. Славянская борьба 1875—1876 гг. Исторический очерк восстания балканских славян, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатических сношений с июля 1875 г. по январь 1877 г. СПб., 1877.
97. Х а в р а н к о в а Р. Откликът на Априлското въстание през 1876 г. сред чешкото общество. «Исторически преглед», 1959, кн. 6.
98. Ц а н к о в К. А. Официални ромъно-турски документи по минаванието на Хр. Ботйовата чета през Дунава в 1876 г. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XVIII, т. I. София, 1901.
99. Ч е х л а р о в Н. Документи по българското възраждане. Извадки из копираната книга на централния революционен комитет в Букурещ. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXII—XXIII. София, 1906—1907.
100. Ћ о р о в и ћ В. Лука Вукаловић и Херцеговачки устанци од 1852—1862 године. Београд, 1923.
101. Ћ о р о в и ћ В. Црна Гора и Аустрија 1814—1894. Београд, 1924.
102. Ч у б р и л о в и ћ В. Босански устанак 1875—1878 г. Београд, 1930.
103. Ч у б р и л о в и ћ В. и Ћ о р о в и ћ В. Србија од 1858 до 1903 г. Београд [б. г.].

**СПИСОК ФОНДОВ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПЕРВОМ ТОМЕ СБОРНИКА**

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА)

- ф. ВУА — Военно-ученый архив.
- ф. 1/л. — Канцелярия Военного министерства.
- ф. 7/л. — Военно-походная канцелярия императорской главной квартиры.
- ф. 277/л. — Российское общество Красного Креста.
- ф. 401 — Военно-ученый комитет.
- ф. 402 — Канцелярия мобилизационного комитета.
- ф. 439 — Сербия.
- ф. 450 — Турция.
- ф. 485 — Русско-турецкая война 1877—1878 гг.
- ф. 504 — Главное артиллерийское управление.

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ)

- ф. 651 — Васильчиковы, князья.
- ф. 777 — Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет).
- ф. 796 — Канцелярия Синода.
- ф. 1263 — Комитет министров.
- ф. 1282 — Канцелярия министра внутренних дел.
- ф. 1292 — Управление по делам о воинской повинности.
- ф. 1410 — Вещественные доказательства по делам Министерства юстиции.

Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ)

- ф. 109 — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии (III отд.).
- ф. 112 — Особое присутствие Правительствующего сената (ОППС).
- ф. 730 — Игнатъев Н. П.
- ф. 1737 — Смирнов В. Н.
- ф. 1750 — Московское славянское благотворительное общество.
- ф. 1762 — Лавров П. Л.

Архив внешней политики России (АВПР)

- ф. Канцелярия.
- ф. СПб. Главный архив. (ф. СПб. ГА).
- ф. Посольство в Константинополе.

**Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
(ЦГИА Груз. ССР)**

- ф. 521 — Штаб Кавказского военного округа.

Государственный архив Краснодарского края

- ф. 668 — Управление начальника Темрюкского уезда области Войска Кубанского.

Государственный архив Ставропольского края

ф. 69 — Канцелярия ставропольского губернатора.

Государственный архив Крымской области

ф. 26 — Канцелярия таврического губернатора.

Государственный архив Куйбышевской области

ф. 170 — Самарская городская дума.

Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО)

ф. 400 — С.-Петербургское славянское благотворительное общество.

Государственный архив Одесской области

ф. 2 — Канцелярия одесского градоначальника.

ф. 162 — Зеленый П. А.

Государственный архив Ростовской области

ф. 200 — Доверенные Общества донских торговых казаков.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

ф. 208 — Черняев М. Г.

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ)

ф. 43 — Бух К. А.

ф. 126 — Киреевы-Новиковы.

ф. 169 — Милютин Д. А.

ф. 239 — Попов Н. А.

ф. 327 — Черкасский В. А.

ф. 332 — Чижов Ф. В.

**Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБС-Щ)**

Архив Аксакова И. С.

Архивен отдел при Българската академия на науките (АБАН)

ф. 22 — Тодор Пеев.

Арх. сб. — Архивна сбирка.

**Български исторически архив при Народна библиотека «Васил Коларов»
(НБВК—БИА)**

ф. 2 — Любен Каравелов.

ф. 5 — Кириак Цанков.

ф. 8 — Митрополит Панарет Погоняански — Панарет Рашев.

ф. 56 — Българско централно благотворително общество.

ф. 78 — Български революционен централен комитет.

ф. 80 — Димитър Ценович.

ф. 87 — Панайот Хитов.

ф. 99 — Георги Стойчев.

ф. 122 — Никола Обретенов.

ф. 232 — Петър Енчев.

ф. 294 — Никола Живков.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1875 г.

- № 1. Марта 4 (16). — Донесение русского консула в Рагузе А. С. Ионина директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухову о растущем недовольстве населения Герцеговины колонизаторской политикой Турции 19
- № 2. Марта 14. — Донесение русского вице-консула в Мостаре Я. П. Славолубова русскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву о репрессиях турецких властей в Герцеговине и о подготовке населения Невесинья к восстанию. 22
- № 3. Апреля 26. — Донесение русского консула в Битоли В. А. Максимова Н. П. Игнатьеву о тяжелом экономическом положении крестьян в Битольском вилайете 25
- № 4. Апреля 26. — Письмо болгарских эмигрантов в Румынии Х. Иванова, Г. Петра, М. Ништети и других члену Болгарского центрального революционного комитета воеводе П. Хитову в Белград о намерении переправить в Болгарию вооруженный отряд и с просьбой назначить командира отряда 27
- № 5. Июня 25 (июля 7) — Донесение А. С. Ионина управляющему Министерством иностранных дел А. Г. Жомини о начале восстания в Герцеговине и об отношении к нему черногорского князя Николая 27
- № 6. Июля 12. — Письмо А. Г. Жомини русскому поверенному в делах в Константинополе А. И. Нелидову о стремлении русского правительства объединить усилия России, Австро-Венгрии и Пруссии в целях мирного урегулирования герцеговинского вопроса 34
- № 7. Июля 15. — Письмо П. Хитова члену революционного комитета в Болграде Н. Минкову о созыве общего собрания БЦРК в связи с восстанием в Герцеговине и Боснии 38
- № 8. Июля 30 (августа 11). — Донесение А. И. Нелидова А. Г. Жомини о расширении восстания в Герцеговине и о возможности вмешательства европейских держав в герцеговинский вопрос. 39
- № 9. Июля 31 (августа 12). — Из рапорта русского военного агента в Константинополе полковника А. С. Зеленого военному министру Д. А. Милютину об экономическом положении Турции и о восстании в Герцеговине 44
- № 10. Июль. — Письмо С. М. Степняка-Кравчинского А. Л. Линеву о необходимости выяснить характер восстания в Герцеговине и о желательности участия в восстании русских революционеров 48
- № 11. Июль. — Письмо С. М. Степняка-Кравчинского П. Л. Лаврову о цели своей поездки в Герцеговину и Сербию 49
- № 12. Августа 1. — Донесение секретаря русского генерального консульства в Русуке И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву об отношении болгар к восстанию в Герцеговине и деятельности болгарской революционной эмиграции в Румынии во главе с Христо Ботевым 50
- № 13. Августа 2. — Письмо В. Живановича члену БЦРК Л. Каравелову с призывом начать борьбу за освобождение болгарского народа. 52
- № 14. Августа 7. — Донесение русского генерального консула в Белграде А. Н. Карцова А. Г. Жомини о солидарности сербского народа с повстанцами Боснии и Герцеговины 53

- № 15. Августа 7. — Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини о намерении Сербии объявить войну Турции и о просьбе князя Милана определить позицию России в случае оккупации Австро-Венгрией территории Сербии 56
- № 16. Августа 9. — Письмо А. Г. Жомини русскому послу в Вене Е. П. Новикову о необходимости согласования позиции России и Австро-Венгрии в Восточном вопросе 59
- № 17. Августа 12 (24). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини об успешных военных действиях повстанцев Герцеговины и о положении в Черногории. 64
- № 18. Августа 12. — Протокол Народного собрания, созданного БЦРК, о провозглашении восстания в Болгарии 70
- № 19. Августа 15 (27). — Из передовой статьи газеты «Вперед!» «Исторический фатализм» 72
- № 20. Августа 16 (28). — Письмо П. Икономова Л. Каравелову о сборе болгарами в Браилове пожертвований для герцеговинских повстанцев 77
- № 21. Августа 19 (31). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини о положении Черногории в связи с усилением восстания в Боснии и Герцеговине и о возможности выступления Черногории против Турции 77
- № 22. Августа 20. — Прощение Одесского славянского благотворительного общества одесскому градоначальнику Н. И. Бухарину о разрешении сбора средств для герцеговинских беженцев. . . . . 85.
- № 23. Августа 23. — Обращение БЦРК ко всем болгарским патриотам с призывом принять активное участие в организации восстания в Болгарии 86
- № 24. Августа 23. — Письмо члена революционного комитета в Турну-Магурели П. Мишайкова бывшим членам БЦРК К. Цанкову и Л. Каравелову о готовности Ф. Тотю принять участие в восстании во главе вооруженного отряда 87
- № 25. Августа 25. — Письмо вице-директора Азиатского департамента МИД А. А. Мельникова председателю Петербургского отдела славянского комитета И. П. Корнилову о разрешении проводить сборы средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине 88
- № 26. Августа 27. — Записка III отделения собственной е. и. в. канцелярии об открытии подписки в пользу населения Герцеговины в редакциях петербургских газет 89
- № 27. Августа 28. — Воззвание БЦРК к мусульманам Болгарии, с призывом присоединиться к борьбе болгар против султанского правительства. 89
- № 28. Августа 29. — Письмо руководителя восстания в Старой Загоре С. Стамболова в БЦРК о ходе подготовки восстания в Болгарии 90
- № 29. Августа 31 (сентября 12). — Донесение А. С. Ионина канцлеру А. М. Горчакову о переговорах представителей Сербии и Черногории о совместном выступлении против Турции 91
- № 30. Августа 31. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву о подготовке болгарской эмиграцией восстания в Болгарии 92
- № 31. Конец августа — начало сентября. — Из письма С. М. Стеньяка-Кравчинского П. Л. Лаврову об участии в Герцеговинском восстании и о характере восстания 93
- № 32. Сентября 8. — Письмо члена Рушукского революционного комитета Н. Обретенова секретарю БЦРК И. Драсову о необходимости средств для организации восстания в Болгарии 95
- № 33. Сентября 10. — Донесение А. Н. Карцова А. Г. Жомини о принятии Скупщиной решения поддержать восстание в Герцеговине и развернуть подготовку войны с Турцией 97
- № 34. Сентября 11. — Письмо А. Н. Карцова Н. П. Игнатьеву о положении в Сербии 100
- № 35. Сентября 11 (23). — Донесение управляющего русским консульством в Сараеве М. Бакунина Н. П. Игнатьеву о ходе восстания в Боснии и Герцеговине 102
- № 36. Сентября 11. — Письмо Тырновского революционного комитета Н. Обретенову о подготовке и сроке восстания в Болгарии и обеспечении его поддержкой со стороны России и других дружественных государств. 107
- № 37. Сентября 11. — Письмо Тырновского революционного комитета в БЦРК с требованием активизировать подготовку восстания, подбор кадров повстанцев и доставку оружия 108
- № 38. Сентября 11. — Письмо П. Хитова И. Сапунову в Белград о подготовке оружия для повстанцев 109
- № 39. Сентября 12. — Решение Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте об отправке денег в Белград для оказания помощи повстанцам Боснии и Герцеговины 110
- № 40. Сентября 12. — Письмо Тырновского революционного комитета Н. Обретенову с просьбой известить П. Хитова о дне восстания и о необходимости отправить руководителей повстанцев в Габрово и Старую-Загору 110

- № 41. Сентября 13. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву о революционном подъеме в Болгарии 111
- № 42. Сентября 15. — Письмо председателя революционного комитета в с. Червена вода Т. Кырджиева Н. Обретенову об использовании червеноводского вооруженного отряда 115
- № 43. Не позднее сентября 17. — Письмо председателя Тырновского революционного комитета И. Хаджидимитрова Русуцкому революционному комитету о назначении даты восстания . . . . . 116.
- № 44. Сентября 19. — Письмо БЦРК Русуцкому революционному комитету о готовности послать из Румынии вооруженные отряды для помощи болгарскому восстанию 117
- № 45. Сентября 23. — Донесение русского консула в Адрианополе И. А. Иванова Н. П. Игнатьеву о конфискации турецкими властями оружия у болгарского населения г. Сливно 118
- № 46. Сентября 23. — Прошение группы одесских жителей Н. И. Бухарину о разрешении организовать комитет для сбора средств в пользу герцеговинцев, пострадавших от турецких репрессий . . . . . 119.
- № 47. Сентября 25. — Донесение А. Н. Кардова А. Г. Жомини о рекомендации дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству воздержаться от выступлений против Турции 119
- Сентября 24 (октября 6). Коллективное заявление дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству 121
- № 48. Сентября 27. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву об арестах болгар в Русуке, Шумле и Тырнове и об отношении к восстанию митрополита Григория 123
- № 49. Сентября 29. — Отношение управляющего III отделением А. Ф. Шульца начальнику Московского губернского жандармского управления И. Л. Слезкину об агитации среди студентов Московского университета за участие в Герцеговинском восстании . . . . . 125.
- № 50. Сентября 30. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву об арестах среди болгарской молодежи в г. Шумле 125
- № 51. Октября 1. — Решение собрания членов БЦРК об отправке в Болгарию воюводы Ф. Тотю и С. Стамболова для руководства восстанием 126
- № 52. Октября 2 (14). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о поражении Старозагорского восстания 127
- № 53. Октября 4. — Донесение И. П. Крылова Н. П. Игнатьеву о революционных настроениях в Болгарии и продолжающихся арестах болгарских патриотов 128
- № 54. Октября 11. — Корреспонденция газеты «Вперед» «Из Сербии» 130
- № 55. Октября 13. — Письмо И. П. Корнилова вятскому губернатору В. И. Чарыкову о содействии сбору средств в пользу беженцев из Боснии и Герцеговины. 133
- № 56. Октября 13 (25). — Донесение А. И. Нелидова Александру II об арестах болгарских патриотов и усилении антитурецких настроений в Болгарии. 133
- № 57. Октября 14 (26). — Донесение А. С. Ионина А. Г. Жомини об успешных действиях повстанцев в Герцеговине. . . . . 134.
- № 58. Октября 14. — Письмо председательницы дамского отделения Московского славянского комитета [А. Н. Стрекаловой] о деятельности отделения по оказанию помощи беженцам из Боснии и Герцеговины 137
- № 59. Октября 20. — Расписка председательницы сербского общества «Женское друштво» Е. Миловука о получении денег для раненых от Болгарского человеколюбивого настоятельства 138
- № 60. Октября 20 (ноября 1). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о напряженном положении в Болгарии в связи с усилением репрессий турецких властей 138
- № 61. Октября 21. — Письмо начальника III отделения А. Л. Потапова А. Г. Жомини о запрещении славянским комитетам обращаться за поддержкой к земствам 140
- № 62. Октября 26. — Письмо члена Московского славянского комитета Н. Н. Дурново секретарю Московского славянского комитета Н. А. Попову о сборе пожертвований и отправке добровольцев в Герцеговину 141
- № 63. Октября 28 (ноября 9). — Донесение А. С. Ионина А. А. Мельникову о распределении поступивших в русское консульство в Рагузе средств для помощи герцеговинским беженцам и о пуждах беженцев 141
- № 64. Октября 30. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову с благодарностью за помощь, оказанную Московским славянским комитетом боснийцам и герцеговинцам, и о надежде южных славян на поддержку России в их освободительной борьбе 146
- № 65. Октября 30 (ноября 11). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о действиях турецкой администрации с целью умиротворения болгарского населения 147

- № 66. Ноября 5 (17). — Донесение Е. П. Новикова А. Г. Жомини о плане проведения реформ в Боснии и Герцеговине, предложенном Андраши. 149
- № 67. Ноября 7. — Из записки III отделения о стремлениях в русском обществе к ограничению помощи населению Герцеговины 152
- № 68. Ноября 15(27). — Письмо А. С. Ионина И. С. Аксакову о получении денег от славянских комитетов на покупку хлеба для беженцев из Боснии и Герцеговины и о сборе пожертвований в Черногории. 152
- № 69. Ноября 16. — Донесение русского поверенного в делах в Белграде Н. Н. Ладженского А. Г. Жомини о переговорах Сербии и Черногории с целью достижения соглашения о совместных действиях в поддержку Боснии и Герцеговины 154
- » Октября 27. — Письмо министра иностранных дел Сербии Г. Павловича председателю черногорского Сената Божидару Петровичу о цели миссии Ф. Христича в Черногорию 155
- » Октября 27. — Письмо сербского князя Милана черногорскому князю Николаю о своей женитьбе 156
- № 70. Ноября 30. — Письмо Е. Миловука в Дамское отделение Московского славянского комитета с просьбой о присылке средств в помощь беженцам из Боснии и Герцеговины 159
- № 71. Декабря 12. — Письмо командира санитарной роты румынской армии капитана К. Мэйнеску в Комитет по оказанию помощи раненым в восставших провинциях Турции о сборе пожертвований 160
- № 72. Декабря 16 (28). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову о приезде в Сербию русских офицеров и их деятельности 161
- № 73. Декабря 19. — Протокол допроса члена «Южнороссийского союза рабочих» слесаря мастерских Одесской железной дороги В. Я. Мрачковского о сборах пожертвований в пользу населения Боснии и Герцеговины 161
- № 74. Декабря 24. — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о результатах переговоров между Сербией и Черногорией относительно поддержки восстания в Боснии и Герцеговине 163
- № 75. Декабря 27. — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о военных силах Сербии и подготовке ее к войне с Турцией 165
- № 76. Декабря 29. — Отношение Воздвиженского волостного правления Самарской губ. И. С. Аксакову о сборе пожертвований в пользу беженцев из Боснии и Герцеговины 168
- № 77. Декабря 30. — Из протокола допроса члена «Южнороссийского союза рабочих» рабочего завода Гулье-Бланшарда И. П. Чимиренко о сборах в пользу населения Боснии и Герцеговины 168

1876 г.

- № 78. Января 11. — Письмо Н. Н. Дурново Н. А. Попову о расходовании средств, переданных сербскому митрополиту Михаилу из России для беженцев Боснии и Герцеговины 171
- № 79. Января 15. — Письмо И. Поповича-Липоваца И. С. Аксакову об отъезде в Боснию для участия в восстании и о закупке оружия для повстанцев . . . 172
- № 80. Января 19 (31). — Донесение русского дипломатического агента и генерального консула в Бухаресте И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о военных приготовлениях Румынии 173
- № 81. Января 28. — Письмо сербского митрополита Михаила Н. А. Попову о необходимости помощи России в решении Восточного вопроса 176
- № 82. Февраля 4 (16). — Донесение И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о подготовке Болгарским центральным революционным комитетом восстания и о позиции «старых» 177
- № 83. Февраля 4. — Предписание командующего войсками Варшавского военного округа и варшавского генерал-губернатора П. Е. Коцебу варшавскому губернатору Н. Н. Медему с требованием пресечь движение варшавской молодежи в поддержку Герцеговинского восстания 180
- № 84. Февраля 4. — Письмо И. С. Аксакова старшине Московского купеческого общества С. М. Третьякову о необходимости усилить сбор средств для помощи беженцам из Герцеговины 181
- № 85. Февраля 6. — Докладная записка А. Л. Потапова Александру II о секретном наблюдении за М. Г. Черняевым 182
- № 86. Февраля 12. — Письмо руководителей восстания в Боснии Московскому славянскому комитету с просьбой о присылке денег на покупку оружия в связи с предполагаемым выступлением против турецких войск 183
- № 87. Февраля 27. — Донесение русского консула в Скутари И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву о недовольстве герцеговинцев нотой Андраши и возобновления ими военных действий против турок. 184

- № 88. Февраля 27 (марта 10). — Письмо Г. С. Веселитского-Божидаровича И. С. Аксакову с отчетом о расходовании средств на покупку оружия и о необходимости подвоза хлеба для повстанцев 186
- № 89. Марта 11 (23). — Донесение И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о попытках агентов сербского правительства договориться с болгарской эмиграцией в Румынии о совместном выступлении против Турции 188
- № 90. Марта 12. — Агентурная записка в III отделение о сочувствии русской интеллигенции освободительной борьбе южных славян и об отправке добровольцев в Герцеговину на средства редакций газет. 190
- № 91. Марта 13 (25). — Донесение И. А. Зиновьева А. М. Горчакову о провале переговоров агентов сербского правительства с болгарской эмиграцией в Румынии 190
- № 92. Марта 29 (апреля 10). — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о требованиях повстанцев Боснии и Герцеговины, выдвинутых в качестве условий перемирия 192
- № 93. Апреля 8. — Письмо управляющего Азиатским департаментом МИДа Н. К. Гирса И. П. Корнилову о выделении средств для помощи беженцам, прибывшим из Боснии и Герцеговины в Триест 198
- № 94. Апреля 9 (21). — Донесение А. Н. Карцова в МИД о военных приготовлениях в Сербии. 198
- № 95. Апреля 12. — Письмо черногорского князя Николая члену Петербургского славянского комитета с благодарностью за оказанную помощь беженцам Боснии и Герцеговины 200
- № 96. Апреля 19. — Письмо кишиневского исправника И. С. Иванова И. С. Аксакову о закупке оружия для Болгарии и об оказании помощи офицерам-болгарам. 201
- № 97. Апреля 27 (мая 9). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о начале Апрельского восстания в Болгарии 202
- № 98. Апреля 29. — Письмо И. С. Аксакова председателю Петербургского отдела славянского комитета А. И. Васильчикову о политической линии славянских комитетов в герцеговинском и болгарском вопросах и об отношении к деятельности Г. С. Веселитского-Божидаровича 205
- № 99. Апреля 29. — Письмо М. Г. Черняева И. С. Аксакову о начале восстания в Болгарии и о необходимости оказать помощь в размещении в России сербского займа 208
- № 100. Апреля 29 (мая 11). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о расширении Апрельского восстания в Болгарии и о новых назначениях на высшие административные должности в Европейской Турции 211
- № 101. Апрель. — Воззвание уполномоченных Главного комитета боснийского восстания за освобождение к русскому народу с просьбой о помощи боснийцам. 214
- № 102. Мая 1. — Письмо В. С. Юпина Н. А. Попову о тяжелом положении населения Боснии и необходимости оказания ему денежной помощи 215
- № 103. Мая 7 (19). — Донесение Н. П. Игнатьева Александру II о подавлении Апрельского восстания в Болгарии 217
- № 104. Мая 8. — Письмо члена Петербургского славянского комитета А. М. Поршнякова члену комитета И. Ф. Золотареву об отправке денег в Черногорию 219
- № 105. Мая 13 (25). — Донесение Н. П. Игнатьева товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу о жестоком подавлении Апрельского восстания в Болгарии 220
- № 106. Мая 15. — Письмо болгарского журналиста Т. Бурмова Н. А. Попову о зверском подавлении восстания в Болгарии и необходимости оказания ей помощи 222
- № 107. Мая 17. — Письмо врача русского посольства в Константинополе В. Кароноковского Н. А. Попову с просьбой о помощи болгарскому населению и о зверствах турок в Болгарии 223
- № 108. Мая 19. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову о положении Сербии и благодарности сербского народа русскому народу за помощь в борьбе против Турции 225
- № 109. Мая 19. — Письмо министра внутренних дел А. Е. Тимашева помощнику начальника III отделения Н. В. Мезенцову об объявлении второго предупреждения газете «Русский мир» 228
- № 110. Мая 21. — Телеграмма Н. А. Киреева и И. С. Иванова члену Петербургского славянского комитета А. А. Кирееву о высылке денег в Кишинев на покупку оружия 228
- № 111. Мая 22 (июня 3). — Донесение И. А. Зиновьева Н. К. Гирсу о переправе из Румынии в Болгарию четы Христо Ботева и высадке ее близ Рахово 229
- № 112. Мая 22. — Письмо А. А. Киреева И. С. Аксакову о необходимости более решительной поддержки болгар 230
- № 113. Мая 24 (июня 5). — Письмо А. Л. Потапова А. Е. Тимашеву о распоряжении Александра II отозвать из Сербии М. Г. Черняева 231

- № 114. Мая 25. — Записка управляющего русским консульством в Адрианополе А. Н. Церетелева о положении в Болгарии 231
- № 115. Мая 27. — Телеграмма В. С. Ионина П. Енчеву в Николаев об отъезде в Москву 236
- № 116. Мая 27. — Письмо А. Н. Церетелева Н. А. Попову о зверствах турок в Болгарии и о необходимости оказания помощи болгарам 236
- № 117. Мая 30 (июня 11). — Записка А. Л. Потапова о запрещении генералу Р. А. Фадееву выехать в Сербию или Черногорию 237
- № 118. Мая 31 (июня 12). — Донесение Н. П. Игнатъева Н. К. Гирсу о представлениях турецкому правительству в целях защиты болгар от жестокостей турок
Мая 30. — Донесение А. Н. Церетелева Н. П. Игнатъеву о расправе турок с болгарам в Филиппополе 238
- № 119. Мая 31. — Из письма А. Н. Карцова Н. П. Игнатъеву о подготовке сербского правительства к войне с Турцией и о переговорах С. Милетича с князем Миланом. 241
- № 120. Июня 1. — Письмо сербского митрополита Михаила А. А. Кирееву с просьбой об оказании помощи миссии председателя сербского кассационного суда М. Р. Протича 244
- № 121. Июня 4. — Письмо В. С. Ионина Н. А. Попову о передаче Петербургским славянским комитетом денег для болгар, пострадавших от турецких зверств 244
- № 122. Июня 4. — Письмо А. И. Васильчикова секретарю Петербургского славянского комитета И. К. Янкули об оказании помощи болгарам и о формировании санитарных отрядов для Сербии 245
- № 123. Июня 14. — Из политического обзора помощника начальника Херсонского губернского жандармского управления в г. Николаеве М. И. Орловского о равнодушии местного общества к событиям на Балканах 246
- № 124. Июня 17. — Письмо В. С. Ионина А. И. Васильчикову об отъезде в Болгарию офицеров-болгар 247
- № 125. Июня 19. — Из письма С. А. Подолинского секретарю редакции газеты «Вперед» В. Н. Смирнову о предполагавшейся поездке в Герцеговину 248
- № 126. Июня 20. — Полномочие, выданное М. Г. Черняевым В. С. Ионину и П. Енчеву для организации болгарских отрядов в окрестности г. Зайчар 248
- № 127. Июня 22. — Из письма управляющего Южнославянским пансионом в Николаеве Т. Н. Минкова члену БЦРК Т. Пееву в Браилово о начале сербско-турецкой войны и об отношении к ней болгар 249
- № 128. Июня 22. — Письмо А. А. Киреева о разрешении русского правительства на сбор пожертвований в пользу болгар 249
- № 129. Июня 23. — Отношение Одесского болгарского настоятельства Петербургскому славянскому комитету о турецких зверствах в Болгарии и необходимости выделить средства настоятельству для оказания помощи болгарским беженцам 250
- № 130. Июня 23. — Письмо Т. Пеева члену Болгарского человеколюбивого настоятельства И. Кавалджиеву о приезде В. С. Ионина в Бухарест и о подготовке к организации единого центра болгарской эмиграции в Румынии 252
- № 131. Июня 24. — Письмо уполномоченного Российского общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории С. Ф. Панютину в Главное управление общества о расширении деятельности русских госпиталей в связи с вступлением Черногории в войну против Турции 253
- № 132. Июня 24. — Письмо члена болгарского комитета в Болграде И. Иванова К. Цанкову о поездке в Румынию В. С. Ионина для оказания помощи в восстановлении Болгарского центрального революционного комитета 257
- № 133. Июня 24. — Письмо Т. Пеева И. Кавалджиеву об отъезде В. С. Ионина и П. Епчева в Бухарест 257
- № 134. Июня 24. — Заявление врача А. В. Щербака в Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах о желании поехать в Черногорию для оказания помощи раненым 258
- № 135. Июня 26. — Письмо И. Иванова П. Енчеву в Бухарест о доставке оружия из Кишинева 258
- № 136. Июня 26. — Письмо болгарского публициста С. Миларова бывшему члену БЦРК И. Драсову в Браилово о создании организации болгарских эмигрантов в Румынии и о борьбе между партиями «старых» и «молодых» 259
- № 137. Июня 27. — Из письма И. С. Аксакова члену Московского славянского комитета Ф. В. Чижову о денежной помощи Сербии 260
- № 138. Июня 27 (июля 9). — Донесение А. С. Ионина А. М. Горчакову о переговорах Сербии и Черногории и о вступлении Черногории в войну с Турцией на стороне Сербии 262
- № 139. Июня 28. — Письмо болгарского общественного деятеля П. Каланджи К. Цанкову о необходимости присылки оружия для болгарских добровольцев 268

- № 140. Июня 30. — Письмо В. С. Ионина члену Московского славянского комитета С. В. Шаховскому о подготовке к созданию Болгарского центрального комитета и о формировании болгарских дружин. 268
- № 141. Июня 30. — Из политического обзора начальника жандармского управления Шавельского и Поневежского уездов И. А. Ордынского начальнику Ковенского губернского жандармского управления И. К. Турцевичу о настроениях местного польского населения в связи с событиями на Балканах 270
- № 142. Июня 30. — Письмо Болгарского комитета в Кладове К. Цанкову о снаряжении и вооружении болгарских добровольцев, прибывающих в Кладово . 271
- Приложение*
Июнь — Устав болгарских добровольцев в Кладове 272
- № 143. Июня 30. — Из перлюстрированного письма профессора Петербургского университета О. Ф. Миллера И. С. Аксакову о желательности подать адрес Александру Ц 273
- № 144. Июля 1. — Предписание А. Е. Тимашева Н. И. Бухарину представить проект воззвания Одесского болгарского настоятельства о пожертвованиях в пользу болгар 273
- № 145. Июля 1. — Письмо И. Драсова Т. Пееву о борьбе с группой К. Цанкова за руководящую роль в БЦБО 274
- № 146. Июля 1. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову с просьбой оказать содействие в укреплении внешнеполитического положения Сербии и предоставлении ей займа 275
- № 147. Июля 2. — Письмо Н. А. Попова Одесскому болгарскому настоятельству о необходимости активизировать деятельность настоятельства и усилить денежную поддержку Болгарии 276
- № 148. Июля 2. — Политический обзор помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Макарьевском уезде П. С. Перфильева об отношении местного населения к событиям на Балканах и о нежелательности вступления России в войну с Турцией 278
- № 149. Июля 5. — Письмо преподавателя Ахтырского уездного училища С. К. Степанека И. С. Аксакову о препятствии местных властей организации денежных сборов в пользу южных славян 280
- № 150. Июля 5. — Из особого журнала заседания Самарской городской думы об избрании комитета для организации сбора средств и помощи южным славянам 280
- № 151. Июля 5. — Из перлюстрированного письма С. А. Юрьева издателью газеты «Современные известия» Н. П. Гилярову-Платонову об агитации среди крестьян за подписание адреса М. Г. Черняеву 281
- № 152. Июля 6. — Письмо председателя Цетинского комитета помощи герцеговинцам митрополита Илариона в Московский славянский комитет с просьбой о помощи 282
- № 153. Июля 6. — Полномочие, выданное болгарским комитетом в Болграде преподавателю болгарской гимназии Д. Ямболову для участия в учредительном собрании Болгарского центрального благотворительного общества 282
- № 154. Июля 7. — Письмо М. Р. Протича И. С. Аксакову о формировании для Сербии санитарных отрядов и о переговорах с А. М. Горчаковым по поводу размещения сербского займа 283
- № 155. Июля 8. — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о состоянии сербской армии и начале военных действий против Турции 285
- № 156. Июля 8. — Письмо А. Н. Карцова Н. П. Игнатьеву о вооружении сербской армии и ее первых военных действиях против Турции 289
- № 157. Июля 9. — Письмо председательницы Болгарского благотворительного женского общества Е. Д. Ценович в Московский славянский комитет с просьбой о помощи болгарскому народу 291
- № 158. Июля 10. — Протокол учредительного собрания Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте 292
- № 159. Июля 10. — Устав Болгарского центрального благотворительного общества 293
- № 160. Июля 11. — Полномочие, выданное БЦБО В. С. Ионину и П. Енчеву для переговоров в Сербии 294
- № 161. Июля 12. — Письмо М. Г. Черняева И. С. Аксакову о возможности оказания помощи болгарскому восстанию из Сербии 295
- № 162. Июля 12 (24). — Из обзора газеты «Вперед!» «За две недели» 295
- № 163. Июля 15. — Письмо БЦБО И. С. Аксакову с сообщением о начале деятельности общества и его задачах 296
- № 164. Середина июля. — Записка И. С. Аксакова о порядке вербовки добровольцев в Сербию 297
- № 165. Июля 16. — Письмо БЦБО в Московский славянский комитет с благодарностью русскому народу за неизменную помощь болгарскому народу . . . 298

- № 166. Июля 17. — Письмо В. С. Ионина А. И. Васильчикову о враждебном отношении румынского правительства к формированию в Румынии болгарских отрядов 299
- № 167. Июля 17. — Письмо генерала Р. А. Фадеева И. С. Аксакову о сборе пожертвованных для оказания помощи Болгарии 300
- № 168. Июля 17. — Письмо члена болгарского комитета в Галаце Р. Атанасова К. Цанкову о желательности совместных действий партии «молодых» и «старых» 302
- № 169. Июля 20. — Письмо учителя П. Н. Щербины И. С. Аксакову о желании поехать в Сербию для работы в лазаретах 303
- № 170. Июля 21. — Воззвание Кишиневского болгарского общества о сборе средств для оказания помощи Болгарии 303
- № 171. Июля 21. — Письмо члена болгарского комитета в Галаце Р. Атанасова К. Цанкову о неудаче переговоров со «старыми» и об отправке болгарских добровольцев в Сербию 304
- № 172. Июля 23. — Донесение И. С. Ястребова Н. П. Игнатьеву о настроениях в Герцеговине в связи с победой черногорской армии при местечке Вучий Дол 305
- № 173. Июля 24. — Из перлюстрированного письма издателя газеты «Голос» А. А. Краевского профессору государственного права и публицисту А. Д. Градовскому в Вильно о необходимости пропагандировать дипломатический путь для решения Восточного вопроса 307
- № 174. Июля 24. — Письмо А. К. Баумгартена С. Ф. Панютину об отъезде в Черногорию профессора хирургии Н. В. Склифосовского 308
- № 175. Июля 25. — Письмо члена Петербургского славянского комитета А. Н. Хвостова И. С. Аксакову о намерении сформировать отряд для участия в сербско-турецкой войне 309
- № 176. Июля 25. — Письмо В. А. Махачки И. С. Аксакову о закупке ружей для болгар 310
- № 177. Не позднее июля 28. — Объявление канцелярии ставропольского губернатора об организации особой комиссии для сбора пожертвований в пользу балканских славян 311
- № 178. Июля 28. — Из перлюстрированного письма черниговского губернского предводителя дворянства Н. И. Неплюева Н. Н. Неплюеву о нецелесообразности вступления России в войну с Турцией. 311
- № 179. Июля 29. — Телеграмма А. М. Горчакова русскому дипломатическому агенту и генеральному консулу в Бухаресте Д. Ф. Стурарту о русских добровольцах в Сербии 312
- № 180. Июля 29. — Письмо И. С. Иванова И. С. Аксакову об отправке отряда болгар-добровольцев в Сербию 312
- № 181. Июля 29. — Письмо Т. Н. Минкова И. С. Аксакову с просьбой оказать помощь в отправке добровольцев в Сербию 313
- № 182. Июля 29. — Письмо Д. А. Милютина А. М. Горчакову о готовности России к войне 314
- № 183. Июля 30. — Письмо Т. Н. Минкова П. Енчеву в Бухарест о сборе средств в помощь болгарам 315
- № 184. Июля 30. — Записка по III отделению об отъезде 46 гвардейских офицеров в Сербию 315
- № 185. Июля 31. — Из политического обзора начальника Псковского губернского жандармского управления А. В. Комарова о сочувствии крестьян и городского населения восставшим славянам и о пожертвованиях в их пользу 316
- № 186. Июля 31. — Письмо А. Л. Потапова товарищу министра внутренних дел А. Б. Лобанову-Ростовскому о порядке проведения собраний и сборов пожертвований в пользу южных славян 316
- № 187. Июля 31. — Донесение начальника Рязанского губернского жандармского управления А. И. Бордюгова в III отделение о пожертвованиях населения губернии в пользу южных славян 317
- № 188. Июля 31. — Агентурная записка в III отделение о расширении в Петербурге движения добровольцев, желающих поехать в Сербию 317
- № 189. Июля 31. — Из перлюстрированного письма издателя газеты «Русское обозрение» журналиста Г. К. Градовского А. Д. Градовскому о войне в Сербии. 318
- № 190. Июль. — Заявление акушерки С. В. Логвеновой в Московский славянский комитет о желании отправиться сестрой милосердия в Сербию 319
- № 191. Августа 1. — Письмо неизвестного лица петербургскому градоначальнику Ф. Ф. Трепову о недовольстве политикой русского правительства в Восточном вопросе. 319
- № 192. Августа 2. — Письмо секретаря БЦБО Г. А. Золотовича И. С. Аксакову с просьбой о субсидии газете БЦБО 320

- № 193. Августа 2. — Отношение начальника главного управления по делам печати В. В. Григорьева Петербургскому цензурному комитету о запрещении политических выпадов в воззваниях славянских комитетов 321
- № 194. Августа 2. — Рапорт начальника Лифляндского губернского жандармского управления А. Т. Андреенова управляющему III отделением А. Ф. Шульцу о формировании в Дерпте санитарного отряда для отправки на Балканы . . . 322
- № 195. Августа 2. — Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского А. Л. Потапову о приостановлении издания журнала «Гражданин» за нарушение распоряжения правительства об отношении печати к Восточному вопросу 322
- № 196. Августа 3. — Письмо Московского славянского комитета Одесскому болгарскому настоятельству о необходимости активизировать деятельность настоятельства и о посылке денег для отправки болгарских добровольцев в Сербию . . . 323
- № 197. Августа 5. — Письмо члена БЦБО П. Х. Висковского [Т. Пееву] в Браилово о необходимости продолжить издание газеты «Възраждане» и об издании газеты «Стара Планина» 324
- № 198. Августа 5. — Постановление служащих Темрюкского уездного управления Кубанской области об отчислении 1% из жалования для помощи балканским славянам 325
- № 199. Августа 5 (17) — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о предполагаемой поездке по странам Европы болгарской делегации во главе с Д. Цашковым и М. Балабановым 326
- № 200. Августа 5. — Из перлюстрированного письма за подписью «Г-ов» А. А. Краевскому с критичной позиции русских газет, призывающих к активному вмешательству России в дела южных славян 328
- № 201. Августа 5. — Письмо владельца «Café National» в Праге Э. Кратохвила И. С. Аксакову о присылке русских газет в связи с интересом чешской интеллигенции к движению в России в защиту южных славян 328
- № 202. Августа 7. — Решение БЦБО о расходах общества и об издании газеты «Балкан» на немецком и русском языках 330
- № 203. Августа 8. — Решение БЦБО об исключении из общества Ив. Грудова и др. и об издании различных печатных материалов 331
- № 204. Августа 8. — Приветственный адрес БЦБО В. С. Ионину с выражением признательности за помощь в организации общества и консолидации сил болгарской эмиграции в Румынии 332
- № 205. Августа 8. — Донесение Ф. Ф. Трепова Александру II о проводках офицеров-добровольцев в Сербию и о поддержке духовештвом сочувственного отношения народа к борьбе южных славян 333
- № 206. Августа 9. — Записка по III отделению о сочувствии различных кругов русского общества к борьбе южных славян 333
- № 207. [Августа 10]. — Письмо О. М. Габеля С. Ф. Ковалику о событиях на Балканах. 334
- № 208. Августа 10. — Из перлюстрированного письма издателя газеты «Неделя» П. А. Гайдебурова профессору К. Д. Кавелину о влиянии славянского движения на развитие общественной мысли в России 335
- № 209. Августа 11. — Письмо генерал-майора в отставке И. К. Кишельского И. С. Аксакову с просьбой о субсидии новой болгарской газете «Стара Планина» 335
- № 210. Августа 11. — Письмо митрополита видинского и экзарха болгарского Анфима митрополиту новгородскому, с-петербургскому и финляндскому Исидору об Апрельском восстании и с просьбой ходатайствовать о покровительстве Болгарии со стороны России 336
- № 211. Августа 11. — Письмо редактора «Донской газеты» А. А. Карасева И. С. Аксакову о сочувственном отношении жителей Новочеркасска к борьбе южных славян и о способах отправки волонтеров в Сербию 338
- № 212. Августа 12 (24). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о сделанном им турецкому правительству представлении в защиту болгарского населения и о протурецкой позиции английского посла в Константинополе Эллиота . . 339
- № 213. Августа 13. — Заявление жителей Сызрани П. И. Щербакова и С. П. Маркушина в Московский славянский комитет о желании отправиться добровольцами в Сербию 342
- № 214. Августа 14. — Письмо предводителя дворянства Касимовского уезда Рязанской губернии А. Оленина И. С. Аксакову о сборе пожертвований в уезде. . . 343
- № 215. Августа 15. — Письмо жителей Белграда в Московский славянский комитет с выражением благодарности русскому народу за помощь Сербии 344
- № 216. Августа 16. — Письмо БЦБО А. И. Васильчикову с благодарностью за помощь, оказанную обществу 345
- № 217. Августа 16. — Телеграмма члена Одесского болгарского настоятельства Н. Х. Палаузова в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи болгарам, направляемым в Сербию 345

- № 218. Августа 18. — Телеграмма председателя комиссии для сбора пожертвований Петербургского отдела славянского комитета Т. И. Филиппова Д. Ф. Стурарту о передаче денег Болгарскому человеколюбивому настоятельству 346
- № 219. Августа 18. — Письмо секретаря Харьковского комитета по сбору пожертвований для славян Н. Галышева И. С. Аксакову с просьбой сообщить условия отправки добровольцев в Сербию и оказать помощь в организации работы комитета 346
- № 220. Августа 18. — Письмо В. Н. Теплова И. С. Аксакову о формировании добровольческих отрядов из донских казаков 348
- № 221. Августа не ранее 18. — Письмо И. С. Аксакова В. Н. Теплову с предложением принять на себя обязанности агента Московского славянского комитета в Сербию. 349
- № 222. Августа 19. — Письмо членов Самарского отдела славянского комитета саратовского городского головы С. Кожевникова и Л. Н. Яценкова И. С. Аксакову об отправке добровольцев в Сербию 351
- № 223. Августа 20. — Письмо БЦБО в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи в организации отряда болгарских волонтеров в Сербию. 352
- № 224. Августа 20. — Донесение священника Н. Батолирова управляющему Ставропольской губернией о сборе денег и вещей в помощь балканским славянам . 352
- № 225. Августа 21. — Письмо П. Х. Висковского Т. Пееву о полемике газеты «Взраждане» с газетой «Стара Планина» по вопросу об оценке национально-освободительной борьбы болгарского народа 353
- № 226. Августа 22. — Донесение астраханского губернатора Н. Н. Бишпена управляющему министерством внутренних дел о сборе пожертвований для южных славян и об отправке добровольцев в Сербию 355
- № 227. Августа не ранее 22. — Письмо представителей Донского торгового общества генерал-майору И. Е. Манодкову с просьбой принять в свое ведение отряд добровольцев, направляющийся в Сербию 355
- № 228. Августа 23. — Письмо Н. К. Гирса Т. И. Филиппову о необходимости оказать содействие вновь организованному Международному обществу помощи болгарам в Филиппополе 356
- № 229. Августа 24. — Телеграмма пензенского губернатора А. А. Татищева в Московский славянский комитет о наплыве добровольцев, желающих поехать в Сербию. 357
- № 230. Августа 25. — Письмо С. Стамболова в БЦБО о положении болгарских добровольцев в Сербии и об отношении к ним сербских официальных кругов. 357
- № 231. Августа 25. — Письмо жителей г. Острогожска в Московский славянский комитет о сборе денег в Острогожске для балканских славян и о возможности отправить волонтеров в Сербию 359
- № 232. Августа 27. — Письмо московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова Н. В. Мезенцову о принятых мерах к пресечению демонстраций в защиту южных славян 360
- № 233. Августа 28. — Письмо редактора газеты «Стара Планина» С. С. Бобчева редактору газеты «Одесский вестник» П. А. Зеленому с опровержением сведений, помещенных в некоторых русских газетах, о действиях болгарских отрядов . . 363
- № 234. Августа 28. — Письмо В. А. Долгорукова А. Б. Лобанову-Ростовскому о демонстрации в Москве во время проводов добровольцев и отправки в Сербию церкви и знамени 364
- № 235. Августа 29. — Из перлюстрированного письма «от брата А.» П. А. Шмитцу об отношении различных слоев московского общества к сербско-турецкой войне и о проводах добровольцев в Сербию 365
- № 236. Августа 29. — Письмо Д. А. Милютина помощнику главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Р. Г. Бистрому о нежелательности увольнения в отставку офицеров 366
- № 237. Августа 30. — Письмо секретаря комиссии для сбора пожертвований Петербургского славянского комитета В. И. Аристова архиепископу донскому Плутону об отпуске средств на снаряжение и отправку в Сербию донских казаков 367
- № 238. Августа 30 — Адрес общины г. Пожареваца Петербургскому славянскому комитету с благодарностью за оказанную помощь Сербии 367
- № 239. Август. — Письмо участника польского восстания 1863 г. М. И. Вышемирского И. С. Аксакову о желании отправиться добровольцем в Сербию. 368
- № 240. Август—сентябрь. — Письмо Н. Васильева в Петербургский славянский комитет о средствах для усиления сбора пожертвований в пользу Сербии . . 369
- № 241. Август—сентябрь. — Письмо офицеров Кронштадтской крепости в Петербургский славянский комитет с ходатайством об отправке в Сербию и оказании помощи штабс-капитану Н. И. Холодовскому 370
- № 242. Сентября 1. — Донесение начальника Симбирского губернского жандармского управления П. М. Брадке в III отделение о сочувствии населения губернии к южным славянам 370

- № 243. Сентября 1. — Письмо священника П. Разумовского в Московский славянский комитет о пожертвованиях и сочувствии новгородских крестьян южным славянам 371
- № 244. Сентября 1. — Письмо полковника в отставке Н. Медведовского в Петербургский славянский комитет с просьбой о помощи в формировании болгарского отряда для сербской армии 371
- № 245. Сентября 1. — Записка по III отделению о проводах в Петербурге санитарного отряда и добровольцев, уезжающих в Сербию 373
- № 246. Сентября 1. — Письмо И. С. Аксакова Н. К. Гирсу с требованием активного вмешательства русской дипломатии в защиту Болгарии от турецкого произвола 374
- № 247. Сентября 2. — Письмо сербского военного министра Т. Николича в Петербургский славянский комитет с просьбой о присылке в Сербию добровольцев и оружия 376
- № 248. Сентября 2. — Записка по III отделению о пожертвовании неизвестным лицом в пользу южных славян старинной шпаги с золотым эфесом 376
- № 249. Сентября 3. — Письмо В. Коробанова в Московский славянский комитет о ежемесячных отчислениях от заработка рабочих и служащих Раменской мануфактуры в пользу южных славян 377
- № 250. Сентября 3. — Донесение русского консула в Галаце А. С. Романенко в Азиатский департамент МИД о необходимости привлечения славянских комитетов к оказанию помощи возвращающимся из Сербии русским добровольцам . . . 378
- № 251. Сентября 3. — Отношение В. В. Григорьева председателю Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрову о запрещении печатать в газетах объявления об отправлении добровольцев на Балканы 379
- № 252. Сентября 4. — Телеграмма главного интенданта М. П. Кауфмана Д. А. Милютину об отпуске Петербургскому славянскому комитету сукна и холста для снабжения сербских войск шинелями 379
- № 253. Сентября 4. — Агентурная записка в III отделение о формировании в Нижнем-Новгороде дружины добровольцев для отправки в Сербию 380
- № 254. Сентября 4. — Агентурная записка в III отделение о просьбах крестьян отправить их волонтерами в Сербию 380
- № 255. Сентября 5. — Письмо заместителя командира русско-болгарской бригады в Сербии А. М. Милорадовича члену БЦБО о сформировании бригады . . 381
- № 256. Сентября 5. — Инstrukция комиссии для сбора пожертвований Петербургского славянского комитета уполномоченному комиссии в Белграде В. Д. Дандевилу о порядке обеспечения русских добровольцев в Сербии 382
- № 257. Сентября 6. — Письмо А. И. Нелидова И. С. Аксакову о получении денег для оказания помощи жертвам восстания в Болгарии и о создании при русском посольстве в Константинополе комитета для наблюдения за распределением пособий 383
- № 258. Сентября 6. — Письмо В. Н. Теплова И. С. Аксакову о провозглашении Сербии королевством и о деятельности М. Г. Черняева на посту главнокомандующего сербской армией 384
- № 259. Сентября 7. — Из письма И. С. Аксакова М. Г. Черняеву о поддержке болгарского национально-освободительного движения 386
- № 260. Сентября 10. — Письмо Д. Ф. Стурта А. И. Васильчикову с характеристикой членов БЦБО и Болгарского человеколюбивого настоятельства и об ограничении помощи БЦБО 389
- № 261. Сентября 11 (23). — Донесение русского посла в Лондоне П. А. Шувалова А. М. Горчакову об английских предложениях по урегулированию Восточного вопроса 393
- № 262. Сентября 12 (24). — Телеграмма А. С. Зеленого Д. А. Милютину о нежелательности удаления из Сербии М. Г. Черняева 395
- № 263. Сентября 13. — Письмо гофмаршала двора цесаревича Александра В. В. Зиновьева М. Г. Черняеву о затруднениях в отправке вооружения в Сербию . . 395
- № 264. Сентября 13. — Телеграмма К. Цанкова И. С. Аксакову с просьбой о присылке денег для БЦБО 396
- № 265. Сентября 14. — Письмо Д. А. Милютину министру финансов М. Х. Рейтерну о возможности войны с Турцией и необходимости финансовой подготовки к мобилизации войск 396
- № 266. Сентября 15. — Отношение Д. А. Милютину главнокомандующему Кавказской армией вел. князю Михаилу Николаевичу о подготовке к войне с Турцией 397
- № 267. Сентября 15. — Письмо Н. В. Мезенцова А. Б. Лобанову-Ростовскому о запрещении славянским комитетам формировать добровольческие дружины . . 398
- № 268. Сентября 15 (27). — Из передовой статьи газеты «Вперед!» «Русские перед южнославянским вопросом» 399
- № 269. Сентября 17. — Письмо А. Н. Хвостова И. С. Аксакову о вербовке добровольцев для Сербии среди кубанских и терских казаков 410

- № 270. Сентября 17. — Письмо Т. И. Филиппова И. С. Аксакову об организации русско-сербского благотворительного комитета в Белграде 411
- № 271. Сентября 18. — Телеграмма А. М. Горчакова А. И. Нелидову о возможности подписания предварительных условий перемирия между Сербией и Турцией при условии решения болгарского вопроса 412
- № 272. Сентября 18. — Записка Д. А. Милютина о запрещении увольнения в отставку русских офицеров 413
- № 273. Сентября 19. — Из перлюстрированного письма за подписью «Вол. С» поэту А. Н. Плещееву в Петербург о злоупотреблениях при расходовании пожертвований в пользу Сербии и о недостатках системы вербовки добровольцев. 414
- № 274. Сентября 19. — Письмо БЦБО министру иностранных дел Сербии И. Ристичу об оказании содействия в организации болгарских формирований в Делиграде. 414
- № 275. Сентября 21. — Письмо А. М. Горчакова П. А. Шувалову о затруднениях в согласовании позиции России и Англии в Восточном вопросе 415
- № 276. Сентября 21. — Предписание Д. А. Милютина наказному атаману Войска Донского Н. А. Краснокутскому доставить сведения о казаках, уехавших в Сербию 418
- № 277. Сентября 21. — Письмо Д. А. Милютина М. Х. Рейтерну о подготовке к переводу войск Одесского, Харьковского и Кавказского округов на военное положение 419
- № 278. Сентября 21. — Письмо Т. И. Филиппова начальнику Главного управления иррегулярных войск А. П. Богуславскому о возможности скупки старых винтовок у донских казаков 420
- № 279. Сентября 22. — Письмо БЦБО Одесскому славянскому благотворительному обществу с просьбой оказать содействие в организации болгарского добровольческого отряда на юге России и о необходимости добиться разрешения румынского правительства на формирование болгарских отрядов в Румынии 420
- № 280. Сентября 22. — Письмо С. С. Бобчева П. А. Зеленому о недостаточности реформ для Болгарии и необходимости предоставления ей политической автономии 422
- № 281. Сентября 23. — Письмо Н. В. Мезенцова А. Б. Лобанову-Ростовскому об установлении надзора за генералом Р. А. Фадеевым 423
- № 282. Сентября 24. — Письмо и. д. вятского губернатора Н. А. Тройницкого А. Е. Тимашеву о пожертвованиях в пользу южных славян крестьянами Сарапульского уезда Вятской губернии 423
- № 283. Не ранее сентября 24. — Письмо генерала Р. А. Фадеева в Московский славянский комитет о закупках и перевозке оружия для русско-болгарской бригады 424
- № 284. Сентября 25. — Телеграмма Н. А. Краснокутского Д. А. Милютину об отъезде отставных казаков-добровольцев в Сербию 425
- № 285. Сентября 25. — Телеграмма вел. князя Михаила Николаевича Д. А. Милютину об отъезде в Сербию отставных казаков 425
- № 286. Сентября 25. — Предписание Д. А. Милютина начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену о подготовке к мобилизации войск Киевского военного округа. 426
- № 287. Сентября 26. — Письмо архиепископа Платона И. С. Аксакову о затруднениях в формировании добровольческих казачьих отрядов для Сербии. 426
- № 288. Сентября 27. — Письмо главнокомандующего Ибарской армией С. К. Новоселова Д. А. Милютину о положении в Ибарской армии 427
- № 289. Сентября 28. — Рапорт атамана станицы Ново-Мышастовской начальнику Темрюкского уезда о желании крестьян К. А. Спасененко и Н. С. Гончарова ехать добровольцами в Сербию 428
- № 290. Сентября 28. — Телеграмма Д. А. Милютина вел. князю Михаилу Николаевичу о разрешении поехать в Сербию казакам неслужилого разряда 429
- № 291. Сентября 28 (октябрь 10). — Из корреспонденции газеты «Вперед!» „Что делается на родине?“ 429
- № 292. Сентября 29. — Письмо Д. Ф. Стурта А. И. Васильчикову о выезде в Россию К. Цанкова и П. Наботкова в связи с задержкой выдачи денег БЦБО 431
- № 293. Сентября 29. — Письмо А. Н. Хвостова И. С. Аксакову о формировании казачьей добровольческой сотни Терского войска 433
- № 294. Сентябрь. — Письмо В. В. Стасова члену Петербургского славянского комитета В. И. Ламанскому о пожертвовании скульптора М. М. Антокольского. 434
- № 295. Октября 1 (13). — Из передовой статьи газеты «Вперед!» «Тяжелая минута» 434
- № 296. Октября 1. — Рапорт А. В. Комарова Н. В. Мезенцову об отношении населения Псковской губернии к освободительному движению южных славян и ожидаемой войне с Турцией 437
- № 297. Октября 3. — Письмо Т. И. Филиппова князю Милану о высылке суды сербскому правительству 437

- № 298. Октября 5. — Письмо Д. А. Милютина вел. князю Михаилу Николаевичу о подготовке к войне с Турцией и плане действий Кавказской армии 438
- № 299. Октября 5. — Записка Д. А. Милютина [Ф. Л. Гейдену] о подготовке проекта конвенции с Румынией на случай войны с Турцией 439
- № 300. Октября 5. — Из перлюстрированного письма капитана над Николаевским портом Н. Н. Андреева брату—главному командиру С.-Петербургского порта А. Н. Андрееву о подготовке черноморских портов к войне и о ее тяжелых последствиях для России 440
- № 301. Октября 6. — Перлюстрированное письмо И. С. Аксакова Т. И. Филиппову о подписании Московской городской думой адреса Александру II 440
- № 302. Октября 6. — Телеграмма А. А. Карасева окружным начальникам 1-го и 2-го Донских округов С. П. Овсову и М. М. Кучерову о прекращении отправки добровольцев в Сербию 441
- № 303. Октября 6. — Письмо А. А. Карасева окружному начальнику Усть-Медведицкого округа М. Я. Самсонову о причине прекращения отправки добровольцев в Сербию 441
- № 304. Октября 7. — Предписание Д. А. Милютина Главному артиллерийскому управлению представить заключение о концентрации в Бендерах ружей для вооружения болгарского ополчения 442
- № 305. Октября 7. — Письмо Ф. Л. Гейдена Н. П. Игнатьеву о командировании полковника В. Г. Золотарева в Румынию для оказания помощи румынской армии в подготовке к войне 443
- № 306. Октября 7. — Записка по III отделению о чтении профессором Петербургского университета О. Ф. Миллером лекций славнофильского направления. 443
- № 307. Не позднее октября 8. — Письмо представителя БЦБО в Турцу-Северине А. Иванова-Орукина в БЦБО об отправлении болгарских добровольцев в Зайчар и о получении ими обмундирования 444
- № 308. Октября 8. — Записка И. К. Кишельского Д. А. Милютину о противодействии М. Г. Черныяева организации болгарских формирований в Сербии. 444
- № 309. Октября 8. — Письмо С. Стамболова в БЦБО о подготовке болгарских вооруженных отрядов в связи с ожидаемой русско-турецкой войной 448
- № 310. Октября 9. — Письмо черногорского князя Николая И. С. Аксакову о тяжелом положении Черногории и с благодарностью Московскому славянскому комитету за оказанную помощь. 449
- № 311. Октября 10. — Письмо полковника Г. А. Вульфберта И. С. Аксакову о пересылке оружия в Сербию для болгаро-русских батальонов и об организации ремонта ружей 451
- № 312. Октября 12. — Телеграмма Г. А. Вульфберта И. С. Аксакову о просьбе М. Г. Черныяева выслать оружие 453
- № 313. Октября 14. — Рапорт заведующего Новгородским санитарным отрядом доктора Дворянина председателю Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах А. К. Баумгартену о деятельности отряда в Делиграде. 453
- № 314. Октября 14. — Из донесения А. Н. Карцова в Азиатский департамент МИД о необходимости выделить средства Сербскому благотворительному комитету . 455
- № 315. Октября 15. — Письмо А. И. Васильчикова Д. Ф. Стурарту о необходимости объединить действия болгарских партий «старых» и «молодых» в Румынии . 456
- № 316. Октября 16. — Телеграмма начальника Главного артиллерийского управления А. А. Баранцова Д. А. Милютину об отправке оружия для болгарских отрядов в Сербии 457
- № 317. Октября 20. — Записка Д. А. Милютина о поручении генерал-майору Н. Г. Столетову формирования болгарского ополчения 457
- № 318. Октября 20. — Из записки киевского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова А. Е. Тимашеву с текстом листовки о помощи южным славянам 458
- № 319. Октября 22. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву с предписанием настаивать на отводе из Сербии турецких войск за демаркационную линию 458
- № 320. Октября 22. — Циркуляр Н. В. Мезенцова начальникам губернских жандармских управлений о предоставлении сведений об отношении различных классов русского общества к национально-освободительному движению южных славян и к возможной войне России с Турцией 459
- № 321. Октября 23. — Письмо главнокомандующего боснийскими отрядами М. Деспотовича в Московский славянский комитет с просьбой оказать помощь Боснии 460
- № 322. Октября 23. — Записка члена Петербургского славянского комитета П. П. Голеницева-Кутузова о положении Сербии и средствах, необходимых для продолжения войны с Турцией 460
- № 323. Октября 24. — Телеграмма А. Ф. Шульца начальнику Одесского губернского жандармского управления К. Г. Кнопю о запрещении М. Г. Черныяеву въезда в Россию 462

- № 324. Октября 24. — Письмо Х. Ф. Стоянова И. С. Аксакову о переговорах с Одесским болгарским настоятельством и о тяжелом положении болгарских эмигрантов в Румынии 462
- № 325. Октября 25. — Донесение начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления Н. С. Бирина в III отделение об отношении различных классов населения губернии к национально-освободительному движению южных славян и предполагаемой войне с Турцией 463
- № 326. Октября 26. — Письмо Н. Стефанова Н. А. Попову о положении болгарских добровольцев в Одессе 465
- № 327. Октября 26. — Письмо БЦБО И. С. Аксакову об избрании его почетным членом общества 465
- № 328. Октября 26. — Письмо А. Е. Тимашева И. С. Аксакову о необходимости улучшения положения русских добровольцев в Сербии 466
- № 329. Октября 26. — Донесение начальника Московского губернского жандармского управления И. Л. Слезкина Н. В. Мезенцову об отношении различных слоев населения губернии к освободительной борьбе южных славян и к возможной войне России с Турцией 467
- № 330. Октября 26. — Донесение А. В. Комарова Н. В. Мезенцову о жертвовавшихся в пользу южных славян и об отношении населения Псковской губернии к предполагаемой войне с Турцией 468
- № 331. Октября 27 (ноября 8). — Из перлюстрированного письма русского эмигранта В. Печерина Ф. В. Чижову о влиянии освободительной борьбы южных славян на русское общество 470
- № 332. Октября 28. — Письмо И. С. Иванова И. С. Аксакову о несвоевременности восстания в Болгарии и о расходах на отправку добровольцев в Сербию 471
- № 333. Октября 29. — Письмо Т. Н. Минькова Д. Ф. Стурту с предложением поддерживать болгарскую партию «молодых» 472
- № 334. Октября 30 (ноября 11). — Донесение А. С. Ионина А. М. Горчакову о переговорах по установлению демаркационной линии между Черногорией и Турцией 475
- № 335. Октября 30. — Письмо А. И. Васильчикова Н. К. Гирсу об ограниченности средств славянских комитетов для оказания помощи южным славянам 477
- № 336. Октября 30. — Письмо агента Московского славянского комитета П. Ф. Мусевича И. С. Аксакову о положении болгарских волонтеров и беженцев в Сербии 478
- № 337. Октября 30 (ноября 11). — Телеграмма И. С. Аксакова К. Цанкову о формировании Россией болгарского отряда на границе Румынии 479
- № 338. Октября 31. — Обращение болгарских эмигрантов в Румынии к Александру II об освобождении Болгарии от турецкого ига 479
- № 339. Октябрь. — Воззвание БЦБО к русскому народу с просьбой о помощи болгарам 482
- № 340. Ноября 1. — Отношение Ф. Л. Гейдена А. Е. Тимашеву о мобилизации войск Киевского, Одесского и Харьковского военных округов 483
- № 341. Ноября 2. — Письмо Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте Т. И. Филадельфову с просьбой о помощи болгарским беженцам в Румынии 484
- № 342. Ноября 3. — Телеграмма гаврического губернатора А. А. Кавелина в Министерство внутренних дел об успешном ходе мобилизации в губернии 485
- № 343. Ноября 3. — Донесение и. д. начальника Ярославского губернского жандармского управления Кажанского Н. В. Мезенцову об отношении населения губернии к освободительному движению южных славян 485
- № 344. Ноября 4 (16). — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову с приложением проектов автономии Болгарии 487

Приложение 1

- Ноября 1. — Донесение А. Н. Церетелева Н. П. Игнатьеву о составлении проекта устройства Болгарии 488

Приложение 2

- Ноября 1 (13). — «План организации Болгарии, составленный гг. Скайлером и князем Церетелевым» 489

Приложение 3

- {ноябрь}. — Проект организации для Болгарии. 491
- № 345. Ноября 6. — Рапорт начальника штаба Одесского военного округа Я. С. Крживоблоцкого в Главный штаб с представлением списка болгар, состоящих в войсках округа 502
- № 346. Ноября 7 (19). — Из перлюстрированного письма А. И. Рагозина экономисту и публицисту Е. И. Рагозину об отрицательном отношении к возможной войне России с Турцией 503

- № 347. Ноября 7. — Обращение болгарских женщин к русским женщинам с просьбой содействовать полному освобождению Болгарии от турецкого ига . 503
- № 348. Ноября 8. — Письмо Д. А. Милютина Н. К. Гирсу об ограничении деятельности И. К. Кишельского по формированию дружин болгарского ополчения и о необходимости помощи болгарским добровольцам 505
- № 349. Ноября 10. — Записка III отделения о полемике русских газет по поводу деятельности М. Г. Черныева 505
- № 350. Ноября 12. — Доклад Н. В. Мезенцова Александру II об отношении различных классов России к освободительной борьбе южных славян и возможной войне России с Турцией 506
- № 351. Ноября 12. — Донесение русского генерального консула в Рушук В. Ф. Кожевникова Н. П. Игнатьеву с приложением обращения рушукских болгар. 508.

Приложение

- Ноября 5 (17). — Обращение рушукских болгар к русскому правительству о содействии освобождению Болгарии от турецкого ига 509
- № 352. Ноября 12. — Инструкция А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о позиции России на предстоящей Константинопольской конференции 510
- № 353. Ноября 13. — Протокол заседания БЦБО об организации собрания делегатов от местных болгарских обществ для обсуждения программы требований болгарского народа 512
- № 354. Ноября 15. — Из доклада Ф. Л. Гейдена Александру II об учреждении должности заведующего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией 512
- № 355. Ноября 16. — Письмо начальника штаба Действующей армии А. А. Непоклеичицкого Ф. Л. Гейдену о формировании болгарского ополчения 517
- № 356. Ноября 19. — Из донесений В. Ф. Кожевникова в МИД о попытке турецкого правительства отправить делегацию болгар на Константинопольскую конференцию для поддержки позиции Турции 519
- № 357. Ноября 19. — Письмо Ф. Л. Гейдена А. М. Горчакову о командировании генерала А. П. Никитина для помощи в реорганизации сербской армии . . . 519
- № 358. Ноября 20. — Из протокола общего собрания БЦБО по вопросу о будущем устройстве Болгарии 520
- № 359. Ноября 20. — Записка МИД, составленная по донесению русского консула в Солуни Т. П. Юзефовича, о программе реформ в Болгарии 521
- № 360. Ноября 21—22. — Из протокола общего собрания БЦБО по вопросам о назначении представителя Болгарии на Константинопольскую конференцию, об интригах Д. Ф. Стурта среди болгарской эмиграции и о вынесении благодарности славянским комитетам за оказанную помощь 522
- № 361. Ноября 21. — Письмо Болгарского Народного собрания Петербургскому славянскому комитету об утверждении полномочий БЦБО как представительного органа болгарского народа 526
- № 362. Ноября 22. — Письмо Н. Г. Столетова Д. А. Милютину о приготовлении обмундирования и снаряжения для болгарского ополчения 527
- № 363. Ноября 22 (декабря 4). — Донесение Н. Н. Ладыженского в Военное министерство с заключением А. С. Зеленого о тяжелом положении сербской армии . . . 529
- № 364. Ноября 22. — Доклад М. Х. Рейтерна Александру II об ассигновании 1 млн. рублей на военные расходы в Сербии 529
- № 365. Ноября 23. — Приказ вел. князя Николая Николаевича старшего по войскам Действующей армии о вступлении в должность главнокомандующего . . . 530
- № 366. Ноября 25. — Письмо сербского митрополита Михаила И. С. Аксакову о деятельности Сербского благотворительного комитета в Белграде 531
- № 367. Не позднее ноября 25. — Письмо Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте А. И. Васильчикову с рекомендацией Драгана Цанкова и Марка Д. Балабанова 531
- № 368. Ноября 26. — Донесение начальника Воронежского губернского жандармского управления Э. А. Мензенкампа Н. В. Мезенцову об отношении населения губернии к объявленной мобилизации 532
- № 369. Ноября 26 (декабря 8). — Телеграмма русского дипломатического агента в Цетинье Н. Г. Гартвига А. М. Горчакову о желании Сербии и Черногории иметь своих представителей на Константинопольской конференции 533
- № 370. Ноября 28 (декабря 10). — Телеграмма Н. Г. Гартвига Н. К. Гирсу о благодарности черногорского князя Николая за помощь, оказываемую Россией 534
- № 371. Ноября 28. — Протокол заседания БЦБО о разработке декларации к политической программе общества и о посылке К. Цанкова и П. Енчева для приветствия главнокомандующего русской армией 534
- № 372. Ноября 29 (декабря 11). — Донесение Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову о предварительных переговорах с английским представителем на Константинопольской конференции по урегулированию Восточного вопроса 535

Приложение 1

Ноябрь. — Записка Н. П. Игнатъева о задачах Константинопольской конференции 538

Приложение 2

Английский проект 541

Приложение 3

- Наброски условий мира 542
- № 373. Ноября 29 (декабря 9). — Донесение Н. П. Игнатъева А. М. Горчакову о вручении делегатам Константинопольской конференции предложений болгарской делегации 553
- № 374. Ноябрь. — Докладная записка А. И. Васильчикова министру императорского двора и уделов А. В. Адлербергу о необходимости уточнения области деятельности славянских комитетов и определения взаимоотношений их с правительством 554
- № 375. Декабря 1. — Телеграмма Д. Ф. Стурта о доставке оружия в Сербию . . . 556
- № 376. Декабря 1. — Письмо БЦБО А. М. Горчакову с просьбой оказать поддержку политической программе, принятой первым Болгарским Народным собором 556

Приложение

Ноября 19. — Политическая программа, принятая первым Болгарским Народным собором 557

- № 377. Декабря 2 и 9. — Из донесений русского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева о положении в Боснии 558
- № 378. Декабря 3. — Циркуляр А. Е. Тимашева начальникам полицейских управлений о проверке личности возвращающихся из Сербии русских добровольцев 558
- № 379. Декабря 4. — Записка МИД об обращении болгарского населения к консульствам европейских держав с проектом реформ Болгарии 560
- № 380. Декабря 5. — Отношение А. А. Непокойчицкого Ф. Л. Гейдену об откомандировании врачей в болгарское ополчение 560
- № 381. Декабря 5 (17). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову о тяжелом военном положении Сербии и о переводе русских добровольцев для обороны Кладова 561
- № 382. Декабря 6 (18). — Донесение А. Н. Карцова А. М. Горчакову о неспособности Сербии к продолжению войны и о характере военных действий в предстоящей войне России с Турцией 561
- № 383. Декабря 6 (18). — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову об обещании сербского князя Милана оказывать помощь России в предстоящей войне с Турцией 562
- № 384. Декабря 7. — Донесение русского вице-консула в Тульче А. Е. Василевского в русское посольство в Константинополе о желании болгар обеспечить реформы с помощью России 562
- № 385. Декабря 9. — Письмо директора Острожской учительской семинарии Н. Д. Богатинова в Московский славянский комитет о пожертвованиях в пользу Черногории и о злоупотреблениях в распределении средств, получаемых славянскими комитетами 563
- № 386. Декабря 13. — Отношение заведующего гражданскими делами при главнокомандующем Действующей армией В. А. Черкасского Ф. Л. Гейдену о закупленном Московским славянским комитетом оружии для болгарского ополчения . . . 565
- № 387. Декабря 14. — Телеграмма М. Х. Рейтерна одесскому градоначальнику В. В. Левашеву о посылке хлеба в Черногорию 565
- № 388. Декабря 14. — Из протокола заседания Петербургского славянского комитета о выделении средств на пособия болгарским волонтерам, возвращающимся из Сербии. 566
- № 389. Декабря 14. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатъеву о необходимости продления перемирия между Турцией и Сербией 566
- № 390. Декабря 16 (28). — Телеграмма Д. Ф. Стурта А. М. Горчакову о задержке подписания конвенции с Румынией 567
- № 391. Декабря 18. — Донесение А. П. Никитина Ф. Л. Гейдену о мобилизации сербских войск 567
- № 392. Декабря 19 (31) — Телеграмма А. Н. Карцова А. М. Горчакову об отказе Сербии оказать вооруженное содействие России в предстоящей войне с Турцией 568
- № 393. Декабря 20. — Предписание А. А. Непокойчицкого командиру IX армейского корпуса Н. П. Криденеру об изъятии распространяемых в войсках нелегальных изданий 568

- № 394. Декабря 20. — Предписание А. А. Непокойчицкого Н. П. Криденеру о продолжении подготовки к войне, независимо от продления перемирия между Сербией и Турцией 569
- № 395. Декабря 20. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву о желательности мирного решения Восточного вопроса 570
- № 396. Декабря 21. — Телеграмма А. П. Никитина Ф. Л. Гейдену о стремлении русских добровольцев в Сербию возвратиться в Россию 570
- № 397. Декабря 23. — Донесение А. А. Непокойчицкого Д. А. Милютину о давлении Австрии и Германии на Румынию и Сербию и решении последних отказаться от совместных действий с Россией 571
- № 398. Декабря 23. — Политический обзор помощника начальника Лифляндского губернского жандармского управления в Дерптском и Верровском уездах И. И. Шкоде о сочувствии местного населения освободительной борьбе южных славян. . . . . 572.
- № 399. Декабря 24. — Из политического обзора начальника жандармского управления Шуйского уезда Владимирской губернии М. М. Завьялова об отношении местного населения к предполагаемой войне России с Турцией. . . . . 573.
- № 400. Декабря 26. — Телеграмма А. П. Никитина Д. А. Милютину о тяжелом положении сербской армии и бесполезности своего дальнейшего пребывания в Белграде. . . . . 573.

1877 г.

- № 401. Января 3. — Донесение русского вице-консула в Филиппополе Н. Н. Герова Н. П. Игнатьеву о попытке турецких властей организовать подписание адреса от болгарского населения в поддержку новой турецкой конституции . . . . 577.
- № 402. Января 5. — Донесение А. А. Непокойчицкого Д. А. Милютину о расформировании сербским правительством отрядов добровольцев из болгар и австрийских сербов и о просьбе зачислить их в русскую армию 578
- № 403. Января 5. — Письмо А. М. Милорадовича министру государственных имуществ П. А. Валуеву об участии русско-болгарской бригады в сербско-турецкой войне и о возможности поселения болгарских добровольцев в России . . . 578
- № 404. Января 6. — Телеграмма Д. А. Милютину А. А. Непокойчицкому о невозможности принять в русскую армию добровольцев-подданных Австро-Венгрии и Турции 579
- № 405. Января 16. — Письмо Н. К. Гирса Д. А. Милютину о судьбе болгарских добровольцев, перешедших из Сербии в Россию и Румынию 580
- № 406. Января 25. — Из журнала Комитета министров о предоставлении разрешений на въезд в Россию славянским политическим эмигрантам 580
- № 407. Февраля 1. — Из письма члена Петербургского отдела Славянского комитета П. С. Толстого И. С. Аксакову о положении русских добровольцев в Сербии и значении их деятельности для взаимоотношения России со славянскими народами 583
- № 408. Февраля 5 (17). — Из письма уполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории К. А. Буха об оказании помощи нуждающимся герцеговинцам и воеводичам и о нерациональном распределении черногорским правительством материальных и денежных средств, направляемых из России 589
- № 409. Февраля 5. — Письмо начальника штаба русско-болгарской добровольческой бригады Н. И. Браилко председателю Московского биржевого комитета Т. С. Морозову с просьбой об оказании помощи бригаде 591
- № 410. Февраля 5. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. Г. Гартвигу с пожеланием успеха черногоро-турецким переговорам 592
- № 411. Февраля 6. — Сообщение канцелярии Военного министерства А. А. Непокойчицкому о хранении в Уггезах оружия для болгарского ополчения 592
- № 412. Февраля 7. — Из письма русского консула в Измаиле П. С. Романенко Н. К. Гирсу о чрезмерном налоговом обложении населения Тульчинской провинции турецкой администрацией 593
- № 413. Февраля 7. — Донесение начальника Новгородского губернского жандармского управления В. И. Жолобова в III отделение о настроениях в губернии в связи с ожидаемой войной с Турцией 594
- № 414. Февраля 8. — Письмо Х. Ф. Стоянова И. С. Аксакову о тяжелом положении болгарских добровольцев в Румынии и о помощи им со стороны Московского славянского комитета 595
- № 415. Февраля 10. — Записка МИД, составленная по донесению А. Н. Кудрявцева, о новой вспышке восстания в Боснии 602
- № 416. Февраля 15. — Письмо членов болгарской делегации М. Балабанова и Д. Цанкова А. М. Горчакову с приложением обращения болгар Татар-Пазарджикского округа к великим державам. 602

Приложение

- Января 12. — Обращение болгар Татар-Пазарджикского округа с протестом против новой турецкой конституции 603
- № 417. Февраля 15. — Письмо Д. Ф. Стюарта А. А. Непокойчицкому о предполагаемой отправке болгарских добровольцев из Румынии в Россию 605
- № 418. Февраля 15. — Из донесения русского консула в Скутари И. С. Ястребова о положении в Албании и о солидарности албанцев с Черногорией в борьбе против Турции 606
- № 419. Февраля 16. — Сообщение Одесского славянского благотворительного общества В. В. Левашеву об отправке в Черногорию продовольствия и вещей 607
- № 420. Февраля 18. — Записка МИД, составленная по донесению А. Н. Кудрявцева, о расширении восстания в Западной Боснии 607
- № 421. Февраля 20. — Письмо Н. И. Браилко Н. К. Гирсу о необходимости вывода русско-болгарской добровольческой бригады из Сербии 608
- № 422. Февраля 20 (марта 4). — Телеграмма Н. Г. Гартвига А. М. Горчакову о согласии Черногории одобрить заключение мира между Сербией и Турцией . . . 609
- № 423. Февраля 21 (марта 5). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о попытках английского поверенного в делах в Константинополе Жоселина облегчить наказание участников зверского подавления восстания в Болгарии 609
- № 424. Февраля 23. — Письмо Н. К. Гирса Д. А. Милютину о необходимости разрешить вопрос о русско-болгарской добровольческой бригаде 611
- № 425. Февраля 24. — Письмо В. Ф. Кожевникова Н. К. Гирсу с приложением обращения представителей болгарского населения к А. М. Горчакову 612

Приложение

Февраля 1 (13). Обращение представителей болгарского населения гг. Рушук, Тырново, Сливен, Тульча, Видин, Варна, Шумла, Свиштов к А. М. Горчакову о содействии осуществлению предложений великих держав на Константинопольской конференции 612

- № 426. Февраля 26. — Письмо А. А. Непокойчицкого управляющему Одесской железной дорогой Н. М. Чихачеву о принятии на работу бывших болгарских волонтеров в Сербии 614
- № 427. Февраля 28. — Письмо М. П. Кауфмана Ф. Л. Гейдену о дополнительном ассигновании средств на снаряжение болгарского ополчения 614
- № 428. Февраля 28. — Телеграмма А. М. Горчакова Н. Г. Гартвигу о необходимости уступок со стороны Черногории при заключении мира с Турцией 615
- № 429. Марта 1. — Письмо А. М. Милорадовича К. Цанкову о разрешении переселения в Россию болгар из русско-болгарской добровольческой бригады . . . 615
- № 430. Марта 2. — Отношение Н. К. Гирса Д. А. Милютину об установлении надзора за прибывающими в Россию болгарскими эмигрантами 616
- № 431. Марта 3. — Отношение Н. К. Гирса Д. А. Милютину о разрешении переселения в Россию болгар из русско-болгарской добровольческой бригады . . . 616
- № 432. Марта 3 (15). — Телеграмма русского посла в Вене Е. П. Новикова А. М. Горчакову о расширении восстания в Боснии 617
- № 433. Марта 6. — Донесение русского вице-консула в Тульче А. Е. Василевского в русское посольство в Константинополе об усилении турецких репрессий в Тульче 617
- № 434. Марта 8. — Из донесения И. С. Ястребова А. И. Нелидову о неудачной попытке турок организовать выступление некоторых албанских племен против Черногории 618
- № 435. Марта 12 и 19. — Записка МИД, составленная по донесениям консула в Солуни, о грабежах и насилиях турок 618
- № 436. Марта 12. — Письмо Н. В. Мезенцова И. С. Аксакову о запрещении Московскому славянскому комитету направлять добровольцев в Черногорию и о недовольстве Александра II речью И. С. Аксакова 6 марта 1877 г. 619
- № 437. Марта 14. — Из политического обзора начальника Плоцкого губернского жандармского управления П. Н. Першина о построениях польского населения губернии в связи с событиями на Балканах 619
- № 438. Марта 17. — Из докладной записки Ф. Л. Гейдена Д. А. Милютину о порядке командирования офицеров в болгарское ополчение 620
- № 439. Марта 17 (29). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о военных приготовлениях Турции 621
- № 440. Марта 18 (30). — Донесение Д. Ф. Стюарта А. М. Горчакову об условиях, поставленных румынским правительством при подписании военной конвенции с Россией 623
- № 441. Марта 21. — Письмо БЦБО в Московский славянский комитет о желании иностранных добровольцев, сражавшихся в Сербии, служить в рядах русской армии 623

- № 442. Марта 24 (апреля 5). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о демарше перед турецким правительством в поддержку требований Черногории . . . 624
- № 443. Марта 25. — Письмо А. А. Непокойчицкого Д. А. Милютину о просьбе румынского правительства оказать военную помощь . . . 626
- № 444. Марта 28 (апреля 9). — Телеграмма А. И. Нелидова А. М. Горчакову об отклонении Турцией Лондонского протокола . . . 628
- № 445. Марта 31. — Телеграмма Д. А. Милютина А. А. Непокойчицкому о необходимости ускорить подписание русско-румынской конвенции . . . 629
- № 446. Марта 31 (апреля 12). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о победе милитаристских кругов в турецком правительстве и о подготовке Турции к войне . . . 629
- № 447. Апреля 1. — Рапорт начальника Бессарабского губернского жандармского управления В. А. Янова Н. В. Мезенцову об обнаружении у добровольцев, возвращавшихся из Сербии, книг Н. Г. Чернышевского и Ф. Лассалья на сербском языке . . . 631
- № 448. Апреля 2. — Предписание А. М. Горчакова А. И. Нелидову о вручении турецкому правительству ноты о разрыве дипломатических отношений. . . 632

Приложение

- Апреля не позднее 4. — Нота русского правительства о разрыве дипломатических отношений с Турцией . . . 632
- № 449. Апреля 3. — Письмо члена болгарского комитета в Болграде П. Фитова К. Цанкову об отправке болгарских добровольцев в Кишинев . . . 633
- № 450. Апреля 3. — Доклад Ф. Л. Гейдена Александру II о штатах и правилах формирования болгарского ополчения и необходимых для его содержания ассигнованиях . . . 633
- № 451. Апреля 3. — Письмо Д. А. Милютина А. В. Адлербергу о доставлении орденов для вручения их государственным и военным деятелям Черногории . . . 635
- № 452. Апреля 4 (16). — Телеграмма Д. Ф. Стюарта А. М. Горчакову о подписании военной конвенции с Румынией . . . 636
- № 453. Апреля 4 (16). — Донесение А. И. Нелидова А. М. Горчакову о разрыве турецко-черногорских переговоров и о возобновлении состояния войны между Черногорией и Турцией . . . 637
- № 454. Апреля 5. — Телеграмма майора К. Б. Чилева К. Цанкову об отправке болгарского знамени в Кишинев . . . 638
- № 455. Апреля 5 (17). — Письмо А. И. Васильчикова В. А. Черкасскому о назначении А. А. Нарышкина агентом славянских комитетов при Главном управлении гражданской частью Действующей армии . . . 638
- № 456. Апреля 5 (17). — Донесение русского посла в Афинах П. А. Сабурова А. М. Горчакову об отрицательном отношении греческих правительственных кругов к совместным действиям с Россией . . . 639
- № 457. Апреля 6. — Предписание товарища министра внутренних дел Л. С. Макова таврическому губернатору А. А. Кавелину о проведении частичной мобилизации войск . . . 641
- № 458. Апреля 9. — Прошение инициаторов создания Югославянского просветительного и благотворительного комитета сербскому министру просвещения и церковных дел А. Васильевичу об организации комитета . . . 641
- № 459. Апреля 11. — Отношение А. А. Баранцова Ф. Л. Гейдену о назначении мастера Тульского оружейного завода в болгарское ополчение . . . 643
- № 460. Апреля 12. — Воззвание БЦБО к болгарскому народу с призывом присоединиться к русской армии и принять активное участие в борьбе за освобождение Болгарии . . . 643

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аали-бей — см. Али-бей
- Абдул-азиз (Абдул-Азис, 1830—1876), султан (с 1861 г.); 30 мая 1876 г. свергнут группировкой Мидхат-паши и вскоре убит — 48, 235, 242, 402, 409, 519
- Абдул-Керим-паша (1807—1885), мушир (фельдмаршал), с 1876 г. сердар-экрем (генералиссимус). Во время сербо-турецкой войны 1876 г. главнокомандующий, затем военный министр. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. главнокомандующий на Дунайском театре войны, после перехода русских войск через Дунай смещен и осужден — 339, 341, 349, 421, 509
- Абдулла-паша, турецкий офицер — 184
- Абдул-Хамид II (Абдул-Гамид, 1842—1918), султан (1876—1909), возведен на престол группировкой Мидхат-паши — 225, 235, 308, 519, 628, 630
- Авдиев Д. — 119
- Авенариус Александр Александрович, старший врач Одесского карантинного округа — 119
- Аврамов Гавраил Г. — 305
- Аджиристич см. Хаджиристич
- Адлерберг Александр Владимирович, граф (1819—1889), в 1872—1882 гг. министр двора и уделов — 466, 554, 635.
- Азиз-паша, мутесариф (губернатор) Филиппополя (октябрь 1875 г.—апрель 1876 г.), русофил — 139, 212, 213
- Акиф-паша, вали (генерал-губернатор) Адрианополя (май-июль 1876 г.), позднее (до ноября 1876 г.) министр юстиции — 139, 548
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), общественный деятель, славянофильский идеолог и публицист. Один из организаторов и руководителей Московского славянского комитета. С осени 1876 г. вице-председатель комитета, его фактический руководитель — 14, 37, 88, 141, 142, 152, 168, 172, 173, 181, 182, 186, 201, 205, 207, 208, 225, 230, 244, 245, 249, 260—262, 270, 273, 275, 280, 283, 284, 295—298, 300, 302, 303, 309, 310, 312, 313, 320, 328, 335, 338, 343, 346, 348—351, 361, 374, 376, 383, 384, 386, 388, 389, 396, 409, 411, 424—426, 433, 440, 448, 449, 451, 453, 457, 462, 465—467, 471, 478, 479, 528, 531, 563—565, 583, 589, 591—593, 595, 597, 601, 619
- Аксакова (урожд. Тютчева) Анна Федоровна (1829—1889), жена И. С. Аксакова — 187
- Алабин Петр Владимирович (1824—1896), в 1875—1876 гг. управляющий государственными имуществами Самарской губ. С октября 1876 г. член Петербургского славянского комитета и с июля 1876 г. — член Самарского комитета помощи славянам. В 1877 г. уполномоченный русского Красного Креста в Румынии, главный агент Московского и Петербургского славянских комитетов в Болгарии; губернатор Софийского санджака (1878) — 280, 281
- Александр II Николаевич (1818—1881), с 1855 г. русский император — 8, 34, 35, 37, 62, 64, 73, 127, 133, 138, 140, 147, 150, 152, 156, 158, 161, 202—204, 211, 273, 279, 281, 284, 300, 308, 311, 312, 316, 320, 322, 323, 326, 327, 328, 333, 340, 341, 362, 366, 367, 368, 394—399, 401, 413, 414, 416, 419, 423, 425, 426, 439—442, 458, 459, 464, 466, 468—470, 479—481, 484, 503—508, 511—513, 516, 518, 527, 529, 530, 532—534, 536, 545—547, 556, 566, 567, 579, 581—582, 583, 586, 597, 602, 616. 619, 623, 629, 632, 633, 639, 641

* Составлен Е. П. Наумовым, А. А. Улуняном, И. В. Чуркиной, К. Н. Каратеодоровой, Б. Т. Петковой.

- Александр Александрович (1845—1894), в. кн., наследник русского престола, с 1881 г. император Александр III — 37, 261, 302, 388, 395, 396, 402, 423
- Александр Карагеоргиевич (1806—1885), сербский князь в 1842—1858 гг. — 73.
- Алексеев Павел Петрович, протоиерей, профессор богословия в Дерптском университете — 572
- Алексеевко — 347
- Али-бей (Аали-бей), губернатор Тульчи — 562
- Алимпич Ранко (1820—1882), сербский государственный деятель, с 1876 г. генерал, сторонник либеральной партии. В 1875 г. командовал добровольцами в районе Ратка-Дрина; в 1876 г. был послан в Цетинье в связи с заключением сербо-черногорского союза. Во время сербо-туецких войн 1876—1878 гг. командовал Дринским корпусом — 267
- Али-паша, губернатор Герцеговины (с апреля 1876 г. — Скутарийского санджака). Участник войны с Черногорией, после ряда неудач смещен в июле 1876 г. — 184, 193, 195, 196
- Али-Саиб-паша (Али-Сагиб), генерал-губернатор Битоли (в апреле 1875 г. также управляющий военным министерством и каймакам великого визиря). Участник военных действий против Сербии (1876) и Черногории (1877) — 25
- Алтынов — 372
- Алышевский В. Я., старший врач Цетинского госпиталя — 256
- Алтышуллер Р. Е.* — 16
- Ангелов Янко (1852 — 1895), учитель; агент БЦБО в Турну-Северине, председатель Журжевского благотворительного общества — 330
- Андонов Ив.* — 91
- Андраши Дьюла, граф (1823—1890), в 1871—1879 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии. Сторонник сближения с Германией и экспансии на Балканах — 34, 36, 37, 44, 56, 59 — 64, 149—152, 172, 184, 185, 187, 191, 192, 197, 198, 204, 241, 263, 265—267, 327, 397, 415—418, 511
- Андреев Александр Николаевич (1821—1880), с 1874 г. вице-адмирал и главный командир С.-Петербургского порта — 440
- Андреев Николай Николаевич (1824—1888), контр-адмирал. В 1871—1881 гг. капитан над портом в Николаеве. Брат А. Н. Андреева — 440
- Андрейоглу (Андрейолу, Андреев) Атанас, член Журжевского болгарского благотворительного общества — 71
- Андрянов Андрей Тихонович, генерал-майор, начальник Лифляндского губернского жандармского управления — 322
- Андрич Александр (1816—1876), сербский журналист, владелец типографии в Бухаресте. Был связан с болгарской революционной эмиграцией — 274
- Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902), выдающийся скульптор-реалист, близкий к «передвижникам» — 434
- Анфим I (Антим, 1816—1888), митрополит Видинский и в 1872—1877 гг. экзарх болгарский, участник движения за национальную болгарскую церковь — 336, 338
- Апостолов А., член Болгарского Чело-веколюбивого настоятельства в Бухаресте — 110
- Апостолов Г. — 230
- Аристов Василий Иванович, с 1869 г. член С.-Петербургского славянского комитета, с 1877 г. секретарь его — 367, 383, 389, 456
- Арса — 53
- Арсентьев Тихон, таможенный староста ст. Унгены — 631
- Асень (Асен), болгарская династия (1187—1280), подразумевается, видимо, Иван Асень II (болгарский царь) (1218—1241), значительно расширивший Болгарское царство — 480
- Атанасиев см. Атанасов С.
- Атанасов (Танасов) Рафаил, болгарский торговец из Галаца, член местного болгарского благотворительного общества — 71, 72, 292, 294, 302, 304
- Атанасов С., член БЦБО. Принадлежал к группе «старых» — 292, 294, 297, 298, 303, 305, 331, 391, 520, 521, 523, 525—527, 557
- Атанасович Г., д-р — 532
- Афанасевич — 478
- Афанасьев Георгий Емельянович (1848— после 1904), журналист и историк. В 1877—1878 гг. заведующий политическим отделом одесской газ. «Правда». С 1879 г. директор Одесского общества взаимного кредита — 119
- Ахмед-ага Пехлеван Тусун — 610
- Ахмед-паша, генерал — 139
- Багговут Карл Федорович, генерал-лейтенант, комендант г. Гатчины и управляющий гатчинским дворцовым управлением — 380
- Базаров — 407
- Бакарджиев Иванчо см. Хаджидимитров Иван
- Бакланов Яков Петрович (1809—1873), генерал-лейтенант Донского казачьего войска — 410, 433
- Бакунин М., управляющий консульством в Сараево (1875) — 102
- Бакырджията (Бакырджи) Рути — 128, 129
- Балабан С. Н. — 304
- Балабанов Марко Динчов (1837—1921), консервативный болгарский публицист. Участник движения за национальную болгарскую церковь, позд-

- нее член БЦБО. После Апрельского восстания 1876 г. делегирован вместе с Др. Цанковым к европейским правительствам с целью добиться поддержки требований болгарского народа — 326, 327, 463, 510, 524, 531, 553, 602—604
- Балачану — 191, 192
- Балтаджиев хаджи Васил, член Оленицкого болгарского благотворительного общества и БЦБО — 520, 521, 529, 524, 526, 527, 557
- Баранцов Александр Алексеевич (1810—1882), генерал от артиллерии. В 1862—1881 гг. в качестве товарища генерал-фельдцейхмейстера управлял артиллерийским ведомством. С 1869 г. член С.-Петербургского Славянского комитета — 442, 457, 643
- Барятинский Александр Иванович, князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, один из руководителей войны на Кавказе, с 1856 г. командующий отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа. В 1862 г. вышел в отставку — 408, 410
- Батолдиров Никита, священник — 352, 353
- Батюшков Помпей Николаевич (1810—1892), видный деятель Славянских комитетов. В 70-х годах вице-председатель Московского славянского комитета, с 1882 г. член С.-Петербургского Славянского общества — 361, 365.
- Баумгартен Александр Карлович (1815—1883), генерал-лейтенант. В 70-х годах член Военного совета, председатель Главного военно-госпитального комитета, председатель Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах (русский Красный Крест) — 253, 261, 308, 373, 453
- Бачевич Максим (1848—1876), банянский воевода, один из руководителей восстания в Герцеговине (1875). Погиб 20 января 1876 г. во время боев с турками в Нижней Герцеговине — 136, 137
- Башагич Сулейман-бег, помещик из Невесинье (Герцеговина) — 24
- Башагич Хаджи-Дауд-бег, помещик из Герцеговины, брат Сулеймана Башагича — 24
- Бегмен см. Бехмен.
- Бежан С. см. Бобчев С.
- Бейст, Фридрих Фердинанд, граф (1809—1886). В 1866—1871 гг. министр иностранных дел и канцлер Австрии (вышел в отставку по требованию Бисмарка); в 1871—1878 гг. посол Австро-Венгрии в Лондоне — 59, 60, 62, 64
- Беккер Вальдемар, отставной полковник русской службы. Служил в мексиканской армии имп. Максимилиана, в египетском генеральном штабе. Во время сербо-турецкой войны начальник штаба Черняева — 242, 290, 385
- Белаго Александр Евграфович, капитан, помощник начальника Бессарабского губернского жандармского управления (в Унгенах) — 631
- Бенковский, Георгий (настоящее имя — Гавраил Хлытев) (ок. 1844—1876), видный деятель болгарского национально-освободительного движения, руководитель апрельского восстания 1876 г. в IV (Пловдивском) революционном округе. Погиб 12 мая 1876 г. — 91, 205
- Берг Федор Николаевич. (1840—1909), русский журналист и поэт. Сотрудничал в «Современнике», с конца 60-х годов перешел на консервативные позиции. С 1869 г. член С.-Петербургского Славянского комитета. В 1877 г. издатель панславистской газеты «Русский мир» — 89, 228
- Беринг см. Бэринг
- Берладская, врач, болгарка — 312
- Берон (Верон) Стефанаки (Стефан) Русков (1820—1898), болгарский купец из Браилова, деятель БРЦК — 71
- Бехмен (Бегмен), Муй-ага, купец, мусульманин из Столаца (Герцеговина) — 22, 23, 25.
- Биб-дода, вождь племени мирдитов — 606
- Биконсфильд см. Дизраэли
- Билбия (Бильбия), Илия, боснийский купец, один из руководителей восстания в Боснии (1875—1878), член главного повстанческого комитета в Н. Градишке. Стронник Омладины и сербских либералов — 183
- Биппен Николай Николаевич, астраханский губернатор — 355
- Бирин Николай Семенович, полковник, начальник С.-Петербургского жандармского управления — 463, 465
- Бисмарк фон Шенгаузен, Отто-Эдуард-Леопольд, князь (1815—1898), премьер-министр Пруссии в 1862—1890 и канцлер Германской империи в 1871—1890 гг. — 64, 267, 511, 567
- Бистром Родрих Григорьевич, барон (1809—1886), генерал от инфантерии, помощник главнокомандующего войск гвардии и С.-Петербургского военного округа (в нач. 1877 г. временный командующий войск гвардии и С.-Петербургского военного округа) — 366
- Бобриков Георгий Иванович (1840 — после 1911), офицер генерального штаба и военный писатель. В 1875—1877 гг. делопроизводитель Военно-ученого комитета. С 3 марта 1875 г. член С.-Петербургского отдела Славянского комитета. В конце 1875—начале 1876 г. был в Черногории в составе отряда русского Красного Креста. В 1876 г. полковник генерального штаба Бобриков состоял при главнокомандующем в. кн. Николае Николаевиче, затем (в 1877 г.) был русским военным агентом в Бухаресте и Белграде — 626, 627

- Бобчев Стефан Савов (1853—1940), болгарский буржуазный публицист, ученый, государственный деятель. Член Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте; представитель БЦБО в Сербии во время сербо-турецкой войны (1876) — 320, 321, 325, 335, 353, 363, 364, 422, 485, 532, 599
- Богатинов Николай Дмитриевич, директор учительской семинарии в г. Острог Вольнской губ. — 563
- Богдановская Н. С.* — 16
- Богичевич Милан (1840—1929), министр иностранных дел Сербии в 1874—1875 гг. Один из основателей реакционной «напредняцкой» партии, сторонник проавстрийской ориентации — 54, 55, 56, 58
- Боголюбов Андрей Андреевич (1841—1909), полковник, в 1876 г. прикомандирован к главной квартире черногорского князя Николая, при котором состоял во время черногорско-турецкой войны (1876—1878) — 477, 636
- Богоявленский Н. П., русский врач в Цетинском госпитале — 256
- Богуславский Александр Петрович (1824—1893), генерал-лейтенант, начальник Главного управления иррегулярных войск русской армии — 420
- Божидар см. Б. Петрович-Негош
- Божидарович см. Веселитский-Божидарович
- Боич, русский офицер, штабс-капитан, по происхождению серб — 413
- Бонев Константин Борисович, болгарин, земский врач Московской губ., главный врач болгарского ополчения — 331
- Бордогов Алексей Иванович, подполковник, начальник Рязанского губернского жандармского управления — 317
- Боронок Степан, далматинец, австрийский подданный, командир герцеговинских повстанцев — 39
- Боснев Г., член БЦРК — 126
- Ботев Стефан (1854—1890), учитель в Папагюриште и Бухаресте, брат Хр. Ботева — 91
- Ботев (Ботйов) Христо Петков (1848—1876.) великий болгарский поэт и публицист, один из идеологов болгарского революционного национально-освободительного движения, революционер-демократ, Член БЦРК и затем его руководитель — 38, 39, 42, 50—52, 70, 71, 86, 87, 90, 91, 111, 114, 205, 229, 230, 257, 268, 299, 300, 313, 314, 321, 363, 521
- Ботева Венета (Венетия), 1844—1847—1919), жена Хр. Ботева — 330
- Бошкович Стоян (1833—1908), сербский буржуазный политический деятель и историк. Видный представитель либеральной партии. В 1875 и 1879 гг. министр просвещения — 642
- Брадке фон, Петр Михайлович, полковник, начальник Симбирского губернского жандармского управления — 370, 371
- Браилко Николай Иванович, майор, начальник штаба русско-болгарской добровольческой бригады в Сербии — 591, 592, 608, 611, 615
- Братиану Димитрие (1818—1892), румынский политический деятель, брат Иона Братиану. В 1867—1868 гг. министр просвещения, затем был представителем Румынии в Константинополе, в 1881 г. премьер-министр — 567
- Братиану (Братиано) Ион (1821—1891), лидер румынской буржуазно-помещичьей либеральной партии, сторонник австро-германской ориентации. Премьер-министр в 1876—1881 и 1881—1888 гг. — 439, 443, 567, 623, 626, 627, 629
- Бубало, кмет из Герцеговины — 22
- Булатов, русский санитар — 454, 455
- Бургуан де (Bourgoing, Бургоэн) Жан-Франсуа-Гильом, граф (1821—1882), с 27 июня 1875 до 31 декабря 1877 г. французский посол в Константинополе — 289, 534
- Буре Никола-Проспер (1811—1886), дипломат. В 1866—1870 гг. французский посол в Константинополе, с 1870 г. сенатор — 194, 196
- Бурмов А. К.* — 9, 16, 91
- Бурмов Тодор (Федор) Стоянов (1834—1906), болгарский буржуазный публицист и политический деятель. Окончил Киевскую духовную академию. В 60-х годах редактировал ряд болгарских константинопольских журналов. Сотрудничал в русской прессе («Московских ведомостях») по болгарскому церковному вопросу. В 70-х годах внештатный драгоман русского посольства в Константинополе. Во время русско-турецкой войны состоял при кн. Черкасском, был вице-губернатором в Филиппополе и Софии. Премьер-министр Болгарского княжества в 1879 г. — 383
- Бух Константин Андреевич (1812—1895). В 1866—1874 гг. управляющий Самарской казенной палатой, в 1875—1877 гг. член совета министра финансов. С 29 сентября 1876 до мая 1877 г. уполномоченный русского Общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории. Служил в Болгарии в русском гражданском управлении (1879) — 589, 591
- Бухарин Николай Иванович, одесский градоначальник (до конца 1876 г.) — 85, 119, 273
- Бухтеев Михаил Андреевич, деятель акционерного общества «Торговый посредник» (Москва), близкий к славянофилам и С.-Петербургскому славянскому комитету — 215
- Буцонич фра Паскаль (1834—1910), францисканец, уроженец Герцеговины. С 1859 г. профессор во францискапском университете в Риме, затем про-

- фессор богословия в монастыре на Широком Брегу (Герцеговина), священник в Дриновцах, с 1874 г. герцеговинский провинциал. В 1875 г. вручил Францу-Иосифу меморандум в пользу присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. С 1882 г. герцеговинский католический епископ — 33
- Быстриевские — 162
- Бьюкенен Эндрю (1807—1882), посол Великобритании в Вене (1871—1878) — 289
- Бэринг (Беринг) Уолтер, второй секретарь английского посольства в Константинополе. Туркофил. Участвовал в работе международной комиссии по обследованию турецких зверств в Болгарии (1876) — 342, 502
- Вазов Иван Минчов (1850—1921), болгарский поэт и писатель-реалист, классик болгарской литературы, член и секретарь БЦБО — 274, 292, 330, 331, 352, 422, 466, 483, 512, 521, 526, 535, 557, 644
- Валуев Петр Александрович, граф (1814—1890). В 1861—1868 гг. министр внутренних дел в 1872—1877 гг. министр государственных имуществ, в 1877—1881 гг. председатель Комитета министров России — 578, 581
- Василевский Александр Егорович, вице-консул в Тульче — 562, 617
- Василов И., представитель болгарского благотворительного общества в Турну-Магурели — 292, 294
- Васильев Н. — 369
- Васильевич Алимпие (1831—1901), сербский политический деятель и ученый. С 1869 г. профессор философии в Белградской великой школе. В 1875 и 1876—1878 гг. министр просвещения. С 1878 г. почетный член С.-Петербургского славянского общества — 641
- Васильчиков Александр Илларионович, князь (1818—1881), крупный помещик, публицист, близкий к либеральным кругам. В 1876—1878 гг. председатель С.-Петербургского Славянского общества — 14, 205, 230, 245, 246, 284, 289, 299, 345, 431, 456, 457, 474, 478, 530, 531, 554, 556, 638, 639
- Васильчиков Виктор Илларионович, князь — 431, 456
- Васильчиков Петр Алексеевич, князь (1829 — после 1890), с конца 1875 г. до мая 1876 г. уполномоченный русского Красного Креста в Черногории. С 1877 г. член С.-Петербургского Славянского общества — 186, 187, 256
- Васса-эфенди, председатель комиссии по проведению реформ в Герцеговине (1876) — 195, 196, 197
- Вацлик Ян (Иван Яковлевич, 1830—1918) чешский публицист и политический деятель. В 1858—1868 находился на черногорской дипломатической службе. С 1868 г. жил в Петербурге, сотрудничал в русских («Голос», «Русский мир» и др.), чешских, сербских и французских газетах. С 1868 г. член С.-Петербургского славянского комитета. Во время русско-турецкой войны был корреспондентом русских газет в ставке в. кн. Александра Александровича — 89
- Вашингтон Джордж (1732—1799), участник борьбы северо-американских колоний Англии за независимость (1775—1783), первый президент США (1789—1797) — 406, 470
- Вейнович Остоя, один из руководителей восстания в Боснии (1875—1878) — 183
- Велagic Нур-бег, мусульманин из Благая (Герцеговина) — 104, 106
- Великов С. — 71
- Велимирович Пера (1848—1921), сербский политический деятель, инженер. В 70-х годах был последователем Светозара Марковича; за участие в социалистической демонстрации в Крагуевце (1876) арестован. В 1876—1878 гг. находился в эмиграции. Позднее был одним из основателей радикальной партии, неоднократно был министром — 132
- Вертер Карл, барон (1809—1894). В 1874—1876 гг. посол Германской империи в Константинополе — 534
- Вертинский Ф. — 360
- Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич (1841—1930), журналист из обруселой сербской семьи. Организатор Международного комитета помощи герцеговинцам (в Париже) в 1875 г. С 1876 г. почетный член Московского славянского комитета. В 1876 г. избран повстанцами Боснии и Герцеговины представителем перед великими державами — 142, 143, 145, 153, 171, 181, 182, 186, 187, 193—195, 197, 205—208.
- Виктор-Эммануил II (1820—1878), король Сардинии (1849—1861) и первый король объединенной Италии (1861—1878) — 74
- Вилзовски И., издатель газ. «Србадия» — 173
- Вильгельм I Гогенцоллерн (1797—1888), с 1861 г. король Пруссии и с 1871 г. император Германии — 38, 64, 511
- Висковатов Павел Александрович (1842—1905), профессор русской словесности (с 1873 г. в Дерптом, позднее в С.-Петербургском университете). Один из редакторов-издателей панславистской газеты «Русский мир» (1871—1880). С 1874 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 322, 411, 412, 471, 478, 531, 589
- Висковски (Выковский) Павел Хростович, болгарин, учился в России. Член БЦБО, позднее секретарь БЦБО. Корреспондент русских газет «Новое время» и «Московские ведомости» — 274, 292—294, 297, 298, 324, 325, 330, 331, 352, 353, 359, 422, 466, 483, 512, 521, 523, 526, 535, 557, 612, 644

- Влайкович Джордже (Джока, 1831—1888), сербский офицер. Служил в русской армии (1851—1855); принял участие в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине (1875—1878). Секретарь Белградского комитета помощи повстанцам (создан в августе 1875 г.). Во время сербо-турецкой войны 1876 г. командир добровольческого корпуса — 425
- Влайкович Йока см. Влайкович Джордже
- Власов Максим Григорьевич (1767—1848), генерал от кавалерии, с 1836 г. наказной атаман Войска Донского — 356
- Вогюе де, Шарль-Жан-Мельхиор, маркиз (1829—1916), в 1871—1875 гг. посол Франции в Константинополе, в 1875—1879 гг. — посол в Вене — 289
- Волан де см. Де-Волан
- Волов Панайот Вичев (1849?—1876), учитель в Шумле. Активный член Шумлинского революционного комитета, один из руководителей Старозагорского (1875) и Апрельского восстания (1876) — 71, 72, 92
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф (1837—1916), генерал-майор, в 1874—1877 гг. начальник штаба гвардейского корпуса, член главного комитета по устройству и образованию войск. Во время русско-турецкой войны командовал кавалерией Руцукского отряда — 304, 318, 425
- Воронцовы, русский дворянский род — 369
- Врбица Машо, черногорский воевода — 357
- Вреде Николай, князь. В 1875—1884 гг. дипломатический агент и генеральный консул Австро-Венгрии в Белграде — 102, 120, 121, 289
- Вукалович Лука (1823—1873), герцеговинский воевода. Участник восстания в Герцеговине 1852—1853 гг., руководитель восстаний 1857—1858, 1861—1862 и 1864 гг. — 33
- Вукотич Петр (1826—1890), черногорский воевода. Отличился в битве на Граховце (1858) и Кити (1862). В августе 1875 г. послан князем Николаем в Грахово для связи с герцеговинскими повстанцами. Участник войны 1877—1878 гг. — 65, 68, 131, 476, 636
- Вуксанович см. Пахович
- Вукчевич, серб, студент Московского университета — 454, 455
- Вульферт Густав Александрович, гвардии полковник, адъютант главнокомандующего Кавказской армией в. кн. Михаила (1876). Участник русско-турецкой войны (начальник отряда — июль 1877 г.) С 1881 г. пожизненный член С.-Петербургского Славянского общества. Шурин Черняева — 451, 452, 453
- Вучетич Степан М., член правления Одесского славянского благотворительного общества (в ноябре 1876 г. и. о. председателя) — 85, 607
- Выднев (Въднев) Пантелей, болгарин из г. Бекет (Румыния), член местного благотворительного общества — 71
- Высковский см. Висковски
- Вышемирский Михаил Ипполитович, бывший студент С.-Петербургской медико-хирургической академии, участник польского восстания 1863 г. — 368
- Габель Орест-Октавиан Мартынович, революционер-народник, бывший студент Новороссийского университета и Технологического института. В 1873 г. выслан в Волынскую губ., вскоре эмигрировал, жил в Женеве, примыкал к набатовцам. Участвовал в Герцеговинском восстании 1875 г. и в деятельности южнорусских революционных организаций. С мая 1876 г. жил в Петербурге, подготовил побег С. Ковалика и других революционеров, но 14 августа 1876 г. был арестован. В 1878 г. выслан на поселение в Сибирь — 334
- Габсбурги, династия, правившая с 1273 г. в Австрии (с 1867 до 1918 г. в Австро-Венгрии) — 73, 75, 76, 173
- Гагарин Василий Николаевич, князь, деятель Московского славянского комитета — 591
- Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), с 1869 г. один из издателей «Недели» (с 1875 г. издатель-редактор), являвшейся в этот период умеренно-народническим органом — 335
- Гакович Нико, один из руководителей восстания в Боснии (1875—1878) — 183
- Гакович Петар, один из руководителей восстания в Боснии (1875—1878) — 183
- Галенга, английский корреспондент — 342, 533
- Галышев Н., секретарь Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346, 347
- Гамид см. Абдул-Хамид II
- Ганчо, болгарский священник — 124
- Гарашанин Илья (1812—1874), сербский государственный деятель, консерватор. Один из руководителей так называемого «уставоохранительского» режима (1842—1858), в 1861—1867 гг. премьер-министр. Сторонник объединения южных славян под главенством Сербии — 59
- Гарашанин Милутин (1843—1898), сербский политический деятель, сын И. Гарашанина. В 70-х годах принадлежал к группе младо-консерваторов, позднее руководитель реакционной «напредняцкой» партии — 59, 97, 98, 99, 121, 122
- Гардецкий Евмен — 119
- Гарибальди Джузеппе (1807—1862), народный герой Италии, борец за национальное освобождение и объединение Италии — 74
- Гартвиг Николай Генрихович (1855—1914), служил в Азиатском департаменте МИД, затем был атташе в Це-

- тинье и вице-консулом в Бургасе (с 1879 г.) — 533, 534, 592, 609, 615
- Гафур-паша см. Хафур-паша
- Гвоздский, курьер русского посольства в Константинополе — 290
- Гейден Федор Логгинович, граф (1831—1900), в 1866—1881 начальник Главного штаба русской армии. Во время русско-турецкой войны и. о. военного министра — 426, 439, 443, 483, 484, 512, 516, 517, 519, 530, 560, 565, 567, 570, 573, 614, 620, 621, 633, 635, 643
- Гелиогабал, римский император (218—222 гг. н. э.) — 227
- Генчев Д. — 644
- Георгиев (Георгиу) Евлогий Недев (1819—1897), крупный болгарский купец (в Бухаресте). Русофил. Принимал активное участие в деятельности консервативно-буржуазной группы «старых» — 52, 190, 259, 270, 303, 363, 390, 393, 473, 531, 532
- Георгиев Христо Недев (1824—1872), крупный болгарский купец, брат Е. Георгиева. Русофил, руководитель консервативно-буржуазной группы «старых», один из основателей Болгарской Добродетельной дружины — 52, 390
- Георгий (Георг) I Глюксбург (1845—1913), с 1863 г. греческий король — 51
- Герасим, епископ Самарский и Ставропольский — 280
- Германи Ефрем — 188, 189, 451, 453
- Гернет Александр — 119
- Геров Найден Добрович (1823—1900), болгарский литератор и учитель. В 1857—1877 гг. русский вице-консул в Филиппополе. Был тесно связан со славянскими комитетами и оказывал активную поддержку болгарскому национально-освободительному движению — 177, 202, 391, 393, 577
- Гешов Иван Евстахий (1849—1924), болгарский буржуазный политический деятель, литератор. Наследник Е. Георгиева, один из самых богатых болгарских буржуа — 225
- Гиевский, харьковский книготорговец, член местного комитета помощи балканским славянам — 346
- Гика Ион, князь (1817—1897), румынский политический деятель — 174, 175, 636
- Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), издатель консервативной газеты «Современные известия» (1867—1887), примыкал к славянофилам — 281, 350
- Гирс Николай Карлович (1820—1895), с конца 1875 товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом МИД России, в 1876—1878 гг. неоднократно управлял министерством иностранных дел — 198, 229, 237, 249, 250, 309, 356, 357, 373, 477, 481, 505, 530, 534, 580, 581, 582, 593, 611, 612, 616, 617
- Гирш Август Богданович, русский консул в Триесте — 198
- Гирш М., барон, австрийский капиталист — 235
- Гладстон Уильям (1809—1898), английский политический деятель, лидер либеральной партии, противник турецко-фильской политики Дизраэли — 341, 610
- Гогендоллерн см. Карл I
- Гойкович Савелий — 119
- Голеницев-Кутузов Петр Аркадьевич, граф, член С.-Петербургского комитета (с 1868 г.) — 460
- Гольденберг (Гетройтман) Лазарь Борисович (1846?—1916), революционер-народник. Участник кружка «Сморгонь» и студенческого движения (1868—1869). В 1872 г. эмигрировал, жил в Швейцарии, в Лондоне; был наборщиком и корректором журнала «Вперед!» — 95
- Гончаров Никита Севастьянович, крестьянин — 428, 429
- Гоппе (Гоппе), банкирский дом в Амстердаме и Лондоне — 503
- Горанов — 274
- Горбатов, капитан — 376
- Гордианы, римские императоры Гордиан I (238), Гордиан II (238) и Гордиан III (238—244) — 407
- Горненски Н. — 644
- Горов Димитр Иванов (1841—1882), болгарский торговец в Журжеве, член местного болгарского благотворительного общества — 71, 126
- Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), министр иностранных дел России в 1856—1882 гг. (с 1867 г. государственный канцлер) — 37, 38, 43, 60, 62—64, 91, 161, 163, 165, 173, 177, 188, 190, 192, 206, 207, 262, 267, 283—285, 290, 312, 314, 326, 327, 339, 350, 393, 394, 397, 412, 415, 418, 425, 440, 449, 458, 462, 464, 467, 475, 487, 502, 510, 519, 533, 535, 553, 556, 562, 566, 567, 568, 570, 592, 602, 603, 605, 609, 612, 615, 617, 621, 623, 624, 628, 629, 632, 633, 636—639
- Гостинов, капитан, во время сербо-турецкой войны 1876 г. командир русско-болгарского добровольческого батальона — 354
- Гофф де, Пьер, редактор газ. «Stamboul» — 114
- Грабовац Степо — 104, 106
- Градовский Александр Дмитриевич (1841—1889), профессор государственного права в С.-Петербургском университете, умеренный либерал, находился под влиянием славянофильства. С 1869 г. член С.-Петербургского славянского комитета. Сотрудник «Голоса» и «Русской речи» — 318
- Градовский Григорий Константинович (1842—после 1908), либеральный публицист, сотрудник «Голоса». С 1871 г. член С.-Петербургского славянского комитета. В 1876—1878 гг. издавал газету «Русское обозрение» — 307, 318, 319
- Григорий (1828—1898), митрополит Доростоло-Червенский, участник движения за национальную болгарскую

- церковь (сторонник консервативного течения). Туркофил — 112, 114, 123, 126
- Григоров Ганчо А., казначей БЦБО — 292, 294, 297, 298, 302, 330, 331, 391
- Григоров Ив. Х., член БЦБО — 303
- Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), ориенталист; консервативный публицист. В 1862—1878 гг. профессор истории Востока в Петербургском университете. В 1874—1880 гг. начальник Главного управления по делам печати МВД — 321, 322, 379
- Григорьев, директор Петербургского кредитного общества — 373
- Грубачич Трипко, один из руководителей восстания в Герцеговине в 1875—1878 и 1882 гг. — 34
- Грудов Иван поп Велчев, болгарский купец из Бухареста, член Болгарского тайного революционного комитета (1866), позднее член Болгарского человеколюбивого настоятельства (1875) и вице-председатель БЦБО (8 августа 1876 г. исключен из БЦБО) — 259, 268, 274, 292, 294, 302, 331, 391, 392, 393
- Груич Еврем (1826—1895), один из лидеров сербской либеральной партии. В 1875 г. министр внутренних дел, в 1876—1878 гг. министр юстиции — 85, 209, 243, 461
- Груич Сава (1840—1913), сербский офицер. Получил образование в России. Участник польского восстания 1863 г., сербо-турецкой войны 1876 г. (начальник артиллерии Тимоко-Моравской армии). С сентября 1876 г. до 1878 г. военный министр — 210, 243
- Грыблев (Грьблев) Райчо П., секретарь болгарского благотворительного общества в Плоешти — 259, 292, 294
- Губастов Константин Аркадьевич, 2-й секретарь русского посольства в Константинополе (1875—1877) — 383
- Гурделья И. — 34
- Гурьев, секретарь Петербургского кредитного общества — 373
- Гусейн-паша см. Хусейн-паша
- Гюбнер фон, Йозеф-Александр, барон (1811—1896), австрийский дипломат (с 1868 г. в отставке). С 1879 г. член верхней палаты австрийского рейхсрата — 54, 55
- Дабович Федор — 215
- Давид см. Тодоров Д.
- Давидович Симо, один из руководителей восстания в Боснии (1875—1878) — 183
- Давидсон — 180
- Далматов Николай Дмитриевич, отставной подпоручик, эмигрант, участник восстания в Боснии (1875—1878) — 161
- Данаиловы, хаджи, братья, болгарские торговцы из г. Крайова (см. Данилов, хаджи, Христо) — 71
- Дандевил Виктор Десидериевич, генерал-майор. Представитель С.-Петербургского славянского комитета в Белграде по делам русских добровольцев — 382, 411, 412, 451, 452, 472, 583
- Данило (Даниил, ок. 1670—1735), черногорский митрополит и правитель Черногории в 1697—1735 гг., основатель династии Петровичей-Негошей — 226
- Данилов, хаджи, Христо — 598, 599, 600 (см. Данаиловы)
- Данилова Н. П. — 16
- Даниш-эфенди, турецкий генеральный консул в Дубровнике (с августа 1875 г.), армянин — 135, 137
- Данчич — 141
- Даскалов — 123, 124, 125
- Дворяшин, старший врач 85-го Выборгского полка, во время сербо-турецкой войны заведующий Новгородским санитарным отрядом в Сербии — 453, 454, 455
- Де-Волян (де Воллан, Деволан) Григорий Александрович, в 70-х годах служил в Азиатском департаменте МИДа. С 1871 г. член С.-Петербургского славянского комитета; был уполномоченным комитате в Сербии — 411, 412, 451, 566
- Деказ Луи-Шарль-Эли-Аманье, герцог (1819—1886), министр иностранных дел Франции в 1873—1877 гг. Орлеанист — 511
- Дели-Неджиб, плевненский каймакам — 509
- Делонги Наполеон, французский журналист — 113
- Демидовы, известные русские промышленники — 369
- Дерби Эдвард-Генри Стэнли, граф (1826—1893), консерватор. В 1875—1878 гг. министр иностранных дел в кабинете Дизраэли — 327, 394, 415—418, 558, 628
- Дервиш-паша, с 1873 г. генерал-губернатор Боснии и Герцеговины. В 1876 г. участвовал в войне против Черногории. В 1877 г. был генерал-губернатором Албании — 20—22, 28, 29, 31, 32, 40—43, 47, 48, 50, 65, 68, 70, 87, 103, 106, 476, 606, 618
- Деспотович Милета, сербский офицер, отставной полковник русской службы. В 1876—1877 гг. командующий повстанцами Боснии — 369, 460, 558, 617
- Джевдет-паша, губернатор Сирии — 212, 213
- Дидий Юлиан, римский император (193 г. н. э.) — 407
- Дизраэли Бенджамин (1804—1881) (с 1876 г. лорд Биконсфилд), премьер-министр Англии в 1868 и 1874—1880 гг. Лидер консерваторов. Вел антиславянскую политику, русофоб — 341, 511, 552, 610
- Димитраки-бей см. Тодоров Д.
- Димитриева — 312
- Димитру, хаджи Йор, член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 532
- Димитров Т., член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 110

- Дмитриев, русский доброволец — 349
- Дмитриева, русская фельдшерка Новгородского санитарного отряда — 454
- Добрovich — 305
- Дод-Гега (Доде-ага) — 606, 618
- Дозон Огюст (1822—1890), французский дипломат, литератор. С 1854 г. на дипломатической службе в Белграде, с 1863 г. консул в Мостаре, с 1865 г. — в Филиппополе, с 1875 г. — в Мостаре. С 1885 г. профессор русского языка в Институте восточных языков в Париже — 184
- Донгоруков Владимир Андреевич, князь (1810—1891), в 1865—1891 гг. московский генерал-губернатор — 300, 302, 360, 362, 364, 365, 512
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, князь (1820—1893), генерал-адъютант, в 1869—1878 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. Во время русско-турецкой войны командующий XIII армейским корпусом, а затем восточным отрядом русской армии на Балканах. В 1879—1880 гг. императорский комиссар в Болгарии и командующий русским оккупационным корпусом — 10, 458
- Драгашевич, сербский офицер — 188 — 192
- Драгнев Ст. — болгарский революционер 72
- Драгостинов Иларион Иванов (1852—1876), болгарский революционер, член Русского революционного комитета; «апостол» (руководитель) во время Апрельского восстания 1876 г. — 126
- Драсов Иван Тодоров (1848—1901), болгарский ремесленник. Член секретарь революционного комитета в г. Ловеч (1869—1872), позднее активно участвовал в работе БЦРК (1874—1876) — 38, 39, 70, 71, 95, 107, 108, 111, 126, 252, 259, 260, 274, 275.
- Дрежняк фра Боно, католический священник, участник восстания в Герцеговине (1875—1878) — 70
- Дрейч Йован, уроженец Мостара (Герцеговина), учился в России (1858—1872). С 1872 г. участвовал в Сербии в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине. Участник русско-турецкой войны (1877—1878) (в отряде русского Красного Креста) — 210
- Дринов Марин Стоянов (Марин Степанович, 1838—1906), болгарин по национальности, профессор Харьковского университета, славяновед. Первый председатель Болгарского литературного общества. В 1878—1879 гг. софийский вице-губернатор, первый министр просвещения Болгарского княжества — 325
- Дукич Ристо, один из участников восстания в Боснии и Герцеговине (1875—1878) — 183
- Дурново Николай Николаевич, член Московского славянского комитета — 141, 171
- Дучич Никифор (1832—1900), сербский архимандрит. Командовал добровольческим отрядом во время сербо-турецкой войны. В 1877—1880 гг. депутат сербской скупщины, позднее председатель Верховного суда. Неоднократно избирался председателем Сербского ученого общества — 10, 642
- Душан Стефан (ок. 1308—1355), сербский король (1331—1345) и царь (1346—1355) — 59, 130
- Дыбоски (Дабовски) Д., болгарин из Измаила, деятель БЦРК — 71
- Дюкран Огюст-Александр (1817—1882), французский генерал, участник франко-прусской войны 1870 г. — 75
- Дюкою, английский вице-консул в Адрианополе, туркофил — 341.
- Евлогий см. Георгиев Е.
- Екатерина II (1729—1796), русская императрица (1762—1796) — 225, 401
- Еланский, священник — 313
- Енчев (поп Димитров), Петр (1855—1922), болгарский учитель; член БЦРК и БЦБО — 71, 126, 236, 248, 249, 257, 258, 260, 274, 292, 294, 297, 298, 315, 325, 483, 521, 523, 525, 526, 534, 535, 557, 624, 644
- Ефремов В. А. — 16
- Ефруси см. Эфруси
- Жанна д'Арк (ок. 1412—1431), героиня французского народа, возглавившая во время Столетней войны борьбу против английских захватчиков — 73
- Живанович Васа, секретарь сербского агентства в Бухаресте (до 1875 г.), позднее начальник Неготинского округа — 52, 53, 188, 189, 191, 192
- Живков — 449
- Жинзифов Ксенофонт (Райко) Иванов (1839—1877), болгарский поэт и публицист, родом из Македонии. Жил и преподавал в России, сотрудничал в русских изданиях — 331
- Жолобов Владимир Иванович, полковник, начальник Новгородского губернского жандармского управления — 594, 595
- Жомини Александр Генрихович, барон (1814—1888), дипломат. В 1879—1880 гг. товарищ министра иностранных дел России. Стронник австро-германской ориентации — 27, 34, 37, 39, 53, 56, 59, 64, 77, 88, 97, 100, 119, 134, 140, 154
- Жоселин, секретарь английского посольства в Константинополе — 609, 622, 625, 626
- Жуевич Живоин (1838—1870), сербский демократ, публицист и экономист. Учился в России, сотрудничал в периодической русской печати. Активно участвовал в деятельности Омладины — 210
- Жуевич Йован — 132
- Жужукин А. А., русский врач — 256
- Завьялов Михаил Михайлович, капитан, начальник уездного жандармского

- управления в Шуйском уезде Владимирской губернии — 573
- Загорский Стойко Христов, болгарский врач, принадлежал к группе «старых». Член БЦБО (исключен из БЦБО 8 августа 1876 г.) — 292, 294, 297, 302, 330, 391
- Займов Стоян Петров (1853—1932), болгарский писатель и педагог. До освобождения Болгарии участвовал в национально-освободительном движении, во время Апрельского восстания 1876 г. «апостол» (руководитель) во Врачанском округе — 91
- Залышкин М. М. — 16.
- Зандрик Григорий Филиппович, русский офицер — 449, 471
- Заславский Евгений Осипович (1847—1878), русский революционер, руководитель и организатор Южно-российского союза рабочих, корреспондент газеты «Вперед!» — 162, 168.
- Засулич Вера Ивановна (1851—1919), русская революционерка — 319
- Заурма, барон, германский дипломат — 120, 121
- Зах Франц (Франтишек, 1807—1892), сербский генерал, чех по национальности. С 1874 г. первый адъютант кн. Милана, с 1876 г. начальник генерального штаба. Во время сербо-турецкой войны 1876 г. командовал Западно-Моравской дивизией Ибарской армии — 165, 166, 199, 200
- Зверев И. Г. — 304
- Зеленой А. С., полковник генерального штаба, русский военный агент в Константинополе — 44, 47, 241, 395, 477, 529, 561
- Земроки — 471
- Зеновски Димитр Г., болгарский кожевник из Крайовы, член местного болгарского благотворительного общества — 71, 292, 293
- Зимонич, поп Богдан (1813—1909), герцеговинский воевода, руководивший в 1875—1878 гг. повстанцами района Гацко — 65, 68
- Зиновьев Василий Васильевич, генерал-лейтенант, гофмаршал двора в. кн. Александра — 395, 396, 505
- Зиновьев Иван Алексеевич (1835—1917), в 1871—1876 гг. русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте. В 1883—1891 гг. директор Азиатского департамента МИДа — 173, 177, 178, 179, 188, 190, 229, 230, 391
- Зичи Франц, граф, в 1874—1879 посол Австро-Венгрии в Константинополе — 41, 43, 534
- Златаров Х., член БЦБО — 520, 521, 526, 527
- Золотарев Василий Григорьевич (1837—1891), полковник генерального штаба; начальник штаба 6-го армейского корпуса, позднее был начальником военного отдела в канцелярии русского комиссара в Болгарии и исполнял обязанности систовского и рущукского губернатора (1877) — 443
- Золотарев Иван Федорович, член С.-Петербургского славянского комитета (в 1875 г. — товарищ председателя) — 207
- Зологов (Золотович) Георгий А., член БЦБО (в августе 1876 г. — секретарь БЦБО) — 292, 294, 320, 321, 330, 345, 352, 363, 381, 422, 466, 483
- Зуева Н. В. — 16
- Иванов Д. А., член Болгарского человеколюбивого настоятельства 532
- Иванов Димитр П., болгарский деятель из Бухареста, служащий фирмы бр. Георгиевых, член БЦБО — 353, 354, 422, 449, 466, 483, 512, 521—526, 535, 557, 644
- Иванов И. А., русский консул в Адрианополе — 118
- Иванов Иван Степанович (1831—1902), болгарский учитель, публицист и политический деятель. Кишиневский уездный исправник, председатель Кишиневского благотворительного общества — 201, 208, 209, 228, 247, 268, 271, 283, 297, 299, 304, 312, 349, 448, 449, 471, 474, 599, 616, 633
- Иванов Иван Х., болгарский учитель из Болграда, член местного болгарского благотворительного общества, редактор газеты «Български глас» — 257, 258, 283
- Иванов Перо — 25
- Иванов Христо — 27
- Иванов-Орукин Ангел хаджи, болгарский деятель из Турну-Северина, в 1876 г. был местным представителем БЦБО для встречи болгарских добровольцев — 444, 520
- Игнатъев Николай Павлович, граф (1832—1908), генерал-адъютант. В 1864—1877 гг. русский посол в Константинополе. Видный представитель русской националистической дипломатии — 22, 50, 51, 92, 100, 102, 111, 118, 123, 125, 127, 128, 132, 138, 140, 147—149, 155, 157, 192, 194, 197, 198, 202, 204, 205—208, 211, 237, 238, 240, 241, 267, 289, 397, 398, 402, 403, 409, 412, 413, 415, 440, 443, 487, 488, 496, 524, 525, 534, 535, 547, 552—554, 561, 562, 566, 567, 577
- Игнатъева Екатерина Леонидовна, жена Н. П. Игнатъева — 291
- Игуменов (Андреевич) Сима (Семен) (1804—1883), сербский купец. Жил в России. С 1869 г. член С.-Петербургского славянского комитета. Позднее вернулся в Сербию — 643
- Измайлов Александр Лаврович, полковник в отставке. Во время сербо-турецкой войны был помощником генерала Черняева — 141, 388
- Икономов Г., участник восстания в Болгарии (1875) — 128.
- Икономов Д. Л., член БЦБО — 292, 293, 481, 526
- Икономов Павел, болгарский деятель из Браилова, член общества по распространению полезных знаний. В 1872 г.

- участвовал в деятельности БЦРК — 77, 91, 272
- Илиев П. Н., болгарский деятель из Болграда, член местного болгарского благотворительного общества — 283
- Илиев Т., член БЦБО, секретарь болгарского благотворительного общества в Браилове — 521, 523—527, 557
- Иларион (Иларион Радонич, 1828—1882), черногорский митрополит (с 1863 г.). Председатель Цетинского комитета помощи герцеговинцам — 69, 141, 142, 171, 186, 254, 282, 590, 606
- Иоанникий, архиепископ Херсонский и Одесский — 323
- Ионин Александр Семенович (1837—1900), русский генеральный консул в Рагузе. Позднее был министром-резидентом в Черногории, генеральным консулом в Софии (1883) и посланником в Бразилии (1883—1892). Активно поддерживал герцеговинских повстанцев. Был близок к славянским комитетам — 19—22, 27, 30, 32, 35, 36, 64, 77, 81, 84, 134, 136, 137, 141, 145, 152, 187, 195, 197, 206, 207, 241, 253, 262, 267, 475, 534, 566.
- Ионин Владимир Семенович, бывший русский генеральный консул в Боснии. В 1876 г. был послан Петербургским славянским комитетом для установления связи с болгарскими национальными организациями. Член БЦБО, позднее один из инициаторов создания Временного боснийского правительства (1877) и его первый председатель — 231, 236, 244, 245, 247, 248, 249, 252, 257, 259, 260, 268, 270, 274, 275, 278, 292, 294, 296, 299, 300, 305, 315, 325, 330—332, 353, 354, 358, 391, 392, 457, 474, 521, 522, 524, 525, 526, 557, 596, 601, 644
- Исидор, митрополит новгородский, с.-петербургский и финляндский — 336
- Исмет-паша — 607, 608
- Иванович Владимир (1833—1922), публицист, один из лидеров сербской Омладины и либеральной партии. В 1876—1878 гг. министр финансов — 102, 283
- Иванович Илия П. — 126, 210
- Иванович-Змай Йован (1833—1904), выдающийся сербский поэт. Стронник и близкий друг Св. Милетича — 243
- Иванович Йован, сербский священник — 642
- Иванович Корнел, брат поэта Йовановича-Змая — 243
- Иванович П. — 161
- Иванович Стефан (1828—1885), австрийский генерал. В 1878 г. оккупировал Герцеговину. В 1882 г. подавил восстание в Кривошии и был назначен наместником Далмации — 81, 83
- Иович Стоян, один из руководителей восстания в Боснии в 1875—1878 гг. — 183.
- Йорданов Върбан — 96, 116
- Каблешков Тодор (1853—1876), деятель болгарского национально-освободительного движения, один из руководителей Апрельского восстания (1876) — 205
- Кавалджиев Иван Л., член Болгарского человеколюбивого настоятельства и БЦБО — 110, 252, 257, 259, 274, 292, 294, 297, 298, 325, 330, 331, 345, 352, 353, 381, 422, 466, 483, 512, 520, 521, 524, 526, 535, 557, 644
- Кавелин Александр Александрович, генерал-майор, таврический губернатор — 485, 641
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), профессор Московского и Петербургского университетов, видный представитель русского либерализма — 335
- Кавур Камилло Бензо, граф (1810—1861), государственный деятель Сардинии (Пьемонта), поборник объединения Италии под эгидой Пьемонта — 639, 640
- Кажанский, майор, и. д. начальника Ярославского губернского жандармского управления — 485, 487
- Каличе Генрих, барон, дипломат. С 1874 г. австрийский дипломатический агент в Бухаресте, с 1880 г. посол в Константинополе — 191, 192, 534
- Калчо см. Пасков
- Кальевич Любомир (1841—1907), в 1874—1875 гг. министр финансов Сербии; с осени 1875 г. до весны 1876 г. премьер-министр и министр внутренних дел коалиционного кабинета. В 1877 г. эмигрировал и сотрудничал в «Народном гласнике» Петра Карагеоргиевича. В 1881 г. один из основателей реакционной «напредняцкой» партии — 132, 163, 165
- Калянджи (Калянджиев) Павел Цанев (1838—1890), болгарский политический деятель, литератор, брат И. С. Иванова — 230, 247, 248, 258, 268
- Камбуров Х., член болгарского благотворительного общества в Болграде — 283
- Каниш, германский генеральный консул в Рушукe — 560
- Кантарджиев Паскаль Д., болгарский купец из Бухареста, член Болгарской добродетельной дружины, член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 532
- Капари — 172
- Карабек, муфтий — 306
- Каравелов Любен Стойчев (1834—1835—1879), болгарский писатель-реалист, публицист, один из основателей БЦРК и его руководитель до 1874 г., редактор газ. «Свобода», «Независимость» и журн. «Знание» — 51—53, 71, 72, 77, 87, 93, 109, 114, 121, 275, 521, 642
- Каравелова Наталья, жена Л. Каравелова — 53
- Карагеоргиевич Петр (1844—1921), сын Александра К., получил военное об-

- разование во Франции, участвовал (как офицер французской армии) в войне с Пруссией (1870—1871). Во время восстания в Боснии (1875—1878) под именем Петра Мрконица организовывал повстанческие отряды в Боснийской Краине. В мае 1876 г. был вынужден уехать из Боснии ввиду враждебной позиции Австро-Венгрии и кн. Милана. В 1903—1918 гг. король Сербии, в 1918—1921 гг. король Югославии — 211
- Карагеоргиевичи, династия, правившая в Сербии (1842—1858, 1903—1918) и Югославии (1918—1945) — 73, 210
- Карагьозов Христо — 91
- Караджа Стефан (1840—1868), видный деятель болгарского национально-освободительного движения, в 1868 г. руководил «четой», прорвавшейся в Болгарию — 114, 124
- Каракановский (Караконовски) Васил Костов (1804—1905), болгарский врач, стипендиат Московского славянского комитета, врач русского посольства в Константинополе — 383
- Караминов Хр. — 325
- Карамихалев (Карамихайлов), Д. болгарин, драгоман русского консульства в Русуке — 108, 124
- Каран Йово — 183
- Каранович Обрад — 183
- Каран-Свечанич Джока — 183
- Карапещич Светозар — 643
- Карафилов С. см. Катрафилов
- Карасев Алексей Алексеевич, редактор «Донской газеты», член Новочеркасского славянского комитета — 338, 339, 441
- Карасев В. Г. — 16
- Каратеодорова К. Н. — 16
- Карл I Гогенцоллерн-Зигмаринген (1839—1914), румынский князь с 1866 г., король с 1881 г. — 51, 155, 158, 174, 175, 176, 567, 571, 623, 626
- Карловский Георгий, болгарин из Тульчи, русский подданный — 617, 618
- Карлос дон — 309
- Карцева С. П., старшая медсестра в Цетинском госпитале — 256
- Карцов Андрей Николаевич, русский генеральный консул в Белграде — 53, 55—58, 97, 98, 100, 102, 119, 121, 122, 163, 164, 165, 166, 168, 198, 231, 241, 243, 275, 285, 289, 291, 453, 455, 466, 516, 529, 530, 561, 562, 568, 578, 586
- Кастюрин, помещик Псковской губ., русский доброволец в Сербии (1876) — 469
- Катарджиу (Катарджи) Л., румынский премьер-министр в 1871—1876 гг. — 174—176
- Катерина см. Хитова К.
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный русский публицист, издатель «Русского вестника» и редактор «Московских ведомостей» — 37, 325, 435
- Катранов А. Д., болгарин из Слатины, член местного болгарского благотворительного общества — 292, 293
- Катранов Петко Д., член болгарского благотворительного общества в Турну-Магурели — 292, 294
- Катрафилов (Карафилов), поп Сава К., болгарский священник — 313, 314
- Кауфман фон, Михаил Петрович (1822—1902), генерал-адъютант, в 1866—1879 гг. начальник Главного интендантского управления — 379, 614, 615
- Келлер Федор Эдуардович, граф (1850—1904), ротмистр кавалергардского полка, во время сербо-турецкой войны 1876 г. помощник начальника болгарского добровольческого отряда, командир болгарского батальона, начальник штаба добровольческой дивизии. Участник войны 1877—1878 гг. — 318, 372, 395
- Керстенс, провизор, заведующий Новгородским санитарным отрядом — 453, 454, 455
- Кесаков (Кесаков) — 465
- Кечет, д-р — 267
- Кирев Александр Алексеевич (1833—1910) генерал-лейтенант, состоял при в. кн. Константине Николаевиче. Член С.-Петербургского славянского комитета (в 1878—1879 гг. его председатель). Принадлежал к консервативно-панславистским кругам русского дворянства — 225, 228, 230, 244, 249
- Кирев Николай Алексеевич (1841—1876), кавалерийский офицер, славянофил, в 1868—1871 гг. секретарь С.-Петербургского славянского комитета, принял участие в сербо-турецкой войне. Погиб 6 июля 1876 г. — 201, 205, 207, 208, 228, 290, 299
- Кирилл (Константин, 827—869), славянский просветитель — 141, 203—205, 277
- Кирилов, председатель Старосельской земской управы, член Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346
- Кишельский Иван Кирович (1820—1881), болгарин, отставной генерал-майор русской армии, член Московского славянского комитета — 335, 354, 357—359, 387, 388, 389, 425, 444, 448, 449, 457, 458, 474, 505
- Клаич Михо (1829—1896), публицист, деятель сербо-хорватского национального движения в Далмации; с 1870 г. член краевого управления Далмации. Активно поддерживал восстание в Боснии и Герцеговине (1875—1878) — 153, 172
- Класанова Д. — 644
- Клеменц Дмитрий Александрович (1848—1914), русский революционер-народник. Принадлежал к кружку чайковцев; в 1874 г. уехал за границу, где жил до 1878 г.; вернувшись в Россию, участвовал в деятельности «Земли и воли» — 48, 50

- Кличен (Кличан), почетный консул Бельгии и Нидерландов в Шумле — 123
- Клочков, купец — 533
- Кляич см. Клаич
- Кноп Карл Германович, полковник, начальник жандармского управления в Одессе — 462
- Ковалевский Ю. Н., русский врач в Черногории — 256
- Ковалик Сергей Филиппович (1846—1926), русский революционер-народник. В конце 1873 г. был в Цюрихе, где познакомился с Бакуниным, Лавровым, Ткачевым. В 1874 г. организовывал в России революционные кружки молодежи, участвовал в «хождении в народ». 12 июля 1874 г. арестован, в 1878 г. приговорен к 10 годам каторги — 334
- Ковачевич Джорджия — 183
- Ковачевич Ш., секретарь Цетинского комитета помощи герцеговинским повстанцам — 282
- Когальничану (Когалничану) Михай (1871—1891), министр иностранных дел Румынии (1876). В начале 1877 г. вице-президент сената — 596, 636
- Кожевников Василий Федорович, русский консул в Русуке — 481, 508, 519, 560, 612
- Кожевников С., самарский городской голова — 281, 351
- Козьменко И. В.* — 9, 16
- Колодяжный — 631
- Колони Михаил (1817—1893), болгарский купец, член добродетельной дружины, член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 325, 390, 532
- Комаров Александр Владимирович, полковник, начальник Псковского губернского жандармского управления — 316, 437, 468, 470
- Комаров Виссарион, отставной полковник, редактор газ. «Русский мир», во время сербо-турецкой войны 1876 г. начальник штаба Черняева — 385, 387, 408, 451
- Комаров Михаил Федорович — 350, 360
- Комаровский — 359
- Конов Георгий Абаджия (Абочия), болгарин, член Болградского болгарского благотворительного общества — 283
- Коновев В. Д.* — 16
- Констан-паша — 476
- Констант-эфенди — 33, 104, 106
- Корнилов Иван Петрович (1811—1901), с 1869 г. член С.-Петербургского славянского комитета (с 1870 г. до 18 апреля 1876 г. — его председатель) — 88, 133, 140, 198
- Коробанов В. — 377
- Корти, Луиджи, граф (1823—1888), в 1875—1886 гг. посол Италии в Константинополе — 534
- Костенко Е. Н., врач, председатель Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346
- Косцюшко (Костюшко) Тадеуш (1746—1817), руководитель польского восстания 1794 г., участник войны за независимость северо-американских колоний Англии (1775—1783) — 430
- Коунджич см. Куюнджич
- Коцебу Павел Евстафьевич, граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, варшавский генерал-губернатор и командующий Варшавским военным округом — 180
- Кошелев Александр Иванович (1806—1883), помещик, славянофильский публицист — 281
- Копут Лайош (1802—1894), один из вождей венгерской революции 1848г. — 521
- Кравченко Федор, рабочий Одесских ж.-д. мастерских, активный член Южно-русского союза рабочих — 162
- Кравчинский (Стенняк) Сергей Михайлович (1851—1895), русский революционер-народник, публицист и писатель. Участник восстания в Боснии и Герцеговине (1875—1878) — 13, 48—50, 93—95, 409
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), редактор-издатель журн. «Отечественные записки» и умеренно-либеральной газ. «Голос» (1863—1884) — 307, 308, 324, 325, 328
- Кралитарков Д., член болгарского благотворительного общества в Болграде — 283
- Кральевич фра Ангел, католический епископ Мостара — 70, 104, 106
- Краснокутский Николай Александрович, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, наказной атаман Войска Донского — 418, 425
- Кратохвиль Эд. — 328, 329
- Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895), русский офицер, писатель консервативного направления. Во время войны 1877—1878 гг. штаб-ротмистр, корреспондент «Правительственного вестника» в действующей армии — 89
- Крживоблоцкий Яков Степанович, генерал-майор, начальник штаба Одесского военного округа — 502
- Кридепер Николай Павлович, барон (1811—1891), генерал-лейтенант, во время войны 1877—1878 гг. командующий IX армейским корпусом — 568, 569
- Кринч Юсуф-ага — 25
- Круковский, русский врач — 256
- Крум, болгарский хан (802—814) — 480
- Крылов Иван Петрович, секретарь русского генерального консульства в Русуке — 50, 52, 92, 93, 111, 114, 123, 125, 127—129, 133, 148
- Крыловы — 436
- Ксеркс, персидский царь (486—465 гг. до н. э.) — 73
- Кудрявцев Алексей Николаевич, русский консул в Сараеве (1858—1875) — 558, 602, 607, 608
- Кузин, член Харьковской городской управы и местного комитета помощи балканским славянам — 346

- Кузьминский, русский доброволец в Сербии — 349
- Кулев Васил П., болгарин из Слатины, член БЦРК — 71
- Кулич Вуло — 23
- Кумундурос Александр (1814—1883), премьер-министр Греции (1865—1880, 1880—1882) — 640
- Курганский М. Ф., рабочий Одесских ж.-д. мастерских, член Южно-русского союза рабочих — 162
- Кучеров Матвей Матвеевич, войсковой старшина, начальник 2-го Донского округа — 441
- Кущинников — 373
- Куюнджич Милан (1842—1893), видный деятель Омладины и либеральной партии, сербский поэт. В 1866—1867 и 1873—1882 гг. профессор философии в Белградской великой школе. Участник сербо-турецких войн 1876—1878 гг. (командир батареи) — 90
- Кырджиев (Кърджиев) Тома Антонов (1850—1887), болгарский учитель, один из основателей революционных комитетов в Руцукe и с. Червена вода. Руководил подготовкой к восстанию в Руцукском округе (1875), участвовал в подготовке Апрельского восстания (1876) — 115, 116, 123, 128, 325
- Лаврентьев, капитан — 395
- Лавров Петр Лаврович (1823—1900), один из идеологов русского народничества, член «Земли и воли» и I Интернационала. С 1870 г. жил за границей. В 1873 г. основал газ. «Вперед!» — 49, 76, 93
- Ладыженский Николай Николаевич, русский поверенный в делах в Белграде; позднее секретарь и драгоман русского посольства в Белграде — 100, 154, 155, 157, 290, 529
- Лазаревич дон Лазар, католический священник из Герцеговины, участник восстания 1875—1878 гг. — 185
- Лазарь см. Свиштолията
- Лазарь см. Лазаревич
- Лазич Андрей — 119
- Лакишич Мустай-бег — 24
- Ламанский Владимир Иванович (1833—1914), историк-славист, профессор Петербургского университета. Теоретик панславизма. Активно участвовал в деятельности Петербургского славянского комитета — 425, 434, 441
- Ламанский Евгений Иванович (1825—1902), русский финансист. С 1860 г. товарищ управляющего, затем управляющий русского Государственного банка — 464
- Лассаль Фердинанд (1825—1864), немецкий мелкобуржуазный социалист — 631
- Лебедев — 141
- Левашов Владимир Васильевич, граф (1834—1898), одесский градоначальник (с конца 1876 г.) — 565, 566, 607
- Левский Васил (1837—1873), выдающийся деятель болгарского национально-освободительного движения. Один из создателей БЦРК — 27, 38, 431
- Ледоховский Мечислав, граф (1822—1902), с 1865 г. архиепископ познанский, с 1875 г. кардинал — 620
- Леонов, генерал, командир Крагуевацкой бригады — 454
- Лешанин (Лешнянин) Милойко (1830—1896), сербский полковник, с 1878 г. генерал. Командир Тимокской дивизии в 1879—1880 гг. начальник генерального штаба, в 1880—1881 гг. военный министр — 285, 287, 290, 313, 363, 364
- Лешевич, поп Жарко — 81, 84, 85
- Ликург Александр (1827—75), архиепископ Сиросский и Тиносский — 244
- Лилов Георги — 27
- Линев Александр Логонович (ок. 1843—1918), русский революционер. В 1866 г. привлечен к суду по делу Каракозова и Гейдельбергской читальни, затем выслан в Вологодскую губ. В 1873 г. эмигрировал; жил в Цюрихе, был метранпажем редакции газ. «Вперед!» — 48
- Лист Адольф — 424, 425
- Литсберг — 289
- Лихачев Владимир Иванович, юрист, публицист. В 1876 г. вместе с Сувориным приобрел газ. «Новое время», но вскоре отказался от участия в ее издании — 435
- Лихонин Г. С. — 376
- Лихтенберг, барон, германский консул в Рагузе; член консульской комиссии по умиротворению Герцеговины (1875) — 77, 81
- Лишин Иван Андреевич (1835—1892), полковник, уполномоченный Петербургского славянского комитета в Румынии. Участник русско-турецкой войны, позднее сотрудник «Самарской газеты» и земский деятель — 367
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, князь (1824—1896), в 1867—1878 гг. товарищ министра внутренних дел — 10, 316, 322, 323, 364, 398, 423
- Логанова Софья Васильевна, акушерка — 319
- Лофтус Август, лорд, в 1871—1879 гг. посол Англии в Петербурге — 327, 418, 502
- Лукьянов Петр Борисович, инспектор Харьковского учебного округа, секретарь Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346
- Лутковский, корреспондент газ. «Молва» в Герцеговине — 190
- Лущенко Степан Дмитриевич, одесский рабочий, один из руководителей Южно-русского союза рабочих. В 1877 г. приговорен к 2 годам арестантских рот — 168
- Лютич В. — 161
- Люблиратич Мичо (1839—1889), воевода, один из руководителей восстания в Герцеговине (1875—1878). Ранее участво-

- вал в восстании Л. Вукаловича — 51, 94, 131, 135, 136, 185, 206
- Любиша Виссарион (1823—1884), черногорский архимандрит (с 1878 г. епископ), с 1882 г. митрополит Черногории — 141, 143, 144
- Людовик XV (1710—1774), французский король (1715—1774) — 405
- Людовик XVI (1754—1793), французский король (1774—1792) — 406, 470
- Людовик Наполеон (принц Люлю, 1856—1879), сын Наполеона III — 318
- Люлю см. Людовик-Наполеон
- Магазинович, сербский дипломатический агент в Константинополе — 242
- Магомет II Завоеватель (Мехмед), турецкий султан (1451—1481) — 24
- Мадзини Джузеппе (1805—1872), выдающийся деятель итальянского национально-освободительного движения — 74
- Макарий, епископ орловский и севский — 323
- Мак-Гахан Януарий Алоизий (1844—1878), американский прогрессивный журналист. В 1872—1873 гг. жил в России. В июне 1876 г. выехал в Болгарию, где вместе со Скайлером обследовал местности, опустошенные турками; статья и брошюра Мак-Гахана о турецких зверствах сыграли важную роль в привлечении общественного мнения Европы на сторону болгарского народа. Во время войны 1877—1878 гг. был корреспондентом при русской армии — 341, 342, 487
- Македонский Христо (1835—1916), болгарский гайдуцкий вождя — 272
- Мак-Магон Мари-Эдм-Патрис-Морис де, герцог Маджентский (1808—1893), французский маршал. В 1873—1879 гг. президент Франции — 715
- Маков Лев Саввич (1830—1883), правитель канцелярии МВД (до 1876 г.), затем товарищ министра внутренних дел, с 1878 г. управляющий МВД, в 1879—1880 гг. министр внутренних дел — 641
- Максимов Виктор Александрович, ориенталист, русский консул в Битоли. В 60-х годах доцент Петербургского университета — 25
- Максимов Евгений Яковлевич, отставной штаб-ротмистр 13-го гусарского Нарвского полка. Участвовал в восстании в Герцеговине (1875—1878), затем в апреле 1876 г. вернулся в Россию для вербовки среди русской молодежи добровольцев в Боснию, Герцеговину и Болгарию — 161
- Максимов, русский врач в Черногории — 256
- Максимович Филимон Константинович, инспектор Харьковской прогимназии и член местного комитета помощи балканским славянам — 346
- Малиновские — 436
- Малиновский, русский священник, участник добровольческого движения во время сербо-турецкой войны — 469
- Маноцков Иван Еремеевич, генерал-майор — 348, 355
- Мансуров — 273
- Марий Гай (156—86 гг. до н. э.), римский полководец и государственный деятель — 227
- Маринов В. Х., член болгарского благотворительного общества в Болграде — 71, 283
- Маринов хаджи Параскева, член болгарского благотворительного общества в Плоешти — 71, 259
- Маринович Йован (1821—1893), в 1873—1874 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Сербии. В 1876 г. был специальным дипломатическим представителем Сербии в Петербурге — 101, 102, 191, 192, 534
- Маринович — 123
- Мария Александровна (1824—1880), русская императрица, жена Александра II — 37, 261
- Маркович Светозар (1846—1875), сербский революционный демократ, социалист-утопист. Участвовал в работе русской секции I Интернационала — 59, 100, 132, 210, 430
- Маркушин Степан Павлович, крестьянин, 342
- Мартынов Михаил Алексеевич, полтавский губернатор — 347
- Масер В. Л. — 119
- Матанович Нико, черногорский воевода, адъютант кн. Николая — 153, 186
- Матич Димитрие (1821—1884), в 1868—1872 гг. сербский министр просвещения; с 1873 г. член Государственного совета. В 1878 г. председатель скупщины, в 1878—1879 гг. министр юстиции — 263, 265, 609
- Махачка Владимир — 310, 354, 358, 451
- Махмуд-Дамад, зять султана Абдул-Меджида. Несколько раз был военным министром. Сослан в 1878 г., умер в 1884 г. — 629, 630
- Махмуд-Недим-паша (1810—1883), с 1871 г. великий визарь. Был близок с Игнатьевым. В 1876 г. смещен и сослан; в 1879—1883 гг. — министр внутренних дел — 112, 127, 139, 147—149, 151, 194, 196, 211, 232, 234, 235
- Мацура Шиме (1840—1918), хорватский адвокат, политический деятель и публицист. Один из основателей Независимой народной партии (1880) — 187
- Мацзини см. Мадзини
- Медведовский Николай, отставной полковник Кавалергардского полка, в 1876 г. командир русско-болгарской бригады — 371, 372, 381, 432, 456, 578
- Медем Николай Николаевич, барон, генерал-лейтенант, сенатор, варшавский губернатор и помощник варшавского генерал-губернатора — 180
- Меженинов, русский полковник — 583—585
- Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878), генерал-адъютант, с 1876 г.

- шеф жандармов и главный начальник III отделения СЕИВК — 228, 237, 360, 398, 399, 423, 437, 459, 467, 468, 470, 485, 506, 508, 532, 580, 581, 583, 619, 631
- Мельников Александр Александрович, вице-директор Азиатского департамента МИДа России — 88, 141, 616, 617
- Мензенкампф фон, Эдуард Александрович, полковник, начальник Воронежского губернского жандармского управления — 532, 533
- Мефодий (825—885), славянский просветитель, брат Кирилла — 141, 203, 204, 205, 277
- Мехмед-Али-паша, турецкий генерал, в 1873 г. подавил восстание в Эпире, в 1875 г. командовал войсками в Боснии — 103, 105
- Мехмед-бег-Любушак, мусульманин из Мостара — 104, 106
- Мехмед-Рупди-паша (1809 — 1882), в мае—декабре 1876 г. и в 1878 г. великий визирь — 339
- Мещерский В. П., князь — 323
- Мещерский П. П., князь — 411, 412
- Мидхат-паша (Митхад, 1825—1884), один из руководителей «Молодой Турции», англофил. С 1876 г. председатель Государственного совета. Автор конституции 1876 г. Смещен Абдул-Хамидом и умер в ссылке — 52, 128, 129, 147, 235, 238, 239, 241, 509, 577, 605, 612
- Милан Обренович (1854—1901), сербский князь (1868—1889) — 51, 53—56, 58, 59, 91, 92, 97—102, 110, 120, 122, 154—158, 161, 163—167, 188, 189, 199, 200, 209, 210, 241—243, 252, 263—265, 267, 289, 290, 308, 350, 364, 373, 382, 384, 394, 407—409, 427, 430, 435—437, 445—447, 452, 451, 453, 561, 562, 568, 609
- Миланов Матке см. Мвлянов
- Миларов Светослав (1850—1902), болгарский публицист — 257, 259, 260, 274, 275
- Милетич Светозар (1826—1901), издатель газ. «Застава» (Н. Сад), один из вождей сербских либералов в Воеводине — 173, 241, 242, 243
- Миличевич Стеван (1852—1913), сербский прогрессивный журналист. Учился в России. С 1872 г. редактор журн. «Радник». Позднее сотрудник сербских радикальных газет, «Заставы» и др. — 132
- Миллер Орест Федорович (1833—1889), профессор истории русской литературы, славянофил, член Петербургского славянского комитета — 249, 273, 443, 444
- Миловук (Миловука, урожд. Джорджевич) Екатерина (Катерина, 1844—1919). В 1863—1893 гг. начальница Высшей женской школы в Белграде. Организатор и председательница «Женского общества» в Белграде, являвшегося во время сербо-турецкой войны 1876 г. филиалом сербского Красного Креста — 138, 159, 160, 454, 586
- Милоевич Милош (1840—1907), публицист великосербского направления. Во время сербо-турецких войн 1876—1878 г. командовал добровольцами в районе р. Ибар — 358, 359
- Милорадович Александр Михайлович, полковник, командир русско-болгарской добровольческой бригады в Сербии — 372, 381, 382, 388, 478, 578, 591, 608, 611
- Милютин Дмитрий Алексеевич, граф (1816—1912), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1861—1881 гг. военный министр России — 8, 10, 37, 44, 314, 316, 327, 352, 354, 366, 379, 389, 395—398, 408, 410, 413, 418, 419, 423, 425—429, 438, 439, 442—444, 457, 502, 505, 512, 517, 520, 527, 528—530, 534, 561, 571, 573, 578, 579, 580, 583, 592, 593, 611, 615—617, 620, 621, 624, 626, 629, 635, 636
- Милянов (Милянов-Попович) Марко (1883—1901), черногорский воевода, возглавлявший племя Кучи. В войне 1876—1878 гг. кучи под руководством Милянова одержали ряд побед над турками и присоединились к Черногории — 34, 636
- Минин Козьма, русский купец, организатор и руководитель народного ополчения в период борьбы против польско-шведской интервенции (1611—1612) — 364
- Минков Николай, болгарин из Болграда, участник национально-освободительного движения — 38
- Минков Тодор (Федор) Николаев, болгарин, управляющий Южнославянским пансионом в Николаеве — 249, 310, 313—315, 330, 331, 472, 474, 475, 481
- Митхад-паша см. Мидхат-паша
- Михаил Николаевич, в. кн. (1832—1909), с 1856 г. генерал-адъютант, с 1878 г. генерал-фельдмаршал. В 1863—1881 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией — 397, 419, 425, 426, 438
- Михаил (Иванович) (1826—1899), сербский митрополит (1859—1881 и 1889—1899). Учился в Киевской духовной семинарии, русофил, сторонник либеральной партии — 56, 142, 146, 147, 168, 171, 176, 225, 227, 244, 275, 276, 307, 308, 343, 358, 412, 429, 454, 455, 531, 586, 587
- Михаил Обренович (1825—1868), сербский князь (1839—1842 и 1860—1868) — 59
- Михайлович Стефан (Стевач) (1804—1888). В 1859—1861 гг. председатель сербского Государственного совета; в 1875 и 1876—1878 гг. премьер-министр в 1-м и 2-м «министерстве действия», приверженец династии Обреновичей — 85, 100, 131, 243
- Милов Никола* — 553
- Мишайков Петр Д., владелец гостиницы в Турну-Магурели, член местного болгарского благотв. общества во

- время сербо-турецкой войны 1876 г. участвовал в организации болгарских добровольческих отрядов — 56, 71, 87, 257, 272, 444
- Миятович Стеван — 643
- Монтеверде Петр Августинович (псевдоним Петр Петров, 1839—после 1896), подполковник русской службы. Сотрудник французских газет, парижский корреспондент «Московских ведомостей», «Русского мира», «Русского вестника». Во время восстания в Герцеговине выехал туда в качестве корреспондента «Русского мира» (1875). Во время сербо-турецкой войны 1876 г. состоял при генерале Черняеве — 182, 228, 408
- Морев Андрей, волостной старшина — 168
- Мориоли — 471
- Морозов Тимофей Саввич (1823—1889), московский купец, председатель Биржевого комитета (1865—1876), член «Болгарской комиссии» при Московском славянском комитете — 182, 300, 591
- Мрачковский Виталис Яковлевич (1855—после 1883), слесарь Одесских ж.-д. мастерских. Активный член Южно-русского союза рабочих — 161, 162
- Мрконич см. Карагеоргиевич П.
- Мумджиев Д. К., член болгарского благотворительного общества в Болграде — 283
- Мумджиев Иван, член болгарского благотворительного общества в Болграде — 283
- Мумджиев Михаил, член болгарского благотворительного общества в Болграде — 283
- Мурад V. (1840—1904), турецкий султан (с 30 мая до 31 августа 1876 г.) — 235, 308
- Муратов — 10
- Муратович Дмитрий — 23
- Муратович Илья — 23
- Мусевич (Мусевич-Бориков) Петр Федорович, болгарский книгопродавец. В августе 1876 г. уехал в Россию, затем был представителем Московского славянского комитета в Сербии. Участник сербо-турецкой и русско-турецкой войны — 465, 478, 531
- Мусич дон Иван, католический священник из Герцеговины, австрофил, один из руководителей восстания в Герцеговине (1875—1878) — 33, 70
- Мусурус-паша (Константин, 1807—1891), турецкий дипломат, посол в Лондоне — 621, 622
- Мутич Петр — 183
- Муткуров Сава Атанасов (1852—1891), болгарский офицер (позднее генерал) и политический деятель. В 1872 г. окончил юнкерское училище в Одессе, служил в русской армии до освобождения Болгарии. Участник сербо-турецкой войны 1876 г. и войны 1877—1878 гг. — 271
- Мухтар-паша, турецкий генерал, сын султана Абдул-Азиза. В 1875 г. гене-
- рал губернатор Боснии и Герцеговины. Во время войны 1877—1878 гг. главнокомандующий войсками в Малой Азии — 195, 197, 199, 200, 253, 302, 305—307, 475—477, 621, 622
- Мынзов (Мънзов, Манзов) Сава, болгарский купец, член болгарского благотворительного общества в Браилове и член БЦБО — 292, 294, 422, 524, 525
- Мышкин Ипполит Никитич (1848—1885), русский революционер — 334
- Мэйнеску К., румынский капитан — 160
- Наботков Венко, член болгарского благотворительного общества в Зимнице, участвовал в собрании БЦРК (1872) и в подготовке восстания 1875 г. — 71
- Наботков (Набодков) Пантелей П., болгарин, русский подданный, член БЦБО—71, 424, 431, 432, 448, 449, 526
- Надлер Василий Карлович (1841—1894), историк, профессор Харьковского (позже Новороссийского) университета, член Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346
- Назарова, фельдшерка Новгородского санитарного отряда в Сербии (1876) — 453, 454
- Найденев Николай Александрович (1834—1905), московский фабрикант, один из учредителей и председатель Московского торгового банка, с 1877 г. председатель Московского биржевого комитета. Член «Болгарской комиссии» при Московском славянском комитете — 300
- Наполеон III (Луи-Наполеон, 1808—1873), в 1848—1852 гг. президент, в 1852—1870 гг. император Франции — 448, 470, 553
- Нарышкин Александр Александрович, уполномоченный С.-Петербургского славянского комитета (с апреля 1877 г. главный агент при Главном управлении гражданской частью Действующей армии) — 348, 367, 471, 472, 638, 642, 643
- Нарышкины, русский дворянский род — 369
- Ната см. Каравелова Н.
- Наталья Петровна, супруга кн. Милана Обреновича — 155, 156, 158, 159, 289, 290, 407
- Наузов Е. П. — 16
- Небольсин, майор, русский доброволец в Сербии — 312, 350
- Негош см. Петр II Петрович-Негош
- Негуш П. П., см. Петр II Петрович-Негош
- Нелидов Александр Иванович (1835—1910). В 1876 г. советник русского посольства в Константинополе, в отсутствие Игнатьева и д. поверенного в делах — 29, 31, 34, 36, 39, 41, 43, 54, 55, 133, 134, 138, 326, 327, 339—342, 383, 384, 412, 415—418, 426, 511, 567, 609, 618, 621, 624, 627—629, 632, 637
- Неплюев Николай Иванович, предводитель дворянства Черниговской губ. — 311

- Неплюев Николай Николаевич (1851—1908), крупный помещик (Черниговская губ.) — 311
- Непокойчицкий Артур Адамович (1813—1881), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, во время русско-турецкой войны начальник главного штаба русской армии на Балканах — 517, 518, 560, 561, 565, 568—571, 578, 579, 592, 605, 614, 626, 627, 629
- Невицкая (урожденная), жена Н. Киреева — 290
- Никитин Александр Павлович (1824—1891), генерал-лейт., член Военного совета, начальник штаба Виленского военного округа. В 1876 г. послан в Сербию для выяснения состояния сербских войск и помощи в их реорганизации — 519, 520, 530, 561, 567, 568, 570, 571, 573, 579, 584
- Никитин С. А.* — 16, 553
- Никодим, епископ дмитровский и викарий Московской митрополии — 361
- Николаев Найден, служащий фирмы бр. Георгиевых в Бухаресте, член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 283, 532
- Николаев (Николов) х. Христаки, член отдела БЦБО в Тырговище. Уроженец Тырнова, где принял участие в национально-освободительном движении (1862), позднее эмигрировал в Румынию, член ТБЦК — 292, 294
- Николай I Павлович (1796—1855), с 1825 г. русский император — 405
- Николай I Петрович-Негош, черногорский князь (1860—1910) и король (1910—1918) — 27—30, 32—36, 47, 65, 66, 68—70, 73, 77, 78, 81—84, 91, 92, 154—159, 164, 165, 174, 175, 192—194, 197, 200, 201, 206, 253, 262—267, 301, 308, 373, 408, 449, 450, 476, 477, 533, 534, 551, 566, 589, 590—592, 609, 615, 618, 624, 625, 635—638
- Николай Николаевич (Старший), в. кп. (1831—1891), генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части. С 23 ноября 1876 г. главнокомандующий Действующей армии — 8, 457, 517, 518, 522, 525, 528, 530, 535, 569, 571, 620, 627, 629, 634, 635
- Николич Андра (1853—1918), сербский политический деятель. Был близок к социалистам (сотрудничал в «Раде», «Деле»). Позднее один из руководителей радикальной партии — 132
- Николич Тихомиль (1832—1886), сербский полковник (с 1882 г. генерал). В 1875—1876 и 1882—1883 гг. военный министр — 85, 132, 243, 358, 376, 446, 461, 462, 585
- Николов Райчо, болгарский офицер, капитан (позже майор). Во время сербо-турецкой войны командир батальона в отряде полковника Медведовского — 117, 257, 302, 472, 478
- Николопуло Георги, болгарин из Бухареста, член и казначей Болгарского человеколюбивого настоятельства — 532
- Ништели Миле — 27
- Новгородский Н. — 360
- Новиков Евгений Петрович (1826—1908). В 1870—1880 гг. русский посол в Вене, затем в Константинополе — 53, 55, 59, 149, 150, 152, 187, 241, 326, 327, 419, 617
- Новолецкий — 180
- Новоселов Семен Корнилович (1816—1876), генерал-майор в отставке, во время сербо-турецкой войны командующий Ибарской армией — 427, 428, 564
- Ободенский Дмитрий Александрович, князь (1822—1881), с 1872 г. член Государственного совета — 205, 260, 284, 318
- Обренович М. М. см. Милап Обренович Обреновичи, династия, правившая в Сербии (1815—1842, 1858—1903) — 73
- Обретенов Ангел, брат Николы Обретенова, член четы Хаджи Димитра в 1867 г. — 124
- Обретенов Никола Тихов (Тихо, 1849—1939), один из основателей и активный член Русуцкого революционного комитета, участник подготовки Старозагорского восстания (1875), член и уполномоченный («апостол») Журжевского комитета (1876), член четы Ботева, после разгрома которой был схвачен и заточен турками — 63, 92, 93, 95, 96, 107, 110, 115, 123, 124, 126, 127, 230
- Обретенов Петр, брат Николы Обретенова, член четы Хаджи Димитра в 1867 г. — 124
- Обретенова Тонка, мать Н. Обретенова — 124
- Обручев Николай Николаевич (1830—1904), генерал-лейтенант, видный военный теоретик. С 1867 г. член (и позднее управляющий делами) Военно-ученого комитета. Участник войны 1877—1878 гг. С 1881 г. начальник главного штаба русской армии — 439, 440, 518
- Обихарский — 376
- Обшти Димитр, участвовал в болгарском национально-освободительном движении. На допросе выдал В. Левского — 481
- Овсов Семен Прохорович, подполковник, начальник 1-го Донского округа — 441
- Овсяный Николай Романович (1847—1913), генерал-лейтенант, военный писатель. Участник войны 1877—1878 гг. — 10, 442, 512, 634
- Озмидов Михаил Павлович (1837—1897), одесский архитектор, в 1875—1897 гг. редактор-издатель консервативной газеты «Новороссийский телеграф» — 354
- Оленин Алексей, предводитель дворянства Касимовского уезда — 343
- Омер-Февзи-паша — 139
- Ону Михаил Константинович, драгоман русского посольства в Констан-

тинополе — 383, 622, 629, 630, 631
Ордынский Иван Алексеевич, полковник, начальник жандармского управления Шавельского и Поневежского уездов Ковенской губ. — 270, 271
Орлов В., член правления Одесского славянского благотворительного общества — 607
Орлов, полковник — 349
Орловский Михаил Иванович, майор, помощник начальника Херсонского губернского жандармского управления (в г. Николаеве) — 246, 247
Осман-паша — 290, 305, 306
Офенберг, барон, русский генеральный консул в Бухаресте в 60-х годах XIX в. — 473
Павел I Петрович (1754—1801), русский император с 1796 г. — 377
Павел, епископ псковский — 316
Павлов Пеко см. Павлович П.
Павлов Платон Петрович (1834—1904), генерал-майор, начальник штаба Кавказского военного округа (затем Кавказской армии) — 241, 397, 398
Павлов, русский врач в Черногории — 255, 256
Павлов — 162
Павлович Джордже, в сентябре 1875 г. временный управляющий МИДа Сербии; министр иностранных дел в кабине Кальевича. Принадлежал к группе младоконсерваторов — 120, 122, 154—158
Павлович И. С. — 10
Павлович Пеко (1828—1903), воевода, участник восстания в Герцеговине (1852—1862). Во время восстания в Герцеговине (1875—1878) черногорским кн. Николаем был назначен главным вождем повстанцев — 135—137, 186
Павловский Ф., член Харьковского комитета помощи славянам — 346
Палаузов Константин Николаевич, член Одесского болгарского настоятельства и БЦБО — 252, 331
Палаузов Николай Христофорович (1821—1899), болгарин, чиновник в Одессе, один из организаторов Одесского болгарского настоятельства — 252, 345, 424, 425
Палисадов, русский врач в Черногории — 256
Пампулов — 51
Панайот см. Хитов
Панарет (1805—1883), митрополит филиппопольский, участник движения за национальную болгарскую церковь — 224
Панарет Рашев (Рашив) (1808—1887), митрополит погониянский, с 1866 г. жил в Бухаресте. Член Добродетельной дружины (организация «старых») — 52, 269, 325, 326, 390, 473, 485, 532, 597, 599, 600
Панич Йован, командир отряда добровольцев в Боснии — 85
Панов, полковник — 643
Панов Никола х., член болгарского комитета, руководившего болгарскими

добровольцами во время сербо-турецкой войны, сторонник П. Хитова — 272
Панов Олимпий Спиридонович (1852—1887), болгарин из Бессарабии. Член и секретарь БЦРК (1872—1874), затем член и вице-председатель БЦБО (1876). Прапорщик болгарского ополчения во время войны 1877—1878 гг.; позднее служил в болгарской армии — 422, 432, 466, 483, 512, 520, 521, 522, 524—526, 535, 557, 644
Панонников Найдн, поручик, 472
Пантелеев Тома Дочев (1842—1918), болгарский торговец. В 60-х годах участник национально-освободительной борьбы. Позднее член БЦРК, во время войны 1877—1878 гг. вступил в болгарское ополчение — 71
Панютин Степан Федорович (1822—1885), с 23 апреля 1876 г. уполномоченный русского Красного Креста в Черногории — 253, 256, 308
Параладов, поп Андрей, член Болградского болгарского благотворительного общества — 283
Паскевич Федор Иванович (1823—1903), русский генерал — 369
Пасков Калчо (1840—1917), болгарский купец из Белграда, приближенный П. Хитова — 109, 111
Пассек Т. П. — 458
Пафнутий иеромонах Чудова монастыря в Москве — 361
Пахович (Вуксанович) Иван Илич (Илиевич), выдавал себя в Москве за представителя БЦРК — 231, 268—270, 301, 310, 312
Пачу Лаза (1855—1915), сербский политический деятель. В 1877—1879 гг. издавал социалистический журнал «Стража». Позднее один из руководителей радикальной партии — 132
Пашич Никола (1845—1926), сербский политический деятель. В 1875 г. ездил в Герцеговину для передачи пожертвований. Во второй половине 70-х годов руководил сербским социалистическим движением. Позднее один из руководителей радикальной партии — 132
Пашов М., член Одесского болгарского настоятельства — 252, 448
Пеев (Пейов) Тодор Стоянов (1838—1844—1904), болгарский революционный деятель, учитель и публицист. Активный член революционного комитета в г. Етрополе. Позднее эмигрировал в Румынию, где входил в состав БЦРК — 71, 77, 91, 249, 252, 257, 258, 260, 274, 275, 324, 353
Пезе-де-Корваль, полковник, казначей Общества попечения о раненых и больных воинах (русский Красный Крест) — 377
Пеич Сима, сербский санитар — 454, 455
Пеко см. Павлович П.
Пеллагич Васа (1838—1899), сербский революционный демократ, социалист-утопист. Уроженец Боснии. Учился в России, участвовал в деятельности

- революционно-демократического крыла Омлады (1871). Участник восстания в Боснии (1875—1878), член повстанческого комитета в Костаинице. В 1876 г. арестован и интернирован австрийскими властями. В начале 1878 г. вернулся в ряды повстанцев, в марте 1878 г. избран членом повстанческой делегации на Берлинский конгресс. После оккупации Боснии Австро-Венгрией жил в Сербии, деятельно участвовал в рабочем и социалистическом движении — 132, 161, 183, 211
- Перикли см. Тодоров П.
- Перфильев Петр Степанович, подполковник, помощник начальника Нижегородского губернского жандармского управления (в Макарьевском уезде) — 278, 280
- Першин Петр Николаевич, полковник, начальник Плоцкого губернского жандармского управления — 619, 620
- Петерс — 435
- Петкова Б. Т.* — 16
- Петкович Я. врач в Черногории — 256
- Петр I Великий (1672—1725), русский царь (с 1682 г.), с 1721 г. первый российский император — 226, 367, 434, 435
- Петр II Петрович-Негош (1812—1851), черногорский митрополит и правитель Черногории (1830—1851), известный сербский поэт — 226, 256
- Петр Георгий — 27
- Петров Александр Григорьевич (1803—1887), председатель С.-Петербургского цензурного комитета — 379
- Петров Д. П., член БЦБО — 352
- Петров Димитр, болгарин из Олтеницы, деятель БЦРК — 71
- Петров Иван Иванович (1824—1883), подполковник корпуса морских штурманов, писатель. Славянофил. Один из организаторов С.-Петербургского славянского комитета, член и казначей его — 376, 425, 452
- Петров Петр см. Монтеверде
- Петров П. М., член БЦБО — 292, 297, 298, 331, 345, 352
- Петрович Божо (Божидар) см. Петрович-Негош
- Петрович Димитраки — 481
- Петрович Настас, профессор государственного права Белградской великой школы — 643
- Петрович-Негош Божидар (Божо), черногорский воевода, с 1874 г. председатель сената. В 1876—1877 гг. главнокомандующий южной группой черногорских войск — 33, 77—81, 83, 84, 153—155, 157, 253, 262, 265, 267, 450, 476, 590, 615, 626, 636, 637, 638
- Петровский И. А. — 348
- Петроневич М., сербский дипломатический представитель в Бухаресте — 556
- Печерип Владимир Сергеевич (1807—1885), бывший экстраординарный профессор Московского университета, в 1836 г. эмигрировал, приняв католичество, стал капелланом в Дублине — 470
- Пиллар фон Пильхау (Пилер) Анна Карловна, фрейлина имп. Марии Александровны — 283
- Пирр (319—272 гг. до н. э.), царь Эпирский, известный полководец — 113
- Пирс Эдвин, английский корреспондент — 342, 487
- Пламенац Илья, черногорский воевода, сенатор и военный министр — 172, 636
- Платеры см. Плятеры
- Платон (Городецкий, 1803—1991), с 1867 г. архиепископ донской — 367, 426, 427
- Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт — 414
- Плятеры, польский аристократический род — 75
- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), с 1868 г. сенатор, с 1872 г. член Государственного совета, в 1880—1905 гг. обер-прокурор синода. Реакционер, сторонник самодержавия. Воспитатель в. кн. Александра (Александра III), пользовался при Александре III огромным влиянием — 302
- Подолинский Сергей Андреевич (1849— после 1880), революционер. Окончив Кивский университет, учился за границей; в Париже и Цюрихе сблизился с Лавровым, В. Смирновым и стал сотрудником журнала «Вперед». С 1873 г. жил в Париже и Монпелье, вел медицинские исследования. Сотрудничал в украинских изданиях М. П. Драгоманова — 248
- Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578—ок. 1641), руководитель народного ополчения против польско-шведской интервенции — 364
- Позовац Глиша Д. — 368
- Поплюк Д. Ф.* — 16
- Попнинов Найден, (Папанинов, Панонников) болгарский воевода — 272
- Попов Данаил Христов (1840—1909), болгарский торговец из Турну-Магурели, близкий сотрудник Левского. Позднее оказывал помощь болгарским революционерам (в том числе при подготовке четы Ботева) — 71
- Попов Нил Александрович (1833—1891), историк, профессор Московского университета, секретарь Московского славянского комитета — 141, 171, 176, 236, 244, 276, 278, 284, 329, 347, 465
- Попов Райчо — 71
- Попович Димитрие Т. — 344
- Попович Симо — 146
- Попович-Липовац Йован (1856—1919), сербский поэт, уроженец Черногории. Учился в России. Участник восстания в Боснии и Герцеговине (1875—1878). Затем уехал в Россию, где служил в армии (гвардии полковник). Участник русско-японской и 1-й мировой войны — 172, 173, 183
- Пороховщиков Александр Александрович (1809—1894), московский купец.

- член Московского славянского комитета — 301, 348, 349, 360, 361
- Поршняков Алексей Михайлович, член С.-Петербургского славянского комитета — 219, 220
- Потапов Александр Львович (1818—1886), генерал-адъютант, в 1874—1876 гг. шеф жандармов и главный начальник III отделения СЕИВК — 140, 161, 182, 183, 231, 237, 316, 317, 319, 322, 333, 334
- Пренк-Драда (Пренк), вождь племени мирдитов — 606, 618
- Протич Милослав Радойкович, председатель сербского кассационного суда, летом 1876 г. приезжал в Россию по делам сербского займа. Позднее посланник в России — 244, 260, 261, 276, 283, 284, 289, 307, 308, 350
- Протич Петр Д. (1822—1881), болгарский врач из Бухареста, один из основателей Болгарской добродетельной дружины, член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 532
- Пулиева (Пулева) Елисавета Христова (Елизавета Христофоровна), болгарка, родственница бр. Георгиевых, председательница Человеколюбивого женского комитета в Бухаресте. Активно участвовала в сборе пожертвований для населения Боснии, Герцеговины и Болгарии — 292, 315, 393
- Пуцыкович Виктор, редактор газ. «Гражданин» — 323
- Пушкаревич К. А.* — 293
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 308
- Пфель Владимир Карлович, управляющий канцелярией варшавского генерал-губернатора — 180
- Рагозин Александр Иванович, врач, был связан с русской революционной эмиграцией, помогал своему брату Евгению в провозе из-за границы запрещенных книг и распространении их в России — 503
- Рагозин Евгений Иванович, русский экономист и предприниматель. С октября 1876 г. член С.-Петербургского славянского комитета. Сотрудник «Голоса», «С.-Петербургских ведомостей», один из издателей «Недели». Директор и главный пайщик купеческого общества «Дружина» — 380, 503
- Радан Джуро — 136, 137
- Радионов В., член Болградского болгарского благотворительного общества — 283
- Радионов Н., член Болградского болгарского благотворительного общества — 283
- Радовиц Милан, австрийский подданный, командир герцеговинских повстанцев — 39, 42
- Радониц Станко, черногорский министр иностранных дел в 1875—1876 гг. В 1877 г. член черногорской делегации в Константинополе — 263, 265, 302, 476, 590, 615, 626, 637, 638
- Радулов Цв. — 481
- Раевский Михаил Федорович, священник русской посольской церкви в Вене, с 1869 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 402, 409
- Раузовские, русский княжеский род — 369
- Раузовский Павел, русский священник — 371
- Райкова Д. Д.* — 16
- Райкович (Райков) Боньо Н., болгарский деятель, участник собрания БРЦК 12 августа 1875 г. — 71
- Раковский Георгий-Сава (1821—1867), выдающийся болгарский революционер и публицист — 521, 583
- Рашев Панарет см. Панарет
- Рашеев Васил (Василий Николаевич, 1821—1907), болгарский купец из Одессы, активный член Одесского болгарского настоятельства, попечитель Габровского училища — 252
- Рашид-паша — 193, 195, 196, 237—239, 251
- Ревницкий (Рыбицкий) Ян, одесский рабочий, один из руководителей Южно-русского союза рабочих — 162, 168
- Рейер, доктор медицины, доцент Дерптского университета — 322
- Рейтерн Михаил Христофорович, граф (1820—1890), в 1862—1878 гг. министр финансов России — 260, 396, 419, 464, 529, 530, 565, 583
- Ремер, подполковник — 183
- Ресавац, поручик, по национальности серб — 413
- Рид, английский дипломат — 560
- Ризванбегович Мустай-бег, помещик в Герцеговине — 23
- Ристич Йован (1831—1899), сербский министр иностранных дел в 1875 и 1876—1878 гг. Вождь правых либералов — 10, 85, 91, 92, 97—102, 120, 121, 154, 157, 241—243, 263—266, 284, 289, 290, 307, 308, 358, 359, 414, 461, 533, 556, 568, 585, 609
- Родич Гавро, барон (1812—1900), австрийский генерал (с 1866 г. фельд-маршал-лейтенант). С 1869 г. командующий австрийскими войсками в Далмации. Подавил восстание в Кривошии-ском округе, после чего назначен наместником Далмации (1870—1881) — 33, 193, 195, 197, 267
- Родич Милош — 183
- Ромаданович Г. П. — 607
- Роман, унтер-офицер — 631
- Романенко А. С., русский консул в Галаце — 378
- Романенко П. С., русский консул в Измаиле — 593
- Романовы, династия — 73
- Рунта (Рунтов) Ангел Т., член БЦБО (с 7 августа 1876 г. — казначей) — 292, 297, 298, 330, 331, 345, 352, 422, 466, 483, 526
- Сабуров Петр Александрович (1835—1893). В 1870—1878 гг. русский посланник в Афинах — 639

- Савельев, русский офицер — 161
- Сафет-паша (Сафет-паша) Мехмед (1815—1883). Был министром торговли и общественных работ, посланником в Париже, министром просвещения, министром юстиции, министром иностранных дел (в июле 1877 г. вышел в отставку из-за разногласий с великим визирем). С февраля 1878 г. снова министр иностранных дел, с июня 1878 г. великий визирь, затем посол в Париже — 35, 36, 39, 40, 42, 339, 340, 534, 622, 624, 625, 629, 630, 637
- Садык-паша см. Чайковский М.
- Салим-эфенди, турецкий чиновник, с апреля 1876 г. губернатор Филиппополя — 139
- Самарин Дмитрий Федорович, член Московского славянского комитета, гласный Московской думы. Сотрудничал в «Московских ведомостях» и изданиях И. С. Аксакова — 441
- Самсонов Матвей Яковлевич, окружной начальник Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского — 441
- Сапунов Иван Г., болгарин, мелкий торговец из Белграда, участник национально-освободительного движения. В 1867 г. был в составе четы П. Хитова, весной 1876 г. был направлен Хитовым в Румынию для связи с болгарской эмиграцией — 109
- Сарафов М. К. — 72
- Свиштовлята Лазарь, болгарин, участник Старозагорского восстания (1875), организатор четы в с. Табачко и Белевско — 115
- Святослав Игоревич (942—972), киевский князь — 480
- Сенастьянович, врач, член Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346
- Селим-паша, командующий войсками в Гердеговине (1875), участник сербо-турецкой войны (1876) — 104, 106, 135, 137, 305, 306
- Семашко О. Н., уполномоченный болгарского Кишиневского общества по сбору пожертвований — 304
- Семена Владимир Саввич (1816—1897), генерал-лейтенант, в 1874—1879 гг. командующий Одесским военным округом — 449
- Сен-Клер Д. Б., английский консул в Варне и Бургасе, во время войны 1877—1878 гг. состоял при штабе турецких войск в северо-восточной Болгарии. Руководитель так называемого «Родопского восстания» (1878) — 118
- Сервер-паша, председатель Государственного совета — 70, 104, 106, 107, 135, 136
- Seton-Watson — 9
- Силенко Петр, кузнец Одесских ж.д. мастерских, член Южно-русского союза рабочих — 162
- Симеон (ум. в 927 г.), болгарский князь (с 893 г.), затем царь — 480
- Симеон (1840—1937), с 1872 г. митрополит варненско-преславский, участник движения за национальную болгарскую церковь. После освобождения Болгарии — вице-председатель Учредительного собрания. Член Болгарской академии наук — 125, 126
- Симович Джууро, член Невесинского междоулья — 34
- Синицин, русский офицер в Сербии — 312
- Скайлер (Скейлер) Юджин, секретарь посольства и генеральный консул США в Константинополе, совместно с Церетелевым и Мак-Гаханом участвовал в расследовании турецких зверств в Болгарии и в разработке проектов болгарской автономии — 341, 487, 488, 489, 496, 502
- Скверн Михаил Петрович (1855—1857—1924), русский революционер, конторщик завода Гулье-Бланшарда в Одессе, один из организаторов Южно-русского союза рабочих — 168
- Скворцов Н. С., с 1866 г. редактор «Русских ведомостей» — 331
- Скляфосовский Николай Васильевич (1836—1904), выдающийся русский хирург, профессор Московского университета. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — 256, 308
- Скрейшовский Ян Станислав (1831—1883), чешский журналист старочешского направления, один из основателей Живнostenского банка — 102
- Славейков Петко Рачов (1827—1895), выдающийся болгарский поэт, журналист и общественный деятель. Представитель либерально-просветительского течения до освобождения Болгарии видный представитель мелкобуржуазной партии «молодых» в Тырновском Учредительном собрании, министр внутренних дел и просвещения (1880) — 90
- Славинская, медицинская сестра русского Новгородского отряда в Делиграде в 1876 г. — 454
- Славков Никола Ангелов (1851—1936), член БЦРК и Журжевского революционного комитета (1876). Был назначен руководителем восстания («апостолом») в северо-западной Болгарии, но накануне восстания арестован турецкими властями. Освобожденный (как русский подданный), участвовал в войне 1877—1878 гг. переводчиком при русской армии — 126
- Славолюбов Я. П., русский вице-консул в Мостаре — 20, 21, 22
- Слезкин Иван Львович, генерал-лейтенант, начальник Московского губернского жандармского управления — 125, 467, 468
- Слепцов Николай Павлович (1815—1851), казачий офицер, участник кавказских войн, известен своей храбростью — 410, 433
- Сливчанский, русский врач, начальник Киевского санитарного отряда в Сербии — 454
- Смарагд, архимандрит, настоятель русской посольской церкви в Константинополе — 383

- Смирнов Валериан Николаевич (1848—1900), русский революционер. Участник студенческих волнений 1869 г. В 1871 г. бежал за границу. Жил в Цюрихе, активно участвовал в работе русской эмиграции и славянской секции I Интернационала, сотрудничал в лавристском журнале «Вперед» (секретарь редакции, в 1872—1877 гг. заведующий отделом «Летопись рабочего движения» и с 1876 г. один из редакторов) — 48, 248
Смирнов — 367
- Снесарев Николай Аполлонович, полковник генерального штаба, состоял при военном министре — 452
- Соколевский, русский генерал — 454
- Соколов Симо (1848—1918), болгарский воевода. Командир отряда болгарских добровольцев во время сербо-турецкой и русско-турецкой войны. Сторонник согласования действия болгарской эмиграции с политикой Сербии — 272
- Солсбери Роберт Артур Сесиль, маркиз (1830—1903), представитель Англии на Константинопольской конференции. В 1870—1880 гг. министр иностранных дел — 510, 511, 534—536, 545, 546, 552—554
- Социха Лазар (1838—1910), герцеговинский воевода, один из руководителей восстания 1875—1878 гг. — 135, 137, 153, 186
- Спасененко Корней Алексеевич, русский крестьянин — 428, 429
- Стамболов Стефан Николов (1854—1894), член БЦРК и «апостол» во время Старозагорского (1875) и Апрельского (1876) восстаний — 38, 39, 71, 72, 90—92, 126, 325, 357, 359, 422, 448, 449, 466, 512, 520—522, 525, 526, 557, 644
- Станислав Н., болгарин из Турну-Северина, уполномоченный БЦБО в Сербии во время сербо-турецкой войны — 599, 602
- Станишев Константин Никол (1840—1900), болгарин. Получил образование в России, где затем состоял на государственной службе. Член Московского славянского комитета и БЦБО. Во время войны 1877—1878 гг. служил в канцелярии русского гражданского управления — 331, 478
- Станков Стате И., член Болгарского человеколюбивого настоятельства в Бухаресте — 532
- Станкович — 473
- Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) выдающийся русский художественный и музыкальный критик — 434
- Стахов Дмитрий Иванович (1840—после 1911), русский писатель и журналист, в 1876—1877 гг. редактор «Русского мира» — 228
- Степанек Святополк Карелевич, учитель из г. Ахтырки (Харьковская губ.) — 280
- Стеняк см. Кравчинский
- Стефанаки см. Тодоров Ст.
- Стефанов Николай — 465
- Стефанович Данило (1815—1886), в 1859—1875 гг. член Государственного совета Сербии. В 1875 г. премьер-министр и министр внутренних дел. Правительство Стефановича тайне оказывало помощь повстанцам Боснии и Герцеговины — 56
- Стойчев (Стойкович) Г., болгарский учитель, член болгарского революционного комитета в г. Александрии (Румыния) — 126, 521, 523, 526, 527, 557
- Столетов Николай Григорьевич (1834—1912), генерал-майор, во время войны 1877—1878 гг. начальник болгарского ополчения — 457, 458, 502, 517, 518, 527, 528, 560, 561, 565, 608
- Стоянов Захарий (1850—1889), болгарский писатель и общественный деятель. Участвовал в движении за освобождение Болгарии от турецкого ига (1876) и за воссоединение Болгарии и Восточной Румелии — 86, 87, 90, 111
- Стоянов, хаджи Йоно, болгарин из г. Слатина, участвовал в деятельности БЦРК — 71
- Стоянов Петко П., болгарский офицер, учившийся в России, участник сербо-турецкой войны — 271, 358, 597
- Стоянов Христо Тодоров (Христофор Федорович, 1845—1895), болгарский буржуазный деятель, учитель и публицист. Среднее и высшее (юридическое) образование получил в России. Был учителем в Филиппополе. В 1876 г. приехал в Москву, затем был послан Московским славянским комитетом в Румынию для формирования болгарских добровольческих отрядов. Член Болгарского человеколюбивого настоятельства. Во время войны 1877—1878 гг. был в числе сотрудников кн. Черкаского и Дондукова-Корсакова, затем тырновский губернатор — 71, 462, 463, 485, 595, 601, 602
- Стоянов Т. — 72
- Странский (Странски) Георги Иванов (1847—1904), болгарский врач и общественный деятель. Член Болгарского человеколюбивого настоятельства (1875) и БЦБО (1876), участник русско-турецкой войны — 110, 259
- Стратимирович Джордже (1822—1908), австрийский генерал, по национальности серб. Участник сербо-турецкой войны (1876) — 290
- Стрекалова Александра Николаевна, председательница дамского отделения Московского славянского комитета — 137, 141
- Стремоухов П. Н., директор Азиатского департамента МИДа — 19
- Стросмайер см. Штросмайер
- Струкова К. Л. — 16
- Стурт Дмитрий Федорович, барон, русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте — 148, 312, 346, 353, 363, 389, 393, 431, 432, 456, 457, 463, 472, 485, 505, 522, 523, 527,

- 556, 565, 566, 567—571, 580, 582, 597, 600, 605, 606, 623, 624, 626, 627, 629, 636
 Стюарт см. Стюарт
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), русский буржуазный журналист, издатель газ. «Новое время» (с 1876 г.). В 50-х годах либерал, позднее ярый реакционер и националист — 387, 389, 435
- Судзиловский Николай Константинович («доктор Руссель», 1850—1930), деятель русского революционного народничества, по национальности поляк. Один из организаторов Киевской «коммуны», в начале 1874 г. вел пропаганду среди крестьян Херсонской и Самарской губерний. С весны 1875 г. жил в Женеве, затем в Лондоне (1875) и Румынии, где налаживал доставку изданий Лаврова в Россию. Участвовал в социалистическом движении Румынии — 95
- Судчевич Лазо — 183
- Сулла Луций Корнелий (138—78 гг. до н. э.), римский полководец — 227
- Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич, граф (1820—1877) генерал-адъютант, в 1875—1877 гг. командующий Харьковским военным округом — 156, 158
- Сундечич (Сундетич) Йован (1825—1900), сербский поэт и общественный деятель, уроженец Боснии. В 1848—1863 гг. приходский священник в Далмации. Ввиду притеснений австрийских властей переселился в Черногорию, где был секретарем кн. Николая (1864—1874). С 1874 г. жил в Которе, выполнял отдельные дипломатические поручения кн. Николая — 590
- Супшичич Петр, товарищ председателя Одесского славянского благотворительного общества — 85
- Сухомлинов Л., секретарь правления Одесского славянского благотворительного общества — 85
- Сытенко Н., отставной подполковник русской службы, во время сербо-турецкой войны состоял при командующем Ибарской армией Новоселове, был временным командующим Ибарской армией — 424, 425, 447, 451
- Танасов Рафаил см. Атанасов Р.
- Тарапанов С. Г. — 304
- Татищев Александр Александрович (1823—1895), в 70-х годах пензенский губернатор, позже — сенатор и член Государственного совета — 357
- Татищев С. — 37
- Тацит Публий Корнелий (54—120 гг. н. э.), выдающийся римский историк — 46
- Теве, американский генерал — 358
- Теподоров, хаджи Ив., член БЦБО — 165, 292, 294, 298, 331, 391
- Теохаров Антон Т. (Ф.), член БЦБО — 310, 331, 359, 512, 521, 522—524, 526, 557
- Тепавский Михаил Иванович (1851—1916), болгарин, русский офицер, во время сербо-турецкой войны был в добровольческом отряде полковника Медведовского — 413
- Теплов В. А., казначей русского посольства в Константинополе — 383
- Теплов В. Н., полковник — 348, 349, 384, 386, 388
- Тешанович Лазар — 183
- Тиберий (Тиверий, 42 г. до н. э. — 37 г. н. э.), римский император (в 14—37 гг. н. э.) — 227
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в 1868—1877 гг. министр внутренних дел. Реакционный деятель — 228, 231, 273, 324, 423, 458, 466, 467, 483, 558, 559, 581, 583, 616
- Тихо, Тихов см. Обретенов Н.
- Тодоров Давид, участник четы Ботева — 330
- Тодоров (Теодоров, Феодоров) Димитр (Димитраки-бей), чорбаджия из Тульчи, туркофил — 562, 617
- Тодоров Н. Т. — 16
- Тодоров (Феодоров) Перикли, сельский староста Тульчинского округа, брат Д. Тодорова — 562
- Тодоров (Теодоров, Феодоров) Стефан (Стефанаки), чорбаджия из Тульчи, брат Д. Тодорова, туркофил — 562, 617
- Тодорович Пера (1852—1907), сербский политический деятель и журналист. Учился в Цюрихе и познакомился с русскими революционерами. В 1871 г. вернулся в Сербию и примкнул к революционным демократам; пропагандировал идеи Чернышевского, сотрудничал в газетах Св. Марковича, был редактором первого сербского социалистического журнала «Рад» (1874). В 1876 г. организовал демонстрацию в Крагуевце. Участник сербо-турецкой войны 1876 г. (служил в штабе Черняева). Впоследствии один из основателей радикальной партии — 132, 210, 386
- Токарев Владимир Николаевич, тайный советник, член совета при министре внутренних дел. В 1876 г. уполномоченный Общества попечения о раненых и больных войнах (русский Красный Крест) в Сербии — 446, 454, 455
- Толстой Павел Сергеевич 1871 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 583, 589
- Толстоносов — 162
- Томо см. Кырджиев
- Тосун-бей, турок из Карлова, главарь башибузуков — 509
- Тосун-паша, губернатор Филиппополя (до ноября 1875 г.) — 139, 147, 148, 509
- Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), русский генерал, известный военный инженер. Участник Севастопольской обороны во время Крымской войны (1853—1855). Руководил осадой Плевны во время русско-турецкой войны (1877—1878) — 8, 530

- Тотю см. Филипп Тотю
- Трегубов Н. Н. — 253, 256
- Трешов Федор Федорович (1803—1889), генерал-лейтенант, петербургский градоначальник (до 1878 г.) 284, 319, 333
- Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892), московский купец, брат основателя Третьяковской галереи П. М. Третьякова. В 1875 г. и. д. старшины Московской купеческой управы. В 1877 г. Московский городской голова — 181, 182, 300, 302
- Трикупис Харилай (1832—1896), лидер греческой радикальной партии. В 1875—1876 гг. премьер-министр, в 1877 г. министр иностранных дел и фактический руководитель правительства Канариса, старавшегося удержать страну от объявления войны Турции — 639, 640
- Тройницкий Николай Александрович, в 1876 г. и. д. вятского губернатора — 423, 424
- Тулешков Киро Петрович (1846—1904), болгарский журналист, управляющий типографии, член Болградского болгарского комитета, участник русско-турецкой войны (в рядах болгарского ополчения) — 283
- Тургев Леонтий Борисович, член Самарского комитета помощи балканским славянам (с июля 1876 г.) и С.-Петербургского славянского комитета (с 10 октября 1876 г.) — 281
- Турцевич И. К., начальник Ковенского губернского жандармского управления — 270
- Тютчева, камер-фрейлина — 283
- Убри Павел Петрович (1820—1896), в 1863—1879 гг. посол России в Берлине — 567
- Улунян А. А. — 16
- Унковский, русский врач в Черногории — 256
- Урилов Иван Дмитриевич, поручик — 351
- Уста-Генчев Д. — 9
- Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), генерал-майор в отставке, военный писатель и публицист консервативного лагеря. Один из идеологов русского панславизма. С 1870 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 37, 237, 300, 302, 318, 387—389, 395, 408, 410, 423—425, 442, 445, 446, 449, 451, 453
- Фазлы-паша (Фазль, Фазли), турецкий генерал — 509
- Фарил-паша — 548
- Федотова Н. Г. — 16
- Федоровы Д. П. и С. см. Тодоровы Д. П. и С.
- Фермор, русский доброволец в Сербии — 349
- Филиппович Джордже (Георгий), уроженец Пивского округа (Герцеговина). Учился в С.-Петербургской духовной семинарии, окончил медицинский факультет Московского университета в 1879 г. В 1872 г. уехал в Сербию, где вместе с С. Марковичем подготавливал восстание в Боснии и Герцеговине. В августе 1876 г. вернулся в Россию для завершения образования — 24, 210
- Филипп Тотю (Тотьо, 1830—1907), болгарский воевода. В 1867 г. руководил четой, перешедшей в Болгарию и пробиравшейся до Балканских гор. Во время сербо-турецкой войны 1876 г. командовал отрядом болгарских добровольцев — 71, 87, 91, 117, 126, 272, 481
- Филиппов Третий Иванович (1825—1899). В 1875—1877 гг. управляющий временной ревизионной комиссией ведомства Государственного контроля. Славянофил, с 1868 г. член С.-Петербургского славянского комитета (в 1872—1880 гг. член исполнительного присутствия, в 1876 г. и о. председателя комитета) — 346, 356, 373, 383, 411, 412, 420, 437, 438, 440, 484
- Филонов, член Харьковского комитета помощи балканским славянам — 346
- Фитов Петр Илиев (1848—1908), болгарский купец, член Болградского болгарского благотворительного общества — 71, 283, 633
- Флейшер, русский хирург, доктор медицины; в 1876 г. врач Новгородского санитарного отряда в Сербии — 453—455
- Флореску (Флореско) Ион (1819—1893), румынский генерал и политический деятель. В 1871—1876 гг. военный министр — 173, 175
- Франклин Бенджамен (1706—1790), участник борьбы североамериканских колоний Англии за независимость и ученый — 406, 470
- Франц-Иосиф I Габсбург (1830—1916), император Австрии (с 1848 г.) и король Венгрии (с 1867 г.) — 28, 31, 33, 37, 54, 55, 57, 58, 64, 69, 73, 397, 419, 430
- Хаджи Димитр (Николов, 1840—1868), болгарский воевода, в 1868 г. руководил четой, перешедшей в Болгарию, погиб в бою — 114, 123, 124
- Хаджидимитров Иван Хаджиенцев (1844?—1922), болгарский ремесленник и торговец, председатель Тырновского революционного комитета. Участвовал в подготовке Старозагорского восстания (1875), после его поражения эмигрировал в Румынию; участвовал в деятельности Журжевского революционного комитета (1876) и в подготовке Апрельского восстания в Болгарии — 96, 116, 117, 123
- Хаджиенцович (хаджи-Пенчооглу), хаджи Иванчо, болгарин, турецкий чиновник. Туркофил. Член трибунала, судившего В. Левского, позднее представитель Турции в комиссии по расследованию турецких зверств в Болгарии (1876) — 112

- Хаджиристич (Аджиристич) Риста, сараевский купец — 183
- Хаджиселимович Муя-ага, мусульманин из Мостара — 104, 106
- Халил-Териф-паша — 223
- Халиогабал см. Гелиогабал
- Хамид см. Абдул-Хамид II
- Хамид-паша — 212, 213
- Хафур-паша — 548
- Хафус-паша — 239, 240
- Хвостов А. Н., майор в отставке, с декабря 1875 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 309, 310, 410, 426, 433, 434
- Хвостов В. М. — 9
- Хееролина В. М. — 16
- Хитов Панайот (1830—1918), болгарский воевода. Стронник согласования действий болгарской эмиграции с политикой Сербии. В 1867 г. перешел со своей четой из Румынии в Болгарию. Позднее был членом БЦРК. Во время сербо-турецкой войны командовал отрядом болгарских добровольцев. Во время войны 1877—1878 гг. был в рядах болгарского ополчения — 27, 38, 70—72, 77, 86, 87, 91—93, 95, 107—111, 113, 114, 126, 129, 130, 210, 272, 363, 481
- Хитова Катерина, жена П. Хитова — 110
- Хитрова Н. И. — 16
- Хитрово Михаил Александрович (1837—1896), в 1871—1877 гг. генеральный консул в Константинополе; во время войны 1877—1878 гг. начальник дипломатической канцелярии при главнокомандующем. С 1869 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 561, 562
- Холодовский Николай Иванович, штабс-капитан — 370
- Хорватович Джура (1835—1895), сербский офицер, родом из Австрии. Служил в австрийской, затем в сербской армии. В 1876 г. полковник, командующий Тимокской армией; в 1877—1878 гг. — командующий Тимокским корпусом — 363, 364, 384
- Христич Филипп (1819—1905), сербский консервативный государственный деятель и дипломат. В 1871—1873 гг. представитель Сербии в Константинополе, в 1877 г. делегат по заключению мира с Турцией. В 1878—1883 гг. посланник в Константинополе. Член Белградского комитета помощи повстанцам Боснии и Герцеговины (с октября 1876 г.) — 10, 153—159, 163, 164, 242, 609
- Христов Коста, болгарский купец из Турну-Северина — 471, 599
- Хуршид-паша, в 1875—1876 гг. генерал-губернатор Адрианополя — 118, 139
- Хусейн-Авни-паша (1820—1876), турецкий генерал. С февраля 1874 г. по 25 апреля 1875 г. великий визирь и военный министр; в 1875 г. (22 августа—2 октября) и 1876 г. (апрель—15 июня) военный министр. Один из виновников разорения Болгарии после Апрельского восстания — 33, 211
- Цанков Драган (1828—1911), болгарский буржуазный политический деятель и журналист. Служил турецким чиновником. Во время борьбы за национальную болгарскую церковь был сторонником унии с католической церковью. В 1876 г. вместе с М. Балабановым послан к европейским правительствам добиваться поддержки требованиям болгарского народа. После освобождения Болгарии был тырновским вице-губернатором — 326, 327, 463, 510, 524, 531, 553, 602—604, 612
- Цанков Кириак (Ячо) Антонов (1847—1903), болгарский политический деятель и публицист. Член Болгарского тайного революционного комитета (1866), БЦРК (1872, 1875), Болгарского человеколюбивого настоятельства (1875), позднее — председатель БЦБО (1876). Один из близких сотрудников Л. Каравелова — 77, 86, 87, 90, 108—110, 116, 190, 257—260, 268, 271, 274, 275, 292, 294, 296, 298, 302, 304, 320, 321, 330, 331, 345, 352, 381, 389, 391—393, 396, 421, 431, 432, 448, 449, 456, 466, 477, 479, 483, 512, 520, 523, 525—527, 534, 535, 557, 615, 624, 633, 638, 644
- Цветич, муфтий из Требинье (Герцеговина) — 22
- Ценич Мита (1851—1888), сербский социалист, последователь С. Марковича. В 1874 г. был осужден на 8 лет каторги за попытку издания социалистической газеты (в 1880 г. помилован) — 132
- Ценович Димитр (1834—1915), торговец в Бухаресте; член Болгарской добродетельной дружины, Болгарского тайного революционного комитета (1866), один из основателей БЦРК — 70, 126, 354
- Ценович Екатерина, жена Д. Ценовича, председательница женского благотворительного комитета в Бухаресте (созданного 1 июля 1876 г.) — 291, 393
- Церетелев (Цертелев) Алексей Николаевич, князь (1848—1893). Служил секретарем генерального консульства в Белграде. В 1875—1876 гг. помощник секретаря посольства в Константинополе. С мая 1876 г. управлял консульством в Адрианополе и замещал вице-консула в Филиппополе. Вместе со Скайдером и Мак-Гаханом производил расследование турецких зверств в Болгарии. Во время войны 1877—1878 гг. был в действующей армии; участвовал в мирных переговорах в Адрианополе и Сан-Стефано. После окончания войны был генеральным консулом в Пловдиве и участвовал в составлении Органического статута для Восточной Румелии. С 1870 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 231, 233, 235, 236, 238, 240, 341, 342, 357, 487, 488, 489, 495, 496, 502

- Чайковский Михаил (1804—1886), участник польского восстания 1830 г. Эмигрировал в Турцию. Во время Крымской войны организовал польские отряды на турецкой службе («султанские казаки»), принял ислам и имя Садык-паша — 119
- Чарторижские см. Чарторыйские
- Чарторыйские, польский аристократический род — 75
- Чарыков Валерий Иванович, вятский губернатор (до 1876 г.), с 1874 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 133
- Чельков А. — 481
- Чемадуров — 435
- Черен С. И., член Болгарского человеколюбивого настоятельства — 110
- Черкасский Владимир Александрович, князь (1824—1878), общественный деятель, умеренный либерал, близкий к славянофилам. Участвовал в подготовке крестьянской реформы в России (1861) и Царстве Польском (1864). В 1868—1870 гг. московский городской голова. С октября 1876 г. уполномоченный русского Красного креста при действующей армии, с ноября 1876 г. заведующий гражданскими делами при главнокомандующем — 502, 512, 527, 530, 565, 634, 635, 638, 644
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 132, 334, 631
- Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), генерал-майор (с 1875 г. в отставке). Во время сербо-турецкой войны 1876 г. главнокомандующий сербской Тимокско-Моравской армией. С 1871 г. член С.-Петербургского славянского комитета; издатель панславистской газеты «Русский мир» — 14, 37, 89, 182, 183, 201, 207, 208, 210, 211, 225, 230, 231, 237, 242, 243, 245, 246, 248, 260, 261, 272, 275, 281, 285—288, 290, 295, 297, 301, 302, 308, 317, 318, 343, 347, 349, 350, 352, 354, 356, 357, 361, 363, 365, 366, 371, 372, 380, 381, 384—386, 389, 395, 396, 398, 407—409, 414, 421, 427, 434—438, 444—447, 451, 453, 455, 462, 464, 469, 505, 506, 578, 579, 584, 585, 588, 589
- Чехларов Н. — 9, 396, 466
- Чижов Федор Васильевич (1811—1877), публицист славянофильского направления, член Московского славянского комитета, крупный предприниматель и финансист — 260, 470
- Чиляев Константин Борисович, майор, во время сербо-турецкой войны командир русско-болгарского добровольческого батальона, во время войны 1877—1878 гг. командир 3-й дружины болгарского ополчения, участник обороны Шипки — 638
- Чмиренко Иван Павлович, рабочий завода Гулье-Бланшарда в Одессе, член Южно-русского союза рабочих. В деятельности союза активной роли не играл, в июле—августе 1876 г. вовсе отошел от союза — 168
- Чихачев Николай Матвеевич (1830—после 1914), контр-адмирал. В 70-х годах директор Русского общества пароходства и торговли и управляющий Одесской ж. д. Участник русско-турецкой войны — 331, 410, 614
- Чобанов Христо Рачев (1847—1849—1910), болгарский врач. Член БЦРК (1875). Участник войны 1877—1878 гг. (военный врач румынской армии) — 70, 71
- Чудновский, студент-медик — 453, 454
- Чуркина И. В. — 16
- Чурчич Стефан (1850—1932), журналист. Издатель газ. «Србадия» (1874—1877 гг. в Вене и 1881—1882 гг. в Белграде), в 1877—1889 гг. редактор официальной газ. «Српске новине». Один из руководителей сербского Красного Креста — 172, 173
- Шабельский, член Харьковского комитета помощи славянам — 346
- Шакир-бей (Шакир-эффенди), турецкий чиновник, сторонник Мидхат-паши. С июня 1876 г. специальный уполномоченный Порты по умиротворению северной Болгарии — 238, 239
- Шамиль (ок. 1798—1871), третий имам Дагестана и Чечни (глава теократического мюридистского государства) — 351
- Шапошников, член Харьковского комитета помощи славянам — 346
- Шатохин Петр Платонович, секретарь русского генерального консульства в Рагузе — 617
- Шатохина Е. М. — 16
- Шаховская Наталья Борисовна, княгиня, заведующая русским санитарным отрядом и уполномоченный Московского славянского комитета — 283
- Шаховской Сергей Владимирович, князь. В конце 1875—начале 1876 г. секретарь консульства в Рагузе. С октября 1876 г. член С.-Петербургского славянского комитета. Делопроизводитель Московского славянского комитета (1876) — 268, 270
- Шаховской Сергей Львович, князь, поручик, адъютант Одесского жандармского управления — 161, 162, 168
- Шебеко Мария Ивановна, жена бессарабского губернатора Н. И. Шебеко — 304
- Шевкет-паша (Шефкет-паша), турецкий генерал, один из руководителей подавления Апрельского восстания. Участник русско-турецкой войны — 135, 136, 153, 509, 548
- Шефик-бей, турецкий чиновник, член Государственного совета. В мае 1876 г. в качестве специального комиссара Порты послан в северную Болгарию для расследования зверств башибузуков. В июле 1876 г. участвовал в расправе с участниками Апрельского восстания (председатель Тырновского трибунала) — 220, 221
- Широков Илья, член болгарского благотворительного общества в г. Александрии (Румыния) — 71

- Шкоде Иван Иванович, майор, начальник Дерптского и Верроского уездного жандармского управления Лифляндской губ. — 572
- Шмитц П. А. — 365
- Шнайдер Карл, немецкий журналист — 341
- Шодорди Жан-Батист-Александр-Дамаз де, граф (1826—1899). В 1874—1878 гг. французский посол в Мадриде. С ноября 1876 г. представитель Франции на Константинопольской конференции — 534, 536, 545
- Шола Вуко, купец из Мостара, христианин — 104, 106
- Шопов Драгой (Драгой), инженер из Бухареста. Член БЦРК (1875) и его казначей — 70, 71, 108, 111
- Шрейбер Николай Николаевич (1838— после 1914), русский юрист. В 1867—1881 гг. был товарищем прокурора С.-Петербургской судебной палаты, товарищем обер-прокурора уголовного-кассационного департамента сената, председателем С.-Петербургской и Саратовской судебных палат — 435
- Штраус, австро-венгерский консул в Мостаре — 104, 106
- Штротсмайер Йосип-Юрай (1815—1905), католический епископ, хорватский политический деятель. Стронник объединения югославских народов. Оказывал большую помощь восстанию в Боснии и Герцеговине (1875—1878), был вице-председателем Международного комитета помощи герцеговинцам (созданного в 1875 г. в Париже) — 54, 55, 558
- Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), реакционный государственный деятель. В 1866—1874 гг. шеф жандармов и главный начальник III отделения СЕИВК, в 1874—1879 гг. посол в Лондоне — 9, 393, 394, 415, 418, 511, 546, 622, 628
- Шульц Александр Францевич, управляющий III отделением СЕИВК (в 1872—1878 гг.) — 125, 322, 462
- Шумков Федор Иванович, генерал-майор, почетный мировой судья Черкасского округа Области войска Донского — 348
- Шурлан Мичо — 183
- Щербак Александр Викторович (1848—1884), врач. Участвовал в сербо-турецкой войне 1876 г. в составе отряда русского Красного Креста, затем находился в Черногории (являясь также корреспондентом «Голоса»). Заведующий врачебно-санитарным пунктом во время русско-турецкой войны — 258
- Щербаков Петр Иванович, сызранский мецданин — 342
- Щербачев — 556, 593
- Щербина Петр Николаевич, учитель — 303
- Эдхем-паша (Эдем, Эдгем, 1818—1893). В 50—70-х годах неоднократно был министром. В 1875 г. был назначен турецким послом в Берлине, в 1876 г. — представителем Турции на Константинопольской конференции. С февраля 1877 г. до января 1878 г. великий визирь — 534, 609, 610, 629, 630
- Эдхиб-эфенди (Эдип-бей), турецкий чиновник, председатель Счетной палаты. В 1876 г. специальный эмиссар Порты в Адрианопольском вилайете — 238, 239
- Эллиот Генри Джордж, сэр (1817—1907), английский дипломат. Туркофил. В 1867—январе 1877 г. посол в Константинополе, в 1877—1884 гг. посол в Вене — 40, 43, 44, 242, 289, 339—342, 393—395, 413, 415—418, 533, 534, 536, 545, 547, 548, 552, 570
- Эрцеговац Тейо — 183
- Эсад-паша турецкий государственный деятель. В 1870-х годах неоднократно был министром и великим визирем — 35, 36
- Эфруси (Ефруси), банкирский дом братьев Эфруси — 186
- Южаков Сергей Николаевич (1849—1910), публицист либерально-народнического направления. В 1868—1879 гг. сотрудник «Одесского вестника». В 1870-х годах сблизился с революционными народническими кружками Одессы, в 1879 г. был выслан в Сибирь — 119
- Юзефович Трофим Павлович, русский консул в Тульче (1871), затем в Салониках (1876—1877). С 1871 г. член С.-Петербургского славянского комитета — 521
- Юрьев Сергей Андреевич (1831—1888), русский литературный деятель, крупный помещик. Примыкал к славянофилам. Издавал журналы «Беседа» (1871—1872) и «Русская мысль» (1880—1885) — 281
- Юсуф Иззеддин, турецкий принц, сын султана Абдул-Азиза — 45, 48
- Языков — 454
- Яковлев Сергей Павлович, владелец типографии в Москве. Секретарь Московского славянского комитета (конец 1875 г.) — 141
- Якшич Владимир (1824—1899), профессор Белградского лицея (с 1852 г.), с 1864 г. начальник статистического отделения при министерстве финансов Сербии. Основатель сербской статистики — 176
- Ямболов Д., учитель Болградской гимназии, член местного болгарского благотворительного общества — 282, 283, 292, 293
- Янко, председатель болгарского благотворительного общества в Плочешти — 259
- Янкулио Иван Константинович, в 70-х годах чиновник для особых поручений в канцелярии министра финансов. С 1870 г. член С.-Петербургского славянского комитета (с 1873 по октябрь

1876 г. секретарь комитета) — 88, 245

Янов Владимир Алексеевич, полковник, начальник Бессарабского губернского жандармского управления — 631

Яраки-эфенди (Г. С. Чалоолу) — 139

Ястребов Иван Степанович (1839—1894), русский консул в Скутари (1875—1876), позднее консул в Призрене и генеральный консул в Салониках — 103, 105, 184, 193, 195, 305, 606, 618

Яцемирский, помощник пакгаузного надзирателя ст. Унгены — 631

Яцукович Николай Клементьевич, экстраординарный профессор химии Харьковского университета, член местного комитета помощи балканским славянам — 346

Ячо см. Цанков Кириак

Яценко (Яценков) Л. Н., член Самарского комитета помощи балканским славянам — 281, 351

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Аврат-алан см. Копривштица
- Австрия Южная — 145
- Австро-Венгрия, Австрия — 7, 9, 24, 28, 29, 31—34, 36, 37—39, 41, 43, 44, 47, 51, 54—56, 59—64, 67, 69, 70, 83, 85, 93, 104, 113, 119—122, 144, 145, 149, 150—152, 155, 158, 171—173, 176, 180, 183—186, 191, 193, 195, 197, 208, 211, 217, 218, 228, 241, 243, 251, 261, 262, 267, 275, 310, 321, 323, 327, 329, 342, 369, 376, 394, 395, 397, 419, 430, 477, 502, 534, 536, 541, 546, 550, 553, 560, 571, 579, 588, 611
- Аграм см. Загреб
- Адрианополь — (Эдирне, Турция) — 92, 118, 139, 140, 147, 148, 211, 213, 217, 218, 231—236, 238, 240, 341, 491, 539, 542, 548, 550
- Адрианопольский вилайет — 232, 234, 238, 239, 491, 498
- Адриатическое море — 225, 267, 475, 626
- Азия — 34, 344
- Ак-Паланка, г. в Нишском санджаке Дунайского вилайета (Бела Паланка, Югославия) — 290, 579
- Албания — 26, 34, 47, 64, 67, 136, 137, 212, 213, 253, 256, 450, 477, 542, 551—553, 606, 626
- Александрия, г. в Румынии 71, 126, 522, 527, 596, 599
- Александрополь, уездн. г. Эриванской губ. (Ленинакан) — 240
- Алексинац, г. в Сербии (Югославия) — 242, 243, 248, 295, 359, 453, 462, 502, 529, 579
- Алексинацкий округ — 455
- Алеппо, г., центр Алеппского вилайета (Халеб, Сирийский район, Объединенная Арабская Республика) — 212, 213
- Америка см. Соединенные Штаты Америки
- Анаслицкий каймакамык, в Касторийском санджаке Салоникского вилайета (Греция) — 26
- Англия — 37, 40, 44, 45, 107, 120, 121, 150, 176, 187, 241, 242, 261, 267, 275, 278, 309, 341, 397, 415, 464, 477, 487, 502, 511, 531, 534, 536, 540, 546, 553, 550, 560, 609, 610, 621, 622, 625, 626, 640
- Андриевица, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 142, 550, 560
- Андросовка, с. Самарской губ. — 168
- Арарат — 481
- Аргут, сел. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 22, 23
- Армения — 44, 240, 439
- Астрахань, г. — 355, 414
- Астраханская губ. — 361
- Афины — 639, 640
- Афон, часть Халкедонского полуострова, в Эгейском море (Греция) — 522
- Ахтырка, — уездн. г. в Харьковской губ. — 280
- Бабина глава — гора к северо-востоку от Ак-Паланки, Нишский санджак, Дунайский вилайет (Югославия) — 290, 448
- Багдад, г., центр Багдадского вилайета (Ирак) — 45, 630, 631
- Базиаш, г. в Австро-Венгрии (Базиаш, Румыния) — 243, 290
- Балевичи, с. в Черногории (Югославия) — 591
- Балканские горы — 92, 95, 111, 112, 114, 126, 128, 212, 483, 485, 578
- Балканский полуостров — 7, 8, 11, 12—14, 27, 37, 38, 43, 51, 52, 59, 82, 109, 114, 138, 162, 182, 203, 204, 207, 225, 227, 237, 246, 252, 277, 280, 295, 303, 304, 311, 312, 316, 319—321, 333, 337, 339, 345, 355, 358, 359, 361, 366, 370, 373, 376, 377, 379, 398, 403, 407—409, 413, 424, 426, 434, 441, 459, 461, 464, 467, 469, 473, 482, 486, 508,

* Указатель составлен Е. П. Наумовым, Б. Т. Петковой, А. А. Улуняном, Н. И. Хитровой, И. В. Чуркиной.

- 510, 558, 564, 572, 582, 591, 595, 616, 636, 642
- Балканы — 14, 37, 64, 70, 113, 115, 118, 122, 124, 125, 127, 176, 202—204, 211, 218, 246, 261, 262, 269, 270, 273, 278, 299, 300, 304, 314, 319, 322, 327, 334, 379, 387, 396, 403, 407, 436, 439, 467, 480, 482, 502, 529, 536, 545, 560, 595, 601, 619, 630, 631
- Баняни см. Баняни
- Баньялука, г., центр Баньялукского санджака вилайета Босны (Баня Лука, Югославия) — 103, 105, 608
- Баньялукский округ (санджак) — 602, 607, 608
- Баня, г. в восточной Сербии (Соко-Баня, Югославия) — 597
- Баняни, Баняни, область в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 33, 305, 542, 551
- Бар, г. в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 267
- Батак, с. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 225, 232, 234, 342, 539, 548, 553, 577, 618
- Баташово, с. в Дунайском вилайете (Болгария) — 225, 509
- Батум, г., центр санджака Лазистан Трапезондского вилайета (Батуми, СССР) — 439
- Безикская бухта, у входа в Дарданеллы — 240
- Бекет, г. в Румынии — 71, 229, 230
- Белград — 9, 10, 12, 14, 27, 38, 43, 50, 53—56, 58, 70, 71, 97, 98, 100—102, 108, 109, 110, 112, 114, 119, 121, 122, 130, 138, 146, 154—159, 161, 163—165, 174, 176, 187, 188, 191, 192, 198, 199, 200, 208—210, 215, 225, 231, 241, 243—245, 257, 275, 276, 285—290, 297, 299, 312, 334, 335, 338, 344, 346, 349, 350, 357, 358, 364, 369, 382—385, 399, 410—412, 418, 424, 425, 427, 433, 451, 452, 454, 455, 460, 462, 466, 471, 477, 478, 516, 529, 531, 555, 559, 561, 562, 567, 568, 570, 573, 578, 579, 583—589, 596, 609, 611, 615, 617, 641, 642
- Белина, г. в Зворникском санджаке вилайета Босны (Биелина, Югославия) — 54, 56
- Белово, нас. пункт в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 118, 211, 212, 214, 224, 235
- Белопавличи, территория, занимаемая племенем Белопавличи, Черногория (Югославия) — 81, 84, 618
- Белополье, г. в Новопазарском санджаке вилайета Босны (Биело-поле, Югославия) — 185
- Белополье, нахия — 306
- Бельгия — 209, 310, 630, 631
- Бендеры, уездн. г. Бессарабской губ. — 442, 627
- Берана, г. Новопазарского санджака вилайета Босны (Иванград, Югославия) — 136, 137
- Бердянский уезд, Таврическая губ. — 581
- Берлин — 9, 33, 35, 62, 64, 187, 203, 207, 208, 228, 241, 262, 263, 265, 267, 284, 327, 425, 510, 511, 567
- Бессарабия, Бессарабская губ. — 101, 302, 304, 420, 426, 474, 608, 611
- Беч (серб.) — см. Вена
- Беюк-дере, Буюкдере, нас. пункт на Босфоре недалеко от Константинополя — 127, 133, 134, 217, 220, 221, 237, 239, 326, 339, 340, 383, 540, 632
- Билек, Билеч, с. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Билеча, Югославия) — 22—24, 46, 104, 106, 135—137, 153, 305, 307
- Билеч см. Билек
- Битоль, Монастир, г. (Битола, Югославия) — 25, 26, 87
- Битольский, Монастирский вилайет, согласно Военно-статистическому сборнику от 1868 г. в Турецкой империи имелся Салоникский вилайет, в состав которого входил Битолийский санджак — 25, 26.
- Битольский санджак, в Салоникском вилайете — 25
- Бишина, гора в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 33, 302, 305
- Благай, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 104, 106
- Бока Которская, территория, прилегающая к Которскому заливу, Австро-Венгрия (Югославия) — 66, 68, 195, 197
- Болгария — 9—15, 27, 51, 52, 70—72, 86, 89—93, 95, 96, 107, 109—114, 117, 124, 126—130, 133, 138, 139, 147, 148, 179, 201—205, 207—213, 217, 218, 220—225, 228—240, 247, 249, 250, 251, 256, 267, 269, 272, 273, 276, 277, 280, 282, 283, 291, 295, 299, 300, 301, 303, 307, 312, 323, 326, 327, 331, 334—336, 337, 339—341, 354—356, 359, 363, 364, 369, 372, 374, 375, 382—384, 387, 389, 390, 393—395, 397, 402, 409, 413, 415, 416—422, 444, 449, 450, 456, 458, 460, 461, 466, 471, 472, 477, 479, 480, 481, 487, 488, 489, 490, 491, 495—498, 502—504, 509—512, 515, 516, 518—522, 526, 527, 531, 532, 535, 536, 538—541, 543—557, 560, 561, 566, 578, 579, 592, 596, 599, 600, 602, 609, 610, 630, 631, 641, 643
- Болгария Придунайская — 276
- Болгария Северная — 51
- Болгария Южная — 231, 233, 236
- Болград, г. в Румынии (СССР) — 38, 71, 208, 257, 258, 268, 282, 321, 332, 449, 522, 527, 596, 633
- Боржом, нас. пункт в Тифлисской губ. (Боржоми, СССР) — 425
- Босна-Сарай см. Сараево
- Босния — 9, 11—14, 20, 21, 33, 37, 38, 40, 42, 43, 47, 51, 53—57, 64—67, 69—71, 81, 83, 85, 88, 103, 113, 122, 130—133, 137, 138, 146, 149, 151, 152, 154, 157, 159, 161, 163, 164, 165, 168, 171—173, 177, 178, 182, 183, 187, 190, 192—194, 196—198, 200, 203, 204, 207, 208, 211, 214,

- 215, 216, 226, 230, 232, 234, 236, 242, 243, 246, 256, 264, 266, 267, 276, 277, 280, 282, 307, 321, 327, 334, 336, 354, 382, 387, 393, 394, 397, 402, 403, 416—419, 450, 460, 461, 536, 538, 539, 540, 543, 544, 546—553, 558, 592, 602, 607, 608, 617, 620
- Босния Западная — 607
- Босфор — 149, 151, 387, 397, 401, 402, 542, 621, 622
- Бояджики, д. близ Ямбола. Сливенский санджак Адрианопольского вилаета (Болгария) — 232, 234, 237, 548, 553
- Бояна, р. в Черногории — 33, 267, 552, 626
- Браила см. Браилов
- Браилов, Браила, г. в Румынии (Брэила) 71, 91, 249, 250, 252, 257, 259, 260, 274, 299, 315, 324, 332, 353, 444, 449, 522, 527, 596, 599, 626
- Брацигово, нас. пункт в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилаета (Брацигово, Болгария) — 225, 251
- Брды, область в Черногории (Брда, Югославия) — 34, 143, 144, 146, 253
- Бреславль, г. в Германии (Вроцлав, Польша) — 328
- Бронницкий уезд, Московская губ. — 377
- Буг Южный, р. в России — 440
- Бузеу см. Бузоу
- Бузлуджа, вершина в Балканских горах (Болгария) — 114
- Бузоу, Бузеу, г. в Румынии (Бузеу) — 522, 527, 596, 627
- Букурешт см. Бухарест
- Букурещ см. Бухарест
- Бургас, г. в Сливенском санджаке Адрианопольского вилаета (Болгария) — 118
- Бурши, с. Путивльского уезда Курской губ. — 428
- Бурнская волость, Путивльский уезд Курской губ. — 428
- Бухарест, Букурешт, Букурещ — 9, 27, 38, 39, 52, 70, 71, 86, 93, 95, 96, 107, 108, 110, 112, 114, 117, 126, 138, 147, 148, 160, 173—175, 177—179, 188—192, 208, 228—230, 236, 252, 257, 258—260, 268—271, 275, 276, 282, 291—294, 296—299, 302, 304, 305, 312, 315, 320, 321, 324—327, 330—332, 335, 345, 346, 352, 363, 388—390, 393, 414, 420—422, 431, 432, 449, 456, 457, 462, 465, 466, 473, 475, 477, 478, 483—485, 502, 505, 521, 522, 526, 531, 532, 555, 558, 565—567, 580, 582, 596—601, 605, 617, 623, 624, 626, 636, 643, 644
- Буюкдере см. Бёюк-дере
- Буюк-Ламбат, дер. Ялтинского уезда Таврической губ. 41, 303.
- Валахия, область на юге Румынии между Карпатскими горами и р. Дунаем — 26, 38, 70, 71, 95, 96, 192, 224, 284, 481
- Варна, г., центр санджака Варны, Дунайского вилаета (Болгария) — 51, 72, 92, 124, 127, 519, 560, 612
- Варцар, с. в Травникском санджаке вилаета Босны (Югославия) — 608
- Варшава — 180, 216, 454, 620
- Варшавская железная дорога — 373
- Васоевичи, территория, занимаемая племенем Васоевичи. Новопазарский санджак, вилает Босна (Югославия) — 30, 543
- Васоевичи Горнье — 553
- Вележ, гора недалеко от Мостара. Мостарский санджак вилаета Босны (Югославия) — 306
- Велес, г. в Битольском санджаке Салоникского вилаета (Титов—Велес, Югославия) — 491, 498
- Великий Шилиговец, нас. пункт в восточной Сербии (Велики Шилиговец, Югославия) — 454
- Великое княжество Финляндское см. Финляндия
- Великобритания см. Англия
- Вена, Беч — 9, 28, 30, 33—35, 41, 43, 44, 51, 53—61, 64, 66, 142, 149, 150, 151, 155, 157, 172, 173, 183, 187, 206, 207, 216, 219, 222, 225, 228, 241, 253, 290, 326, 327, 397, 402, 409, 415, 417, 419, 460, 511, 589, 590, 602, 611, 615, 617, 637, 638
- Венгрия — 430
- Верхболово, г. Волковышского уезда Сувальской губ. — 462
- Верровский уезд, Лифляндская губ. — 572
- Вершетц, Вершица, г. в Воеводине, Австро-Венгрия (Вршац, Югославия) — 588
- Вершица см. Вершетц
- Ветрено, с. в Сливенском санджаке Адрианопольского вилаета (Ветрец, Болгария) — 232, 234
- Видин, г., центр Видинского санджака Дунайского вилаета (Болгария) — 51, 92, 269, 334, 529, 550, 612, 623
- Видинский округ (пашалык) — 363, 375
- Византия — 310, 481
- Вильню, губ. г. (Вильнюс) — 307
- Вир-Базар, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 591
- Владикавказ, г., центр Терской области (Орджоникидзе, СССР) — 411, 414, 433
- Владимирская губ. — 573
- Влтава, р. в Чехии — 225
- Водена, г. в Салоникском санджаке Салоникского вилаета (Эдесса, Греция) — 491, 498
- Воеводина — 243
- Воздвиженская волость, Николаевский уезд Самарской губ. — 168
- Волочиск, ж.-д. станция на Одесской ж. д. — 462
- Волынская губ. — 563
- Волыское — 261
- Воронеж, г. — 532
- Воронежская губ. — 360, 533
- Врлетина — 183
- Вучий дол, нас. пункт в Мостарском санджаке вилаета Босны (Вучи дол, Югославия) — 305, 306, 307
- Витебская губ. — 368
- Вишеград, г. в Сараевском санджаке вилаета Босны (Вишеград, Югославия) — 40, 42
- Вятская губ. — 423

- Габела, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 39, 41, 51, 306
- Габрово, г. в Терновском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 110, 111, 116, 178, 179
- Галац, г. в Румынии — 71, 208, 245, 247, 276, 278, 299, 302, 304, 313, 323, 332, 378, 379, 527, 596, 617, 618, 626
- Галлиполи, г. и санджак в Адриано-польском вилайете (Гелиболу, Турция) — 491, 498
- Гарвард, Университет в г. Кембридже (США) — 9
- Гатчино, г. в Царскосельском уезде Петербургской губ. — 380
- Гацко, Метехия, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 31, 39, 46, 65, 68, 104—107, 135—137, 184
- Гацко, округ — 29, 31
- Германия — 7, 37, 43, 44, 45, 64, 119, 121, 122, 176, 183, 211, 228, 286, 288, 320, 327, 391, 394, 477, 520, 534, 536, 541, 546, 550, 560, 571, 593
- Герцеговина — 7, 9, 11—13, 19—22, 24, 25, 27—33, 35—51, 53—58, 60, 63, 64, 66, 69—71, 81, 83—85, 88, 97, 102—105, 110, 113, 122, 129—131, 133—138, 141, 143, 146, 149, 151, 152, 154, 157, 159, 161, 162, 164, 165, 168, 171, 174, 175—178, 181—184, 186, 187, 190, 192, 193, 195—198, 200, 202—204, 206—208, 211—213, 215—218, 220, 226, 230, 232, 233, 234, 236, 238, 239, 242, 243, 246, 248, 253, 254, 256, 261—267, 276, 277, 280, 282, 301, 302, 305—308, 321, 327, 334, 336, 382, 387, 393, 402, 403, 409, 416—419, 450, 460, 461, 475—477, 536, 538, 539, 540, 542—544, 546—549, 551—553, 558, 592, 618, 620
- Главинский дол, близ Гребинья, Мостарский санджак вилайета Босны (Югославия) — 135, 137
- Гламоч, Гламош, г. в Травникском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 104
- Гламош см. Гламош
- Глухово, уездн. г. Черниговской губ. (Глухов) — 311
- Голландия — 209, 503
- Горанско, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 153, 184, 475
- Горица, с. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 51
- Горна Оряховица, г. в Терновском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 128
- Граб. Грабская крепость, Мостарский санджак вилайета Босны (Югославия) — 135, 136, 137
- Градец, с. в Котленской околии (Болгария) — 119
- Градишка, г. в Баньялукском санджаке вилайета Босны, турецкое название Бербир (Босанка Градишка, Югославия) — 112, 276
- Грамада. Грамада, с. в восточной Сербии (Югославия) — 529
- Грахово, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 24, 48, 114, 142, 143, 145, 254—256, 261, 475, 476, 553
- Грац, г. в Штирии. Австро-Венгрия (Австрия) — 145
- Греция — 114, 225, 461, 481, 639, 640
- Грмеча, горный хребет в северо-западной части вилайета Босны (Грмеч. Югославия) — 183
- Громада см. Грамада
- Гуниб, аул в Дагестане — 351
- Гюржево см. Журжево
- Дабар см. Дабра
- Дабра, Дабар с. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Дабар, Югославия) 22, 23, 104, 106.
- Далмация — 24, 28, 31, 33, 41, 43, 44, 54, 55, 61, 63, 81, 83—85, 136—138, 143, 145, 153, 187, 195, 197, 219, 276, 500
- Дамаск, г. вилайета Халеп. Сурия и Багдад — 553
- Даниловград, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 256
- Дарданеллы — 387, 622
- Дедеагач (Александрополис), г. в Греции — 235
- Делиград, укрепленный пункт в юго-восточной Сербии (Югославия) — 369, 371, 372, 381, 384, 385, 414, 415, 451, 452—454, 529
- Демирдже, с. в Рущукском санджаке Дунайского вилайета (Демирджи, Болгария) — 211, 212, 213
- Дербент см. Дервент
- Дервент. Дербент, с. в Сербии к югу от Княжеваца (Дербент, Югославия) — 529
- Дерпт (Тарту, СССР) — 322, 572
- Дерптский уезд, Лифляндская губ. — 572
- Детлак, с. в Баньялукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
- Джунис см. Дюниш
- Джурджев см. Журжево
- Диарбекир, г., центр вилайета Диарбекир или Курдистан (Диарбакыр, Турция) — 129, 212, 213
- Дибра, нас. пункт в Охридском санджаке Салоникского вилайета (Дебар, Югославия) — 46
- Диоклея см. Зета
- Днепр, р. в России — 440
- Добра, с. в Пожаревацком округе Сербии (Югославия) — 51.
- Добран, с. в Мостарском санджаке вилайента Босны — 184
- Добруджа, область между нижним течением Дуная и Черным морем, в Дунайском вилайете (Болгария, Румыния) — 481
- Додоши нас. пункт в Черногории (Югославия) — 553
- Дон, р. в России — 349
- Донская земля, — Область войска Донского — 338
- Дрен, с. в Баньялукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
- Драгоево, с. — 126

- Дранова. Драново, г. в Терновском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 220, 224
- Дрина, р., приток Савы (Сербия) — 54, 56, 102, 264, 267, 287, 288, 430, 435, 436, 542, 550, 552, 561, 606
- Дробняк — см. Дробняк
- Дробняк. Дробняк, область, расположенная частично в Мостарском санджаке вилайета Босны и частично в Черногории (Югославия) — 143, 144, 146, 542, 551, 553
- Драново см. Дранова
- Дряновский монастырь, в Терновском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 509
- Дубица, г. в Бихачском санджаке вилайета Босны (Босанска Дубица, Югославия) — 183
- Дублин, г. в Ирландии — 470
- Дубровник см. Рагуза
- Дубровско — 146
- Дуга, проход в горах. Мостарский санджак вилайета Босны — 46, 65, 68, 81, 84, 475, 476
- Дуже (Дужский) — православный монастырь в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 22, 146
- Дужи 146
- Дукля см. Зета
- Дунай — 51, 61, 63, 90, 92, 114, 115, 116, 117, 129, 177, 178, 191, 208, 225, 229, 243, 251, 270, 299, 300, 403, 421, 439, 449, 457, 472, 478, 529, 596, 623, 627, 628
- Дунайская область см. Дунайский вилайет
- Дунайский вилайет, северная и часть западной Болгарии — 51, 129, 177, 178, 191, 192, 238—240, 489, 491, 496, 498, 526
- Дюниш, с. в восточной Сербии (Джунисс, Югославия) — 462, 487, 502, 585
- Европа — 7, 32, 34, 35, 37, 45, 46, 53—55, 57, 60, 61, 63, 67, 69, 72, 108, 117, 146, 147, 150, 151, 163, 164, 172, 177, 178, 184, 193, 195, 209, 212—214, 217, 218, 224—226, 233, 235, 241, 261, 262—266, 273, 275, 306—308, 311, 312, 326, 327, 329, 339, 341, 342, 344, 354, 367, 400—402, 416, 418, 463, 464, 480, 482, 504, 520, 525, 536, 538, 539, 541, 544, 545, 547—549, 552, 557, 563, 566, 567, 570, 594, 595, 603, 605, 613, 632, 633
- Европа Западная — 314
- Европа Центральная — 176
- Египет — 237, 301
- Езера, район в Травнином санджаке вилайета Босны (Югославия) — 33, 146
- Екатеринодар, обл. г. Кубанской области (Краснодар) — 410, 414
- Екатеринослав, г. (Днепропетровск) — 407
- Екатеринославская губ — 581
- Елада, Эллада, Греция — 225
- Елизаветград, уездн. г. Херсонской губ. (Кировоград) — 310
- Ени Загра — см. Иени-Загра
- Жабляк, нас. пункт и крепость в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 253, 552
- Женева — 409
- Жупа нас. пункт в Черногории (Югославия) — 142
- Журжево, Джурджево, Гюржево, г. в Румынии (Джурджу) — 27, 71, 126, 229, 230, 259, 268, 299, 332, 472, 481, 519, 567, 596, 599, 601, 626
- Загора см. Эски-Загра.
- Загреб, Аграм, г. в Хорватии. Австро-Венгрия (Югославия) — 44, 51, 187
- Задр см. Зара
- Задупайский край — см. Болгария
- Зайчар, г. в Сербии (Зачар, Югославия) — 248, 272, 364, 372, 578
- Зайчарский округ — 455
- Закавказье — 420
- Зара, г. в Далмации, Австро-Венгрия (Задр, Югославия) — 44, 104, 153
- Заслап, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 475
- Зейла, г. в Африке на Аденском заливе — 45, 48
- Землин, г. в Австро-Венгрии (Земун, Югославия) — 166, 167, 350, 388
- Зерна, по всей вероятности, р. Циевна, левый приток Морачи — 543, 551
- Зета, р. в Черногории — 143, 253
- Зета, древнее название юго-западной Черногории и северо-западной Албании — 146
- Зета Верхняя и Нижняя — 146
- Зимля, нахия в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 306
- Зимница, Зимнич, г. на Дунае в Румынии (Зимница) — 71, 229, 230, 596, 599
- Зимнич см. Зимница
- Золотой Рог, бухта Мраморного моря у Константинополя — 242
- Зубцы, область в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 33, 134—137, 475, 542, 551
- Ибар, р., правый приток Западной Моравы (Сербия) — 623
- Иемен, область в Аравийском вилайете — 45, 114
- Иени-Загра, Ени-Загра, г. в Сливенском санджаке Адрианопольского вилайета (Новая Загора, Болгария) — 118
- Измаил, Исмаил, г. в Румынии (СССР) — 71, 593, 596, 617
- Имотско, г. в Далмации, Австро-Венгрия (Югославия) — 33
- Индия — 310
- Искюб см. Скопье
- Исмаил см. Исмаил
- Исמיד, г. в санджаке Худавендигяр вилайета Худавендигяр (Измид, Коджаэли, Турция) — 45
- Италия — 44, 59, 64, 121, 122, 150, 395, 477, 520, 534, 536, 546, 550, 560, 586
- Ихтиман, г. в Софийском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 214

- Кавказ — 48, 49, 342, 427, 428
 Кавказская, ж.-д. станция в Кавказском отделе Кубанской области — 410
 Казан, г. в Терновском санджаке Дунайского вилайета (Котел, Болгария) — 118
 Казанлык, г. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 448
 Казанская губ. — 361
 Казань, г. — 414
 Калафат, г. на Дунае в Румынии — 623, 626, 627
 Калужская губ. — 361
 Калязин, уездн. г. Тверской губ. — 281
 Капуджик, с. в Софийском санджаке Дунайского вилайета (Горна Василица, Болгария) — 214, 224
 Карс, г., центр санджака Карса вилайета Эрзерум — 439
 Касимов, г. Рязанской губ. 317
 Касимовский уезд — 343
 Кастельново см. Новый
 Каттаро, г. в Боке Которской. Австро-Венгрия (Котор, Югославия) — 143, 144, 254, 590, 607
 Катунская нахия, в Черногории (Югославия) — 143, 144
 Кауник, нас. пункт в Крушевацком округе Сербии (Каоник, Югославия) — 454
 Керченский пролив, между Азовским и Черным морями — 440
 Киев — 458, 627
 Киевская губерния — 162
 Кипр, о-в в восточной части Средиземного моря 139
 Киречь-Кей, нас. пункт недалеко от Салоник. Салоникский санджак Салоникского вилайета (Греция) — 619
 Кирилловский уезд, Новгородская губ. — 371
 Китай — 595
 Кишинев, губ. г. Бессарабской губ. — 201, 208, 209, 228, 247, 258, 268, 297, 299, 304, 310, 312, 349, 451, 462, 517, 518, 530, 535, 560, 561, 568, 569, 571, 599, 605, 608, 615, 621, 624, 626, 631, 633, 637, 638, 643
 Кишиневско-Унгенская ж.-д. ветка — 451, 462, 602
 Кладово, г. на Дунае в Сербии (Югославия) — 109, 110, 257, 269—272, 297, 358, 372, 381, 444, 471, 478, 529, 556, 561, 565, 568, 578, 579, 591, 597, 615
 Клек, нас. пункт в Далмации, Австро-Венгрия (Югославия) — 40, 42, 61, 63, 135—137, 185
 Клекский залив — 184
 Клисурса, с. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 222, 224, 251
 Клобук, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Вилусе, Югославия) — 475
 Ключ, г. в Бихачском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 558
 Книн, г. в Далмации, Австро-Венгрия (Югославия) — 44, 171
 Княжевац, г. в Сербии — 364, 529
 Княжевацкий округ — 455
 Козара, г. в Бихачском санджаке вилайета Босны (Козарац, Югославия) — 183
 Козлодуй, нас. пункт в Видинском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 299
 Коларовград см. Шумла
 Колашии, г. в Новопазарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 542, 551, 624, 625, 626
 Колешино, с. близ Салоник. Солоникский санджак Салоникского вилайета (Греция) — 619
 Коница, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Кониц, Югославия) — 31, 185
 Коницкий округ — 29, 31
 Константинополь — 9, 10, 13, 14, 22, 24, 26, 33—35, 44—46, 50, 52, 83, 90, 91, 92, 100, 103, 105, 112, 114, 149, 150, 151, 154, 157, 172, 174, 175, 177, 179, 187, 202, 204, 211—213, 220—225, 231—233, 235—238, 240—242, 251, 262, 264—267, 278, 295, 299, 308, 309, 318, 319, 324, 336, 339, 342, 345, 372, 375, 383, 395, 397, 398, 402, 403, 412, 415, 416, 418, 426, 443, 465, 470, 487, 489, 491, 492, 496, 498, 499, 502, 509, 519, 524, 534, 537, 540, 541, 544, 546, 547, 548, 549, 552, 554, 558, 660, 562, 567, 569, 590, 592, 596, 599, 605, 608—610, 615, 617, 618, 625, 626, 629, 630, 632, 633, 636, 638, 639, 640
 Копривштица, Аврат-Алан, с. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета — 205, 232, 233
 Костайница см. Костайница
 Костайпица, г. в Хорватии, Австро-Венгрия (Югославия) — 44, 132, 215
 Костайница, Костаница, г. в Бихачском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 172, 183
 Костенско, д. в Касторийском санджаке Салоникского вилайета (Греция) — 26
 Костромская губ. — 507
 Котел — 118, 126
 Котленская околия — 119
 Котор см. Каттаро
 Кочапский уезд, каза, Искюбский санджак Албанского вилайета (Югославия) — 26
 Крагуевац, г. в Сербии (Югославия) — 98, 100—102, 154, 157, 166, 167, 210
 Краево см. Краиова
 Краиова, Краево, г. в Румынии (Краиова) — 71, 160, 332, 596—601
 Крайна, область на западе вилайета Босны (Босанска Крайна, Югославия) — 103, 105
 Краков, г. в Галиции, Австро-Венгрия (Польша) — 180, 620
 Краснодарский край (СССР) — 325
 Красное Село, в Петербургской губ. — 300, 366
 Кратовский уезд, каза, Искюбский санджак Албанского вилайета (Югославия) — 26
 Кревет — 454
 Крит, о-в — 114, 549, 553

- Кроация см. Хорватия
Кройцпах, г. в Южной Германии (Бад-Кройцпах) — 248
Крондштадт, русский военный порт и крепость в Финском заливе — 431, 440
Крстац см. Крштац
Крупа, г. в Бихачском санджаке вилайета Босны (Босанска Крупа, Югославия) — 183
Крштац, Крстац, крепость в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 65, 68
Крвеник — 225
Крым — 395, 405, 508, 579
Крымская область — 13
Кубанская область — 325, 400
Кубань, р. на Северном Кавказе в России — 410
Кубанская область — 325, 400
Куйбышевская область (СССР) — 13, 281
Кумановский уезд, каза, Искюбский санджак Албанский вилайет (Югославия) — 26
Курдистан, вилайет Диарбекир — 44, 129
Курск, г. — 347, 361, 414
Курская губ. — 428
Кутня Нива, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 146
Кучи, область в восточной Черногории, населенная племенем кучи (Югославия) — 30, 32, 475, 553, 624, 625, 638
Кучи-Краина см. Кучи
Кюприя см. Чуприя
Лаба, р., приток Кубани — 410
Ландарово-Роменская ж. д., участок Либаво-Роменской ж. д. — 142
Ленинград — 13
Ленинградская область (СССР) — 13
Лепеница, с. в Баниялукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
Ливадия, императорский дворец на южном берегу Крыма, недалеко от Ялты — 101, 127, 134, 140, 149, 366, 394, 396—398, 412, 413, 415, 417—420, 426, 438, 439, 440, 442, 443, 449, 458, 459, 502, 530, 538, 547
Ливан, санджак вилайета Сурия — 493, 540, 549, 553
Ливно, нас. пункт Травникского санджака, вилайета Босны (Югославия) — 70
Лим, Призренский санджак Албанского вилайета (Югославия) — 543, 551
Липово, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 553
Ловеч, г. Терновского санджака Дунайского вилайета (Болгария) — 72, 179
Ловчен, горный массив в Черногории (Югославия) — 33
Лозница, г. в Подринской области Сербии (Югославия) — 54, 56
Лом, Лом-Паланка, г. в Видинском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 51, 299
Лом-Паланка см. Лом
Лондон — 9, 95, 296, 308, 326, 327, 340, 342, 393, 394, 409, 415, 418, 419, 426, 436, 536, 537, 545, 546, 570, 622, 628, 632, 633
Луара, р. во Франции — 369
Луково, с. в восточной Сербии 1) м. б. к северу от Нишавы (Югославия) 2) м. б. к северу от Алексинаца — 350, 444
Лысково, с. Макарьевского уезда Нижегородской губ. — 278
Любинье, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Любине, Югославия) — 23
Любушка, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Любушки, Югославия) — 46
Любушский округ — 185
Люттих, г. в Бельгии (Льеж) — 289
Магурели см. Турну
Майдан Стари, нас. пункт в Бихачском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 183
Макарьевский уезд, Нижегородская губ. — 278
Македония, область на Балканском п-ве, включает междуречье Вардара-Месты — 26, 251, 359, 383, 384, 481, 489, 496, 502, 552, 554, 557, 639, 640
Малая Азия — 44, 45, 240, 311
Мали Зворник, нас. пункт недалеко от Лозницы в Сербии (Югославия) — 542, 550, 609
Малороссия (Украина), 407
Мариупольский уезд, Екатеринославская губ. — 581
Марица, р. в Болгарии — 211, 212, 239
Медина, г. в Аравийском вилайете — 45
Медун, нас. пункт в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 450, 475
Мекка, г. в Аравийском вилайете — 45
Мелитопольский уезд, Таврическая губ. — 581
Метковиц, Метковичи, нас. пункт в Далмации, Австро-Венгрия (Метковичи, Югославия) — 46, 143
Метковичи см. Метковиц
Метохия см. Гацко
Мизия — 481
Минская губ. — 361
Мирдития, северная часть Албании — 606, 618
Млава, г. в Плоцкой губ. (Польша) — 620
Молдавия, Молдова, область на северо-востоке Румынии, — 192, 245, 247, 269, 299, 478, 569
Молдова см. Молдавия
Монастир см. Битоль
Монастирский вилайет см. Битольский вилайет
Морава, р., правый приток Дуная (Сербия) — 102, 209, 285, 287, 288, 334, 384, 387, 399, 407, 430, 435, 436, 529
Морача, р. в Черногории — 267, 543, 551, 626
Моршанск, уездный г. Тамбовской губ. — 310
Москва — 13, 137, 141, 145, 153, 159, 160, 181, 182, 205, 209, 210, 215, 216, 220,

- 222, 236, 244, 245, 260, 262, 269, 273, 276; 281, 284, 291, 297, 300—303, 327, 328, 331, 338, 339, 342, 348, 350, 351, 353, 354, 359—361, 362, 364, 365, 368, 377, 386, 409, 410, 414, 427, 432, 433, 440, 451, 457, 458, 468, 470, 479, 507, 511, 527, 528, 533, 565, 568, 583, 591, 595, 597, 638
- Москва-река — 364
- Московская губ. — 319, 365, 377
- Мостар. г., центр Мостарского санджака вилайета Босны (Югославия) — 19, 21—24, 31, 33, 39, 41, 46, 47, 65, 68, 103—106, 185, 198, 212, 213, 302, 305, 306
- Мостарский округ — 29, 31
- Мраморное море — 621, 622
- Муратовица, д. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 153
- Надеждинск, Надеждинский завод Верхне-Турского уезда Пермской губ. — 434
- Нарента см. Неретва
- Невесинский округ, кадилук — 19, 21, 22, 24, 29, 31
- Невесинье, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Невесине, Югославия) — 7, 19, 21—24, 31, 33, 39, 46, 49, 66, 68, 70, 104, 106, 305, 306, 539, 548
- Невинномысская станица и ж. д. станица Баталпаинского отдела Кубанской обл. — 433
- Неготин, г. в Сербии (Югославия) — 52, 53, 271, 568
- Неготинский округ — 188, 189, 455
- Негуши, нас. пункт в Черногории (Югославия) — 256
- Неретва, Нарента, р. в Боснии и Герцеговине — 39, 41, 136, 137, 264, 267
- Неричи см. Нерич-хан
- Нерич-хан, Неричи, нас. пункт в вилайете Босне — 454
- Нижегородская губ. — 361
- Нижнечирск см. Нижнечирская
- Нижнечирская, Нижнечирск, станица во 2-м Донском округе области войска Донского — 441
- Нижний Новгород, г. (Горький) — 380, 414
- Николаев, г. Херсонской губ. — 215, 236, 246, 249, 292, 310, 313, 315, 472, 473, 474
- Николаевская область (СССР) — 13
- Николаевский уезд — Самарская губ. — 168
- Никшич, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 24, 46, 65, 68, 81, 84, 153, 193, 195, 197, 198, 199, 200, 263, 266, 475, 476, 552, 618, 624—626, 637, 638
- Никшичская жупа — 553
- Ниш, г., центр Нишского санджака Дунайского вилайета (Югославия) — 51, 118, 318, 387, 418, 455, 529
- Нишский округ — 363
- Новая Градишка, г. в Хорватии, Австро-Венгрия (Нова Градишка, Югославия) — 215
- Новгород, г. — 454
- Новгородская губ. — 371
- Нови, нас. пункт в Бихачском санджаке вилайета Босны (Босански Нови, Югославия) — 183
- Нови-Базар см. Новый Базар
- Ново, с. в Терновском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 123, 251, 509
- Ново-базарский санджак, вилайет Босна — 103, 105
- Новогеоргиевск, г. Александрийского уезда Херсонской губ. — 627
- Ново-Мышастовская, станица в Темрюкском отделе Кубанской области — 428
- Новочеркасск, обл. г. Области Войска Донского — 338, 339, 348, 349, 355, 385, 414, 425—427, 441
- Новый, Каstellьново, г. в Боке Которской, Австро-Венгрия (Херцег-Нови, Югославия) — 143, 187
- Новый Базар, г., Центр Ново-базарского санджака вилайета Босны (Нови Пазар, Югославия) — 64, 67, 199, 200
- Новый Сад, г., центр Воеводины, Австро-Венгрия (Нови Сад, Югославия) — 9, 242, 588
- Обекремле, с. в Баянлукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
- Обориште, — нас. пункт в санджаке Филиппополь Адрианопольского вилайета (Болгария) — 205
- Одесса — 70, 71, 91, 143, 161, 162, 201, 215, 216, 228, 245, 247, 250, 251, 252, 276, 277, 299, 313, 323, 324, 331, 345, 353, 354, 378, 385, 392, 410, 424, 433, 440, 449, 452, 462, 465, 502, 590, 607
- Одесская область (СССР) — 13, 70, 119, 273, 364, 566
- Одрин см. Адрианополь
- Олимп, гора в Греции — 619
- Олтенец см. Ольтеница
- Ольвинополь, г. Елисаветградского уезда Херсонской губ. — 162
- Ольтеница, Олтенец, г. в Румынии (Олтеница) — 71, 522, 527, 596
- Оренбургская область (СССР) — 13
- Орел — 368, 414
- Орловско-Грязская ж. д. — 368
- Орловская губ. — 319
- Орша — 618
- Орта-Кьой — населенный пункт близ Константинополя (Ортакей, Турция) — 336
- Османская империя см. Турция
- Осойник, населенный пункт близ Дубровника в Далмации — 143
- Осиня, с. в Баянлукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
- Острог, уездный г. Волынской губ. — 563
- Острогжск, уездный г. Воронежской губ. — 359, 360
- Отлукей см. Панагюриште
- Отлуккой см. Панагюриште
- Отока, в Бихачском санджаке вилайета Босны — 183
- Оттоманская империя см. Турция
- Очаков г. в Одесском уезде Херсонской губ. — 405

- Павлов см. Павловск
- Павловск, г. Царскосельского уезда Петербургской губ. — 230, 231, 249
- Паланка см. Ак-Паланка
- Палестина — 231
- Панагюриште, Отлукей, Отлукиой, г. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 203, 205, 224, 232, 233, 238, 240
- Парачин, г. в Сербии — 289, 452
- Парпж — 9, 49, 112, 121, 182, 194, 250, 312, 327, 405, 458, 503, 510, 511
- Пенза, губ. г. — 357
- Пера, р-н Константинополя — 138, 139, 147, 148, 192, 195, 202, 203, 211, 212, 487, 495, 535, 544, 553, 554
- Персия (Ираи) — 262, 433
- Перушница, с. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 211, 212, 214, 220, 221, 224, 232, 234, 237, 251
- Петербург — 8, 33, 57, 58, 81, 89, 145, 146, 153, 161, 163, 164, 182, 186, 187, 190, 206, 219, 222, 223, 236, 237, 244, 246, 250, 260, 269, 273, 283, 289, 290, 300, 301, 307, 308, 318, 319, 322, 323, 327, 335, 351, 353, 363, 367, 373, 374, 379, 380, 382, 393—395, 410, 414, 415, 418, 423, 429, 431—433, 440, 442, 443, 449, 451, 453, 454, 456, 457, 517, 530, 544, 553, 565, 568, 571, 592, 605, 615, 623, 636
- Петербургская губ. — 319
- Петергоф, уездн. г. Петербургской губ. (Петродворец) — 35, 36, 273, 300, 310, 312, 315
- Петра св., монастырь на Олимпе — 619
- Петровско-Разумовское, нас. пункт и ж.-д. станция под Москвой (Тимирязевский р-н г. Москвы) — 365
- Петроград см. Петербург
- Петрозаводск, губ. г. Олонецкой губ. — 142
- Пешт (Будапешт) — 243
- Пива, область в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 24, 33, 46, 66, 104—107, 112, 136, 137, 184, 475, 476, 542, 551
- Пирот, г. в Нишском санджаке Дунайского вилайета (Югославия) — 455, 579
- Пискадер, г. в Битольском санджаке Салоникского вилайета (Писоцер, Греция) — 26
- Питешты, г. в Румынии — 160
- Плевещ см. Плевна
- Плевле, нас. пункт в Новопазарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 198
- Плевна, Плевен, г. в Русуцком санджаке Дунайского вилайета (Плевен, Болгария) — 560
- Пловдив см. Филиппополь
- Плоешти, г. в Румынии — 71, 259, 260, 332, 596, 621
- Плоцкая губ. (Польша) — 619, 620
- Подгорица, г. в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Титоград, Югославия) — 22, 25, 30, 32, 84, 146, 253
- Подкома, с. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 22, 23
- Пожаревац, г. в Сербии — 367
- Познань, г. в Германии (Польша) — 180
- Полтава, г. — 347
- Полтавская губ. — 328
- Польша — 369, 407, 430
- Поневежский уезд, Ковенская губ. — 270
- Попово Поле, к юго-востоку от Метковича, Мостарский санджак вилайета Босны (Югославия) — 70, 135, 136, 143, 217, 218, 540, 548
- Порта см. Турция
- Посавина, долина р. Савы — 103, 105
- Прага — 102, 225, 328, 329, 588, 589
- Пресска, форт близ Грабской крепости, Мостарский санджак, вилайета Босны (Югославия) — 135, 136
- Преслава, с. в Тульчинском санджаке Дунайского вилайета (Румыния) — 124, 125, 126
- Прибалканский край см. Болгария
- Придунайская Болгария см. Дунайский вилайет
- Приедор см. Прьедор
- Призрен, г., центр Призренского санджака Албанского вилайета (Югославия) — 64, 67
- Прилеп, г. в Битольском санджаке Салоникского вилайета (Югославия) — 25
- Пруссия — 34, 107, 271, 314, 318, 320, 520
- Прьедор, Приедор, г. Бихачского санджака вилайета Босны Приедор (Югославия) — 183
- Псков, г. — 316, 437, 468
- Псковская губ. — 437, 469
- Пука, г. в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Албания) — 606, 618
- Путивльский уезд, Курская губ. — 428
- Пьемонт, область в северо-западной Италии. До воссоединения Италии — самостоятельное государство — 57—59, 520
- Рагуза, г. в Далмации, Австро-Венгрия (Дубровник, Югославия) — 19—21, 33, 64, 66, 67, 68, 81, 88, 89, 91, 134—137, 141—143, 152, 166, 167, 171, 186, 187, 193, 195—197, 208, 219, 228, 253, 262, 265, 476, 543, 551
- Радзивиллов, ж.-д. станция, ж.-д. ветка Варшава—Сосновец — 462
- Ражан, нас. пункт в Сербии (Ражань, Югославия) — 454
- Разград, г. в Русуцком санджаке, Дунайского вилайета (Болгария) — 72
- Рамское, с. Бронницкого уезда Московской губ. — 377
- Рахово, г. в Видинском санджаке Дунайского вилайета (Оряхово, Болгария) — 115, 229, 230
- Раши, г. в Хорватии, Австро-Венгрия (Югославия) — 171
- Рашка, округ в южной Сербии (Югославия) — 199, 200
- Ргуд, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 25
- Река, в Черногории (Югославия) — 253
- Рига, губ. г. Лифляндской губ. — 289, 321

- Рим — 46, 327, 511, 620
 Рисано, г. в Боке Которской, Австро-Венгрия (Рисан, Югославия) — 254
 Рисовац, горы в Бихачском санджаке вилаета Босны — 183
 Ровно, нас. пункт и форт в Мостарском санджаке вилаета Босны (Югославия) — 135, 137
 Родопы — 205, 552
 Родосто, г. и санджак в Адрианополюском вилаете (Турция, Текирдаг) — 491, 498
 Рон, г. в Румынии — 72
 Рона, р. во Франции — 369
 Россия — 7—9, 11, 12, 16, 34, 37, 38, 43, 48, 49, 52, 54—64, 69, 70, 85, 86, 89, 93, 108, 111, 114, 117, 119, 121, 122, 132, 138, 145, 146, 149, 151—155, 157, 158, 162, 171, 172, 176, 180, 182, 183, 186—189, 191, 192, 199—201, 206—211, 215, 216, 223, 224, 226—228, 230, 231, 235, 237, 238, 240, 241, 244, 245, 247—249, 251, 252, 256, 261, 264, 266, 268, 270, 271, 273, 275—279, 284, 286, 288—290, 296, 299, 300, 302, 307—309, 311, 313, 314, 318, 319, 321, 322, 324, 326—329, 331, 332, 334—337, 344, 345, 348, 350, 353, 354, 356, 358, 361, 367, 368, 371, 372, 374, 375, 382, 385, 387, 388, 390, 392, 394, 395—397, 399—405, 407—410, 412, 415, 419, 420, 421, 426, 427, 429—431, 434, 435, 439—442, 444, 449, 450, 457—459, 461, 462, 464, 466—470, 473, 474, 477, 479, 482, 484, 486, 502, 503, 506—508, 510, 511, 514, 516, 520, 521, 523, 525, 527, 529, 532, 534, 536, 544—546, 550, 552, 553, 555, 556 558—562, 567—573, 578—589, 591, 592, 594, 595, 597, 600, 601, 605, 606, 608, 615, 616, 620, 621—625, 627—631, 638—641, 644
 Российская империя см. Россия
 Россия южная — 278, 449
 Ростов, окружной г. Области войска Донского (Ростов-на-Дону) — 410
 Ростовская область (СССР) — 13, 356
 Рудина, область в Черногории (Югославия) — 33, 553
 Румелия, турецкое название стран Балканского п-ва, захваченных турками. Восточная Румелия — часть Болгарии к югу от Балканского хребта — 10, 103, 105, 544, 552, 630, 631
 Румыния — 27, 50, 52, 72, 91, 94, 96, 108, 117, 123, 124, 128, 155, 161, 163, 165—167, 173—176, 179, 188—192, 201, 208, 210, 229, 230, 248—252, 257, 259, 269, 275, 282, 289, 292—296, 298, 299, 302, 315, 320, 321, 332, 345, 348, 349, 363, 372, 388, 390, 392, 393, 420, 421, 426, 427, 439, 440, 443, 449, 451, 456, 458, 461—463, 466, 475, 478, 479, 481, 483—485, 505, 519, 524—527, 556, 567, 569, 571, 578, 580, 582, 583, 595—601, 605, 614, 621, 623, 626—629, 636
 Русчук см. Русдук
 Русдук, Русдук, г., центр Русдукского санджака Дунайского вилаета (Русе, Болгария) — 50—52, 72, 87, 92, 96, 112, 114, 117, 123, 124, 127—129, 133, 134, 139, 148, 220, 221, 481, 492, 498, 503, 504, 508, 509, 519, 522, 527, 560, 612
 Русдукский пашалык — 375
 Русь см. Россия
 Рязанская губ. — 281, 343
 Саарбрюккен, г. в Германии — 319
 Салоники, Солунь, г., центр Салоникского вилаета (Греция) — 139, 217, 219, 233, 235, 521, 618, 619, 639, 640
 Самара (Куйбышев) — 351, 414
 Самарская губ. — 168
 Сапожковский уезд, Рязанская губ. — 281
 Сараево, Сераево, Босна-Сарай, г., центр Сараевского санджака вилаета Босны (Югославия) — 19, 21, 29, 31, 33, 102, 306, 541, 550, 558, 602, 607, 608
 Сараубей см. Септември
 Сарапульский уезд, Бятская губ. — 423
 Сардиния, о-в — 107, 639, 640
 Сарна, м. б. Сарна-Бей, с. в Русдукском санджаке Дунайского вилаета (Борисово, Болгария) — 115
 Саяни, дер. в Таврической губ. — 303
 Света Петка — 290
 Свиштов см. Систоно
 Севастопольская бухта, в Крыму — 440
 Северин см. Турно-Северин
 Северная Америка (США) — 341, 375, 408
 Селдиево, г. в Дунайском вилаете (Болгария) — 179
 Седло-Босния, Боснийский вилает (Югославия) — 460
 Семендрия см. Смедерево
 Сен-Жак д-Акр, крепость в Сирии — 124
 Сеница, г. Новопазарского санджака вилаета Босны (Сеница, Югославия) — 81, 84, 558
 Септември (Саранбей, Болгария) — 214
 Сербия — 11—14, 28, 31, 37, 39, 40, 42, 43, 45—47, 49, 51, 53—60, 63, 66, 67, 69, 72, 81—85, 91—93, 95—98, 100, 102, 105, 106, 108, 110, 112—114, 120—122, 124, 129—134, 138, 155—159, 161—167, 171, 174—176, 188—192, 197—200, 202, 203, 207—211, 221, 224—227, 230, 231, 237, 242—246, 248, 249, 251, 252, 257, 260—263, 265—269, 274, —276, 279—281, 283, 284, 286, 288, 290, 294, 295, 297, 298, 302—305, 307, 310, 312, 313, 315—319, 322, 323, 325, 327, 330, 333—335, 337, 338, 342, 344—346, 348—352, 354—361, 363—370, 372—374, 376, 378, 380—382, 384, 386, 387—389, 392—395, 397, 398, 402, 407, 410, 412, 414, 418, 419, 421, 425—429, 431—434, 436, 441, 444, 449, 450—453, 455—463, 466—469, 471, 472, 477—479, 481—483, 484, 505, 519, 520, 529, 530, 533, 534, 542, 550, 552, 556, 558, 559, 561, 562, 566, 567—573, 578—580, 583, 584, 586, 588, 589, 591, 593, 594, 596, 597, 598, 601, 608, 609, 611, 614, 615, 621, 623, 628, 631, 642
 Сербия австрийская (Воеводина, Югославия) — 161

- Сербия старая, Ново-базарский санджак (Югославия) — 137, 159, 168, 171, 182, 226, 282, 321, 387, 461, 481, 550, 590
- Сербское княжество см. Сербия
- Серес, г., центр Сересского санджака Салоникского вилайета (Серре, Греция) — 618
- Сибирь — 49, 111, 368, 435
- Силистрия, г. в Рущукском санджаке Дунайского вилайета (Силистра, Болгария) — 111
- Симбирск, г. (Ульяновск) — 370
- Симбирская губ. — 342
- Симферопольский уезд, Таврическая губ. — 485
- Сирия, вилайет — 124, 212, 213, 540, 549, 553
- Сясак, г. в Хорватии — 44
- Систов см. Систово
- Систово, Систов, Свиштов, г. в Рущукском санджаке Дунайского вилайета (Свиштов, Болгария) — 114, 560, 612
- Скадр см. Шкодра
- Скадрское озеро см. Скутарийское озеро
- Скопье, Искюб, Ускюпа, Ускюб, г., центр Искюбского санджака Албанского вилайета (Скопье, Югославия) — 26, 491, 498
- Скопийский уезд см. Ускюбская каза
- Скутари см. Шкодра
- Скутарийское озеро (Шкодер) — 146, 475
- Славония, восточная часть Хорватии в междуречье Савы и Дравы, Австро-Венгрия (Югославия), 103, 105, 107, 171
- Слани, Слано, г. в Далмации, Австро-Венгрия (Слано, Югославия) — 143
- Слатина, г. в южной Румынии — 71, 332, 596, 599
- Сливен см. Сливно
- Сливенский санджак, округ — 72, 489, 491, 496, 498
- Сливно, Сливен, г., центр Сливенского санджака Адрианопольского вилайета (Сливен, Болгария) — 72, 114, 118, 126, 179, 224, 232, 234, 612
- Смедерево, Семендрия, г. в Сербии (Югославия) — 372, 452
- Смоленск, губ. г. — 590
- Смоленская ж. д. — 364
- Соединенные Штаты Америки, Америка, Северная Америка, — 45, 436, 452, 487
- Солунь см. Салоники.
- Софийский вилайет, Софийский санджак Дунайского вилайета (Болгария) — 489, 491, 496, 498
- Софийский округ — 224
- София, г., центр Софийского санджака — 9, 10, 52, 91, 177, 238, 396, 466, 472, 491, 492, 498, 518, 529, 553, 620, 644
- Спица — см. Спич.
- Спич, Спица, залив Адриатического моря в Далмации, Австро-Венгрия (Спич, Югославия) — 267, 543, 551, 626
- Сплит — 44
- Служ, турецкая крепость и нас. пункт в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 253, 267, 552, 626
- Ставропольская губ. — 311, 352
- Ставропольский край (СССР) — 13, 311, 353
- Стара Загора см. Эски-Загра
- Стара Планина см. Балканские горы
- Стари Майдан см. Майдан Стари
- Столац, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны — 19—23, 25, 29, 31, 32, 46, 65, 68, 135, 136, 185, 198, 306
- Столацкий кадилук, округ — 19, 21, 22, 24, 25, 29, 184
- Столацкий срез — 25
- Стрелча, с. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Болгария) — 225
- Сутомор — 267
- Суторина, область Мостарского санджака вилайета Босны (Югославия) — 192, 194, 195, 197, 199, 200, 206, 208, 267, 475
- Сызрань, уездн. г. Симбирской губ. — 342
- Таврическая губ. — 303, 581
- Таганрог, окружной г. Области войска Донского — 410
- Тамбовская губ. — 296, 507
- Тара, р. в Черногории, правый приток Дрины — 136, 137
- Татар-Базарджик, г. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Пазарджик, Болгария) — 202—205, 217, 218, 220, 221, 238, 240, 241, 509
- Татар-Базарджикский (Пазарджикский) округ — 224, 375, 602, 603, 604, 605
- Тахта-кале — 239, 240
- Ташкент, обл. г. Сыр-Дарьинской области — 225
- Темешвар, г. в Трансильвании, Австро-Венгрия (Тимишоара, Румыния) — 354
- Темрюкский уезд, Кубанская область — 428
- Терново см. Тырново
- Тешаньский округ, Баньялукской санджак вилайета Босны (Югославия) — 607, 608.
- Тигр, р. — 129
- Тимок, р. в Сербии, правый приток Дуная, — 285, 290, 529
- Тифлисская губ. — 361
- Травник, г., центр Травникского санджака вилайета Босны (Югославия) — 306, 602, 608
- Травникский санджак — 608
- Тракия см. Фракия
- Требинье, г. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 22, 23, 29, 32, 46, 66, 68, 70, 135—137, 198, 306
- Требиньский округ — 23, 29, 31
- Триест, порт на Адриатическом море, Австро-Венгрия (Италия) — 143—145, 153, 198, 207, 219
- Троице-Сергиева лавра, монастырь в Дмитровском уезде Московской губ. — 361
- Троицы св., монастырь у Пискадера (Греция) — 26
- Троян — 114
- Трояновы Ворота, проход на Балканах (Болгария) — 211, 212

- Трубетчино, с. Лебедянского уезда Тамбовский губ. — 245
- Трусика, с. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 22
- Тула — 301, 310
- Тульская губ. — 319
- Тулча, г., центр Тульчинского санджака Дунайского вилайета (Тулча, Румыния) — 305, 560, 562, 563, 612, 617, 618
- Тулчинский вилайет, провинция, округ — согласно Военно-статистическому сборнику от 1868 г. в Турецкой империи имелся Дунайский вилайет, в состав которого входил Тульчинский санджак — 562, 563, 593, 617
- Турин, г. в Италии — 327
- Турно-Северин, Турну-Северин, г. в Румынии — 72, 297, 305, 330, 358, 385, 444, 471, 478, 538, 568, 597, 598, 599, 601
- Турну, Турну-Магурели, Турну-Мугурели, г. в Румынии (Турну-Магуреле) — 71, 86, 87, 110, 126, 229, 230, 332, 596, 599
- Турну-Магурели см. Турну
- Турну-Мугурели см. Турну
- Турно-Северин см. Турно-Северин
- Турецкая империя см. Турция
- Турция — 7, 8, 11, 12, 14, 16, 19—22, 25, 26, 28, 31—35, 37—48, 53, 56—58, 60, 61, 63, 64, 67, 70, 72, 83, 91, 93, 97, 100—102, 110, 113, 119, 121, 122, 127, 130, 133, 154, 159, 160, 164, 165, 172—179, 181, 183, 184, 187—189, 191—197, 199, 200, 202—204, 207, 208, 210—214, 218, 219, 223—227, 229, 230, 232—235, 237—242, 249, 250, 253, 256, 261—296, 301, 307—309, 311, 313, 321, 323, 325—328, 334, 337, 344, 355, 361, 365, 366, 371, 375, 377, 381, 387—389, 394—398, 401, 412, 416, 418, 421, 426, 437—440, 444, 450, 457, 459—465, 466, 467, 470, 475, 477—482, 486, 489—494, 496—503, 506—508, 510, 511, 515, 519, 520, 521, 524, 530, 531, 534, 536, 538—545, 547—553, 557, 558, 560—562, 566, 568—570, 573, 579, 583, 594, 595, 605, 606, 608—616, 619—626, 628—633, 637, 638, 642
- Турция азиатская — 420, 438
- Турция европейская — 45, 51, 89, 127, 211, 438, 515, 516, 520, 544, 552
- Тушина — область в Черногории (Югославия) — 558
- Тырговиште, г. в Румынии — 72, 332
- Тырново, Терново, г., центр Терновского санджака Дунайского вилайета (Тырново, Болгария) — 92, 96, 108, 109, 116, 117, 123, 128, 220, 221, 390, 503, 504, 560, 612
- Тырновский санджак, округ — 72, 224, 337, 481
- Украинская ССР — 13
- Унгены, ж.-д. станция и населенный пункт на русско-румынской границе — 268, 449, 452, 471, 565, 592, 593, 626, 631
- Урал — 48, 49
- Ускоке, область в Черногории (Югославия) — 553
- Ускюб, Ускопа см. Скопье
- Ускюбская каза, Скопийский уезд, в Ускюбском санджаке Албанского вилайета — 25, 26
- Ускюбский, Ускобский санджак, Албанский вилайет (Скопийский) — 26
- Усть-Медведицкий округ, область войска Донского — 441
- Утов, нас. пункт в Битольском санджаке Салоникского вилайета (Югославия) — 306
- Фессалия, область в центральной Греции, вилайет Янина — 639, 640
- Филибе см. Филиппополь
- Филиппополь, Филибе, Пловдив, г., центр Филиппопольского санджака Адрианопольского вилайета (Пловдив, Болгария) — 91, 139, 147, 148, 202, 204, 211—214, 217, 218, 221, 231, 233, 235, 236, 238, 239—241, 250, 339, 341, 356, 357, 374, 383, 391, 491, 498, 509, 541, 550, 560, 577
- Филиппопольский санджак, округ — 222—224, 337, 375, 484, 489, 496
- Финляндия — 506, 508
- Фирза — 606
- Фиуме, г. в Хорватии Австро-Венгрия (Риека, Югославия), — 145, 263, 264, 265, 266
- Флоринский уезд, каза, Битольский санджак Салоникского вилайета (Греция) — 26
- Фокшаны, г. в Румынии — 627
- Фоча, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 136, 137, 198
- Фракия, область на Балканском п-ве (Греция и Турция) — 91, 251, 383, 384, 481, 557, 639, 640
- Франция — 24, 44, 59, 69, 107, 113, 120—122, 150, 194, 196, 209, 309, 327, 341, 395, 406, 470, 477, 534, 541, 546, 550, 553, 560
- Харьков, г. — 347
- Харьковская губ. — 280, 319
- Херсонская губ. — 162
- Хорватия — 44, 54, 56, 81, 83, 84, 103, 105, 107, 153, 187
- Хорватская Костайница см. Костайница
- Царское Село, уездный г. Петербургской губ. (Пушкин) — 319, 333, 334
- Цариград см. Константинополь
- Цетинье, столица Черногории (Цетине, Югославия) — 12, 14, 24, 27, 30, 33, 66, 69, 81, 82, 84, 91, 142, 145, 146, 153—155, 157—159, 163—165, 174, 186, 187, 197, 200, 253—256, 261, 267, 276, 306, 449, 475, 476, 533, 534, 589, 591, 592, 609, 625
- Цивна, р. в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Югославия) — 475

- Червена вода, с. в Рущукском санджаке Дунайского вилайета (Болгария) — 115, 116, 123, 128
- Черниговская губ. — 311
- Черногория — 11, 12, 14, 19—25, 28—37, 39, 42, 46,—48, 51, 61, 63—70, 81, 83—85, 91, 93, 95, 104—106, 112—, 114, 122, 124, 133, 134, 138, 142—146, 149, 151—159, 162—165, 171—175, 186, 187, 193, 195, 197, 206—208, 210, 219, 220, 225, 231, 237, 242, 243, 245, 251—253, 256, 258, 261—267, 276, 280, 282, 308, 327, 334, 344, 356, 369, 373, 374, 387, 393, 394, 402, 415, 417, 418, 449, 450, 460, 461, 469, 475—477, 533, 534, 542, 550—553, 556, 563—567, 569, 589, 606, 607, 609, 615, 618, 619, 622, 624, 625, 626, 628, 635—638
- Черное море — 421
- Черноморское побережье — 323
- Чехия — 328, 369
- Чечево, с. в Баньялукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
- Чикаго, г. в США — 369
- Чичево, дер. в Мостарском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 135, 137
- Чудов Монастырь, в Москве — 361
- Шавельский уезд, Ковенская губ. — 270
- Шавли, г. в Ковенской губ. (Шауляй) — 270
- Шавница, нас. пункт в Мостарском санджаке вилайета Босны (Шавник, Югославия) — 142
- Шаранца уезд, часть территории Дробняка в Мостарском санджаке вилайета Босны (Шаранци, Югославия) — 33, 146, 542, 551
- Швейцария — 262, 286, 288, 590
- Шипкинский перевал — 114
- Шкодра, Скутари, г. в Скутарийском санджаке Албанского вилайета (Шкодер, Албания) — 33, 212, 213, 184, 606, 618
- Шнеготинья Верхняя, с. в Баньялукском санджаке вилайета Босны (Югославия) — 608
- Шнеготинья Нижняя — 608
- Штибский, Штипский уезд, Искюбский санджак Албанского вилайета (Югославия) — 26
- Шуйский уезд, Владимирская губ. — 573
- Шумла, г. в Рущукском санджаке Дунайского вилайета (Коларовоград, Болгария) — 51, 72, 96, 114, 116, 123—126, 128, 139, 140, 560, 612
- Эгейское море — 552, 639, 640
- Эмс, р. и г. в северо-западной Германии — 212, 213, 218, 219, 237
- Эпир, область вилайета Янина (Греция) — 639, 640
- Эрзерум, г., центр вилайета Эрзерум (Эрзурум, Турция) — 241, 247, 439, 621, 622
- Эски-Загра, Старая Загора, Загора, г. в Филиппопольском санджаке Адрианопольского вилайета (Старая Загора, Болгария) — 72, 90, 110, 118, 127, 129, 139, 147, 148, 448
- Югенгейм, нас. пункт в южной Германии к западу от Рейна — 243
- Ялта, уездный г. Таврической губ. — 444, 556
- Ямбол, г. Сливенского санджака Адрианопольского вилайета (Болгария) — 224, 232—235, 237, 630, 631
- Ярославская губ. — 485, 486
- Ясеновац, г. в Хорватии, Австро-Венгрия (Югославия) — 44
- Ясы, г. в северной Румынии — 297, 312, 471, 568, 600

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Документы	17
1875г. (№1—77)	19
1876г. (№78—400)	171
1877г. (№401—460)	577

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Турецкие термины и слова	647
Список литературы, использованной в примечаниях к документам	649
Список фондов, использованных в первом томе сборника	652
Перечень документов	654
Указатель имен	673
Указатель географических названий	702

**Освобождение Болгарии от турецкого ига,
т. I**

**Освободительная борьба южных славян
в 1875—1876 гг. и Россия**

*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *В. Д. Конобеев*
Технический редактор *Е. В. Макули*

*

РИСО № 76-10Р. Сдано в набор 4/II 1961 г. Подписано
в печ. 18/V 1961 г. Печатных л. 44,75=61,27 усл. печ. л.
Учетн.-издат. л. 61,3. Изд. № 4950. Тип. зак. № 54.

Тираж 1800.
Цена 3 р. 28 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-ая типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
12	2 св.	ивижению	движению
27	8 св.	с настоящего	с настоящего
27	13 св.	тво ите	твоите
27	14 св.	човеци	човеци
31	1 сн.	плен	член
97	8 св.	ouvert	ouvert
98	22 св.	attitude	al'attitude
119	16 сн.	Гаруецкий	Гардецкий
130	3 сн.	Гердеговине	Герцеговине
166	32 св.	lorsq'ils	lorsu'ils
209	17 св.	ввиду *	ввиду
210	25 сн.	2 1	2, 1
223	3 сн.	Халил-Териф-паша	Халил-Шериф-паша
237	1 сн.	Мехмед-Рушди	Мехмед-Рашид
306	26 сн.	наотрез, тказали	наотрез отказали
418	21 сн.	Болгарии	Болгарию
460	7 сн.	П. П. Голенищев-Кутузов	П. А. Голенищев-Кутузов
492	21, 23 сн.	moivins	moavins
588	15 св.	частным	частым
681		Дрейч	Дреч
692	кол. спр. 14 св.	—1991	—1891
694	кол. спр. 24 св.	1094	1904
708		Крондштадт	Кронштадт
716	4 св.	1876	1877

Освобождение Болгарии от турецкого ига

Ср. 287

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР

ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ
ОТ
ТУРЕЦКОГО
ИГА

